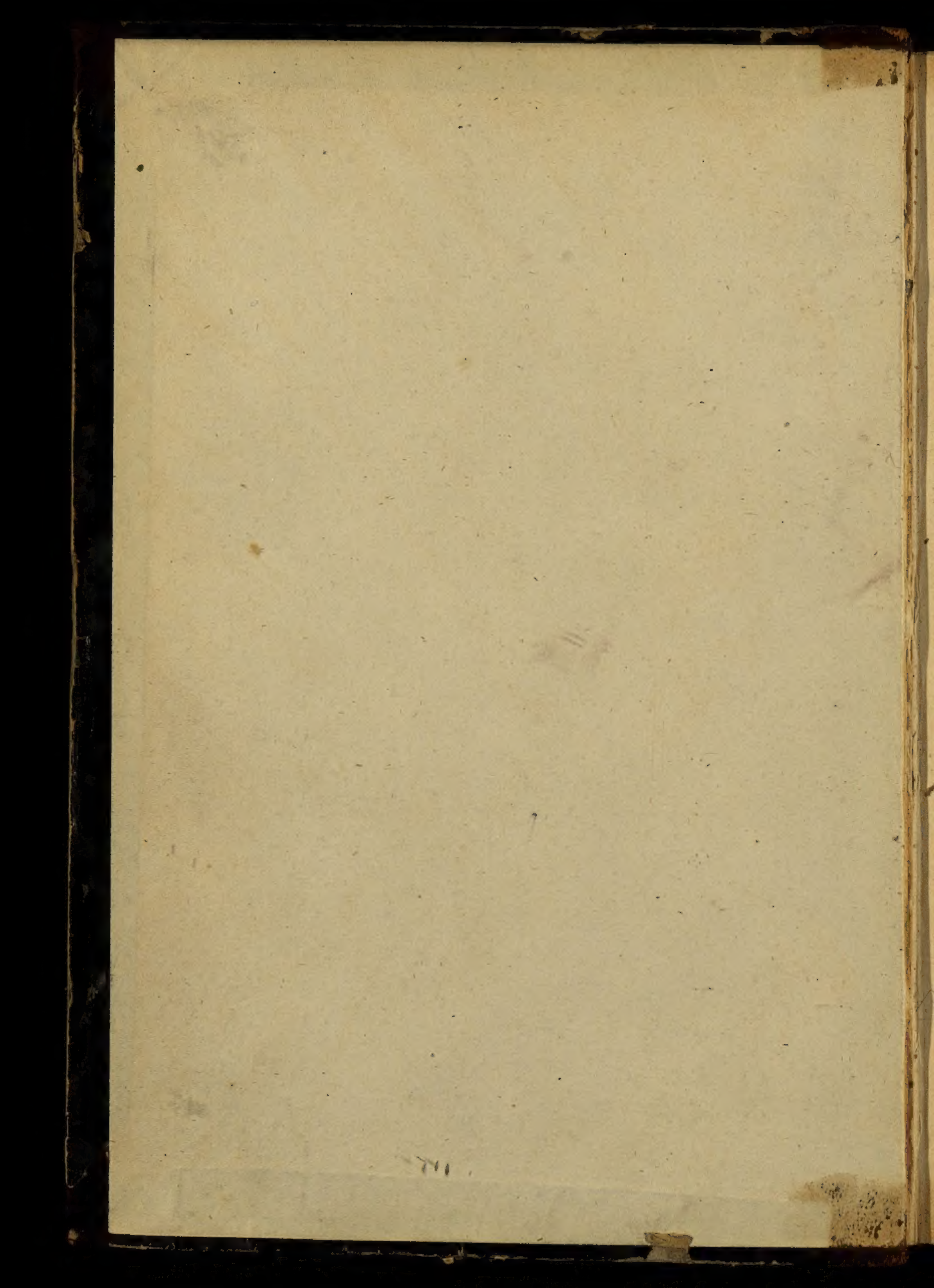




И. И. Дитятинъ.

СТАТЬИ

по

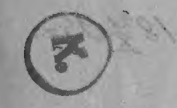
ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА.

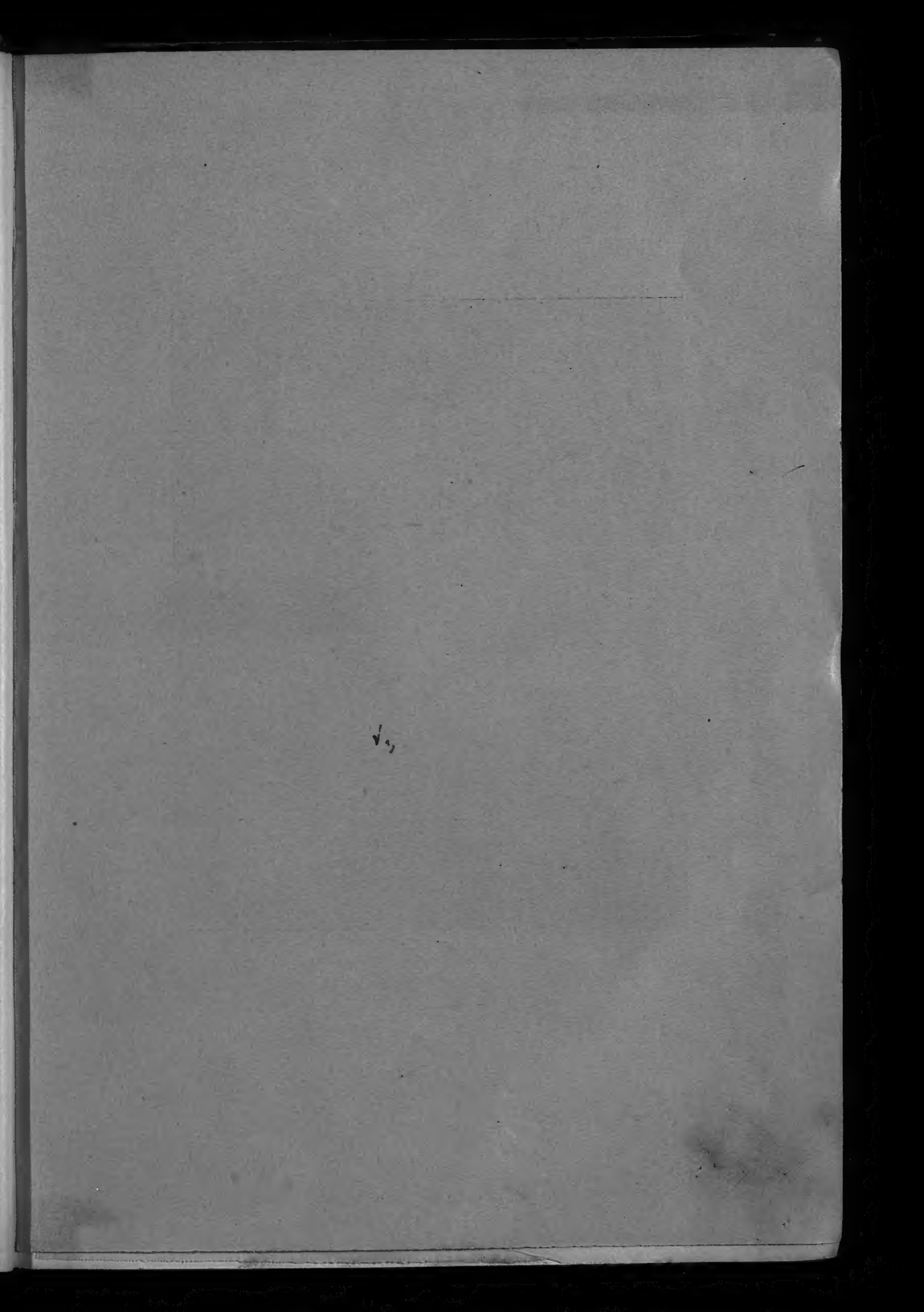
I. Русскій дореформенный городъ. II. Наши города за первыя три четверти настоящаго столѣтія. III. Къ исторіи „жалованныхъ грамотъ“ дворянству и городамъ 1785 года. IV. Къ исторіи городового положенія 1870 года. V. Наше городское самоуправленіе. VI. Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи московскаго государства. VII. Очеркъ исторіи цеховъ въ западной Европѣ. VIII. Екатерининская коммиссія 1767 года „О сочиненіи проэкта новаго уложенія“. IX. Изъ исторіи мѣстнаго управленія. X. Царскій кабакъ Московскаго государства. XI. Когда и почему возникла рознь въ Россіи между „командующими классами“ и „народомъ“. XII. Верховная власть въ Россіи XVIII столѣтія.

Чистый доходъ отъ изданія предназначается на сооруженіе памятника надъ могилой И. И. Дитятина и на благотворительныя цѣли его имени.

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая скоропечатня А. Пороховщикова, Гороховая, д. № 12.
1895.







ТИП. А. ПОРОХОВЩИКОВА.

Иванъ Ивановичъ Дитятинъ родился въ С.-Петербургѣ въ 1847 году. Отецъ его былъ мѣщанинъ города Воротынска, Калужской губерніи, содержатель каретнаго извоза въ Петербургѣ. Иванъ Ивановичъ сперва обучался въ приходскомъ училищѣ, затѣмъ поступилъ въ седьмую С.-Петербургскую гимназію, въ которой и окончилъ курсъ въ 1866 г. Въ томъ же году онъ поступилъ въ СПБ. университетъ на юридическій факультетъ, въ 1870 году окончилъ курсъ со степенью кандидата и оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Въ 1875 г. Иванъ Ивановичъ напечаталъ диссертацію „Устройство и управленіе городовъ Россіи. Города Россіи въ XVIII столѣтіи". По полученіи степени магистра государственнаго права въ СПБ. университетѣ, онъ былъ назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора исторіи русскаго права въ Демидовскій юридическій лицей въ Ярославлѣ въ томъ же 1875 году. Въ 1877 году имъ представлена и защищена въ петербургскомъ университетѣ докторская диссертація „Городское самоуправленіе въ Россіи до 1870 года", а въ слѣдующемъ 1878 г. онъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ харьковскаго университета. Въ 1887 году Иванъ Ивановичъ по независящимъ отъ него обстоятельствамъ долженъ былъ оставить службу. Въ 1889 г. онъ снова назначается на службу въ дерптскій (нынѣ юрьевскій) университетъ профессоромъ государственнаго права. Въ 1891 году онъ по болѣзни вынужденъ былъ вторично выйти въ отставку, а 29 октября 1892 г. скончался въ г. Дерптѣ, гдѣ и похороненъ.

Предлагаемый томъ содержитъ статьи Ивана Ивановича, напечатанныя имъ въ разное время въ журналахъ „Юридическій Вѣстникъ". „Русская мысль". „Временникъ Демидовскаго лицея".

Русскій дореформенный городъ.

„Съ самаго перваго основанія общежительствъ познали всѣ народы пользы и выгоды, отъ устроенія городовъ проистекающія, не токмо для гражданъ тѣхъ городовъ, но и для окрестныхъ обитателей“.

Городовое Положеніе 1785 года, апрѣля 24.

I.

Внѣшнее благоустройство городовъ не теперь только стало предметомъ особенныхъ заботъ правительства. Ихъ стремятся вычистить и облагообразить, по меньшей мѣрѣ, съ начала прошлаго вѣка, когда Петръ, выбравшись изъ окна своей разсыпанной храмины и ознакомившись съ городами своихъ сосѣдей, плѣнился ихъ порядками. Энергичный царь принялся за созданіе города необыкновенно усердно. Онъ надѣялся создать городъ во всѣхъ отношеніяхъ, а, между прочимъ, и придать ему благообразную внѣшность такимъ простымъ способомъ, какъ безпрерывное изданіе самыхъ строгихъ, самыхъ требовательныхъ указовъ по различнымъ предметамъ городскаго благоустройства.

Мы знаемъ, что Петръ не мало уложилъ лихорадочной законодательной дѣятельности на устройство и управленіе городовъ, проявивъ эту дѣятельность еще въ послѣдніе годы XVII вѣка созданіемъ извѣстныхъ земскихъ избъ по городамъ и бурмистерской палаты въ Москвѣ и закончивъ ее въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія, не задолго до смерти, учрежденіемъ городскихъ магистратовъ. Не проходило, можно сказать, года этого почти неестественно-дѣятельнаго царствованія, чтобъ не было издано одного или нѣсколькихъ указовъ, касающихся такъ или иначе города или городскаго населенія. Если всмотришься сколько-нибудь внимательно въ содержаніе всѣхъ этихъ указовъ, нельзя будетъ не замѣтить, что по отношенію къ учрежденіямъ, ими устанавливаемымъ, они распадаются на двѣ категоріи: одни изъ нихъ устанавливаютъ учрежденія и органы *выборные*, учрежденія и органы самоуправленія, какъ думаютъ наши историки; другіе, наоборотъ, имѣютъ въ виду исключительно учрежденія и

органы правительственные; къ первой категоріи относятся всѣ указы и регламенты, трактующіе о земскихъ избахъ или ратушахъ съ бурмистерской палатой, городскихъ и главномъ магистратахъ, цехахъ, ратманахъ, бурмистрахъ и т. п. выборныхъ органахъ; ко второй категоріи нужно отнести всѣ указы, устанавливающіе и регулирующіе дѣятельность по отношенію къ городамъ такихъ правительственныхъ учрежденій и органовъ, какъ коллегіи, губернаторы, воеводы, коменданты и, начиная съ 1718 года, генералъ-полицеймейстеръ и полицеймейстеры.

При поверхностномъ знакомствѣ съ дѣломъ, особенно же имѣя въ виду толки нашихъ историковъ о городскомъ самоуправленіи, октроированномъ Петромъ, можно заключить, что собственно о городскомъ благоустройствѣ и управленіи говорятъ указы и регламенты первой категоріи, указы, регулирующіе учрежденія и органы выборные. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ.

Заимствуя у своихъ западныхъ сосѣдей многое по части администраціи вообще и городовъ въ частности, Петръ ничего не пересаживалъ въ этомъ отношеніи цѣликомъ, безъ разбора, какъ его обвиняютъ въ этомъ. Не только сущность, но и формы заимствованнаго измѣнялись, приспособляясь къ тѣмъ своеобразнымъ цѣлямъ, которыя ставились царемъ. Это положеніе съ особеннымъ успѣхомъ можетъ быть выяснено на предпринимавшихся Петромъ преобразованіяхъ городскаго управленія. Заимствуя въ данномъ случаѣ формы оттуда, гдѣ онѣ сжились съ самой сущностью содержанія, будучи порожденіемъ самой исторической жизни, Петръ отлично понималъ, что перенесеніе всего строя европейскаго городскаго управленія и насажденіе его на Руси совершенно немыслимо во всей его неприкосновенности потому, что бытовой строй русскаго города, а, главнымъ образомъ, самыя цѣли преобразователя шли въ разрѣзъ съ жизненными основами этого строя. Петру нужны были не самоуправляющіяся, автономичныя городскія общины, а такія выборныя учрежденія, которыя вѣдали бы не городъ, какъ таковой, какъ всю совокупность его населенія, а лишь извѣстную часть, занимающуюся торговлей, промыслами и принадлежащую къ тяглому, такъ называемому посадскому населенію. Это—во-первыхъ; а, во-вторыхъ, выборныя учрежденія и органы съ нѣмецкими названіями и самое это торгово-промышленное населеніе должны были вѣдать въ интересахъ исключительно государственныхъ, въ спеціальномъ значеніи этого слова: ихъ цѣлью было, главнымъ образомъ, вѣдать это населеніе по отношенію къ сборамъ государственныхъ доходовъ.

Таковы именно были цѣль и назначеніе земскихъ избъ съ бурмистрами и магистратовъ съ ратманами.

Первая реформа управленія посадскаго населенія—введеніе земскихъ избъ и бурмистерской палаты—вызвана, по словамъ самаго указа, вводившаго эти учрежденія, тѣмъ, что «во всякихъ промыслахъ чинятся убытки большіе и разоренье, а его *Великаго Государя* съ нихъ окладные многіе *доходы учинились въ доимокъ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы*». Земскимъ избамъ съ палатой и поставлена цѣль: устранить такое печальное явленіе, какъ недоборы въ государственныхъ доходахъ со всякаго рода промысловъ и торговли, ради каковой цѣли, прежде всего, новыя учрежденія

должны были охранить промышленниковъ отъ убытковъ и разоренія. Этихъ старыхъ, исконныхъ цѣлей московскаго государства Петръ и достигнуть думаетъ старыми же, исконными средствами—замѣной при сборахъ его великаго государя доходовъ приказныхъ, царскихъ слугъ, т. е. правительственныхъ органовъ, выборными отъ общества, на которыхъ Петръ, какъ и его предки, цари московскіе, надѣялся, что они не только не будутъ чинить всякимъ промысламъ убытковъ и разоренья, но и всячески будутъ радѣть «примноженію тѣхъ дѣлъ».

И такъ, *городъ* совершенно не причемъ при введеніи этихъ новыхъ учрежденій, которыя городскими можно назвать лишь по мѣсту ихъ нахожденія и дѣятельности; они, по характеру ихъ устройства, чисто сословныя, по характеру ихъ дѣятельности — чисто государственныя; они — «агенты правительства, понуждавшіе тяглецовъ къ исправному отбыванію государственнаго тягла», разлагавшіе это тягло между отдѣльными членами тяглой платежной единицы, чинившіе судъ и расправу между этими членами и т. п.

Вводившіеся около двадцати лѣтъ спустя магистраты по городамъ, въ замѣнъ избъ, имѣли цѣлью достиженіе въ сущности тѣхъ же задачъ. Земскіе бурмистры плохо сознавали интересы государства, которому должны были служить, а потому плохо стремились къ той цѣли, которая поставлена была имъ царемъ-реформаторомъ. Земскія избы съ ихъ бурмистрами, въ концѣ-концовъ, лишь легли новымъ тяжкимъ бременемъ на тяглыя общины, ихъ избиравшія. Не прошло шести лѣтъ, какъ оказалось, что «на Москвѣ и въ городахъ превеликое чинится въ сборахъ воровство... и премногая есть доимка» въ государевыхъ доходахъ; что «*едва не во всѣхъ городахъ* пожиточные во всяка города сборахъ угнетаютъ маломочныхъ» и т. д., и т. д.

Разъ увѣрившись въ непригодности новыхъ учрежденій, царь не задумывается тотчасъ же приняться за ихъ разрушеніе: параллельно съ карательными мѣрами противъ нерадѣнія и воровства, только что построенный механизмъ постепенно разбирается, его функціи сокращаются и видоизмѣняются, а, въ тоже время, обдумывается новая система городскаго управленія. Царь рѣшилъ «магистратовъ казенныхъ установить и добрыми регулами снабдить, учинивъ сіе, на основаніи рижскаго и ревельскаго регламентовъ, по всѣмъ городамъ». Можно ждать, что на этотъ разъ царь, такъ увлеченный сравнительнымъ благосостояніемъ западно-европейскаго города, его внѣшними порядкомъ и благоприличіемъ, рѣшившійся у себя ввести городское управленіе на основаніи рижскаго и ревельскаго «регламентовъ», не остановится передъ тѣмъ, чтобы регулируемый этимъ послѣднимъ строй городской администраціи перенести въ наши города, создавъ изъ нихъ автономичныя адмистративныя единицы и возложивъ на нихъ заботы о собственномъ благоустройствѣ. Но это можно подумать лишь на основаніи приведенныхъ словъ царя, сказанныхъ имъ въ отвѣтъ на «меморіалъ» иностранца Фина,—меморіалъ, представлявшій собой докладную записку объ устройствѣ городовъ Германіи. Если же обратиться,—не говоримъ, къ подлинному строю нашихъ городовъ по введеніи въ нихъ этихъ магистратовъ, а только къ различнымъ указамъ и регламентамъ, изданнымъ по поводу ихъ,—окажется, что и магистратамъ поставлено цѣлью, какъ смѣненнымъ ими земскимъ избамъ, «всего россійскаго купечества разсыпанную храмину паки собрать» и сдѣлать это

такъ, «чтобъ вездѣ изъ того простиралася настоящая *государственная польза*» [1]). А поэтому и магдебургское устройство городовъ могло быть и дѣйствительно было ничѣмъ инымъ, какъ государственно-административнымъ механизмомъ, созданнымъ для управленія, опять-таки, не городомъ, а извѣстной частью его населенія, торгово-промышленнымъ слоемъ его. По отношенію къ этому слою городскаго населенія, магистратъ являлся учрежденіемъ судебнымъ и административно-финансовымъ; въ качествѣ послѣдняго онъ долженъ былъ наблюдать какъ за раскладкою всякаго рода государственныхъ сборовъ и пошлинъ, коими облагать торгово-промышленное населеніе города, такъ и за сборомъ ихъ черезъ старостъ и старшинъ; на магистратъ же каждаго города возлагалась и обязанность наблюдать за правильнымъ отбываніемъ натуральныхъ государственныхъ повинностей, вродѣ, напр., такъ называемаго «постоя» и т. п. На магистратѣ же и заботы о *полнотѣ* городскихъ тяглыхъ торгово-промышленныхъ общинъ: онъ долженъ былъ заботиться, чтобы съ посада тяглецы не бѣжали, успѣвшихъ бѣжать—возвращать къ тяглу; слѣдить, чтобы никто изъ другихъ сословій не производилъ торговъ и промысловъ въ городѣ, что называется, безданно-безпошлинно, нарушая тѣмъ права торгово-промышленнаго сословія, нанося ему всякіе убытки и разоренія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и государству, которое неизбѣжно въ результатѣ такихъ нарушеній терпѣло бы всякіе недоборы.

Къ отправленію всѣхъ этихъ обязанностей городское населеніе или, вѣрнѣе, часть его, должно было поставлять опредѣленный и далеко не малочисленный контингентъ «выборныхъ людей», какъ засѣдавшихъ въ магистратской коллегіи, такъ и дѣйствовавшихъ въ качествѣ единоличныхъ исполнительныхъ органовъ ея: мѣщане-посадскіе и купцы должны были изъ собственной среды поставить къ отправленію этого тяжелаго государственнаго тягла людей наиболѣе состоятельныхъ въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи; они должны были, по выраженію регламента, «снабдить магистратскіе чины угодными и искусными персоны» изъ «первостатейныхъ и пожиточныхъ» гражданъ. Эти «искусныя персоны», превратившись въ бурмистровъ, ратмановъ, старостъ, немедленно превращались въ правительственныхъ чиновниковъ, вся дѣятельность которыхъ направлена была къ «исканію и споспѣшествованію пользы и благополучія государства».

Причемъ же городъ? Кто же заботится о его «благообразіи и опрятности», кто вѣдаетъ его, какъ совокупность всего населенія, въ его предѣлахъ обрѣтающагося, въ періодѣ этихъ лихорадочныхъ реформъ, быстрой смѣны однихъ учрежденій другими? Земскія избы никакимъ образомъ не вѣдали его въ этомъ смыслѣ; изъ того, что было сказано о магистратахъ до сихъ поръ, приходится заключить, что и эти учрежденія ни въ чемъ такомъ неповинны.

Правда, если обратиться къ регламенту, нами уже цитированному, то можно встрѣтить нѣчто такое, на основаніи чего, пожалуй, можно заключить, что магистратамъ же и ратушамъ (въ мелкихъ городахъ) порученъ и городъ относительно его «благообразія и опрятности». Во второй главѣ этого регламента, перечисляющей «главныя магистрата (главнаго—петербургскаго) дѣла»,—

[1]) „Регламентъ или уставъ главнаго магистрата". Пол. Собр. Зак., т. VI, № 3,708.

на главный магистратъ возлагается забота и о томъ, чтобы «во всѣхъ городахъ добрую полицію учредить»; а въ десятой главѣ того же регламента прямо уже трактуется «о полицейскихъ дѣлахъ»; здѣсь законодатель говоритъ: «ежели въ главномъ магистратѣ въ которыхъ городахъ усмотрятъ что *полезное ко установленію полиціи* или *добрыхъ* гражданскихъ *порядковъ къ поправленію*, и о томъ... надлежитъ новые уставы сочинить... со осмотрѣніемъ, чтобъ оные были *ко общенародной пользѣ*»; далѣе, въ четырнадцатой главѣ того же регламента—«о власти магистратской», на магистратъ возлагается обязанность «содержати въ своемъ смотрѣніи полицію», на которую Петръ смотрѣлъ какъ на «душу гражданства и фундаментальный подпоръ человѣческой удобности и безопасности». Отсюда, несомнѣнно, полиція въ широкомъ смыслѣ, какъ такъ называемая полиція безопасности и благосостоянія, возлагается на магистраты городовъ, особенно, если принять во вниманіе требованія регламента завести въ каждомъ городѣ хотя «малыя» школы, сиротскіе и смирительные дома, госпитали, ратуши, «недалеко отъ нихъ биржи». Но одно дѣло указы и регламенты, другое—жизнь. Если взять во вниманіе, что и сами магистраты, несмотря на всю энергію ихъ учредителя, открывались по городамъ крайне туго, что инструкція въ руководство имъ издана была не мало времени спустя послѣ указа объ ихъ учрежденіи; если, наконецъ, имѣть въ виду, что «установленіе полиціи» по городамъ, какъ мы видѣли, предоставлено было не городовымъ магистратамъ, а главному,—невольно являются подозрѣнія, насколько эти pia desideria царя о «фундаментальномъ подпорѣ человѣческой безопасности» перешли со страницъ регламента въ дѣйствительность. Подозрѣнія станутъ еще болѣе основательными, если принять во вниманіе, что, по требованію регламента, основанному на его высокомъ, уже намъ знакомомъ взглядѣ на полицію, сочиненіе «уставовъ» послѣдней не предоставлено исключительному вѣдѣнію и главнаго магистрата; онъ долженъ былъ представлять ихъ «для аппробаціи въ сенатѣ»; а до этого онъ еще долженъ «съ коллегіями сноситься» и совѣтовать при составленіи проекта полиціи въ томъ или другомъ городѣ, «дабы въ такомъ важномъ и благопотребномъ дѣлѣ съ осторожностію поступать, дабы... какія противныя и вредительныя дѣйства не произошли или вмѣсто чаемаго исправленія города граждане въ тщетной убытокъ и разореніе не пришли»... Царь за всѣмъ услѣдить самъ не могъ; а предоставленный самому себѣ магистратъ и не думалъ приниматься даже за составленіе проектовъ, требовавшихъ такъ много времени и труда, да еще не одной магистратской коллегіи; прошелъ годъ, какъ открытъ былъ главный магистратъ, которому поручено было открывать по городамъ магистраты и выдавать имъ въ руководство уставы и «регулы», а ни о томъ, ни о другомъ ни слуху, ни духу. «Понеже давно имѣется,—говоритъ Петръ,—указъ и регламентъ о исправленіи дѣла, вамъ врученнаго, а именно о учиненіи перво магистрата правильнаго... въ Петербургѣ въ примѣръ другимъ городамъ, а потомъ въ Москвѣ и такъ въ прочихъ; *но по се время* (годъ спустя) *никако успѣху не дѣлается*». Царь предписываетъ немедленно учинить не только магистратъ «здѣшняго города» (Петербурга), но и «*о всей полиціи* каждаго чина съ ихъ должностью» [1]). Но царь уже мало надѣялся на

[1]) Указъ отъ 16 декабря 1720 г. Полн. Собр. Зак., т. VI, № 3,690.

силу простыхъ указовъ и предписаній; онъ грозитъ тяжкимъ наказаніемъ президенту главнаго магистрата за неисполненіе возложенной на него задачи: «ежели въ Петербургѣ сихъ дѣлъ (т.-е. магистрата) не учините *въ пять мѣсяцевъ или въ полгода,* то ты (президентъ князь Трубецкой) и товарищъ твой... будете въ работу каторжную посланы».

Плохо дѣло, если дошло до такихъ страшныхъ угрозъ, которыя, притомъ, плохо помогаютъ: если въ Петербургѣ магистратъ имѣетъ появиться лишь черезъ полтора года послѣ указа объ учрежденіи ихъ, что же въ остальныхъ городахъ? Тамъ они стали открываться года четыре спустя. Несомнѣнно, что при жизни Петра въ очень многихъ городахъ магистраты и вовсе не успѣли открыться. При этомъ не забудемъ, что одно дѣло открыть учрежденіе, другое дѣло заставить его дѣйствовать; а если припомнимъ еще, что изъ дѣлъ, порученныхъ новымъ учрежденіямъ, на первомъ планѣ стояли, какъ мы видѣли, дѣла финансовыя, государственныя, то мы поймемъ, что́ должно было статься съ проектами полиціи въ городахъ и ихъ введеніемъ въ жизнь. Эта полиція, такъ широко понимаемая, какъ мы видѣли, царемъ, оставалась на бумагѣ какъ pia desideria [1]); и долго, очень долго, какъ увидимъ, *магистратской* полиціи пришлось оставаться таковою. Этому способствовало и то обстоятельство, что полицію эту, задуманную по образцу европейскихъ городовъ, русскіе должны были содержать, т. е. и самыхъ чиновъ полиціи, и всѣ эти биржи, школы, сиропитательные дома, госпитали и т. д., на собственный счетъ, или, какъ выражается Петръ, «земскимъ иждивеніемъ», «городскимъ тщаніемъ», «понеже въ другихъ государствахъ такія учрежденія не только въ большихъ, но и въ малыхъ городахъ обрѣтаются и имѣютъ первое свое начало отъ фундаціи земскаго начальства и подаянія людей» [2]). Одной этой причины, помимо всѣхъ выше нами указанныхъ, было вполнѣ достаточно, чтобы города остались не снабженными полиціей магистратской, биржами, школами, госпиталями; вѣдь самые магистраты созданы, между прочимъ, съ цѣлью охранить торгово-промышленное населеніе отъ «разоренія», констатированнаго Петромъ еще въ началѣ царствованія, а этой функціи своей, если даже и допустить ея возможность, магистраты исполнить не успѣли по очень простой причинѣ: за собственнымъ, чуть-ли не въ большинствѣ городовъ, отсутствіемъ.

А полиція нужна, «благообразіе и опрятность» необходимы; да и царь-реформаторъ не могъ мириться съ тѣмъ, чтобы разъ поставленная имъ цѣль была забыта. Потерпѣвъ неудачу съ магистратами, Петръ обращается къ иному пути, инымъ, давно извѣстнымъ и уже московскимъ государствомъ извѣданнымъ средствамъ. Онъ обратился къ внѣдренію «души гражданства» въ самое гражданство посредствомъ правительственныхъ органовъ, «которые и явились носителями этой души», поставивъ ее, такимъ образомъ, внѣ «тѣла», обокъ съ нимъ, какъ дѣятель вполнѣ самостоятельный, стоящій внѣ всякой живой связи съ гражданствомъ города, съ выборнымъ учрежденіемъ его—магистратомъ.

Спеціальные полицейскіе органы появились при Петрѣ не сразу; до ихъ

---

[1]) Примемъ во вниманіе еще, что самый регламентъ главному магистрату изданъ былъ лишь въ 1721 г., т. е. послѣ угрозы Петра каторжной работой его президенту.

[2]) Регл. главн. магистрату, гл. XX.

учрежденія полицію, почти исключительно въ смыслѣ полиціи безопасности, вѣдаютъ воеводы, а потомъ смѣнившіе ихъ губернаторы, оберъ-коменданты, ландраты и т. д. Дѣятельность воеводъ въ этомъ отношеніи опредѣлялась такъ называемыми наказами, которые они получали въ руководство при отъѣздѣ на мѣста службы; губернаторы, появившіеся въ 1708 г., получили приказаніе «примѣняться къ воеводскимъ наказамъ» [1]), составлявшимся и при Петрѣ тождественно съ воеводскими наказами XVII столѣтія. Съ начала XVIII ст., его первыхъ годовъ, начинаютъ появляться отдѣльные указы спеціально по вопросу о благообразіи и опрятности, если не городовъ вообще, то, по крайней мѣрѣ, Москвы; такъ, въ февралѣ 1709 года былъ изданъ указъ, предписывавшій «всякихъ чиновъ людямъ, которые живутъ на Москвѣ—въ Кремлѣ, въ Китаѣ, въ Бѣломъ, Земляномъ городахъ... чтобъ они съ дворовъ своихъ навозу и мертвечины и всякаго помету въ улицахъ и въ переулкахъ не метали» впредь, а уже выброшенное «очистили-бъ» и впредь нечистоты «возили-бъ за Земляной городъ отъ слободъ въ дальныя мѣста». Этимъ же указомъ предписывается охранять бревенчатую мостовую, «чтобъ бревнамъ кражи не было»; для надзора за исполненіемъ предписаннаго велѣно выбирать, отъ извѣстнаго числа дворовъ, десятскихъ. Зная вкусы москвичей, ихъ мирное сожительство съ грязью и нечистотами, Петръ въ этомъ же указѣ налагаетъ и суровыя наказанія за неисполненія требуемаго: «а буде очищать и мостовъ (мостовыхъ) беречь не станутъ... учинено будетъ наказаніе: за первый приводъ *бить батоги*, за другой —*бить батоги же да пени имать по пяти рублей;* за третій приводъ *бить кнутомъ* да *пени по десяти рублей*».

Несмотря на это, десятскіе не дѣйствовали; насколько строго слѣдили за исполненіемъ такого рода указовъ губернаторы, воеводы и оберъ-коменданты—не знаемъ, но можемъ лишь догадываться; несомнѣнно одно, что желаемые результаты не достигались: указы повторяются, снова требуютъ выбора десятскихъ, снова грозятъ штрафами; назначаютъ по образцу московскаго государства спеціальныхъ объѣзжихъ отъ гарнизона для (того) «осмотра», которые получаютъ свое содержаніе въ видѣ сбора съ каждаго воза усмотрѣнныхъ ими нечистотъ [2]).

Ничто не помогало. Губернаторы и воеводы, обязанные по общему для всѣхъ нихъ наказу или инструкціи, изданной въ 1719 году, «*все* въ городахъ въ надлежащемъ порядкѣ содержать», плохо блюли этотъ порядокъ; царь рѣшилъ создать новые органы и учрежденія, которыя вѣдали бы *полицію* исключительно, а, стало быть, чистоту и опрятность городовъ и ихъ благообразіе. Появились эти органы и учрежденія, что понятно само собою, въ Петербургѣ и Москвѣ.

Въ концѣ мая 1718 года издается указъ объ учрежденіи въ новомъ городѣ съ нѣмецкимъ названіемъ новой должности, занимающій которую имѣлъ вѣдать спеціально полицію въ широкомъ смыслѣ этого слова и носилъ длинное названіе генералъ-полицеймейстера, каковымъ назначенъ былъ генералъ *Дивіеръ*. Четыре года спустя, въ Москвѣ учреждена должность оберъ-полицеймейстера. Низ-

---

[1]) См. мое сочиненіе: *Устройство и управленіе городовъ Россіи,* т. I, стр. 191.
[2]) *Полн. Собр. Зак.*, т. IV, № 1,506.

шая полиція, находившаяся въ вѣдѣніи генералъ и оберъ-полицеймейстеровъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, состояла изъ выборныхъ отъ горожанъ старостъ, завѣдывавшихъ улицей, и десятскихъ—каждыми десятью домами, старосты и десятскіе, какъ выборные, ложатся старымъ и тяжкимъ тягломъ на низшее городское населеніе, несущее его уже издавна [1]). Московскій оберъ-полицеймейстеръ поставленъ былъ «въ депенденцію» отъ петербургскаго генералъ-полицеймейстера, а послѣдняго имѣется въ виду сдѣлать чѣмъ-то вродѣ министра полиціи, которому подчинена полиція всего государства, городская и земская. По городамъ постановлено учредить полицеймейстеровъ. Вотъ что вмѣняется въ обязанность генералъ и оберъ-полицеймейстерамъ относительно внѣшняго благоустройства столицы [2]): по отношенію къ Петербургу, прежде всего, предписывается «смотрѣть, дабы все строеніе было регулярно построено... печи, комели и трубы печныя были-бъ по указу, чтобъ сосѣдямъ отъ того какого бѣдства не учинилось... чтобъ улицы и переулки были ровны и изрядны, никакое бы строеніе за линію или изъ линіи не строилось»; дальше предписывается содержать всѣ улицы и переулки въ чистотѣ; «дабы проѣздъ былъ, шалашей по проѣзжимъ дорогамъ не строить», а за построенными на своихъ мѣстахъ слѣдить, чтобъ «здѣланы были хорошо и покрывались холстомъ, а рогожъ бы и иного тому подобнаго отнюдь не было, но было бы все чисто и хорошо» [3]); кромѣ этой, такъ сказать, строительной полиціи, на генералъ-полицеймейстера возлагается и полиція санитарная: онъ долженъ «смотрѣть», чтобъ «улицы и переулки, рынки, ряды и мосты» въ чистотѣ содержались; «а наипаче хранить, чтобъ берега рѣки и протоковъ были твердо укрѣплены... чтобъ на рѣку зимою соръ не возили, а лѣтомъ не бросали, также протоки и каналы соромъ не засыпали»; особенно же «опасно хранить» предписывалось, «чтобъ отнюдь нездороваго какого харчу не продавали» [4]). Наконецъ, на него же возложена и полиція нравовъ, очевидно, какъ осуществленіе общаго положенія, высказаннаго позже въ регламентѣ главному магистрату, какъ мы видѣли, что полиція «непорядочное и непотребное житіе отгоняетъ»; генералъ-полицеймейстеръ долженъ былъ заявлять о всѣхъ «подозрительныхъ домахъ — шинкахъ, зерни, картежной игрѣ и другихъ похабствахъ... и все велѣть досматривать, дабы всѣ таковыя мерзости, отъ чего всякое зло и лихо происходитъ, были ниспровергнуты» [5]). Инструкція московскому оберъ-полицеймейстеру по существу того же содержанія; разница лишь въ томъ, что она значительно разрослась сравнительно съ первой, развились ея основныя положенія, нами уже приведенныя. Въ той части инструкціи, которая ведетъ рѣчь о полиціи строительной, законодатель отдѣльно говоритъ о каменныхъ и деревянныхъ строеніяхъ, допуская тѣ и другія лишь въ извѣстныхъ частяхъ города; опредѣляется характеръ стройки, архитектура тѣхъ и другихъ; крыть приказывается жилыя строенія непремѣнно гонтомъ или черепицею; при этомъ каменныя зданія предписывается «буде мочно... смыкать въ одну стѣну»; для этого при постройкѣ зданія, не имѣющаго съ обѣихъ сторонъ

---

[1]) *Назв. сочиненіе*, стр. 317—319.
[2]) *Полн. Собр. Зак.*, т. V и VI, №№ 3,203 и 4,047.
[3]) № 3,203, пункты 1, 3 и 4.
[4]) *Тамъ-же*, пункты 6, 2 и 5,
[5]) *Тамъже*, п. 9.

сосѣдей, въ наружныхъ стѣнахъ предписывается «оставлять, выставливая изъ стѣнъ кирпичи впредь до смычки», дабы впослѣдствіи сосѣди «къ стѣнамъ его примкнуть стѣну своихъ палатъ свободно» могли; между каменными зданіями деревянныхъ заборовъ допускать не велѣно; при постройкѣ деревянныхъ домовъ опредѣляется способъ устройства потолковъ, заборовъ и т. п.; опредѣляется размѣръ печныхъ трубъ [1]); подробно описывается способъ устройства самыхъ печей; такъ называемыя черныя или курныя избы впредь строить не допускается, построенныя вопреки указу приказано «опредѣленнымъ офицерамъ, которые опредѣлены вѣдать, ломать» [2]). Переходя къ полиціи санитарной, инструкція, прежде всего, указываетъ, что по улицамъ первопрестольной «многій пометъ и мертвечина валяется по улицамъ» [3]); не смотря на знакомые намъ указы, изданные гораздо раньше, въ инструкціи еще и еще разъ грозятъ за свалку нечистотъ на улицы и рѣки, на этотъ разъ, снова батогами; торговцамъ хлѣбомъ и мясомъ подъ страхомъ наказанія предписывается не только торговать свѣжими и чистыми продуктами, но ставятся извѣстныя требованія относительно чистоты въ лавкахъ [4]) Полиція нравовъ, по инструкціи московской полиціи, идетъ дальше преслѣдованія «подозрительныхъ домовъ»: рекомендуется ловить «винныхъ бабъ и дѣвокъ... и отдавать по препорціи наружнаго дѣла на прядильные дворы и къ прочимъ мануфактурнымъ дѣламъ» [5]).

Нѣсколько времени спустя послѣ изданія московской инструкціи, появляется указъ объ освѣщеніи улицъ въ Петербургѣ, на что устанавливается спеціальный налогъ «на всѣхъ служащихъ въ государственной службѣ и получающихъ жалованья свыше двадцати рублей» [6]).

Къ концу царствованія императора Петра, такимъ образомъ, правительствомъ уже вполнѣ сознано значеніе полиціи вообще и для городовъ въ частности, сознано и, какъ мы видѣли, даже опредѣлено однимъ изъ законодательныхъ актовъ; мало того, это сознаніе внѣдряется въ умы городскаго населенія, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, указывается своимъ «тщаніемъ» или «иждивеніемъ» содѣйствовать улучшенію не только внѣшняго, но и внутренняго благообразія города; наконецъ, для *созданія и охраненія* этого благообразія созданы спеціальныя должности правительственныя. Кажется, все на лицо, чтобъ создать городъ благообразный и опрятный, съ чистыми улицами и переулками, приличной архитектуры зданіями, хоть бы сносными мостовой [7]) и освѣщеніемъ, тѣмъ болѣе, что тугое на пониманіе пользъ отъ всего этого городское населеніе не только призывается къ сознанію ихъ путемъ поученій о значеніи полиціи, но и угрозой, какъ мы видѣли, батогами, кнутомъ, пенями. И, однако, дѣло не такъ быстро двигается впередъ, какъ бы этого хотѣлось законодателю. Дѣло совсѣмъ, въ сущности, не двигалось впередъ.

---

[1]) № 4,047, пункты 1—7.
[2]) *Тамъ-же,* пп. 8, 9.
[3]) *Тамъ-же,* п. 20.
[4]) *Тамъ-же,* пп. 24 и 25.
[5]) *Тамъ-же,* п. 39. Къ полиціи нравовъ нужно отнести и полицейскую дѣятельность въ Петербургѣ относительно „ассамблей", которыя находились въ вѣдѣніи генералъ-полицеймейстера и опредѣлялись спеціальнымъ „пунктомъ". *Полн. Собр. Закон.,* т. V, № 3,246.
[6]) *Устройство и управленіе городовъ,* т. I, стр. 325.
[7]) Въ 1705 году рѣшено снабдить Петербургъ булыжной мостовой; для этого установленъ сборъ булыжникомъ и пескомъ съ крестьянъ. *Тамъ-же,* стр. 326.

Можно думать, что въ данномъ случаѣ виновата была излишняя сложность механизма, отдѣльныхъ частей его, раздѣленіе одного и того же дѣла между такими различными, повидимому, учрежденіями, какъ магистраты и полицеймейстеры, могущими стать въ такія отношенія, которыя могли тормозить дѣло. Но не будемъ забывать, что магистраты, въ силу своего положенія, не могли противодѣйствовать благотворной дѣятельности органовъ правительственной полиціи, во-первыхъ, по той простой причинѣ, что сами они вѣдали полицію, какъ мы видѣли, лишь на бумагѣ — въ инструкціяхъ и регламентахъ, а, вовторыхъ, еслибъ они и въ дѣйствительности были къ ней прикосновенны, то, все-таки, относительно правительственной городской полиціи не могли стоять ни въ какомъ иномъ положеніи, кромѣ подчиненнаго. Хотя, по регламенту, магистратъ въ качествѣ «главы и начальства всему, губернаторамъ и воеводамъ не долженъ быть подчиненъ въ томъ, что до градской экономіи касается», но по житейскимъ отношеніямъ онъ, а тѣмъ болѣе замѣнявшая его въ «малыхъ» городахъ ратуша, были въ полномъ подчиненіи у воеводъ и губернаторовъ.

Эти учрежденія и эти выборные люди не могли тормазить дѣятельности правительственныхъ органовъ въ сферѣ городской полиціи. Послѣднимъ представлялось широкое поле свободной дѣятельности въ данномъ направленіи при просвѣщенномъ и энергическомъ содѣйствіи законодателя. И, все-таки, Петръ передалъ своимъ преемникамъ не только города вообще, но даже столицы далеко не благоустроенными.

Едва сошелъ въ могилу царь-преобразователь, какъ оказалось, что «россійское купечество», о которомъ онъ столько хлопоталъ, «едва не совсѣмъ разорено», что посадскіе люди «не имѣютъ ни въ комъ охранителя и защитника». Понятно, въ какомъ состояніи, при такомъ положеніи его кореннаго населенія, долженъ былъ оказаться *городъ*. Верховный тайный совѣтъ рѣшилъ, въ видахъ возстановленія благосостоянія «россійскаго купечества» и охраненія посадскихъ, отдать въ городахъ все воеводѣ и губернатору: «всѣ дѣла исполнять воеводамъ подъ надзоромъ губернаторовъ» [1]); воеводы введены во всѣхъ городахъ, едва успѣвшіе появиться магистраты и ратуши постепенно видоизмѣняются, будучи, прежде всего, и *по закону* подчинены возстановленнымъ воеводамъ. Теперь города во всѣхъ отношеніяхъ вообще и въ полицейскомъ въ частности вѣдаются воеводами и губернаторами «чрезъ ратушу и бурмистровъ», которые по закону превращаются въ простые исполнительные органы воеводско-губернаторской власти.

Украшать и чистить городъ теперь было дѣломъ исключительно воеводы, губернатора. Просторъ дѣятельности начальникамъ губерній и провинціи предоставлялся въ этомъ направленіи широкій: никакихъ ограниченій и препятствій и полное содѣйствіе со стороны ратуши и ея членовъ, теперь и по закону обязанныхъ безпрекословно исполнять всѣ требованія «хозяина» города.

Однако, воевода старо-московскаго характера и губернаторъ, стоявшій надъ нимъ, очевидно, ничего не могли сдѣлать по занимающему насъ предмету. При преемникахъ Петра скоро подняли вопросъ о спеціальной полиціи. Въ 1732 г.

[1]) Назв. сочиненіе, т. I, стр. 328 и сл.

петербургскому генералъ-полицеймейстеру Салтыкову вручается «главная дирекція» надъ *всѣми* полиціями въ государствѣ, которымъ, разумѣется, поручено было все то, что онѣ должны были вѣдать по указамъ и инструкціямъ Петра по предмету благоустройства и опрятности города. И, однако, этой опрятности не существуетъ въ самой столицѣ, мѣстопребываніи императрицы и генералъ-полицеймейстера. Императрица Анна Ивановна сама жалуется, напр., на нерадивый надзоръ за тѣмъ, чтобъ по улицамъ города, и мало-мальски не бойкимъ, «мертвечина не валялась». Это въ Петербургѣ; что же въ другихъ городахъ? Въ концѣ 1732 года принцъ Гессенъ-Гомбургскій побывалъ въ Астрахани; возвратившись оттуда, онъ докладывалъ, что въ этомъ городѣ повсемѣстно господствуетъ «самый вредный и язвительный смрадъ» [1]). Нищенство, бродяжничество и т. п. такъ развились въ Москвѣ, что, по словамъ самой императрицы Анны Ивановны, сказаннымъ ею въ сенатѣ, «нищіе прямые, престарѣлые, дряхлые и весьма больные *безъ всякаго призрѣнія по улицамъ валяются»*; на требованія сената, требованія очень строгія, устранить указанныя императрицей явленія, московская полиція оказалась безсильной и просила содѣйствія у синода [2]). Здѣсь у мѣста будетъ указать на фактъ, что не задолго передъ этимъ *сенатъ самъ* вѣдалъ Москву по отношенію къ полиціи [3]).

По плану, составленному принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ, пораженнымъ вонючею и смрадною Астраханью, въ губернскихъ и провинціальныхъ городахъ введены были полицейскіе саперы изъ гарнизонъ-капитановъ и поручиковъ, но не надолго; скоро вернулись опять къ воеводамъ и губернаторамъ; полицеймейстеры были упразднены, и упразднены по очень уважительнымъ причинамъ: «если опредѣлить въ полицію, — говоритъ указъ, — офицеровъ и дворянъ, то *дорого будетъ для казны и обывателямъ отъ нихъ будутъ происходить обиды»*. Граждане «своимъ тщаніемъ» содержать полицію и устроить городъ не могутъ по очень простой причинѣ—они едва въ силахъ тянуть государственное тягло; правительство не можетъ сдѣлать того же потому, что *для казны дорого* и для горожанъ разорительно. Выходъ одинъ—изданіе сравнительно недорогихъ указовъ, инструкцій, предписаній, недорогихъ для казны, но едва ли вовсе не приносящихъ «обиды» горожанамъ.

Отселѣ вплоть почти до половины царствованія Екатерины II и идетъ рядъ указовъ, то создающихъ различныя полицейскія должности, то ихъ упраздняющихъ, то устанавливающихъ новыя комбинаціи старыхъ органовъ, а параллельно этимъ указамъ—рядъ другихъ, предъявляющихъ къ полицейскимъ органамъ городовъ самыя суровыя требованія по части внѣшняго благоустройства города.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны, славящейся возстановленіемъ петровскихъ мѣръ, сенатъ доноситъ, что «полиція имѣетъ весьма слабое и нерадѣтельное смотрѣніе», «что все порученное ей опущено»; перечисляя это *все* опущенное, сенатъ, между прочимъ, указываетъ, что «чистоты въ городѣ почти ника-

[1]) *Тамъ-же*, стр. 358.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 359.
[3]) *Тамъ-же*, стр. 357.

кой нѣтъ, мосты (мостовыя) починиваются очень слабо» [1]). Въ 1752 году императрица собирается посѣтить Москву. Надо было почистить Бѣлокаменную, показать ее императрицѣ съ казоваго конца, а этотъ-то конецъ показался чуть не наиболѣе неказистымъ. За дѣло принялся самъ сенатъ, вѣдавшій когда-то, какъ мы видѣли, московскую полицію; онъ теперь не довѣрялъ дѣятельности послѣдней, всюду «все опустившей». И не мало предстояло дѣла законодательному учрежденію: по докладу генералъ-прокурора, состоявшаго при сенатѣ, оказалось, что въ Китаѣ-городѣ, *близъ* Тріумфальныхъ воротъ пустыя лавки *въ иконномъ ряду завалены навозомъ* и грязью, которыя свозили туда съ улицъ; эти импровизированные склады нечистотъ издавали удушающее зловоніе; дальше даже въ самомъ Кремлѣ площадь передъ коллегіями затоплена была невылазною грязью, площадка у входовъ въ Грановитую Палату, Успенскій и Благовѣщенскій соборы завалена была цѣлыми горами всякой дряни—щепокъ, кирпичей, осколковъ колоколовъ и т. п., такъ что не было почти проходу [2]). Все это генералъ-прокуроръ, по его словамъ, видѣлъ самъ, своими глазами. Кремль превратился въ какой-то складъ нечистотъ. Не только въ переулкахъ, а посрединѣ большихъ и бойкихъ улицъ вырыты были колодцы, вѣроятно, съ патріархальными журавлями для доставанія воды изъ нихъ. Множество домовъ на этихъ же улицахъ крыты соломою [3]).

Сенатъ, готовя столицу къ пріему императрицы, обращается къ московской конторѣ съ требованіемъ произвести очистку города «самымъ дѣломъ, а не черезъ переписку».

II.

„Городничій долженствуетъ поощрять... всѣхъ людей, въ городѣ живущихъ, къ добронравію, человѣколюбію и порядочному житію".

Учрежденіе о губерніяхъ 1775 года, гл. XIX, ст. 274.

„...Не знавъ обстоятельствъ, каждому городу удобное положеніе сдѣлать нѣтъ возможности".

Наказъ Екатерины II, гл. XVII, § 339.

Если такова была Москва при императрицѣ Елизаветѣ, то едва ли что лучшее представлялъ собой и Петербургъ въ дни вступленія на престолъ императрицы Екатерины. Въ 1762 году издается на имя главнаго «директора надъ полиціями» указъ, предписывающій болѣе строгій надсмотръ надъ благонравіемъ и чистотой столицы, едва просуществовавшей полвѣка; императрица констатируетъ въ этомъ указѣ безобразное состояніе Петербурга, постояннаго пункта пребыванія двора: «безпокойствы проходящимъ и проѣзжающимъ чинятся не только по близости Петербурга, но и въ самой столицѣ... по улицамъ мертвыя

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XXI, стр. 198.
[2]) *Тамъ-же*, томъ XXIII, стр. 203, 205 и 206.
[3]) *Тамъ-же*, стр. 207.

тѣла находятся, а въ домахъ грабежи на подобіе разбоя» [1]). Императрицу смущала страшная разбросанность города, затруднявшая сообщенія, огромные пустыри даже въ центрѣ его, отсутствіе мостовыхъ и т. п. Вслѣдъ за коронаціей учреждена была коммиссія изъ генералъ-аншефа Чернышева, генералъ-поручика Бецкаго и вице-полковника лейбъ-кирасирскаго полка князя Дашкова для обсужденія вопроса объ устраненіи этой разбросанности и улучшеніи внѣшняго вида столицы вообще [2]). Но мы ничего не знаемъ о мѣрахъ, придуманныхъ къ устраненію зла названными лицами.

Императрица во время своего путешествія по Волгѣ имѣла возможность *воочію* убѣдиться въ нищенской обстановкѣ многихъ провинціальныхъ городовъ; одинъ изъ нихъ, Симбирскъ, она, въ письмѣ своемъ къ графу Панину, описываетъ такими мрачными красками: «городъ самый *скарядный* и дома всѣ—въ конфискаціи»; а каковы были эти «дома», видно изъ ея замѣчанія въ томъ же письмѣ: «не полезнѣе ли повернуть людямъ ихъ домы, нежели сіи *лучинки* имѣть въ странной собственности (правительства)» [3]). Стоитъ обратиться къ показаніямъ депутатовъ отъ торгово-промышленнаго населенія, съѣхавшихся въ Москву для засѣданій въ коммиссіи, о плачевномъ экономическомъ состояніи городовъ, чтобъ заключить объ ихъ внѣшнемъ благообразіи.

Если съ такимъ состояніемъ городовъ не мирился Петръ и даже его ближайшіе преемники, тѣмъ меньше могла помириться съ нимъ императрица Екатерина, издавшая столько указовъ о созданіи новыхъ городовъ и украшеніи старыхъ. Она вѣрила въ силу указовъ объ обновленіи и основаніи городовъ, созидала города, воздвигая на избранномъ мѣстѣ необходимыя правительственныя учрежденія и «уповая, что вѣрноподданные граждане, похвальнымъ радѣніемъ, доброю вѣрою въ торговлѣ, промыслахъ и ремеслахъ и поведеніемъ, соотвѣтствующимъ благому объ нихъ попеченію, будутъ способствовать возвышенію мѣстъ, ими населяемыхъ, въ цвѣтущемъ состояніи» [4]). Императрица такъ энергично дѣйствовала въ этомъ направленіи, что по прошествіи двадцати лѣтъ своего царствованія съ гордостью заявляла о созданіи ею въ теченіе этого короткаго времени *двѣсти шестнадцати* «повсюду воздвигнутыхъ» городовъ [5]).

Избирался какой-либо пунктъ мѣстнымъ администраторомъ, найденный имъ удобнымъ и необходимымъ или, напр., «для пользы водяной коммуникаціи», или въ интересахъ государства вообще; писалось объ этомъ въ Петербургъ, откуда шелъ на его имя указъ: «*повелѣваемъ* на семъ, избранномъ вами, мѣстѣ *градъ воздвигнуть*». И градъ воздвигался какимъ-нибудь спеціально для этого назначеннымъ «генералъ-майоромъ» при помощи и содѣйствіи «свѣдующаго въ *таковыхъ заведеніяхъ* (!) человѣка». Прежде всего, предписывалось «учредить судебныя мѣста, а, между тѣмъ, представить (въ Петербургъ) планъ какъ оному городу быть надлежитъ»; сразу опредѣлялось число соборовъ и церквей будущаго града, «мѣсто, гдѣ быть заведеніямъ къ лучшему основанію и распространенію

[1]) *Пол. Собр. Зак.*, № 11,712.
[2]) *Соловьевъ*: Исторія Россіи, т. XXV, стр. 167.
[3]) Мое названное сочиненіе, стр. 373—374.
[4]) Изъ *манифеста*, предпосланнаго „Городовому положенію“ 1785 года.
[5]) Такъ построенъ *Череповецъ* въ 1777 году; см. наше назв. сочинен., стр. 376, пр.

фабрикъ, ремеслъ и рукодѣлій къ ихъ выгодѣ и ободренію торговли». Городъ распланировывался по составу будущаго населенія, сообразно различнымъ классамъ котораго опредѣлялась, напр., ширина улицъ; проектируются фонтаны съ водопадами (?), каналы, плотины, госпитали, ботаническіе сады, а ужь кстати и число жителей этого города за годъ опредѣляется [1]); они, эти жители, «потекутъ во множествѣ съ избытками своими къ новоустроенному городу и... многіе, увидѣвъ *знаменитость будущаго города*, безъ сомнѣнія, возжелаютъ учиниться гражданами его, и вскорѣ берега Буга (рѣчь о городѣ Вознесенскѣ) узрятъ на себѣ многочисленныя селенія; вся сія страна оживлена будетъ и воспріемлетъ другой видъ» [2]). Такъ строили города посылавшіеся для того генералъ-майоры; а вотъ какъ строилъ ихъ великолѣпный Потемкинъ. «Я предпринялъ,—пишетъ онъ императрицѣ,—проектъ составить достойный высокому сего града (Екатеринославъ?) названію». По плану пылкаго строителя, въ городѣ будутъ: и «храмъ великолѣпный», и «судилище, на подобіе древнихъ базиликъ», и «лавки полукружіемъ, на подобіе пропилей», съ биржею и театромъ посерединѣ; фабрика суконная и шелковая; зданіе для губернатора «во вкусѣ греческихъ прелестныхъ зданій; университетъ купно съ академіею музыкальною» [3]). Разгулявшаяся фантазія строителя совсѣмъ забыла мудрое изреченіе своей владычицы, выписанное нами въ видѣ эпиграфа: «не знавъ обстоятельствъ, каждому городу удобное положеніе сдѣлать нѣтъ возможности».

На такихъ же широкихъ началахъ екатерининскіе орлы перестроивали и старые города. Такъ, напр., графъ Сиверсъ, пріѣхавъ въ одинъ изъ городовъ ввѣренной ему области, жалкій городишко Каргополь, только что истребленный почти до тла пожаромъ, предписываетъ строить дома вновь «на каменныхъ подвалахъ со сводами» [4]).

Столь блестяще создаваемые города и не менѣе блестяще обновляемые требовали заботъ, и не малыхъ, о поддержаніи ихъ въ этомъ блестящемъ состояніи. А для этого старыхъ, существующихъ учрежденій, вѣдающихъ городъ, уже недостаточно. Нужны дѣятели, которые съумѣли бы, если не созидать базилики, пропилеи, театры, биржи, фонтаны и госпитали, то, по крайней мѣрѣ, поддерживать ихъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и водворять «нравы» въ притекающихъ въ грады обитателяхъ.

Нужны «твердыя» и новыя положенія для городовъ, въ видѣ положеній о городахъ вообще и ихъ полиціи въ частности. Эти «твердыя положенія» Екатерина даетъ отчасти въ «Учрежденіи о губерніяхъ» 1775 года и «Городовомъ Положеніи», изданномъ въ 1785 году, а, главнымъ образомъ, въ «Уставѣ о благочиніи» 1782 года.

Еще въ *наказѣ* императрица Екатерина высказала свой взглядъ на городскую полицію; въ двадцать первой главѣ его она ставитъ такія цѣли или задачи этой полиціи: безопасность и твердость зданій, благолѣпіе и украшеніе го-

[1]) Все это можно найти въ планѣ проектируемаго города *Вознесенска. Пол. Собр. Зак.*, № 17,392; см. также назван. сочиненіе. [illegible]

[2]) *Тамъ-же.*

[3]) *Тамъ-же.*

[4]) *Тамъ-же*, стр. 377, прим. 4.

родовъ, содержаніе мостовой, извозъ, постоялые дворы, безвредность воздуха, чистота улицъ, рѣкъ, колодезей, освѣщеніе улицъ и, наконецъ, «цѣломудріе нравовъ», ради достиженія котораго полиція должна «прилагать тщаніе» о «благолѣпіи и порядкѣ» при богослуженіи, къ «истребленію роскоши, отвращенію пьянства, ко пресѣченію запрещенныхъ игръ», уничтоженію «общихъ бань или мылень» и т. п. [1]).

Для осуществленія всѣхъ этихъ цѣлей «Учрежденіемъ о губерніяхъ» и установлены по городамъ особыя учрежденія и должностныя лица. Въ Петербургѣ и Москвѣ остаются оберъ-полицеймейстеры, въ городахъ, гдѣ были гарнизоны, полицейскія функціи возлагаются на комендантовъ, а гдѣ таковыхъ не имѣется, учреждена новая должность городничаго [2]). Эти должности съ состоящими при нихъ «штатными командами» и должны были вмѣстѣ съ полиціей безопасности вѣдать и полицію благоустройства: «смотрѣніе и попеченіе въ городѣ надъ казенными зданіями поручаются городничему», ему же — полиція санитарная и на немъ же—заботы вообще о томъ, чтобъ въ городѣ сохранены были добронравіе и порядокъ; чтобъ «предписанное законами полезное въ городѣ исполняемо и сохраняемо было [3]). Этими немногими, слишкомъ уже общими положеніями о благоустройствѣ городовъ и исчерпываются всѣ постановленія «Учрежденія о губерніяхъ».

Не прошло и десяти лѣтъ, какъ, несмотря на широкія полномочія городничихъ, дѣятельность ихъ по управленію городами оказалась недѣйствительной. Въ 1782 году въ именномъ указѣ сенату императрица заявляетъ, что, «упражняяся въ снабженіи разныхъ частей государственнаго управленія потребными учрежденіями», она убѣдилась, что «для споспѣшествованія доброму порядку... настояла крайняя необходимость дать городамъ уставъ благочинія или полицейскій». Онъ и былъ данъ имъ 8 апрѣля этого года [4]). Этимъ уставомъ при городничемъ (полицеймейстерѣ) учреждается такъ называемая управа благочинія—коллегіальное учрежденіе, въ составъ котораго входятъ и два члена (ратмана) по выбору городскаго населенія. Городъ дѣлится на части, часть на кварталы; во главѣ тѣхъ и другихъ становятся особые полицейскіе чины. Словомъ, организмъ городской полиціи сильно разростается. Возложенное «Учрежденіемъ о губерніяхъ» возлагается теперь на управу благочинія [5]); на ней, стало быть, лежитъ въ числѣ другихъ ея функцій и благоустройство, и благообразіе города. Ей подлежатъ дѣла о мостахъ, улицахъ и дорогахъ [6]). Въ каждомъ кварталѣ города предписывается имѣть подрядчика для содержанія и мощенія улицъ, другаго—для чищенія улицъ и свозки съ улицъ и изъ города нечистотъ; третьяго—для содержанія и зажиганія фонарей по улицамъ; наконецъ, въ каждомъ кварталѣ имѣть

---

[1]) Статьи 552—557. Мы ограничимся, въ виду нашей цѣли, указаніемъ лишь на тѣ функціи городской полиціи, которыя касаются внѣшняго благообразія города.

[2]) *Учрежд. о губер. Полн. Собр. Зак.*, т. XX, № 14,392, пп. 25 и 253.

[3]) *Тамъ же*, п. 254. Само собою разумѣется, что то, что было сказано о городничихъ по данному предмету, относится и къ комендантамъ, полицеймейстерамъ и оберъ-полицеймейстерамъ.

[4]) *Полн. Собр. Зак.*, т. XXI, 15,379.

[5]) *Тамъ-же*, п. 1 и 28, 30.

[6]) *Тамъ-же*, пп. 31 и 36.

столбъ ради прибиванія объявленій [1]). Начальникъ каждаго отдѣльнаго квартала города «имѣетъ попеченіе въ своемъ кварталѣ о возстановленіи строеній падающихъ или опасныхъ... равно старается (?) о выстройкѣ пустопорожнихъ мѣстъ въ улицѣ» [2]).

Мы не будемъ останавливаться на полиціи нравовъ среди городскаго населенія, въ тѣсной связи съ которой стоитъ вопросъ и о внѣшнемъ благообразіи города. Эта часть устава полицейскаго сильно разработана и въ видѣ требованій, предъявляемыхъ къ самимъ «гражданамъ», и въ видѣ опредѣленія функцій управы и полицейскихъ чиновъ города, и въ видѣ, наконецъ, опредѣленія наказаній и взысканій за нарушеніе гражданами предъявленныхъ къ нимъ уставомъ требованій. Мы ограничимся по этому предмету лишь нѣсколькими общими опредѣленіями функцій управы и полицейскихъ чиновъ. Въ этомъ отношеніи имъ рекомендуется руководиться евангельскимъ ученіемъ, высказаннымъ въ видѣ афоризмовъ: «не чини ближнему, чего самъ терпѣть не можешь», или: «дай хлѣба не имѣющему, напой жаждущаго» [3])... «протяни руку помощи падающему», «блаженъ, кто и скоты милуетъ; буде скотина и злодѣя твоего спотыкается, подъими ее» и т. п. [4]). Имъ рекомендуется водворять и охранять слѣдующія «*правила обязательствъ общественныхъ*»: «мужъ да прилѣпится къ своей женѣ въ согласіи любви, уважая, защищая и извиняя ея недостатки, облегчая ея немощи, доставляя ей пропитаніе и содержаніе», «жена да пребываетъ въ любви... и послушаніи къ своему мужу и да оказываетъ ему... привязанность аки хозяйка; родители властелины надъ дѣтьми... дѣти да повинуются родителямъ» [5]). Квартальный надзиратель «въ его кварталѣ имѣетъ попеченіе, чтобъ молодые и младшіе почитали старыхъ и старшихъ по повиновеніи слугъ и служанокъ хозяевамъ и хозяйкамъ во всякомъ ддобѣ». На управу и полицейскіе чины возложено «бдѣніе дабы всякъ въ церквѣ Божіей почитателенъ былъ... и пребывалъ въ ней во время службы со страхомъ, въ молчаніи, тишинѣ и во всякомъ почтеніи» [6]).

Въ видѣ общаго правила управа благочинія «не дозволяетъ въ городѣ гражданину сочинять новизну въ томъ, на что узаконеніе есть; всякую же новизну, узаконенію противную, пресѣкаетъ въ самомъ началѣ» [7]).

Возлагая такія широкія функціи относительно города вообще и гражданъ въ частности на управу, частныхъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей, вооружая ихъ правомъ вмѣшательства въ семью, храмъ, создавая изъ нихъ не только охранителей внѣшней чистоты города, самихъ жителей, но и внутренней чистоты послѣднихъ, законодательница понимала, какъ высока должна была быть личность самихъ охранителей какъ по части ума, такъ и по части сердца. Сознавая это, она и предъявляетъ къ нимъ самимъ извѣстныя требованія въ томъ

---

[1]) *Тамъ-же*, пп. 139—141 и 143 и 117—118.
[2]) *Тамъ-же*, п. 158.
[3]) *Тамъ-же*, п. 41, I—VII.
[4]) *Тамъ-же*, VIII—XI.
[5]) *Тамъ-же*, п. 154.
[6]) *Тамъ-же*, п. 59.
[7]) *Тамъ-же*, п. 56, „квартальный надзиратель имѣетъ смотрѣть, чтобъ всѣ и всякій въ его кварталѣ остался въ законо-предписанномъ порядкѣ“.

и другомъ отношеніи; требованія эти сводились къ слѣдующему: «здравый разсудокъ, человѣколюбіе, усердіе къ общему добру, честность и безкорыстіе» [1]). Отъ полицейскихъ чиновъ законодатель требуетъ «безпорочности поведенія, доброхотства къ людямъ, прилежанія къ должности» [2]).

Что же касается созиданія и украшенія городовъ разными зданіями, то это остается въ рукахъ самой верховной власти и окружающихъ лицъ и учрежденій, вродѣ, напр., «коммиссіи о построеніи городовъ», учрежденной еще въ 1737 году и постоянно увеличиваемой въ составѣ, или вродѣ «московскаго департамента (?) подъ вѣдомствомъ главнокомандующаго» для сочиненія генеральнаго плана и проекта улучшенія строеній въ Москвѣ, учрежденнаго въ 1774 году [3]).

Но едва прошло три года со дня отдачи города въ управленіе управъ, какъ появляется—24 апрѣля 1785 года—«Городовое Положеніе или жалованная грамота городамъ, которою, «въ залогъ милости и благоволенія» къ городамъ императрицы, «данныя» имъ, «ихъ обществамъ и членамъ сихъ обществъ выгоды и преимущества» подтверждаются [4]). Въ дѣйствительности грамота создаетъ совершенно новыя городскія учрежденія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, права и преимущества городовъ. Этимъ положеніемъ городъ возводится на степень отдѣльной административной единицы, обладающей учрежденіями, составляющимися изъ выборныхъ отъ всего городскаго населенія, разнообразный составъ котораго какъ бы объединяется въ этихъ учрежденіяхъ.

Для нашей цѣли достаточно назвать только эти учрежденія. Это были: такъ называемая общая дума и дума шестигласная. Первая избиралась отдѣльными классами городскаго населенія изъ своей среды, а вторая—членами первой.

Въ общей думѣ предсѣдательствовалъ городской голова, должность котораго введена была за двадцать почти лѣтъ до изданія «Городоваго Положенія», въ періодъ избранія депутатовъ въ коммиссію 1767 года и ради этого избранія. Но дума эта собиралась въ сущности лишь для избранія членовъ шестигласной думы разъ въ три года. Въ руки шестигласной думы и передается жалованной грамотой городамъ *управленіе городомъ*. Это-то управленіе и его сущность и интересуютъ насъ.

«Обществу градскому», представителемъ котораго является шестигласная дума, дозволяется обсуждать «общественныя нужды и пользы [5]), на удовлетвореніе коихъ ему дозволяется особливую казну добровольными складками составить и по общему ихъ согласію оную употреблять» [6]). Въ опредѣленіи функцій шестигласной думы перечисляются отдѣльные предметы «пользъ и нуждъ» общегородскихъ; въ числѣ этихъ предметовъ мы, къ удивленію, находимъ со-

---

[1]) *Тамъ-же*, п. 41: „качества опредѣленнаго къ благочинію начальства".

[2]) *Тамъ-же*, пп. 86 и 147.

[3]) Мое названное сочиненіе, стр. 378, прим. 3 и 4. Составъ коммиссіи по устройству городовъ увеличенъ былъ, напр., въ 1789 въ виду того, что многіе города не „снабжены еще планами".

[4]) Манифессія объ изданіи „Гор. Положенія".

[5]) *Город. Положеніе* 1785 г., ст. 36.

[6]) *Тамъ-же*, ст. 42.

вершенно тождественные съ тѣми, кои, какъ мы видѣли, возложены на управу благочинія, полицеймейстеровъ, городничихъ и др. Думѣ, какъ общее правило, предоставляется «возбранять все, что *доброму порядку и благочинію противно*», съ оговоркой, впрочемъ, что «относящееся къ части полицейской (?) исполнять мѣстамъ и людямъ, для того установленнымъ» [1]); ей же поручено наблюдать за прочностью публичныхъ городскихъ зданій, стараться о построеніи *всего потребнаго*, о заведеніи площадей, пристаней, амбаровъ, магазиновъ и т. п., что можетъ быть для города потребно, выгодно и полезно [2]); мало того, на думу же возлагаются даже и такія заботы, какъ забота о «сохраненіи между жителями города мира, тишины и добраго согласія» [3]).

Изъ только что приведеннаго несомнѣнно вытекаетъ, что заботы городской думы съ ея выборными и управы благочинія съ полицейскими чинами по отношенію къ благоустройству города—однѣ и тѣ же. Указанная выше оговорка о невмѣшательствѣ въ дѣла полицейскія, предоставленныя установленіямъ и лицамъ полицейскимъ, ничего не говоритъ: «дѣла» эти нигдѣ не опредѣлены.

Какъ примирялись въ своей дѣятельности на одномъ и томъ же поприщѣ заботъ о благосостояніи города два такія разнородныя учрежденія, какъ управа благочинія и дума, рѣшить трудно. Можно лишь догадываться, и догадываться, главнымъ образомъ, на основаніи того, что получилось впослѣдствіи, какъ вышли изъ затрудненія эти учрежденія въ самой жизни. Намекъ на этотъ выходъ есть, впрочемъ, и въ самомъ «Городовомъ Положеніи», по которому «обществу градскому дозволяется о своихъ нуждахъ и пользахъ общественныхъ *представить губернатору*» [4]). Отсюда можно безошибочно заключить, что городу, думѣ предоставлялось строить, созидать и содержать своимъ «тщаніемъ и иждивеніемъ» школы, госпитали и т. п., а управлять ими будутъ тѣ же лица и учрежденія, кои вѣдали ихъ по «Учрежденію о губерніяхъ», напр., по коему названными заведеніями завѣдывалъ приказъ общественнаго призрѣнія, который «Городовымъ Положеніемъ» не уничтожается и на который послѣднее даже ссылается по вопросу именно о школахъ, каковыя по «Городовому Положенію» и должны быть устроены на основаніи той статьи «Учр. о губерніяхъ», которая говоритъ о школахъ приказа общественнаго призрѣнія [5]).

Еще разъ повторяемъ, что изъ двухъ типовъ учрежденій, вѣдавшихъ городъ по отношенію къ благоустройству и опрятности, и послѣ 1785 года активную роль игралъ типъ учрежденій правительственныхъ; учрежденія же выборно-городскія играли роль пассивную, лишь давая средства на «нужды и пользы» городскія. А, стало быть, такъ называемое городское самоуправленіе конца XVIII вѣка въ дѣлѣ внѣшняго процвѣтанія городовъ ровно не причемъ.

Если помнить разсказанное нами выше объ основаніи городовъ, если имѣть въ виду постоянное существованіе коммиссій, цѣлью которыхъ было спеціально

---

1) *Тамъ-же*, 167, п. 4.

2) *Тамъ-же*, п. 6; городу предоставляется строить школы, мельницы, харчевни, трактиры.

3) *Тамъ-же*, п. 3.

4) *Тамъ-же*, ст. 36.

5) *Тамъ-же*, ст. 17.

созданіе градовъ и ихъ украшеніе; если, наконецъ, вѣрить въ таланты городничаго съ управой и шестигласной думы,—придется заключить, что къ концу царствованія императрицы Россія покрывается многочисленными и цвѣтущими городами.

Но не такое заключеніе дѣлала и сама законодательница въ виду тѣхъ фактовъ, которыми отвѣчала жизнь.

Первые, какъ мы знаемъ, въ концѣ-концовъ, ничего не создали. Гдѣ эти великолѣпные «грады» съ фонтанами и садами, пропилеями и академіями музыкальными, университетами и садами ботаническими? Ихъ нѣтъ потому, что даже силъ и воли великолѣпнаго Потемкина не ставало на созданіе такого великолѣпія. Города создавались, создавались сотнями. Но что же это были за города? Какъ далеко имъ было до фантастическихъ городовъ Потемкина! Фантазія градостроителей оставляла слѣды лишь на бумагѣ. Въ дѣйствительности же отъ этой фантазіи не оставалось ничего, кромѣ уродливыхъ присутственныхъ мѣстъ, которыхъ, порой, за отсутствіемъ населенія, не кѣмъ было даже занять; такъ, наприм., городъ Екатеринодаръ былъ такъ удачно созданъ, что долго по постройкѣ, ужь, разумѣется, безъ пропилей и академій, не могъ быть населенъ хотя бы настолько, чтобъ изъ населенія можно было организовать ратушу; кончилось тѣмъ, что новозданный городъ какъ быстро появился, такъ еще быстрѣе исчезъ [1]). Припомнимъ мечтанія «генералъ-майора» о разцвѣтѣ воздвигаемаго имъ города Вознесенска; онъ прямо предсказывалъ этому своему дѣтищу *знаменитость*; онъ ждалъ оживленія цѣлой страны. И что же? Въ городъ не только не потекли во множествѣ «обитатели съ избытками», но ихъ пришлось созывать отовсюду и населять городъ всякими средствами; такъ, между прочимъ, рѣшено было вызвать или, вѣрнѣе, выселить изъ Ярославской и *иныхъ* губерній по сту человѣкъ огородниковъ и другихъ промышленниковъ [2]). Такую же плохую шутку жизнь съиграла и съ тѣми, мечты которыхъ не простирались до градозданія и ограничивались лишь украшеніемъ уже существующихъ городовъ. Такъ, напр., мы уже видѣли, что Сиверсъ, вздумавъ воспользоваться пожаромъ города Каргополя, предписалъ погорѣвшимъ «обитателямъ» послѣдняго строить свои дома «на каменныхъ подвалахъ со сводами». Но «избытки» обитателей этого жалкаго городка, очевидно, были такъ скудны что пришлось отказаться отъ этой затѣи.

Что касается одаренныхъ «здравымъ разсудкомъ» управъ благочинія и городничихъ, то первыя... просто во многихъ городахъ вовсе не существовали и по этой уважительной причинѣ ничего поддерживать и усовершенствовать тамъ по части благоустройства и благочинія не могли. Въ одномъ оффиціальномъ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ по исторіи полицейско-административныхъ учрежденій въ Россіи авторъ говоритъ: «Уставъ благочинія (1782 г.) предполагалось ввести во всѣхъ большихъ городахъ; однако же, *это не было приведено въ исполненіе и въ концѣ прошлаго столѣтія; даже въ такихъ значительныхъ городахъ, какъ Ярославль, Кострома и др., не было еще*

[1]) Мое назван. сочиненіе, т. I, стр. 378, прим. 1.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 377, прим. 3.

управъ благочинія и полицейская часть находилась въ рукахъ одного чиновника безъ помощниковъ» [1]) Во многихъ городахъ это много обѣщавшее учрежденіе совсѣмъ было не введено, а въ иныхъ, будучи введено, быстро исчезало за невозможностью существованія, какъ, напр., въ Оренбургѣ, гдѣ управа благочинія исчезла за неимѣніемъ чиновниковъ [2]).

Въ 1795 году, «при ревизіи губерній, раскрыты были возмутительнѣйшія злоупотребленія администраціи,—говоритъ профессоръ Тарасовъ,—*и въ особенности полиціи,* заключавшіяся преимущественно въ чрезвычайномъ лихоимствѣ и въ крайнемъ неуваженіи ихъ къ личной свободѣ обывателей»; «новыя учрежденія,—заключаетъ профессоръ,—далеко отстали отъ возлагавшихся на нихъ упованій».

Предпринятыя при императорѣ Павлѣ реформы городской полиціи начались, что и понятно, съ столичной полиціи Петербурга. Прежде всего, замѣтимъ, что въ царствованіе императора Павла городскія учрежденія 1785 года были уничтожены. Слѣдовательно, общество городское даже и на бумагѣ перестало вмѣшиваться въ дѣла городскаго благоустройства; послѣднее отдано въ руки исключительно административныхъ учрежденій и лицъ. Главнымъ городскимъ начальствомъ Петербурга объявлена была въ іюнѣ 1797 года «коммиссія о снабженіи резиденціи припасами, распорядкомъ квартиръ и прочихъ частей, до полиціи принадлежащихъ» [3]). Въ началѣ «коммиссія» вѣдала одну спеціальную задачу, на которую указываетъ самое названіе ея; черезъ четыре мѣсяца оказалось, къ крайнему неудовольствію императора, что задача эта не только не достигнута коммиссіей, но что коренные жизненные припасы часъ отъ часу рестановились дороже; немедленно взялись за переустройство коммиссіи и въ результатѣ явился—12 сентября 1798 года—«Уставъ столичнаго города Петербурга», по которому коммиссія эта была поставлена во главу города въ качествѣ «его главнаго начальства», которому подчинены «городское правленіе» или «ратгаузъ» и контора «городскихъ строеній». Въ вѣдѣніе этого городскаго начальства отдается все то, что «только *ко благоустройству города* и благосостоянію жителей его относиться можетъ». Всѣ мѣры этихъ учрежденій, до указаннаго предмета относящіяся, должны были восходить на личное разсмотрѣніе императора [4]). Въ январѣ 1799 года также организовано и управленіе Москвы, главнымъ начальствомъ которой не самостоятельная коммиссія, а лишь департаментъ петербургской коммиссіи. Такія же мѣры были примѣнены и ко всѣмъ остальнымъ городамъ имперіи, значительная часть которыхъ (изъ созданныхъ Екатериною) еще въ 1797 году были «уничтожены и приписаны къ другимъ» [5]), а въ 1800 году именнымъ указомъ отъ 4 сентября во всѣхъ горо-

---

[1]) *Анучинъ:* „Историческій обзоръ развитія админ.-полицейскихъ учрежденій въ Россіи съ учрежденія губ. въ 1775 г. до послѣдняго времени“, стр. 223.

[2]) Чиновники набраны были изъ гарнизонныхъ баталіоновъ; изъ послѣднихъ сформировались полки, чиновники отозваны были въ нихъ и управа исчезла. *Тарасовъ,* „Исторія русской полиціи“. *(Юрид. Вѣстн.* 1884 г., мартъ).

[3]) Предсѣдателемъ этой коммиссіи назначенъ былъ великій князь и цесаревичъ Александръ Павловичъ, а членами — генералъ-прокуроръ кн. Куракинъ и генер.-лейтенантъ гр. Буксгевденъ. *Тамъ-же,* стр. 118, пр. 2.

[4]) *Тамъ-же,* стр. 121.

[5]) *Тамъ-же,* стр. 125.

дахъ губернскихъ предписано «учредить ратгаузы на томъ же основаніи, какъ въ столицахъ», въ уѣздныхъ городахъ оставлены магистраты и ратуши подъ аппеляціею ратгаузовъ, которые, въ свою очередь, поставлены «непосредственно подъ сенатомъ» [1].

На новое устройство городовъ, на ихъ ратгаузы, возлагались великія надежды. Насколько эти надежды оправдались, судить трудно даже по отношенію къ Петербургу и Москвѣ, благодаря недолговѣчности этихъ учрежденій; что же касается ратгаузовъ губернскихъ городовъ, то они едва-ли въ какихъ городахъ были введены: на введеніе ихъ, послѣ изданія самаго «Устава», оставалось слишко мало времени, такъ какъ 11 марта 1801 года, вступивъ на престолъ, императоръ Александръ I возстановилъ, какъ извѣстно, многія изъ учрежденій своей покойной бабки, а городскія—всѣ.

II.

Мы не будемъ останавливаться на дальнѣйшихъ перипетіяхъ судебъ городскаго «благоустройства и благообразія» со дня вступленія на престолъ императора Александра I и до изданія свода законовъ — послѣдняго въ 1857 г. Мы ограничимся по отношенію къ этому полустолѣтію лишь нѣсколькими общими замѣчаніями. Дѣло въ томъ, что всѣ претерпѣнныя городской полиціей перипетіи, какъ и полиціей имперіи вообще, носили въ сущности одинъ общій характеръ: развивались, во-первыхъ, главнымъ образомъ, начала безопасности и благочинія и, во-вторыхъ, что касается учрежденій, ее вѣдавшихъ въ странѣ вообще и въ городахъ въ частности, то въ теченіе всего времени до изданія «Городоваго положенія» 1870 года развивались исключительно учрежденія административныя — возстановленныя екатерининскія управы благочинія, полицеймейстеры и оберъ-полицеймейстеры, пристава и квартальные, а во главѣ ихъ губернаторъ и губернское правленіе.

Оговоримся еще, въ видѣ общаго замѣчанія, что по интересующему насъ вопросу въ теченіе указаннаго времени не сдѣлано, по существу дѣла, ничего новаго; въ массѣ «положеній», указовъ, проектовъ высказывались все тѣ же намъ извѣстныя положенія, такъ широко высказанныя Петромъ и Екатериной. Все это были требованія благообразія и чистоты [2] городовъ посредствомъ энергической дѣятельности губернскаго начальства вообще и городской полиціи въ частности.

Замѣтимъ при этомъ, ссылаясь на оффиціальный авторитетъ, что съ 1826 г. по 1853 г. «городская полиція оставалась въ неизмѣненномъ видѣ»; что же касается измѣненій, сдѣланныхъ въ этомъ году, то они сдѣланы «лишь въ комплектованіи городскихъ командъ, *самое же положеніе о городской полиціи продолжало оставаться въ своемъ первоначальномъ видѣ до реформъ послѣдняго времени*» [3]; что же касается «измѣненій», практиковавшихся до 1826 г.,

---

[1]) *Тамъ-же,* стр. 126 и 127.
[2]) *Анучинъ,* назван. соч., стр. 226.
[3]) *Тамъ-же,* стр. 227.

то и они имѣли въ виду, главнымъ образомъ, внѣшнюю организацію полиціи городской и ея штаты [1]). Для отправленія этой функціи съ 1802 года учреждены были во многихъ городахъ особые комитеты, которые [2]) заботились лишь о покрытіи городами расходовъ на полицію изъ собственныхъ ихъ доходовъ. Это въ городахъ; а въ Петербургѣ для той же цѣли при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждались особыя коммиссіи—въ 1825, 1836 и 1840 годахъ, которыя, наконецъ, соединили съ временнымъ отдѣленіемъ при хозяйственномъ департаментѣ министерства.

Несмотря на всѣ эти штаты и всякаго рода видоизмѣненія въ городской полиціи, ея состояніе въ теченіе всего времени, нами указаннаго, было плохо, а, стало быть, и возложенная на это учрежденіе функція по отношенію къ благосостоянію городовъ исполняема удовлетворительно быть не могла. Еще въ 1818 г., вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ самыхъ разнообразныхъ мѣръ по части организаціи городской полиціи, «послѣ ежегодно повторявшагося составленія и утвержденія новыхъ штатовъ, городская полиція находилась въ столь неудовлетворительномъ состояніи, что *обратила на себя особенное вниманіе государя*» [3]). Состояніе городской полиціи и позже было таковымъ же. Послѣ того, какъ тогдашнее министерство полиціи получило порученіе озаботиться объ улучшеніи состоянія полиціи, положеніе ея оказывается въ связи съ «умноженіемъ городскихъ доходовъ», а доходы эти умножались и умножаются доселѣ, какъ извѣстно, очень туго; съ другой же стороны, средства на улучшеніе городской полиціи постоянно требуются все большія и большія.

Мы видѣли, что до новаго изданія свода законовъ никакихъ капитальныхъ измѣненій въ организаціи городской полиціи и ея функцій не произошло. То, что вошло въ это изданіе свода по данному предмету, существовало безъ всякихъ измѣненій до 1870 года, времени изданія «Городоваго положенія», т. е. въ теченіе 13 лѣтъ, да въ значительной степени существуетъ и теперь.

Благоустройство города по своду, какъ и при Екатеринѣ, составляетъ функціи двоякаго рода учрежденій — городскихъ выборныхъ, такъ называемыхъ шести-гласныхъ думъ и городскаго головы и правительственной городской полиціи.

Первыя вѣдали «прочность публичныхъ городскихъ зданій», какъ еще это установило «Городовое положеніе» 1785 года, и представляли, чрезъ «представительство» городскаго головы, «губернскому начальству о городскихъ нуждахъ и недостаткахъ» [4]). А это послѣднее, т. е. губернское начальство, уже и вѣдало городъ черезъ своихъ агентовъ и по отношенію къ благообразію, чистотѣ и опрятности; оно, губернское начальство, обращая должное вниманіе на представленія «города», смотря по свойству оныхъ, или старается удовлетворить эти нужды «по мѣрѣ данной ему власти и справедливости ходатайства, или же доводитъ о нихъ до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ» [5]). На начальника губерніи возложено самостоятельное, по собственной иниціативѣ, «*наблюденіе за надлежащимъ устройствомъ городовъ*... возвышеніе ихъ благосостоянія, покрови-

[1]) *Тамъ-же.*
[2]) *Анучинъ*, назван. соч. стр. 224—225, и наше назв. соч., т. II, стр. 137—240.
[3]) *Тамъ-же*, стр. 225.
[4]) *Св. Зак.* 1857 г., т. II, ч. I, ст. 4,443 и. 3, § II и § I.
[5]) *Тамъ-же*, ст. 403.

тельство общеполезныхъ предпріятій» [1]). Онъ, въ силу этого общаго положенія, обязанъ заботиться, чтобы въ городахъ, въ коихъ предписаны каменныя постройки, не допускались деревянныя строенія, чтобы обстроивались города по утвержденнымъ и одобреннымъ начальствомъ планамъ и фасадамъ; онъ долженъ заботиться о постепенномъ замощеніи городовъ, для чего долженъ организовать особые комитеты, планы и проекты которыхъ о замощеніи города долженъ, съ своимъ заключеніемъ, представлять въ министерство внутреннихъ дѣлъ [2]). Губернаторъ долженъ наблюдать «за исправнымъ состояніемъ» всѣхъ казенныхъ и общественныхъ зданій въ городѣ [3]). Онъ же обращаетъ должное вниманіе на соблюденіе вообще *внѣшняго благоустройства въ городахъ*... между прочимъ, *и опрятности и чистоты* на улицахъ, площадяхъ и базарахъ [4]). Всѣ эти функціи губернаторъ выполняетъ «черезъ мѣстныя (городскія) полицейскія управленія» [5]), а эти послѣднія, согласно «Уставу полицейскому» императрицы Екатерины, съ немногими измѣненіями, состоятъ изъ тѣхъ же самыхъ управъ благочинія, оберъ-полицеймейстеровъ и полицеймейстеровъ въ столицахъ съ подчиненными имъ частными приставами и квартальными, а въ губернскихъ городахъ—изъ полицеймейстеровъ съ частными приставами; въ городахъ же уѣздныхъ—городничихъ съ тѣми же приставами и квартальными [6]). При опредѣленіи предметовъ вѣдомства этихъ учрежденій и органовъ повторяется то же, съ чѣмъ мы только что ознакомились, какъ съ функціями начальника губерніи [7]).

Не будемъ говорить объ особомъ полицейскомъ устройствѣ такъ называемыхъ градоначальствъ; для насъ важны не особенности въ подробностяхъ устройства городской полиціи вообще, а общія начала, на которыхъ она строится, а эти начала—вездѣ одни и тѣ же. Городъ вѣдаетъ никакъ не дума въ теченіе цѣлыхъ почти трехъ четвертей столѣтія; онъ въ исключительномъ вѣдѣніи во всѣхъ отношеніяхъ начальника губерніи и подчиненныхъ ему органовъ. Значеніе въ этомъ отношеніи думъ, какъ органовъ городскаго самоуправленія, сводилось къ выдачѣ на извѣстныя потребности, нужды и пользы, удовлетворяемыя правительственными административными учрежденіями. Думы не пользовались даже иниціативой по отношенію къ усиленію городскихъ доходовъ. Этимъ занимались уже знакомые намъ комитеты или, за отсутствіемъ ихъ, сами начальники губерній; тѣ или другіе составляли примѣрныя росписи городскихъ доходовъ, потребныхъ на удовлетвореніе «пользъ и нуждъ» города, представляли ихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онѣ превращались въ проекты, шедшіе на утвержденіе государственнаго совѣта. Такимъ образомъ, городскія учрежденія, а, стало быть, и городское общество, совершенно устранялись отъ всякаго участія въ изысканіи городскихъ доходовъ [8]).

[1]) *Тамъ-же*, ст. 428 и 429.
[2]) *Тамъ-же*, ст. 440, 442 и 443.
[3]) *Тамъ-же*.
[4]) *Тамъ-же*, ст. 457.
[5]) *Тамъ-же*, п. 459 и 465 стр.
[6]) *Тамъ-же*, ст. 4,093, 4,108 и 4,181.
[7]) *Тамъ-же*, ст. 4,119, § 1, пп. 9—11.
[8]) Мое назван. сочиненіе, стр. 200. Правда, въ „Уставѣ о городскомъ хозяйствѣ" говорится, что *думы должны прилагать стараніе о приращеніи городскихъ доходовъ, ко вмѣстѣ съ губернскимъ начальствомъ* должны это продѣлывать.

То же самое смѣло можно сказать и по отношенію къ расходамъ или, другими словами, къ заботамъ о пользахъ и нуждахъ города самого городскаго общества. Мы только что видѣли, въ какомъ отношеніи стоитъ къ этимъ нуждамъ начальникъ губерніи и его органы на основаніи постановленій закона о функціяхъ губернатора и органовъ городской полиціи. Мы увидимъ то же самое, только въ болѣе рельефной формѣ, если взглянемъ на дѣло съ другой стороны, со стороны дѣятельности самихъ думъ въ дѣлѣ расходованія городскихъ доходовъ на благоустройство города.

Думы могли расходовать лишь въ предѣлахъ смѣтъ, которыя въ городахъ, гдѣ были упомянутые комитеты, составлялись этими послѣдними и во всякомъ случаѣ утверждались министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; если въ городахъ, не снабженныхъ комитетами, смѣту расходовъ и доходовъ и составляли сами думы, то, во всякомъ случаѣ, по данной имъ формѣ, въ коей всѣ статьи дохода и расхода уже заранѣе опредѣлены; эта смѣта разсматривалась губернаторомъ въ губернскомъ правленіи, послѣ чего, смотря по ея размѣрамъ, утверждалась губернаторомъ или министромъ, по полученіи «предварительнаго заключенія» министерства финансовъ [1]). И вотъ, въ предѣлахъ только этой смѣты дума и можетъ двигаться: сверхъ опредѣленныхъ расходовъ, городскія «общества, говоритъ законодатель, не могутъ сами собою издерживать деньги городскія». Если бы эти «общества» нашли нужнымъ произвести какой-либо расходъ «къ пользѣ общей, къ выгодѣ и къ украшенію города», неусмотрѣнный въ смѣтѣ, то должны были представить объ этомъ начальнику губерніи и «ждать его дозволенія» [2]).

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ по части смѣты начальникъ губерніи былъ полнымъ хозяиномъ; законъ не требуетъ отъ него мотивировки въ случаѣ неутвержденія или измѣненія той или иной статьи смѣты; онъ не устанавливаетъ даже срока, въ теченіе котораго губернаторъ могъ разсматривать въ губернскомъ правленіи смѣту, т. е. не установлено срока, къ которому послѣдняя должна быть прислана въ думу къ исполненію [3]).

Поставивъ городъ въ исключительное вѣдѣніе хозяина губерніи и полиціи, сводъ законовъ даетъ этимъ послѣднимъ въ руководство цѣлый рядъ постановленій, въ извѣстной степени ограничивающихъ дѣятельность губернаторовъ въ томъ смыслѣ, что послѣдняя должна была проявляться по отношенію, напр., къ устройству и украшенію городовъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, каковые устанавливались, напр., планами, фасадами и т. д., коихъ должны были держаться губернаторы въ ихъ дѣятельности по части построекъ въ городахъ.

Еще съ начала нынѣшняго столѣтія, съ первыхъ годовъ его, стали по городамъ основываться различные комитеты, — въ силу, очевидно, убѣжденія, что губернаторской и полицейской дѣятельности по этому предмету недостаточно, — спеціально строительные, дорожные и т. п. При императорѣ Николаѣ число этихъ комитетовъ увеличивается до второй половины 1842 года, когда вдругъ было замѣчено, что комитетамъ этимъ поручалось то же самое, что уже возложено

[1]) *Тамъ-же*, стр. 220—221.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 221.
[3]) *Тамъ-же*, стр. 224.

было на давно и повсюду существовавшія губернскія строительныя коммиссіи [1]). Вотъ эти-то комитеты, а потомъ смѣнившія ихъ губернскія коммиссіи производили въ городѣ всякаго рода постройки, мостовыя, бульвары, общественные сады, заборы, канавы и т. п. Замѣтимъ кстати, что комитеты въ своей дѣятельности были тоже подчинены министерству путей сообщенія.

Если обратимся къ такъ называемому «строительному уставу», къ пятому раздѣлу его, трактующему «объ устройствѣ улицъ, площадей, мостовъ и тротуаровъ въ городахъ», то нельзя не замѣтить, до чего въ немъ все предусмотрѣно до мельчайшихъ подробностей какъ относительно построекъ казенныхъ, общественныхъ, такъ и частныхъ.

Хочетъ обыватель построить себѣ жилище, ему не нужно съ архитекторомъ ломать голову надъ составленіемъ фасада его будущаго дома: фасады уже составлены и ему стоитъ только выбрать тотъ или другой [2]). При самой постройкѣ зданій фантазіи архитектора разгуляться насчетъ кармана строителя негдѣ: все измѣрено и опредѣлено. Число оконъ по фасаду должно быть непремѣнно нечетное, ширина и вышина ихъ опредѣлена, разстояніе между ними—тоже, кровля должна быть устроена въ надлежащей пропорціи [3]). Указаны обывателю и цвѣта, въ кои онъ можетъ окрасить свой домъ, причемъ допускается его окрасить или «расписать и разноцвѣтными красками» съ утвержденія начальства [4]). Заборы и ворота у частныхъ домовъ въ «городахъ строятся по фасадамъ, Высочайше для нихъ въ 1811 году утвержденнымъ» [5]).

Зданія могутъ быть воздвигаемы въ городахъ каменныя и деревянныя, смотря по частямъ города; при этомъ тѣ и другія опредѣляются по отношенію къ размѣрамъ различно для различныхъ городовъ [6]). Точно опредѣляется, и опять различно для разныхъ городовъ, кровельный матеріалъ. Того же характера правила установлены и относительно зданій казенныхъ и общественныхъ въ городахъ.

Относительно тротуаровъ специально установлены особыя правила для Петербурга, Москвы и другихъ городовъ, опредѣленъ матеріалъ—плита, камень, хрящъ, деревянныя пластины или фашины. Для тротуаровъ городовъ, кромѣ столицъ, изданы были «рисунки» въ 1805 году [7]); въ Петербургѣ тротуары должны были строиться по особымъ рисункамъ, изданнымъ въ 1816 году. [8]). По краямъ тротуаровъ вездѣ должны быть столбики, разстояніемъ одинъ отъ другаго отъ 2-хъ до 3-хъ саженъ и вышиною въ три фута; они должны превышать поверхность тротуара однимъ футомъ и *сдѣланы быть по данному рисунку:*

---

[1]) *По св. зак.* 1857 г., строительныя коммиссіи вѣдаютъ устройство вообще губернскихъ и уѣздныхъ городовъ. „Уст. строит.“, ст. 40, ц. 4.

[2]) *Уст. строит.* ст. 312: „выборъ фасадовъ, сообразно изданнымъ, *оставляется* на произволъ каждаго желающаго строиться“.

[3]) *Тамъ-же*, ст. 315—320.

[4]) *Тамъ-же*, ст. 321. Въ распоряженіе обывателя предоставляли слѣдующіе цвѣта: бѣлый, палевый, блѣдножелтый, желтосѣрый, свѣтлосѣрый, дикій, блѣднорозовый и сибирска (?) съ большою примѣсью бѣлой краски.

[5]) *Тамъ-же*, ст. 374.

[6]) *Тамъ-же*, ст. 365, 366.

[7]) *Тамъ-же*, ст. 294, п. 6.

[8]) *Тамъ-же*, ст. 295.

въ этихъ предѣлахъ «владѣльцы домовъ могутъ употреблять по произволу столбики чугунные или гранитные (въ Петербургѣ) [1]).

Замѣтимъ, что всѣ эти требованія должны были быть строго и точно исполняемы; за исполненіемъ долженъ былъ тщательно и постоянно слѣдить начальникъ губерніи чрезъ посредство полиціи.

Тѣмъ не менѣе, въ постановленіяхъ строительнаго устава мы найдемъ такія показанія, на основаніи коихъ придется усомниться въ томъ благообразіи городовъ, которое, повидимому, водворяется въ нихъ этимъ же самымъ уставомъ. Въ одной изъ статей устава [2]) въ нѣсколькихъ городахъ трехъ южныхъ нашихъ губерній—Харьковской, Полтавской и Черниговской—притомъ, не выключая и губернскихъ городовъ, одинъ изъ коихъ университетскій городъ, допускается крыть дома «*соломой* съ растворомъ глины и *навоза*»; въ городахъ другихъ губерній навозъ замѣняется «известковымъ растворомъ» [3]). А если заглянуть въ полное собраніе законовъ, то увидимъ, что дѣло не ограничивается нѣсколькими губерніями. Изъ этихъ постановленій или разрѣшеній, вынужденныхъ недостаточностью обывателей, можно заключить о дѣйствительномъ существованіи такихъ построекъ въ гораздо бо́льшемъ количествѣ городовъ. Мы видѣли, что такія постройки допускались въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ далеко не изъ худшихъ; а что же въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ и такъ называемыхъ заштатныхъ? Въ одномъ «Сборникѣ циркуляровъ и инструкцій министерства внутреннихъ дѣлъ» мы встрѣчаемся съ циркуляромъ министерства, изданнымъ въ отвѣтъ на ходатайство въ 1866 году «одного губернскаго начальства» о распространеніи права соломенной съ навозомъ покрышки домовъ на всѣ уѣздные города его губерніи. Министерство, въ виду «частаго повторенія въ городскихъ поселеніяхъ пожаровъ», ходатайство это отклонило.

Если обратиться, напр., хоть къ такому изданію, какъ оффиціальное изданіе: *Экономическое состояніе городскихъ поселеній*, то придется сдѣлать не болѣе утѣшительное заключеніе о благообразіи, чѣмъ какое сдѣлано на основаніи только что приведенныхъ соображеній. Въ этомъ изданіи приводятся, между прочимъ, цифровыя данныя относительно домовладѣльцевъ по сословіямъ, къ которымъ принадлежатъ послѣдніе. Изъ этихъ данныхъ видно, что отъ 60 до 70 процентовъ домовладѣльцевъ—мѣщане, крестьяне, почтальоны, отставные солдаты, солдатки. Можно догадываться, что́ за дома въ большинствѣ случаевъ принадлежали этимъ домовладѣльцамъ. Это—дома-хижины.

Если помнить, что приведенныя здѣсь показанія относятся къ разнымъ временамъ прошлаго нашихъ городовъ, то придется согласиться, что наши города лучше, чѣмъ теперь, въ прошломъ не были; они медленно, плохо, но, все-таки, растутъ и улучшаются, хотя ни одинъ изъ нихъ, кромѣ Петербурга, да развѣ Одессы, и теперь не стоитъ на высотѣ благообразія и опрятности, соотвѣтствующей указаніямъ закона.

Гдѣ же причины этого явленія, по истинѣ страннаго?

Не разъ цитированный нами авторъ, чиновникъ министерства внутреннихъ

[1]) *Тамъ-же*, ст. 295.
[2]) Статья 373, п. 3 и 2.
[3]) Въ городахъ Гродненской, Тульской, Пензенской и Самарской губерній.

дѣлъ, г. Анучинъ, въ своей книгѣ, изданной министерствомъ же въ 1872 году, сводя, повидимому, плохое состояніе, въ смыслѣ внѣшняго благообразія, нашихъ городовъ къ «неудовлетворительному состоянію городской полиціи», указываетъ на причины такого состоянія послѣдней. Эти «причины» мы здѣсь считаемъ не лишнимъ привести. Дѣло въ томъ, что въ книгѣ этой среди причинъ «неудовлетворительнаго состоянія городской полиціи» встрѣчаются и причины плохого состоянія городовъ; а указаніе таковыхъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ, притомъ, въ трудѣ, изданномъ министерствомъ, должно имѣть свое значеніе.

Изъ числа «весьма разнообразныхъ» причинъ неудовлетворительнаго состоянія городской полиціи, г. Анучинъ приводитъ всего шесть, изъ которыхъ половина указываетъ на плохое состояніе городовъ: прежде всего, говоритъ г. Анучинъ, въ министерствѣ явный недостатокъ «полныхъ свѣдѣній о состояніи городскаго населенія, его нуждахъ, промыслахъ, которыя могли бы служить правительству указаніемъ для принятія тѣхъ или другихъ мѣръ»; дальше, полная несостоятельность многихъ городовъ вынести тѣ расходы, которые необходимы на удовлетвореніе «административныхъ и общественныхъ нуждъ»; къ такимъ городамъ г. Анучинъ относитъ всѣ тѣ города, которые вызваны къ существованію «не какими-либо экономическими потребностями, а необходимостью образовать административные центры»; наконецъ, «уменьшеніе доходовъ» городскихъ изъятіемъ изъ нихъ «нѣкоторыхъ статей въ пользу казны»—это съ одной стороны, а съ другой—«постоянное увеличеніе расходовъ и повинностей» [1]). Послѣднія двѣ причины съ успѣхомъ можно свести къ одной бѣдности нашихъ городовъ, обусловливающейся или ихъ бездоходностью, вытекающей изъ бѣдности самаго населенія; или изъ того, что большая часть доходовъ ихъ уходила на покрытіе, выражаясь языкомъ г. Анучина, административныхъ нуждъ.

Г. Анучинъ не доказываетъ своихъ положеній, ограничиваясь простымъ утвержденіемъ; хотя за нимъ и числится значеніе оффиціальной авторитетности, но мы не ограничимся его голыми утвержденіями и приведемъ нѣсколько данныхъ въ подтвержденіе бѣдности городовъ, вытекающей изъ указанныхъ причинъ.

Мы уже видѣли, какъ основывались многіе изъ городовъ, особенно при императрицѣ Екатеринѣ; мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, видѣли, какъ многіе изъ нихъ не могли вовсе и существовать за отсутствіемъ населенія—источника богатства; почти всѣ эти города основаны были именно ради нуждъ административныхъ—ради необходимости въ данномъ пунктѣ имѣть мѣстный административный центръ. Едва ли нужно особенно усиленно доказывать, что такіе города, за исключеніемъ развѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда потребности администраціи совпадали съ мѣстными интересами, не могли никогда стать тѣмъ, что собственно принято называть городомъ. Многіе изъ такихъ городовъ, какъ мы сказали, вовсе даже не могли существовать, именно благодаря полной экономической несостоятельности, обусловливавшейся отсутствіемъ достаточнаго количества населенія. Мы имѣемъ оффи-

[1]) *Назв. соч.*, стр. 227. Авторъ указываетъ и еще на одну причину—на разнохарактерное историческое и этнографическое происхожденіе городовъ, не допускавшее, путемъ общихъ мѣръ, „положить основаніе правильной и вполнѣ обдуманной системѣ устройства ихъ“.

ціально подтверждаемые факты, указывающіе на это. Напр., въ Полн. Собр. Зак. подъ 1801 годомъ мы встрѣчаемъ указъ, которымъ одинъ изъ такихъ административныхъ городовъ уничтожается; это былъ уѣздный городъ, основанный въ Новороссійской губерніи въ царствованіе императрицы Екатерины; городъ уничтожили потому, что не оказывалось «никакой удобности» для пребыванія въ семъ городѣ тѣхъ учрежденій уѣздной администраціи, ради коихъ онъ основанъ: не оказалось ни зданій, потребныхъ для присутственныхъ мѣстъ, ни «достаточнаго строенія, въ которомъ бы чиновники и пріѣзжіе, говоритъ указъ, по надобностямъ до судовъ могли безъ нужды и утѣсненія тамошнихъ жителей помѣщаться» [1]).

Помѣщеній вообще въ этомъ городѣ было такъ немного, что сосѣднее село, которое его и замѣнило, имѣло ихъ больше; а въ немъ было всего триста дворовъ. Въ 1854 году та же участь постигла одинъ городъ, населеніе котораго—323 души (!)—перечислено по его собственному желанію въ государственные крестьяне, не будучи въ состояніи выносить налоги по «мѣщанскому званію». Даже въ шестидесятыхъ годахъ (1862—1865) имѣли мѣсто такія превращенія, напр., съ двумя городами Воронежской губерніи, все по той же причинѣ—полной несостоятельности населенія, превратившагося съ уничтоженіемъ городовъ въ крестьянство. Эти же причины заставляли правительство упрощать, сокращать городскія учрежденія во многихъ городахъ, приписывать одни города къ другимъ по управленію [2]); въ нѣкоторыхъ городахъ уничтожали всякія городскія учрежденія, оставляя одну полицію въ лицѣ городничаго съ канцеляріей и двумя-тремя хожалыми [3]); сюда же нужно отнести около трехъ десятковъ городовъ, признанныхъ закономъ «малолюдными» и управляющихся однимъ выборнымъ лицомъ [4]).

На всѣ эти города можно смотрѣть, пожалуй, какъ на исключенія. Обратимся къ бюджетамъ городовъ вообще и посмотримъ, что́ можно вывести изъ нихъ по отношенію къ благосостоянію городовъ.

Опять обратимся къ оффиціальнымъ даннымъ [5]). По этимъ даннымъ оказывается, что, напр., въ 1844 году изъ пятидесяти одного *губернскаго города* доходы десяти, т. е. одной пятой части, не достигли и десяти тысячъ; въ восемнадцати городахъ они колебались между девятью и двадцатью тысячами, не достигая, однако, ни въ одномъ этой послѣдней цифры; такимъ образомъ, почти *въ половинѣ городовъ* доходы не достигали 20 тысячъ рублей. Изъ остальной половины *губернскихъ* городовъ въ десяти доходы колебались между двадцатью и сорока тысячами; послѣдней суммы, однако, ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ. Изъ остальныхъ городовъ, исключая столицъ (свыше милліона рублей) и Одессы, только въ Нижнемъ-Новгородѣ сумма доходовъ достигаетъ цифры 100 тысячъ [6]).

---

[1]) Наше назван. соч., т. II, стр. 341.

[2]) Такихъ городовъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ насчитано было около тридцати.

[3]) Этихъ городовъ насчитывалось болѣе десяти.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 341—343.

[5]) Мы пользовались казеннымъ изданіемъ 1859 года. „Общественное устройство и хозяйство городовъ" въ 2 томахъ. Здѣсь данныя по городскимъ бюджетамъ за время отъ 1838 по 1859 годъ, т. е. за 20 лѣтъ.

[6]) Наше сочиненіе. т. II, стр. 344—345.

Какъ бы медленно и тихо ни развивались наши города, все-таки, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ доходы увеличились въ теченіе четверти столѣтія послѣ 1844 года; но какъ не широко они разраслись: въ 37 изъ 51 тѣхъ же губернскихъ городовъ возрасли доходы отъ $1^1/_2$ до $3^1/_2$ разъ; въ 11—отъ 4 до 7 разъ и лишь въ одномъ (Самара) въ 16 разъ. Ко времени изданія новаго «Городоваго положенія» доходы *уѣздныхъ* городовъ таковы: въ 165 изъ нихъ доходы—отъ *одной* до *пяти* тысячъ; въ 152 городахъ—отъ пяти до десяти тысячъ; въ 95 цифра доходовъ достигаетъ отъ 10 до 20 тысячъ; лишь въ одномъ Рыбинскѣ доходы опредѣляются въ 225 тысячъ въ годъ [1]). А если подняться ко времени за двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ, то въ перечнѣ доходовъ уѣздныхъ городовъ, главнымъ образомъ, увидимъ цифры въ нѣсколько сотъ рублей.

Теперь взглянемъ, какъ или на что расходовались эти столь незначительные доходы городовъ.

Бо́льшая часть ихъ уходила, во-первыхъ, на содержаніе мѣстъ и лицъ общественнаго управленія, въ составъ котораго входила полиція, и, во-вторыхъ, на содержаніе казармъ, гауптвахтъ, тюремъ съ ихъ служебнымъ персоналомъ, конюшень, манежей, шлагбаумовъ, освѣщеніе военныхъ библіотекъ, школъ, сборныхъ учебныхъ и караульныхъ избъ, наемъ земли подъ лагери, военные огороды и т. п. [2]).

Мы имѣемъ въ цитированномъ уже нами изданіи министерства роспись городскихъ расходовъ по всѣмъ городамъ Европейской Россіи за 1858 годъ. Изъ этой росписи оказывается, что расходы на «содержаніе» мѣстъ и лицъ городоваго управленія (въ опредѣленномъ нами смыслѣ) во *всѣхъ* городахъ въ общей сложности составляютъ *тридцать семь съ половиною процентовъ* общей суммы городскихъ доходовъ; а если къ этой же категоріи расходовъ отнести,—что необходимо сдѣлать,—«единовременные» расходы на тотъ же предметъ, а также и издержки «по военной части», то, въ общей сложности, всѣ эти расходы составляютъ уже почти *пятьдесятъ* процентовъ всѣхъ городскихъ расходовъ; этого мало: расходы эти дойдутъ до *шестидесяти* процентовъ, если раскрыть такія рубрики городскихъ росписей, какъ «мелочныя и экстраординарныя издержки», «по строительной части» и «по другимъ городскимъ надобностямъ». Такимъ образомъ, *двѣ трети* городскихъ доходовъ уходили на покрытіе такихъ «нуждъ и пользъ», которыя назвать собственно городскими нельзя [3]).

На дѣйствительныя «нужды и потребности» города оставалась едва третья часть весьма, какъ мы видѣли, незначительныхъ суммъ его дохода.

Но мы привели лишь среднюю цифру расходовъ на *не*-городскія нужды; если же обратиться къ распредѣленію расходовъ по отдѣльнымъ городамъ, то встрѣтятся города, въ которыхъ расходы на содержаніе мѣстъ и лицъ городского управленія достигаютъ трехъ четвертей, четырехъ пятыхъ, даже пяти шестыхъ общей суммы городскихъ расходовъ; окажутся даже города, и ихъ не мало, хотя и изъ заштатныхъ, въ которыхъ всѣ городскіе расходы фигурируютъ въ

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 316—347.
[2]) „Уставъ о земск. повинностяхъ". Св. зак., т. IV, ст. 13.
[3]) Наше соч., т. II, стр. 276 и сл.

одной лишь статьѣ или рубрикѣ: «содержанiе мѣстъ и лицъ городового управленiя» [1]).

Теперь обратимся съ городскимъ расходамъ (въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ) на дѣйствительныя, непосредственныя «пользы и нужды» городовъ; взглянемъ, какъ и въ какихъ размѣрахъ расходовалась городами скромная доля, остававшаяся за покрытiемъ обязательныхъ расходовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы имѣли, по данному вопросу, въ рукахъ архивный матерiалъ по городскимъ бюджетамъ Ярославской губернiи за 1847 и 1857 года. По этимъ матерiаламъ оказывается слѣдующее: губернскiй городъ Ярославль расходуетъ на всякаго рода «благотворительныя и богоугодныя заведенiя», включая сюда и больницы, *двѣ тысячи* рублей въ годъ; черезъ десять лѣтъ на эту же потребность плюсъ на просвѣщенiе этимъ городомъ расходуется сумма въ 3,840 рублей; а большинство уѣздныхъ городовъ этой губернiи, исключая такихъ богатыхъ, какъ Ростовъ и Рыбинскъ, затрачиваютъ на только что названныя нужды отъ *стапятидесяти до семисотъ* рублей. А если поинтересоваться расходомъ собственно на благоустройство, въ тѣсномъ смыслѣ слова, на внѣшнее благообразiе и опрятность, то Ярославль затрачиваетъ: на уличное освѣщенiе 786 рублей, а на мостовыя и на поддержанiе «городского благоустройства» *четыре тысячи* рублей; десять лѣтъ спустя, на тѣ же потребности расходуется *шесть тысячъ* рублей; а очень богатый Рыбинскъ на уличное освѣщенiе въ 1847 году расходуетъ *пятьдесятъ шесть* рублей! Угличъ въ теченiе шести лѣтъ подъ-рядъ на «благоустройство города» тратитъ по 176 рублей ежегодно; въ нѣкоторыхъ росписяхъ расходовъ на «благоустройство» перечисляются отдѣльныя статьи ихъ,—и вотъ въ одной изъ такихъ росписей, противъ такой рубрики, какъ *«на содержанiе мостовъ, каналовъ, бульваровъ и проч.»* (!) значится *сто двадцать рублей* въ годъ. Каковы же эти мосты, канавы, бульвары? Въ большинствѣ городовъ и черезъ десять лѣтъ цифры этого рода расходовъ не увеличились ни на iоту.

Не слѣдуетъ думать, что таково положенiе дѣлъ было лишь въ Ярославской губернiи. Приведенныя выше цифры, указывающiя соотношенiя двухъ категорiй расходовъ, свидѣтельствуютъ, что таково было оно и въ другихъ городахъ [2]).

Теперь позволительно будетъ поставить простой вопросъ: что можно сдѣлать для города, какiя устроить въ немъ мостовыя, бульвары, мосты и скверы при такихъ скудныхъ средствахъ? Какая дѣятельность хозяина губернiи, съ подчиненной ему полицiей, изъ такого «ничего» могла сдѣлать что-либо?

Съ другой стороны, мы видѣли, что городская дума по своему личному усмотрѣнiю, безъ разрѣшенiя губернатора или губернскаго правленiя, не могла ни на что копѣйки истратить; и вотъ лишь одна процедура полученiя этого раз-

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 277. Эти цифры и выводы, сдѣланные нами на основанiи министерскихъ изданiй, подтвердились и тѣми, которые мы сдѣлали на основанiи найденныхъ въ архивѣ мин. вн. дѣлъ городскихъ бюджетовъ *Астраханской* губернiи за 1850 г. Изъ бюджета самой Астрахани видно, что изъ 116 тыс. годового дохода ея 872 шли на мѣста и лица управленiя. Для характеристики положенiя городовъ и посадовъ уѣздныхъ можно привести, напр., одинъ посадъ Ярославской губернiи: весь валовой доходъ его въ 378 руб. уходилъ на содержанiе городского управленiя.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 274—276.

рѣшенія задерживала дѣятельность тогдашнихъ городскихъ учрежденій. Въ Петербургѣ, напр., даже городскія дѣла лежали нерѣшенными *по семи* лѣтъ. И это не были какія-нибудь сложныя, требовавшія коммиссіи, дѣла, а такія немудреныя, какъ дѣла о починкѣ пожарныхъ рукавовъ, фонарныхъ столбовъ и т. п., такъ какъ нѣсколько рублей дума не могла истратить безъ «рапорта» о томъ губернскому начальству. Представимъ же себѣ какой-нибудь отдаленный уѣздный городокъ; въ немъ заходитъ рѣчь о починкѣ пожарныхъ рукавовъ, о необходимости купить на эту операцію кожи на нѣсколько рублей (мы имѣемъ въ виду фактъ, имѣвшій мѣсто въ уѣздномъ городѣ Ярославской губерніи—Даниловѣ), надо послать рапортъ въ губернскій городъ, а тамъ ждать, пока соберется по этому дѣлу губернское правленіе, пока наведутъ различныя справки въ законахъ; а дѣло не терпитъ, рукава расползаются и рвутся; губернское начальство даетъ разрѣшеніе на починку злосчастныхъ рукавовъ ровно черезъ годъ по поднятіи самаго вопроса о починкѣ, когда уже отъ рукавовъ ничего, кромѣ лоскутьевъ, не осталось; пришло разрѣшеніе починить ихъ на 32 рубля, а въ дѣйствительности нужно было покупать новые, на что нужна большая сумма, для затраты которой опять нужно посылать рапортъ въ губернію и опять ждать отвѣта Богъ вѣсть сколько времени.

Въ самомъ Ярославлѣ громадное зданіе городскихъ учрежденій, благодаря такому порядку вещей, до второй половины семидесятыхъ годовъ украшало городъ своими развалинами: пока утверждали смѣту на 1,000 руб., потребныхъ на его ремонтъ, зданіе разрушалось на десятки тысячъ и т. д., пока, наконецъ, не разрушилось настолько, что на него махнули рукой.

Г. Анучинъ не указалъ, потому что это вовсе и не входило въ его задачу, еще на одну причину печальнаго состоянія городовъ,—причину, сущность которой сама собой вытекаетъ изъ только что приведенныхъ фактовъ и которая въ шестидесятыхъ годахъ была признана правительствомъ.

Эта причина—слишкомъ заботливая административная опека,—какъ писалъ о томъ въ шестидесятыхъ годахъ одинъ изъ губернаторовъ—минскій,—опека... «столь вредная для развитія гражданственности на разумныхъ началахъ». «Она должна прекратиться,—говорилъ онъ,—иначе городъ никогда не выйдетъ изъ своего положенія». Дѣйствительный статскій совѣтникъ Игнатьевъ въ своей тогда же изданной запискѣ «о состояніи общественнаго управленія въ Москвѣ» указываетъ на то же, сѣтуя, что даже въ Москвѣ дума превратилась «въ какую-то канцелярію, ни мало не заботящуюся о соблюденіи городского интереса». Въ Петербургѣ дума «давно не имѣетъ никакой инпціативы, а только исполняетъ годовую роспись». Тоже говоритъ сенаторъ Сафоновъ, ревизовавшій въ 1859 году городскія учрежденія Пензенской губерніи, въ своей запискѣ о городскихъ головахъ и думахъ этой губерніи [1]).

Въ заключеніе мы приведемъ одинъ фактъ, недавно разсказанный редакторомъ газеты *Русь* [2]) о положеніи дѣлъ въ одномъ изъ городовъ Ярославской губерніи, который ему пришлось ревизовать въ сороковыхъ годахъ. Рѣчь идетъ о

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 281—282.
[2]) № 8 за 1884 годъ (апрѣль).

городѣ Мологѣ. Жители этого города, воспользовавшись тою статьею екатерининскаго «Городового положенія», которою разрѣшается «градскому обществу» дѣлать «добровольныя складки» на удовлетвореніе своихъ нуждъ, составили такую складку, сколотивъ очень почтенную сумму, а такъ какъ въ томъ же положеніи больше ничего не говорится объ этой «складкѣ» и такъ какъ на городскіе, закономъ указанные расходы положены и доходы, закономъ же указанные, то моложане и рѣшили распоряжаться своей складкой по собственному усмотрѣнію, употребляя деньги на пользы и нужды города, ими самими сознанныя. Такимъ образомъ, говоритъ г. Аксаковъ, получилось въ городѣ два самоуправленія: «одно *казенное*, по штату и по закону, для видимости и для исполненія требованій начальства, подъ его контролемъ; другое—*настоящее*, свое, подъ контролемъ самого общества; собранная для послѣдняго складочная сумма была пущена въ оборотъ; помощью ея выстроился гостинный дворъ, приносившій значительные барыши. Оффиціальный городъ былъ бѣденъ, имѣлъ не свыше четырехъ тысячъ рублей дохода; неоффиціальный городъ имѣлъ доходы свыше 20,000 руб. Городъ сравнительно съ прочими процвѣлъ: онъ былъ и вымощенъ, и освѣщенъ лучше другихъ уѣздныхъ городовъ Ярославской губерніи; въ немъ построено было два каменныхъ дома для училищъ, выдавалось пособіе бѣднымъ церквамъ, пожарный обозъ былъ исправнѣе, чѣмъ гдѣ-либо».

Скоро будетъ полтора десятка лѣтъ, какъ съ городовъ, повидимому, снята «опека»; они признаны совершеннолѣтними; а, между тѣмъ, по свидѣтельству министерства внутреннихъ дѣлъ, даже «внѣшняя опрятность» нашего города все еще не удовлетворяетъ даже минимальнымъ требованіямъ. Что же это можетъ значить?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно заглянуть, и заглянуть поглубже, въ современный городской строй въ широкомъ смыслѣ этого слова, ознакомиться съ населеніемъ города, его экономическимъ благосостояніемъ, съ уровнемъ его умственнаго и нравственнаго развитія, съ организаціей самоуправленія, введеннаго въ 1870 году.

Наши города за первыя три четверти настоящаго столѣтія.

„Die Gemeinde nimmt Theil an allen Entwickelungsphasen des Staates; wo das nicht geschieht, da ist auch die politische Veränderung keine vollständige".

Treitschke—Die Gesellschaftswissenschaft, S. 3.

I.

Городскія учрежденія и ихъ функціи по закону.

Императоръ Александръ I, стремясь къ разрѣшенію разъ поставленной себѣ задачи «управлять народъ *по законамъ* и *по сердцу* августѣйшей *бабки*», черезъ нѣсколько дней по восшествіи на престолъ упразднилъ городскія губернскія учрежденія своего отца, возстановивъ городовое положеніе 1785 года, которое и существовало, въ своихъ главныхъ основаніяхъ, почти до нашихъ дней. Странная, чтобы не сказать болѣе, «*Коммиссія о снабженіи резиденціи припасами, распорядкомъ квартиръ и прочихъ частей до полиціи принадлежащихъ*», это «главное начальство» Петербурга, съ ея «*департаментомъ*» въ Москвѣ, подчиненные ей *ратгаузы*, со всякаго рода конторами, упразднены. Всѣ эти учрежденія были «не что иное, какъ *отдѣльный департаментъ* по городскимъ дѣламъ», и входили «въ общій составъ *губернскаго правительства*», почему, разумѣется, и должны были, «какъ и прочія губернскія мѣста, состоять въ положенной закономъ зависимости отъ управляющаго губерніей». Съ 1801 года всѣ эти учрежденія, въ виду «той истины, что *безъ правъ* и преимуществъ *непоколебимыхъ* и всею *силою закона охраняемыхъ* не могутъ промыслы, рукодѣлія и торговля достигнуть цвѣтущаго состоянія», смѣнились екатерининскими *общей и шестигласной* думами съ ихъ выборнымъ составомъ. Въ возстановленныхъ учрежденіяхъ городоваго положенія 1785 года не разъ были, впродолженіи первой половины настоящаго столѣтія, дѣлаемы «перемѣны или дополне-

нія» съ цѣлью «основать лучшее устройство городскаго управленія съ успѣшнымъ теченіемъ дѣлъ, съ сохраненіемъ *личной и имущественной* безопасности, и съ меньшими издержками сопряженное».

Эти городскія учрежденія, съ сдѣланными въ нихъ «перемѣнами и дополненіями», представляли собою, въ нѣсколькихъ словахъ, слѣдующее: во главѣ «городскаго общества» [1]) стояли, для завѣдыванія «общественными нуждами и пользами», *думы*—общая и шестигласная—«въ городахъ многолюдныхъ» и такъ назыв. *ратуши* «въ городахъ малолюдныхъ». Въ *общую* думу члены—«гласные»—избирались «каждымъ *сословіемъ порознь* въ особыхъ избирательныхъ собраніяхъ по (полицейскимъ) частямъ города»; каждое такое собраніе выбирало по *одному* гласному. Такъ составленная *общая* дума организовала уже изъ своей среды *шестигласную*, «для отправленія текущихъ дѣлъ», избирая по *одному* гласному изъ каждаго сословія.

Въ той и другой думѣ предсѣдательствовалъ *городской голова*, который избирался всѣми сословіями города вмѣстѣ и такимъ образомъ былъ единственнымъ безсословнымъ представителемъ города. Для выборовъ городскаго головы и нѣкоторыхъ другихъ должностныхъ лицъ отъ *всего общества*, а не отъ отдѣльныхъ сословій его, собиралось особое «*собраніе*» изъ всѣхъ «*полноправныхъ*» членовъ городскаго *общества*, изъ всѣхъ «*капитальныхъ* гражданъ» его. Роль этого собранія исчерпывалась исключительно выборами указанныхъ должностныхъ лицъ. Оно собиралось разъ въ *три* года и *только* для выборовъ. Совершенно, въ сущности, такимъ же избирательнымъ исключительно учрежденіемъ была и *общая* дума: всѣ «текущія общественныя дѣла», возложенныя закономъ на эту думу, исчерпывались выборами членовъ шестигласной думы, почему и она собиралась, если только собиралась когда-нибудь, *одинъ разъ въ три года*. Въ составъ общей, а, стало-быть, и шестигласной думы могъ быть избранъ каждый «городовой обыватель» не моложе двадцати пяти лѣтъ, обладавшій капиталомъ, годовой доходъ съ котораго не менѣе 50 р. ас., или владѣвшій въ городѣ домомъ или инымъ строеніемъ, или мостомъ, или землей, если только такой обыватель, въ силу тѣхъ или иныхъ условій, не былъ освобожденъ «отъ мѣщанскихъ тягостей и *службъ*». Городской голова, согласно съ обрядомъ выбора депутата отъ городскихъ обывателей въ коммиссію 1767 года, обрядомъ, сохранившемъ силу по данному вопросу почти до нашихъ дней, избирался изъ среды тѣхъ же обывателей съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы избираемому было не менѣе 30 лѣтъ отъ роду.

При думѣ, въ качествѣ подчиненныхъ ей учрежденій, состояли: *торговыя депутаціи* (съ 1824 года)—только въ большихъ городахъ; торговые *смотрители* или гласные и *торговые* же *городскіе старосты*. Эти учрежденія и лица вѣдали, въ качествѣ подчиненныхъ шестигласной думы, ея исполнительныхъ органовъ, извѣстныя дѣла *всего* городскаго общества, а не отдѣльныхъ сословій его, изъ которыхъ каждое, распадаясь на извѣстныя группы — гильдіи или цехи,—имѣло свою особую, *сословную*, организацію для завѣдыванія *своими* дѣлами.

---

[1]) О составѣ этого общества см. *Дитятина:* „Городское самоуправленіе въ Россіи“, ч. I, 143—148.

Въ каждомъ изъ городовъ существовало еще одно учрежденіе, отъ думъ независимое, вѣдавшее свою спеціальную функцію—веденіе городской обывательской книги; это—депутатское собраніе, въ составъ котораго входилъ, во-первыхъ, городской голова, въ качествѣ предсѣдателя, во-вторыхъ,—депутаты отъ *всѣхъ* сословій.

Въ «малолюдныхъ» городахъ, какъ мы видѣли, думы, *обѣ*, замѣнялись ратушами, которыя притомъ, въ отличіе отъ думъ, вѣдали какъ административную, такъ и судебную функцію. Это учрежденіе президировалось уже не городскимъ головой, а *бургомистромъ* и замѣняло собой именно *обѣ* думы «многолюдныхъ городовъ». «Малолюдные» изъ малолюдныхъ города, не могшіе составить изъ среды своего населенія даже и немногосложныхъ, по своему составу, ратушъ, вѣдали свои «текущія дѣла» уже черезъ такъ-наз. «*городскихъ* старостъ», замѣняющихъ собою коллегіальныя учрежденія городовъ «многолюдныхъ».

Но что́ же всѣ эти учрежденія вѣдали, въ чемъ состояли тѣ «текущія дѣла», завѣдываніе которыми отдано было въ ихъ руки? Мы уже видѣли, въ чемъ состояли функціи «собранія городскаго общества», общей думы и депутатскаго собранія, поэтому здѣсь придется сказать нѣсколько словъ лишь о функціяхъ шестигласной думы, ратушъ и городскаго головы, бургомистра и городоваго старосты.

Если обратиться къ опредѣленію функцій шестигласной думы по Своду Законовъ, придется составить себѣ представленіе о необычайной широтѣ этихъ функцій. Всѣ отдѣльные предметы вѣдомства шестигласныхъ думъ (а, стало-быть, и ратушъ ихъ замѣняющихъ, а также и городовыхъ старостъ) Сводъ Законовъ распредѣляетъ по слѣдующимъ *пяти* группамъ: 1) «дѣла *общественныя*», 2) дѣла «*по городскому хозяйству*» *(?)*, 3)—«*по торговой полиціи*», 4) «*дѣла казенныя*» и 5) «дѣла судебныя». Если вникнуть въ суть тѣхъ дѣлъ, которыя тотъ же Сводъ перечисляетъ, какъ входящія въ составъ каждой изъ пяти названныхъ группъ, то всѣ ихъ придется раздѣлить на двѣ группы: группу дѣлъ, которыя, дѣйствительно, могутъ быть подведены подъ понятіе *общественныхъ* пользъ и нуждъ города, и группу дѣлъ чисто *общегосударственнаго* характера, дѣлъ *казенныхъ*, выражаясь языкомъ Свода.

Вѣдая первую группу, городскія учрежденія, такъ или иначе, являются все-таки органами, если не самоуправленія, то, по крайней мѣрѣ, мѣстнаго *общественнаго* управленія; вѣдая же вторую группу, они являются чисто *правительственными* административными органами, лишь выборными.

Въ качествѣ перваго, т. е. органа мѣстнаго *общественнаго* управленія, шестигласная дума вѣдала прежде всего «*городское хозяйство*». Взглянемъ, въ чемъ состояло это *вѣдѣніе*. Городъ, какъ юридическое лицо, обладалъ собственностью движимой и недвижимой [1]), получалъ доходы и производилъ расходы въ

[1]) Во многихъ городахъ поземельная собственность находилась въ пользованіи всего городскаго населенія на началахъ *общиннаго землевладѣнія*, какъ, напр., въ заштатномъ городѣ *Воротынскѣ* (Калужск. губ., Перемышл. у.), гдѣ пашня дѣлится на участки по тягламъ, а сѣнокосные луга скашиваются вмѣстѣ, по тягламъ дѣлится уже готовое сѣно. Фактъ, противорѣчащій утвержденію кн. *Васильчикова* („Землевладѣніе и земледѣліе", т. I, стр. XLII и сл.), что русскому земледѣльцу раздѣлъ продуктовъ земли „поголовно" совершенно чуждъ.

лицѣ своего представителя, шестигласной думы. Но какъ онъ распоряжался своими доходами, какъ и откуда онъ извлекалъ ихъ?

По отношенію къ недвижимой собственности законъ, напр., относительно сдачи городскихъ земель въ аренду, устанавливаетъ массу условій, имѣющихъ цѣлью стѣснить свободу шестигласной думы: имъ опредѣляются *величина* поземельныхъ участковъ, сдаваемыхъ въ аренду; ихъ *форма* и *сроки* аренды; устанавливаются извѣстныя условія относительно пользованія лѣсомъ, буде таковой окажется на городскихъ земляхъ [1]). Само собою разумѣется, что главный доходъ города извлекался не изъ этой разнаго рода городской собственности, а путемъ установленія особыхъ *сборовъ* съ разнаго рода объектовъ обложенія въ пользу города. Сборы эти, въ высшей степени разнообразные—мы не будемъ останавливаться на ихъ перечисленіи — Сводъ подраздѣлялъ на: 1) *личные* — вродѣ сбора «за записку обывателей въ городскую обывательскую книгу»; 2) сборы съ недвижимой собственности и 3) сборы съ промысловъ и торговли [2]).

Въ средѣ этихъ сборовъ очень и очень многіе городскими могли быть названы развѣ потому, что шли на покрытіе такъ наз. *городскихъ* потребностей, да собирались городскими выборными; на самомъ же дѣлѣ, по существу своему, они—вродѣ сборовъ съ фабричныхъ рабочихъ, привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, векселей и т. п.—чисто *государственные* сборы, отданные въ пользу города, въ качествѣ «доходовъ, предоставленныхъ городамъ отъ казны», какъ выражается Сводъ.

Всѣ отношенія думы къ доходамъ этого рода исчерпывались лишь... сборомъ, взиманіемъ ихъ, да и то не всѣхъ [3]). *Всѣ* сборы относительно предметовъ обложенія и ихъ размѣровъ устанавливались правительствомъ законодательнымъ или административнымъ путемъ. Думѣ, въ этомъ отношеніи, не принадлежало даже право иниціативы. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ сборы вѣдались, какъ сказано, правительствомъ, министерствомъ вн. дѣлъ, черезъ особые городскіе комитеты о городскихъ сборахъ или повинностяхъ или же просто черезъ начальниковъ губерній.

«Городская дума сама собою», говоритъ уставъ о гор. хозяйствѣ, «не установляетъ никакихъ поборовъ»; онъ признаетъ за думой лишь что-то вродѣ иниціативы по данному вопросу, обязывая ее «прилагать, *вмѣстѣ съ губернскими начальствами* (!) старанія о приращеніи городскихъ доходовъ, не испрашивая по этому поводу *высочайшаго* разрѣшенія черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ». Совмѣстность съ «губернскими начальствами» выражалась въ томъ, что о всѣхъ «своихъ нуждахъ городская дума входитъ съ *представленіями* къ начальнику губерніи», который, въ концѣ концовъ, «въ случаѣ недостатка го-

---

[1]) По изслѣдованію министерства вн. д. въ числѣ городской недвижимой собственности оказались и „населенныя мѣста“, коихъ оно насчитало *девяносто три;* изъ нихъ до 1861 г. въ четырехъ были „*крѣпостные крестьяне*“. См. „*Матеріалы относ. до* нов. общественн. устройства въ гор. Имперіи, т. I, стр. 364, прим. 3.

[2]) См. нами назв. соч., стр. 182—201. Укажу, какъ на особенно любопытные, на сборы съ фабричныхъ рабочихъ—по 2 р. съ мужчинъ и 1 р. съ женщинъ и дѣтей; по 10 р. „съ пилы“ съ рабочихъ пильщиковъ и т. п.

[3]) Сборы, вродѣ сборовъ съ заключенія разнаго рода актовъ, взимались въ казенной палатѣ нотаріусами, а отсюда уже поступали въ шестигл. думу.

родскихъ доходовъ на содержаніе полиціи или же *иныя необходимыя потребности* города *изыскиваетъ способъ къ умноженію оныхъ*», приглашая «для *совѣщанія* о семъ» городскаго голову и спеціально выбранныхъ (кѣмъ—не знаемъ) для этого «депутатовъ отъ всѣхъ сословій, владѣющихъ въ городѣ недвижимостью».

Таково же было отношеніе думъ и къ городскимъ расходамъ: какъ доходы онѣ лишь взимали, такъ расходы онѣ лишь *производили*, выплачивали. Расходы города, по опредѣленію Свода, дѣлились на три категоріи: 1) расходы «на содержаніе мѣстъ и лицъ городскаго управленія» [1]), причемъ подъ рубрику «мѣстъ и лицъ» одинаково подходили какъ мѣста и лица *общественнаго*, такъ и мѣста и лица *правительственнаго* управленія; 2) «расходы по *строительной* части» и 3) «расходы на богоугодныя и учебныя заведенія». Дѣленія на обязательные и не обязательные расходы не существовало; всѣ расходы, какъ опредѣленные изданнымъ правительствомъ «*уставомъ о городскомъ хозяйствѣ*», одинаково были обязательны. Нѣсколько подробнѣе объ отдѣльныхъ видахъ городскихъ расходовъ я буду говорить дальше; здѣсь же остановлюсь на нѣкоторыхъ подробностяхъ по вопросу объ отношеніи шестигласной думы, какъ представителя города, къ расходованію городскихъ доходовъ. Я уже вскользь сказалъ, что виды расходовъ устанавливались «уставомъ городскаго хозяйства». А кѣмъ выработанъ этотъ уставъ? Онъ внесенъ въ XII т. Св. Законовъ, т. е. является для городскаго управленія такимъ же закономъ, какъ и законы, устанавливающіе самыя городскія учрежденія. Самый уставъ открывается слѣдующимъ постановленіемъ: «*всѣ* статьи расходовъ» опредѣляются или «общимъ закономъ» или «частными положеніями», т. е. тѣмъ же закономъ, но относящимся лишь къ *данному* городу.

«Сверхъ опредѣленныхъ расходовъ», говоритъ тотъ же уставъ, «городскія общества не могутъ сами собою издерживать деньги городскія». Еслибъ встрѣтилась какая-либо крайняя необходимость израсходовать нѣкоторую сумму «къ пользѣ общей»—дума должна «ожидать дозволенія» начальника губерніи.

Правда, дума составляетъ ежегодно смѣты городскимъ доходамъ и расходамъ, но подъ *составленіемъ* здѣсь слѣдуетъ разумѣть простую *канцелярскую* работу: распредѣленіе городскихъ доходовъ по рубрикамъ, графамъ расходовъ, опредѣленныхъ министерствомъ [2]). Такъ составленная смѣта изъ канцеляріи думы направлялась къ начальнику губерніи, который по разсмотрѣніи ея «въ присутствіи губернскаго правленія» или возвращалъ въ думу для исправленія, или, если она была составлена «на законномъ основаніи», отсылалъ «списки» съ нея въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которымъ смѣта и утверждалась [3]) по полученіи изъ министерства финансовъ «заключенія» относительно «*состава* городскихъ *доходовъ*». Прошедшая всѣ эти мытарства смѣта должна была соблюдаться думой буквально.

---

[1]) По закону всѣ выборныя должностныя лица служили безъ вознагражденія.

[2]) Въ тѣхъ городахъ, гдѣ существовали комитеты объ уравненіи повинностей составленіе смѣты отходило въ ихъ вѣдѣніе.

[3]) Смотря по величинѣ оборотовъ смѣты, она могла утверждаться и губернаторомъ.

Оказавшіеся, паче чаянія, «остатки» отъ исполненія смѣты въ большинствѣ городовъ шли на удовлетвореніе статей, изысканныхъ губернаторомъ ad hoc; если же и по удовлетвореніи этихъ статей еще оставалось что-либо, то такіе остатки, какъ и *всякіе* другіе, *предписывалось* обращать въ особый капиталъ «остаточныхъ суммъ отъ городскихъ расходовъ», которыя дума могла для нарощенія процентовъ сама, или, начиная съ сороковыхъ годовъ, чрезъ посредство городскихъ банковъ пускать въ оборотъ, но которыя могли быть израсходованы на «общеполезныя въ городѣ строенія или заведенія», съ разрѣшенія или по указанію все того же начальника губерніи.

При исполненіи такъ составляемой смѣты дума «въ порядкѣ мѣстнаго управленія» состояла «подъ надзоромъ» губернатора, который былъ «обязанъ наблюдать за правильнымъ употребленіемъ суммъ и за исправностью въ производствѣ вообще «*по сей части дѣлъ*». Для осуществленія губернаторомъ этой его функціи надзора за городскими учрежденіями думы или замѣняющими ее ратушами, городовые старосты должны были ежегодно представлять ему «надлежащіе отчеты о городскихъ расходахъ». Тѣ же отчеты, вмѣстѣ съ приходорасходными книгами, они должны были отсылать еще и въ казенную палату. Неправильности и упущенія, оказывавшіяся при повѣркѣ такихъ отчетностей, вели къ *отвѣтственности*, поводомъ къ каковой могли служить и «частныя жалобы», подававшіяся на городскія учрежденія въ *губернское правленіе*, которому такимъ образомъ подчинялись думы и ратуши.

Вотъ въ немногихъ словахъ организація городскихъ учрежденій, какъ они существовали по закону во всѣхъ городахъ, не исключая столицъ, гдѣ, какъ увидимъ, произведены были нѣкоторыя преобразованія гораздо раньше, до введенія новаго городоваго положенія 1870 года. Всѣ эти учрежденія въ основныхъ чертахъ ихъ введены были, какъ мы уже замѣчали, еще жалованной грамотой городамъ 1785 г. и втеченіи едва не двухъ четвертей столѣтія лишь развивались и дополнялись; притомъ развивались и дополнялись не въ смыслѣ расширенія и дополненія началъ общественной автономіи, вложенныхъ, хотя бы и въ зародышѣ, въ положеніе 1785 года, а въ смыслѣ расширенія начала противоположнаго, начала правительственной опеки, которая и поглотила зародыши автономіи, самоуправленія. Городскія учрежденія въ силу этого представляли собою... простыя канцеляріи, которыя писали, переписывали, отписывались. Выборныя должностныя лица этихъ канцелярій обратились въ облеченныхъ въ правительственные мундиры чиновниковъ. Ставъ въ подчиненныя отношенія къ органамъ правительственной администраціи, эти «канцеляріи» стояли въ сущности внѣ всякой связи съ «обществомъ», ихъ отдѣльныхъ членовъ избиравшимъ. Онѣ совершенно оторвались отъ этого общества, забыли, что должны служить его представителями и съ такимъ «легкимъ сердцемъ» несли свои канцелярскія обязанности, такъ сжились съ чиновничьей опекой, что въ концѣ концовъ обратились въ нѣчто такое, что стало смущать и самихъ представителей этой опеки.

Теперь посмотримъ, во что обратились эти городскія учрежденія, такъ организованныя *по закону*, въ самой дѣйствительности, въ жизни; а вмѣстѣ взглянемъ и на тѣ жизненныя условія самого общества, городскаго населенія, среди которыхъ приходилось этимъ учрежденіямъ функціонировать.

II.

Городскія учрежденія въ дѣйствительности и положеніе городовъ за первыя шестьдесятъ лѣтъ настоящаго столѣтія.

Если бросить хоть сколько-нибудь внимательный взглядъ на ту массу всякаго рода законодательныхъ распоряженій, которая сдѣлана была по отношенію къ городскимъ учрежденіямъ за первую половину настоящаго столѣтія и разсыпана по всѣмъ почти томамъ полнаго собранія законовъ, необходимо придется заключить, что учрежденія эти оказались несостоятельными чуть не съ перваго дня ихъ существованія даже для достиженія той неширокой цѣли, которая имъ была поставлена. Они оказались плохими приходо-расходчиками, плохими, въ этомъ смыслѣ, хранителями «общественныхъ пользъ и нуждъ»; оказались такими, несмотря на все стараніе законодателя установить возможно болѣе сложныя, а, стало быть, по его мнѣнію, и дѣйствительныя средства надзора, возможно болѣе точныя и подробныя опредѣленія бюрократическаго производства, установленіемъ котораго онъ думалъ вознаградить въ выборныхъ членахъ городскихъ учрежденій «незнаніе порядка службы».

Перенесенная изъ свода законовъ и полнаго собранія ихъ въ жизнь организація городскихъ учрежденій оказалась въ такомъ печальномъ положеніи, что, въ сущности, представляла собою нѣчто совершенно нарушавшее, или, лучше, разрушавшее то, что съ такимъ трудомъ созидалось втеченіи полустолѣтія.

Еще въ первой четверти настоящаго столѣтія оказалось, что граждане «уклоняются» отъ службы по городскимъ выборамъ, что необходимо «возвысить ихъ служеніе», что необходимо «возбудить» въ нихъ желаніе отдаться этому «служенію». Это отрицательное отношеніе общества городскаго къ возложенному на него «служенію» проходитъ красною ниткою черезъ все полустолѣтіе, проявляясь рѣшительно во всемъ: въ участіи въ избирательныхъ собраніяхъ, думахъ, въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей, въ отправленіи канцелярскихъ работъ по отчетности и т. д.

По донесенію чиновниковъ, ревизовавшихъ городскія учрежденія въ сороковыхъ годахъ, оказалось, что въ избирательныя собранія, какъ сословныя, такъ и общія, обыкновенно являлась едва одна *десятая* часть избирателей, а случалось—даже въ Петербургѣ—и одна *двадцатая*, а то и меньше; въ Москвѣ, въ избирательныя собранія изъ личныхъ мѣщанъ, пользовавшихся правомъ активнаго избранія, являлось иногда отъ полупроцента до двухъ съ половиной. И, тѣмъ не менѣе, выборы обыкновенно производились. Приэтомъ слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что сплошь и рядомъ къ участію въ выборахъ допускался, по выраженію чиновниковъ-ревизоровъ, «всякій по произволу», который въ значительной степени увеличивался присутствовавшими на выборахъ правительственными чиновниками въ лицѣ членовъ губернскаго правленія или полицеймейстера. Права на участіе гражданъ въ выборахъ опредѣлить было невозможно, такъ какъ и обывательскія книги едва-ли велись хоть въ нѣсколькихъ городахъ; даже въ Петербургѣ депутатское собраніе, задачей котораго, какъ мы видимъ, было веденіе этой книги, существовало, по выраженію одной

докладной записки, лишь «*нарицательно*, не имѣя никакихъ способовъ къ веденію обывательской книги». Если въ избраніи могъ участвовать всякій, то чуть-ли всякій и могъ быть избраннымъ во всякую должность: по донесенію минскаго губернатора въ городахъ его губерніи часто баллотировались въ выборныя должности лица несовершеннолѣтнія, неосѣдлыя, опороченныя судомъ, и, что всего удивительнѣе, эти избранники, изъ послѣдней, напримѣръ, категоріи,—утверждались губернскимъ правленіемъ. Выбирали въ нее или въ иныя должности ни въ какомъ случаѣ не руководясь соображеніями объ интересахъ общества, его «пользахъ и нуждахъ».

Если избирательныя собранія сокращались, по числу участвовавшихъ въ нихъ членовъ, чуть не до полнаго исчезновенія, то нѣкоторыя изъ городскихъ учрежденій и, дѣйствительно, *исчезли*, исчезли вполнѣ, оставшись лишь въ Сводѣ Законовъ. Приведу нѣсколько фактовъ. Въ 1867 году по свѣдѣніямъ, собраннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, оказалось, что «*въ нѣкоторыхъ городахъ*», въ которыхъ должны были по закону существовать даже не ратуши, а думы, ихъ, этихъ думъ и вообще никакихъ выборныхъ учрежденій или единоличныхъ даже органовъ не существуетъ, «означенными (городскими) *дѣлами вѣдаютъ* городскія... *полиціи*»! Такіе города оказались между прочимъ въ харьковской, херсонской, таврической губерніяхъ. Если возможно было въ *нѣсколькихъ* городахъ *нѣсколькихъ* губерній исчезновеніе *всѣхъ* городскихъ учрежденій и органовъ, то что же удивительнаго, если во *всѣхъ городахъ* имперіи исчезли съ лица земли *одно*, *два* изъ этихъ учрежденій. Мы уже видѣли, что исчезло *депутатское собраніе* въ Петербургѣ, оно исчезло и вездѣ, исчезло за отсутствіемъ дѣла. Но это учрежденіе иногда вспоминали, жаловались, напр., шестигласныя думы, на то, что оно исчезло, не существуетъ; значитъ, его помнили, знали, что оно должно существовать. Но другое учрежденіе, такъ сказать, кардинальное учрежденіе, долженствовавшее стоять во главѣ города, служить его представителемъ, наблюдать за ходомъ общественныхъ дѣлъ, избирать членовъ городскаго управленія, — это учрежденіе — я говорю объ *общей думѣ*—исчезло вовсе, исчезло безъ слѣда, исчезло повсюду, исчезло такъ, что его совсѣмъ забыли. Указанія на существованіе этого учрежденія мы не нашли, кромѣ Свода Законовъ всѣхъ трехъ изданій, *нигдѣ*. Но за то мы нашли *категорическія* указанія на *несуществованіе* этого учрежденія во всѣхъ городахъ, даже въ *столицахъ*. Общая дума, напримѣръ, въ Москвѣ, не существовала еще въ 1828 году по свидѣтельству самого городскаго головы того времени Мазурина, который, въ своихъ замѣчаніяхъ на проэктъ новаго городоваго положенія, въ то время составленный, прямо говоритъ, что прежде всего «слѣдуетъ *возстановить* общую думу, которая нынѣ *вовсе не существуетъ*». Въ 1844 году правительство еще разъ, по отчетамъ и донесеніямъ чиновниковъ-ревизоровъ, убѣдилось, что общая дума не существовала нигдѣ, не выключая и столицъ. Это убѣжденіе его, какъ то видно изъ «матеріаловъ», относящихся до новаго общ. устройства въ городахъ имперіи (т. I, стр. 4, 212 и 213), подтвердилось и еще разъ уже въ шестидесятыхъ годахъ, когда эта дума возстановлялась въ столицахъ и Одессѣ. Впрочемъ, нужно оговориться: въ Петербургѣ въ 1843 году удалось найти, правда, не думу, но ея *членовъ*, глас-

ныхъ, въ количествѣ *тридцати восьми* человѣкъ, которые состояли «*въ распоряженіи шестигласной думы* (выбираемой по закону, мы видѣли, общей думой), *дававшей имъ разныя порученія» по хозяйственнымъ и торговымъ дѣламъ города!*» [1]). Нуждается-ли этотъ фактъ въ какихъ-либо комментаріяхъ?

Если одни общественныя учрежденія исчезали, то другія, какъ это ни дико, «*самовольно*» возникали или по крайней мѣрѣ *существовали*; въ 1843 году правительствомъ отыскано было въ Крестцахъ, уѣздномъ городѣ Новгородской губ., какое-то «городовыхъ дѣлъ управленіе». Да что какіе-то Крестцы! — въ Москвѣ оказалось учрежденіе, такъ-сказать *открытое* правительствомъ въ 1840 году и оставленное имъ «по уваженію давняго существованія обычая» (?). Это — «*домъ* московскаго *гражданскаго общества*»*!* По наведеннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ справкамъ выяснилось, что «домъ» этотъ, подъ именемъ «гильдіи», существовалъ еще до 1805 года, въ которомъ онъ уже и превращенъ былъ *указомъ* московскаго *губернскаго правленія* въ «домъ городскаго или гражданскаго общества». Этотъ курьезный домъ авторомъ докладной записки, въ которой о немъ идетъ рѣчь, называется прямо учрежденіемъ, «*самовольно*» гражданами установленнымъ.

Взглянемъ теперь, какъ функціонировали всѣ эти *по закону* и *самовольно* существовавшія городскія учрежденія.

«Прилагать стараніе о приращеніи городскихъ доходовъ», представлять начальству, что «усмотрятъ къ пользѣ общей, къ выгодѣ и къ украшенію города нужное» — городскія учрежденія оказались, и очень рано, рѣшительно неспособными. Поэтому эти функціи у нихъ очень скоро были отобраны; за ними оставлены были чисто, такъ сказать, бухгалтерскія обязанности приходо-расходчиковъ, притомъ, какъ мы видѣли, подъ самой заботливой опекой. Но, къ удивленію опекуна, и въ этой роли городскія учрежденія оказались несостоятельными. «Нераспорядительность, неправильность, медленность дѣлопроизводства, упущенія по счетной части» вотъ слова и выраженія, которыя пестрятъ собой донесенія чиновниковъ, командированныхъ для ревизіи городскихъ учрежденій. И дѣйствительно, стоитъ хоть мелькомъ взглянуть на «смѣты», составлявшіяся въ думахъ, чтобы убѣдиться, что чиновники, пожалуй, даже слишкомъ мягко отзывались о томъ, съ чѣмъ они познакомились. Въ смѣты или росписи вносилось сплошь и къ ряду то, чего тамъ отнюдь не должно было быть, и, наоборотъ, въ нихъ не попадало то, что *по закону* должно было вноситься туда. Въ нихъ вносились, напр., сборы, никогда не разрѣшавшіеся правительствомъ, вродѣ спеціальныхъ сборовъ на содержаніе церковныхъ хоровъ, причтовъ; въ нихъ вносились расходы, напр., на содержаніе такихъ должностныхъ лицъ, которыхъ въ самомъ дѣлѣ не существовало и функціи которыхъ отправлялись выборными должностными лицами, вродѣ сотскихъ и десятскихъ. Но въ нихъ не вносились цѣлыя серіи, правда, не крупныхъ сборовъ, запрещавшихся не разъ закономъ, но тѣмъ не менѣе регулярно собиравшихся. Все это «губернскимъ начальствомъ» или даже утверждалось или, по крайней мѣрѣ, допускалось и

---

[1]) Такъ, *четверо* изъ нихъ имѣли порученіе собирать $^1/_2$% деньги; *двое*—сборъ пошлины съ судовъ, проходящихъ черезъ мосты; *одинъ* — наблюдать за торговлей иногородныхъ и т. п.; одинъ назначался *„для смотрѣнія за домомъ генералъ-губернатора"*.

лишь изрѣдка замѣчалось въ министерствѣ, которое однако никакими угрозами не могло добиться порядка. Вообще всѣ прошедшія черезъ наши руки смѣты и росписи цѣлой губерніи указываютъ, что составленіе ихъ было пустой канцелярской формальностью: почти всѣ статьи, напр., расхода въ этихъ росписяхъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, десяти, пятнадцати, вносились въ одномъ и томъ же размѣрѣ. И эта нелѣпость обратила на себя вниманіе министерства, судя по матеріаламъ, которыми мы пользовались, какихъ нибудь два, три раза, и, разумѣется, совершенно случайно.

Самая отчетность думъ и ратушъ передъ губернаторами и казенной палатой обратилась въ дѣйствительности, несмотря на всю «строгость законовъ», въ пустую формальность, почти вовсе несоблюдавшуюся. Ни росписи, ни смѣты не представлялись ни губернатору, ни въ казенную палату. Приходо-расходныя книги въ думахъ едва-ли даже и велись. Министерство установило въ 1849 году, чтобы городскія росписи представлялись въ министерство, черезъ губернаторовъ, за мѣсяцъ, за два до наступленія того года, на который онѣ составлены, а на самомъ дѣлѣ онѣ поступали туда, если только поступали, никакъ не ранѣе конца того года, на который составлены, т.-е. именно тогда, когда представленіе ихъ теряло уже всякій почти смыслъ. Но это было еще, пожалуй, особенной аккуратностью со стороны думы и «губернскаго начальства»; сплошь и къ ряду имѣли мѣсто вотъ какого рода явленія: въ 1848 году, напр., министерство требуетъ отчета у г. Ярославля за 1828, 1829, 1835 года и т. д.! «Губернское начальство» напоминало думамъ объ отчетности, но, напоминая о ней, требовало ея не систематически, не каждый разъ, какъ дума не исполняла своихъ обязанностей, а какъ-то случайно: нѣсколько лѣтъ молчитъ, а потомъ вдругъ начнетъ требовать отчетности за нѣсколько лѣтъ, когда эта отчетность дѣлается уже не по силамъ даже и докѣ—городскому секретарю.

А этотъ секретарь-дока былъ въ думѣ *все*. Иначе и быть не могло: члены думъ, ратушъ и вообще выборные люди, занимавшіе всякія городскія должности, были «люди темные», по отзыву чиновниковъ-ревизоровъ—«безотвѣтные»; люди, ровно ничего непонимающіе въ дѣлѣ, къ которому были призваны; люди, по преимуществу безграмотные, зачастую немогшіе дать сколько-нибудь толковаго отвѣта «на самые простые вопросы, касавшіеся городского управленія», вѣдать которое было ихъ назначеніемъ. Если и проявляли эти «темные» выборные люди нѣкоторую энергію, то развѣ — подъ руководствомъ того-же секретаря-дѣльца—въ дѣлѣ поживы на счетъ избравшаго ихъ общества. А секретарь, «иногда лѣнивый, пьяный, а чаще всего недобросовѣстный», сплошь и къ ряду не велъ даже и протоколовъ, хотя бы фиктивныхъ. А протоколы, если ихъ составляли, приходилось составлять именно *фиктивно*, такъ какъ «опредѣленнаго закономъ полнаго присутствія думы» (шестигласной, разумѣется) не существовало даже и въ Петербургѣ, потому что, какъ доносилъ однажды высшему начальству губернаторъ, члены думы «ежедневно—*внѣ присутствія*», куда не попадаютъ они, по словамъ того же губернатора, между прочимъ потому, что находятся въ отлучкѣ для исполненія «*порученій высшаго начальства*» (?); появляясь иногда въ думу, они подписываютъ бумаги, «не читая» ихъ. Отсюда, заключаетъ все тотъ же губернаторъ, «полное разрушеніе всякой подчиненности

со стороны секретаря и канцеляріи»! О московской шестигласной думѣ ревизовавшій ее въ 1860 году д. с. с. *Игнатьевъ* доносилъ, что она «давно утратила свой коллегіальный характеръ» и давно «приняла видъ *какой-то канцеляріи, безпрекословно исполнявшей всѣ предписанія и требованія начальства, ни мало не заботясь о городскихъ интересахъ*». Въ думу заглядывали лишь для подписи бумагъ, составленныхъ въ канцеляріи; порой, впрочемъ, бумаги для этой подписи разсылались съ думскимъ сторожемъ по квартирамъ гласныхъ.

Канцелярія со своимъ секретаремъ дѣлами не торопилась. Смѣты и росписи, мы видѣли, лежали по *двадцати* лѣтъ непредставленными губернскому начальству или, лучше, несоставленными вовсе. Не торопилась она и съ самымъ исполненіемъ смѣтъ: пять, десять лѣтъ не исполняются «дѣла по управленію»—явленіе нерѣдкое; дѣло, лежащее годъ, два—явленіе заурядное, обычное, и такъ тянутся дѣла о такихъ насущныхъ потребностяхъ, какъ, напр., починка пожарныхъ инструментовъ, которые успѣваютъ разрушиться, пока идетъ переписка объ ихъ починкѣ, требовавшей десятка два рублей [1]). Здѣсь, разумѣется, виноваты уже не однѣ думы, а вмѣстѣ и тѣ правительственные органы и учрежденія, отъ которыхъ зависѣло разрѣшеніе расхода, утвержденіе смѣты его и т. д.

Какая масса любопытнѣйшихъ данныхъ для характеристики городскихъ учрежденій, ихъ дѣятельности можетъ быть приведена изъ области «городского хозяйства», выражаясь оффиціальнымъ языкомъ. Приведу здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ. Напр., поземельная себственность города Херсона въ тридцатыхъ годахъ достигала 48,000 десятинъ, а дохода *втеченіи трехъ лѣтъ* (1836—1838) принесла—13,800 р. *ассигнаціями*; она оказалась просто расхищенной: ею завладѣли «безданно, безпошлинно» не только мѣщане, обитатели города, но и какіе-то сосѣдніе помѣщики. Городская дума самой Москвы, случалось, не подозрѣвала о принадлежащей городу землѣ, лежащей притомъ въ предѣлахъ самого города. Общественныя зданія, мы видѣли, разваливались на глазахъ думы. Въ г. Рыбинскѣ зданія, приносившія городу—амбары, склады и т. п.—большой доходъ, по донесенію ревизора, находились «въ отчаянномъ видѣ». Что касается «городскихъ капиталовъ» (замѣтимъ, въ большинствѣ случаевъ очень скромныхъ),—объ ихъ количествѣ, назначеніи, доходности, никто, очевидно, и не подозрѣвалъ, кромѣ тѣхъ гласныхъ и чиновниковъ, которые грѣли около нихъ руки; въ нѣсколькихъ городахъ чиновники-ревизоры нашли эти «капиталы» въ такомъ положеніи, что совсѣмъ «не могли привести ихъ въ ясность, потому что одинъ этотъ предметъ занялъ бы *нѣсколько мѣсяцевъ* времени». Ограничимся этими фактами: иначе пришлось бы приводить ихъ безъ конца.

---

[1]) Такъ, въ одномъ изъ городовъ Ярославской губерніи дѣло о 32 р. 50 к., потребныхъ на починку пожарныхъ рукавовъ, тянулось годъ: рукава уже не могли быть починены. Въ самомъ Ярославлѣ, благодаря такой быстротѣ дѣлъ, разрушилось громадное, для губернскаго города, зданіе „городскихъ учрежденій". Возстановленіе этого зданія потребовало въ настоящее время до 100 тысячъ рублей, а первая смѣта была на сотни рублей, но, пока она проходила всѣ мытарства, разрушеніе увеличивалось—требовалась новая смѣта, проходившая тѣ же мытарства, и такъ безъ конца. См. ст. „Русскій до-реформенный городъ".

Если принять во вниманіе все до сихъ поръ приведенное, легко сдѣлать заключеніе о состояніи «городского хозяйства». Оно было изъ рукъ вонъ плохо: доходы городскіе были почти ничтожны; также ничтожны были и расходы, значительная часть которыхъ притомъ пожиралась содержаніемъ всякихъ городскихъ учрежденій «и органовъ» [1]), изъ которыхъ выборные почти всѣ и почти повсюду служили однако «на пользу общества» безплатно [2]). Въ губернскихъ городахъ, напр., въ Астрахани, изъ общаго бюджета въ 116,000 р. собственно на «благоустройство» города расходовалось 28,000 р. Въ Ярославлѣ на «благотворительныя и богоугодныя заведенія», включая сюда больницы, въ 1846 г. и слѣдующихъ отпускалось 2,000 р. въ годъ; на дѣло «просвѣщенія» шла великая сумма въ *четыреста руб.!* Въ 1857 году общая сумма на то и другое возрасла до 3,840 р. Въ уѣздныхъ городахъ тѣ же потребности поглощали *сотни* рублей, не свыше однако *пяти, шести!* На такія «нужды» какъ городское «освѣщеніе», въ губернскихъ городахъ расходовались *сотни* рублей, а въ уѣздныхъ, даже такихъ, какъ Рыбинскъ,—*десятки* (56 р.). «На содержаніе *мостовъ, каналовъ, бульваровъ*» и проч. въ городахъ Ярославской губерніи шло по «росписямъ» отъ *ста двадцати* до *четырехъ сотъ* рублей [3]).

Можно отсюда уже à priori заключить, каково было положеніе нашихъ городовъ за первыя три четверти настоящаго столѣтія.

Въ извѣстной статьѣ нашего покойнаго историка: «Русскій городъ въ XVII вѣкѣ»—С. М. Соловьева, помѣщенной въ «Современникѣ» за 1847 годъ, нашъ городъ XVII столѣтія описывается такъ: «городъ раздѣлялся обыкновенно на три части: собственный городъ или крѣпость, посадъ и слободы. Въ собственномъ городѣ... находились: городская площадь, соборная и другія церкви, таможенный и кабацкій дворъ, казенный погребъ... для храненія зелейной (пороховой) и пушечной казны, земская изба, съѣзжая изба, губной дворъ, воеводскій дворъ, тюрьма... святительскій дворъ». На посадѣ и въ слободахъ—собственно городское населеніе. Постройки городскія—деревянныя, крытыя почти сплошь соломой. По внѣшнему виду, этотъ городъ—та же деревня, только полюднѣе. Едва-ли русскій городъ [4]), въ лицѣ огромнаго большинства, по

---

[1]) Судя по „росписямъ“, приведеннымъ въ извѣстномъ изданіи минист. внутреннихъ дѣлъ: „Общественное устройство и хозяйство городовъ“, расходы на „содержаніе мѣстъ и лицъ“ городского управленія поглощали $37\frac{1}{2}$%; но къ этой же категоріи необходимо отнести „единовременные расходы“ „по городовому управленію“ и текущіе—на „содержаніе“ городскихъ имуществъ, наемъ отъ города помѣщеній, и наконецъ „*военныя* (?) издержки“. Въ такомъ случаѣ получится уже, что болѣе 60% затрачивается на одно содержаніе лицъ и мѣстъ, порой ровно къ городскому управленію никакого отношенія не имѣющихъ.

[2]) Есть указаніе впрочемъ, что въ Петербургѣ *de facto* городской голова и нѣкоторые изъ выборныхъ, вродѣ „*мѣщанскихъ старостъ*“, получали болѣе чѣмъ скромное содержаніе: голова 1,714 р., а старосты по 286 р.—*По закону* исключеніе было сдѣлано, какъ это видно изъ Полн. Собр. Зак. (№ 18,399), лишь для Солецкаго посада (Псков. губ.), всѣ выборныя должностныя лица котораго получали опредѣленное содержаніе изъ спеціальнаго сбора „съ находящихся въ посадѣ раскольниковъ“.

[3]) Мы приводимъ данныя по Ярославской губерніи потому, что познакомились съ ними въ мѣстномъ архивѣ губернскаго правленія. Но мы рѣшительно думаемъ, что эти данныя даютъ точное понятіе и о положеніи дѣла въ остальныхъ городахъ Европейской Россіи; такъ шаблонно опредѣлялось оно „росписями“ и „смѣтами“.

[4]) Мы имѣли въ виду города Европейской Россіи, исключая, разумѣется, Финляндіи съ Царствомъ Польскимъ и Остзейскаго края.

крайней мѣрѣ уѣздныхъ городовъ, особенно далеко ушелъ отъ своего предка XVII ст., этого города-деревни и въ наше XIX ст., особенно въ первой половинѣ его. Тѣ же—площадь, соборъ, да полицейское управленіе съ думой и казначействомъ, замѣнившія воеводскую, земскую и съѣзжую избы, тѣ же деревянныя, крытыя соломой постройки; тѣ же огороды, тѣ же плетни, та же ширь улицъ, ничѣмъ не мощенныхъ, заросшихъ травой. Даже по населенію наши уѣздные города недалеко ушли за двѣсти лѣтъ своего существованія; нѣкоторые даже попятились значительно назадъ въ этомъ отношеніи. Города губернскіе [1]) за разсматриваемый нами періодъ въ Европейской Россіи, составляли всего лишь *восемь съ небольшимъ процентовъ* общаго числа городовъ, а это во всякомъ случаѣ—лучшіе, наиболѣе состоятельные города наши; въ pendant къ этому *заштатные* города и посады, пользующіеся городскими учрежденіями, составляютъ около *двадцати одного* процента, все остальное—уѣздные города [2]), въ средѣ которыхъ лишь очень немногіе могутъ быть названы городами въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова. По статистическимъ таблицамъ о состояніи городовъ Россійской Имперіи, составленнымъ въ 1825 году, оказывается, что изъ *сорока двухъ* губернскихъ городовъ только въ двухъ — Одессѣ и Вильнѣ—оба такъ мало русскіе—каменныя постройки преобладаютъ надъ деревянными, въ первомъ, понятно, потому, что дерево въ немъ очень дорого. Въ Петербургѣ деревянныхъ построекъ *вдвое* болѣе, чѣмъ каменныхъ, а въ Москвѣ—въ *два съ половиной* раза, въ остальныхъ губернскихъ городахъ число каменныхъ къ числу деревянныхъ построекъ выражается отношеніями: 1 : 5 (въ одномъ городѣ); 1 : 7 (въ шести); 1 : 8 (въ трехъ); 1 : 10 (въ двухъ); дальше второй членъ отношенія все растетъ и растетъ, колеблясь между 15 и 784 [3]). Въ огромномъ большинствѣ уѣздныхъ городовъ число каменныхъ построекъ колеблется между *одной* и *двадцатью*. Почти черезъ тридцать лѣтъ въ 1852 году появляются новыя статистическія таблицы, третьи по счету. Судя по этимъ таблицамъ растетъ число строеній и каменныхъ и деревянныхъ, но при этомъ послѣднія выростаютъ въ неизмѣримо большемъ количествѣ, чѣмъ первыя. Почти съ тѣми же отношеніями этихъ родовъ построекъ встрѣчаемся и въ статистическихъ данныхъ о положеніи городовъ за 1867 г., т.-е. за три года до изданія новаго городового положенія! Прибавимъ къ этому еще слѣдующее обстоятельство: «уставъ строительный», входящій въ составъ XII тома Св. Зак. и дѣйствующій въ настоящее время, содержитъ въ себѣ перечень городовъ, въ извѣстныхъ кварталахъ которыхъ *допускается крыть дома соломой съ растворомъ глины и навоза*. Это допускается даже въ такихъ городахъ, какъ Харьковъ, Полтава. Въ 1866 году «начальство» одной губерніи ходатайствовало о распространеніи этого постановленія строит. устава на *всѣ уѣздные* города этой губерніи! Сходство съ деревней не ограничивается одной внѣшностью; оно идетъ глубже: въ очень многихъ уѣздныхъ городахъ, во всѣхъ

---

[1]) Къ губернскимъ мы относимъ областные и войсковые и тѣ города, которые, какъ, напр., Одесса, составляютъ градоначальства.

[2]) Къ нимъ отнесены такъ-назыв. *окружные* и портовые города.

[3]) Въ Самарѣ изъ 784 построекъ—1 каменная; отношенія 1 : 50, 1 : 60, 1 : 80—сплошь и къ ряду; въ нѣкоторыхъ— 1 : 140, 1 : 275. Отношенія опредѣлены нами, разумѣется, приблизительно, но по возможности близко.

заштатныхъ, почти *все население* занимается хлѣбопашествомъ; въ остальныхъ изъ уѣздныхъ имъ занимается если не все мѣщанство, то очень многіе изъ среды его, а также не мало и изъ купцовъ, даже духовенства и чиновниковъ [1]). Если обратить вниманіе на соотношеніе, существующее между количествомъ жилыхъ зданій въ городахъ и числомъ населенія по «таблицамъ» 1852 года, то окажется, что на каждое зданіе, какъ и въ деревнѣ, придется отъ *четырехъ* до *восьми* душъ обитателей, т.-е. приблизительно въ домѣ помѣщается *одна* семья. И дѣйствительно, въ этихъ домахъ, крытыхъ соломой съ глиной и навозомъ, и помѣщалось не болѣе какъ по одной семьѣ. Владѣли этими домами—мѣщане, составлявшіе отъ 50% до 60% всего населенія, и «разночинцы, солдаты и крестьяне», число которыхъ по приблизительному разсчету составляло $38^1/_2$% этого населенія! Мы не будемъ здѣсь пускаться въ описаніе экономическаго благосостоянія этихъ городовъ: о немъ можетъ быть составлено болѣе или менѣе вѣрное представленіе уже и на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя только что приведены нами здѣсь. Но я остановлюсь еще въ нѣсколькихъ словахъ на вопросѣ о развитіи образованія въ нашемъ городѣ за разсматриваемый нами періодъ времени. Вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о благосостояніи городского населенія съ одной стороны и вопросомъ объ управленіи—съ другой.

Гимназіи по губернскимъ городамъ стали открываться лишь втеченіи первой четверти настоящаго столѣтія, низшія школы, такъ наз. *уѣздныя* училища, если основываться на извѣстномъ «уставѣ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ» 1804 года, «въ каждомъ *губернскомъ* и *уѣздномъ* городѣ *должны* были существовать по крайней мѣрѣ хотя по *одному*. Кромѣ того въ каждомъ церковномъ приходѣ каждаго города (губернскаго и уѣзднаго) или въ двухъ приходахъ вмѣстѣ должно было имѣться *одно* приходское училище. Принявъ во вниманіе обиліе церквей въ нашихъ городахъ, по крайней мѣрѣ чисто русскихъ, можно догадываться, что даже въ нашихъ уѣздныхъ городахъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія существовало по нѣсколько приходскихъ училищъ. Но одно дѣло *должно быть* и другое—*есть*. Въ дѣйствительности школьное дѣло въ городахъ первой половины настоящаго столѣтія было таково: въ 1825 году по статистическимъ даннымъ того времени въ *ста шестидесяти семи уѣздныхъ* городахъ Европейской Россіи не было *ни одного* не только *уѣзднаго*, но даже и *приходскаго* училища! Изъ *девяносто двухъ* заштатныхъ городовъ какія-то школы найдены въ двадцати двухъ; въ остальныхъ уѣздныхъ городахъ—не больше какъ по одной школѣ и только въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ—по нѣсколько «учебныхъ заведеній», въ число которыхъ входятъ притомъ безразлично и свѣтскія и духовныя и частныя и казенныя заведенія. Четверть столѣтія спустя мы все еще встрѣчаемся съ городами (больше *пятидесяти*), въ которыхъ нѣтъ ни одного училища, а въ огромномъ большинствѣ городовъ—по одному училищу. «Статистическія таблицы» 1852 года даютъ намъ цифру учащихся въ городскихъ учебныхъ заве-

---

[1]) Въ уѣздн. городѣ *Буѣ*, напр., (Костромской губ.), земледѣліемъ занимаются одно „лицо духовнаго званія“ и четверо чиновниковъ.

деніяхъ, въ составъ которыхъ онѣ однако вводятъ и духовныя училища, университеты и спеціальныя вродѣ военныхъ; учащіеся во всѣхъ *этихъ* учебныхъ заведеніяхъ *всѣхъ* городовъ «Европейской Россіи по таблицамъ составляли менѣе» 4% всего городского населенія, но при опредѣленіи этого процента приняты въ разсчетъ и остзейскіе города. Если игнорировать эти послѣдніе, если устранить духовныя училища, то процентъ учащагося городского населенія упадетъ *до двухъ*; а, принявъ во вниманіе, что университеты, военныя школы, пожалуй, даже гимназіи въ первой половинѣ настоящаго столѣтія имѣли къ собственно-городскому, коренному городскому, торгово-промышленному населенію отношенія самыя далекія, придется и этотъ ничтожный процентъ учащихся сократить. Къ шестидесятымъ годамъ число учащихся изъ городского населенія увеличилось, приблизительно, не больше какъ на ½%. Нужно ли говорить о *существѣ* того образованія, которое получалось этимъ жалкимъ процентомъ учащихся? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это было образованіе, ничѣмъ не отличающееся отъ того, которое распространяли (тѣмъ, несомнѣнно, нѣсколько увеличивая процентъ *образованныхъ* въ городскомъ населеніи) дьячки, пономари и отставные солдаты, и которое, нужно-ли оговариваться, не знакомило ни «съ правилами технологіи, имѣющими отношеніе къ мѣстному положенію и промышленности», ни тѣмъ болѣе съ «должностями человѣка и гражданина», этими pia desideria александровскаго устава 1804 года объ учебныхъ заведеніяхъ.

Таково дѣйствительное положеніе нашихъ городовъ за время почти трехъ четвертей столѣтія. Гдѣ же причины этого? Онѣ кроются никакъ уже не въ недостаткѣ *правительственныхъ* мѣръ,—поощреній, предписаній, законоположеній, надзорѣ, опекѣ даже. Еще полтора столѣтія тому назадъ великій «царь-революціонеръ» требуетъ, чтобы городскіе магистраты «призирали нищихъ и увѣчныхъ, воспитывали юныхъ» и завели въ городахъ *полицію*, эту «душу гражданства, всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальный подпоръ человѣческой удобности и безопасности»; чтобы учредили они школы, хотя бы и «малыя», сиротскіе и смирительные домы, госпитали, ратуши, «не далеко отъ нихъ биржи»... Еще великая Екатерина своимъ царственнымъ словомъ «воздвигала градъ» по планамъ, «опредѣлявшимъ количество соборовъ, церквей», мѣста, гдѣ быть заведеніямъ къ лучшему основанію и распространенію «фабрикъ, ремеслъ и рукодѣлій»... фонтанамъ съ водопадами, каналамъ, плотинамъ, ботаническимъ садамъ, «храмамъ великолѣпнымъ, судилищамъ, на подобіе древнихъ базиликъ», лавкамъ «полукружіемъ, на подобіе пропилей, съ биржами, театромъ по срединѣ», фабрикамъ суконнымъ и шелковымъ, зданію для губернатора «во вкусѣ греческихъ и римскихъ зданій», университету «купно съ академіею музыкальною» [1]). Исполнителями этихъ плановъ были такіе «орлы» екатерининскаго времени, какъ блестящій Потемкинъ... И все напрасно. Здѣсь не мѣсто искать причины тщетности усилій создать городъ, создать «гражданина», типъ людей, какъ Петръ I, Екатерина II. Мы остановимся лишь на

---

[1]) См. мое соч.: „Устройство и управл. городовъ Россіи“, т. I. Города Россіи въ XVIII ст. стр. 376.

причинахъ, благодаря которымъ изъ городового положенія 1785 года получилось нѣчто по истинѣ невозможное, нѣчто такое, чего не только авторъ этого положенія или его возстановитель не ожидали, но не ожидали и тѣ, которые отказались отъ основныхъ положеній этого памятника и стремились къ достиженію цѣлей Екатерины и Александра иными средствами, какъ мы видѣли. Мы лично не будемъ пускаться въ розысканіе этихъ причинъ. Мы ограничимся просто тѣмъ, что укажемъ здѣсь на причины эти, какъ ихъ понимало само правительство въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ лицѣ своихъ представителей, непосредственно у даннаго «дѣла» стоявшихъ; мы приведемъ здѣсь «мнѣнія» и «взгляды» на данный вопросъ этихъ представителей.

Быть можетъ, къ немалому удивленію читателя, по этимъ «взглядамъ» и «мнѣніямъ» причины печальнаго положенія нашего города были главнымъ образомъ [1]) въ полномъ *отсутствіи самостоятельности городского общества* и его *выборные* по отношенію къ правительственнымъ органамъ и въ тяжелой всеподавляющей *правительственной опекѣ!* По мнѣнію минскаго губернатора, «слишкомъ заботливая *опека правительства*, столь тягостная для городского самоуправленія и *вредная для развитія гражданственности на разумныхъ началахъ*» есть главный тормазъ развитія этого управленія и «должна прекратиться». Сенаторъ Сафроновъ, ревизовавшій городскія учрежденія Пензенской губерніи въ 1859 году, все зло находилъ въ томъ, что городской голова и члены думы единственною своею обязанностью считаютъ «*исполненіе всѣхъ требованій начальства*», исполненіе безпрекословно. Еще въ сороковыхъ годахъ покойный Милютинъ находилъ необходимымъ сдѣлать городскія учрежденія болѣе независимыми отъ правительственныхъ учрежденій.

Мысли эти, выраженныя сначала отдѣльными лицами, сдѣлались, повидимому, скоро убѣжденіемъ всего высшаго правительства. Поднялся вопросъ о совершенномъ преобразованіи городского управленія. Подготовленіемъ къ такому преобразованію были временныя городовыя Положенія столицъ (Положеніе 1861 г., измѣненное въ 1862 году и примѣненное, въ 1863 г., къ Москвѣ и Одессѣ) и Положеніе Тифлиса (1866 г.). Изданіе этихъ временныхъ Положеній не затормозило особенно работъ по *общему* городовому Положенію, появившемуся въ 1870 г.; какъ въ постановленіяхъ временныхъ, такъ и общаго положенія составители, несомнѣнно, руководились указанными выше «мнѣніями» и «взглядами» на значеніе самостоятельности городского общества и правительственной опеки. Городовое Положеніе, нынѣ дѣйствующее, имѣло назначеніемъ осуществить эти *новые* взгляды на городское управленіе правительства. Это видно между прочимъ изъ самаго *способа* составленія этого Положенія, съ которымъ мы познакомимъ читателей при первой возможности [2]).

---

[1]) Подробности по данному вопросу см. мое сочиненіе: „Устр. и упр. городовъ Россіи", т. II, ч. I, стр. 279 и сл.

[2]) Насколько настоящее городовое положеніе достигаетъ первоначально постановленной ему цѣли мы надѣемся показать въ другихъ статьяхъ.

Къ исторіи „жалованныхъ грамотъ“ дворянству и городамъ 1785 года.

Дворянство есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены.

Наказъ Екатерины II, гл. XV, § 360.

У дворянъ есть нѣчто общее—извѣстный идеалъ чести.

Русь 1884 года.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ, въ 1785 году, въ одинъ и тотъ же день, 21 апрѣля, императрица Екатерина издала два законодательные акта, опредѣлявшіе «права и привилегіи дворянства и городовъ Россійской имперіи». Въ настоящее время празднуется столѣтній юбилей изданія этихъ актовъ.

Гдѣ причина празднованія? Почему не праздновали такого юбилея какого-либо изъ петровскихъ актовъ, касавшихся городовъ или «шляхетства», какъ, напр., учрежденіе магистратовъ или табели о рангахъ? Вѣдь, и въ наше время «табель» чуть не во всей своей неприкосновенности царитъ въ извѣстныхъ сферахъ нашей общественно-государственной жизни; вѣдь, и въ наше время «чинъ» въ глазахъ многихъ еще если не все, то очень многое; вопросъ объ уничтоженіи «чина» — такой вопросъ, за который еще не знаютъ какъ взяться; «чинъ» даетъ, говоря языкомъ XVIII в., «подлому» человѣку дворянство не только личное, но и потомственное, возводитъ его изъ «подлости» въ благородство, снабжаетъ его «извѣстнымъ идеаломъ чести». Развѣ среди насъ мало людей, такимъ образомъ пріобрѣтающихъ «идеалы чести»? И, все-таки, столѣтія изданія табели о рангахъ не праздновали.

Развѣ въ нашихъ городахъ не держится до сихъ поръ цеховая организація въ средѣ ихъ промышленнаго населенія, а развѣ не петровскимъ законодательствомъ положено ей основаніе? И, все-таки, никто не поднималъ никогда вопроса о празднованіи юбилея того изъ актовъ законодательной дѣятельности Петра, которымъ вводилось на Руси цеховое устройство, играющее такую роль среди промышленнаго населенія Россіи въ теченіе болѣе чѣмъ полутораста лѣтъ.

Скажутъ, что полстолѣтія назадъ, когда, приблизительно, пришлось бы праздновать юбилеи законодательныхъ актовъ, о которыхъ мы говоримъ, наше общество не жило настолько сознательной жизнью, чтобы додуматься до мысли о такомъ праздновании. Въ извѣстной степени это возраженіе имѣетъ свое значеніе; чуть ли не съ шестидесятыхъ годовъ только, съ легкой руки оффиціальнаго празднованія тысячелѣтія Россіи, пошли въ ходъ празднованія разнаго рода общественно-государственныхъ событій. Извѣстная степень проявленія сознательнаго отношенія къ общественной жизни, въ извѣстныхъ, по крайней мѣрѣ, слояхъ или классахъ населенія, несомнѣнно видна въ такого рода фактахъ. Но однимъ только этимъ нельзя объяснить всего. Многое коренится въ самомъ существѣ, такъ сказать, тѣхъ явленій или факторовъ общественно-государственнаго строя, первоначальное регулированіе или санкцію коихъ закономъ собираются теперь праздновать.

Въ февралѣ прошлаго 1884 года городской голова Петербурга, предлагая, въ засѣданіи думы, отпраздновать день изданія «жалованной грамоты» городамъ, изданной Екатериной II сто лѣтъ тому назадъ, назвалъ этотъ «достопамятный день» «*эпохою* для городовъ Россійской имперіи», и назвалъ его такъ потому, что высказанный въ этой грамотѣ взглядъ на городское общество, по его мнѣнію, есть взглядъ совершенно *новый*, лежащій въ основаніи понятія о городскомъ обществѣ и въ наше время, что созданныя грамотою учрежденія впервые образованы «изъ *представителей* городскаго населенія», что грамота положила «первый шагъ къ самоуправленію», что этотъ шагъ *воспиталъ общество въ правоспособности и самодѣятельности и привелъ къ тѣмъ болѣе широкимъ правамъ и самодѣятельности, которыя дарованы городовымъ положеніемъ 1870 года* [1]). Слѣдовательно, представитель городскаго самоуправленія нашихъ дней видитъ въ екатерининской «жалованной грамотѣ» городамъ такой актъ верховной власти, который положилъ въ зародышѣ основаніе городскому общественному самоуправленію, вызвалъ городское общество къ сознанію своей правоспособности, возбудилъ въ немъ самодѣятельность, такъ или иначе развивавшіяся въ послѣднемъ въ теченіе столѣтія и приведшія къ современному общественному городскому строю,—причины—болѣе чѣмъ достаточныя для того, чтобы вспомнить «достопамятный день», когда заложено всему этому начало.

Въ чемъ же сущность «жалованной грамоты» дворянству и гдѣ причины празднованія столѣтней годовщины ея изданія?—вопросъ, на которой мы не беремся отвѣтить немедленно: мотивы такого празднованія, приводимые тѣмъ или инымъ изъ дворянскихъ собраній, постановившихъ отпраздновать юбилей грамоты, намъ неизвѣстны; если обратиться къ сущности самой грамоты,—что мы дальше и сдѣлаемъ,—къ тѣмъ «правамъ и привилегіямъ», которыя ею признаны за «россійскимъ дворянствомъ», то окажется, что многое, если не все, изъ этихъ привилегій, и именно самое существенное, давно перестало быть привилегіей одного сословія, ставъ достояніемъ почти всѣхъ слоевъ населенія; а тѣ изъ привилегій, которыя не могли превратиться,—какъ, напр., крѣпостное право,—въ общее право, исчезли съ лица земли. Что же осталось отъ «жало-

---

[1]) *Извѣстія С.-Петербургской Городской Думы* 1884 года, № 11, стр. 1010 и 1011.

ванной грамоты»? Очень и очень немногое,—чуть ли не одна форма внѣшней сословной организаціи, въ видѣ отдѣльныхъ губернскихъ дворянскихъ обществъ съ предводителями во главѣ.

Что же остается праздновать?

Если смотрѣть на «жалованную грамоту» 1785 года исключительно съ точки зрѣнія сословныхъ привилегій, придется сознаться, что поводовъ къ празднованію нѣтъ, такъ какъ несомнѣнно, что все, санкціонированное этимъ законодательнымъ актомъ сто лѣтъ тому назадъ, почти исчезло, растаяло. «Жалованная грамота» дворянству не дала, въ теченіе столѣтняго періода времени ея существованія, тѣхъ результатовъ относительно этого сословія, къ какимъ привела такая же грамота городамъ по отношенію къ этимъ послѣднимъ за тотъ же столѣтній періодъ времени. Она не дала этихъ результатовъ и не могла дать ихъ именно потому, что, въ противуположность «жалованной грамотѣ» городамъ, возводила, такъ сказать, въ перлъ созданія то, что въ послѣднюю входило лишь въ качествѣ начала стараго, обреченнаго въ будущемъ на смерть, плохо мирившагося въ самой грамотѣ съ новымъ началомъ общественной автономіи, ожидавшимъ въ томъ же будущемъ широкаго примѣненія, полной жизни.

Само дворянство, насколько можно судить по взглядамъ, высказывавшимся и высказываемымъ въ нашей печати его представителями, не видитъ уже ничего существеннаго для себя, какъ сословія, въ томъ, что́ остается въ настоящее время отъ «жалованной грамоты» Екатерины II. Одни изъ его представителей, какъ, напр., И. С. Аксаковъ, въ свое время говорили, что «19 февраля 1861 года уничтожило на вѣки вѣковъ... существеннѣйшій признакъ дворянскаго сословія», «распустило» его, «возвратило» въ земство, изъ котораго оно когда-то было изъято путемъ сплоченія въ особую привилегированную единицу [1]); одни, говоря это, находили такой порядокъ вещей совершенно естественнымъ и, какъ съ таковымъ, не только мирились съ нимъ, но и находили разумнымъ со стороны «распущеннаго» дворянства, «возвращеннаго» въ земство, дѣйствительно возвратиться въ него, слиться съ нимъ [2]). Другіе, какъ тотъ же И. С. Аксаковъ, въ наши дни, также признавая, что 19 февраля и рядъ законодательныхъ актовъ, за нимъ послѣдовавшихъ, разрушили дворянское сословіе, какъ сословіе привилегій, не желаютъ мириться съ такими результатами, не желаютъ «распущенія» дворянства въ общей массѣ и ждутъ или, лучше, жаждутъ возрожденія его въ особое плотное сословіе, только зиждущееся уже не на началѣ привилегій,—началѣ, по ихъ мнѣнію «личномъ, сословномъ и эгоистическомъ», а на началѣ «историческаго преданія, воспитавшаго въ дворянствѣ привычку и духъ служенія... государственнымъ и общественнымъ интересамъ» [3]). Несомнѣнно, стало быть, что и тѣ и другіе считаютъ начала «жалованной грамоты» уже сослужившими свою службу, отжившими свое время. Но есть и третьи, которые этого не думаютъ, но которые, не будучи въ состояніи не признать факта, что начала «жалованной грамоты» не примѣняются болѣе къ жизни, не могутъ помириться съ этимъ фактомъ и считаютъ сословное начало

[1]) Газета *День* 1861 года, № 8.
[2]) Газета *Русь* 1884 г.
[3]) *Тамъ-же*, № 9.

привилегій, на которомъ построена эта грамота, такимъ жизненнымъ началомъ нашего общественно-государственнаго строя, устраненіе котораго изъ послѣдняго грозитъ всяческими бѣдами.

Въ концѣ-концовъ, всѣ признаютъ, что основныя начала екатерининской грамоты болѣе уже не входятъ въ дѣйствующее законодательство въ качествѣ живаго начала.

Не такъ смотрѣло на «жалованную грамоту» дворянство XVIII в., вооружавшееся ею тѣми правами и привилегіями, которыя отошли въ наше время въ вѣчность. Когда 1 января 1786 года ко двору императрицы явились сановники поздравить свою повелительницу съ наступающимъ новымъ годомъ, то одинъ изъ нихъ, графъ Кириллъ Разумовскій, благодаря ее отъ имени сената за изданіе жалованныхъ грамотъ, говорилъ, что ими она «*дворянство* и грады царства своего возвысила и ихъ *блаженство утвердила на вѣчныя времена*». Блестящій дворянинъ прошлаго столѣтія видѣлъ въ этихъ грамотахъ новый «опытъ неусыпныхъ трудовъ» и «благотворной милости монаршей», распространяющихъ «общее благо имперіи», приносящихъ «пользу и благость... и для всего поздняго потомства» [1]). Если очистить зерно этого восторженнаго взгляда, если снять съ него шелуху оффиціальнаго паѳоса, въ немъ окажется нѣчто, съ чѣмъ можно будетъ согласиться: если потомство «градовъ» XVIII столѣтія и не узрѣло, благодаря «жалованной грамотѣ», «блаженства», то оно, все-таки, получило, въ результатѣ вѣковаго развитія началъ, ею въ жизнь этихъ градовъ привнесенныхъ современное общественное устройство и управленіе, вполнѣ способное и къ дальнѣйшему развитію; если дворянство и не достигло «блаженства на вѣчныя времена», то, несомнѣнно, оно достигло его въ нѣкоторой степени на нѣкоторое время; наконецъ, если подъ «всѣмъ позднимъ потомствомъ» графа Разумовскаго понимать не потомство только дворянъ, получившихъ грамоту, а всю совокупность всѣхъ сословій и классовъ всего населенія имперіи, то и по отношенію къ такому потомству, нѣсомненно, жалованныя грамоты Екатерины дѣйствительно принесли «пользу и благость». «Эта благость» состояла въ нѣкоторомъ подъемѣ сознанія русскаго человѣка о человѣческой личности: «жалованная грамота» дворянству освобождала дворянина отъ служебной кабалы и позорящихъ наказаній; ею открывается въ нашей исторіи, въ сущности, новый періодъ, который, въ противоположность предшествовавшему, можно вообще назвать періодомъ *раскрѣпощенія* личности. Семнадцатое столѣтіе завѣщало восемнадцатому все свободное населеніе—въ противуположность холопамъ — *крѣпкимъ* государству, закрѣпленнымъ государственному служебному тяглу: служилое сословіе несло пожизненную служебную повинность «его великому государю», было закрѣплено службѣ; торгово-промышленное населеніе было *крѣпко* двору, какъ единицѣ обложенія, крестьяне—крѣпки *землѣ*, а потому и лицу служилаго человѣка. Со второй половины XVIII вѣка начинается періодъ отрѣшенія отъ этой всеобщей крѣпости; начинается онъ съ освобожденія личности дворянства и кончается, сто лѣтъ спустя, уже въ наши дни, освобожденіемъ личности его бывшаго раба — крестьянина. Въ сферѣ законодательнаго развитія новаго періода нашей

[1]). *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1786 года, отъ 6 янв., № 2.

исторіи законъ Петра III отъ 1762 года и «жалованная грамота» дворянству играютъ роль актовъ, открывающихъ этотъ періодъ, вносящихъ путемъ закона въ область общественнаго строя зародыши сознанія о свободной человѣческой личности, хотя и по отношенію къ одному сословію, составлявшему очень небольшое меньшинство. Въ этомъ смыслѣ первенствующую роль играетъ, собственно говоря, указъ Петра III «о дарованіи *вольности и свободы* всему россійскому дворянству». «Жалованная грамота» Екатерины II, какъ увидимъ, подтвердила и, такъ сказать, развила эти вольности. Освободивъ личность дворянина отъ служебной кабалы, грамота, вмѣстѣ съ тѣмъ, вооружила дворянское общество *правомъ* участія въ общемъ мѣстномъ управленіи чрезъ посредство своихъ выборныхъ, тѣмъ открывъ ему извѣстную долю участія въ общемъ государственномъ управленіи,—право, которое при иныхъ условіяхъ, иныхъ отношеніяхъ къ дѣлу самого дворянства могло бы привести къ извѣстнымъ «пользѣ и благости» не одного его, а и всего свободнаго населенія.

Обратимся къ историческимъ фактамъ и ими провѣримъ только что высказанныя замѣчанія.

Дворянство, какъ привилегированное сословіе, создано въ XVIII вѣкѣ. Московское государство не знало дворянства; оно знало лишь дворянъ,—московскихъ и городовыхъ,—какъ низшій чинъ служилыхъ людей [1]). Въ XVIII столѣтіи это частное названіе сдѣлалось общимъ названіемъ сначала всего служилаго, а потомъ привилегированнаго сословія. При Петрѣ I первоначально для всѣхъ чиновъ служилаго сословія употреблялось названіе *шляхетство*, не привившееся въ русскомъ языкѣ и скоро замѣненное названіемъ *дворянство*. Стремленіе создать изъ дворянства единое цѣлое, отличное отъ массы не характеромъ только обязательной службы, начинается съ Петра. Это стремленіе проявляется, въ теченіе первыхъ трехъ четвертей прошлаго столѣтія, въ сферѣ законодательства цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ мѣръ и постановленій, создававшихъ изъ дворянъ такое особое цѣлое. Всматриваясь глубже во всю совокупность этихъ мѣръ, мы замѣтимъ въ нихъ два теченія, двѣ струи, если можно такъ выразиться: въ одной отражается цѣль создать изъ шляхетства, по крайней мѣрѣ, въ началѣ столѣтія, организовать изъ него корпусъ служащихъ людей, обязанныхъ пожизненной службой государству,—другими словами, урегулировать, по возможности, правильнѣе, систематичнѣе завѣщанное московскимъ государствомъ; въ другой мы постоянно видимъ тенденцію создать изъ завѣщаннаго Москвою служилаго человѣка—«холопа его великаго государя, великаго князя и царя московскаго» —*благороднаго* шляхтича-дворянина. Такое понятіе о благородномъ дворянинѣ связывается, однако, не съ положеніемъ о присхожденіи «отъ благороднаго корени», а съ понятіемъ о службѣ *государству*. Такой благородный получаетъ и спеціальное воспитаніе и образованіе, потребныя для его благородной службы.

---

[1]) Въ домосковскій періодъ нашей исторіи дворянами назывались „лица, жившія во дворѣ князя, на его хлѣбахъ". *Сергѣевичъ*: „Лекціи по исторіи русскаго права", стр. 674. Нашъ извѣстный историкъ прошлаго столѣтія, Татищевъ, „находитъ полезнымъ дозволить—въ его еще время—отставнымъ дворянамъ обращаться въ холопство". *Владимірскій-Будановъ*: „Христ. по исторіи рус. права", вып. II, стр. 166, пр. 194. Изд. 1873 г.

Въ XIII столѣтіи терминъ „дворянинъ" примѣнялся ко всякому слугѣ князя или даже его намѣстника, хотя бы онъ былъ и рабомъ. *Сергѣевичъ*: „Вѣче и князь", стр. 354, пр. 8.

Постепенно онъ пріобрѣтаетъ такія привилегіи, т. е. исключительныя права, какъ владѣніе землею и людьми. Такое благородство, такія привилегіи и создаютъ изъ пользующихся ими особое сословіе въ глазахъ закона и другихъ слоевъ населенія и мало-по-малу порождаютъ въ средѣ ихъ самихъ сознаніе о собственномъ достоинствѣ и благородствѣ, собственной шляхетско-дворянской чести. А это повело, въ свою очередь, къ дальнѣйшему развитію правъ и привилегій дворянства и къ постепенному сначала облегченію обязательной службы, а потомъ и избавленію отъ нея.

Обратимся къ фактамъ.

Недаромъ, говоря словами нашего поэта, царь-реформаторъ «вѣчный былъ работникъ»; онъ требовалъ отъ другихъ такой же «вѣчной» работы... на пользу государству. Какъ самъ онъ былъ великъ и славенъ трудомъ, такъ и въ другихъ признавалъ значеніе лишь за трудомъ и способностями, черезъ посредство труда на пользу государству направляемыми. «Породою», знатностью происхожденія въ его глазахъ нельзя было добиться ничего; за то трудомъ и способностями можно было быстро добиться и породы, и знатности. «Мы для знатной породы,—говоритъ царь,—никому какого ранга не позволяемъ, *пока они намъ и отечеству никакихъ услугъ не покажутъ,* и за оные характера не получатъ» [1]. «*Знатное дворянство,*—отвѣчалъ царь сенату на его вопросъ, которое шляхетство за знатное считать,—*по годности* считать», т.-е. знатность въ глазахъ царя можетъ получиться лишь въ результатѣ годности претендующаго на нее къ дѣлу—службѣ «царю и отечеству».

Такимъ взглядомъ царя обусловливаются *всѣ его мѣры* по отношенію къ благородному шляхетству, вели ли онѣ къ закрѣпощенію послѣдняго службѣ, къ развитію въ средѣ его знанія, образованія, къ одаренію его привилегіями.

Если въ періодъ московскаго государства все и вся было закрѣплено тяглу государственному, то теперь, въ періодъ лихорадочной небывалой дѣятельности, направленной на развитіе государства, тягло всѣхъ и каждаго вообще, а шляхетства въ частности, неизбѣжно должно было расти и увеличиваться пропорціонально развитію государственныхъ цѣлей и интересовъ, которые ставилъ такой энергическій дѣятель, какъ Петръ. Если до него служилое сословіе несло пожизненную службу, обязанное являться на нее во время всякой войны, то при немъ эта служба превращается, такъ сказать, въ безпрерывную, которую благородное шляхетство обязано нести съ «младыхъ ногтей» и до самой смерти. Царь не могъ помириться съ тѣмъ типомъ войска, въ несостоятельности котораго его убѣдила Нарва, которое составлялось еще московскимъ порядкомъ, изъ временнаго, если можно такъ выразиться, ополченія служилыхъ людей; онъ превращаетъ, по образцу западно-европейскому, все войско въ регулярное, къ которому еще и московское государство, притомъ, очень рано, отчасти уже обратилось. А такая организація войска требовала со стороны шляхетства службы

---

[1]) *Табель о рангахъ,* п. 8. Петръ говоритъ о „*сыновьяхъ* россійскаго государства князей, графовъ, бароновъ, знаменитаго дворянства, также служителей знатнѣйшаго ранга“; единственная уступка, которую онъ имъ дѣлаетъ, „для знатной ихъ породы“, это—„въ государственныя ассамблеи, гдѣ дворъ находится, свободный доступъ предъ другими нижняго чина“. 1 *Пол. собр. зак.,* т. VI, № 3,890.

не только постоянной, но и съ ранняго возраста: хитрый ратный строй иноземный требовалъ «спеціальной учебы». Измѣнился не одинъ ратный строй, но и гражданскій, т.-е. система управленія государствомъ; старый московскій приказный порядокъ уступилъ новому канцелярскому, гораздо болѣе сложному, требовавшему также массу силъ; прежнихъ средствъ для удовлетворенія потребностямъ администраціи стало недостаточно. За этими силами и средствами, кромѣ иноземныхъ шрейберовъ, обратились къ тому же шляхетству, которое и должно теперь одинаково нести какъ военную, такъ и гражданскую, столь непривлекательную въ его глазахъ, службу; а эта послѣдняя, если и не такъ, быть можетъ, тяжела была въ глазахъ шляхетства, какъ военная, то не менѣе, если еще не болѣе хитра, и также требовала «учебы» и, притомъ, съ раннихъ лѣтъ.

Благородное шляхетство должно было нести теперь службу, начиная съ простаго солдата, именно для того, чтобы «солдатское дѣло знать»: въ 1714 году Петръ издаетъ указъ, которымъ строго запрещается высшимъ воинскимъ чинамъ, имѣвшимъ право производства въ офицерскіе чины, производить въ эти послѣдніе «изъ молодыхъ, которые съ фундамента солдатскаго дѣла не знаютъ, *ибо не служили въ низкихъ чинахъ*»; указъ предписываетъ «впредь... чтобъ *изъ дворянскихъ породъ*... отнюдь не писать (въ офицеры), которые не служили *солдатами въ гвардіи*» [1]). Петръ зорко слѣдилъ за шляхетствомъ, чтобы оно не отлынивало отъ возложенныхъ на него службъ: только что приведенный указъ изданъ былъ по поводу того, что шляхетство ухитрялось обходить службу въ низкихъ чинахъ, пробираясь «черезъ сродниковъ и друзей», прямо въ офицеры; стремилось оно отлынивать и отъ службы вообще. Въ виду этого, постепенно вводится строгая система списковъ и «смотровъ» всему шляхетству; создается для завѣдыванія имъ, по отношенію къ службѣ, особая должность при сенатѣ, такъ называемаго герольдмейстера. Въ спискахъ отмѣчался возрастъ «малолѣтныхъ дворянъ» или «недорослей». По достиженіи извѣстныхъ лѣтъ, подрастающимъ дворянамъ производились «смотры» или самимъ царемъ въ Петербургѣ, или конторой сената—въ Москвѣ [2]). Здѣсь, на смотрахъ, сортировали ихъ по возрасту и способностямъ, опредѣляя или въ школы, или на службу—военную и гражданскую. Ухораниваясь и отлынивая отъ службы, шляхетство ухоранивалось и отъ самыхъ смотровъ, этого преддверія службы. Царь противъ того и другаго изобрѣтаетъ энергическія, суровыя, порой страшныя мѣры: пускались въ ходъ штрафы, доходившіе до такихъ размѣровъ, какъ отобраніе деревень (у недорослей или у ихъ укрывателей); батоги для тѣхъ, кто не являлся на службу послѣ всяческихъ штрафовъ; практиковалась ловля, доносничество, право на которыя предоставлялось всѣмъ и каждому, даже крѣпостнымъ укрывающихся; ловцамъ и сыщикамъ обѣщались денежныя награды, а потомъ даже и деревни, которыя отбирались у скрывавшихся; наказывались укрыватели, предавались позору имена отлынивавшихъ отъ службы; въ 1722 году

[1]) *Пол. собр. зак.*, № 2,775. Цитировано по *Соловьеву*: „Исторія Россіи“, т. XVI, стр. 201.

[2]) Между Москвой и Петербургомъ распредѣляли недорослей по ихъ состоянію—числу *дворовъ*, которыми они владѣли. *Романовичъ-Славатинскій*: „Дворянство въ Россіи“, стр. 122.

было «указано»: кто не явится къ сроку на смотръ или на службу, «таковые будутъ *шельмованы* и съ добрыми людьми ни въ какое дѣло причтены быть не могутъ, а *ежели кто таковыхъ ограбитъ, ранитъ, что у нихъ отыметъ или до смерти убьетъ,* то челобитья не принимать и суда не давать». Имена такихъ укрывавшихся прибивались на висѣлицахъ, разставленныхъ на площадяхъ, «дабы о нихъ всякъ зналъ, яко преслушателей указамъ и равнымъ измѣнникамъ» [1].

Ухоранивaясь отъ «смотровъ», объявляясь на нихъ «нѣтчиками», шляхетство ухоранивается этимъ путемъ не отъ одной службы, а и отъ «учебы», которая, въ силу указанной нами связи со службой, стала такъ же обязательна, какъ и эта послѣдняя: полезнаго служаку видѣли только въ человѣкѣ, прошедшемъ извѣстную школу, пріобрѣвшемъ извѣстныя знанія, необходимыя на этой службѣ. Со смотровъ тѣхъ изъ недорослей, которые знаній этихъ не имѣли [2], отправляли прямо въ школу, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, или вообще въ «учебу» какому-либо спеціальному дѣлу: въ морскую академію, въ гвардію, въ чужіе края, или въ ту «краткую школу», учрежденную герольдмейстеромъ при сенатѣ, въ которой дѣти знатныхъ «переднихъ дворянскихъ фамилій обучались экономіи и гражданству» [3]. Отлыниванье отъ школы, учебы, разсматривается Петромъ такъ же, какъ и отлыниванье отъ службы; это видно уже изъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ противъ уклоненія отъ смотровъ; это же слѣдуетъ и изъ тѣхъ мѣръ, которыя практиковались царемъ относительно уклонявшихся тѣмъ или инымъ путемъ отъ самаго ученья. По инструкціи, изданной въ 1719 году для такъ называемой морской академіи, относительно убѣжавшихъ отъ учебы изъ этой академіи предписывается: «движимое ихъ имѣніе отписывать на великаго государя, подвергнувъ ихъ предварительно тѣлесному наказанію; сысканныхъ водворять вновь въ академіи, собравъ съ нихъ поручныя записи» [4]. Какъ уклоненіе отъ службы, разсматривалъ Петръ и неисправное посѣщеніе учащимися дворянами классовъ въ школахъ, наказывая за не посѣщеніе ихъ сначала денежными штрафами, невзносъ которыхъ велъ *къ правежу* «людей», т.-е. крѣпостныхъ учащихся дворянъ, а у кого людей нѣтъ, «самихъ бить на правежѣ, покамѣстъ штрафу не заплатятъ сполна» [5]. Нѣсколько времени позже, къ системѣ штрафовъ присоединено тѣлесное наказаніе, не въ смыслѣ педагогическаго средства, а въ видѣ *уголовной* кары, въ формѣ «битья батогами».

Но если служба и ученье—тяжелая обязанность или, лучше, тягло, повинность шляхетства, то они же, какъ мы уже сказали, источникъ *благородства* послѣдняго. Еще за десять лѣтъ до изданія пресловутой табели о рангахъ мы

---

[1]) *Тамъ-же,* стр. 182 и 183.

[2]) Для домашней подготовки „дворянскихъ дѣтей“ по указу отъ 20 января 1714 года, „были посланы во всѣ губерніи по нѣсколько человѣкъ (учителей) изъ школъ математическихъ, чтобъ учить дворянскихъ дѣтей цифири и геометріи“. Обученіе такое, по тому же указу, сдѣлано обязательнымъ: „положить штрафъ такой, что невольно будетъ жениться, пока сему не выучится“. *Соловьевъ:* „Ист. Россіи“, т. XVI, стр. 201.

[3]) *Ром.-Славатинскій, тамъ-же,* стр. 123.

[4]) *Владимірскій-Будановъ:* „Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка“, стр. 220 и 221.

[5]) У того же *Владимірскаго-Буданова* цитата изъ сочиненія *Веселаго:* „Очеркъ исторіи морскаго корпуса“.

встрѣчаемъ указъ, которымъ предписывалось благородному, по самому рожденію или происхожденію дворянину—оказывать «почесть и первое мѣсто» оберъ-офицерамъ, получившимъ свой чинъ лишь благодаря службѣ и ученью. «Сказать всему шляхетству,—говорилъ царь въ своемъ указѣ,—чтобы каждый дворянинъ, какой бы фамиліи ни былъ, *почесть и первое мѣсто давалъ* каждому оберъ-офицеру» [1]). Такимъ образомъ, благородство, если можно такъ выразиться, по службѣ уже въ началѣ XVIII столѣтія поставлено выше благородства по происхожденію. Табель о рангахъ въ ученьи и службѣ уже видитъ способъ пріобрѣтенія самаго дворянства: получивъ извѣстный чинъ, достигнувъ извѣстнаго ранга, «подлый» человѣкъ становился дворяниномъ; такое перерожденіе совершалось полученіемъ оберъ-офицерскаго чина на военной службѣ и восьмаго класса на гражданской; но достигнуть извѣстнаго чина по табели о рангахъ не значило получить его такимъ путемъ, какъ получаютъ его въ наше время; нѣтъ, чинъ и мѣсто, по службѣ ему соотвѣтствующее, были, такъ сказать, синомимами: имѣть восьмой чинъ коллежскаго ассессора—«ассессора въ коллегіи» значило быть въ дѣйствительности ассессоромъ въ коллегіи, занимать это мѣсто, эту должность ассессора и, притомъ, значитъ пройти всѣ низшіе чины и соотвѣтствующія имъ мѣста [2]); то же самое имѣетъ мѣсто и относительно военныхъ чиновъ, по отношенію къ которымъ это начало примѣнено гораздо раньше, и уже изъ военной сферы перешло въ гражданскую [3]). Слѣдовательно, въ сущности-то, дворянство, т.-е. благородство, пріобрѣталось не полученіемъ чина, а службой, количество и качество которой чинами лишь какъ бы отмѣчалось.

Такимъ образомъ, основнымъ началомъ, базисомъ, на которомъ зиждется *благородное шляхетство* при Петрѣ, является служба государству, какъ спеціальная профессія. Этому положенію не противорѣчитъ то обстоятельство, что дворянство могло быть получено пожалованіемъ или наслѣдственнымъ путемъ: Петръ жаловалъ въ дворянское достоинство людей «подлыхъ»,—можно привести *массу* фактовъ въ *доказательство* этого,—только за ту же службу государству; если же дѣти потомственнаго дворянина, получившаго свое званіе путемъ службы, считались дворянами, то они уже, въ силу такого званія своего, обрекались на пожизненную службу государству [4]).

Всѣ достигшіе путемъ службы государству благородства, уже въ силу этого послѣдняго, выдѣляются изъ общей массы свободнаго населенія, противуполагаются ей, какъ нѣчто цѣлое, носящее особое названіе россійскаго благороднаго шляхетства или, позже, дворянства. Въ этомъ—зародышъ корпораціоннаго строя послѣдняго, въ этомъ—зародышъ развитія всѣхъ будущихъ привилегій дворянства.

---

[1]) Указъ 1712 года.

[2]) Пунктъ 11 табели: „всѣ *служители* россійскіе или иностранные, которые восемь первыхъ ранговъ *находятся или дѣйствительно были*, имѣютъ оныхъ законныя дѣти и потомки въ вѣчныя времена лучшему старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтены быть, хотя-бъ они и низкой породы были“.

[3]) По воинскому уставу 1716 года „молодые и имущіе люди, знатныя особы и иные *подлые*... обрѣтаются при полкахъ и нѣкоторыхъ офицерахъ и въ походахъ и кампаніяхъ бываютъ, дабы они о всѣхъ военныхъ экзерциціяхъ, командѣ и порядкахъ извѣститься и *по случаю на упалое мѣсто въ чинъ* употреблены быть могли“. Гл. I. „О волунтерахъ“.

[4]) О связи понятія о развитіи шляхетскаво сословія съ профессіей см. у *Владимірскаго-Буданова*, назван. соч., стр. 88—95.

При Петрѣ эти привилегіи или, какъ выражается табель о рангахъ, «достоинства и авантажи» исчерпывались почти исключительно «авантажами» чисто внѣшняго свойства, вродѣ права на особый «уборъ» (костюмъ), экипажъ и ливрею [1]), а также гербы и титулы. Впрочемъ, при Петрѣ же обрисовывается уже и исключительное право благороднаго дворянства на обладаніе крѣпостными.

Все, такъ сказать, заложенное при Петрѣ относительно «россійскаго дворянства» растетъ и развивается при его преемникахъ, причемъ тенденція къ привилегіямъ развивается быстрѣе тенденціи обязательной службы, изъ которой онѣ вытекали, какъ въ жизни, такъ и въ законодательствѣ; развитіе послѣдняго заканчивается во второй половинѣ XVIII столѣтія освобожденіемъ дворянства отъ обязательной службы; путемъ развитія привилегій постепенно создается представленіе о совершенно особомъ достоинствѣ, какъ человѣка, дворянина—о дворянской человѣческой личности.

По смерти Петра, до 1736 года явка дворянскихъ дѣтей на смотры опредѣлялась изрѣдка отдѣльными указами, устанавливавшими каждый разъ различные сроки или возрасты явки и вообще условія ея. Въ 1732 году, напримѣръ, предписано было явиться въ Москву и Петербургъ, исключая владѣющихъ не свыше двадцати душъ крестьянъ, всѣмъ дворянскимъ и офицерскимъ сыновьямъ, достигшимъ пятнадцатилѣтняго возраста, между тѣмъ какъ при Петрѣ устанавливались другіе возрасты для явки на смотры, которые не разъ измѣнялись и послѣ него; такъ дѣло стояло до 1736 года, когда изданъ спеціальный манифестъ, которымъ, «для лучшей государственной пользы», относительно смотровъ слѣдующій «порядокъ учиненъ»: всѣхъ смотровъ установлено четыре; на первый являлись недоросли дворянскіе по достиженіи ими *семилѣтняго* возраста, для записи ихъ въ особыя книги, отсылавшіяся потомъ къ герольдмейстеру; черезъ пять лѣтъ, по достиженіи ими двѣнадцатилѣтняго возраста, недоросли снова являлись на смотръ, на которомъ они на этотъ разъ уже подвергались испытанію въ грамотности; тѣ, которые выдерживали испытаніе, дѣлились на двѣ категоріи: одна категорія ихъ, родители и родственники коихъ владѣли имѣніями minimum во сто душъ, отпускались домой, если того хотѣли родители или родственники, для дальнѣйшаго обученія ихъ, въ теченіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ, закону Божію, ариѳметикѣ и геометріи; другая категорія—дѣти несостоятельныхъ дворянъ или нежелавшихъ брать на себя обязательства обучить ихъ названнымъ наукамъ къ указанному сроку—опредѣлялась въ школы; третій смотръ недорослямъ производился по достиженіи ими шестнадцатилѣтняго возраста; по производствѣ новаго испытанія, недоросли, въ случаѣ удовлетворительной сдачи экзамена, отдавались для дальнѣйшаго обученія или опять къ родителямъ, или въ академію; тѣ же изъ нихъ, которые не въ силахъ были сдать экзамена по ариѳметикѣ и геометріи, считались неспособными къ ученью и сдавались во флотъ, «въ матросы безъ выслуги»; наконецъ, по достиженіи двадцати лѣтъ, производился новый, послѣдній смотръ, и, по удовлетворительномъ испытаніи въ наукахъ, недоросли превращались во взрослыхъ и распредѣлялись по службамъ, причемъ оказавшіе особые успѣхи въ нау-

[1]) *Табель о рангахъ*, п. 19.

кахъ получали преимущество быть произведенными въ чины раньше другихъ [1]). Черезъ четыре года послѣ изданія этого указа, въ 1741 году, недорослей предписано было распредѣлять по службамъ съ семнадцатилѣтняго возраста.

Такимъ образомъ, и ученье, какъ и служба, остаются, попрежнему, обязательными и при преемникахъ Петра; отъ того и другого, попрежнему, дворянство уклоняется; попрежнему, правительство принимаетъ мѣры противъ этого уклоненія, хотя и менѣе жестокія сравнительно съ тѣми, какія употреблялъ ни передъ чѣмъ не останавливавшійся Петръ.

Только что приведенный законъ о смотрахъ въ извѣстной степени сталъ возможенъ лишь благодаря тому, что правительство, «по высокомонаршему милосердію», учредило къ этому времени по всѣмъ городамъ, для обученія недорослей, не только такъ называемыя гарнизонныя школы, но еще и «школы съ казеннымъ содержаніемъ для учениковъ». Средства, стало быть, даны дворянамъ для полученія необходимаго для службы образованія; но этими средствами они плохо пользуются, бѣгая школъ, какъ государственнаго тягла: на смотръ являлись недоросли въ очень сравнительно небольшомъ числѣ; спасаясь отъ смотровъ, т.-е. предстоящей учебы, недоросли и теперь прибѣгали даже къ такимъ, напримѣръ, средствамъ, какъ поступленіе «въ *дворовую* службу къ людямъ разныхъ чиновъ», бѣгали изъ города въ городъ, «дабы *званіе* свое утаить»,— словомъ, всячески «*отъ наукъ* убѣгали» и тѣмъ, по мнѣнію тогдашняго правительства, «себя губили» [2]). Въ томъ же 1737 году повторяется одно изъ постановленій Петра: за доносъ объ укрывающихся отъ смотровъ, этихъ «нѣтчикахъ», какъ ихъ тогда называли, изготовлявшихъ себѣ погибель, доносчикамъ сулили «пожитки и деревни» тѣхъ, на кого они доносили. А при дочери Петра мѣры противъ укрывательства отъ обученія достигаютъ почти петровской суровости: укрывающіеся отъ смотровъ, скрывающіе на нихъ свои «года» отдаются на всю жизнь или въ матросы, или въ солдаты, если имъ не свыше двадцати лѣтъ; а если они ухитрялись скрываться и по достиженіи этого возраста, то ихъ, какъ «престарѣлыхъ», ссылали на поселеніе въ только что открытый Оренбургъ; до 1751 года этотъ законъ примѣнялся ко всѣмъ недорослямъ, начиная съ семилѣтняго возраста, и только въ этомъ году, въ видѣ смягченія закона, его начали примѣнять къ недорослямъ лишь по достиженіи ими, по крайней мѣрѣ, двѣнадцатилѣтняго возраста. Когда открылся первый нашъ университетъ, то правила поступленія въ него дворянскихъ дѣтей были согласованы съ правилами закона о смотрахъ недорослей; то же самое сдѣлано было и по отношенію къ поступленію ихъ въ первую гимназію, открытую въ Казани [3]).

Если правительство преемниковъ Петра шло по его пути относительно водворенія обязательнаго обученія и обязательной службы, то оно еще усерднѣе шло по пути развитія различнаго рода привилегій дворянства, повліявшихъ на обязательность обученія и службы и приведшихъ, въ концѣ-концовъ, къ полному

---

[1]) *Полн. собр. зак.*, № 7,142; *Романовичъ-Славатинскій*, назв. соч., стр. 125 и 126.
[2]) Цитировано у *Владимірскаго-Буданова*, назв. соч., стр. 207.
[3]) *Тамъ-же*, стр. 214—216, и *Романовичъ-Славатинскій*, стр. 184.

освобожденію его отъ послѣдней; а обученіе изъ обязательнаго превратилось въ привилегированное.

Пожизненная при Петрѣ, служба дворянъ опредѣляется извѣстными сроками. При Аннѣ Ивановнѣ извѣстная коммиссія, составленная въ первые годы ея царствованія, подъ предсѣдательствомъ Миниха, ради изысканія лучшихъ способовъ комплектовать кирасирскіе полки, подняла вопросъ, вѣроятно, не безъ вліянія того обстоятельства, что вопросъ этотъ поднятъ былъ еще до пріѣзда императрицы въ Москву въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, объ ограниченіи срока обязательной службы дворянства, и проектировала сократить съ пожизненнаго до двадцатипятилѣтняго; по прошествіи этого срока, дворянинъ получаетъ «абшидъ»; онъ могъ получить его и по прошествіи двѣнадцати, даже шести лѣтъ; но тогда, въ первомъ случаѣ, онъ долженъ былъ представить въ полкъ изъ своихъ дворовыхъ одного человѣка, а во второмъ—одного человѣка и одну лошадь, осѣдланную, или, вмѣсто этого, заплатить въ полковую казну полтораста рублей; но это лишь въ томъ случаѣ, если дворянинъ владѣетъ имѣніемъ менѣе тысячи душъ, а если онъ владѣетъ болѣе тысячи, то долженъ былъ платить вдвое. Помѣщикъ могъ освободить и всѣхъ своихъ дѣтей отъ службы, отдавъ въ полкъ за каждаго изъ нихъ по три человѣка съ соотвѣтствующимъ количествомъ лошадей. Сенатъ сначала не согласился съ этимъ проектомъ, находя, что, въ случаѣ его осуществленія, представители шляхетства на службѣ «развѣ одни такіе будутъ, которые самые убогіе и отъ той службы откупиться будетъ нечѣмъ»; а всѣ остальные «будутъ жить дома во всякой праздности и лѣности и безъ всякихъ добрыхъ наукъ и обхожденія». Но не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ въ 1736 году тѣмъ самымъ манифестомъ, который устанавливалъ сроки смотровъ, опредѣлено, что дворяне несутъ службу лишь въ теченіе именно двадцати пяти лѣтъ, по прошествіи коихъ они ставятъ вмѣсто себя рекрута; при этомъ и такой срокъ обязаны были служить не всѣ дворяне: если у отца было нѣсколько сыновей, то одинъ изъ нихъ оставался дома для завѣдыванія хозяйствомъ; точно также, если нѣсколько братьевъ по смерти отца жили вмѣстѣ, то одинъ, ради хозяйства, избавлялся отъ службы; въ томъ и другомъ случаѣ, вмѣсто избавленныхъ отъ службы, сдавался въ солдаты дворовый [1]). Результатомъ манифеста какъ разъ получилось то, чего ждалъ сенатъ отъ проекта миниховской коммиссіи: дворянство массами подавало въ отставку и всѣ молодые,—изъ тѣхъ, что записаны были въ полки еще по старымъ срокамъ, лѣтъ съ десяти двѣнадцати,—стремились получить ее.

Такое стремленіе бѣжать службы, само собою разумѣется, прежде всего, объяснялось тягостью самой службы; но въ значительной степени объяснялось оно и хозяйственными соображеніями дворянства; не даромъ же въ только что цитированномъ манифестѣ установлено было одного сына или одного брата оставлять дома ради хозяйства.

Манифестъ повелъ, въ указанномъ отношеніи, къ такимъ неожиданнымъ для правительства результатамъ, что оно очень скоро по изданіи этого акта нашлось вынужденнымъ если не отмѣнить его, то «генерально» пріостановить

---

[1]) *Романовичъ-Славатинскій*, назв. соч., стр. 189 и сл.; 125 и сл.

пріемъ прошеній дворянства объ отставкѣ. Только Елизавета Петровна возстановила манифестъ во всей его силѣ: дворянство продолжаетъ пользоваться отнынѣ правомъ отставки, по прошествіи двадцати пяти лѣтъ, въ широкихъ размѣрахъ, и покидаетъ службу сравнительно въ молодыхъ лѣтахъ, особенно если принять во вниманіе, что дворяне издавна изощрялись записывать дѣтей въ солдаты чуть не съ пеленокъ, такъ что годамъ къ двадцати пяти, тридцати они оказывались отслужившими обязательный срокъ службы.

Едва прошло четверть столѣтія, и уже «той *необходимости въ принужденіи къ службѣ*, какая до сего времени потребна была», правительство не находитъ [1]). Императоръ Петръ III съ «удовольствіемъ» увидалъ, что «отъ всѣхъ мѣръ», относительно образованія и службы дворянства, Петра и его преемниковъ «послѣдовали неисчетныя пользы, истреблена грубость въ нерадивыхъ *о пользѣ общей*, перемѣнилось невѣжество въ здравый разсудокъ, полезное знаніе и прилежность къ службѣ умножило въ военномъ дѣлѣ искусныхъ и храбрыхъ генераловъ, въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ поставило годныхъ людей къ дѣлу... благородныя мысли вкоренили въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россіи патріотовъ безпредѣльную къ императору вѣрность и любовь, великое усердіе и отмѣнную въ службѣ ревность», а потому и найдено необходимымъ освободить теперь дворянство отъ обязательной службы: «отнынѣ впредь на вѣчныя времена и въ потомственные роды всему россійскому благородному дворянству» жалуются «*вольность и свобода*» [2]), т. е. отъ обязательной службы.

Изъ только что приведеннаго мѣста указа видно, что «вольность и свобода» даруются дворянству за его *прошлыя* службы, «за то, что въ его средѣ невѣжество перешло въ здравый разсудокъ», появилось сознаніе «о пользѣ общей»; отсюда уже можно заключить, что и впредь, по изданіи указа о вольностяхъ, все значеніе дворянства, все-таки, будетъ обусловливаться службой государству, на пользу общую; вся разница между такой службой и прежней будетъ лишь въ томъ, что она, во-первыхъ, необязательна, а, во-вторыхъ, если можно такъ выразиться, привилегирована. Императоръ ждетъ, что, взамѣнъ дарованныхъ дворянамъ щедротъ, «они, по своей всеподданнической вѣрности и усердію, *побуждены будутъ не удаляться, ниже укрываться, отъ службы, но съ ревностію и желаніемъ въ оную вступать* и честнымъ и незазорнымъ образомъ оную, по крайней возможности, продолжать, не меньше и *дѣтей своихъ съ прилежностію и раченіемъ обучать благопристойнымъ наукамъ;* ибо всѣ тѣ, кои нигдѣ и никакой службы не имѣли, но только какъ сами въ лѣности и праздности все время препровождать будутъ, такъ и дѣтей своихъ въ пользу отечества своего ни въ какія полезныя науки не употребятъ, тѣхъ, яко суще нерадивыхъ о добрѣ общемъ, презирать и уничтожать (?) всѣмъ вѣрноподданнымъ и истиннымъ сынамъ отечества повелѣваемъ, и ниже ко двору пріѣздъ или въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ терпимы будутъ» [3]). Законодатель убѣжденъ, что, благодаря результатамъ, достигнутымъ его предше-

[1]) Указъ Петра III отъ 18 февр. 1762 г.; 1 *Пол. собр. зак.*, т. XV, № 11,444.
[2]) *Тамъ-же.*
[3]) *Тамъ-же*, п. 9, заключеніе.

ственниками, дворянство теперь уже proprio motu, безъ всякихъ понужденій со стороны правительства, будетъ посвящать свои досуги на пользу общую, будетъ обучать дѣтей своихъ «полезнымъ наукамъ»; лишь на случай исключенія, законодатель угрожаетъ нерадивымъ только что указанной карой. Государственная служба предоставлена личному усмотрѣнію дворянъ; въ такое же свободное отношеніе поставлены они указомъ Петра III къ образованію: «отеческое попеченіе» власти къ дворянству «еще далѣе простирается»; отъ родителей малолѣтнихъ или сродниковъ ихъ зависитъ по указу—гдѣ и какъ науки продолжать желаютъ, внутри ли государства въ учрежденныхъ..... разныхъ училищахъ, или въ прочихъ европейскихъ державахъ, или въ домахъ своихъ черезъ искусныхъ и знающихъ учителей». Слѣдовательно, и образованіе необязательно отнынѣ; но необязательно лишь въ прежнемъ смыслѣ; изъ указа вовсе не слѣдуетъ, чтобы дворянство разъ навсегда освобождалось отъ необходимости пріобрѣтать какія-либо знанія, получать какое-либо образованіе; ему лишь предоставлена свобода выбора средствъ пріобрѣтенія знанія, образованія; знаніе же и образованіе вообще считаются какъ бы существеннымъ признакомъ благородства; недозрѣвшимъ до сознанія о необходимости образованія указъ грозитъ «тяжкимъ гнѣвомъ» государя [1]). А такъ какъ не всѣ дворяне могутъ дать своимъ дѣтямъ образованіе, соотвѣтствующее ихъ благородству, что требуетъ значительныхъ средствъ, то законодатель даетъ право всѣмъ дворянамъ, «за коими не болѣе тысячи душъ крестьянъ, объявлять дѣтей своихъ прямо въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ они всему тому, что къ званію благороднаго дворянства принадлежитъ, съ наиприлежнѣйшимъ раченіемъ обучаемы будутъ» [2]).

Въ корпусахъ, которыхъ при Петрѣ III было уже три, обучались *только дѣти дворянъ*. Это было ихъ привилегіей. Образованіе и теперь дается дворянскимъ дѣтямъ, какъ мы уже видѣли, ради службы *на пользу общую*: въ указѣ объ учрежденіи перваго шляхетскаго корпуса или, какъ его сначала называли, «рыцарской академіи» прямо говорится, что онъ учреждается «дабы шляхетство отъ младыхъ лѣтъ къ воинскому дѣлу въ теоріи обучено, а потомъ и въ практикѣ годно было» [3]). Изъ корпуса всякій, «по его достоинству, съ награжденіемъ чиновъ выпустится и потомъ можетъ всякій вступить и продолжать службу», «сколь долго пожелаютъ и ихъ состояніе имъ позволитъ»; съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, что военную службу нельзя покинуть ни «во время кампаніи», ни меньше трехъ мѣсяцевъ передъ ея началомъ [4]). Если же «особливая какая надобность востребуетъ», императоръ оставляетъ за собою право именнымъ указомъ, «за подписаніемъ собственной руки», призвать свободныхъ дворянъ къ службѣ.

Указъ возлагаетъ, однако, на дворянъ, вооруженныхъ имъ «вольностями и

---

[1]) „Однако же, чтобъ никто не дерзалъ безъ обученія *пристойныхъ благородному дворянству наукъ* дѣтей своихъ воспитывать подъ тяжкимъ нашимъ гнѣвомъ". *Тамъ-же*, п. 7.

[2]) *Тамъ-же*. Первый кадетскій корпусъ открытъ въ 1731 году. Въ годъ изданія приведеннаго въ текстѣ указа, открытъ былъ для дворянскихъ же дѣтей артиллерійскій инженерный корпусъ. *Владимірскій-Будановъ*, назван. соч., стр. 293 и 292. Въ 1752 году морская академія въ Петербургѣ преобразована въ морской корпусъ. *Тамъ-же*, стр. 288. Всѣ эти корпуса *шляхетные*, т.-е. исключительно для дворянскихъ дѣтей.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 137.

[4]) Указъ 1762 г., п. 1.

свободой», родъ особой службы *по выборамъ:* онъ устанавливаетъ, чтобы впредь *ежегодно*, «съ перемѣною, при сенатѣ въ Петербургѣ состояло, для всякихъ случающихся надобностей», тридцать человѣкъ, а при конторѣ его, въ Москвѣ, двадцать изъ дворянъ, которыхъ дворянство должно избирать само изъ своей среды [1]).

Не забудемъ еще одной вольности, дарованной Петромъ III дворянству, выражавшейся въ правѣ каждаго дворянина выѣзжать за границу, воспитывать тамъ дѣтей: «кто жъ, будучи уволенъ отъ службы, пожелаетъ отъѣхать въ другія европейскія государства... такимъ давать безпрепятственно надлежащіе паспорты, съ условіемъ, что когда нужда востребуетъ... явились въ своемъ отечествѣ... со всевозможною скоростію... подъ штрафомъ секвестра имѣнія» [2]).

Дворянство выражало, по свидѣтельству современниковъ, великія радость и ликованія по поводу указа о вольностяхъ [3]). Причины ликованія сводились къ сознанію, что «всероссійское дворянство» перестало быть «связаннымъ по рукамъ и ногамъ», какъ выразился одинъ изъ современниковъ указа.

То, что до сихъ поръ было обязанностью, теперь стало привилегіей: отнынѣ учится дворянство въ спеціальныхъ дворянскихъ школахъ, получая въ нихъ или недоступное другимъ сословіямъ образованіе, или получая это образованіе, по крайней мѣрѣ, отдѣльно отъ этихъ сословій, какъ, напримѣръ, въ московскомъ университетѣ, гдѣ для дворянъ была учреждена особая гимназія; дворянство получаетъ *благородное образованіе благороднымъ способомъ.*

Оно и службу несетъ, получивъ благородное образованіе, тоже благородную; какъ военную, такъ и гражданскую службу оно несетъ уже съ извѣстныхъ чиновъ, которые получаются еще, такъ сказать, въ школѣ.

Такимъ образомъ, обязательная служба и обязательная учеба, это тяжкое тягло, за избавленіе отъ котораго дворянство готовилось поставить избавителю золотую статую, создали «благородное россійское дворянство», какъ нѣчто цѣлое, противуположное всему остальному, создали понятіе о таковомъ не только въ законѣ, но и въ сознаніи самихъ дворянъ.

Изъ обязательной же службы вытекла постепенно и такая привилегія дворянъ, какъ исключительное право ихъ владѣть крѣпостными,—право, хотя закономъ еще не освященное, но въ жизни давно уже установившееся.

Законъ, даже и въ указѣ Петра III, не создалъ еще изъ дворянства общества или корпораціи въ смыслѣ юридическаго лица; но онъ скоро ихъ, всего какихъ-нибудь четыре года спустя послѣ этого указа, создалъ. Въ 1766 г., въ декабрѣ мѣсяцѣ, Екатерина II издаетъ манифестъ о созваніи со всей Руси представителей въ Москву для составленія проекта новаго уложенія; дворяне должны были прислать депутатовъ отъ каждаго уѣзда [4]). Для выборовъ этого депутата *дворяне уѣзда* должны были сначала выбрать изъ своей среды «дворянскаго

---

[1]) *Тамъ-же*, п. 6.
[2]) *Тамъ-же*, п. 4.
[3]) *Романовичъ-Славатинскій*, назван. соч., стр. 195 и 196.
[4]) Приложеніе къ манифесту 1766 г. декабря 14. „Положеніе, откуда депутатовъ прислать“, § 2. „Обрядъ выбора изъ дворянъ“, §§ 2 и 3.

предводителя» [1]). Этому своему выборному органу дворяне-избиратели уѣзда «даютъ за своими руками полномочіе», въ коемъ говорится, что предводитель избранъ ими «для лучшаго между собою порядка». Подъ «порядкомъ», въ данномъ случаѣ, разумѣется вовсе не порядокъ только во время производства выбора депутата въ коммиссію объ уложеніи; сохраненіе порядка во время этой процедуры—лишь временная обязанность предводителя уѣзднаго дворянства; онъ избирается не на время только выборовъ депутата, а *на два года* [2]); слѣдовательно, подъ сохраненіемъ порядка разумѣется сохраненіе таковаго среди уѣзднаго дворянства въ теченіе всего срока службы предводителя вообще: «довѣренность» дворянствомъ, по словамъ «обряда», дается на два года «не только при нынѣшнемъ выборѣ депутата, но и при случаяхъ, если даны будутъ отъ верховной власти какія особыя повелѣнія, *принадлежащія до нашего общаго разсужденія и положенія всѣхъ живущихъ въ нашемъ уѣздѣ дворянъ*» [3]). Первымъ изъ повелѣній верховной власти, касавшихся дворянства, при исполненіи коего пришлось предводителю играть возложенную на него законодателемъ роль, были выборы депутата: онъ долженъ былъ руководить ими [4]).

Изъ только что сказаннаго, несомнѣнно, слѣдуетъ, что предводитель дворянства—представитель всѣхъ въ уѣздѣ владѣющихъ землею дворянъ, какъ одного цѣлаго, какъ особой корпораціи, имѣющей свои особые отъ остальныхъ слоевъ уѣзднаго населенія интересы, охраненіе и представительство коихъ и лежитъ на предводителѣ. Созданію изъ уѣзднаго дворянства такой корпораціи содѣйствуетъ и избраніе имъ изъ своей среды предводителя или депутата для участія въ великомъ дѣлѣ составленія новаго уложенія — свода законовъ нашего времени: депутату его избиратели, дворяне даннаго уѣзда, «препоручали... всенижайшія *общія* челобитья и представленія, также усмотрѣнные *общіе* недостатки и нужды представить, гдѣ надлежитъ» [5]).

Въ теченіе слѣдующихъ двадцати лѣтъ, до дня изданія «жалованной грамоты» дворянству, корпоративный строй послѣдняго постепенно развивается какъ путемъ законодательства, такъ и въ сознаніи самого дворянства. Послѣднее, призванное, какъ мы видѣли, изложить въ представительной коммиссіи 1767 года свои «нужды и недостатки», воспользовавшись этимъ своимъ правомъ, указало въ наказахъ своимъ выборнымъ депутатамъ, и на такія, между прочимъ, «нужды», какъ необходимость «*общество дворянское по уѣздамъ состановить*» [6]). Во многихъ наказахъ указывались, въ формѣ «челобитья», и самыя средства или

---

[1]) „Обрядъ выбора изъ дворянъ", § 11: избираютъ „кого похотятъ... лишь бы дѣйствительно въ *томъ уѣздѣ* владѣлъ деревнею" и т. д.

[2]) *Тамъ-же*, §§ 11 и 17.

[3]) *Тамъ-же*, § 17.

[4]) *Тамъ-же*, §§ 22 и слѣд. И послѣ 1768 года, когда кончился двухгодичный срокъ службы первыхъ предводителей, эта должность не была отмѣнена. Предводители дворянства избираются постоянно; по учрежденію о губерніяхъ, притомъ, уже не на два, а на три года.

[5]) *Тамъ-же*, § 26.

[6]) На уѣздѣ именно, какъ на единицѣ, дворяне останавливаются, разумѣется, потому, что уѣздъ издавна уже составлялъ административную единицу, притомъ, указанную, какъ мы видѣли, самой императрицей. — Извлеченія по данному вопросу изъ наказовъ дворянъ, напечатанныхъ въ IV томѣ *Сборника Русскаго Историческаго Общества*, приведены у *Романовича-Славатинскаго*, назв. соч., стр. 415—419. Указанія на тотъ же предметъ въ наказахъ, помѣщенныхъ въ VIII и XIV томахъ того же *Сборника*, мы сдѣлаемъ ниже.

пути къ такому «состановленію» уѣздныхъ дворянствъ въ смыслѣ корпорацій; средства эти сводились къ созданію органовъ и учрежденій, по самому способу назначенія и существу своему исключительно дворянскихъ, таковыхъ же и по самымъ функціямъ. Одни изъ наказовъ просятъ, прежде всего, права собираться черезъ каждые два года (воспользовавшись, очевидно, съѣздомъ для выборовъ предводителя) для обсужденія дворянскихъ нуждъ и представленія о нихъ въ сенатъ; другіе проектируютъ особыя выборныя дворянскія должности судебнаго характера для разбора дѣлъ между дворянами и крестьянами [1]); иные идутъ дальше—предлагаютъ избирать такое должностное лицо изъ среды дворянъ, которое было бы *опекуномъ и защитникомъ* всего уѣзда дворянъ вообще [2]); многіе идутъ еще дальше и не ограничиваются просьбой о такихъ единоличныхъ органахъ сословныхъ и указываютъ на необходимость учредить коллегіальный дворянскій судъ подъ тѣмъ или инымъ названіемъ—земскихъ судей, дворянскаго суда, словеснаго; въ нѣкоторыхъ наказахъ указываютъ на необходимость учрежденія спеціальныхъ дворянскихъ опекъ [3]); наконецъ, одно уѣздное дворянство, клинское, проектировало присутствіе «дворянскаго начальника» — предводителя дворянства—въ воеводской канцеляріи во время разбирательства дворянскихъ дѣлъ, ради защиты интересовъ дворянъ; оно же желало избирать особыхъ «годовыхъ депутатовъ», которые жили бы постоянно въ Москвѣ, чтобы защищать дѣла дворянъ своего уѣзда во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ; это же клинское дворянство шло такъ далеко, что проектировало что-то вродѣ представителя всего россійскаго благороднаго дворянства, который, находясь постоянно въ центрѣ государственной администраціи, стоялъ бы надъ всѣми уѣздными депутатами и пекся бы исключительно «о доставленіи дворянамъ чрезъ немедленное рѣшеніе ихъ дѣлъ совершеннаго спокойствія». Правда, депутатъ этотъ предполагался не выборнымъ, а «государственнымъ», т. е. по назначенію отъ правительства. Нѣкоторыя уѣздныя дворянства, какъ, наприм., козельское, судиславское и бѣжецкое, проектировали предоставить дворянамъ избраніе изъ своей среды такого представителя областной правительственной власти, какъ воевода [4]).

---

[1]) Ямбургское дворянство проектируетъ именно такихъ судей. *Сборн. Ист. Общ.*, т. XIV, стр. 249. Угличское дворянство проектируетъ выбирать изъ среды дворянъ коммиссара во всякомъ стану, для словеснаго разбирательства „между всякаго званія и достоинства людьми во всякихъ обидахъ, кромѣ криминальныхъ дѣлъ“. *Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ.*, т. VIII, стр. 463. Почти тоже и въ наказѣ переяславскаго дворянства. *Тамъ-же*, стр. 497.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 488 и слѣд., наказъ одоевскихъ дворянъ: „опекуну сему имѣть въ присутственномъ мѣстѣ засѣданіе обще съ градоначальникомъ по входящимъ челобитнымъ, по судебнымъ дѣламъ и по слѣдственнымъ дѣламъ“. *Тамъ-же*, т. XIV, ст. 270—280.

[3]) Въ наказѣ алексинскаго уѣзда дворяне, „для суда и расправы дворянства въ собственныхъ ихъ земскихъ и судебныхъ дѣлахъ“, просятъ учредить выборныхъ изъ ихъ среды въ каждомъ уѣздѣ „судей“ съ товарищами. *Тамъ-же*, стр. 536 и слѣд.; на такой уѣздный судъ апелляція — въ губернскій дворянскій же. Можайское дворянство предлагаетъ выборныхъ отъ дворянства „медіаторовъ“. *Тамъ-же*, стр. 544. Такихъ же медіаторовъ проектируетъ и новоторжское дворянство. *Тамъ-же*, т. XIV, стр. 363. Объ особомъ *земскомъ* судѣ изъ выборныхъ дворянства, подъ апелляціею губернской канцеляріи, проситъ смоленское дворянство. *Тамъ-же*, стр. 418 и 419.

[4]) Серпейское и чухломское дворянства просятъ права избранія товарища воеводы. *Тамъ-же*, стр. 511, и т. XIV, стр. 482. О выборѣ воеводъ дворянами и изъ дворянъ ходатайствуетъ и мещовское дворянство. *Сборн. Русск. Ист. Общ.*, т. VIII, стр. 517. О томъ же

Во всемъ только что изложенномъ несомнѣнно выразилось сознаніе дворянства, во-первыхъ, о своемъ «благородствѣ», выдѣляющемъ его изъ всей массы населенія; во-вторыхъ, о необходимости создать изъ себя одно цѣлое, вооруженное извѣстными правами, которыхъ лишены другія сословія, и, въ-третьихъ, наконецъ, о правѣ на участіе въ мѣстномъ управленіи черезъ своихъ выборныхъ органовъ, въ качествѣ такого привилегированнаго сословія. Правда, мы видѣли, дворянство выражаетъ желаніе принять участіе въ мѣстномъ управленіи, какъ будто и не ради только собственныхъ интересовъ, но несомнѣнно, что эти послѣдніе не только на первомъ планѣ, но почти поглощаютъ собою все и вся.

Собравшись въ коммиссіи, представители дворянства почти съ тѣми же желаніями и мечтами знакомились чуть не изъ устъ императрицы, слушая извѣстную главу о дворянствѣ при чтеніи большого наказа, даннаго имъ, вмѣстѣ съ другими представителями, въ руководство. «Дворянство,—читалось въ наказѣ,—есть *нарицаніе въ чести*, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены». Это—«добродѣтельнѣйшіе и болѣе другихъ служащіе люди», которые, въ силу этихъ своихъ добродѣтелей, и должны пользоваться *разными преимуществами*; къ полученію «чести» дворянской «мало такихъ случаевъ... какъ *военная служба*»; она—«первое право и упражненіе, приличествующее дворянамъ», хотя, впрочемъ, «и правосудіе не меньше надобно во время мира... государство разрушилось бы безъ него». На приведенныхъ «начальныхъ правилахъ, составляющихъ существо дворянскаго званія», должны быть основаны всѣ «преимущества дворянскія» [1]). А въ «начертаніяхъ о приведеніи къ окончанію коммиссіи» въ дополненіе къ указанному о дворянствѣ говорится, что «при разсужденіи» о послѣднемъ слѣдуетъ, между прочимъ, имѣть въ виду вопросы: «что есть дворянство», «какія службы сдѣланы» для него, «какой судъ могутъ имѣть между собою», «какимъ подвержены наказаніямъ въ случаяхъ преступленій» и т. п. [2]). Словомъ, и въ наказѣ дворянство нашло поученія на тему о благородствѣ дворянства и «преимуществахъ», на этомъ благородствѣ основанныхъ.

Въ началѣ іюля 1768 года одна изъ такъ называемыхъ частныхъ коммиссій—«коммиссія о государственныхъ родахъ»—уже составила свой проектъ о «правахъ благородныхъ» [3]). Почти все содержаніе проекта состоитъ изъ «начальныхъ правилъ» большого наказа, дополненныхъ кое-чѣмъ изъ проектовъ о дворянствѣ уѣзда, внесенныхъ въ дворянскіе наказы. Около пяти десятковъ статей, на которыя распадается проектъ, независимо отъ ихъ дѣленія на двѣ главы, трактуютъ исключительно о личныхъ привилегіяхъ каждаго отдѣльнаго дворянина, и только три статьи говорятъ объ уѣздныхъ дворянскихъ обществахъ или кор-

---

проситъ дедиловское дворянство. *Тамъ-же*, стр. 522. Вологодское дворянство тоже проектируетъ выборъ воеводъ изъ своей среды. *Тамъ-же*, т. XIV, стр. 460.

[1]) Глава XV, §§ 360, 361, 365, 367 и 375.

[2]) Часть II, гл. I, членъ I, пп. 1, 4, 6, 7 и т. д.

[3]) Коммиссія состояла изъ депутата отъ синода — епископа тверскаго — и четырехъ депутатовъ отъ дворянства, изъ коихъ два графа — Иванъ Орловъ и З. Чернышевъ. Подъ проектомъ подписался „сочинитель", князь Козловскій.—*Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ.*, т. XXXII, прил. 2, стр. 577 и 585. Разбираемый въ текстѣ проектъ—уже второй редакціи; въ составленіи же первой участвовали: кн. Голицынъ, гр. Өед. Орловъ и бар. Унгернъ-Штернбергъ. *Тамъ-же*, т. XXXVI, предисл., стр. 1.

поpаціяхъ. Одна изъ нихъ признаетъ за «благородными *провинціи*» (а не уѣзда) право «*для собственныхъ* и назначенныхъ законами имъ *дѣлъ* съѣзжаться въ означенное время и въ опредѣленное мѣсто» [1]); другая признаетъ за дворянами право избранія «членовъ *въ судьи земскіе* по установленному порядку (который, впрочемъ, въ проектѣ не опредѣленъ) и, наконецъ, «благороднымъ каждаго уѣзда, провинціи и губерніи дозволяется заводить училища для дѣтей своихъ обоего пола» [2]). Всѣ остальные параграфы проекта имѣютъ своимъ содержаніемъ «права благородныхъ» въ смыслѣ *личныхъ* правъ. Во главѣ этихъ статей стоитъ статья, опредѣляющая, что «благородные всѣ суть люди *свободные*»; во второй и третьей статьяхъ, такъ сказать, опредѣляется понятіе или содержаніе этой свободы: *она* состоитъ изъ свободы «*избирать по собственной своей склонности и благоизобрѣтенію* такую *службу*, какую сами пожелаютъ», а, вмѣстѣ, и въ правѣ «изъ службы по законамъ увольненіе брать» или, наконецъ, «совсѣмъ въ службу не вступать» [3]); дальше, въ понятіе свободы благородныхъ вводится свобода отъ тѣлеснаго наказанія и отъ платы всякаго рода податей [4]), отъ взноса пошлинъ со всякаго рода сдѣлокъ по покупкѣ и продажѣ «свободныхъ деревень» [5]), отъ военнаго постоя и т. п. Привилегія, дарованная дворянству указомъ Петра III, —право выѣзда за границу на службу «или и безъ службы»,—останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе проекта; ей посвящены цѣлыхъ пять параграфовъ; составители проекта устанавливаютъ даже право дворянина, «буде онъ пожелаетъ въ чужихъ государствахъ *вѣчно* остаться», «просить увольненія отъ подданства» [6]). Что касается способовъ полученія «благородства» дворянина, проектъ, повторивъ буквально почти два параграфа наказа, опредѣляющіе дворянство, какъ «нарицаніе въ чести», рѣшительно отступаетъ отъ послѣдняго по данному вопросу: наказъ средствомъ пріобрѣтенія благородства считаетъ «ревность по службѣ» отечеству и только ее одну [7]); проектъ это средство видитъ исключительно въ происхожденіи «отъ предковъ того имени» (благородныхъ) или въ пожалованіи верховной властью [8]).

Составители проекта, въ предпосланномъ ему предисловіи, заявивъ, что «не всѣ можетъ быть (въ немъ) положены права, *какія себѣ возмечтать и написать возможно*», говорятъ, что «на то можно сказать, что *токмо тѣ на-*

---

[1]) *Тамъ-же*, т. XXXII, стр. 585, гл. II, парагр. 38.

[2]) *Тамъ-же*, гл. II, §§ 39 и 42. Параграфъ 40 проектируетъ право „благородныхъ во всякой провинціи содержать архиву“.

[3]) *Тамъ-же*, §§ 1 и 2; по параграфу 3: „по экзаменѣ офицерскаго чина еще получить недостойными“ явившіеся, состоя на военной службѣ, до полученія чина должны называться *кадетами*, а въ гражданской—*юнкерами*.

[4]) *Тамъ-же*, § 4: „благородные не подвержены никакому тѣлесному наказанію“; § 9: „благородные самолично изъемлются отъ всякихъ податей“.

[5]) *Тамъ-же*, § 15.

[6]) *Тамъ-же*, § 7.

[7]) Глава XV, §§ 363 и 364 и др.

[8]) „*Благородные* разумѣются всѣ *тѣ, которые отъ предковъ того имени рождены* или вновь монархами симъ нарицаніемъ *пожалованы*“. Проектъ, гл. 1, § 3. Правда, въ слѣдующихъ статьяхъ сказано. что „добродѣтель и заслуга возводятъ людей на степень дворянства“; перечислены и самыя добродѣтели, „ведущія къ благородству“; но это всѣ тѣ добродѣтели, за кои „государь возводитъ“ на степень дворянства, а не тѣ, кои, по табели о рангахъ, eo ipso возводили „подлаго“ человѣка въ шляхетство.

блюдаемы были, кои состоянію государства приличествуютъ и согласны предмету блаженства всѣхъ и каждаго»; а такое блаженство, по словамъ тѣхъ же составителей, «не въ томъ состоитъ, чтобъ всякій все то имѣлъ, что нравится прихотливому желанію, такъ какъ сіе было бы блаженство сильнаго, но въ томъ, чтобъ каждый всѣ тѣ права и выгоды имѣлъ, какъ онъ *справедливо и разсудительно* желать можетъ».

Въ заключеніе, однако, высказывается мысль, что «не въ томъ нужное между всѣми гражданами состоитъ сопряженіе и союзъ, чтобъ всѣ одними и одинакими правами и преимуществами пользовались, ибо то было бы всеобщимъ смѣшеніемъ, но въ томъ, чтобъ господствовалъ порядокъ; а по порядку каждому особо принадлежащія права такъ раздѣлены были, чтобъ, напр., дворянство видѣло свою пользу въ пользѣ и выгодѣ мѣщанства, а мѣщанство, равнымъ, напротивъ того, образомъ, и такъ далѣе» [1]). Въ своемъ проектѣ составители несомнѣнно и видятъ лишь выраженіе «справедливыхъ и разсудительныхъ желаній», никакъ не нарушающихъ, а наоборотъ, созидающихъ тотъ порядокъ, при водвореніи котораго «выгоды дворянства отразятся на выгодахъ мѣщанства... и такъ далѣе».

Десятаго іюля 1768 года проектъ прочитанъ въ коммиссіи о составленіи уложенія передъ «господами депутатами» и обсуждался представителями, въ два пріема, въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ. Послѣ перваго же прочтенія проекта изъявили желаніе возражать на него одиннадцать человѣкъ депутатовъ [2]); но пренія не допущены были маршаломъ, предсѣдателемъ коммиссіи. Онъ хотѣлъ, чтобы во время второго чтенія проекта каждая статья отдѣльно просто баллотировалась безъ всякихъ преній. Однако, депутаты отъ дворянства да и отъ другихъ сословій, очевидно, придавая слишкомъ важное значеніе проекту, а, быть можетъ, и нарушенію маршаломъ коммиссіи ихъ собственнаго «права» на обсужденіе и разсмотрѣніе, коими ихъ вооружилъ законъ, созвавшій коммиссію, воспротивились такому простому способу разрѣшенія такого важнаго дѣла; сначала пять членовъ заявили, что они желаютъ подать «письменныя примѣчанія»—кто противъ отдѣльныхъ частей его, а кто противъ всего проекта; а, вслѣдъ затѣмъ, шестнадцать человѣкъ потребовали ихъ выслушать и, наконецъ, около тридцати человѣкъ депутатовъ, указывая на то, что «матерія сія точно составляетъ *блаженство* цѣлаго въ Россіи общества», просили «дать имъ время на размышленіе нѣсколько дней»; въ томъ, другомъ и третьемъ случаяхъ протестантами оказались представители дворянства, а къ нимъ не замедлили присоединиться и представители другихъ сословій — однодворцевъ, пахотныхъ солдатъ, ясашныхъ, новокрещеныхъ и татаръ, которые всѣ просятъ «для разсмотрѣнія проекта дать время», такъ какъ онъ «показался имъ столь важенъ и столь заключаетъ въ себѣ пространныя мысли», что «теперь же къ согласію приступить никакимъ образомъ невозможно». По ближайшемъ и основательномъ ознакомленіи съ «пространными мыслями» проекта, депутаты обѣщаютъ «подтвердить и поставить оный (проектъ) непоколебимымъ», если онъ окажется «сходствененъ съ положе-

---

[1]) *Сборн. Русск. Истор. Общ.*, т. XXXII, стр. 576.
[2]) *Тамъ-же*, предисл., стр. XVI и стр. 110.

ніемъ государства и, что больше, ежели согласенъ съ естественнымъ разсужденіемъ». На такое серьезное и категорическое заявленіе маршалъ нашелся вынужденнымъ отступить отъ своего плана и отложилъ обсужденіе проекта на недѣлю [1]).

Черезъ недѣлю пренія открылись. Заранѣе слѣдуетъ оговориться, что пренія эти не привели ни къ какимъ непосредственнымъ результатамъ, благодаря по истинѣ безпорядочному веденію ихъ; голосованіе, въ результатѣ преній, вовсе не имѣло мѣста. Но на пренія въ два пріема посвящено было двадцать пять засѣданій, на которыхъ высказано было депутатами немало по поводу проекта правъ благородныхъ такого, что́ рельефно характеризуетъ взгляды ихъ на права и привилегіи дворянства, значеніе его вообще въ то время. Поэтому-то мы и посвящаемъ этимъ преніямъ нѣсколько, быть можетъ, больше мѣста, чѣмъ бы это слѣдовало съ перваго взгляда: въ нихъ, говоря языкомъ Екатерины II, во всякомъ случаѣ, выразилось «умоначертаніе народа» по данному вопросу.

Принять участіе въ преніяхъ изъявили на этотъ разъ желаніе слишкомъ *двадцать* человѣкъ; изъ нихъ пять человѣкъ были депутаты отъ городовъ, а всѣ остальные — отъ дворянства; кромѣ того, одиннадцать человѣкъ заявили, что подадутъ свои мнѣнія письменно; среди нихъ были: «депутатъ калужской провинціи *отъ засѣкскихъ сторожей*» и депутатъ архангелогородской провинціи «отъ новокрещенъ и ясашныхъ крестьянъ» [2]). Первая глава проекта, трактующая о путяхъ пріобрѣтенія и лишенія дворянства, заняла депутатовъ, въ два пріема, цѣлыхъ пятнадцать засѣданій [3]).

Прежде всего, было обращено вниманіе на тѣ статьи проекта, по которымъ дворянство пріобрѣтается, какъ мы видѣли, лишь происхожденіемъ и пожалованіемъ. Немало потрачено было времени на препирательства по поводу этихъ статей съ чисто внѣшней стороны, такъ сказать, редакціонной, особенно во второй пріемъ; небольшая часть времени посвящена была преніямъ по существу дѣла. Первый же говорившій депутатъ указалъ, что проектомъ игнорируется законодательство Петра о пріобрѣтеніи дворянства — его табель о рангахъ, по которой дворянство давалось, какъ мы знаемъ, чиномъ. Защищавшіе табель предлагали, чтобы дворянами считались, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые уже получили его по табели [4]); а дерптскій депутатъ отъ города, Яковъ Урсинусъ, пошелъ такъ далеко въ развитіи идеи о пріобрѣтеніи дворянства лишь въ качествѣ награжденія «за истинныя полезныя услуги», что доказывалъ «пространно», что «дворянству быть наслѣдному» вовсе не надлежитъ; существованіе таковаго онъ допускалъ, лишь «уступая нѣсколько человѣческой слабости»; уступая же этой послѣдней, дерптскій гражданинъ находилъ необходимымъ начало табели о рангахъ по отношенію къ пріобрѣтенію дворянства признать дѣйствую-

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 170—174.

[2]) *Тамъ-же*, т. XXXII, стр. 175 и слѣд.

[3]) Проектъ обсуждался сначала съ 10 іюля по 9 сентября 1768 года, а потомъ съ 5 сент. по 9 октября.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 177 и 180. Къ депутатамъ, высказавшимъ такой взглядъ, присоединилось нѣсколько десятковъ представителей, между которыми чуть ли не большинство—представители однодворцевъ, горожанъ, пахотныхъ солдатъ, черносошныхъ крестьянъ и т. д.—Списокъ ихъ тамъ же, стр. 180—182. *Тамъ-же*, т. XXVI, стр. 9 и 10.

щимъ и на будущее время во всей его полнотѣ. Къ мнѣнію нѣмца присоединился одинъ только депутатъ, тоже горожанинъ, представитель Звенигорода [1]). Тѣ же изъ представителей, которые стояли за проектъ по данному вопросу, предлагали дополнить его положеніемъ, что пожалованіе дворянства должно имѣть мѣсто не просто за добродѣтели и заслуги, а за «*отмѣнныя*» добродѣтели и заслуги, «дабы никто не могъ подумать, что здѣсь... обыкновенная служба и должное всякому гражданину поведеніе разумѣется, ибо за неисполненіе оныхъ опредѣляетъ законъ наказаніе, а за неоказаніе отмѣнныхъ заслугъ — никакого, потому что происходятъ оныя не только отъ избыточнаго усердія, но и отъ отличной способности, каковыми качествами не всякій одаренъ бываетъ» [2]).

По поводу четвертой статьи проекта, устанавливавшей различіе между четырьмя «званіями», — княжескимъ, графскимъ, баронскимъ и *дворянскимъ*, — нѣкоторые депутаты и во главѣ ихъ извѣстный князь Щербатовъ рѣшительно высказались противъ устанавливаемаго ею отличія первыхъ трехъ званій отъ дворянства, предполагавшаго въ нихъ что-то высшее сравнительно съ послѣднимъ. По мнѣнію одного депутата отъ дворянства, «благородство хотя и на разныя степени опредѣляется... однако, всѣ оныя представлены должны быть *подъ общимъ именемъ* благородства *безъ различія* онаго *одного передъ другимъ преимущества*»; депутата, очевидно, смущало намѣреніе составителей проекта раздѣлить все россійское дворянство на высшее и низшее [3]). Эта, нѣсколько туманно высказанная, мысль была ясно и полно развита кн. Щербатовымъ, который, исходя изъ положенія, что представители, «оставя всѣ частныя пользы, единственно къ общему благу должны стремиться», доказывалъ, что статья должна быть дополнена такъ: «всѣ сіи достоинства (князя, графа и т. д.) не дѣлаютъ *никакого различія въ правахъ и выгодахъ, всѣмъ благороднымъ принадлежащихъ*», кромѣ титуловъ и «украшеній гербовъ»; только такое «равенство въ правахъ и въ пользахъ всякаго званія дворянъ», по мнѣнію князя, можетъ утвердить «благо общее» послѣднихъ, отвратить въ средѣ его «всякую зависть» [4]). Нашлись и противники князя, и между ними Урсинусъ, возстававшій противъ наслѣдственности дворянства; онъ и въ данномъ случаѣ исходилъ изъ принятаго имъ начала заслуги, какъ источника дворянства, и утверждалъ, что «преимущества разныхъ сихъ степеней должны быть пропорціонально отличны ихъ заслугамъ, ибо ничего въ свѣтѣ столь вредительнаго добродѣтели нѣтъ, какъ отмѣнить степени чести, награждающей оную по ея важности» [5]).

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 188 и слѣд. Протоколы нѣсколько разъ замѣчаютъ, что Урсинусъ развивалъ свой взглядъ „весьма пространно“.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 196.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 191. Впрочемъ, еще въ коммиссіи о государственныхъ родахъ два члена ея высказались за необходимость прибавленія къ статьѣ слѣдующаго: „всѣ сіи, хотя различныя, названія пользуются, однакожь, равно правами благородныхъ“. *Тамъ-же*, прил. II, стр. 578.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 191 и 192. Съ мнѣніемъ князя согласилось 18 депутатовъ отъ дворянства, одинъ отъ города и одинъ отъ казаковъ. То же самое графъ повторилъ и во время вторичныхъ преній, Томъ XXXVI, стр. 11.

[5]) *Тамъ-же*. Отмѣтимъ здѣсь заявленіе депутата запорожскаго войска Моисея Скапы о причисленіи войска запорожскаго, имъ представляемаго, „въ число шляхетства, а не черносошныхъ крестьянъ“. Скапа ссылался на привиллегіи польскихъ королей, „подтвержденныя и отъ россійскихъ государей договорными статьями“. *Тамъ-же*, т. XXXII, стр. 196 и сл.

Во второй главѣ проекта вызвала, прежде всего, замѣчаніе первая статья его, гласившая, что «благородные всѣ *суть люди свободные*». Одни требовали объясненія, «въ чемъ оная состоитъ свобода», а другіе прямо заявляли [1]), что «они съ своей стороны никого, кромѣ одного самовластнаго монарха, свободными почесть не согласны, а благородные или высокопочтенные дворяне не только одному Государю, но и Его Величества царскимъ законамъ и прочимъ судебнымъ правительствамъ отвѣтъ дать повинны». По поводу освобожденія дворянства отъ обязательной службы одинъ изъ представителей дворянства, ссылаясь на 365 статью большого наказа о военной службѣ, какъ наиболѣе приличествующей дворянамъ, требовалъ «неслужащимъ положить уничтоженіе» и чтобы «каждый служилъ не менѣе двѣнадцати лѣтъ», и съ нимъ согласились еще двое. Это были депутаты съ далекаго востока—уфимскій и оренбургскій [2]). Уже извѣстный намъ Урсинусъ поставилъ дѣло на иную точку зрѣнія и доказывалъ, что лишь тому дворянину можетъ быть предоставлено право не служить, который не владѣетъ вотчинами; что же касается послѣднихъ, то «какъ могутъ они,—говорилъ онъ,—не покраснѣя со стыда, препровождать дни свои въ праздности; развѣ они внѣ службы посвящаютъ себя такимъ упражненіямъ, которыя приносятъ отечеству пользу»? онъ доказывалъ, что Петръ и его преемники раздавали, жаловали «коронныя маетности въ томъ намѣреніи, чтобъ владѣтели оныхъ черезъ то въ состояніи были продолжать отечеству свою службу, а не для того, чтобъ черезъ оныхъ содержать отечеству безполезныхъ потомковъ». «Кто содержитъ и пропитаетъ своего ближняго, требуетъ отъ него взаимныя услуги, равномѣрно и отечество имѣетъ право требовать того же отъ дворянъ, кои получаютъ отъ деревень и крестьянства не токмо свое пропитаніе, но и доходы на излишніе ихъ расходы». Къ этому мнѣнію присоединилось нѣсколько человѣкъ депутатовъ исключительно отъ городовъ, купечества, козаковъ и т. п. [3]).

Одинъ изъ депутатовъ отъ города, ссылаясь на ту же 365 статью наказа, рекомендовалъ «предписать, что благородные непремѣнно должны вступать въ государственную службу и... тѣмъ *заслуженное* предками ихъ достоинство *собственными своими добродѣтелями и заслугами возобновлять; а кто* изъ благородныхъ въ жизнь свою *въ государственную службу не вступитъ*, тотъ потеряетъ *заслуженное предками достоинство*, которымъ уже дѣти и потомки тѣхъ воспользоваться не должны до тѣхъ поръ, пока они до оберъофицерскихъ ранговъ выслужатся». И къ этому мнѣнію присоединилось нѣсколько человѣкъ депутатовъ тѣхъ же слоевъ населенія, что и къ предъидущему [4]).

---

[1]) Козакъ съ сибирскихъ линій, съ которымъ согласились представители другихъ козаковъ, яицкаго войска и нѣсколькихъ городовъ. *Тамъ-же*, стр. 207 и 208.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 208 и 209. Ту же мысль, лишь въ нѣсколько иной формѣ, высказалъ одинъ депутатъ отъ города. „Всѣ дворяне,—говорилъ онъ,—есть таковые же подданные предуставленному надъ ними отъ Бога монарху, *какъ и всѣ остальные*, а посему по изобрѣтенію службы воли не имѣютъ, а единственно по рабской своей должности, по усмотрѣнію государя или отъ поставленныхъ правителей, кто куда и въ какой службѣ... будетъ потребенъ и способенъ, въ той и находиться долженъ“. *Тамъ-же*, стр. 209 и 210.

[3]) *Тамъ-же*, томъ XXXVI, прил. III къ т. XXXII, стр. 301 и 302, и т. XXXII, стр. 210.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 20 и слѣд.

Статья о тѣлесной неприкосновенности дворянина вызвала почти со стороны всѣхъ говорившихъ депутатовъ одно и то же возраженіе или, лучше, требованіе дополненія въ томъ смыслѣ, чтобы такою неприкосновенностью благородный пользовался лишь до тѣхъ поръ, пока «не сдѣлаетъ дѣйствія», какъ выразился одинъ изъ депутатовъ, «кое извергаетъ его изъ званія благородныхъ» [1]. При этомъ одинъ изъ депутатовъ предложилъ расширить эту привилегію, подведя подъ понятіе тѣлеснаго наказанія и «народное поруганіе» (?), которое «произойти можетъ паче тѣлеснаго наказанія». Онъ находитъ нужнымъ избавить дворянина «тако-жь и отъ тиранства, смраднаго и непристойнаго заключенія въ холодномъ воздухѣ, отчего происходитъ потеряніе человѣческой жизни и здоровья, а должно, — заключаетъ ораторъ, — опредѣлить штрафы арестомъ, давать въ пищу хлѣбъ и воду» [2]. Относительно права свободнаго выхода изъ подданства, устанавливаемаго проектомъ, высказался совершенно отрицательно одоевскій дворянинъ, заявившій, что «онаго положенія утвердить не можетъ, опасаясь, чтобъ не распустить нужныхъ людей для государства» [3].

Статья, устанавливавшая свободу отъ всякихъ податей, вызвала лишь одну поправку, направленную на то, «чтобъ иностранные не могли заключить, читая оныя права, что до сего времени благородные подать платятъ»; въ поправкѣ предлагалось статью изложить такъ: «благородные самолично податей не платили и впредь не платятъ» [4]. За то постановленіе проекта о гербахъ вызвало немало мнѣній и исправленій со стороны, разумѣется, депутатовъ отъ дворянства. Значительное вниманіе обратила на себя въ представительной коммиссіи статья тринадцатая главы второй проекта, имѣвшая даровать дворянству странное право — «если пожелаютъ, право владѣнія крѣпостныхъ своихъ деревень перемѣнить на право деревень свободныхъ». Противъ этого «права» первый поднялъ свой сильный голосъ князь Щербатовъ, такъ усердно возстававшій въ той же коммиссіи противъ мысли объ освобожденіи крестьянъ. Онъ энергически возсталъ противъ этого права и особенно противъ той его квалификаціи, по которой, разъ освободивъ крѣпостныхъ, дворянинъ никогда не могъ уже снова закрѣпостить ихъ. Воздавъ въ своемъ «весьма пространномъ» письменномъ мнѣніи должную хвалу «великому сему праву, чтобы кому свободу даровать», князь, однако, спѣшитъ положить предѣлы «мечтаніямъ» и приглашаетъ собраніе «соглашать проектъ законовъ... къ состоянію государства, къ умоначертанію и къ умствованію народа (?)... къ самому климату сей пространной имперіи, дабы, съ одной стороны, не разрушить цѣпь нисходящую, которая отъ монарха начинается и властью его дѣйствуетъ, которая чрезъ самодержавную сію власть... всѣ разныя страны, между собою толико отдаленныя, въ порядкѣ содержитъ, и чтобъ прелестнымъ видомъ благодѣяній... оставя древніе и до сего времени полезные обычаи, не учинить такихъ узаконеній, которыя современемъ вредны могутъ быть». Трактуемая статья проекта, по мнѣнію князя, и есть такое узаконеніе. Онъ «пространно доказываетъ это, во-первыхъ, тѣмъ, что крестьяне

---

[1] *Тамъ-же*, стр. 216—218.
[2] *Тамъ-же*, стр. 216.
[3] *Тамъ-же*, стр. 222.
[4] *Тамъ-же*, стр. 223.

его времени часъ отъ часу богатѣе и благоденственнѣе становятся... они защищены своими господами, кои... о хорошемъ состояніи ихъ пекутся»; а потому и не надлежитъ дворянамъ «давать право дѣлать ихъ благополучнѣйшими: умноженіе благополучія сверхъ мѣры можетъ во вредъ обратиться», во-вторыхъ, осуществленіе такого «права» дворянами привело бы, по мнѣнію князя, къ величайшему вреду уже потому, что «разорвало бы цѣпь, связующую помѣщиковъ съ ихъ крестьянами, которая... цѣлость государства сохраняетъ». Оно поведетъ «къ умноженію разбоя, воровства, корчемства и тому подобныхъ золъ, къ уменьшенію государственныхъ доходовъ, раченія крестьянъ къ земледѣлію, запустѣнію фабрикъ и заводовъ»; и все это потому, что «одна свободная деревня... другимъ сосѣдственнымъ вложитъ мысль зависти, непокорства и негодованія», что и поведетъ къ великимъ бѣдамъ. Въ-третьихъ, зло въ результатѣ получится неизбѣжно и потому, что дарованной свободы не будетъ никакой возможности регулировать и тѣмъ противудѣйствовать могущему получиться злу. Въ виду всего этого, князь и рекомендовалъ собранію, «на которое вся Европа глаза обращаетъ», статью проекта совсѣмъ оставить, «не подвергаяся вѣрное и давно пребывающее благо государства на неподлинную новость промѣнять» [1]). Къ мнѣнію князя присоединились многіе депутаты не только отъ дворянъ, но и отъ городовъ, черносошныхъ и приписныхъ къ заводамъ крестьянъ [2]). Возражающихъ въ средѣ депутатовъ не нашлось; лишь нѣкоторые ограничились замѣчаніемъ, что не могутъ о статьѣ разсуждать, не понимая ея: они заявляютъ, что не понимаютъ, что̀ такое свободныя деревни [3]). Впрочемъ, при второмъ обсужденіи проекта Щербатову возражалъ Коробьинъ, который доводы князя находилъ бездоказательными и утверждалъ, что «имя свободы отнюдь не вредно» [4]).

Очень единодушныя возраженія со стороны многихъ депутатовъ отъ городовъ вызвала статья проекта правъ благородныхъ, дарующая послѣднимъ «право заводить на своихъ земляхъ фабрики и заводы»; противники этого права дворянъ, главнымъ образомъ, настаивали на томъ, что «фабрики и заводы принадлежать только одному купечеству» [5]); доказывалось, что вѣдать ихъ и способно одно купечество; ссылались на Петра, который московскую и казанскую суконныя фабрики приказалъ взять отъ благородныхъ и отдать купечеству [6]). Указывалось и на то, что устройствомъ фабрикъ и заводовъ помѣщиками «крестьянство отлучится отъ хлѣбопашества». Въ виду всего этого, статью проекта предлагали редактировать такъ, чтобы ни крестьяне не отвлекаемы были отъ земледѣльчества, ни купечеству не произошло отягощенія [7]). При вторичномъ только обсужденіи проекта нашлись защитники этой статьи, изъ которыхъ одинъ,— бѣлгородскій дворянинъ Иванъ Выродовъ,—хотя и много говорилъ, но все «къ

---

[1]) *Тамъ-же*, т. XXXVI, стр. 309—313. Подлинное мнѣніе князя Щербатова въ III прил. къ т. XXXII.

[2]) *Тамъ-же*, т. XXXII, стр. 233 и 234.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 234.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 253 и 254.

[5]) *Тамъ-же*, т. XXXVI, стр. 27 и слѣд.

[6]) *Тамъ-же*, стр. 253.

[7]) *Тамъ-же*, стр. 254 и 255.

матеріи не принадлежащее» и, притомъ, слишкомъ часто «чрезвычайный смѣхъ» въ собраніи производившее; а онъ говорилъ больше всѣхъ и чуть не за всѣхъ защитниковъ статьи [1]). Защищалъ статью депутатъ отъ главнаго магистрата и защищалъ тѣмъ, что «дворяне для заводовъ и фабрикъ многіе имѣютъ предъ другими способы и выгоды», которыя всѣ сводятся къ обладанію «землями, рѣками, лѣсами, людьми» [2]).

На этой статьѣ, видимо, столкнулись интересы двухъ сословій, изъ которыхъ представители наиболѣе заинтересованнаго изъ нихъ — городского населенія — съ наибольшимъ успѣхомъ отстаивали свое. Пренія затянулись очень надолго.

Право свободы дворянскихъ домовъ отъ постоя не вызвало возраженія вовсе.

Не заинтересовала никого изъ депутатовъ, ни при первомъ обсужденіи проекта, ни при второмъ, та статья его, по которой безъ согласія помѣщиковъ въ церкви ихъ деревень никто не имѣлъ права назначать священниковъ и церковниковъ.

Вслѣдъ за статьей о правѣ охоты, по поводу которой немало положено было труда и краснорѣчія депутатами отъ дворянства, особенное вниманіе представителей обращено было на статью проекта, предоставлявшую дворянину право быть судимымъ лишь равными себѣ. Дѣло въ томъ, что дирекціонная коммиссія, разсматривавшая проектъ до поступленія его въ большую, замѣнила эту статью другою, по которой «благородные судятся только въ тѣхъ судебныхъ мѣстахъ, которымъ законами дано право судить благородныхъ». Противъ такого измѣненія возсталъ извѣстный намъ князь Щербатовъ, который положеніе проекта, какъ основанное на томъ параграфѣ наказа, которымъ рекомендовалось хоть нѣсколькимъ изъ судей «быть чина по гражданству такого же, какого и отвѣтчикъ, т.-е. ему равнымъ» [3]), находилъ «справедливымъ и на милосердіи основаннымъ положеніемъ», за которое трудно воздать «достойное благодареніе Великой Екатеринѣ» [4]). За нимъ говорилъ въ пользу постановленія проекта и еще одинъ, хотя и не такъ «пространно», но не менѣе убѣдительно, ссылаясь на тотъ же екатерининскій наказъ, уже на другую статью его [5]), которая законъ о судѣ «чрезъ равныхъ» находитъ «весьма полезнымъ», какъ налагающій «молчаніе всѣмъ умствованіямъ, вперяемымъ въ насъ отъ различія чиновъ, богатства и счастія». На сторонѣ этихъ двухъ депутатовъ и ихъ противниковъ, ставшихъ на сторону дирекціонной коммиссіи, отвергавшей «судъ равныхъ», присоединилось почти по одинаковому количеству депутатовъ при первомъ обсужденіи проекта [6]); при вторичномъ обсужденіи его противъ Щербатова выступилъ еще одинъ депутатъ, который доказывалъ, что въ общихъ судахъ при разборѣ дворянскихъ дѣлъ «дворянинъ можетъ довольно надѣяться въ справед-

---

[1]) *Тамъ-же*, т. XXXVI, стр 35 и 37.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 38 и 39.
[3]) Глава IX, о производствѣ суда вообще, § 127.
[4]) *Сборн. Истор. Общ.*, прибавл. III, къ т. XXXII, № 30.
[5]) Наказъ, гл. X, объ обрядѣ криминальнаго суда, § 180.
[6]) *Сборн. Истор. Общ.*, т. XXXII, стр. 271 и 273.

ливомъ себя защищеніи, имѣя право представить отъ себя одного судью». Въ концѣ-концовъ, пренія между этими двумя депутатами кончились на этотъ разъ ихъ соглашеніемъ на томъ, «что весьма полезно, дабы дворяне были судимы дворянами, если коммиссія сыщетъ способъ, чтобы сіе могло производимо быть безъ всякаго затрудненія» [1]).

Немало возраженій со стороны депутатовъ вызвала та статья проекта, по которой «благородная», вышедшая замужъ за неблагороднаго, лишается благородства; изъ всѣхъ возраженій особенно выдѣляется по мѣткости возраженіе извѣстнаго уже намъ дерптскаго депутата Урсинуса, который между этимъ постановленіемъ проекта и постановленіемъ его, что благородство теряетъ дворянинъ, лишь совершивъ извѣстное преступленіе, находилъ полное противорѣчіе; примирить это противорѣчіе онъ предлагалъ двумя способами: или выбросить статью, трактующую о бракѣ, или внести ее въ ту, которая говоритъ о потерѣ дворянства, причисливъ бракъ благородной съ неблагороднымъ къ преступленіямъ, лишающимъ дворянства [2]). При вторичномъ обсужденіи проекта къ воззрѣнію Урсинуса присоединился графъ Гр. Орловъ, который находилъ въ трактуемомъ постановленіи проекта — наказаніе, мѣру преступленія далеко «превзошедшее»; «если это преступленіе»,—говорилъ графъ,— то нужно и «способы для воздержанія онаго употребить». Не видя съ своей стороны, въ выходѣ замужъ благородной за неблагороднаго, ни преступленія, ни причины къ лишенію женщины благородства, графъ предлагалъ запретить лишь выходъ замужъ благородной за раба или «подозрительнаго» человѣка; такъ какъ первый составляетъ «часть имѣнія», а послѣдній «исключается изъ честныхъ людей общества». На этотъ разъ пренія затянулись: противъ гр. Орлова выступилъ кн. Щербатовъ и дворянинъ Нарышкинъ, изъ которыхъ первый выходъ дворянки за недворянина подводилъ подъ понятіе «самовольнаго сложенія съ себя дворянства» и ссылался на «умоначертаніе всѣхъ народовъ, на обычай» большей части ихъ — «мужу жена слѣдуетъ». Второй ссылался на «единство семьи», коего не было бы, еслибъ жена «подлаго» человѣка оставалась благородною; къ нему присоединился и третій депутатъ — отъ главнаго магистрата. Орловъ всѣмъ имъ возражалъ, и соглашенія не произошло [3]).

Изъ всѣхъ слѣдующихъ статей вплоть до послѣдней вниманіе депутатовъ при первомъ обсужденіи ихъ остановлено было только двумя, въ сущности, той, которая даровала «всѣмъ благороднымъ свободный входъ ко двору», и послѣдней, утверждавшей всѣ права проекта только за «россійскими благородными». По поводу перваго «преимущества» благородныхъ, нѣкоторые изъ депутатовъ находили статью проекта, его устанавливавшую, совершенно излишней, такъ какъ думали, что предоставленіе этого права исключительно въ волѣ монарха [4]);

---

[1]) *Тамъ-же*, т. XXXVI, стр. 45 и 46.

[2]) *Тамъ-же*, т. XXXII, стр. 287.

[3]) *Тамъ-же*, т. XXXVI, стр. 53—60. Пренія на этомъ, однако, не кончились и длились еще почти цѣлое засѣданіе между Урсинусомъ и двумя представителями отъ южныхъ полковъ шляхетства и гусарскихъ нижнихъ чиновъ. *Тамъ-же*, стр. 61—67.

[4]) *Тамъ-же*, т. XXXII, стр. 294 и слѣд. Депутатъ отъ сибирскихъ козаковъ, Өедоръ Анциферовъ, грубовато заявилъ, что „рабамъ подчиненнымъ входъ на царскій дворъ закономъ предписывать онъ не согласенъ“.

другіе думали, что не слѣдуетъ лишать «сего жребія и знатнѣйшихъ городовъ первостепенное купечество и мѣщанство» [1]). Статья, дозволявшая дворянамъ заводить училища въ уѣздѣ для своихъ дѣтей, со стороны дворянъ-депутатовъ вызвала лишь одно замѣчаніе, что «заводить училища *до права благородныхъ* ни мало не принадлежитъ». Только крестьянинъ Иванъ Чупровъ замѣтилъ, что «надлежитъ учреждать школы» дворянамъ, но только «на своемъ коштѣ» [2]). Послѣдняя статья проекта вызвала лишь кое-какія, чисто редакціоннаго характера, замѣчанія. При вторичномъ обсужденіи проекта послѣднія восемь статей его были прочитаны подрядъ и никто не нашелся что-либо сказать по поводу хотя бы одной изъ нихъ [3]).

А, между тѣмъ, въ этихъ послѣднихъ статьяхъ проектировались, какъ мы видѣли, корпоративныя права дворянства. Такое отношеніе къ этой части проекта правъ благородныхъ со стороны представителей народа, участвовавшихъ въ коммиссіи 1767 года вообще, а дворянства въ частности, тѣмъ болѣе удивительно, что въ наказахъ, съ которыми депутаты отъ дворянъ пріѣхали въ коммиссію, какъ объ этомъ было говорено въ своемъ мѣстѣ, указывалось, хотя, правда, и по другимъ поводамъ, на необходимость вооружить дворянъ, въ лицѣ отдѣльныхъ дворянскихъ обществъ, этими правами.

Едва ли только что указанное обстоятельство можно объяснить тою безпорядочностью преній и обсужденій, которая имѣла мѣсто въ коммиссіи вообще и которая вела «къ воздержанію отъ участія въ совершенно безцѣльныхъ спорахъ, которые затянулись почти на три мѣсяца» [4]). Мы не беремся объяснять этого явленія, но не можемъ не указать на то странное обстоятельство, что дворянскіе наказы или, точнѣе, тѣ предложенія ихъ, на которыхъ мы уже останавливались и которыя трактовали о разныхъ корпоративныхъ правахъ уѣзднаго дворянства, очевидно, вовсе не имѣлись въ виду коммиссіей о государственныхъ родахъ, составлявшей проектъ «правъ благородныхъ»; она пользуется исключительно только наказомъ Екатерины, въ которомъ о корпоративныхъ правахъ, какъ было указано, ничего не говорится [5]).

Прошло почти двадцать лѣтъ съ того времени, какъ императрица узнала «умоначертаніе» если не народа, то дворянства по данному вопросу, прежде чѣмъ издана была «жалованная грамота». Прежде чѣмъ обратиться къ этой послѣдней, мы остановимся еще нѣсколько на одномъ законодательномъ актѣ императрицы, изданномъ за десять лѣтъ до появленія «жалованной грамоты»,—актѣ, изъ котораго въ эту послѣднюю вошло многое, касающееся дворянства.

Мы говоримъ объ «учрежденіяхъ о губерніяхъ», которыми организовался новый строй мѣстнаго управленія и которыми дворянство привлекалось къ участію въ этомъ послѣднемъ по выборамъ.

---

[1]) Мнѣніе подалъ депутатъ отъ города Смоленска; къ нему присоединилось человѣкъ двадцать депутатовъ отъ другихъ городовъ. *Тамъ-же*, стр. 295 и слѣд.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 300.

[3]) *Тамъ-же*, т. XXXVI, стр. 67—69.

[4]) *Тамъ-же*, т. XXXII, стр. XV и слѣд., и XXXVI, стр. II предисловія проф. Сергѣевича.

[5]) Если не имѣть въ виду указаній „Начертанія объ уложеніи", изданнаго въ апрѣлѣ 1768 года, въ которомъ говорилось о дворянскомъ судѣ и въ отвѣтъ на который, вѣроятно, и внесена въ проектъ статья о судѣ равныхъ.

Всѣ коллегіальныя мѣстныя учрежденія, введенныя Екатериной закономъ 7 ноября 1775 года, кромѣ губернскаго правленія и трехъ палатъ — гражданской, уголовной и казенной, были выборныя по составу, исключая предсѣдателей; притомъ, въ составъ однихъ изъ этихъ учрежденій входили, какъ, напр., въ составъ такъ называемаго совѣстнаго суда, представители всѣхъ трехъ сословій, городского, дворянскаго и отъ крестьянъ [1]); въ составъ другихъ — губернскій магистратъ, верхняя расправа и земскіе суды — представители одного изъ нихъ. Мы остановимся лишь на тѣхъ изъ коллегіальныхъ учрежденій, въ которыхъ засѣдали одни дворяне. Къ такимъ учрежденіямъ, прежде всего, принадлежитъ *верхній земскій судъ*, одинъ на цѣлое намѣстничество; кромѣ двухъ предсѣдателей, онъ состоитъ изъ *десяти* засѣдателей, которые избираются каждые три года «*дворянствомъ* тѣхъ уѣздовъ, кои составляютъ подсудное вѣдомство того... суда»; подъ апелляціей этого суда стоятъ *уѣздные* суды, члены которыхъ также избираются, въ количествѣ двухъ или трехъ, дворянствомъ изъ своей среды, и, наконецъ, нижній земскій судъ [2]). При этомъ въ послѣднихъ двухъ судахъ и предсѣдатели—выборные изъ дворянства же: ими были исправникъ земскій или капитанъ-исправникъ въ нижнемъ земскомъ судѣ и уѣздный или окружный судья въ уѣздномъ судѣ, которые оба избирались дворянствомъ изъ своей среды на три года [3]). Прибавимъ еще, что дворяне могли входить и въ составъ такихъ учрежденій, какъ крестьянскія нижняя и верхняя расправы, такъ какъ крестьяне могли членовъ ихъ избирать не только изъ собственной среды, «но изъ дворянъ, или ученыхъ людей, или изъ чиновныхъ» [4]). Обращаясь къ опредѣленію функцій этихъ судовъ, мы увидимъ, что верхній земскій судъ и уѣздные—учрежденія судебныя чисто сословнаго характера, каковой носятъ они и по своему составу [5]); они «имѣютъ отправлять правосудіе какъ по уголовнымъ, такъ по гражданскимъ дѣламъ». Что же касается нижняго земскаго суда, то онъ, по характеру свой функціи, учрежденіе чисто полицейское и, притомъ, вовсе не сословное: оставаясь таковымъ по составу, онъ вѣдаетъ «дѣла, до полиціи или благочинія земскаго касающіяся» [6]) «*во всемъ уѣздѣ*», по отношенію ко всему его населенію. Такою же *всесословною*, по характеру отправляемой ею функціи, была и должность предсѣдателя этого суда, когда онъ дѣйствовалъ какъ самостоятельный органъ. Земскій исправникъ или капитанъ-исправникъ имѣлъ порученіе «бдѣть, дабы *никто... въ уѣздѣ* ничего не пред-

---

[1]) „Учрежд. о губерніяхъ“, гл. XXVI, ст. 396: два члена отъ дворянъ и по два отъ городовъ и селеній, и гл. III, ст. 63.

[2]) *Тамъ-же*, гл. XIV, ст. 166; гл. III, ст. 65—67; гл. XV, ст. 196, и гл. XVII, ст. 228.

[3]) *Тамъ-же*, гл. XVII, ст. 223, и гл. III, ст. 66.

[4]) *Тамъ-же*, гл. III, ст. 75.

[5]) *Тамъ-же*, гл. XIV, ст. 173, и гл. XV, ст. 197.

[6]) *Тамъ-же*, гл. XVII, ст 224. Статья 224 перечисляетъ отдѣльныя дѣла, этому суду подлежащія: „имѣть бдѣніе, дабы въ губерніи сохранены были благочиніе, добронравіе и порядокъ... Чтобъ предписанное законами повсюду въ уѣздѣ исполняемо и сохраняемо было; въ случаѣ же нарушенія оныхъ, н. зем. судъ... *всякаго* долженъ приводить къ исполненію предписаннаго закономъ... н. зем. судъ одинъ въ уѣздѣ право имѣетъ приводить въ дѣйствіе повелѣнія правленія (губернскаго), рѣшенія палатъ верхнихъ и уѣздныхъ судовъ и чинить отказы (?)“. См. то же, въ болѣе общихъ чертахъ, въ гл. XVIII, ст. 235.

пріялъ и не учинилъ въ противность подданическаго долга и послушанія»; на немъ—уѣздная полиція въ широкомъ смыслѣ этого слова [1]).

Кромѣ названныхъ учрежденій, какъ чисто сословныхъ по составу и по функціямъ, къ таковымъ же нужно прибавить и такъ называемую «дворянскую опеку», вводимую тѣмъ же актомъ 1775 года о губернскихъ учрежденіяхъ «при каждомъ верхнемъ земскомъ судѣ». Этому учрежденію ввѣряется «попеченіе о дѣтяхъ дворянскихъ родителей... и о вдовахъ и ихъ дѣлахъ» [2]).

Такимъ образомъ, еще за десять лѣтъ до изданія «жалованной грамоты» дворянству, это послѣднее, составляя единый «корпусъ благородныхъ людей», пользующихся, каждый въ отдѣльности, извѣстными привилегіями, опредѣленными указомъ 1762 года, распадается уже на отдѣльныя собранія или общества—уѣздныя, которыя пользуются опредѣленными корпоративными правами и преимуществами; оставалось лишь свести разбросанное въ различныхъ законодательныхъ актахъ въ одинъ, развить эти отдѣльныя права и привилегіи въ болѣе или менѣе правильную систему.

Екатерина II и сдѣлала это въ 1785 году,—сдѣлала, ознакомившись съ «умоначертаніемъ народа», приглядѣвшись въ извѣстной степени къ дѣйствію въ жизни тѣхъ правъ и привилегій благородныхъ, которыя введены были тѣмъ или инымъ законодательнымъ актомъ.

Императрица связала изданіе «жалованной грамоты» дворянству съ такимъ фактомъ ея царствованія, какъ «безкровопролитное пріобрѣтеніе скипетру Херсона Таврическаго и Кубани, одержанное 8 апрѣля 1783 года ревнительнымъ подвигомъ... генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина» [3]), —фактомъ, вышедшимъ, по словамъ манифеста, «изъ многочисленныхъ побѣдъ» Россіи «по краямъ вселенныя», и въ особенности изъ той, которая въ 1774 г. заключилась миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи. Эти побѣды и указанный результатъ ихъ императрица ставитъ въ заслугу современному ей дворянству, этимъ потомкамъ «достойныхъ предковъ своихъ». И какъ бы въ награду за эти подвиги и заслуги императрица, «пользуясь всякою внутреннею и внѣшнею повсюду тишиною и вяще утремляясь къ непрерывному упражненію доставить... вѣрноподданнымъ... твердыя и прочныя постановленія къ умноженію благополучія и порядка на будущія времена», прежде всего, находитъ нужнымъ «простерти свое попеченіе къ россійскому дворянству». «Подражая примѣрамъ предковъ своихъ», императрица и «постановляетъ и утверждаетъ въ память родовъ», *для пользы* россійскаго *дворянства*, службы царской и Имперіи... «на вѣчныя времена и непоколебимо» права и привилегіи дворянству.

Совокупность этихъ правъ и привилегій и составляетъ содержаніе «жалованной грамоты» россійскому дворянству, изданной 21 апрѣля 1785 г.

Россійскаго дворянства въ смыслѣ единаго цѣлаго, охватывающаго собою всю совокупность русскихъ дворянъ и пользующагося, въ качествѣ таковаго

---

[1]) *Тамъ-же*, гл. XVIII, ст. 238—252.

[2]) *Тамъ-же*, гл. XVI, ст. 209 и 213. Она, въ сущности, тотъ же уѣздный судъ лишь подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, ст. 210 и 220.

[3]) Манифестъ, предпосланный грамотѣ. Здѣсь и дальше мы будемъ пользоваться отдѣльнымъ изданіемъ грамоты прошлаго столѣтія.

цѣлаго, правами единой корпораціи, какъ юридическаго лица, «жалованная грамота» *не создаетъ.* Она дробитъ его на отдѣльныя, болѣе или менѣе крупныя единицы: она жалуетъ дворянамъ «дозволеніе *собираться въ той губерніи,* гдѣ жительство имѣютъ, и составлять *дворянское общество* въ каждомъ намѣстничествѣ»; именно *это общество,* какъ одно цѣлое, и «пользуется правами, выгодами, отличностями и преимуществами» корпораціи, юридическаго лица [1]). Оно, это губернское общество, собирается въ губерніи, «разъ въ три года», для производства выборовъ своего корпоративнаго представителя—*предводителя дворянства той губерніи,* а также для выслушиванія предложеній генералъ-губернатора и «чиненія» на оные «пристойныхъ отвѣтовъ или соглашеній, сходныхъ какъ узаконеніямъ, такъ и общему благу», и, наконецъ, «для представленія и жалобъ черезъ депутатовъ какъ въ сенатъ, такъ и Императорскому Величеству, а, вмѣстѣ, указаній генералъ-губернатору или губернатору «о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ» [2]).

Такое губернское собраніе или, лучше, дворянское общество получаетъ право имѣть въ губернскомъ городѣ свой домъ, «свою архиву», «свою печать». Оно же получаетъ право составить «особливую казну своими добровольными складками» и распоряжаться этой казной «по общему согласію» [3]).

Собраніе членовъ губернской дворянской корпораціи получаетъ, по «жалованной грамотѣ», такую привилегію, какъ привилегія не подвергаться военной стражѣ: «собраніе дворянства ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ стражѣ», говоритъ ст. 57 «грамоты». Наконецъ, «дворянство во всякой губерніи» имѣетъ свою «родословную книгу», для составленія которой учреждается особое «присутствіе» депутатовъ, по одному отъ каждаго уѣзда. На имя «дворянства губерніи» дается самая «жалованная грамота» [4]).

Изъ всего этого ясно, что «жалованная грамота» создаетъ, какъ мы уже указали, прежде всего, такую крупную единицу, какъ *губернское дворянское* общество. Но это послѣднее распадается на нѣсколько отдѣльныхъ единицъ, число которыхъ обусловливается числомъ такихъ административныхъ единицъ, на которыя дѣлятся губерніи, какъ уѣзды. *Дворянство уѣзда* каждые три года избираетъ *уѣзднаго предводителя*; слѣдовательно, уѣздное дворянство собирается въ особыя отдѣльныя отъ губернскихъ собранія, на которыхъ избираются засѣдатели верхняго земскаго суда, совѣстнаго, уѣзднаго и нижняго земскаго, а также уѣздный или окружный судья и капитанъ-исправникъ [5]). Дворянская опека остается учрежденіемъ уѣзднымъ, а не губернскимъ, такъ какъ, попрежнему, сливается, въ сущности, съ уѣзднымъ судомъ [6]).

---

[1]) „Жал. гр.“, ст. 37.

[2]) *Тамъ-же,* ст. 38, 39, 46, 47 и 48.

[3]) *Тамъ-же,* ст. 50, 25 и 54.

[4]) *Тамъ-же,* ст. 66, 67 и 71. Цѣлая глава грамоты посвящена наставленію, какъ составлять родословную книгу, ст. 72—90, а другая—перечисленію „доказательствъ благородства“, ст. 91 и 92; послѣдняя статья распадается на 22 параграфа. Всего въ „жалованной грамотѣ“ *девяносто двѣ* статьи.

[5]) *Тамъ-же,* ст. 40 и 44. Всѣ эти статьи почти цѣликомъ изъ „Учрежд. о губерніяхъ“ 1775 года. См. также ст. 58.

[6]) *Тамъ-же,* ст. 59 и 60.

Теперь посмотримъ, кто, по «жалованной грамотѣ», входилъ въ составъ дворянскихъ *обществъ*, во-первыхъ, и кто пользовался правомъ активнаго и пассивнаго избранія, во-вторыхъ.

Если остановиться только на первой статьѣ грамоты, то можно заключить, что дворянство пріобрѣтается лишь происхожденіемъ отъ «начальствовавшихъ въ древности мужей», которые «пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное» [1]). Такое заключеніе было бы рѣшительно ошибочно. Уже въ одной изъ ближайшихъ статей грамоты говорится, что «благородное названіе дворянское и достоинство изстари, *нынѣ да и впредь* пріобрѣтается *службою* и трудами, имперіи и престолу полезными» [2]). Слѣдя за статьями грамоты дальше, мы встрѣчаемъ въ одной изъ нихъ постановленіе, что «благородные разумѣются всѣ тѣ, кои *или отъ предковъ благородныхъ рождены, или* монархами сими достоинствами *пожалованы*» [3]), а, вслѣдъ за этимъ, въ перечисленіи «неопровергаемыхъ доказательствъ благородства» мы наталкиваемся уже на такіе источники благородства, какъ «патенты на чины, къ коимъ присвоено дворянское достоинство»; другими словами, полученіе извѣстнаго чина даетъ дворянство; и пріобрѣтается оно именно полученіемъ оберъ-офицерскаго чина, согласно табели о рангахъ Петра I, на которую и ссылается грамота: «которые дослужатся до оберъ-офицерскаго чина *не изъ дворянъ*, когда кто получитъ вышеписанный чинъ, *оный суть дворянинъ и его дѣти*». Вмѣстѣ съ тою же табелью, грамота устанавливаетъ и личное дворянство, «ненаслѣдственное», подъ понятіе о которомъ подводится дворянство, пріобрѣтенное службой же, полученіемъ на ней чиновъ, но ниже оберъ-офицерскаго [4]).

Такимъ образомъ, дворянство и по «жалованной грамотѣ» пріобрѣтается всѣми тѣми же способами, какими оно пріобрѣталось и до нея, начиная съ Петра, а въ концѣ-концовъ—*службою*: потомственное дворянство, мы видѣли, по словамъ императрицы, пріобрѣталось *службою* предковъ, пожалованіе имѣло мѣсто за службу же. Внѣ службы «имперіи и престолу» законодательница не понимаетъ дворянства: «всякой благородный дворянинъ, — говоритъ она,—обязанъ по первому позыву отъ самодержавной власти не щадить ни труда, ни самого живота для службы государственной» [5])

Всѣ, такими способами пріобрѣвшіе дворянство, исключая личныхъ дворянъ, и составляютъ мѣстныя губернскія и уѣздныя дворянскія корпораціи или общества, при условіи, впрочемъ, обладанія *недвижимымъ имѣніемъ* [6]). Всѣ члены этого общества «имѣютъ право присутствовать, *по совершеннолѣтіи*, при собраніи дворянства той губерніи» [7]), т. е. пользуются, вмѣстѣ съ тѣмъ,

---

[1]) Ст. 1: „Дворянское названіе есть *слѣдствіе, истекающее отъ качествъ и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей*, отличавшихъ себя заслугами, чѣмъ, обращая самую службу въ достоинство, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное".

[2]) Статья 20.

[3]) Статья 91.

[4]) *Тамъ-же*, ст. 92, пп. 19, 20 и 21 и ст. 78, толкованіе, и 79.

[5]) *Тамъ-же*, ст. 20.

[6]) *Тамъ-же*, ст. 68.

[7]) *Тамъ-же*, ст. 70. Въ составъ „общества" входитъ лишь тотъ, кто „въ родословную дворянскую книгу внесенъ": не внесенный въ нее „не только не принадлежитъ къ дворянству *той губерніи*, но да[illegible] и не пользуется общими преимуществами дворянства", ст. 68

и правомъ активнаго избранія, правомъ участія въ выборахъ, такъ какъ на собраніяхъ, «главнымъ образомъ», по самому закону, а въ дѣйствительности—только они одни и производились. Что касается пассивнаго права избранія, грамота ничего спеціально о немъ не говоритъ. О немъ можно лишь заключить на томъ основаніи, что выбирать въ различныя сословныя должности можно было лишь изъ своей среды, изъ тѣхъ, кто занесенъ въ книгу, т. е. изъ тѣхъ же совершеннолѣтнихъ дворянъ-владѣльцевъ. Есть лишь одно ограниченіе имѣющихъ право активнаго избранія въ пользованіи правомъ пассивнымъ, это—постановленіе, по которому дворяне ни въ какія должности не могли избирать своего собрата, разъ онъ получалъ съ своей деревни доходъ въ количествѣ менѣе ста рублей (ассигнаціями) въ годъ [1]).

Дворянское собраніе могло своего сочлена лишить активнаго и пассивнаго правъ избранія, разъ онъ «опороченъ судомъ», или «котораго явный и безчестный порокъ всѣмъ извѣстенъ, хотя бы и судимъ еще не былъ» [2]).

Сущность такихъ корпоративныхъ правъ, какъ право сословнаго суда и право на участіе въ полицейскомъ управленіи уѣзда, остаются, по «жалованной грамотѣ», организованными такъ, какъ они были организованы еще учрежденіемъ о губерніяхъ за десять лѣтъ передъ этимъ.

Что касается чисто личныхъ правъ дворянина, то, прежде всего, грамотою подтверждаются всѣ тѣ права этого рода, которыми онъ пользовался и прежде: «*подтверждаемъ*,—говорится въ грамотѣ отъ имени императрицы,—на вѣчныя времена въ потомственные роды россійскому благородному дворянству *вольность и свободу*», и, вслѣдъ затѣмъ, идетъ «подтвержденіе: службу продолжать и отъ службы просить увольненія», т. е. подтверждается свобода отъ обязательной службы всѣхъ способныхъ къ ней дворянъ поголовно, введенная указомъ Петра отъ 1762 года; дальше *подтверждаются* право свободнаго выѣзда «въ чужіе края» [3]), право *пріобрѣтать деревни*, торговать продуктами производства собственныхъ деревень, пріобрѣтать недвижимую собственность въ городахъ [4]).

За каждымъ дворяниномъ «жалованною грамотой» признаются *вновь* слѣдующія привилегіи: «*безъ суда* не лишается благородный» жизни, чести и дворянскаго достоинства и имѣнія; «тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго»; благородный не можетъ быть судимъ никѣмъ, «окромѣ своими равными», и лишеніе его дворянскаго званія или чести, или жизни можетъ по суду состояться не иначе, какъ «по внесеніи въ сенатъ и конфирмаціи Императорскаго Величества» [5]). А по суду онъ лишается своего достоинства лишь за совершеніе преступленій, «основанія дворянскаго достоинства разрушающихъ» и имъ про-

---

и 69; а въ родословную книгу вносится именно лишь дворянинъ, „въ той губерніи имѣніемъ недвижимымъ владѣющій“, ст. 68. Дворянинъ, „невладѣющій деревнею самъ и недостигшій 25-ти лѣтняго возраста, могъ лишь присутствовать, наравнѣ съ личнымъ дворяниномъ, въ собраніи, безъ права голоса“, ст. 63 и 64.

[1]) *Тамъ-же*, ст. 62.
[2]) *Тамъ-же*, ст. 65.
[3]) *Тамъ-же*, ст. 17—19.
[4]) *Тамъ-же*, ст. 26, 27 и 30.
[5]) *Тамъ-же*, ст. 8—13 и 15.

тивныхъ; такихъ преступленій грамота насчитываетъ семь видовъ [1]). Благородный «самолично» избавляется отъ личныхъ податей; его домъ «свободенъ отъ постоя» [2]).

Если вглядѣться внимательнѣе въ эти только что перечисленныя личныя привилегіи благородныхъ, нельзя не замѣтить, что онѣ распадаются на двѣ группы, рѣзко отличающіяся, и вотъ въ какомъ отношеніи: однѣ изъ нихъ тѣсно связаны съ понятіемъ о человѣческой личности, человѣческомъ достоинствѣ, вытекаютъ изъ него вродѣ права на тѣлесную неприкосновенность, права не быть наказаннымъ помимо суда и т. п.; другія ничего съ этимъ человѣческимъ достоинствомъ общаго не имѣютъ въ положительномъ смыслѣ и касаются его лишь въ смыслѣ отрицательномъ, унижая и оскорбляя его; первыя, будучи признаваемы за извѣстнымъ лицомъ или классомъ, не наносятъ ущерба другимъ лицамъ или классамъ; вторыя же, составляя права одного, ведутъ къ безправію другаго; къ этимъ вторымъ принадлежитъ такая привилегія дворянства, какъ исключительное право владѣть населенными деревнями, т. е. крѣпостными. Если права и привилегіи первой группы можно назвать явленіями новаго порядка, то привилегіи, только что указанныя, несомнѣнно, стараго порядка, притомъ, такого, самыя основы существованія котораго тою же «жалованною грамотою» отмѣняются.

Въ періодъ Московскаго государства право на владѣніе помѣстьями съ самаго ихъ появленія, а право на владѣніе вотчинами—съ извѣстнаго времени связывалось съ обязанностью ихъ владѣльцевъ служить всю жизнь, пока онъ способенъ служить. Съ помѣстій и вотчинъ «несли службы»; владѣніе ими—вознагражденіе за эти послѣднія. Развитіе помѣстной системы, развитіе обязательной службы повели къ прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ, а скоро и къ прикрѣпленію къ лицу: этимъ путемъ крестьяне попали въ крѣпостную зависимость. Обладаніе ими со стороны шляхетства, благороднаго дворянства, обусловливалось въ XVIII столѣтіи также обязательной службой этого послѣдняго. Избавленіе дворянства отъ обязательной службы лишаетъ его, въ сущности, eo ipso, и права на результаты, если можно такъ выразиться, вытекавшіе изъ обязательности, которая съ него снята. «Жалованная грамота» отдѣлила причину отъ слѣдствія, какъ факты самостоятельные; первую отмѣнила, а второе, возведя въ самостоятельное явленіе, укрѣпила въ качествѣ привилегіи за дворянствомъ на вѣчныя времена, къ счастію, хотя и черезъ столѣтіе, оказавшіеся конечными, какъ это и должно было быть. Такое самопротиворѣчіе «жалованной грамоты» относительно личныхъ правъ дворянства, такое соединеніе отжившаго, по существу, съ новымъ сдѣлало то, что первое, подъ вліяніемъ самой жизни, новыхъ условій ея, постепенно, хотя и очень медленно, съуживалось, ограничивалось; другое, наоборотъ, постепенно расширялось какъ относительно самаго существа своего, содержанія, такъ

---

[1]) *Тамъ-же*, ст. 5: „да не лишится дворянинъ или дворянка дворянскаго достоинства, *буде сами себя не лишили* онаго преступленіемъ, основаніямъ дворянскаго достоинства противнымъ". Ст. 6 насчитываетъ семь слѣдующихъ преступленій, ведущихъ къ лишенію дворянства: 1) нарушеніе клятвы; 2) измѣна; 3) разбой; 4) воровство *всякаго рода;* 5) лживые поступки, преступленія, за кои по законамъ слѣдовать имѣетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе; 7) подговоры на совершеніе одного изъ указанныхъ преступленій.

[2]) *Тамъ-же*, ст. 36 и 35.

и относительно района лицъ, достояніемъ которыхъ оно постепенно становилось. Черезъ сто лѣтъ по изданіи «жалованной грамоты» дворянство лишилось своей привилегіи владѣть душами; привилегія исчезла вмѣстѣ съ самымъ фактомъ. А такія привилегіи, какъ тѣлесная неприкосновенность, напр., становятся почти общимъ достояніемъ къ тому же времени, изъ привилегій одного класса превращаются въ право всѣхъ.

Нѣкоторые видятъ въ тѣхъ службахъ по выборамъ, которыя возлагаются на дворянъ «жалованною грамотою», ту же обязательную службу, которую дворянство несло и до указа 1762 года, съ тою лишь разницею, что, будучи до указа и «жалованной грамоты» службой военной, теперь становится гражданской. Эта служба, говорятъ они, тоже служебное тягло, лишь видоизмѣненное; такъ, говорятъ намъ, смотрѣло на нее само дворянство; въ этомъ будто бы лежитъ и основаніе, какъ съ точки зрѣнія правительства, такъ и самого дворянства, къ дальнѣйшему существованію послѣ изданія грамоты крѣпостного права [1]).

Едва ли это такъ. Самъ авторъ приведеннаго мнѣнія въ другомъ мѣстѣ того же своего сочиненія говоритъ, что съ отмѣной обязательной службы дворянства падаетъ основаніе владѣть крѣпостными. Дѣло въ томъ, что, сравнивая службу дворянъ по выборамъ съ обязательной службой его въ первой половинѣ XVIII столѣтія, не слѣдуетъ упускать изъ вида слѣдующихъ *трехъ* основныхъ положеній, которыми характеризуется служба по выборамъ: во-первыхъ, ее несутъ не поголовно всѣ дворяне; во-вторыхъ, она несется, главнымъ образомъ, въ интересахъ самого дворянства; въ-третьихъ, за нее получается специальное вознагражденіе, она не несется съ земли; ея размѣры, объемъ не обусловливаются размѣрами и объемомъ земельной собственности, числомъ душъ, какъ обусловливалась когда-то служба размѣрами помѣстья или вотчины. Если дворянство само смотрѣло на новыя службы, какъ на видоизмѣненныя старыя, если оно, какъ увидимъ, стало отлынивать отъ нихъ, то не потому, что новыя службы, по существу, были тѣ же, что и старыя. Еслибъ это было такъ, не было бы причинъ дворянству ликовать по поводу изданія указа 1762 года; проектировать золотую статую виновнику этого указа; не было бы смысла представителямъ дворянства хлопотать о введеніи, какъ чего-то желаемаго, старыхъ службъ по новому вѣдомству; во что эти службы превратились въ концѣ-концовъ—дѣло другое, причина котораго вовсе не въ существѣ этихъ службъ и не въ ихъ обязательности.

На эти службы, по ихъ существу, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на нѣчто новое или, по крайней мѣрѣ, какъ на зародышъ этого новаго, имѣвшій развиться, подобно личнымъ привилегіямъ, основывавшимся на понятіи о человѣческомъ достоинствѣ, изъ сословной привилегіи въ общее право, вмѣстѣ съ распространеніемъ общечеловѣческихъ правъ личности, превращеніемъ ихъ изъ дворянской привилегіи въ общее достояніе.

Въ сущности, законодательство Екатерины II, въ данномъ случаѣ, вноситъ въ областное, мѣстное управленіе не что-либо ею спеціально изобрѣтенное, от-

[1]) *Роман.-Славатинскій*: назв. соч., стр. 491. *Лохвицкій* остроумно замѣтилъ, что по „жалованной грамотѣ“ дворянство переведено лишь изъ военнаго вѣдомства въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

крытое и впервые въ эту сферу вносимое. Еще Петръ I учреждалъ въ 1702 году при воеводахъ особые совѣты изъ дворянъ—помѣщиковъ и вотчинниковъ того района, котый вѣдался воеводой; этотъ совѣтъ долженъ былъ, смотря по величинѣ города, состоять изъ двухъ-трехъ или четырехъ человѣкъ, «добрыхъ и знатныхъ» дворянъ, избираемыхъ дворянами всего округа; «и одному воеводѣ,—говоритъ указъ,—безъ нихъ, дворянъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу не чинить... дѣла чинить воеводамъ обще съ дворянами; тѣ дѣла... крѣпить имъ, дворянамъ, всякому своими руками» вмѣстѣ съ своимъ воеводой [1]). Впослѣдствіи, когда воеводъ, въ качествѣ областныхъ управителей, смѣнили губернаторы, Петръ и при этихъ послѣднихъ учредилъ совѣты, въ коихъ губернаторы были только предсѣдателями, а «не яко властителями»; число членовъ такихъ совѣтовъ доходило отъ восьми до двѣнадцати; члены этихъ совѣтовъ, получившіе названіе *земскихъ совѣтниковъ*—ландраты—избираются мѣстными дворянами и утверждаются указами. Они—то же, по существу, при губернаторахъ, что дворянскіе совѣтники при воеводахъ; но, кромѣ того, каждый изъ чиновъ ландратскаго совѣта самостоятельно, т.-е. въ качествѣ единоличнаго органа, завѣдывалъ отдѣльной частью того округа, который вѣдался губернаторомъ съ ландратскимъ совѣтомъ [2]). При ландратахъ, какъ правителяхъ отдѣльныхъ окрестныхъ округовъ, состояли такъ называемые *земскіе коммиссары*—тоже выборные изъ дворянъ; назначеніе этихъ выборныхъ, кромѣ сбора разнаго рода государственныхъ доходовъ, состояло, такъ сказать, въ общемъ земскомъ надзорѣ по ввѣреннымъ имъ округамъ, въ смыслѣ полицейскаго надзора, въ широкомъ смыслѣ этого слова [3]). Дворянство разъ въ годъ должно было съѣзжаться въ городъ для выбора новаго коммиссара и повѣрки стараго, отслужившаго свой срокъ; при этомъ, относительно проштрафившагося выборнаго дворянство пользовалось правомъ наказывать его, «не описываясь воеводѣ», всякаго рода наказаніями, кромѣ смертной казни, въ случаѣ необходимости наказанія коей виновный отсылался «къ надворному суду». Изъ этихъ сословныхъ учрежденій и должностей Петра пережили его, въ сущности, только земскіе коммиссары, указаніе на существованіе которыхъ встрѣчается еще въ началѣ царствованія Екатерины II въ 1765 году и должность которыхъ, по вѣрному замѣчанію г. Романовича-Славатинскаго, «была началомъ должности земскаго исправника, болѣе опредѣлившейся учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 года» и «жалованной грамотой». Ландратскіе совѣты, вѣроятно, были уничтожены въ 1727 году, какъ послужившіе, вмѣстѣ съ другими петровскими учрежденіями, по выраженію указа, ихъ отмѣнявшаго, «не только къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной» [4]).

Немудрено, что идея Петра привлечь шляхетство къ завѣдыванію мѣстными интересами, мѣстнымъ управленіемъ отцвѣла, не успѣвъ разцвѣсть: шляхетство, призванное къ этому, несло пожизненную обязательную службу; на призваніе къ

[1]) *1 П. С. З.* № 1900. Цитировано по *Романовичу-Славатинскому*, назв. соч., стр. 403, и *Мрочекъ-Дроздовскій*: „Областное упр. Россіи въ XVIII в.“, стр. 59 и 60.

[2]) *Мрочекъ-Дроздовскій*, назв. соч., стр. 55—61; 63—65.

[3]) Ему подлежало наблюденіе за отбываніемъ рекрутской повинности, откупщиками, устройствомъ и безопасностью путей сообщенія, за нравственностью обывателей и т. п. *Романовичъ-Славатинскій*, назв. соч., стр. 404 и 405.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 404.

новой службѣ оно не могло иначе взглянуть, какъ на усиленіе этой службы; да и какъ было соединить въ одномъ лицѣ эти двѣ службы? Кончилось дѣло тѣмъ, что въ ландраты стали выбирать «для прокормленія отставныхъ офицеровъ, которые, по старости или за ранами, къ строевой службѣ были неспособны». Законъ санкціонировалъ такой способъ назначенія ландратовъ, которыхъ опредѣлять къ дѣлу скоро получили право сами губернаторы, иногда сенатъ, помимо всякихъ выборовъ. На ландратство стали смотрѣть разные отставные офицерскіе чины, какъ на свое исключительное право [1]). Припомнимъ къ этому, что гражданская служба считалась въ то время еще до того низменной сравнительно съ военной, что Петру приходилось воевать съ такимъ взглядомъ указами [2]); не забудемъ, что и правительству, несмотря на его иной взглядъ на дѣло, все-таки нужны были дворяне, главнымъ образомъ, для военной службы, а для гражданской—по преимуществу въ центральныхъ учрежденіяхъ, всякаго рода коллегіяхъ и конторахъ. Гдѣ было взять «достойныхъ» людей, «добрыхъ и знатныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ» для ландратскихъ совѣтовъ, кромѣ отставныхъ и искалѣченныхъ офицеровъ [3])?

Положеніе дѣлъ въ значительной степени измѣняется во второй половинѣ XVIII вѣка: обязательная служба дворянъ отмѣнена; по словамъ Екатерины II въ письмѣ къ графу Сегюру отъ 1773 года, «наибольшее ихъ число живетъ въ своихъ имѣніяхъ» [4]). Дворянство свободно и можетъ посвятить себя мѣстной службѣ и не въ лицѣ такихъ только своихъ представителей, какъ получившіе «отставкою абшидъ», за престарѣлостью и увѣчьемъ. Это, думается намъ, понималъ законодатель; это понимали и лучшіе изъ дворянъ, ходатайствовавшіе въ наказахъ, посланныхъ ими со своими представителями въ большую коммиссію 1767 года, о правѣ участія дворянства въ мѣстномъ управленіи.

Мы знакомы въ нѣкоторой степени съ тѣмъ, въ какихъ формахъ дворяне нѣкоторыхъ уѣздовъ желали принять участіе въ мѣстномъ управленіи; чтобы познакомиться съ тѣмъ, какого участія въ этомъ управленіи, *по самому существу* его, хотѣли дворяне, мы приведемъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ тѣхъ наказовъ дворянъ, въ которыхъ они ходатайствовали о дарованіи имъ права участія въ мѣстномъ управленіи. Углицкое дворянство, напримѣръ, проситъ дозволенія избирать изъ дворянской среды особаго коммиссара, который бы вѣдалъ «въ малыхъ искахъ» по всякимъ дѣламъ, кромѣ «криминальныхъ», людей *всякаго званія*; на содержаніе такого коммиссара съ канцеляріей проектировался особый налогъ со всѣхъ живущихъ въ уѣздѣ, «не исключая какого бы званія ни были». Функ-

---

1) *Мрочекъ-Дроздовскій*, назв. соч., стр. 62 и 63. Такіе офицеры прямо обращались въ сенатъ просьбой о назначеніи ихъ въ ландраты даже на мѣсто уже избранныхъ, причемъ просители прямо указывали, какъ на свое преимущество, на то, что они въ арміи служили.

2) Извѣстно, что Петръ издалъ указъ, въ которомъ предписывалъ не корить никого гражданской службой.

3) Почти то же высказываетъ и г. *Романовичъ-Славатинскій*, стр. 406—409. У него приведена любопытная цитата изъ мнѣнія военной коллегіи отъ 1731 года по поводу укомплектованія кирасирскихъ полковъ; въ немъ категорически утверждается, что „по указамъ Петра I, для учрежденія регулярнаго войска *всероссійское шляхетство, кромѣ старолѣтнихъ и увѣчныхъ*, опредѣлены были въ службу по смерти, и иные, по то время, пока за старостями же или за ранными неизцѣльными болѣзнями отставкою абшидъ получили“. Стр. 407.

4) *Тамъ-же*, стр. 410.

ціи такого выборнаго, по наказу, не ограничивались, однако, одними судебными разбирательствами; нѣтъ, онъ долженъ былъ доставлять населенію его района охрану «отъ проходящихъ командъ и отъ посылаемыхъ изъ городскихъ канцелярій»; «безъ его вѣдома никого въ канцелярію, кто бы требованъ ни былъ, не брать»; этого мало: онъ слѣдитъ за крестьянами, чтобы они «добродѣтельно и трезво жили» и всякія подати и повинности во-время отправляли; на коммиссара возлагается полиція безопасности; ради осуществленія этой функціи, ему подвѣдомственны сельскіе сотскіе и десятскіе [1]). Переяславское дворянство, въ видахъ устраненія «приказной волокиты и примѣтки», проситъ о дозволеніи «выбирать въ города, провинціи и губерніи... товарищей (воеводъ?) провинціальныхъ и губернскихъ ландратовъ и имъ въ помощь коммиссаровъ... кои были бы *наблюдателями у дѣлъ*, какъ дворянскихъ, такъ и *прочихъ»*, и смотрѣли бы, чтобъ никакое притѣсненіе и волокита «сторонъ не отягощали» [2]). Нѣкоторыхъ уѣздовъ дворяне, не идя такъ далеко, какъ шли тѣ, которые просили объ избраніи воеводъ изъ своей среды, ходатайствовали о дозволеніи имъ, какъ мы видѣли, избирать товарищей воеводъ, «которымъ имѣть присутствіе *обще съ воеводою»*, т.-е. участвовать въ завѣдываніи всѣми дѣлами, порученными воеводѣ; дворяне надѣялись этимъ путемъ достигнуть улучшенія мѣстной администраціи и облегченія населенія [3]). Здѣсь почти во всѣхъ случаяхъ шла рѣчь уже не о простомъ надзорѣ за ненарушеніемъ собственныхъ сословныхъ интересовъ, а объ участіи въ мѣстномъ управленіи въ широкомъ смыслѣ этого слова; въ ходатайствѣ объ избраніи воеводъ эта тенденція проявляется во всей своей полнотѣ.

Привлекая дворянъ къ участію въ сословномъ мѣстномъ судѣ и земской администраціи, Екатерина II, несомнѣнно, имѣла въ виду указанное «умоначертаніе» своего благороднаго дворянства, выразившееся въ приведенныхъ ходатайствахъ лучшихъ представителей его. Въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, имѣлось въ виду не обложить мѣстное дворянство новымъ видомъ обязательной службы, а дать ему право, притомъ, когда-то имъ просимое, на участіе въ мѣстномъ управленіи, ради охраненія какъ ихъ собственныхъ, такъ и вообще всякихъ мѣстныхъ интересовъ.

Одно дѣло—*имѣть въ виду* достигнуть извѣстной цѣли и другое—*дѣйствительно* достигнуть ея. «Жалованная грамота», признавъ постановленія учрежденія о губерніяхъ относительно участія представителей дворянства въ мѣстномъ управленіи, удовлетворила указаннымъ желаніямъ дворянства нѣкоторыхъ уѣздовъ лишь въ извѣстной степени. Основною мыслью всѣхъ проектовъ дворянства было *ограниченіе власти* мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, иногда полная, какъ мы видѣли, замѣна ихъ. Учрежденіе о губерніяхъ, а за нимъ и «жалованная грамота» призываютъ дворянство къ соучастію въ мѣстномъ управленіи; они ставятъ выборные органы и учрежденія въ качествѣ такихъ въ управленіи соучаствующихъ учрежденій и органовъ въ подчиненныя отношенія къ правительственнымъ мѣстнымъ органамъ.

Независимо отъ предсѣдателя такого сословнаго дворянскаго суда, какъ

[1]) *Сборн. Русск. Истор. Общ.*, т. VIII, стр. 463—465.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 497 и 498.
[3]) *Тамъ-же*, т. XIV, стр. 482.

верхній земскій судъ, назначаемаго императоромъ изъ двухъ кандидатовъ, представляемыхъ сенатомъ, всѣ чины этого суда, вслѣдъ по избраніи ихъ дворянствомъ, представляются на утвержденіе генералъ-губернатора или замѣняющаго его «правителя». Тѣмъ же генералъ-губернаторомъ или правителемъ, который утверждаетъ и двухъ дворянскихъ засѣдателей въ совѣстномъ судѣ, утверждается и предсѣдатель уѣзднаго суда или такъ называемый земскій или окружный судья, а съ нимъ и всѣ засѣдатели или члены уѣзднаго суда, а также и засѣдатели нижняго суда,—всѣ утверждаются губернаторомъ, «въ томъ случаѣ, если за ними нѣтъ *явнаго порока*» [1]).

Такимъ образомъ, дворянству не довѣряетъ законодатель, все равно по какимъ соображеніямъ, настолько, чтобы предоставить ему самому рѣшеніе вопроса о «явныхъ» порокахъ того или другого изъ своихъ сочленовъ; это дѣло поручается агенту центральнаго правительства. Такое отношеніе правителя губерніи къ избранникамъ дворянства, понятно, ставитъ какъ ихъ, такъ, пожалуй, въ извѣстной степени, и самихъ избирателей въ нѣкоторую зависимость отъ этого правителя.

Что касается верхняго земскаго суда, то отношенія къ нему намѣстника или правителя указаннымъ, въ сущности, и должны бы были исчерпываться; по своей функціи онъ составляетъ одну изъ инстанцій мѣстнаго сословнаго суда, на которую подается жалоба для ревизіи «въ одну изъ палатъ»; то же нужно сказать и объ уѣздномъ судѣ, но учрежденіе о губерніяхъ, по отношенію къ тому и другому изъ названныхъ судовъ, уполномочиваетъ губернатора правомъ созывать засѣданія ихъ внѣ опредѣленнаго закономъ времени [2]).

Что касается нижняго земскаго суда съ его предсѣдателемъ, то по отношенію къ нимъ значеніе правителя губерніи не исчерпывается указаннымъ; это административно-полицейское учрежденіе является просто исполнительнымъ органомъ «правленія намѣстничества», которому, по собственному усмотрѣнію, предоставляется даже увеличивать составъ этого выборнаго учрежденія: правленіе имѣетъ право приказать «уѣздному дворянству выбрать лишняго засѣдателя» [3]). Нижній земскій судъ, по выраженію законодателя, «по дѣламъ, до полиціи или благочинія земскаго касающимся... состоитъ прямо *подъ повелѣніемъ* намѣстническаго правленія» [4]).

Предсѣдатель земскаго нижняго суда—капитанъ-исправникъ—представляетъ собою, независимо отъ предсѣдательства въ судѣ, самостоятельный полицейскій органъ и, какъ таковой, подчиненъ также намѣстническому правленію, до свѣдѣнія котораго онъ долженъ доводить о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ [5]).

Переходя къ самымъ дворянскимъ собраніямъ, какъ корпоративнымъ учреж-

---

[1]) *Учрежд. о губ.*, гл. III, ст. 60, 65, 66 и 67. *Жалован. гр.*, ст. 41, 43 и 44.

[2]) *Тамъ-же*, гл. XIV, ст. 189, и гл. XV, ст. 206. Въ первой статьѣ о губернаторѣ говорится, что по его *позыву* можетъ быть созванъ верхній земскій судъ; вторая-же статья вооружаетъ губернатора, по отношенію къ уѣздному суду, правомъ *приказывать* собираться ему наравнѣ съ верхнимъ земскимъ судомъ. Тоже самое имѣетъ мѣсто и относительно дворянской опеки. *Тамъ-же*, ст. 221.

[3]) *Тамъ-же*, гл. XVII, ст. 223.

[4]) *Тамъ-же*, ст. 225.

[5]) *Тамъ-же*, ст. 237, 238, 241, 242, 244 и др.

деніямъ, избирающимъ во всѣ указанныя должности, намъ приходится, прежде всего, указать на отсутствіе всякихъ точныхъ, сколько-нибудь опредѣленныхъ постановленій въ екатерининскомъ законодательствѣ по вопросу объ отношеніи къ нимъ мѣстныхъ представителей правительственной власти. «Жалованная грамота» или «учрежденіе о губерніяхъ» останавливаются на этомъ предметѣ лишь вскользь, мимоходомъ, по поводу того или другого вопроса, почему многое оставалось въ этой сторонѣ дѣла совершенно неопредѣленнымъ, что послужило никакъ не въ пользу дворянскихъ собраній, въ смыслѣ ихъ независимости, особенно если имѣть въ виду, что то немногое, что встрѣчается въ двухъ названныхъ актахъ, во всякомъ случаѣ, указываетъ на нѣкоторую зависимость дворянскихъ предводителей и собраній отъ правителя губерніи.

Такъ, прежде всего, дворянскія собранія, для всякаго рода выборовъ, могутъ имѣть мѣсто, по «жалованной грамотѣ», лишь «*по позыву и дозволенію* генералъ-губернатора или губернатора» [1]). Дальше, какъ мы видѣли выше, собранія должны «выслушивать предложенія» губернатора; наконецъ, *губернскій* предводитель дворянства «*назначается*» генералъ - губернаторомъ или губернаторомъ изъ двухъ кандидатовъ—уѣздныхъ предводителей, представленныхъ дворянскимъ собраніемъ [2]). Все это, несомнѣнно, давало власти намѣстника и губернатора значеніе, которое должно было отразиться, какъ мы сказали, на самостоятельности дворянскихъ собраній и дворянскихъ предводителей.

Указаннымъ и исчерпываются всѣ опредѣленія закона по данному вопросу. Несомнѣнно, что многое предоставлено самой жизни, бытовымъ условіямъ; несомнѣнно, что г. Романовичъ-Славатинскій правъ, утверждая, что именно тѣ условія, въ какія былъ поставленъ царскій намѣстникъ въ провинціи, фактически не могли не отражаться на дворянскихъ собраніяхъ, что почти «царская обстановка» этого представителя власти должна была производить на дворянство подавляющее впечатлѣніе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда самыя собранія имѣли мѣсто въ домѣ намѣстника, да еще въ его присутствіи, обставленномъ именно почти по-царски [3]). Но не забудемъ, что та же самая неопредѣленность, которая давала возможность представителямъ власти правительственной къ примѣненію началъ опеки къ дворянскимъ собраніямъ, начальническихъ отношеній къ выборнымъ органамъ и учрежденіямъ дворянства, въ значительной степени развязывала руки и самому дворянству, которое, какъ извѣстная сила общественная, могла вліять на установленіе извѣстныхъ отношеніей къ органамъ власти,—могла вліять тѣмъ болѣе, что пользовалась, какъ мы видѣли, такою привилегіею, какъ привилегія дѣлать «представленія и жалобы» сенату и императору.

При надлежащемъ сознаніи общественныхъ интересовъ, при надлежащемъ

---

[1]) Статья 38. Это постановленіе вошло въ „жалованную грамоту" изъ спеціальнаго указа отъ 1778 года, который изданъ въ отвѣтъ на запросъ генералъ-губернаторовъ о данномъ предметѣ. *Романовичъ-Славатинскій*, назв. соч., стр. 440 и слѣд.

[2]) Статья 39. Относительно утвержденія уѣздныхъ предводителей ничего не говорится ни въ „жалован. грамотѣ", ни въ учрежд. о губ. Изъ обряда для выбора уѣзднаго предводителя по указу въ 14 день 1766 года, едва ли можно заключить объ утвержденіи уѣзднаго предводителя губернаторомъ, которому онъ только представлялся.

[3]) Назв. соч., стр. 441 и 442.

развитіи общественности вообще среди дворянскихъ корпорацій, эти послѣднія могли съ успѣхомъ на той почвѣ, на которую поставила ихъ «жалованная грамота», даже при тѣхъ не совсѣмъ благопріятныхъ условіяхъ, на которыя только что было указано, развить свои корпоративныя права, свое участіе въ мѣстномъ управленіи.

Но этого не случилось.

И причины неуспѣха въ значительной степени лежали въ самомъ дворянствѣ.

Есть извѣстія, что первые дворянскіе выборы были произведены съ большимъ толкомъ: во всякаго рода выборныя дворянскія должности были избраны дѣйствительно лучшіе люди. Это было время всеобщаго увлеченія «правами и привилегіей» «жалованной грамоты» [1]. За первое трехлѣтіе, несомнѣнно, благодаря такимъ выборамъ, такому отношенію къ своимъ правамъ со стороны дворянства, мы встрѣчаемся, напр., съ такимъ фактомъ, какъ слѣдующій: въ 1788 г. въ сенатѣ разбиралось дѣло, поступивъ въ него, вѣроятно, по жалобѣ дворянства, о поведеніи одного губернатора относительно дворянъ: губернаторъ позволилъ себѣ, какъ истый «хозяинъ», отнестись къ мѣстному дворянскому собранію: онъ появился въ немъ въ сообществѣ своихъ *гостей*, распустилъ, въ присутствіи ихъ, собраніе за одно постановленіе; выгналъ изъ него какого-то, вѣроятно, сказавшаго ему что-либо непріятное, дворянина; не соглашался на выборъ облюбованнаго дворянствомъ предводителя, предлагалъ своего и т. п. Сенатъ постановилъ: «запретить губернаторамъ входъ въ дворянское собраніе» [2].

Но тѣ же современники, которые свидѣтельствуютъ о такомъ положеніи дѣла за первое время, говорятъ, что оно очень скоро измѣнилось: выборы стали производиться неряшливѣе, отъ нихъ стали уклоняться. Современникъ, свидѣтельствующій объ этомъ, приписываетъ такую перемѣну тому обстоятельству, что дворянство раскусило, въ чемъ дѣло, когда прошелъ энтузіазмъ, овладѣвшій имъ подъ вліяніемъ «намѣреній монархини къ добру», выраженныхъ въ «жалованной грамотѣ»; онъ даетъ, такимъ образомъ, понять, что будто ожиданія дворянства не сбылись, въ результатѣ чего и получилось равнодушное отношеніе къ полученному [3]. Однако, судя по тому, что далеко не всѣ дворянства просили участія черезъ своихъ выборныхъ въ мѣстномъ управленіи, что и изъ просившихъ далеко не всѣ просили участія именно въ земскомъ, а не сословномъ управленіи, такую догадку едва ли можно признать особенно состоятельной.

Отношеніе дворянства къ дарованнымъ ему правамъ и привилегіямъ съ достаточной ясностью опредѣлилось еще въ царствованіе Екатерины, въ теченіе одиннадцати лѣтъ; оно въ извѣстной степени выяснилось въ проектѣ, составленномъ въ коммиссіи о государственныхъ родахъ, оно выразилось въ самыхъ

---

[1]) ***Романовичъ-Славатинскій,*** назв. соч., стр. 491.

[2]) *Тамъ-же,* стр. 442 и 443—изъ *1 Пол. Собр. Зак.*, № 16,731. Прибавимъ къ этому, что изъ этого же дѣла видно, что собраніе постановило принести жалобу на распоряженіе намѣстническаго правленія.

[3]) *Г. Романовичъ-Славатинскій* приводитъ въ своемъ сочиненіи цитату изъ одного французскаго путешествія на сѣверъ Европы въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Авторы книги присутствовали на петербургскихъ дворянскихъ выборахъ и свидѣтельствуютъ о поразившемъ ихъ вліяніи на рѣшенія собранія генералъ-губернатора. Стр. 442.

дебатахъ въ большой коммиссіи по поводу этого проекта. Мы видѣли, что ни въ проектѣ нѣтъ почти никакихъ опредѣленій относительно корпоративныхъ правъ дворянства, ни въ коммиссіи о нихъ не было рѣчи; ни въ проектѣ не было ни слова объ участіи дворянства въ мѣстномъ управленіи, ни въ большой коммиссіи никто о нихъ не заикнулся. Нѣтъ ничего мудренаго, что къ тому и другому въ жизни отнеслись сознательно и сочувственно лишь въ пору увлеченія. Прошла эта пора, и такія права и «преимущества» грамоты, какъ участіе въ мѣстномъ управленіи, превратились въ «службу по выборамъ», которая отъ службы государственной отличается развѣ лишь тѣмъ, что она низменнѣе этой послѣдней, даже въ такихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, какъ правленіе, палаты, не говоря уже о службѣ въ такихъ должностяхъ, какъ, напр., губернаторская.

Императоръ Павелъ облегчилъ положеніе дворянъ, недовольныхъ установленными Екатериной службами по выборамъ: по указу 1799 года, во многихъ губерніяхъ капитанъ - исправниковъ повелѣно назначать губернаторамъ; а въ слѣдующемъ году во всѣхъ губерніяхъ во всѣ суды членовъ, по «жалованной грамотѣ» избиравшихся дворянами, повелѣвается назначать въ герольдіи; но, вмѣстѣ съ этимъ, избавлено было дворянство и отъ обязанности собираться въ губернскія собранія, отмѣненныя въ томъ же 1799 году, по выраженію сената: «для облегченія дворянъ», а, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣняются и выборы самаго губернскаго предводителя, котораго съ этого года избирать должны уѣздные предводители изъ своей среды; а годъ спустя, по чисто случайному обстоятельству, губернскихъ предводителей сенатъ рекомендуетъ избирать такъ: списокъ утвержденныхъ губернаторомъ уѣздныхъ предводителей разослать по всѣмъ уѣздамъ для выбора изъ нихъ губернскихъ предводителей на уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ, «и за кого будетъ больше баловъ, тотъ будетъ выбранъ въ губернскіе предводители».

Законъ Екатерины о неприсутствіи губернаторовъ въ губернскихъ собраніяхъ въ царствованіе Павла былъ тоже отмѣненъ: губернаторамъ предписано было, наоборотъ, присутствовать на собраніяхъ для наблюденія за порядкомъ.

Не оставлены были въ покоѣ и личныя привилегіи дворянства: по поводу одного частнаго случая [1]) отмѣнена была такая привилегія, какъ привилегія дворянъ на тѣлесную неприкосновенность. Изданъ былъ спеціальный указъ, которымъ тѣлесное наказаніе возстановлялось какъ для дворянъ, такъ и для тѣхъ гильдейскихъ, которые освобождены были отъ него по «жалованной грамотѣ».

Въ концѣ концовъ, отъ «жалованной грамоты» не осталось почти ничего. Она возстановлена была во всей полнотѣ ея императоромъ Александромъ I. Имъ измѣненъ былъ и павловскій законъ, даровавшій право губернаторамъ присутствовать на дворянскихъ собраніяхъ. Указомъ 1802 года отъ 16 августа повелѣвалось, чтобы «губернаторы не вмѣшивались отнюдь въ дворянскіе... выборы, тѣмъ менѣе домогались бы, по желанію своему, однихъ избранія, а

---

[1]) Изъ сената къ императору поступило дѣло о нѣкоемъ подпоручикѣ, приговоренномъ за богохульство и оскорбленіе словами „владѣтельныхъ государей“ въ тяжкую работу. Императоръ на докладѣ написалъ: „какъ скоро снято дворянство, то уже и привилегія до него не касается“. *Романовичъ-Славатинскій*, стр. 235.

другихъ удаленія отъ должностей». Съ тою же цѣлью поставить дворянскія учрежденія, по возможности, въ болѣе независимое положеніе, при Александрѣ I постановлено было сенатомъ, чтобы губернское правленіе и палаты не сносились съ уѣздными предводителями дворянства непосредственно предписаніями и требованіями, а черезъ посредство начальниковъ губерній.

Словомъ, въ царствованіе императора Александра I всѣ мѣры относительно дворянства и дворянскихъ учрежденій были направлены къ тому, чтобы создать имъ, по возможности, болѣе независимое, самостоятельное значеніе. На службу дворянъ по выборамъ императоръ смотрѣлъ, какъ на нѣчто, по существу совершенно отличное отъ службы государственной. Такой взглядъ на нее высказанъ былъ въ 1801 году по поводу производства дворянъ, служащихъ по выборамъ, въ чины; законъ 1801 года говоритъ, что хотя служба дворянъ по выбору и признается государственною, но что касается производства наградъ за нее, то *существенную* ихъ (служащихъ по выборамъ) награду справедливѣе «отнести *къ довѣрію и уваженію общества*, которое и мѣста сіи имъ предназначало»; въ виду этого, производство дворянъ, служащихъ по выборамъ, въ чины и представленіе ихъ къ наградамъ орденами отмѣнялись [1]).

Въ царствованіе императора Николая права и привилегіи, дарованныя дворянству «жалованной грамотой», развиваются и дополняются цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ узаконеній, причемъ особенное вниманіе законодателя было обращено на корпоративныя права.

Въ декабрѣ 1831 года распубликовывается общее «положеніе о порядкѣ дворянскихъ собраній, выборовъ и службы по онымъ» [2]). Положенію предпослано нѣчто въ видѣ введенія, въ которомъ мотивируется изданіе самаго положенія. Законодатель считаетъ «однимъ изъ самыхъ важныхъ преимуществъ, россійскому дворянству присвоенныхъ, — право выборовъ», чрезъ посредство которыхъ оно, по мнѣнію законодателя, «*содѣйствуетъ непосредственно охраненію общественнаго благоустройства и отправленію правосудія*». Оказывается, что именно этимъ-то «преимуществомъ» дворянство наименѣе дорожило: «открылся поводъ къ жалобамъ на избранія пристрастныя, не оправдывающія довѣренности и ожиданій правительства» [3]); «полезное установленіе дворянскихъ выборовъ» потеряло, по словамъ законодателя, его «первобытную силу и дѣйствіе». Что же такое случилось, почему «первобытная сила» учрежденія ослабла? Манифестъ, какъ на причину, указываетъ на «естественныя измѣненія обстоятельствъ», а изъ нихъ—«на частное раздробленіе дворянскихъ имѣній чрезъ продажу и раздѣлы при наслѣдствѣ въ особенности», которое повело къ тому, что «число избирателей непомѣрно увеличилось», а это послѣднее обстоятельство повело, въ свою очередь, къ тому, что самыя дворянскія собранія стали «составляться изъ людей» далеко не такихъ, коихъ «собственныя выгоды, основанныя на владѣніи достаточнымъ, дающимъ средства надлежащаго образованія имуществомъ, могутъ служить ручательствомъ въ стремленіи ихъ къ общей пользѣ». Говоря проще, причина упадка дворян-

---

1) *Тамъ-же*, стр. 451; цитированъ указъ 1801 г.—*1 П. С. З.*, № 19,861.
2) *2 П. С. З.*, т. VI, отд. 2, № 4,989.
3) *Тамъ-же*, манифестъ.

скихъ учрежденій коренится въ томъ, что, благодаря массѣ обѣднѣвшаго дворянства, въ выборныя учрежденія и должности по мѣстному управленію попадаютъ лица изъ среды этого обѣднѣлаго низшаго дворянства. Въ данномъ случаѣ констатируется явленіе далеко не новое,—явленіе, развивавшееся чуть ли не полвѣка цѣлыхъ и уже въ началѣ настоящаго столѣтія, почти въ самый годъ возстановленія императоромъ Александромъ «жалованной грамоты», замѣченное и констатированное законодателемъ. Въ 1802 году въ одномъ изъ указовъ своихъ Александръ I говорилъ, что «*лучшее дворянство уклоняется отъ выборовъ...:* земскій судъ и управа достаются въ руки ненадежныя». Императоръ не хотѣлъ вѣрить, чтобы «въ благородныхъ обществахъ соревнованіе угасло... въ семъ знаменитомъ поприщѣ», т.-е. на службѣ общественной; но, все-таки, счелъ нужнымъ напомнить дворянамъ черезъ губернаторовъ, что ему весьма пріятно будетъ, ежели они «съ большею ревностью собираться будутъ къ ихъ выборамъ и съ возможнымъ безпристрастіемъ удостоивать лучшихъ людей къ опредѣленію въ должности для составленія ихъ же собственнаго и прочаго народа блага» [1]).

Напоминанія верховной власти не вели ни къ чему: не только не выбирались «лучшіе люди», но сплошь и рядомъ не выбирались вовсе никакіе, а выбраные всяческими путями уклонялись отъ службъ; правительству приходилось замѣщать незанятыя мѣста своими чиновниками [2]). А если дворянство и не уклонялось отъ выборовъ, если выборы производились, то выборныя должности замѣщались или людьми прямо недостойными, или жалкими бѣдняками, унижавшимися передъ всѣми и каждымъ, власть имѣющимъ, и унижавшими занимаемыя ими должности.

И причина такого явленія вовсе, въ сущности, не въ томъ, на что указываетъ манифестъ 1831 года, а въ томъ, мало сказать, неуваженіи, скорѣе презрѣніи со стороны лучшаго дворянства, въ смыслѣ наиболѣе богатаго и образованнаго, къ выборной службѣ по мѣстному управленію,—презрѣніи, констатированномъ въ томъ же 1831 году самимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: указавъ, какъ на общее явленіе, что «усердіе и честность» выборныхъ дворянъ измѣняются подъ бременемъ бѣдности, министръ въ своемъ докладѣ отъ 1831 года говоритъ, что дворянская бѣдность замѣщаетъ всѣ выборныя должности потому, что каждый дворянинъ, сколько-нибудь состоятельный, бѣжитъ какъ огня отъ выборной, по мѣстному управленію, должности, «которая ничего не обѣщаетъ, кромѣ труда и отвѣтственности; онъ считаетъ ее унизительною» [3]).

Императоръ Николай думалъ поправить дѣло—заставить дворянъ проникнуться любовью и усердіемъ къ участію въ мѣстномъ управленіи—тѣмъ, что, собравъ различныя, изданныя съ 1785 г., постановленія о собраніяхъ дворянства, согласить ихъ съ цѣлью и духомъ «жалованной грамоты»; во-вторыхъ, «опредѣлить порядокъ дѣйствія права избирателей болѣе соотвѣтствующимъ со-

---

[1]) *1 П. С. З.*, № 20,381. Цитировано у *г. Романовича-Славатинскаго*, стр. 495.

[2]) Факты этого рода въ достаточномъ количествѣ приведены въ томъ же сочиненіи г. *Романовича-Славатинскаго*, стр. 495—496.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 498.

стоянію» въ то время дворянскихъ имѣній образомъ, въ то же время, распространить кругъ избираемыхъ и, наконецъ, сравнить службу по выборамъ «въ наградахъ и прочихъ выгодахъ съ общею государственною службою» [1]).

Всѣ эти мѣры и осуществлены въ положеніи о дворянскихъ собраніяхъ 1831 года. Пользованіе правомъ активнаго участія въ собраніяхъ, правомъ «имѣть голосъ во всѣхъ положеніяхъ собраній, кромѣ выборовъ», обставлено въ законѣ почти тѣми же самыми условіями, какія установлены и «жалованной грамотой» [2]); пользованіе же правомъ участія въ выборахъ обставляется еще требованіями относительно «качества и количества состоящей за двояниномъ недвижимой собственности»; отъ условій этого рода зависитъ непосредственное участіе въ выборахъ или посредственное—чрезъ уполномоченныхъ. Первымъ пользуются лишь тѣ изъ дворянъ, которые имѣютъ «не менѣе ста душъ крестьянъ, имъ принадлежащихъ, или ста человѣкъ поселянъ, живущихъ на ихъ землѣ», или же «не менѣе 3,000 десятинъ населенной земли», расположенной въ одной губерніи. Участіемъ въ выборахъ чрезъ посредство уполномоченныхъ пользуются дворяне, владѣющіе въ одной губерніи не менѣе какъ пятью душами крестьянъ или 150 десятинами удобной незаселенной земли [3]). Такими землевладѣльцами-дворянами избирается одинъ уполномоченный отъ такого числа ихъ, которое, въ совокупности, обладаетъ 100 душами крестьянъ или 3,000 десятинъ незаселенной земли [4]).

Такимъ опредѣленіемъ ценза активнаго избранія законодатель думалъ устранить отъ непосредственнаго участія въ выборахъ массу мелкопомѣстныхъ дворянъ, участіе которыхъ въ собраніяхъ вело къ крайне, порой, возмутительнымъ явленіямъ: крупные землевладѣльцы-дворяне привозили съ собою на дворянскія собранія эту мелкоту массами, содержали на свой счетъ и направляли ея голоса куда хотѣли; такой порядокъ вещей, прежде всего, велъ, по свидѣтельству одного изъ министровъ начала настоящаго столѣтія, къ тому, что мелкота, «обольщаясь своими преимуществами, рано оставляютъ службу (государственную) и скрываются въ губернію», чтобы тамъ играть указаннымъ путемъ извѣстную роль; «а знатные помѣщики, негодуя на такое поравненіе, удаляются изъ губерніи» [5]). Противъ этого явленія боролись съ того времени, какъ только оно было замѣчено: при возстановленіи «жалованной грамоты» проектировалось лишить права участія въ дворянскихъ собраніяхъ всѣхъ дворянъ, *нигдѣ не служившихъ*, безграмотныхъ, не имѣющихъ понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ и т. п.

Возвысивъ имущественный цензъ, какъ необходимое условіе права активнаго избранія, законъ 1831 года, наоборотъ, понизилъ его, какъ условіе права

---

1) *Манифестъ* 1831 г.—*2 П. С. З.*, т. VI, отд. 2, № 4,989.

2) *Тамъ-же*, § 15 и 18. Совершеннолѣтіе теперь опредѣлено не въ 25 лѣтъ, а въ 21 годъ.

3) *Тамъ-же*, §§ 20, 21 и 31.

4) Такъ, напр., въ уѣздѣ двѣнадцать человѣкъ владѣютъ каждый по пяти душъ и четверо—по десяти; въ такомъ случаѣ, эти 16 человѣкъ выбираютъ отъ себя,—какъ владѣющіе всѣ вмѣстѣ 100 душами,—одного уполномоченнаго и т. д. *Тамъ-же* § 32.

5) Цитировано у *г. Романовича-Славатинскаго*, назв. соч., стр. 434. *Тамъ-же* и рядъ указаній на выборы при участіи мелкихъ дворянъ-землевладѣльцевъ, стр. 433.

пассивнаго избранія: «въ должности по выбору дворянства» могутъ быть избираемы даже и «потомственные дворяне, кои, *не владѣя недвижимымъ имѣніемъ*, не участвуютъ въ дѣлахъ собраній»; а также и дворяне не имѣвшіе вовсе чина, и, наконецъ, даже «всѣ личные дворяне» [1]).

Вмѣстѣ съ этимъ, императоръ, являя дворянскому сословію «новые знаки... особаго благоволенія», даруетъ ему право избирать изъ своей среды и въ такія должности, которыя, по «жалованной грамотѣ», занимались исключительно коронными чиновниками: по закону 1831 года, дворянамъ дается право избирать «не токмо нѣкоторыхъ членовъ, но и самыхъ предсѣдателей *губернскихъ судебныхъ палатъ*» [2]). Такимъ образомъ, право участія дворянства въ мѣстномъ управленіи еще болѣе расширено: теперь дворяне имѣютъ своихъ представителей и въ высшей мѣстной судебной инстанціи.

Не надѣясь, очевидно, двумя указанными средствами достигнуть поставленной цѣли, законодатель обращается къ третьему—сравненію службы по выборамъ съ государственной. Онъ постановляетъ, что «служащіе по выборамъ дворянства считаются *въ дѣйствительной государственной службѣ*» и, какъ таковые, получаютъ награды [3]). Словомъ, выборные представители дворянства превращаются въ правительственныхъ чиновниковъ, лишь назначаемыхъ на службу посредствомъ выборовъ. Всѣ отношенія выборныхъ чиновниковъ къ ихъ обязанностямъ регулируются точно также «общими началами гражданской службы»; всѣ они стоятъ въ извѣстныхъ подчиненныхъ отношеніяхъ къ мѣстнымъ и центральнымъ правительственнымъ органамъ [4]).

Это послѣднее средство законодатель, видимо, считалъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ, чтобы заставить дворянъ относиться усерднѣе къ исполненію одной изъ «важнѣйшихъ своихъ обязанностей» и «преимуществъ», въ одно и то же время. Императоръ надѣялся на это средство въ особенности, имѣя на то солидныя основанія: вкусъ дворянства къ государственной службѣ установился въ средѣ его прочно и незыблемо; чинъ, получаемый на этой службѣ, въ глазахъ дворянина значилъ очень многое, чуть ли не больше самаго благородства дворянскаго; тѣмъ болѣе орденъ. Законодатель привлекалъ на службу по выборамъ въ мѣстномъ управленіи именно перспективой пріобрѣтенія этихъ соблазнительныхъ привилегій. Онъ старался дать дворянству то, къ чему оно такъ стремилось, даже и на томъ поприщѣ, на которомъ, казалось бы, должно было служить человѣку удовлетвореніемъ сознаніе объ общей пользѣ, общемъ благѣ. Онъ надѣется этимъ путемъ дать дворянству въ службѣ по выборамъ нѣчто, кромѣ «труда и отвѣтственности», которые оно въ ней видѣло исключительно, по словамъ графа Закревскаго.

---

[1]) Законъ 1831 года, § 72. Правда, дворяне, не имѣвшіе чина, могли быть избираемы лишь въ такія должности, коимъ присвоенъ заурядъ классъ не свыше десятаго.

[2]) *Тамъ-же*, предпосланное положенію объясненіе.

[3]) *Тамъ-же*, § 123 и 125. Къ орденамъ представляютъ начальники губерніи, § 128; „чиновники, служащіе по выборамъ дворянства“, въ предсѣдателяхъ палатъ, въ уѣздныхъ судьяхъ, исправникахъ и такъ дальше, „получаютъ жалованье, производятся въ чины, удостоиваются наградъ орденами и получаютъ право на пенсію по общему порядку, для службы гражданской установленному“. § 131.

[4]) Отдѣленія III, IV и V главы III закона 1831 года опредѣляютъ взысканія за упущенія по службѣ, условія увольненія въ отпускъ и отъ службы.

Вслѣдъ за изданіемъ закона 1831 года изданъ былъ, однако, на имя губернскихъ предводителей дворянства спеціальный указъ, которымъ имъ предписывалось особенно заботиться о томъ, чтобы на выборныя должности по мѣстному управленію избирались лучшіе люди, достойные и способные къ дѣлу, къ которому они призывались; законодатель, значитъ, не совсѣмъ твердо былъ увѣренъ въ томъ, въ чемъ увѣренность эту выражалъ открыто—что дворянство отнынѣ будетъ избирать «истинно достойныхъ блюстителей порядка и правосудія» [1]). Скоро оказалось, что положеніе вещей нисколько не измѣнилось послѣ изданія закона 1831 года. Какихъ-нибудь шесть лѣтъ спустя послѣ изданія этого закона, гр. Уваровъ въ своей запискѣ: «De l'administration de la plupart des gouvernements de la Russie centrale» рисовалъ губернскую администрацію самыми мрачными красками, находя, что «нѣтъ ничего страннѣе того вида, какой представляетъ совокупность внутренней администраціи губерніи въ Россіи» [2]); а десять лѣтъ спустя, въ 1842 году, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Перовскій, доносилъ Государю спеціально объ органахъ и учрежденіяхъ выборныхъ мѣстной администраціи, выборныхъ отъ дворянства, что они не достигаютъ цѣли, что «чиновники, служащіе по выборамъ, нерѣдко *менье способны и надежны*, чѣмъ опредѣляемые отъ правительства»; что «званіе земскихъ исправниковъ и засѣдателей слишкомъ унижено въ общественномъ мнѣніи». Такіе результаты графъ объясняетъ отношеніемъ дворянства къ выборамъ, на которыхъ «не всегда обнаруживается чистое и безкорыстное», какъ онъ мягко выражается, «стремленіе къ общественному благу» [3]).

Такого «стремленія къ общественному благу» не замѣчается со стороны дворянства и въ концѣ сороковыхъ, и въ пятидесятыхъ годахъ, т.-е., въ сущности, наканунѣ окончательнаго упраздненія почти всѣхъ дворянскихъ привилегій, какъ личныхъ, такъ и такихъ корпоративныхъ, какъ участіе въ мѣстномъ управленіи. Такимъ образомъ, дворянство, въ теченіе трехъ четвертей столѣтія пользовавшееся правомъ участія въ мѣстномъ земскомъ управленіи сравнительно въ очень широкихъ размѣрахъ, не выработало въ себѣ «ни духа, ни вкуса къ земству», какъ выражается Лохвицкій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «*Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія*» [4]). Тотъ же Лохвицкій такой результатъ «жалованной грамоты» и дальнѣйшаго законодательнаго развитія ея приписываетъ тому обстоятельству, что «всѣ учрежденія губерніи» вообще и «дворянскія выборныя» въ частности «пересѣкались одной правительственной единоличной властью», а г. Романовичъ-Славатинскій объясняетъ эти результаты, какъ мы уже видѣли, тѣмъ, что служба дворянъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ была такъ же обязательна, какъ и служба дворянъ вообще до указа 1762 года. По поводу послѣдняго взгляда мы уже сказали нѣсколько словъ въ своемъ мѣстѣ; здѣсь мы приведемъ отзывъ тѣхъ же самыхъ писателей о томъ же самомъ предметѣ нѣсколько иного свой-

---

[1]) *Романовичъ-Славатинскій,* назв. соч., стр. 499.

[2]) *Анучинъ:* „Историческ. очеркъ развитія админ.-полиц. учрежденій въ Россіи", стр. 30.

[3]) Цитировано у г. *Романовича-Славатинскаго,* стр. 499.

[4]) Стр. 205.

ства: г. Романовичъ-Славатинскій, въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія, говоритъ уже, что «жалованная грамота», подтверждая постановленія учрежденія о губерніяхъ, «*вполнѣ* отдала, можно сказать, мѣстный судъ и земскую полицію въ руки дворянства», которое имѣло въ той и другой сферѣ «*преобладающее значеніе*» до самаго 1837 года, когда становые пристава стали назначаться губернскими правленіями, а не мѣстнымъ дворянствомъ; дальше, тотъ же изслѣдователь говоритъ, что, кромѣ «*широкаго участія* въ мѣстномъ судѣ и управленіи, дворянство имѣло право назначать своихъ выборныхъ въ такія вѣдомства, какъ учебное, кредитное и т. д.» [1]). Лохвицкій говоритъ также о томъ, что «*все* губернское и уѣздное судебное управленіе, вся уѣздная полиція перешла, послѣ учрежденія о губерніяхъ и «жалованной грамоты», въ руки дворянства; что, благодаря этому... «роль дворянства» сдѣлалась *очень сильной*, особенно со времени предоставленія уголовнымъ палатамъ права на окончательные приговоры по дѣламъ лицъ непривилегированныхъ званій» [2]).

Гдѣ же истина? Думаемъ, ни въ томъ, ни въ другомъ изъ приведенныхъ отзывовъ. Несомнѣнно, что власть правительственныхъ мѣстныхъ органовъ и учрежденій была велика по отношенію къ выборнымъ дворянскимъ учрежденіямъ, но, во всякомъ случаѣ, не настолько велика, какъ по закону, такъ и въ *дѣйствительности*, чтобъ убить дѣйствительно живое и энергическое отношеніе къ дѣлу представителей дворянства, особенно до 1831 года. Это съ одной стороны; а съ другой—«широкое значеніе», «огромная роль» дворянства въ *дѣйствительности* сводилась къ очень скромнымъ размѣрамъ; иначе, что бы значилъ этотъ рядъ постоянныхъ жалобъ на нерадивость дворянства въ дѣлѣ отношенія его къ земскимъ дѣламъ, его пренебреженіе къ нимъ?

Дѣло никакъ не въ одной организаціи правительственнаго надзора, который, вдобавокъ, едва ли и былъ такъ прочно организованъ по отношенію къ дворянскимъ учрежденіямъ, какъ, напр., къ городскимъ, и никакъ не въ несочувственномъ отношеніи дворянства къ службѣ вообще. Какъ объяснить его любовь къ чинамъ и наградамъ, вызвавшую постановленія объ этихъ послѣднихъ закона 1831 года; какъ объяснить его поголовное стремленіе къ службѣ государственной, но только въ столицахъ и на видныхъ правительственныхъ постахъ въ провинціи? При такомъ индифферентномъ отношеніи дворянства къ службѣ по выборамъ въ мѣстномъ управленіи, въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ оно почти все поголовно стремилось служить въ министерствахъ. Извѣстный нѣмецкій путешественникъ того времени, Гакстгаузенъ, съ удивленіемъ констатируетъ поразившій его фактъ, что въ Россіи, въ сущности, каждый дворянинъ долженъ прослужить извѣстный періодъ времени и получить чинъ; это вошло, по его словамъ, въ обычай до такой степени, что полученный такимъ путемъ чинъ служитъ такимъ же основаніемъ принадлежности къ обществу, какъ въ сѣверной Германіи университетскій дипломъ; «кто въ Россіи,—говоритъ баронъ,—не служилъ и жилъ постоянно въ деревнѣ,—рисковалъ совсѣмъ омужичиться, опошлѣть; кто, наоборотъ, служилъ въ тече-

---

[1]) Назв. соч., стр. 447.
[2]) Назв. соч., стр. 221.

ніе нѣсколькихъ лѣтъ,—развивался, пріобрѣталъ нѣкоторыя практическія знанія и могъ стать хорошимъ землевладѣльцемъ» [1]). Въ виду этого, въ Россіи рѣдко можно встрѣтить дворянина, который бы хоть когда-либо не служилъ. Лохвицкій въ томъ же цитированномъ уже нами сочиненіи констатируетъ тотъ же фактъ, говоря, что съ того времени, какъ «замѣщеніе всѣхъ мѣстъ перешло къ министрамъ», началась сильная эмиграція молодыхъ дворянъ «въ столицы, въ министерскіе департаменты, откуда они являлись черезъ нѣсколько лѣтъ въ провинцію», въ которой, такимъ образомъ, вся мѣстная администрація организовалась изъ пришлаго элемента. «Эмиграція,—говоритъ авторъ,—стала такъ велика, что въ царствованіе императора Николая издано было нѣсколько указовъ, которыми запрещалось принимать окончившихъ курсъ въ университетахъ на службу въ центральныхъ учрежденіяхъ, пока они не прослужатъ нѣсколько лѣтъ въ губернскихъ мѣстахъ» [2]).

Собственно говоря, не за чѣмъ ходить такъ далеко въ прошлое, чтобы констатировать «вкусъ» нашего дворянства къ государственной службѣ; онъ въ достаточной степени ярко проявляется и въ наши дни. Слѣдовательно, причина упадка мѣстнаго дворянскаго управленія дворянства, если можно такъ выразиться, причина равнодушія дворянства къ службѣ по выборамъ вовсе не въ характерѣ этой службы; не въ томъ, что выборные превращены въ чиновниковъ; наоборотъ, такое превращеніе, повторяемъ, совершилось подъ вліяніемъ «вкусовъ» и стремленій дворянства: Императоръ Николай думалъ, какъ мы видѣли, привлечь къ этой службѣ дворянство, создавъ изъ нея службу государственную. Все дѣло именно въ томъ, что служащее дворянство, все свое значеніе полагавшее въ службѣ, знало одну службу—службу государственную, военную или гражданскую, въ различныхъ министерствахъ; службу или видную, или выгодную, — службу, которая, выражаясь языкомъ гр. Закревскаго, давала бы что-либо, «кромѣ труда и отвѣтственности». Дворянство знатное или считавшее себя таковымъ рѣшительно не хотѣло нести выборной службы, которая по значенію своему съ точки зрѣнія положенія, даваемаго ею человѣку на ступеняхъ государственной административной лѣстницы, была въ ихъ глазахъ слишкомъ низменна, а по своему существу *земской* службы—слишкомъ непонятно.

Въ результатѣ получилось такое положеніе: всѣ службы по выборамъ, службы по мѣстному управленію, были переданы, такъ сказать, крупнымъ дворянствомъ мелкому, могшему только мечтать развѣ о высокихъ чинахъ и рангахъ.

Крупное дворянство не жило въ своихъ имѣніяхъ, наѣзжая туда лишь по временамъ; никакой живой связи съ мѣстнымъ обществомъ, его жизнью и интересами оно поэтому не имѣло; оно живетъ,—говоритъ тотъ же посторонній наблюдатель русской жизни первой половины нашего столѣтія Гакстгаузенъ,—по городамъ, несетъ придворную или государственную службу; бо́льшая часть его не имѣетъ вовсе того, что называется въ Европѣ экономіей, деревенской осѣдлостью; бо́льшая часть ихъ, правда, имѣетъ деревенскія усадьбы, но живетъ въ нихъ недѣли, много мѣсяцы. Такой дворянинъ смотритъ на свое имѣніе не

[1]) „Studien über die innere Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands", Th. III, § 56, Anm.

[2]) Стр. 219 и сл.

какъ на отеческій домъ; онъ не питаетъ по отношенію къ нему того, что можно назвать «любовью къ родинѣ». Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, — продолжаетъ Гакстгаузенъ, — что губернское сословное управленіе въ Россіи носитъ такой печальный характеръ; нѣтъ ничего удивительнаго, что въ немъ принимаетъ такое ничтожное участіе образованное, экономически состоятельное дворянство; что выборы въ сословныя должности въ рукахъ грубаго, необразованнаго, большею частью испорченнаго дворянства, что самые выборы, поэтому, падаютъ на субъектовъ часто, если не всегда, худшихъ изъ дворянской среды и что, такимъ образомъ, вся низшая администрація, полиція и юстиція оказываются въ рукахъ такихъ людей [1]). А другихъ людей среди живущаго въ провинціи бѣднаго, большею частью необразованнаго, дворянства трудно найти. Бѣдный тянется за богатымъ, собственныхъ средствъ для этого не имѣя, онъ ищетъ мѣстъ по выборамъ [2]).

Въ заключеніе, какъ бы въ видѣ иллюстраціи къ только что сказанному, Гакстгаузенъ приводитъ разсказъ «одного московскаго высокообразованнаго дворянина» объ исправникахъ, должность и значеніе которыхъ, по ея существу, Гакстгаузенъ считаетъ равной должности прусскаго ландрата или французскаго префекта. «Московскій дворянинъ» изобразилъ сначала процедуру выборовъ въ исправники: передъ выборами, говорилъ онъ, какой-нибудь разорившійся, но достаточно потертый землевладѣлецъ, обладающій подходящимъ чиномъ, начинаетъ разъѣзжать по уѣзду; сначала, für kleine Geschenke, онъ заручается голосами мелкихъ помѣщиковъ, а потомъ обращается къ одному, двумъ, живущимъ въ уѣздѣ крупнымъ, расположеніе которыхъ пріобрѣтается лестью, обѣщаніемъ проявить всяческіе таланты по службѣ. Такой благорасположенный къ претенденту землевладѣлецъ устраиваетъ обѣдъ, приглашаетъ на него избирателей, представляетъ имъ кандидата и дѣло послѣдняго устроено. Сдѣлавшись исправникомъ, такой землевладѣлецъ, по возможности, пользовался своей должностью ради наживы и вообще личныхъ выгодъ; щадя своихъ благожелателей и ихъ мужиковъ, онъ тѣмъ болѣе донималъ своего брата, мелкаго помѣщика... На такого выборнаго сами же дворяне смотрѣли почти съ презрѣніемъ: ни одинъ благоразумный помѣщикъ не удостоивалъ его своимъ обществомъ, никогда не приглашалъ его къ столу. Губернаторъ, продолжалъ расказывать Гакстгаузену тотъ же дворянинъ-москвичъ, никогда исправника, этого избранника дворянскаго общества, не сажалъ въ своемъ присутствіи, обращался съ нимъ вообще крайне пренебрежительно (behandelt er ihn wie einen Lump). Въ заключеніе дворянинъ заявилъ, что правительственные чиновники, какъ они ни плохи, во всякомъ случаѣ, не такъ развращены, какъ большинство избираемыхъ дворянствомъ» [3]).

Такого рода отношенія дворянства къ мѣстному управленію, къ участію

---

[1]) Назван. соч., стр. 46, 47, 50.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 51.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 51—53. Помѣщикъ даже высказалъ Гакстгаузену мысль, что правительство сдѣлало бы лучше, еслибъ все дворянское сословное управленіе уничтожило, что вообще das jetzige System ist eine blosse Illussion und Mystification einer ständischen Verfasung.

въ немъ имѣло мѣсто и позже, въ сущности, вплоть до освобожденія крестьянъ и послѣдовавшихъ за нимъ реформъ, охватившихъ собою и мѣстное земское управленіе.

Если таково было отношеніе дворянства къ земскому управленію, то едва ли оно было многимъ лучше и къ собственному, дворянскому, сословному управленію. Стоитъ хоть нѣсколько всмотрѣться, напримѣръ, въ такое учрежденіе, какъ дворянская опека, состояніе которой еще въ наше время обрѣтается въ томъ безотрадномъ положеніи, которымъ она отличается издавна и которое не разъ уже вызывало вопросъ и, кажется, не въ средѣ самаго дворянства, а въ правительственныхъ сферахъ, о преобразованіи этого учрежденія. Мы видѣли, что это учрежденіе, въ сущности, тотъ же уѣздный судъ, лишь подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя; а въ члены уѣзднаго суда избирались тѣ же люди, что въ исправники, и тѣми же людьми, которые избирали и этого послѣдняго [1]). А между тѣмъ, это учрежденіе—уже чисто сословное какъ по организаціи, такъ и по функціямъ: оно вѣдаетъ, по опредѣленію учрежденій 1775 года, «не только оставшихся послѣ дворянскихъ родителей сиротъ и ихъ имѣнія, но и вдовъ и ихъ дѣла» [2]).

Мы видѣли, что дворянство по «жалованной грамотѣ» получаетъ право ходатайствъ и жалобъ сенату и верховной власти. Положеніе 1831 года это постановленіе грамоты нѣсколько видоизмѣнило; но до изданія положенія дворянство, по выраженію г. Романовича-Славатинскаго, «пользовалось имъ весьма мало»; ученый авторъ не приводитъ въ своей книгѣ случаевъ «пользованія» этимъ правомъ. Положеніе точнѣе опредѣляетъ это право, простирая его даже за предѣлъ сословія по отношенію къ объектамъ просьбъ и жалобъ. Мы не знаемъ случаевъ жалобъ и ходатайствъ дворянскихъ собраній, по изданіи положенія, «о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій или объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ *въ мѣстномъ управленіи*, хотя бы они происходили и отъ *общаго* какого постановленія» [3]); но мы не знаемъ такихъ ходатайствъ и собственно «о нуждахъ дворянства», хотя, несомнѣнно, такія нужды существовали и порой вопіющія.

Дворянства обладали общественными суммами, составлявшимися изъ такъ называемыхъ «добровольныхъ складокъ». Распоряженіе этими суммами, прежде всего, способъ собиранія и составленія ихъ, назначеніе ихъ и т. п.,—все это вопросы крупной важности; что сдѣлало по этому предмету дворянство—мы не знаемъ; но мы знаемъ одно: «жалованная грамота» не дала никакихъ опредѣленій по этимъ вопросамъ, все предоставивъ самому дворянству, которое, однако, въ теченіе полустолѣтней практики ничего не выработало по нимъ; доказатель-

---

[1]) Въ качествѣ иллюстраціи современнаго положенія дворянскихъ опекъ, мы можемъ привести фактъ, наблюдавшійся нами самими лѣтъ пять назадъ въ одной изъ поволжскихъ губерній. Намъ пришлось обратиться по дѣлу объ опекѣ малолѣтняго въ дворянскую опеку К—го уѣзда. Она оказалась въ такомъ составѣ: оба засѣдателя ея — изъ очень бѣдныхъ дворянъ; одинъ изъ нихъ до того бѣденъ, что состоитъ *писцомъ* въ мѣстномъ воинскомъ присутствіи, гдѣ секретарь той же опеки находится секретаремъ же; такимъ образомъ, засѣдатель опеки обрѣтается подчиненнымъ ея секретаря. Что же удивительнаго, что положеніе дѣлъ въ дворянскихъ опекахъ, можно сказать, изумительное.

[2]) Статья 213.

[3]) *2 П. С. З.*, № 4,989, гл. II, отд. 3, § 62.

ствомъ этого можетъ служить положеніе 1831 года, признавшее за необходимое дать по этому предмету нѣсколько опредѣленій» [1].

Положеніе о дворянахъ 1831 года съ незначительными измѣненіями и дополненіями вошло въ сводъ законовъ изданія 1857 г., опредѣленія котораго личныхъ и корпоративныхъ правъ дворянства неизмѣнно существовали до нашихъ дней и въ извѣстной степени существуютъ и въ наши дни.

На постановленіяхъ свода законовъ о дворянствѣ мы остановимся лишь въ томъ видѣ, какой они получили, благодаря, главнымъ образомъ, реформамъ прошлаго царствованія—отмѣнѣ крѣпостнаго права, введенію земскихъ учрежденій, новыхъ судовъ, преобразованію полиціи и т. п.

Мы не будемъ останавливаться подробно на этихъ постановленіяхъ, но ограничимся лишь нѣсколькими словами по поводу того, что отпало изъ правъ и привилегій дворянства, благодаря указаннымъ реформамъ.

И. С. Аксаковъ, издававшій почти четверть столѣтія тому назадъ газету *День*, въ концѣ 1861 года писалъ въ этой газетѣ, что «19 февраля 1861 г. уничтожило *на вѣки-вѣковъ*, вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, *и существеннѣйшій признакъ дворянскаго достоинства*. Чѣмъ, восклицалъ авторъ статьи, de facto и de jure отличается теперь дворянинъ отъ прочихъ сословій? Населенными землями по окончаніи выкупа будутъ имѣть право владѣть купцы и крестьяне. Избавленіе отъ тѣлесныхъ наказаній будетъ, вѣроятно, когда-нибудь распространено и на прочія сословія. Избавленіемъ отъ рекрутства пользуются и купцы; да эта повинность, можетъ статься, будетъ также переорганизована. Избавленіе отъ платежа податей, вѣроятно, не избавитъ отъ платежа поземельнаго налога. Право службы? Оно еще со временъ Петра I предоставлено всѣмъ. Древность происхожденія? Но какъ опредѣлить ее? Если считать древнимъ родъ хотя бы только столѣтній, то значительную часть дворянъ пришлось бы исключить изъ дворянскаго сословія. Поземельное владѣніе? Но это право принадлежитъ въ русской землѣ всѣмъ. Богатство? Оно на сторонѣ купцовъ, капиталистовъ, торговцевъ, но не дворянства» [2].

Списокъ потерь дворянства, приведеннный г. Аксаковымъ, по нашему мнѣнію, еще не полонъ; они потеряли много изъ своихъ корпоративныхъ правъ: потеряно право участія въ судѣ, въ земскомъ управленіи, какъ право сословное, исключительно дворянское; потеряно такое право, какъ право суда равными. Предсказанія автора цитированной статьи уже сбылись: отъ тѣлеснаго наказанія избавлены всѣ, кромѣ крестьянъ; рекрутская повинность легла на дворянство давно; землею могутъ владѣть всѣ и каждый; поземельный налогъ дворянство платитъ.

Что же, въ самомъ дѣлѣ, остается за дворянствомъ, какъ сословіемъ, въ наши дни,—другими словами, что за нимъ осталось изъ того, что даровано было ему сто лѣтъ тому назадъ законодательнымъ актомъ, регулировавшимъ его положеніе въ общемъ строѣ государства, безъ всякихъ измѣненій въ основныхъ началахъ, въ теченіе трехъ четвертей столѣтія?

---

[1] *Тамъ-же*, кл. I, отд. 2, § 12.
[2] Газета *День* 1861 года, № 8.

Чтобъ отвѣтить на поставленный вопросъ, остановимся нѣсколько на организаціи сословія дворянъ по современному законодательству [1]).

«Дворяне каждой губерніи,—говоритъ законъ,—составляютъ отдѣльное дворянство», въ составъ коего входятъ всѣ потомственные дворяне, внесенные въ мѣстную родословную книгу. Тѣ изъ губернскаго дворянства, кто обладаетъ *недвижимою собственностью*, имѣютъ право участвовать въ собраніяхъ съ правомъ голоса, разумѣется, если они удовлетворяютъ опредѣленнымъ требованіямъ нравственнаго ценза, если можно такъ выразиться. Самыя собранія двухъ родовъ—губернскія и уѣздныя; но такъ какъ права корпораціи признаются лишь за дворянствомъ губернскимъ, то премирующимъ собраніемъ является губернское.

Какъ того, такъ и другого рода собранія не могутъ быть и теперь подвергнуты стражѣ.

Взглянемъ на функціи этихъ собраній, распадающіяся на двѣ категоріи,—выборы и ходатайство о пользахъ и нуждахъ.

Относительно первыхъ функція собраній исчерпывается почти исключительно выборами органовъ по внутреннему сословному управленію отдѣльныхъ дворянскихъ обществъ, каковы: предводители, такъ называемые депутаты дворянства, засѣдатели дворянской опеки, секретарь дворянскаго собранія и посредники и кандидаты къ нимъ для полюбовнаго спеціальнаго межеванія чрезполосныхъ дворянскихъ дачъ [2]).

Относительно второй категоріи функцій дворянскихъ собраній законъ постановляетъ, что *губернское* дворянское собраніе имѣетъ право представлять о своихъ пользахъ и нуждахъ, черезъ губернскаго предводителя, губернатору, министру внутреннихъ дѣлъ, а въ особенно важныхъ случаяхъ — Государю. Такимъ образомъ, дворянство потеряло право непосредственнаго ходатайства передъ верховной властью черезъ депутатовъ, каковыхъ, по общему правилу, теперь можетъ приглашать лишь правительство [3]). Что́ же разумѣетъ законодатель подъ пользами и нуждами дворянства? Мы видѣли выше, что́ разумѣлъ подъ ними законодатель въ 1831 году, когда дворянству предоставлено было ходатайствовать по всѣмъ предметамъ управленія. Такой взглядъ на пользы и нужды вошелъ и въ сводъ законовъ 1857 года [4]). Этотъ взглядъ существовалъ до 1865 г., когда московское дворянство представило императору ходатайство объ измѣненіи основныхъ

---

[1]) Мы пользуемся для этого сочиненіемъ профессора *А. Градовскаго:* „Начала русскаго государственнаго права“, т. III, ч. I, книга II, отд. 4 — дворянскія учрежденія — стр. 345—384.

[2]) Дворянство Петербургской губерніи избираетъ: пять членовъ въ совѣтъ государственныхъ кредитныхъ установленій и двухъ депутатовъ въ сохранную казну; въ двухъ губерніяхъ дворяне избираютъ директоровъ банковъ. Вездѣ дворяне могутъ избирать попечителей гимназій, если дворянство оказываетъ пособіе этимъ гимназіямъ.

[3]) Впрочемъ, оно имѣетъ право отправлять депутатовъ, съ разрѣшенія лишь верховной власти, для принесенія Государю Императору вѣрноподданнической благодарности за дарованныя дворянству права и преимущества.

[4]) Томъ IX, стр. 135: „представленія о нуждахъ дворянства, о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій или объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, хотя бы они происходили отъ общаго какого постановленія, не считаются противозаконными, когда они изложены съ соблюденіемъ всѣхъ приличій“.

началъ государственнаго устройства и когда по этому поводу состоялось высочайшее распоряженіе о томъ, что ни одно сословіе не имѣетъ права ходатайствовать за всѣхъ, ходатайствовать о вопросахъ, подлежащихъ исключительному усмотрѣнію одной верховной власти. Это спеціальное распоряженіе ad hoc вошло и въ новое изданіе свода законовъ.

Понятно, что разъ дворяне губерніи составляютъ общество или корпорацію, эта послѣдняя, какъ юридическое лицо, должна обладать имущественной правоспособностью; она и обладала ею по «жалованной грамотѣ», обладаетъ и по современному законодательству; но мало, если не совсѣмъ непонятно, что какъ «жалованная грамота», такъ и современное законодательство останавливаются на этой правоспособности дворянскихъ обществъ съ наименьшимъ вниманіемъ: и теперь, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, дворянству предоставляется право имѣть общественную казну, которая составляется путемъ такъ называемыхъ добровольныхъ складокъ. Несомнѣнно, что распоряженіе этой казной было предоставлено самимъ обществамъ, которымъ и предстояло выработать, такъ сказать, практику распоряженій ею, назначеніе и цѣли; но такой практики не получилось. Профессоръ Градовскій объясняетъ умолчаніе «жалованной грамоты» о назначеніи такъ назыв. «особливой казны» дворянства тѣмъ, что законодатель «оставилъ безъ особеннаго развитія хозяйственный элементъ дворянскаго самоуправленія», слишкомъ занятый вопросомъ «о личной службѣ дворянства въ разныхъ мѣстныхъ должностяхъ». Если имъ былъ такъ много занятъ законодатель, то мы видѣли, какъ мало имъ было занято, сравнительно, дворянство. Почему оно не занялось этой стороной дѣла? Неужели потому, что, какъ думаетъ тотъ же профессоръ Градовскій, «въ самомъ существѣ и во внѣшнихъ условіяхъ» права обладанія казной «не было данныхъ для его развитія... такъ какъ оно было постановлено внѣ всякой связи съ дворянскимъ самоуправленіемъ»? Вѣдь, назначеніе казны не опредѣлялось, дворянство расходовало ее по собственному усмотрѣнію; почему дворянство не выработало *общественныхъ* цѣлей, почему оно нашло ей только «личныя цѣли»? Почему оно и въ достиженіи этихъ послѣднихъ допустило различныя злоупотребленія, поведшія еще въ началѣ настоящаго столѣтія къ правительственному вмѣшательству, по крайней мѣрѣ, по вопросу о составленіи такой казны, — вопросу, который, впрочемъ, въ извѣстной степени касался и самаго назначенія ея?

Причина, думается намъ, все та же — отсутствіе «вкуса» въ дворянствѣ не только къ земскимъ интересамъ, но и къ своимъ корпоративно-сословнымъ; причина этого — та же, которая, напр., изъ дворянскихъ опекъ сдѣлала нѣчто неподобающее, нѣчто такое, что, какъ мы указывали, давно уже вызвало сознаніе о необходимости замѣнить ихъ чѣмъ-либо инымъ.

Мы остановились только на корпоративныхъ правахъ дворянскихъ обществъ, потому что только въ нихъ еще остались признаки сословности. Личныя привилегіи дворянства, кромѣ одной свободы отъ личныхъ податей, всѣ исчезли, если не относить къ таковымъ правъ на мундиръ, гербы и титулы.

Тотъ же И. С. Аксаковъ, въ томъ же *Днѣ*, изобразивъ положеніе дворянства послѣ изданія положенія 19 февраля 1861 года, ставитъ вопросъ: «что же такое представляетъ собою дворянство», потерявъ свою существенную приви-

легію, сохранивъ лишь «ту внѣшнюю обстановку сословности, за каковую онъ считаетъ только что изложенное выше», и находитъ, что оно, «*какъ сословіе*, утратило общественную и историческую почву» и должно отыскать себѣ новые «почву и фундаментъ общественный»; а для этого оно должно «стать въ уровень съ требованіями исторіи», уразумѣвъ, прежде всего, самый смыслъ этихъ требованій.

Тутъ же авторъ дѣлаетъ и попытку указать, опредѣлить этотъ смыслъ. Онъ содержится, по его мнѣнію, въ необходимости, настоятельной потребности *возвратиться въ земство*; но такое возвращеніе, говоритъ онъ, возможно лишь тогда, когда дворянство сознаетъ, что необходимо отрѣшиться, потерявъ существенное, отъ несущественнаго, внѣшняго, отъ той обстановки сословности, «которая все еще можетъ разобщить дворянство и низшія сословія и положить между ними преграду недовѣрія и взаимнаго непониманія»; необходимо отказаться отъ сословной исключительности или, лучше, отъ призраковъ ея, за которые дворянство, «въ *невѣдѣніи своихъ собственныхъ интересовъ*, все еще держится»; къ *ветхой* одеждѣ, заключаетъ авторъ, «не пришиваютъ заплатъ», а потому слѣдуетъ снять ее и запастись новой. Г. Аксаковъ ни на минуту не останавливается передъ мыслью, что «дальнѣйшее существованіе дворянства, какъ сословія, на *прежнихъ* основаніяхъ» невозможно; а потому необходимо «отрѣшиться *отъ всякаго духа сословной гордости и исключительности*» и съ этой новой точки зрѣнія «опредѣлить свои отношенія къ прочимъ сословіямъ». «Только по разрѣшеніи *этого* вопроса, по мнѣнію г. Аксакова, станетъ возможнымъ всякое общее дружное дѣйствіе, сближеніе съ народомъ и возстановленіе цѣльности нашего государственнаго организма, такъ какъ только единство общихъ историческихъ, духовныхъ и нравственныхъ началъ всего русскаго общества и народа можетъ дать единственный прочный цементъ для этого организма» [1]).

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ такъ смотрѣлъ на дворянство не одинъ г. Аксаковъ, а и всѣ лучшіе представители его, понимавшіе свои частные и общегосударственные интересы. Эти дворяне, настаивая, какъ и г. Аксаковъ, на отрѣшеніи отъ привилегій, совѣтовали дворянству торопиться устроиться, воспользовавшись для этого временемъ общихъ преобразованій, вызванныхъ освобожденіемъ крестьянъ; и средство устроиться они видѣли только одно: отказаться отъ мнимыхъ привилегій и слиться съ земствомъ, въ которомъ одномъ, по ихъ мнѣнію, путь къ пріобрѣтенію прочныхъ правъ, прочныхъ положеній, а не «мнимыхъ привилегій».

Очевидно, и законодатель смотрѣлъ на дѣло въ извѣстной степени тѣми же глазами, предоставляя дворянству участіе въ земскомъ управленіи, даруя дворянскимъ обществамъ, въ лицѣ ихъ предводителей, даже извѣстное привилегированное положеніе, окружая ихъ «наибольшимъ почетомъ, наибольшими условіями независимости» [2]).

Предводители дворянства, по закону, кромѣ представительства и охраны чести сословныхъ интересовъ и нуждъ дворянскихъ обществъ, состоятъ еще предсѣдателями земскихъ собраній, училищныхъ совѣтовъ и т. п. Они же призваны и къ участію въ засѣданіяхъ нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій.

---

[1]) *День* 1861 г., № 9.
[2]) *А. Градовскій*, назв. соч., стр. 381.

Наконецъ, каждый членъ дворянскаго общества можетъ, въ качествѣ мѣстнаго землевладѣльца, удовлетворяя извѣстнымъ условіямъ ценза, входить въ составъ земскихъ собраній и управъ.

Вотъ на этомъ-то послѣднемъ поприщѣ, т.-е. въ земствѣ, и указывали дворянству, четверть столѣтія тому назадъ, почву единенія, новый базисъ для его общественно-государственнаго положенія *«внѣ* всякихъ сословныхъ привилегій и преимуществъ». И дѣйствительно, на этой только почвѣ и можетъ, говоря языкомъ И. С. Аксакова, дворянство «окунуться въ живительныя струи народнаго духа» и «почерпнуть» необходимыя для его обновленія силы, въ качествѣ, разумѣется, активнаго дѣятеля въ сферѣ *общихъ* интересовъ.

А, между тѣмъ, въ наши дни мы встрѣчаемся въ средѣ дворянства съ иными взглядами и вожделѣніями. Самъ г. Аксаковъ въ своей новой газетѣ, отказавшись отъ того, въ чемъ самъ убѣжденъ былъ, что такъ убѣдительно высказывалъ на поученіе дворянству, заговорилъ о необходимости создать дворянству какое-то особое положеніе чисто внѣшнимъ, искусственнымъ путемъ.

Что же такое произошло за эти двадцать пять лѣтъ? Сдѣланъ былъ опытъ? Почему онъ не удался, если былъ сдѣланъ?

Этихъ вопросовъ сторонники возвращенія на старый путь развитія привилегій не ставятъ. А только отъ постановки ихъ и правильнаго разрѣшенія, основаннаго на жизненныхъ данныхъ за указанный періодъ, зависитъ и вопросъ о томъ, насколько необходимо возвращеніе къ началамъ законодательнаго акта, столѣтіе котораго въ настоящее время празднуется.

И. С. Аксаковъ, какъ видно изъ эпиграфа, поставленнаго въ началѣ статьи, проектируетъ теперь выдѣленіе дворянства въ *особое* сословіе, опираясь на «идеалы чести», свойственной дворянству; къ сожалѣнію, онъ не даетъ опредѣленія этой чести.

Екатерина II и ея преемники полагали эту честь въ службѣ отечеству. Развѣ безчестно служить этому отечеству теперь, когда всѣ дѣти его одинаково свободны, совмѣстно со всѣми?

Какой «идеалъ чести» можетъ быть выше идеала общаго блага? Неужели у дворянъ нѣтъ ничего общаго съ остальными классами населенія? Неужели ихъ идеалъ ничего общаго не имѣетъ съ идеалами всѣхъ? Если, наконецъ, этотъ особый идеалъ есть, то не слѣдуетъ его такъ ревниво монополизировать, нужно дѣлать его, по возможности, *общимъ* идеаломъ, внести его туда, откуда, вѣка назадъ, дворянство было выдѣлено; а сдѣлать это легче всего, отказавшись отъ недоступности и ореола, если не осложняющихъ, то запугивающихъ и удаляющихъ отъ созерцанія и усвоенія высокихъ идеаловъ тѣхъ, въ средѣ которыхъ болѣе чѣмъ желательно усвоеніе ихъ.

Развитіе общественно-государственнаго строя и законодательства въ теченіе почти полутора вѣковъ, даже при поверхностномъ наблюденіи его, можно сказать, несомнѣнно идетъ въ одномъ направленіи: «привилегіи и преимущества», права нѣсколькихъ постепенно превращаются въ права всѣхъ. На исторіи «жалованной грамоты» дворянству это видно такъ же хорошо, какъ и на любомъ изъ другихъ законодательныхъ актовъ, касающихся того или иного сословія.

Кончимъ, чѣмъ начали: и въ «жалованной грамотѣ» есть начала, которыя,

будучи признаны закономъ въ качествѣ привилегій одного сословія, черезъ столѣтъ стали общимъ достояніемъ всего земскаго населенія. Эти начала — освобожденія личности отъ слишкомъ тѣсной государственной опеки и призваніе этой свободной личности къ участію въ мѣстномъ управленіи.

Съ этой точки зрѣнія праздновать столѣтіе «жалованной грамоты» дворянству можетъ и не оно одно.

II

Городовымъ *обывателямъ* каждаго города жалуется дозволеніе собираться въ томъ городѣ и составить *общество градское*.

Жалованная грамота городамъ, ст. 29.

Попеченіе и распоряженія по городскому хозяйству и благоустройству предоставляются *городскому общественному управленію*.

Городовое положеніе 1870 года.

Петербургъ и Москва отпраздновали «достопамятный» день, по выраженію городского головы одной изъ столицъ, изданія *жалованной грамоты городамъ Россійской имперіи*. Задолго до этого дня, интересовавшіеся дѣломъ уже могли знать, въ чемъ будетъ состоять празднество и почему оно будетъ имѣть мѣсто, это празднество: представители города современный городской строй общественнаго управленія поставили въ связь съ тѣмъ, который организованъ былъ сто лѣтъ тому назадъ законодательнымъ актомъ императрицы Екатерины II. Въ организаціи современнаго городского управленія устроители праздника видятъ осуществленіе тѣхъ началъ, которыхъ зародышъ внесенъ былъ въ общественную жизнь городовъ сто лѣтъ тому назадъ и которыя, претерпѣвая въ теченіе столѣтія всевозможныя метаморфозы въ жизни и законѣ, вылились, наконецъ, въ такія формы, какъ устанавливаемыя городовымъ положеніемъ 1870 года.

Представители названныхъ городовъ крѣпко стоятъ на сторонѣ современнаго строя общественнаго управленія городомъ, высоко цѣнятъ *начала*, на которыхъ оно зиждется. Отсюда желаніе отпраздновать годовщину того акта, который впервые ввелъ когда-то эти начала. И такое празднованіе имѣетъ огромный общественный смыслъ, содѣйствуя развитію въ обществѣ сознательнаго отношенія къ мѣстнымъ интересамъ его, развивая въ немъ лучшіе инстинкты общественности.

Созданныя грамотой учрежденія не существуютъ болѣе, иныя изъ нихъ, какъ увидимъ, даже и не существовали вовсе, а существовавшія выродились во что-то такое, о чемъ едва ли когда предполагалъ законодатель XVIII вѣка, и, тѣмъ не менѣе, грамота, все-таки, играла, несомнѣнно, огромную роль въ исторіи развитія городского самоуправленія. Она впервые вноситъ въ область закона представленіе о городскомъ населеніи, какъ *обществѣ*, во всей его совокупности, т.-е. въ совокупности всѣхъ отдѣльныхъ классовъ населенія, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою особую, сословную организацію. Это во-первыхъ,

а во-вторыхъ, это общество сознается ею, какъ нѣчто такое, что имѣетъ свои особые интересы, «нужды и пользы», которыя и вѣдать должны органы этого общества. Идея о такомъ «обществѣ» съ его интересами въ теченіе ста лѣтъ развѣ только замирала въ такія, напр., времена, какъ кратковременное царствованіе императора Павла, но не умерла въ сознаніи законодателя, постепенно высказываясь и все болѣе и болѣе развиваясь въ разнаго рода законодательныхъ проектахъ и самомъ законѣ: съ самаго возстановленія екатерининской грамоты, послѣ отмѣны ея Павломъ I, и до изданія городового положенія 1870 г., законодательная дѣятельность, можно сказать, почти не прекращалась по отношенію къ устройству городского управленія; въ основѣ всей этой дѣятельности всегда лежало начало жалованной грамоты, только что указанное; другое дѣло, насколько послѣдовательно и цѣлостно это начало проводилось, но оно, во всякомъ случаѣ, ставилось во главѣ угла каждаго новаго проекта. Одно дѣло — развитіе идеи въ законѣ, другое — реализація ея въ жизни. Если, какъ увидимъ, въ самомъ законѣ она развивалась далеко не послѣдовательно и не безъ задержекъ, то тѣмъ болѣе туго развивалась она въ жизни, въ сознаніи самаго общества.

Тѣмъ не менѣе, все-таки, развивалась.

Въ XVIII столѣтіи, до второй половины его, мы встрѣчаемъ въ городѣ и выборные органы, и цѣлыя учрежденія, коллегіи, построенныя на выборномъ началѣ; но ни въ тѣхъ, ни въ другихъ мы не увидимъ такихъ органовъ или учрежденій, которые можно было бы назвать общественно-городскими. Это были органы и учрежденія, прежде всего, *сословные*, какъ по составу, такъ и по значенію: они избирались исключительно изъ одного слоя городского населенія — торгово-промышленнаго и вѣдали одно только это сословіе; притомъ, вѣдали его даже и не по отношенію къ общественно-сословнымъ интересамъ, самаго сознанія о каковыхъ ни въ законодательствѣ, ни тѣмъ болѣе въ средѣ самаго торгово-промышленнаго населенія городовъ не существовало; они вѣдали «пользы и нужды» государственныя и потому представляли собою, въ сущности, ничто иное, какъ тѣ же чисто-правительственные мѣстные административные органы и учрежденія, отличающіеся отъ остальныхъ таковыхъ же только способомъ назначенія къ возложенному на нихъ дѣлу.

Московское государство знало городъ лишь какъ укрѣпленный пунктъ — крѣпость, окруженную посадами и слободами, населенными тяглымъ торгово-промышленнымъ населеніемъ, которое, распадаясь на отдѣльныя мелкія тяглыя единицы, т.-е. единицы, «тянувшія», несшія спеціальныя подати и повинности «его великаго государя и царя московскаго», вовсе не составляло одного цѣлаго городского сословнаго общества. Началомъ, объединявшимъ это населеніе, служило исключительно только государево, т.-е. государственное тягло, каковое такимъ же началомъ служило для другого слоя городского населенія, такъ называемыхъ, служилыхъ людей «его великаго государя», которые, именно благодаря этому особому *своему* тяглу, не могли ни въ какомъ отношеніи слиться съ посадскимъ населеніемъ. У того и другого слоя городского населенія никакихъ общихъ интересовъ, кромѣ государственнаго тягла, различные виды котораго, каждымъ изъ нихъ отбываемые, устанавливаютъ между ними рѣзкое раз-

личіе. Никакихъ другихъ интересовъ у отдѣльныхъ слоевъ городского населенія нѣтъ, а потому и нѣтъ стимула, который могъ бы создать изъ нихъ одно цѣлое, въ смыслѣ общества. Это былъ цѣлый рядъ мелкихъ тяглыхъ общинъ, ничего болѣе.

Въ такомъ состояніи городъ завѣщанъ былъ московскимъ государствомъ XVIII столѣтію.

Въ самый канунъ этого столѣтія, чуть не въ послѣдніе дни XVII вѣка, въ городахъ создаются будущимъ новаторомъ-царемъ спеціальныя городскія учрежденія, такъ называемыя земскія избы, съ бурмистерской палатой или ратушей въ Москвѣ. Земскую избу составляли бурмистры — «мірскіе выборные люди», которые должны были вѣдать «всякихъ чиновъ *торговыхъ и промышленныхъ людей во всякихъ* мірскихъ расправныхъ и челобитныхъ *дѣлѣхъ въ сборѣхъ*» [1]. Этимъ сразу опредѣляется компетенція и все вообще значеніе новыхъ учрежденій; что касается ихъ состава, то въ томъ же указѣ, которымъ опредѣлена функція учрежденій, предписывается всѣмъ «черныхъ сотенъ и слободъ посадскимъ и купецкимъ людямъ и промышленнымъ» выбрать изъ себя такихъ бурмистровъ [2].

Отсюда ясно, что новыя учрежденія, какъ по составу, такъ и по компетенціи, характеру власти, — чисто-сословныя. Пойдемъ дальше, всмотримся въ тѣ же только что цитированные указы, заглянемъ въ другіе, изданные позже съ цѣлью разъясненія и дополненія ихъ, и увидимъ, что характеръ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію избъ, — чисто-*государственный*: царь говоритъ, въ объясненіе, очевидно, цѣли создаваемыхъ имъ учрежденій, что городское или посадское торгово-промышленное населеніе, вѣдаясь «въ разныхъ *приказахъ*» этихъ центральныхъ учрежденій московскаго государства, разоряется, а оттого «его великаго государя съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ доимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы»; и вотъ, чтобы устранить таковую поруху государственнымъ доходамъ, царь и создаетъ, для сбора ихъ, т.-е. для отправленія чисто-государственной функціи, вѣдавшейся до сихъ поръ государственными учрежденіями — приказами, выборныя мѣстныя учрежденія.

Разоряется торгово-промышленное населеніе, по откровенному указанію самого царя, отъ «великихъ поборовъ» его царскихъ приказныхъ людей, т.-е. чиновниковъ. Поэтому-то царь и обращается къ началу выборному, практиковавшемуся еще и въ московскомъ государствѣ: выборный бурмистръ замѣнилъ у государева дѣла — у сбора всякаго рода государственныхъ «пошлинъ и поборовъ» разныхъ выборныхъ людей. Послѣдніе и въ самый моментъ учрежденія земскихъ избъ съ ихъ бурмистрами вѣдали, въ лицѣ такъ называемыхъ «таможенныхъ и кабацкихъ головъ», такіе спеціальные сборы и доходы государственные, какъ сборы на внутреннихъ таможняхъ того времени и въ царскихъ кабакахъ. Прежде эти выборные чиновники-головы подчинены были воеводѣ, приказной избѣ, теперь-же спеціально сословному государственному учрежденію — *земской избѣ*.

[1]) *Пол. Собр. Зак.*, № 1,675. Цитировано по сочиненію *П. Дитятина*: „Устройство и управленіе городовъ Россіи", т. I, стр. 149.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 146.

А земскія избы всѣхъ городовъ подчинены бурмистерской палатѣ, позже ратушѣ въ Москвѣ. Къ этому высшему учрежденію земскія избы, какъ низшія, стоятъ въ совершенно такихъ-же отношеніяхъ, въ какихъ воевода къ тому приказу, изъ котораго онъ былъ назначенъ [1]). Понятно, что въ роли такихъ государственныхъ чиновниковъ всѣ выборныя городскія должностныя лица, — городскія лишь *по мѣсту ихъ избранія*, — не стояли ни въ какихъ отвѣтственныхъ отношеніяхъ къ обществу, ихъ избиравшему: они были отвѣтственны только передъ правительствомъ, которому исключительно служили.

Вводя эти *городскія* учрежденія, Петръ имѣлъ въ виду никакъ не города собственно, а лишь торгово-промышленное населеніе, которое въ нихъ жило. Онъ стремился, въ данномъ случаѣ, никакъ не къ какому-либо новшеству, а просто къ осуществленію мысли, созрѣвшей еще въ головахъ московскихъ администраторовъ, мечтавшихъ, напр., въ лицѣ извѣстнаго новатора въ царствованіе царя Алексѣя, боярина Ордына-Нащокина, о созданіи *одного* «пристойнаго приказа», который и вѣдалъ-бы все торгово-промышленное населеніе московскаго государства чрезъ мѣстныхъ, ему исключительно подчиненныхъ органовъ [2]). Въ томъ и другомъ случаѣ ставились однѣ и тѣ же цѣли — собраніе воедино «разсыпанной храмины» торгово-промышленнаго населенія, въ смыслѣ упорядоченія, объединенія завѣдыванія имъ; эти цѣли вызваны совершенно одинаковыми причинами, стремленіями; одинаковыя пускаются въ ходъ и средства: бурмистерская палата Петра — ничто иное, какъ именно «пристойный приказъ» Ордына-Нащокина. Этотъ приказъ вѣдалъ, чрезъ посредство земскихъ избъ, не тотъ или иной городъ и не всю совокупность городовъ, а все торгово-промышленное населеніе Россійской имперіи, гдѣ бы представители послѣдняго ни жили. Только такимъ значеніемъ, такою задачею избъ и палаты объясняется и такое явленіе, какъ приписка такъ называемыхъ «малыхъ» городовъ къ большимъ или «настоящимъ», какъ называетъ ихъ указъ, — приписка въ административномъ отношеніи, въ смыслѣ подчиненія земскихъ бурмистровъ этихъ малыхъ городовъ, а также кабацкихъ и таможенныхъ бурмистровъ «во всякихъ дѣлахъ» вѣдѣнію и надсмотру земскихъ бурмистровъ «тѣхъ настоящихъ городовъ»; только указанною цѣлью объясняется и то обстоятельство, что выборы во всякаго рода службы, въ тѣ же бурмистры, напр., производились торгово-промышленнымъ населеніемъ, жившимъ не въ посадахъ и слободахъ только, а въ селахъ и деревняхъ, или «въ уѣздѣ», какъ тогда говорили: «*уѣзднымъ торговымъ людемъ* быть въ посад-

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 160.

[2]) Очевидно, исходя изъ идеи о необходимости поддержать благосостояніе городского населенія, тотъ же Ордынъ-Нащокинъ, будучи въ 1665 году воеводою въ Псковѣ, ввелъ въ этомъ городѣ особый родъ общиннаго управленія, организованный самими псковичами, съ разрѣшенія царя, *съ общаго всенароднаго совѣта* земскихъ старостъ *съ лутчими людьми*. Этотъ всенародный совѣтъ разрѣшенъ былъ царемъ псковичамъ въ отвѣтъ на ихъ челобитье о томъ, что они „разорились до основанія", что и „чинитъ многой недоборъ великаго государя *казнѣ*". „Совѣтъ" псковичей постановилъ черезъ каждые три года избирать 15 человѣкъ, которые и вѣдаютъ городское населеніе во всѣхъ сборахъ, судятъ по извѣстнымъ дѣламъ по пяти человѣкъ въ годъ, мѣняясь ежегодно. Ордынъ-Нащокинъ, не дожидаясь царскаго разрѣшенія, утвердилъ проектъ совѣта. Новый строй просуществовалъ, однако, меньше года: Ордына смѣнилъ кн. Хованскій, и новое „своевольство" было уничтожено. См. *Чичерина*: „Областныя учрежденія въ XVII в.", стр. 558—562.

скомъ тяглѣ», «выбирать имъ, посадскимъ и уѣзднымъ торговымъ людямъ»... всѣхъ выборныхъ изъ своей среды чиновниковъ государственныхъ, на которыхъ возлагается завѣдываніе этимъ сословіемъ по отношенію къ его тяглу [1]).

Такимъ образомъ, этими городскими учрежденіями, по существу вовсе не новыми, не создается что-либо новое; ихъ роль — служить къ разрѣшенію задачи, поставленной московскимъ государствомъ, задачи — объединить тяглое торгово-промышленное населеніе, и объединить его, въ сущности, путемъ болѣе прочнаго закрѣпленія его исконному тяглу, а, вмѣстѣ, путемъ выдѣленія его изъ остальной массы *некрѣпостного* населенія и неслужилаго.

Не будемъ останавливаться на томъ, насколько удалось Петру, путемъ введенной имъ организаціи, достигнуть указанныхъ цѣлей. Несомнѣнно, что цѣли эти достигнуты не были или вовсе, или въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ ожидалъ законодатель: едва прошло нѣсколько лѣтъ, какъ царь постепенно разрушаетъ имъ созданное и, наконецъ, замѣняетъ избы и палату новыми учрежденіями — магистратами городовыми и главнымъ магистратомъ.

На этотъ разъ царь обращается за совѣтомъ и образцами на Западъ: нѣмцу Фику, устраивавшему въ Россіи коллегіи, поручено было составить докладную записку о городскихъ учрежденіяхъ тамъ, откуда Петръ черпалъ полною рукою по всѣмъ другимъ вопросамъ, имъ поставленнымъ и съ плеча разрѣшавшимся. Аккуратный нѣмецъ представилъ «меморіалъ» съ быстротой, удовлетворившей энергическаго реформатора. По ознакомленіи съ меморіаломъ, царь постановилъ: «*магистратовъ градскихъ* установить и добрыми регулы снабдить, учинивъ сіе, на основаніи рижскаго и ревельскаго регламентовъ, *по всѣмъ городамъ*». Вводится, стало быть, что-то новое, чужое, съ страшнаго Запада. Сколько новыхъ, чуждыхъ русскому языку названій! Не нашлось въ родномъ языкѣ имени, стало быть, не существуетъ самаго понятія, предмета въ жизни.

Въ дѣйствительности далеко не такъ: заморскія клички примѣняются къ старому русскому явленію. Старыхъ, знакомыхъ уже намъ людей одѣли въ хитрые костюмы; городовые магистраты мало чѣмъ отличаются отъ земскихъ избъ; главный магистратъ въ Петербургѣ — та же, по цѣлямъ и задачамъ, бурмистерская палата.

Новая реформа началась съ учрежденія въ Петербургѣ *главнаго магистрата,* который и открытъ былъ въ началѣ 1720 г. Онъ по составу значительно разнится отъ прежней бурмистерской палаты: члены его — также выборные изъ торгово-промышленныхъ людей Петербурга, но предсѣдатель съ его товарищемъ опредѣлены по непосредственному назначенію царя. Цѣлью вновь открытаго учрежденія поставлено: «вѣдать *всѣхъ купецкихъ торговыхъ людей* и... разсыпанную сію храмину (т. е. купцовъ и промышленниковъ) паки собрать». Чтобы достигнуть этой задачи, главному магистрату слѣдовало, прежде всего, «учинить форму правленія магистратскаго» сначала въ самомъ Петербургѣ, «въ примѣръ другимъ городамъ», потомъ въ Москвѣ и, наконецъ, въ другихъ городахъ. Главный магистратъ съ «учиненіемъ правленія магистратскаго» не торопился: только четыре года спустя, сочинилъ онъ инструкцію городовымъ, еще

[1]) *И. Дитятинъ,* назв. соч., стр. 162, 168 и сл.

не открытымъ, магистратамъ; только съ этого 1724 года стали вводиться магистраты по городамъ и... едва ли были до смерти царя введены во всѣхъ городахъ [1]).

Разумѣется, ничего путнаго нельзя было бы ждать и въ томъ случаѣ, если бы Петръ пересадилъ цѣликомъ вѣками созданныя городскія учрежденія Риги и Ревеля на нашу отечественную почву; но Петръ этого не сдѣлалъ: онъ не только не перенесъ самой сути муниципальныхъ учрежденій Европы его времени, ихъ *основы*, но даже значительно измѣнилъ форму ихъ. Въ заморскую форму, приспособленную къ чуждому ей содержанію, царь влилъ родное, московское вино. Если тамъ, на ихъ родинѣ, магистраты были болѣе или менѣе *автономными*, даже и во времена Петра *общинно-городскими учрежденіями*, то у насъ они оказались просто правительственными учрежденіями, хотя и организованными на выборномъ началѣ, имѣвшими цѣлью, какъ мы уже видѣли, вѣдать извѣстное сословіе, отдѣльно отъ всѣхъ другихъ, — сословіе, дававшее изъ своей среды и членовъ новыхъ учрежденій.

Всѣ города по количеству населенія, по числу дворовъ, подѣлены были на пять разрядовъ; въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ магистраты снабжались «угодными и искусными персоны» изъ «первостатейныхъ и пожиточныхъ» гражданъ, въ различномъ количествѣ. Выборныя «искусныя персоны» утверждались въ своей должности въ Петербургѣ, въ главномъ магистратѣ. Подчиненные всѣ главному магистрату, магистраты городовъ подчинялись еще другъ другу, именно магистраты мелкихъ городовъ — магистратамъ болѣе крупныхъ.

Судя по выраженію регламента, что магистратъ есть «яко глава и начальство» города, можно подумать, что онъ есть учрежденіе *городское* въ томъ смыслѣ, что вѣдалъ *весь городъ*, какъ данный пунктъ поселенія, всю совокупность послѣдняго, а не какую-либо часть его, но такое заключеніе было бы совершенно ошибочно. Названіе магистрата главой и начальствомъ *города* — простой недосмотръ составителей регламента; регламентъ составлялся по иноземнымъ образцамъ, въ которыхъ магистраты назывались начальствомъ города съ полнымъ основаніемъ. Въ дѣйствительности, на магистраты возлагалась, прежде всего, функція судебная: они должны были вѣдать торгово-промышленное населеніе города судомъ и расправою; дальше, функція финансовая: тѣ же всякаго рода сборы, которые вѣдались московскими выборными людьми; по отношенію къ этой послѣдней функціи и магистраты пользовались правомъ раскладки между отдѣльными членами сословныхъ общинъ государственныхъ податей и повинностей, общій размѣръ которыхъ опредѣленъ правительствомъ: «никакого расположенія на гражданъ не раскладывать и не сбирать, подъ опасеніемъ штрафа по Его Императорскаго Величества указу», говоритъ одинъ изъ пунктовъ инструкціи магистратамъ, желая сказать этимъ, что никакія «расположенія» на гражданъ не могутъ быть устанавливаемы proprio motu магистратами.

Правда, на магистраты возлагается регламентами и еще одна функція, отправляя которую, магистратъ могъ стать дѣйствительно «главою» города;

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 205 и сл.

это — «полиція» въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Но мы уже указали въ другой статьѣ нашей [1]), что эта функція въ дѣйствительности сводилась на ничто: полиція безопасности въ городѣ, заботы о его благообразіи вѣдались спеціальными правительственными органами въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ и Москва, и городничими въ другихъ; что касается той стороны полиціи, которую принято называть полиціей благосостоянія и которая выражалась по опредѣленію регламента въ устройствѣ школъ, сиротскихъ домовъ, госпиталей, биржъ и т. д., то все это долгое время оставалось просто украшеніемъ въ видѣ отдѣльныхъ параграфовъ регламента магистратовъ, а позже, когда «сиротскіе домы» и госпитали стали кое-гдѣ заводиться, то немедленно попадали въ вѣдѣніе правительственныхъ органовъ, а на магистратахъ оставалась обязанность содержать эти учрежденія въ смыслѣ исправнаго отпуска потребныхъ на то суммъ.

Въ концѣ-концовъ, стало быть, и магистраты Петра, по задачамъ и цѣлямъ, какъ мы уже сказали, — тѣ же земскія избы, лишь болѣе детально регулированныя по отношенію къ составу и функціямъ; относительно того и другого — это сословныя учрежденія исключительно.

Все, чего достигъ Петръ введеніемъ магистратовъ, это — большей или меньшей организаціи торгово-промышленнаго населенія, ради чисто-государственныхъ цѣлей.

Съ его смертію, однако, правительство, исходя изъ начала, что «отъ многихъ и разныхъ управителей», заведенныхъ Петромъ, лишь однѣ тягости и волокиты, что «управленіе однимъ человѣкомъ было лучше, люди были довольны» [2]), рѣшило обратиться снова къ управленію областями черезъ посредство этого «одного» человѣка; повсюду возстановлены воеводы; магистраты городовые если и не уничтожены, то подчинены воеводамъ, почему главный магистратъ оказался ненужнымъ. Городовые магистраты, состоя «подъ вѣдѣніемъ губернаторовъ и воеводъ», превратились въ простые исполнительные органы этихъ представителей власти.

Въ такомъ положеніи магистраты обрѣтались до вступленія на престолъ императрицы Елизаветы, которая возстановила ихъ съ тѣмъ значеніемъ, какое хотѣлъ придать имъ Петръ, предписавъ всѣмъ правительствамъ всего государства о магистратскихъ дѣлахъ и съ купечествомъ «поступить во всемъ по силѣ регламентаціи главнаго магистрата» (изданнаго Петромъ). Всѣ измѣненія и дополненія, сдѣланныя въ магистратскомъ устройствѣ Елизаветой, нисколько не измѣнили его сущности [3]).

Такими тягло-сословными и судебно-финансовыми учрежденіями остаются магистраты и въ началѣ царствованія Екатерины до самаго 1775 г., — года изданія извѣстнаго законодательнаго акта объ устройствѣ мѣстнаго управленія — *учрежденій о губерніяхъ*. Этимъ актомъ значеніе и роль магистратовъ сильно измѣняются. Законодательница, убѣдившись въ «весьма ощутительномъ неустройствѣ», происходящемъ оттого, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо

---

[1]) *Русская Мысль* 1884 г., кн. V.
[2]) *Соловьевъ*: „Исторія Россіи“, т. XVIII, стр. 302.
[3]) *И. Дитятинъ*, назв. соч., т. I, стр. 346 — 355.

правленіе и казенные доходы и счеты обще съ благочиніемъ или полиціею и, сверхъ того, еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются [1]), примѣняетъ въ извѣстной степени къ мѣстному управленію начало раздѣленія функціи административной отъ судебной. Исходя изъ этого начала, Екатерина превращаетъ ратуши и магистраты городовъ въ чисто *судебныя* учрежденія [2]), вѣдающія купцовъ-промышленниковъ въ качествѣ первой инстанціи по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ; въ качествѣ второй инстанціи поставленъ губернскій магистратъ, раздѣленный на два департамента — гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ; изъ губернскаго магистрата, какъ въ третью инстанцію, дѣло поступало въ ту или другую изъ губернскихъ палатъ [3]).

И только. Вся полиція теперь и на бумагѣ уже передается или въ вѣдѣніе спеціальныхъ правительственныхъ учрежденій, въ рукахъ которыхъ, стало быть, находится и все управленіе города, какъ мы его понимаемъ въ настоящее время въ такихъ городахъ, какъ Москва и Петербургъ, или прямо въ руки «правленія» [4]), учреждаемаго при правителѣ губерніи для управленія этой послѣдней вообще.

Но въ «учрежденіяхъ» мы встрѣчаемся съ новымъ должностнымъ лицомъ по городскому управленію, должностнымъ лицомъ выборнымъ. Это «городской глава», о которомъ идетъ рѣчь въ спеціальной главѣ «учрежденій» о городовомъ сиротскомъ судѣ. Сиротскій судъ ничто иное, какъ сиротская опека; онъ составляется изъ двухъ членовъ городового магистрата, городового старосты и предсѣдателя, каковымъ является «городской голова» [5]). Что это за должностное лицо? Какое отношеніе имѣетъ оно къ *городу*? На эти вопросы «учрежденія о губерніяхъ» даютъ, кромѣ указанія на предсѣдательство головы въ сиротскомъ судѣ, еще слѣдующее: «городской голова выбирается *городскимъ обществомъ* черезъ всякіе три года по балламъ» [6]). Этимъ и ограничиваются всѣ постановленія «учрежденій о губерніяхъ» относительно городского головы. Дѣло въ томъ, что голова не вводится впервые въ составъ городскихъ учрежденій названнымъ актомъ, онъ существуетъ около десяти лѣтъ до изданія «учрежденій» и впервые должность его учреждена по спеціальному случаю въ 1766 году. А спеціальнымъ случаемъ, вызвавшимъ введеніе по городамъ головъ, было созваніе извѣстной «коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія». Въ концѣ 1766 года, какъ извѣстно, изданъ былъ манифестъ о созваніи въ Москву «депутатовъ» отъ присутственныхъ мѣстъ, отъ «всѣхъ классовъ свободнаго населенія и отъ дѣятелей каждаго города» [7]). Въ «обрядѣ» выборовъ городскимъ населеніемъ депутата предписывается этому населенію сначала выбрать

---

[1]) *Учрежденія о губерніяхъ*, изданіе 1786 г. Манифестъ, стр. V.

[2]) *Ратуши* — по посадамъ, *городовые магистраты* — по городамъ, кромѣ городовъ намѣстническихъ, въ которыхъ — *губернскій магистратъ. Тамъ-же*, ст. 27 — 32, 277 — 279 и 306.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 283 — 288 и 307 и сл.

[4]) Теперешнее губернское правленіе.

[5]) *Учрежденія о губерніяхъ*, ст. 293—294 и 297.

[6]) *Тамъ-же*, ст. 295.

[7]) „Положеніе, откуда депутатовъ прислать", ст. 3. Приложеніе къ „Наказу". Изд. 1776.

«между собою кого хотятъ *городскимъ головою»*, который уже и руководитъ выборами депутата [1]).

Вотъ когда и по какому случаю учрежденъ и избранъ впервые по городамъ городской голова. Съ тѣхъ поръ, т. е. съ конца 1766 года, это должностное лицо существуетъ безпрерывно до самаго 1775 года, что видно изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ указовъ [2]). Въ «учрежденія» городской голова вошелъ уже какъ существовавшій органъ городскаго управленія. Тотъ же «обрядъ» выбора городскихъ депутатовъ даетъ нѣкоторое представленіе о функціи городского головы: въ полномочіяхъ, которыя выбранный голова получилъ отъ избирателей, говорилось, что ему дается «довѣренность» не только ad hoc, «при нынѣшнемъ выборѣ депутата», но «и при случаяхъ, если даны будутъ отъ верховныя власти какія особыя повелѣнія, принадлежащія до нашего *общаго разсужденія всѣхъ живущихъ въ нашемъ городѣ»*, и дается эта довѣренность, въ виду только что указанной функціи головы, на два года; другими словами, онъ избирается на двухлѣтній срокъ [3]). Законодатель предполагалъ, послѣ выборовъ депутата, возложить на обсужденіе городскихъ обществъ и еще какія-то дѣла, и для этого нашелъ необходимымъ поставить *во главѣ города* особое выборное лицо, именно *города*, какъ совокупности всего городского населенія, обладающаго въ городѣ недвижимостью: въ избраніи депутатовъ въ коммиссію 1767 года и городского головы по «обряду» участвуетъ «*всякій* хозяинъ, дѣйствительно *домъ* или *домъ и торгъ*, или *домъ и ремесло*, или *домъ и промыселъ* въ томъ городѣ имѣющій»; изъ среды самихъ избирателей выбирается какъ депутатъ, такъ и голова [4]). «Учрежденія о губерніяхъ», какъ мы видѣли, постановляютъ, что голову избираетъ «городское общество», т. е. городское населеніе, таковое составляющее; другими словами, всѣ, домъ или домъ и торгъ и т. д. въ городѣ имѣющіе.

Слѣдовательно, городского голову избираютъ, во-первыхъ, не всѣ купцы, мѣщане и ремесленники, а лишь тѣ изъ нихъ, которые обладаютъ *домомъ*; во-вторыхъ, его выбираютъ и такія лица, которыя къ этому слою населенія вовсе не принадлежатъ, но въ городѣ домомъ владѣютъ; такъ что, если въ городѣ есть, напр., дворяне, недвижимостью владѣющіе, то они участвуютъ въ выборахъ въ качествѣ какъ избирателей, такъ и избираемыхъ. Таковъ логическій выводъ изъ постановленія «обряда» о выборахъ депутата городомъ, а его опредѣленіе измѣнено не было впослѣдствіи; «учрежденія о губерніяхъ» только подтверждаютъ его. Подтвержденіе этого вывода мы находимъ и въ дѣйствительности. Избраніе депутатовъ и головъ въ Москвѣ и Петербургѣ мы знаемъ въ подробностяхъ, и изъ этого описанія видно, что въ выборахъ этихъ двухъ городовъ участвуетъ *все* населеніе ихъ, не выключая и дворянъ. Москва и Петербургъ, какъ города очень многолюдные, раздѣлены были для выборовъ на участки, каждый изъ которыхъ избиралъ такъ называемыхъ «повѣренныхъ», которые уже и выбирали депутата и голову; въ разсказѣ о выборахъ повѣренныхъ, т. е. о собраніи избирателей по участкамъ, сообщается, что съѣхавшіеся избиратели расѣлись,

[1]) „Обрядъ" выборовъ город. депутата, ст. 11 и 17. *Тамъ-же.*
[2]) Эти указы приведены въ нашемъ названномъ сочиненіи, т. I, стр. 385 и сл.
[3]) „Обрядъ", ст. 16.
[4]) *Тамъ-же,* ст. 5 и 4.

какъ опредѣлено было «обрядомъ», въ такомъ порядкѣ: сначала женатые, имѣющіе дѣтей, потомъ женатые бездѣтные, дальше вдовые и, наконецъ, холостые, благодаря чему оказалось, что «*лица высшихъ государственныхъ чиновъ* сидѣли между *гражданами всякаго званія*»; разсказчикъ прибавляетъ при этомъ, что эти лица пріѣхали въ собраніе, не имѣя на себѣ никакихъ орденскихъ знаковъ. Дальше, мы имѣемъ списки избранныхъ «повѣренныхъ» ото всѣхъ пяти избирательныхъ участковъ Петербурга; всѣхъ ихъ было избрано сто пять человѣкъ; просматривая списки, мы поражены, встрѣчая въ нихъ однихъ *князей и графовъ* тринадцать человѣкъ, мало *чиновниковъ* и *военныхъ* и только *пятнадцать* человѣкъ купцовъ; всѣ остальные, профессія и званіе которыхъ не названы, несомнѣнно дворяне, судя по ихъ фамиліямъ: Мордвиновъ, Нарышкины, Черкасовы и другіе [1]); понятно само собою, что разъ дворянство входитъ въ составъ избирателей города и «повѣренныхъ», оно можетъ дать изъ своей среды и депутата отъ города, и самаго «главу» городского. Въ Петербургѣ это и случилось: въ городскіе головы тамъ избранъ былъ *генералъ-майоръ*, с.-петербургскій оберъ-комендантъ Николай Ивановичъ Зиновьевъ, а депутатомъ, представителемъ города, графъ Алексѣй Орловъ [2]).

То же самое имѣло мѣсто и въ Москвѣ. Тамъ отъ семи избирательныхъ участковъ, на которые раздѣленъ былъ городъ, избрано было сто два «повѣренныхъ» для производства выборовъ въ городскіе головы и депутаты отъ города; въ числѣ ихъ мы опять встрѣчаемъ пятнадцать человѣкъ князей и графовъ, огромное количество чиновниковъ и военныхъ [3]). И въ Москвѣ городскимъ головой былъ князь Вяземскій, а депутатомъ князь Голицынъ, оба военные [4]).

Москва и Петербургъ составляли, разумѣется, исключеніе изъ общей массы городовъ въ томъ смыслѣ, что въ ихъ стѣнахъ жило не мало дворянъ и всякаго рода служащихъ, военныхъ и гражданскихъ; но, хотя въ неизмѣримо меньшемъ количествѣ, они жили и во многихъ губернскихъ, а, быть можетъ, и въ иныхъ уѣздныхъ городахъ [5]). На основаніи указанныхъ постановленій «обряда» о выборахъ городскихъ депутатовъ и вытекающихъ изъ нихъ соображеній, а также и на основаніи только что приведенныхъ фактовъ, было бы нелогично не сдѣлать заключенія, что въ выборахъ депутата и городскихъ головъ участвовали *всѣ домовладѣльцы* города, независимо отъ сословія, къ которому они принадлежали.

Результатъ очень важный: законодателемъ впервые высказывается понятіе о городѣ, какъ особой общественной единицѣ, о его населеніи, какъ *объ обществѣ*, могущемъ имѣть свои особые интересы помимо тяглыхъ — государственныхъ. Въ жизнь вносится новое понятіе, — понятіе, несомнѣнно, чуждое ей, зиждущееся на сословныхъ началахъ. Немудрено, что представленіе о городскомъ обществѣ болѣе чѣмъ туго и прививается къ этой жизни; немудрено, что и законодатель, внося это понятіе, не можетъ провести его даже и въ самомъ

---

[1]) *Сборникъ Рус. Историческ. Общества*, т. VI, стр. 9 и 10.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 11—15.
[3]) *Тамъ-же*, стр. 15 и 16.
[4]) *Тамъ-же*, стр. 19—23.
[5]) *Тамъ-же*, стр. 23. Мы имѣли случай видѣть въ корректурныхъ листахъ имѣющую въ скоромъ времени появиться въ свѣтъ „Исторію города С.-Петербурга“; тамъ приведены случаи избранія въ городскіе головы дворянъ и позже 1766 года.

законодательствѣ точно и послѣдовательно: старое мѣшается съ новымъ, долго подавляя его.

Городскіе головы съ 1766 года или, вѣрнѣе, съ 1767 существуютъ въ городахъ, съ 1775 года предсѣдательствуютъ въ сиротскихъ судахъ; что̀ дѣлали они до учрежденія сиротскихъ судовъ, что̀ вѣдали послѣ, кромѣ предсѣдательства, можно только гадать; несомнѣнно одно: сдѣлано было «городскими главами», какъ ихъ называли тогда, очень мало, если сдѣлано что-либо въ смыслѣ развитія значенія носимаго ими званія по отношенію къ городу.

Въ первой статьѣ нашей о «жалованныхъ грамотахъ» мы говорили о «проектѣ правъ благородныхъ», составленномъ одной изъ частныхъ коммиссій большой коммиссіи, о дебатахъ по поводу его въ этой послѣдней. Мы останавливались на этомъ предметѣ съ цѣлью характеризовать отношеніе представителей самаго дворянства и другихъ слоевъ населенія къ данному вопросу. Этимъ, намъ кажется, многое уясняется какъ относительно самой «жалованной грамоты», такъ и въ воззрѣніяхъ дворянства на свое значеніе [1]). Къ сожалѣнію, мы не можемъ того же сдѣлать по отношенію къ городамъ. Мы не можемъ сдѣлать этого, во-первыхъ, потому, что до сихъ поръ не изданы «наказы» отъ представителей городовъ, съѣхавшихся въ коммиссію 1767 года; во-вторыхъ, проектъ о такъ называемомъ среднемъ родѣ людей, составленный при соучастіи нѣсколькихъ частныхъ коммиссій, не былъ внесенъ въ большую коммиссію, почему мы и не знаемъ мнѣній членовъ этой послѣдней; а, между тѣмъ, по поводу этого именно проекта и могла зайти рѣчь о городахъ въ большой коммиссіи.

Большая коммиссія руководилась въ своей законодательной дѣятельности, въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, только наказомъ императрицы, а въ этомъ послѣднемъ по предмету, насъ интересующему, есть двѣ главы, стоящія между собою въ непосредственной связи: глава 16 «о среднемъ родѣ людей» и 17—о «городахъ»; въ первой императрица говоритъ о спеціальномъ «родѣ людей», *спеціально живущемъ въ городахъ*; это — «средній родъ людей» — «мѣщане, кото-

---

[1]) Въ книжкѣ г. *Авсѣенко:* „Малороссія въ 1767 году“ на основаніи мѣстныхъ источниковъ говорится, что въ списки городскихъ обывателей приказано было вносить „всѣхъ жителей тѣхъ городовъ *изъ шляхетства и козаковъ* съ прочими гражданами, выключая владѣльческихъ людей и крестьянъ“, а на самые выборы допускались „жительствующіе въ городѣ шляхетство, земскіе и воинскіе чины... *и лучшіе* изъ мѣщанъ и ремесленниковъ“ (стр. 14). Въ *этомъ* составѣ избиратели выбирали *изъ своей среды* голову и депутата. Кн. Хованскій, предсѣдательствовавшій на городскихъ выборахъ Стародуба, доносилъ гр. Румянцеву, относительно *городскихъ* наказовъ, что ихъ особенно трудно составить за разногласіемъ *сословій*... Въ городѣ *Прилукахъ шляхетство и чиновники отказались отъ участія въ выборахъ городского головы*, находя, что „оный принадлежитъ до однихъ мѣщанъ“. Слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія, что въ цѣлой Малороссіи въ избраніи городскихъ головъ и депутатовъ должны были участвовать граждане *всѣхъ* сословій, имѣвшихъ жительство въ городѣ, а потому и представителями городовъ могли быть люди и не изъ „мѣщанскаго“ только сословія: въ г. Сорочинцахъ былъ выбранъ „уволенный судія полковой Ѳедоръ Козачковскій“. *Тамъ-же*, стр. 27. — Въ памятникахъ, хранящихся въ архивѣ малороссійской коллегіи, что состоитъ при Харьковскомъ университетѣ, пр.-доцентомъ этого университета г. Багалѣемъ найдены избирательные списки нѣкоторыхъ городовъ, изъ которыхъ видно, что и въ дворянскомъ, и въ городскомъ спискѣ избирателей встрѣчаются одни и тѣ же имена; дальше, въ Харьковѣ депутатомъ отъ этого города и его головою избраны были *отставные сотники*, въ Острогожскѣ — сотникъ и полковникъ, а также сотники и т. п. входятъ въ составъ дворянъ - избирателей. (Сообщено намъ г. Багалѣемъ).

рые упражняются въ ремеслахъ, въ торговлѣ, въ художествахъ и наукахъ»[1]); это такой родъ людей, который «не причисляется ни ко дворянству, ни ко хлѣбопашцамъ»[2]). Въ главѣ же 17 авторъ наказа, какъ бы отказавшись отъ только что даннаго имъ въ предшествовавшей главѣ опредѣленія города, какъ пункта, исключительно населеннаго «среднимъ родомъ людей», какъ особымъ сословіемъ, покоющимся на началахъ «трудолюбія и добронравія», ставитъ вопросы: «*что есть городъ*, кто въономъ почитается жителемъ и *кто составляетъ общество такого города?*»[3]); тутъ же, въ слѣдующей статьѣ, дается, въ сущности, и отвѣтъ на поставленные вопросы: «тѣмъ, кои обязаны принимать *участіе въ добромъ состояніи города, имѣвъ въ немъ домъ и имѣніе,* дается имя *мѣщанъ*». Странное противорѣчіе! Въ этомъ послѣднемъ опредѣленіи совсѣмъ иное начало, чѣмъ въ первомъ; въ немъ — то же начало, которое положено въ опредѣленіе понятія города «обрядомъ» о выборахъ городомъ депутата въ коммиссію и городского головы, т. е. въ немъ городъ — совокупность всѣхъ домовладѣльцевъ, а по приведенному выше опредѣленію, онъ — совокупность только торгово-промышленнаго населенія, т. е. одной части городского населенія[4]).

Въ проектѣ «о среднемъ родѣ людей», приготовленномъ, очевидно, для внесенія на обсужденіе въ большую коммиссію и составленномъ въ одной изъ частныхъ коммиссій[5]), нѣтъ ни слова собственно о городѣ, городскомъ обществѣ, городскомъ населеніи. Онъ поставленные Екатериною по этимъ предметамъ вопросы оставляетъ совсѣмъ въ сторонѣ и, исходя изъ яснаго опредѣленія наказа «средняго рода людей», останавливается лишь на послѣднемъ и создаетъ изъ него особое сословіе путемъ составленія особыхъ «законовъ *о правахъ* средняго рода *государственныхъ жителей*», какъ другія коммиссіи составили проекты законовъ «о правахъ войскъ козачьихъ», «третьяго рода государственныхъ жителей» (крестьянъ) или, наконецъ, «о правахъ благородныхъ». Въ этомъ «проектѣ законовъ» имѣлась въ виду исключительно шестнадцатая глава наказа, трактующая о среднемъ родѣ людей, какъ *сословіи*, «обитающемъ въ городахъ» и упражняющемся «въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и въ ремеслахъ»[6]). Весь проектъ состоитъ изъ нѣсколькихъ главъ и ихъ подраздѣленій, все содержаніе которыхъ исчерпывается опредѣленіемъ «правъ личныхъ» и «правъ надъ имѣніемъ» мѣщанъ вообще и каждаго изъ его видовъ въ отдѣльности, а общее число видовъ мѣщанства, дѣлившееся на три группы, опредѣ-

---

[1]) Изъ только что приведеннаго примѣчанія, впрочемъ, видно, какъ относилось малороссійское *шляхетство* къ попыткамъ введенія его въ составъ городского населенія. На основаніи приведенныхъ фактовъ, думается, можно сдѣлать заключеніе и относительно великорусскаго дворянства.

[2]) Статья 377 — повтореніе статьи 359 изъ предъидущей главы.

[3]) Статьи 379 и 380.

[4]) Статья 393.

[5]) Въ первой статьѣ „мѣщане“ — названіе сословія, во второй—то же слово — названіе всего городского населенія.

[6]) Профессоръ Сергѣевичъ сообщаетъ, что онъ составленъ былъ въ спеціальной коммиссіи „о среднемъ родѣ людей“, образованной, по иниціативѣ частной же коммиссіи — „о государственныхъ родахъ“, большою коммиссіей. Въ составъ этой коммиссіи входили: графъ Минихъ, князь Вяземскій, дворянинъ Нарышкинъ, князь Щербатовъ и только *одинъ* депутатъ отъ города (Венева). *Сборн. Русск. Истор. Общ.*, т. XXXVI, стр. IV.

ляется при этомъ цифрою десять. Проектъ не только ничего не содержитъ въ себѣ по вопросу, что̀ составляетъ «градское общество», но въ немъ нѣтъ ничего объ отдѣльныхъ видахъ — девяти — средняго рода людей, какъ о корпораціяхъ, обществахъ вродѣ гильдій и цеховъ, введенныхъ Петромъ [1]).

Мы уже замѣтили, что проектъ въ большую коммиссію не попалъ.

Наказы, съ которыми представители городовъ пріѣхали въ коммиссію, еще не изданы. О нихъ даютъ очень скудныя свѣдѣнія покойный историкъ Соловьевъ въ своей статьѣ *1767 годъ* [2]) и г. Авсѣенко въ названной книгѣ. Изъ нихъ видно, что представители городовъ указывали, подобно дворянамъ, на всякаго рода злоупотребленія по мѣстнымъ суду и администраціи, просили объ устройствѣ въ городахъ «академій, университетовъ и школъ», въ которыхъ обучали бы «купеческихъ и разночинческихъ дѣтей и сиротъ», между прочимъ, и «разнымъ языкамъ», указывали, какъ на крайнюю необходимость, на открытіе въ городахъ «больницъ, сиропитательныхъ домовъ, аптекъ», на заведеніе «докторовъ, лѣкарей, повивальныхъ бабокъ». Мы знаемъ, *какъ* предлагали все это устроить горожане, какой исходъ указывали они изъ затрудненій по суду и администраціи. Очень вѣроятно, что въ городскихъ наказахъ, подобно дворянскимъ, предлагались какія-либо мѣры, быть можетъ, въ формѣ участія въ мѣстномъ управленіи самихъ «гражданъ» чрезъ посредство выборныхъ. Обо всемъ этомъ можно лишь догадываться [3]).

Во время преній по другимъ предметамъ вопросъ о городскомъ общественномъ управленіи могъ быть поднятъ ближе всего, напримѣръ, во время преній по поводу «законовъ о купечествѣ», читанныхъ въ большой коммиссіи. Эти пренія изданы. Просматривая ихъ, мы находимъ очень немногое, что относилось бы непосредственно къ интересующему насъ предмету; почти всѣ пренія сводились къ опредѣленію правъ купечества въ чисто-сословномъ смыслѣ. Первый подавшій свое мнѣніе во время преній о купечествѣ былъ депутатъ отъ дворянства Любимскаго уѣзда; онъ указалъ на необходимость организовать управленіе городовъ такъ, чтобы всѣ города находились между собою въ равенствѣ и ни одинъ изъ нихъ не состоялъ въ зависимости отъ другого», т.-е. депутатъ возставалъ противъ введеннаго Петромъ начала приписки городовъ одного къ другому; этотъ же депутатъ предложилъ, чтобы всякій городъ, «по числу своихъ гражданъ и по способности мѣста, принялъ на себя обязанность обучать своихъ обывателей разнымъ мастерствамъ» [4]). Одинъ купецъ, депутатъ «отъ жителей крѣпости св. Елисаветы», предложилъ усовершенствовать городское управленіе, не отступая отъ началъ магистратскаго строя. Онъ предлагалъ, чтобы городовые магистраты въ иныхъ дѣлахъ опирались на мнѣніе «всего общества», каковое онъ предложилъ получать такимъ образомъ: выбрать отъ всего общества двѣнадцать человѣкъ, которые по этимъ дѣламъ и присутство-

---

[1]) *Проектъ*, гл. I, ст. 1. — *Тамъ-же*, стр. 179.

[2]) Весь проектъ помѣщенъ въ видѣ приложенія въ XXXVI т. *Сборн. Рус. Истор. Общ.*, стр. 179—232.

[3]) Купцы по проекту дѣлятся на *три* группы „по своимъ упражненіямъ", какъ выражается проектъ: гуртовыхъ (оптовыхъ), лавочныхъ и мелочныхъ; а ремесленники, говоритъ проектъ, „раздѣляются по ихъ ремесламъ".—*Тамъ-же*, стр. 202 и сл.; 227 и сл.

[4]) *Русскій Вѣстникъ* 1861 г., № 10.

вали бы въ магистратѣ, а магистрату «подчинить городскихъ жителей». Для осуществленія же возложенныхъ Петромъ, какъ мы видѣли, заботъ о содержаніи пожарныхъ командъ, школъ, богадѣленъ и т. п., очевидно, остававшихся на бумагѣ, депутатъ предлагалъ «удобнымъ предоставить въ пользованіе городскихъ жителей какъ питейные сборы, такъ и другіе городскіе доходы» [1]); другими словами, депутатъ предлагалъ возвести городовые магистраты на степень *дѣйствительнаго* «главы и начальства города». Иные изъ депутатовъ останавливались на такихъ измѣненіяхъ въ организаціи магистратовъ, какъ сокращеніе и удлиненіе сроковъ, на которые выбирались члены ихъ [2]), награжденіе служившихъ въ магистратахъ купцовъ шляхетствомъ или чинами [3]).

Этимъ все и исчерпывается.

Такимъ образомъ, въ большой коммиссіи, какъ и въ проектѣ о среднемъ родѣ людей, воспреобладало исключительно сословное начало или «старое направленіе», какъ называетъ его профессоръ Сергѣевичъ, которое по отношенію къ городамъ выразилось въ 16 главѣ «Наказа» Екатерины. Иного и трудно было ожидать: сословныя стремленія, въ данномъ случаѣ, были, выражаясь языкомъ того же профессора Сергѣевича, «необходимымъ отраженіемъ вѣка» [4]).

И такъ, мысль о городскомъ обществѣ, какъ совокупности всего домовладѣльческаго, если такъ можно выразиться, населенія города, не нашла себѣ поддержки въ средѣ представителей Россіи, членовъ коммиссіи 1767 г. Если не имѣть въ виду уже приведеннаго нами опредѣленія закона 1775 года, она не находила развитія въ себѣ и въ законодательствѣ до самаго 1785 г. — года изданія «жалованной грамоты» городамъ Россіи.

Изъ самаго названія этого законодательнаго акта нельзя не заключить, что рѣчь идетъ *о городахъ*, городскихъ обществахъ, ихъ устройствѣ и управленіи. О городахъ, и только о нихъ однихъ, говорится и въ самомъ манифестѣ императрицы, предпосланномъ положенію: въ немъ идетъ рѣчь о созданіи и устройствѣ «градовъ» предками императрицы и ею самою; имъ, *городамъ, ихъ обществамъ*, — выгоды и преимущества даетъ императрица своимъ «городовымъ положеніемъ», которое и называется «жалованною грамотою» *городамъ* Россійской имперіи. Значитъ, идея о городѣ, городскомъ обществѣ, высказанная двадцать лѣтъ передъ симъ, вдругъ всплыла снова, выразившись въ систематическомъ устройствѣ общественнаго управленія городомъ.

Императрица Екатерина въ заключеніе цитированнаго уже нами манифеста говоритъ, что она настоящимъ законодательнымъ актомъ «восхотѣла *подтвердить*» лишь нѣкогда *уже данное* городамъ и ихъ обществамъ. А мы видѣли, что́ дано было городамъ ею до 1785 года. Все, что подтверждалось, было

---

[1]) Приведенное въ текстѣ содержаніе городскихъ наказовъ изложено по статьѣ Соловьева; въ разсказѣ о содержаніи наказовъ малороссійскихъ городовъ г. Авсѣенко встрѣчаемъ тѣ же самыя жалобы на злоупотребленіе администраціи; а какъ средство къ устраненію этого зла, они указываютъ возстановленіе магдебургскаго права, просятъ они объ учрежденіи банковъ, полиціи. Назв. соч., гл. III.

[2]) *Сборникъ Рус. Истор. Общ.*, т. VIII, стр. 35.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 70 и 71.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 85 и 115.

«старое, необходимое отраженіе вѣка», все, что создавалось грамотой новаго, покоилось на томъ новомъ началѣ, на которое мы столько указывали.

Если проектъ законовъ о среднемъ родѣ людей въ высшей степени послѣдовательно «отражалъ свой вѣкъ», если онъ неуклонно проводилъ старое сословное начало, то никакъ нельзя сказать того же о «городовомъ положеніи» по отношенію къ тому новому, которое оно вносило въ жизнь. Самый рѣзкій дуализмъ проходитъ черезъ всю «жалованную грамоту» городамъ, причемъ старое чуть ли не одолѣваетъ въ ней новое.

Въ ней мы находимъ отвѣты на тѣ вопросы, которые поставила Екатерина двадцать лѣтъ передъ тѣмъ относительно города и городского общества въ своемъ «Наказѣ». Но эти отвѣты не отличаются ясностью и категоричностью; они страдаютъ недосказанностью, порой самопротиворѣчіемъ. Видно, что законодатель не стоитъ на твердой почвѣ и рѣшительно не можетъ отдѣлаться отъ духа времени.

Указанный дуализмъ, — сліяніе стараго съ новымъ, — выражается въ грамотѣ въ соединеніи опредѣленій и постановленій относительно торгово-промышленнаго населенія — купечества и ремесленниковъ, изъ которыхъ грамота создаетъ особое сословіе: «средній родъ людей», съ постановленіями объ организаціи городского управленія, какъ управленія *общественнаго*. Такъ что грамота состоитъ, въ сущности, изъ двухъ самостоятельныхъ частей, плохо другъ съ другомъ связанныхъ: одна — грамота на права и привилегіи «средняго рода людей», мѣщанства «въ широкомъ смыслѣ», другая — собственно городовое положеніе; при этомъ первая ничто иное, какъ сводъ старыхъ, болѣе полувѣка уже существовавшихъ законодательныхъ опредѣленій о гильдіяхъ и цехахъ, разумѣется, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. На этой части грамоты мы не будемъ особенно долго останавливаться, хотя она, чуть не безъ измѣненій и до сихъ поръ, войдя въ составъ разныхъ томовъ свода законовъ, опредѣляетъ сословно-корпоративный строй купечества и въ особенности ремесленнаго населенія и въ наши дни. Мы имѣемъ въ виду развитіе общественно-городского, а не сословно-корпоративнаго управленія.

Приступая къ обзору содержанія второй части грамоты, нужно, прежде всего, уяснить, что́ разумѣетъ законодатель подъ городомъ. Грамота начинается опредѣленіемъ понятія города, какъ извѣстнаго пункта населенія, построеннаго «по утвержденному плану» и пользующагося «мирно и вѣчно на основаніи законовъ землями и всякаго рода недвижимостью и правомъ имѣть гербъ» [1]). Но что же такое городъ съ точки зрѣнія его населенія? Кто считается *съ этой точки зрѣнія* юридическимъ лицомъ, собственникомъ земель и всякой недвижимости? Другими словами, кто составляетъ городское общество? Такимъ «обществомъ», юридическимъ лицомъ, пользующимся по положенію особыми «правами и выгодами», являются «*городовые обыватели* каждаго города», получившіе дозволеніе «собираться» въ городѣ [2]). Но этимъ вопросъ не разрѣшается. Нужно знать, что́ разумѣетъ законодатель подъ выраженіемъ «городовые обыватели».

---

[1]) „Городовое положеніе“ 1785 г., ст. 1, 2, 18, 19, 39 и 28.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 29 и 30.

Прямого отвѣта на такъ категорически поставленный вопросъ мы въ грамотѣ не найдемъ: она не даетъ опредѣленія понятія «городоваго обывателя»; но въ ней есть нѣсколько опредѣленій или постановленій по общимъ предметамъ или вопросамъ, имѣющимъ тѣсное отношеніе къ уясняемому нами предмету. Изъ этихъ опредѣленій и можно составить точное представленіе о «городовыхъ обывателяхъ».

Положеніемъ 1785 года въ каждомъ городѣ предписывается «составить городовую обывательскую книгу, въ коей вписать *обывателей* того города». Вотъ постановленіе, на основаніи котораго можно опредѣлить понятіе «обывателя». Въ книгу предписывается вписать *всякаго гражданина*, въ томъ городѣ *домъ или строеніе, или землю имѣющаго*, или въ гильдіи, или въ цехъ записаннаго, или мѣщанскимъ промысломъ промышляющаго [1]). Опредѣленіе «обывателя» — совершенно тождественное съ знакомымъ намъ опредѣленіемъ «избирателя»-горожанина, пользовавшагося активнымъ правомъ избранія городского головы и депутата въ коммиссію 1767 года. Но въ этомъ опредѣленіи о *гражданахъ* законодатель, можетъ быть, разумѣетъ подъ ними какихъ-либо особыхъ «обывателей», можетъ быть, только спеціально торговцевъ, ремесленниковъ? Въ наставленіи, какъ составлять обывательскую книгу, положеніе 1785 года даетъ намъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ.

Городовая обывательская книга дѣлится на *шесть* частей по числу *шести* различныхъ *разрядовъ* городскихъ обывателей [2]); эти шесть разрядовъ ихъ слѣдующіе: a) «*настоящіе* городовые обыватели», b) «вписавшіеся въ гильдіи», c) «вписавшіеся въ цехи», d) «иногородніе и иностранные гости», e) «именитые граждане» и f) «посадскіе». Если бы понятіе гражданина относилось только къ нѣкоторымъ изъ указанныхъ группъ, оно не совпадало бы съ понятіемъ обывателя, между тѣмъ какъ эти два понятія употребляются, какъ синонимы: въ книгу вносятся всѣ граждане, т.-е. всѣ обыватели, къ какому бы разряду обывательской книги они ни принадлежали. «Гражданинъ», «городовой обыватель» — общее названіе для всѣхъ шести отдѣльныхъ разрядовъ городского населенія, для каждаго изъ членовъ этого послѣдняго, независимо отъ сословія, къ которому онъ принадлежитъ, разъ онъ владѣлецъ въ городѣ дома или земли. Въ статьѣ 77 положеніе 1785 года уже прямо и даетъ такое опредѣленіе городского обывателя [3]).

Всматриваясь ближе въ опредѣленіе каждаго изъ шести разрядовъ городскихъ обывателей или гражданъ, мы находимъ въ нихъ всѣ сословія, не выключая дворянскаго, каковое въ качествѣ владѣльцевъ недвижимостью въ городѣ входитъ въ разрядъ «настоящихъ городскихъ обывателей» [4]). Есть еще одинъ

---

[1]) *Тамъ-же*, ст. 53 и 55.

[2]) *Тамъ-же*, ст. 62 и слѣд.

[3]) „Городскими обывателями разумѣются всѣ тѣ, кои въ томъ городѣ или старожилы, или родились, или поселились, или домы, или иное строеніе, или мѣста, или землю имѣютъ, или въ гильдіи, или въ цехъ записаны и потому городу *носятъ службу или тягость*".

[4]) *Тамъ-же*, ст. 63 и толкованіе къ ней. Въ виду существованія у дворянства губерніи своей родословной книги, по отношенію дворянъ къ владѣльцамъ въ городѣ вносятся въ городовую книгу лишь фамилія и чинъ, такъ все остальное заносятъ въ родословную книгу. Ст. 58, примѣчанія.

разрядъ гражданъ, въ составъ котораго, при извѣстномъ условіи, могли входить, по выраженію грамоты, «всякаго званія и состоянія» люди; это условіе состояло въ объявленіи «за собою капитала отъ пятидесяти тысячъ рублей и болѣе». Такіе капиталисты всякаго званія и чина составляли группу «именитыхъ гражданъ», въ которую, кромѣ нихъ и всѣхъ прослужившихъ два срока въ извѣстныхъ сословно-выборныхъ городскихъ должностяхъ, входили еще «ученые, кои... таковыми по испытаніи главныхъ россійскихъ училищъ признаны», и «художники трехъ художествъ».

И такъ, вотъ кто составляетъ, по «жалованной грамотѣ» городамъ, въ качествѣ городовыхъ обывателей или гражданъ то, что она называетъ «градскимъ обществомъ» [1]), которому жалуется право «собираться черезъ всякіе три года для выборовъ разнаго рода общественно-сословныхъ и городскихъ должностныхъ лицъ, выслушиванія предложеній генералъ-губернатора или губернатора», для представленія послѣднему «о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ» [2]), заботы о коихъ, какъ о нуждахъ *городскихъ*, и возлагаются на это общество. А для осуществленія возложенной на общество задачи, — вѣдать свои городскія пользы и нужды, — оно вооружается правомъ образовать изъ своей среды особые органы и учрежденія. Послѣднихъ «жалованная грамота» создаетъ собственно *два*: это такъ называемыя думы — общая и шестигласная. Первая, по идеѣ и задачамъ, на нее возложеннымъ, — учрежденіе какъ-бы законодательное, руководящее; вторая — чисто-административный органъ.

Та и другая дума составляются изъ представителей отъ всѣхъ шести разрядовъ обывателей или гражданъ: «городовымъ обывателямъ дозволяется составить общую городскую думу», — говоритъ грамота, которая вслѣдъ затѣмъ перечисляетъ составъ думы. Изъ этого перечисленія и изъ наставленія, *какъ* составить общую думу, и видно, что она представляетъ всю совокупность городского населенія въ смыслѣ совокупности именно всѣхъ шести разрядовъ его [3]). Выборы членовъ думы общей, получившихъ названіе гласныхъ, производятся каждымъ разрядомъ обывателей отдѣльно, причемъ въ большихъ городахъ избиратели перваго разряда гражданъ — «настоящіе городскіе обыватели» — производятъ выборы по участкамъ, на которые въ полицейскомъ отношеніи разбивается городъ, купцы — по гильдіямъ, ремесленники — по цехамъ, иногородные и иностранные — по національностямъ, «каждый народъ особо», именитые граждане — «по семи названіямъ», если каждое изъ нихъ состоитъ не менѣе, какъ изъ пяти человѣкъ, на которыя дѣлитъ ихъ грамота, и, наконецъ, городскіе — по частямъ города, въ которыхъ живутъ [4]). Такимъ образомъ, каждый изъ разрядовъ обывателей избираетъ въ общую думу по нѣсколько представителей. Но изъ этого не слѣдуетъ, что въ общей думѣ каждый изъ нихъ имѣлъ свой голосъ. Дума, въ сущности, состояла изъ шести голосовъ: всѣ представители отъ каждаго разряда обывателей составляли «одинъ голосъ». Грамота, говоря о выборахъ гласныхъ,

---

[1]) Въ одной статьѣ выраженіе „градское общество" замѣняется выраженіемъ „городъ". „Губернскаго магистрата засѣдатели и засѣдатели совѣстнаго суда *выбираются губернскимъ юродомъ*". Ст. 32.

[2]) *Тамъ-же*, ст. 30, 32 и 36.

[3]) *Тамъ-же*, ст. 156 и 157.

[4]) *Тамъ-же*, ст. 158 и 163.

каждый разъ выражается такъ: «чтобъ *составить голосъ*», напримѣръ, настоящихъ городовыхъ избирателей, они избираютъ по одному отъ каждой части города, т.-е. нѣсколько человѣкъ гласныхъ составляютъ одинъ голосъ, такъ что каждаго разряда обывателей гласные въ думѣ обсуждали дѣло отдѣльно въ своей средѣ; ихъ рѣшеніе составляло мнѣніе или голосъ; такихъ голосовъ въ общей думѣ получалось шесть.

Общая дума избирала такъ называемую «шестигласную думу изъ своихъ гласныхъ» [1]). Эта дума получила свое названіе отъ числа членовъ, ее составлявшихъ; ихъ было *шесть* — по одному отъ каждаго голоса общей думы, т.-е. отъ каждаго разряда ея гласныхъ.

Отношенія этихъ двухъ выборныхъ учрежденій другъ къ другу именно таковы, какими должны быть отношенія учрежденія направляющаго, рѣшающаго къ исполняющему. Грамота опредѣляетъ ихъ такъ: общая дума «обязана собираться по однажды всякой срокъ (т.-е. всякіе три года) или же когда нужда и польза городская потребуетъ и въ другое время», для «всегдашняго же отправленія дѣлъ полагается... городская шестигласная дума» [2]). Этимъ опредѣленіе по данному вопросу и исчерпывается, если не считать статьи, которою предписывается шестигласной думѣ, «въ случаѣ сомнѣнія по важности или трудности дѣла, предлагать оное въ общей городской думѣ» [3]).

Опредѣленіе функціи думъ городовое положеніе 1785 года даетъ, какъ опредѣленіе тѣхъ «пользъ и нуждъ», заботы о которыхъ возложены на «градское общество»; оно даетъ это опредѣленіе, перечисляя отдѣльные предметы вѣдомства общей думы.

Прежде всего, укажемъ, что функція судебная, въ силу начала раздѣленія властей, примѣненнаго въ области мѣстной администраціи еще за девять лѣтъ до изданія грамоты городамъ, выдѣляется и въ общественномъ городскомъ управленіи изъ вѣдѣнія его учрежденій: «городской думѣ (общей) запрещается мѣшаться въ дѣла судныя» [4]); дѣла же по общественному управленію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, отданныя въ вѣдѣніе думъ, грамота перечисляетъ въ видѣ *восьми* отдѣльныхъ категорій, которыя можно раздѣлить на двѣ группы: дѣла, касающіяся всего города, всего его населенія во всей его совокупности, и дѣла, касающіяся только одного слоя его — торгово-промышленнаго: купцовъ и ремесленниковъ [5]) На послѣдней группѣ мы пока не будемъ останавливаться. Что-же касается первой, то она, правда, въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ охватываетъ собою почти всѣ стороны городского управленія: на думы возлагаются заботы о благосостояніи и безопасности города въ самомъ широкомъ смыслѣ; на нихъ — все городское хозяйство и особенно забота «о приращеніи городскихъ доходовъ въ пользу города».

Если остановиться на только что сказанномъ, можно придти къ заключенію, что «общество градское», по положенію 1785 года, получило право широкой

[1]) *Тамъ-же,* ст. 164.
[2]) *Тамъ-же,* ст. 172—173.
[3]) *Тамъ-же,* ст. 175.
[4]) *Тамъ-же,* ст. 168: „оныя, т.-е. судныя дѣла принадлежатъ магистратамъ или ратушамъ“.
[5]) *Тамъ-же,* ст. 167 и 169.

общественной автономіи. Но къ такому выводу можно придти, лишь игнорируя всѣ остальныя постановленія той-же грамоты, во-первыхъ, и строй мѣстнаго управленія вообще по «учрежденію о губерніяхъ» — во-вторыхъ. Прежде всего, грамота, какъ мы видѣли уже, вовсе почти не опредѣляетъ отношеній двухъ думъ, а потомъ недостаточно ясно и точно опредѣляетъ отношенія этихъ думъ къ мѣстнымъ правительственнымъ властямъ.

Неопредѣленность отношеній думы шестигласной къ общей не могла не отозваться на значеніи послѣдней; она, какъ увидимъ, и отозвалась паденіемъ этой думы, совершеннымъ, какъ это ни странно, исчезновеніемъ ея, или превращеніемъ, какъ это имѣло мѣсто въ Петербургѣ, во что-то *подчиненное шестигласной думѣ*.

Не менѣе, если еще не болѣе горшее значеніе для представительныхъ городскихъ учрежденій имѣла неопредѣленность ихъ отношеній къ другимъ органамъ и мѣстнымъ учрежденіямъ правительственнымъ. Въ этомъ отношеніи неопредѣленность царитъ какъ въ вопросѣ объ отношеніяхъ городскихъ общественныхъ учрежденій къ тѣмъ правительственнымъ органамъ и учрежденіямъ, которымъ порученъ былъ надъ ними надзоръ, такъ и къ тѣмъ, которые вѣдали относительно города, на основаніи «учрежденія о губерніяхъ» и другихъ законодательныхъ постановленій, почти тѣ-же дѣла, которыя «жалованною грамотою» отданы въ вѣдѣніе общественнаго управленія.

Въ какихъ отношеніяхъ стояли эти учрежденія къ губернатору? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ мы въ положеніи напрасно будемъ искать. Въ грамотѣ, напримѣръ, просто говорится, что общая дума «должна» и «можетъ» собираться. Приходится догадываться, кто разрѣшаетъ ей собираться или кто можетъ ее созвать. Если имѣть въ виду «обрядъ» выборовъ городскихъ депутатовъ 1766 года, который, замѣтимъ, дѣйствовалъ не только въ періодъ введенія городскихъ учрежденій, но и гораздо позже, по отношенію къ процедурѣ избранія гласныхъ, то можно думать, что и «градское общество» по разрядамъ для производства выборовъ гласныхъ, и общая дума созываются городскимъ головою [1]. Но если мы примемъ во вниманіе, что, въ силу постановленія самой «жалованной грамоты», городское общество — «городовые обыватели» — могутъ собираться лишь «по приказанію и дозволенію генералъ-губернатора или губернатора» [2], что ему городское управленіе обязано отчетностью и т. д., то окажется болѣе вѣроятнымъ, что право созыва общей думы принадлежитъ губернатору, отношенія къ которому городскихъ думъ вообще *подчиненныя*. Онѣ не только обязаны передъ нимъ отчетностью [3], но и не имѣютъ права безъ его «позволенія, сами собою» производить ничтожнѣйшихъ издержекъ, какими-бы настоятельными нуждами города онѣ ни вызывались [4]. Указаннымъ всѣ опредѣленія отношеній городскихъ учрежденій къ начальнику губерніи и исчерпываются; несомнѣнно, надзору послѣдняго, въ сущности, не устанавливается никакихъ

---

[1] „День и мѣсто для выбора депутата, — говоритъ 18 статья „обряда", — назначаются городскимъ головою".
[2] Статья 30.
[3] „Жалов. грам." городамъ, ст. 155 и 177.
[4] *Тамъ-же*, ст. 154.

границъ; ему открывается и широкая дорога къ превращенію въ опеку, что и не замедлило совершиться, какъ скоро увидимъ.

«Жалованная грамота», такъ неопредѣленно трактующая отношенія новыхъ городскихъ учрежденій къ губернатору, ни слова не говоритъ объ отношеніи ихъ къ *губернскому правленію*, въ которомъ онъ — предсѣдатель и которое развиваетъ въ мѣстномъ управленіи огромное значеніе. По «учрежденію о губерніяхъ», губернское правленіе или намѣстническое, какъ оно сначала называется, есть «мѣсто, которое управляетъ, въ силу законовъ, именемъ Императорскаго Величества всею губерніею»; оно «бдѣніе свое прилежно простираетъ, дабы законы были вездѣ исполняемы, взысканіе чинитъ со всѣхъ непослушныхъ», оно вѣдаетъ полицію безопасности и благосостоянія во всей губерніи вообще, *въ городахъ* въ особенности [1]); между тѣмъ, то же самое возложено грамотою и на думы. Къ исполненію «его повелѣній обязаны» всѣ городскіе органы и учрежденія [2]), а, слѣдовательно, и думы, такъ какъ «жалованная грамота» не устанавливаетъ по данному вопросу какого-либо новаго опредѣленія.

Было уже замѣчено, что еще при Петрѣ Великомъ городская полиція, хотя по регламенту магистратамъ и возложена была на эти послѣдніе, но въ дѣйствительности вѣдалась спеціальными органами, для того исключительно созданными. Судьба сословно-городскихъ учрежденій Петра была такъ печальна при его преемникахъ, что организація городской полиціи постоянно развивалась въ одномъ направленіи, переживая магистраты съ ихъ выборными сословными должностями [3]). Екатерина II, издавая «жалованную грамоту» и возлагая на городскія общественныя учрежденія многія стороны чисто-полицейской дѣятельности, реформируетъ, въ то же время, и организацію городской полиціи, функціи которой несомнѣнно охватываютъ собою и тѣ функціи по этому предмету, которыя возложены въ 1785 году на городскія думы. Реформа полиціи имѣла мѣсто, во-первыхъ, въ 1775 году по учрежденію о губерніяхъ, во-вторыхъ, почти наканунѣ изданія «жалованной грамоты» городамъ, въ 1782 году, спеціальнымъ актомъ — уставомъ о благочиніи [4]). И странно, что послѣднимъ законодательнымъ актомъ на городскую полицію въ общихъ выраженіяхъ почти дословно возлагается то же самое, что, три года спустя, на общественныя городскія учрежденія: «возбраненіе всего, что противно добру, порядку и благочинію» — одна изъ задачъ, по «жалованной грамотѣ» возложенныхъ «на попеченіе» городской думы; а по 30 статьѣ устава полицейскаго 1782 года, такъ называемая управа благочинія — полицейское городское учрежденіе — имѣетъ своею задачею поддержаніе и охраненіе среди городского населенія «добронравія», благочинія въ широкомъ смыслѣ [5]). Какъ изданная послѣ устава полицейскаго, «жалованная грамота»

---

[1]) Статьи 95 и 96.

[2]) Статья 99.

[3]) См. очеркъ по исторіи городской полиціи въ нашемъ назван. сочин., т. I, гл. „Полиція при Петрѣ Великомъ“, стр. 301—327; гл. „Городская полиція при преемникахъ Петра“, стр. 355—370.

[4]) См. *тамъ-же*, гл. „Полиція при Екатеринѣ II“, стр. 459—472.

[5]) Общія опредѣленія задачъ городской полиціи попали въ „уставъ“ изъ „учрежденія о губерніяхъ“, гдѣ задача, напримѣръ, городничаго буквально опредѣляется такъ: имѣть „бдѣніе, дабы въ городѣ сохранены были *благочиніе, добронравіе и порядокъ*“, ст. 254.

городамъ несомнѣнно должна-бы была остановиться на вопросѣ о взаимномъ отношеніи двухъ разнородныхъ учрежденій, правительственнаго и общественнаго, вѣдающихъ одну и ту-же функцію въ одномъ и томъ-же пунктѣ. И, однако, такого опредѣленія мы въ разбираемомъ актѣ не находимъ вовсе. Нельзя принимать за такое опредѣленіе слѣдующее постановленіе грамоты: «оставляя — въ наблюденіи за противнымъ порядку благочинія — относящееся (?) къ части полицейской исполнять мѣстамъ и людямъ, для того установленнымъ» [1]). Такимъ образомъ, вопросъ остается открытымъ. Установленіе отношеній предоставляется самой жизни, практикѣ, въ которой, какъ увидимъ, выигрываетъ сильнѣйшій.

На думу, какъ мы видѣли, возложено «стараніе о приращеніи доходовъ... *для распространенія заведеній* по приказу общественнаго призрѣнія», а къ «заведеніямъ» этого приказа, основаннаго «учрежденіемъ о губерніяхъ», относятся: народныя школы, сиротскіе дома, госпитали, богадѣльни, «дома для сумасшедшихъ», рабочіе и строительные дома [2]) въ цѣлой губерніи, т.-е. во всѣхъ городахъ ея; самый приказъ состоитъ изъ выборныхъ отъ дворянъ губерніи двухъ членовъ губернскаго магистрата подъ предсѣдательствомъ губернатора [3]).

Невольно напрашивается вопросъ, въ какомъ отношеніи къ думѣ стоялъ приказъ общественнаго призрѣнія? Грамота, кромѣ приведеннаго постановленія, говоритъ въ перечисленіи городскихъ расходовъ, что къ таковымъ относится «содержаніе городскихъ школъ и другихъ» заведеній, приказу общественнаго призрѣнія предписанныхъ [4]) — и только.

Изъ «учрежденія о губерніяхъ» мы узнаемъ лишь, что приказъ ведетъ точныя приходныя книги... и, погодно, «особливыя расходныя исправныя книги», которыя и пересылаются «для ревизіи... въ казенную палату всякій разъ, когда о томъ отъ государева намѣстника прислано будетъ повелѣніе» [5]). Изъ приведенныхъ мѣстъ рѣшительно ничего нельзя заключить ни о томъ, въ какихъ размѣрахъ долженъ городъ участвовать въ содержаніи заведеній, вѣдавшихся приказомъ, ни о томъ, когда, какъ и черезъ кого выдаются думой отпускаемыя приказу суммы. Несомнѣнно одно: все участіе города въ содержаніи перечисленныхъ благотворительныхъ заведеній могло выражаться въ простой выдачѣ приказу суммъ, размѣры которыхъ опредѣлялись никакъ не городомъ.

Въ такихъ неопредѣленныхъ рамкахъ, подъ такимъ неопредѣленнымъ надзоромъ высшихъ правительственныхъ органовъ по мѣстному управленію, въ такомъ неопредѣленномъ совмѣстничествѣ съ низшими приходилось дѣйствовать по городовому положенію новымъ общественно-городскимъ учрежденіямъ во ввѣренной имъ области «городскихъ нуждъ и пользъ». А эта область, какъ уже было доказано, не исчерпывалась лишь наблюденіемъ за благочиніемъ и порядкомъ въ городѣ; она охватываетъ и городское хозяйство: городскія думы управляютъ «городовыми доходами и расходами» [6]).

[1]) Статья 167, п. 4.
[2]) Статья 380.
[3]) Статья 379. Въ случаѣ надобности могли быть приглашаемы въ засѣданія уѣздный предводитель дворянства или городской голова губернскаго города.
[4]) Статья 152.
[5]) Статья 383.
[6]) „Жалован. грам.“ городамъ, ст. 177.

Насколько самостоятельно эту сторону городского управленія вѣдали думы, можно заключить уже изъ отношенія ихъ къ начальнику губерніи, губернскому правленію, приказу общественнаго призрѣнія. Но «жалованная грамота» даетъ по данному предмету и нѣсколько точныхъ опредѣленій. Она точно опредѣляетъ какъ статьи, источники городскихъ доходовъ, такъ и статьи расходовъ. Къ первымъ она относитъ таможенный и питейный сборы, которые уступаются въ пользу города казной, «выморочныя имѣнія» городскихъ обывателей, доходы съ городскихъ имуществъ и штрафныя деньги [1]). Ко вторымъ, которыя грамота называетъ «*законными* расходами», относятся: расходы на содержаніе городскихъ выборныхъ учрежденій и органовъ, на содержаніе городскихъ «строеній» и, наконецъ, на содержаніе уже извѣстныхъ намъ «заведеній» приказа общественнаго призрѣнія [2]). Внѣ указаннаго не допускается ни установленіе новыхъ доходовъ, ни производство новыхъ расходовъ. Если окажутся отъ расходовъ какіе остатки, то они должны отдаваться «въ банки для приращенія». Если-же городъ найдетъ нужнымъ и полезнымъ произвести какую-либо затрату изъ этихъ источниковъ, онъ долженъ, какъ намъ извѣстно, «представить губернатору и ждать позволенія». «Вѣдомости» по всѣмъ статьямъ городского дохода и расхода дума должна представлять губернатору и въ казенную палату [3]); въ лицѣ послѣдней является еще одно учрежденіе, по отношенію къ которому ставится въ зависимость городское общественное управленіе.

Зависимость и, пожалуй, подчиненность думъ, по «жалованной грамотѣ», не исчерпывается только указаннымъ: жалобы на ту или другую изъ нихъ «кто недоволенъ»... можетъ принести въ *губернскій* магистратъ [4]). Это постановленіе ставитъ въ странныя отношенія къ губернскому магистрату думы губернскаго-же города: члены этого магистрата выбираются тѣмъ-же «губернскимъ городомъ», какъ выражаетъ грамота, т.-е. его обществомъ, которое избираетъ и членовъ думъ [5]).

До сихъ поръ мы останавливались на городскомъ обществѣ, городскомъ общественномъ управленіи и его отдѣльныхъ учрежденіяхъ, но «жалованная грамота», какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, не ограничивается только установленіемъ этихъ послѣднихъ. Организуя городское управленіе, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, организуетъ сословіе торговцевъ и промышленниковъ и ихъ корпоративное устройство: купеческія гильдіи и цехи ремесленниковъ. Мы не будемъ останавливаться подробно на этой части грамоты и ограничимся лишь нѣсколькими общими замѣчаніями по поводу ихъ.

При ознакомленіи съ этою частью «жалованной грамоты» поражаетъ, прежде всего, изобиліе статей, а потомъ — бо́льшая опредѣленность и точность ихъ [6]). Объясняется это обстоятельство просто тѣмъ, что всѣ постановленія по

---

[1]) *Тамъ-же*, ст. 146—150.
[2]) *Тамъ-же*, ст. 151—152.
[3]) *Тамъ-же*, ст. 177.
[4]) *Тамъ-же*, ст. 175.
[5]) *Тамъ-же*, ст. 32.
[6]) Всѣхъ статей въ грамотѣ 178; но изъ нихъ одна статья—123—составляетъ цѣлое, особое положеніе — ремесленное — и распадается на 117 пунктовъ; далѣе — 12 статей — „о личныхъ выгодахъ средняго рода людей или мѣщанъ вообще“ 31 статья — о гильдіяхъ

данному вопросу не есть что-либо новое, а нѣчто такое, что существовало еще со времени Петра, въ теченіе почти трехъ четвертей столѣтія. Еще вводя магистратскія учрежденія и подѣливъ все городское населеніе на *граждань регулярныхъ и нерегулярныхъ*, Петръ разбилъ первыхъ, къ которымъ, кромѣ торгово-промышленнаго населенія, относилъ городскихъ докторовъ, лекарей, аптекарей и живописцевъ, на «гильдіи» — купцовъ и цехи или мастерства — ремесленниковъ, и каждому изъ цеховъ и гильдій далъ особую организацію, создавъ изъ нихъ родъ корпорацій, которыя вѣдали свои общинно-сословные интересы черезъ своихъ выборныхъ. Эти сословныя учрежденія пережили виновника ихъ существованія, не были отмѣняемы при его преемникахъ и въ дополненномъ, болѣе систематически организованномъ видѣ вошли въ составъ «жалованной грамоты»; а организованныя ею, они, безъ всякихъ измѣненій *въ ихъ основаніяхъ*, существуютъ и до нашихъ дней, идя въ совершенный разрѣзъ съ современнымъ строемъ и ожидая «реформъ», вопросъ о которыхъ поднятъ въ соотвѣтствующихъ сферахъ уже давнымъ-давно.

Сословныя учрежденія грамота, видимо, желала поставить въ извѣстныя, опредѣленныя отношенія къ общественно-городскимъ, но сдѣлала это крайне странно. Въ отдѣлѣ о городскихъ думахъ она постановляетъ, что дума вмѣстѣ съ городовымъ положеніемъ «должна хранить и ремесленное, наблюдать, чтобъ оныя (т. е. *оба* положенія) точно и безъ нарушенія всѣми и каждымъ исполняемы были». Думѣ предписывается воздерживаться отъ «представленій или положеній, противныхъ городскому или *ремесленному* положенію» [1]).

Отсюда, казалось бы, ремесленные цехи съ ихъ корпоративными учрежденіями ставятся въ извѣстную зависимость, хотя и не опредѣленную вовсе, отъ общественно-городскихъ учрежденій. Такой выводъ тѣмъ болѣе вѣроятенъ, что представитель цеховъ или ремесленныхъ управъ, такъ называемые управные старшины, засѣдаютъ въ думѣ, имѣя право предлагать въ ней «о нуждахъ и недостаткахъ ремеслъ» [2]); тамъ же засѣдаетъ и избираемый всѣми «ремесленными управами» представитель ремесленнаго сословія — «ремесленный глава», на обязанности котораго лежитъ доводить до свѣдѣнія городского головы, какъ предсѣдателя сиротскаго суда, «о вдовахъ и малолѣтныхъ» [3]). И, однако, по той же «жалованной грамотѣ», или, вѣрнѣе, по ремесленному положенію, въ нее вошедшему, «управы или цехи повиноватися имѣютъ *городовому магистрату* или *ратушѣ*» [4]), учрежденіямъ, какъ мы знаемъ, *судебнымъ*; магистратъ или ратуша утверждаютъ въ званіи выборныхъ ремесленнаго голову, старшинъ и ихъ товарищей [5]); этимъ же учрежденіямъ разрѣшается «пред-

---

22 статьи посвящены наставленію о составленіи обывательской книги и 28 — остальнымъ разрядамъ обывателей; такимъ образомъ, выходитъ, что изъ 178 статей грамоты 93 статьи посвящены торгово-промышленному сословію; изъ остальныхъ 85 статей 57 отданы различнымъ общимъ опредѣленіямъ какъ по отдѣлу сословнаго строя, такъ и общественнаго; спеціальнымъ опредѣленіямъ послѣдняго остается всего 28 статей.

[1]) Статьи 169 и 170.

[2]) Ст. 123, п. 10.

[3]) *Тамъ-же*, пп. 13 и 18.

[4]) *Тамъ-же*, п. 2. „Городовому магистрату или ратушѣ ремесла раздѣлить на цехи или ремесленныя управы“, — говоритъ п. 1.

[5]) *Тамъ-же*, пп. 11 и 10.

ставить... касательно ремесла и лучшаго исправленія онаго» [1]). Наконецъ, на магистратъ прямо возлагается обязанность: «въ случаѣ усмотритъ ремесленному положенію противное... да учинитъ взысканіе съ управы и управнаго старшины со старшинскими товарищи» [2]). Самое введеніе ремесленнаго положенія, приведеніе его въ исполненіе — устройство цеховъ поручается тому же городовому магистрату подъ надзоромъ губернскаго, который уже все сдѣланное городовымъ съ своимъ «мнѣніемъ губернскому правленію для уваженія и представленія, гдѣ надлежитъ», представляетъ [3]). Что же остается думѣ?

Во всемъ этомъ борьба стараго съ новымъ выражается рѣзче, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ. Составляя ремесленное положеніе, законодатель какъ бы забываетъ о городовомъ. Въ послѣдней, только что цитированной нами статьѣ ремесленнаго положенія законодатель смотритъ на ремесленниковъ или ихъ цехи даже какъ на сословную корпорацію не города, а цѣлой губерніи. Недостаетъ только чего-либо вродѣ главнаго магистрата, чтобъ, по примѣру Петра, создать цѣлую россійскую «храмину» изъ ремесленниковъ всѣхъ городовъ всѣхъ губерній Россіи.

Противорѣчія отдѣльныхъ постановленій «жалованной грамоты» идутъ гораздо дальше. Старое и новое начала борятся даже въ сферѣ общественнаго городского управленія: то самое городовое положеніе, которое въ цѣломъ рядѣ своихъ статей, помѣщенныхъ въ концѣ его, отдаетъ все общественное управленіе въ руки думъ, въ своихъ первыхъ статьяхъ постановляетъ, что, «по усмотрѣніи *внутри города какихъ нуждъ или недостатковъ*, *городовой магистратъ*» долженъ о томъ «представить *губернскому магистрату* или *губернскому правленію*» [4]). (Хорошо это «или»!). Тому же городовому магистрату поручается завѣдываніе въ городѣ ярмарками [5]), въ то время какъ на думу возлагается «всякими позволенными способами поощрять привозъ въ городъ и продажу всего, что ко благу и выгодамъ жителей служить можетъ», заботиться «о заведеніи площадей для стеченія народа по торгу» и т. п. [6]).

Какъ примирить всѣ эти совершенно непримиримыя противорѣчія? Въ самой «жалованной грамотѣ» они непримиримы; примирять ихъ приходилось органамъ мѣстной администраціи, къ этому едва ли способной.

Мы почти ни слова не сказали о роли и значеніи городского головы по городовому положенію 1785 года. О немъ трудно что-нибудь и сказать. Грамота ни слова ни говоритъ даже о выборахъ головы; они и послѣ изданія положенія опредѣлялись, очевидно, еще «обрядомъ» 1766 года и «учрежденіемъ о губерніяхъ», гдѣ сказано, что «городскій глава выбирается городскимъ *обществомъ* черезъ всякіе три года по балламъ» [7]). «Жалованная грамота» говоритъ объ этомъ выборномъ должностномъ лицѣ лишь какъ о предсѣдателѣ

---

[1]) *Тамъ-же*, п. 36.
[2]) *Тамъ-же*, п. 116.
[3]) *Тамъ-же*, п. 117.
[4]) Статья 8.
[5]) Статья 25.
[6]) Статья 167, п. 5 и 6.
[7]) Глава XXI, „о сиротскомъ судьѣ и его должности“, ст. 295; эта статья цѣликомъ вошла въ городовое положеніе, ст. 31.

обѣихъ думъ [1]) и руководителѣ городовыми старшинами при составленіи ими городовой обывательской книги [2]). Если прибавимъ сюда еще постановленіе, по которому «кто недоволенъ разсмотрѣніемъ и разборомъ городского головы со депутаты (по составленію обывательской книги), имѣетъ просить представить свои доказательства въ губернскій магистратъ» [3]), то всѣ постановленія «жалованной грамоты» по данному вопросу и исчерпаются.

Стало быть, положеніе городского головы вполнѣ неопредѣленное: представителемъ города, «яко начальствомъ его», считать его рѣшительно невозможно. Все значеніе — въ значеніи предсѣдателя шестигласной думы, пожалуй, въ ней самой.

Ко всему сказанному мы должны, въ заключеніе, прибавить еще и слѣдующее: «жалованная грамота» сама же нарушаетъ, путемъ установленія исключеній въ пользу привилегированныхъ сословій, то основное начало, на которомъ строится ею понятіе о «градскомъ обществѣ» и общественномъ управленіи. Установивъ, что городское общество есть совокупность всѣхъ обывателей, удовлетворяющихъ извѣстнымъ требованіямъ ценза, грамота спѣшитъ отказаться отъ этого, становясь на узкосословную точку-зрѣнія. Въ одинъ день, какъ мы знаемъ, съ этой грамотой издана «жалованная грамота» дворянству, по которой благороднымъ подтверждается право имѣть или строить или покупать дома въ городахъ и въ оныхъ имѣть рукодѣліе, а также разрѣшается «пользоваться городовымъ правомъ» съ условіемъ «повиноваться» ему [4]). Здѣсь подъ «городовымъ правомъ», должно быть, разумѣется именно упомянутое въ предъидущей статьѣ «право» владѣть въ городѣ недвижимой собственностью, а подъ «повиновеніемъ» ему — обязанность нести «мѣщанскія тягости», какъ выражается городовое положеніе [5]). Но подъ этими тягостями разумѣется лишь уплата дворяниномъ разнаго рода податей и повинностей съ недвижимой собственности: «ради же *дворянскаго* достоинства, благородные, — говоритъ положеніе, — освобождаются отъ *личныхъ податей и службъ*». Свобода отъ податей личныхъ — привилегія, установленная, какъ мы знаемъ, «жалованной грамотой» дворянству [6]); что же касается городскихъ службъ, то, несомнѣнно, законодатель взглянулъ на нихъ, въ данномъ случаѣ, какъ исключительно на службы тягло-государственныя, отъ которыхъ дворянство тоже освобождено еще съ 1762 года.

Какъ бы то ни было, а *новое* начало «жалованной грамоты» городамъ — начало всесословности городского общества уже нарушено въ пользу дворянъ. Правда, дворянамъ не запрещается участвовать въ выборахъ городскихъ, не запрещается даже и служить по выборамъ, — законодатель только охраняетъ ихъ «достоинство». Но кто же изъ дворянъ станетъ нарушать его, разъ самъ законодатель смотритъ на службы по городскимъ выборамъ, какъ на что-то

---

1) Статья 157 и 165.
2) Статьи 60 и 61; 69, 71, 74, 75, 76.
3) Статья 73.
4) „Жалов. гр.“ дворянству, ст. 30 — 31.
5) Статья 13.
6) Статья 36.

несовмѣстимое съ этимъ «достоинствомъ»? Дворянамъ, живущимъ въ городахъ или владѣющимъ въ нихъ недвижимостью, нужно было сознать, что они заинтересованы въ пользахъ и нуждахъ этого города, что, поэтому, «повиноваться городовому праву», выражаясь языкомъ законодателей, даже ихъ личный интересъ, а, вмѣстѣ, и обязанность, какъ пользующихся этимъ «правомъ», т. е. удобствами городской жизни. Но до такого сознанія нужно было еще дорасти. Законодатель пошелъ дальше: «въ *военной* или въ *гражданской* службѣ находящіеся люди, кои по должности или по собственнымъ нуждамъ въ городѣ живутъ... всѣмъ таковымъ *отъ* мѣщанскихъ *тягостей*, *податей и службъ быть свободнымъ*» [1].

Эти постановленія должны были повести и повели дѣйствительно къ печальнѣйшимъ результатамъ въ общественно-городскомъ управленіи.

Но какъ бы то ни было, а понятіе о городскомъ *обществѣ*, объ *общественно*-городскомъ управленіи, если не какъ безсословномъ, то какъ *всесословномъ*, законодателемъ высказано и внесено въ жизнь; насколько оно высказано ясно и послѣдовательно — другой вопросъ. Зародышу остается развиваться; онъ и развивается, правда, тупо, медленно, но, все-таки, развивается; развивается какъ въ законодательствѣ, такъ и въ жизни.

Понятно, что развитіе зародыша въ будущемъ необходимо будетъ зависѣть отъ характера отношеній къ нему законодателя и той почвы, въ которую онъ занесенъ. Взаимныя отношенія этихъ двухъ факторовъ въ исторіи развитія будутъ играть огромную роль. Цѣлыя три четверти столѣтія культивируется новая идея, три четверти столѣтія развивается она въ законодательствѣ, прежде чѣмъ выростаетъ въ то, что́ мы называемъ въ наши дни городскимъ общественнымъ управленіемъ или самоуправленіемъ и что обѣщаетъ расти и въ будущемъ.

Посадка зародыша, привитіе новыхъ началъ къ жизни, въ которой они не могли найти благопріятной почвы, требовали особенныхъ заботъ, крайне внимательнаго ухода. Построенное на нихъ городское управленіе, чтобы войти въ плоть и кровь городской жизни, требовало самаго благосклоннаго отношенія къ нему со стороны государственной власти. Такое отношеніе къ дѣлу особенно настоятельно требовалось въ виду указанныхъ выше неясностей, неполноты и противорѣчій «жалованной грамоты» городамъ. Со стороны самого городского общества необходимы были сознаніе значенія новаго строя для развитія городской жизни и необычайная энергія въ примѣненіи къ ней этого строя.

Было ли все это налицо въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія?

Послѣ изданія «жалованныхъ грамотъ» императрица царствовала лишь одиннадцать лѣтъ; независимо отъ совершеннаго переворота во взглядахъ императрицы, новыя учрежденія не могли привлечь къ себѣ особеннаго вниманія ея правительства и благодаря тому, что оно было поглощено войнами съ Турціей, Швеціей, въ Польшѣ. Введеніе новаго городскаго управленія предоставлено было самому себѣ или, правильнѣе, мѣстнымъ представителямъ власти, которые, разумѣется, не могли относиться особенно участливо къ нимъ.

Мы не знаемъ, какъ вводилось по городамъ новое общественное управленіе, какъ принялось и дѣйствовало оно въ послѣдніе годы царствованія Екатерины;

[1]) „Город. полож." 1785 г., ст. 14.

обо всемъ этомъ можно лишь догадываться, исходя изъ положенія городскихъ учрежденій въ болѣе позднее время — начала царствованія Александра I. А догадки необходимо приведутъ къ неутѣшительнымъ заключеніямъ.

Не успѣли стать на ноги новыя городскія учрежденія, едва ли они были даже введены во всѣхъ городахъ, какъ преемникъ Екатерины нашелъ городскія учрежденія, созданныя его матерью, слишкомъ «великими» по составу, а потому и составляющими «тягость» для городского общества. Сначала новыя учрежденія упразднены были въ Петербургѣ, а потомъ и во всѣхъ городахъ имперіи: къ 1800 году они не существуютъ нигдѣ, а существованіе ихъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ они, въ теченіе времени отъ конца 1796 года до 1800, не успѣли быть уничтоженными, понятно, насколько было обезпечено въ правильномъ ходѣ.

Императоръ Александръ I по вступленіи на престолъ призналъ за благо «утвердить и возстановить городовое положеніе и грамоту, городамъ данную, во всей силѣ ея и пространствѣ» [1]).

Императоръ не ограничился, однако, однимъ общимъ повелѣніемъ о возстановленіи «жалованной грамоты» городамъ: онъ понималъ, быть можетъ, и многіе недостатки самой грамоты, а, вмѣстѣ, и возможность того, что созданное Екатериной могло оказаться недостаточнымъ теперь, по возстановленіи грамоты, когда прошло болѣе пятнадцати лѣтъ со дня ея изданія; поэтому, вслѣдъ за возстановленіемъ «городового положенія», издается указъ на имя главнокомандующихъ Москвы и Петербурга о необходимости изслѣдовать вліяніе «перемѣнъ», происшедшихъ въ жизни, на «городское управленіе» и «основать лучшее устройство городского управленія», по крайней мѣрѣ, въ столицахъ [2]).

Вотъ съ какого времени начались заботы правительства объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ городового положенія 1785 года. Мы ничего не знаемъ о результатахъ дѣятельности двухъ главнокомандующихъ по этому предмету. Проходитъ около двадцати лѣтъ, какъ снова поднимается вопросъ о необходимости «устроить или преобразовать думу» въ Петербургѣ, и поднимается самимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, подъ вліяніемъ невозможнаго состоянія городского хозяйства въ этой столицѣ. И любопытно, что въ проектахъ столичнаго городского управленія, составленныхъ столичными комитетами объ усиленіи городскихъ доходовъ, указывалось на необходимость ввести въ составъ городскихъ учрежденій *дворянскій* элементъ или замѣнить его представителемъ отъ короны [3]). Министерство настаивало, главнымъ образомъ, на введеніи элемента правительственнаго въ лицѣ предсѣдателя и двухъ «членовъ отъ короны». Но государственный совѣтъ того времени нашелъ, что такими мѣрами ничего не достигнешь; по его мнѣнію, необходимо было «коренное преобразованіе» городского управленія сообразно требованіямъ того времени. Поручено было «комиссіи законовъ» составить новое городовое положеніе; она составила проектъ такого положенія, думать надо, сильно позаимствовавшись на Западѣ, откуда внесла въ свой

---

[1]) Манифестъ отъ 2 апр. 1801 года.—*1 Полн. собр. зак.*, № 19,811.

[2]) *П. с. з.*, № 19,976. При этомъ императоръ рекомендуетъ имѣть въ виду „уменьшеніе городскихъ расходовъ", а, вмѣстѣ, и повинностей.

[3]) Архивное дѣло, цитированное въ нашемъ сочиненіи: *Устройство и управленіе городовъ Россіи*, т. II, стр. 370.

проектъ такое начало, которое государственный совѣтъ нашелъ излишне думы стѣсняющимъ. Переданный въ руки главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, лучшаго юриста того времени, извѣстнаго *Балугьянскаго*, проектъ былъ совершенно отвергнутъ. Балугьянскій составилъ свой проектъ, въ которомъ, прежде всего, настаивалъ на расширеніи «власти» городской думы и на самомъ точномъ опредѣленіи отношеній полиціи къ городскимъ учрежденіямъ. Это было въ 1827 году. Но и его проектъ потерпѣлъ фіаско. Правительство, однако, не остановилось и на этомъ. Дѣло было поручено спеціальному комитету при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Черезъ годъ проектъ комитета былъ готовъ и переданъ военнымъ губернаторамъ столицъ для того, чтобы они пригласили къ «разсмотрѣнію его городскихъ головъ и почетнѣйшихъ изъ гражданъ». Этимъ путемъ государственный совѣтъ думалъ привлечь къ участію въ составленіи новаго городового положенія городское общество и думу. Московскій генералъ-губернаторъ нашелъ нужнымъ предложить проектъ и на разсмотрѣніе «московскаго *предводителя* дворянства обще съ другими дворянами по собранію». Важный и характерный шагъ со стороны правительства: оно желаетъ привлечь къ участію въ составленіи городового положенія представителей общества.

По проекту, въ составъ городского общества вводятся *всѣ сословія* городского населенія, *не исключая и дворянъ*, почему городскія избирательныя собранія предполагались уже не по сословіямъ, а по городскимъ частямъ; въ собраніи каждой части города имѣли право участвовать *всѣ* живущіе въ этой части безъ различія сословій, разъ удовлетворяли извѣстному цензу [1]). Избиратели выбирали изъ своей среды депутатовъ, которые должны были замѣнить думу, дѣйствуя «именемъ всего городского общества» въ качествѣ учрежденія, такъ сказать, постановляющаго; административнымъ, постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ, по проекту, должна была быть «градская дума», избиравшаяся собраніемъ депутатовъ изъ своей среды, такъ что и въ ея составъ входили дворяне. Такъ составленныя «собранія депутатовъ» и «градская дума», однако, не получали, по проекту, той «власти», которую желалъ дать ей Балугьянскій въ своемъ проектѣ.

Въ высшей степени любопытно, какъ отнеслись къ проекту «общество и дума», приглашенныя къ подачѣ о немъ мнѣнія въ лицѣ «головъ», дворянъ и «первостатейныхъ гражданъ». Прежде всего «первостатейные» съ необычной энергіей возстали противъ *всесословности* общественнаго городского управленія: они доказывали, что «градское правленіе» издавна принадлежитъ «гражданамъ» только, то-есть имъ; это во-первыхъ, а, во-вторыхъ, такое посягательство на ихъ давнее право, какъ введеніе въ составъ городского общества дворянства, de jure въ него уже введеннаго въ 1785 году, какъ мы видѣли, есть, философствовали «граждане, нѣчто противное «разуму» и естественному порядку вещей». «Доколѣ, — разсуждалъ, по «разуму», московскій городской голова, — существуетъ законъ о раздѣленіи народа на разныя сословія съ разными правами... и остаются въ своемъ видѣ прочія присутственныя мѣста... до тѣхъ поръ нѣтъ

---

[1]) Цензъ опредѣлялся недвижимой собственностью не ниже 8,000 р. стоимостью.

причинъ измѣнять составъ городского общества». Съ только что приведенной тирадой, если взять ее отдѣльно, съ перваго взгляда нельзя не согласиться: дѣйствительно, пока существуетъ по закону раздѣленіе на состоянія или сословія, пока это раздѣленіе — базисъ жизни, до тѣхъ поръ безсословныя городскія учрежденія не могли дать тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ нихъ ждали. Но купецъ не то хотѣлъ сказать, исходя изъ мысли, что сословный строй есть естественный порядокъ вещей, — порядокъ, на «разумѣ» основанный. Московскій голова доказываетъ, опять-таки по разуму, что въ такомъ городѣ, какъ Москва, особенныхъ *дѣлъ*, касающихся въ совокупности до *всѣхъ* сословій, нѣтъ и быть не можетъ именно потому, что въ городѣ живутъ «разныя сословія». Городской голова Петербурга оказался почти въ полномъ единеніи съ головою Москвы и также въ привлеченіи дворянства въ составъ городского общества видѣлъ «явное подавленіе правъ купечества», могущее повести ко всякаго рода «безпорядкамъ и замѣшательствамъ», и, притомъ, крайне опаснаго свойства. По мнѣнію головы и первостатейныхъ гражданъ, «собраніе депутатовъ» и «градская дума» въ проектируемомъ составѣ представляютъ собою «небывалое совокупленіе разнородныхъ и противуположныхъ сословій», подобное палатѣ депутатовъ во Франціи и особенно вредное у насъ «по степени образованности низшихъ классовъ людей» и потому, что въ этихъ учрежденіяхъ дворяне возьмутъ перевѣсъ получится «дворянское общество» или «анархія» (?!), по убѣжденію представителей гражданства, «несвойственное нашему народному духу». Въ концѣ-концовъ, петербургскіе купцы обозвали весь проектъ основаннымъ на «теоріи» и представляющимъ «слѣпое подражаніе Франціи и Англіи» [1]).

Дворяне московскіе тоже нашли «противуестественнымъ» введеніе ихъ въ составъ городского общества, такъ какъ это значитъ привлекать ихъ къ совершенно чуждому имъ дѣлу — «разсуждать о *коммерціи*», тогда какъ ихъ дѣло — «разсуждать о помѣстьѣ». Такимъ образомъ, представители московскаго дворянства, кромѣ лично-сословныхъ интересовъ въ городскомъ управленіи, ничего не видѣли. Они вообще высказались за старыя, то есть екатерининскія учрежденія, въ той формѣ, въ какой они существовали въ то время.

Проектъ былъ отвергнутъ государственнымъ совѣтомъ. Пытались исправить его въ 1837, въ 1840 годахъ; но «по недостатку средствъ» (?) попытки не повели ни къ чему. Съ 1842 года дѣло было передано въ министерство внутреннихъ дѣлъ, при которомъ, ради этой цѣли, учреждено было особое «временное отдѣленіе для устройства городского хозяйства». Ему и поручено составить проектъ новаго городового положенія.

Четыре года «временное отдѣленіе» работало надъ порученнымъ ему дѣломъ. Оно не ограничилось разсмотрѣніемъ только сданныхъ въ него неодобренныхъ проектовъ: оно собрало всѣ правительственныя постановленія о городахъ, начиная со времени Петра Великаго; оно нашло необходимымъ ознакомиться съ состояніемъ городского хозяйства и управленія Россіи по дѣйствительнымъ, сущест-

---

[1]) Не лишне замѣтить, что петербургское купечество представило *свой проектъ* городового положенія, въ которомъ все сводилось къ измѣненію положенія 1785 г. тѣми искаженіями, къ которымъ привела практика въ этомъ положеніи. Купечество особенно заботливо относилось въ своемъ проектѣ къ канцеляріи думы.

вующимъ образцамъ его: по нѣкоторымъ городамъ Европейской Россіи разосланы были ревизоры-чиновники, которые должны были представить «основанія для полной административной статистики», изслѣдовать недостатки и упущенія городского управленія, составить имущественные инвентари городовъ, опредѣлить цифру населенія каждаго изъ нихъ, опредѣлить бюджетъ и т. д., и т. д. Само отдѣленіе непосредственно изучило во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Петербургъ и на основаніи этого изученія пришло къ заключенію, что при составленіи новаго проекта городового положенія необходимо имѣть въ виду два важныя обстоятельства: уклоненіе отъ службъ по общественнымъ выборамъ лучшихъ людей изъ городского населенія и «разстроенное состояніе городскихъ присутственныхъ мѣстъ».

Отдѣленіе рѣшило, составляя проектъ, ни на шагъ не отступать отъ коренныхъ «началъ» положенія 1785 года; онъ долженъ быть, говорили его составители, лишь развитіемъ этихъ началъ и примѣненіемъ ихъ «къ существующимъ обстоятельствамъ времени и мѣста». И этимъ путемъ, то-есть путемъ развитія «началъ» «жалованной грамоты», составители проекта надѣялись возвысить значеніе выборовъ въ глазахъ городского населенія, увеличить значеніе выборныхъ должностей, особенно городского головы, достигнуть вообще порядка въ городскихъ учрежденіяхъ, а, вмѣстѣ, и обезпечить «интересы казны».

Все это имѣлось въ виду осуществить пока лишь относительно Петербурга. Первоначально «временное отдѣленіе» изложило въ нѣсколькихъ параграфахъ свои «основанія», которыя оно считало вмѣстѣ и «началами» «жалованной грамоты», исчезнувшими въ жизни. Эти «основанія» состояли въ слѣдующемъ: общество городское составляютъ всѣ тѣ, кто живетъ въ городѣ «осѣдло», то есть несутъ въ немъ всѣ «казенныя подати и повинности» или владѣютъ въ предѣлахъ города недвижимой собственностью и не принадлежатъ къ податнымъ сословіямъ, то-есть, дворяне, чиновники, духовенство. Выборы же это «общество» должно было производить, собираясь въ особыя избирательныя собранія *по сословіямъ*, изъ коихъ каждое, — а ихъ насчитывалось пять, — избирало изъ своей среды извѣстное число гласныхъ, общее количество которыхъ должно было составить, — не забудемъ, что рѣчь идетъ о Петербургѣ, — не меньше *шести сотъ* человѣкъ, которые распадаются, составляя общую думу, на пять сословныхъ отдѣленій, каждое изъ которыхъ имѣло собираться отдѣльно. Общая дума, такимъ образомъ организованная, должна была избирать изъ своей среды думу распорядительную — для отправленія «распорядительной части подъ вѣдѣніемъ общей думы и *попечительствомъ* правительства». Вопросъ объ отношеніи общественно-городскихъ учрежденій къ правительственнымъ, вопросъ о правительственномъ надзорѣ вообще, «основаніями» по существу остался такъ же мало разрѣшеннымъ, какъ мало разрѣшался онъ и положеніемъ 1785 года. «Основанія» быстро превратились въ цѣлый проектъ, который въ министерствѣ нѣсколько разросся, но въ государственномъ совѣтѣ потерпѣлъ немалыя измѣненія, былъ снова министерствомъ переданъ и, наконецъ, 13 февраля 1846 года, то есть почти черезъ три четверти столѣтія послѣ «жалованной грамоты», появилось новое городовое положеніе, построенное, по увѣренію самихъ создателей его, на началахъ этой грамоты, болѣе развитыхъ и послѣдовательно проведенныхъ.

Это было городовое положеніе только для Петербурга.

Созданный имъ строй общественнаго управленія не былъ безсословнымъ, но онъ былъ *всесословнымъ*. Городское общество, члены котораго пользовались активнымъ и пассивнымъ правомъ избранія, состоитъ по новому положенію изъ совокупности пяти сословій: дворянства потомственнаго, дворянства личнаго, съ почетнымъ гражданствомъ и разночинцами, купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ. Такимъ образомъ, новое положеніе первый разрядъ гражданъ «жалованной грамоты», такъ называемыхъ «настоящихъ городовыхъ обывателей», разбиваетъ на два разряда, дворянъ и разночинцевъ, сюда же относитъ оно и почетныхъ гражданъ — «именитыхъ» грамоты. Члены первыхъ двухъ сословій причисляются къ городскому обществу въ томъ случаѣ, если владѣютъ въ городѣ недвижимостью; послѣднія три сословія входятъ въ составъ этого общества въ силу принадлежности къ тяглу податному [1]).

Въ такомъ составѣ городское общество Петербурга получаетъ по новому городовому положенію права управленія общественно-городскими дѣлами черезъ посредство двухъ учрежденій — общей думы и распорядительной, «съ состоящими при нихъ установленіями и чинами». Общая дума, говоритъ положеніе, представляетъ собою городское общество, «дѣйствуетъ его именемъ, когда законъ требуетъ общественнаго постановленія или приговора». Это учрежденіе организовано закономъ такъ, какъ предлагалось организовать его въ «основаніяхъ»: выборы производятся въ избирательныхъ собраніяхъ *по сословіямъ:* «гласные въ общую думу назначаются *отъ каждаго сословія*», говоритъ положеніе 1846 года; гласные каждаго сословія составляютъ «отдѣленіе» думы. Эта дума выбираетъ изъ своей среды, по отдѣленіямъ, думу распорядительную, которой «принадлежитъ дальнѣйшее исполненіе приговоровъ общей думы, представленіе начальству и прочее». По составу этотъ исполнительный органъ выборный и правительственный вмѣстѣ: кромѣ выборныхъ отъ каждаго изъ отдѣленій общей думы, которыхъ двѣнадцать, въ распорядительную думу входитъ еще такъ называемый «членъ отъ казны».

Въ той и другой думѣ предсѣдательствуетъ городской голова, на которомъ городовое положеніе останавливается уже съ достаточнымъ вниманіемъ. Онъ теперь, по выраженію законодателя, «начальникъ всего общественнаго управленія и главный уполномоченный отъ всего городского общества». Онъ назначается императоромъ изъ двухъ кандидатовъ, избираемыхъ общей думой изъ среды входящихъ въ ея составъ гласныхъ, принадлежащихъ «къ почетнѣйшимъ изъ лицъ дворянства, купцовъ *первой* гильдіи и почетнаго гражданства».

Въ способѣ назначенія городского головы изъ указанной именно среды

---

[1]) Составителямъ проекта *нужно* было доказывать, что введеніе дворянъ въ составъ городского общества не есть какое-либо новшество, а лишь неосуществившееся постановленіе „жалованной грамоты“ о настоящихъ городскихъ обывателяхъ. А. Н. Милютинъ съ этою цѣлью составилъ особую докладную записку „*о возстановленіи* правъ дворянъ на участіе въ общественномъ управленіи Петербурга“, въ которой онъ доказывалъ, что дворянство устранилось отъ участія въ городскомъ управленіи „единственно отъ неточнаго исполненія закона, отъ ложнаго направленія, даннаго этому закону“. Милютинъ усиливается доказать, кромѣ того, что участіе дворянъ въ городскомъ общественномъ управленіи нисколько для нихъ не унизительно. Назв. соч., т. II, стр. 404.

высказывается стремленіе законодателя сдѣлать званіе городского головы Петербурга особенно значительнымъ и важнымъ; это съ одной стороны; съ другой, изъ этого же видно, что законодатель стремится сосредоточить городское управленіе въ рукахъ высшихъ сословій. Это стремленіе въ особенности рельефно высказывается во внутренней организаціи общей думы.

Такъ какъ каждое изъ пяти сословій должно было выбрать отъ ста до ста пятидесяти гласныхъ, то число членовъ общей думы составляло отъ 500 до 750 человѣкъ. Все это количество никогда не обсуждало и не вотировало въ одномъ общемъ засѣданіи [1]). Дѣла обсуждались по отдѣленіямъ въ такомъ порядкѣ: каждое дѣло вносится въ отдѣленія ихъ старшинами, предсѣдателями, въ томъ случаѣ, если оно касается нѣсколькихъ или всѣхъ сословій [2]). Рѣшенное такъ или иначе въ каждомъ изъ отдѣленій дѣло считается рѣшеннымъ общей думой лишь въ томъ случаѣ, если за него получится «большинство по всѣмъ отдѣленіямъ вообще»; но при этомъ самое обсужденіе въ отдѣленіяхъ происходитъ не одновременно, а въ такой послѣдовательности: сначала оно рѣшается въ отдѣленіяхъ такъ называемыхъ «*старшихъ*» (!), т.-е. гласными отъ потомственнаго и личнаго дворянства съ почетными гражданами; рѣшеніе этихъ отдѣленій вносилось въ «младшія» отдѣленія, которымъ предлагалось, не мудрствуя лукаво, принять «единогласно» мнѣніе большинства или меньшинства старшихъ отдѣленій; если такого единогласія не получалось, приступали къ баллотировкѣ этихъ мнѣній и лишь въ томъ случаѣ, если будутъ забаллотированы оба мнѣнія и даже мнѣнія отдѣльныхъ членовъ старшихъ сословій, если таковыя были, приступали къ обычному, самостоятельному обсужденію дѣла.

О какой самостоятельности здѣсь могла быть рѣчь? «Младшіе» всегда шли за «старшими». Кончилось дѣло тѣмъ, что на практикѣ всегда все рѣшалось старшимъ отдѣленіемъ потомственныхъ дворянъ, и уже рѣшеніе этого отдѣленія «передавалось *для подписанія* въ другія» [3]). Такимъ образомъ, дума превратилась въ чисто-сословное учрежденіе.

Въ странныя отношенія поставлены были другъ къ другу столичныя думы по положенію 1846 года: распорядительная дума могла не исполнять рѣшенія общей въ случаѣ простого «разномыслія», даже «несогласія» съ нею. Въ случаѣ такого столкновенія думъ, дѣло разрѣшалось губернаторомъ или генералъ-губернаторомъ.

Что касается предметовъ вѣдѣнія думъ, новое городовое положеніе ничего не измѣнило въ старомъ: законодатель говоритъ, что «предметы», вѣдѣнію распорядительной думы подлежащіе, «суть вообще тѣ самые, которые *въ общемъ порядкѣ* предоставлены думѣ шестигласной» и которые послѣдняя вѣдала во всѣхъ городахъ того времени.

Городовое положеніе остановилось, повидимому, съ нѣкоторымъ вниманіемъ

---

[1]) Только городской голова избирался въ такомъ засѣданіи всѣхъ отдѣленій думы да обсуждались „важнѣйшія общественныя дѣла" по желанію большинства, т.-е. трехъ отдѣленій.

[2]) Если дѣло касается *одного сословія*, то обсуждается только въ одномъ, соотвѣтствующаго сословія, отдѣленіи.

[3]) На это, нѣсколько лѣтъ спустя, указывалъ, какъ видно изъ „Записки управляющаго министер. вн. дѣлъ" объ измѣненіи городоваго положенія, петербургскій военный генералъ-губернаторъ. Наше назв. соч., т. II, стр. 438 и пр.

на вопросѣ о правительственномъ надзорѣ за общественными учрежденіями Петербурга. Оно старалось урегулировать эти отношенія, не измѣняя характера ихъ: надзоръ и теперь оставался по существу «опекой», обязанной зорко слѣдить за каждымъ шагомъ преобразованныхъ учрежденій, дума и теперь — только приходо-расходчикъ въ предѣлахъ закономъ опредѣленныхъ доходовъ и расходовъ. Отношенія общественныхъ учрежденій къ органамъ городской полиціи остались тѣми же.

Шестнадцать лѣтъ дѣйствовало новое городовое положеніе въ Петербургѣ безъ всякихъ измѣненій, о которыхъ, однако, зашла рѣчь сравнительно скоро послѣ введенія его.

Наставала эпоха великихъ преобразованій; старый, отжившій строй не могъ уже удовлетворять потребностямъ городской жизни; съ наступленіемъ всеобщаго оживленія поднимаютъ голову и представители городского населенія. Съ начала 1859 года, съ легкой руки Москвы, министерство внутреннихъ дѣлъ начинаютъ осаждать «ходатайствами» различные города Европейской Россіи о введеніи у нихъ новаго городского управленія. Результатомъ этихъ ходатайствъ было постановленіе, въ концѣ 1861 года, государственнаго совѣта, что «весьма желательно, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ *нынѣ же и безотлагательно* далъ ходъ дѣлу о примѣненіи петербургскаго порядка ко всѣмъ другимъ городамъ имперіи» [1]). Ходъ дѣлу былъ данъ. Оно началось съ измѣненія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ городового положенія 1846 года, примѣненія его, въ измѣненномъ видѣ, въ Москвѣ и Одессѣ и закончилось изданіемъ нынѣ дѣйствующаго городового положенія 1870 года.

Походъ открыло въ 1859 году, какъ это ни странно, дворянство Московской губерніи: оно первое ходатайствовало о введеніи въ Москвѣ петербургскаго городового положенія. Въ Москвѣ былъ учрежденъ особый комитетъ изъ чиновниковъ и представителей дворянства и купечества, подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора; этотъ комитетъ составилъ проектъ городового положенія для Москвы, видоизмѣнивъ петербургское.

А, между тѣмъ, въ Петербургѣ уже шла рѣчь объ измѣненіи положенія 1846 года. Вопросъ о немъ возбужденъ былъ въ томъ же 1859 году петербургскимъ генералъ-губернаторомъ гр. Игнатьевымъ. Мотивы разсмотрѣнія положенія были нѣсколько страннаго свойства и ничего не обѣщали такого, что могло бы повести къ дальнѣйшему развитію началъ общественнаго управленія. Дѣло внесено было въ комитетъ министровъ, который рѣшилъ пересмотрѣть городовое положеніе касательно «двухъ предметовъ»: во-первыхъ, соотвѣтствуютъ ли «начала» положенія 1846 г. «основнымъ правиламъ нашего законодательства, опредѣляющимъ пространство дѣйствія каждаго управленія, связь его въ общемъ кругѣ государственнаго устройства и подчиненности высшимъ властямъ и учрежденіямъ», и, во-вторыхъ, «въ какой мѣрѣ полезно помянутое положеніе для петербургскаго общественнаго управленія». Комитетъ нисколько не усомнился въ пользѣ городового положенія для Петербурга, но въ немъ оказалось, хотя и незначи-

---

[1]) Постановленіе госуд. совѣта департ. экономіи и законовъ отъ 15 дек. 1861 года, № 88. Цитировано въ нашемъ назв. соч., т. I, стр. 503.

тельное, меньшинство, которое нашло въ городовомъ положеніи что-то «противное основнымъ началамъ государственныхъ постановленій или же указанному въ нихъ общему порядку благоустройства».

Въ отвѣтъ на такое заявленіе государственный совѣтъ постановилъ дать ходъ нѣсколькимъ предположеніямъ военнаго генералъ-губернатора, которыя онъ изложилъ въ своей запискѣ. Рѣшено было ограничиться, по указаніямъ этой записки, «измѣненіемъ или дополненіемъ нѣкоторыхъ *частныхъ* правилъ положенія» 1846 года. Эти «частныя» измѣненія состояли въ слѣдующемъ.

Прежде всего, Игнатьевъ предложилъ такъ называемые двухстепенные выборы гласныхъ думы: избиратели, по его предложенію, должны были выбирать не прямо гласныхъ думы, а такъ называемыхъ «выборныхъ», т. е. выборщиковъ, которые уже и избирали бы гласныхъ; во-вторыхъ, онъ находилъ самое число гласныхъ думы, установленное положеніемъ 1846 года, «*существенно вреднымъ* для самыхъ собраній общей думы». «Ни одно государство — говорилъ онъ въ своей запискѣ, доказывая выставленный тезисъ, — не допускаетъ столь широкаго представительства, *даже при конституціонныхъ правленіяхъ*». Вредъ многочисленности думскихъ собраній долженъ былъ отразиться, по мнѣнію генерала, и на основныхъ началахъ русскаго государственнаго строя, съ которымъ вообще начала положенія 1846 года несовмѣстимы. «Столь быстрый и рѣзкій переходъ отъ административной централизаціи *къ представительному самоуправленію*, — писалъ Игнатьевъ, — въ самыхъ широкихъ размѣрахъ допускаемому, *при нынѣшнемъ направленіи умовъ*, можетъ быть существенно вреденъ и *несовмѣстимъ съ коренными началами самодержавнаго правленія*. Съ повсемѣстнымъ предоставленіемъ городамъ имперіи представительнаго самоуправія, не будетъ никакого основанія отказать въ томъ же преимуществѣ всѣмъ другимъ сословіямъ... Но неужели должно, — спрашивалъ генералъ, — симъ *негласнымъ способомъ* водвориться въ государствѣ представительное самоуправіе»? Мы знаемъ, что комитетъ министровъ, большинствомъ голосовъ, снялъ такое странное обвиненіе съ городового положенія. Дѣло ограничилось, согласно собственноручной надписи императора на запискѣ Игнатьева, «о неудобствѣ столь значительнаго числа гласныхъ», сокращеніемъ числа ихъ до 250 человѣкъ. Вотъ существенныя измѣненія въ организаціи общей думы. Кромѣ этого, старшинъ, представителей отдѣленій общей думы, стали избирать не сами отдѣленія, а тѣ выборные, которые выбирали и гласныхъ. Дальше, измѣненъ нѣсколько способъ избранія кандидатовъ въ городскіе головы, сокращенъ срокъ, на который избирался городской голова, съ шести лѣтъ на четыре года. Генералъ Игнатьевъ проектировалъ назначеніе секретаря думы военнымъ генералъ-губернаторомъ; но государственный совѣтъ удержалъ прежній способъ назначенія этого должностного лица: дума избираетъ двухъ кандидатовъ, изъ которыхъ одинъ утверждается военнымъ генералъ-губернаторомъ.

Членовъ распорядительной думы, со времени введенія двухстепенныхъ выборовъ гласныхъ думы, стали избирать уже не отдѣленія общей думы, а тѣ же выборные, которые избирали самихъ членовъ этихъ отдѣленій.

Всѣ эти измѣненія въ городовомъ положеніи Петербурга 1846 года произведены спеціальнымъ закономъ 1862 года.

Комитетъ, составлявшій проектъ городового положенія для Москвы, состоялъ изъ трехъ чиновниковъ и трехъ выборныхъ представителей: дворянства — его уѣздный предводитель, города — городской голова и домовладѣльцевъ — одинъ изъ почетныхъ гражданъ. Фактъ, не менѣе знаменательный, какъ и челобитная дворянъ о введеніи городового положенія 1846 года въ Москвѣ: и въ извѣстныхъ слояхъ общества, и въ сферахъ правительства слагается взглядъ о необходимости участія въ дѣлѣ преобразованія городского управленія представителей самого городского общества. Проектъ комитета быстро прошелъ всѣ инстанціи и въ мартѣ 1862 года былъ утвержденъ императоромъ, а введенъ въ Москвѣ лишь годомъ позже: 10 апрѣля 1863 года.

Въ маѣ 1859 года отъ имени Одессы или, вѣрнѣе, за нее ходатайствовалъ новороссійскій и бессарабскій военный генералъ-губернаторъ графъ Строгановъ; онъ испрашивалъ «высочайшаго соизволенія на дарованіе Одессѣ» новаго городового положенія. Просьбу свою графъ мотивировалъ тѣмъ, что «административная дѣятельность начальства не можетъ *безъ постояннаго участія всего общества* и предоставленія ему первой иниціативы въ дѣлахъ общественнаго управленія изыскивать прочные и наименѣе обременительные для народонаселенія способы къ улучшенію городского хозяйства». Какъ бы съ цѣлью привести наиболѣе убѣдительное доказательство необходимости введенія новаго городового положенія въ Одессѣ, графъ Строгановъ указываетъ не только на города Западной Европы, но даже на Константинополь и другіе города Востока.

Въ отвѣтъ на это ходатайство въ Одессѣ устроенъ былъ въ октябрѣ 1859 г. комитетъ на подобіе московскаго; но этотъ комитетъ не отличался быстротой дѣйствія московскаго: проектъ былъ составленъ имъ лишь въ первой половинѣ 1861 г. Пройдя всѣ инстанціи, проектъ былъ утвержденъ и городовое положеніе приведено въ Одессѣ въ дѣйствіе въ 1863 году.

Положенія Москвы и Одессы ушли нѣсколько впередъ сравнительно съ положеніемъ 1846 года, видоизмѣненнымъ въ 1862 г.

Измѣненія внесены, прежде всего, въ понятіе о составѣ городского общества: московское положеніе, оставляя общество раздѣленнымъ на пять группъ, вводитъ во вторую изъ нихъ «иностранцевъ и другихъ званій лицъ, *не принадлежащихъ къ купеческому и городскимъ податнымъ сословіямъ*». Одесское городовое положеніе уже отказывается вовсе отъ дѣленія городского общества на сословныя группы. Всѣ обыватели Одессы дѣлятся «на три разряда», въ одинъ изъ которыхъ — въ первый — входятъ всѣ, «не записанные въ число мѣстныхъ купцовъ и мѣщанъ, *какого бы званія и происхожденія ни были*», разъ они владѣютъ въ предѣлахъ города недвижимой собственностью извѣстной стоимости.

Избраніе не гласныхъ, а выборныхъ въ Москвѣ производилось пятью сословными собраніями по тридцати пяти человѣкъ отъ каждаго, такъ что число гласныхъ московской думы достигало *ста семидесяти пяти* человѣкъ; въ Одессѣ число гласныхъ, по новому положенію, было *семьдесятъ пять* человѣкъ.

Гласные въ думѣ ни въ Москвѣ, ни въ Одессѣ уже не дѣлятся на сословныя отдѣленія, хотя дѣленіе это по образцу Петербурга и входило въ комитетскіе проекты. Новое положеніе этихъ городовъ въ общей думѣ видитъ «все городское общество», отдѣльные представители котораго и голосовали всѣ вмѣстѣ въ

одномъ общемъ засѣданіи. Такимъ образомъ, сдѣланъ еще одинъ шагъ впередъ по пути развитія безсословности. Въ думѣ исчезаетъ тотъ странный порядокъ обсужденія дѣла, съ которымъ мы познакомились выше и который давалъ такое преимущество представителямъ дворянства въ городскомъ управленіи. На такой шагъ законодатель рѣшился, очевидно, подъ вліяніемъ тѣхъ результатовъ, которые дала петербургская общая дума въ теченіе пятнадцатилѣтняго существованія своего. А результаты эти были вовсе неожиданные въ глазахъ тѣхъ, кто возлагалъ такія надежды на организацію думы по положенію 1846 года. Дворянство отнеслось къ своему праву, или, вѣрнѣе сказать, привилегіи крайне равнодушно, чтобъ не сказать болѣе: уже въ первыя избирательныя собранія при введеніи новаго городового положенія въ 1846 году дворянъ-избирателей перваго класса, потомственныхъ, явилось въ собраніе едва *двадцать восемь* процентовъ, а второго — около тридцати; въ *первое* засѣданіе думы, ея перваго отдѣленія, изъ 120 избранныхъ дворянъ едва явилось около семидесяти человѣкъ; совершенно то же имѣло мѣсто и въ слѣдующее трехлѣтіе. Вообще организація общей думы по положенію 1846 года не сдѣлала изъ нея живого учрежденія: канцелярщина поглотила все и общая дума, если не исчезла съ лица земли, подобно думѣ «жалованной грамоты», то проявляла свою дѣятельность крайне вяло; по свидѣтельству министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 1861 года, она въ теченіе *четырнадцати лѣтъ* собиралась всего семнадцать разъ [1]).

Городовыя положенія Одессы и Москвы признали за думой право иниціативы по отношенію къ созванію ея засѣданій; петербургская дума созывалась «по распоряженію начальства» или, съ 1862 года, «по распоряженію военнаго генерала-губернатора». Въ Москвѣ и Одессѣ число и время засѣданій думы, такъ называемыхъ «обыкновенныхъ», опредѣлены прямо положеніями; самое же «назначеніе» или открытіе засѣданій въ эти сроки поставлено въ зависимость исключительно лишь отъ городского головы, который доводитъ о созваніи засѣданія до свѣдѣнія военнаго генералъ-губернатора, а «чрезвычайныя» или «особыя» засѣданія созываются тѣмъ же порядкомъ, причемъ одесское городовое положеніе постановляетъ, что «чрезвычайное собраніе общей думы можетъ быть созвано по желанію, изъявленному десятью гласными».

Распорядительная дума новыми положеніями значительно измѣнена въ своемъ составѣ: членъ отъ короны не входитъ болѣе въ нее.

Отношенія думъ другъ къ другу измѣнены: въ распорядительную думу передаются приговоры общей, «для надлежащаго съ ея стороны исполненія»; она не можетъ уже не исполнять рѣшенія общей думы, если найдетъ его *несогласнымъ съ своими воззрѣніями*.

Городской голова и по новымъ положеніямъ остается предсѣдателемъ обѣихъ думъ; срокъ службы его устанавливается одинаковый съ срокомъ службы гласныхъ — трехлѣтній.

По отношенію къ предметамъ вѣдомства городского общественнаго управленія положенія Москвы и Одессы не внесли ничего новаго.

Правительственный надзоръ за московскимъ общественнымъ управленіемъ

---

[1]) Наше назв. сочин., т. II, стр. 426 и слѣд.

установлялся слѣдующимъ опредѣленіемъ: кромѣ подчиненія главному начальнику губерніи и сенату, *распорядительная дума* «находится въ *непосредственномъ вѣдѣніи* гражданскаго губернатора»; одесская же дума «состоитъ подъ главнымъ наблюденіемъ генералъ-губернатора и *въ вѣдѣніи градоначальника*». Но за то эта дума въ качествѣ такого мѣстному начальству подчиненнаго учрежденія «возведена на равную степень съ *губернскими* мѣстами», т. е. правительственными, такъ что этимъ яко бы повышеніемъ распорядительная дума выиграла лишь въ рангѣ, въ чинѣ, а никакъ не въ существѣ власти.

По существу надзоръ и теперь носитъ характеръ опеки.

А, между тѣмъ, какъ увидимъ дальше, уже въ правительственныхъ сферахъ начало опеки считали не только несостоятельнымъ началомъ, но даже прямо вреднымъ. Остановиться поэтому на видоизмѣненномъ «городовомъ положеніи» было немыслимо. На немъ и не думали останавливаться: едва были введены новыя городскія учрежденія въ Москвѣ и Одессѣ, какъ закипѣла работа по составленію новаго «городового положенія», общаго для всѣхъ городовъ Россіи.

Мы прослѣдили постановленія «жалованной грамоты» Екатерины въ ихъ измѣненіяхъ и распространеніи только по отношенію къ столицамъ и Одессѣ. Остальные города за весь разсмотрѣнный періодъ времени вѣдались старыми екатерининскими учрежденіями. Но мы видѣли, что въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, вслѣдъ за Москвой и Одессой, бьютъ челомъ въ Петербургъ и другіе города русскіе о дарованіи имъ новыхъ учрежденій; правительство откликнулось на челобитья. Оно само давно сознавало несостоятельность старыхъ городскихъ учрежденій и если ограничивалось реформами лишь въ трехъ городахъ, то только потому, что не находило средствъ приступить къ реформѣ въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ законодательнымъ работамъ надъ новымъ, общимъ «городовымъ положеніемъ», остановимся нѣсколько на тѣхъ формахъ, въ какія вылились повсюду начала общественнаго «городского управленія» «жалованной грамоты» въ жизни, въ какихъ они дѣйствовали повсюду до семидесятыхъ годовъ.

Мы уже видѣли, что еще въ первой четверти нашего столѣтія правительство озабочено состояніемъ общественно-городского управленія и принимаетъ не только рядъ отдѣльныхъ мѣръ, но и приступаетъ къ составленію новаго городового положенія. Въ чемъ же дѣло? Что сталось съ городовыми учрежденіями 1785 г.? Что дѣлали они по отношенію къ городскому хозяйству и управленію?

Отвѣтомъ намъ послужатъ нѣсколько фактовъ изъ исторіи городского общественнаго управленія за шестьдесятъ лѣтъ его существованія въ настоящемъ столѣтіи.

Матеріаломъ для этого намъ послужатъ исключительно оффиціальныя данныя: донесенія ревизоровъ, губернаторовъ и архивныя дѣла [1]).

Еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ правительствомъ обращено было вни-

---

[1]) Всѣ факты мы беремъ въ дальнѣйшемъ изложеніи изъ нашего названнаго сочиненія, т. II, кн. I, отд. II, гл. I, стр. 242—302, и нѣкоторыхъ архивныхъ дѣлъ петербургской думы.

маніе на фактъ «уклоненія» городскихъ сословій отъ выборной общественной службы и поставленъ для законодательнаго рѣшенія вопросъ о «возбужденіи» въ гражданахъ «желанія заниматься служеніемъ». Дѣлами городскихъ обществъ, по донесенію казанскаго губернатора отъ 1842 года, благодаря «*несвѣдущимъ* въ дѣлѣ управленія» членамъ думъ, завѣдуютъ секретари и дѣлопроизводители, которымъ «несвѣдущіе» граждане щедро за это платятъ.

Граждане въ высшей степени послѣдовательно проводили свое отрицательное отношеніе къ общественному управленію. Чиновники-ревизоры начала сороковыхъ годовъ указываютъ какъ на всеобщее явленіе, что на самыя избирательныя собранія являлись избиратели едва-едва въ размѣрѣ одной десятой всего количества ихъ; въ Петербургѣ, наприм., по изслѣдованію министерства, изъ десяти тысячъ избирателей на выборы являлось четыреста, много пятьсотъ, а девятьсотъ человѣкъ, какъ-то явившіеся на выборы, составляли рѣдкое исключеніе. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Игнатьевъ, ревизовавшій московское общественное управленіе въ сороковыхъ годахъ, доносилъ, что въ этомъ городѣ обыкновенно на избирательныя собранія являлось не болѣе полупроцента избирателей-мѣщанъ и двухъ съ половиною процентовъ купцовъ. При самыхъ выборахъ эта горсть избирателей не соблюдала никакихъ правилъ. Въ самомъ Петербургѣ, по свидѣтельству ревизоровъ, не составлялось никакихъ избирательныхъ списковъ, къ участію въ нихъ допускался «всякій по произволу» и вообще повсюду въ этомъ дѣлѣ царили полный хаосъ и произволъ. Составлять избирательные списки едва ли была даже какая-либо возможность: городовая обывательская книга не велась нигдѣ, «ни въ одномъ изъ городовъ имперіи», или вовсе, или хотя бы въ сколько-нибудь сносномъ порядкѣ. Мы имѣемъ въ архивныхъ дѣлахъ петербургской думы свидѣтельства, что въ первые годы царствованія Александра I обывательская книга была составлена лишь въ одной, двухъ частяхъ ея изъ шести, да и то совсѣмъ неудовлетворительно; а въ сороковыхъ годахъ изслѣдовавшіе городское управленіе Петербурга докладывали, что составленіе обывательской книги и въ это время было невозможно, такъ какъ къ веденію ея «не было никакихъ способовъ». Самое депутатское собраніе, на которомъ лежала обязанность составленія этой книги, существовало только «нарицательно».

Отсюда уже можно догадаться, кто выбирался въ главныя и другія общественныя должности. Изъ донесенія, напримѣръ, минскаго губернатора видно, что, случалось, баллотировались несовершеннолѣтніе, неосѣдлые въ городѣ, опороченные судомъ и т. п. [1]). Въ 1856 году въ одномъ изъ губернскихъ городовъ въ головы избрано было лицо, состоявшее дважды подъ судомъ: разъ за безпорядки, допущенные въ думѣ, другой — за подлоги при торгахъ; а нѣсколько раньше въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Ярославской губерніи избрано было въ городскіе головы лицо, даже въ моментъ избранія состоявшее подъ судомъ за цѣлый рядъ самыхъ неблаговидныхъ дѣяній. О гласныхъ чиновники-ревизоры огуломъ заявляютъ, что это все «люди темные, безотвѣтные», зачас-

---

[1]) Въ Минскѣ при городскихъ выборахъ практиковалось нѣчто въ родѣ избирательныхъ списковъ, въ которые вносились всѣ желающіе выбираться. Вотъ въ эти-то списки и попадали лица указаннаго въ текстѣ характера.

стую не могшіе «дать сколько-нибудь толковаго отвѣта» и, ко всему этому, сильно шаткіе въ дѣлахъ совѣсти: передержки, хищенія, темныя сдѣлки съ мелкими мѣстными властями — сплошное явленіе.

Ко всему этому нужно прибавить, что по городамъ вездѣ по разслѣдованіи оказались однѣ думы шестигласныя, — общія съ лица земли исчезли. Цѣлое учрежденіе таетъ въ высшей степени скоро послѣ его введенія, таетъ незамѣтно для правительства, *существуя по закону*. И это не сказка, а фактъ, засвидѣтельствованный въ шестидесятыхъ годахъ самимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ 1867 году въ одномъ изъ циркуляровъ министерства говорилось, что «въ нѣкоторыхъ городахъ», гдѣ, *на основаніи дѣйствующихъ постановленій*, управленіе «принадлежитъ городскимъ думамъ», оно обрѣтается въ рукахъ полиціи, такъ какъ въ городахъ этихъ ни думъ, ни вообще выборныхъ органовъ не существуетъ. Но это уже крайность: здѣсь все исчезло, хотя все и считается существующимъ «по дѣйствующимъ постановленіямъ». Другіе города такъ далеко не зашли; въ нихъ исчезла только общая дума. Она исчезла даже въ столицахъ. Въ 1844 году Милютинъ не нашелъ этого учрежденія ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, и немудрено, — его не было тамъ гораздо раньше: еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ городской голова Москвы, давая свое мнѣніе на проектъ новаго городоваго положенія, въ то время составленный, прежде всего, указываетъ на необходимость «возстановить общую думу», которая въ его время «вовсе не существуетъ». Нѣтъ думы въ столицѣ, нѣтъ ея и нигдѣ. Этотъ фактъ категорически и утверждаетъ Милютинъ въ своей докладной запискѣ о состояніи городскаго общественнаго управленія.

Куда же дѣвалось это учрежденіе, что сталось съ гласными, его составлявшими? Гласные не пропали; они выбирались на избирательныхъ собраніяхъ вмѣстѣ съ членами шестигласной думы, но не составляли учрежденія, а находили себѣ примѣненіе въ одиночку, если можно такъ выразиться. На это, по крайней мѣрѣ, указываетъ исторія общественнаго управленія Петербурга. При ревизіи общественныхъ учрежденій этого города, гласные общей думы, очевидно, не имѣющіе о ней никакого представленія, оказались въ слѣдующемъ положеніи: *въ распоряженіи* шестигласной думы, говоритъ гражданскій губернаторъ, производившій ревизію, «состоитъ тридцать восемь гласныхъ, избираемыхъ изъ купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ на три года *для составленія общей городской думы*». Что это значитъ? А вотъ что: избираемые «для составленія общей думы» ее вовсе не составляли, а обрѣтались, какъ отдѣльныя лица, при шестигласной думѣ, для отправленія различнаго рода обязанностей по ея указанію, какъ лица, ей подчиненныя. Шестигласная дума однихъ назначала къ такому дѣлу, какъ сборъ такъ называемыхъ полупроцентныхъ денегъ въ пользу города; другихъ — къ сбору съ судовъ при проходѣ ихъ черезъ разведенные мосты; третьихъ — для оцѣнки недвижимаго имущества; четвертыхъ — къ надзору за городскими амбарами; наконецъ, пятыхъ — «для смотрѣнія за домомъ военнаго генералъ-губернатора». Въ такое положеніе попали *представители* «градскаго общества», по закону избиравшіе изъ своей среды ту самую шестигласную думу, которая по закону же должна быть подчинена имъ въ ихъ совокупности.

Такъ называемое депутатское собраніе, мы уже видѣли, существовало

только нарицательно. Въ дѣйствительности оставались лишь шестигласная дума и ея предсѣдатель — городской голова, да кое-какіе мелкіе исполнительные органы въ родѣ выборныхъ органовъ торговой полиціи.

Но и эти учрежденія и органы если и существовали, то едва ли вѣдали то, что имъ поручалось, едва ли шли къ тѣмъ цѣлямъ, которыя имъ ставились «жалованной грамотой»; во всякомъ случаѣ они не дали въ дѣлѣ городского управленія и хозяйства того, что ожидалъ отъ нихъ законодатель.

«Нераспорядительность, неправильность и медленность дѣлопроизводства, упущенія въ счетной части», — вотъ отзывъ ревизоровъ о дѣятельности шестигласной думы. И дѣйствительно, дума не могла управиться, какъ того хотѣло начальство, и съ одною возложенною на нее обязанностью приходо-расходчика; стоитъ обратиться къ дѣятельности шестигласной думы того же Петербурга, чтобъ убѣдиться въ этомъ.

Можно сказать, что исключительнымъ предметомъ заботъ правительства по отношенію къ петербургскому городскому хозяйству и управленію въ теченіе цѣлыхъ сорока пяти лѣтъ была такъ называемая «роспись» городскихъ доходовъ и расходовъ. Въ первые годы существованія возстановленныхъ Александромъ I городскихъ учрежденій, можно сказать, никакой росписи не существовало вовсе; въ 1803 году впервые правительство составило «балансъ» городскихъ доходовъ и расходовъ въ видѣ образца для городской шестигласной думы [1]). Съ тѣхъ поръ до самаго введенія городового положенія 1846 года этотъ образецъ измѣнялся по формѣ не одинъ разъ и, все-таки, не могли добиться хоть какой-нибудь полноты и ясности въ городскомъ бюджетѣ: ни доходы, ни тѣмъ паче расходы никогда не были достаточно извѣстны ни самой думѣ, ни «высшему начальству».

Если таково положеніе дѣлъ было въ той столицѣ, гдѣ городское управленіе подъ ближайшимъ надзоромъ «высшаго правительства», гдѣ оно служило предметомъ особыхъ заботъ со стороны послѣдняго, что же представляла собою эта сторона дѣла въ провинціальныхъ городахъ? Тамъ — хаосъ въ городскомъ хозяйствѣ полный: росписи или смѣты составляются лишь «ради начальства», въ нихъ вносятся расходы не произведенные, доходы не поступившіе и, наоборотъ, не вносится вовсе израсходованное или въ доходъ поступившее. Изъ года въ годъ росписи составлялись, такъ сказать, слово въ слово: при сличеніи ихъ оказывалось, что изъ года въ годъ вносились однѣ и тѣ же цифры доходовъ и расходовъ, копѣйка въ копѣйку, и это — на разстояніи многихъ лѣтъ.

Дѣлопроизводство въ думѣ и ея канцеляріи велось до невѣроятности неряшливо: ревизоры переполняютъ свои донесенія указаніями на упущенія и злоупотребленія въ этой области; протоколовъ засѣданіямъ не велось, «журналовъ» не имѣлось, различныя канцелярскія книги обрѣтались въ невозможномъ безпорядкѣ; все зависѣло отъ усмотрѣнія секретаря, порой «лѣниваго, пьянаго и безтолковаго», по выраженію одного изъ ревизоровъ, а чаще всего «недобросовѣстнаго». Члены думы на всѣ разспросы о безпорядкахъ часто отвѣчали, что они «люди темные», подписываютъ бумаги, которыхъ понять не могутъ. А если

[1]) Онъ помѣщенъ въ *Полн. собр. зак.* за 1803 г.

въ большихъ городахъ, напр., столицахъ, и входили въ составъ шестигласныхъ думъ люди, которые понять могли, то и они сдѣлать что-либо или не могли, или не хотѣли. Гражданскій губернаторъ, ревизовавшій шестигласную думу Петербурга въ 1843 году, доносилъ, что «опредѣленнаго закономъ полнаго присутствія думы не существуетъ, что члены ея ежедневно внѣ присутствія» исполняютъ «различныя порученія начальства», и если когда появляются въ думу, то лишь для подписанія бумагъ, не читая ихъ; такимъ образомъ, заключалъ свое донесеніе губернаторъ, «полное разрушеніе всякой подчиненности со стороны секретаря и канцеляріи», — другими словами, дума ничто, секретарь въ канцеляріи все.

Этотъ же ревизоръ-губернаторъ называетъ петербургскую думу «образцомъ медленности, упущеній, запутанности, безпорядковъ и злоупотребленій». По этому можно судить о положеніи дѣлъ въ остальныхъ городахъ Россіи.

Все это должно было поражать законодателя: мы видѣли, какой надзоръ или, вѣрнѣе, какая опека установлена была имъ надъ городскими учрежденіями уже по самой грамотѣ. И эта опека все росла, отчетность думъ въ приходо-расходованіи все усложнялась и усиливалась. Дума превратилась въ приходо-расходчика: ея роль исчерпывалась сборомъ доходовъ и выдачей денегъ на расходы другимъ, вовсе не выборнымъ, а чисто правительственнымъ учрежденіямъ, и веденіемъ книгъ приходо-расходныхъ. Вся активная дѣятельность по городскому управленію и хозяйству очень скоро перешла въ руки различныхъ правительственныхъ учрежденій, создававшихся ad hoc, какъ средство упорядочить ту или другую сторону городского хозяйства.

Несмотря на то, что павловскія правительственныя учрежденія, смѣнившія въ Петербургѣ думу, ровно ни къ чему не привели [1], тѣмъ не менѣе, императоръ Александръ, вслѣдъ за возстановленіемъ екатерининскихъ городскихъ учрежденій, найдя злоупотребленія въ распредѣленіи постойной повинности, которою должна завѣдывать дума шестигласная, вводитъ, для завѣдыванія этимъ дѣломъ, сначала въ Петербургѣ, въ Москвѣ, а потомъ и во всѣхъ городахъ, особое учрежденіе — «комитетъ для уравненія городскихъ повинностей». Комитетъ этотъ составляется изъ правительственныхъ чиновниковъ и выборныхъ «отъ дворянъ и купечества». Компетенція комитета быстро растетъ: нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его учрежденія ему поручается уже «привести въ извѣстность *всѣ городскіе расходы* и личныя повинности», а, вмѣстѣ, «уравненіе въ нихъ обывателей по роду состоянія и жительству». Понятіе о расходахъ и повинностяхъ — понятіе широкое; кончилось тѣмъ, что комитетъ вѣдалъ: освѣщеніе улицъ, содержаніе мостовыхъ, пожарную команду; въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, онъ вѣдаетъ и вообще городъ по отношенію къ его «благоустройству».

Этого комитета оказалось недостаточно: съ 1820 года появляется цѣлый рядъ новыхъ. Въ этомъ году въ обѣихъ столицахъ учреждены были спеціальные

---

[1]) Ее замѣнили „коммиссіи о снабженіи припасами, распорядкомъ квартиръ и прочихъ частей, до полиціи принадлежащихъ"; въ ней предсѣдательствовалъ цесаревичъ Александръ Павловичъ, а членами въ ней были генералъ-прокуроръ Куракинъ и генералъ-лейтенантъ гр. Буксгевденъ; подъ ея вѣдѣніемъ дѣйствовалъ ратгаузъ, въ составъ котораго входило нѣсколько человѣкъ выборныхъ. Наше назв. соч., т. II, стр. 118 и сл.

комитеты для лучшаго устройства доходовъ и расходовъ города и для изысканія средствъ къ уплатѣ городскихъ долговъ. Въ составъ этихъ комитетовъ въ Петербургѣ входятъ два купца, а въ Москвѣ — двое отъ дворянъ и двое отъ купечества; въ обоихъ присутствуетъ и городской голова; выбирались эти представители города военнымъ генералъ-губернаторомъ «по собственному усмотрѣнію» [1].

При императорѣ Николаѣ комитеты и коммиссіи всякаго рода появляются одни за другими, дополняя или смѣняя другъ друга и постоянно отбирая у думы всѣ функціи, возложенныя на нее «жалованными грамотами». Дума остается именно, какъ мы сказали, простымъ приходо-расходчикомъ, удовлетворявшимъ требованіямъ всѣхъ этихъ комитетовъ и коммиссій, не получая отъ нихъ никакого отчета, хотя и имѣя на то право по закону. Они не высылали ей даже во-время ни росписи произведенныхъ расходовъ, ни смѣты будущихъ и тѣмъ ставили думу въ безвыходное положеніе: еслибъ даже ея секретарь и захотѣлъ быть аккуратнымъ, т.-е. во-время составлять «роспись» и сдавать отчетность, онъ по указаннымъ причинамъ не могъ этого сдѣлать.

Припомнимъ, что члены думы, по свидѣтельству одного изъ ревизоровъ, обрѣтались «въ личномъ распоряженіи начальства», которое относилось къ нимъ, мало сказать небрежно — просто сурово, какъ къ низшимъ подчиненнымъ. Мы могли бы привести въ доказательство этого положенія массу фактовъ, засвидѣтельствованныхъ архивными документами; но мы ограничимся однимъ, двумя и, притомъ, изъ исторіи петербургскаго общественнаго управленія: по нимъ можно судить о томъ, въ какомъ положеніи могли находиться, при извѣстныхъ условіяхъ, представители общественнаго управленія въ другихъ городахъ.

Въ дѣлахъ архива петербургской думы подъ 1815 годомъ мы нашли два, въ данномъ случаѣ для насъ очень интересные документа; это жалобы въ думу двухъ «гласныхъ, при ней состоящихъ» [2]. Одинъ жалуется, что, состоя «у сбора полупроцентныхъ денегъ», былъ «*отряженъ приставомъ*» одной изъ полицейскихъ частей Петербурга секвестровать домъ одного изъ обывателей за невзносъ процентнаго сбора; исполнивъ порученіе, гласный, по болѣзни и благодаря двумъ праздничнымъ днямъ, явился къ приставу три дня спустя по исполненіи возложеннаго на него порученія. Приставъ, «отобравъ у гласнаго книги и не принявъ никакого отъ него оправданія», отправилъ представителя «градскаго» петербургскаго управленія за *карауломъ* при рапортѣ къ оберъ-полицеймейстеру, гдѣ полуслѣпаго, дряхлаго старика, очень почтеннаго оптоваго торговца хлѣбомъ, продержали четыре дня подъ арестомъ. Замѣчательно, что оскорбленный представитель общества проситъ думу лишь объ одномъ — освободить его, «за старостью лѣтъ, слабымъ зрѣніемъ и худымъ знаніемъ грамоты», отъ тяжелой общественной службы или, скорѣе, повинности. Не знаемъ, сдѣлала ли это дума, но она подала военному генералъ-губернатору рапортъ, въ которомъ указала, что гласный — человѣкъ, заслужившій довѣріе общества и ни въ чемъ не замѣченный при отправленіи своихъ должностей. Отвѣтъ былъ

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 134—142.

[2]) Здѣсь рѣчь идетъ, очевидно, о гласныхъ общей думы, находящихся за ея отсутствіемъ при шестигласной думѣ.

полученъ такой: подъ арестомъ гласный будто бы не былъ, а лишь представленъ частнымъ приставомъ къ оберъ-полицеймейстеру; однако, заявлено, что впредь взысканія съ гласныхъ будутъ производимы съ разрѣшенія генералъ-губернатора.

Другой случай нѣсколько иного характера: столкновеніе съ полиціей произошло не «по дѣламъ службы». Двое купцовъ, оба гласные, поссорились изъ-за торговой сдѣлки, опять крупные торговцы хлѣбомъ; одинъ на другаго жаловался оберъ-полицеймейстеру, который отправилъ жалобу къ частному приставу по мѣсту жительства отвѣтчика, а приставъ приказалъ привести къ себѣ купца въ качествѣ арестанта «во время шедшаго народа съ биржи, — жалуется купецъ, — подъ прикрытіемъ вооруженныхъ солдатъ со штыками въ ружьяхъ, яко какого-либо великаго преступника». Этотъ гласный оказался требовательнѣе перваго и проситъ думу довести о случившемся съ нимъ до свѣдѣнія «вышняго начальства». Послѣднее въ лицѣ военнаго генералъ-губернатора заявило думѣ, что обиженный препровожденъ былъ по городу, «яко какой-либо великій преступникъ», лишь «по неосторожности дежурнаго, бывшаго на съѣжемъ дворѣ, за что сему дежурному сдѣланъ выговоръ» [1]).

Тѣмъ дѣло и кончилось.

Нѣсколько большимъ внѣшнимъ уваженіемъ пользовался городской голова; но по существу и онъ имѣлъ не особенно большое значеніе: въ 1851 году харьковскій городской голова былъ уволенъ отъ должности «безъ объясненія причинъ» генералъ-губернаторомъ, который объяснилъ сенату, что голова собиралъ въ городѣ подписи подъ прошеніе объ отмѣнѣ перевода оптовой торговли съ одного мѣста въ городѣ на другое. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе генералъ-губернатора, но сей послѣдній выслалъ голову изъ города административнымъ порядкомъ [2]).

Въ правительственной опекѣ видѣли тормазъ развитію общественно-городскаго управленія и представители высшаго правительства, начиная съ сороковыхъ годовъ. Въ ней, этой опекѣ, видѣли они причину отсутствія всякой самостоятельности въ выборныхъ общества; она сдѣлала, по словамъ сенатора, ревизовавшаго въ пятидесятыхъ годахъ городскія учрежденія, изъ представителей городскаго управленія покорныхъ слугъ начальства. «Городской голова и члены думы полагаютъ, — говорилъ сенаторъ Сафоновъ, — главною, единственною обязанностью какъ можно скорѣе исполнять всѣ требованія начальства, не понимая или не смѣя понимать, что они... имѣютъ не менѣе важныя обязанности заботиться о нуждахъ и пользахъ города и быть ходатаями въ этомъ передъ начальствомъ». Благодаря этому, по словамъ автора оффиціальной записки о состояніи городскаго управленія Москвы, «дума обратилась въ какую-то канцелярію, исполняющую всѣ предписанія и требованія, ни мало не заботясь о соблюденіи городскаго интереса».

[1]) Невольно вспоминается разсказъ извѣстнаго ученаго крестьянина прошлаго вѣка, Крестинина, въ его исторіи Архангельска о томъ, какъ авторъ своими глазами видѣлъ, какъ по улицамъ города водили выборныхъ городскихъ въ цѣпяхъ и за карауломъ для сбора съ жителей недоимокъ.

[2]) Любопытно, что голова въ своей жалобѣ сенату указываетъ, что отъ прежняго губернатора онъ получилъ „письменную благодарность“.

Гораздо прямѣе и рѣзче высказалъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ свой взглядъ на значеніе правительственной опеки для общественнаго городскаго управленія минскій губернаторъ, который видѣлъ въ ней если не единственный, то главнѣйшій тормазъ развитію этого управленія. «Слишкомъ *заботливая опека правительства*, — писалъ онъ въ своемъ мнѣніи о существовавшихъ городскихъ учрежденіяхъ, — столь тягостная для него самаго (какъ плодящая массы переписки) и *вредная для гражданственности* на разумныхъ началахъ, *должна прекратиться*».

Высшее правительство, очевидно, въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ держалось того же взгляда на дѣло, какъ и его органы. Отвѣтомъ на вопросъ о значеніи правительственной опеки послужили новыя законодательныя работы по созданію городоваго положенія, общаго для всѣхъ городовъ Россіи.

На этотъ разъ дѣло поставлено на широкую ногу. Въ исключительно канцелярскій способъ, очевидно, извѣрились; къ участію въ выработкѣ проекта положенія приглашены были представители городскаго населенія въ лицѣ особыхъ, мѣстныхъ городскихъ коммиссій. Когда въ 1862 году высочайше повелѣно было «безотлагательно приступить къ улучшенію общественнаго управленія во всѣхъ городахъ имперіи», то самый приступъ къ этому громадному дѣлу начался съ обращенія министерства внутреннихъ дѣлъ къ содѣйствію именно самого городскаго общества. Рѣшивъ предварительно ознакомиться «съ мѣстными особенностями» городовъ, тогдашній министръ статсъ-секретарь Валуевъ призналъ нужнымъ «учредить въ губернскихъ и другихъ городахъ, гдѣ окажется то удобнымъ и возможнымъ, и особыя коммиссіи изъ наиболѣе опытныхъ и свѣдущихъ лицъ — депутатовъ *отъ всѣхъ сословій* города, владѣющихъ въ немъ недвижимой собственностью». Отъ этихъ-то коммиссій, устроенныхъ по примѣру извѣстныхъ мѣстныхъ депутатскихъ собраній по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, и желали, во-первыхъ, получить свѣдѣнія о мѣстныхъ особенностяхъ, а, во-вторыхъ, чрезъ ихъ посредство хотѣли привлечь городское общество «къ болѣе заботливому участію *въ собственныхъ дѣлахъ* своихъ... къ попеченію о собственныхъ интересахъ и нуждахъ».

Разославъ въ коммиссіи программу или, вѣрнѣе, рядъ вопросовъ, по которымъ министерство хотѣло получить «мнѣнія» представителей городскихъ обществъ, оно постаралось поставить ихъ по отношенію къ мѣстнымъ представителямъ власти въ возможно независимое положеніе [1]).

Въ руководствѣ, разосланномъ по всѣмъ мѣстнымъ коммиссіямъ, министерство обращалось къ «обществу» съ воззваніемъ дать «отвѣты возможно обстоятельнѣе и обдуманнѣе», отказаться отъ «равнодушія и небрежности», которыя «могутъ отразиться на самомъ же обществѣ неблагопріятными послѣдствіями».

---

[1]) Въ министерскомъ циркулярѣ, изданномъ на имя губернаторовъ, предписывается выслать мнѣніе коммиссіи въ министерство непремѣнно въ *подлинникѣ*. Циркуляръ послѣдовалъ въ отвѣтъ на запросы начальниковъ нѣкоторыхъ губерній о томъ, „слѣдуетъ ли отвѣтъ коммиссіи выслать въ подлинникѣ или *исправивъ* и *дополнивъ* въ чемъ признано будетъ нужнымъ“.

Министерство обратилось къ представителямъ общества не напрасно, его воззванія упали на почву не каменистую: коммиссіи въ количествѣ болѣе пятисотъ быстро представили свои мнѣнія, исполнивъ возложенную на нихъ задачу несомнѣнно «обдуманно и обстоятельно». Министерство нашло во «мнѣніяхъ» коммиссій отвѣты на всѣ поставленные имъ вопросы.

Мнѣнія коммиссій представляютъ собою нѣчто крайне любопытное и интересное: въ нихъ — матеріалъ для ознакомленія со взглядами представителей самого городскаго общества на различные отдѣльные вопросы общественнаго управленія; этого достаточно, чтобы оцѣнить по достоинству отвѣты коммиссій.

Въ этихъ отвѣтахъ мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго тѣмъ воплямъ двухъ представителей московскаго или петербургскаго купечества, которые раздались почти за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ по поводу городоваго положенія 1846 года. Мы не имѣемъ возможности [1]) познакомить здѣсь съ этими мнѣніями сколько-нибудь подробно и ограничимся лишь общей характеристикой ихъ въ нѣсколькихъ словахъ. Прежде всего, четыре пятыхъ общаго числа коммиссій высказалось за введеніе въ составъ городскаго общества *всѣхъ сословій* городскаго населенія, не выключая лицъ духовнаго званія. При этомъ нѣкоторыми коммиссіями имѣлось въ виду такимъ путемъ ввести въ составъ городскаго общества элементъ образованности и просвѣщенія, — качествъ, которыя, по ихъ мнѣнію, «не могутъ не оказать благотворнаго вліянія» на состояніе городскаго управленія. Иныя изъ коммиссій въ поискахъ за представителями образованія указывали на необходимость дать обществу право «принимать въ свою среду лицъ, оказавшихъ особенныя услуги обществу наукой, искусствомъ», даже и въ томъ случаѣ, «если они вовсе никакой собственностью недвижимой не владѣютъ»; другія предлагали ввести въ составъ городскаго общества лицъ, «кончившихъ курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ», при условіи двухлѣтняго пребыванія въ городѣ.

Меньшинство коммиссій, вводя въ составъ общества всѣ сословія, отказывались отъ всякаго дѣленія его на сословныя группы при выборахъ и организаціи самыхъ учрежденій; они разсуждали такъ: во-первыхъ, въ большинствѣ городовъ преобладаетъ одно сословіе — мѣщанское, а, во-вторыхъ, всякое раздѣленіе на сословія должно отразиться вредно на городскомъ управленіи. «Городскіе обыватели, — говорили они, — должны слиться въ одно нераздѣльное общество, девизомъ котораго пусть будетъ одно желаніе — благо, развитіе и преуспѣяніе города во всѣхъ отношеніяхъ», нѣтъ такого слиянія — въ городскомъ обществѣ будутъ царить «антагонизмъ и разобщенность». Путемъ устраненія раздѣленія общества на сословныя группы нѣкоторыя коммиссіи надѣялись ввести «людей образованныхъ и добросовѣстныхъ», которыхъ такъ усердно старались привлечь къ дѣлу всѣ почти мѣстныя коммиссіи.

Не можемъ воздержаться, чтобы не привести здѣсь нѣсколько словъ изъ рѣчи какого-то «разночинца» Подобѣдова, произнесенной имъ, въ качествѣ члена

---

[1]) Интересующихся отсылаемъ къ очерку, помѣщенному вслѣдъ за этой статьей.

могилевской коммиссіи по данному вопросу [1]). Указавъ, что «въ житейской практикѣ» вообще сословныя дѣленія не имѣютъ мѣста, членъ коммиссіи такъ развивалъ свою мысль: привилегіи дворянства не имѣютъ уже прежняго своего значенія, такъ какъ *богатство и образованіе* даютъ больше правъ, чѣмъ привилегіи; «въ жизни, — говорилъ Подобѣдовъ, — можно одинаково безнаказанно нанести обиду и даже побои бѣдному дворянину, чиновнику и мѣщанину... Совѣстно даже думать, не только говорить, о различіи званій и правъ, особенно по отношенію къ благоустройству городскаго самоуправленія: неужели можно допустить, чтобъ одно сословіе устраивало городъ, а другое его разоряло или чтобъ одно сословіе несло болѣе тягостей на общую пользу, а другое менѣе»? Отсюда, по мнѣнію представителя Могилева, единственно «справедливымъ и практичнымъ» будетъ принятъ за основное начало общественнаго благоустройства *единство интересовъ* и дѣлить городское общество для производства выборовъ не по сословіямъ, а по кварталамъ города.

Около сорока коммиссій высказались за уничтоженіе всякаго имущественнаго ценза для участія горожанъ въ избирательныхъ собраніяхъ, исходя изъ той мысли, что «есть люди, которые не получаютъ дохода съ своего имущества и живутъ единственно своими трудами, *но по своимъ нравственнымъ качествамъ* и исправному платежу податей и повинностей болѣе другихъ достойны участвовать въ выборахъ». Нѣсколько десятковъ коммиссій, исходя изъ той же мысли, ограничивали имущественный цензъ обладаніемъ «самостоятельнымъ хозяйствомъ» какихъ бы то ни было размѣровъ. Наконецъ, коммиссіи, стоявшія за болѣе или менѣе имущественный цензъ, признавали, однако, необходимымъ даровать право активнаго избранія тѣмъ изъ лицъ, не обладающимъ имущественнымъ цензомъ, которыя извѣстны обществу по своимъ личнымъ качествамъ, преданности общественнымъ интересамъ. «Умъ и знаніе, — говорилось въ «мнѣніи» одной изъ коммиссій, — такой же капиталъ, а часто и важнѣе его». Не могли эти коммиссіи помириться также и съ тѣмъ, чтобы масса гражданъ, не удовлетворяющая условіямъ ценза, оставалась безъ представителя въ городскомъ управленіи; съ цѣлью устранить такое явленіе, они предлагали предоставить нѣсколькимъ лицамъ, соединенное имущество которыхъ составляетъ величину требуемаго ценза, право избирать отъ себя одного «выборщика», который въ избирательномъ собраніи имѣлъ бы голосъ наравнѣ съ остальными избирателями.

По отношенію къ выборнымъ, т.-е. представителямъ городскаго общества, имѣющимъ вѣдать городское хозяйство и управленіе, очень многія коммиссіи точно также настаиваютъ, главнымъ образомъ, на условіяхъ нравственнаго ценза: грамотность ставится необходимымъ условіемъ вообще, а для городскаго головы требуется «достаточное образованіе», хотя бы въ размѣрахъ курса уѣзднаго училища.

Многія коммиссіи вообще высказали, по вопросу объ ограниченіи активнаго и пассивнаго правъ избранія, мысль, что въ виду зависимости успѣха общественнаго управленія отъ сочувствія къ нему общества, въ виду необходимости ввѣрить это управленіе лучшимъ изъ среды общества, этому послѣднему слѣдуетъ

[1]) Эта рѣчь in extenso приведена чиновниками министерства въ составленномъ ими „сводѣ“ мнѣній городскихъ коммиссій.

дать «полную возможность выбирать лицъ вполнѣ достойныхъ и благонадежныхъ», а потому не слѣдуетъ стѣснять этого общества въ выборѣ своихъ уполномоченныхъ какими-либо особыми затрудненіями; «слѣдуетъ вообще предоставить безусловному усмотрѣнію самого общества» этотъ выборъ.

Остановившись на вопросѣ о составѣ такъ называемой распорядительной думы, коммиссіи высказались противъ введенія въ него «члена отъ короны», по поводу котораго одна изъ коммиссій высказалась, что считаетъ его «не только лишнимъ въ думѣ, но и положительно вреднымъ» [1]).

Не остановились коммиссіи и передъ тѣмъ, чтобы честно и ясно отвѣтить на поставленный имъ вопросъ «объ отношеніи городскихъ учрежденій къ губернскому и высшему начальству». По свидѣтельству чиновниковъ министерства, составителей свода мнѣній коммиссій, эти послѣднія «всѣ единогласно» полную несостоятельность существовавшихъ въ ихъ время городскихъ учрежденій приписываютъ «отсутствію самостоятельности ихъ во всѣхъ главнѣйшихъ дѣйствіяхъ по городскому хозяйству и благоустройству». Этого мало: такой взглядъ на самостоятельность городскихъ общественныхъ учрежденій проглядываетъ, по увѣренію тѣхъ же составителей свода, «всюду, гдѣ только представляется къ тому средство и возможность».

Коммиссіи высказали свое мнѣніе толково, съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла, не только по вышеуказаннымъ вопросамъ, но и по всѣмъ остальнымъ. При этомъ коммиссіи отнюдь не ограничивались простымъ заявленіемъ своихъ мнѣній, въ видѣ общихъ положеній: каждое изъ нихъ подкрѣплено различнаго рода соображеніями, чисто логическими доводами и массой фактовъ изъ общественно-городской жизни.

Ихъ мнѣнія дали богатѣйшій матеріалъ для предпринятыхъ министерствомъ работъ по составленію новаго городоваго положенія. Министерство и воспользовалось этимъ матеріаломъ.

Оглянувшись назадъ, мы увидимъ: въ концѣ XVIII столѣтія законодатель высказываетъ мысль, что городское общество — совокупность всего городскаго населенія, распадающагося на шесть группъ, представители которыхъ являются представителями всего города и, какъ таковые, вѣдаютъ «нужды и пользы» послѣдняго, — другими словами, городское хозяйство и управленіе. Эта мысль, однако, въ самой грамотѣ проводится непослѣдовательно, обставляется условіями, которыя въ значительной степени затрудняютъ ея примѣненіе къ жизни. А въ этой послѣдней идея нашла крайне неблагопріятную почву какъ въ самомъ «обществѣ», такъ и въ средѣ администраціи. Начало общественнаго самоуправленія, не ясно высказанное въ грамотѣ, плохо проведенное ею въ самыхъ учрежденіяхъ городскихъ, совсѣмъ исказилось среди той дѣйствительности, въ которой имъ приходилось дѣйствовать. Было время, когда законодатель и самъ будто извѣрился въ это начало; но то противуположное начало, къ которому

[1]) Съ 1865 года этотъ членъ отъ короны въ распорядительной думѣ Петербурга болѣе не существуетъ.

онъ обратился, такъ дорого стоило и такъ мало давало, что снова вернулись къ привлеченію общественныхъ силъ къ завѣдыванію городскимъ хозяйствомъ. Достигнуть этого рѣшено было путемъ возрожденія того общества, къ силамъ котораго обращались: рѣшено было снять съ этого общества тяжелыя путы мелочной опеки и поставить его на собственныя ноги. Сдержанно, часто отступая въ сторону, шелъ по этому пути законодатель до конца пятидесятыхъ годовъ, когда началось значительное въ исторіи общественнаго развитія нашего народа и общества движеніе: вырабатывался великій актъ 19 февраля, повлекшій за собою непосредственно рядъ реформъ, опиравшихся на общественныя силы.

Еще новое городовое положеніе было, такъ сказать, въ первыхъ стадіяхъ своего развитія, какъ старая общая дума въ Петербургѣ ожила. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ собираясь едва по разу въ годъ, она вдругъ проявляетъ такую дѣятельность, что десятками разъ собирается въ одинъ годъ, поднимаетъ по собственной иниціативѣ, находя содѣйствіе со стороны правительственной администраціи, массу вопросовъ, одинъ другаго значительнѣе, и во главѣ ихъ— вопросъ о расширеніи объема власти общественныхъ учрежденій. Рѣзко проведенная въ организаціи думы сословность значительно скрадывается.

Издается новое городовое положеніе, отказавшееся отъ сословнаго строя, въ самой жизни значительно потерявшаго почву, и въ *принципѣ* отказавшееся отъ начала опеки.

Едва ли успѣлъ еще установиться повсюду, окрѣпнуть новый порядокъ вещей, какъ уже начинаютъ раздаваться голоса о его несостоятельности. Гдѣ причины недовольства? Развѣ доказано, что этотъ новый порядокъ ухудшилъ положеніе городскаго хозяйства?

Если онъ не далъ того, чего отъ него ждали, то въ этомъ виновато не самое начало общественнаго самоуправленія, которое еще и не было примѣнено во всей его чистотѣ, со всею его послѣдовательностью.

Къ исторіи городоваго положенія 1870 года.

I.

Высочайшее повелѣніе 20 марта 1862 г.—Правительственныя мѣры о преобразованіи городскаго управленія до 1862 г.—Обращеніе къ содѣйствію „мѣстныхъ" обществъ; мѣстныя коммиссіи; программа министерства; мнѣнія коммиссій.

Въ кипучую пору великихъ общественныхъ преобразованій первой половины царствованія Александра II не были забыты и наши города: городовое положеніе 16 іюня 1870 г. было четвертымъ и послѣднимъ актомъ законодательной дѣятельности въ сферѣ этихъ преобразованій.

Какой нибудь годъ спустя послѣ обнародованія величайшаго изъ законодательныхъ актовъ настоящаго вѣка — Положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 года — послѣдовало Высочайшее соизволеніе императора Александра II отъ 20 марта 1862 года — «*безотлагательно* приступить къ улучшенію *общественнаго управленія* во всѣхъ городахъ Имперіи» [1]. Настоящее соизволеніе императора было какъ бы отвѣтомъ на тотъ «рядъ *ходатайствъ* о преобразованіи общественнаго управленія», который, по свидѣтельству оффиціальнаго сборника «матеріаловъ», послѣдовалъ со стороны различныхъ городовъ Имперіи [2], и несомнѣнно стояло въ связи съ общимъ направленіемъ внутренней политики того времени; на это послѣднее указываетъ и характеръ тѣхъ мѣръ, которыя были приняты съ самаго начала къ осуществленію Высочайшаго соизволенія: *министерство прежде всего обратилось къ содѣйствію самого общества*.

Къ этому средству правительство обращается послѣ того, какъ въ теченіи цѣлыхъ *сорока лѣтъ* разработывало вопросъ собственными средствами. Дѣло въ томъ, что еще въ 1821 году министерство внутреннихъ дѣлъ, вынужденное войти «въ самыя раздробительныя изслѣдованія» по вопросу о городскомъ хозяйствѣ Петербурга, вошло въ Государственный Совѣтъ съ предположеніемъ «устроить или преобразовать думу» [3]; и съ тѣхъ поръ работа, въ

---

[1] Циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 26 апрѣля 1862 года — *Матеріалы*, относ. до нов. обществен. устройства въ городахъ Имперіи, т. I, стр. 1 и стр. 173.

[2] Томъ I, стр. 7.

[3] См. наше „Устройство и управленіе городовъ Россіи", т. II, стр. 370.

сущности, не прерывалась въ правительственныхъ учрежденіяхъ до самыхъ шестидесятыхъ годовъ. Тогда же министерство составило «главныя основанія правилъ» въ руководство къ имѣющей появиться новой думѣ, «составленіе полнаго устава» которой возложено было на «коммиссію составленія законовъ» тогда существовавшаго. «Коммиссія», выписавъ по этому вопросу «учрежденія главнѣйшихъ столицъ Западной Европы», познакомившись по нимъ съ городскимъ управленіемъ въ Западной Европѣ, составила проэктъ этого управленія для отечественныхъ городовъ. Проэктъ этотъ департаментомъ государственной экономіи найденъ былъ несостоятельнымъ; департаментъ нашелъ, что дума получала по этому проэкту слишкомъ уже скромную роль, и указалъ на необходимость увеличенія этой роли хотя бы въ столицахъ. По закрытіи «коммиссіи законовъ» ея проэктъ, съ указанными замѣчаніями департамента государственной экономіи, перешелъ на разсмотрѣніе тогдашняго главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, *Балугьянскаго*, который, найдя его никуда негоднымъ, быстро составилъ собственный и представилъ его въ Государственный Совѣтъ; этотъ послѣдній, не придавъ, очевидно, особаго значенія проэкту этого лучшаго юриста того времени, рѣшилъ составить новое городовое положеніе пока лишь для столицъ. Съ момента возникновенія мысли о необходимости преобразованія городскаго самоуправленія вообще до указаннаго результата прошло ровно *семь лѣтъ* безпрерывной правительственной дѣятельности. Съ этого момента въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образованъ былъ спеціальный *Комитетъ* изъ чиновниковъ самого министерства и лицъ, назначенныхъ генералъ-губернаторами Петербурга и Москвы, подъ предсѣдательствомъ директора одного изъ департаментовъ министерства. Комитету былъ назначенъ срокъ меньше года; онъ кончилъ свою работу гораздо раньше, всего въ нѣсколько мѣсяцевъ [1]). Составленный имъ проэктъ не прошелъ въ Государственномъ Совѣтѣ; его чуть совсѣмъ не забыли, вспомнивъ о немъ лишь въ 1837 и 1840 годахъ, когда сначала въ особо учрежденной въ 1836 г. коммиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ вздумали его исправлять; но, убѣдившись въ несостоятельности этой коммиссіи, преобразовали ее въ 1840 г. въ новую. Новая коммиссія, просуществовавъ два года, «въ занятіяхъ своихъ не подвигалась» и двигаться не обѣщала, такъ какъ состояла изъ чиновниковъ, «занятыхъ другими должностями» и притомъ вознагражденія за участіе въ ней не получавшихъ. Коммиссію смѣнило въ 1842 году особое, при хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ открытое, «временное отдѣленіе для устройства городскаго хозяйства», которое составлено было изъ *тридцати одного* чиновника съ расходомъ на нихъ ежегодно 15,598 рублей, которые доставлялись городами. Четырехъ-лѣтняя дѣятельность этого «отдѣленія» дала въ результатѣ «новое положеніе объ общественномъ управленіи С.-Петербурга», изданное въ февралѣ 1846 года, которое дѣйствовало въ этой столицѣ почти безъ всякихъ измѣненій цѣлыхъ тринадцать лѣтъ, по прошествіи коихъ снова былъ поднятъ вопросъ о преобразованіи управленія въ Петербургѣ; а вмѣстѣ, подъ вліяніемъ ходатайства московскаго дворянства о примѣненіи положенія 1846 года въ Москвѣ,

[1]) „Начала“ проэкта изложены въ названномъ сочиненіи, стр. 375—378.

въ декабрѣ 1861 года государственный совѣтъ нашелъ «весьма желательнымъ, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ *нынѣ же и безотлагательно* далъ ходъ дѣлу о примѣненіи того же порядка (уже найденнаго, между прочимъ, петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, подавшимъ объ этомъ записку, несостоятельнымъ) по всѣмъ другимъ городамъ имперіи». Извѣстно, что въ 1862 году въ Москвѣ, а въ 1863 году въ Одессѣ и наконецъ въ 1866 въ Тифлисѣ введено было измѣненное петербургское городовое положеніе 1846 года.

Въ теченіе этихъ сорока лѣтъ, кромѣ массы всевозможныхъ проэктовъ, плановъ, мнѣній и т. п. различныхъ правительственныхъ учрежденій и лицъ, продѣлана была не меньшая масса всяческихъ подготовительныхъ работъ и матеріаловъ, которыя и изданы были въ шестидесятыхъ годахъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ [1]). Все это, вѣроятно, сослужило свою службу въ дѣлѣ составленія городового положенія 1870 года.

Какъ бы извѣрившись въ теченіи сорока-лѣтней практики въ исключительно канцелярскій способъ созданія всяческихъ городскихъ положеній, правительство, приступая къ осуществленію воли императора Александра II о созданіи общаго городоваго положенія, прежде всего, какъ было сказано, обращается къ содѣйствію самого общества, какъ обращалось оно къ нему въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Въ циркулярномъ предложеніи министерства отъ 26-го апрѣля 1862 года на имя губернаторовъ министръ, статсъ-секретарь *Валуевъ*, заявляетъ, что онъ, «полагая, что предварительно введенія новаго порядка общественнаго управленія въ городахъ *необходимо ознакомиться съ мѣстными особенностями ихъ, призналъ нужнымъ истребовать мѣстныя соображенія* по настоящему предмету»; для чего и предписываетъ губернаторамъ «немедленно учредить въ *губернскихъ и другихъ* городахъ, гдѣ окажется то удобнымъ и возможнымъ, *особыя коммиссіи*, изъ наиболѣе опытныхъ и свѣдущихъ лицъ», призвавъ въ составъ ихъ «*депутатовъ отъ всѣхъ сословій города*» ... изъ лицъ, «владѣющихъ недвижимою собственностью» [2]). Губернаторамъ вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось «разъяснить» этимъ коммиссіямъ «всю важность дѣла» и въ особенности указать имъ на «необходимость ... *принятія самими обществами болѣе заботливаго участія въ собственныхъ дѣлахъ своихъ, такъ какъ правительство не можетъ постоянно нести на себѣ бремя заботъ о всѣхъ потребностяхъ городовъ, общества* которыхъ ... *сами должны имѣть попеченіе о своихъ интересахъ и нуждахъ*» [3]).

Мы незнакомы съ подлиннымъ составомъ каждой изъ этихъ коммиссій, число которыхъ дошло до *пятисотъ девяти* [4]); очевидно, онъ обусловливался усмотрѣніемъ губернаторовъ въ указанныхъ циркуляромъ предѣлахъ; мы не

---

[1]) Сюда относятся: „Историческое обозрѣніе правительственныхъ мѣръ по устройству город. общ. управленія", составлен. *Мулловымъ*. — Муниципальн. учрежденія въ главныхъ государствахъ Зап. Европы, составл. *Второвымъ*. — Экономическое состояніе город. поселеній европ. Россіи, 2 тома. — Городскія поселенія въ Рос. Имперіи, 7 томовъ. Прибавимъ сюда изданные въ 1859 г. два тома — „Общественное и хозяйственное устройство городовъ".

[2]) *Матеріалы*, т. I, стр. 1 и 2.

[3]) *Тамъ-же*.

[4]) По крайней мѣрѣ такое число ихъ представило свои мнѣнія. *Тамъ-же*, стр. 9.

знаемъ, кто въ нихъ предсѣдательствовалъ [1]); поэтому не можемъ судить, поскольку эти собранія «депутатовъ» отъ городскаго населенія были независимы отъ постороннихъ вліяній, поскольку они «ходили безъ помочей». Мы знаемъ лишь, что министерство составило и разослало въ «коммиссіи» особую «подробную программу, могущую служить *руководствомъ* для ихъ соображенія» [2]). По отношенію къ мѣстному начальству городскія коммиссіи поставлены были министерствомъ въ совершенно независимыя отношенія; по крайней мѣрѣ нельзя не сдѣлать такого заключенія изъ одного министерскаго циркуляра, изданнаго по поводу возникшаго «въ нѣкоторыхъ губерніяхъ» вопроса — слѣдуетъ-ли отвѣты коммиссій выслать въ министерство «въ подлинникѣ и безъ замѣчаній, или *исправивъ и дополнивъ*, въ чемъ признано будетъ нужнымъ». Вопросъ возбудили губернаторы, не могшіе помириться съ независимостью какихъ бы то ни было учрежденій, въ подчиненной имъ губерніи обрѣтающихся. Министерство отвѣчало, что «*по точному смыслу* циркуляра отвѣты должны быть доставлены непремѣнно въ *подлинникѣ*» (курсивъ циркуляра) [3]). Правительство хотѣло имѣть *настоящее* мнѣніе депутатовъ по поставленнымъ имъ вопросамъ, а не въ передѣлкѣ губернаторскихъ чиновниковъ особыхъ порученій. Однако, дабы не разобидѣть бюрократическое самолюбіе «губернскаго начальства», министръ предоставляетъ на усмотрѣніе этого послѣдняго «*присоединить* къ отвѣтамъ *свои замѣчанія*», въ виду чего отвѣты свои коммиссіи должны представить мѣстному начальству, «для тщательнаго разсмотрѣнія» [4]).

Отъ городскихъ коммиссій министерство хотѣло получить «соображенія», которыя должны были лечь въ основаніе министерскихъ «предположеній относительно новаго общественнаго устройства городовъ». Но при этомъ, коммиссіи должны были дать свои «соображенія» въ предѣлахъ данной имъ «программы», которая поставила опредѣленные вопросы «съ подробными, для надлежащаго ихъ уразумѣнія, объясненіями» [5]). Въ напечатанной въ изданныхъ «матеріалахъ» программѣ этимъ вопросамъ съ объясненіями предшествуетъ указаніе на «важнѣйшіе недостатки» существовавшей тогда организаціи городскаго управленія. Эти недостатки, обнаруженные еще въ началѣ сороковыхъ годовъ «мѣстными изслѣдованіями черезъ командированныхъ въ разныя губерніи чиновниковъ» [6]), сводятся къ *четыремъ* главнымъ категоріямъ: 1) сосредоточенью всѣхъ дѣлъ города въ рукахъ лишь податныхъ сословій; 2) отсутствію въ городахъ общей думы; 3) полному смѣшенію дѣлъ совѣщательныхъ съ исполнительными и 4) наконецъ, отсутствію всякаго «правильнаго разграниченія въ правахъ и

---

[1]) Подлинными отвѣтами коммиссій, которыхъ мы видѣли въ 1876 году въ хозяйствен. департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ огромный шкапъ, мы въ настоящее время пользоваться не могли, а въ „сводѣ“ ихъ, сдѣланномъ въ министерствѣ и напечатанномъ въ „Матеріалахъ“, нѣтъ никакихъ указаній по этому вопросу.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 1. Самая программа въ „Матеріалахъ“ напечатана — т. I, стр. 3—30.

[3]) Циркуляръ отъ 2 октября 1862 г. — *Матеріалы*, т. I, стр. 31.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 2.

[5]) *Тамъ-же*, стр. 1.

[6]) Съ результатами этихъ изслѣдованій можно познакомиться подробно въ нашемъ уже названномъ сочиненіи, т. II, стр. 242—302 и въ статьѣ, помѣщенной въ „Юридич. Вѣстн.“ за 1880 г., „Наши города за первыя три четверти нашего столѣтія“, стр. 25, 2 и сл.

обязанностяхъ общественныхъ учрежденій и разныхъ должностныхъ лицъ» [1]). Указавъ на недостатки, которые необходимо устранить, министерство вслѣдъ затѣмъ указываетъ на общія «главныя начала», которыми «коммиссіи должны руководиться, давая свои отвѣты на поставленные имъ вопросы». Такими началами выставляются: 1) необходимость опредѣлить «принадлежность къ городскому обществу» независимо отъ сословій *«по праву собственности»*; 2) выборы въ общественныя должности и общественныя дѣла предоставить думѣ; 3) «непосредственно своимъ гражданамъ» предоставить лишь выборы «уполномоченныхъ», для участія въ коихъ допускать лишь лицъ, обладающихъ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ и прожившихъ въ городѣ извѣстное число лѣтъ; 4) *совѣщательную* функцію отдѣлить отъ *исполнительной*; 5) опредѣлить точнѣе функціи всѣхъ вообще городскихъ учрежденій и лицъ [2]).

Сравнивъ сущность этихъ недостатковъ «и началъ» съ «недостатками», устраненными положеніемъ 1846 г. Петербурга и «началами» имъ установленными, легко увидѣть, что министерство въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду исключительно примѣненіе этого петербургскаго положенія ко всѣмъ городамъ имперіи, что оно, впрочемъ, не разъ и само высказываетъ, что высказывается и въ Высочайшемъ повелѣніи 26 апр. 1862 года.

Съ этого дѣло началось. Но уже многія коммиссіи городскія въ своихъ отвѣтахъ дѣло поставили гораздо шире, какъ увидимъ.

Всѣхъ вопросовъ, поставленныхъ на обсужденіе коммиссій, министерство выработало *десять*, которые въ составленномъ въ министерствѣ резюме «отвѣтовъ» коммиссіи сведены къ *шести*.

Принимаясь за дѣло преобразованія городскаго управленія, законодателю, какъ это съ перваго взгляда ни кажется страннымъ, приходилось прежде всего поставить вопросъ — и рѣшить его — что называть городомъ. Необходимость этого вопроса объясняется нашею исторической и настоящею дѣйствительностью. Ни въ далекомъ прошломъ, ни въ настоящемъ, наши города, по отношенію къ населяющему ихъ люду, не представляютъ собою *въ огромномъ* большинствѣ случаевъ такихъ населенныхъ пунктовъ, которые отличались бы рѣзкимъ характеромъ отъ сельскихъ поселеній; это съ одной стороны, а съ другой — вся масса нашихъ городовъ по характеру того же населенія своего и своей численности представляетъ собою такой конгломератъ, въ которомъ вмѣстѣ съ городомъ съ болѣе чѣмъ полумилліоннымъ населеніемъ мы встрѣчаемъ *города* съ населеніемъ *меньше двадцати* человѣкъ [3]); въ первомъ населеніе городское — въ общеевропейскомъ смыслѣ слова; въ послѣднихъ оно состоитъ исключительно изъ чиновниковъ, управляющихъ извѣстнымъ округомъ, и солдатъ, ихъ оберегающихъ. Дальше, параллельно съ городами послѣдняго типа, существуютъ *села*, такъ-называемыя «мѣстечки» (въ западномъ краѣ, особенно нижней части его), населеніе которыхъ и *количественно* и качественно гораздо болѣе городское, чѣмъ населеніе массы городовъ [4]). Желая во всемъ этомъ разобраться и сколько-

---

[1]) *Матеріалы*, т. I, стр. 4 и 5.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 5.
[3]) Въ Якутской, напр., области Зашиверскъ и Жиганскъ.
[4]) Наше назв. соч., т. II, стр. 307 и сл.

нибудь точно опредѣлить характеръ того населеннаго пункта, которому можно присвоить названіе города и дать *особое* управленіе, министерство во главѣ вопросовъ своей программы ставитъ вопросъ объ условіяхъ *городской жизни* того населеннаго пункта, въ которомъ «предполагается преобразовать общественное управленіе», а вмѣстѣ и объ условіяхъ, наличность которыхъ должна изъ жителя города сдѣлать «члена городскаго общества» [1]). При разъясненіи этого вопроса видно, что министерство требовало въ отвѣтѣ на него свѣдѣній о количествѣ населенія и его занятіяхъ — промыслахъ, ремеслахъ и торговлѣ и т. п. Остальные вопросы касаются: общественныхъ дѣлъ «городскаго общества и отдѣльныхъ городскихъ сословій»; «учрежденій и должностей», имѣющихъ завѣдывать этими дѣлами; «условій» активнаго и пассивнаго права избранія; способовъ или средствъ опредѣленія этихъ правъ [2]); порядка самыхъ выборовъ и наконецъ — сроковъ службы выборныхъ «должностныхъ лицъ и ихъ преимуществъ». Въ поясненіи всѣхъ этихъ вопросовъ министерство подъ каждымъ изъ нихъ излагаетъ, болѣе или менѣе подробно, всѣ тѣ законныя опредѣленія, которыя имѣли мѣсто въ моментъ составленія самой программы, и особенно тѣ изъ нихъ, которыми опредѣлялся городской строй Петербурга и Москвы. Такимъ образомъ представители городскаго общества приглашались, въ сущности, разсмотрѣть эти законныя опредѣленія, отнестись къ нимъ совершенно свободно, указать ихъ достоинства и недостатки. Правительство прямо просило «содѣйствія» у общества въ разрѣшеніи его трудной задачи; оно вооружало это общество, такъ сказать, законодательной иниціативой по поставленнымъ вопросамъ въ частности, по дѣлу преобразованія городскаго устройства и управленія вообще. Въ своемъ заключеніи программы министерство обращалось къ собраніямъ представителей городскаго общества съ горячимъ воззваніемъ, въ которомъ приглашало ихъ дать свои отвѣты возможно «обстоятельнѣе и обдуманнѣе», дабы тѣмъ дать правительству большую «возможность къ соотвѣтственному примѣненію главныхъ началъ городскаго общественнаго устройства къ отдѣльнымъ мѣстностямъ», въ видахъ возможно лучшаго обезпеченія интересовъ которыхъ оно и «признало нужнымъ... выслушать мнѣнія самихъ жителей, *до которыхъ всего ближе касается*» настоящее дѣло. Министерство старается въ обществѣ возбудить энергію, разбить апатію: оно старается объяснить этому обществу ту вѣрную, неоспоримую истину, что «*равнодушіе и небрежность*» общества въ данномъ случаѣ, когда его дарятъ «довѣріемъ» и приглашаютъ оказать «содѣйствіе» правительству, «*можетъ отразиться на немъ же самомъ неблагопріятными послѣдствіями*» [3]).

Коммиссіи представили свои «соображенія» замѣчательно быстро, если имѣть въ виду, что въ теченіи слѣдующихъ двухъ лѣтъ — 1863 и 1864 — онѣ уже въ министерствѣ «разработаны, изложены, приведены въ систему и изданы въ видѣ особыхъ изслѣдованій» [4]); число всѣхъ отвѣтовъ превышало цифру

---

[1]) Мы соединили здѣсь *два* отдѣльныхъ вопроса программы — объ „условіяхъ городской жизни" и объ „условіяхъ... членовъ городскаго общества"; въ послѣдній вопросъ введенъ еще и вопросъ о раздѣленіи городскаго населенія на „разряды" или „сословія".

[2]) Седьмой вопросъ программы — „какимъ образомъ должны быть опредѣляемы права избирателей и избираемыхъ".

[3]) *Матеріалы*, т. I, стр. 29 и 30.

[4]) *Матеріалы*, т. I, стр. 9.

500[1]); они представили массу матеріала въ распоряженіе министерства; значительная часть этого матеріала, явившаяся въ видѣ отвѣта на первый вопросъ программъ, составила основное содержаніе изданія министерства «Экономическое состояніе городскихъ поселеній» [2]). Весь остальной матеріалъ былъ обработанъ въ министерствѣ, разбитый на рубрики по однородности содержанія, въ видѣ особаго «свода соображеній мѣстныхъ коммиссій объ улучшеніи городскаго общественнаго управленія».

Не имѣя случая ознакомиться съ подлинными «соображеніями» коммиссіи, мы не можемъ сказать, какъ широко воспользовалось мѣстное начальство предоставленнымъ ему, какъ мы видѣли, правомъ «присоединить» свои замѣчанія и «дополненія» къ отвѣтамъ коммиссій; судя по указанному «своду», они воспользовались этимъ правомъ очень не широко: въ «сводъ» занесено очень и очень немного отдѣльныхъ замѣчаній или мнѣній губернаторовъ, по отдѣльнымъ вопросамъ; можетъ быть въ министерство ихъ прислано и больше, но они остались въ архивѣ, не попавъ въ «сводъ» [3]).

Независимо отъ того, что «соображеніями» мѣстныхъ коммиссій несомнѣнно руководились всѣ инстанціи, черезъ которыя проходили проэкты городоваго положенія 1870 г., судя потому, что не только «сводъ» ихъ обыкновенно прилагался къ этимъ проэктамъ, но и многое внесено въ объяснительную записку министерства къ первому проэкту; эти «соображенія», смѣемъ думать, имѣютъ очень серьезное значеніе, какъ выраженіе общественнаго настроенія того времени, характеристика интересовъ городскаго общества, его политическаго, если угодно, развитія. Въ виду этого мы и остановимся нѣсколько на этихъ «соображеніяхъ».

Отвѣчая на вопросъ «объ условіяхъ принадлежности къ городскому обществу», *четыре-пятыхъ* общаго числа коммиссій, подавшихъ свои мнѣнія, исходили изъ началъ, положенныхъ въ основаніе дѣйствовавшаго тогда городоваго положенія столицъ и Одессы, по которому въ составъ «городскаго общества» входили: во-первыхъ, всѣ владѣющіе въ городѣ недвижимой собственностью и, во-вторыхъ — приписанные къ одному изъ податныхъ сословій [4]). Но эти начала значительно развивались въ смыслѣ расширенія или съуженія ихъ; такъ, напр., *около шестидесяти* коммиссій не нашли возможнымъ ограничиться лишь простымъ установленіемъ началъ столичнаго городоваго положенія; онѣ сдѣлали къ нимъ, если не дополненія, то разъясненія. Дѣло въ томъ, что въ городовомъ положеніи, какъ бы рекомендованномъ коммиссіи, какъ мы видѣли, въ видѣ образца, хотя и устанавливались, какъ общія начала, только что приведенныя основанія принадлежности къ городскому обществу; но въ примѣненіи они, очевидно, значительно съуживались, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ первому, «началу владѣнія»: по городовому положенію Петербурга въ составъ городскаго

---

[1]) *Тамъ-же*: эта цифра опредѣлена въ 509, а въ пояснительной запискѣ министерства къ первому проэкту сказано, что на основаніи „отвѣтовъ“ издано описаніе экономическаго состоянія 595 городскихъ поселеній европейской Россіи. *Тамъ-же*, стр. 174.

[2]) *Матеріалы*, т. I, стр. 174.

[3]) Въ общей сложности мы насчитали въ „Сводѣ“ меньше десятка губернаторскихъ мнѣній, изложенныхъ крайне коротко.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 33.

общества на основаніи владѣнія недвижимостью входили лишь потомственные и личные дворяне, почетные граждане и разночинцы [1]); примѣняя это положеніе въ 1862 году въ Москвѣ, сочли нужнымъ присоединить къ этимъ разрядамъ владѣльцевъ недвижимой собственностью еще «иностранцевъ *и другихъ званій лицъ*, не принадлежащихъ къ купеческому и городскимъ податнымъ сословіямъ» [2]); что разумѣло положеніе подъ лицами «*другихъ званій*» можно думать, что угодно: или подъ ними разумѣются *всѣ вообще* владѣльцы недвижимой собственности независимо отъ профессіи, званія, происхожденія и т. д., такъ что къ ихъ категоріи можно отнести и духовенство и крестьянъ, живущихъ въ городѣ, или только тѣхъ же «разночинцевъ», о которыхъ говоритъ положеніе 1846 года; послѣднее, кажется, вѣрнѣе, если имѣть въ виду, что одесское положеніе сочло нужнымъ владѣльческій классъ опредѣлить такимъ образомъ: въ него входятъ «незаписанные въ число купцовъ и мѣщанъ *какого бы званія и происхожденія они ни были*» [3]). Очевидно, въ виду такого положенія вещей упомянутыя шестьдесятъ коммиссій, по выраженію «свода», нашли «полезнымъ *причислить къ составу городскихъ обществъ*, по владѣнію недвижимою собственностью, *лицъ духовнаго званія*»; несомнѣнно, эти коммиссіи знали, что до сихъ поръ лица этого званія въ составъ городскаго общества не входили. При этомъ интересно, что коммиссіи вводили въ составъ городскаго общества духовныхъ, владѣющихъ въ городахъ недвижимой собственностью, не потому, что это логически, само собой, вытекало изъ общаго положенія о принадлежности къ этому обществу всѣхъ владѣющихъ таковою собственностью, а въ силу совершенно особыхъ и очень любопытныхъ соображеній. Коммиссіи эти «взыскались ума», коего, по ихъ мнѣнію, собственно въ торгово-промышленныхъ классахъ того времени, очевидно, было не особенно много: «*умъ* въ совѣтѣ *много значитъ*», изрекаетъ глубокомысленно одна изъ нихъ [4]); въ погонѣ за этимъ умомъ коммиссіи и остановились на духовенствѣ, въ средѣ котораго, по ихъ мнѣнію, «можно встрѣтить много лицъ *весьма образованныхъ*», участіе которыхъ въ обсужденіи общественныхъ дѣлъ «*не можетъ не оказать благотворнаго вліянія*» [5]). Въ этомъ стремленіи мѣстныхъ коммиссій нельзя не видѣть того «новаго» и отраднаго, что въ наше время принято иронически величать «вѣяніями». Къ удивленію, среди самаго духовенства нашлись люди, которые отъ высокой чести быть представителями, въ городскихъ учрежденіяхъ, ума и образованности энергически отказывались, ссылаясь на каноническія постановленія [6]). «Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя изъ коммиссій, настаивавшія на привлеченіи духовенства,

---

[1]) Наше названное сочиненіе, т. II, стр. 400.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 511.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 513. Изъ объяснительной записки къ проэкту, составленному мѣстнымъ комитетомъ, откуда приведенное въ текстѣ выраженіе и попало въ самое положеніе, видно, что проэктъ и крестьянъ владѣльцевъ недвижимой собственности въ городѣ вводитъ въ составъ городскаго общества. *Тамъ-же*.

[4]) Коммиссія города *Скопина*. Изъ этихъ 60 коммиссій только 10—губернскія; всѣ остальныя *уѣздныя*. *Матеріалы*, т. I, стр. 33.

[5]) *Тамъ-же*.

[6]) *Тамъ-же*, стр. 34. „Депутаты отъ духовенства костромской и царевосанчурской коммиссій". Отмѣтимъ, кстати, что въ составъ мѣстныхъ коммиссій, стало-быть, входили и представители духовенства.

указывали вмѣстѣ съ тѣмъ и на необходимость привлеченія того же духовенства, въ видахъ справедливости, къ отправленію повинностей «по владѣемой имъ недвижимой собственности». Вотъ это-то послѣднее обстоятельство и заставило поднять голосъ «царевосанчурскихъ отцовъ» и костромскихъ; послѣдніе даже апеллировали, путемъ печати, ко всему просвѣщенному обществу [1]). Архангельская и тверская коммиссіи въ поискахъ за образованіемъ и умомъ, такъ необходимыми, по ихъ мнѣнію, въ общественномъ дѣлѣ, пошли дальше коммиссій, отыскавшихъ то и другое въ духовенствѣ. Архангельскіе депутаты проэктировали предоставить городу право «принимать въ свою среду лицъ, *оказавшихъ особенныя услуги обществу наукой, искусствомъ,* ремесломъ, принимать ихъ въ эту среду и въ томъ случаѣ, если они вовсе никакой собственностью недвижимой не владѣютъ». Тверскіе «депутаты» предлагаютъ ввести въ составъ городскаго общества *лицъ, «кончившихъ курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ»* при условіи двухъ-лѣтняго пребыванія ихъ въ данномъ городѣ; тверяне этимъ путемъ думали извлечь для дѣла пользу, «какую могутъ принести» эти лица *своимъ «образованіемъ и опытностію»* [2]). Къ тверянамъ присоединяются черниговцы, которые предлагаютъ тоже сопричислить къ лику горожанъ всѣхъ лицъ, кончившихъ курсъ *въ «высшихъ учебныхъ заведеніяхъ»* и пожелавшихъ быть сопричисленными [3]).

Какъ бы въ противодѣйствіе всѣмъ этимъ коммиссіямъ, видѣвшимъ краеугольный камень дѣла «въ умѣ и образованіи», нашлось слишкомъ тридцать коммиссій [4]), которыя, не мудрствуя лукаво, порѣшили необходимымъ для своихъ родныхъ городовъ признать входящими въ составъ общества лишь *купцовъ и мѣщанъ* на основаніи ихъ «права состоянія», т.-е. права принадлежности къ сословію [5]). «Сводъ» приводитъ и основанія этого мнѣнія, высказанныя нѣкоторыми изъ коммиссій. Одни изъ нихъ ссылаются на такія основанія, какъ *составъ населенія* ихъ родныхъ городовъ въ *данный* моментъ, моментъ подачи мнѣнія: это населеніе состоитъ исключительно почти (!) изъ купцовъ и мѣщанъ; но три изъ коммиссій [6]) даютъ объясненія нѣсколько инаго, очень характернаго рода: такъ, онѣ, въ видѣ общаго положенія, высказываютъ слѣдующее: дворяне и разночинцы никоимъ образомъ не составляютъ *постояннаго* элемента городскаго населенія уже въ силу того, что они обыкновенно состоятъ на государственной службѣ; эта послѣдняя, разсуждаютъ депутаты, ставитъ дворянъ и разночинцевъ въ такое положеніе, что они *«считаютъ собственностью свою службу*, а не дома, въ которыхъ живутъ», и которые,

---

[1]) Авторъ „Свода" сообщаетъ, что костромской депутатъ напечаталъ свое мнѣніе въ „Правосл. Обозрѣніи", въ слѣдующей книгѣ котораго, однако, появилось доказательство противнаго: доказывалось, что въ прошломъ духовенство всегда принимало участіе „въ земскихъ дѣлахъ", доказывалось и то, что духовенство внесетъ „плодъ разумѣнія" въ дѣло и т. д. *Тамъ-же*, примѣчаніе.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 38.

[3]) *Тамъ-же*. Четыре коммиссіи (одна — губернская — воронежская — и три уѣздныя) предложили ввести въ составъ городскаго общества всѣхъ получающихъ жалованье (вѣроятно на казенной службѣ) не менѣе 300 р.

[4]) Это все — коммиссіи *уѣздныхъ* городовъ и пригородовъ.

[5]) *Тамъ-же*, 37.

[6]) Елецкая, медынская и перемышльская.

по переходѣ на другую службу, продаютъ «и не всегда лицамъ своего сословія»; все это, по мнѣнію «соображающихъ», ведетъ къ тому, что такіе граждане «*не могутъ* вполнѣ *сочувствовать* нуждамъ города», которыхъ они къ тому же не могутъ и знать; а, стало быть, и «*не могутъ ничего сдѣлать для пользы общественной*»; наоборотъ, даже «могутъ *на собраніяхъ* имѣть *невыгодное вліяніе* для большинства» [1]).

Если названныя коммиссіи въ составъ городскаго общества вводятъ лишь *податныя* сословія, независимо отъ владѣнія недвижимой собственностью, то около двухъ десятковъ другихъ коммиссій, наоборотъ, проэктируютъ признавать членами городскаго общества исключительно владѣльцевъ недвижимой собственностью, которые, по ихъ мнѣнію, «составляютъ наиболѣе прочный элементъ этого общества» [2]).

Вопросъ о составѣ городскаго общества этимъ, однако, не исчерпывался. Мы видѣли, что программа министерства, руководясь существовавшими порядками, поставила коммиссіямъ еще и вопросъ «о раздѣленіи городскихъ обывателей на сословія или разряды». Отвѣчая на этотъ вопросъ, подавляющее большинство коммиссій осталось на предложенной имъ почвѣ и дѣлило городское общество на всевозможныя сословія и разряды [3]), численность которыхъ, начиная съ *двухъ*, доводилась до *семи*. Здѣсь принимались за основаніе всевозможныя начала, начиная съ податнаго, владѣльческаго и промышленнаго и кончая національнымъ и религіознымъ; послѣднія — въ юго-западныхъ и южныхъ городахъ [4]). Меньшинство же коммиссій — шестьдесятъ шесть — отказалось отъ всякаго раздѣленія городскаго общества на какіе-либо разряды или сословія, исходя изъ двухъ «соображеній: или изъ того — какъ это сдѣлала большая часть этихъ коммиссій — что «преобладающее населеніе» во многихъ городахъ, — «мѣщанское, незначительное притомъ»; если же выдѣлять въ классы «другія сословія», то ихъ придется по пятидесяти человѣкъ на каждый, не больше [5]); или же, какъ высказалась меньшая часть, изъ того общаго соображенія, что всякое разъединеніе общества должно вредно отразиться на городскомъ управленіи. Это общее соображеніе развилось въ «отвѣтахъ» коммиссій очень разнообразно и иногда на столько характерно и интересно, что на нихъ стоитъ, по нашему мнѣнію, нѣсколько остановиться. Коммиссіи двухъ

---

[1]) *Тамъ-же.* Къ этому елецкая коммиссія добавляетъ еще такое *частное* соображеніе: „въ числѣ 85 домовъ дворянъ и разночинцевъ (въ Ельцѣ) болѣе половины принадлежатъ *женскому полу*“.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 38; 95 коммиссій въ категорію владѣльцевъ недвижимой собственности заносятъ крестьянъ, отставныхъ солдатъ, козаковъ. *Тамъ-же*, стр. 35. Нѣкоторыя коммиссіи условіемъ принадлежности къ обществу владѣльцевъ ставятъ извѣстную доходность ихъ недвижимой собственности. *Тамъ-же*, стр. 36.

[3]) Четыреста сорокъ три изъ пятиста девяти.

[4]) Каменецъ-подольская коммиссія, напр., дѣлитъ городское населеніе такъ: 1) владѣльцы недвижимыхъ имуществъ, 2) купцы-христіане, 3) купцы-евреи, 4) граждане (?), 5) мѣщане-христіане, 6) мѣщане-евреи и 7) ремесленники. Нельзя не остановиться здѣсь, по поводу евреевъ, на мнѣніи *Стародубской* коммиссіи, которая была „убѣждена“, что „невыгодное отношеніе къ общему благу энергической дѣятельности евреевъ“ обусловливается „исключительностью обстановки *и неполнотой гражданскихъ правъ*“; потому и „необходимо уничтожить изолированность“ ихъ. *Тамъ-же*, стр. 48.

[5]) *Тамъ-же*, стр. 41.

захолустныхъ уѣздныхъ городовъ съ пафосомъ мотивировали свое мнѣніе о нераздѣльности общества такимъ «высокимъ» языкомъ: «городскіе обыватели должны слиться въ одно нераздѣльное общество, девизомъ котораго пусть будетъ одно желаніе — *благо, развитіе и преуспѣяніе городовъ во всѣхъ отношеніяхъ»;* депутаты двухъ другихъ — уѣздныхъ же — городовъ видятъ въ дѣленіи на сословія — корень такого зла, какъ «антагонизмъ и разобщенность между городскими жителями», зло, единственное спасеніе отъ котораго они видятъ въ устраненіи этого дѣленія [1]). Нѣкоторыя коммиссіи въ устраненіи сословности видятъ «самое вѣрное средство къ организованію общественныхъ учрежденій изъ *людей образованныхъ и добросовѣстныхъ»* [2]). Въ одной изъ коммиссій — могилевской (губернской) какой-то «разночинецъ» коллежскій ассесоръ Подобѣдовъ, депутатъ коммиссіи, произнесъ цѣлую рѣчь въ защиту единства, безсословности городскаго общества, рѣчь не лишенную горячности убѣжденія; рѣчь эта, очевидно, какъ отдѣльное мнѣніе, вошла въ «соображенія» коммиссіи и на столько показалась любопытной составителямъ «Свода», что они почти цѣликомъ занесли ее въ свой трудъ, надѣясь обратить на нее и вниманіе начальства. Г. Подобѣдовъ, указавъ, что вообще предлагаемыя дѣленія «въ житейской практикѣ» никогда не имѣютъ мѣста, такъ развиваетъ свою мысль: привиллегіи дворянства нынѣ не имѣютъ уже прежняго значенія, такъ какъ *«богатство и образованіе даютъ больше правъ*, чѣмъ привиллегіи»; въ жизни «можно одинаково безнаказанно нанесть обиду и даже побои бѣдному дворянину, чиновнику и мѣщанину»; а поэтому «совѣстно даже думать, не только говорить, о различіи званій и правъ особенно по отношенію къ благоустройству городскаго управленія»... Неужели, восклицаетъ дальше ораторъ, «можно допустить, чтобъ одно сословіе устраивало городъ, а другое его раззоряло, или чтобъ одно сословіе несло болѣе тягостей на общую пользу, а другое менѣе»? *Богатые* всякихъ званій охотнѣе соединяются съ богатыми же другихъ званій, чѣмъ съ бѣдняками своего, и наоборотъ «бѣдняки всѣхъ званій *болѣе сближаются въ своихъ* интересахъ... *по образованію*, нежели по званію». Въ виду всего этого, ораторъ находитъ единственно «справедливымъ и практичнымъ» принять *«единство интересовъ* за основную идею общественнаго благоустройства» и дѣлить, ради выборовъ, городское населеніе не по сословіямъ, а *по кварталамъ*, которые и будутъ избирать своихъ представителей [3]).

Переходя къ вопросу объ *активномъ* и *пассивномъ* правахъ избранія, коммиссіи и въ этомъ вопросѣ распадаются по своимъ мнѣніямъ на нѣсколько категорій, изъ которыхъ одна, только сравнительно ничтожная, не пускаясь въ дальній путь размышленій и разглагольствій, сочла за полезное остановиться на томъ рѣшеніи этого вопроса, какое дано «столичными положеніями». Такихъ коммиссій оказалось всего *шестнадцать* и притомъ коммиссій городовъ, какъ замѣчаетъ составитель «Свода», *«самыхъ незначительныхъ въ экономическомъ*

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 41 и 42.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 42.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 42 — 43. Два члена города Самары, высказавшіеся тоже за безсословность, выставляютъ какъ доводы: a) въ „сословномъ разграниченіи“ нѣтъ „живой связи, всегда присущей дѣйствительной жизни“; b) „сословное начало даетъ свой особый, узкій тонъ дѣламъ общаго городскаго управленія“. *Тамъ-же*, 43.

отношеніи», чѣмъ чиновники министерства и объясняютъ характеръ отвѣта, отличающійся, по ихъ мнѣнію, *«недостаточно самостоятельнымъ отношеніемъ коммиссій къ дѣлу»*, вытекающимъ изъ этой «экономической незначительности» [1]). Въ пестромъ разнообразіи различныхъ мнѣній коммиссій по даннымъ вопросамъ мы наталкиваемся на многое, характеризующее положеніе нашихъ городовъ, какъ вытекающее именно изъ этого ихъ положенія; встрѣчается и кое-что идущее, повидимому, въ разрѣзъ съ этимъ положеніемъ и объясняющееся опять-таки вышеуказанными «вѣяніями» того времени, могучей волной охватившими все и вся.

Относительно *активнаго права* избранія, т.-е. права *быть* избирателемъ нѣкоторыя коммиссіи, правда, очень немногія [2]), ушли такъ далеко, что отказались опредѣлять условія возраста избирателей, рѣшивъ, что избирательнымъ правомъ можно вооружить смѣло всякаго обывателя, «обладающаго здравымъ разсудкомъ и способностью выражать свои мысли» [3]). Что касается условій *имущественныхъ*, т.-е. такъ-называемаго *ценза*, то относительно его высказалось коммиссіями гораздо больше разнорѣчія, чѣмъ по вопросу о возрастѣ. *Почти сорокъ* коммиссій и по этому вопросу высказались совершенно отрицательно: вовсе отвергли требованіе ценза отъ избирателей. Калужская коммиссія такое свое мнѣніе мотивировало такъ: «есть люди, которые вовсе не получаютъ дохода съ своего имущества и *живутъ* единственно *своими трудами, но по своимъ нравственнымъ качествамъ* и исправному платежу податей и повинностей *болѣе* другихъ достойны участвовать въ выборахъ» [4]). Черниговская коммиссія отвергаетъ цензъ въ силу тѣхъ, чисто житейско-практическихъ, соображеній, что опредѣленіе его «повело бы къ злоупотребленіямъ и постояннымъ жалобамъ». Всѣ же остальныя коммиссіи, отрекшіяся отъ ценза, мотивировали свои мнѣнія тѣмъ, что назначеніе его, особенно въ широкихъ размѣрахъ, предоставило бы рѣшеніе общественныхъ дѣлъ въ руки немногихъ, «наиболѣе зажиточныхъ гражданъ», чего они вовсе не находятъ желательнымъ. Руководясь тѣми же самыми соображеніями, *тридцать* коммиссій рѣшили ограничить избирателей лишь однимъ условіемъ — наличностью «самостоятельнаго хозяйства» какихъ бы то ни было размѣровъ, или — «владѣнія какою бы то ни было собственностью» (д. б. недвижимою) независимо отъ ея стоимости и «исправнымъ отбываніемъ казенныхъ и городскихъ повинностей» [5]). Далѣе, *полтора десятка* коммиссій считаютъ излишнимъ установленіе ценза лишь для опредѣленнаго круга лицъ; именно лицъ, извѣстныхъ обществу по своимъ личнымъ качествамъ и вниманію къ общественнымъ интересамъ; костромская коммиссія допускаетъ лицъ духовнаго званія пользоваться активнымъ правомъ избранія безъ ценза; восемь коммиссій проэктируютъ даровать это право всѣмъ, «окончившимъ курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ»; причемъ одна изъ

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 91.

[2]) Всего двѣ — уѣздныхъ городовъ *Мамадыша* (Каз. губ.) и *Новоржева* (Псков. губ.) *Тамъ-же*.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 92. Всѣ остальныя коммиссіи признали необходимость опредѣленія избирательнаго возраста — не ниже 21 года и не выше 60 лѣтъ. *Тамъ-же*, стр. 91.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 94.

[5]) *Тамъ-же*, стр. 93.

этихъ коммиссій (скопинская) лаконически объяснила свое мнѣніе изрѣченіемъ: *«умъ — тотъ же капиталъ, а часто и важнѣе его»* [1]). Нѣкоторыя изъ коммиссій, допуская цензъ, въ то же время, очевидно, не могутъ помириться съ тѣмъ, что, благодаря этому, значительное количество гражданъ будутъ устранены отъ всякаго вліянія на избраніе представителей города; чтобы избѣжать такого нежелательнаго имъ положенія вещей, онѣ придумываютъ такой оригинальный исходъ: лица, доходы и собственность которыхъ не будутъ достигать установленнаго ценза, могутъ соединиться въ такомъ числѣ, при которомъ ихъ *соединенное* имущество достигло бы размѣровъ требуемыхъ цензомъ, и выбрать *одного* «представителя», т. е. выборщика, который будетъ имѣть голосъ одинаковый со всѣми другими избирателями. Холмогорская и шуйская коммиссіи не требуютъ даже и этого; онѣ просто проэктируютъ такихъ коллективныхъ, если можно такъ выразиться, избирателей по одному отъ опредѣлнннаго количества, неудовлетворяющихъ требованіямъ ценза гражданъ [2]). Эти послѣднія «мнѣнія» несомнѣнно вызывались вовсе не какими-либо теоретическими соображеніями, а просто житейскимъ положеніемъ вещей: желаніемъ не сокращать, при общей экономической недостаточности населенія, число избирателей почти до смѣшнаго. Очевидно, такого же рода соображеніями руководились и тѣ изъ коммиссій сторонницъ ценза избирательнаго, которыя проэктировали его, напр., въ такихъ скромныхъ размѣрахъ, какъ *пять*, *десять*, *пятнадцать* рублей дохода (годоваго) съ недвижимой собственности [3]).

По вопросу о *пассивномъ* правѣ избранія нѣкоторыя коммиссіи почему-то вовсе не отозвались или отозвались, по увѣренію составителей свода, такъ «неясно, неточно и запутанно», что въ ихъ отзывахъ вовсе нельзя было разобраться [4]); очень почтенное количество коммиссій «нашли не нужнымъ и излишнимъ изслѣдовать дѣйствующія постановленія» по этому предмету [5]). Нѣкоторыя коммиссіи устанавливаютъ для желающихъ быть избранными въ городскія головы, члены распорядительной думы, общей и т. д. особый, болѣе высокій цензъ, высота котораго колеблется между довольно значительными предѣлами [6]). Три, четыре коммиссіи проэктируютъ «освободить отъ ценза кончившихъ курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» [7]). Семьдесятъ коммиссій не устанавливаютъ вовсе особаго, сравнительно съ избирателями, ценза для избираемыхъ въ какія бы то ни было городскія должности; большая часть изъ нихъ мотивируется соображеніемъ, что *«имущественный цензъ не можетъ служить доказательствомъ благонамѣренности и благо-*

[1]) *Тамъ-же*, стр. 94. Нѣкоторыя коммиссіи отвергаютъ цензъ для всѣхъ „промышленныхъ сословій“; другія — для купцовъ и т. п., стр. 95.

[2]) *Холмогорская* коммиссія предлагаетъ всѣхъ неимущихъ раздѣлить *на десятки* отъ каждаго изъ которыхъ — одинъ избиратель; а *шуйская* такого избирателя проэктируетъ отъ каждыхъ 25 семействъ мѣщанъ. *Тамъ-же*, стр. 92—93.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 92. Максимумъ ценза *въ видѣ дохода съ имуществъ* проэктировали — 200 р. (двѣ коммиссіи); а *въ видѣ стоимости* имуществъ — 600 р.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 105, 108 — 109.

[5]) *Тамъ-же*, стр. 105 — 107 и 109.

[6]) *Максимумъ* ценза для городского головы 10,000 р. (стоимость собственности — въ Кіевѣ, Новгородѣ и Ростовѣ); *минимумъ* — 100 руб. (нѣкоторые уѣздные города). *Тамъ-же*, стр. 110 — 112.

[7]) *Тамъ-же*, стр. 115.

надежности даннаго лица», а «нравственныя качества» такихъ лицъ — первое условіе. Одна изъ этихъ коммиссій категорически заявляетъ, что «общественное мнѣніе въ пользу избираемаго лица есть самая лучшая порука»; что же касается «вещественнаго капитала», продолжаетъ коммиссія, то «онъ не всегда обусловливаетъ честность и способности»; а потому установленіемъ ценза рискуютъ устранить отъ дѣла «истинно способныхъ и честныхъ людей» и привлечь къ нему людей съ незавидными нравственными «качествами» [1]. Какъ ни странно, но за уничтоженіе ценза высказываются такія, напр., коммиссіи, какъ коммиссія города Моршанска, этого и до сихъ поръ гнѣзда безграмотнаго купечества; и въ этомъ городѣ пришли къ заключенію, что слѣдуетъ, не вводя ценза, дать доступъ къ городскимъ дѣламъ «хоть не богатымъ, но достойнымъ людямъ». Пермская коммиссія, обозвавъ цензъ «неизбѣжнымъ зломъ для нравственно-развитаго общества», придаетъ ему значеніе лишь какъ средству «высвободить» общественныя дѣла изъ рукъ «безпорядочной толпы»; но для этой цѣли она находитъ совершенно достаточнымъ общій цензъ, установленный для избирателей. — Тульская коммиссія высказывается противъ ценза коротко и ясно — «постановлять условіемъ для выбора въ общественныя должности значительность состоянія избираемаго — значитъ предпочитать богатство благонамѣренности и разумности» [2].

И такъ, стало-быть, относительно своихъ избранниковъ города — очень многіе, по крайней мѣрѣ, — настаиваютъ, главнымъ образомъ, на наличности ума, образованія, нравственныхъ достоинствъ; эти требованія высказываются и имѣются въ виду коммиссіями не при разрѣшеніи только вопроса объ *имущественномъ* цензѣ представителей общества, завѣдующихъ его дѣлами. Нѣтъ, онѣ proprio motu стремятся иногда сами установить цензъ *образовательный*, требуя, напр., отъ городского головы такихъ «*новыхъ*», по выраженію составителей «Свода», условій: «достаточнаго образованія» хотя бы такого, которое получается окончившимъ курсъ въ *уѣздномъ училищѣ*; большинство впрочемъ не идетъ *такъ далеко*, ограничиваясь требованіемъ *простой грамотности* [3]. Правда, требованія очень и очень уже невысокія, но знаменательныя во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ отношеніи своей низменности: сознаніе о высокомъ значеніи образованія, значитъ, есть уже, оно есть даже въ крайнихъ захолустьяхъ, но оно, очевидно, лишь въ головахъ немногихъ и несомнѣнно проявленіе его и требованія значительно съуживаются жизнью: требовать не только большаго, но и того, что требуется въ формѣ простой грамотности, во многихъ городахъ было дѣломъ рискованнымъ.

Не игнорируютъ коммиссіи, разумѣется, и чисто *нравственной* стороны какъ *избирателей*, такъ и *избираемыхъ*, и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, опять далеко расходятся даже съ рекомендуемыми имъ началами столичнаго городоваго положенія. Такъ напр., останавливаясь на такомъ вопросѣ, какъ вопросъ о допущеніи *раскольниковъ* къ участію въ выборахъ

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 116.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 115—116.
[3]) Многіе уѣздные города проэктируютъ городского голову *избирать только изъ людей грамотныхъ. Тамъ-же*, стр. 120.

какъ активно, такъ и пассивно, нѣкоторыя коммиссіи не могутъ помириться съ лишеніемъ своихъ соотечественниковъ такихъ правъ гражданскихъ только потому, что они раскольники: они не хотятъ согласиться съ тѣмъ, что раскольники, *какъ таковые*, не удовлетворяютъ извѣстнымъ нравственнымъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены къ представителямъ и слугамъ общества. Однѣ изъ коммиссій, не желая по этому вопросу затрогивать закона о присягѣ, по которому раскольники, какъ не могущіе принести таковой въ установленной закономъ формѣ, не могутъ занимать должностей, при вступленіи въ которыя требуется присягать, соглашаются не допускать ихъ къ выборнымъ общественнымъ должностямъ, но онѣ рѣшительно высказываются за допущеніе ихъ къ активному пользованію правомъ избранія въ качествѣ избирателей; «есть города», говоритъ одна изъ этихъ коммиссій, «въ которыхъ *раскольники составляютъ значительную массу населенія*, а между тѣмъ *въ числѣ ихъ есть лучшіе домохозяева и вліятельнѣйшія на общество лица* [1]), которыхъ, въ силу именно этого ихъ качества, и желательно было бы привлечь къ участію въ общественныхъ дѣлахъ города. Коммиссія города *Шуи* по этому же вопросу высказывается такъ: „раскольники, *къ какимъ бы сектамъ и толкамъ ни принадлежали*, должны быть допускаемы къ участію въ общественныхъ выборахъ... такъ какъ *вѣроисповѣданіе по отношенію къ общественнымъ интересамъ вреднаго вліянія имѣть не можетъ*»; присягу же эта коммиссія предлагаетъ замѣнить взиманіемъ съ раскольниковъ приличныхъ дѣлу подписокъ [2]). Коммиссіи нѣсколькихъ городовъ пошли дальше сейчасъ сказанныхъ и, не ограничиваясь допущеніемъ раскольниковъ къ участію въ выборахъ, предлагаютъ признать за ними и право быть избираемыми во всѣ общественныя должности, не выключая городского головы [3]). Одна изъ коммиссій, не обинуясь, высказываетъ, что «*раскольники составляютъ классъ лучшихъ обывателей*», — пользуются *всеобщимъ* уваженіемъ и довѣріемъ [4]), и что съ лишеніемъ ихъ права избранія придется выбирать или неспособныхъ или «неопытныхъ или бѣдныхъ... даже безграмотныхъ»!! Уже и въ приведенныхъ до сихъ поръ мотивахъ допущенія раскольниковъ къ непосредственному участію въ городскихъ общественныхъ дѣлахъ, кромѣ указанія на ихъ высоконравственныя качества, проглядываютъ и другія: «некого, говорятъ, будетъ въ городъ выбирать съ устраненіемъ раскольниковъ, кромѣ совсѣмъ не подходящихъ къ дѣлу обывателей». Что же это значитъ? Неужели *всѣ*, кромѣ раскольниковъ, *негодны?* Нѣтъ, дѣло стоитъ не такъ страшно: суть въ томъ, что въ большинствѣ городовъ уѣздныхъ, главнымъ образомъ, *масса населенія — раскольники!* Коммиссія города Чистополя указываетъ, напр., на такое, быть можетъ, для правительства совершенно неожиданное явленіе: съ устраненіемъ раскольниковъ въ г. Чистополѣ «*неизбѣжно* будутъ встрѣчаться частыя затруд-

[1]) *Тамъ-же*, стр. 99.

[2]) *Тамъ-же*, 100. „Начальникъ" витебской губерніи въ своемъ мнѣніи, присоединенномъ къ мнѣнію коммиссіи, высказался: „допустить раскольниковъ *всѣхъ сектъ* къ участію въ общественныхъ городскихъ дѣлахъ на общемъ основаніи".

[3]) Правда, нѣкоторыя коммиссіи дѣлаютъ исключенія для нѣкоторыхъ сектъ въ родѣ „молоканъ" и вообще признанныхъ закономъ „особенно вредными".

[4]) Коммиссія г. *Хвалынска*. *Тамъ-же*, стр. 122 — 123.

ненія въ замѣщеніи должностей» [1]); потому что «значительная» часть, свидѣтельствуетъ скромно коммиссія, населенія города — раскольники. Депутаты г. Новоузенска утверждаютъ, «что — *половина городского населенія* будетъ лишена права участія въ городскихъ дѣлахъ», если устранить отъ этого участія раскольниковъ [2]). Этотъ фактъ подтверждаетъ и одинъ изъ начальниковъ губерніи — черниговской — заявляя, что цѣлые посады въ его губерніи сплошь населены раскольниками, такъ что выбирать и некому и некого; а если, въ дѣйствительности, и существуютъ выборные органы, то это или *притворные* православные или *фиктивные* выборные, за спинами которыхъ ворочаютъ дѣлами тѣ же раскольники. Въ силу этого, губернаторъ находитъ нужнымъ, «склоняясь передъ силою сложившихся подобныхъ обстоятельствъ», не только не устранять, но даже постараться привлечь раскольниковъ «къ занятію должностей преимущественно передъ другими» [3]), разумѣется, въ посадахъ и городахъ съ такимъ преобладающимъ населеніемъ раскольниковъ.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же соображеній о нравственности и «силѣ обстоятельствъ» коммиссіи многихъ городовъ отнеслись и къ такимъ условіямъ активнаго и пассивнаго права избранія, какъ *національность*. Такъ, нѣсколько коммиссій рѣшительно высказываются за полное сравненіе относительно права избранія даже въ городскіе головы съ русскими *евреевъ* [4]). Житомірская коммиссія, заявивъ, что нѣтъ основаній устранять отъ выборовъ въ городскія общественныя должности евреевъ, разъ они обладаютъ извѣстной степенью умственнаго и нравственнаго развитія, а вмѣстѣ и довѣріемъ общества, прибавляетъ, что «въ означенномъ городѣ еврейское населеніе состоитъ изъ $6\frac{1}{2}$ тысячъ душъ»! Депутаты одного изъ уѣздныхъ городовъ западнаго края, при рѣшеніи вопроса о допущеніи евреевъ къ дѣламъ общественнаго управленія, ставъ, по истинѣ, въ затрудительное положеніе, скрѣпя сердце разрѣшаютъ вопросъ въ пользу евреевъ, приведя это рѣшеніе въ своемъ «соображеніи» въ наивной формѣ какого-то діалога: кого избрать головою? Мѣщанина-христіанина? Но онъ нищій. Дворянина? Кто посостоятельнѣе — на государственной службѣ. Еврея? Страшно: это значитъ *все* отдать въ его руки. Что жь дѣлать? Все-таки избрать еврея, но только потребовать отъ него «окончанія курса не ниже гимназіи... и чтобы въ *образѣ жизни* онъ согласовался съ христіанами» [5]).

Многія коммиссіи по всѣмъ вопросамъ объ ограниченіи активнаго и пассив-

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 122.

[2]) *Тамъ-же*, 99. Шуйская коммиссія настаиваетъ на необходимости допущенія раскольниковъ въ силу того, что „здѣшняя мѣстность *изобилуетъ старообрядцами всевозможныхъ сектъ*“. Стр. 123.

[3]) *Тамъ-же*, 123 — 124.

[4]) *Тамъ-же*, 121. Разумѣется, за это высказываются юго-западные и южные города, которые, мы уже видѣли, высказались и за введеніе евреевъ въ составъ городскаго общества.

[5]) *Тамъ-же*, 121 — 122. Этотъ діалогъ въ „Сводѣ“ помѣщенъ цѣликомъ. Не можемъ не отмѣтить здѣсь одного любопытнаго факта: нѣкоторыя коммиссіи проэктировали дать обществу право „допускать къ выборамъ“ лицъ, состоящихъ подъ судомъ, но ему и обществу извѣстныхъ за людей „благонадежныхъ и полезныхъ“; они руководились въ данномъ случаѣ тѣмъ, что подъ судъ часто попадаютъ за пустячные проступки по обвиненію, напр., полиціей въ „отступленіи отъ плана“ при постройкахъ и т. п. За то съ другой стороны проэктируется устранять отъ выборовъ помилованныхъ по Всемилостивѣйшимъ манифестамъ, но извѣстныхъ обществу своею „дурною нравственностью“. *Тамъ-же*, стр. 97—98.

наго правъ избранія высказывали въ видѣ желательнаго такія *общія* соображенія: въ виду зависимости успѣха новаго городскаго устройства отъ сочувствія къ нему общества и въ виду необходимости ввѣрить городское управленіе лицамъ, «обладающимъ всѣми необходимыми для этого нравственными качествами», слѣдуетъ *не ограничивать* кругъ лицъ, избираемыхъ на общественныя должности, а напротивъ «*расширять какъ можно дальше*», чтобы дать избирателямъ «*полную возможность выбирать... лицъ вполнѣ достойныхъ и благонадежныхъ*»; общество такимъ образомъ не слѣдуетъ стѣснять въ выборѣ своихъ уполномоченныхъ «ни возрастомъ, ни цензомъ», предоставивъ ему руководиться исключительно умственными и нравственными качествами избираемаго, опредѣленіе коихъ «слѣдуетъ вообще предоставить *безусловному усмотрѣнію самого общества*» [1]).

Переходя къ обсужденію вопросовъ объ учрежденіяхъ и лицахъ, имѣющихъ завѣдывать городскими общественными дѣлами, коммиссіи также высказываютъ немало своеобразнаго. Около десятка коммиссій — мелкихъ уѣздныхъ городовъ различныхъ губерній — высказывались, напр., противъ раздѣленія въ принципѣ городскихъ учрежденій на *совѣщательныя* и *распорядительныя* (исполнительныя), какъ они дѣлятся вообще. Города эти, несомнѣнно, пришли къ такой мысли подъ вліяніемъ подавляющаго факта малочисленности ихъ населенія [2]). Въ сорока пяти городскихъ поселеніяхъ, именно вслѣдствіе только-что указанной причины, такое учрежденіе («совѣщательное») какъ дума, предполагается замѣнить «простыми городскими *сходками*», съ участіемъ въ нихъ всего населенія, пользующагося правомъ активнаго избранія [3]).

По городовому положенію 1846 года, примѣненному въ 1862 г. къ Москвѣ и Одессѣ, кромѣ думы имѣютъ еще мѣсто, въ силу выдѣленія въ особую категорію торгово-промышленныхъ классовъ городскаго населенія, такъ-называемыя собранія выборныхъ; около двухсотъ коммиссій высказались рѣшительно противъ такихъ собраній и поручали всѣ дѣла, «какъ общегородскія, такъ и сословныя», одной общей думѣ [4]). Относительно состава думы почти всѣ коммиссіи высказывались за то, чтобы *число гласныхъ* отъ каждаго сословія непремѣнно обусловливалось *численностью этого сословія*. Это проэктировалось тамъ, гдѣ признано было нужнымъ оставить дѣленіе населенія на сословія; тамъ же, гдѣ дѣленіе это устранялось, число гласныхъ думы ставится въ зависимость вообще отъ численности населенія [5]). Такое же соотношеніе стараются установить коммиссіи и между количествомъ членовъ распорядительной думы (управы) и населеніемъ [6]).

По поводу состава распорядительной думы подалъ особое мотивированное мнѣніе оренбургскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Аксаковъ.

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 108, примѣчаніе.
[2]) Составители „Свода“ о мотивахъ этихъ коммиссій замѣчаютъ только, что онѣ „не представили достаточныхъ основаній къ уклоненію“ отъ этого начала. *Тамъ-же*, стр. 51.
[3]) *Тамъ-же*, стр. 54.
[4]) *Тамъ-же*, стр. 52.
[5]) *Тамъ-же*, стр. 55.
[6]) *Тамъ-же*, 56. Число членовъ колеблется между 1 и 4 человѣками отъ *каждаго сословія*.

Этотъ начальникъ губерніи находитъ необходимымъ, по крайней мѣрѣ, для городовъ его губерніи, ввести въ составъ этой думы «должность члена отъ короны» — въ тѣхъ городахъ, у которыхъ станетъ на содержаніе такого члена средствъ; въ городахъ же недостаточныхъ начальникъ губерніи проэктируетъ усилить значеніе секретаря, вооруживъ его правомъ голоса въ думѣ. Эти мѣры предлагаются въ виду полной, по мнѣнію Аксакова, неспособности населенія городовъ его губерніи вѣдать «дѣлопроизводство» и вести «счетоводство»; то и другое возлагается или на «члена отъ короны» или на «секретаря-члена». Правда, эту мѣру г. Аксаковъ предлагаетъ ввести лишь на время, въ видѣ опыта — на три года, по прошествіи которыхъ онъ, начальникъ губерніи, можетъ или отмѣнить «эту мѣру» или «ходатайствовать передъ министерствомъ объ оставленіи ея на будущее время»... [1]). Коммиссіи же, думать надо, всѣ высказались противъ присутствія въ думѣ «члена отъ короны», такъ какъ составители «Свода» по этому предмету никакихъ мнѣній не приводятъ, исключая одного мнѣнія николаевской коммиссіи, заявившей, что она «члена отъ короны» считаетъ «не только лишнимъ въ думѣ, но и положительно *вреднымъ*», такъ какъ это повело бы къ уничтоженію всякой самостоятельности думы [2]).

По вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ думъ — совѣщательной и исполнительной — въ «мнѣніяхъ» коммиссій или лучше «Сводѣ» ихъ мы не находимъ ровно никакихъ данныхъ; должно быть они отсутствуютъ и въ подлинныхъ «соображеніяхъ»; такъ какъ въ «программѣ» этого вопроса не было спеціально поставлено. Но за то коммиссіи обстоятельно и довольно единодушно высказались по вопросу объ «отношеніи городскихъ учрежденій къ губернскому и высшему начальствамъ». По свидѣтельству составителей «Свода», коммиссіи «всѣ единогласно» всю «неудовлетворительность» существовавшаго въ то время «положенія городскихъ учрежденій.... объясняютъ *отсутствіемъ самостоятельности ихъ во всѣхъ главнѣйшихъ дѣйствіяхъ по городскому хозяйству и благоустройству»* [3]). Авторы «Свода», какъ бы удивляясь единодушію въ этомъ отношеніи коммиссій, откровенно заявляютъ, что вышеприведенная мысль «*пробивается* въ соображеніяхъ коммиссій *всюду, гдѣ только представляется къ тому удобство и возможность*».

Коммиссіи озаботились обставить эту *единодушную* мысль свою довольно обстоятельными по убѣдительности доказательствами, изъ коихъ «наиболѣе опредѣленныя и обстоятельныя» авторы «Свода» приводятъ въ извлеченіи. Эти доказательства настолько интересны, по крайней мѣрѣ, какъ характеристика «дореформенныхъ» городскихъ учрежденій, что мы считаемъ не безполезнымъ ознакомить читателя съ нѣкоторыми изъ нихъ. Напр., нижегородская коммиссія въ видѣ иллюстраціи своей мысли о невозможныхъ отношеніяхъ правительственнаго надзора къ городскимъ учрежденіямъ приводитъ два такіе факта: въ концѣ 1861 года губернская *строительная коммиссія* предписала думѣ включить

[1]) *Тамъ-же*, стр. 57. Брянская коммиссія рѣшила, что въ думѣ (распорядительной) „*долженъ* засѣдать *военный* депутатъ для разбора дѣлъ между ремесленниками и работниками, коихъ очень много изъ военныхъ“.

[2]) *Тамъ-же.*

[3]) *Тамъ-же*, стр. 84.

въ роспись ея расходовъ на предстоящій годъ 150,000 рублей, расходовать которыя она обязана исключительно подъ надзоромъ строительной коммиссіи и непремѣнно всю сумму; и это при наличности доходовъ города всего въ 180,000 р. въ годъ; или: въ теченіи тридцати лѣтъ сряду въ ту же строительную коммиссію ежегодно думой отпускалась, на ремонтировку кремлевскихъ стѣнъ, сумма почти въ тысячу рублей; а между тѣмъ въ результатѣ оказалось такое положеніе вещей, что по прошествіи 24 лѣтъ, въ теченіи коихъ на ремонтъ стѣнъ было затрачено слишкомъ 20,000 р., эти стѣны оказались въ такомъ состояніи, что въ 1862 году вмѣсто обычныхъ 860 р. потребовали вдругъ 2,600 р. на ремонтъ, ибо, по заявленію той же коммиссіи, «поврежденія.... весьма *увеличились*» [1]).

Тверскіе депутаты, заявивъ, что дума «кромѣ начальника губерніи подчинена губернскому правленію, казенной палатѣ и строительной коммиссіи», говорятъ, что такая «многосторонняя зависимость» ея замедляетъ вообще ходъ дѣла, тѣмъ болѣе, что начальство «не всегда дѣйствуетъ сообразно потребностямъ города» [2]). Длинная, почти безконечная переписка, напр., о ремонтѣ городскихъ зданій сплошь и къ ряду ведетъ къ тому, что первоначальная смѣта ремонта къ концу этой переписки становится негодной: разрушеніе усилилось — требуется вдвое, втрое большая сумма, объ отпускѣ которой снова возникаетъ такая же безконечная переписка. Бузулукская коммиссія вредъ существующихъ отношеній городскихъ учрежденій къ начальству видитъ въ водвореніи въ городскомъ обществѣ крайняго равнодушія къ общественнымъ «интересамъ», въ исключительныхъ заботахъ представителей этого общества лишь о томъ, «чтобы все имѣло законное основаніе, т.-е. разрѣшеніе подлежащаго начальства». Рыбинская коммиссія безъ дальнихъ околичностей предсказываетъ, что дума не будетъ имѣть никакого серьезнаго значенія, разъ ея постановленія «будутъ сопряжены, какъ нынѣ, съ «затрудненіями», вызываемыми правительственнымъ контролемъ [3]).

Всѣ коммиссіи единогласно же требуютъ, въ виду всего вышеизложеннаго, уничтоженія крайне стѣснительной правительственной опеки; онѣ проэктируютъ отчетность городскихъ учрежденій «передъ самимъ обществомъ». Онѣ требуютъ отчетности распорядительной думы и городскаго головы только передъ собраніемъ гласныхъ — общей думой, протоколы которой должны печататься въ мѣстныхъ газетахъ, а самыя засѣданія ея открыты «для всѣхъ обывателей» [4]). Такимъ образомъ мѣстное общество уже отлично понимаетъ значеніе гласности, въ которой видитъ, очевидно, одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ противъ всяческихъ злоупотребленій. Такой взглядъ на дѣло высказывается между прочими одной изъ захолустныхъ уѣздныхъ коммиссій. Инстинктивно чувствуя, что *городской голова*, въ сущности, есть дѣйствительный и постоянный представитель города, защитникъ и охранитель всѣхъ его интересовъ, коммиссіи осо-

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 86.

[2]) *Тамъ-же*, 84—85. Коммиссія указываетъ при этомъ, что „на разрѣшеніе начальства восходятъ такія мелочи, какъ... *продажа навоза отъ пожарныхъ лошадей*, которая даетъ 50 р. въ годъ.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 85—86.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 87.

бенно усердно озабочены о возможно большемъ охраненіи достоинства этого представителя и его независимости, возможно болѣе прочной и живой связи его съ избравшимъ его обществомъ. Находя, что положеніе городскаго головы, по существующимъ узаконеніямъ, вовсе не соотвѣтствуетъ его значенію, какъ представителя общества, коммиссіи находятъ необходимымъ въ будущемъ установить «совсѣмъ другія отношенія» своего избранника къ «администраціи и обществу»; «эти новыя отношенія должны покоиться на отвѣтственности головы передъ избравшимъ его обществомъ въ лицѣ общей думы, какъ собранія представителей»; «городское общество, довѣряя свои интересы головѣ», говоритъ одна изъ коммиссій, «должно быть вправѣ и слѣдить за исполненіемъ этого довѣрія»; если онъ этого довѣрія не оправдаетъ, то «общество вправѣ представить начальству о неудовлетворительныхъ дѣйствіяхъ головы для зависящаго распоряженія». Оно же, общество, должно имѣть и возможность «оказать своему представителю *справедливое огражденіе отъ слишкомъ большаго вмѣшательства губернской администраціи въ его распоряженія и произвольнаго наложенія на него разныхъ взысканій и даже увольненія отъ службы»*; а для достиженія этой цѣли, по мнѣнію коммиссіи, «справедливо было бы постановить, чтобы голова не былъ увольняемъ отъ должности иначе, какъ съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ, *по предварительномъ истребованіи мнѣнія общей думы»* [1]).

Нѣкоторыя изъ коммиссій остановились съ достаточными подробностями и на отношеніяхъ городскаго головы къ обѣимъ думамъ. Онѣ нашли «несоотвѣтственнымъ» предсѣдательство головы въ общей и распорядительной думахъ [2]). Въ видахъ устраненія такой «несоотвѣтственности» однѣ изъ нихъ предлагаютъ для общей думы избирать особаго предсѣдателя изъ ея же среды; другія, напротивъ, такого предсѣдателя находятъ нужнымъ избирать для распорядительной думы. Проэктирующія особаго предсѣдателя для общей думы руководились соображеніями, во-первыхъ, о необходимости полной независимости предсѣдателя думы отъ городскаго головы, во-вторыхъ, потребностью «установить надъ распорядительной думой», гдѣ предсѣдатель — городской голова, «*правильный и свободный контроль*». Вообще онѣ находятъ, что отношенія думъ другъ къ другу и головы къ общей думѣ, при его предсѣдательствѣ въ обѣихъ, никогда не могутъ быть нормальными: при такомъ условіи столкновенія этихъ думъ почти неразрѣшимы, а также контроль общей думы надъ городскимъ головой немыслимъ [3]).

Разсуждая о различнаго рода функціяхъ будущихъ городскихъ учрежденій, коммиссіи повидимому съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются на той изъ нихъ, которую онѣ называютъ «*общественной полиціей*» и которая и до сихъ поръ вѣдается «правительственной» полиціей городовъ. Находя состояніе дѣйствующей городской полиціи рѣшительно неудовлетворяющимъ поставленнымъ ей

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 87—88. Нѣкоторыя коммиссіи пускаются въ довольно подробныя опредѣленія не отношеній, а скорѣе *сношеній* думъ съ властями мѣстными и высшими, но мы не будемъ на нихъ останавливаться, считая это излишнимъ послѣ опредѣленія въ текстѣ *общихъ* началъ этихъ отношеній.

[2]) Эти коммиссіи—нижегородская, псковская, черниговская, вологодская и николаевская (херсон. губ.), стр. 71.

[3]) *Тамъ-же*, 71—72.

цѣлямъ, коммиссіи видятъ единственное средство улучшить это положеніе—поставить ее въ связь съ городскими учрежденіями и въ извѣстную зависимость отъ нихъ именно отъ распорядительной думы. Достигнуть этого однѣ думаютъ учрежденіемъ при распорядительной думѣ «*особаго отдѣленія* по дѣламъ общественной *полиціи... для содѣйствія* въ управленіи городомъ городской (правительственной) полиціи» [1]); другія идутъ гораздо дальше и полагаютъ, что, разъ въ функцію общественнаго городскаго управленія входитъ охраненіе спокойствія въ городѣ, полиція должна быть вполнѣ преобразована и построена на совершенно иныхъ началахъ, — началахъ, которыя возможно вѣрно обезпечивали бы «*честность и разумное пониманіе* своихъ обязанностей» чинами ея. Такимъ началомъ коммиссіи считаютъ *выборное* начало: необходимо, говорится по этому поводу, «чтобы лица, входящія въ составъ полиціи, *избираемы были* по личному ихъ достоинству *самимъ обществомъ*» [2]). Только этимъ путемъ, по мнѣнію коммиссій, достигнуто будетъ установленіе въ средѣ полиціи извѣстнаго нравственнаго уровня; такъ какъ при избраніи отдѣльныхъ чиновъ ея руководились бы не одними послужными списками, «а личнымъ знаніемъ качествъ и образа жизни избираемаго лица»; — это во-первыхъ; а во-вторыхъ, «честь избранія тѣмъ самымъ обществомъ, среди котораго будетъ проходить служебная его дѣятельность и служебное содержаніе, идущее отъ того же общества, необходимо должны поставить чиновника выше тѣхъ корыстныхъ побужденій, которыми, къ сожалѣнію, руководится большая часть полицейскихъ чиновниковъ». Если этимъ путемъ надѣются поднять уровень нравственности въ полицейской сферѣ, то этимъ же путемъ достигнуть надѣются и нѣкоторой активности и энергіи въ самомъ городскомъ обществѣ, поставивъ его на ноги, снявъ съ него путы опеки. «Если всѣ полицейскія обязанности», говоритъ одна изъ коммиссій, «возлагались на управленіе совершенно чуждое общественному элементу, то, конечно, потому, что на города до настоящаго времени смотрѣли какъ на малолѣтковъ, неспособныхъ къ самоуправленію и самосохраненію и требующихъ за собою ухода няньки», должностью каковой и «занимается у насъ до сего времени городская полиція»... «Чтобы дѣйствительно вызвать города къ самостоятельности и самоуправленію, нужно положить прочный фундаментъ этому прекрасному зданію, именно *охраненіемъ личности городскаго населенія отъ произвола* городскихъ администраторовъ и тѣмъ, возвысивъ его въ собственныхъ глазахъ, внушить ему понятіе права и долга, изъ которыхъ родится убѣжденіе, что каждый членъ общества долженъ ставить интересъ общественный, если не выше то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ своимъ личнымъ интересомъ... достигнуть этихъ результатовъ въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ возможно *лишь подчиненіемъ городской полиціи городскому управленію*» [3]). Вотъ какое значеніе придается отношенію полиціи къ обществу. Разъ первая остается организованной на старыхъ началахъ—«новыя городскія учрежденія», пророчествуютъ депутаты города Воронежа, «не сдѣлаютъ значительныхъ успѣховъ, общества (городскія)

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 80.
[2]) *Тамъ-же.*
[3]) *Тамъ-же*, стр. 81—82.

останутся въ прежней апатіи и ожидаемое ихъ развитіе будетъ мертвою буквою, а не живою силою»[1]).

Мы привели мнѣнія коммиссій по всѣмъ кореннымъ вопросамъ, вопросамъ, которые онѣ считали наиболѣе важными, опредѣляющими весь характеръ будущихъ городскихъ учрежденій. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онѣ игнорировали вопросы второстепенные. Онѣ и къ нимъ отнеслись въ огромномъ большинствѣ случаевъ съ тѣмъ же вниманіемъ и серьезностью. Если же мы остановились только на первыхъ, то лишь потому, что не считали нужнымъ пускаться въ подробности, загромождать нашъ очеркъ безъ особой надобности; для нашей цѣли достаточно было ознакомленія со взглядомъ коммиссій именно на основные вопросы; этого взгляда, думалось намъ, достаточно, чтобы рѣшить, какъ отнеслись къ дѣлу призванные къ участію въ законодательной дѣятельности представители городскаго общества.

Во всякомъ случаѣ, въ какой бы формѣ ни высказаны были мысли и соображенія, «онѣ были высказаны» искренно, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ правомъ дѣлѣ, съ полнымъ сознаніемъ важности этого дѣла въ общемъ строѣ общественно-государственной жизни.

Не слѣдуетъ забывать, что мы имѣли дѣло не съ подлинными «мнѣніями» этихъ представителей, а лишь съ оффиціально составленнымъ сводомъ ихъ, составленнымъ едва-ли особенно тщательно, составленнымъ, очевидно, не однимъ лицомъ, а нѣсколькими, отношеніе къ дѣлу которыхъ не могло не отразиться на самомъ этомъ дѣлѣ. То, что казалось коммиссіямъ, что можетъ казаться намъ, особенно важнымъ, интереснымъ, то чиновникамъ министерства могло казаться какъ разъ на оборотъ, вовсе не заслуживающимъ вниманія съ ихъ точки зрѣнія. Какъ бы то ни было, но уже и то, что даетъ намъ оффиціальный сводъ мнѣній коммиссій, повторяемъ, несомнѣнно доказываетъ, что мѣстныя городскія коммиссіи стояли на высотѣ своего призванія и, не знаемъ, оправдали-ли довѣріе начальства; но во всякомъ случаѣ дали ему, во-первыхъ, какъ мы ужъ видѣли, огромный матеріалъ для ознакомленія съ состояніемъ городовъ, матеріалъ, которымъ министерство и воспользовалось; во-вторыхъ, онѣ познакомили правительство, что необычайно важно, съ своими взглядами и мыслями на дѣло одинаково касающееся какъ общества, такъ и государства.

Никто не станетъ вмѣнять представителямъ этихъ сотенъ городскихъ поселеній результатовъ ихъ дѣятельной работы; они не могутъ быть отвѣтственны за эти результаты, такъ какъ въ полученіи ихъ не принимали никакого участія. Ихъ работы поступили въ полное распоряженіе правительственной машины, которая переработала ихъ согласно своимъ взглядамъ и интересамъ.

Что она, эта машина, сдѣлала изъ данныхъ ей матеріаловъ, какъ распорядилась ими, насколько воспользовалась ими, объ этомъ можно судить, лишь сравнивъ результаты ея дѣятельности съ этимъ матеріаломъ.

---

[1]) По поводу того, что городская полиція „совмѣщаетъ въ себѣ еще обязанности къ *общей государственной администраціи*“, коммиссія заявляетъ, что, во-первыхъ, выборная полиція или лучше „самое городское управленіе“ не можетъ исполнять свой долгъ хуже полиціи настоящаго времени, а во-вторыхъ такія функціи, наконецъ, могутъ быть ввѣрены общей, государственной полиціи“. *Тамъ-же,* 82.

Въ слѣдующей мы познакомимъ читателя съ тѣмъ, *что и какъ сдѣлано* въ теченіи *шестилѣтняго* періода времени съ матеріалами, собранными министерствомъ окончательно къ 1864 году.

II.

Объяснительныя записки министерства. — Первый проэктъ городскаго управленія и городскаго хозяйства:—избиратели и избирательныя собранія, ихъ организація по второму проэкту; мотивы трехъ-разрядной системы; введеніе квартиро-нанимателей въ составъ городскаго общества; налогъ на нихъ.—Составъ городской думы и управы.—Городской голова.

Въ 1864 г. министерство уже представило «на заключеніе» Втораго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи свой первый проэктъ городоваго положенія, распадавшійся на двѣ самостоятельныя части: a) проэктъ положенія *«о городскомъ общественномъ управленіи»* и b) проэктъ положенія *«о городскомъ хозяйствѣ»*. Каждому изъ этихъ проэктовъ предпосылалась, въ видѣ «проэкта представленія» (?) огромная записка, изъ которыхъ каждая представляетъ собою тѣ мотивы или «соображенія», какъ выражается заключеніе министра, которые послужили основаніемъ самому проэкту. Мотивы эти излагаются, такъ сказать, въ двухъ формахъ — положительной и отрицательной — въ видѣ указанія, проэктированья извѣстныхъ постановленій, и въ видѣ доказательства несостоятельности существовавшихъ постановленій; послѣднее вызвало необходимость изложить эти постановленія, что въ запискахъ и дѣлается, такъ, что каждая изъ нихъ содержитъ въ себѣ по каждому вопросу, во-первыхъ, «дѣйствующія постановленія», во-вторыхъ, указаніе на ихъ несостоятельность или, какъ выражаются записки, на ихъ «несогласіе съ дѣйствительностью», и въ третьихъ, наконецъ, «соображенія» министерства; а въ запискѣ, предпосланной проэкту «городскаго управленія», между отрицательными и положительными соображеніями или мотивами по многимъ вопросамъ помѣщены еще и мнѣнія коммиссіи, извлеченныя изъ знакомаго намъ «Свода» этихъ мнѣній, т. е. стало-быть уже профильтрованныя дважды сквозь канцелярскіе фильтры [1]). Этими записками мы будемъ пользоваться въ извѣстной степени при изложеніи содержанія самыхъ проэктовъ.

Проэктъ «управленія» содержитъ въ себѣ девяносто семь статей, а проэктъ «хозяйства» — семьдесятъ семь. Первый распадается на пять главъ, второй—на четыре; первая глава каждаго изъ нихъ, являясь какъ бы введеніемъ, содержитъ въ себѣ такъ называемыя «общія положенія». *Подъ городскимъ управленіемъ* первый проэктъ разумѣетъ организацію городскихъ учрежденій: ихъ составъ, функціи, выборы, «права и преимущества» и отвѣтственность [2]).

---

[1]) Отсутствіе мнѣній мѣстныхъ коммиссій по вопросамъ „городскаго хозяйства" въ объяснительной запискѣ понятно само собою, если припомнимъ, что по этимъ вопросамъ у коммиссій почему-то вовсе и не спрашивали мнѣній.

[2]) Вслѣдъ за первой главой, содержащей „Общія начала", слѣдуетъ вторая — „Составъ учрежденій, кругъ дѣйствій и предѣлы власти ихъ", третья — „Условія назначенія гласныхъ общей думы и замѣщенія должностей городскаго управленія", четвертая — „Порядокъ выборовъ", пятая — „Права и преимущества городской общественной службы и отвѣтственности должностныхъ лицъ".

Въ область же *городскаго хозяйства*, составляющаго содержаніе втораго проэкта, отнесена одна изъ функцій городскихъ учрежденій—«завѣдыванье общественнымъ хозяйствомъ», подъ которымъ проэктъ разумѣетъ исключительно завѣдыванье городскими доходами и расходами [1]); согласно такому опредѣленію области городскаго хозяйства, проэктъ послѣдняго и трактуетъ исключительно о городскихъ доходахъ и расходахъ вообще и завѣдываніи ими въ частности [2]).

Остановимся на проэктѣ «общественнаго управленія» сначала.

Всѣ города «въ отношеніи формы общественнаго управленія» дѣлятся на два разряда [3]); такое дѣленіе обусловливается «обширностью населенія и общественнаго хозяйства» [4]). Къ первому разряду относятся всѣ губернскія города и нѣсколько уѣздныхъ [5]); всѣ остальные — ко второму. Ихъ различіе относительно «формъ общественнаго управленія» главнымъ образомъ въ томъ, что въ городахъ перваго разряда исполнительнымъ органомъ думы является коллегіальное же учрежденіе, какъ и сама дума, а въ городахъ втораго разряда роль этого органа играетъ предсѣдатель общей думы—городской голова.

По старымъ учрежденіямъ 1785 г. и по городовому положенію 1846 г., даже по московскому и одесскому городовымъ положеніямъ 1862 г., городское общество для производства выборовъ распадается на сословныя группы: избирательныя собранія были *сословными собраніями;* проэктъ 1864 г. отказывается въ дѣлѣ выборовъ отъ начала сословности: всѣ пользующіеся правомъ активнаго избранія въ каждомъ городѣ распадаются на три «*отдѣла* такъ, чтобы на каждый отдѣлъ причиталась *одна треть* всѣхъ уплачиваемыхъ въ городѣ повинностей» [6]); т.-е. всѣ избиратели дѣлятся на три группы сообразно количеству уплачиваемыхъ ими податей и повинностей; при этомъ въ каждомъ изъ отдѣловъ неизбѣжно должно оказаться совершенно отличное отъ другихъ двухъ число избирателей: въ этотъ отдѣлъ могло входить ничтожное количество избирателей, въ другой, напротивъ, очень большое. Дѣло въ томъ, что одну треть городскихъ повинностей могли вносить всего нѣсколько человѣкъ, разъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности вноситъ очень большую долю ихъ; другую же могли внести лишь нѣсколько сотъ человѣкъ, разъ каждый изъ нихъ вноситъ очень скромную часть ихъ: статья 38 проэкта говоритъ — «къ первому отдѣлу должны быть причислены *тѣ платящіе высшаго размѣра повинности обыватели*, на которыхъ упадаетъ *до одной трети общей суммы;* ко второму — обыватели, уплачивающіе въ *среднемъ размѣрѣ* вторую треть повинностей, и къ третьему — платящіе *низшій размѣръ повинностей* обыватели, на долю которыхъ причитается артельная часть». Каждому изъ этихъ-то отдѣловъ, *различныхъ по числу* составляющихъ ихъ *избирателей*, «предоставляется избрать *одну треть* опредѣленнаго числа *гласныхъ*» [7]), т.-е. со-

---

[1]) „Проэктъ управленія“, ст. 8, п. 11.

[2]) За общими положеніями проэкта слѣдуетъ глава 2-ая о городскихъ расходахъ, за ней — главы — 3-я о городскихъ доходахъ и наконецъ глава 4-я — „О порядкѣ завѣдыванья городскимъ хозяйствомъ“.

[3]) Проэктъ, ст. 1, 2, п. 11.

[4]) Ст. 1 и Объяснительная записка, стр. 188 и сл.

[5]) „Матеріалы“, I, стр. 189 и сл.

[6]) Статья 38.

[7]) *Тамъ-же.*

вершенно одинаковое количество ихъ. Получаются, слѣдовательно, такіе результаты: часть плательщиковъ повинностей въ высшихъ размѣрахъ выбираетъ столько же представителей, сколько—цѣлая масса плательщиковъ низшаго разряда. Начало совершенно новое, совсѣмъ чуждое городскимъ учрежденіямъ старымъ, не высказанное ни одной изъ мѣстныхъ коммиссій городскихъ представителей. Изъ чего же исходили составители проэкта, вводя это начало? Обращаясь къ запискѣ, предпосланной проэкту, мы находимъ въ рубрикѣ «Соображенія министерства объ условіяхъ принадлежности къ городскому обществу» слѣдующіе доводы въ пользу указаннаго начала: постановивъ, что «право на званіе дѣйствительныхъ гражданъ города надлежитъ обусловливать *лишь участіемъ въ общихъ городскихъ интересахъ»* и что *«всѣ жители* города *заинтересованы въ его благоустройствѣ»,* министерство полагаетъ справедливымъ, «что *одно пользованіе удобствами* благоустроенной *городской жизни* (мостовыми, напр., освѣщеніемъ и т. п.) *не можетъ* еще *служить основаніемъ* для права *на участіе въ общественномъ управленіи»,* и что такимъ основаніемъ можетъ служить отбываніе повинностей въ пользу города [1]). Почему? А потому, что «городское благоустройство можетъ поддерживаться и развиваться лишь съ помощью матеріальныхъ средствъ», а эти послѣднія составляются «изъ уплачиваемыхъ съ недвижимой собственности и промысловъ повинностей». Изъ этого, по мнѣнію авторовъ проэкта, уже «само собою разумѣется» (?) что.... вы ждете: «необходимость дѣленія плательщиковъ на три отдѣла, которые такъ неравномѣрно пользуются участіемъ въ городскомъ управленіи»; нѣтъ, отсюда слѣдуетъ лишь «что только несущіе эти повинности и должны пользоваться правомъ участія въ общественномъ управленіи». И только. Этимъ страннымъ «соображеніемъ» и исчерпываются всѣ доводы въ пользу новаго начала, вносимаго проэктомъ въ городской строй. Изъ всего приведеннаго никоимъ образомъ не вытекаетъ статья 38 проэкта. Никакихъ другихъ объясненій мы однако не находимъ ни въ одной изъ различныхъ объяснительныхъ записокъ, ни въ одномъ изъ всяческихъ поясненій, толкованій, примѣчаній, возраженій, которыхъ въ «Матеріалахъ» напечатано не мало [2]). Быть можетъ, объясненія отсутствуютъ потому, что самое начало вовсе не изобрѣтено въ нѣдрахъ министерскихъ канцелярій, а просто позаимствовано у богатыхъ опытомъ сосѣдей. Не даромъ же одинъ изъ министерскихъ чиновниковъ ѣздилъ къ этимъ сосѣдямъ для изученія ихъ городскихъ порядковъ на мѣстѣ, не даромъ министерство потратилось на изданіе книги, какъ результатовъ этой поѣздки, — «Муниципальныя учрежденія въ главнѣйшихъ государствахъ западной Европы». Въ книгѣ изображены и муниципальныя учрежденія ближайшаго нашего сосѣда— Пруссіи; и въ этой странѣ еще въ 1850 г. [3]) какъ разъ введено въ городахъ

[1]) *Матеріалы,* I, стр. 203—204.

[2]) Хозяйственный департаментъ, издавшій эти матеріалы, должно быть распоряжался большими средствами, издавая ихъ, такъ какъ не стѣснялся одно и то же помѣщать дважды, какъ это сдѣлано, напр., съ объяснительной запиской къ проэкту.

Только въ изданіи „Городскаго положенія 1870 г. съ объясненіями" въ разъясненіи статей 24 и 25 его говорится, что настоящая система выбора „принята въ основаніе и въ болѣе развитыхъ законодательствахъ иностранныхъ".

[3]) Die Gemeinde-Ordnung für den preussischen Staat — 11 März 1850. См. наше сочиненіе „Устройство и управленіе городовъ въ Россіи", т. II, стр. 93.

дѣленіе ихъ избирателей именно на *три* разряда (Abtheilungen) по количеству уплачиваемыхъ имъ податей «соразмѣрно вносимымъ ими прямымъ налогамъ»; каждый разрядъ избираетъ *одну треть* членовъ общиннаго совѣта, а состоятъ эти разряды далеко не изъ одинаковаго числа избирателей, такъ какъ первый изъ нихъ, внося одну треть всѣхъ городскихъ налоговъ въ наивысшемъ размѣрѣ, состоитъ изъ наименьшаго числа, а послѣдній, внося ту же треть въ наименьшемъ размѣрѣ, состоитъ изъ наибольшаго количества избирателей. Оказывается, наши составители городоваго положенія цѣликомъ позаимствовали статью прусскаго закона. Что же ихъ такъ прельстило въ этой статьѣ? Вѣроятно, тѣ мотивы, которые прусское правительство высказало по поводу этого постановленія въ проэктѣ къ Gemeinde-Ordnung'у, и которыхъ наши чиновники не съумѣли хорошенько перевести. Прусское правительство мотивировало устанавливаемое имъ начало такимъ торжественно-важнымъ положеніемъ: «одинаковымъ обязанностямъ должны соотвѣтствовать одинаковыя права»; начало это оно въ 1850 году примѣнило къ дѣлу уже не въ первые: оно примѣнено было еще за годъ передъ такъ называемымъ «жалованнымъ трехклассным избирательнымъ закономъ (31 мая 1849 г.)» по отношенію къ избирателямъ въ парламентскія учрежденія; теперь же оно лишь пришло къ убѣжденію, что это положеніе «и въ общинныхъ дѣлахъ должно оставаться неприкосновеннымъ». Къ этому мотиву присоединялся и еще одинъ, высказанный также въ видѣ аксіомы, не требующей доказательства: «какъ въ средѣ бѣдныхъ преобладаютъ силы физическія, такъ въ средѣ богатыхъ — силы умственныя»; а посему законъ о трехъ разрядахъ избирателей и водворяетъ въ городскомъ управленіи «умъ богатыхъ». Но всѣ эти доводы, очевидно, только замаскировали суть дѣла; не даромъ тогдашняя извѣстность, проф. Раумеръ, несмотря на всяческіе доводы, ставилъ вопросъ: «почему всѣмъ необходимо долженъ управлять такъ называемый благородный металлъ, талеры, мошна». Трудно увѣрить, въ самомъ дѣлѣ, что «богатство, умъ и образованіе — синонимы». Въ одномъ мѣстѣ проэкта правительство, какъ на цѣль вводимой системы, указываетъ на «*обезпеченіе представительства*, одинаково охраняющаго интересы всѣхъ членовъ и элементовъ общества и *соотвѣтствующаго ихъ общинному* и *политическому значенію*»; другими словами цѣль въ устраненіи отъ представительства элементовъ въ общественномъ и политическомъ отношеніяхъ *сомнительныхъ*, такъ встревожившихъ правительство въ шумные дни мартовской революціи. Итакъ, въ концѣ концовъ мотивы прусскаго закона — исключительно политическіе. А это, казалось бы, особенно уважительная причина воздержаться отъ заимствованія этого закона. Наше болѣе чѣмъ благонадежное въ политическомъ отношеніи городское населеніе никоимъ образомъ не заслуживало подозрѣнія его въ неблогонадежности. Составители проэкта сами понимали, что указывать на такія цѣли вводимаго ими начала никоимъ образомъ не приходится, а потому и ограничились указаннымъ объясненіемъ. Лишь гораздо позже, когда проэктъ, пройдя всѣ многочисленныя инстанціи, превратился въ законъ, его составители въ разъясненіяхъ къ нѣкоторымъ изъ статей его указали на второстепенные мотивы, руководившіе ими въ данномъ случаѣ; такъ напр., той трехразрядной системой они думали «съ одной стороны—устранить *безпорядки*, происходящіе въ *многочисленныхъ собраніяхъ*,

съ другой — не допускать преобладанія большинства надъ меньшинствомъ, неизбѣжнаго при совокупной подачѣ голосовъ всѣми избирателями» [1]. Но почему эти цѣли могутъ быть достигнуты дѣленіемъ избирателей на разряды именно на основаніи вводимаго начала? Почему ихъ дѣлить нужно непремѣнно сообразно участію ихъ въ уплатѣ податей и повинностей, а не какъ либо иначе, напр., просто по округамъ, кварталамъ и т. п.? Рѣшительно трудно понять, почему этой системой думаютъ устранить вліяніе страшнаго почему-то большинства. Развѣ въ любомъ изъ трехъ разрядовъ избирателей избраніе будетъ рѣшаться единогласно или меньшинствомъ, а не большинствомъ, какъ бы немногочисленно собраніе ни было? Что-то все не то. Мелькомъ проскользнула въ «объясненіяхъ» мысль, что вводимой системой есть надежда «устранить *произволъ вліятельныхъ и не всегда дѣйствующихъ въ интересахъ общества лицъ*» [2]. Трудно рѣшить, о *какомъ* вліяніи, *какихъ лицъ* и въ *какое* время говорится въ данномъ случаѣ. Разъяснители говорятъ, что «столѣтній опытъ» убѣдилъ ихъ, что никакихъ изъ указанныхъ цѣлей при системѣ выборовъ «посредствомъ городскаго схода» старыхъ учрежденій достигнуть было нельзя. Стало быть, хотятъ сказать, что въ теченіи этого «опыта» царилъ произволъ... «не всегда дѣйствующихъ въ интересахъ общества лицъ». Или же здѣсь рѣчь идетъ о произволѣ такихъ лицъ въ *будущемъ*, еслибъ не введена была трехразрядная система? Эта система практикуется вотъ уже пятнадцать лѣтъ почти, и что же, можно съ полной увѣренностью сказать, что интересы городскіе всегда, у всѣхъ и вездѣ на первомъ планѣ, что «произволъ вліятельныхъ лицъ» въ избирательныхъ собраніяхъ рѣшительно не имѣетъ мѣста ни въ одномъ изъ трехъ отдѣловъ избирателей? Смѣемъ думать, что никто, хоть сколько нибудь знакомый съ практикой городскихъ выборовъ нашего времени, не рѣшится утверждать это. Составители проэкта, а гораздо раньше ихъ чиновники, ревизовавшіе старыя городскія учрежденія, ставили въ вину этимъ послѣднимъ, что они безжизненны, что они не заинтересовываютъ «гражданъ» на столько, чтобы заставить ихъ душой отдаться городскимъ дѣламъ и т. д., и т. д. Оживленія ждутъ отъ новаго городоваго положенія вообще, и отъ трехразрядной избирательной системы въ частности: только путемъ введенія этой послѣдней, по мнѣнію авторовъ проэкта, можно достигнуть «того широкаго и *плодотворнаго* для общества значенія», котораго имѣютъ въ виду достигнуть введеніемъ новаго городоваго положенія вообще. Оправдались эти розовыя ожиданія? Во многихъ городахъ новое положеніе вовсе еще не было введено, какъ уже тамъ, гдѣ его ввели, начинаютъ раздаваться голоса неудовольствія, именно по поводу избирательной системы. Чуть не со всѣхъ сторонъ и въ наше время раздаются жалобы, увы, на отсутствіе жизни въ городскихъ учрежденіяхъ, на недостатки избирательной системы; въ столицахъ жалуются на отсутствіе образованныхъ людей среди массы гласныхъ, на поглощеніе ихъ этою массою, почти всегда если не безграмотною, то — полуграмотною. А «мотивы» трехразрядной избирательной системы всю суть ея изла-

---

[1] „*Город. положеніе* 1870 г. съ объясненіями“, изданіе Хоз. департамента М. В. Д. 1873 г., стр. 32.

[2] *Тамъ-же*, стр. 30.

гаютъ въ томъ, что «капиталъ — тотъ же умъ» [1]). Впрочемъ, въ тѣхъ же «мотивахъ» есть очень странное на нашъ взглядъ признаніе по отношенію къ населенію «*небольшихъ*» городовъ, которые, какъ всѣмъ извѣстно, на столько преобладаютъ въ нашемъ отечествѣ, что составляютъ, такъ сказать, общее правило, а большіе — скромное исключеніе; признаніе это такого рода: утверждая, что въ большихъ городахъ представительство капитала, совпадающее съ представительствомъ образованія, благотворно отразится на «всемъ составѣ городскаго управленія», авторъ мотивовъ заявляетъ, что, наоборотъ, въ городахъ небольшихъ въ первомъ разрядѣ (избирателей) явилось бы представительство *исключительно капитала и притомъ* въ лицѣ весьма немногихъ жителей, *вліяніе коихъ*, быть можетъ, *не всегда соотвѣтствовало бы видамъ* правительства *и интересамъ городскаго общества* [2]); авторъ прямо боится, что въ такихъ городахъ въ первомъ разрядѣ избирателей можетъ оказаться всего два, три человѣка, которые, въ качествѣ «фабрикантовъ, торговцевъ, капиталистовъ и т. п. и безъ того уже держать въ своемъ подчиненіи *по* естественнымъ *экономическимъ* условіямъ цѣлое населеніе, *не выдѣляясь* въ то же время изъ среды онаго *особеннымъ образованіемъ*». Какъ на спасеніе отъ такой кабалы въ рукахъ капиталистовъ всѣхъ избирателей и всего городскаго управленія, мотивы указываютъ на введеніе *въ такихъ городахъ* не трехъ, а всего двухъ разрядовъ избирателей; а стало быть и ихъ собраній; каковая мѣра и введена, какъ извѣстно, двадцать пятою статьею дѣйствующаго городоваго положенія [3]).

Надо отдать однако составителямъ *перваго* проэкта городоваго положенія (составленнаго въ 1864 году) справедливость, что они, вводя новое начало, какъ будто нѣсколько смущенные несостоятельностью собственныхъ мотивовъ, вслѣдъ за 38 статьей внесли въ проэктъ статью, по которой даютъ по данному вопросу извѣстную долю вліянія собранію гласныхъ города, его представителей, — общей думѣ, «по ходатайству» которой «раздѣленіе избирателей на отдѣлы или отмѣны онаго» допускаются съ разрѣшенія министра [4]). Но эта статья исчезла изъ проэкта, несомнѣнно благодаря замѣчанію на нее Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, нашедшаго, что «едва ли есть основаніе утверждать въ разныхъ городахъ избирательныя собранія на совершенно различныхъ началахъ», это во-первыхъ, а во-вторыхъ, что нельзя допустить, чтобъ «одно изъ важнѣйшихъ законоположеній» новаго городоваго положенія «возможно было установлять иначе, какъ порядкомъ законодательнымъ» [5]). Вмѣстѣ съ этимъ 2-е Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи предложило измѣнить въ проэктѣ и самую статью 38, находя, что при такомъ порядкѣ (вводимомъ этой статьею) «составъ каждаго отдѣла избирателей будетъ нерѣдко измѣняться отъ причинъ, совер-

---

[1]) По крайней мѣрѣ въ такомъ счастливомъ совпаденіи ума и капитала въ избирателяхъ перваго разряда большихъ городовъ составители мотивовъ не сомнѣваются. „Городовое положеніе 1870 г.“ изданіе Хоз. департамента М. В. Д. 1873 г., стр. 33.

[2]) *Тамъ-же.*

[3]) Ею предоставляется городской думѣ ходатайствовать, въ случаѣ „малочисленности избирателей или однородности ихъ состава“, о раздѣленіи ихъ вмѣсто трехъ *на два* разряда.

[4]) „*Матеріалы*“, т. I, стр. 305, ст. 39 проэкта.

[5]) *Тамъ-же*, стр. 488.

шенно *случайныхъ;* отъ *случайныхъ* же причинъ будетъ зависѣть и доля вліянія и значенія каждаго отдѣльнаго избирателя» [1]). Для устраненія этихъ случайностей оно предлагаетъ «опредѣлить положительно, кто именно принадлежитъ къ каждому изъ отдѣловъ избирателей», а для этого Второе Отдѣленіе предлагаетъ, руководствуясь постановленіемъ статьи 28 «положенія о земскихъ учрежденіяхъ» о городскихъ избирательныхъ съѣздахъ, установить три разряда избирателей такъ, чтобы первые два «соотвѣтствовали по своему составу городскимъ избирательнымъ съѣздамъ для земскихъ выборовъ», а третій — состоялъ изъ владѣльцевъ городской недвижимой собственности меньшей стоимости, чѣмъ въ первыхъ двухъ разрядахъ, и изъ купцовъ и промышленниковъ, производящихъ торгъ и ремесло по свидѣтельству на мелочной торгъ или билетному сбору [2]). Въ новомъ, т. е. *второмъ* уже проэктѣ городоваго положенія, внесенномъ въ Государственный Совѣтъ въ концѣ декабря 1866 года, 38 статья перваго проэкта исчезла и замѣнена новою, которая цѣликомъ представляетъ собою указанную «поправку» Втораго Отдѣленія, отказавшись отъ начала опредѣленія права избранія количествомъ уплачиваемыхъ повинностей и замѣнивъ его началомъ соотвѣтствія этого права съ величиною недвижимой собственности. Статья 42 новаго проэкта дѣлитъ избирателей на «три *участка*». Первый изъ этихъ участковъ долженъ состоять изъ владѣльцевъ недвижимой собственности цѣною minimum 7,000 или 3,000 или, наконецъ, 1,500 руб., смотря по цифрѣ населенія даннаго города, и купцовъ первой гильдіи [3]); второй участокъ составляютъ владѣльцы недвижимой собственности цѣною не ниже 3,000 руб., 1,500 и 500 руб.; въ третій участокъ входятъ владѣльцы собственности меньше 3,000 р., 1,500 и 500 руб. и оплачивающіе промысловыя свидѣтельства, купеческое или прикащичье 1 разряда, и «билетный сборъ» [4]).

Обсуждавшая этотъ второй проэктъ, два слишкомъ года спустя послѣ его внесенія въ Государственный Совѣтъ, «Особая Коммиссія» [5]) при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ нашла возможнымъ оставить это новое опредѣленіе избирательныхъ собраній втораго проэкта безъ измѣненій; выдержало оно и тяжелый искусъ въ совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ, въ составъ котораго на этотъ разъ вошли двѣнадцать человѣкъ губернаторовъ различныхъ губерній и одесскій городской голова [6]), и во всей неприкосновенности появились въ «исправленномъ» уже *третьемъ* — проэктѣ положенія въ 42 статьѣ его [7]). А искусъ состоялъ въ томъ, что нѣкоторые изъ членовъ совѣта министра покусились на неприкосновенность статей проэкта, трактовавшихъ о составѣ городскаго

[1]) *Тамъ-же,* стр. 487.
[2]) *Тамъ-же,* стр. 488.
[3]) Именно: въ городахъ, населеніе коихъ выше 10 т. человѣкъ, въ первый разрядъ входятъ владѣльцы недвижимой собственности цѣной не ниже 7,000 р.; въ городахъ съ населеніемъ 20,000 до 10,000— не ниже 3,000 руб.; въ остальныхъ—не ниже 1,500 р. *„Матеріалы“*, т. II, стр. 11.
[4]) Конецъ 43 ст. проэкта и 42. *Тамъ-же.*
[5]) Изъ Гос. Совѣта проэктъ возвращенъ былъ 28 марта 1868 г. новому министру генералу Тимашеву, смѣнившему ст.-секретаря Валуева. Въ „особую коммиссію“ проэктъ попалъ лишь въ концѣ января уже 1869 г. *„Матеріалы“* т. II, 265 и 273.
[6]) Изъ нихъ двое — тверской и тульскій губернаторы были приглашены спеціально, а остальные находились въ Петербургѣ случайно „по дѣламъ службы“. *Тамъ-же,* стр. 293.
[7]) *Тамъ-же,* стр. 342 и 281.

общества, а стало быть и его избирателяхъ. Одинъ изъ этихъ членовъ, г. П. Семеновъ, высказалъ мысль, что было-бы «справедливо и полезно» ввести въ составъ городскаго общества «тѣхъ изъ наиболѣе значительныхъ нанимателей квартиръ, которые имѣютъ постоянное пребываніе въ городѣ»; справедливость и полезность такой мѣры, по его мнѣнію, вытекаетъ изъ того, что крупные квартиранты въ городскихъ дѣлахъ никакъ не менѣе заинтересованы, чѣмъ тѣ представители движимыхъ капиталовъ, которые допускаются къ участію въ этихъ дѣлахъ, какъ несущіе извѣстныя повинности съ своихъ торговъ и промысловъ. По мнѣнію г. Семенова, квартиранты «несутъ *косвеннымъ* образомъ всѣ тѣ повинности, какія существуютъ въ данной мѣстности въ пользу города съ мѣстныхъ жителей» [1]). При этомъ авторъ предложенія указывалъ еще и на то, что въ средѣ квартирантовъ, особенно въ провинціальныхъ городахъ, скорѣе чѣмъ въ средѣ домовладѣльцевъ можно найти такъ необходимый для городскаго управленія элементъ образованія, и это послѣднее обстоятельство, въ его глазахъ, должно служить сильнѣйшимъ аргументомъ въ пользу введенія въ составъ городскаго общества нанимателей квартиръ [2]). Къ этому мнѣнію присоединились еще одинъ изъ членовъ совѣта и двое изъ губернаторовъ, одинъ изъ коихъ видѣлъ въ предлагаемой мѣрѣ средство усилить въ городахъ Западнаго края «русскій элементъ»; а другой видѣлъ въ ней средство оградить интересы квартиро-нанимателей отъ домовладѣльцевъ, которые, вліяя на городскія дѣла, могутъ иногда нарушить эти интересы [3]).

Вопросъ этотъ поднятъ былъ по поводу 1 статьи проэкта 1869 года, которой опредѣлялся собственно составъ городскаго общества, и разрѣшенъ отрицательно; но членъ совѣта Семеновъ снова поднялъ его при обсужденіи 42-й статьи того же проэкта, которая говоритъ объ избирателяхъ, еще разъ заявивъ, что дарованіе правъ избирателей квартиро-нанимателямъ, платящимъ за квартиру 500—1,000 р., и «вполнѣ справедливо», и «полезно», и «не противорѣчитъ духу нашего законодательства», какъ то старались доказать возражавшіе ему [4]). Но и на этотъ разъ большинство оказалось противъ «опаснаго» нововведенія, грозившаго подорвать начало водворенія «владѣльческаго» элемента въ общественно-городскомъ строѣ. Такимъ образомъ статья объ избирателяхъ перешла въ исправленный проэктъ (третій — 1869 года) безъ измѣненій изъ проэкта — втораго — 1866 года; но разсужденія по поводу нея

---

[1]) *Матеріалы*, т. II, стр. 299.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 300. Г. Семеновъ счелъ нужнымъ заключить свое мнѣніе мыслью, что „наниматели квартиръ представляютъ изъ себя элементъ *не менѣе консервативный*, чѣмъ домовладѣльцы“. Въ данномъ случаѣ, очевидно, слѣдуетъ видѣть указаніе на заднюю — и настоящую причину введенія трехъ-разрядной системы избранія.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 301.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 321. А возражали противъ Семенова, между прочимъ, слѣдующее: 1) это было бы противно яко бы исконному стремленію законодательства „возстановить значеніе владѣльческаго сословія въ городскомъ управленіи“; 2) для введенія „новаго начала *особыхъ уваженій* пока еще не усматривается“; 3) предложеніе по его важности „не можетъ быть предметомъ рѣшенія безъ достаточной подготовки“. *Тамъ-же*, 302 — 303. При обсужденіи ст. 42 противники предложенія надумались и привели и еще возраженія: квартиранты больше чиновники, „а нерѣдко дилетанты (?) и игроки (!); уже то, что они, будучи богаты, остаются квартирантами, не превращаясь въ домохозяевъ, указываетъ на отсутствіе въ нихъ интересовъ городскихъ“. *Тамъ-же*, стр. 322.

въ «Особой Коммиссіи» и совѣтѣ министра побудили министерство поставить вопросъ объ «удобопримѣнимости ея на практикѣ», что повело къ затребованію отъ губернаторовъ свѣдѣній о числѣ домовладѣльцевъ въ городахъ, обладающихъ недвижимостью цѣною отъ 300 до 7,000 рублей, и купцовъ первой и второй гильдіи. По полученіи этихъ свѣдѣній отъ *сорока* губернаторовъ министерство пришло къ заключенію, что опредѣленія 42 статьи проэкта могутъ быть примѣнимы лишь «къ весьма немногимъ городамъ»; а въ большинствѣ городовъ оказалось бы «невозможнымъ составить не только перваго, но даже и втораго полныхъ избирательныхъ участковъ», благодаря ничтожному количеству владѣльцевъ недвижимостей той цѣны, какая для этихъ разрядовъ избирателей опредѣлена проэктомъ [1]). Въ виду этого министерство измѣняетъ статью объ избирателяхъ, возвышая, во-первыхъ, цифру населенія городовъ для дѣленія ихъ на разряды; во-вторыхъ, уменьшая «цифру стоимости недвижимыхъ имуществъ, предоставляющихъ права на участіе въ выборахъ» [2]). Второе Отдѣленіе Соб. Е. И. В. Канцеляріи, куда проэктъ еще разъ былъ внесенъ съ этими министерскими измѣненіями статьи объ избирателяхъ, не согласилось и дополнило статью лишь небольшой вставкой, внесшей въ первый и второй разряды избирателей, владѣльцевъ промышленныхъ заведеній свыше 20,000 р.— въ первый разрядъ, и отъ 6,000 р. до 20,000 р.—во второй [3]).

Но мы знаемъ, что теперь разсматриваемая статья о городскихъ избирателяхъ въ томъ видѣ, какъ ее выработалъ второй проэктъ, въ городовое положеніе 1870 года не попала; туда внесена видоизмѣненная въ *редакціонномъ* лишь смыслѣ статья *перваго* проэкта. Дѣло въ томъ, что *третій* проэктъ 1869 года, внесенный въ Государственный Совѣтъ, былъ переданъ оттуда «для измѣненія его и дополненія» на основаніи примѣчаній, сдѣланныхъ къ его постановленіямъ различными вѣдомствами, въ новую «коммиссію» подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго Втор. Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи [4]). Въ эту коммиссію, послѣ примѣненій и дополненій ею проэктовъ, предписывалось пригласить городскихъ головъ столицъ и Одессы и другихъ городовъ— послѣднихъ при условіи извѣстности ихъ министерству [5]). Вотъ этимъ-то городскимъ головамъ, какъ экспертамъ, и предложенъ былъ коммиссіей новый проэктъ, послѣ того какъ она сдѣлала по данному вопросу сводъ статей всѣхъ проэктовъ и мнѣній всѣхъ учрежденій, подававшихъ таковыя по этому предмету [6]). Возвращеніе

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 388. Такъ, по свѣдѣніямъ губернаторовъ оказалось, что напр., въ Петрозаводскѣ избирателей 1 разряда на лицо — 11 человѣкъ, въ Калугѣ — 14, въ Новгородѣ—22 и т. д., а выбирать они всѣ должны бы были по 25 представителей! Стр. 389.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 389—390.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 475—477.

[4]) „*Матеріалы*", т. III, стр. 1 — 3. Кромѣ предсѣдателя коммиссія составлялась изъ товарища министра вн. дѣлъ и другихъ чиновъ его, а также изъ чиновниковъ министерства финансовъ и Втораго Отдѣленія. Стр. 3.

[5]) *Тамъ-же*, стр. 4. Приглашались и „гласные"—въ качествѣ экспертовъ.

[6]) *Тамъ-же*, стр. 58. Экспертамъ въ сущности былъ уже предложенъ *четвертый* проэктъ, составленный этою коммиссіей; экспертами были: 1) *городскіе головы* — петербургскій *Погребовъ*, московскій — *кн. Черкасскій*, одесскій — *Новосельскій*, харьковскій — пот. поч. гр. *Шатуновъ*; динабургскій — ген.-майоръ *Гагельстремъ*, елецкій — пот. поч. гр. *Русановъ*, череповецкій — пот. поч. гр. *Милютинъ*, вознесенско-посадскій — бывшій гор. гол. — мануф.

къ первоначальной редакціи статьи объ избирателяхъ состоялось подъ вліяніемъ экспертовъ, многіе изъ которыхъ категорически высказались за такое возвращеніе. Этими-то экспертами вмѣстѣ съ членами коммиссіи и высказаны были всѣ тѣ мотивы раздѣленія избирателей на три разряда, которые напечатаны въ оффиціальномъ изданіи городоваго положенія съ объясненіями, и которые мы привели въ своемъ мѣстѣ. Только бывшій городской голова Вознесенскаго посада Гарелинъ категорически высказался противъ дѣленія избирателей на разряды, находя такое дѣленіе, во-первыхъ, противнымъ какъ «духу времени», такъ и «историческому складу русскаго народа»; а во-вторыхъ, и опаснымъ, — могущимъ повести къ нежелательной «борьбѣ голытьбы съ людьми лучшими»; въ третьихъ, наконецъ, едва ли возможнымъ во многихъ нашихъ городахъ, населеніе которыхъ очень не велико и не различается рѣзко по благосостоянію [1]). Въ случаѣ, если бы правительство не нашло возможнымъ отказаться отъ дѣленія избирателей на разряды, то Гарелинъ предлагалъ по крайней мѣрѣ вопросъ о раздѣленіи предоставить на усмотрѣніе самихъ городскихъ обществъ [2]). Всѣ остальные эксперты возстали противъ этого взгляда и особенно противъ предоставленія самимъ обществамъ городскимъ права рѣшать вопросъ «о системѣ выборовъ», находя, что въ «семъ случаѣ изданный законъ былъ бы уже не закономъ, а простымъ совѣтомъ или указаніемъ, ни для кого не обязательнымъ» (?) [3]). Московскій голова кн. *Черкасскій* и елецкій *Русановъ* высказали соображеніе, что «едва ли необходимо и полезно непремѣнно дѣлить избирателей на три разряда въ городахъ малолюдныхъ и незначительныхъ», гдѣ пришлось бы, по ихъ мнѣнію, дѣлить на эти разряды исключительно почти однихъ мѣщанъ; въ виду такого и иныхъ, уже приведенныхъ нами, мотивовъ [4]). Черкасскій предложилъ обществамъ незначительныхъ городовъ предоставить право ходатайствовать о раздѣленіи ихъ избирателей лишь на два разряда [5]).

Изъ этой коммиссіи статьи 24 и 25 городоваго положенія вышли уже въ совершенно готовомъ видѣ. Такимъ образомъ стремленія нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ представителей городскихъ коммиссій ввести въ составъ городскаго общества и управленія элементъ образованности и просвѣщенія остались неприченъ; о той формѣ этого введенія, которую предлагали названныя коммиссіи, — сравнять умственный цензъ съ имущественнымъ, — при составленіи проэктовъ подняли вопросъ лишь двое экспертовъ, приглашенныхъ въ коммиссію. Мысль

совѣтникъ *Гарелинъ*. 2) *Гласные* Петербурга — тов. предсѣд. окр. суда *Лихачевъ*, Москвы — дѣйств. стат. сов. *Шумахеръ*. *Тамъ-же*, стр. 201. Да не прибыли по болѣзни осташковскій гор. голова и гласный г. Владиміра.

[1]) *Тамъ-же*, стр. 216—217.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 217. Къ послѣднему мнѣнію присоединился петербургскій гласный, товарищъ предсѣдателя окр. суда *Лихачевъ*. А городской голова Петербурга *Погребовъ* присоединился къ мнѣнію Гарелина о непримѣненіи разрядной системы къ малолюднымъ городамъ.

[3]) *Тамъ-же*, 218—219. Впрочемъ, эксперты въ данномъ случаѣ просто присоединились къ членамъ коммиссіи, повторившимъ еще разъ всѣ доводы въ пользу „настоятельной необходимости“ этого дѣла, хотя не разъ высказанные до нихъ, и не прибавившимъ ничего новаго.

[4]) Занесенныхъ въ оффиціальное изданіе положенія 1870 года съ объясненіями.

[5]) *Тамъ-же*, стр. 221—222. Это добавленіе и вошло въ городовое положеніе 1870 г. въ видѣ 25 ст. его.

члена коммиссіи Семенова ввести этотъ элементъ путемъ признанія за квартиро-нанимателями правъ на участіе въ городскомъ управленіи отвѣчала только косвенно желаніямъ мѣстныхъ коммиссій, изъ коихъ нѣкоторыя, мы видѣли, думали осуществить поставленную ими цѣль признаніемъ правъ, введеніемъ въ составъ городскаго общества съ правами какъ активнаго, такъ и пассивнаго избранія, лицъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Еще менѣе отвѣчалъ этому проэктъ, предложенный въ той же коммиссіи съ участіемъ экспертовъ при обсужденіи вопроса о правѣ городовъ «установлять въ пользу города извѣстные сборы», объ установленіи квартирнаго налога. Московскій городской голова кн. *Черкасскій*, петербургскій гласный *Лихачевъ* и три члена коммиссіи [1]) предложили обсудить мысль о квартирномъ налогѣ съ двухъ точекъ зрѣнія — экономической и «точки зрѣнія *усиленія общественнаго представительства образованнымъ элементомъ*» [2]). При обсужденіи этого вопроса оказалось, что *главною цѣлью* въ данномъ случаѣ было въ сущности «*увеличеніе денежныхъ средствъ городовъ*». Доказывалось, что и квартиро-наниматели пользуются тѣми же удобствами жизни... какъ и всѣ другіе жители, а между тѣмъ все бремя налоговъ падаетъ преимущественно на домовладѣльцевъ и... занимающихся въ городѣ торговлею и промыслами; отсюда, положеніе ихъ, квартиро-нанимателей, гораздо болѣе выгодно, чѣмъ положеніе домовладѣльцевъ и особенно промышленниковъ. Изъ этого заключаютъ, что нѣтъ «достаточнаго основанія» освобождать квартиро-нанимателей отъ сборовъ въ пользу города, и привлеченіе ихъ къ этимъ послѣднимъ было только справедливостью [3]). Это было бы не только справедливо, но и разумно и необычайно практично, доказываютъ сторонники квартирнаго налога; практично въ томъ смыслѣ, что нѣтъ «болѣе нагляднаго и безошибочнаго признака для опредѣленія степени состоятельности каждаго обывателя, его средствъ къ жизни, какъ наемная плата» [4]). Наконецъ установленіе этого налога считалось настоятельнымъ въ виду «необезпеченности въ средствахъ большинства нашихъ городовъ», у которыхъ по проэктируемому положенію предполагалось отнять «всякія пособія изъ постороннихъ источниковъ». Это съ одной стороны; а съ другой — на нихъ имѣлось возложить «цѣлый рядъ *обязательныхъ* расходовъ». Въ квартирномъ налогѣ видѣли средства спасти города изъ ихъ затруднительнаго положенія; въ немъ видѣли возможность устранить впослѣдствіи такіе налоги, какъ, напр., налогъ на адресные билеты и паспорты.

Обставивъ такъ заманчиво финансовое значеніе проэктируемаго налога, обратили вниманіе и на другую сторону медали: этимъ путемъ надѣялись «обновить составъ городскаго общества новыми элементами», ввести въ составъ его лицъ, «принадлежащихъ *къ образованнымъ классамъ* населенія». Этой послѣдней цѣли и думаютъ удовлетворить путемъ «привлеченія въ составъ городскаго общественнаго представительства *наиболѣе значительныхъ нанимате-*

---

[1]) Тайные совѣтники *Домонтовичъ, Брунъ* и статсъ-секретарь *Гротъ*.
[2]) *Матеріалы*, т. II, стр. 295.
[3]) *Тамъ-же*, стр. 296.
[4]) Въ подтвержденіе всѣхъ указанныхъ качествъ квартирнаго налога проэктирующіе его „ссылались на примѣры большей части городовъ западной Европы". 297.

лей квартиръ»; въ этомъ видѣли «единственный путь поднять уровень городскаго общественнаго устройства» [1]). Такимъ образомъ эксперты предложили мѣстнымъ коммиссіямъ камень на ихъ просьбу о хлѣбѣ; вводя «новый элементъ» въ составъ общества, они въ сущности не вводятъ ровно ничего новаго, хлопоча, чтобы изъ этого элемента попали къ дѣламъ города — «наиболѣе значительные», т.-е. наиболѣе богатые. Проэктирующіе предполагали допустить квартирантовъ, платящихъ извѣстный налогъ, «къ участію въ общественномъ представительствѣ *на общемъ основаніи* [2]).

Но противъ налога возстали четверо экспертовъ — въ числѣ ихъ московскій гласный *Шумахеръ* [3]), находя его несогласнымъ съ основными началами проэкта городоваго положенія. Одинъ изъ нихъ — елецкій голова — доказывалъ, что въ большинствѣ городовъ «квартиро-наниматели одни лишь бѣдняки, обложеніе коихъ... было бы для нихъ весьма стѣснительно»; причемъ и самый налогъ «не могъ бы дать городу особенно обильныхъ средствъ» [4]); харьковскій голова утверждалъ, что въ городахъ квартиро-наниматели — или торговцы, уже несущіе налоги въ пользу города, или чиновники, или, наконецъ, временно живущіе въ городѣ «для своихъ удовольствій»; ни для тѣхъ, ни для другихъ изъ послѣднихъ «городскіе интересы» не существуютъ. Московскій гласный *Шумахеръ* находилъ, что «въ общемъ составѣ установленіе квартирнаго налога для расширенія избирательнаго права едва ли принесло бы особенно ощутительную пользу» въ виду того соображенія, что «вмѣстѣ съ образованными людьми вошла бы въ составъ избирателей масса людей малоразвитыхъ, которые могли бы, будучи большею частію временными жителями, при многочисленности своей вредно вліять на ходъ общественныхъ дѣлъ»; а къ этому еще нарушалась бы, по его мнѣнію, и справедливость: домовладѣльцы кромѣ налоговъ несутъ «весьма тяжелыя натуральныя повинности, отъ которыхъ квартиро-наниматели избавлены». Что касается экономической или финансовой стороны вопроса, то «въ практическомъ отношеніи» новый налогъ повелъ бы къ затрудненіямъ, благодаря которымъ онъ сдѣлался бы «весьма тягостнымъ», а между тѣмъ налогъ на домовладѣльцевъ въ сущности «въ окончательномъ результатѣ почти вполнѣ падаетъ на квартирантовъ» (а если допустить, прибавимъ отъ себя, что онъ падаетъ на нихъ вполнѣ, то и окажется, что домовладѣльцы несутъ однѣ натуральныя повинности въ пользу города; да и о тѣхъ трудно сказать, что ихъ не переводятъ въ концѣ концовъ на тѣхъ же жильцовъ) [5]). Только череповецкій голова, Милютинъ, при обсужденіи даннаго вопроса, возставая противъ введенія квартирнаго налога, пред-

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 299 — 300. Этимъ путемъ думали достигнуть именно тѣхъ цѣлей, которыхъ думали достичь мѣстныя коммиссіи признаніемъ правъ за кандидатами университетовъ, техниками, etc., допущеніе которыхъ къ городскимъ дѣламъ, *какъ таковыхъ,* эксперты и члены коммиссіи находили „совершеннымъ отступленіемъ отъ началъ, положенныхъ въ основаніе проэкта новаго городоваго положенія".

[2]) *Тамъ-же*, стр. 300.

[3]) Череповецкій городской голова *Милютинъ*, елецкій — *Русановъ* и харьковскій — *Шатуновъ*.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 301.

[5]) *Тамъ-же*, стр. 302 — 304.

лагалъ «предоставить усмотрѣнію городскаго общества принимать въ составъ свой, а равно и избирать въ общественныя должности тѣхъ изъ жителей города, которые, по признанію общества, могли бы принести ему пользу своими познаніями; подъ такими лицами онъ разумѣлъ, вмѣстѣ съ экспертомъ *Гареминымъ:* докторовъ, ученыхъ, артистовъ, художниковъ, архитекторовъ, инженеровъ и т. п., «получающихъ доходъ не съ собственности или промысловъ, а съ своихъ профессій». Признаніе за такими людьми права на участіе въ городскихъ дѣлахъ могло бы быть имъ съ одной стороны выраженіемъ признательности городскаго общества, а съ другой — восполненіемъ... *недостатка образованныхъ и способныхъ людей* [1]). Но кн. Черкасскій и одесскій городской голова *Новосельскій* нашли такое предложеніе, поддерживавшее, какъ мы знаемъ, мысль нѣсколькихъ мѣстныхъ представительныхъ коммиссій, и *несправедливымъ* и не нужнымъ. Несправедливымъ, ибо оно привлекало къ управленію городомъ лицъ, не несшихъ въ пользу него никакихъ повинностей; ненужнымъ потому, что, имѣй вышеперечисленныя лица «желаніе или готовность... оказать обществу свои услуги въ интересѣ города, они всегда могутъ *посредствомъ пріобрѣтенія недвижимой собственности или торговаго, промысловаго свидѣтельства» (!)* сдѣлать это [2]).

Въ концѣ концовъ всѣ эти долгія обсужденія закончились тѣмъ, что въ проэктъ, окончательно выработанный коммиссіей, вошла, во-первыхъ, статья 114 (въ главѣ о городскихъ сборахъ), какъ *мнѣніе большинства* — предоставляющая городскому собранію *ходатайствовать* передъ министромъ о введеніи въ пользу города налога съ жилыхъ помѣщеній; а министръ представляетъ такія ходатайства въ *законодательномъ порядкѣ;* а вмѣстѣ съ этой статьей вошло и мнѣніе предсѣдателя коммиссіи и двухъ ея членовъ, по которому статьи этой вносить въ проэктъ не слѣдовало, а достаточно ограничиться «заявленіемъ, въ журналѣ коммиссіи, о необходимости подвергнуть вопросъ обсужденію *городскихъ собраній»* [3]). Кромѣ того къ статьѣ 9, трактующей объ условіяхъ активнаго права избранія, прибавлено, какъ мнѣніе большинства, примѣчаніе 2, по которому, въ случаѣ установленія квартирнаго налога, министръ внутр. дѣлъ «представитъ *законодательнымъ порядкомъ* свои предположенія» о признаніи правъ за обложенными этимъ налогомъ на участіе въ городскихъ выборахъ (?!). Но тутъ же занесено мнѣніе, уже приведенное, предсѣдателя и двухъ членовъ, а также и по истинѣ курьезное мнѣніе «двухъ другихъ членовъ», которые «предлагаютъ внести въ проэктъ статью о квартирномъ налогѣ, но чтобъ не упоминать объ участіи плательщиковъ этого сбора въ городскихъ выборахъ» [4]); очевидно, «два другіе члена» хотѣли заставить квартирантовъ платить налогъ въ пользу города, но устранить ихъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ этого города. Это уже дѣйствительно идетъ въ разрѣзъ съ *«основными началами»*

---

[1]) *Тамъ-же,* стр. 300 — 303 и стр. 232. Къ нимъ присоединился и харьковскій городской голова Шатуновъ — 301, прим.

[2]) *Тамъ-же,* стр. 232 — 233.

[3]) *Тамъ-же,* стр. 423—424 и 308.

[4]) *Тамъ-же,* стр. 308 и 399.

проэкта новаго городоваго положенія, которое основываетъ право на участіе въ управленіи на уплатѣ повинностей [1]).

Государственный Совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ — законовъ, государственной экономіи, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ — рѣшилъ включить въ городовое положеніе проэктированную большинствомъ коммиссіи статью 114 проэкта, комбинированную съп римѣчаніемъ 2 къ статьѣ 9 проэкта, составленнымъ тѣмъ же большинствомъ [2]). Изъ этой комбинаціи получилась статья 135 городоваго положенія 1870 года, которая говоритъ лишь о введеніи квартирнаго налога путемъ ходатайства; что же касается полученія уплачивающими этотъ налогъ права на участіе въ городскихъ выборахъ, то объ этомъ, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Госуд. Совѣта отъ 16 іюня 1870 года, предоставлено «министру вн. дѣлъ войти съ надлежащими представленіями въ Государственный Совѣтъ» [3]).

Этимъ, т. е. въ концѣ концовъ возвращеніемъ къ началу, закончилась долгая, *шестилѣтняя*, возня съ даннымъ вопросомъ. Стремленія мѣстныхъ представительныхъ коммиссій, мнѣнія «экспертовъ» остались ни при чемъ; они должно быть запоздали, — ихъ подавали, высказывали семь лѣтъ спустя послѣ того, какъ Высочайше повелѣно было «безотлагательно приступить къ улучшенію» городскаго управленія, путемъ привлеченія къ участію въ немъ самого общества.

Мы вовсе не имѣемъ въ виду съ такою же подробностью, съ какою мы остановились на различныхъ фазисахъ разработки вопроса о городскихъ избирателяхъ, останавливаться на всѣхъ другихъ постановленіяхъ и опредѣленіяхъ городоваго положенія, на опредѣленіяхъ различными проэктами, мнѣніями, замѣчаніями, возраженіями и т. п. Это завело бы насъ слишкомъ далеко, да и едва ли бы могло быть оправдано необходимостью. Но мы не рѣшаемся отказать въ такой же подробности, такомъ же вниманіи, нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, не менѣе, по нашему крайнему разумѣнію, важнымъ, чѣмъ и вопросъ объ избирателяхъ.

Въ первомъ проэктѣ городоваго положенія — 1864 года — учрежденіями, вѣдающими «общественное городское управленіе», являются: *общая* и *распорядительная* городская *дума* и *городской голова*; послѣдній въ городахъ *«втораго разряда»* замѣняетъ собою распорядительную думу [4]). Число представителей городскаго общества — гласныхъ, составляющихъ общую думу, обусловливается числомъ избирателей города; причемъ minimum этого числа про-

---

[1]) Въ оффиціальномъ изданіи гор. положенія 1870 г. съ объясненіями многое изъ вышеизложеннаго, въ совершенно впрочемъ иной комбинаціи, приведено, какъ мотивы подъ статьей 135 положенія подъ двумя рубриками: 1) *„соображенія въ пользу* установленія квартирнаго сбора“, и 2) *„противъ* его установленія“. Здѣсь нѣтъ указаній на то, гдѣ и кто высказывался за или противъ этого налога. 2 изданіе, стр. 137—153.

[2]) *Тамъ-же,* стр. 477.

[3]) Статья III, п. 5 этого мнѣнія Гос. Совѣта. 2 изданіе гор. полож. 1870 года съ объясненіями, стр. 208.

[4]) Ст. 11 проэкта. *Матеріалы*, т. I, стр. 298. По проэкту, — ст. 1 — города „по степени обширности населенія и общественнаго хозяйства“ дѣлятся на два разряда. Въ городахъ перваго разряда исполнительный органъ думы — коллегіальное учрежденіе, а втораго — единоличное—*голова.*

эктировалось *двадцать пять*, при наличности minimum *пятисотъ* избирателей, а при большемъ количествѣ избирателей на каждые 250 человѣкъ ихъ прибавляется къ 25 гласнымъ по *пяти*, до тѣхъ поръ, пока число гласныхъ дойдетъ до цифры 75, свыше которой число гласныхъ думы провинціальныхъ городовъ не допускается [1]). Эти *minimum* и *maximum* составители проэкта установили въ виду того, что «меньшій размѣръ неудобно было бы допускать, такъ какъ (?) гласные должны заступать цѣлое городское общество и постановлять опредѣленія по важнѣйшимъ общественнымъ дѣламъ, притомъ (?) они не всегда могутъ собираться въ полномъ составѣ»; цифра же 75 принята какъ maximum потому, что эта цифра «признана *достаточной*» для Одессы, самаго многолюднаго города послѣ столицъ [2]), хотя нужно замѣтить, что эта цифра найдена «достаточной» въ министерствѣ, мѣстный же комитетъ, занимавшійся вопросомъ о примѣненіи городоваго положенія 1846 года къ Одессѣ, находилъ достаточной лишь цифру *сто пятьдесятъ* гласныхъ — по 50 человѣкъ отъ каждаго изъ трехъ городскихъ сословій, пользовавшихся правомъ избранія; а не по 25, положенныхъ министерствомъ [3]). Гласныхъ общей думы проэктировалось предоставить избирателямъ выбирать изъ своей среды, т. е. въ данномъ случаѣ *пассивный* цензъ оставался равнымъ активному [4]). При этомъ выборы гласныхъ устанавливались *одно*, а не *двустепенными*, какъ это имѣло мѣсто по городовому положенію Петербурга 1846 года, даже и по примѣненіи его въ 1862 году къ Москвѣ и Одессѣ, не смотря на то, что мѣстные комитеты этихъ городовъ и стояли за одностепенные выборы [5]): — избиратели выбирали прямо гласныхъ, а не такъ называемыхъ выборныхъ. «Общая дума» по проэкту «представляетъ собою цѣлое городское общество и входитъ въ обсужденіе всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ» [6]). «Она ограничивается только составленіемъ общественныхъ приговоровъ» [7]); а всѣ текущія распоряженія по предметамъ общественнаго городскаго управленія возлагаются — въ городахъ перваго разряда на распорядительную думу, втораго — на городскаго голову [8]). Члены этого *исполнительнаго* учрежденія назначаются «*по выбору общей думы*», и притомъ вообще «изъ лицъ мужскаго пола, *имѣющихъ право голоса на выборахъ*», т. е. пользующихся правомъ активнаго избранія [9]); число членовъ распорядительной думы предполагалось опредѣлить minimum'омъ въ *два* и maximum'омъ въ *девять* человѣкъ; при этомъ опредѣленіе ихъ числа въ границахъ этихъ цифръ предоставлялось на первый разъ губернаторамъ, а впослѣдствіи — «общей» думѣ съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ [10]). Второе Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи, разсматривая эти статьи проэкта, нашло болѣе

---

1) Статья 12 проэкта. *Тамъ-же.*

2) *Матеріалы*, т. I, стр. 224.

3) *Дитятинъ.* Устройство и управленіе городовъ Россіи, т. II, стр. 519, примѣч.

4) Статья 47 проэкта.

5) *Тамъ-же*, стр. 518. Гласные по проэкту избираются непосредственно самими членами городскаго общества. Ст. 36 проэкта. *Матеріалы*, т. I, 304.

6) Ст. 15 проэкта. *Матеріалы*, т. I, стр. 299.

7) Ст. 23. *Тамъ-же.* 301.

8) Ст. 24. *Тамъ-же.*

9) Ст. 53 проэкта. *Матеріалы*, т. I, 307 п., стр. 258.

10) Ст. 13 проэкта. *Тамъ-же*, 298.

правильнымъ предоставить общей думѣ вообще установленіе числа членовъ распорядительной въ предѣлахъ, указанныхъ проэктомъ, разсуждая, что ихъ число «въ каждомъ городѣ должно зависѣть отъ причинъ и обстоятельствъ чисто мѣстныхъ» [1]). Это же Второе Отдѣленіе не нашло возможнымъ дѣлить города по отношенію къ организаціи исполнительнаго органа на два разряда, находя, что «коллегіальное устройство для учрежденія хозяйственнаго имѣетъ большія преимущества *во всякомъ городѣ*», а потому и рекомендовало повсюду ввести какъ «учрежденія общественнаго городскаго управленія — *Городскую Думу и Городскую Управу*» [2]). Въ виду несомнѣнно этихъ указаній во второмъ проэктѣ министерства 1866 года — дѣленіе городовъ на два разряда изчезаетъ, и учрежденіями общественнаго управленія повсюду проэктируются «*Городское Общественное Собраніе и Городская Дума*» [3]); при этомъ число членовъ послѣдней не опредѣляется уже даже и предѣлами maximum'а и minimum'а, установленіе котораго предоставляется самому городскому общественному собранію, «*которое можетъ измѣнять это число по указаніямъ опыта при каждомъ возобновленіи состава* городской думы» [4]). По обоимъ проэктамъ какъ гласные общей думы (городскаго общественнаго собранія), такъ и распорядительной (городской думы) избираются на четыре года, при чемъ и тамъ, и здѣсь половина ихъ должна выбывать *по очереди* [5]).

Какъ по проэкту 1864 года, такъ и по второму 1866 года, городской голова предсѣдательствовалъ лишь въ распорядительной думѣ — городской (по второму 1866 года проэкту), для предсѣдательствованья въ общей или городскомъ собраніи «избирался гласными изъ своей среды *особый предсѣдатель*» [6]); *городской голова* предсѣдательствовалъ лишь въ распорядительной думѣ или городской [7]). Устанавливая такой порядокъ вещей, министерство имѣло въ виду «замѣчанія нѣкоторыхъ коммиссій» (мѣстныхъ), намъ уже извѣстныя, о необходимости имѣть различныхъ, а не одного и того же предсѣдателя, въ обѣихъ думахъ. Министерство въ данномъ случаѣ и само находило, что «дѣйствительно, если дума общая должна быть учрежденіемъ, постановляющимъ опредѣленія и контролирующимъ, а дума распорядительная — исполнительнымъ, то... въ самой ихъ организаціи *необходимо устранить все то, что могло бы противорѣчить ихъ назначенію*». А такимъ противорѣчіемъ было бы общее предсѣдательство городскаго головы въ общихъ думахъ: «это могло бы стѣснять свободу общей думы въ повѣркѣ дѣйствій исполнительной власти общественнаго управленія, которая преимущественно будетъ находиться въ рукахъ городскаго головы»: да и положеніе самого городскаго головы, по мнѣнію составителей проэкта, можетъ быть «ложнымъ» въ томъ, напр., случаѣ, если обѣ думы разойдутся въ своихъ мнѣніяхъ по какому либо вопросу. Кромѣ этихъ соображеній, составители

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 475. Къ такимъ причинамъ оно относило: сложность дѣлъ, наличность способныхъ людей и наконецъ — денежныя средства города.

[2]) *Тамъ-же.*

[3]) Ст. 11 проэкта. *Матеріалы*, т. II, стр. 4.

[4]) *Тамъ-же*, ст. 13 проэкта.

[5]) Ст. 50 и 65 перваго проэкта; и 53 и 65 втораго.

[6]) Ст. 12 проэкта 1864 и 1866 годовъ.

[7]) Ст. 13 того и другаго проэктовъ.

имѣли въ виду еще опредѣленія по данному вопросу положенія *о* земскихъ учрежденіяхъ, по которому, какъ извѣстно, управы и собранія имѣютъ разныхъ предсѣдателей [1]).

Когда оба проэкта, возвращенные изъ Государственнаго Совѣта, были разсмотрѣны въ особой коммиссіи при министерствѣ вн. дѣлъ и поступили въ совѣтъ министра, то въ послѣднемъ изложенные выше предметы возбудили особое къ себѣ вниманіе, и обсужденіе ихъ привело къ нѣкоторымъ измѣненіямъ опредѣляющихъ ихъ статей проэкта. Прежде всего найдено было, что «наименьшее число гласныхъ 25—недостаточно», почему и рѣшено было, что «число гласныхъ опредѣляется не на 500 избирателей, а на 300», и сверхъ того увеличивается ихъ количество не на 250 избирателей, а на каждые 150; при этомъ во вниманіе къ заявленію воронежскаго губернатора, что «нѣкоторыя изъ предположенныхъ цифръ числа гласныхъ не могутъ дѣлиться на три равныя части безъ остатка соотвѣтственно... раздѣленію избирателей на три участка», было рѣшено начать опредѣленіе числа гласныхъ не съ 25, а съ 27 и... на каждые 150 прибавлять по 6 человѣкъ [2]). По вопросу о разныхъ предсѣдателяхъ въ думахъ *два* члена совѣта вмѣстѣ съ саратовскимъ губернаторомъ и одесскимъ городскимъ головой высказались рѣшительно противъ раздѣленія предсѣдательствъ въ этихъ учрежденіяхъ, находя, что такое раздѣленіе повело бы «на практикѣ къ *важнымъ неудобствамъ*», которыя, по ихъ мнѣнію, состоятъ въ слѣдующемъ: во-первыхъ, при такомъ раздѣленіи получилось бы «въ сущности *два городскихъ головы*», изъ которыхъ предсѣдатель общей думы—городскаго общественнаго собранія—имѣлъ бы, въ теченіи избирательнаго періода, слишкомъ большое вліяніе (?) въ ущербъ значенію городскаго головы и, «составивъ около себя партію, постоянно вмѣшивался бы въ распоряженія головы», «какъ предсѣдатель контролирующаго учрежденія»; а это, по ихъ мнѣнію, повело бы «къ борьбѣ партій, смѣшенію личныхъ интересовъ съ общественными и проч.» Земство, думаютъ названныя лица, примѣромъ въ данномъ случаѣ служить не могутъ, ибо между земскимъ и общественнымъ городскимъ собраніями—существенное различіе: «первое имѣетъ мѣсто—по сессіямъ, по окончаніи коихъ гласные разъѣзжаются, и предсѣдатель слагаетъ съ себя обязанности; въ послѣднемъ, за отсутствіемъ сессій, положеніе предсѣдателя получаетъ иной характеръ и значеніе». Во-вторыхъ, по свидѣтельству одесскаго городскаго головы, какъ предсѣдатель только распорядительной городской думы, городской голова «потерялъ бы всякое значеніе», такъ какъ по его убѣжденію «городское общественное управленіе въ столицахъ и Одессѣ сложилось такъ, что первенствующее значеніе получила общая дума, при чемъ и *сознала* это положеніе». А потерявъ значеніе, *городской голова*, въ качествѣ предсѣдателя только исполнительнаго учрежденія, «*былъ бы лишенъ возможности вліять на ходъ дѣлъ, какъ агентъ правительства, по исполненію тѣхъ или другихъ изъ его предположеній и предначертаній*». Въ третьихъ, наконецъ, по заявленію саратовскаго губернатора, города были бы въ большинствѣ случаевъ поставлены въ большое затрудненіе тѣмъ, что въ

[1]) *Матеріалы*, т. I. стр. 225.
[2]) *Матеріалы*, т. II, стр. 305.

средѣ гражданъ не всегда было бы возможно отыскать «лицъ *достойныхъ и способныхъ занять мѣсто*, съ одной стороны, *городскаго головы*, а съ другой—*еще предсѣдателя городскаго собранія*» [1]); другими словами, по мнѣнію хозяина Саратовской губерніи, въ нашихъ городахъ до того «свѣтъ клиномъ сошелся», что найти въ нихъ пару порядочныхъ людей было бы болѣе, чѣмъ труднымъ дѣломъ.

Трое другихъ членовъ совѣта и четверо губернаторовъ, напротивъ, вопреки только что изложенному взгляду, въ возложеніи предсѣдательства въ думѣ на особое лицо видѣли «одно *изъ самыхъ главныхъ основаній для правильной организаціи городскаго управленія»;* къ тѣмъ мотивамъ этого положенія, которые были указаны составителями перваго проэкта городоваго положенія, упомянутыя лица присоединили еще и свои соображенія такого рода: прежде всего, говорили они, необходимо упрочить контроль городскаго общества, смѣняющій по проэктамъ контроль губернскаго начальства, надъ управленіемъ городскими дѣлами вообще, и городскимъ хозяйствомъ въ частности; но этого контроля «*не могло бы быть никогда въ дѣйствительности, еслибъ городской голова предсѣдательствовалъ какъ въ думѣ, такъ и въ городскомъ собраніи*, ибо онъ получилъ бы всѣ способы къ тому, чтобы личнымъ вліяніемъ направлять ходъ дѣла по своему усмотрѣнію»; дальше—разъ правительство, говорятъ они, отказавшись отъ опеки, рѣшило дать городскому управленію самостоятельность, оно должно «изыскать средства къ обезпеченію законности дѣйствій онаго»; оно должно поставить дѣло такъ, чтобы *въ самомъ общественномъ управленіи* находились «элементы самоограниченія и свободы, въ исполненіи требованій закона, въ случаѣ ложнаго направленія дѣйствія городскаго собранія»; въ виду достиженія этой цѣли по проэкту (статья 23 проэкта 1864 года и 26 проэкта 1866) городоваго положенія городская дума (управа) и голова въ извѣстныхъ случаяхъ незаконныхъ постановленій городскаго собранія (думы) становятся «внѣ подчиненнаго отношенія» къ послѣднему, т.-е. не исполняютъ его постановленій. Разъ такое положеніе вещей признано проэктомъ необходимымъ—«необходимо полное отдѣленіе совѣщательнаго и исполнительнаго органовъ городскаго управленія», а этого достигнуть возможно лишь путемъ раздѣленія предсѣдательствованій въ томъ и другомъ изъ нихъ; что касается заявленія Новосельскаго о выработавшемся практикой положеніи въ Одессѣ общей думы, то такое положеніе ея, по мнѣнію названныхъ членовъ, должно вызвать никакъ не заботы о водвореніи его во всѣхъ городахъ новымъ городовымъ положеніемъ, а наоборотъ—заботы объ ограниченіи круга дѣйствій городскаго собранія (думы) и развитіи самостоятельности городской думы (управы), ибо опытъ уже показалъ, что такое незаконно усвоенное направленіе городскаго управленія въ Одессѣ «можетъ вести къ послѣдствіямъ, повторенія коихъ едва ли бы слѣдовало желать». Наконецъ, говорятъ сторонники даннаго рѣшенія вопроса, нельзя игнорировать въ настоящемъ случаѣ мнѣній нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ городскихъ коммиссій, имѣвшихъ въ виду несомнѣнно дѣйствительное положеніе вещей, а также и того обстоятельства, что «*допускаемое иногда*

[1]) *Тамъ-же*, стр. 306—307. Съ этими разумными доводами начальника саратовской губерніи соглашался и одесскій городской голова г. Новосельскій.

по земскимъ учрежденіямъ соединеніе обязанностей предсѣдателя собранія и управы въ лицѣ предводителя дворянства служитъ нерѣдко поводомъ, какъ заявили о томъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ въ совѣтѣ губернаторовъ, къ однимъ лишь затрудненіямъ и неудобствамъ» [1]).

Баллотировкой вопросъ о различныхъ предсѣдателяхъ въ городскомъ собраніи (думѣ) и городской думѣ (управѣ) рѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ большинствомъ *двадцати девяти* голосовъ противъ *двухъ* [2]).

Всѣ эти заключенія совѣта министра по даннымъ вопросамъ — о количествѣ гласныхъ городскаго общественнаго собранія и предсѣдателяхъ этого собранія и городской думы (управы) — и вошли въ исправленный совѣтомъ проэктъ 1866 г., выработанный въ 1869 г., въ его статьи 11, 12 и 13.

Но противъ такого рѣшенія вопроса высказался, давая свои заключенія о проэктахъ, въ отвѣтъ на запросъ Государственнаго Совѣта, прежде всего министръ юстиціи. Онъ нашелъ, что существовавшій въ то время въ столицахъ и Одессѣ порядокъ вещей — такъ краснорѣчиво, мы видѣли, защищавшійся г. Новосельскимъ — «представляетъ *многія важныя выгоды*»: городской голова, предсѣдательствующій и въ городскомъ собраніи (думѣ), по его мнѣнію, «имѣетъ болѣе возможности устранить неправильныя рѣшенія, и... такимъ образомъ избѣжать невыгоднаго положенія антагонизма съ собраніемъ» [3]). Главноуправляющій Втораго отдѣленія предложилъ лишь измѣнить терминологію проэкта: городское общественное собраніе называть городской думой, а городскую думу проэкта — городской управой; а относительно предсѣдателя думы имъ предложено было замѣнить выборы его на каждое засѣданіе «особо» выборами на годъ [4]).

Коммиссія подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго Вторымъ отдѣленіемъ «согласилась вполнѣ съ заключеніемъ министерства... о необходимости отдѣленія должности предсѣдателя думы отъ должности городскаго головы и вмѣстѣ съ тѣмъ признала справедливымъ заключеніе Втораго отдѣленія, что предсѣдатель думы долженъ быть выбираемъ не на каждое засѣданіе, а по крайней мѣрѣ на годъ» [5]). Приглашенные въ коммиссію эксперты, составъ которыхъ намъ уже извѣстенъ, также остановились на разсматриваемыхъ здѣсь вопросахъ о «городскихъ учрежденіяхъ». Спеціально по вопросу «о совмѣщеніи обязанностей предсѣдателя городскаго собранія (думы) и должности городскаго головы», первымъ высказался еще разъ одесскій городской голова, дѣйствит. ст. сов. Новосельскій, уже имѣвшій случай, мы видѣли, высказаться по этому поводу въ совѣтѣ министра. Въ настоящемъ случаѣ г. Новосельскій уже со-

[1]) *Тамъ-же*, стр. 308—309. Къ этому мнѣнію присоединился директоръ Хоз. департамента министерства, который предложилъ лишь избирать предсѣдателя собранія (думы) и думы (управы) на разные сроки. Рѣшено было перваго избирать „каждаго особо", т.-е. на каждое засѣданіе. *Тамъ-же*, 310.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 310. При этомъ большинствомъ 15 противъ 9 рѣшено не допускать городскаго голову до баллотировки въ предсѣдатели собранія, который (большинствомъ 21 противъ 3) избирается на каждое засѣданіе.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 382.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 446.

[5]) *Матеріалы*, т. III, стр. 13, и статьи 40 и 41 исправленнаго коммиссіей проэкта *Тамъ-же*, стр. 120.

глашается, что «*теоретически* мысль о совершенномъ отдѣленіи совѣщательнаго и исполнительнаго органовъ городскаго общественнаго управленія» съ раздѣленіемъ предсѣдательства въ нихъ между разными лицами «представляется вполнѣ правильною»; но что на практикѣ она — не примѣнима, такъ какъ предсѣдатель думы, избираемый на годъ, превратится «безъ особыхъ съ его стороны исканій по неотразимой силѣ вещей» въ «перваго» городскаго голову, почему «дѣйствительнымъ распорядителемъ въ городѣ будетъ не управа, а дума; а городской голова въ силу этого «не въ силахъ будетъ удержать за собою первенствующее положеніе». Онъ пророчески предрекаетъ, что дума такъ «стѣснитъ инструкціями своими» управу, что значеніе послѣдней, а вмѣстѣ и городскаго головы, упадетъ совершенно; а это дастъ въ результатѣ всеобщее уклоненіе отъ принятія должности городскаго головы «всѣхъ наиболѣе способныхъ членовъ общества» [1]).

Противъ проэкта отнятія у городскаго головы предсѣдательства въ думѣ высказался и городской голова Петербурга, Погребовъ, на томъ основаніи, что будто бы въ случаѣ такого отнятія «тѣсная связь между совѣщательнымъ и распорядительнымъ органами городскаго управленія», существующая въ столицахъ и Одессѣ, должны будутъ изчезнуть, «и *вмѣсто двухъ органовъ одного и того же городскаго управленія явились бы два отдѣльныя самостоятельныя учрежденія, съ своими особыми предсѣдателями*». Предсказывая имѣющія получиться въ результатѣ такого положенія вещей «столкновенія, недоразумѣнія, пререканія» и т. п. ужасныя вещи, петербургскій мэръ, подобно одесскому, въ концѣ концовъ самое ужасное послѣдствіе видитъ въ умаленіи достоинства россійскаго городскаго мэра, который, по его словамъ, будетъ низведенъ на жалкую «степень простаго приходо-расходчика»; и въ такое положеніе попадетъ, страшно сказать, тотъ, кто «по укоренившимся понятіямъ городскихъ жителей, по историческому развитію (?) городской жизни, есть главный (ссылка на авторитетное мнѣніе дѣйств. ст. сов. Новосельскаго) представитель всего общественнаго управленія и уполномоченный отъ всѣхъ городскихъ сословій». По мнѣнію этого городскаго головы, самая управа должна существовать, благодаря такому «историческому» значенію головы, лишь для того, чтобы сей послѣдній имѣлъ возможность въ тѣхъ случаяхъ, «гдѣ требуются распорядительность и исполненіе» — посовѣтоваться съ членами управы. Что касается контроля думы надъ управой, который, мы видѣли, защитниками раздѣленія предсѣдательствъ выставляется однимъ изъ главныхъ мотивовъ такого раздѣленія, то по мнѣнію Погребова «для дѣйствительнаго, *живаго* контроля необходимо, чтобы во главѣ управленія (т.-е. думы и управы) стояло одно лицо, которое несло бы всецѣло отвѣтственность за успѣшный ходъ дѣлъ» (?) [2]). Эти убѣдительные доводы двухъ головъ побѣдили всѣхъ остальныхъ, изъ коихъ четверо просто согласились съ двумя [3]); а кн. Черкасскій и петербургскій

[1]) *Тамъ-же*, стр. 247 — 249. На этотъ разъ Новосельскій удерживается отъ замѣчанія, что городской голова рискуетъ потерять значеніе правительственнаго агента.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 249 — 250.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 251. При этомъ эти четверо указали, что на время разсмотрѣнія въ думѣ отчетовъ управы и жалобъ на нее или на городскаго голову можно избирать особаго предсѣдателя.

гласный г. Лихачевъ, согласившись съ мнѣніемъ «всѣхъ прочихъ головъ», привели еще и свои, болѣе убѣдительные, доводы, раздѣливъ ихъ на категоріи — *теоретическую и практическую.* Просматривая доводы первой категоріи, мы рѣшительно не могли отыскать ничего новаго, особенно убѣдительнаго; она сводится къ «старой погудкѣ на новый ладъ»: Московскій мэръ и петербургскій гласный поютъ ту же пѣсню объ уничтоженіи званія городскаго головы, особенно опасномъ, по ихъ мнѣнію, именно во время преобразованій, когда «необходимо прежде всего, чтобы во главѣ управленія стояло лицо, *полномочія и положеніе* коего *давали бы ему возможность съ твердостью направлять* къ лучшимъ цѣлямъ *дѣятельность всего городскаго управленія*». Почтенные эксперты даже рѣшаются принять нѣсколько угрожающій тонъ: «едва ли удобно правительству», говорять они, «принимать на себя нравственную отвѣтственность за такое нововведеніе, *которое можетъ повести къ вредному во всѣхъ отношеніяхъ ослабленію положенія городскаго головы*». Опасность отвѣтственности, по ихъ мнѣнію, тѣмъ болѣе велика, что проэктомъ новаго положенія и такъ уже положеніе городскаго головы значительно умалено сравнительно съ прежнимъ: избиравшійся прежде «выборными *всѣхъ сословій*» голова, по ихъ мнѣнію, поэтому и являлся представителемъ общества, а не какого нибудь учрежденія вродѣ думы; а посему былъ неподчиненною думѣ властью, а параллельною ей, и, слѣдовательно, былъ «дѣйствительнымъ представителемъ общества». Серьезнаго контроля, думаютъ они, «нужно искать въ дѣйствіи общественнаго мнѣнія и гласности» [1]). Къ симъ *теоретическимъ* доводамъ, приводя которыя, однако, почтенные эксперты не разъ ссылаются «на практику столицъ и Одессы» — присоединены и «сужденія *практическія*», во главѣ угла коихъ кн. Черкасскій ставитъ соображеніе, что «умаляемый» городской голова проэктовъ въ случаѣ, «когда интересы администраціи (?) не вполнѣ совпадали бы съ интересами городскими», не могъ бы «уравновѣшивать собою взаимно интересы общества и правительства, умѣряя одни и смягчая другіе», и не могъ бы учинить сего опять-таки потому, что его «положеніе не будетъ почетнымъ... въ глазахъ правительства». При двухъ предсѣдателяхъ правительство, по мнѣнію кн. Черкасскаго, стало бы въ затруднительное положеніе, обязавъ себя «имѣть дѣла съ двумя представителями городскаго общества, изъ коихъ каждый не имѣлъ бы достаточнаго, собственно отъ общества, полномочія». Князь не сомнѣвается, что городской голова, разобиженный своимъ положеніемъ предсѣдателя управы только «при выполненіи разныхъ обязательныхъ городскихъ расходовъ... дѣйствовалъ бы, конечно (?), болѣе въ видахъ правительства»; между тѣмъ какъ положеніе предсѣдателя думы, при возможности подобнаго направленія головы, вызывало бы *къ дѣятельности, которая могла бы* преслѣдовать *нѣсколько и иныя цѣли.* Особенно важнымъ «сужденіемъ» князь считалъ соображеніе, что при необходимости избирать двухъ предсѣдателей въ обществѣ почему то не будетъ той «сознательности и разборчивости», которыя необходимы для развитія выборнаго устройства общества и его крѣпости. Въ заключеніе и князь указалъ на *невозможность* «въ городахъ незначительныхъ»

---

[1]) *Тамъ-же,* стр. 251—252.

найти пару «достойныхъ» людей, на невозможность вообще привлечь къ занятію должности городскаго головы тѣхъ лицъ, *которыя нынче съ охотою принимаютъ на себя эту должность, въ виду почетнаго ея значенія въ городскомъ обществѣ»* [1]).

Авторитетный г. Новосельскій, выслушавъ заключеніе кн. Черкасскаго, не выдержалъ и еще разъ высказался противъ такъ страшнаго раздѣленія предсѣдательствъ, указавъ на необходимость поставить городскаго голову, «такъ сказать, *внѣ общественнаго управленія, выше его»*, поставить его въ такое положеніе, въ которомъ ему принадлежало бы главнѣйшее «руководительство и общій живой (?) контроль, наблюденіе и направленіе всего состава общественнаго управленія»... Въ случаѣ многосложности занятій городскаго головы, г. Новосельскій предлагаетъ дать послѣднему подчиненнаго ему помощника «*для* непосредственнаго *завѣдыванья* исполнительной частью и... упомянутымъ *живымъ контролемъ»* [2]).

Въ дополненіе ко всѣмъ этимъ «сужденіямъ» и соображеніямъ экспертовъ высказались за ту же мысль и двое изъ членовъ коммиссіи [3]), указавъ еще разъ на возможность «нескончаемыхъ пререканій между предсѣдателемъ думы и управы» и невозможность отыскать «общественныхъ дѣятелей» въ достаточномъ количествѣ [4]).

Не смотря на всю, повидимому, убѣдительность вышеприведенныхъ доводовъ, среди экспертовъ и членовъ коммиссіи нашлись однако лица, которыя стали на сторону «необходимости отдѣленія обязанности предсѣдателя думы и должности городскаго головы» [5]). Эти эксперты и члены коммиссіи, признавая всѣ доводы, министерства и Втораго отдѣленія, въ пользу разъединенія предсѣдательствъ, сдѣлали слѣдующія возраженія на «сужденія» противниковъ этого раздѣленія: *во-первыхъ*, по ихъ мнѣнію, *мысль о разъединеніи предсѣдательствъ возникла* не въ силу теоретическихъ соображеній, а напротивъ, именно «*по ближайшимъ указаніямъ опыта*», который и имѣли въ виду мѣстныя представительныя коммиссіи, возбудившія впервые этотъ вопросъ въ 1862 году, и который имѣлъ мѣсто въ земскихъ учрежденіяхъ: «земскія собранія, коимъ законъ не воспрещаетъ избирать въ предсѣдатели управъ предсѣдательствующихъ въ собраніяхъ предводителей дворянства, стали уклоняться сами отъ подобнаго совмѣщенія обязанностей» [6]); *во-вторыхъ*, всѣ *опасенія* и страхи, высказанные экспертами по поводу даннаго вопроса, по мнѣнію сторонниковъ раздѣленія предсѣдательствъ, *основываются* «*единственно на однихъ предположеніяхъ и не подкрѣплены никакими указаніями опыта*». Умаленія достоинства городскаго головы отъ устраненія его отъ предсѣдательства въ думѣ произойти никоимъ образомъ не можетъ, такъ какъ городской

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 251—253.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 254.

[3]) Статсъ-секретарь *Гротъ* и дѣйств. статск. сов. *Перетцъ*.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 254—255.

[5]) Это были — динабургскій городской голова генер.-майоръ *Гагельстремъ*, гласный Москвы *Шумахеръ* и члены коммиссіи — кн. *Лобановъ-Ростовскій*, сенаторъ *Брунъ*, *Шумахеръ* и *Шульцъ*. *Тамъ-же*, стр. 255.

[6]) *Тамъ-же*, стр. 255.

голова остается во всякомъ случаѣ единственнымъ посредникомъ между обществомъ и мѣстною администраціею, въ силу чего онъ и является «дѣйствительнымъ представителемъ городскаго общества» въ глазахъ правительства; между тѣмъ какъ все значеніе предсѣдателя думы будетъ исчерпываться лишь его предсѣдательствомъ во время засѣданій. По поводу мнѣнія о невозможности найти въ какомъ либо городѣ «*двухъ достойныхъ*» людей эксперты и члены коммиссіи замѣтили, что, во-первыхъ, и при избраніи *одного* головы всегда баллотируются *два* кандидата, и что, во-вторыхъ, по новому положенію имѣется въ виду составъ общества увеличить нѣсколько людьми образованными [1]).

После открытой баллотировки вопроса за совмѣщеніе должности городскаго головы съ предсѣдательствомъ въ думѣ высказались — предсѣдатель коммиссіи, три ея члена и *восемь* человѣкъ *экспертовъ;* а пять членовъ коммиссіи и *два эксперта*, — противъ такого совмѣщенія [2]). Въ виду такого результата баллотировки въ исправленный коммиссіей проэктъ статья о предсѣдательствѣ въ думѣ вошла въ *двухъ* редакціяхъ, отразившихъ въ себѣ мнѣнія большинства и меньшинства коммиссіи [3]).

Въ апрѣлѣ уже 1870 года исправленный коммиссіей проэктъ разсматривался въ соединенныхъ департаментахъ — законовъ, государственной экономіи, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ — Государственнаго Совѣта; и здѣсь занимающій насъ вопросъ обратилъ на себя вниманіе. Соединенные департаменты нашли, что съ одной стороны городской голова по проэкту будетъ стоять «въ прямой зависимости» отъ думы, а слѣдовательно и отъ ея предсѣдателя; съ другой стороны онъ имѣетъ «первенствующее значеніе», такъ какъ черезъ него ведутся «всѣ сношенія общественнаго управленія съ правительствомъ» [4]). Отсюда, заключаетъ Государственный Совѣтъ, трудно рѣшить, «который изъ двухъ главныхъ дѣятелей общественнаго управленія будетъ имѣть преимущественное вліяніе на ходъ дѣлъ»... А «такая неопредѣленность степени значенія столь важныхъ органовъ городскаго управленія», думаетъ онъ, «конечно, не желательна». *Единство* въ управленіи городскими дѣлами при введеніи новаго городскаго управленія нужно болѣе, чѣмъ когда либо, а для достиженія этого единства «нужно, чтобы оба городскія учрежденія были органами *одной* власти, одушевленными *одной* мыслью и стремящимися къ *одной* цѣли»; такою властью долженъ быть городской голова, предсѣдательствующій въ обоихъ учрежденіяхъ [5]).

Совмѣщеніе обоихъ предсѣдательствъ въ одномъ лицѣ городскаго головы важно по желанію Государственнаго Совѣта еще и потому, что «въ *интере-*

---

[1]) *Тамъ-же,* стр. 255—259. Одинъ изъ членовъ коммиссіи, г. Шульцъ, полагалъ предоставить самимъ думамъ рѣшать каждый разъ по избраніи городскаго головы вопросъ о томъ, быть ли ему предсѣдателемъ и въ думѣ, или же выбрать для нея особаго предсѣдателя. Кн. Черкасскій и эксперты, бывшіе одного съ нимъ мнѣнія по вопросу о предсѣдательствѣ, и другіе члены коммиссіи нашли, что такой важный вопросъ не можетъ быть отданъ на усмотрѣніе думы. Это повело бы за собою „неурядицу и интриги“, стр. 260—261.

[2]) *Тамъ-же,* стр. 261. Членъ коммиссіи Шульцъ остался при особомъ мнѣніи, изложенномъ въ предыдущемъ примѣчаніи.

[3]) Ст. 40. *Тамъ-же,* стр. 405, 406.

[4]) *Тамъ-же,* стр. 473.

[5]) *Тамъ-же,* стр. 474.

сахъ самаго правительства необходимо, чтобы во главѣ городскаго управленія стояло лицо, значеніе коего подавало бы ему способы во время сдержать увлеченіе (?) и надлежащимъ образомъ направить общество». А при наличности двухъ предсѣдателей правительство такого вѣрнаго, надежнаго органа не имѣло бы: одинъ, городской голова, «сдѣлавшись почти правительственнымъ чиновникомъ, не имѣлъ бы надлежащаго въ глазахъ общества, *по извѣстнымъ дѣламъ (?)*, вѣса», а другой, желая казаться совершенно независимымъ... «могъ бы преслѣдовать не всегда согласныя съ видами правительства цѣли» (?). Въ видахъ всего этого *большинство членовъ* Государственнаго Совѣта рѣшило возложить на городскаго голову предсѣдательство какъ въ думѣ, такъ и въ управѣ [1]).

Вглядѣвшись въ эти «соображенія» Государственнаго Совѣта, нельзя не согласиться, что въ нихъ новаго ничего: это все тѣ же, не разъ высказанныя и уже знакомыя намъ «сужденія»; особенно послѣднее—о значеніи городскаго головы какъ *правительственнаго органа;* это соображеніе, мы видѣли, впервые высказалъ коротко и ясно одесскій городской голова, г. Новосельскій. На основаніи указанныхъ выше соображеній совѣта министра, составъ городскаго общественнаго собранія (думы) былъ нѣсколько въ численномъ отношеніи измѣненъ: по статьѣ 11 измѣненнаго въ совѣтѣ проэкта на 300 человѣкъ избирателей опредѣлено 27 гласныхъ, и на каждые 150 избирателей, что свыше 300, прибавляется по *шести* гласныхъ, пока общая цифра ихъ достигнетъ 75 [2]). Въ коммиссіи подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго Вторымъ отдѣленіемъ съ участіемъ экспертовъ цифры 27 и 75 замѣнены цифрами 30 и 72 въ виду того, что избиратели въ однихъ городахъ дѣлятся *на три*, а въ другихъ *на два* разряда, а слѣдовательно цифры эти должны дѣлиться и *на два* и *на три* [3]).

Эта коммиссія съ участіемъ экспертовъ подняла еще разъ и вопросъ объ организаціи городской думы (управы), которая, мы видѣли, по проэкту организуется городскимъ общественнымъ собраніемъ (думой): оно выбираетъ членовъ ея и опредѣляетъ число ихъ [4]). Вопросъ подняли эксперты. Одесскій городской голова, г. Новосельскій, высказалъ мнѣніе, что «для правильнаго устройства (?) исполнительной части, для дѣйствительнаго обезпеченія успѣха дѣятельности городской думы (управы) *представляется настоятельнымъ предоставить предсѣдателю думы* (управы) т.-е. городскому головѣ, *самому выбирать членовъ оной,* съ представленіемъ лишь таковыхъ па утвержденіе городскаго собранія (думы). Только при этомъ условіи, по мнѣнію г. Новосельскаго, возможно будетъ «полное согласіе и взаимная поддержка» среди чле-

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 474—475. Аналогіи съ земскими собраніями городскихъ думъ Государственный Совѣтъ не допускалъ: земскія собранія собираются разъ въ годъ и не надолго, а думы—собираются въ теченіи цѣлаго года, непосредственно участвуютъ въ ходѣ городскихъ дѣлъ. Всѣ эти доводы еще разъ повторены — безъ привнесенія чего либо новаго—и въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта. *Тамъ-же*, стр. 500—503.

[2]) *Матеріалы*, т. II, стр. 536.

[3]) *Матеріалы*, т. III, стр. 246. Такъ измѣненная статья о составѣ думы вошла и въ городовое положеніе 1870 г., ст. 48.

[4]) Ст. 44 и 40 измѣненнаго въ коммиссіи (до экспертовъ) проэкта.

новъ думы (управы), а вмѣстѣ съ тѣмъ лишь этимъ путемъ возможно будетъ достигнуть того, что въ составъ ея войдутъ всѣ тѣ «спеціальныя способности» которыя такъ необходимы для завѣдыванія разнообразными частями разнообразнаго городскаго хозяйства. По мнѣнію одесскаго мэра, разъ на городскаго голову возлагается отвѣтственность «за успѣшную дѣятельность общественнаго управленія», разъ «ему усвоено право постояннаго живаго контроля»,—онъ долженъ обладать «всѣми нужными для того способами», онъ долженъ хорошо знать, кому можно поручить то или другое дѣло, имѣть увѣренность, что его порученія будутъ исполнены; а все сіе возможно лишь тогда, когда составъ управы будетъ организованъ изъ членовъ, имъ облюбованныхъ и, думать надо, ему преданныхъ, если не до самозабвенія, то до забвенія общественныхъ интересовъ. Только такіе слуги, по мнѣнію г. Новосельскаго, могутъ въ свою очередь, разсчитывать «на поддержку» своего принципала, городскаго головы, «не опасаясь неблагопріятныхъ послѣдствій» — со стороны кого: общества или правительства, г. Новосельскій не говоритъ. Г. Новосельскій пускается даже въ пророчество: при управѣ, избранной думою, городской голова будетъ вполнѣ безсильнымъ, а слѣдовательно и сама управа чуть ли не лишнимъ совсѣмъ учрежденіемъ [1]). Хотя далеко зашедшій одесскій мэръ и нашелъ въ тайныхъ совѣтникахъ Брунѣ и Шумахерѣ и экспертѣ Погребовѣ сторонниковъ своей мысли, что городской голова очень заинтересованъ «въ хорошемъ выборѣ непосредственныхъ его сотрудниковъ»; но и эти даже сторонники дальше сочувствія, совершенно платоническаго, этой мысли не пошли. А членъ коммиссіи Гротъ и эксперты кн. Черкасскій и гласный Лихачевъ довольно рѣшительно возстали противъ такого возвеличенія значенія городскаго головы, находя, что это было бы совершеннымъ отступленіемъ отъ «выборнаго начала, положеннаго въ основу всего общественнаго управленія»; а во вторыхъ—повело бы къ тому, что управа «дѣйствовала бы при такомъ ея составѣ въ личную угодливость головѣ, а не по сознанію и вниманію къ общественной пользѣ» [2]). На этотъ разъ г. Новосельскій потерпѣлъ фіаско, несмотря даже на то, что въ отпоръ вышеизложенной мысли противниковъ своего взгляда пустился въ область исторіи, увѣряя, что въ этой области «можно указать на примѣры того, что выборное начало, не обезпеченное необходимыми условіями для достиженія имѣющейся въ виду цѣли, не внесло въ нашу жизнь полезныхъ результатовъ». Вѣроятно, въ виду того, что «область исторіи» одесскаго мэра ограничивалась лишь «областью его личной дѣятельности» въ Одессѣ, никто изъ членовъ коммиссіи и экспертовъ къ проэкту г. Новосельскаго не присоединился [3]). Не нашелъ этотъ проэктъ сторонниковъ и въ дальнѣйшихъ инстанціяхъ, въ которыхъ разсматривался проэктъ городоваго положенія.

По всѣмъ проэктамъ городоваго положенія *городской голова,* какъ и члены городской думы (управы), *избирается городскимъ общественнымъ собраніемъ* (думой) [4]). Экспертъ коммиссіи, петербургскій городской голова Погребовъ,

[1]) *Матеріалы,* т. III, стр. 264—265.
[2]) *Тамъ-же,* стр. 265—266.
[3]) *Тамъ-же,* стр. 266—267. Г. Новосельскій внесъ однако *особое* мнѣніе.
[4]) Ст. 44 проэкта, просмотрѣннаго коммиссіей *до экспертовъ.*

возсталъ противъ этого, находя болѣе цѣлесообразнымъ вручить избраніе этого представителя города не думѣ, «а самимъ избирателямъ». Ссылаясь на высказанный, по поводу вопроса о раздѣленіи предсѣдательствъ въ думѣ и управѣ, имъ самимъ, а главнымъ образомъ все тѣмъ же г. Новосельскимъ, взглядъ на городскаго голову, какъ на «уполномоченнаго представителя *всѣхъ сословій общества*», какъ на «власть не подчиненную, а параллельную думѣ», петербургскій городской голова находилъ, что «заключать избраніе городскаго головы въ тѣсный кружокъ городскаго собранія (думы) было бы непослѣдовательно; что такой порядокъ избранія и истекающая изъ онаго зависимость городскаго головы отъ городскаго собранія (думы) могли бы ставить его, какъ руководителя и предсѣдателя сего собранія (думы), въ недостаточно правильныя къ нему отношенія» [1]). Противъ этого возразили члены коммиссіи Шумахеръ и петербургскій гласный Лихачевъ: во-первыхъ, что дума—учрежденіе всесословное, а стало быть и избранникъ ея, городской голова, будетъ представителемъ всѣхъ сословій; во-вторыхъ, не слѣдуетъ дѣлать исключенія для городскаго головы изъ общаго правила, по которому всѣ вообще должностныя лица избираются городскимъ собраніемъ (думой); что касается опасенія, что городской голова будетъ избираться часто небольшимъ кружкомъ гласныхъ, то, по мнѣнію возражавшихъ, при выборахъ головы этого бояться нечего: на этихъ выборахъ бываетъ всегда наибольшее число гласныхъ. Наконецъ, собраніе гласныхъ болѣе способно выбрать хорошаго голову, чѣмъ избиратели, которые, являясь только на выборы, не располагали бы необходимыми данными для оцѣнки избираемаго лица [2]).

Въ заключеніе настоящаго очерка остановимся нѣсколько на *нравственномъ*, если можно такъ выразиться, цензѣ лицъ, могущихъ быть избранными въ общественныя должности, начиная съ городскаго головы; мы остановимся на тѣхъ вѣроисповѣдныхъ убѣжденіяхъ, которыя лишали лицъ, ихъ придерживающихся, права быть избираемыми въ эти должности.

Въ первыхъ проэктахъ городоваго положенія включены были спеціальныя статьи, не допускавшія выбирать въ городскіе головы *евреевъ*, и ограничивавшіе число послѣднихъ въ думѣ (управѣ) *половиною* составляющихъ ее членовъ [3]). Внося эту статью въ проэктъ, министерство руководилось «*опасеніями*, выраженными большинствомъ мѣстныхъ (представительныхъ) коммиссій относительно послѣдствій совершеннаго уравненія въ правахъ, по участію въ общественныхъ дѣлахъ, евреевъ съ христіанами»; оно находило эти опасенія «до нѣкоторой степени основательными», и потому нашло нужнымъ «установить правила, могущія служить *огражденіемъ правъ христіанъ*». Такія правила оно и установило вышеприведенными статьями о евреяхъ, которыхъ не рѣшились, какъ это было

---

[1]) *Матеріалы*, т. III, стр. 262. Къ нему присоединился елецкій городской голова, указавшій на такой доводъ, что въ городахъ, гдѣ дума состоитъ всего изъ 30 человѣкъ, можетъ случиться, что голова будетъ избранъ десятью, пятнадцатью гласными. *Тамъ-же*, стр. 263.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 263—264. Погребовъ и Русановъ (елецкій голова) остались при особомъ мнѣніи, на которое не было обращено вниманія въ дальнѣйшихъ инстанціяхъ.

[3]) Ст. 47 и 56 проэкта 1864 г. и ст. 50 и 58 проэкта 1866 г.

прежде, устранить въ качествѣ гласныхъ отъ самыхъ выборовъ городскаго головы [1]), а также и отъ выборовъ членовъ распорядительной думы (управы), половина состава которой, какъ и общей, могла состоять изъ евреевъ [2]). Но въ проэктѣ третьемъ 1869 года число членовъ думы и управы изъ евреевъ ограничивается уже *одною третью* общаго числа ихъ [3]); причемъ министерство не указываетъ на мотивы такого измѣненія статей [4]); Второе отдѣленіе собственной Е. И. В. Канцеляріи нашло такое измѣненіе «не вполнѣ удобнымъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ евреи составляютъ самую многочисленную и зажиточную часть населенія» [5]). Въ проэктѣ, разсмотрѣнномъ въ коммиссіи подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго Втораго отдѣленія, эти статьи вовсе исчезаютъ, такъ какъ коммиссія нашла, что этотъ вопросъ «требуетъ особыхъ соображеній по его спеціальности и примѣнимости лишь къ нѣкоторымъ городамъ», и потому долженъ быть отложенъ; отсрочка же его разрѣшенія, по мнѣнію большинства коммиссіи, вреда дѣлу принести не могла въ виду того, что новое городовое положеніе «полагается вводить не вдругъ, а постепенно» [6]). Но съ такимъ взглядомъ на дѣло коммиссіи вовсе не согласились гг. эксперты. Князь Черкасскій находилъ, что «замолчать» вопросъ о евреяхъ въ городовомъ положеніи—рѣшительно «неудобно»: онъ возникъ бы сейчасъ же по обнародованіи этого положенія; а евреи могутъ взглянуть на дѣло такъ: въ городовомъ положеніи о нихъ — ни слова, стало быть, существующія ограниченія ихъ правъ—устранены [7]). Убѣжденная этими доводами, коммиссія рѣшила «приступить къ разсмотрѣнію вопроса въ существѣ» [8]). Во время поднявшихся по данному вопросу дебатовъ два члена коммиссіи [9]) высказались за расширеніе правъ евреевъ по участію въ городскомъ управленіи, предоставивъ имъ участвовать въ городскомъ общественномъ собраніи (думѣ), по крайней мѣрѣ, въ *половинномъ* числѣ его гласныхъ, если уже нельзя «совершенно устранить» эти ограниченія. Такія льготы эти члены коммиссіи находили совершенно разумными, въ виду, во-первыхъ, — того обстоятельства, что «*другія нехристіанскія вѣроисповѣданія*» правомъ городскаго представительства пользуются «*безъ особыхъ ограниченій*»; а во-вторыхъ, это вполнѣ соотвѣтствовало бы «проводимому нашимъ законодательствомъ принципу вѣротерпимости» [10]). Одесскій городской голова, несомнѣнно болѣе близко знакомый съ евреями по мѣсту своего жительства, и, вѣроятно, болѣе компетентный въ разрѣшеніи настоящаго вопроса, ухитрился разрѣшить его по истинѣ ори-

---

1) *Матеріалы*, т. I, стр. 265.
2) *Тамъ-же*, стр. 266.
3) Статья 49 и 56 проэкта.
4) *Матеріалы*, т. II, стр. 480.
5) *Тамъ-же*.
6) *Матеріалы*, т. III, стр. 59. Въ коммиссіи однако было высказано по данному вопросу два мнѣнія: одно находило ограниченіе числа евреевъ въ думѣ и управѣ, по отношенію къ городамъ западныхъ губерній, гдѣ еврейское населеніе иногда преобладаетъ надъ христіанскимъ, несправедливымъ. Другое мнѣніе состояло въ слѣдующемъ: ограниченія его въ проэктѣ городоваго положенія—дѣло не новое;—оно установлено ст. 524, ч. 1, т. II общ. губ. учр. и вовсе не достигнетъ цѣли, если процентъ евреевъ въ думѣ и управѣ не будетъ уменьшенъ.
7) *Тамъ-же*, стр. 233, 234.
8) *Тамъ-же*, стр. 234.
9) Статсъ-секретарь *Гротъ* и тайный совѣтникъ *Брунъ*.
10) *Матеріалы*, т. III, стр. 234.

гинально: онъ высказался за устраненіе *всякихъ* (?) ограниченій «представительства евреевъ опредѣленнымъ числомъ ихъ»; онъ выставилъ единственнымъ ограниченіемъ этого «представительства» *образовательный цензъ*: въ составъ городскаго собранія (думы) пусть будетъ свободенъ доступъ всѣмъ евреямъ, удовлетворяющимъ общимъ требованіямъ проэкта относительно избирательнаго ценза, плюсъ имѣющимъ «извѣстную степень образованія» и «*фактически отдѣлившимся отъ массы еврейства въ отношеніи обрядовыхъ его особенностей*» [1]; т.-е., другими словами, почтенный мэръ предоставляетъ право «представительства» *всѣмъ евреямъ*, въ сущности *переставшимъ быть евреями*. Подобное «*исправленіе дѣла*», думаетъ г. Новосельскій, «*указало бы самимъ евреямъ тѣ пути и способы, при посредствѣ коихъ они могутъ разсчитывать на расширеніе гражданскихъ правъ своихъ*». Едва ли въ данномъ случаѣ одесскій мэръ указывалъ евреямъ на «новые пути», какъ онъ думалъ: они давно, полагать надо, знали, что, переставъ быть евреями, они избавятся и отъ ограниченій, стѣсняющихъ ихъ какъ таковыхъ [2]). Всякія другія ограниченія, по мнѣнію г. Новосельскаго, ни къ чему не поведутъ, какъ не повели они въ думѣ, гдѣ, по его показанію, и одна треть гласныхъ евреевъ изощряется не пропустить ни одного рѣшенія «противнаго ихъ интересамъ» [3]): фанатизмъ и пропаганда (?) преимущественно коренятся въ необразованной массѣ [4]). Князь Черкасскій сталъ на сторону ограниченій евреевъ въ той формѣ, какую устанавливалъ проэктъ министерства 1869 года, т.-е. высказался за допущеніе ихъ въ думу и управу въ количествѣ *одной трети*. Князь такъ смотрѣлъ на дѣло потому, что не хотѣлъ смотрѣть на него лишь съ религіозной точки зрѣнія: по его мнѣнію, «вопросъ о евреяхъ имѣетъ обширное *политическое* значеніе, и именно *этимъ* значеніемъ усложняется». Не будь этого, вопросъ можно бы было рѣшить, думаетъ онъ, исходя изъ принципа вѣротерпимости; но дѣло не такъ просто стоитъ: «обособленность *политическая* (?), въ силу коей евреи составляютъ отдѣльную религіозно-національную корпорацію» — вотъ причина всѣхъ золъ и «опасностей» А посему «уравненію въ правахъ должно предшествовать, или по крайней мѣрѣ сопутствовать, *довольно полное національное сліяніе евреевъ съ русскими*». Такъ, будто бы, было всегда и на западѣ, тогда какъ «доселѣ евреи являются въ Россіи или безусловно старыми, закоренѣлыми евреями, или—*при развитіи въ нихъ образованія... чистыми* почти *нѣмцами или поляками*». Не задаваясь вопросомъ, почему имѣетъ мѣсто сіе послѣднее явленіе, кн. Черкасскій заключаетъ, опираясь на такое положеніе евреевъ, пророчествомъ, что при допущеніи половины гласныхъ и членовъ управы изъ евреевъ городское общественное управленіе перейдетъ вполнѣ въ ихъ руки. А посему «было бы слишкомъ неосторожно... подвергать русскій элементъ опасности подпасть подъ полное общественное владычество еврейства». Что касается образовательнаго ценза евреевъ, то онъ, по мнѣнію кн. Черкасскаго, не только не

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 236.

[2]) *Тамъ-же* и „особое мнѣніе" Новосельскаго въ приложеніи къ старому журналу коммиссіи (за № 3) стр. 393.

[3]) „Особое мнѣніе". *Тамъ-же*, стр. 393.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 235.

претворяетъ ихъ, какъ думаетъ г. Новосельскій, въ благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ россіянъ, а наоборотъ, дѣлаетъ ихъ еще болѣе опасными: вѣдь мы видѣли,—они въ такомъ случаѣ претворяются въ нѣмцевъ и поляковъ, «весьма чуждыхъ Россіи». А если такъ, то понятно, какая опасность грозила бы «русскому элементу», еслибъ въ городахъ, гдѣ много евреевъ, допускать наиболѣе образованныхъ изъ нихъ въ составъ городскихъ учрежденій. Въ концѣ концовъ князь высказался за допущеніе, если уже невозможно полное устраненіе ихъ, евреевъ въ городскія учрежденія въ количествѣ не болѣе одной трети общаго числа членовъ ихъ. За такое же ограниченіе высказались два изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ коммиссіи [1]), которые выставили еще и слѣдующіе мотивы этой мѣры: одинъ указалъ на крайнюю опасность сильно распространенной въ юго-западныхъ губерніяхъ еврейской секты хассидовъ для городскаго управленія; а другой—на ростовщичество евреевъ, вліяющее также и на хозяйство городовъ: оно причиною того, что въ полуеврейскихъ городахъ не открывались вовсе банки, въ то время какъ «въ прочихъ мѣстахъ» этихъ послѣднихъ открылось болѣе ста пятидесяти новыхъ, въ теченіе какихъ нибудь шести лѣтъ. Доводъ изъ довольно сильныхъ; тогда еще не подозрѣвали, во что обратятся благодѣтельныя банковыя учрежденія въ этихъ «прочихъ мѣстахъ», лишенныхъ совершенно язвы еврейства. Большинствомъ голосовъ 13 противъ 7 рѣшено допускать евреевъ въ городскія учрежденія лишь въ количествѣ *одной трети* [2]). Государственный Совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ не нашелъ причинъ отступить отъ этого «начала» [3]).

Если составителей проэктовъ городоваго положенія тревожили евреи, то не меньше, пожалуй, озабочены они были и раскольниками, нравственный цензъ которыхъ тоже считался неудовлетворительнымъ, на которыхъ тогда еще больше, чѣмъ теперь, смотрѣли, какъ на элементъ, гораздо болѣе опасный въ религіозномъ и даже политическомъ отношеніи, чѣмъ любой иновѣрческій, даже еврейскій [4]). Мы видѣли, нѣкоторыя изъ мѣстныхъ городскихъ коммиссій энергически настаивали на допущеніи раскольниковъ къ участію въ городскомъ управленіи, доказывая, что ихъ среда можетъ дать наиболѣе нравственно состоятельныхъ людей и даже развитыхъ. Министерство, приступая къ составленію проэкта городоваго положенія, не нашло возможнымъ входить въ разсмотрѣніе этого вопроса въ виду того, что въ то время уже разсматривались «гражданскія и политическія права раскольниковъ въ особо учрежденномъ комитетѣ» [5]).

---

[1]) Тайный совѣтникъ кн. *Лобановъ-Ростовскій* и тайный сов. *Шумахеръ*.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 236—240 и ст. 21 и прим. 1 къ ст. 42 исправленнаго проэкта. *Г. Новосельскій* остался при особомъ мнѣніи, которое и помѣщено въ *Матеріалахъ*, III — въ видѣ особаго, какъ мы видѣли, приложенія. Это „мнѣніе“ представляетъ собою ни что иное, какъ цѣлый проэктъ обрусенія евреевъ, который состоитъ въ слѣдующемъ: закрыть всѣ еврейскія школы, всѣ больницы, богадѣльни, сиротскіе дома; отмѣнить всѣ сборы, исключительно для евреевъ установленные; не допускать никакихъ еврейскихъ благотворительныхъ обществъ. Изгнать изъ оффиціальнаго употребленія слово *евреи*, замѣнивъ его выраженіемъ „исповѣдующій еврейскую религію“. Стр. 394—395.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 471. Это „начало“ вошло въ ст. 88 городоваго положенія 1870 г.

[4]) Въ новомъ журналѣ, издаваемомъ въ Харьковѣ, „Вѣра и Разумъ“ въ 1 книгѣ его, въ обозрѣніи церковныхъ событій, именно такой взглядъ высказывается на раскольниковъ, какъ на элементъ болѣе опасный, чѣмъ всякій иновѣрческій.

[5]) *Матеріалы*, т. I, стр. 265 и т. II, стр. 114.

Очевидно, въ виду того же обстоятельства и коммиссія 1870 года подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго Вторымъ отдѣленіемъ не разбирала этого вопроса; но его подняли въ той же коммиссіи приглашенные въ нее эксперты [1]) и подняли вмѣстѣ съ вопросомъ о евреяхъ. Разсматривая тѣ статьи проэкта, которыя опредѣляли категоріи лицъ, не могущихъ быть избранными «въ должности по городской общественной службѣ», князь Черкасскій возбудилъ вопросъ: «не слѣдовало ли бы опредѣлить болѣе точно права раскольниковъ на избраніе ихъ въ общественныя должности»? Онъ находилъ рѣшеніе этого вопроса именно теперь очень важнымъ въ виду того, что хотя «въ разныхъ конфиденціальныхъ циркулярныхъ распоряженіяхъ министерства и указывается, до какихъ общественныхъ должностей могутъ быть допускаемы раскольники», но *общихъ* постановленій по этому предмету не имѣется нигдѣ; а это поставило бы новыя городскія учрежденія сразу «въ весьма затруднительное положеніе», особенно въ виду того, что «ни раскольники не уклоняются отъ выборовъ, ни избиратели вовсе не выражаютъ желанія обходить ихъ своимъ выборомъ» [2]). Князь утверждаетъ, что «между раскольниками есть люди весьма достойные... весьма достаточные»; и что было бы неумѣстно, въ видахъ справедливости, не допускать раскольниковъ къ отправленію разныхъ общественныхъ должностей, разъ они пользуются «довѣріемъ избирателей». Онъ предлагаетъ — «расширить права раскольниковъ по избранію въ общественныя должности» [3]). Къ этому мнѣнію присоединились череповецкій городской голова *Милютинъ* и членъ коммиссіи статсъ-секретарь *Гротъ*, указавъ, что есть города, въ которыхъ раскольники — преобладающій элементъ, обходя который трудно было бы и замѣщать общественныя должности, «по недостатку способныхъ лицъ православнаго населенія въ этихъ городахъ». При этомъ названныя лица указали еще и на тотъ общеизвѣстный фактъ, что существующія ограничительныя постановленія относительно раскольниковъ многими изъ послѣднихъ «весьма удобно обходятся»; слѣдовательно эти ограниченія въ сущности вовсе и не достигаютъ цѣли, и притомъ, быть можетъ, относительно считаемыхъ наиболѣе вредными раскольничьихъ сектъ [4]).

Противъ этого мнѣнія возсталъ однако членъ коммиссіи князь *Лобановъ-Ростовскій*, ссылаясь, во-первыхъ, на то, что существуетъ спеціальная коммиссія при министерствѣ, разсматривающая положеніе раскольниковъ вообще; а во-вторыхъ (казалось бы эта причина должна устранить всѣ другія), устранить ограниченія относительно всѣхъ раскольниковъ вообще, по мнѣнію князя, было бы опасно, ибо между ними «есть секты, положительно вредныя»; и въ-третьихъ, наконецъ, князь думалъ, что настоящій вопросъ... выходилъ бы изъ предѣловъ компетенціи настоящей коммиссіи... Другой членъ коммиссіи, тайный сов. Домонтовичъ, вздумалъ примирить эти два мнѣнія предложеніемъ предоставить министру, въ случаѣ ходатайства о томъ городскихъ обществъ, разрѣшать, «въ предѣлахъ разумной возможности», исправленіе раскольниками различныхъ

---

1) Засѣданіе 26 февраля. *Матеріалы*, т. III, стр. 271.
2) *Тамъ-же*, стр. 272.
3) *Тамъ-же*, стр. 273.
4) *Тамъ-же*.

общественныхъ должностей; примиренія не состоялось, разумѣется, никакого между самими сторонами, но коммиссія «нашла наиболѣе осторожнымъ (!) [1]) остановиться» на этомъ предложеніи, слѣдовъ котораго однако въ проэктѣ, разсмотрѣнномъ окончательно въ коммиссіи съ экспертами, не оказалось; а поэтому, разумѣется, данный вопросъ обойденъ былъ молчаніемъ и въ Государственномъ Совѣтѣ.

III.

Объемъ вѣдомства городскихъ учрежденій. — Функціи городской думы, управы и городскаго головы.—Ихъ взаимныя отношенія.—Спеціальныя коммиссіи.—Отношенія городскихъ учрежденій къ правительственнымъ.— Губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе.—Городское хозяйство.—Заключеніе.

Составляя проэктъ городоваго положенія, министерство однимъ «изъ главнѣйшихъ условій правильнаго устройства учрежденій городскаго общественнаго управленія» считало «*возможно точное разграниченіе обязанности сихъ учрежденій*»: однимъ изъ нихъ, говорится въ объяснительной къ первому проэкту запискѣ, «должно быть усвоено право *постановлять приговоры* по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ общественнымъ *и контролировать весь ходъ управленія*», другимъ—такъ называемая «исполнительная власть», сущность которой—«въ исполненіи приговоровъ и ближайшемъ завѣдываніи текущими дѣлами [2])». Первая изъ этихъ обязанностей возложена на общую думу, вторая—на распорядительную [3]). Всѣ «предметы вѣдомства» городскаго общественнаго управленія распадаются на два отдѣла по первому проэкту городоваго положенія: къ *первому* относятся такіе, которые касаются «исключительно *мѣстныхъ интересовъ городскаго общества*»; ко *второму* «принадлежащіе *къ разряду дѣлъ правительственной администраціи*»; тѣ и другіе, раздѣливъ первый изъ нихъ на рубрики, проэктъ опредѣляетъ путемъ перечисленій отдѣльныхъ предметовъ; рубрики перваго разряда составляютъ: «внутреннее устройство городскаго общества», городское общественное хозяйство, «внѣшнее благоустройство города» и наконецъ, «общественное благосостояніе» [4]). По всѣмъ этимъ предметамъ общая городская дума и входитъ въ обсужденіе всѣхъ важнѣйшихъ мѣръ; а на распорядительную думу «возлагаются всѣ текущія по нимъ распоряженія» [5]).

Но «высшее должностное лицо городскаго общественнаго управленія есть городской голова» [6]), который «въ качествѣ предсѣдателя распорядительной

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 274.

[2]) *Матеріалы*, т. I, стр. 223—224.

[3]) Статьи 15 и 24 проэкта 1864 года.

[4]) Статьи 7, 8 и 9. Къ разряду дѣлъ правительственной администраціи по статьѣ 9 относятся: надзоръ за исполненіемъ торгово-промышленныхъ правилъ; выдача свидѣтельствъ, билетовъ, бандеролей и пр. и открытіе различныхъ заведеній согласно существующимъ правиламъ, клейменіе вѣсовъ и мѣръ, аукціонъ движимости; наблюденіе за отбытіемъ государственныхъ и земскихъ повинностей и т. п. Подробное перечисленіе предметовъ вѣдомства сдѣлано еще разъ въ проэктѣ гор. хозяйства въ главѣ о расходахъ.

[5]) Статьи 15 и 25.

[6]) Статья 25.

думы» долженъ прежде всего «заботиться объ охраненіи въ ней внутренняго порядка» [1]). Мы уже знаемъ, что по первому проэкту городской голова, предсѣдательствуетъ только въ распорядительной думѣ, нынѣшней управѣ; но избирается онъ вмѣстѣ съ членами послѣдней общею думой [2]). Мы остановимся нѣсколько на взаимныхъ отношеніяхъ этихъ трехъ факторовъ городскаго самоуправленія.

Городской голова въ глазахъ составителей проэкта несомнѣнно альфа и омега городскаго управленія: «онъ есть главный предсѣдатель (вѣроятно представитель), по словамъ объяснительной записки, городскаго общественнаго управленія *предъ правительствомъ*, которое, въ свою очередь, не иначе обращается къ обществу, какъ черезъ его посредство». Руководясь именно такимъ значеніемъ городскаго головы *въ глазахъ правительства*, составители проэкта рѣшили, что допускать въ эту должность можно лишь такихъ лицъ, относительно которыхъ «правительство не встрѣтитъ къ тому препятствія» [3]). По самому проэкту «на городскаго голову возлагается *особенное попеченіе* о правильномъ *ходѣ* порученныхъ общественному управленію *дѣлъ правительственной администраціи*, по этимъ дѣламъ онъ — *главное отвѣтственное лицо*» [4]). Что касается отношенія этого «главнаго отвѣтственнаго лица» къ президируемой имъ распорядительной думѣ, мы видѣли, онъ въ ней охраняетъ «внутренній порядокъ»; этимъ опредѣленіемъ въ сущности и ограничивается опредѣленіе отношеній городскаго головы къ распорядительной думѣ, если не имѣть въ виду того постановленія, по которому голова «въ случаяхъ чрезвычайныхъ и не терпящихъ отлагательства» могъ принимать, независимо отъ распорядительной думы, «всѣ нужныя мѣры по дѣламъ общественнаго управленія», но долженъ былъ въ такихъ случаяхъ доводить о своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ до свѣдѣнія думы въ первое же ея засѣданіе [5]). На основаніи всего сказаннаго трудно сказать что либо опредѣленное объ отношеніяхъ головы къ распорядительной думѣ, кромѣ развѣ того, что спеціальный взглядъ правительства на голову и спеціальное отношеніе къ нему должно было ставить послѣдняго въ особыя отношенія къ думѣ, несомнѣнно нарушающія правильность отношеній между этими двумя органами. При особомъ предсѣдателѣ въ общей думѣ, казалось бы, къ этой послѣдней городской голова не имѣетъ никакого отношенія; но по проэкту— статья 17—распоряженія о собраніи этой думы дѣлаются головой. Отсюда, въ виду отчетности распорядительной думы, въ составъ которой входитъ голова, передъ общей, вытекаютъ отношенія головы къ общей думѣ, положительно недоступныя опредѣленію.

Избираемая общею думою распорядительная, какъ исполнительное учрежденіе, стоитъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ общей думѣ, обусловливаемыхъ самымъ характеромъ обоихъ учрежденій и ихъ назначеніемъ: общая дума свои постановленія «передаетъ исполнительной власти общественнаго управленія для

---

1) *Тамъ-же.*
2) Статья 52.
3) Матеріалы, т. I, стр. 268.
4) Статья 25.
5) *Тамъ-же.*

надлежащихъ распоряженій». Объ исполненіи этихъ постановленій и вообще о своей дѣятельности распорядительная дума должна, по проэкту, ежегодно представлять «на разсмотрѣніе общей думы въ срокъ ею назначенный *подробный отчетъ по управленію* и о состояніи подвѣдомственныхъ учрежденій» [1]); другими словами, распорядительная дума обязана передъ общей *отчетностью*. Съ отчетностью въ неразрывной связи—*отвѣтственность;* но объ этой послѣдней первый проэктъ ничего не знаетъ по отношенію одной думы передъ другой.

Но этотъ проэктъ остановился на такихъ важныхъ случаяхъ, какъ, напр., тотъ, въ которомъ при исполненіи распорядительной думой постановленій общей встрѣчаются «какія либо затрудненія», притомъ, въ которомъ общая дума дѣлаетъ постановленіе, по мнѣнію распорядительной думы, «не согласное съ законами». Въ этихъ случаяхъ послѣдняя не исполняетъ безпрекословно постановленій общей думы, а обязана, въ томъ и другомъ случаѣ, указать думѣ на невозможность исполненія ея постановленій; если общая дума будетъ настаивать на своемъ, то распорядительная постановленію, вызывающему лишь «затрудненія», должна дать «ходъ въ дальнѣйшемъ порядкѣ», постановленіе же незаконное, по ея мнѣнію, въ этомъ случаѣ исполнять не обязана, а должна «немедленно представить его на усмотрѣніе губернскаго начальства [2]).

Когда проэктъ поступилъ на разсмотрѣніе Вт. отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи, послѣдняя прежде всего остановилась на вопросѣ о предметахъ, подлежащихъ вѣдомству городскихъ учрежденій, и изъ нихъ — главнымъ образомъ на тѣхъ, въ отправленіи которыхъ полиція имѣетъ, по дѣйствующимъ законамъ, столь значительное участіе. Оно нашло, что проэктъ «совершенно правильно» развиваетъ «мысль предоставить городскому общественному управленію болѣе прямое и близкое участіе въ попеченіи о благоустройствѣ города и благосостояніи его жителей»; но оно думаетъ, что осуществленіе этой мысли «требуетъ многихъ соображеній», которыхъ проэктъ не имѣлъ, очевидно, въ виду; откуда и получились постановленія, «могущія повести лишь къ недоумѣніямъ... и пререканіямъ общественной власти съ полиціей» [3]). Устранить то и другое, по мнѣнію Втораго отдѣленія, возможно лишь, «подвергнувъ пересмотру и измѣненію большое число правилъ (о функціяхъ полиціи), разсѣянныхъ въ разныхъ томахъ Свода (Законовъ)»; это во-первыхъ, а во-вторыхъ, необходимо разрѣшить вопросы о необходимости особыхъ агентовъ *городской полиціи* и объ отношеніи этихъ агентовъ къ агентамъ правительственной полиціи. Всѣ эти вопросы, стоящіе въ тѣсной связи съ организаціей полиціи вообще, по мнѣнію Втораго отдѣленія, потребуютъ много времени, такъ какъ должны вызвать изданіе «особаго закона о полицейскомъ устройствѣ городовъ, закона *столь же необходимаго*», какъ изданіе самого городоваго положенія; а поэтому, въ ожиданіи этого закона, городовому положенію слѣдуетъ ограничиться постановленіемъ «вкратцѣ», что вѣдѣнію городскаго управленія принадлежатъ дѣла, возло-

---

[1]) Статьи 23 и 24.
[2]) Статьи 23 и 29.
[3]) *Матеріалы*, т. I, стр. 472.

женныя на него дѣйствующими нынѣ уставами» [1]); впрочемъ, съ слѣдующимъ добавленіемъ: «Городскимъ думамъ предоставляется входить въ обсужденіе всякихъ не противныхъ законамъ мѣръ, клонящихся къ пользѣ города... и ходатайствовать передъ правительствомъ о пользахъ и нуждахъ общественныхъ» [2]). Второе отдѣленіе, дальше, нашло совершенно не имѣющимъ «твердаго основанія» установленное проэктомъ дѣленіе предметовъ вѣдомства городскихъ учрежденій на двѣ категоріи—дѣла общественныя и дѣла правительственной администраціи, и предложило свое дѣленіе ихъ «на такія, исполненія которыхъ прямо *закономъ возлагается на общественное управленіе,* и которыя... должны быть *всѣ одинаково обязательны»* для него, и такія, «кои предоставляются на собственное онаго усмотрѣніе» [3]), т.-е., другими словами, Второе отдѣленіе предложило дѣленіе предметовъ вѣдомства на *обязательныя* и *необязательныя* для городскихъ учрежденій. Знакомыя уже намъ статьи 15 и 24 проэкта, опредѣляющія «кругъ дѣятельности думы и управы», Второе отдѣленіе находитъ по мысли вѣрными, но очень неопредѣленными по формѣ, и предлагаетъ замѣнить ихъ прямымъ перечисленіемъ подлежащихъ вѣдѣнію той и другой предметовъ [4]).

Переходя къ вопросу о значеніи городскаго головы, Второе отдѣленіе находитъ, что въ виду устраненія дѣленія предметовъ вѣдомства думъ на общественные и правительственные, квалификація городскаго головы, какъ главнаго отвѣтственнаго передъ правительствомъ лица, совершенно несостоятельна; несостоятельной показалась ему эта квалификація и помимо этого: «какимъ образомъ», ставитъ оно вопросъ, «могъ бы городской голова нести особую передъ правительствомъ отвѣтственность за распоряженія управы, будучи лишь предсѣдателемъ ея и, слѣдовательно, обязываясь подчиняться рѣшеніямъ большинства членовъ этой коллегіи» [5]). Оно проэктируетъ такую статью по данному вопросу: городской голова отвѣтственъ за законность дѣйствій президируемой имъ думы, и потому въ случаѣ незаконности ея постановленій, не подписывая ихъ, долженъ перенести дѣло на разрѣшеніе особаго учрежденія, проэктированнаго Вторымъ же отдѣленіемъ, какъ увидимъ дальше. По дѣламъ же, «связаннымъ съ общественнымъ спокойствіемъ и порядкомъ», юристы Втораго отдѣленія предлагаютъ не обязывать голову «слѣдовать опредѣленіямъ большинства управы» и сдѣлать его одного въ этихъ случаяхъ отвѣтственнымъ «за свои распоряженія» [6]).

Переходя къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ думъ, Второе отдѣленіе останавливается на постановленіи проекта (статья 26), по которому общая дума «по соглашенію съ городскимъ головой» можетъ различныя отрасли общественнаго управленія передавать въ вѣдѣнія особыхъ коммиссій или особыхъ

---

[1]) *Тамъ-же,* стр. 473. Второе отдѣленіе нѣсколько дальше высказываетъ мысль о необходимости „возвѣстить объ изданіи новаго устава объ охраненіи благоустройства и благочинія въ городахъ“ въ моментъ самаго обнародованія новаго городоваго положенія. *Тамъ-же,* стр. 474.

[2]) *Тамъ-же,* стр. 473.

[3]) *Тамъ-же,* стр. 474.

[4]) *Тамъ-же,* стр 476—477.

[5]) *Тамъ-же,* стр. 480—481.

[6]) *Тамъ-же,* стр. 481.

должностныхъ лицъ. Въ этомъ постановленіи проэкта Второе отдѣленіе видитъ легкій путь для думы забрать въ свои руки всю исполнительную власть и такимъ образомъ «измѣнить по своему усмотрѣнію коренныя основанія... закона» [1]). Оно находитъ возможнымъ «не только безъ неудобства, но даже съ пользою для дѣла» подчинить такія коммиссіи, избираемыя думой, — городской управѣ [2]).

Министръ финансовъ остановилъ, при разсмотрѣніи проэкта, свое вниманіе на 17-й статьѣ, по которой, мы видѣли, городской голова созывалъ общую думу. Министръ, въ виду нахожденія головы вмѣстѣ съ президируемой имъ распорядительной думой подъ контролемъ общей, совершенно основательно въ своемъ «отзывѣ» министру внутреннихъ дѣлъ видѣлъ въ этомъ постановленіи большое неудобство и находилъ болѣе правильнымъ предоставить созваніе общей думы ея спеціальному предсѣдателю [3]).

Во второй проэктъ — 1866 года — изъ всѣхъ этихъ поправокъ внесены только двѣ: городской голова называется уже только «главнымъ распорядителемъ по дѣламъ городского хозяйства и общественнаго управленія»; опредѣленіе его отношеній въ распорядительной думѣ цѣликомъ представляетъ поправку Втораго отдѣленія [4]); во вторыхъ, коммиссіи, учреждаемыя думой, ставятся въ извѣстную зависимость отъ управы, «въ вѣдѣніи» которой должны состоять [5]).

Разсматриваемые здѣсь вопросы остановили на себѣ вниманіе и совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, который останавливался на нихъ по существу; нѣкоторые члены этого совѣта возставали противъ «наименованія головы главнымъ распорядителемъ по дѣламъ городскаго хозяйства и общественнаго управленія» въ виду того соображенія, что онъ только «исполнитель постановленій думы», а никакъ не «единоличный самостоятельный распорядитель» [6]). Два члена совѣта — губернаторы тульскій и пензенскій рьяно возстали противъ проэктированнаго права распорядительной думы не исполнять *незаконныхъ* постановленій общей думы. Пензенскій губернаторъ находилъ такое отношеніе «несогласнымъ съ порядкомъ подчиненности» [7]). Въ глазахъ хозяина губерніи такое постановленіе казалось чѣмъ-то совершенно непонятнымъ, почти дикимъ, какъ идущимъ, по его глубокому убѣжденію, въ разрѣзъ съ началами подчиненности. Такова сила вещей, сложившихся въ нашей административной практикѣ. А между тѣмъ въ данномъ случаѣ проэктъ городоваго положенія въ сущности лишь примѣнялъ къ отдѣльной сферѣ управленія общее начало, установленное еще сводомъ законовъ въ отношеніяхъ, напр., всякихъ «начальствъ», подчиненныхъ министрамъ: первыя не должны исполнять незаконныхъ требова-

---

[1]) *Тамъ-же,* стр. 481 и 482.
[2]) *Тамъ-же,* стр. 482.
[3]) *Тамъ-же,* стр. 542.
[4]) *Матеріалы,* т. II, стр. 8; статья проэкта 28.
[5]) По ст. 29 предсѣдателемъ въ нихъ долженъ быть членъ управы по назначенію ея предсѣдателя — головы; а по ст. 30 онѣ дѣйствуютъ по инструкціямъ изъ управы, передъ коей обязаны и отчетностью.
[6]) *Матеріалы,* т. II, стр. 316. Къ удивленію такъ высказался и Новосельскій, такъ ревниво вездѣ отстаивавшій прерогативы городскаго головы.
[7]) *Тамъ-же,* стр. 315.

ній послѣдняго [1]). Тульскій губернаторъ тоже былъ смущенъ «несоотвѣтствіемъ» положенія распорядительной думы, какъ органа *чисто исполнительнаго*, который, по взгляду этихъ администраторовъ, есть что-то въ родѣ простаго *автомата*, безсознательно исполняющаго волю пославшаго его. По мнѣнію тульскаго губернатора такое положеніе вещей должно неизбѣжно повести «къ столкновеніямъ и антагонизму» между думами «въ ущербъ успѣшному ходу дѣла». И странное дѣло, другіе члены совѣта, возражая гг. губернаторамъ, лишь мимоходомъ вскользь упоминаютъ объ указанномъ нами началѣ свода законовъ, замѣтивъ, что и «установленія правительственныя не лишены права неисполненія» незаконныхъ постановленій «даже въ сферѣ полицейскихъ обязанностей, требующихъ самой строгой исполнительности» [2]); главнымъ же образомъ они сводятъ въ своей аргументаціи все, напр., къ соображенію, что «городская дума, какъ учрежденіе общественное, не имѣетъ того значенія, какое усвоено правительственнымъ учрежденіямъ въ порядкѣ ихъ подчиненія»; другими словами, хотятъ какъ бы увѣрить, что будь дума правительственное учрежденіе, не могло бы быть и рѣчи о такомъ страшномъ нарушеніи «порядка подчиненія»; дальше, оправдывается это «нарушеніе» тѣмъ, что дума (распорядительная) «поставлена въ отвѣтственное передъ правительствомъ положеніе», и что благодаря этому «было бы непослѣдовательно безусловно подчинять распорядительную думу общей». Это соображеніе совсѣмъ уже изъ ряда вонъ; его можно развѣ объяснить боязнью уронить учрежденіе, правительственнымъ довѣріемъ почтенное, поставивъ его въ подчиненное отношеніе къ представительному учрежденію. Наконецъ, указано было ссылкой на практику Одессы и Петербурга, что устанавливаемыя проэктомъ отношенія не ведутъ «къ возбужденію антагонизма между ними» [3]). Вѣроятно благодаря этимъ могучимъ доводамъ совѣтъ оставилъ проэктированныя отношенія думъ нетронутыми, т.-е. безъ всякаго измѣненія. Вызвалъ въ совѣтѣ дебаты и вопросъ объ организаціи и подчиненности думскихъ спеціальныхъ коммиссій. Одни находили, что необходимо, для «устраненія столкновеній», или «изъять коммиссіи изъ подчиненія распорядительной думы или, подчинивши ихъ оной», предоставить и организацію ихъ этой же думѣ [4]); другіе предлагали за общей думой оставить лишь право постановлять «опредѣленія собственно объ учрежденіи коммиссій», т.-е., очевидно,—право возбужденія вопроса о необходимости ихъ учрежденія во всякомъ данномъ случаѣ, а самое составленіе ихъ—предоставить распорядительной думѣ изъ собственной среды, въ виду чего предложено было увеличить число членовъ этой думы [5]).

Противъ этого взгляда возсталъ одинъ изъ членовъ совѣта, находя невозможнымъ увеличивать, ради такихъ цѣлей, составъ распорядительной думы, и не видя въ этомъ увеличеніи средства достигнуть цѣли, напр., въ тѣхъ

---

[1]) См. *Градовскаго*, Начала рус. гос. права, т. I, кн. 1, отд. 2, гл. 2 вообще, рубрика „закономѣрнаго повиновенія“ въ частности. Мнѣніе пензенскаго губернатора указываетъ, до чего чужды нашей администраціи даже такъ называемые *«основные законы»*.

[2]) *Тамъ-же*.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 316.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 317.

[5]) *Тамъ-же*.

случаяхъ, когда въ составъ коммиссіи необходимо ввести техниковъ. Совѣтъ сталъ на сторону послѣдняго мнѣнія и коммиссіи остались подчиненными распорядительной думѣ и избираемыми общей думой [1]).

Когда проэктъ попалъ въ особую коммиссію, въ составъ которой входили, какъ мы видѣли, «эксперты-представители», разсматриваемые здѣсь вопросы остановили на себѣ вниманіе послѣднихъ. И прежде всего ихъ вниманіе остановила на себѣ первая статья предложеннаго на ихъ разсмотрѣніе проэкта, устанавливавшая «предметы вѣдомства городскаго общественнаго управленія». Въ этой новой редакціи объемъ вѣдомства городскихъ учрежденій опредѣлялся въ видѣ трехъ категорій: дѣла «по устройству управленія и городскому хозяйству», какъ они опредѣляются новымъ городовымъ положеніемъ; дѣла «по охраненію внѣшняго благоустройства и благосостоянія въ городѣ», какъ они нормируются уставами: торговымъ, путей сообщенія, строительнымъ, пожарнымъ, врачебнымъ, народнаго продовольствія, и наконецъ дѣла, «возлагаемыя правилами Свода (законовъ?) съ дополненіями и измѣненіями, спеціально по этому предмету сдѣланными» [2]). Трое изъ городскихъ головъ заявили, что въ этой редакціи статья неизбѣжно должна повести къ «затрудненіямъ, недоумѣніямъ и пререканіямъ», во-первыхъ, потому что по дѣйствующему законодательству отношенія городскихъ учрежденій къ полиціи вовсе не настолько ясно установлены, чтобы достаточно было одной ссылки па нихъ; а во-вторыхъ, и потому, что «разнообразныя части Свода», имѣющія отношеніе къ городскому управленію, «съ продолженіями къ оному», рѣшительно неизвѣстны населенію нашихъ городовъ; въ-третьихъ, наконецъ, «въ законахъ нашихъ въ настоящее время оказывается много устарѣлаго, непримѣнимаго, остающагося мертвою буквою» [3]). Но кромѣ всего этого городскіе головы высказали опасенія, что «при условіи оставленія, хотя и не на продолжительное время, прежнихъ отношеній» получаемая городскими учрежденіями, по новому положенію, извѣстная доля «самостоятельности дѣйствій» оказалась бы очень подозрительной. Съ цѣлью устраненія въ будущемъ такого нежелательнаго положенія кн. Черкасскій предложилъ попытаться осуществить мысль, высказанную раньше Вторымъ отдѣленіемъ: предоставить городскимъ учрежденіямъ право «издавать, по соглашенію съ полицейскимъ управленіемъ, собственною властью постановленія по городскому благоустройству», обязательныя для всего городскаго населенія [4]). Коммиссія поручила тремъ членамъ своимъ въ виду всѣхъ этихъ «практическихъ» соображеній выработать новый проэктъ первой статьи положенія, пересмотрѣвъ предварительно всѣ постановленія по данному предмету свода законовъ [5]). Вопросъ объ отношеніи къ думамъ городскаго головы обсуждался экспертами, какъ

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 318—319 и статья 30 проэкта 1869.

[2]) *Матеріалы*, т. III, стр. 99.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 203.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 205. Въ мартѣ 1870 г. во Второе отдѣленіе представилъ свое мнѣніе по данному вопросу петербургскій оберъ-полиціймейстеръ генералъ-адъютантъ Треповъ, который тоже единственнымъ исходомъ „изъ этого положенія“ полагаетъ „осуществленіе предположенія о предоставленіи полицейскимъ властямъ и общественно-хозяйственнымъ учрежденіямъ входить въ соглашеніе и издавать постановленія по предметамъ полиціи. *Тамъ-же*, стр. 453.

[5]) *Тамъ-же*, стр. 203—204.

мы уже знаемъ, при обсужденіи вопроса о предсѣдательствѣ въ этихъ учрежденіяхъ, вопроса, на которомъ мы въ предыдущей статьѣ останавливались болѣе или менѣе подробно. Здѣсь мы остановимся на «сужденіяхъ» экспертовъ по вопросу о взаимномъ отношеніи двухъ думъ другъ къ другу, вопросу, который въ сущности сводится, какъ мы уже и видѣли раньше, къ вопросу объ исполненіи распорядительной думой постановленій общей думы въ случаѣ, если послѣднія окажутся неисполнимыми по той или другой причинѣ. Оказалось, что «нѣкоторые» изъ экспертовъ, подобно извѣстнымъ намъ губернаторамъ, не могли усвоить себѣ идеи о необходимости вооружить исполнительный органъ правомъ не исполнять рѣшенія постановляющаго органа, если таковыя вызываютъ «затрудненія и неудобства» или прямо противозаконны. Эти «нѣкоторые изъ экспертовъ» находили, что такое право распорядительной думы, по отношенію къ рѣшеніямъ общей, «едва-ли вполнѣ соотвѣтствовало-бы *правильности* тѣхъ *отношеній*, какія, по существу дѣла, должны бы быть *между совѣщательнымъ и исполнительнымъ органами* общественнаго управленія», особенно при одновременномъ предсѣдательствѣ городскаго головы въ той и другой думѣ; такія отношенія между думами, по мнѣнію экспертовъ, «ослабляли бы значеніе общей думы не безъ ущерба, быть можетъ, для дѣла» [1]). Въ довершеніе всего эти эксперты рѣшительно не могли допустить, чтобы общая дума, «представляющая собою все городское общество, дѣйствующая его именемъ, меньше охраняла пользы города, чѣмъ исполнительное учрежденіе городскаго управленія» [2]).

Однако эти «объясненія», заслужившія вниманіе коммиссіи, повліяли на измѣненіе статей по этому предмету лишь въ редакціонномъ отношеніи [3]).

Вопросъ о спеціальныхъ коммиссіяхъ и ихъ отношеніи къ думамъ экспертами не затрогивался.

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ при составленіи новаго городоваго положенія былъ вопросъ объ отношеніи городскихъ учрежденій и лицъ къ правительству — его учрежденіямъ и органамъ. Важность этого вопроса мы поймемъ, если припомнимъ, что по взгляду какъ самаго правительства, такъ и представителей городскаго общества, главной и чуть ли не единственной причиной несостоятельности стараго городскаго устройства и управленія была правительственная опека, въ которую перешелъ суровый правительственный надзоръ. Составителямъ проэкта приходилось разрѣшить трудную задачу — установить такой правительственный надзоръ за городскими учрежденіями, который бы охранялъ отъ нарушеній со стороны послѣднихъ интересы частные и государственные, и который въ то же время не переходилъ бы за предѣлы, уста-

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 286.

[2]) *Тамъ-же*.

[3]) По ст. 76 проэкта и городской голова могъ при тѣхъ же условіяхъ пріостанавливать „опредѣленія“ распор. думы; противъ этого высказались два эксперта и одинъ членъ коммиссіи, находя, „что это право головы повело бы къ такому усиленію его положенія, что онъ могъ бы дѣйствовать въ ущербъ самостоятельности состоящей подъ его предсѣдательствомъ коллегіи“. *Тамъ-же*, стр. 287. Соединенные департаменты Государственнаго Совѣта за это право городскаго головы въ виду необходимости „предупредить, по возможности, случаи неправильныхъ дѣйствій со стороны исполнительнаго органа“. *Тамъ-же*, стр. 476.

новляемые самимъ понятіемъ надзора, и не превращался въ ту опеку, противъ которой такъ ратовали, которую обвиняли въ такихъ тяжелыхъ преступленіяхъ по отношенію къ самостоятельности городскихъ учрежденій.

Посмотримъ же, какъ этотъ вопросъ разрѣшался, проходя длинную вереницу канцелярій, коммиссій, совѣтовъ и иныхъ инстанцій, черезъ горнило которыхъ проходило городовое положеніе.

Останавливаясь на этомъ вопросѣ, слѣдуетъ въ сущности остановиться на цѣлой группѣ различныхъ мелкихъ вопросовъ, въ него привходящихъ, его составляющихъ. Здѣсь важенъ и вопросъ объ отношеніи правительственныхъ органовъ къ избирательнымъ собраніямъ, ихъ дѣйствіямъ, и вопросъ объ отношеніи ихъ къ организаціи городскихъ учрежденій, къ постановленіямъ этихъ послѣднихъ и т. д., и т. д. Мы не будемъ останавливаться на каждомъ изъ этихъ вопросовъ, ограничимся лишь нѣкоторыми, наиболѣе крупными, такими, ознакомленіе съ которыми дастъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе точное представленіе объ отношеніи правительства къ городскому самоуправленію вообще, какъ вопросѣ, обнимающемъ собою всѣ остальные.

Въ первомъ проэктѣ предполагалось по отношенію къ вопросу объ обжалованіи постановленій и распоряженій городскихъ учрежденій остановиться на правилахъ, установленныхъ по этому предмету одесскимъ городовымъ положеніемъ: жалоба на постановленія, утвержденная губернскимъ начальствомъ или министерствомъ, приносится въ Сенатъ; жалоба же на постановленія, не подлежавшія утвержденію властей — въ судебныя учрежденія, если дѣло идетъ о нарушеніи правъ собственности, — и въ *губернское правленіе*, если нарушаются «установленные закономъ порядокъ или формы» [1]). Но этимъ проэктъ не ограничился. По мнѣнію его составителей, «независимо отъ строгой опеки» правительственной, «неопредѣленность отношеній городскаго общественнаго управленія къ административнымъ властямъ» въ значительной степени служитъ «причиной того равнодушія къ общественнымъ дѣламъ, въ которомъ обыкновенно упрекаютъ городскія общества» [2]). Исходя изъ этого убѣжденія, составители, выставивъ какъ общее, основное положеніе, что «установленіе правильныхъ отношеній городскаго общественнаго управленія къ административнымъ властямъ составляетъ весьма важное условіе для того, чтобы преобразованіе сего управленія имѣло надлежащій успѣхъ» [3]), остановились на «обстоятельномъ обсужденіи» этого вопроса.

Прежде всего установленъ былъ, такъ сказать, основной принципъ такого рода: «такъ какъ административная *губернская власть*, по существу... есть блюстительница государственныхъ пользъ и повсемѣстнаго (?) точнаго исполненія законовъ, то... вліяніе ея должно распространяться и на дѣйствія городскаго общественнаго управленія» [4]). Отсюда, ей, этой губернской административной власти, слѣдуетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы городскія учрежденія не выходили за предѣлы предоставленной имъ власти и не нарушали «законовъ и

---

[1]) Матеріалы, т. I, стр. 231 и статьи проэкта 29 и 28. *Тамъ-же*, стр. 302.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 231.
[3]) *Тамъ-же*.
[4]) *Тамъ-же*, стр. 232.

правилъ»; въ случаѣ таковыхъ нарушеній она, эта власть, должна останавливать такое нарушеніе и «принимать мѣры къ направленію дѣйствій общественнаго управленія на законный путь». Понимая, что выставить рядъ такихъ общихъ положеній не значитъ что либо опредѣлить, составители проэкта остановились на опредѣленіи самаго «порядка наблюденія административной власти» и высказали по этому вопросу слѣдующее: губернской власти слѣдуетъ предоставить право (и вмѣнить въ обязанность) вмѣшиваться въ ходъ общественнаго управленія только въ такихъ трехъ случаяхъ: — a) когда распорядительная дума или городской голова обращаются къ начальству въ случаѣ незаконности постановленія общей думы, или когда это начальство «изъ опубликованнаго постановленія» само увидитъ его незаконность; b) когда этой власти будетъ принесена жалоба на городскія учрежденія, и наконецъ c) когда возникнутъ пререканія о предѣлахъ власти между городскими учрежденіями и земскими или правительственными [1]). Затѣмъ, говорятъ составители, административная власть должна пользоваться правомъ, въ случаѣ обнаруженія «неправильности» (?) въ постановленіяхъ городскихъ учрежденій, предложить имъ не исполнять этихъ постановленій и издать новыя; если городское учрежденіе будетъ настаивать на своемъ, то губернская власть должна, черезъ министра, представить дѣло въ Сенатъ. Для такого опротестованія постановленій думъ предоставляется губернскому начальству двухъ-недѣльный срокъ [2]).

Оказывается, губернскому начальству вслѣдъ за этимъ предоставляется и еще случай — четвертый — вмѣшательства въ городскія дѣла: если городскія учрежденія медлятъ или бездѣйствуютъ «по возложеннымъ на нихъ дѣламъ общей (правительственной) администраціи», то губернское начальство сначала «напоминаетъ, а при безуспѣшности этой мѣры» непосредственно само выполняетъ требуемое закономъ «на счетъ городскаго общества», доводя о томъ до свѣдѣнія министерства [3]).

Но понятно само собою, что и губернское начальство, хотя, быть можетъ, и лучше представительныхъ городскихъ учрежденій знающее законы, блюстителемъ коихъ оно въ данномъ случаѣ является, все таки можетъ ошибаться, а слѣдовательно и причинить въ случаѣ такихъ ошибокъ не малое замѣшательство въ городскомъ хозяйствѣ и управленіи; въ видахъ этого, т.-е. съ цѣлью обезпеченія интересовъ городскаго общества, его «правъ и интересовъ», городскимъ учрежденіямъ предоставляется право приносить, въ опредѣленный срокъ, жалобы на всѣ распоряженія губернской власти въ Правительствующій Сенатъ [4]).

Но кто же это «губернское начальство», «губернская административная власть»? Въ «разъясненіяхъ» оно разъ названо *губернскимъ правленіемъ;* въ соотвѣтствующихъ статьяхъ проэкта оно то отожествляется съ тѣмъ же губернскимъ правленіемъ — статья 30, то противополагается ему и «входитъ въ разсмотрѣніе» указанныхъ вопросовъ «по губернскому правленію» — статья 29. Мы не беремся категорически сказать поэтому, кто же въ концѣ концовъ разу-

---

[1]) *Тамъ-же,* и статьей 29 проэкта, стр. 302.
[2]) *Тамъ-же,* стр. 233 и статья 30, стр. 302—303.
[3]) *Тамъ-же,* и статья 31 проэкта, стр. 303.
[4]) *Тамъ-же,* стр. 234 и статья 32, стр. 303.

мѣется подъ «губернскимъ начальствомъ»: начальникъ ли губерніи, ея «хозяинъ» — губернаторъ, губернское ли правленіе, имъ президируемое, при немъ состоящее, или, наконецъ, онъ, этотъ *начальникъ губерніи*, такъ сказать, *въ губернскомъ правленіи*. Въ дѣйствительности, будь эти правила осуществлены, начальникъ губерніи оказался бы несомнѣнно такимъ же «хозяиномъ» города, какимъ онъ былъ — губерніи.

Но проэктируемое министерствомъ, какъ ни казалось оно простымъ и достигающимъ цѣли послѣднему, осталось только въ проэктѣ, на бумагѣ. Возраженіе противъ *такого* порядка отношеній правительственной администраціи къ общественно-городской высказывается уже въ первой инстанціи, рядъ каковыхъ, какъ мы знаемъ, пришлось пройти ему. Второе отдѣленіе Собств. Е. И. В. Канцеляріи, не указавъ причинъ, по которымъ оно нашло невозможнымъ передать губернскому правленію возложенныя на него проэктомъ функціи, находитъ необходимымъ создать для этихъ функцій въ каждомъ губернскомъ городѣ новое учрежденіе въ видѣ «особаго присутствія подъ предсѣдательствомъ губернатора» [1]). Это «присутствіе» по проэкту Втораго отдѣленія должно было составиться «изъ четырехъ членовъ: предсѣдателя казенной палаты, одного члена отъ губернскаго правленія, одного отъ окружнаго суда, и одного отъ земской управы» [2]). Хотя, какъ сказано, Второе отдѣленіе и не указываетъ, почему оно замѣняетъ губернское правленіе этимъ «особымъ присутствіемъ», но причина ясна: очевидно оно, не желая устранять отъ городскаго управленія «хозяина» губерніи, въ то же время опасается его излишняго значенія въ губернскомъ правленіи, и думаетъ умалить это значеніе, довести его до надлежащихъ размѣровъ основаніемъ такого «присутствія». Проэктируя введеніе послѣдняго, Второе отдѣленіе мотивируетъ его необходимость въ губернскомъ городѣ такими своеобразными соображеніями: переносить дѣла по столкновеніямъ съ городскими учрежденіями въ Сенатъ часто почти невозможно, благодаря тому, что на это всегда будетъ уходить слишкомъ много времени: многія дѣла такого рода проволочекъ совершенно не могутъ допускать; это во-первыхъ, а во-вторыхъ, затрудненія особенно часто встрѣчались бы въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣла въ Сенатъ поступали бы со стороны частныхъ лицъ: «многіе ли изъ частныхъ людей», замѣчаетъ Второе отдѣленіе, «были бы въ состояніи принимать на себя по такимъ дѣламъ издержки и хлопоты, сопряженныя съ перенесеніемъ дѣла въ Сенатъ»? [3]). Эти соображенія Второе отдѣленіе считаетъ достаточно убѣдительными, что «Сенатъ долженъ быть лишь высшею, окончательною инстанціей», къ которой приходится прибѣгать сравнительно только «въ рѣдкихъ случаяхъ». Исправляя сообразно всѣмъ этимъ соображеніямъ соотвѣтственныя статьи разсматриваемаго имъ проэкта, Второе отдѣленіе постановляетъ, что всѣ дѣла поступаютъ въ учреждаемое «присутствіе», предварительно «восходя къ губернатору, который уже и передаетъ ихъ въ присутствіе» [4]).

Однако измѣненія эти не были внесены въ преэктъ министерствомъ при

---

[1]) *Матеріалы*, т. I, стр. 484.
[2]) *Тамъ-же.*
[3]) *Тамъ-же*, стр. 483.
[4]) *Тамъ-же* стр. 484.

внесеніи его въ Государственный Совѣтъ 31 декабря 1866 года [1]). Оно изложило мысли Втораго отдѣленія по этому вопросу своими словами въ новой объяснительной запискѣ, приложенной къ этому проэкту [2]) и сдѣлало на нихъ возраженія: министерство, во первыхъ, полагало, что самый составъ «присутствія», проэктируемаго Вторымъ отдѣленіемъ, «*едва ли удобно* образовать изъ двухъ членовъ, участвовавшихъ по губернскому правленію (члена губерн. правленія и предсѣдателя казенной палаты) въ постановленіяхъ, подлежащихъ обсужденію присутствія»,—и не допускать въ него «представителя со стороны городскаго управленія»; во-вторыхъ, министерство находило, что учрежденіе такого «присутствія» о-бокъ съ губернскимъ правленіемъ, которое по дѣйствующимъ узаконеніямъ есть высшее въ губерніи мѣсто, ни отъ кого кромѣ императора и Сената не получающее указовъ и предписаній, и которое имѣется въ виду «возвысить сосредоточеніемъ въ ономъ всѣхъ отдѣльныхъ учрежденій губернской администраціи», представляло бы «коренное нарушеніе настоящаго строя губернской администраціи»: вѣдь въ это присутствіе приносились бы жалобы на губернское правленіе, которое, такимъ образомъ, перестало бы быть «высшимъ мѣстомъ» въ губерніи.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, по мнѣнію министерства, губернское правленіе и должно играть роль относительно городскихъ учрежденій, данную ему первымъ проэктомъ городоваго положенія [3]). Въ заключеніе объяснительная записка возражаетъ и на замѣчаніе Втораго отдѣленія, что Сенатъ или будетъ заваленъ дѣлами, или многіе откажутся за отдаленностью его отъ самаго дѣла; намъ кажется, вполнѣ основательнымъ замѣчаніемъ же, что большая часть дѣлъ будетъ оканчиваться на мѣстѣ, въ губернскомъ правленіи [4]).

Въ коммиссіи 1869 года, составленной, какъ мы знаемъ, при министерствѣ «для пересмотра проэктовъ», данный вопросъ былъ поставленъ уже такимъ образомъ: «слѣдуетъ ли городскія общественныя управленія поставить подъ надзоръ губернскихъ правленій или подъ личный контроль губернатора», какъ это имѣетъ мѣсто относительно земскихъ учрежденій [5]). Отвѣчая на такъ поставленный вопросъ, коммиссія «нашла необходимымъ» примѣнить и къ городскому управленію въ этомъ отношеніи порядокъ, принятый относительно земскихъ учрежденій, т.-е. поручить правительственный за нимъ надзоръ вмѣсто губернскаго правленія или особаго присутствія лично губернатору [6]). Такое свое постановленіе коммиссія мотивировала, во-первыхъ, тѣмъ, что, «по самому существу своему», коллегіальный надзоръ несостоятеленъ по дѣламъ, требующимъ быстроты дѣйствія; во-вторыхъ, губернское правленіе «при настоящей его организаціи, при настоящемъ его составѣ» въ частности не способно къ такой функціи; въ третьихъ, для *новаго* общественнаго управленія, его дѣятельности, «устраненіе прежнихъ недостатковъ по надзору со стороны губернскаго начальства представляется очень важнымъ» (т.-е. коммиссія въ надзорѣ

[1]) Статьи 34—38 этого проэкта тожественны со статьями 28—32 перваго проэкта.
[2]) *Матеріалы*, т. II, стр. 83—84.
[3]) *Тамъ-же*, стр. 84—85.
[4]) *Тамъ-же*, стр. 85.
[5]) *Тамъ-же*, стр. 275.
[6]) *Тамъ-же*, стр. 277.

губернскаго правленія по проэктамъ не видитъ ничего новаго). Коммиссія думаетъ, что по этимъ именно соображеніямъ и относительно земскихъ учрежденій введенъ только губернаторскій надзоръ [1]).

Въ совѣтѣ министра одинъ изъ членовъ его и три губернатора нашли такой порядокъ вещей совершенно несоотвѣтствующимъ «той самостоятельности, которая даруется нынѣ городскому управленію», а вмѣстѣ идущимъ въ разрѣзъ съ порядкомъ, установленнымъ земскими учрежденіями, по которымъ никакія жалобы на постановленія земства, помимо протеста губернатора, не допускаются [2]). Другими словами, эти члены совѣта возстаютъ противъ всякихъ частныхъ жалобъ на рѣшенія городскихъ учрежденій, при этомъ мотивомъ они выставляютъ опасеніе, что губернаторъ будетъ «постановленъ въ необходимость разбирать множество жалобъ пустыхъ, кляузныхъ». Но на это другими членами совѣта было замѣчено, что жалобы на постановленія земскихъ учрежденій не допускаются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія имѣли мѣсто въ предѣлахъ вѣдомства земскихъ учрежденій» [3]).

И эту инстанцію проэктъ по данному вопросу прошелъ безъ измѣненій [4]).

Когда проэктъ еще разъ дошелъ до Втораго отдѣленія, то это учрежденіе прежде всего указало на то, по истинѣ, изумительное самопротиворѣчіе, въ которое впало министерство по данному вопросу. Мы видѣли, министерство сначала отстаивало отъ Втораго отдѣленія губернское правленіе, это «высшее мѣсто въ губерніи», а теперь, по указаніямъ входившей въ составъ его коммиссіи, оно замѣняетъ губернское правленіе губернаторомъ, указавъ устами коммиссіи, если можно такъ выразиться, на недостатки этого «высшаго мѣста». Ограничившись простымъ констатированіемъ этого противорѣчія, Второе отдѣленіе разбираетъ отношеніе губернатора къ земскимъ учрежденіямъ и доказываетъ, что установляемыя проэктомъ отношенія перваго къ городскимъ учрежденіямъ ничего даже общаго съ ними не имѣютъ [5]). Сдѣлавъ это, Второе отдѣленіе снова настаиваетъ на необходимости уже разъ проэктированнаго имъ и намъ знакомаго губернскаго присутствія, приводя въ пользу его нѣсколько новыхъ «соображеній». Къ такимъ соображеніямъ прежде всего относится слѣдующее: задержка исполненія какого либо важнаго, «не терпящаго отлагательства» постановленія будетъ обычнымъ явленіемъ при установляемомъ проэктомъ порядкѣ отношеній между мѣстною правительственною частью и городскимъ управленіемъ. Эта задержка будетъ обусловливаться сношеніями съ Сенатомъ, до рѣшенія котораго исполненіе опротестованнаго постановленія пріостановляется. Мѣстная инстанція для разрѣшеній столкновеній губернскихъ властей съ городскими необходима въ виду этого, но такою инстанціей не можетъ быть, по мнѣнію Втораго отдѣленія, губернаторъ, которому «не будетъ физической возможности самому лично... безъ совѣщанія съ другими людьми» разрѣшать всѣ имѣющіе восходить до него

---

[1]) *Тамъ-же,* стр. 276—277.

[2]) *Тамъ-же,* стр. 319.

[3]) *Тамъ-же,* стр. 320.

[4]) Статьи 33—36 вышедшаго изъ совѣта проэкта отличаются отъ статей перваго проэкта лишь тѣмъ, что вмѣсто губернскаго правленія вездѣ—губернаторъ, въ силу, очевидно, указаній коммиссіи, которыя мы привели выше въ текстѣ. *Тамъ-же,* стр. 340—341.

[5]) *Тамъ-же,* стр. 459—461.

вопросы. Такая помощь, такіе совѣты необходимы, и при томъ помощь и совѣты не со стороны «чиновниковъ его канцеляріи, не отвѣчающихъ ни передъ кѣмъ, кромѣ него самого», а со стороны «*людей самостоятельныхъ*, которые бы сами отвѣчали за подаваемые ими совѣты, въ силу предоставленнаго имъ закономъ права голоса въ совѣщаніяхъ» [1]). Такими «самостоятельными» людьми Второе отдѣленіе и считаетъ введенныхъ имъ въ составъ губернскаго присутствія предсѣдателя казенной палаты, члена губернскаго правленія и др. На этотъ разъ проэктируется этотъ составъ увеличить еще нѣсколькими членами, а именно: «членомъ отъ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ» и предсѣдателемъ мѣстнаго мироваго съѣзда или мироваго судьи по назначенію съѣзда [2]).

Такъ какъ въ губернскомъ присутствіи предсѣдателемъ будетъ губернаторъ, то для устраненія со стороны послѣдняго умышленныхъ задержекъ и проволочекъ Второе отдѣленіе проэктируетъ не предоставлять губернатору «останавливать собственной властью исполненіе постановленій, признаваемыхъ имъ незаконными, впредь до разрѣшенія дѣла присутствіемъ, *а лишь на извѣстный срокъ*», размѣръ котораго опредѣляется *въ одинъ мѣсяцъ*. Въ это же присутствіе предполагается обращать черезъ губернатора дѣла и изъ министерства, признанныя незаконными министромъ и имъ пріостановленныя [3]).

Высочайше утвержденная коммиссія 1870 года, сопоставляя проэкты министерства съ проэктомъ Втораго отдѣленія по данному вопросу и выяснивъ разницу между ними, не пришла по этому предмету къ рѣшительному постановленію, такъ какъ «соглашенія между ея членами не послѣдовало». Не рѣшенъ былъ самый вопросъ о необходимости особаго присутствія, но за то былъ рѣшенъ вопросъ о составѣ этого присутствія, «въ случаѣ учрежденія онаго» [4]). Другими словами, не будучи убѣждена въ пользѣ и необходимости учрежденія, коммиссія глубокомысленно обсуждала составъ этого ненужнаго съ ея же точки зрѣнія учрежденія и опредѣлила этотъ составъ очевидно большинствомъ голосовъ.

Мы остановимся, однако, нѣсколько на тѣхъ мысляхъ, которыя въ этой коммиссіи были высказаны по поводу губернскаго присутствія и именно *противъ него*, такъ какъ *за него* не было сказано ничего новаго. Основное возраженіе состояло въ слѣдующемъ: «городскія учрежденія — учрежденія параллельныя съ земскими»; въ виду этого «уже и нынѣ положено начало объединенію въ отношеніи правъ и обязанностей городскихъ и земскихъ учрежденій»; а разъ такая параллельность и такое объединеніе между этими двумя категоріями общественныхъ учрежденій существуютъ—онѣ «должны быть поставлены. . . . въ одинаковое положеніе во всемъ, какъ относительно ихъ организаціи, такъ и

---

1) *Тамъ-же*, стр. 461—462.

2) *Тамъ-же*, стр. 463—464. При этомъ Вт. отд. предполагаетъ губернаторамъ дать право во время объѣздовъ ими губерніи „открывать на мѣстахъ (въ уѣздн. городахъ?) присутствія въ нѣсколько измѣненномъ составѣ—изъ уѣзднаго предводителя дворянства и предсѣдателя земской управы, мироваго посредника и предсѣдателя мироваго съѣзда“. И это—для *немедленнаго* разрѣшенія на мѣстахъ возникшихъ жалобъ и пререканій. *Тамъ-же*, стр. 464

3) *Тамъ-же*, см. проэктированныя Вт. отдѣленіемъ вмѣсто статей проэкта министерства статьи 1—8, стр. 467—469.

4) *Матеріалы*, т. III, стр. 40.

степени и *условій зависимости ихъ отъ административной власти*». Въ организаціи земскихъ учрежденій нѣтъ ничего подобнаго проэктируемымъ особымъ губернскимъ присутствіямъ, а потому устройство таковыхъ въ городскомъ управленіи «во всякомъ случаѣ.... могло бы быть допущено лишь по указаніямъ опыта, по обнаружившимся на практикѣ неудобствамъ» надзора въ земскихъ учрежденіяхъ. А до тѣхъ поръ нѣтъ никакой необходимости «изъ всѣхъ общественныхъ учрежденій одно лишь городское общественное управленіе» ставить въ какое-то исключительное положеніе [1]). Опасность слишкомъ частаго перенесенія дѣлъ въ Сенатъ въ случаѣ отсутствія мѣстнаго учрежденія въ родѣ проэктируемаго Вторымъ отдѣленіемъ—во всякомъ случаѣ проблематична: министерство внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, которыя имѣютъ возможность по опыту рѣшить вопросъ объ этой опасности (заключенія ихъ предшествуютъ рѣшенію Сената), въ теченіе пятилѣтняго существованія земства могли рѣшительно убѣдиться, что Правительствующій Сенатъ вовсе не заваленъ дѣлами по земскимъ учрежденіямъ: оказалось даже, что до Сената въ сущности доходило очень небольшое число дѣлъ [2]). Въ виду этого, коммиссія не можетъ допустить, чтобы при томъ же порядкѣ отношеній городскія учрежденія завалили Сенатъ дѣлами.

Что касается вопроса о затруднительномъ положеніи самаго губернатора, не могущаго единолично рѣшать дѣла, доходящія до него изъ городскихъ учрежденій — коммисія ссылается опять на земскія учрежденія, которыя не ставятъ его въ такое положеніе [3]).

Наконецъ коммиссія находитъ, что введеніе предполагаемаго присутствія «было бы предрѣшеніемъ *совершенно уже разработаннаго и находящагося на разсмотрѣніи высшихъ государственныхъ учрежденій* (это—въ началѣ 1870 года!) вопроса объ общихъ преобразованіяхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій». По увѣренію коммиссіи, предполагалось между прочимъ «*губернскія правленія*, какъ *не соотвѣтствующія своему назначенію* (тому назадъ 15 лѣтъ!) упразднить и образовать при губернаторахъ *губернскіе совѣты*», къ коимъ, по мнѣнію коммиссіи, и отойдутъ дѣла, которыя Второе отдѣленіе проэктируетъ передать предпологаемому имъ присутствію [4]).

По поводу состава проэктированнаго присутствія было заявлено о необходимости ввести въ него, въ pendant къ члену земской управы, представителя отъ городскаго общественнаго управленія; это—во первыхъ, а во вторыхъ, найдено излишнимъ вводить члена окружнаго суда, «весьма обремененнаго отправленіемъ прямыхъ своихъ обязанностей»; его предложено замѣнить прокуроромъ, найдено излишнимъ пребываніе въ присутствіи члена отъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; а вмѣсто члена отъ губернскаго правленія предложено ввести вице-губернатора [5]).

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 27—29.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 29—30. Изъ дѣлъ министерства приводится справка, изъ коей видно, что въ теченіи 1867—1869 годовъ на разрѣшеніе Сената восходило всего около *ста* дѣлъ по протестамъ губернаторовъ 24 губерній. *Тамъ-же*, стр. 30, примѣч.

[3]) *Тамъ-же*, стр 31.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 34.

[5]) *Тамъ-же*, стр. 38. Право губернатора учреждать особыя присутствія по уѣзднымъ городамъ во время разъѣздовъ отвергнуто, какъ ведущее къ основанію учрежденій лишь *случайныхъ*. *Тамъ-же*, 39.

Въ проэктъ, выработанный настоящей коммиссіей; внесена однако статья 109, устанавливающая особое присутствіе, состоящее подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ семи членовъ—вице-губернатора, управляющаго казенной палатой, прокурора, предсѣдателя мироваго съѣзда, предсѣдателя губернской земской управы, городскаго головы и предсѣдателя общей думы [1]). Эта статья поставлена параллельно съ статьей 109 же, которая, по проэкту министерства, замѣняетъ присутствіе губернаторомъ; при этомъ во всѣхъ другихъ статьяхъ проэкта, въ которыхъ заходитъ рѣчь, напр., о разногласіи между думами, городскимъ головой и думой, городскими и земскими учрежденіями и т. п., вездѣ ссылка на «особое присутствіе», устанавливаемое для разрѣшенія этихъ столкновеній [2]). Такъ что коммиссія въ этихъ случаяхъ какъ бы вполнѣ уже отказывается отъ борьбы со Вторымъ отдѣленіемъ, проэктировавшимъ это присутствіе. Къ статьѣ, опредѣляющей составъ этого присутствія, сдѣланы примѣчанія объ организаціи его въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не введены новыя судебныя учрежденія; ей послѣдуетъ цѣлый рядъ статей, опредѣляющихъ функціи новаго учрежденія [3]).

Когда въ составъ коммиссіи вошли такъ называемые эксперты, они прежде всего остановились на общемъ положеніи проэкта, по которому губернатору «указаннымъ въ положеніи порядкомъ» предоставлено слѣдить, чтобы городское управленіе не выходило за предѣлы предоставленной ему власти и не нарушало законовъ и «общихъ государственныхъ пользъ» [4]). Эксперты нашли выраженіе «противный общимъ государственнымъ пользамъ» слишкомъ неопредѣленнымъ, могущимъ быть со стороны губернатора предметомъ слишкомъ широкаго толкованія въ ущербъ самостоятельности городскаго управленія; по ихъ мнѣнію, совершенно достаточно предоставить губернатору слѣдить лишь за тѣмъ, чтобы «въ дѣйствіяхъ общественнаго управленія не было допускаемо *противнаго законамъ*» [5]). Державшіеся противоположнаго взгляда защищали статью ссылкой на положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, въ которомъ рѣчь идетъ и о «государственныхъ пользахъ», а главное—на иностранныя законодательства, гдѣ оно, не смотря «на большую опредѣлительность и законченность ихъ законоположеній», все-таки встрѣчается. Большинство коммиссіи вообще нашло редакцію статьи, такъ сказать, опасной для городскихъ учрежденій, благодаря ея неопредѣленности [6]), объ устраненіи которой коммиссія позаботилась, разсматривая эту статью въ связи съ другими, трактующими объ обязанностяхъ губернатора по отношенію къ городскому управленію вообще, а вмѣстѣ и тѣми, которыми устанавливается новое учрежденіе—губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе.

По поводу послѣдняго въ засѣданіяхъ коммиссіи съ экспертами поднялся бой, что называется, не на животъ, а на смерть. Представитель министерства юстиціи дѣйств. ст. совѣтникъ Рѣпинскій сталъ на сторону проэкта министерства внутреннихъ дѣлъ и развилъ свои мысли по этому предмету въ особой запискѣ, которая и приложена къ журналамъ въ видѣ особаго мнѣнія. Это мнѣніе г. Рѣ-

---

1) *Тамъ-же*, стр. 159.
2) Напр. статьи 74, 76, 79, и др.
3) Статьи 110—115.
4) Статья 8. *Матеріалы*, т. III, стр. 102.
5) *Тамъ-же*, стр. 205.
6) *Тамъ-же*, стр. 206—207.

пинскаго довольно подробно изложено и въ журналѣ засѣданія коммиссіи, посвященнаго этому предмету [1]). Въ сущности *новаго* авторъ «мнѣнія» ничего не даетъ ни въ защиту проэкта министерства, ни въ опроверженіе Втораго отдѣленія. Онъ лишь обстоятельнѣе, подробнѣе и сильнѣе развиваетъ то, что было высказано ранѣе и съ чѣмъ читатель уже знакомъ. Но мы все-таки нѣсколько остановимся на этомъ мнѣніи, въ деталяхъ котораго проскальзываютъ иногда мысли и отдѣльныя замѣчанія, которыхъ мы не рѣшились игнорировать.

Такъ, напр., развивая мысль, что Сенатъ никоимъ образомъ не будетъ заваленъ дѣлами по городскому управленію, если губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія вовсе и не будетъ существовать, г. Рѣпинскій заявляетъ, что, «стремясь къ устраненію медленности въ теченіи сравнительно небольшаго числа дѣлъ, Второе отдѣленіе *совершенно отнимаетъ* своимъ предложеніемъ *всякую самостоятельность у городскихъ управленій*, и вмѣсто учрежденій общественныхъ *дѣлаетъ ихъ снова вполнѣ подчиненными органами администраціи*», такъ какъ губернское присутствіе, состоящее «преимущественно изъ представителей администраціи, *можетъ* отмѣнить переданное на его разсмотрѣніе постановленіе городскаго собранія и рѣшеніе его немедленно приводится въ исполненіе». Право города обжаловать такое постановленіе присутствія, по мнѣнію автора, «ни мало не придаетъ городамъ самостоятельности»: хотя управы и могутъ жаловаться Сенату въ этихъ случаяхъ, но... «онѣ (управы) вовсе не суть учрежденія общественныя» [2]). Вообще «осуществленіе общаго и вполнѣ справедливаго желанія освободить города отъ тяготѣющей надъ ними опеки губернской администраціи и огражденіе ихъ *отъ всегда возможнаго произвола губернаторовъ*» возможно, по словамъ Рѣпинскаго, лишь при томъ условіи, что «губернаторъ будетъ поставленъ въ тѣ же отношенія къ городскимъ учрежденіямъ, въ какихъ онъ стоитъ къ земскимъ» [3]).

На сторону Рѣпинскаго сталъ харьковскій городской голова Шатуновъ, который при этомъ добавилъ, что губернское присутствіе, состоящее изъ лицъ, совершенно чуждыхъ интересамъ города, поставитъ къ себѣ послѣдній въ такое же положеніе опекаемаго, въ какомъ онъ состоялъ по старымъ порядкамъ къ губернскому правленію; а это поведетъ къ «охлажденію энергіи представителей городскаго управленія» и приведетъ ихъ къ тому же положенію, въ коемъ они обрѣтаются по старому положенію. Г. Шатуновъ вообще сильно настаиваетъ на полномъ уравненіи городскихъ учрежденій по данному вопросу съ земскими, «ибо тѣ и другія вытекаютъ изъ однородныхъ началъ, и имѣютъ въ рукахъ своихъ однородное дѣло» [4]). Противъ мнѣній Рѣпинскаго и Шатунова выступили два члена коммиссіи и одинъ экспертъ — гласный петербургской общей думы, г. Лихачевъ.

Они прежде всего выставили въ видѣ общаго положенія слѣдующее свое мнѣніе: городскія и земскія учрежденія, «хотя и завѣдующія однороднымъ дѣломъ и устраивающіяся на одинаковыхъ началахъ», едва ли можно «ставить

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 383—390.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 385 и—протоколы засѣданій, стр. 329.
[3]) *Тамъ-же*, стр. 387 и протоколы, стр. 330—331.
[4]) *Тамъ-же*, стр. 331.

въ параллель въ отношеніи порядка обжалованія ихъ постановленій и распоряженій» [1]). Они указываютъ на то обстоятельство, что въ земскихъ учрежденіяхъ «между уѣздными земскими учрежденіями и Сенатомъ кромѣ губернатора есть средняя, съ коллегіальнымъ характеромъ, инстанція, черезъ которую переходятъ дѣла на дальнѣйшее разсмотрѣніе». Эта инстанція — губернское земское собраніе. Установленіе «подобнаго порядка» относительно городскихъ учрежденій «было бы невозможно, ибо города губернскіе и уѣздные представляютъ собою отдѣльныя и самостоятельныя единицы, между которыми не можетъ быть связи по веденію каждымъ своего *особаго* хозяйства». Что же остается сдѣлать, спрашиваютъ себя члены коммиссіи. Оставить пробѣлъ въ отношеніи уѣздныхъ городовъ къ Сенату, предоставивъ разрѣшеніе столкновеній прямо послѣднему? Съ этимъ они примириться не могутъ. Необходимо согласиться на учрежденіе особаго губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, которое, по ихъ мнѣнію, «не вводило бы въ наше законодательство какихъ либо новыхъ началъ и которое было бы лишь примѣненіемъ того, *что уже имѣется въ нашемъ законѣ»* въ лицѣ, во-первыхъ, особыхъ губернскихъ комитетовъ по веденію земскихъ учрежденій; а во-вторыхъ, въ лицѣ установляемыхъ судебными уставами, для разрѣшенія пререканій о подсудности между судебными и правительственными установленіями, особыхъ «смѣшанныхъ присутствій», составляющихся изъ членовъ судебной палаты и административныхъ чиновъ губерніи [2]).

Дальше эти члены коммиссіи развивали, въ сущности, мотивы Втораго отдѣленія.

Московскій городской голова кн. Черкасскій сталъ тоже на сторону губернскаго городскаго присутствія и къ доводамъ, только что приведеннымъ, прибавилъ, что «необходимость въ подобномъ учрежденіи *уже давно чувствуется* (?) въ губерніяхъ». По мнѣнію князя понятіе о «самостоятельности» — понятіе относительное, требующее наиболѣе точнаго опредѣленія; онъ и даетъ это опредѣленіе: «городскія управленія нуждаются и ожидаютъ... *самостоятельности не въ смыслѣ независимости, а въ смыслѣ возможно дѣйствительной охраны и защиты своихъ интересовъ» (?!)*. Самостоятельность «въ первомъ смыслѣ», т.-е. въ смыслѣ независимости, по просвѣщенному воззрѣнію князя, «въ существѣ едва ли особенно и полезна». А проэктируемое Вторымъ отдѣленіемъ губернское присутствіе, какъ состоящее изъ лицъ болѣе или менѣе (?) независимыхъ отъ губернатора и свободныхъ отъ традицій прежней губернской администраціи (напр., членъ губернскаго правленія или предсѣдатель казенной палаты?) и будетъ служить лучшей охраной самостоятельности городскихъ учрежденій во второмъ смыслѣ, въ смыслѣ кн. Черкасскаго, «какъ учрежденіе *совершенно нейтральное*» (?). Рѣшенія этого учрежденія въ глазахъ Сената, по мнѣнію князя, служили бы «отголоскомъ общественнаго мнѣнія данной мѣстности» [3]).

Одинъ изъ членовъ коммиссіи, князь Лобановъ-Ростовскій, по поводу

---

1) *Тамъ-же,* стр. 331—332.
2) *Тамъ-же,* стр. 332—333.
3) *Тамъ-же,* стр. 334.

сближенія проэктируемаго присутствія по городскимъ дѣламъ съ земскимъ губернскимъ собраніемъ, какъ средней, между уѣздными собраніями и Сенатомъ, инстанціей, сдѣлалъ очень основательное замѣчаніе, что такое сближеніе совершенно неправильно, такъ какъ «означенная средняя инстанція, *состоя изъ выборныхъ* лицъ, *не имѣетъ* того *административнаго характера*, съ какимъ было бы присутствіе, составленное главнѣйше изъ правительственныхъ чиновниковъ» [1]). На опредѣленіе понятія самостоятельности городскихъ учрежденій князя Черкасскаго, представителя городскаго самоуправленія, кн. Лобановъ-Ростовскій, членъ министерства, замѣтилъ, что онъ съ нимъ готовъ, пожалуй, согласиться: *охрана* самостоятельности, говорилъ онъ, «весьма желательна, но... позволительно выразить сомнѣніе, что упомянутой охраны будетъ больше отъ подчиненія городскаго управленія особому присутствію, чѣмъ отъ подчиненія губернатору, который по проэкту министерства не можетъ непосредственно отъ себя отмѣнять опредѣленія и распоряженія общественнаго управленія». Онъ, губернаторъ, можетъ только *протестовать*, а не распоряжаться, да, наконецъ, заявилъ князь, «*самою надежною охраною интересовъ общественнаго управленія.. долженъ быть и на будущее время Правительствующій Сенатъ*, а не присутствіе и не губернаторъ» [2]).

Рѣпинскій, авторъ особаго мнѣнія, воспользовавшись этимъ взглядомъ кн. Лобанова-Ростовскаго, благопріятнымъ его мнѣнію, еще разъ высказался противъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, указавъ между прочимъ на возможность такого положенія вещей, «что члены присутствій, занятые исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей, станутъ смотрѣть на занятіе въ этомъ учрежденіи» болѣе или менѣе легко, и тогда рѣшеніе дѣлъ... само собою подпадетъ подъ вліяніе губернаторской канцеляріи» [3]).

Не смотря однако на всѣ эти доводы защитниками проэктируемаго учрежденія явились еще два члена коммиссіи, изъ которыхъ одинъ указалъ коммиссіи на то, «что учрежденія, подобныя проэктируемому присутствію, существуютъ во многихъ государствахъ и Западной Европы, которыя могли бы быть въ семъ случаѣ важнымъ образцомъ [4]), а другой — призналъ это учрежденіе «не безполезнымъ для разрѣшенія тѣхъ *собственно городскихъ дѣлъ*, которыя имѣютъ значеніе преимущественно хозяйственное, чисто мѣстное — вопросовъ факта» (?). Всѣ же дѣла, составляющія «пререканія о смыслѣ закона», должны восходить прямо въ Сенатъ [5]).

Баллотировкой вопросъ былъ рѣшенъ такъ: большинствомъ пятнадцати голосовъ противъ меньшинства пяти учрежденіе особаго губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія «признано необходимымъ» [6]).

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 335.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 334—335.
[3]) *Тамъ-же*, стр. 336.
[4]) *Тамъ-же*, стр. 338.
[5]) *Тамъ-же*, стр. 336—337.
[6]) *Тамъ-же*, стр. 338. Въ составъ коммиссіи представителей отъ городовъ — городскихъ головъ и гласныхъ — какъ мы видѣли, входило *десять* человѣкъ, голосовало 20 человѣкъ; если принять во вниманіе, что *многіе* члены коммиссіи говорили противъ присутствія, а изъ экспертовъ только одинъ и двое — за, можно предположить, что въ составъ пяти отрицательныхъ голосовъ входилъ только *одинъ* голосъ эксперта — харьковскаго головы.

Рѣшивъ такимъ образомъ вопросъ въ принципѣ, коммиссія посвятила *цѣлое засѣданіе* — одно изъ четырнадцати — вопросу объ устройствѣ губернскаго присутствія. Прежде всего городской голова Москвы, такъ оригинально, какъ мы видѣли, понимавшій самостоятельность городскихъ учрежденій, предложилъ предоставить присутствію вѣдать жалобы не только на думу, какъ проэктировалось Вторымъ отдѣленіемъ, а и на самую управу. Этимъ путемъ устранялось бы, «едва ли удобное и для пользы дѣла необходимое», обремененіе думы излишними дѣлами, которое вело бы къ не менѣе вредному по мнѣнію городскаго головы «частому созыву» собраній думы. А наконецъ, обойти думу можно, по его мнѣнію, или лучше слѣдуетъ и потому еще, что «обсужденіе *такихъ* (?) дѣлъ въ многолюдныхъ собраніяхъ» прямо неудобно [1]).

Но вожделѣніямъ головы противосталъ гласный Москвы же и два члена коммиссіи [2]), которые категорически заявили, что допустить это—значитъ отнять у думы «значеніе учрежденія контролирующаго и направляющаго дѣятельность управы», а вмѣстѣ — отдать въ руки «лицъ постороннихъ» сужденія о дѣйствіяхъ избранниковъ общества и избавить послѣднихъ отъ отвѣтственности передъ избравшимъ ихъ обществомъ, а городскаго голову, какъ предсѣдателя думы и управы, это поставило бы въ полную возможность уклоняться отъ суда первой и внѣ всякой зависимости отъ общества, «которому онъ долженъ служить» [3]). Быть можетъ, убѣжденная этими доводами своихъ членовъ, коммиссія оставила предложеніе князя Черкасскаго безъ вниманія.

Вопросъ о *составѣ* присутствія вызвалъ гораздо болѣе оживленный обмѣнъ мнѣній среди членовъ коммиссіи и ея экспертовъ. Прежде всего гласный петербургской думы Лихачевъ указалъ, что прокуроръ находится, «хотя и въ косвенномъ, подчиненіи губернатору»; это во первыхъ, а во вторыхъ, онъ — «по своей спеціальности — преимущественно изъ спеціалистовъ по уголовному судопроизводству», а между тѣмъ дѣла въ присутствіи будутъ разбираться «относящіяся преимущественно до гражданскаго права». Отсюда г. Лихачевъ заключаетъ, что прокуроръ «безъ ущерба для дѣла» можетъ быть исключенъ изъ состава присутствія; въ замѣнъ его петербургскій гласный предлагаетъ предсѣдателя окружнаго суда, «болѣе знакомаго съ гражданскимъ правомъ и притомъ совершенно независимаго отъ губернатора». Къ этому относительно предсѣдателя окружнаго суда присоединились предсѣдатель коммиссіи и два ея члена; но они вмѣстѣ съ тѣмъ «не признали правильнымъ» исключеніе прокурора изъ присутствія, такъ какъ «въ лицѣ его совмѣщается все цѣлое представительство вѣдомства (?) министерства юстиціи» [4]). Князь Черкасскій предложилъ ввести въ составъ присутствія еще управляющаго контрольной палатой, какъ такое лицо, которое «прямо не заинтересовано въ дѣлѣ». Членъ коммиссіи Шумахеръ предложилъ, «не дѣлая управляющаго контрольной палатой постояннымъ членомъ присутствія, приглашать его... лишь по дѣламъ, касающимся

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 339.

[2]) Гласный Шумахеръ и члены коммиссіи — тайный совѣтникъ Шумахеръ и сенаторъ Брунъ.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 339—340.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 340—341.

денежныхъ разсчетовъ»[1]). Это мнѣніе было принято единогласно всѣми пятнадцатью членами коммиссіи, высказавшимися за введеніе губернскаго присутствія[2]); далѣе коммиссія рѣшила ввести въ составъ послѣдняго вмѣстѣ съ прокуроромъ и предсѣдателя или члена окружнаго суда[3]).

Вслѣдъ за этимъ былъ поднятъ вопросъ — «должны ли имѣть постановленія присутствія только кассаціонный характеръ, или ему должно принадлежать рѣшеніе дѣлъ по существу»?

Четверо изъ засѣдавшихъ въ коммиссіи (два гласныхъ — московскій и петербургскій — и два члена коммиссіи) заявили, что въ силу самой роли своей «охранительнаго органа самостоятельности городскихъ учрежденій отъ возможнаго произвола единоличныхъ распоряженій губернатора», присутствіе по городскимъ дѣламъ не можетъ рѣшать поступающія въ него дѣла по существу, ибо въ противномъ случаѣ «оно получило бы характеръ нынѣшняго губернскаго правленія». Оно можетъ, по ихъ мнѣнію, лишь утвердить или не утвердить опредѣленіе городской думы[4]). Послѣдовательный князь Черкасскій, вмѣстѣ съ двумя членами коммиссіи, утверждалъ, наоборотъ, что присутствіе «подъ тѣмъ единственнымъ условіемъ и можетъ получить *приличное* (!) ему значеніе учрежденія, разрѣшающаго дѣла *съ необходимою быстротою на мѣстѣ*.... если ему будетъ предоставлено разсмотрѣніе дѣлъ по существу». Сходство же съ губернскимъ правленіемъ въ такомъ случаѣ присутствіе, по мнѣнію князя, «получило бы до извѣстной степени.... лишь по внѣшности» (?), а по существу оно не имѣло бы съ нимъ ничего общаго, благодаря составу его, гарантирующему собой вполнѣ «правильное и безпристрастное рѣшеніе дѣлъ»[5]).

Предсѣдатель коммиссіи, присоединившись къ этому мнѣнію, прибавилъ, что «ни одно законодательство не даетъ кассаціоннаго значенія подобной средней инстанціи», и что присвоеніе ей таковаго значенія «нарушило бы всю систему управленія»[6]). При голосованіи этого вопроса «лицами, принявшими мысль объ учрежденіи губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія» (т.-е. пятнадцатью человѣками), два члена коммиссіи и три эксперта высказались за кассаціонное значеніе этого учрежденія, а остальные десять человѣкъ — за предоставленіе ему права рѣшать дѣла по существу[7]).

Послѣ всѣхъ этихъ преній по данному вопросу коммиссія еще разъ измѣнила внесенный въ нее проэктъ, постановивъ единогласно, что «нарушеніе правъ гражданскихъ дѣйствіями городскаго общественнаго управленія» возстановляется «на общемъ основаніи»[8]), что жалобы на постановленія думъ, утвержденныя министромъ или губернаторомъ, приносятся въ первый департаментъ Сената[9]). Далѣе, относительно жалобъ по всѣмъ остальнымъ дѣламъ, въ проэктѣ

---

[1]) *Тамъ-же,* стр. 341—342.
[2]) *Тамъ-же,* стр. 343.
[3]) *Тамъ-же,* стр. 344.
[4]) *Тамъ-же,* стр. 344.
[5]) *Тамъ-же,* стр. 344.
[6]) *Тамъ-же.*
[7]) *Тамъ-же,* стр. 344—345.
[8]) Статья 136—*Тамъ-же,* стр. 432.
[9]) Статья 137—*Тамъ-же.*

приведены, въ видѣ, разумѣется, статей, мнѣнія меньшинства коммиссіи — пяти членовъ ея — отрицавшихъ надобность присутствія по городскимъ дѣламъ, и большинства ея, стоявшаго за него [1]); при этомъ по поводу состава и функцій присутствія приведены, почти по всѣмъ вопросамъ, опять мнѣнія большинства и меньшинства въ двухъ редакціяхъ каждой статьи.

По поводу этихъ различныхъ редакцій однѣхъ и тѣхъ же статей, министръ въ своемъ отношеніи къ государственному секретарю, сопровождавшемъ работы коммиссіи, «счелъ нужнымъ изложить свое особое мнѣніе»; таковое изложено имъ и по данному вопросу. Онъ прямо заявляетъ, что, если найдено будетъ и въ Государственномъ Совѣтѣ необходимымъ ввести губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе, «то нельзя было бы отрицать необходимость въ подобномъ же присутствіи и для обсужденія нѣкоторыхъ предметовъ и по земскимъ, такъ же какъ и по сословнымъ дѣламъ»; а разрѣшеніе этого общаго вопроса, «тѣсно связаннаго съ реформой всей губернской администраціи, едва ли было бы удобно, *особенно въ виду того, что въ настоящее время* (начало 1870 года) *разсматриваются въ комитетѣ министровъ основныя положенія административной реформы по губерніямъ*» [2]). Въ предоставленіи присутствію права рѣшать поступающія въ него дѣла «по существу», министръ генералъ-адъютантъ *Тимашевъ* видитъ средство «подорвать ту самостоятельность въ дѣлахъ городскаго хозяйства и устройства, которая присвоивается другими статьями положенія» [3]).

Въ половинѣ апрѣля 1870 г. проэктъ поступилъ, наконецъ, въ Государственный Совѣтъ, въ его соединенные департаменты — государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. И Государственный Совѣтъ остановился на вопросѣ объ учрежденіи губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія какъ на одномъ изъ главныхъ вопросовъ, которому и была посвящена большая часть одного изъ двухъ засѣданій, въ которыхъ разсматривался проэктъ.

«Большинство членовъ сочло обязанностью объяснить, что, по его мнѣнію, учрежденіе губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія вызывается необходимостью.... дѣла до Сената должны доходить только въ исключительныхъ случаяхъ» [4]). Мотивируютъ это свое рѣшеніе члены соединенныхъ департаментовъ, просто повторяя всѣ тѣ доводы, которые были приведены Вторымъ отдѣленіемъ и сторонниками присутствія во всѣхъ тѣхъ инстанціяхъ, которыя до сихъ поръ проэктъ прошелъ. При этомъ департаменты признали за губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ право рѣшать поступающія въ него дѣла по существу, т.-е. рѣшать дѣла окончательно и «рѣшенія немедленно приводить въ исполненіе» [5]). Соединенные департаменты среди различныхъ доводовъ въ пользу

---

[1]) Статьи 138—149. *Тамъ-же,* стр. 432—437.

[2]) Быть можетъ, по обнародованіи „трудовъ“ Кохановской коммиссіи, мы ознакомимся въ этомъ изданіи съ результатами дѣятельности по этому вопросу 15 лѣтъ тому назадъ.

[3]) *Тамъ-же,* стр. 460.

[4]) *Тамъ-же,* стр. 480—481.

[5]) *Тамъ-же,* стр. 483. Государственный Совѣтъ тоже нашелъ тожество между присутствіемъ по город. дѣламъ и комитетами: по крестьянскимъ дѣламъ, по введенію земскихъ учрежденій и особымъ присутствіемъ судебной палаты.

присутствія особенно большое и важное значеніе придавали *«единоличнымъ почти отзывамъ* участвовавшихъ въ предварительномъ разсмотрѣніи проэкта *городскихъ головъ* и гласныхъ», признавшихъ, какъ мы видѣли, въ присутствіи «учрежденіе, охраняющее интересы городовъ». Въ глазахъ членовъ Государственнаго Совѣта «такое заявленіе самихъ представителей городскихъ общественныхъ учрежденій.... имѣетъ.... тѣмъ большую важность, что съ возникновеніемъ въ послѣдніе годы, на ряду съ правительственными, и самостоятельныхъ общественныхъ учрежденій, — у насъ чувствуется теперь насущная, живая потребность въ правильно устроенныхъ мѣстныхъ судебно-административныхъ инстанціяхъ».... (!). По поводу замѣчанія министра, что, въ виду обсужденія Комитетомъ министровъ общаго преобразованія губернской администраціи, слѣдуетъ воздержаться отъ введенія такого учрежденія, какъ присутствіе, Государственный Совѣтъ думаетъ, съ своей стороны, что осуществленіе этого дѣла отлагать на неопредѣленное время никоимъ образомъ не приходится; наоборотъ, «необходимо дѣйствовать съ возможной осторожностью, не созидая вдругъ общаго для разнообразныхъ и многочисленныхъ этого рода дѣлъ учрежденія, которое потомъ могло бы оказаться не вполнѣ соотвѣтствующимъ потребностямъ, а, напротивъ, положить начало подобному учрежденію сперва по одной какой либо отрасли, чтобы испытать на дѣлѣ, какъ привьется оно къ особенностямъ нашей жизни, и затѣмъ уже, обогатясь указаніями опыта, приступить къ окончательному установленію стройнаго по этой части цѣлаго» [1]).

Также рѣшенъ былъ вопросъ и въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта (11 мая 1870 года), которое еще разъ остановилось на данномъ вопросѣ, перебравъ еще разъ всѣ мнѣнія за и противъ учрежденія губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія. Государственный Совѣтъ нашелъ, что «въ дѣлѣ устройства городскаго общественнаго управленія... *однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ представляется образованіе правительственнаго надзора* надъ городскими учрежденіями такимъ образомъ, чтобы, безъ вмѣшательства въ хозяйственную дѣятельность, имѣть возможность своевременно.... останавливать и прекращать всякое распоряженіе ихъ, противное законамъ» [2]). И этотъ-то «важнѣйшій предметъ», и по мнѣнію общаго собранія Государственнаго Совѣта, вполнѣ удовлетворительно достигается учрежденіемъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія. Однако и въ этой послѣдней инстанціи такое рѣшеніе постановлено только большинствомъ: «нѣкоторые члены» и здѣсь полагали, что «правительственный надзоръ» лучше всего и надъ городскими учрежденіями былъ бы достигнутъ тѣмъ порядкомъ, какой съ этою цѣлью введенъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ [3]) Но большинство Государственнаго Совѣта высказало убѣжденіе, что «порядокъ земскихъ учрежденій скорѣе можетъ служить подтвержденіемъ опасеній», что безъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія «неважныя пререканія разростались бы въ серьезныя и прискорбныя столкновенія». Государственный Совѣтъ ссылается въ подтвержденіе этого на

[1]) *Тамъ-же*, стр. 485.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 503.
[3]) *Тамъ-же*, стр. 504.

«бывавшія между земскими собраніями и начальниками губерній разногласія, которыя не рѣдко получали значеніе, не оправдывавшееся ни важностью, ни свойствомъ предмета... потому именно, что *не было законнаго (?) пути безотлагательному на мѣстѣ разрѣшенію ихъ*» [1]). Такимъ «*законнымъ путемъ*» въ городскихъ учрежденіяхъ будетъ присутствіе, при помощи котораго «правительство будетъ имѣть дѣйствительное средство *энергически*, во время, *останавливать общественныя управленія въ ихъ неправильныхъ дѣйствіяхъ или незаконныхъ увлеченіяхъ*» [2]).

И общее собраніе Государственнаго Совѣта, какъ и собраніе соединенныхъ департаментовъ его, одинъ изъ важнѣйшихъ аргументовъ въ пользу присутствія видитъ «въ почти единогласныхъ отзывахъ.... городскихъ головъ и гласныхъ, что предположенное присутствіе.... признается ими за учрежденіе, охраняющее интересы городовъ.... что городскія учрежденія ожидаютъ для завѣдыванія своими общественными дѣлами самостоятельности не въ смыслѣ независимости (это, въ сущности, мнѣніе, какъ мы видѣли, одного князя Черкасскаго, а не «всѣхъ почти экспертовъ») а въ смыслѣ возможно-дѣйствительной охраны и защиты», каковую «они (эксперты) вполнѣ надѣются найти» въ губернскомъ по городскимъ дѣламъ присутствіи [3]).

Вслѣдъ за этимъ въ мотивахъ общаго собранія идетъ рѣчь о томъ, что «еслибъ *сверхъ чаянія* нашелся губернаторъ», который захотѣлъ бы дѣйствовать, не стѣсняясь указаніями закона — «то присутствіе было бы ему препятствіемъ» [4]). И такъ, по мнѣнію экспертовъ (т.-е. кн. Черкасскаго) и Государственнаго Совѣта городскія учрежденія нуждаются въ охранѣ и защитѣ своихъ интересовъ ни отъ кого другаго, какъ отъ незаконныхъ поползновеній губернатора. По крайней мѣрѣ такъ приходится заключить изъ только что приведенныхъ словъ Государственнаго Совѣта, — князь Черкасскій нигдѣ не указалъ, отъ кого по его мнѣнію нужно охранять присутствію интересы городскіе — но изъ тѣхъ же словъ совѣта видно, что онъ въ сущности не вѣритъ въ такія поползновенія губернаторовъ, предполагая или допуская ихъ лишь какъ нѣчто совершенно невѣроятное, могущее имѣть мѣсто развѣ лишь «сверхъ всякаго чаянія». Но отъ кого же, въ такомъ случаѣ, должно присутствіе «охранять и защищать общественные интересы городовъ?

Вопросъ остался открытымъ. А между тѣмъ Государственный Совѣтъ высказываетъ сожалѣнія, что не существуетъ учрежденія, подобнаго присутствію въ земскихъ учрежденіяхъ; онъ убѣжденъ, что существуй оно тамъ, «значительно уменьшились бы затрудненія, представлявшіяся въ первый періодъ ихъ дѣятельности» [5]).

Мы изложили всѣ «мнѣнія», приводимыя въ пользу губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, изложили ихъ, боимся, не съ излишнею ли подробностью; и тѣмъ не менѣе мы затрудняемся видѣть въ этихъ «мнѣніяхъ» что

[1]) *Тамъ-же*, стр. 506.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 505.
[3]) *Тамъ-же*, стр. 507—508.
[4]) *Тамъ-же*, стр. 508.
[5]) *Тамъ-же*.

либо до того убѣдительное, что устраняло бы всякія возраженія. Мы видѣли, что большинство доводовъ или по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ рѣшительно не убѣдительны по той простой причинѣ, что они просто голословны, не опираются ни на что доказательное, въ родѣ, напр., увѣренія, что составъ присутствія гарантируетъ «безпристрастіе, знаніе законовъ и вѣрное пониманіе какъ обще-государственныхъ интересовъ, такъ и мѣстныхъ потребностей и нуждъ». Вѣдь если въ губернаторѣ, вице-губернаторѣ, членахъ губернскаго правленія не подлежатъ сомнѣнію чувство безпристрастія и знаніе нуждъ какъ общественныхъ, такъ и государственныхъ,—зачѣмъ было поднимать вопросъ о созданіи новаго учрежденія, зачѣмъ было, скажемъ даже, заботиться объ устраненіи городскихъ учрежденій изъ подъ опеки столь безпристрастныхъ и всяческія нужды знающихъ чиновъ?

Много можно бы возразить и не по одному данному вопросу; но это выходило бы за предѣлы настоящаго очерка, цѣлью котораго было лишь изложить ходъ работъ по составленію нынѣ дѣйствующаго городового положенія въ ихъ хронологической послѣдовательности по крайней мѣрѣ по главнымъ, или казавшимся намъ таковыми, вопросамъ этого положенія.

Въ нашемъ очеркѣ мы ни словомъ почти не затронули капитальнѣйшій вопросъ о *функціяхъ* городскихъ учрежденій, о городскомъ управленіи собственно, о его хозяйствѣ. Мы не сдѣлали этого потому, что этотъ вопросъ, казалось намъ, нельзя изложить въ его хронологическомъ развитіи въ какой нибудь небольшой замѣткѣ; онъ требуетъ по крайней мѣрѣ отдѣльной статьи. Этотъ капитальный и сложный вопросъ, этотъ пробный камень городскаго самоуправленія разработывался министерствомъ въ видѣ совершенно особаго проэкта «устава о городскомъ хозяйствѣ», къ которому прилагались и особыя объяснительныя записки и «соображенія». Этотъ уставъ, мы видѣли, распадался на отдѣльныя главы о доходахъ, расходахъ и завѣдываніи ими. Только высочайше утвержденная коммиссія 1870 года слила оба эти отдѣльные проэкта — о городскомъ общественномъ управленіи и о хозяйствѣ — въ одинъ. Во всѣхъ тѣхъ инстанціяхъ, которыя проходили эти проэкты въ отдѣльности и въ слитномъ видѣ, вопросы «о городскомъ хозяйствѣ» возбуждали мнѣнія не менѣе долгія, не менѣе противорѣчивыя, чѣмъ и всѣ тѣ вопросы, на которыхъ мы останавливались въ нашемъ очеркѣ.

И въ ходѣ перипетій, пережитыхъ этими вопросами, мы встрѣчаемся съ тою же общею чертою, которая бросается въ глаза при ознакомленіи съ тѣмъ, на чемъ мы останавливались. Такою общею чертою мы считаемъ постепенное, въ теченіи восьмилѣтнихъ работъ, видоизмѣненіе взглядовъ на дѣло законодателя; это видоизмѣненіе отражается на всемъ — и на способахъ разработки проэктовъ городоваго положенія, и на цѣляхъ, которыя ставятся послѣднему.

Думается, что даже изъ нашего очерка нельзя не заключить, что между тѣми цѣлями, намѣреніями, чувствами и взглядами, съ которыми приступлено къ составленію городоваго положенія, и тѣми, которыми обуревалось почти все и вся при заключеніи его, — огромная разница, почти діаметральная противоположность. Правительственная опека, отсутствіе всякой самостоятельности — вотъ причины печальнаго состоянія городскаго управленія — говорили, писали,

докладывали, доносили, высказывали мнѣнія и сужденія чуть не всѣ чины министерства, такъ или иначе имѣвшіе соприкосновеніе съ вопросами о городскомъ управленіи. Снятіе этой опеки, расширеніе самостоятельности городскихъ учрежденій, замѣна административныхъ путъ живыми силами самого общества — вотъ основныя начала, на которыхъ должно строиться новое городовое положеніе и на которыхъ хотѣли его строить въ 1862 году; возможно лучше воспользоваться при этомъ совѣтами, указаніями и всяческимъ содѣйствіемъ самого общества (городскаго) при водвореніи этихъ началъ — вотъ путь, считавшійся лучшимъ въ дѣлѣ достиженія этой цѣли въ томъ же 1862 году. Не прошло и десяти лѣтъ. Главнѣйшая задача при установленіи новыхъ городскихъ учрежденій — организація правительственнаго надзора, водвореніе въ нихъ такого понятія самостоятельности, по которому послѣдняя состоитъ не въ извѣстной степени свободы и независимости дѣйствій городскихъ учрежденій, теперь уже прямо считающейся, если не вредной, то «мало полезной», а «въ охранѣ и защитѣ» ихъ отъ какого-то невѣдомаго врага умомъ и руками правительственнаго учрежденія. Вотъ начала, которыми руководились при составленіи городоваго положенія въ 1870 году. Промежуточные восемь лѣтъ — постепенное, медленное превращеніе первыхъ началъ въ эти послѣднія. Та же метаморфоза совершается въ теченіи этого періода времени и съ самыми путями и средствами, каковыми достигается такая цѣль, какъ организація городскаго самоуправленія: мѣстныя выборныя городскія коммиссіи 1862 года вырождаются въ доброкачественныхъ, администраціей апробованныхъ экспертовъ — статскихъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ — 1870 года.

Здѣсь не мѣсто указывать на причины такихъ метаморфозъ. Достаточно констатировать самый фактъ ихъ и указать, что «опытъ» здѣсь не при чемъ.

Что же касается «опыта» съ городовымъ положеніемъ 1870 года, время совершенія котораго не достигло еще и полныхъ полутора десятка лѣтъ, и не успѣвшаго еще быть продѣланнымъ на всемъ пространствѣ даже европейской Россіи, то онъ, смѣемъ думать, не привелъ къ желаннымъ результатамъ, несмотря на прочную, «энергичную охрану городскихъ интересовъ» отъ... «едва ли полезной самостоятельности». Смѣемъ такъ думать потому, что не только въ печати и обществѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ то и дѣло слышатся недовольства имъ.

Вотъ какъ характеризуетъ результаты этого опыта одна изъ нашихъ охранительныхъ газетъ, стоящихъ на стражѣ всяческихъ основъ: «городское хозяйничанье идетъ вяло, неуклюже, мало внушаетъ къ себѣ въ обществѣ симпатіи и довѣрія. Еще въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ — центрахъ просвѣщенія — оно имѣетъ хоть внѣшній видъ довольно благообразный; но въ какомъ-нибудь Зарайскѣ, Коротоякѣ... плохо плетется оно новымъ либерально (?) штатнымъ порядкомъ; конечно, русскіе купцы, мѣщане и тамъ — люди правительству послушные, готовые съ покорностью быть сегодня магистратомъ и ратманами, завтра... «почтенными ораторами», постоянно озираясь на начальство: «такъ ли»? но все это... выходитъ какимъ-то представленіемъ — вся эта дѣланная жизнь лишена настоящей жизненной творческой силы» [1])!

[1]) Газета „*Русь*“ за 1884 годъ, № 8, стр. 14.

Отсюда почтенная газета сдѣлала такой выводъ: «имѣете вы дѣло съ общественными корпораціями, — не угашайте въ нихъ духа... признайте за ними нравственныя права сборной личности, дорожите ихъ чувствомъ самостоятельности» [1]).

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ этотъ «духъ» старались или, вѣрнѣе, хотѣли раздуть и поддержать, но скоро потомъ нашли это дѣломъ «едва ли полезнымъ».

---

[1]) *Тамъ-же.*

Наше городское самоуправленіе [1].

Милостивые государи и государыни.

Высокая обязанность явиться сегодня передъ вами, представителями лицея, какъ ученой корпораціи, пала на меня. Приступая къ исполненію ея, я понималъ всю ея важность съ одной стороны и всю трудность съ другой. Время такъ называемыхъ академическихъ рѣчей, при произнесеніи которыхъ имѣлось въ виду лишь ученая аудиторія, содержаніемъ которыхъ всегда являлся какой либо узкоспеціальный вопросъ, время такихъ рѣчей, кажется, прошло, судя по содержанію и характеру актовыхъ рѣчей, произносимыхъ въ послѣднее время на торжествахъ, подобныхъ настоящему. Оно и понятно. Такое празднество, какъ годичный актъ высшаго учебнаго заведенія, и въ особенности рѣчь, на немъ произносимая, есть ничто иное какъ — если можно такъ выразиться — актъ единенія даннаго ученаго учрежденія съ тѣмъ обществомъ, среди котораго оно существуетъ. Въ виду этого, при произнесеніи рѣчи слѣдуетъ, мнѣ кажется, помнить, что она произносится не въ собраніи ученыхъ спеціалистовъ; поэтому, оставаясь на строго научной почвѣ, она должна быть въ извѣстной степени популярна; предметъ ея содержанія, по возможности, долженъ быть общеинтересенъ. Этими соображеніями руководился я, какъ относительно темы для моей рѣчи, такъ и относительно формы изложенія. Мнѣ казалось, что предметъ, на которомъ я остановился — наше городское самоуправленіе — не можетъ не интересовать присутствующихъ здѣсь, по крайней мѣрѣ многихъ изъ нихъ; онъ не можетъ не интересовать ихъ, какъ городскихъ обывателей, — непосредственно заинтересованныхъ въ городскомъ хозяйствѣ и управленіи. На сколько безошибоченъ такой взглядъ мой, на сколько удастся мнѣ изложить данный вопросъ ясно и для всѣхъ удобопонятно — судить не мнѣ.

---

[1]) Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ Демидовскаго лицея, 30 августа 1876 г. Помѣщена во „Временникѣ Демидовскаго Юридическаго Лицея". Кн. XII, 1876.

I.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Пруссіи, уже подпавшей господству Наполеона, шла рѣчь о преобразованіи городскаго устройства и управленія. Въ 1807 году знаменитый Штейнъ въ письмѣ по этому поводу къ одному изъ министровъ писалъ, что въ новомъ городовомъ положеніи онъ видитъ средство поднять павшій въ нѣмцахъ *духъ гражданства*, возбудить въ нихъ общественное сознаніе; вызвать то и другое къ жизни. Такое значеніе Штейнъ придавалъ самоуправленію: Городовое положеніе 1808 года, о которомъ онъ писалъ, именно возстановило въ городахъ Пруссіи самоуправленіе, почти исчезнувшее въ нихъ въ періодъ просвѣщеннаго абсолютизма. Эту мысль свою Штейнъ не разъ высказывалъ и развивалъ и по другимъ поводамъ: такъ, говоря о привлеченіи къ участію въ администраціи представителей общества вообще, онъ говоритъ, что этимъ «устранится въ обществѣ неудовольствіе и досада, могущія достигнуть такихъ размѣровъ, что государству придется прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ». Онъ указываетъ и на самыя причины, почему самоуправленіе — т.-е. непосредственное завѣдываніе даннымъ обществомъ, чрезъ своихъ представителей, своими мѣстными, общественными интересами—оживляетъ общество, а вмѣстѣ и государство, воскрешая въ первомъ духъ общественнаго сознанія; оно, по мнѣнію великаго администратора, отдаляетъ вниманіе гражданъ отъ исключительно эгоистическихъ цѣлей, заставляетъ ихъ обратиться къ цѣлямъ общественнымъ. Въ самоуправленіи видитъ Штейнъ противодѣйствіе тѣмъ администраторамъ, которыхъ онъ мѣтко называетъ «бездушными пишущими машинами», которые получаютъ свое жалованье изъ государственнаго казначейства и пишутъ, пишутъ, пишутъ... въ тихихъ, на-глухо запертыхъ бюро»... «Самоуправленіе, продолжаетъ Штейнъ, разрушаетъ тѣ оковы, которыми правительственная бюрократія опутала всякое проявленіе человѣческой дѣятельности». Привлеченіе къ управленію представителей отъ общества заинтересуетъ послѣднее его мѣстными интересами, а въ этомъ послѣднемъ Штейнъ видитъ даже одну изъ основъ сознательнаго патріотизма.

Такое значеніе придаетъ общественному самоуправленію вообще, городскому въ особенности, одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей начала нынѣшняго столѣтія. Не меньшее значеніе придаетъ ему и доктрина государственнаго права. Во Франціи мы встрѣчаемся по данному вопросу съ цѣлой литературой, которая приходитъ къ тѣмъ же взглядамъ на предметъ, что и Штейнъ. Мы встрѣчаемся здѣсь съ цѣлой школой такъ называемыхъ децентрализаторовъ, которые, можно сказать, спасеніе государства и правъ личности видятъ въ общественномъ самоуправленіи.

Еще Токвиль все величіе, все общественно-экономическое благосостояніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ полагалъ въ тѣхъ широкихъ началахъ самоуправленія, которыя служатъ базисомъ государственнаго строя этихъ штатовъ. C'est dans la commune — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія: «La démocratie en Amérique»—que réside la force des peuples libres. Одинъ изъ современныхъ писателей—извѣстный Leroy-Beaulieu—въ

формахъ мѣстнаго самоуправленія вообще видитъ проявленіе «національнаго историческаго генія» даннаго народа. Другой—французскій же—публицистъ восклицаетъ: l' état, c'est l'edifice, mais la commune c'est la base de cet édifice. Въ этой сжатой, но полной содержанія формулѣ концентрируется все, что писано по данному вопросу сторонниками самоуправленія во Франціи.

Приведенные мною взгляды—или чисто апріорные, или основанные на изученіи организаціи мѣстнаго управленія современной Англіи и Сѣв. Америки; но къ заключенію о важномъ, великомъ значеніи мѣстной автономіи вообще и городской въ особенности приводитъ и изученіе прошлаго. Вспомнимъ историческое прошлое городовъ Германіи, Франціи, вспомнимъ ихъ состояніе въ періодъ отъ XII до XVI столѣтія, и мы согласимся съ мыслью германскаго ученаго Otto Gierke, что, по крайней мѣрѣ, германскій «современный юридическій и политическій строй вытекъ изъ средневѣковаго міросозерцанія лишь черезъ посредство городовъ. Въ городахъ впервые общественное право отдѣлилось отъ частнаго... въ нихъ же создались понятія объ единствѣ власти и управленія, равно для всѣхъ обязательномъ законѣ; короче, въ городѣ впервые выработалось *понятіе о государствѣ...* Понятіе самоуправленія, высшая идея о необходимой связи правъ и обязанностей, идея, которую въ настоящее время стараются осуществить въ государствѣ и возстановить въ общинахъ, были признаны въ средневѣковомъ городѣ высшимъ принципомъ его общественной жизни».

Если таково въ глазахъ европейскихъ ученыхъ и публицистовъ значеніе общественнаго самоуправленія, если таково оно и въ глазахъ большинства образованныхъ людей запада, то совершенно понятна та энергія, съ которой завоевывается въ западной Европѣ муниципальная автономія, та борьба за нее, которую мы видимъ въ настоящіе дни, напримѣръ, въ законодательныхъ палатахъ Франціи.

И наше отечество, м. г. и г-ни, пользуется опредѣленной долей самоуправленія земскаго и городскаго, притомъ долей, пожалуй, значительно большей, чѣмъ какой пользуется, напр., Франція даже при настоящемъ правительствѣ. А придаемъ ли мы этому нашему самоуправленію или, лучше, самоуправленію вообще, то значеніе, какое, мы видѣли, придаютъ ему наши западноевропейскіе сосѣди? Наша небогатая ученая и публицистическая литература не отстаетъ въ этомъ отношеніи отъ своей западно-европейской сестры. Наше правительство, хотя, быть можетъ, и по инымъ причинамъ, видитъ въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи нѣчто такое, безъ чего современное государство едва-ли можетъ существовать. Доказательство такого взгляда—въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ и городовомъ положеніи 1870 г. А какъ же относится къ дѣлу наше «общество», т. е. лицо, въ немъ непосредственно заинтересованное? Вмѣсто прямого отвѣта на поставленный вопросъ, я позволю себѣ указать на факты, всѣмъ извѣстные факты, изъ которыхъ всякій изъ васъ, м. г. и г-ни, можетъ самъ вывести отвѣтъ. Припомнимъ то, что мы читаемъ чуть не ежедневно, чуть не въ каждомъ нумерѣ каждой газеты о земскихъ собраніяхъ и о городскихъ, даже столичныхъ думахъ; припомнимъ раздающіяся въ нашихъ ушахъ постоянныя жалобы на изъ рукъ вонъ безучастное отношеніе нашихъ земскихъ и городскихъ гласныхъ къ ихъ общественнымъ обязанностямъ;

вспомнимъ тѣ, въ почтенныхъ размѣрахъ, случаи, когда общественныя собранія, даже такъ называемыя экстренныя, собираемыя по особенно важнымъ дѣламъ, зачастую, притомъ, по желанію самихъ же представителей общества, не могли состояться по неявкѣ этихъ представителей въ достаточномъ числѣ; припомнимъ, наконецъ, что нѣкоторыя земскія собранія и думы не разъ пускались на изобрѣтеніе такихъ средствъ, которыя привлекли бы представителей общественнаго самоуправленія къ отправленію ихъ обязанностей; что московская дума, не дальше какъ нынче весной, а одесская, такъ сказать, на дняхъ, даже пустили въ ходъ такое средство — первая опубликовала имена скромнаго количества своихъ гласныхъ, болѣе или менѣе усердно являвшихся на собранія,— вторая, послѣ многократныхъ попытокъ собрать своихъ членовъ, разослала повѣстки, въ которыхъ грозитъ всѣ убытки, имѣющіе произойти отъ неявки гласныхъ—возложить на послѣднихъ. Отвѣтъ, мнѣ кажется, напрашивается самъ собой. Но я позволю себѣ указать еще на одинъ фактъ: во время работъ надъ проэктомъ нынѣшняго городоваго положенія, составители его одною изъ главныхъ цѣлей ставили себѣ борьбу съ тѣмъ *«общимъ равнодушіемъ къ дѣламъ общественнымъ»*, съ которымъ они встрѣтились и которое ихъ поразило при непосредственномъ ознакомленіи съ тогдашнимъ городовымъ устройствомъ и состояніемъ городскаго общества. Ради достиженія этой цѣли составители проэкта предлагали такія средства, какъ награжденіе служащихъ по *общественнымъ* выборамъ чинами, орденами, различнаго рода привилегіями, облеченіе ихъ въ мундиры... къ счастью, въ городовое положеніе 1870 года эти приманки, исключая мундира городскаго головы, о которомъ законодатель думаетъ, что онъ, содѣйствуя возвышенію означенной должности, *«не останется безъ пользы и для самаго дѣла»*—не вошли. Чѣмъ же объяснить это *«равнодушіе»*? Неужели оно *врожденное* качество русскаго человѣка? а съ такимъ мнѣніемъ намъ пришлось встрѣтиться на дняхъ въ одной изъ большихъ, очень распространенныхъ газетъ нашихъ.

Общество состоитъ изъ отдѣльныхъ индивидовъ. Какъ характеръ этихъ послѣднихъ слагается подъ вліяніемъ жизни въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, такъ точно и общество, какъ относительно своихъ внѣшнихъ формъ, такъ и своего внутренняго, т.-е. интеллектуально-нравственнаго «я» есть результатъ той же жизни и при томъ жизни *исторической*, которая оставляетъ на всемъ современномъ отпечатки, долго, очень долго неисчезающіе даже и при самыхъ благопріятныхъ для этого условіяхъ. Въ этомъ смыслѣ историческое прошлое имѣетъ такое огромное значеніе, что, вмѣстѣ съ однимъ германскимъ публицистомъ, я рѣшаюсь сказать, что «государство и общество есть произведеніе исторіи».

Вотъ почему, м. г. и м. г-ни, если мы хотимъ объяснить указанное мною явленіе нашей общественной жизни, мы должны обратиться къ ея прошлому. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію нашего современнаго городскаго самоуправленія, я постараюсь представить посильный очеркъ, по возможности сжатый, прошлаго нашего общественно-городскаго строя. Сдѣлавъ это, я, при описаніи современной организаціи городскаго самоуправленія, постараюсь указать, насколько эта организація способствуетъ уничтоженію неблаго-

пріятныхъ результатовъ этого прошлаго, насколько она способствуетъ уничтоженію въ обществѣ того «равнодушія» къ общественнымъ интересамъ, которое констатировало само правительство, насколько содѣйствуетъ развитію въ немъ, наоборотъ, гражданскаго духа, употребляя выраженіе Штейна.

И такъ обратимся къ прошлому.

II.

Мы взглянемъ на нашъ городъ за три періода его историческаго существованія: a) удѣльно-вѣчевой, b) московскій и c) петербургскій.

Въ удѣльно-вѣчевой періодъ нашъ городъ представлялъ собою самостоятельное, автономическое цѣлое, притомъ въ *политическомъ* отношеніи: онъ былъ «*городомъ—государствомъ*». Лучшимъ, наиболѣе яркимъ типомъ города за этотъ періодъ могутъ служить Новгородъ и Псковъ. Избѣгнувъ татарскаго погрома, стоя болѣе или менѣе въ сторонѣ отъ княжескихъ усобицъ, города эти, за время до присоединенія къ Москвѣ, успѣли наиболѣе полно развиться въ города-государства. Новгородъ успѣлъ стать «Осподиномъ» Великимъ Новгородомъ, въ которомъ князь только его представитель, власть производная, сила которой — въ «волѣ» Осподина Новгорода; выраженіе его воли — «вѣче». Новгородъ — центръ земли, которой онъ владѣетъ на правахъ верховной власти. Отсюда, *вѣче* — прежде всего власть *государственная*, избирающая князя всей земли новгородской, владыку — духовнаго пастыря этой земли. Но въ то же время эта власть — и власть земская, *мѣстная*, власть *общинная*, въ противоположность государственной, хотя, въ сравненіи съ послѣдней, и въ зародышевомъ состояніи: интересы государственные затирали собою интересы мѣстно-общинные, поглощали ихъ; всѣ, даже третьестепенныя общинныя должности проникнуты были по преимуществу государственнымъ политическимъ характеромъ: кончанскіе и уличанскіе старосты носили его. Въ этомъ, такъ сказать, зачаточномъ состояніи, въ состояніи полнаго смѣшенія общинныхъ интересовъ съ государственными палъ «Осподинъ» Великій Новгородъ. Онъ палъ какъ государство, палъ и какъ городъ, мѣстная автономическая единица. Также палъ и Псковъ. Если это случилось съ Новгородомъ и Псковомъ, что же говорить объ остальныхъ городахъ удѣльно-вѣчевой Руси? Они всѣ перешли въ руки московскихъ собирателей земли русской, потерявъ всякое значеніе какъ автономическія земскія единицы.

Въ положеніи нашихъ городовъ за удѣльно-вѣчевой періодъ времени нельзя не замѣтить аналогіи съ состояніемъ западно-европейскаго города въ періодъ среднихъ вѣковъ. И тамъ, и у насъ городъ былъ городомъ — государствомъ. Но этимъ аналогія и ограничивается. Тамъ города пали, во-первыхъ, гораздо позже нашихъ; во-вторыхъ, ко времени паденія они достигли замѣчательнаго благосостоянія и внутренняго административнаго развитія. Припомнимъ приведенныя выше слова Ot. Gierke. Наши же, перенеся княжескія усобицы, татарскій погромъ, къ началу московскаго періода, за однимъ — двумя исключеніями, находились въ самомъ жалкомъ состояніи. Обстоятельство — огромной важности въ исторіи нашего города.

Потерявъ при переходѣ въ руки московскихъ царей свою политическую

самостоятельность, нашъ городъ eo ipso терялъ право вѣчевыхъ собраній, что одно объединяло все его населеніе, всѣ отдѣльныя общины, на которыя онъ распадался. Онъ попадаетъ въ руки царя въ видѣ конгломерата этихъ общинъ, которыя однако въ періодъ московскаго государства не исчезаютъ; но онѣ и не вѣдаютъ своихъ общинныхъ интересовъ, которыхъ не успѣли создать въ предшествовавшій періодъ. Ставъ лицомъ къ лицу съ властью московскаго властелина, городскія общины обращаются въ орудія этого послѣдняго, въ его *тяглецовъ*. Московское правительство не заботится объ объединеніи ихъ въ одно административное цѣлое, всѣ его мѣры, наоборотъ, содѣйствуютъ дальнѣйшему ихъ разъединенію. Каждая община несетъ свое особенное тягло, разъединяющее ее со всѣми другими. Всѣ выборныя общинныя должностныя лица вѣдаютъ лишь дѣла московскаго государя, государственныя. Выработаться теперь общиннымъ интересамъ еще менѣе возможности. Отсюда, самыя должности обратились въ тяжелую государственную обязанность, которой бѣжали, какъ кары. Общественная городская жизнь замерла; экономическое благосостояніе городскаго населенія за этотъ періодъ едва ли не понизилось въ сравненіи съ прежнимъ. Оно и понятно. Борьба за объединеніе сломила не одинъ богатый городъ; не мало стоила борьба съ Литвой-Польшей, перешедшая, въ смутное время, въ полное разореніе Руси, отъ котораго она успѣла опомниться лишь во второй половинѣ XVII ст. Присоединимъ сюда страшный гнетъ налоговъ и всякаго рода поборовъ, а вмѣстѣ и служебное тягло государево. Можно ли говорить о *развитіи* городовъ за этотъ періодъ времени? Большая часть изъ нихъ обратились «изъ жива въ пусто», какъ выражаются грамоты. Городское населеніе боялось не сегодня-завтра «погибнуть въ конецъ». Во многихъ городахъ и гибнуть-то было нечему: все населеніе ихъ сплошь и къ ряду состояло изъ десятка, двухъ дворовъ.

Въ такомъ положеніи городъ перешелъ въ руки великаго преобразователя общественно-государственнаго строя нашего отечества. Петръ началъ свои реформы именно съ городскаго населенія. Въ 1699 г. въ одинъ день появилось два указа, касающіеся организаціи городскаго населенія—объ учрежденіи земскихъ избъ въ городахъ и Бурмистерской палаты въ Москвѣ. Этими указами Бурмистерская палата поставлена во главѣ земскихъ избъ съ ихъ выборными земскими бурмистрами. Чтоже новаго вносятъ эти учрежденія? Очень не много. И они, въ сущности, вовсе не имѣютъ въ виду интересы общинные. Московская Бурмистерская палата вѣдаетъ «*всего московскаго государства* посадскихъ и купецкихъ людей и чернослободцевъ». Слѣдовательно, она — учрежденіе центральное, общегосударственное. Она вѣдала этихъ людей черезъ земскія избы и земскихъ бурмистровъ. Она вѣдала ихъ какъ *сословіе* исключительно только по отношенію къ финансовымъ интересамъ государства. Земскія избы и бурмистры вѣдаютъ «его Великаго Государя доходы». О зачаткахъ самоуправленія въ это время странно и говорить. Въ названныхъ указахъ законодатель мотивомъ введенія новыхъ учрежденій выставляетъ то обстоятельство, что «его Великаго Государя окладные многіе доходы учинились въ доимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ—большіе недоборы». Устранить то и другое и есть дѣло земскихъ избъ съ бурмистрами. Общественные интересы, особые отъ госу-

дарственныхъ, и теперь не сознаются еще ни самимъ обществомъ, ни государствомъ.

Петръ не достигъ своей цѣли учрежденіемъ этихъ избъ и палаты. Коекакъ протянули онѣ свое существованіе до двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтія, когда неутомимый преобразователь заноситъ въ нашъ городъ западно-европейскія городскія учрежденія. Появляются городовые магистраты и главный въ Москвѣ. Эти учрежденія занесены изъ Германіи. Въ нихъ многіе хотятъ видѣть уже болѣе серьезные задатки городскаго самоуправленія. Говорить это — значитъ не серьезно относиться къ дѣлу, значитъ забывать личный характеръ великаго царя-работника, характеръ всѣхъ его преобразованій: могъ ли онъ, геніальный представитель абсолютизма, вносить въ государственный строй нѣчто діаметрально-противоположное существу этого послѣдняго? Петръ въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, заимствуетъ въ чужихъ краяхъ лишь форму, которую заполняетъ своимъ, отечественнымъ содержаніемъ. Онъ беретъ лишь оболочку, не затронувъ лежавшаго въ ней зерна, которое онъ подмѣняетъ своимъ, выросшимъ на русской общественно-государственной почвѣ. Западноевропейскія городскія учрежденія даннаго періода все-таки еще были учрежденіями, вѣдающими городскіе, общинные интересы, если не исключительно, то по преимуществу; у насъ же они вводятся исключительно почти ради интересовъ государственныхъ, ради пополненія все той же «государевой казны», «ради исканія и споспѣшествованія, пользы и благополучія его Великаго Государя», т.-е. пользы *государственной*. Такими они оказались на дѣлѣ исключительно. Да и въ указахъ, въ сущности, они являлись такими же: если и толковалось въ послѣднихъ о необходимости, напр., заведенія въ городахъ «доброй полиціи», этого, какъ выражался великій преобразователь, «фундаментальнаго подпора человѣческой удобности и безопасности»; если и возлагался, повидимому, этотъ «подпоръ» на магистраты, то лишь мимоходомъ, на словахъ, на дѣлѣ же завѣдываніе имъ отдавалось въ руки только что учрежденныхъ полиціймейстеровъ. Если Петръ и требуетъ, чтобы въ городахъ были устроены «малыя» школы, сиротскіе и смирительные домы, ратуши, «недалеко отъ нихъ биржи», то онъ требуетъ этимъ лишь того, чтобы все это было устроено «городскимъ тщаніемъ, земскимъ иждивеніемъ», т. е. на городской земскій счетъ, а устройство и завѣдываніе всѣмъ этимъ, разумѣется, имѣлось въ виду поручить не городамъ. Да, наконецъ, всѣ эти школы, биржи остались на бумагѣ. Дѣятельность городовыхъ магистратовъ обращается исключительно на государственныя нужды и потребности: наблюденіе за правильнымъ отправленіемъ городскимъ торгово-промышленнымъ населеніемъ всякаго рода государственныхъ денежныхъ сборовъ и нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей; сборъ таможенныхъ и кабацкихъ денегъ; содержаніе самаго населенія «въ полнотѣ», т.-е. заботы о томъ, чтобы горожане не бѣжали съ городовъ и посадовъ. Вотъ обязанности выборныхъ должностныхъ лицъ. Самая организація городскихъ магистратовъ, ихъ подчиненность главному указываетъ на ихъ исключительно государственный характеръ, притомъ, чисто *сословный*. На этотъ же характеръ указываетъ и отвѣтственность выборныхъ и самихъ ихъ избирателей передъ государствомъ — «за то — не выбирай людей недобрыхъ». И эти послѣднія петровскія учреж-

денія не объединили всего городскаго населенія, не слили его въ одно цѣлое, въ смыслѣ административной, хотя бы и правительственной единицы; нечего говорить объ автономической.

Преемники Петра Великаго разрушили введенныя имъ, еще не успѣвшія привиться городскія учрежденія. Ихъ возстановила, безъ всякаго измѣненія по существу, дочь его, Елизавета Петровна, со времени которой они и просуществовали почти безъ всякаго измѣненія до 1785 г., когда блестящая преемница Великаго Петра издала свою «Жалованную грамоту на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи», въ которой мы дѣйствительно, наконецъ, встрѣчаемся съ зачатками городскаго самоуправленія.

Но прежде чѣмъ обратиться къ этой грамотѣ, посмотримъ, насколько бѣгло очерченное нами прошлое города могло создать гражданъ, готовыхъ къ этому самоуправленію, способныхъ понимать интересы общества, представлять и охранять ихъ.

Не будемъ останавливаться на времени до-московскомъ, времени полной автономіи города, времени, когда въ вѣчевыхъ собраніяхъ участвовали всѣ свободные люди, кромѣ женщинъ съ дѣтьми. Перейдемъ къ московскому періоду нашей исторіи. Я уже говорилъ, что выборныя должностныя лица изъ городскаго торгово-промышленнаго населенія были тяглецами, состоящими на службѣ у его Великаго Государя, государственными чиновниками; на нихъ и смотрѣли какъ на таковыхъ. Ихъ силою почти приставляли къ ихъ службѣ; какъ дамокловъ мечъ висѣли надъ ними, грозя ежесекундно пасть на нихъ, — «правежъ», «нещадные батоги». Воеводы и всякіе приказные люди помыкали этими выборными. Зачастую горожане жалуются, что воевода «батогами бьетъ до полусмерти» не только ихъ, «сиротъ царскихъ», но и ихъ выборныхъ старостъ и цѣловальниковъ. Понятно общее стремленіе спастись отъ службы въ выборныхъ или, разъ попавъ на эту службу, вознаградить себя на счетъ кармана избравшихъ и казны. Говорить о такихъ выборныхъ, какъ объ общественныхъ органахъ, сколько нибудь солидарныхъ съ интересами общества, какъ объ охранителяхъ и представителяхъ послѣдняго.... едва ли умѣстно. Эта служба — тяжелый гнетъ, какъ для выборныхъ, такъ и для выборщиковъ.

Положеніе тѣхъ и другихъ не улучшалось и въ XVIII ст., начиная съ царствованія Петра Великаго. Желѣзная воля великаго царя-работника не останавливалась ни передъ чѣмъ, ради охраненія государственныхъ интересовъ: за простое «неосмотрѣніе» «дворы, животы и промыслы» выборныхъ шли въ казну. «Смертная казнь безъ всякой пощады», кнутъ, Азовъ и «дальніе города» градомъ сыпались на повинныя головы выборныхъ. Спасаясь отъ ударовъ тяжелой руки царя, выборные попадали подъ руку его приказныхъ слугъ: члены костромскаго магистрата доносили въ главный, что бывшій костромской воевода отнялъ у нихъ ратушу, построенную изъ купецкихъ денегъ, которую заняль и новый воевода; взяли у какого-то посадскаго подъ ратушу его дворъ, но и этотъ дворъ отняли «подъ подполковника» Татаринова; храбраго полковника смѣняетъ какой-то скромный ассесоръ. И вотъ *представители самоуправленія* начала XVIII ст. пріютились гдѣ-то въ Николаевской пустыни, что на Бабайкахъ, «въ самой малой и утѣсненной кельѣ». Въ коломенскомъ

магистратѣ какой-то генералъ Салтыковъ, проѣздомъ въ Нижній-Новгородъ, «билъ бурмистра смертнымъ боемъ» и оттого бурмистръ «въ магистратъ ходилъ съ великой нуждой, временемъ»; другого, коломенскаго же, бурмистра какой-то драгунскій офицеръ велѣлъ своимъ солдатамъ бить «палками, тептунами и ефесами, потомъ плетьми смертно». Это было при Петрѣ Великомъ, зоркій глазъ котораго проникалъ далеко. Каково же было положеніе выборныхъ при его преемникахъ, когда воеводы и полчища приказныхъ получили больше простора? Безсиліе и униженіе городскихъ выборныхъ достигло такихъ размѣровъ, что даже *бироновскій* сенатъ нашелъ, что «бурмистры, какъ къ распорядкамъ гражданскимъ попеченія, такъ и къ *ихъ самихъ защищенію смѣлости* не имѣютъ, отъ чего здѣшнее гражданство пришло въ крайнее изнеможеніе». Для возбужденія «смѣлости» во главѣ ратуши рѣшено было поставить «главнаго командира» — нѣкоего полковника съ жалованьемъ. Понятно съ другой стороны, что и эти выборные, потерявшіе «смѣлость» по отношенію къ приказнымъ, не лучше бригадировъ и полковниковъ относились къ своимъ подчиненнымъ, такимъ же выборнымъ общества, и къ самому этому обществу. Президентъ магистрата «чинитъ грабежи и убійства» въ средѣ общества, его избравшаго. «Злоупотребленіе мірскими деньгами» — явленіе обыденное. Въ половинѣ XVIII ст. по улицамъ Архангельска «гражданскіе старосты», какъ свидѣтельствуетъ обыватель Архангельска, жившій въ концѣ этого столѣтія, «ходили по улицамъ скованы, съ висящими на ихъ шеяхъ желѣзными цѣпями»: это они, по приказанію своихъ бурмистровъ, «ходили за нужными мірскими дѣлами», какъ выражается свидѣтель [1]).

Таково положеніе городскаго самоуправленія и выборныхъ представителей общества наканунѣ блестящаго царствованія Екатерины II. Подъ вліяніемъ западно-европейской просвѣтительной литературы поклонница Вольтера вздумала создать на Руси пресловутое третье сословіе — tiers-état — или, выражаясь ея языкомъ, «средній родъ людей», одаренныхъ всякими добродѣтелями «средняго человѣка». Она мечтаетъ вмѣстѣ съ великолѣпнымъ Потемкинымъ о городахъ, украшенныхъ «фонтанами съ водопадами», ботаническими садами, «храмами великолѣпными», «судилищами на подобіе древнихъ базиликъ», «лавками полукружіемъ на подобіе пропилей съ биржею и театромъ посрединѣ», домомъ губернатора «во вкусѣ греческихъ и римскихъ зданій», университетами «купно съ академіей музыкальной». Она строитъ сотни — понятно, безъ пропилей и базиликъ, — городовъ. Съ самаго начала своего царствованія занята она вопросомъ «о сочиненіи *единственнаго* положенія» для городовъ; своей «жалованной грамотой» городамъ она даетъ это «положеніе» 21 апрѣля 1785 г. Эта важная въ исторіи нашего городскаго устройства и управленія грамота вноситъ зачатки дѣйствительнаго самоуправленія, при томъ для всего городскаго населенія, независимо отъ сословій. Совокупность городскаго населенія въ этомъ безсословномъ смыслѣ и составляетъ собою, по грамотѣ 1785 г., «градское общество», въ составъ котораго входитъ всякій обыватель, достигшій 25-лѣтняго возраста и получающій не менѣе 50 р. — ассигнаціями — годоваго дохода.

---

[1]) Крестининъ — Кратк. ист. о гор. Архангельскѣ. 1792 г, стр. 17—19.

Основа въ высшей степени широкая. Въ этомъ основномъ положеніи — рѣзкое отличіе екатерининской организаціи городскаго управленія отъ предшествовавшей, чисто сословной. «Городское общество» избираетъ изъ среды своей представителей, имѣетъ собственность движимую и недвижимую, завѣдываніе которой отдается въ руки особыхъ органовъ — общей и шестигласной думъ. Изъ самаго названія послѣдняго учрежденія уже видно, что законодатель не выдержалъ положеннаго имъ въ основу городоваго положенія начала безсословности, на которое мы только что указали: не только шестигласная, но даже общая дума составлялась изъ представителей отъ шести отдѣльныхъ сословій городскаго населенія. Гласные общей думы избирали въ шестигласную изъ своей среды по одному представителю отъ каждаго сословія; такимъ образомъ эта дума составлялась изъ 6 человѣкъ гласныхъ, откуда и ея названіе. Во главѣ этихъ учрежденій стоитъ городской голова, избираемый обществомъ на три года. Сословное начало еще рѣзче проявилось въ особыхъ сословныхъ учрежденіяхъ, вѣдавшихъ отдѣльныя сословія, напр., цеховыя и гильдейскія учрежденія. На нихъ мы не будемъ останавливаться.

Въ чемъ же проявляется автономія екатерининскаго «градскаго общества», что оно вѣдаетъ и какъ вѣдаетъ? Обществу дозволяется представлять губернатору о своихъ пользахъ и нуждахъ — (36 ст.) — говоритъ законодатель. Оно вѣдаетъ, чрезъ посредство шестигласной думы, жителей города по отношенію къ ихъ «прокормленію и содержанію», оно поддерживаетъ въ ихъ средѣ миръ, тишину и согласіе, оно вѣдаетъ публичныя зданія, торги и т. п. вообще все, что, выражаясь языкомъ законодателя, «можетъ быть для города потребно, выгодно и полезно». Все это вѣдается, какъ я сказалъ, шестигласной думой. Что же дѣлаетъ дума общая? Она собирается *одинъ* разъ въ *три* года (а шестигласная еженедѣльно) и вся ея дѣятельность ограничивается избраніемъ членовъ въ шестигласную думу, послѣ чего она немедленно расходится. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что екатерининское «градское общество» вооружено широкимъ правомъ самоуправленія. Но это только съ перваго взгляда. Замѣтимъ, что жалованная грамота страдаетъ полнымъ отсутствіемъ всякой опредѣленности, какъ относительно самаго объема власти городскихъ учрежденій, такъ и ихъ отношенія къ представителямъ правительственной административной власти, передъ которой — губернаторомъ и казенной палатой — была отвѣтственна общая дума. Припомнимъ положеніе самоуправляющихся. Принявъ все это во вниманіе, мы поймемъ, что de facto это, повидимому, широкое самоуправленіе умаляется до очень и очень скромныхъ размѣровъ.

Въ теченіе 11-лѣтняго періода, до смерти Екатерины II, новое городовое положеніе не успѣло прочно стать на ноги; оно едва ли даже было введено во всѣхъ городахъ имперіи. О пополненіи и измѣненіи его за этотъ періодъ времени не могло быть и рѣчи; а вслѣдъ за смертью его виновницы оно не улучшается, а наоборотъ, вполнѣ разрушается. Сынъ великой женщины, изъ какой-то странной ненависти ко всему, сдѣланному его матерью, открываетъ свое царствованіе разрушеніемъ всего созданнаго ею даже и относительно городовъ. Разрушеніе начинается со столицъ. Сначала сокращается составъ городской думы, а вслѣдъ за этимъ она и вовсе уничтожается. Ее замѣняетъ учрежденіе

«подъ довольно», какъ выражается бар. Корфъ, авторъ «Жизни гр. Сперанскаго»—«дикимъ и мало соотвѣтственнымъ ему названіемъ»: «Коммиссіи о снабженіи резиденціи припасами, распорядкомъ квартиръ и прочихъ частей до полиціи относящихся». Коммиссія президировалась вел. кн. Александромъ Павловичемъ и состояла изъ двухъ лицъ — генералъ-прокурора Куракина и ген.-лейтен. гр. Буксгевдена. Казалось, только что посѣянное зерно городскаго самоуправленія обречено на окончательную гибель. Къ счастью, этого не случилось: славный внукъ Екатерины II воскрешаетъ, 1 апрѣля 1801 г., великое дѣло своей великой бабки. Въ этотъ день жалованная грамота городамъ 1785 г. возстановлена. «Соображаясь съ великимъ намѣреніемъ вселюбезнѣйшей бабки нашей», говоритъ императоръ, «сохраняя святость ея установленій и бывъ удостовѣрены въ той истинѣ, что *безъ правъ и преимуществъ непоколебимыхъ* и всей *силой закона охраняемыхъ не могутъ промыслы, рукодѣлья и торговля достигнуть цвѣтущаго соотоянія*, мы признали за благо, въ пользу и одобреніе ихъ, утвердить и возстановить городское положеніе и грамоту, городамъ данную, во всей ея силѣ...., отмѣняя и отлагая все, что противно оному или несообразно силѣ его допущено или установлено было». Съ этого дня до 1846 г. екатерининское городовое положеніе существуетъ безъ всякихъ коренныхъ, существенныхъ измѣненій. Въ царствованіе Александра I они и не могли имѣть мѣста, если припомнимъ широкія преобразованія высшаго государственнаго управленія, войну 12-го года въ началѣ царствованія и охлажденіе императора ко внутреннимъ дѣламъ въ концѣ его. Если за это царствованіе и имѣли мѣсто какія либо постановленія, касающіяся городовъ, то это были только отдѣльныя постановленія, не затрогивавшія основныхъ положеній возстановленной грамоты, часто противорѣчившія имъ. Городовое положеніе, такъ сказать, развивалось путемъ чисто практическимъ и въ концѣ концовъ выродилось въ такія уродливыя формы, что оставлять дѣло въ этомъ положеніи дальше становилось уже невозможнымъ. Еще въ концѣ царствованія Александра I, въ 1821 г. Государственный Совѣтъ, разсматривая бюджетъ столицъ, рѣшилъ, что всѣ мѣры къ улучшенію городскаго хозяйства будутъ безполезны до тѣхъ поръ, пока не будетъ преобразовано самое управленіе имъ. Послѣднее, какъ я уже сказалъ, дѣйствительно было изъ рукъ вонъ плохо. Когда правительство, принявшись за преобразованіе городскихъ учрежденій, начиная со столицъ, произвело съ этою цѣлью ревизіи этихъ учрежденій въ большинствѣ городовъ имперіи, то найденные результаты превзошли почти всякое вѣроятіе. Общая городская дума, этотъ представитель общества, его совѣщательное учрежденіе, или совершенно исчезла съ лица земли, какъ въ огромномъ большинствѣ городовъ, или граждане «*самовольно*» замѣнили его какимъ-то страннымъ «общественнымъ домомъ», какъ въ Москвѣ; или, какъ это имѣло мѣсто въ Петербургѣ, претерпѣли курьезную метаморфозу, обратившись изъ совѣщательнаго учрежденія... въ собраніе какихъ-то разсыльныхъ, состоящихъ на побѣгушкахъ по порученіямъ у членовъ шестигласной думы, которыхъ сами же избирали: «имъ», пишетъ Перовскій, тогдашній министръ вн. дѣлъ, по назначенію шестигласной думы дѣлаются различныя порученія въ хозяйственномъ и торговомъ отношеніяхъ; а одинъ изъ гласныхъ злосчастной общей думы смотритъ за домомъ военнаго генералъ-губер-

натора. Шестигласная же дума обратилась въ простую канцелярію. Сенаторъ Сафоновъ, ревизовавшій въ 1859 г. городскія учрежденія Пензенской губ., доносилъ, что городской голова и члены шестигласной думы считаютъ «главною своею обязанностью какъ можно скорѣе исполнять всѣ требованія начальства, не понимая или *не смѣя* понимать.... что они обязаны заботиться о пользахъ и нуждахъ города; такимъ образомъ, замѣчаетъ сенаторъ, дума обратилась «почти въ исполнительное учрежденіе». Дума никогда не собиралась въ полномъ составѣ, члены ея заходили въ присутствіе по очередно и подписывали бумаги, не читая ихъ. Случалось, эти бумаги къ подписи разносились сторожемъ по квартирамъ членовъ. Ревизоры видятъ въ думѣ образецъ «медленности, запутанности, безпорядковъ и злоупотребленій». «Хозяинъ» дѣла въ ней — секретарь. Понятно, что городское хозяйство оказалось въ чудовищномъ безпорядкѣ: съ городскихъ имуществъ въ иныхъ мѣстахъ не получалось ни гроша доходовъ; ихъ не получалъ даже такой городъ, какъ Херсонъ, поземельная собственность котораго состояла изъ тысячи десятинъ. Самый пустяшный расходъ, какая нибудь копѣечная починка, могли имѣть мѣсто лишь съ разрѣшенія губернатора или губернскаго правленія. Перепискѣ не было конца. Все это имѣло мѣсто даже въ столицахъ; о провинціальныхъ городахъ и говорить нечего. Причины такого печальнаго состоянія городскаго *самоуправленія* сами представители правительственной администраціи видѣли «въ сильной правительственной опекѣ». Сами администраторы находили, что корень зла — въ отсутствіи «надлежащей самостоятельности» въ представительныхъ городскихъ учрежденіяхъ.

Реформа стала насущною потребностью. Въ 1825 г. учреждается съ этою цѣлью спеціальный «Комитетъ объ улучшеніи городовъ», но въ теченіе своего шестилѣтняго существованія онъ не сдѣлалъ ровно ничего. Поэтому еще въ 1827 г. при министерствѣ вн. дѣлъ тоже составляется комитетъ; и скрытая канцелярская работа закипѣла, давъ въ результатѣ, чрезъ 20 л. почти, городовое положеніе (1846 г.) для Петербурга, которому предшествовало не малое количество проэктовъ.

Въ основаніе новаго городскаго устройства, по словамъ законодателя, положены начала 1785 г.: дѣйствительно, и теперь подъ городскимъ обществомъ понимается совокупность *всѣхъ* обывателей города, удовлетворяющихъ опредѣленнымъ требованіямъ закона — именно, всѣ приписанные къ городскому состоянію, а изъ неприписанныхъ къ нему — всѣ владѣльцы недвижимаго имущества, несущіе съ него повинности въ пользу города. Стало быть, въ составъ городского общества, по городовому положенію 1846 г., входили de jure и de facto и дворяне, которые, совершенно вопреки основному началу грамоты 1785 г., вовсе не принимали ни малѣйшаго участія въ городскомъ управленіи. Составители положенія 1846 г. особенно усердно хлопотали о введеніи дворянскаго элемента въ составъ городскаго общества; они видѣли въ немъ едва-ли не единственное средство «возстановить истинное значеніе» городскаго самоуправленія. Этимъ путемъ они надѣялись внести въ составъ городскаго общества, а стало быть и городскихъ учрежденій, «просвѣщенный элементъ», возвысить «духъ» общества. Общая городская дума возстановлена; шестигласную замѣнила распорядительная. Въ той и другой предсѣдательствуетъ городской голова, этотъ «начальникъ всего общественнаго управленія и главный уполно-

моченный отъ всего городскаго общества». Какъ этотъ «начальникъ», такъ и гласные общей думы — послѣдніе въ количествѣ отъ 100 до 150 отъ каждаго сословія—избирались въ общемъ собраніи всѣхъ сословій. Общая дума—учрежденіе чисто совѣщательное: она составляетъ только приговоры по общественнымъ дѣламъ, а ихъ исполненіе—дѣло распорядительной думы, которая составляется, по выбору гласныхъ общей думы изъ своей среды—изъ трехъ членовъ онъ *потомственнаго* дворянства; трехъ—отъ *личнаго* и почетныхъ гражданъ—причемъ тѣ, другіе и третьи должны владѣть поземельною собственностью — три отъ купцовъ, а три отъ мѣщанъ и ремесленниковъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ явное преимущество отдается классу, едва не наименѣе другихъ заинтересованному въ дѣлѣ. Не весь составъ распорядительной думы былъ выборнымъ: одинъ членъ — такъ называемый *членъ отъ короны* — назначался правительствомъ. Это, такъ сказать, бироновскій «главный командиръ» распорядительной думы, на котораго, въ виду неопытности выборныхъ членовъ думы, возлагалось наблюденіе за канцелярскимъ порядкомъ, счетоводствомъ и отчетностью на основаніи особыхъ инструкцій министра вн. дѣлъ. Противъ этого «члена отъ короны» многіе при составленіи городоваго положенія возражали и не безъ основанія. Такъ петербургскій военный ген.-губернаторъ видѣлъ въ немъ явную опасность для самостоятельности распорядительной думы, въ которой этотъ членъ имѣлъ, по его словамъ, сдѣлаться лицомъ первенствующимъ. А о независимости городскихъ учрежденій заботится само городовое положеніе 46 года. Оно ставитъ распорядительную думу на одну доску съ губернскимъ правленіемъ, какъ мѣстное административное учрежденіе. Оно подчиняетъ ее «въ общемъ порядкѣ» Правительствующему Сенату, а въ мѣстномъ — главному начальнику губерніи. Но городовое положеніе не опредѣляетъ этой подчиненности съ надлежащею точностью; власть губернатора относительно думы получаетъ, по положенію, очень и очень почтенные размѣры: онъ можетъ и по собственному усмотрѣнію предсѣдательствовать въ ней, а при обсужденіи бюджета даже и *непремѣнно* предсѣдательствуетъ. Отношеніе распорядительной думы къ общей городовое положеніе опредѣляетъ такъ: если первая не согласится съ опредѣленіемъ второй, то «ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права сама собою оное отмѣнить». Она можетъ только, черезъ городскаго голову, внести объ этомъ въ общую думу, указавъ на причины своего несогласія или представить дѣло начальнику губерніи. Нѣсколько точнѣе, сравнительно съ положеніемъ 1785 г., опредѣляется объемъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству городскаго общественнаго управленія.

Не смотря, однако, на все это, цѣль составителей городоваго положенія—сдѣлать городскія учрежденія дѣйствительно органами самоуправленія — какъ увидимъ, не была достигнута.

Нѣсколько времени спустя, заходитъ рѣчь о примѣненіи новаго городоваго положенія въ Москвѣ и Одессѣ. Въ Москвѣ поднимаютъ объ этомъ вопросъ мѣстные дворяне на своемъ съѣздѣ. Въ обоихъ городахъ были составлены особыя коммиссіи подъ предсѣдательствомъ въ Одессѣ — военнаго генералъ-губернатора, въ Москвѣ—начальника губерніи. Коммиссіи сдѣлали нѣкоторыя измѣненія въ городовомъ положеніи 1846 г. и внесли выработанные проэкты въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Новое положеніе въ Москвѣ введено было лишь въ 1863 г., когда уже шла рѣчь объ измѣненіи и самаго оригинала его.

По отношенію къ Москвѣ и Одессѣ въ городовое положеніе 1846 г., кромѣ нѣкоторыхъ измѣненій, касающихся, напр., числа гласныхъ въ общей думѣ и т. п., внесено было и существенное, коренное измѣненіе—по иниціативѣ петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, предложившаго это измѣненіе для Петербурга: генералъ-губернатора поддержало министерство и членъ государственнаго совѣта — Валуевъ. Это измѣненіе — двойная система выборовъ въ гласные: ихъ избираютъ не непосредственно представители городскаго общества, а такъ называемые выборные, которыхъ избираетъ это послѣднее изъ своей среды исключительно только для производства выборовъ въ гласные. Выборные составляли изъ себя для этого особыя собранія. Такая система выборовъ по мнѣнію члена гос. совѣта даетъ возможность уменьшить число гласныхъ въ общей думѣ,—а это почему-то имѣлось въ виду при составленіи проэкта — «ибо выборные», говоритъ онъ, «имѣютъ болѣе возможности отдѣлить изъ среды своей въ составъ общей думы *гораздо меньшее* число такихъ гласныхъ, которые были бы способны и готовы посвятить себя преимущественно занятію по общественнымъ городскимъ дѣламъ». Предложеніе это прошло, не смотря на несогласіе съ нимъ остальныхъ десяти членовъ гос. совѣта, которые вообще высказывались противъ малочисленности гласныхъ.

Какъ я уже сказалъ, городовое положеніе 1846 г. не достигло поставленной имъ цѣли: еще едва зашла рѣчь о примѣненіи его въ Москвѣ и Одессѣ, какъ уже поднимается вопросъ объ измѣненіи его самого. Предложеніе о необходимости такого измѣненія внесено было министромъ внутреннихъ дѣлъ въ октябрѣ 1861 г. въ государственный совѣтъ; а между тѣмъ еще съ конца пятидесятыхъ годовъ въ министерство со всѣхъ сторонъ присылаются донесенія начальниковъ губерній, прошенія дворянъ, купцовъ, мѣщанъ о введеніи новаго городоваго положенія въ ихъ городахъ; въ началѣ 1860 г. Ланской, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, входитъ съ докладомъ на Высочайшее имя, очевидно, подъ вліяніемъ этихъ донесеній и просьбъ, «о своевременности» приступить къ распространенію началъ городоваго положенія 1846 года на всѣ города имперіи. Этотъ фактъ послужилъ, такъ сказать, сигналомъ къ громадной работѣ по составленію новаго городового положенія, работѣ, тянувшейся безъ перерыва почти десять лѣтъ. Работа началась, потому что благополучно царствующій императоръ дѣйствительно нашелъ необходимымъ приступить къ ней, не смотря на то, что комитетъ министровъ въ засѣданіи своемъ отъ 22 марта 1860 г. находилъ, что «возбуждать вопросъ о повсемѣстномъ преобразованіи городскаго общественнаго управленія было бы *крайне не удобно и даже вредно* въ то время, когда правительство озабочено разрѣшеніемъ столь важныхъ и многочисленныхъ вопросовъ по преобразованію различныхъ отраслей государственнаго устройства, ибо подобное распоряженіе *повлекло* бы за собой *многочисленныя собранія лицъ*,... къ разнымъ сословіямъ принадлежащихъ, что, какъ извѣстно, нерѣдко *давало поводъ къ распространенію* превратныхъ и даже *неблогонамѣренныхъ толковъ*».

Прежде всего были затребованы отзывы начальниковъ губерній; потомъ

учреждены во всѣхъ городскихъ поселеніяхъ мѣстныя коммиссіи, отчасти изъ представителей общества; въ руководство имъ была разослана особая программа, въ которой поставлены вопросы, на которые эти коммиссіи должны были дать категорическія разъясненія. Коммиссіи не замедлили представить свои соображенія, которыя въ совокупности представили огромную массу матеріаловъ. Изъ всей этой массы чиновниками министерства составленъ былъ «сводъ». На основаніи всѣхъ этихъ матеріаловъ въ министерствѣ и выработанъ былъ проэктъ новаго городоваго положенія. Проэктъ этотъ сначала пересмотрѣнъ былъ въ особой коммиссіи при министерствѣ, поступалъ на разсмотрѣніе главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, потомъ перешелъ въ совѣтъ министра, откуда уже и поступилъ въ государственный совѣтъ; послѣдній, однако, нашелъ необходимымъ пересмотрѣть его еще разъ въ особой коммиссіи, спеціально на этотъ случай образованной; при чемъ указалъ собрать «мнѣнія» отъ городскихъ головъ и нѣкоторыхъ членовъ городскихъ думъ. Къ январю 1870 г. коммиссія эта сформировалась окончательно подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи кн. Урусова. Городскихъ головъ и гласныхъ было приглашено всего десять человѣкъ; городскіе головы — Петербурга, Москвы, Одессы, Харькова, Динабурга, Ельца, Череповца и Вознесенскаго посада; гласные—Петербурга и Москвы по одному. Этихъ представителей общества министерство выбрало какъ наиболѣе способныхъ и толковыхъ людей, по указанію губернаторовъ. Министерство имѣло въ виду пригласить большее число представителей отъ общества, но начальники нѣкоторыхъ губерній заявили, что они не могутъ указать ни на одного голову въ цѣлой губерніи, который былъ бы способенъ принести какую либо пользу коммиссіи. Коммиссія имѣла девятнадцать засѣданій, изъ которыхъ пять имѣло мѣсто безъ экспертовъ, какъ были названы городскіе головы и гласные думъ. Пересмотрѣнный и сильно измѣненный въ этой коммиссіи проэктъ былъ 31 марта 1870 г. внесенъ въ государственный совѣтъ, гдѣ онъ сначала былъ разсмотрѣнъ въ соединенныхъ департаментахъ законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, а потомъ, 11 мая—въ общемъ собраніи. 16 іюня онъ утвержденъ былъ императоромъ.

Уже въ Высочайшемъ указѣ отъ 16 іюня о введеніи новаго городоваго положенія указано на необходимость нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій въ немъ для примѣненія къ столицамъ и Одессѣ; для этого рекомендовано собрать въ теченіе шести мѣсяцевъ свѣдѣнія отъ общихъ думъ этихъ городовъ. Въ теченіе 1870 г. свѣдѣнія эти были получены; вмѣстѣ съ этимъ дали свои заключенія начальники Петербургской и Московской губерній и Новороссійскаго края, а также и оберъ-полиціймейстеръ Петербурга. Для разсмотрѣнія всѣхъ этихъ мнѣній составлена была спеціальная коммиссія изъ правительственныхъ чиновниковъ и представителей общественнаго управленія; выработанныя ею правила утверждены были 20 іюня 1872 г. Два года спустя приступлено было, приблизительно тѣмъ же порядкомъ, къ измѣненію городоваго положенія 1870 г. для примѣненія его къ городамъ западныхъ губерній, гдѣ, какъ извѣстно, оно въ настоящее время уже введено. Наконецъ, въ настоящее время разработано

дѣло и находится уже въ государственномъ совѣтѣ по примѣненію новаго городоваго положенія къ городамъ Прибалтійскаго края.

Обратимся, наконецъ, къ самому положенію.

III.

По нынѣ дѣйствующему городовому положенію попеченіе о городскомъ хозяйствѣ и благоустройствѣ предоставляется городскому общественному управленію (ст. 1); учрежденіями, непосредственно завѣдующими городскими дѣлами, являются: городскія избирательныя собранія, городская дума и городская управа (ст. 15). Первыя, т. е. избирательныя собранія, и есть, въ сущности, совокупность всѣхъ полноправныхъ членовъ общества городскаго, само это общество. Но кто же входитъ въ составъ этого общества, кто считается его членомъ? Всякій городской обыватель, независимо отъ сословія, къ которому принадлежитъ, если только онъ—1) русскій подданный, 2) достигъ 25-лѣтняго возраста и въ 3) владѣетъ, въ чертѣ города, на правахъ собственности недвижимымъ имуществомъ, съ котораго несетъ сборы въ пользу города, или занимается торговлею и промысломъ по купеческому свидѣтельству или, наконецъ, проживъ въ городѣ до выборовъ не меньше двухъ лѣтъ, уплачиваетъ за все это время въ пользу города со свидѣтельствъ—купеческаго, промысловаго, прикащичьяго перваго разряда, на мелочной торгъ и если притомъ не имѣетъ недоимокъ (ст. 17). Но при этихъ условіяхъ обыватель входитъ въ составъ общества лишь въ томъ случаѣ, если не судился за преступленія и проступки, влекущія за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія или исключеніе изъ службы, или, наконецъ, за преступленія, влекущія за собой тюремное заключеніе по мировому уставу (ст. 169—177); если не отрѣшенъ отъ должности (въ теченіе 3-хъ лѣтъ со времени отрѣшенія нельзя входить въ составъ общества); если не состоитъ подъ судомъ и слѣдствіемъ по только что указаннымъ преступленіямъ, если не состоитъ подъ слѣдствіемъ о несостоятельности или не оказался злостнымъ банкротомъ и если, въ случаѣ принадлежности къ духовному званію, не лишенъ этого званія; и наконецъ, если не исключенъ изъ сословнаго общества по его приговору (ст. 18). Вотъ всѣ условія, какъ положительныя, такъ и отрицательныя, принадлежности къ городскому обществу. Изъ обзора ихъ ясно, что по новому городовому положенію городское общество организуется на началахъ совершенно безсословныхъ. Основаніемъ принадлежности къ нему не является ни принадлежность къ извѣстному сословію, ни даже опредѣленный цензъ; т.-е. владѣніе опредѣленнымъ количествомъ движимаго или недвижимаго имущества; такимъ основаніемъ принадлежности обществу является совершенно новое у насъ начало — прямой взносъ въ пользу города опредѣленныхъ сборовъ. По городовому положенію 1785 г. къ городскому обществу принадлежалъ всякій, получавшій дохода не менѣе 15 р. сер., а по городовому положенію 1846 г. основой принадлежности являлся уже не имущественный цензъ только, но и принадлежность къ одному изъ пяти сословій, на которыя распадалось все городское населеніе.

Противъ сословнаго начала, какъ основы принадлежности къ обществу,

даже мѣстныя коммиссіи высказались почти единогласно. «Привилегіи дворянства нынѣ не имѣютъ уже прежняго значенія», говоритъ членъ одной изъ этихъ коммиссій, депутатъ отъ дворянства, «богатство и образованіе даютъ теперь больше правъ, чѣмъ всѣ наши привилегіи»... Самарская коммиссія не видитъ уже въ сословномъ дѣленіи городскаго общества «той живой связи, которая всегда присуща дѣйствительной жизни». Отринувъ такъ единодушно сословное дѣленіе, коммиссіи сильно разнорѣчили относительно установленія новаго основанія принадлежности къ обществу. Громадное большинство ихъ (423) предлагало, какъ такое основаніе,—начало имущественнаго ценза и «приписку» къ обществу для несенія городскихъ повинностей или и то, и другое вмѣстѣ. Нѣкоторыя коммиссіи предлагали вмѣстѣ съ тѣмъ ввести въ составъ городскаго общества лицъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ даже и въ томъ случаѣ, если такія лица не владѣютъ собственностью и ничего не платятъ въ пользу города. Это средство предлагалось съ цѣлью ввести въ составъ городскаго общества наиболѣе образованный элементъ: «умъ тотъ же капиталъ и часто важнѣе его», разсуждали нѣкоторыя коммиссіи.

Внося это новое начало въ городовое положеніе, законодатель руководился тѣмъ основнымъ положеніемъ, что «непосредственно связаны съ интересами и благосостояніемъ города только наиболѣе въ пользу города платящіе», которые поэтому и должны пользоваться наибольшимъ вліяніемъ на управленіе городскими дѣлами; а къ такимъ наиболѣе платящимъ законодатель отнесъ только тѣхъ, которые, какъ мы сейчасъ видѣли, входятъ въ составъ городскаго общества. Но это послѣднее положеніе установилось при разработкѣ городоваго положенія далеко не единогласно. Было предложеніе расширить нѣсколько понятіе о «наиболѣе платящихъ», а вмѣстѣ, слѣдовательно, и составъ общества. Такъ, въ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ одинъ изъ его членовъ, П. П. Семеновъ, предложилъ ввести въ составъ городскаго общества тѣхъ изъ нанимателей квартиръ, которые платятъ за эти послѣднія наиболѣе высокую наемную цѣну, хотя бы они и не удовлетворяли тѣмъ положительнымъ условіямъ, удовлетвореніе которымъ требуется для принадлежности къ обществу ст. 17 городоваго положенія. Авторъ этого предложенія мотивировалъ его тѣмъ, что квартиранты не менѣе заинтересованы въ дѣлахъ городскаго управленія, такъ какъ «косвеннымъ образомъ» они несутъ всѣ городскія повинности и притомъ несутъ ихъ часто въ количествѣ большемъ, чѣмъ, напр., мелкіе домовладѣльцы, многіе изъ которыхъ — по крайней мѣрѣ, въ провинціальныхъ городахъ — просто полунищіе, зачастую освобожденные отъ всякихъ налоговъ и повинностей въ пользу города. Авторъ предложенія указывалъ, далѣе, и на то обстоятельство, что въ средѣ квартирантовъ встрѣчаются наиболѣе образованные люди, а въ особенности въ провинціальныхъ городахъ, въ лицѣ служащихъ чиновниковъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласились и нѣкоторые другіе члены совѣта; но ему противопоставлено было такое странное возраженіе: всякій достаточно состоятельный квартирантъ, если бы дѣйствительно желалъ принять участіе въ городскихъ дѣлахъ, непремѣнно пріобрѣлъ бы недвижимую собственность въ городѣ; если же онъ этого не дѣлаетъ, то уже тѣмъ самымъ заявляетъ о своей инди-

ферентности къ общественнымъ интересамъ города. Совѣтъ остановился на среднемъ, такъ сказать, выводѣ или мнѣніи: рѣшено было предоставить самимъ городскимъ обществамъ ходатайствовать въ каждомъ данномъ случаѣ *о допущеніи къ участію въ городскихъ дѣлахъ*—а не въ составъ общества — такихъ лицъ, отъ которыхъ общество ждетъ существенной пользы для дѣла.

За допущеніе квартирантовъ въ составъ городскаго общества высказались и нѣкоторые члены соединенныхъ департаментовъ государственнаго совѣта, находя, что при опредѣленіи дохода лица наилучшимъ мѣриломъ можетъ служить наемная цѣна квартиры.

Съ доводами сторонниковъ допущенія въ составъ городскаго общества квартирантовъ трудно, мнѣ кажется, не согласиться, тѣмъ болѣе, что оно покоится, въ сущности, на томъ же основномъ началѣ, которое выставлено самимъ городовымъ положеніемъ—наиболѣе платящій есть наиболѣе заинтересованный въ городскомъ управленіи: вѣдь защитники правъ квартирантовъ доказываютъ, что эти послѣдніе не мало вносятъ въ пользу города и потому къ неплательщикамъ отнесены быть не могутъ; при этомъ не слѣдуетъ забывать еще, что они отстаиваютъ право на участіе въ обществѣ только наиболѣе платящихъ квартирантовъ. Помимо доводовъ, выставленныхъ членами какъ совѣта министра, такъ и государственнаго совѣта, невольно напрашивается еще и слѣдующій: противники предложенія доказываютъ, что квартиранты не имѣютъ корней въ почвѣ того города, гдѣ живутъ, а слѣдовательно и не могутъ интересоваться его интересами; но почему же, спросимъ мы, напр., прикащики перваго разряда, прожившіе въ городѣ два года, такъ сильно пустили корни въ эту почву; почему они, въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляющіе собою элементъ чисто наплывной въ городѣ, элементъ, всѣ интересы котораго тамъ, гдѣ его домъ, семья, почему этотъ элементъ болѣе заинтересованъ въ городскомъ хозяйствѣ, чѣмъ люди, нанимающіе квартиру въ данномъ городѣ, въ достаточной степени состоятельные и притомъ живущіе въ городѣ болѣе или менѣе долгій періодъ времени.

Въ разсмотрѣнномъ нами положеніи, опредѣляющемъ составъ городскаго общества, выставленное законодателемъ начало прямого пропорціональнаго отношенія между платежемъ налоговъ и правомъ участія въ городскихъ дѣлахъ вовсе, въ сущности, не выступаетъ въ своей полной силѣ; оно устанавливаетъ лишь болѣе общее начало: городское общество составляется только изъ *прямыхъ* плательщиковъ въ пользу города. Начало же пропорціональности между величиной взносимыхъ повинностей и правомъ участія въ составѣ общества, а слѣдовательно и въ управленіи его дѣлами, болѣе или менѣе вполнѣ проводится въ томъ постановленіи городоваго положенія, въ которомъ идетъ рѣчь о производствѣ выборовъ членами общества своихъ представителей, такъ называемыхъ гласныхъ городской думы. Съ этою цѣлью законодатель всѣхъ горожанъ-избирателей дѣлитъ на три группы совершенно различныя по числу членовъ: въ первую группу входятъ всѣ тѣ избиратели, которые вносятъ налогъ въ пользу города *въ наивысшемъ* размѣрѣ каждый въ отдѣльности, а всѣ вмѣстѣ *одну треть* всей суммы городскихъ налоговъ, вносимыхъ всѣми избирателями; вторую группу составляютъ избиратели, вносящіе въ пользу города,

каждый въ отдѣльности меньше, чѣмъ входящіе въ первую группу, но всѣ вмѣстѣ также одну треть общей суммы; наконецъ, третью группу составляютъ всѣ остальные избиратели. Каждая изъ этихъ трехъ группъ составляетъ совершенно отдѣльное отъ другихъ избирательное собраніе. Ясно, что избирателей въ первомъ собраніи будетъ неизмѣримо меньше, чѣмъ число ихъ въ третьемъ собраніи, и гораздо меньше, чѣмъ во второмъ; а между тѣмъ, каждое изъ нихъ выбираетъ одинаковое количество представителей въ думу, именно одну треть; т.-е. *горсть* плательщиковъ *перваго разряда* — другими словами, наиболѣе состоятельные — выберетъ такое же число гласныхъ, имѣетъ стало быть такое же вліяніе, какое *масса* плательщиковъ *третьяго разряда*. Здѣсь уже рѣзко и совершенно ясно выступаетъ начало — «чѣмъ больше плачу, тѣмъ больше *участвую* въ управленіи». Но вѣдь вопросъ въ томъ — тѣмъ ли больше *заинтересованъ* въ этомъ управленіи? А почему наиболѣе платящій наиболѣе заинтересованъ, ну хоть наиболѣе цѣлесообразнымъ расходованіемъ общественныхъ денегъ? Скажутъ — потому, что въ этихъ деньгахъ большая доля его. Но вѣдь въ этомъ случаѣ нельзя о мѣрѣ интереса судить по *безусловной* суммѣ, безусловной ея стоимости; необходимо имѣть въ виду ея *условную, относительную* стоимость; другими словами, надо имѣть въ виду, что *рубль*, вносимый плательщиками *третьяго* разряда, долженъ быть, а на самомъ дѣлѣ и есть, каждому изъ нихъ такъ же дорогъ, если еще не дороже, чѣмъ напр., *десять, сто р.* плательщику *перваго* разряда; а слѣдовательно, первые заинтересованы въ расходованіи этого своего рубля никакъ не меньше послѣдняго. Почему плательщикъ перваго разряда болѣе заинтересованъ, напр., въ хорошемъ санитарномъ состояніи города, чѣмъ плательщикъ послѣдняго разряда; когда извѣстно, что первый въ силу своего состоянія скорѣе можетъ избѣгнуть вредныхъ послѣдствій дурныхъ гигіеническихъ условій, чѣмъ послѣдній, зачастую нуждающійся въ необходимомъ? Скажутъ, первый — образованнѣе послѣдняго, не могущаго, быть можетъ, даже сознать необходимости извѣстныхъ улучшеній въ этомъ отношеніи. Чтобы утверждать это, надо признать за непреложную истину, что «богатство, умъ, образованіе — синонимы»? А неужели это — истина, въ особенности въ нашемъ отечествѣ? Остается одно — признать за положеніе безъ всякихъ возраженій, что плательщики перваго разряда могутъ принимать больше участія въ городскихъ дѣлахъ потому, что они — наиболѣе *достаточный* классъ. Но почему, спросимъ мы, словами извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Фр. Раумера, почему необходимо долженъ управлять всѣмъ такъ называемый благородный металлъ, талеры, мошна? Но оставимъ вопросъ о существѣ дѣла въ сторонѣ; взглянемъ просто — на сколько начало, разсматриваемое нами, проведено въ городовомъ положеніи, его системой дѣленія избирателей на три разряда, вполнѣ послѣдовательно, безъ всякихъ отступленій до конца? Развѣ этою системой осуществляется вполнѣ начало пропорціональности суммы взносовъ съ объемомъ правъ? Развѣ въ каждой-то отдѣльной группѣ избирателей всѣ ея отдѣльные члены вносятъ совершенно поровну? А вѣдь избираютъ-то они именно совершенно поровну, если можно такъ выразиться.

Кромѣ осуществленія этого основнаго начала, путемъ трехразрядной си-

стемы думаютъ достигнуть и нѣкоторыхъ побочныхъ второстепенныхъ цѣлей. Имѣется въ виду, этимъ путемъ, «ввести», какъ сказано въ мотивахъ къ городовому положенію, «порядокъ въ самые выборы съ ихъ внѣшней стороны и устранить въ семъ случаѣ произволъ вліятельныхъ и не всегда дѣйствующихъ въ интересахъ общества лицъ». Трудно понять, почему эти результаты *такими именно* средствами будутъ достигнуты? Развѣ третье или, въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ избиратели могутъ дѣлиться на двѣ группы — второе избирательныя собранія, могущія быть очень и очень не малолюдными по своему составу, перестанутъ быть шумными только потому, что покоятся на трехразрядной системѣ? Развѣ въ этихъ двухъ собраніяхъ въ силу этого обстоятельства устранится вліяніе лицъ, руководящихся посторонними для города интересами? Да, наконецъ, почему оно не будетъ имѣть мѣста въ первомъ собраніи? Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что, по предположенію самого законодателя, въ двухъ послѣднихъ собраніяхъ концентрируются, такъ сказать, исключительно несостоятельные и по карману и по уму; а отсюда такимъ вліяніямъ здѣсь — полный просторъ. Дальше, этой системой думаютъ устранить черезъчуръ, такъ сказать, поглощающее преобладаніе большинства надъ меньшинствомъ, которое предполагается болѣе способнымъ къ управленію дѣлами города. Но въ той же третьей или упомянутой мною второй группѣ небольшихъ городовъ это преобладаніе вовсе, въ силу той же многолюдности, не устраняется. Да и почему, наконецъ, вообще *именно такимъ* только дѣленіемъ избирателей можно достигнуть всѣхъ этихъ цѣлей? Почему онѣ не могутъ быть достигнуты путемъ дробленія избирателей просто на территоріальные участки, болѣе мелкіе и равномѣрные, чѣмъ настоящія избирательныя собранія? При такомъ дѣленіи избиратели не распадались бы на болѣе или менѣе способныхъ и послѣдніе не пользовались бы правомъ избирать цѣлую треть или даже, гдѣ избиратели дѣлятся на двѣ группы, половину гласныхъ. При такомъ дѣленіи въ каждомъ данномъ участкѣ принимали бы участіе въ избраніи совмѣстно и наиболѣе и наименѣе платящіе, вліяя такимъ образомъ другъ на друга; и послѣдніе, вліяніе которыхъ городовое положеніе такъ заботливо устраняетъ, не были бы предоставлены самимъ себѣ только. Предполагается также, что системой трехразряднаго дѣленія избирателей наиболѣе вѣрно осуществляется мысль Екатерины II о безсословности городскаго общества. Но чтобы увидѣть, что настоящая система идетъ въ совершенный разрѣзъ съ мыслью Екатерины II, стоитъ только вспомнить постановленіе грамоты 1785 г. объ условіяхъ принадлежности къ обществу. Какъ на основаніе трехразрядной системы, ссылаются на примѣръ западно-европейскихъ государствъ. Дѣйствительно, наша избирательная система и заимствована въ одномъ изъ западно-европейскихъ государствъ, именно у Пруссіи, гдѣ она, подъ именемъ трехклассной избирательной системы, царитъ не только въ городовомъ положеніи, но и въ государственной конституціи. Но необходимо ли было заимствовать эту систему оттуда? Тѣ причины и соображенія, которыя вызвали тамъ ея примѣненіе, едва ли имѣютъ мѣсто у насъ. Тамъ ее вызвали соображенія чисто *политическаго* свойства какъ въ государственной, такъ и въ муниципальной организаціи; такимъ соображеніемъ было удержать власть въ рукахъ богатой буржуазіи, устранить отъ

участія въ ней сильно демократическіе элементы. Такія чисто политическаго свойства соображенія мѣшаютъ въ Зап. Европѣ цѣлесообразной организаціи муниципальныхъ учрежденій даже и до настоящаго времени. Что это такъ — стоитъ припомнить пренія, происходившія, такъ сказать, на-дняхъ въ законодательныхъ палатахъ Франціи. 8 Іюля извѣстный публицистъ и ученый Лабулэ, ратуя въ версальскомъ сенатѣ противъ закона объ образованіи Ваддингтона, министра народнаго просвѣщенія, заявилъ слѣдующее: «я также ратую за назначеніе мэровъ общинами, но вмѣстѣ съ тѣмъ я принадлежу къ числу тѣхъ, кто, съ тѣхъ поръ, какъ мы лишены естественныхъ границъ, задаетъ себѣ вопросъ: *не ослабитъ ли эта система назначенія мэровъ нашу политику* какъ разъ *въ то время, когда требуется придать ей какъ можно больше силы*»... Вотъ какое значеніе придается, между прочимъ, въ современной Франціи муниципальному строю. И это понятно: въ исторіи этой страны было время, когда парижская городская община играла, говоря словами Leroy Beaulieu, очень плачевную роль; это было время «печальныхъ дней» великой революціи; это было время пресловутаго коммунальнаго господства въ наши дни. Совершенно справедливо замѣчаетъ тотъ же Leroy Beaulieu, что эта коммуна оставила по себѣ во многихъ умахъ страшное воспоминаніе, благодаря которому многіе «превосходные граждане, проникнутые либеральными взглядами на другіе предметы, съ ужасомъ смотрятъ на осуществленіе идеи самоуправленія въ муниципальной организаціи». Но и на эти, имѣющіе свое объясненіе, страхи такіе солидные и безпристрастные изслѣдователи, какъ все тотъ же Leroy Beaulieu, смотрятъ какъ на нѣчто, едва ли имѣющее себѣ оправданіе, справедливо замѣчая, что руководясь въ данномъ случаѣ воспоминаніями о прошломъ.... трудно будетъ остановиться на этомъ пути. Но какъ бы то ни было, все-таки тамъ такой взглядъ политиковъ на муниципальную автономію понятенъ. Придавать же нашимъ, отечественнымъ городскимъ учрежденіямъ подобное политическое значеніе, значитъ, по меньшей мѣрѣ не знать ни ихъ прошлаго, ни ихъ настоящаго положенія. Это значитъ забывать, что у насъ одной изъ главнѣйшихъ цѣлей городоваго положенія было — сломить *равнодушіе* гражданъ къ городскимъ дѣламъ, привлечь ихъ къ городскому хозяйству.

Наконецъ, выставляется въ качествѣ мотива введенія разбираемой нами системы еще и то, что только путемъ этой послѣдней можно достигнуть «того широкаго и *плодотворнаго* для общества значенія», которое ожидается отъ примѣненія надлежащаго городоваго положенія. Но оправдалось ли это ожиданіе? Прошло всего шесть лѣтъ со времени введенія новой организаціи въ нѣкоторыхъ городахъ, а во многихъ городахъ она еще и вовсе не введена, какъ уже начинаютъ ратовать въ столицахъ и притомъ достаточно единодушно противъ недостатковъ именно избирательной системы. Въ московской и петербургской думахъ, куда вносились уже новые проэкты избирательной системы, образованы особыя коммиссіи для разсмотрѣнія этого вопроса вообще; о немъ заходитъ рѣчь даже и въ правительственныхъ сферахъ. Сочиняются проэкты частными лицами. Не лишне сказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу преобразовательныхъ стремленій думъ и «частныхъ законодателей», если можно такъ выразиться. Всѣ стремленія эти сводятся на замѣну настоящихъ избирательныхъ собраній болѣе

мелкими. Одни изъ реформаторовъ берутъ за избирательныя единицы участки города, по ихъ мнѣнію, наиболѣе естественно сложившіеся, каковы, напр., приходы; другіе за такіе участки предлагаютъ принять полицейскія части, на которыя дѣлится городъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ избирательныя собранія, разумѣется, дѣлаются мельче: вмѣсто трехъ ихъ можетъ получиться очень и очень почтенное количество. Но дальше этого нейдутъ, обходя дѣленіе избирателей на три группы по количеству платимыхъ налоговъ, какъ какую-то святыню. По ихъ мнѣнію, все зло въ томъ, что, благодаря, такъ сказать, *крупности* теперешнихъ избирательныхъ собраній, избиратели почти всегда вовсе не знаютъ, кого они выбираютъ; а выбранные гласные, въ свою очередь, «не только не сознаютъ отвѣтственности передъ избирателями, но даже не знаютъ ихъ». Это совершенно справедливо; но средство, предлагаемое для устраненія такого зла, совершенно несостоятельно: будто всѣ прихожане въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ, Москва или Одесса, знаютъ другъ друга? Кому же неизвѣстно, что въ этихъ городахъ даже живущіе въ одномъ домѣ зачастую не имѣютъ понятія другъ о другѣ; и это благодаря тому, что населеніе такихъ городовъ слишкомъ подвижно. Съ другой же стороны, въ огромномъ большинствѣ нашихъ городовъ и не по приходамъ или по частямъ только всѣ знаютъ другъ друга и очень близко.

По нашему мнѣнію, вся суть дѣла въ данномъ случаѣ — въ двухъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, въ самой этой трехгруппной системѣ и во-вторыхъ въ отсутствіи предварительныхъ, такъ сказать, собраній или сходовъ избирателей. На недостатки самой системы я уже указывалъ; прибавимъ здѣсь, что благодаря ей въ одну группу соединяются лица, неимѣющія между собою ничего общаго, кромѣ такой *чисто внѣшней связи*, какъ взносъ повинностей въ болѣе или менѣе одинаковомъ размѣрѣ. Что касается предварительныхъ, частныхъ собраній избирателей, то намъ кажется, они одни и даютъ какую либо возможность произвести выборы гласныхъ сколько нибудь путно, сознательно; только на такихъ собраніяхъ избиратели могутъ толково обсуждать дѣло, остановиться на тѣхъ или другихъ кандидатахъ, такъ сказать облюбовать ихъ. Что это такъ — на это указываетъ избирательная практика не только всѣхъ западно-европейскихъ государствъ, но даже и нашего крестьянскаго быта, гдѣ зачастую вопросъ обсуждается сначала въ частныхъ сходкахъ. На это могутъ возразить, что въ нѣкоторыхъ изъ западно-европейскихъ государствъ эти сходки далеко не пользуются симпатіями правительствъ; но во-первыхъ это имѣетъ мѣсто не вездѣ, а во-вторыхъ если гдѣ и имѣетъ мѣсто, то въ виду той связи политическихъ интересовъ съ муниципальными, на которую мы указывали и о которой говорить у насъ, повторяемъ, просто неумѣстно. На необходимость частныхъ сходовъ указывали и нѣкоторыя изъ мѣстныхъ коммиссій (старицкая и осташковская). Только онѣ указывали на ихъ необходимость по отношенію къ гласнымъ думы, собраніе которыхъ, по ихъ мнѣнію, не должно бы имѣть мѣста прежде чѣмъ гласные не будутъ «готовы къ совѣщанію».

Возвратимся къ существующимъ избирательнымъ собраніямъ. Мы видѣли, кто можетъ участвовать въ нихъ, другими словами, кто можетъ быть избирателемъ, войти въ списки избирателей. Списки эти ведетъ городская управа,

которая обязана публиковать ихъ за два мѣсяца до выборовъ (ст. 26); послѣ опубликованія, обыватели, въ теченіе двухъ-недѣльнаго срока, имѣютъ право представлять свои возраженія по поводу этихъ списковъ въ ту же управу, которая вслѣдъ за этимъ представляетъ исправленные ею списки въ городскую думу (ст. 27); а эта передаетъ ихъ снова въ управу со своими измѣненіями не позже, какъ за мѣсяцъ до выборовъ (ст. 28). На думу жалобы по данному вопросу приносятся уже губернатору, который передаетъ ихъ въ губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе (ст. 29). Все это имѣетъ мѣсто, разумѣется, съ цѣлью дать возможность оградить свое право каждому полноправному обывателю на участіе въ городскихъ дѣлахъ.

Общество, въ лицѣ своихъ избирателей, выбираетъ, для непосредственнаго завѣдыванія общественными дѣлами, извѣстныхъ лицъ, такъ называемыхъ гласныхъ, которые организуются въ особыя учрежденія; такими учрежденіями являются городская дума и городская управа. Первое учрежденіе — чисто совѣщательное, второе—исполнительное.

Городская дума состоитъ изъ гласныхъ, избираемыхъ на 4 года (ст. 48) въ количествѣ «соотвѣтствующемъ числу лицъ, пользующихся правомъ голоса на выборахъ»; другими словами, число гласныхъ прямо пропорціонально числу избирателей. Но этимъ простымъ и яснымъ опредѣленіемъ городовое положеніе не ограничивается: оно устанавливаетъ minimum и maximum числа гласныхъ, въ предѣлахъ которыхъ и проводится уже начало соотвѣтственности, при томъ въ нѣсколько осложненномъ видѣ. Minimum опредѣляется въ 30 человѣкъ для тѣхъ мѣстностей, гдѣ число избирателей простирается до 300; maximum опредѣляется, исключая столицъ, въ 72 гласныхъ; этотъ maximum получается такимъ образомъ: на каждые 150 избирателей сверхъ 300 прибавляется по 6 гласныхъ; но это прибавленіе идетъ лишь до тѣхъ поръ, пока получится 72 гласныхъ; т.-е. начало соотвѣтственности допускается, и то не въ одинаковой нормѣ, лишь для 2,100 избирателей: сколько бы избирателей сверхъ этого числа ни было, они остаются безъ представителей (ст. 48). Число гласныхъ въ столицахъ превышаетъ общій maximum въ нѣсколько разъ: въ Москвѣ ихъ полагается 180 челов., а въ Петербургѣ — 252 (прав. о прим. гор. пол. къ стол. и Одессѣ, ст. 6). Такимъ образомъ, начало соотвѣтственности, установленное первой половиной статьи, почти уничтожается второй ея половиной. Въ опубликованныхъ мотивахъ мы не находимъ объясненія этому. Думать надо, что данная статья городоваго положенія вошла въ послѣднее все съ тою же цѣлью водворенія «благообразія» въ собраніяхъ городской думы, о которомъ заботились относительно избирательныхъ собраній. Въ мотивахъ мы находимъ лишь объясненія относительно цифръ maximum'а и minimum'а (цифры эти должны дѣлиться на два и на три, такъ какъ избирательныхъ собраній можетъ быть только два или три). Опредѣленіе maximum'а цифрой 72 законодатель мотивируетъ тѣмъ, что въ Одессѣ общая дума, по положенію 1863 г., состояла изъ 75 чел. гласныхъ, которыхъ было совершенно достаточно. Спрашивается, въ какомъ отношеніи было достаточно ихъ? Было ли ихъ достаточно для того, чтобы городское хозяйство и управленіе шло совершенно удовлетворительно? Если это такъ, то во всякомъ случаѣ слѣдовало на это указать, а вмѣстѣ

доказать, что и реформа одесскаго городскаго управленія совершенно излишняя.

Выборы въ гласные производятся баллотировкой шарами, т.-е. закрытой подачей голосовъ (ст. 31). Это съ перваго взгляда не важное опредѣленіе обратилось однако въ цѣлый вопросъ прежде чѣмъ вошло въ городовое положеніе. Въ первоначальномъ проэктѣ устанавливалась открытая подача голосовъ посредствомъ записокъ, бюллетеней. Этотъ способъ избранія предлагался министерствомъ, во-первыхъ, въ виду собранныхъ имъ въ изобиліи свѣдѣній, притомъ очень убѣдительныхъ, о недостаткахъ, зачастую переходившихъ въ безобразія, баллотировки шарами; а во-вторыхъ, и въ виду также того обстоятельства, что большинство мѣстныхъ коммиссій стояло за этотъ же способъ. Но такъ называемые эксперты послѣдней коммиссіи, разсматривавшей проэктъ (10 человѣкъ) рѣшили дѣло въ пользу закрытой подачи голосовъ; они *убѣдительно (?)* указывали на слѣдующіе мотивы своего мнѣнія: во-первыхъ, многіе изъ избирателей — безграмотны (отчего бы не лишить ихъ на этомъ основаніи и самаго права подачи голоса?); во-вторыхъ, очень возможно, по ихъ мнѣнію, что открытая подача голосовъ «*разстроитъ личныя отношенія гражданъ*» и приведетъ къ нѣкоторымъ другимъ «*невыгоднымъ для нихъ послѣдствіямъ*». Благодаря этимъ доводамъ, оставлена та система избранія, которая, по собраннымъ министерствомъ свѣдѣніямъ и по свидѣтельству мѣстныхъ коммиссій, «большинство избраній дѣлала слѣдствіемъ случайныхъ комбинацій».

Кого избирательныя собранія могутъ избирать въ гласные думы? Каждаго изъ своей среды, т.-е. каждаго пользующагося правомъ активнаго избранія (ст. 35), если только кто предложитъ его или онъ самъ заявитъ желаніе быть избраннымъ (ст. 37). При этомъ устанавливается однако одно ограниченіе, касающееся иновѣрцевъ, которые могутъ быть избираемы въ гласные, но при томъ условіи, чтобы число ихъ не превышало одной трети всего числа гласныхъ (ст. 35). Каждое изъ двухъ или трехъ избирательныхъ собраній можетъ выбирать гласныхъ или изъ своей собственной среды или изъ среды другого собранія (ст. 36). Обстоятельство, по нашему мнѣнію, очень важное: принципъ пропорціональности между количествомъ платежей, взносимыхъ въ пользу города, и степенью участія въ управленіи послѣднимъ этимъ постановленіемъ нарушается, мы думаемъ, еще болѣе: члены перваго избирательнаго собранія всегда въ состояніи добиться того, что избиратели второго и третьяго разрядовъ будутъ выбирать гласныхъ изъ ихъ среды, и этимъ путемъ все управленіе сосредоточится въ рукахъ плательщиковъ перваго разряда. Избраннымъ считается тотъ, кто получилъ больше половины наличныхъ избирательныхъ голосовъ (ст. 38); городовое положеніе не ограничивается, однако, этимъ простымъ опредѣленіемъ относительно большинства голосовъ. При нашемъ извѣстномъ усердіи къ общественнымъ дѣламъ очень можетъ случиться, что избирателей явится въ собраніе меньше, чѣмъ сколько предстоитъ выбрать гласныхъ. Въ городовомъ положеніи предусмотрѣно это обстоятельство: оно признаетъ въ виду этого избирательное собраніе состоявшимся лишь тогда, если число явившихся избирателей «превышаетъ число подлежащихъ избранію гласныхъ» (ст. 41). При этомъ не опредѣляется, насколько число первыхъ должно превышать собою число послѣднихъ;

стало быть собраніе состоится, если число избирателей окажется больше числа гласныхъ хотя даже на одинъ. Но такое опредѣленіе, если безпечность избирателей признать фактомъ, поведетъ лишь къ тому, что ихъ собранія не будутъ имѣть мѣста въ теченіе быть можетъ очень долгаго періода времени и гласные не будутъ выбраны. Съ цѣлью избѣжать такого положенія дѣлъ городовое положеніе постановляетъ, что если избиратели не явятся въ опредѣленномъ закономъ количествѣ — назначается, черезъ семь дней, новое собраніе, которое приступаетъ къ выборамъ уже во *всякомъ случаѣ*, въ какомъ бы количествѣ ни явились избиратели (ib.). Такимъ образомъ избиратели, явившись въ числѣ равномъ или меньшемъ числа гласныхъ, могутъ объявить таковыми самихъ себя. Это опредѣленіе городоваго положенія, вызванное, нѣтъ сомнѣнія, самою *дѣйствительностью* — одно изъ тѣхъ постановленій, которое наводитъ на самыя грустныя размышленія о нашемъ городскомъ самоуправленіи. Списокъ избранныхъ гласныхъ публикуется управой; послѣ чего въ теченіе семи дней, со дня окончанія выборовъ, на него можно дѣлать возраженія, которыя представляются въ ту же управу (ст. 42, 43). Жалобы на неправильность избранія лицъ разбираются самою вновь избранною думой (ст. 44), а на нарушеніе порядка выборовъ — губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ (ст. 45).

Выбранные гласные составляютъ думу, въ которой предсѣдательствуетъ городской голова (ст. 48), а въ случаѣ невозможности съ его стороны — старшій изъ ея членовъ, но старшій не по лѣтамъ, а по количеству избирательныхъ шаровъ, полученныхъ имъ на избирательномъ собраніи; при этомъ онъ непремѣнно долженъ быть изъ перваго разряда плательщиковъ (ст. 53). Дума, какъ представитель общества — учрежденіе чисто совѣщательное. Оно дѣйствуетъ, по выраженію законодателя, именемъ общества во всѣхъ случаяхъ, когда законъ требуетъ по симъ дѣламъ общественнаго постановленія или приговора (ст. 54). Самый *приговоръ* считается законнымъ, если онъ постановленъ въ присутствіи не менѣе, какъ *одной трети* всего числа гласныхъ (ст. 63), но постановленіе трети гласныхъ далеко не для всѣхъ дѣлъ достаточно: по вопросамъ о пріобрѣтеніи или отчужденіи городскихъ имуществъ, о займахъ, поручительствахъ или гарантіяхъ отъ имени города; о переложеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя; объ устраненіи выборныхъ должностныхъ лицъ отъ должности и о преданіи ихъ суду — требуется присутствіе *половины* всего числа гласныхъ и не менѣе *двухъ третей* голосовъ изъ этой половины.

Для того, чтобы самое засѣданіе могло считаться законнымъ, необходимо, чтобы оно было созвано: или по инипіативѣ городскаго головы, или губернатора; или, наконецъ, по желанію гласныхъ, заявленному городскому головѣ не менѣе какъ отъ лица *одной пятой ихъ* (ст. 56). При этомъ дума два раза въ годъ *обязательно* должна собираться для обсужденія городскаго бюджета и разсмотрѣнія отчета городской управы (ib.). — Самыя распоряженія о созваніи думы дѣлаются городскимъ головой (ст. 57), который долженъ доводить объ этомъ каждый разъ до свѣдѣнія губернатора, указывая при этомъ и тѣ вопросы, которые будутъ обсуждаться въ думѣ (ib.). Дума собралась, кто можетъ вносить въ нее дѣла на обсужденіе? Вопросъ этотъ далеко не послѣдней важности. По городовому положенію предлагать вопросы на обсужденіе могутъ: городской

голова, городская управа, гласные думы, правительственныя учрежденія, а также и частныя лица; послѣднія путемъ просьбъ и жалобъ (ст. 58). Только внесенное однимъ изъ этихъ путей предложеніе считается законно внесеннымъ и можетъ обсуждаться. Но при этомъ, предложеніе или внесеніе вопроса на обсужденіе со стороны гласнаго обставляется слѣдующимъ условіемъ: желающій внести вопросъ на обсужденіе думы долженъ о содержаніи его извѣстить городскаго голову не позже какъ за три дня до засѣданія. Если же это не будетъ сдѣлано, то предложеніе хотя и допускается къ обсужденію, но лишь при томъ условіи, что окончательное рѣшеніе постановлено будетъ лишь въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій (ст. 60). Городовое положеніе мотивируетъ это постановленіе тѣмъ, что необходимо дать городскому головѣ и гласнымъ возможность приготовиться къ обсужденію дѣла; а губернатору — возможность знать о происходящемъ въ думѣ заранѣе; послѣднее, кажется, и есть, въ сущности, единственный мотивъ этого постановленія. Иначе не понятно, почему это условіе имѣетъ лишь мѣсто по отношенію къ предложеніямъ гласныхъ? Отчего было не поставить этого же условія и относительно предложеній, вносимыхъ городскимъ головой, управою, губернаторомъ? По всѣмъ этимъ предложеніямъ гласнымъ, думаемъ, не менѣе важно приготовиться къ обсужденію. Здѣсь явное недовѣріе почему-то къ гласнымъ только. Но такъ какъ тотъ или иной вопросъ можетъ возникнуть во время самыхъ преній по извѣстному дѣлу, то законодатель и нашелъ нужнымъ внести въ городовое положеніе вторую половину приведеннаго нами постановленія.

Дума, какъ чисто совѣщательное учрежденіе, не можетъ сама исполнять своихъ собственныхъ приговоровъ, не можетъ вѣдать, такъ сказать, текущихъ дѣлъ, какъ учрежденіе, періодически собирающееся. Поэтому, «непосредственное завѣдываніе дѣлами городскаго хозяйства и общественнаго управленія» возлагается на второе общественное учрежденіе — городскую управу, которая дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ «согласно правиламъ и указаніямъ» городской думы (ст. 72). Такимъ образомъ, городская управа — учрежденіе чисто административное, въ противоположность городской думѣ, которую можно назвать учрежденіемъ въ нѣкоторомъ смыслѣ законодательнымъ. Члены городской управы избираются гласными думы изъ ихъ собственной среды (ст. 70 и 55 п. 1 и 82), количество ихъ представляется на собственное усмотрѣніе думы, законодатель опредѣляетъ лишь minimum, который полагается въ два человѣка (ст. 70). Въ данномъ случаѣ законодатель руководился, по его словамъ, тѣмъ соображеніемъ, что въ каждомъ городѣ число членовъ управы зависитъ отъ *причинъ чисто мѣстныхъ, а иногда временныхъ*... въ извѣстной мѣрѣ *отъ денежныхъ средствъ города*; «а всѣ причины эти могутъ быть хорошо извѣстны только городской думѣ». При этомъ, въ члены управы нельзя выбрать одновременно отца и сына, тестя и зятя, родныхъ братьевъ (ст. 87). Мотивы такого постановленія понятны сами собой. Есть и еще нѣсколько ограничительныхъ условій относительно избранія въ члены управы. Такъ, не-христіане не могутъ быть избраны въ управу въ количествѣ большемъ одной трети ея состава (ст. 88); въ члены управы не могутъ быть выбраны лица духовнаго званія, чиновники казначейства, прокуроры и ихъ товарищи, предсѣдатели и

ихъ товарищи, предсѣдатели и члены судебныхъ мѣстъ, исключая почетныхъ мировыхъ судей (ст. 89). Остальные чиновники, состоящіе на государственной службѣ, могутъ принимать званіе члена городской управы только съ разрѣшенія своего начальства (ст. 90). Въ нѣкоторыхъ городахъ городская управа можетъ, по усмотрѣнію думы, обратиться изъ коллегіальнаго учрежденія въ единоличное: ее можетъ замѣнить «въ небольшихъ уѣздныхъ, безуѣздныхъ городахъ и посадахъ городской голова, который и является въ такомъ случаѣ исполнительнымъ органомъ думы» (ст. 71). Причиной такого постановленія выставляется «ограниченность хозяйства» этихъ городовъ и «недостатокъ денежныхъ средствъ». Нѣкоторые члены коммиссіи предлагали въ этихъ городахъ возложить обязанности городской управы на земскую. Но это было найдено неудобнымъ въ виду самостоятельности и независимости другъ отъ другъ городскихъ и земскихъ учрежденій.

Теперь взглянемъ нѣсколько поближе на вопросъ, съ перваго взгляда очень простой, объ отношеніи городской управы къ городской думѣ. По существу дѣла, городская управа, какъ учрежденіе исполнительное, учрежденіе, члены котораго избираются городской думой, есть учрежденіе, подчиненное этой послѣдней. Это такое учрежденіе, которое, какъ мы видѣли, дѣйствуетъ «согласно правиламъ и указаніямъ» городской думы, представляетъ ей отчеты (ст. 72), получаетъ отъ нея инструкціи относительно порядка дѣлъ и ихъ обсужденія (ст. 76). Но положеніе дѣлъ совершенно измѣняется, если примемъ во вниманіе, что предсѣдателемъ въ городской управѣ является тоже лицо, которое предсѣдательствуетъ и въ думѣ—городской голова. Благодаря этому обстоятельству, уже и de jure городская управа получаетъ значительную долю самостоятельности, въ значительной степени становится независимой отъ думы; эта независимость въ особенности увеличивается въ силу того обстоятельства, что голова — предсѣдатель управы — пользуется правомъ пріостановить исполненіемъ опредѣленія большинства членовъ управы, если найдетъ его противозаконнымъ, и передать дѣло не въ городскую управу, а чрезъ губернатора въ губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе (ст. 77). De facto самостоятельность городской управы можетъ достигнуть очень и очень почтенныхъ размѣровъ. Мы не можемъ по данному вопросу не сослаться на положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, по которому предсѣдатель земской управы, какъ губернской, такъ и уѣздной, не есть въ тоже время предсѣдатель земскаго собранія. Онъ обыкновенно избирается земскимъ собраніемъ изъ своей среды (ст. 56 и 48 Пол. о Зем. Учр.). Трудно понять, почему найдено нужнымъ отступить въ городовомъ положеніи отъ опредѣленій по данному вопросу Положенія о Земск. Учр. А между тѣмъ положеніе дѣла, благодаря такому опредѣленію, становится совсѣмъ курьезнымъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ, какъ мы сейчасъ видѣли, управа замѣняется единоличною властью городскаго головы: послѣдній въ этомъ случаѣ долженъ получать отъ думы инструкціи, предписанія, давать ей отчеты, оставаясь въ тоже время ея предсѣдателемъ. Но городовое положеніе на этомъ не останавливается, оно идетъ еще дальше: оно опредѣляетъ, что если городская управа признаетъ, большинствомъ голосовъ полнаго ея присутствія, постановленіе городской думы *противозаконнымъ* — представляетъ объ этомъ думѣ и

если послѣдняя будетъ настаивать на своемъ рѣшеніи — вноситъ дѣло къ губернатору, который передаетъ его въ губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе (ст. 80). Этимъ постановленіемъ городская управа уже возводится на степень совершенно самостоятельнаго, вполнѣ независимаго отъ думы учрежденія съ самостоятельною отвѣтственностью. Въ земскихъ учрежденіяхъ, организованныхъ шестью годами раньше, мы не встрѣчаемся съ такимъ противорѣчіемъ основнымъ началамъ мѣстнаго самоуправленія: земская управа не вооружена такимъ правомъ относительно земскаго собранія, которому она подчинена. Надо замѣтить, впрочемъ, что это опредѣленіе новаго городоваго положенія вошло въ него не безъ возраженій и притомъ очень серьезныхъ, со стороны многихъ, разсматривавшихъ проэктъ въ совѣтѣ министра и коммиссіяхъ; возражали нѣкоторые изъ экспертовъ и правительственные чиновники. По ихъ мнѣнію «трудно допустить, чтобы городская дума, представляющая собой все городское общество, меньше охраняла пользы города» и что вообще подобное отношеніе городской управы къ думѣ ослабило бы значеніе послѣдней въ ущербъ самому дѣлу, ради котораго оно, повидимому, устанавливается. Но изъ всѣхъ возраженій, сдѣланныхъ противниками этого опредѣленія, по нашему мнѣнію, особенно цѣнны возраженія двухъ *губернаторовъ*, сдѣланныя ими въ засѣданіи совѣта министра. Одинъ изъ нихъ — пензенскій — видѣлъ въ этомъ постановленіи прямое «нарушеніе порядка подчиненности», а другой — тульскій — находя въ данномъ случаѣ положеніе городской управы совершенно несоотвѣтствующимъ ея сущности, указалъ на противорѣчіе въ этомъ отношеніи городоваго положенія съ земскимъ. Онъ прямо заявлялъ, что такое отношеніе городской управы къ думѣ можетъ породить между этими учрежденіями «явный антагонизмъ». Самую же серьезную сторону въ возраженіи тульскаго губернатора нельзя не видѣть въ томъ, что всякое постановленіе «угрожающее», какъ онъ выражается, «порядку», можетъ быть задержано губернаторомъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему было вооружать городскую управу тѣмъ оружіемъ, которымъ она вооружается, когда, какъ увидимъ дальше, губернаторъ въ достаточной степени снабженъ всѣми средствами къ тому, чтобы противодѣйствовать всякому, «угрожающему порядку» постановленію думы. Повторяемъ еще разъ, опредѣленіе городоваго положенія было бы совершенно непонятно, если бы не было разъяснено въ мотивахъ къ нему; въ нихъ говорится, что такія отношенія городской управы къ думѣ устанавливаются въ виду того, что «*на городской управѣ лежитъ значительная доля обязанностей, сопряженныхъ съ правительственнымъ интересомъ*»; и что такъ какъ въ силу этого обстоятельства «*управа поставлена въ отвѣтственное передъ правительствомъ положеніе*».... «то было бы не послѣдовательно безусловно подчинять управу думѣ». Это объясненіе — не что иное, какъ мнѣніе *трехъ* членовъ совѣта министра, высказавшихъ его какъ возраженіе противъ указаннаго нами мнѣнія двухъ губернаторовъ. Едва ли нужно говорить, что «мотивы» эти еще рѣзче указываютъ на полное несогласіе даннаго опредѣленія съ основными началами самоуправленія вообще и городоваго положенія въ частности.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о кругѣ дѣйствій нашихъ городскихъ учрежденій, необходимо остановиться на одной единоличной выборной должности,

которая de jure, а въ особенности de facto представляетъ собою, не смотря на то, что городовое положеніе не опредѣляетъ спеціально его сущности, цѣлое, если можно такъ выразиться, учрежденіе и притомъ очень солидное. Должность городскаго головы въ высшей степени важна уже потому, что онъ является предсѣдателемъ избирательныхъ собраній, думы, городской управы; но ея важность въ значительной степени увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что законодатель придаетъ городскому головѣ и значеніе правительственнаго агента.

Въ должность городскаго головы назначаются лица по выбору городской думы при томъ не только изъ своей среды, но вообще изъ лицъ, пользующихся активнымъ правомъ избранія; срокъ службы 4-хъ-лѣтній (ст. 82, 86, 94). При этомъ въ должность городскаго головы не можетъ быть избранъ еврей (ст. 88). Предсѣдательствуя въ трехъ названныхъ нами учрежденіяхъ, городской голова является предсѣдателемъ въ трехъ такихъ учрежденіяхъ, которыя всѣ стоятъ въ опредѣленныхъ іерархическихъ отношеніяхъ другъ къ другу: городская управа дѣйствуетъ по инструкціямъ городской думы и обязана отчетностью передъ ней, члены думы избираются въ избирательныхъ собраніяхъ. При самомъ поверхностномъ взглядѣ на дѣло нельзя не видѣть, что такое предсѣдательствованіе плохо клеится съ основными началами Положенія 1870 г. Мы уже видѣли, что благодаря такому «тройному» предсѣдательствованію городскаго головы изчезаютъ надлежащія отношенія между думой и управой. Это очевидно сознается и самимъ законодателемъ, какъ это слѣдуетъ изъ того опредѣленія, что городской голова устраняется отъ президированія въ думѣ, когда послѣдняя разсматриваетъ отчетъ городской управы (ст. 52); онъ устраняется также при обсужденіи вопросовъ о назначеніи или размѣрѣ жалованья должностнымъ лицамъ общественнаго управленія (ib.). Въ этихъ случаяхъ, какъ мы видѣли, назначается особый предсѣдатель самой думой (ст. 53). Въ высшей степени важное значеніе вопроса о предсѣдательствованіи городскаго головы въ особенности въ думѣ и городской управѣ возбудило очень серьезныя пренія при разработкѣ городоваго положенія: явилось отдѣльное мнѣніе, поддерживаемое многими, участвовавшими въ работѣ, мнѣніе, которымъ упорно отстаивалось особое предсѣдательствованіе въ думѣ не городскаго головы, а *особаго* предсѣдателя, избираемаго самой думой.

Само министерство въ своемъ первоначальномъ проэктѣ назначало въ городскую думу особаго предсѣдателя, находя, что предсѣдательство городскаго головы въ думѣ [1]) и въ управѣ можетъ стѣснять свободу думы въ повѣркѣ дѣйствій исполнительной власти. Такое раздѣленіе предсѣдательствъ министерство вводитъ въ виду того, что контроль за дѣятельностью общественныхъ учрежденій изъ рукъ губернскаго начальства переходитъ въ руки самого общества; а этого «*контроля никогда не могло бы быть въ дѣйствительности», если бы городской голова предсѣдательствовалъ какъ въ думѣ, такъ и въ управѣ.* На этомъ основаніи министерство проэктировало, что городская дума

[1]) Въ проэктахъ вездѣ городская дума замѣняется городскимъ собраніемъ, нынѣшняя городская управа — городской думой. Мы держимся терминологіи городоваго положенія 1870 г.

избираетъ своего особаго предсѣдателя изъ своей среды на *одинъ* годъ. Внося въ проэктъ это постановленіе, министерство думало въ этомъ случаѣ одинаково съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ коммиссій, которыя, указывая на необходимость раздѣленія предсѣдательствъ въ думѣ и управѣ, находили, что президентъ думы долженъ быть прежде всего *независимъ* отъ городскаго головы; а потомъ—что не слѣдуетъ отвлекать городскаго голову отъ исполненія его важнѣйшихъ обязанностей; далѣе—что не слѣдуетъ ставить его въ ложное положеніе въ случаѣ разногласія думы съ управой; утверждали, наконецъ, что только этимъ путемъ можно установить правильный, свободный контроль, какъ надъ управой, такъ и надъ самимъ городскимъ головой. Перейдя въ совѣтъ министра, это постановленіе проэкта встрѣтило возраженіе со стороны двухъ его членовъ и саратовскаго губернатора вмѣстѣ съ одесскимъ городскимъ головой. Члены совѣта видѣли въ раздѣленіи предсѣдательствъ ту опасность, что предсѣдатель думы въ избирательный періодъ можетъ пріобрѣсти слишкомъ большое значеніе, составить себѣ партію и такимъ образомъ вмѣшаться въ дѣла городской управы. Этимъ возраженіемъ, въ сущности, и исчерпывались всѣ доводы членовъ, а потому оно, пожалуй, прошло бы безъ слѣда, если бы не было подкрѣплено авторитетнымъ краснорѣчіемъ представителя одесскаго муниципалитета, дѣйств. статск. сов. Новосельскаго, который выступилъ со слѣдующимъ отпоромъ «опасному» постановленію проэкта министерства: уже и теперь, говорилъ онъ, общая дума (въ Одессѣ) захватила въ свои руки слишкомъ многое изъ того, что подлежитъ вѣдѣнію распорядительной думы, которая потому теряетъ все болѣе и болѣе значенія; что же станется съ городскимъ головой, если онъ останется предсѣдателемъ *только этой* думы, т.-е. нынѣшней городской управы? Онъ въ такомъ случаѣ «потеряетъ всякое значеніе», продолжаетъ г. Новосельскій, «и займетъ положеніе несоотвѣтствующее ему, какъ представителю городскаго общества». Увлекшись, нашъ отечественный мэръ забылъ, что рѣчь идетъ о *двухъ* учрежденіяхъ общественныхъ, изъ которыхъ одно должно быть подчинено другому; онъ опустилъ изъ виду, что у него могутъ спросить, отчего же это общая дума все забрала у распорядительной въ то время, какъ идеальное начало *единаго* предсѣдательствованія — въ полной неприкосновенности? Представитель одесскаго общества идетъ дальше: онъ заявляетъ, что если оставить городскаго голову предсѣдателемъ только въ городской управѣ, то онъ «*потеряетъ возможность вліять на ходъ дѣлъ, какъ агентъ правительства* по исполненію тѣхъ или другихъ изъ его предположеній или предначертаній». Нужно ли останавливаться на *этомъ* доводѣ *представителя общества*, такъ заботливо охраняющаго интересы послѣдняго? Позволимъ себѣ здѣсь напомнить, что одной изъ заботъ во время подготовительныхъ работъ по городовому положенію было—болѣе или менѣе возстановить самостоятельность и независимость общественныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій именно какъ представителей, *агентовъ самаго общества*. Одесскаго городскаго голову поддержалъ саратовскій губернаторъ, заявивъ, что городское общество можетъ стать въ затруднительное положеніе, если ему придется выбирать изъ среды своей двухъ, отдѣльныхъ для думы и управы, предсѣдателей: «оно затруднилось бы найти *двухъ достойныхъ* лицъ» (!!). Въ отпоръ всѣмъ этимъ доводамъ вмѣстѣ съ послѣднимъ остальные три члена

совѣта министра вмѣстѣ съ четырьмя губернаторами указывали на раздѣленіе предсѣдательствъ въ думѣ и управѣ какъ на «одно изъ самыхъ главныхъ основаній для правильной организаціи городскаго управленія». Губернаторы, между прочимъ, указывали на тотъ фактъ, что когда въ земствѣ случайно предсѣдателемъ въ собраніи и управѣ являлось одно и тоже лицо, то, «кромѣ затрудненій и неудобствъ, ничего не встрѣчалось». Въ совѣтѣ министра вопросъ остался открытымъ и перешелъ въ такомъ состояніи въ спеціальную коммиссію, которая до приглашенія экспертовъ, представителей отъ общества, стояла на сторонѣ проэкта и большинства членовъ совѣта министра; но положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось по появленіи въ ней экспертовъ: изъ *восьми* приглашенныхъ въ коммиссію городскихъ головъ къ мнѣнію одесскаго присоединилось не болѣе не менѣе какъ всѣ, да изъ двухъ гласныхъ — одинъ, гласный петербургской думы. Во главѣ экспертовъ и здѣсь по данному вопросу сталъ одесскій городской голова, уже искусившійся въ подачѣ мнѣній. Повторивъ всѣ доводы, представленные имъ въ совѣтѣ министра, онъ еще болѣе напиралъ на то, что городской голова «не въ силахъ будетъ удержать за собой *первенствующее* значеніе», что дума при такомъ порядкѣ вещей грозитъ стѣснить городскую управу своими инструкціями, онъ грозитъ, что при такомъ положеніи дѣлъ разбѣгутся изъ городскаго управленія наиболѣе *достойные* граждане. Петербургскій городской голова высказываетъ боязнь, что городской голова, не предсѣдательствуя въ думѣ, будетъ низведенъ «на степень простого приходорасходчика». Онъ боится даже за правильность контроля, не приводя, однако, никакихъ объясненій этого своего страха. Московскій же городской голова и петербургскій гласный боятся горшаго: они боятся «ослабленія дѣятельности всего городскаго управленія». Всѣмъ имъ хочется, чтобъ городской голова представлялъ собою власть, «*параллельную* думѣ, а не подчиненную ей».

Всѣ эти доводы одолѣли проэктъ министерства и его защитниковъ: городской голова предсѣдательствуетъ и въ думѣ и управѣ. Въ мотивахъ къ данному опредѣленію городоваго положенія соглашаются съ мнѣніемъ защитниковъ проэкта, что съ *теоретической* точки зрѣнія раздѣленіе предсѣдательствованія въ думѣ и управѣ между двумя лицами имѣло бы основаніе; но съ *практической* точки зрѣнія находятъ это раздѣленіе несостоятельнымъ, въ доказательство чего ссылаются на только что приведенныя нами мнѣнія экспертовъ, которые, какъ намъ кажется, въ сущности, не привели никакихъ доказательствъ, кромѣ болѣе или менѣе трогательныхъ размышленій о паденіи величія городскаго головы и избѣжанія этой должности «достойными» гражданами. И въ мотивахъ однимъ изъ доводовъ въ пользу опредѣленія городоваго положенія приводится соображеніе, что если лишить городскаго голову предсѣдательствованія въ думѣ, «то многіе ли изъ лицъ, наиболѣе уважаемыхъ, способныхъ и дѣятельныхъ, согласятся принять на себя заботы, труды и отвѣтственность, сопряженныя съ должностью городскаго головы, если послѣдній утратитъ нынѣшнее первенствующее положеніе свое»? Но задавать такой вопросъ—не значитъ ли думать, что даже наиболѣе уважаемые члены нашего городскаго общества способны трудиться не ради интересовъ общества, а лишь ради «первенствующаго» положенія въ средѣ послѣдняго? Не значитъ ли это, наконецъ, поощрять такой взглядъ на дѣло и

впредь на неопредѣленное время? Среди мотивовъ нельзя не остановиться нѣсколько еще на одномъ, въ высокой степени, по нашему мнѣнію, знаменательномъ: въ нихъ, между прочимъ, говорится, что «*основная черта* нашего городскаго устройства, которая находитъ себѣ опору и во всѣхъ почти иностранныхъ муниципальныхъ учрежденіяхъ, заключается въ томъ, что *главнымъ распорядителемъ всего городскаго хозяйства и управленія является одно лицо*»— городской голова, лишивъ котораго президированія въ думѣ, мы, eo ipso, лишимъ городовое положеніе этой «основной черты». Этотъ доводъ намъ кажется явнымъ недоразумѣніемъ: здѣсь, въ мотивахъ, высказывается то, чего въ текстѣ городоваго положенія вовсе нѣтъ; въ немъ городской голова нигдѣ не возводится въ роль *главнаго распорядителя*, каковымъ прямо называло его городовое положеніе 1857 г., замѣняя выраженіе «распорядитель» выраженіемъ «начальникъ». (Св. Зак. II ст. 4471). Если же de facto городской голова и является такимъ «главнымъ распорядителемъ», то уже никакъ не въ силу основныхъ началъ городоваго положенія, а въ силу полнаго нарушенія ихъ. Нашла себѣ мѣсто въ мотивахъ и забота одесскаго городскаго головы о неумаленіи достоинства «главнаго распорядителя» городскаго управленія, какъ агента правительства: «удобно ли и свойственно ли существу дѣла», спрашивается въ нихъ, «чтобы представителемъ города предъ правительствомъ было лицо подчиненное»? Такимъ образомъ мнѣніе *представителей* городскаго *общества* одержало верхъ: городской голова одинъ стоитъ во главѣ учрежденій—подчиняющаго и подчиненнаго, учитывающаго и учитываемаго.

Обратимся теперь къ вопросу объ объемѣ вѣдомства общественныхъ учрежденій, по отношенію къ объектамъ его или предметамъ, и власти. Что отдаетъ законъ въ вѣдѣніе общества? Городовое положеніе открывается слѣдующимъ опредѣленіемъ: «попеченіе и распоряженіе по городскому *хозяйству* и *благоустройству* предоставляются городскому общественному управленію» (ст. 1); а дальше (ст. 2) слѣдуетъ и перечисленіе отдѣльныхъ предметовъ этого «попеченія». По этимъ предметамъ дума можетъ издавать обязательныя для горожанъ постановленія (ст. 103). Подъ «хозяйствомъ» городовое положеніе разумѣетъ завѣдываніе городскимъ имуществомъ, доходами и расходами; подъ «благоустройствомъ»—заботы о внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ и благосостояніи города; другими словами—полицію въ широкомъ смыслѣ этого слова. Этотъ послѣдній предметъ вѣдѣнія городскаго управленія—благоустройство—требуетъ значительныхъ средствъ, дать которыя одни «городскія имущества» въ родѣ земель, угодій, зданій и т п. рѣшительно не могутъ. Членамъ городскаго общества приходится поступаться въ извѣстной степени своими частными *личными* средствами: они несутъ различнаго рода налоги въ пользу города, за обществомъ котораго, какъ юридическимъ лицомъ, законъ и признаетъ право обложенія горожанъ этими налогами или въ формѣ сбора съ *имущества*, движимаго и недвижимаго, или съ *промысла* (ст. 128). На дѣлѣ оказывается, что и эти сборы въ почтенномъ количествѣ нашихъ городовъ даютъ въ результатѣ настолько скромныя суммы, что ихъ недостаетъ на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ нуждъ города, такъ что законодатель нашелся вынужденнымъ допустить въ

извѣстныхъ случаяхъ «пособія изъ государственнаго казначейства» или «изъ земскихъ сборовъ» (ст. 136 п. 5).

По отношенію къ городскимъ налогамъ нужно замѣтить, что одни изъ нихъ налагаются городскими учрежденіями и собираются eo ipso, въ силу опредѣленій городоваго положенія, безъ особаго разрѣшенія правительственной власти; къ такимъ сборамъ относится, напр., оцѣночный и др.; другіе же, какъ напр., съ лошадей, собакъ, квартирныхъ помѣщеній и т. п. могутъ имѣть мѣсто лишь послѣ спеціальнаго ходатайства думы объ установленіи ихъ и утвержденія законодательнымъ порядкомъ (ст. 128 и 135). По отношенію къ этимъ послѣднимъ сборамъ за городской думой признается лишь, такъ сказать, право инициативы. Въ отдѣльныхъ видахъ этого рода сборовъ слѣдуетъ остановиться на сборѣ съ квартирныхъ помѣщеній, о которомъ думамъ предоставляется право ходатайствованія. При разработкѣ городоваго положенія по поводу этого налога высказано было два мнѣнія: одни стояли за налогъ, другіе — противъ него. Сторонники налога (между прочимъ московскій городской голова и гласный петербургской думы) отстаивали его съ точки зрѣнія, такъ сказать, чисто финансовой, въ виду увеличенія матеріальныхъ средствъ города, но къ этому присоединилось еще и то соображеніе, что этимъ путемъ въ составъ общественнаго представительства можетъ быть введенъ наиболѣе образованный слой городскаго общества: какъ платящіе въ пользу города *прямой* налогъ, квартиранты eo ipso, въ силу городоваго положенія, должны были бы войти въ составъ городскаго общества. Нѣкоторые изъ сторонниковъ, впрочемъ, соглашались на введеніе этого налога не иначе, какъ не давая вносящимъ его права на участіе въ городскихъ дѣлахъ. Въ смыслѣ желанія этихъ послѣднихъ и редактировано постановленіе городоваго положенія по данному вопросу: дума ходатайствуетъ *только* о разрѣшеніи налога, и никакъ не о правѣ имѣющихъ платить его на участіе въ городскомъ управленіи. (Одинъ изъ членовъ коммиссіи совершенно основательно предлагалъ дать думѣ право ходатайствовать *совмѣстно* и о другомъ).

Въ силу такой редакціи оказалось, что платящіе въ пользу города лишены права участвовать въ управленіи дѣлами его; другими словами, нарушено основное начало городоваго положенія, что въ управленіи городомъ участвуютъ всѣ платящіе въ его пользу.

Однако и по отношенію къ налогамъ первой категоріи дума не пользуется правомъ безграничнаго обложенія: ей ставятся опредѣленныя *ограниченія*, какъ относительно *объектовъ* обложенія, такъ и его *размѣровъ*. Объектомъ обложенія не могутъ быть, напр. императорскіе дворцы и принадлежащія къ нимъ недвижимыя имущества; казенныя зданія, занятыя правительственными учрежденіями, зданія благотворительныхъ и учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ, если они заняты самими учрежденіями; недвижимая собственность лицъ духовнаго званія, неприносящая дохода; земли и зданія желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ отойти въ казну (ст. 129). Что касается самаго размѣра городскихъ сборовъ, то законодатель опредѣляетъ, что онъ не долженъ превышать 10% чистаго дохода или 1% стоимости недвижимаго имущества (ст. 130). Въ этомъ же родѣ имѣютъ мѣсто и другія ограниченія.

Законодатель не отдаетъ въ полное, безграничное распоряженіе городскаго общества и его собственное имущество; и въ этомъ отношеніи ставятся нѣкорыя ограниченія, какъ въ виду охраненія интересовъ самихъ членовъ общества въ лицѣ его настоящаго и будущаго поколѣнія, такъ и государства: во-первыхъ, отъ непосильныхъ налоговъ въ случаѣ не совсѣмъ цѣлесообразной затраты городскаго имущества, во-вторыхъ, отъ необходимости выдавать субсидіи изъ государственнаго казначейства. Ограниченія эти состоятъ въ томъ, что отдача въ частное владѣніе принадлежащихъ городу извѣстнаго рода земель, устройство на нихъ какихъ либо «сооруженій», могущихъ причинить препятствіе къ общему ими пользованію, могутъ имѣть мѣсто лишь съ утвержденія губернатора (въ уѣздныхъ городахъ) или министра вн. дѣлъ (въ губернскихъ городахъ) (ст. 122). Такого же утвержденія министра вн. дѣлъ требуютъ и опредѣленія думы о займахъ, поручительствахъ и гарантіяхъ отъ имени города, когда они превышаютъ «въ общей совокупности» сумму городскихъ доходовъ за два послѣдніе года (ст. 124). Подобнаго рода ограниченіе имѣетъ мѣсто и относительно размѣра тѣхъ доходовъ, которые городъ можетъ получить съ такой своей собственности, право пользованія которой принадлежитъ всему городскому населенію: напр., сборъ за проходъ и проѣздъ по мостамъ можетъ быть установленъ рѣшеніемъ думы лишь по утвержденіи его министромъ вн. дѣлъ, который въ этомъ случаѣ сносится съ министрами финансовъ и путей сообщенія (ст. 123).

Вопросъ о благоустройствѣ города — въ тѣсной неразрывной связи съ вопросомъ о городскомъ хозяйствѣ: расходы на «благоустройство» — въ прямой зависимости отъ доходовъ города. Съ этой точки зрѣнія вопросъ становится особенно важнымъ въ виду дѣленія всѣхъ городскихъ расходовъ на двѣ категоріи — на такъ называемые *обязательные и факультативные*, т.-е. такіе, которыхъ удовлетвореніе обязательно изъ городскихъ средствъ, и такіе, которые могутъ имѣть мѣсто по удовлетвореніи первыхъ и по собственному усмотрѣнію городской думы (ст. 139 и 140). Вопросъ получаетъ особенно важное значеніе въ виду того обстоятельства, что въ категорію обязательныхъ расходовъ входятъ, и при томъ въ значительномъ размѣрѣ, такіе, которые удовлетворяютъ нуждамъ и пользамъ ни въ какомъ случаѣ не города только. Къ такимъ расходамъ нельзя не отнести такіе, какъ расходы на воинскій постой, содержаніе тюремъ и даже полиціи. Расходы на эти статьи поглощаютъ очень и очень солидную часть городскихъ доходовъ, въ то время какъ самыя «статьи» эти рѣшительно нельзя назвать исключительно городскими: тюрьмы и казармы никакъ не удовлетворяютъ нуждамъ *только* города. По поводу вопроса о расходахъ на этого рода нужды возникали споры при составленіи городоваго положенія. Да и было о чемъ спорить: еще и теперь очень солидная часть городскихъ доходовъ уходитъ на удовлетвореніе такихъ нуждъ; тѣмъ болѣе до введенія новаго положенія. Возьмемъ Петербургъ за 1846 г.: оказывается, что на помѣщеніе войскъ, содержаніе жандармовъ, полиціи и различныхъ мѣстъ и лицъ самого городскаго управленія изъ общихъ доходовъ города въ 1.892,866 р. уходило 1.037,656 р.; а на всѣ потребности по благоустройству города, въ родѣ освѣщенія, мостовыхъ и т. п. оставалось нѣсколько болѣе 800 т. Изъ бюджета Углича, доходъ котораго въ теченіе 5 лѣтъ (съ 1837 — 1842 г.)

простирался до 7,660 р., на благоустройство города затрачивалось по 176 р., да по 200 р. въ годъ на приходскія школы; остальное, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ рублей, поступавшихъ на составленіе капитала, уходило на обязательные расходы, въ родѣ названныхъ нами. Члены коммиссіи и эксперты единогласно рѣшили ходатайствовать о сложеніи съ города такой, напр., повинности, какъ содержаніе тюремъ; но ходатайство, какъ мы видимъ изъ городоваго положенія, осталось безъ результатовъ. Не послѣдней важности вопросомъ является и вопросъ о содержаніи полиціи въ особенности въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ, Москва, даже Одесса. Петербургъ затрачиваетъ на нее милліоны; но вовсе не вѣдаетъ ея, на томъ основаніи, что полиція — учрежденіе государственное; отчасти это справедливо: въ полиціи, дѣйствительно, нельзя не видѣть въ значительной степени стороны государственной; но эта послѣдняя съ успѣхомъ можетъ быть выдѣлена и оставаться въ вѣдѣніи правительства; а остальное съ неменьшимъ успѣхомъ можетъ быть, намъ кажется, отдано въ вѣдѣніе того, кто содержитъ полицію на свой счетъ. Отъ такой передачи едва ли пострадаетъ личная и имущественная безопасность городскаго населенія: полиція англійскихъ городовъ, въ особенности лондонская, заслужила міровую извѣстность, а она — въ вѣдѣніи города.

До сихъ поръ мы говорили о нашемъ городскомъ самоуправленіи, не касаясь вопроса объ отношеніи общественныхъ учрежденій къ правительственнымъ, вопроса о привительственномъ надзорѣ за ними. Городовое положеніе открывается постановленіемъ, что *надзоръ за законнымъ* исполненіемъ городскими учрежденіями ихъ обязанностей принадлежитъ губернатору (ст. 1). Въ чемъ же выражается этотъ надзоръ? Во-первыхъ, въ наблюденіи за тѣмъ, что бы городское общественное управленіе не выходило за предѣлы, поставленные ему закономъ; во-вторыхъ, въ прямомъ вмѣшательствѣ правительственныхъ органовъ въ самое управленіе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ едва ли можно, въ сущности, говорить о надзорѣ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Для осуществленія началъ надзора существенно необходимо обладаніе извѣстными средствами. Такими средствами въ рукахъ губернатора, по городовому положенію, являются: 1) извѣщеніе его со стороны городскаго головы о созваніи думы и о тѣхъ дѣлахъ, которыя имѣютъ обсуждаться въ ней (ст. 56); 2) полученіе имъ копій со всѣхъ постановленій городской думы, немедленно вслѣдъ за тѣмъ, какъ они состоялись (ст. 68, 106, 151); 3) наконецъ, жалобы, съ которыми къ нему обращаются правительственныя и земскія учрежденія и частныя лица (ст. 6, 150, 151). Во всѣхъ этихъ случаяхъ губернаторъ не является судьей дѣла самъ непосредственно: онъ передаетъ его на разсмотрѣніе особаго учрежденія, такъ называемаго *«губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія»*, учрежденія очень оригинальнаго, не имѣющаго ничего себѣ подобнаго въ земскихъ учрежденіяхъ и, кажется, могущаго послужить образцомъ для введенія чего либо подобнаго и въ составъ послѣднихъ.

Учрежденіе это имѣетъ цѣлью разсмотрѣніе всѣхъ жалобъ на общественное городское управленіе, пререканій городскихъ учрежденій съ земскими и правительственными, случаевъ незаконныхъ постановленій и наконецъ «пресѣченіе всякаго со стороны городской думы» превышенія власти или нарушенія

закона (ст. 11). Президируется губ. по гор. дѣл. присутствіе *губернаторомъ* и составляется изъ вице-губернатора, управляющаго казенной палатой, прокурора окружнаго суда, предсѣдателя мирового съѣзда, предсѣдателя губернской земской управы и городскаго головы губернскаго города (ib.). Что послужило поводомъ къ основанію такого учрежденія? Все, приводимое законодателемъ въ мотивахъ въ качествѣ причинъ, вызвавшихъ это учрежденіе, существуетъ и въ земствѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, такого учрежденія не существуетъ. Тамъ разрѣшаются вопросы подобнаго рода въ 1-мъ департаментѣ Сената. По отношенію къ городамъ такой порядокъ вещей найденъ неумѣстнымъ, между прочимъ, потому, что онъ будто повелъ бы къ пріостановкѣ исполненіемъ «мѣръ иногда безотлагательно нужныхъ», такъ какъ Сенатъ, заваленный дѣлами, не можетъ рѣшать ихъ сколько нибудь быстро; дальше, что благодаря такому порядку пострадали бы интересы частныхъ лицъ, которыя, за отдаленностью Сената отъ большинства городовъ, не могли бы обращаться къ нему; что, наконецъ, самъ Сенатъ былъ бы заваленъ массою мелочныхъ дѣлъ. При составленіи городоваго положенія далеко не всѣ, принимавшіе въ немъ участіе, смотрѣли такими глазами на данный вопросъ. Въ первоначальный проэктъ учрежденіе это вовсе не входило: вопросъ объ отношеніи городскихъ учрежденій къ правительственнымъ рѣшался въ немъ совершенно аналогично съ рѣшеніемъ его въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ. Губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе проэктировано II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, которое еще въ 1864 г., когда первоначальный проэктъ посланъ былъ на заключеніе ея главноуправляющаго, предлагало учредить въ губернскихъ городахъ для разрѣшенія столкновеній между городскими учрежденіями и губернаторомъ особое мѣсто, «пользующееся общественнымъ довѣріемъ и авторитетомъ». Министерство видѣло въ учрежденіи такого мѣста «коренное» нарушеніе настоящаго строя губернской администраціи. Видимо, такъ же смотрѣли на дѣло и въ совѣтѣ министра, такъ какъ ни одинъ изъ членовъ его не высказался за такое учрежденіе. Въ засѣданіи спеціальной коммиссіи вопросъ объ учрежденіи губ. по гор. дѣламъ присутствія обсуждался до экспертовъ, но остался открытымъ, не будучи рѣшенъ ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ. Таже коммиссія, по прибытіи экспертовъ, рѣшила его въ пользу учрежденія—большинствомъ пятнадцати голосовъ противъ пяти, не смотря на то, что въ числѣ пяти выступилъ солидный противникъ въ лицѣ представителя министерства юстиціи, который особенно сильно настаивалъ на необходимости сохраненія одинаковости началъ, по отношенію къ данному вопросу, городоваго положенія съ земскимъ; онъ видѣлъ явный вредъ «въ различіи правъ и положенія совершенно однородныхъ органовъ». Онъ отрицалъ возможность загроможденія Сената дѣлами, ссылаясь на свѣдѣнія, имѣющіяся въ министерствѣ юстиціи о жалобахъ и протестахъ на постановленія земскихъ собраній; и уже этимъ самымъ доказывалъ неосновательность боязни относительно замедленія какихъ либо важныхъ въ городскомъ управленіи дѣлъ. По его мнѣнію, губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе отниметъ всякую самостоятельность у городскихъ учрежденій, «*сдѣлаетъ ихъ снова вполнѣ подчиненными органами администраціи*» въ силу того, что рѣшенія этого присутствія, отмѣняющія постановленія городской думы, немедленно приводятся

въ исполненіе. Къ этому мнѣнію изъ экспертовъ присоединился одинъ только харьковскій городской голова, который въ губернскомъ присутствіи, состоящемъ изъ лицъ большею частью совершенно чуждыхъ интересамъ города, незнакомыхъ съ нимъ вовсе, видитъ такое же опекающее значеніе, какое до введенія новаго городоваго положенія имѣло губернское правленіе; а потому онъ и въ будущемъ нашей общественно-городской жизни ждетъ того же отъ выборныхъ «равнодушія», противъ котораго такъ ратуютъ. Противникомъ обоихъ этихъ мнѣній выступилъ, между прочимъ, гласный петербургской думы; въ качествѣ довода имъ пущена въ ходъ мысль о необходимости нѣкоторой децентрализаціи правительственной административной власти и опять таки таже опасность завалить Сенатъ мелочными дѣлами. А московскій городской голова (кн. Черкасскій) усиленно доказывалъ, что въ такомъ учрежденіи, какъ губ. по город. дѣламъ присутствіе, давно уже чувствуется недостатокъ, что *«городское управленіе нуждается въ самостоятельности не въ смыслѣ независимости, а въ смыслѣ возможности дѣйствительной охраны своихъ интересовъ»;* самостоятельность городскаго управленія въ смыслѣ независимости онъ находитъ *«въ существѣ едва-ли особенно полезной»;* онъ предрекаетъ губернскому присутствію полную независимость отъ губернатора именно благодаря его составу. Онъ же предлагаетъ въ это присутствіе вносить жалобы вмѣсто городской думы и на городскую управу; другими словами, онъ предлагаетъ послѣднюю обратить въ абсолютно независимое отъ думы учрежденіе.

Разногласіе по данному вопросу имѣло мѣсто и въ Государственномъ Совѣтѣ: противъ новаго учрежденія здѣсь высказались пять членовъ, которые къ сдѣланнымъ уже до нихъ возраженіямъ присоединили еще нѣкоторыя: они утверждали, что губ. по гор. дѣламъ присутствіе идетъ eo ipso уже совершенно въ разрѣзъ съ основными началами новаго городоваго положенія; что оно составлено изъ людей ничего не платящихъ въ пользу города, и потому вовсе незаинтересованныхъ въ городскомъ хозяйствѣ; а между тѣмъ при большинствѣ четырехъ голосовъ, составить которое очень легко, особенно въ провинціи, присутствіе можетъ обратиться, говорятъ эти члены Госуд. Совѣта, въ полнаго хозяина города. Дальше, говорятъ они — городской голова, сойдясь съ губернской администраціей, будетъ имѣть возможность проводить чрезъ губ. по гор. дѣламъ присутствіе все, что ему заблагоразсудится, въ большинствѣ случаевъ едва ли «согласное съ интересами города». Наконецъ, по ихъ мнѣнію, благодаря этому учрежденію, право надзора перейдетъ въ право «непосредственнаго распоряженія». Не смотря на всѣ эти доводы, большинство Гос. Совѣта — изъ шестнадцати членовъ — высказалось за губ. по гор. дѣламъ присутствіе.

Мы съ своей стороны ничего не будемъ говорить о губернскомъ присутствіи *по существу*, считая совершенно справедливыми доводы, высказанные противниками этого учрежденія въ коммиссіи и Гос. Совѣтѣ. Мы ограничимся лишь тѣмъ, что укажемъ на нѣкоторыя внутреннія противорѣчія въ этомъ учрежденіи, на противорѣчія его тѣмъ положеніямъ, которыя высказываются въ мотивахъ. Мы скажемъ нѣсколько словъ главнымъ образомъ по поводу *состава* губ. по гор. дѣламъ присутствія. Въ мотивахъ говорится, что это учрежденіе представляетъ собою «возможное ручательство въ *безпристрастіи, знаніи* законовъ и вѣрномъ пониманіи, какъ

общегосударственныхъ интересовъ, такъ и *мѣстныхъ потребностей и нуждъ»*. Посмотримъ, такъ ли это. Безпристрастіе въ томъ или другомъ учрежденіи обезпечивается лишь тогда, если въ составъ его не входятъ лица, заинтересованныя въ исходѣ дѣлъ, разсматриваемыхъ въ этомъ учрежденіи. Въ губ. по гор. дѣламъ присутствіи *предсѣдательствуетъ* губернаторъ — лицо, *прямо*, непосредственно *заинтересованное*, лицо, зачастую самовчинающее дѣла въ президируемомъ имъ учрежденіи; на сколько солиднаго безпристрастія можно ожидать отъ прокурора окружного суда, можно судить по тому, въ какомъ отношеніи онъ стоитъ de facto — къ губернатору-предсѣдателю; наконецъ, неужели же можно ждать идеальнаго безпристрастія отъ городскаго головы, предсѣдательствующаго въ управѣ и думѣ, вопросъ о пререканіяхъ между которыми поступаетъ сюда же, почему городской голова дѣлается судьей почти самого себя. Но это положеніе дѣлъ такъ сказать съ юридической точки зрѣнія; еще болѣе несоотвѣтствующимъ дѣлу и противорѣчащимъ взгляду законодателя становится оно *фактически*. Недаромъ въ Гос. Совѣтѣ противники губ. по гор. дѣламъ присутствія указывали на то обстоятельство, что въ этомъ присутствіи нѣтъ ничего труднаго составить большинство четырехъ голосовъ, особенно въ провинціи. Намъ кажется, что не особенно трудно составить даже и единогласіе, если принять во вниманіе *фактическое отношеніе* членовъ губернскаго присутствія къ своему *предсѣдателю*. Перейдемъ къ вопросу о знаніи членами присутствія мѣстныхъ интересовъ. Почему они хорошо знакомы прокурору, не стоящему рѣшительно ни въ какихъ отношеніяхъ къ этимъ интересамъ; почему они должны быть хорошо извѣстны даже управляющему казенной палатой? Едва ли возможно отвѣтить сколько нибудь основательно на эти вопросы. Мало этого: составомъ губ. по гор. дѣламъ присутствія нарушаются нѣкоторыя основныя начала теоріи судоустройства — именно, то основное правило, что никто не можетъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ: здѣсь такими судьями являются и губернаторъ и городской голова.

Рѣшеніе губ. по гор. дѣламъ присутствія, какъ мы уже видѣли, немедленно приводится въ исполненіе; но на него все таки можно жаловаться въ въ первый департаментъ Сената (ст. 152 и 153), который, разумѣется, можетъ и измѣнить это рѣшеніе. А стало быть, хотя рѣшеніе по какому нибудь дѣлу, очень важному, и будетъ приведено въ исполненіе болѣе или менѣе быстро, но въ данномъ случаѣ едва ли принесетъ надлежащую пользу уже тѣмъ однимъ, что черезъ нѣсколько времени должно быть отмѣнено. Сенатъ, наконецъ, вовсе не освобождается отъ городскихъ дѣлъ въ той мѣрѣ, въ какой это думали сторонники новаго учрежденія. Мы знаемъ отъ лицъ компетентныхъ, стоящихъ болѣе или менѣе непосредственно у дѣлъ, что Сенатъ и теперь осаждается почтеннымъ количествомъ дѣлъ по городскому управленію. И такъ, главнѣйшая цѣль новаго учрежденія едва ли достигается. Чего же оно достигаетъ?

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ обжалованіи постановленій общественнаго городскаго управленія, объ отвѣтственности его должностныхъ лицъ.

Изъ опредѣленія цѣли учрежденія губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія мы видѣли, что всякаго рода жалобы и протесты правительственныхъ, земскихъ и сословныхъ учрежденій идутъ, черезъ губернатора, въ это присут-

ствіе (ст. 11 и 151). Самъ губернаторъ сюда же протестуетъ противъ незаконнаго постановленія думы (ib.). Частныя же лица и общества, въ случаѣ нарушенія общественнымъ городскимъ управленіемъ ихъ частныхъ интересовъ, ищутъ возстановленія послѣднихъ общимъ судебнымъ порядкомъ (ст. 148); но это лишь въ томъ случаѣ, если постановленія, нарушающія ихъ интересы, не были утверждены министромъ вн. дѣлъ или губернаторомъ; если же такое утвержденіе имѣло мѣсто, то жалобы приносятся уже въ департаментъ сената (149).

Что касается вопроса объ отвѣтственности выборныхъ должностныхъ лицъ за преступленія по должности, то законодатель выставляетъ основнымъ положеніемъ, что такой отвѣтственности они подвергаются не иначе, какъ по суду (ст. 156); преданіе ихъ суду, кромѣ городскаго головы, зависитъ отъ думы или губернскаго по гор. дѣламъ присутствія (ст. 157 и 158), которое дѣлаетъ это, разумѣется, не по собственной инипіативѣ, а по усмотрѣнію губернатора; опредѣленіе губернскаго присутствія по данному вопросу сообщается думѣ, которая, въ случаѣ несогласія на это опредѣленіе, можетъ принести, въ теченіе 6-ти недѣльнаго срока, жалобу въ Сенатъ (ст. 158). Городской голова предается суду не иначе какъ опредѣленіемъ перваго департамента Правительствующаго Сената, основаннымъ на постановленіи думы или губ. по гор. дѣл. присутствія (ст. 159). Судятся городской голова и члены городской управы — по преступленіямъ по должности — въ судебной палатѣ (160).

Эта отвѣтственность передъ государствомъ, отвѣтственность же предъ обществомъ обезпечивается правомъ послѣдняго не избирать лицъ, не удовлетворившихъ его ожиданіямъ, на новый срокъ.

Вотъ сжатый очеркъ нашего современнаго городскаго самоуправленія или, лучше сказать, нашихъ городскихъ учрежденій по положенію 1870 г. Предоставляемъ судить, насколько это положеніе *послѣдовательно* вводитъ въ нашу общественно-городскую жизнь дѣйствительныя начала самоуправленія; насколько оно воскрешаетъ тотъ гражданскій духъ, о которомъ говоритъ Штейнъ, словами котораго мы открыли нашу рѣчь; предоставляемъ судить на сколько оно въ состояніи бороться съ тѣмъ равнодушіемъ общества къ своимъ общественнымъ дѣламъ, о противодѣйствіи которому такъ заботился законодатель и которое, по его собственному мнѣнію, было результатомъ вѣковой правительственной опеки.

Кн. Васильчиковъ, авторъ извѣстнаго сочиненія о самоуправленіи, говоритъ въ одномъ мѣстѣ этого сочиненія по поводу германской администраціи, будто ему сдается, «*что германскій общественный организмъ силенъ внутреннимъ своимъ духомъ, разумомъ не законодательства, а людей, приводящихъ законъ въ дѣйствіе.* Самыя учрежденія, узаконенія, уставы далеко отстали отъ движенія умовъ, отъ успѣха современныхъ обществъ, такъ далеко, что на нихъ мало обращаютъ вниманія»... Такъ сдается нашему почтенному автору не напрасно. Но такимъ «разумомъ» людей общественный организмъ можетъ быть силенъ лишь тогда, м. г. и г-ни, когда эти люди не переживали такого тяжелаго прошлаго, какое пришлось, какъ мы видѣли, пережить нашему городскому обществу съ его «излюбленными» выборными людьми; такимъ «разумомъ» общество можетъ быть сильно лишь тогда, когда его отдѣль-

ные члены стоятъ на извѣстной высотѣ умственнаго и нравственнаго развитія; когда оно съумѣло выработать здоровое могучее *общественное мнѣніе*. А это послѣднее вырабатывается лишь тамъ, гдѣ признается нѣкоторое право, не только закономъ, но и самою жизнью, за *мыслью* и ея выраженіемъ — *печатью*. Печать лучшій выразитель общественнаго мнѣнія и лучшій стражъ общественныхъ интересовъ. Но такое положеніе печати возможно лишь тамъ, гдѣ *знаніе* и *образованіе* признаются *силой*, въ лучшемъ, нравственномъ смыслѣ этого слова, и пользуются тѣмъ уваженіемъ, котораго они заслуживаютъ.

Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи московскаго государства.

„Das Recht der Bewöhner eines Staats, so wohl der Staatsregierung als den übrigen verfassungsmässigen Organen des Staats.... theils ihre *Bitten* und *Wünsche*, theils ihre *Beschwerden*, vorzutragen über Verhältnisse, welche irgendwie in deren Competenz gehören, scheint so natürlich und zugleich so unverfänglich zu sein, dass schwer zu begreifen ist, wie dasselbe noch in neuern Zeiten in europäischen Monarchien und Republiken mit entschiedener Ungunst betrachtet und die Uebung desselben wie eine Strafbare Neuerung und Anmassung behandelt wurde“.

Bluntschli—Allg. Staatsrecht, 2 B., s. 527—528.

«...Дворянство въ собраніи можетъ дѣлать совѣщаніе о своихъ нуждахъ, представлять объ оныхъ черезъ губернскаго предводителя губернатору и министерству внутреннихъ дѣлъ, а въ случаяхъ важныхъ приносить и всеподданнѣйшія *прошенія* Его Императорскому Величеству; но не должно входить въ обсужденіе предметовъ, прямому его вѣдѣнію не подлежащихъ, и касаться вопросовъ, относящихся до измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учрежденій». (Сводъ Законовъ (изд. 1876 г.), т. IX, ст. 142).

Въ городскихъ поселеніяхъ, гдѣ не введено въ дѣйствіе городовое положеніе 1870 г., предметъ совѣщаній городскаго общества въ каждомѣ городѣ, между прочимъ, составляетъ:

3) Представленіе о своихъ общественныхъ «нуждахъ и пользахъ», которое представляется «губернатору или градоначальнику по принадлежности». (Тамъже, ст. 577 и 578).

По положенію 1870 года, городской думѣ предоставляется: «постановленіе опредѣленій и ходатайствъ отъ имени города передъ высшимъ правительствомъ

о *мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ»;* ходатайство же это «дѣлается черезъ губернатора, который обязанъ представить его высшему начальству съ своимъ заключеніемъ, не далѣе мѣсячнаго срока». (Город. Пол. 1870 г., ст. 55, п. 14 и ст. 13).

Земскимъ учрежденіямъ принадлежитъ право на «ходатайство по предметамъ, касающимся мѣстныхъ *хозяйственныхъ* пользъ и нуждъ губерніи или уѣзда». (Полож. о Земск. Учр., ст. 2, п. XII).

Вѣдѣнію сельскаго схода подлежатъ:

8) Совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ. (Полож. 14 февр. 1861 г., ст. 51).

Вотъ единственная форма, въ которой выражается въ наше время иниціатива населенія по отношенію къ законодательству, все вліяніе его на развитіе послѣдняго. Всякая подача прошеній или ходатайствъ за подписью многихъ, не отъ имени «общества», «собранія», вообще не отъ имени юридическаго лица, разсматривается, какъ прошеніе «или доносомъ, или заговоромъ, или скопомъ» учиненное и, какъ таковое, строго нашимъ Уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій воспрещается. Правда, еще не такъ давно земство было спрошено по вопросу о реформѣ податной системы; еще на нашей памяти, въ началѣ шестидесятыхъ и концѣ пятидесятыхъ годовъ, наше общество, въ лицѣ нѣсколькихъ представителей городскаго населенія, въ лицѣ предводителей дворянства и немногихъ членовъ этого сословія, было приглашено къ нѣкоторому участію въ вопросѣ о преобразованіи городскихъ учрежденій и о такомъ великой важности дѣлѣ, какъ освобожденіе крестьянъ. Но все это дѣлалось даже не на основаніи тѣхъ узаконеній, которыя мы видѣли въ началѣ статьи. Это приглашеніе общества къ участію въ данныхъ вопросахъ основывалось на спеціальныхъ распоряженіяхъ, изданныхъ ad hoc; на основаніи такого же распоряженія въ наши дни немногіе представители городской думы Петербурга приглашены г. предсѣдателемъ Верховной Коммиссіи къ участію въ засѣданіяхъ этой послѣдней. Слѣдуетъ, однако, оговориться, что и во всѣхъ этихъ случаяхъ объ иниціативѣ общества, въ техническомъ значеніи этого выраженія, рѣчи, въ сущности, быть не можетъ: иниціатива, въ этомъ смыслѣ, всецѣло принадлежитъ правительству, которое обращается въ данной формѣ къ обществу лишь съ цѣлью получить отъ его представителей тѣ или иныя свѣдѣнія, необходимыя для соображеній въ его законодательныхъ работахъ; только въ рѣдкихъ случаяхъ—при освобожденіи крестьянъ—представители общества пользовались правомъ совѣщательнаго голоса. Въ правѣ «ходатайства» о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, хотя бы и хозяйственныхъ только, предоставленномъ дворянству, городамъ, земству и крестьянамъ съ юридической точки зрѣнія, разумѣется, слѣдуетъ видѣть извѣстную форму иниціативы, предоставленной обществу относительно законодательства; но эта фарма слишкомъ узка и ограничена, чтобъ ее можно было назвать *народною* формою иниціативы; нѣтъ, думается, необходимости доказывать это относительно «ходатайства» дворянства, въ которомъ ничего, кромѣ узко-сословнаго права, видѣть нельзя. Правда, въ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ участвуютъ представители *всѣхъ* сословій; но нельзя не игнорировать вопроса *о равномѣрности* участія въ нихъ представителей

этихъ сословій; смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, нельзя не замѣтить, что огромный слой населенія лишенъ всякаго участія въ правѣ на ходатайство черезъ посредство городскихъ и земскихъ учрежденій; мы говоримъ о крестьянствѣ. Впрочемъ, оно, мы видѣли, подобно дворянству, пользуется правомъ ходатайствъ, какъ сословіе, отъ лица каждаго сельскаго схода отдѣльно. Данная форма иниціативы, дальше, слишкомъ узка, и для того, чтобы могла быть названа законодательной въ полномъ смыслѣ этого слова. Положимъ, подъ «своими пользами и нуждами» или «мѣстными» можно разумѣть очень многое; чего нельзя подвести подъ это понятіе? Но законодатель стремится подъ этимъ выраженіемъ разумѣть нѣчто опредѣленное (хотя и не выражаетъ этого ясно), узко сословное, во-первыхъ, относительно дворянства и крестьянъ, исключительно касающееся «хозяйства», во-вторыхъ, по отношенію къ городу и земству. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что *въ дѣйствительности*, это право ходатайства осуществляется тѣми, кому оно предоставлено, слишкомъ не часто и въ слишкомъ скромныхъ размѣрахъ; а что самое главное, эти ходатайства слишкомъ рѣдко достигаютъ поставленныхъ себѣ цѣлей, чтобы о нихъ можно было говорить, какъ о выраженіи иниціативы и извѣстной формы участія въ законодательной дѣятельности тѣхъ сословій и учрежденій, которымъ предоставлено самое право ходатайствъ. Мы знаемъ, напримѣръ, какъ рѣдко удовлетворяются ходатайства городовъ и земствъ объ открытіи школъ, реальныхъ училищъ и т. п. Мы помнимъ неудачныя ходатайства нѣкоторыхъ изъ нашихъ дворянскихъ собраній, поведшія къ болѣе печальнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ простой отказъ.

А было время въ нашей исторіи, когда такимъ правомъ ходатайствъ, говоря оффиціальнымъ языкомъ, пользовалось, и при томъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и каждое изъ сословій въ отдѣльности, и весь народъ въ его совокупности. Мы говоримъ о томъ періодѣ нашего прошлаго, который принято называть періодомъ московскаго государства. Въ этотъ тяжелый періодъ нашей исторіи, духовенство, служилые люди, посадскіе, волостные и «всякихъ чиновъ» люди, «*били челомъ* государю, царю и великому князю» о всякихъ такихъ своихъ тяготахъ, обидахъ и раззореніяхъ, просили «помиловать ихъ горькихъ людишекъ, чтобы имъ не погинути и нарознь не разойтись»! Посадскіе и крестьянскіе старосты и выборные люди «во всѣхъ людей мѣсто» несли и везли свои «челобитья великія» въ Москву самому царю или въ приказы царскіе.

Было у людей всякихъ чиновъ московскаго государства и другое средство довести до царя и вообще московскаго правительства о своихъ тяготахъ и раззореніяхъ, высказать «мысль свою» о тѣхъ средствахъ и мѣрахъ, какими, по ихъ мнѣнію, они могли избавиться отъ этихъ тяготъ, этихъ раззореній. Это средство—высказать, предложить «мысль свою на *совѣтѣ* всей земли русской, на *земскомъ* великомъ *соборѣ*, черезъ своихъ «лучшихъ» выборныхъ людей,—«добрыхъ и разумныхъ», которые умѣли разсказать обиды, и насильства, и раззоренья и чѣмъ московскому государству полниться»...

Эти челобитья письменныя и устныя (на соборахъ) не оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Хотя московскіе цари и видѣли въ нихъ «докуку безпрестанную», но отвѣтомъ на всѣ эти «челобитья великія» и эту «докуку безпрестанную» всегда было разсмотрѣніе затрогиваемаго вопроса и почти всегда

удовлетвореніе жалобъ и ходатайствъ; причемъ самая сфера вопросовъ или лучше предметовъ, по которымъ можно было царю «челомъ бить», никогда не ограничивалась: били челомъ на «налоги и насильства» намѣстниковъ, волостелей, воеводъ и прикащиковъ; просили о замѣнѣ этихъ царскихъ служилыхъ людей своими излюбленными выборными; жаловались на «продажи и раззоренія» этихъ послѣднихъ и просили ихъ замѣнить воеводами; били челомъ о тяготѣ всякихъ государевыхъ сборовъ и повинностей, прося облегченія; посадскіе торговые людишки бьютъ челомъ на многія торговыя льготы англичанъ, указываютъ на свое отъ того оскудѣніе и просятъ отнять эти льготы у заморскихъ гостей и т. д., и т. д. Словомъ, челобитныя затрогивали всѣ сферы внутренняго административнаго строя, всѣ стороны общественныхъ отношеній, которыя регулируются въ значительной степени подъ вліяніемъ челобитныхъ, или лучше тѣхъ предложеній и мѣръ, которыя указывались московскому правительству въ этихъ челобитныхъ. А если это такъ, — нельзя не согласиться съ тѣмъ, что народу московскаго государства принадлежала въ значительной степени самая иниціатива въ законодательствѣ.

Объ этой иниціативѣ, по скольку она проявлялась въ челобитныхъ и на соборахъ, мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

I.

Челобитья.

„....жаловали напередъ сего бояръ своихъ „и князей и дѣтей боярскихъ, городы и во„лости давали имъ въ кормленія, *и намъ* отъ „крестьянъ *челобитья великія* и докука была *безпрестанная....*"

Изъ одной грамоты Ивана Грознаго

Въ давнюю эпоху княжеско-вѣчеваго строя древней Руси «гласомъ вышняго народнаго законодательства», говоря языкомъ нашего исторіографа, было *вѣче* — собраніе самого народа. Призывая князя, указывая ему «путь чистъ», заключая съ нимъ договоры, на основаніи которыхъ онъ цѣловалъ крестъ править землею по «старой пошлинѣ» (обычаю), вѣче являлось законодателемъ, регулируя въ этихъ случаяхъ государственный строй «земли»; въ этой же роли являлось оно и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ съ сосѣдями. Но этимъ не ограничивалась законодательная функція вѣча. Такіе сборники древняго законодательства, какъ, напр., псковская и новгородская судныя грамоты, по указанію самихъ этихъ грамотъ, составлены при участіи вѣча: «ся грамота выписана», говорится въ началѣ псковской судной грамоты, «изъ великаго князя Александровы грамоты и изъ князя Константиновы грамоты и изо всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ.... *всъмъ Псковомъ на вѣчи*»; а новгородскую судную грамоту «покончаши *посадники ноугородскіе* и *тысяцкіе* ноугородскіе, и *бояре*, и *житьи люди*, и *купцы*, и *черные*

люди, всѣ пять концовъ, весь государь великій Новгородъ *на вѣчи*, на Ярославовомъ дворѣ». Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда какой либо законодательный актъ грамоты исходилъ отъ имени князя, въ его составленіи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, все-таки участвовали «люди», вѣче; такъ, наприм., въ началѣ извѣстной уставной грамоты, данной (въ XII ст.) на имя смоленской епископіи княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ и устанавливающей опредѣленныя привиллегіи духовенства, говорится, что князь даетъ эту грамоту «сдумавъ съ *людьми своими*»; здѣсь подъ «людьми» ничего, кромѣ все того же вѣча, разумѣть нельзя.

Разъ вѣче вѣдало законодательную функцію вмѣстѣ съ княземъ, участвуя въ составленіи и санкціи закона, само собою разумѣется, что ему, вѣчу или, лучше, каждому участвовавшему въ немъ, принадлежало и право иниціативы закона. Это право принадлежало всему вообще населенію, а не только участвовавшему въ вѣчевыхъ собраніяхъ старшему городу: къ вѣчу этого рода могло обращаться и обращалось съ тѣмъ или инымъ дѣломъ, вопросомъ, населеніе пригородовъ и сельское населеніе волостей. Это населеніе, являясь на вѣчѣ старшаго города, излагая на немъ свои жалобы на всякія тяготы, указывая на свои нужды, тѣмъ самымъ вліяло на ходъ и развитіе вѣчеваго законодательства.

Къ концу XV столѣтія вѣче повсюду исчезаетъ; Русь, какъ совокупность цѣлаго ряда отдѣльныхъ, независимыхъ княжествъ, смѣняется единымъ *московскимъ государствомъ;* князь смѣняется царемъ, стоящимъ во главѣ «Богомъ дарованныхъ» ему людей, его сиротъ, холопей, богомольцевъ. Потомокъ князя, когда-то цѣловавшаго народу крестъ «на вѣчѣ», что будетъ ходити на всей его, вѣча, воли «по старинѣ и по пошлинѣ», царь московскій является носителемъ власти, полученной отъ Бога, избравшаго его «въ себѣ мѣсто на земли». Этотъ земной богъ есть все для своего народа на землѣ. Онъ — источникъ милостей и гнѣва, каръ и награжденія, живота и смерти. Онъ источникъ и создатель закона; онъ самъ законъ; онъ — олицетвореніе государства или, употребляя выраженіе нашего историка-юриста, — «само государство». И однако, не смотря на все это, «Божіею милостію государь, царь и великій князь, всея Русіи самодержецъ», въ своей законодательной дѣятельности, въ своей великой роли управителя обширнаго московскаго государства, ничего не творитъ изъ себя самого: его холопы, сироты и богомольцы играютъ немалую роль въ его законодательномъ творчествѣ. За ними оставляетъ онъ значительную долю законодательной иниціативы; духовный чинъ, его великаго государя служилые люди, посадскіе, черныхъ сотенъ и черныхъ слободъ людишки, становые и волостные крестьяне «*бьютъ* ему великому государю *челомъ*», а онъ, царь и великій князь, ихъ «*жалуетъ*» — ими просимое даруя имъ, *узаконяетъ* его; «лучшихъ, добрыхъ и постоятельныхъ» изъ нихъ великій царь московскій призываетъ для своего «великаго и земскаго дѣла на *совѣтъ*»; въ общемъ совѣтѣ со всѣми ими, по ихъ общему, «всемірному» приговору, онъ «указываетъ».

Челобитья и общій совѣтъ земли, *земскіе соборы* — вотъ формы народной иниціативы, народнаго участія въ законодательствѣ московскаго государства.

Сначала остановимся на челобитьяхъ и посмотримъ, кто и о чемъ могъ «бить челомъ» царю и къ чему приводили, чего достигали челобитныя.

Изъ поставленнаго въ началѣ главы эпиграфа прямо вытекаетъ, что крестьяне, въ періодъ московскаго государства уже «крѣпкіе землѣ», пользовались правомъ подачи челобитныхъ; отсюда à priori можно заключить о правѣ челобитій остальныхъ тяглыхъ сословій московскаго государства и его духовнаго чина. Въ дѣйствительности такъ это и было. Обратимся къ памятникамъ московскаго законодательства. Если остановиться на такъ называемыхъ «жалованныхъ грамотахъ» духовенству, издававшихся московскими царями на имя епархій, монастырей, церквей и устанавливавшихъ въ пользу послѣднихъ различнаго рода права и привиллегіи; то окажется, что если не всѣ изъ нихъ (дошедшихъ до насъ), то очень и очень многія представляютъ собою ни что иное, какъ, если можно такъ выразиться, только отвѣтъ царя на просьбу, «челобитье» духовенства. На это указывается прямо въ самихъ жалованныхъ грамотахъ; въ нихъ часто говорится отъ имени царя: *«били мнѣ челомъ»* такого-то монастыря «священники и викарные» или «игуменъ съ братіею *и азъ*, царь и великій князь, *пожаловалъ»*.... при этомъ разсказывается, о чемъ били челомъ и что пожаловано; по сравненіи того и другаго оказывается, что пожалованное и есть просимое челобитчиками. Жалованныя грамоты выдавались не одному только духовенству; ихъ получали служилые люди и даже тяглыя общины и получали, разумѣется, также въ отвѣтъ на челобитья. Служилые люди били челомъ царю едва ли не чаще его «богомольцевъ». Попробуйте хотя только перелистовать, напр., такъ называемыя «указныя книги» приказовъ холопьяго, земскаго и вы чуть не на каждомъ шагу будете натыкаться на выраженія: «били челомъ государю, царю и великому князю *дворяне и дѣти боярскіе* разныхъ многихъ городовъ»; «били челомъ *стрѣльцы* всѣхъ приказовъ», — «казаки и *всякіе служилые люди»*. Докучали царю своими челобитными не одни только перечисленные служилые люди низшихъ чиновъ; челомъ били ему и такіе чины, какъ бояре и стольники; въ одной изъ царскихъ грамотъ отъ 1616 года говорится, что «великому государю *писали изо всѣхъ городовъ* отъ литовскія и отъ нѣмецкія Украйны и изъ-подъ Смоленска и изъ Пскова и изо псковскихъ пригородовъ и *на Москвѣ безпрестани бьютъ челомъ* дворяне и дѣти боярскіе, и стрѣльцы, и казаки, и всякіе служилые люди».... Это было въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, когда «великія росѣйскія государства отъ пограничныхъ недруговъ и отъ раззорителей крестьянскихъ, отъ польскихъ и отъ литовскихъ, и отъ нѣмецкихъ людей, и отъ русскихъ воровъ раззорены» были, когда расшатанное смутами первыхъ годовъ XVII вѣка, московское государство переживало особенно трудное время. Но если это было время особаго «оскудѣнія» служилаго сословія, то едва ли оно не было временемъ еще бо́льшаго «оскудѣнія» во всѣхъ отношеніяхъ такихъ слоевъ населенія, какъ крестьянское и торгово-промышленное, положеніе которыхъ и за весь періодъ московскаго государства едва ли было особенно хорошо. Изъ эпиграфа мы видѣли, что еще при Иванѣ Грозномъ, во второй половинѣ XVI столѣтія, крестьяне докучали царю «челобитными великими»; эти «крѣпкіе землѣ» земледѣльцы, выборные челобитчики, которыхъ присылаютъ эти «крестьянишки и волостные

людишки» различныхъ уѣздовъ и волостей государства, чуть не безвыѣздно живутъ на Москвѣ, ожидая царскихъ выходовъ, чтобъ предстать предъ свѣтлыя очи царя-батюшки, ударить ему челомъ о своихъ невзгодахъ и просить его «смиловаться, пожаловать». Бьютъ челомъ царю «гости и гостинныя и суконныя сотенъ торговые люди», эти высшіе слои торгово-промышленнаго населенія московскаго государства чинятъ докуку царю своими жалостливыми челобитными и всякіе тяглые посадскіе «черныхъ сотенъ и черныхъ слободъ людишка». Бьютъ челомъ своему бѣлому царю его инородческіе поданные — «капинская и тіунская самоѣдь», ясачные вогуличи.

Но какъ же составлялись и подавались эти челобитья? подавались ли они отъ имени отдѣльныхъ лицъ, или отъ цѣлыхъ сословій, общинъ или отъ всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ ихъ? Челобитныя подавались отъ имени тѣхъ, другихъ и третьихъ и подписывались или всѣми челобитчиками или же подписывались нѣсколькими выборными представителями сословія или общины «во всѣхъ людей мѣсто». Послѣдней формы челобитныя подавались отъ крестьянъ и посадскаго населенія или отъ тѣхъ и другаго вмѣстѣ. Духовенство, служилые люди и такіе слои торгово-промышленнаго населенія, какъ «гости и гостинныя и суконныя сотенъ торговые люди», подавали челобитныя, подписывая ихъ поголовно. При этомъ, случалось, и нерѣдко, что челобитныя подавались людьми того или инаго сословія, живущими не въ одномъ только пунктѣ, напр., городѣ или не въ одномъ только округѣ — станѣ или волости, а въ нѣсколькихъ; такъ до насъ дошла, напр., челобитная представителей торгово-промышленнаго населенія отъ первой половины XVII вѣка, подписанная болѣе чѣмъ сотней челобитчиковъ, жившихъ въ городахъ, находящихся на разныхъ концахъ Руси: «царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Руси бьютъ челомъ», такъ начинается челобитная, «холопи и сироты твои государевы гостишка гостинныя и суконныя сотни и черныхъ сотенъ торговые людишки *и многихъ* твоихъ государевыхъ *розныхъ городовъ*, казанцы, нижегородцы, ярославцы, костромичи, суздальцы, муромцы, вологжене, псковичи, устюжане, романовцы, галичане, угличане, бѣлозерцы, каргопольцы, колмогорцы и иныхъ многихъ твоихъ государевыхъ городовъ торговые людишки». Настоящая челобитная подписана, однако, не выборными челобитчиками отъ всѣхъ казанцевъ, нижегородцевъ, колмогорцевъ и т. д. «во всѣхъ людей мѣсто», какъ отъ всѣхъ торговыхъ людишекъ Казани, Нижняго, Колмогоръ и т. д., отъ ихъ черныхъ сотенъ и слободъ, а отдѣльными лицами, жителями этихъ городовъ отъ своего имени только. «Къ сей челобитной Матюшка Васильевъ руку приложилъ».... «Ивашка Кадашевецъ», «Ярославецъ Останко Осиповъ руку приложилъ»; вотъ форма подписей, унизывающихъ эту челобитную и занимающихъ цѣлыхъ пять печатныхъ столбцовъ in quarto. Большинство же челобитныхъ подавалось, обыкновенно, отъ общинъ, одной или нѣсколькихъ, лежащихъ въ одномъ уѣздѣ; въ такихъ случаяхъ онѣ подавались нѣсколькими лицами, очевидно, излюбленными, выборными, избранными исключительно для подачи ихъ; къ этимъ выборнымъ челобитчикамъ, обыкновенно, присоединялись и постоянныя выборныя должностныя лица общинъ — старосты, сотскіе и десятскіе. Иногда челобитныя подавались «во всѣхъ людей мѣсто» одними только общинными должностными лицами,

какъ, напр., это имѣло мѣсто въ 1622 году. Челобитная эта, поданная посадскимъ населеніемъ въ земскій приказъ, внесена была сотскими и старостами: «бьютъ челомъ сироты твои государевы», говорится въ челобитной, «черныхъ сотенъ сотскіе и черныхъ слободъ старостишка и во всѣхъ тяглыхъ людишекъ мѣсто».

Челобитныя, подаваемыя отъ общинъ, не всегда подавались отъ общинъ, такъ сказать, однородныхъ; другими словами — не всегда были челобитными отъ нѣсколькихъ общинъ *одного* сословія, т.-е., напр., отъ общинъ сельскаго или отъ общинъ посадскаго населенія. Нерѣдко случалось, что онѣ писались и подавались сообща тѣмъ и другимъ сословіемъ, т.-е. писалась одна общая челобитная *посадскими и волостными крестьянами* вмѣстѣ. Такъ, напр., изъ извѣстной уставной грамоты второй половины XVI ст., данной Иваномъ Грознымъ населенію одного изъ сѣверныхъ угловъ московскаго государства, видно, что ей предшествовала челобитная «отъ важанъ, шенкурцевъ и вельскаго стану *посадскихъ людей и становыхъ и волостныхъ крестьянъ*»; самая грамота, какъ отвѣтъ на такую челобитную, дана была совмѣстно на имя тѣхъ и другихъ, въ лицѣ ихъ выборныхъ представителей.

Каждая челобитная подписывалась челобитчиками — или всѣми, какъ это имѣло мѣсто, если судить по приведенной нами выше челобитной отъ торговцевъ и промышленниковъ многихъ разныхъ городовъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда челобитныя подавались служилыми людьми или вообще нѣсколькими лицами отъ себя, а не отъ имени общинъ, или же подписывалась во всѣхъ людей мѣсто «излюбленными выборными людьми», которые привозили ихъ и въ Москву для подачи царю, что̀ бывало, когда челобитныя подавались отъ общинъ.

Вопросъ о составленіи челобитныхъ, особенно челобитныхъ, подававшихся отъ нѣсколькихъ общинъ — все равно одного сословія или двухъ разныхъ — одинъ изъ самыхъ, намъ думается, интересныхъ вопросовъ по данному предмету. Какъ, кѣмъ такія челобитныя составлялись? Къ сожалѣнію, мы не встрѣчаемъ по этому вопросу почти никакихъ указаній. Къ счастію, нашъ покойный историкъ Соловьевъ сообщаетъ намъ, изъ дѣлъ московскаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, фактъ для насъ, въ данномъ случаѣ въ высшей степени важный; — на основаніи архивнаго дѣла онъ разсказываетъ, въ XIII томѣ своей «Исторіи Россіи», о распряхъ крестьянскаго населенія Устюжскаго уѣзда съ посадскими людьми того же уѣзда и жалобахъ и челобитьяхъ перваго на послѣднихъ; историкъ, между прочимъ, сообщаетъ, что «въ 1675 году собрались въ Устюгѣ изъ уѣзда *всѣхъ волостей выборные люди и написали челобитную*, чтобъ быть все-уѣздной земской избѣ и все-уѣздному земскому старостѣ особо отъ посадскихъ людей». Изъ подчеркнутыхъ словъ, безъ всякой натяжки, можно сдѣлать заключеніе, что каждая община, въ данномъ случаѣ, волость, выбирала особыхъ «излюбленныхъ» людей, которымъ она особенно довѣряла и которыхъ считала наиболѣе толковыми и знакомыми съ общинными земскими дѣлами; давала на сходѣ этимъ своимъ излюбленнымъ выборнымъ, такъ сказать, наставленія и уполномочивала ихъ къ составленію и подписанію челобитной царю. Вотъ эти-то общинные выборные, собравшись въ уѣздномъ городѣ, какъ административномъ центрѣ, къ которому тянули всѣ выбравшія ихъ общины, и

составляли общую челобитную, «сговорясь промежъ себя; они-то и подписывали челобитную; они же, всѣ или нѣсколько выбранныхъ ими въ свою очередь изъ себя, везли челобитную въ Москву. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда, какъ въ указанномъ нами, челобитная писалась отъ массы лицъ, жившихъ на разныхъ концахъ государства, она составлялась въ одномъ городѣ челобитчиками этого послѣдняго, разумѣется, съ участіемъ и тѣхъ изъ другихъ городовъ, которые, по своимъ торговымъ или промышленнымъ дѣламъ проживали въ данномъ городѣ; составленная здѣсь и подписанная составителями челобитная уже начинала кочевать, для подписи, по различнымъ торговымъ городамъ, быть можетъ, «съ оказіей», наконецъ попадала въ Москву, привезенная туда нѣсколькими изъ челобитчиковъ, вѣроятно, вовсе и не возвращаясь предварительно въ тотъ городъ, гдѣ она была составлена.

Прибывъ въ Москву, челобитчики жили гдѣ нибудь на подворьѣ, выжидая, «какъ государь куды пойдетъ», чтобы при этомъ удобномъ случаѣ и вручить ему свою челобитную. Такая подача челобитныхъ лично самому государю практиковалась до изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Въ виду этого, при каждомъ выходѣ царя, послѣдняго всегда сопровождали бояринъ и дьякъ, такъ называемаго, челобитнаго приказа, въ которомъ, по свидѣтельству Котошихина, тѣ «челобитныя вѣдомо». Изъ челобитнаго приказа челобитныя поступали на разсмотрѣніе царя въ боярскую думу, гдѣ «тѣхъ челобитенъ царь слушаетъ самъ и бояре»; рѣшеніе царя пишется думными дьяками на самыхъ челобитныхъ, которыя послѣ этого снова возвращаются въ челобитный приказъ; подъячіе этого послѣдняго читаютъ царское рѣшеніе или отвѣтъ на челобитье «на площади, передъ царскимъ дворомъ, всѣмъ людямъ»; а по прочтеніи отдаютъ челобитную «именно тѣмъ людямъ, чья та челобитная будетъ». Но иногда челобитныя съ царскимъ указомъ не выдавались прямо на руки челобитчикамъ изъ челобитнаго приказа, а направлялись изъ послѣдняго въ соотвѣтствующій приказъ, смотря по содержанію челобитной; въ такомъ случаѣ, челобитчики уже «емлютъ свои челобитныя» въ такомъ приказѣ (Котошихинъ, гл. VII, 28). Подтвержденіе послѣдняго свидѣтельства Котошихина мы находимъ, напр., въ одной царской грамотѣ отъ 1616 года; изъ этой грамоты видно, что отвѣтъ на свою челобитную ясачные вогуличи получили изъ приказа, въ которомъ они вѣдались, изъ такъ называемой нижегородской чети, куда онъ былъ направленъ изъ челобитнаго приказа.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича (гл. X, ст. 20) уже запрещаетъ, подъ страхомъ наказанія батогами и тюрьмой, «бити челомъ государю о судныхъ *и иныхъ какихъ дѣлѣхъ*», предписывая обращаться съ челобитьемъ сначала въ соотвѣтствующій приказъ; къ царю же лично позволяется обращаться лишь въ томъ случаѣ, если въ приказѣ противъ челобитья «указу не учинятъ». Подъ выраженіемъ «указу не учинятъ» нужно разумѣть: «не передадутъ дѣла въ боярскую думу», куда оно должно было вноситься или докладываться бояриномъ приказа въ формѣ, такъ называемой, «докладной записки» или «статейнаго списка»; съ первою приказъ входилъ въ томъ случаѣ, когда на обсужденіе думы вносилось одно дѣло, возбужденное въ приказѣ поданной въ него челобитной — или какимъ либо инымъ путемъ; въ «докладной выпискѣ», если

дѣло возникало изъ челобитья, излагалось просто содержаніе этого челобитья; въ формѣ же «статейнаго списка» челобитье вносилось въ томъ случаѣ, если оно вносилось къ докладу въ ряду нѣсколькихъ другихъ болѣе или менѣе однородныхъ дѣлъ, которыя излагались по статьямъ, на каждую изъ которыхъ въ думѣ давался отдѣльный отвѣтъ.

«Подписная» челобитная, т.-е. челобитная, возвращенная въ соотвѣтствующій приказъ съ надписью на ней словъ — «царь указалъ и бояре приговорили», за которыми словами слѣдовало изложеніе самаго приговора — обращалась въ *законъ*.

До сихъ поръ мы говорили о челобитьяхъ вообще, не устанавливая какихъ либо отдѣльныхъ видовъ или категорій ихъ, хотя и имѣли въ виду, какъ сейчасъ увидимъ, именно одинъ, такъ сказать, спеціальный видъ ихъ. Статья Уложенія (приведенная нами нѣсколько выше), запрещающая подавать челобитныя непосредственно царю, говоритъ, мы видѣли, о двухъ видахъ челобитныхъ — «*судныхъ* и о *иныхъ* какихъ *дѣлѣхъ*»; разница между этими двумя видами огромная по существу; а въ нашей статьѣ мы имѣемъ постоянно, какъ уже замѣчено, одинъ видъ ихъ, и именно тотъ, который Уложеніе называетъ челобитьями «о иныхъ дѣлѣхъ». Челобитья перваго рода «судныя» для насъ не имѣютъ значенія: это челобитья или жалобы на рѣшенія суда или самый судъ въ смыслѣ учрежденія; это наши современныя апелляціонныя и кассаціонныя жалобы. Подъ челобитьями «объ иныхъ дѣлѣхъ» Уложеніе разумѣетъ жалобы на всякаго рода «тяготы и раззоренія отъ налоговъ и поборовъ» со стороны всякаго рода правительственныхъ органовъ, просьбы о тѣхъ или иныхъ льготахъ, какого либо рода правительственныхъ мѣрахъ, имѣющихъ облегчить положеніе челобитчиковъ, и т. п. Только въ этого рода челобитныхъ, какъ увидимъ, и выражалась народная иниціатива, какъ иниціатива бьющихъ челомъ, такъ какъ они не только возбуждали вопросъ о новомъ законѣ, но часто, если можно такъ выразиться, проэктировали новый законъ; при чемъ проэктъ челобитной сплошь и къ ряду обращался въ самый законъ.

Чтобы уяснить себѣ все значеніе челобитень въ ходѣ развитія законодательства московскаго государства, надо ознакомиться, хотя бы поверхностно, слегка, съ ихъ содержаніемъ и отношеніемъ этого послѣдняго къ тѣмъ царскимъ указамъ и боярскимъ приговорамъ, совокупность которыхъ и составляла тѣ нормы, которыми, главнымъ образомъ, опредѣлялся весь строй общественно-государственной жизни московскаго государства. Содержаніе челобитень, въ высшей степени, было разнообразно и касалось, можно сказать, всѣхъ вопросовъ тогдашняго управленія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, разумѣя подъ нимъ и судъ, который еще вѣдался вмѣстѣ съ управленіемъ, въ тѣсномъ значеніи этого слова, одними и тѣми же учрежденіями и органами; челобитныя затрогивали вопросы и объ организаціи управленія, т.-е. организаціи административныхъ учрежденій — правда, *мѣстныхъ* только — и вопросы о функціяхъ этихъ учрежденій; подымались челобитьями и разрѣшались, благодаря имъ, или при значительномъ участіи ихъ, вопросы податные, финансовые вообще; а по связи съ этими послѣдними, ими затрогивались, затрогивался и, если угодно, опредѣлялся тягло-сословный строй общества и т. д., и т. д. Словомъ, можно

сказать, что содержаніе челобитныхъ было такъ же разнообразно, какъ и содержаніе тѣхъ царскихъ указовъ и грамотъ и боярскихъ приговоровъ, которые вызывались ими къ жизни.

Мы вовсе не задаемся цѣлью исчерпать все содержаніе челобитень въ настоящей статьѣ и указать на всѣ тѣ предметы и стороны общественно-государственной жизни, которыя ими затрогивались, и на регулированіе которыхъ онѣ имѣли несомнѣнное вліяніе. Такая цѣль не можетъ быть достигнута въ сравнительно небольшой журнальной статьѣ. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ, въ нашихъ глазахъ, вопросахъ и на нихъ постараемся показать значеніе народной иниціативы въ тогдашнемъ законодательствѣ. «Иниціатива земскихъ учрежденій несомнѣнно принадлежитъ населенію, а не правительству», говоритъ профессоръ Владимірскій-Будановъ въ одномъ изъ примѣчаній своей христоматіи по поводу уже не разъ упоминаемой нами уставной важской грамоты, выданной уѣздному населенію Иваномъ Грознымъ въ отвѣтъ на челобитную этого населенія, и едва ли въ данномъ случаѣ можно упрекнуть профессора въ преувеличеніи. Обратимся къ самой грамотѣ. Она издана въ 1552 году на имя «важанъ, шенкурцевъ, посадскихъ людей и становыхъ, и волостныхъ крестьянъ», которыхъ царь пожаловалъ: «на Вагѣ, въ Шенкурьѣ, на посадѣ... важскому *намѣстнику* и... важскаго намѣстника *тіуну и его* пошлиннымъ *людемъ* и въ станѣхъ, и въ волостѣхъ *быти не велѣлъ;* а *велѣлъ* есми *у нихъ быти*, по ихъ челобитью, на посадѣ... и въ стану *излюбленнымъ головамъ, которыхъ* людей шенкурцы *посадскіе, люди и становые и волостные себѣ излюбили... кому* (т.-е. которымъ) у нихъ и въ станѣ, и въ волостѣхъ *межъ себя управа чинити во всякихъ дѣлѣхъ земскихъ*». Другими словами, царь измѣнилъ всю организацію управленія даннымъ округомъ, замѣнивъ правительственные органы, назначавшіеся имъ самимъ въ Москвѣ изъ среды своихъ служилыхъ людей, выборными «головами», изъ среды самого населенія. И «пожаловалъ» этимъ царь своихъ посадскихъ и крестьянъ, какъ выражается грамота отъ его имени, «*по челобитью*», по ихъ просьбѣ; и при томъ это пожалованіе не было отвѣтомъ на челобитье людей объ облегченіи ихъ положенія, не было отвѣтомъ только на заявленіе челобитчиковъ, что «на посадѣхъ многіе дворы, а въ станѣхъ и въ волостѣхъ многія деревни запустѣли отъ прежнихъ намѣстниковъ и отъ ихъ тіуновъ... и отъ лихихъ людей, отъ татей и отъ разбойниковъ»; и что... «отъ того насильства и продажъ, и татебъ... посадскіе люди и становые, и волостные кой-куда безвѣстно разбрелись порознь». Нѣтъ, челобитчики не ограничиваются однѣми *жалобами;* они, въ формѣ слезной просьбы, правда, просятъ царя ихъ «пожаловати, намѣстника у нихъ и... тіуна *отставити*, а *велѣти учинити* изъ ихъ посадскихъ людей *выборныхъ* лучшихъ людей, *кого они излюбили...* Посадскіе люди и становые, и волостные крестьяне... кому (т.-е. которымъ выборнымъ) у нихъ межъ посадскими людьми и становыми, и волостными въ душегубствѣ и въ татьбѣ, и въ разбоѣ, и поличнымъ и... *о всякихъ дѣлѣхъ земскихъ управа чинитъ* по Судебнику». Теперь сравните «пожалованье» царя съ этимъ «челобитьемъ», и вы увидите, что первое есть не больше какъ простое согласіе на второе. Но ни челобитье не остановилось на указанномъ, ни пожалованье

не ограничивалось замѣной мѣстной правительственной администраціи выборной. Челобитье проситъ «пошлинъ излюбленнымъ головамъ съ управныхъ дѣлъ, со всякихъ и съ розбойныхъ не имати, а за намѣстничъ бы и за тіуновъ кормъ... и за всѣ намѣстничьи, и за тіуновъ пошлины», и вообще, вмѣсто всякихъ поборовъ, шедшихъ въ пользу разныхъ, теперь упраздненныхъ, правительственныхъ органовъ, а также вмѣсто различныхъ повинностей и «пошлинъ», отбываемыхъ натурой, челобитчики просятъ «велѣти положити на нихъ деньгами, а давати бы имъ (царю) оброкъ одинова въ годъ, деньгами, полторы тысячи рублевъ на одинъ срокъ въ году за недѣлю до масленаго заговѣйна»; тутъ же просятъ также дать бьющимъ челомъ общинамъ право крестьянъ называти «на пустыя мѣста и на пустыя деревни». Царь всѣмъ этимъ свои посадскія, становыя и волостныя общины пожаловалъ: «и оброкъ есми на нихъ, *по ихъ челобитью,* положилъ деньгами» полторы именно тысячи; «управу и казнь чинити» лихимъ людямъ, татямъ и разбойникамъ предоставилъ излюбленнымъ головамъ по Судебнику; «пожаловалъ ихъ царь и правомъ старыхъ своихъ тяглецовъ крестьянъ выводить назадъ безсрочно и безпошлинно», въ случаѣ переселенія ихъ на земли другихъ владѣльцевъ, «и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ преже того». Нужны ли, послѣ этого, какіе комментаріи къ словамъ профессора Буданова? Правда, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ грамотой, вводящей земскія учрежденія, вмѣсто правительственныхъ, лишь въ одномъ изъ многихъ округовъ обширнаго московскаго государства; но не забудемъ, что въ данномъ актѣ проявляется лишь начало преобразованій по данному предмету, — что весь ходъ законодательства въ данный періодъ исторіи шелъ чисто эмпирическимъ, если позволено будетъ это выраженіе, путемъ изданія отдѣльныхъ указовъ, вызываемыхъ къ жизни, сознанной въ томъ или иномъ отдѣльномъ случаѣ потребностью. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ такихъ уставныхъ грамотъ, какъ важская, появившихся въ отвѣтъ на челобитья посадскихъ, становыхъ и волостныхъ людей разныхъ уѣздовъ, послѣдовалъ царскій указъ о повсемѣстной замѣнѣ правительственныхъ мѣстныхъ учрежденій выборными, земскими. И эта общая государственная реформа, выражаясь современнымъ языкомъ, также какъ и дарованіе уставныхъ грамотъ отдѣльнымъ общинамъ, по ихъ общиннымъ челобитьямъ, была результатомъ всеобщихъ челобитій, жалобъ и просьбъ, была результатомъ «докуки безпрестанной» великому князю и царю всея Руси «челобитьями великими». Въ одной изъ тѣхъ именно грамотъ, изъ которыхъ мы заимствовали эпиграфъ къ настоящей главѣ (грамота отъ второй половины XVI столѣт.), мы встрѣчаемся съ постановленіемъ: «велѣли есми, говоритъ Иванъ Грозный, *во всѣхъ городахъ* и *волостѣхъ* учинити старостъ излюбленныхъ», т.-е. выборныхъ отъ общинъ. Извѣстный историкъ нашъ прошлаго столѣтія Татищевъ, въ четвертой части своей исторіи (изданной покойнымъ Бодянскимъ) приводитъ одинъ царскій указъ, отъ 1556 года, которымъ указывается на всей Руси, во всѣхъ «городахъ и волостяхъ разчинити старосты и сотскіе, и пятидесятскіе, и десятскіе» (стр. 441) и вообще всѣхъ правительственныхъ мѣстныхъ органовъ замѣнить земскими. Изъ указа этого видно, что царь обращается къ этой мѣрѣ потому, что ему «вниде въ слухъ, какъ витіевато выражается авторъ указа,

что многіе грады и волости пусты учинились, намѣстники и волостники изъ многихъ лѣтъ, презрѣвъ страхъ Божій и государскіе указы, много злокозненныхъ дѣлъ учиниша... и сотворились яко волци, гонители и разорители» (стр. 439). Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ ужасы о волкахъ и разорителяхъ «внпде въ слухъ царя» не иначе, какъ путемъ челобитій, которыя стекались въ Москву отъ раззоряемыхъ и въ которыхъ, мы видѣли, именно указывалось на раззоренія и запустѣнія въ результатѣ дѣятельности царскихъ намѣстниковъ, волостелей съ ихъ тіунами.

Едва ли можно въ общественно-государственномъ строѣ нашего далекаго прошлаго отыскать сторону болѣе важную, чѣмъ та, на которой мы такъ, сравнительно, долго останавливались здѣсь, и въ то же время, едва ли можно указать болѣе сильный, рельефный примѣръ народной иниціативы, чѣмъ тотъ, на который мы указали; приведемъ однако еще нѣсколько, ограничившись при этомъ по возможности лишь простымъ указаніемъ. Такъ, извѣстныя *губныя* грамоты, начавшія появляться раньше уставныхъ *земскихъ* грамотъ и признававшія за общинами право «*лихихъ людей*, разбойниковъ *обыскивати.... пытати* накрѣпко.... *казнити смертію*» черезъ своихъ выборныхъ, «губныхъ головъ, старостъ, десятскихъ, выбранныхъ изъ лучшихъ людей», которые замѣняли собою царскихъ «обыщиковъ», пріѣзжавшихъ изъ Москвы ради «губнаго дѣла»; эти грамоты были вызваны на свѣтъ божій, благодаря народной иниціативѣ, выразившейся въ тѣхъ же челобитныхъ волостныхъ и посадскихъ людей о томъ «что.... многія села и деревни разбойники разбиваютъ и животы грабятъ и села, и деревни жгутъ», а отъ обыщиковъ и недѣльщиковъ царскихъ, имѣвшихъ назначеніемъ ловить разбойниковъ, народу только «чинятся велики убытки».

Такой крупный фактъ не только въ исторіи московскаго государства, но въ нашей исторіи вообще, какъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, совершился не безъ сильнаго вліянія челобитень, главнымъ образомъ, служилыхъ людей; въ этихъ челобитьяхъ выразилась иниціатива многихъ отдѣльныхъ мѣръ, къ которымъ прибѣгло московское правительство для достиженія полной крестьянской крѣпости землѣ; подъ вліяніемъ этихъ челобитень изданы всѣ указы о сыскѣ крестьянъ, сбѣжавшихъ съ земли одного владѣльца на земли другаго, о такъ называемыхъ «урочныхъ» годахъ, въ теченіи которыхъ «сыскъ» допускался, о водвореніи ихъ на старыхъ мѣстахъ и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что одинъ изъ самыхъ раннихъ указовъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ — указъ 1598 года — былъ вызванъ именно такими челобитными, въ коихъ по преимуществу «дворяне и дѣти боярскіе» — эти низшіе люди служилаго сословія московскаго государства — «разныхъ городовъ» жаловались царю на то, что богатые вотчинники и крупные помѣщики вывозятъ «изъ-за нихъ, челобитчиковъ, *старинныхъ* ихъ людей и крестьянъ» и тѣмъ ихъ вдосталь раззоряютъ. Подъ вліяніемъ челобитень отдѣльныхъ общинъ, посадскихъ людей и крестьянскаго населенія, по ихъ иниціативѣ, создается правительствомъ цѣлый рядъ мѣръ, въ результатѣ которыхъ получилось полное отдѣленіе, относительно тягла и управленія, этихъ всѣхъ слоевъ населенія, полное обособленіе и замкнутость отдѣльныхъ общинъ того и другаго; словомъ, вся тяглая организація

городскихъ и сельскихъ общинъ слагается подъ сильнымъ вліяніемъ ихъ собственной инициативы, на которую подвинуло ихъ всеобщее закрѣпленіе государственному тяглу и которая выражалась въ челобитьяхъ общинъ, имѣвшихъ цѣлью удержать, по возможности, въ своей средѣ всѣхъ своихъ членовъ и не пускать въ нее «иныхъ всякихъ людей», необязанныхъ нести ихъ общинное тягло.

Такъ называемая помѣстная система, вызванная, какъ и все остальное, извѣстными условіями и потребностями государственнаго организма, въ томъ ея видѣ, въ какомъ мы встрѣчаемся съ нею въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича или въ такъ наз. новоуказныхъ статьяхъ, дополняющихъ и развивающихъ его опредѣленія и по данному вопросу, сложилось опять-таки не безъ значительнаго вліянія все тѣхъ же челобитень служилыхъ людей.

По инициативѣ народной, какъ о томъ свидѣтельствуетъ само Уложеніе, создано московскимъ правительствомъ, напр., такое учрежденіе, какъ *монастырскій приказъ*, учрежденіе, въ которомъ должны были «судъ давати во всякихъ исцовыхъ искѣхъ» на митрополита, архіепископовъ и епископовъ, на всѣхъ ихъ служилыхъ людей и крестьянъ, на монастыри съ ихъ братіей, слугами и крестьянами и «на поповъ, и на церковный причтъ»; Уложеніе прямо говоритъ, что «*по челобитью* стольниковъ и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ, и городовыхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и гостинныя, и суконныя, и иныхъ разныхъ сотенъ, и слободъ, и городовыхъ, и торговыхъ, и посадскихъ людей, *государь, царь* и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи *указалъ монастырскому приказу быти особно*» (Уложеніе, гл. XIII, I).

Извѣстный новоторговый уставъ, изданный (въ 1667 году) царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ съ цѣлію установить «свободные торги» для «торговыхъ людей московскаго государства и порубежныхъ городовъ великой Россіи, какъ годится быти» и «впредь укрѣпить великаго государственнаго и всенароднаго пошлиннаго сбора дѣло», явился результатомъ «всемилосердаго царскаго возрѣнія на *всенародное слезное челобитье*», въ которомъ «московскаго государства гости и гостинныхъ сотенъ, и черныхъ слободъ торговые люди» челомъ били и указывали на то, что, благодаря продолжительнымъ войнамъ, «пріѣзжіе иноземцы безстрашно учали товары худые и поддѣльные.... въ Москву и въ городы великой Русіи привозити», отчего имъ, русскимъ торговымъ людямъ, «многіе убытки и домовыя раззоренія учинились». Стало быть, этотъ важный актъ московскаго законодательства, по своей инициативѣ, принадлежитъ народу, его извѣстной части — главнымъ образомъ торгово-промышленному населенію, нѣсколько челобитень котораго по данному предмету дошли до нашего времени. А уставомъ этимъ устанавливается не «всенародное дѣло сбора» только, но и организація тѣхъ учрежденій — выборныхъ, которыя должны были вѣдать эти «сборы»; имъ устанавливаются также правила для производства торговли въ Россіи иноземцами, другими словами, въ извѣстной степени затрогиваются международныя отношенія.

Укажемъ, наконецъ, на слѣдующій фактъ: есть точное и несомнѣнное свидѣтельство одной изъ царскихъ грамотъ. отъ 1648 г., что составленіе Уложенія Алексѣя Михайловича вызвано челобитьями различныхъ слоевъ населенія московскаго государства, т.-е., что ему, этому населенію, принадлежитъ ини-

ціатива изданія этого законодательнаго сборника XVII ст.: «*по челобитью стольниковъ и стряпчихъ, и дворянъ* московскихъ, и жильцовъ, дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и всѣхъ городовъ, и *иноземцевъ* (?) и гостей, и гостинныя и суконныя сотни, *и всякихъ чиновъ торговыхъ людей велѣно на Москвѣ* государевымъ бояромъ, князь Никитѣ Ивановичу Одоевскому съ товарищи.... *написать* судебникъ и *Уложенную книгу*».... Замѣтимъ въ заключеніе, что въ эту Уложенную книгу вошло не малое количество постановленій, происхожденіе которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, обязано все тѣмъ же челобитьямъ, т.-е. обусловлено все тѣмъ же правомъ иниціативы, принадлежащимъ въ періодъ московскаго государства всѣмъ слоямъ его населенія, помимо рабовъ, разумѣется.

Вотъ въ нѣсколькихъ чертахъ значеніе челобитій, этихъ петицій московскаго государства въ ходѣ развитія всего строя послѣдняго.

Не думаемъ, что мы особенно преувеличимъ значеніе народной иниціативы, если скажемъ, что она вліяла на развитіе государства и охрану его не путемъ вліянія только на законодательство. Припомнимъ страшную эпоху смутнаго времени, припомнимъ роль всѣхъ этихъ «черныхъ слободъ и сотенъ, торговыхъ и посадскихъ людишекъ», этихъ разныхъ «становъ и волостей крестьянъ»; припомнимъ тѣ дѣятельныя сношенія, которыя имѣли мѣсто, напр., на сѣверѣ тогдашней Россіи между отдѣльными городами во время борьбы царя Василія Шуйскаго съ «Тушинскимъ воромъ»; припомнимъ, какъ далекіе Устюгъ и Вычегда сносятся письмами другъ съ другомъ о томъ, чтобъ «стоять накрѣпко», не цѣловать креста «вору» и собирать людей со всего уѣзда на случай обороны отъ нападенія людей самозванца; «помыслите, пишутъ устюжане вычегодцамъ, *съ міромъ* накрѣпко, не спѣшите крестъ цѣловать: не угадать на чемъ совершится» (Соловьевъ, Ист. Рос., т. VIII, 248 и сл.). Тамъ же, на сѣверѣ, города сносятся другъ съ другомъ письмами о томъ, «чтобъ вѣры христіанской не попрать, за царя Василія и другъ за друга головы сложить, а польскимъ и литовскимъ людямъ не сдаться» (тамъ же). И они не сдаются, окапываются и вооружаются, не смотря на отсутствіе воеводъ, которыхъ замѣняютъ выборными людьми. Прошло какихъ-нибудь три года; царя нѣтъ, смута достигла крайнихъ предѣловъ — города снова заговорили; гонцы снуютъ изъ конца въ конецъ земли русской, разнося по лицу ея грамоты, первыми составителями которыхъ на этотъ разъ являются смольняне; къ нимъ присоединились москвичи, а тамъ подняли голову нижегородцы, стали во главѣ движенія, которое.... привело къ возстановленію государства, возрожденію его (тамъ же, 398 и сл.). По нашему крайнему разумѣнію, все это стоитъ въ тѣсной связи съ практикой, если можно такъ выразиться, челобитій въ московской Руси: мы видѣли, какъ составлялись эти челобитныя, мы поймемъ, какую дѣятельность онѣ вызывали въ населеніи. Смутное время не застало врасплохъ этого населенія: сноситься другъ съ другомъ городамъ было за обычай; добиться «одной мысли» двумъ или нѣсколькимъ городамъ — дѣло заурядное; присылать изъ одного города въ другой «на договоръ лучшихъ людей» — не было дѣломъ незнакомымъ московскимъ людямъ и до смутнаго времени, въ періодъ котораго то, другое и третье сослужило лишь особенно великую и нелегкую службу.

II.

Общій совѣтъ земли. — Земскіе соборы.

...„Судьбами Божьими московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и отъ воровъ раззорилось и запустѣло.... всякимъ людямъ скорбь конечная.... И мы великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Русіи.... со всѣми людьми московскаго государства учиня соборъ о всѣхъ статьяхъ говорили какъ бы то исправить и землю устроить“.

(Царская грамота, 1619 г.).

«Тогда (въ іюлѣ 1556 года) Іоаннъ явилъ Россіи зрѣлище необыкновенное: призвалъ въ земскую думу не только знатнѣйшее духовенство, бояръ, окольничьихъ, всѣхъ другихъ сановниковъ, казначеевъ, дьяковъ, дворянъ первой и второй статьи, но и гостей, купцовъ, помѣщиковъ иногородныхъ; отдалъ имъ на судъ переговоры наши съ Литвою и спрашивалъ, что дѣлать: мириться или воевать съ королемъ?» Такъ разсказываетъ нашъ исторіографъ Карамзинъ о первомъ соборѣ второй половины XVI столѣтія. Но такое же «зрѣлище необыкновенное» явлено было въ Москвѣ тѣмъ же страшнымъ царемъ почти лѣтъ за двадцать до того собора, о которомъ сейчасъ говоримъ. Въ тяжелую, страшную годину, когда народъ московскаго государства, переживая время «разнобоярщины», не смѣлъ обратиться къ своему исконному праву «бить челомъ» о своихъ невзгодахъ, когда намѣстники, волостели и другіе царскіе служилые люди, презирая «страхъ Божій и государскіе указы, сотворишася ему — народу — гонители правители»; когда рискнувшіе обратиться къ челобитью наказывались самимъ юнымъ царемъ, какъ преступники; безчеловѣчно истязались ради потѣхи «его царскаго величества»; когда населеніе Москвы, «несчастіемъ расположенное къ изступленію злобы», говоря цвѣтистымъ языкомъ Карамзина, «и къ мятежу», возстало на пепелищѣ полугорѣвшаго города, — на молодого царя, быть можетъ, подъ вліяніемъ всего этого, напалъ стихъ умиленія и раскаянія: онъ повелѣваетъ *«собрати свое государство изъ городовъ всякаго чина»* въ Москвѣ; и передъ этимъ «государствомъ», собраніемъ представителей «всей земли» на Красной площади, съ Лобнаго мѣста изливаетъ свою душу, обвиняетъ бояръ, «они же властвоваху.... юности ради пустоты» своего царя, во всѣхъ тяготахъ, претерпѣваемыхъ народомъ, и торжественно обѣщаетъ послѣднему впредь «быти судіей и обороной и неправды разоряти, и хищенія возвращати»....

Съ этого момента открывается почти полутора-столѣтній періодъ земскихъ думъ, соборовъ, — періодъ нашей исторіи, когда царь московскій во всѣхъ трудныхъ, тяжелыхъ обстоятельствахъ обращается къ силамъ и «мысли» земли и

въ нихъ черпаетъ свою «мысль», свою силу и съ нею, землею, рѣшаетъ дѣло «съ общаго совѣта».

Но что же это за «общій совѣтъ земли?» Кто его высказывалъ, кто въ немъ участвовалъ, какое онъ имѣлъ значеніе для царя московскаго, какова была его роль въ ходѣ дѣлъ государства? Попробуемъ отвѣтить на эти вопросы, ради краткости, а пожалуй и большей ясности, по возможности, словами тѣхъ письменныхъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ отъ времени XVI и XVII столѣтій, которые свидѣтельствуютъ намъ о глубоко интересномъ явленіи общественно-государственной жизни, составляющемъ предметъ содержанія настоящей главы.

«Государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи указалъ быти собору, а на соборѣ быти крутицкому митрополиту, и архимандритамъ, и игуменамъ, и всему освященному собору, и боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ, и дьякамъ, и головамъ, и сотникамъ стрѣлецкимъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ, и гостямъ, и гостинныя и суконныя сотни и черныхъ сотенъ торговымъ, и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ».... Вотъ реальное выраженіе «всей земли», «всего государства». Если всмотрѣться въ этотъ перечень участвующихъ въ соборѣ, нельзя не замѣтить въ немъ отсутствія крестьянъ, которые и не участвовали въ данномъ — 1642 года — соборѣ и въ соборахъ вообще за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда спеціально приглашались къ участію въ нихъ «*уѣздные всякіе* люди пригородовъ и уѣздовъ», при предположеніи, разумѣется, подъ этими уѣздными людьми именно крестьянъ; но эти указанія во-первыхъ очень рѣдки, а во-вторыхъ, быть можетъ, подъ уѣздными людьми здѣсь слѣдуетъ разумѣть тѣхъ же торговыхъ и промышленныхъ людей, жившихъ по уѣздамъ и занимавшихся тамъ вмѣстѣ и земледѣліемъ; изслѣдователи, разумѣющіе подъ уѣздными людьми крестьянъ, думаютъ, однако, видѣть въ послѣднихъ лишь «незначительное число ихъ, которое осталось еще свободнымъ» (Сергѣевичъ), т.-е. жило на черныхъ, государственныхъ земляхъ. Дальше, всматриваясь въ перечисленный составъ собора, увидимъ, что онъ распадается на двѣ части, благодаря различію тѣхъ *основаній*, въ силу которыхъ входящіе въ него участвуютъ на соборѣ: одни явились сюда въ силу, такъ сказать, занимаемаго ими положенія, въ силу ихъ званія; это — митрополитъ, архіепископы, епископы и игумены во-первыхъ; они явились сюда всѣ, находившіеся на лицо, поголовно, т.-е. безъ всякихъ выборовъ; на этомъ же основаніи почти всегда участвовалъ на соборахъ патріархъ; также, поголовно же явились на данный соборъ, и являлись на всѣ, высшіе чины служилыхъ людей — бояре, окольничьи и всѣ вообще, участвовавшіе въ боярской думѣ думные люди; всѣ же остальные, т.-е. низшее духовенство, всякіе служилые люди, въ родѣ дворянъ, какъ московскихъ, такъ и городовыхъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, торговые и посадскіе люди являлись на соборъ въ силу *выборовъ*, какъ *представители* избравшихъ ихъ слоевъ населенія или чиновъ даннаго округа. На Москвѣ и въ городахъ — уѣздныхъ, стоявшихъ во главѣ административныхъ округовъ — выбирались представители для участія въ земскихъ соборахъ, въ силу особыхъ царскихъ грамотъ, разсылавшихся на имя мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, воеводъ

или, такъ называемыхъ, избныхъ старостъ, выборныхъ людей, иногда замѣнявшихъ воеводъ, коимъ эти грамоты предписывали собрать для выслушанія прежде всего царской грамоты, въ соборъ «архимандритовъ и игуменовъ, и протопоповъ, и поповъ, и весь освященный соборъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ и гостей, и посадскихъ и уѣздныхъ всякихъ людей». По прочтеніи грамоты воевода или губной староста долженъ былъ «велѣть» всѣмъ этимъ людямъ «выбрати *изъ всѣхъ чиновъ* людей добрыхъ и разумныхъ» или «смышленыхъ» и постоятельныхъ, иногда прибавляется: «кому-бъ государевы и земскія дѣла за обычай», или — «которые-бъ умѣли разсказать обиды и насильства и раззоренія и чѣмъ московскому государству полниться.... и устроить бы московское государство, чтобъ всѣ пришли въ достоинство». Этимъ ограничиваются свѣдѣнія о самыхъ выборахъ. Несомнѣнно, что выборы производились каждымъ «чиномъ» отдѣльно, хотя и трудно сказать категорически, что выбранный былъ представителемъ исключительно интересовъ выбравшаго его чина, а не цѣлаго округа, въ которомъ его выбирали. Избиратели должны были прежде всего своимъ выборнымъ «дать за руками списки на нихъ», т.-е. уполномочія за подписью избирателей; во-вторыхъ, думать надо, выборные получали отъ своихъ избирателей родъ инструкцій въ руководство своей дѣятельности на соборахъ, какъ объ этомъ можно заключить изъ слѣдующаго мѣста одной грамоты земскаго собора 1613 года, избравшаго царемъ Михаила Ѳеодоровича, къ этому послѣднему: «и мы, богомольцы и холопи твои царевы, всякихъ чиновъ люди московскаго государства писали.... во всѣ городы, чтобъ избрати.... государя царя и великаго князя.... и для-бъ государскаго избиранія ѣхали изъ городовъ къ Москвѣ изо всякихъ чиновъ люди, *договоряся* въ городахъ *накрѣпко и взявъ у всякихъ людей* о государскомъ избираніи полные договоры»; въ третьихъ, наконецъ, избиратели снабжали своихъ представителей «запасами», какъ объ этомъ прямо говорится въ памятникахъ, т.-е. содержаніемъ, необходимымъ на время засѣданія на соборѣ. О числѣ выборныхъ отъ каждаго чина можно сказать лишь, что если оно и опредѣлялось, то опредѣлялось только на каждый отдѣльный случай, а не разъ на всегда, и опредѣлялось различно; случается въ грамотахъ встрѣчаться съ требованіемъ выдать отъ каждаго чина, «по скольку человѣкъ пригоже», т.-е. опредѣленія числа представителей предоставлялось самимъ избирателямъ.

Вотъ составъ общаго совѣта земли великаго собора.

Явившись въ Москву со своими уполномочіями и инструкціями, выборные представители земли, вмѣстѣ съ духовенствомъ — освященнымъ соборомъ — и высшими чинами служилыхъ людей, собирались въ одной изъ палатъ Кремлевскаго дворца и выслушивали, обыкновенно, рѣчь царя, произносимую имъ самимъ или кѣмъ-либо изъ его ближнихъ бояръ, въ которой излагалось содержаніе дѣла, предлагавшагося на обсужденіе собора, мотивы его созванія, и которая предлагала собору «*помыслить на крѣпко* и государю *мысль свою объявить*, чтобъ ему, государю, про то про все было извѣстно». Какъ подавалась эта мысль и каково было ея значеніе, какъ рѣшенія всего собора, всей земли? На первый вопросъ наши изслѣдователи отвѣчаютъ различно и при томъ, какъ относительно того, была ли подача «мысли» сословною или нѣтъ, такъ

и относительно самой *процедуры составленія* этой мысли, ея образованія, если можно такъ выразиться. Большинство принимаетъ, что самая подача мнѣній, мысли, царю совершалась каждымъ *сословіемъ* отдѣльно, т.-е. была сословною, нѣкоторые же (профессоръ Владимірскій-Будановъ) принимаютъ и, по нашему мнѣнію, съ большимъ основаніемъ, что «*для обсужденія*» всѣ члены собора «раздѣляются *по статьямъ*», что вовсе не обозначаетъ собою раздѣленія ихъ по сословіямъ, такъ какъ одно сословіе или классъ распадалось обыкновенно на нѣсколько статей. На соборѣ 1642 года «мысль свою объявили» отдѣльно: 1) «власти» — государевы богомольцы, т.-е. высшее духовенство, засѣдавшее не по выбору; 2) стольники; 3) *московскіе* дворяне; 4) двое изъ этихъ дворянъ — Желябужскій и Беклемишевъ; 5) головы и сотники московскихъ стрѣльцовъ; 6) «володимірцы дворяне и дѣти боярскія, *которыя на Москвѣ»;* 7) дворяне и дѣти боярскія Нижняго Новгорода и муромцы и лушане, *которые здѣсь, на Москвѣ.* (Не разумѣются ли здѣсь не выборные отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ названныхъ городовъ, а случайно, во время собора, въ Москвѣ жившіе?); 8) «дворяне и дѣти боярскія разныхъ городовъ» вмѣстѣ — всего *шестнадцати;* 9) отдѣльно же подаютъ свою «мысль и сказку» дворяне и дѣти боярскія еще *двадцати трехъ* городовъ; 10) любо сказали свои «рѣчи», гостишка и гостинныя, и суконныя сотни «торговыя людишка» и, наконецъ, 11) подавали отдѣльно отъ другихъ мысль свою «черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе и старостишка, и всѣ тяглыя людишка». Въ виду этого, совершенно справедливо заключеніе г. Владимірскаго-Буданова, что «соборъ (разумѣется, и не этотъ только, а всѣ) дѣлился довольно произвольно *по статьямъ для легкости обсужденія дѣла* безъ всякаго вниманія къ сословному положенію». Это заключеніе подтверждается и протоколами другаго собора — 1566 года, на которомъ мнѣнія подали отдѣльно богомольцы, бояре и окольничьи, дворяне первой статьи, дворяне второй статьи, торопецкіе помѣщики, луцкіе помѣщики, печатникъ Иванъ Михайловъ Висковатовъ.

Какъ обсуждалось дѣло каждою изъ «статей» того или другаго слоя населенія, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ указаній на то, что «мысль, рѣчи или сказки» подавались послѣ того, какъ подававшіе ихъ «межъ себя говорили», «мыслили накрѣпко»; несомнѣнно, что пренія, разностороннее обсужденіе дѣла предшествовало подачѣ мысли. Съ цѣлью дать соборнымъ людямъ большую возможность ближе познакомиться съ обстоятельствами дѣла, предлагавшагося на ихъ обсужденіе, ихъ ознакомленіе съ этимъ дѣломъ не ограничивалось изложеніемъ его въ царской рѣчи; его излагали письменно и раздавали, какъ это видно изъ протоколовъ того же собора 1642 года, «по государеву указу» по экземпляру такого «письма», «соборнымъ людямъ» разныхъ всякихъ чиновъ, для подлиннаго вѣдома, *порознь.*

Къ совѣщанію со своимъ «государствомъ», царь московскій обращался въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Онъ находилъ возможнымъ и нужнымъ съ этимъ государствомъ, съ «землею» своею «говорити», напримѣръ, о войнѣ и мирѣ, т.-е. онъ приглашалъ соборъ высказать «свою мысль» объ объявленіи войны или заключеніи мира. Такъ, напримѣръ, на соборѣ 1642 года, царь, на рѣшеніе этого собора, прямо ставитъ вопросъ: «за Азовъ съ турскимъ

и съ крымскимъ царемъ *разрывать ли* и Азовъ у донскихъ атамановъ и казаковъ пріимать ли»? Повелѣніемъ государя-царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи, въ 1566 году созванъ былъ соборъ для рѣшенія вопроса — «на какове мѣре государю съ королемъ (польскимъ) помиритися?» При этомъ вопросъ о войнѣ и мирѣ обсуждался и рѣшался на соборѣ не только, такъ сказать, въ принципѣ — быть войнѣ или миру, или не быть, — но и въ подробностяхъ: у него спрашивали не только о томъ, начинать ли войну или заключать миръ, но и о томъ, какъ вести эту войну или на какихъ условіяхъ заключать миръ: въ 1637 году, по поводу нападенія на наши «украинныя мѣста», царь Михаилъ Θеодоровичъ созвалъ соборъ, у котораго спрашивалъ, «*какъ*, для избавленія православныхъ крестьянъ, *противъ таковаго недруга* крымскаго царя, *стоять и какими обычаи ратныхъ людей* сбирати»? Въ 1618 году, «когда королевичъ Владиславъ отъ Можайска со всѣми польскими и литовскими людьми и съ нѣмцы и съ нарядомъ отшелъ и пошелъ по московской дорогѣ подъ Москву», *царь* Михаилъ Θеодоровичъ *приговорилъ* «со властьми и съ бояры и всякихъ чиновъ съ людьми московскаго государства, т.-е. *на соборъ*» — «быти на Москвѣ въ осадѣ бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ», каковые и перечислены поименно; здѣсь же, *на соборъ* рѣшено: по какимъ городамъ, какимъ боярамъ «сбиратись съ ратными людьми»; при чемъ этимъ боярамъ даны были наказы, «какъ имъ этимъ государевымъ и *земскимъ* дѣломъ (защитой отечества) промышлять»; тутъ же, на соборѣ, составленъ и подробный планъ защиты Москвы. На соборѣ 1566 года, гдѣ, мы видѣли, рѣшена была война съ Польшей, предложенныя Иваномъ Грознымъ условія перемирія съ королемъ найдены были неудовлетворительными; государевы богомольцы нашли, что «государское великое смиреніе во всемъ поступаетъ на себя», и что въ результатѣ условій этихъ, «Пскову тѣсноты будутъ великія... Великому Новгороду и иныхъ городовъ торговымъ людемъ торговли затворятца», и потому находятъ ихъ невозможными; ихъ нашли таковыми и всѣ, участвовавшіе въ совѣтѣ земли.

Рѣшеніе вопроса о войнѣ въ положительномъ смыслѣ, — въ неразрывной связи съ вопросомъ о новыхъ тяготахъ, налогахъ и повинностяхъ народныхъ; а поэтому, соборамъ, которымъ предлагался на обсужденіе вопросъ: «разрывать ли» съ какимъ-либо сосѣдомъ, предлагался вмѣстѣ и вопросъ — откуда взять средства на веденіе войны, если рѣшено будетъ приступить къ ней. Такъ на соборѣ 1642 года вмѣстѣ съ вопросомъ — «съ крымскимъ царемъ разорвать ли», предложенъ былъ вопросъ и о томъ, «гдѣ имати» тѣ «великія деньги и многіе запасы», которые «надобны будутъ на городовое азовское дѣло и ратнымъ людямъ на жалованье»? Такимъ образомъ, участіе собора въ рѣшеніи вопроса о войнѣ и мирѣ вело и къ участію его въ финансовомъ вопросѣ — о новыхъ налогахъ и повинностяхъ, которые и устанавливались соборами. Соборы устанавливали размѣръ новыхъ наборовъ ратныхъ людей, опредѣляя, какое число ихъ слѣдовало взимать съ извѣстнаго числа дворовъ: «съ дворцовыхъ селъ, рѣшилъ соборъ 1637 года, взяти ратныхъ людей по человѣку; а съ патріарха и съ митрополитовъ, и съ архіепископовъ и епископовъ, и съ большихъ монастырей — съ десяти дворовъ

по человѣку; а съ бояръ и... со всякихъ чиновъ людей, съ помѣстей и съ вотчинъ, съ двадцати дворовъ по человѣку; а съ середнихъ и съ меньшихъ монастырей съ десяти дворовъ по четыре лошади подъ ратныхъ людей; а съ городовъ, съ посадовъ и съ уѣздовъ, съ черныхъ волостей указали есмя взяти, ратнымъ людямъ на жалованье,... со двора по два рубля». Въ особенно тяжелыя времена, напримѣръ, въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, къ соборамъ обращались и исключительно съ вопросомъ объ отысканіи средствъ на государственныя нужды и потребности вообще, вызванныя положеніемъ государства въ данную минуту или, какъ это имѣло мѣсто на соборахъ 1632 и 1634 годовъ, на которыхъ рѣчь шла исключительно о «вспоможеньи» — «дали бы денегъ» на войну съ Польшей. Въ нѣсколькихъ царскихъ грамотахъ десятыхъ годовъ XVII столѣтія есть прямыя указанія, что по царскому указу «*и всей земли приговору*, велѣно со всѣхъ городовъ московскаго государства, *со всякихъ людей, съ животовъ* собирати... деньги пятая доля» (т.-е. 20% дохода); при чемъ «*по земскому приговору*» посылаемы были по городамъ «для денежныхъ сборовъ», установленныхъ тѣмъ же приговоромъ, особые, вѣроятно, избиравшіеся на соборахъ же, «окольничіи или дворяне и архимандритъ, или игуменъ и дьякъ». Съ извѣстныхъ богачей того времени, братьевъ Строгановыхъ, однимъ изъ соборовъ приговорено было «взяти *съ вотчинъ и съ промысловъ, и съ животовъ* сорокъ тысячъ рублевъ»; въ возраграждепіе за что имъ обѣщается «отъ великаго государя жалованье, а отъ всѣхъ росѣйскихъ государствъ слава... на вѣки». На упомянутомъ выше соборѣ 1632 года, собранномъ по поводу того, что «впередъ безъ прибыльныя безъ великія рати съ польскими и съ литовскими людьми не раздѣлаться», постановлено было еще разъ (въ который, не знаемъ) «съ торговыхъ, съ московскихъ людей и въ городѣхъ частей и съ торговыхъ, съ лутчихъ и съ середнихъ, съ молотчихъ людей... взяти пятую деньгу»; а съ бояръ, приказныхъ и т. д. — «кто что дастъ»; для сбора этихъ денегъ рѣшено было посылать «архимандритовъ и игуменовъ, а съ ними дворянъ добрыхъ». Проходитъ два года, война длится и притомъ грозитъ неблагопріятнымъ для московскаго государства исходомъ: «по ссылкѣ и накупкѣ» польскаго короля, войска крымскаго царя «многіе городы повоевали», чѣмъ этотъ царь «государеву дѣлу поруху учинилъ многую»; государственныя средства всѣ идутъ на военные расходы, «и впередъ денежной государевѣ казнѣ жалованье и на кормъ ратнымъ людемъ *безъ прибыльныя* казны быть не умѣть». А откуда взять эту «прибыльную казну»? Указано быти, для рѣшенія этого труднаго вопроса, земскому собору, на которомъ всякихъ чиновъ люди московскаго государства рѣшили, что «денегъ дадутъ, смотря по своимъ пожиткомъ, что кому мочно дать».

Не для рѣшенія, однако, указанныхъ только вопросовъ созывались московскими царями земскіе соборы; они созывались и для рѣшенія вопросовъ о внутреннемъ устройствѣ государства вообще; они созывались для того, чтобы узнать здѣсь отъ выборныхъ земли «всякія ихъ нужды и тѣсноты, и раззоренья..... и размышляти ко всему добру, чтобъ всѣ люди государства жили въ покоѣ и въ радости»; они призывались, чтобъ помочь царю «устроить московское государство, чтобъ пришло все въ достоинство». Въ нашихъ источникахъ

мы имѣемъ указанія на дѣятельность одного собора именно въ этомъ направленіи. Увидѣвъ, что государство «раззорено и запустѣло», что подати и повинности ложатся не на всѣхъ людей равномѣрной тяжестью, что многіе тяглые люди отъ этихъ податей и повинностей избавляются всякими путями — вовсе съѣзжая изъ своихъ городовъ, съ дворовъ, живя по другимъ городамъ «у племени и друзей», записываясь «въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей»; увидѣвъ, что бояре и всякихъ чиновъ сильные люди чинятъ посадскимъ и уѣзднымъ маломочнымъ людямъ всякія «насильства и обиды», царь Михаилъ Ѳедоровичъ «съ отцомъ своимъ и богомольцемъ святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитычемъ московскимъ и всея Русіи» созываютъ соборъ и на немъ «со всѣми людьми московскаго государства *о всѣхъ статьяхъ* говорятъ, какъ бы то исправить и земля устроить». Съ цѣлью такого устроенія земли на соборѣ рѣшено было произвести новую оцѣнку податной собственности, для чего по всѣмъ городамъ разосланы были особые чиновники — писцы и дозорщики; — всѣхъ сбѣжавшихъ съ посадовъ тяглыхъ людей приняты мѣры, «сыскивая, отсылати въ тѣ города, гдѣ они прежде сего живали»; причемъ рѣшено было «льготы имъ дать, смотря по раззоренію»; всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, заложившихся въ кабалу, дабы избавиться отъ непосильнаго государева тягла, на соборѣ предписано отобрать у митрополита, монастырей, бояръ и всякихъ людей, взыскавъ за нихъ съ послѣднихъ «всякія государевы подати за прошлые годы»; для разбора жалобъ на насильства сильныхъ людей призналъ соборъ нужнымъ устроить на Москвѣ родъ особой коммиссіи, говоря нынѣшнимъ административнымъ жаргономъ, изъ бояръ Черкасскаго и Мезецкаго съ товарищи; въ довершеніе всего рѣшено «сыскати и выписати» точныя свѣдѣнія, «сколько со всѣхъ городовъ всякихъ доходовъ и сколько въ нынѣшнихъ годѣхъ доходовъ въ приходѣ, и что въ расходѣ, и что въ доимкѣ осталось, и что отъ раззоренья запустѣло, и какихъ селъ и деревень роздано въ помѣстья и въ вотчины, и что въ нихъ было какихъ доходовъ, и что затѣмъ по окладу всякихъ доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ осталось, и на какіе расходы тѣ доходы указаны, и что за расходомъ останется». Устройство государства на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, приведеніе его «въ достоинство» сдѣлано задачей слѣдующаго собора.

Дѣятельность соборовъ не останавливалась и на этомъ; при извѣстныхъ обстоятельствахъ она шла дальше. Отъ начала царствованія Михаила Ѳедоровича — 1614 года, до насъ дошли три «соборныя грамоты», посланныя въ одинъ и тотъ же день 18 марта «на Волгу атаманомъ и казакомъ и всему великому войску и Заруцкому» Грамоты эти, откуда и самое названіе ихъ *соборныя,* посланы казацкому войску исключительно или отъ имени всего собора «отъ богомольцевъ, отъ митрополитовъ и отъ архіепискуповъ и епискуповъ, и ото всего освященнаго собору, и отъ окольничихъ, и отъ чашениковъ, и отъ стольниковъ, и отъ дворянъ московскихъ, и отъ приказныхъ людей, и отъ дворянъ изъ городовъ, и отъ головъ, и отъ сотниковъ стрѣлецкихъ, и отъ дѣтей боярскихъ, и отъ атамановъ, и отъ стрѣльцовъ, и отъ казаковъ, и отъ гостей, и отъ торговыхъ, и ото всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей»; или отъ имени извѣстной части его: разъ отъ имени бо-

гомольцевъ «освященнаго собора», другой отъ бояръ и всего московскаго государства всякихъ чиновъ людей. А въ грамотахъ этихъ (въ двухъ) волжское казацкое войско, послѣ того какъ передъ нимъ изложили всѣ невзгоды смутнаго времени, разсказали объ избраніи царя и воровствѣ Ивашки Заруцкаго съ еретицей богомерзкой Маринкой, приглашается царю Михаилу Ѳеодоровичу «служить и прямить безо всякаго сумнѣнья и воровскимъ ложнымъ заводамъ Ивашка Заруцкаго ни въ чемъ не вѣрить.... и къ боярамъ и къ воеводамъ на его государеву службу итти не мѣшкая»; въ награду за эту службу соборъ обѣщаетъ казакамъ «царское милостивое жалованье.... свыше прежнихъ великихъ государей, а отъ всего московскаго государства честь и хвалу». Въ третьей грамотѣ отъ всего земскаго собора на имя «Ивана Мартыновича Заруцкаго», послѣ цѣлаго ряда укоровъ этого атамана въ томъ, что онъ «первое зло московскому государству завелъ», соборъ проситъ его «добить челомъ и вину свою принести» великому государю Михаилу Ѳеодоровичу, отъ имени котораго обѣщается полное забвеніе «всякія вины».

Нельзя, наконецъ, не остановиться, изучая сферу дѣятельности земскихъ соборовъ, на соборѣ 1648 года, который имѣетъ такое непосредственное отношеніе къ Уложенной книгѣ царя Алексѣя Михайловича; въ дѣятельности этого собора, быть можетъ, наиболѣе рельефно выразилось значеніе земскихъ соборовъ московскаго государства въ законодательствѣ и управленіи этого послѣдняго. До послѣдняго времени, опираясь на предисловіе къ Уложенію, принимали, что послѣднее было лишь прочтено на соборѣ, который, такимъ образомъ, былъ созванъ исключительно для того, чтобы выслушать составленное особою коммиссіей изъ бояръ, — что царь Алексѣй Михайловичъ этимъ путемъ хотѣлъ лишь «его государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми *утвердити* и на мѣрѣ поставити, чтобы тѣ всѣ великія дѣла.... впредь были ничѣмъ *нерушимы*». Съ постепеннымъ появленіемъ различнаго рода письменныхъ памятниковъ въ разныхъ изданіяхъ, изученіе Уложенія на основаніи этихъ памятниковъ привело къ иному взгляду на дѣло; это изученіе заставило дать вѣру извѣстію одного иностранца, бывшаго въ Москвѣ въ XVII ст. Этотъ иноземецъ въ своихъ запискахъ о Россіи разсказываетъ, что по указу Алексѣя Михайловича собрались въ Москву выборные люди, чтобъ написать «нѣсколько новыхъ законовъ», что они и исполнили, составивъ Уложеніе, въ которое вмѣстѣ съ старыми положеніями вошло много новыхъ. Профессоръ Сергѣевичъ утверждаетъ категорически, что «чины собора принимали участіе въ самомъ составленіи статей Уложенія», ссылаясь въ подтвержденіе этого на слова предисловія къ Уложенію, въ которомъ говорится, что вопросы, на которые не находится никакихъ отвѣтовъ ни въ Судебникахъ, ни въ дополнительныхъ къ нимъ указахъ, должны быть рѣшены «по его государеву указу *общимъ совѣтомъ*», подъ которымъ профессоръ разумѣетъ общій совѣтъ *земли* — земскій соборъ. Принявъ это вѣрное положеніе, другой изслѣдователь права московскаго государства, г. Загоскинъ, утверждаетъ, что нѣсколько десятковъ статей Уложенія (онъ нашелъ 82) «составлены были при участіи выборныхъ людей земскаго собора». Нѣкоторыя изъ этихъ статей вошли въ Уложеніе, какъ мы уже указали въ первой главѣ настоящей статьи,

изъ челобитныхъ, поданныхъ выборными членами собора; а многія, вѣроятно, возникали и вырабатывались во время самыхъ преній соборныхъ. Соборъ этотъ, по догадкамъ г.г. Сергѣевича и Загоскина, тянулся до пяти мѣсяцевъ.

Сообразивъ все до сихъ поръ сказанное здѣсь о соборахъ, нельзя не придти къ заключенію, что они имѣли громадное значеніе въ общественно-государственномъ строѣ нашего прошлаго. Они «представляются, говоритъ профессоръ Сергѣевичъ, несомнѣнно полезными, какъ средство непосредственнаго общенія государя съ землей: изъ челобитныхъ выборныхъ людей государи прямо знакомились съ потребностями страны, недостатками управленія и злоупотребленіями органовъ администраціи». И это справедливо. Выборные члены собора, всегда съ готовностью предлагая просимыя у нихъ правительствомъ средства — деньгами, людьми, припасами, — необходимыя на веденіе слишкомъ тяжелыхъ и слишкомъ частыхъ войнъ, тѣмъ не менѣе смѣло указывали на свое «раззореніе и безпомощность», какъ это сдѣлали, напр., дворяне и дѣти боярскія многихъ городовъ на соборѣ 1642 года; на «оскудѣніе и полное обнищаніе многихъ людей отъ безпрестанныхъ государевыхъ служебъ и отъ пятинныя деньги», какъ на это указывали на томъ же соборѣ торговые люди, которые тутъ же били челомъ царю въ томъ, что «всякія ихъ торжишка на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ отняли многіе иноземцы»; что «въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца *отъ государевыхъ воеводъ*, а торговые людишка, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промыслишка, отъ ихъ же *воеводскаго задержанія и насильства* въ проѣздѣхъ торговъ своихъ отбыли»... Но этимъ только значеніе земскихъ соборовъ не исчерпывалось, какъ не исчерпывалось, мы видѣли, и значеніе челобитій однѣми жалобами на тяготы и раззоренья; какъ въ челобитьяхъ выражалась извѣстная инціатива относительно принятія тѣхъ или иныхъ мѣръ по тѣмъ или инымъ вопросамъ, изданія тѣхъ или иныхъ указовъ по этимъ вопросамъ; такъ точно и на соборахъ выражалась таже народная инціатива, тоже народное участіе въ самомъ законодательствѣ и притомъ не по вопросамъ только мѣстнымъ, но по вопросамъ общегосударственнымъ. Указанные нами предметы соборныхъ совѣщаній служатъ лучшимъ и несомнѣннымъ подтвержденіемъ высказанной мысли.

Соборы созывалъ царь; онъ ихъ и распускалъ; отъ него же зависѣло и придать то или иное значеніе ихъ приговору или постановленію; и все это зависѣло, исключительно, отъ его усмотрѣнія, его доброй воли: никакихъ юридическихъ опредѣленій взаимныхъ отношеній этихъ двухъ факторовъ московскаго общественно-государственнаго строя мы не находимъ, да и не найдемъ: ихъ не существовало, какъ не существовало этихъ опредѣленій и по многимъ другимъ сторонамъ этого строя. Являясь *представительными* учрежденіями, наши земскіе соборы принадлежатъ къ явленіямъ той же стадіи развитія государства, къ какой относятся пресловутыя Etats généraux Франціи и начальные парламенты Англіи; но этимъ ихъ сходство въ сущности и кончается. Тамъ эти учрежденія явились, какъ результатъ борьбы отдѣльныхъ классовъ феодальнаго общества между собою и съ королевской властью; здѣсь, въ московскомъ государствѣ, *никакой* борьбы не существовало: власть царя московскаго объединяла вся и все: тяглое населеніе государства все шло за нимъ, шло неуклонно

и безпрекословно; отдѣльные слои этого населенія борьбы между собой не вели: не за что было вести ее въ смыслѣ западно-европейской борьбы. Въ этой характеристической чертѣ историческаго возникновенія и хода развитія нашихъ сословій, а въ силу этого въ своеобразномъ развитіи верховной власти московскаго царя и лежитъ, въ свою очередь, своеобразность нашихъ земскихъ соборовъ, какъ народныхъ представительныхъ учрежденій; отсюда эта неопредѣленность ихъ отношеній къ верховной власти и на оборотъ; отсюда эта патріархальность отношеній, организаціи.

И не смотря, однако, на эту патріархальность, на эту неопредѣленность, наши соборы, въ *свое время*, потворяемъ еще разъ, сыграли огромную роль въ исторіи и, вопреки мнѣнію г. Чичерина, въ теченіе полутора столѣтій «были существеннымъ элементомъ государственной жизни», какъ были имъ, напр., во Франціи Etats généraux, хотя и существенно отличаясь отъ этихъ послѣднихъ. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить такіе соборы, какъ соборы начала царствованія Михаила Ѳедоровича или соборъ Алексѣя Михайловича, участвовавшій въ составленіи Уложенія. Они могли бы быть и послѣ XVII ст. этимъ «существеннымъ элементомъ», разумѣется, при извѣстныхъ, благопріятныхъ для этого, условіяхъ; случись это послѣднее, въ нихъ *всѣ нашли бы*, быть можетъ, *и то, чего въ нихъ въ дѣйствительности и не было.* Но этого не случилось. Соборы исчезли; но исчезли, во всякомъ случаѣ, не вслѣдствіе «своего *внутренняго* ничтожества», какъ думаетъ тотъ же г. Чичеринъ. Утверждать это — значитъ утверждать внутреннее ничтожество представительнаго начала вообще. «Если государи перестали созывать соборы, говоритъ проф. Сергѣевичъ, то причину этого надо искать въ стороннихъ вліяніяхъ, которымъ было выгодно представить соборы, какъ учрежденіе безполезное». Проявленіе этихъ «стороннихъ вліяній» почтенный профессоръ находитъ еще во второй половинѣ XVII столѣтія; эти вліянія истекали, по его мнѣнію, отъ бояръ, думныхъ людей вообще и духовныхъ властей московскаго государства, которымъ наиболѣе претила и вредила дѣятельность московскихъ соборовъ. Догадка вѣроятная. Но, во всякомъ случаѣ, эта причина не была исключительной, единственной причиной исчезновенія соборовъ, которые дѣйствительно исчезли лишь въ XVIII ст. Трудно воздержаться, чтобъ не привести здѣсь взгляда на данный вопросъ, высказаннаго другимъ нашимъ профессоромъ исторіи русскаго права, г. Владимірскимъ-Будановымъ, и высказаннаго именно по поводу мнѣнія г. Сергѣевича. Почтенный профессоръ проситъ не забывать, что соборы, имѣвшіе мѣсто для «государскаго обиранья», т. е. избранія царей, созывались «*боярами и духовенствомъ*»; по совѣту съ тѣми и другими созывались соборы и при царяхъ, напр. въ 1619 и 1648 годахъ; наконецъ, онъ обращаетъ особенное вниманіе на договоръ, заключенный *во время междуцарствія*, когда бояре могли сдѣлать многое въ своихъ личныхъ интересахъ, съ королевичемъ Владиславомъ, — договоръ, составленный и заключенный исключительно боярами, а въ этомъ договорѣ говорится напр. слѣдующее: «на Москвѣ и по городамъ суду быти и совершатись по прежнему обычаю.... *а будетъ похотятъ въ чемъ пополнити для укрѣпленія судовъ и государю на*

то поволити съ думою боярскою и всей земли» — не съ одною думою боярскою, а и *думою всей земли,* т.-е. съ *земскимъ* соборомъ!

Почему же въ это удобное для нихъ время бояре не отдѣлались отъ думы всей земли? Профессоръ же Будановъ указываетъ, въ двухъ-трехъ словахъ, на одну изъ настоящихъ, по нашему мнѣнію, причинъ исчезновенія соборовъ въ XVIII столѣтіи: «верховная власть, проводя въ жизнь новыя нормы вопреки обычному праву (т.-е. народному сознанію о правѣ), не могла въ этой дѣятельности опираться на представителей народа; напротивъ она должна была ожидать въ нихъ лишь противодѣйствія и порицанія». И въ самомъ дѣлѣ, что могъ узнать для своей дѣятельности геніальный царь - революціонеръ, проникнутый убѣжденіями и взглядами «просвѣщеннаго абсолютизма»? Зачѣмъ могъ онъ обращаться къ совѣту «земли», по его мнѣнію, разсыпавшейся, шедшей къ своей погибели?...

Только во второй половинѣ XVIII столѣтія мы вдругъ, совершенно неожиданно, встрѣчаемся съ народнымъ представительствомъ въ формѣ «Коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго Уложенія», созванной въ 1767 году и представлявшей собою совокупность представителей всѣхъ классовъ населенія, исключая, разумѣется, крестьянъ, изъ которыхъ прислали своихъ представителей лишь ничтожное количество государственныхъ. Царственная поклонница Вольтера хотѣла узнать «умоначертаніе своего народа» и въ союзѣ съ нимъ достигнуть «блаженства всѣхъ и каждаго.... укрѣпить и защитить отечество.... соблюсти законы.... узаконить такія государственныя учрежденія, кои вели бы къ соблюденію добраго во всемъ порядка». Мы знаемъ, что коммиссія *этихъ* цѣлей не достигла, и никакъ не по ея винѣ; но ея кратковременная дѣятельность все таки не прошла и совершенно безслѣдно: «*Коммиссія Уложенія»,* говорила императрица, «*подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи* съ кѣмъ дѣло имѣемъ *и о комъ пещись должно....* *Стали* многіе о цвѣтахъ *судить* по цвѣтамъ, *а не яко слѣпые о цвѣтахъ*» [1]).

Не смотря на это свидѣтельство самой виновницы созванія собора въ XVIII ст., въ немъ долгое время видѣли, а вѣроятно видятъ и теперь, нѣчто — мы затрудняемся выбрать подходящее выраженіе — нѣчто, пожалуй, опасное, нѣчто такое, къ чему слѣдуетъ относиться очень и очень осторожно. Несомнѣнно, что также смотрѣли и смотрятъ и на соборы московскаго государства. Лучшимъ отвѣтомъ на такое воззрѣніе можетъ служить, разумѣется, самая дѣятельность коммиссіи и соборовъ и вмѣстѣ то довѣріе, съ какимъ относились къ нимъ державные носители верховной власти, къ нимъ за совѣтомъ и помощью обращавшіеся.

Но мы попросимъ, къ этому, читателя еще разъ вспомнить тѣ печальныя страницы нашего прошлаго, которыя носятъ характерное названіе *смутнаго* времени,—вспомнить, чѣмъ закончились эти страницы. А закончились онѣ совѣтомъ всей земли—*земскимъ соборомъ,* совѣтомъ «митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, бояръ, воеводъ, дворянъ, гостей и посадскихъ и всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей», въ лицѣ

[1]) Подробности о Коммиссіи см. статью г. Сергѣевича въ „Вѣстн. Евр.“ за 1878 г., № 1 и нашу — въ „Юрид. Вѣстн.“, 1879 г.

ихъ представителей, лучшихъ и разумныхъ людей; совѣтомъ, собравшимся въ Москву со всѣхъ концовъ Руси по призыву «бояръ и воеводъ и всякихъ чиновъ всякихъ людей, которые въ то время (по очищеніи Москвы) были на Москвѣ». Совѣтъ этотъ собрался «для государскаго обиранья», для того, *чтобъ* «*великое россійское государство, послѣ московскаго разоренія, впередъ безгосударно не было»;* и онъ этого достигъ: «*по* всему мирному благосоюзному *общему совѣту*.... всякіе служилые люди и гости, и посадскіе и уѣздные всякіе люди всѣхъ городовъ всего великаго россійскаго царствія... обрали на всѣ великія и преславныя государства всего россійскаго царствія государемъ царемъ... Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрьева»!

Отдадимъ же *должное* земскому совѣту московскаго государства.

Отдавая должное, мы вовсе не хотимъ видѣть въ этомъ совѣтѣ, *какъ мы то знаемъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ,* что-то недосягаемое, идеальное, желательное во всѣ времена и при всякихъ условіяхъ. Нѣтъ, мы не забываемъ законовъ историческаго развитія; мы не забываемъ, что общество и государство растутъ въ силу именно этихъ законовъ: тѣ *формы* представительства, которыя были полезны въ XVII ст., едва ли будутъ таковыми два столѣтія спустя; но съ измѣненіемъ формъ, ихъ негодностью, едва ли становится негоднымъ самая сущность.

Очеркъ исторіи цеховъ въ западной Европѣ.

Еще и въ настоящее время, время такихъ капитальныхъ общественныхъ реформъ, какъ реформа 19 февраля 1861 года, земская, судебная, наконецъ, преобразованіе городскаго устройства и управленія, существуютъ, какъ бы забытые среди шума великихъ общественныхъ реформъ, такъ называемые *цехи* ремесленниковъ, это, поистинѣ странное, явленіе, совершенно чуждое историческому развитію нашей торгово-промышленной жизни. Ненормальность и странность ихъ, кажется, сознаны уже и самимъ правительствомъ, когда оно еще въ пятидесятыхъ годахъ образовало при департаментѣ торговли и мануфактуръ министерства финансовъ особую коммиссію для пересмотра фабричнаго и ремесленнаго уставовъ, послѣднему изъ которыхъ положено основаніе еще Петромъ Великимъ. Не смотря на это, цеховыя корпораціи живутъ и доселѣ, едва ли для чего либо нужныя; живутъ, идя совершенно въ разрѣзъ съ современнымъ городскимъ устройствомъ и состояніемъ промышленности.

Это, чуждое нашей исторической жизни, явленіе занесено къ намъ, какъ я уже замѣтилъ, великимъ преобразователемъ общественно-государственной жизни нашего отечества, не обошедшимъ своимъ вниманіемъ ни одной, даже самой мелкой, стороны этой жизни. Прошло болѣе полутора столѣтія со времени введенія цеховой организаціи нашихъ ремесленниковъ и однако она остается такимъ же чуждымъ, лишеннымъ почвы, явленіемъ, какимъ была въ день введенія ея Петромъ Великимъ.

Наша ремесленная промышленность если и ушла впередъ въ эти полтора столѣтія, то вовсе не благодаря «цунфтамъ» съ ихъ «альдерманами», а скорѣе *не смотря* на нихъ.

Гдѣ же причина такого страннаго явленія? Почему цехи не сжились съ промышленной жизнью, не вошли въ плоть и кровь ея; почему они не оправдали надеждъ законодателя, полагавшаго, что «всякое о развитіи ремеслъ прилагаемое стараніе было бы тщетно и великія иждивенія употреблялись бы напрасно, коль долго ни одинъ цехъ въ надлежащую силу и состояніе приведенъ не будетъ»? Почему, наконецъ, не только осталась жива, но еще значительно ушла впередъ, наша ремесленная промышленность почти при полномъ факти-

ческомъ бездѣйствіи тѣхъ нормъ и уставовъ, «отъ нарушенія и малыми кажущихся артикуловъ» которыхъ, по мнѣнію Правительствующаго Сената, должны были произойти самые печальные результаты для этой промышленности? Потому же, почему внѣшняя форма, чуждая данному тѣлу, никогда не можетъ существенно повліять на содержимое этого тѣла, такъ или иначе измѣнить его. Насильственное приспособленіе формы къ несродному съ ней тѣлу можетъ только стѣснить послѣднее въ его естественномъ ростѣ — *механически* видоизмѣнить его. Если это механическое видоизмѣненіе дойдетъ до полнаго раздробленія составныхъ частей тѣла, уничтоженія всякой связи между ними — тѣло перестаетъ физіологически жить. Если дѣло не доходитъ до этого — жизнь организма продолжается *не смотря* на приданную ему форму, которая только такъ или иначе замедляетъ ростъ его. Наши цехи играли и играютъ роль такой, неубившей ремесленной промышленности, формы.

Но вѣдь великій преобразователь переносилъ эту организацію въ свое отечество не какъ слѣпой, безсознательный заимствователь. Онъ видѣлъ современное ему состояніе ремесленной жизни въ западно-европейскихъ городахъ, онъ зналъ, что цеховая организація этой жизни существовала тамъ не одно столѣтіе. Онъ глубоко былъ убѣжденъ, что эти два факта общественной жизни — въ непосредственной связи: сравнительно высокое развитіе ремесленной промышленности того времени казалось ему исключительно результатомъ цеховой организаціи ремесленнаго населенія городовъ и только ея одной. Такого взгляда на значеніе западно-европейскихъ цеховъ держалась и его преемница — Екатерина II; его держались и многіе государственные дѣятели того времени, и частныя лица.

Петръ Великій упустилъ изъ виду, что современныя ему западно-европейскія государства относились къ цехамъ ремесленниковъ какъ-то странно: въ извѣстномъ отношеніи, *однѣ стороны* организаціи они поощряли, прилагали даже къ новымъ ремесламъ, другія же, напротивъ преслѣдовали, уничтожали. Это, такъ сказать, двоякое отношеніе государства XVII ст. къ цехамъ — совершенно понятно. Цехи, какъ естественно - историческое явленіе западно-европейской общественно-государственной жизни, имѣли дѣйствительно *двоякій* характеръ: это была въ одно и тоже время организація и промышленно-экономическая, и *политическая*. Цехъ былъ и факторомъ экономической жизни, и элементомъ государственнымъ средневѣковой феодальной жизни. Вторая сторона, политическая, *всегда* преобладала въ цехахъ до XVII ст. Первая, т. е. экономическая, стояла всегда на второмъ планѣ: она играла роль средства къ достиженію цехами политическаго значенія, значенія активнаго фактора средневѣковой государственной жизни. Въ извѣстный періодъ развитія цехи, какъ увидимъ, становятся даже прямо во враждебныя отношенія къ развитію промышленности Такой характеръ ихъ обусловливался складомъ естественно-исторической жизни западно-европейскаго феодальнаго государства. Они — такое же явленіе феодальнаго строя западно-европейскаго государства, какое представляетъ собою, напр., феодальная поземельная система. Они должны были пасть вмѣстѣ съ паденіемъ феодальнаго строя, какъ существенный элементъ его. Цеховая организація не только чужда, но и *враждебна* всякому свободному развитію промышленности. Коммиссія, назначенная гамбургскимъ обществомъ для поощренія художествъ и

полезныхъ ремеслъ и изслѣдованія причинъ, препятствующихъ развитію ремеслъ и улучшенію положенія ремесленниковъ въ Гамбургѣ, пришла къ заключенію, что еслибы, по извѣстнымъ вѣтвямъ промышленности, существовали до сихъ поръ цехи, то городу не пришлось бы узнать многихъ удобствъ современной цивилизованной жизни.

Но обратимся къ посильному очерку исторіи цеховъ въ западной Европѣ.

I.

Возникновеніе цеховъ.

Въ высшей степени трудно, почти невозможно, установить точное понятіе цеха, такое понятіе, подъ которое можно было бы подвести цехъ въ каждый моментъ его историческаго существованія. Какъ всякое явленіе соціальной жизни, цехи, во весь періодъ ихъ существованія, начиная съ момента возникновенія, кончая настоящимъ временемъ, представляютъ собою явленія далеко не подобныя: едва ли можно найти два момента, отстоящіе другъ отъ друга на извѣстномъ разстояніи, въ которые цехи представляли бы собою совершенно тожественныя явленія. Они постоянно видоизмѣняются. Поэтому, если мы дадимъ формулу для опредѣленія понятія цеха, мы въ сущности дадимъ опредѣленіе этого понятія въ какой либо данный моментъ его историческаго развитія, т. е. составимъ совершенно ложное понятіе о немъ въ остальные моменты его существованія. Отсюда, чтобы получить о цехѣ ясное и точное понятіе, необходимо прослѣдить всѣ періоды историческаго развитія этого явленія общественной жизни феодальнаго строя.

Разумѣется, можно дать понятію цеха такую схему, которая будетъ содержать въ себѣ самыя основныя черты этого явленія, свойственныя ему на всѣхъ ступеняхъ его развитія. За такую схему можно принять слѣдующее опредѣленіе цеха: *цехъ есть общество, союзъ свободныхъ людей, занимающихся однимъ и тѣмъ же промысломъ.* Имѣя въ виду эту схему, время возникновенія цеховъ eo ipso приходится отнести къ извѣстному періоду исторической жизни народа, періоду, въ которомъ уже существуютъ условія, причины, необходимо вызывающія это явленія къ жизни, условія, не только поддерживающія это явленіе, но и содѣйствующія его развитію.

Такимъ періодомъ жизни общества необходимо долженъ быть періодъ извѣстной степени развитія тѣхъ или иныхъ видовъ промышленности, вопервыхъ. Вовторыхъ, — такой періодъ взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ общественныхъ единицъ, группъ, въ которомъ стало возможнымъ существованіе *свободнаго класса* людей, занимающихся промыслами. Общество, союзъ, возможны какъ живое, органическое явленіе жизни лишь при условіи личной свободы отдѣльныхъ индивидовъ, входящихъ въ составъ его. Такъ понимаемый цехъ не могъ существовать въ Европѣ ранѣе опредѣленнаго времени. Это время есть время появленія *свободнаго* торгово-промышленнаго населенія въ городахъ — конецъ

XI и начало XII столѣтія [1]). До этого времени промышленность западно-европейская находилась еще въ зачаточномъ состояніи; человѣкъ, добывавшій себѣ средства къ жизни исключительно какимъ либо ремесломъ, не былъ еще человѣкомъ свободнымъ. Несложныя потребности горсти свободныхъ людей удовлетворялись рабами этихъ свободныхъ; рабы обработываютъ землю, они же обдѣлываютъ сырой матеріалъ, добытый изъ послѣдней. Рабы каждаго собственника дѣлились на рабовъ земледѣльцевъ и рабовъ ремесленниковъ. Съ постепеннымъ развитіемъ и усложненіемъ ремеслъ, трудъ необходимо спеціализируется: ремесленники-рабы распадаются на отдѣльныя группы, изъ которыхъ каждая занимается своимъ ремесломъ. Соотвѣтственно тому и самое управленіе многочисленными рабами-ремесленниками должно было измѣниться, сильно усложнившись. Рабы-ремесленники дѣлятся на группы, какъ я замѣтилъ только что, по характеру ремеслъ, которыми занимаются; во главѣ каждой группы, общины, стоитъ особое должностное лицо, по назначенію владѣльца (magister vel — actor) [2]). Это, такъ сказать, административное устройство крѣпостныхъ ремесленниковъ *по формѣ* представляетъ много сходства съ развившимися впослѣдствіи цехами свободныхъ ремесленниковъ; но сходство ограничивается только формой: общаго между тѣми и другими общинами въ сущности, въ началѣ, на которомъ каждая изъ нихъ покоилась, не было ничего. Группа крѣпостныхъ ремесленниковъ имѣла своимъ связующимъ элементомъ начало общей зависимости, подчиненности, начало, если можно такъ выразиться, *неволи*; болѣе внутренней, живой связи между ними не было. Вотъ почему нельзя согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые свободные цехи ремесленниковъ, сложившіеся послѣ XII ст., считаютъ ничѣмъ инымъ, какъ порожденіемъ ремесленныхъ общинъ несвободныхъ и въ этихъ послѣднихъ видятъ корень цеховъ [3]). Можно сомнѣваться даже въ такомъ *формальномъ* вліяніи организаціи несвободныхъ ремесленниковъ на цехи свободныхъ; послѣдніе могли вылиться въ тѣже формы путемъ самостоятельнымъ совершенно, какъ вырабатываются одинаковыя соціальныя явленія въ средѣ различныхъ народностей, не имѣвшихъ между собою никакихъ сношеній, могшихъ быть причиной взаимныхъ вліяній этихъ народностей [4]). Нельзя отрицать того факта, что немалая часть свободныхъ цеховъ образовалась путемъ освобожденія крѣпостныхъ ремесленниковъ; но изъ этого всетаки еще не слѣдуетъ, что свободные цехи образовались изъ несвободныхъ ремесленныхъ общинъ. Это можно было бы допустить лишь въ томъ случаѣ, еслибы до освобожденія крѣпостныхъ ремесленниковъ всѣ ремесла, вся промышленность, были исключительно въ рукахъ, какъ думали это до Эйхорна, этихъ несвободныхъ. Но на самомъ дѣлѣ это было не такъ. Свободные, занимающіеся

---

1) Otto Gierke, I, 244 и сл. Julio Brentano: Zur Gesch. der engl. Gewerkv. 40. Maurer: II. 356: относитъ къ 12 ст., времени крестовыхъ походовъ. Levasseur. I. 192—193; Mascher. 81 и сл.

2) Maurer: II, 321—330; Mascher. 60. I. Brentano: 36—37.

3) Arnold. I. 250—251.

4) Едва ли можно, въ виду этого, согласиться съ положеніемъ Маурера, что цехи произошли отчасти изъ крѣпостнаго права, отчасти изъ свободныхъ общинъ. Эта мысль можетъ быть справедлива лишь въ томъ смыслѣ, что часть ремесленниковъ, образовавшихъ свободные цехи, *вышла* изъ среды крѣпостныхъ.

ремеслами, должны были существовать съ самаго момента основанія городовъ. Ихъ число было ничтожно, они, такъ сказать, тонули въ классѣ несвободныхъ; но они существовали, число ихъ постепенно увеличивалось. Они-то положили зачатки свободнымъ цехамъ, которые уже впослѣдствіи приняли въ себя новый элементъ, элементъ несвободный, который и обновился въ нихъ.

Никакъ не болѣе, если еще не менѣе, чѣмъ несвободными корпораціями, сдѣлано было въ исторіи возникновенія промышленныхъ цеховъ, остатками, какъ обыкновенно выражаются, древней римской цивилизаціи. Романисты, объявившіе возникновеніе городской общинной свободы возрожденіемъ римской муниципіи въ средневѣковомъ городѣ, хотятъ видѣть и въ цеховомъ строѣ промышленнаго населенія этихъ городовъ ничто иное, какъ возрожденіе римской организаціи промышленныхъ классовъ, римскихъ Collegia opificium [1]). Если даже предположить, что эти collegia opificium представляли явленіе классической соціальной жизни совершенно однородное съ средневѣковыми цехами и гильдіями, то и въ такомъ случаѣ противъ ихъ вліянія на происхожденіе послѣднихъ можно представить тѣже самые доводы и соображенія, которые представляются противъ теоріи происхожденія городскаго общиннаго строя изъ римской муниципальной организаціи; но они не могли имѣть этого вліянія на цехи, если бы даже дѣйствительно сохранились подъ развалинами городовъ до XII столѣтія; не могли имѣть его по той же причинѣ, что и ремесленныя корпораціи крѣпостныхъ: римскія collegia opificium имѣли своимъ началомъ, какъ и несвободныя корпораціи крѣпостныхъ—начало *подчиненности*, зависимости, хотя уже не частной, а *государственной:* со времени Константина Великаго collegia opificium обратились въ necessarium corpus—оффиціальное административное учрежденіе, сдѣлавшись, по выраженію *Эмиля Лорана* (Le paupérisme et les associations de prévoyance), «мѣстами заключенія, въ которыхъ ремесленниковъ приковывали къ опредѣленному ремеслу, какъ куріаловъ къ ихъ куріи» [2]).

Промышленные цехи, говоря языкомъ Вильды, вышли «*не изъ подчиненности и зависимости промышленнаго класса, а изъ его свободы*», путемъ сознанія извѣстныхъ потребностей, необходимости удовлетворенія этихъ

---

[1]) Этотъ взглядъ поддерживали всѣ писатели, производившіе общинное устройство средневѣковаго города изъ римской муниципіи.

[2]) Плутархъ приписываетъ Нумѣ раздѣленіе римскихъ ремесленниковъ на отдѣльныя корпораціи—sodalitia, за которыми XII таблицъ признали право самостоятельно регулировать свои отношенія, издавая уставы; съ развитіемъ рабства sodalitia падаютъ; государство преслѣдуетъ ихъ, видя въ нихъ враждебный себѣ элементъ. Alexandre Severe организуетъ снова свободныхъ ремесленниковъ въ sodalitia, многія изъ которыхъ, въ виду обезпеченія римскому населенію продовольствія, ставятся почти въ крѣпостную зависимость отъ государства; крѣпостными же государства являются и корпораціи работниковъ государственныхъ промышленныхъ предпріятій; ремесло было обязательно наслѣдственнымъ. Немногія ремесленныя collegia, не закрѣпощенныя государству, подобно первымъ двумъ, все-таки покоились на началѣ *несвободы:* въ концѣ императорскаго періода ихъ организація совершенно одинакова была съ организаціей куріи. *Внѣшнія формы* этой организаціи имѣютъ много сходнаго съ формами цеховой организаціи: они представляли собою корпораціи, обладавшія собственностью, имѣли своихъ собственныхъ боговъ, отдѣльные алтари, собранія и празднества. Главы корпораціи—duumviri et quatuorviri,—избирательны. Levasseur I. 1—78; Em. Laurent I, Le paup. et les ass. de prév. 123—127. Mascher. 20—25. Hegel: Gesch. der Staedteverfass. in Italien. I, 53—57.

потребностей. Они явились естественнымъ и самобытнымъ результатомъ развитія въ этой жизни духа *единенія*, духа *общности*. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Отто Гирке, что внутреннее основаніе нѣмецкихъ свободныхъ общинъ лежало ни въ чемъ другомъ, какъ въ народной автономіи, народномъ самоуправленіи (Selbsthülfe) [1]). Это стремленіе народныхъ элементовъ сплачиваться въ отдѣльныя общины вызывалось отсутствіемъ въ средневѣковомъ обществѣ прочнаго начала власти, которое могло бы сплотить всѣ отдѣльные элементы этого общества въ одно цѣлое; этотъ духъ единенія явился какъ противоположный полюсъ другаго полюса общественной жизни—полной индивидуальности. Цехъ—ничто иное, какъ одна изъ формъ проявленія взаимнаго отношенія этихъ двухъ полюсовъ. Сначала всѣ общественно-индивидуальныя цѣли достигались путемъ естественно выросшихъ общеній: семья, родъ, марка, гау, народъ одинаково удовлетворяли какъ политическимъ, такъ и религіознымъ, какъ правовымъ, такъ и нравственнымъ потребностямъ своихъ членовъ. Съ постепеннымъ ростомъ народа этихъ видовъ общеній стало недостаточно для удовлетворенія усложнившимся потребностямъ его общественной жизни, которая вызываетъ на смѣну отжившимъ формамъ новую форму общенія, основанную на началѣ соединенія власти въ лицѣ *одного*, на началѣ господства одного, свободно избираемаго изъ среды всѣхъ [2]). Когда въ свою очередь и это начало перестало достигать тѣхъ цѣлей, насущная потребность удовлетворенія которыхъ вызвала его къ жизни, все тотъ же, не умершій духъ народной автономіи вызываетъ къ жизни новыя формы общенія для удовлетворенія новыхъ потребностей. Временемъ появленія этихъ новыхъ формъ общенія было время отживанія старыхъ общественно-родовыхъ связей [3]); въ первое время новое начало только, такъ сказать, привходитъ въ начало отживающее: къ прежней *основѣ* естественныхъ, какъ ихъ называетъ Гирке, общеній поземельной собственности присоединяется новая *основа—личность*, которая постепенно ее вытѣсняетъ. Промышленные цехи—торжество этого новаго начала [4]).

---

[1]) Otto Gierke. I. 223.

[2]) Ibid. 224.

[3]) Das deuts. Genoss. I. 226.

[4]) Стремленіе нѣмецкихъ ученыхъ каждое явленіе соціальной жизни разсматривать исключительно какъ юридическій институтъ и констатировать между всѣми явленіями этой жизни историческую преемственность, породило въ германской литературѣ массу теорій, имѣющихъ цѣлью объяснить происхожденіе цеховъ какъ *юридическаго* института. Я говорилъ уже о теоріи, производящей этотъ институтъ изъ института *несвободныхъ* ремесленныхъ корпорацій первыхъ столѣтій средневѣковой исторіи. Ученые, производящіе цехи изъ начала *личной свободы*, согласны между собою только въ этомъ основномъ началѣ, въ развитіи же его, въ постепенной преемственности институтовъ, на немъ основанныхъ, согласія уже не существуетъ. Одни устанавливаютъ преемственную связь между цехами и *языческими* народными собраніями для жертвоприношеній и вообще религіозныхъ празднествъ; другіе видятъ начало ихъ въ древнихъ христіанскихъ и церковныхъ институтахъ; третьи хотятъ видѣть въ нихъ проявленіе или развитіе товариществъ, братствъ древнихъ скандинавскихъ героевъ (см. у Ot. Gierke. I. 222). Wilda въ своей книгѣ Das deutsche Gildewesen im Mittelalter, чтобы объяснить происхожденіе цеховъ, комбинируетъ оба начала: языческое и христіанское. Зародыши гильдій и цеховъ онъ видитъ въ указываемомъ Тацитомъ важномъ значеніи у германцевъ пировъ всякаго рода; онъ видитъ эти зародыши во всякаго рода собраніяхъ родственниковъ и друзей по поводу радостныхъ и печальныхъ событій (стр. 4—8); онъ видитъ ихъ въ собраніяхъ для общественныхъ жертвоприношеній, съ которыми совпадало время суда и обмѣна произведеніями (8 и 10). Эти зачатки, зародыши развиваются въ

Отъ свободнаго личнаго соглашенія, какъ начала, на которомъ покоится цехъ, какъ общественный союзъ, необходимо отличать причины, вызвавшія дѣйствіе этого начала, побудившія отдѣльныхъ индивидовъ сплотиться въ одно цѣлое. Эта причина, какъ я уже сказалъ — въ отсутствіи прочной общественной власти, настолько сильной, чтобы держать всѣ элементы общества, ее выработавшаго, въ равновѣсіи. «Постоянно увеличивавшаяся борьба въ стѣнахъ городовъ и связанные съ нею безпорядки, говоритъ Мауреръ, были первымъ поводомъ къ образованію свободныхъ цеховыхъ общеній» [1]). Эта борьба различныхъ элементовъ городскаго населенія поставила, продолжаетъ тотъ же ученый, свободное промышленное населеніе городовъ, пожалуй, даже въ болѣе беззащитное положеніе, чѣмъ крѣпостныхъ ремесленниковъ, защитникомъ которыхъ являлся ихъ владѣлецъ. Свободнымъ ремесленникамъ оставалось, на выборъ, одно изъ двухъ: или стать подъ защиту какого либо патрона, достаточно сильнаго, чтобы дать имъ защиту, и такимъ образомъ обратиться въ полукрѣпостное состояніе; къ этому средству должны были прибѣгнуть, напр., наиболѣе недостаточные и беззащитные ремесленники Страсбурга [2]). Большинство же избрало другой путь, путь объединенія въ свободныя, самостоятельныя общества. Само собою понятно, что время образованія каждаго отдѣльнаго цеха обусловливалось состояніемъ, степенью развитія того промысла, которымъ занимались его отдѣльные члены. Отсюда, самыми древними промышленными союзами были гильдіи купцовъ, занимавшихся по преимуществу внѣшней торговлей. Изъ собственно же ремесленныхъ цеховъ, самымъ древнимъ всюду

цѣлое—гильдіи—лишь подъ вліяніемъ христіанскаго элемента. Такъ что въ гильдіяхъ проявляются древне-германскіе пиры, въ ихъ христіанской, если можно такъ выразиться, переработкѣ (28 и 32); христіанское начало братской любви служило здѣсь цементомъ для древнеязыческихъ общеній (32). Собственныхъ словъ Wilda объ отсутствіи въ разсматриваемыхъ имъ языческихъ собраніяхъ „болѣе тѣсной братской связи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова“ (28) достаточно совершенно для того, чтобы усомниться въ томъ значеніи этихъ собраній въ исторіи происхожденія цеховъ, какое онъ имъ придаетъ; видя въ нихъ, такъ сказать, отдѣльныя части постройки, ея матеріалъ, Wilda значеніе цемента, скрѣпляющаго эти части, видитъ, какъ только что было замѣчено, въ христіанскомъ началѣ братской любви къ ближнему. Но онъ самъ говоритъ, что несомнѣнные слѣды общеній, основанныхъ на этомъ началѣ, являются лишь съ того времени, когда христіанство пустило *глубокіе корни* во всей германской Европѣ (30). Едвали можно согласиться съ мыслью, что великій принципъ христіанской религіи, принципъ братской любви къ ближнему, пустилъ такіе глубокіе слѣды, о какихъ говоритъ Wilda, къ концу XI столѣтія.

Извѣстный историкъ *Зибель* (см. у *Гирке* I, 222) видитъ въ цехахъ ничто иное, какъ остатки *родоваго быта;* близко къ этому мнѣнію подходитъ изслѣдователь исторіи англійскихъ ремесленныхъ корпорацій—Brentano—въ своемъ сочиненіи Zur Geschichte der engl. Gewerkvereine. Этотъ ученый прототипъ (Urtipus) цеховой организаціи видитъ въ древне-германской семьѣ, „изъ которой въ послѣдствіи времени, на извѣстной степени цивилизаціи, необходимо выработалась промышленная ассоціація“ (5). Онъ основываетъ свою мысль на томъ неоспоримомъ фактѣ, что древняя семья была общеніемъ, какъ онъ выражается, „всеобщаго значенія“, т.-е. охватывала собою всѣ отдѣльныя стороны индивидуальной жизни человѣка, общеніемъ, въ которомъ эти стороны только и могли свободно развиваться. Описавъ на основаніи данныхъ, собранныхъ у *Вайтца* въ его Verfassungsgeschichte, первоначальную семью, авторъ сравниваетъ эту семью съ описанными въ нѣкоторыхъ статутахъ гильдіями англійскихъ городовъ: Abbotsburg, Exeter и Cambridge, и находитъ въ результатѣ этого сравненія, что всѣ позднѣйшія гильдіи только подражали семьѣ, копировали ее (5—6). Въ семьѣ гильдія существуетъ, какъ выражается авторъ, „въ своей высшей возможности“ (7).

[1]) II, 355.

[2]) Ibid.

является цехъ *ткачей* [1]). Причины, вызвавшія цеховыя общенія, обусловливали собою самый характеръ вызваннаго ими явленія. Первоначальные цехи не были союзами исключительно ремесленными по цѣлямъ, которыя они преслѣдовали; они являлись таковыми лишь по своему составу: они состояли исключительно изъ ремесленниковъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же ремесломъ [2]). Явившись какъ средство самозащиты промышленнаго городскаго населенія противъ нарушенія его общечеловѣческихъ и гражданскихъ правъ, ихъ организація не могла быть выработанной исключительно въ видахъ промышленныхъ: она не должна была игнорировать ни одного изъ этихъ правъ, ни одной изъ сторонъ, въ которой проявляются эти права. Цехи обнимали собою, какъ выражается Гирке, *всего человѣка*, который въ нихъ и только въ нихъ однихъ находилъ удовлетвореніе всѣмъ своимъ потребностямъ: религіознымъ, нравственнымъ, юридическимъ и даже политическимъ; однимъ словомъ, ихъ назначеніемъ «было достиженіе всѣхъ человѣческихъ цѣлей». При этомъ само собою понятно, что та *потребность*, которая послужила *ближайшимъ поводомъ* къ образованію союза, eo ipso стоитъ на первомъ планѣ, однако это преобладаніе не простиралось до того, чтобы заслонить собою всѣ остальныя стороны. Въ данномъ случаѣ такою преобладающею стороною являлась сторона промышленная [3]).

II.

Организація первоначальныхъ цеховъ.

Первоначальный цехъ представлялъ собою, *во-первыхъ*, союзъ братскій, какъ указываютъ самыя названія союза — fraternitas, confraternitas, даже unanimitas [4]), Bruderschaft, Einigung, Innung, — понѣмецки [5]); *во-вторыхъ*, это былъ союзъ, основанный *на свободномъ соглашеніи* членовъ, его составляющихъ [6]). Эта черта цеховыхъ корпорацій составляетъ ихъ характеристическую черту, отличающую эти корпораціи отъ несвободныхъ корпорацій владѣльческихъ ремесленниковъ. Иначе быть не могло, такъ какъ самою *цѣлью* основанія цеховъ было стремленіе *сохранить* свободу отдѣльнаго лица отъ нападенія силы, охранить свободу какъ личную, такъ и имущественную. Эта характеристическая черта и составляла въ глазахъ враговъ цеховъ самую ненавистную черту: она дѣлала цехъ опаснымъ учрежденіемъ въ глазахъ этихъ враговъ. Это былъ образецъ въ глазахъ какъ ремесленниковъ, состоящихъ еще въ крѣпостной зависимости, такъ и тѣхъ, которые, подобно страсбургскимъ сапожни-

---

[1]) Maurer II, 357 — 360. Brentano, 38. Этотъ фактъ имѣетъ мѣсто не въ одной Германіи, но и въ Англіи, во Франціи и Брабантѣ, въ рейнскихъ городахъ.

[2]) Levasseur. I, 195.

[3]) Гирке говоритъ, что въ концѣ концовъ каждое общеніе являлось тѣмъ, что теперь представляютъ общины и государство. I, 228. Ср. Mascher, 146.

[4]) Maurer II, 363. Нантскій соборъ называетъ гильдіи collectae, vel confratria, quas consortia vocant. Gierke: I, 226, п. 8. Члены — fratres; Zunftbruder Maurer, II, 366.

[5]) Ibid.

[6]) Levasseur I, 195: Le corps de métier était une institution libre. Gierke. I, 245 и 359. Maurer. II, 381.

камъ и портнымъ, состояли подъ покровительствомъ патроновъ. Въ этой чертѣ цеховаго устройства видѣли политическую грозу; благодаря ей, какъ справедливо замѣчаетъ *Гирке*, цеховъ боялись не только какъ *средства* въ достиженію самостоятельности, но какъ учрежденій, уже достигшихъ этой самостоятельности. Наконецъ, *въ третьихъ*, цехи были учрежденіями *промышленными по преимуществу*.

Понятно само собою, что промышленная сторона, какъ *главная* цѣль, какъ *поводъ* къ самому образованію цеховъ, играетъ *главную роль* и въ самомъ внутреннемъ устройствѣ, внутренней организаціи ихъ. Въ силу начала *свободы*, на которомъ основывался вначалѣ цехъ, въ него могъ вступить *всякій свободный* [1]) *ремесленникъ*, занимающійся даннымъ ремесломъ. Вступая въ цехъ, ремесленникъ долженъ былъ дать клятву [2]) — что выразилось и въ самомъ названіи цеховъ: часто ихъ называли Eidgenossenschaft — conjurationes, promissiones [3]) — помогать другъ другу, защищать другъ друга, соблюдать всѣ постановленія цеховъ. Члены цеха должны были, какъ выражается статутъ вецларскаго цеха кузнецовъ — «радость и горе дѣлить» [4]). Эта клятва вытекала, какъ неизбѣжный логическій результатъ, изъ автономіи цеха.

Такъ какъ занятіе даннымъ ремесломъ составляетъ единственное средство къ жизни отдѣльныхъ членовъ цеха, такъ какъ цехъ имѣетъ цѣлью охранять въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи своихъ членовъ, то, понятно, что одною изъ главныхъ обязанностей его является забота о томъ, чтобы никто изъ членовъ не нарушалъ нравственно-экономическаго кредита цеха въ глазахъ потребителей, чтобы производство совершалось каждымъ изъ членовъ цеха вполнѣ «добросовѣстно и законно». Это было девизомъ каждаго цеха. Отсюда, какъ неизбѣжный результатъ, вытекаетъ, такъ сказать, *ремесленная полиція* цеха; надзоръ его, какъ общества, чрезъ своихъ органовъ, за производствомъ каждаго изъ членовъ; отсюда и болѣе или менѣе подробная регламентація самого производства цеховыми статутами [5]); отсюда же вытекаютъ постановленія объ обученіи ремеслу и пріемѣ въ члены цеха. Понятно, что въ виду такой цѣли цехъ можетъ принять въ свою среду лишь того, чья опытность въ ремеслѣ такъ или иначе доказана. Каждый будущій членъ цеха долженъ сначала выучиться ремеслу этого цеха у опытнаго уже ремесленника, самостоятельнаго члена цеха. Каждый ремесленникъ проходитъ сначала школу ученика, отношенія котораго къ мастеру, своему учителю, цеховые статуты опредѣляютъ подробно. Въ ученики цеха принимался далеко *не всякій* мальчикъ; цехъ, охранявшій и нравственную сторону своихъ членовъ, допускалъ принимать въ ученики лишь дѣтей такъ называемаго *честнаго* происхожденія, т.-е. такихъ, которые происходили отъ свободныхъ и честныхъ родителей, состоявшихъ въ законномъ бракѣ, причемъ въ первое время понятіе честнаго

---

[1]) Только *свободный*. Maurer II, 448.
[2]) Mascher, 145.
[3]) Maurer, II, 363.
[4]) Ibid. 412.
[5]) Levasseur I. Liv. III, ch. V. Brentano, 52.

рожденія понималось очень широко: ребенокъ не считался ребенкомъ честнаго происхожденія, если онъ, напр., былъ сыномъ пастуха, могильщика, ночнаго сторожа [1]). Выдержавъ съ успѣхомъ Ahnenprobe, какъ выражается Мауреръ, мальчикъ принимается въ ученики и входитъ въ составъ семьи своего хозяина — учителя. Число лѣтъ пребыванія въ ученикахъ обусловливалось въ первое время, разумѣется, только *сложностью* и трудностью даннаго ремесла, и потому не было одинаковымъ въ различныхъ цехахъ [2]). Самый пріемъ въ ученики не предоставлялся исключительно усмотрѣнію ремесленника и родителей, а совершался подъ надзоромъ представителей цеховъ и всегда въ общемъ собраніи цеха [3]). Приэтомъ за ученика вносилась его родителями или родственниками опредѣленная, очень скромная, сумма денегъ [4]). Въ первое время существованія цеховъ число учениковъ, живущихъ въ семьѣ ремесленниковъ, было не ограничено [5]). Въ первое время существованія цеховъ едва ли можно предполагать среднее состояніе между состояніемъ ученика и состояніемъ мастера, т.-е. члена цеха; отсутствіе этого состоянія можно объяснить самымъ характеромъ ремеслъ, обыкновенно не требовавшихъ еще затраты большихъ капиталовъ, дорогихъ и сложныхъ инструментовъ. Нельзя не согласиться также съ *Брентано*, который находитъ подтвержденіе этого факта, между прочимъ, и въ томъ обстоятельствѣ, что до XIV столѣтія въ цеховыхъ статутахъ *почти* ничего не встрѣчается о ремесленникахъ — работникахъ (Knechten), впослѣдствіи обыкновенно называемыхъ подмастерьями [6]). А это обстоятельство только и можетъ быть объяснено, что такого состоянія ремесленниковъ или вовсе не было или же, если оно и существовало, то лишь въ зачаточномъ состояніи до XIV вѣка. Поэтому, можно принять, что ученикъ по окончаніи условленнаго срока обученія дѣлался прямо мастеромъ и самостоятельнымъ членомъ цеха, если же и былъ работникомъ, то на самое короткое время, въ качествѣ, такъ сказать, переходнаго состоянія [7]). При этомъ, разумѣется, такой кончившій свой ученическій искусъ ученикъ принимался въ члены цеха лишь въ томъ случаѣ, если его имя оставалось незапятнаннымъ [8]).

Число членовъ цеховъ въ первомъ періодѣ ихъ исторіи было неограниченно [9]); въ цеховыхъ статутахъ того времени не встрѣчается постановленій въ ограничительномъ смыслѣ. Цехи не боятся еще конкурренціи: число рукъ

---

[1]) Мауреръ II, 447 — 448; Wilda, 329 — 330.

[2]) Levasseur I. 227. Brentano, 51.

[3]) Brentano, 51.

[4]) Ibid. 52. Levasseur, 226.

[5]) За первое время существованія цеховъ не встрѣчается закона, опредѣляющаго ихъ число. Въ немъ не было нужды: онъ долженъ былъ явиться лишь результатомъ монопольнаго направленія цеховъ.

[6]) Стр. 58.

[7]) Понятно, что это посредствующее состояніе — ремесленники работники или подмастерья появились въ тѣхъ городахъ, гдѣ, какъ напр. во Фландріи, какой либо видъ промышленности перешелъ изъ *рукомесла* въ форму близкую къ мануфактурному, фабричному производству; въ городахъ Бельгіи въ XIII ст. говорится уже о депутатахъ отъ подмастерьевъ: Brentano, 58.

[8]) При этомъ вносилась небольшая сумма денегъ и опредѣленное количество воска въ церковь. Brentano, 50; Gierke, 368; Wilda, 332.

[9]) Brentano, 57.

еще не такъ велико, чтобы наплыва ихъ можно было бояться [1]). Принудительное начало цеховъ, впослѣдствіи такъ широко развившееся—Zunftzwang—хотя и возникло одновременно съ появленіемъ цеховъ, но однако не носило въ первое время того исключительнаго характера, который пріобрѣло оно впослѣдствіи, въ періодъ паденія цеховъ, какъ промышленныхъ учрежденій. Правда, что со времени появленія даннаго цеха ремесломъ этого цеха могли заниматься лишь входившіе въ его составъ, но изъ этого вытекалъ только слѣдующій результатъ: всякій, занимавшійся даннымъ ремесломъ, *долженъ* былъ войти въ составъ цеха этого ремесла—и только [2]). Это принудительное начало, стало быть, исключительно состояло только въ правѣ опредѣленнаго цеха *заставить* каждаго, занимающагося тѣмъ же ремесломъ, *войти въ составъ* этого цеха и подчиняться его полицейскому надзору [3]). Со времени появленія цеховъ, абсолютной свободы заниматься любымъ ремесломъ внѣ цеха быть уже не могло: каждый цехъ, получивъ право отъ городскаго совѣта на законное существованіе и занятіе даннымъ ремесломъ, eo ipso, какъ выражается Гирке, обращался въ институтъ уже не частнаго, а *общественнаго права:* каждый ремесленникъ «служитъ теперь своимъ согражданамъ или скорѣе ихъ организованной совокупности, обществу». Каждый ремесленникъ получилъ свое право, черезъ посредство цеха, отъ городской власти и долженъ былъ подлежать надзору этого цеха, который являлся въ этомъ случаѣ облеченнымъ общественной службой, должностью и имѣлъ право требовать, чтобы каждый, занимающійся даннымъ ремесломъ, ему подчинялся; отсюда—Zunftzwang [4]) въ смыслѣ вынужденнаго вступленія въ цехъ. Только пользуясь этимъ правомъ и могъ цехъ охранять какъ *честь* своего *ремесла*, такъ и интересы общества, потребителей; и то и другое составляло одну изъ самыхъ важныхъ цѣлей первоначальныхъ цеховъ [5]). Благодаря такому *общественному* значенію цеха, самое право участія въ немъ въ эту эпоху составляетъ только *личное* право: оно связано съ опредѣленною личностью и потому не отчуждаемо и недѣлимо; о наслѣдственности его точно также не можетъ быть рѣчи [6]).

Я уже говорилъ, что цеховыя общественныя власти наблюдали за производствомъ и продажей членами цеха своихъ произведеній, что статуты входили въ мельчайшія подробности производства. Остановлюсь нѣсколько на опредѣленіяхъ цеховой ремесленной полиціи.

Ремесленникамъ предписывалось употреблять матеріалъ непремѣнно въ опредѣленномъ количествѣ и опредѣленнаго качества; строго наблюдали за тѣмъ, чтобы въ составъ новой вещи не входили старыя части; чтобы ремесленники

---

[1]) Въ качествѣ исключенія въ цехъ допускались иногда даже иностранцы при условіи вноса опредѣленной суммы денегъ. Brentano, 51. Maurer. II, 396.

[2]) Занятіе ремесломъ на собственную потребу не запрещалось и внѣ цеха. Gierke. I, 362.

[3]) Gierke. I, 361. Maurer II, 395 и 399: Brentano, 50. Однако, и въ этомъ видѣ zunftzwang не съ перваго момента учрежденія цеховъ вездѣ появился: напр., во Франкфуртѣ на Майнѣ городской совѣтъ запрещаетъ кузнечному цеху заставлять насильно вступать въ его составъ всякаго, занимающагося кузнечнымъ промысломъ. Maurer. II, 396.

[4]) Gierke I. 248—249; 360—362 пр. 8.

[5]) Ibid. 362 пр. 12. Brentano, 50—51.

[6]) Gierke. I. 370.

не употребляли какихъ либо мѣръ хитрости, чтобы скрыть недостатки сдѣланной ими или продаваемой вещи, или выдать одинъ матеріалъ за другой; слѣдили за мѣрой и вѣсами; заботились даже о томъ, чтобы *неумышленнаго* обмана потребителя не могло произойти: отъ недосмотра или излишняго утомленія ремесленника, отъ нѣкоторыхъ неудобствъ, могущихъ встрѣтиться въ самой природѣ. Въ виду этого опредѣлялось количество рабочихъ часовъ, запрещалось работать ночью; такъ какъ въ это время, какъ отъ утомленія, такъ и отъ недостатка свѣта, работа не могла быть такой тщательной и аккуратной, какъ требовалось [1]).

Съ собственно ремесленной полиціей стояла въ тѣсной связи, если можно употребить это выраженіе, *полиція нравственности*: цехъ заботился о нравственности своихъ членовъ, уровень которой, понятно, вліялъ на самую добросовѣстность цеховыхъ ремесленниковъ въ ихъ сношеніяхъ съ потребителями: чѣмъ выше нравственность производителя вообще, тѣмъ меньше рискуютъ потерпѣть интересы потребителя. Мы уже видѣли, какія мѣры принималъ цехъ въ этомъ отношеніи относительно вновь вступавшихъ учениковъ, дабы не допустить въ составъ цеха недостойныхъ членовъ. Забота цеха о моральной сторонѣ своего члена не прекращалась и въ томъ случаѣ, когда онъ изъ ученика обращался въ самостоятельнаго мастера. Цехъ требовалъ отъ своего члена безукоризненной нравственности: никакихъ уступокъ и сдѣлокъ съ совѣстью не допускалось. Разъ нашелъ цехъ, съ своей точки зрѣнія, опредѣленное дѣяніе ремесленника безнравственнымъ, даже въ самомъ общемъ смыслѣ, вообще въ житейскомъ, или въ отношеніи только къ производству — онъ изгонялъ его изъ своей среды. Нарушившій, напр., святость брачной жизни не могъ быть терпимъ въ средѣ цеха; безбожіе и всякія безнравственныя, грѣховныя, съ религіозной точки зрѣнія, дѣйствія и поступки не могли быть терпимы. Цехъ заботился даже о предупрежденіи такихъ дѣйствій, устраняя условія, ихъ облегчающія, подготовляющія, издавая, напр., постановленія въ родѣ ограниченія роскоши. Запрещаются и строго преслѣдуются всякія дѣйствія, направленныя къ нарушенію добраго согласія между отдѣльными сотоварищами, членами цеха и т. п. [2]).

Чтобы всѣ постановленія цеховыхъ статутовъ не остались мертвою буквою, цехъ долженъ быть въ состояніи *заставить* своихъ членовъ исполнять ихъ и *карать* за неисполненіе. Отсюда — право цеховъ на судебную автономію, на то, что ученые изслѣдователи называютъ Zunftgerichtsbarkeit. Только это право и давало цехамъ возможность сдѣлать свой нравственно-полицейскій надзоръ не фиктивнымъ, а дѣйствительнымъ средствомъ заставить исполнять свои опредѣленія.

Вотъ почему судебная автономія цеховъ также стара, по выраженію Маурера, какъ «самые цехи» [3]). Только путемъ общиннаго, цеховаго суда и могъ цехъ защищать какъ свои общинныя права отъ нарушенія ихъ со стороны от-

---

[1]) Levasseur. I, 241 — 246. Brentano, 52. Maurer. II, 394 — 395. Gierke, 388 — 389.

[2]) Maurer II, 393 — 394. Brentano, 54.

[3]) Уже съ XII и XIII ст. всѣ цеховыя общества пользовались правомъ собственнаго общиннаго суда. Maurer. II, 389 — 390.

дѣльнаго члена, такъ и права отдѣльныхъ членовъ, какъ личныя, такъ и имущественныя. Компетенція этого общиннаго суда распространялась не только на чисто промышленныя дѣла общины, но и на всѣ вообще дѣла, вытекающія изъ совмѣстной жизни отдѣльныхъ членовъ ея: ему подлежали всѣ нарушенія уставовъ и опредѣленій нравственно-ремесленной полиціи; всякіе споры отдѣльныхъ членовъ цеховъ другъ съ другомъ, столкновенія мастеровъ со своими работниками и учениками и вообще всякое нарушеніе «общественнаго мира» за исключеніемъ смертоубійствъ [1]). Всѣ *наказанія*, какія могли налагать на провинившихся цеховые суды, состояли лишь *въ наложеніи пени* или штрафа: денежнаго или же выражавшагося во взносѣ опредѣленнаго количества воска на церковь, вина или пива въ общество; и въ исключеніи совершившаго проступокъ изъ членовъ цеха. Это была высшая мѣра наказанія, которую могъ судъ наложить; она употреблялась въ случаѣ такихъ проступковъ, какъ клятвопреступленіе или упорное, настойчивое сопротивленіе постановленіямъ цеховой общественной власти [2]).

Я уже говорилъ, что первоначальный цехъ не былъ только промышленно-экономическимъ явленіемъ: онъ былъ общеніемъ составляющихъ его членовъ самымъ всестороннимъ; онъ обхватывалъ всего человѣка; поэтому ему не были чужды и нравственно-религіозные интересы, стоявшіе, въ періодъ развитія цеховъ, далеко не на послѣднемъ планѣ: съ этой точки зрѣнія цехъ представлялъ собою *нравственно-религіозное* общество въ самомъ широкомъ христіанскомъ смыслѣ этого слова. Какъ такое общество, каждый цехъ имѣлъ, въ качествѣ своего защитника, патрона, какого либо святаго, именемъ котораго часто и назывался, и въ честь котораго учреждался алтарь, горѣли свѣчи — на общественный счетъ. Въ день памяти этого святаго весь цехъ собирался на торжественное богослуженіе, за которымъ слѣдовалъ пиръ на общественныя средства. Цехъ помогалъ бѣднымъ и больнымъ членамъ своимъ; недостаточныхъ умершихъ хоронилъ на свой счетъ и т. п. [3]). Съ религіозной стороной въ нераздѣльной связи стояла въ то время и нравственная сторона духовной жизни человѣка; съ религіозной стороной цеха, какъ общества, тѣсно связывалось, по этому, и его значеніе, какъ нравственно-общественнаго союза, удовлетворявшаго духовнымъ потребностямъ своихъ членовъ. Это значеніе его выражалось въ осуществленіи христіанскаго начала братской любви; каждый цехъ являлся союзомъ людей, обязавшихся взаимно помогать другъ другу, дѣлить радость и горе; отсюда общественное благотвореніе и общественныя празднества и развлеченія: при вступленіи въ цехъ новаго члена всѣ сотоварищи-ремесленники собираются на пиръ; въ семейныхъ событіяхъ каждаго отдѣльнаго члена, въ родѣ свадьбы, напр., принимаетъ участіе весь цехъ. Появляются общественныя мѣста отдох-

---

[1]) Ott. Gierke I, 397. Maurer II, 390. Wilda, 337 — 338.

[2]) Brentano, 49. Ott. Gierke. I, 398. Wilda, 340.

[3]) Wilda, 46 — 48 и 333 — 335. Ott. Gierke, 384 — 386; каждый цехъ имѣлъ особый фондъ для благотворительныхъ и религіозныхъ цѣлей, составлявшійся изъ особыхъ взносовъ и управлявшійся какъ особое имущество, составлявшее собственность не цеха, а святаго. 385 и пр. 116. Maurer, II, 403 — 409; иногда нѣсколько цеховъ соединялись въ одно религіозное общество, 407.

новеній и развлеченій, куда во время досуга могли собираться члены цеха; такое значеніе получаютъ общественные трактиры — герберги [1]).

Уже и въ періодъ своего основанія цехи имѣли и *политическое* значеніе, которое къ XV столѣтію перешло въ политическое господство въ городскомъ строѣ; организуясь въ совершенно особое самостоятельное цѣлое, имѣвшее свои собственные интересы, цехъ не переставалъ, однако, быть въ тоже время частью другаго цѣлаго — города, интересы котораго не были и не могли быть ему совершенно чуждыми. Верховная власть города была общею властью для всѣхъ цеховъ, властью, съ которой послѣднимъ приходилось считаться; какъ *частное* независимое общеніе, цехъ пользовался полной автономіей: городу мало было дѣла до внутреннихъ интересовъ каждаго отдѣльнаго цеха, до тѣхъ поръ, пока эти интересы не приходили въ столкновеніе съ интересами города, не нарушали ихъ. Но какъ часть этого же самаго города, цехъ не былъ въ глазахъ послѣдняго организмомъ ему чуждымъ. Съ этой точки зрѣнія цехъ являлся въ глазахъ города учрежденіемъ *политическимъ*, имѣющимъ по отношенію къ нему извѣстныя обязанности, обязаннымъ заботиться о пользѣ города (pro honore et utilitate civitatis), объ общемъ благѣ его [2]). Самое основаніе цеха стояло въ тѣсной зависимости отъ городской власти: слагаясь въ особое, независимое цѣлое совершенно самостоятельно, по собственной иниціативѣ, цехъ обращался юридически въ самостоятельное и независимое цѣлое лишь послѣ того, какъ получалъ юридическую санкцію отъ городской власти [3]), по отношенію къ которой цехъ, такимъ образомъ, становился въ зависимое, подчиненное положеніе; какъ ремесленный союзъ, цехъ, какъ объ этомъ уже было говорено, являлся представителемъ возложенной на него полицейской должности [4]) которую онъ отправлялъ именемъ города; на такихъ же условіяхъ онъ пользовался въ сущности и правомъ собственнаго суда. Цехъ долженъ былъ платить налоги и подати, возлагаемыя на него городомъ. Пользуясь правомъ носить оружіе, каждый отдѣльный членъ цеха въ тоже время обязанъ былъ служить этимъ оружіемъ и для защиты: каждый цехъ, поэтому, составлялъ часть, подраздѣленіе городскаго войска (Burgheer) съ самаго начала своего существованія [5]). На него возлагалась обязанность охранять не только внѣшнюю, но и внутреннюю безопасность роднаго города [6]). Зависимость цеха отъ городскихъ властей выражалась не въ одномъ только фактѣ его санкціи этими властями. Эта зависимость выражалась постоянно во все время существованія цеха, — при томъ въ большей или меньшей степени, что обусловливалось значеніемъ и силой

[1]) Ott. Gierke, 386 — 387.

[2]) Ibd. 371 и пр. 62.

[3]) Maurer I, 345 — 354; на этихъ страницахъ авторъ посвящаетъ цѣлые два параграфа однимъ только примѣрамъ того, что если цехъ хотѣлъ существовать законно и мирно, онъ долженъ былъ получить санкцію отъ городской власти (въ началѣ владѣльца, а потомъ, со времени освобожденія городовъ, городскаго совѣта); иначе ему приходилось выдержать борьбу, исходъ которой — все-таки санкція этой власти.

[4]) Поэтому-то компетенція цеха, относительно производства ремеслъ, вообще ремесленной полиціи, простиралась за предѣлы самаго союза: его ремесленныя статутныя опредѣленія, полицейскія постановленія и судъ захватывали и не принадлежащихъ къ цеху. Gierke. I, 372 пр. 63.

[5]) Во всякомъ случаѣ *до побѣды* цеховъ, т.-е. до конца XIV ст. Maurer. II, 417.

[6]) Maurer. I, 415—420, Ot. Gierke, I, 372. Wilda, 340.

какъ цеха, такъ и самыхъ властей города. Соединеніе нѣсколькихъ цеховъ въ одинъ или, наоборотъ, раздѣленіе одного на нѣсколько могло состояться всегда лишь съ вѣдома городскихъ властей. Самое избраніе цехами, изъ собственной среды, своихъ представителей внутренней администраціи альдермановъ или мастеровъ во многихъ городахъ стояло въ зависимости отъ городскихъ властей [1]); точно также, какъ и для каждаго собранія всѣхъ членовъ для обсужденія своихъ дѣлъ необходимо было согласіе, разрѣшеніе городскаго совѣта [2]). Судебная автономія, какъ мы видѣли, не была абсолютной автономіей: цехъ судилъ своихъ членовъ *не во всѣхъ* преступленіяхъ: за убійство ихъ судилъ обще-городской судъ, которому они подлежали и въ томъ случаѣ, когда спорныя дѣла возникали между ними и посторонними людьми, не входившими въ составъ цеха. Были даже случаи, въ которыхъ городской общественный судъ являлся какъ бы высшей инстанціей по отношенію къ цеховому суду [3]). Наконецъ, городская власть могла «въ необыкновенныхъ», какъ выразился Гирке, случаяхъ, въ родѣ возстанія, уничтожить цеховую организацію даннаго ремесла [4]). Такимъ образомъ, въ первый періодъ существованія цеховъ, какъ ихъ возникновеніе, такъ и прекращеніе, смерть, зависѣли не отъ одной ихъ доброй воли, но и отъ городской верховной власти, которая не могла создать цеха, организовать въ эту форму какое-либо ремесло *силой*, навязывать цеху тѣ или иныя формы независимо отъ его желанія, не могла удержать цехъ отъ распаденія, если того хотѣли всѣ члены этого цеха; но она могла *не допустить* сложиться тому или иному ремеслу въ желаемую форму, могла кассировать то или иное опредѣленіе цеховаго статута; могла, наконецъ, уничтожить цехъ противъ желанія его членовъ.

Верховною властью, волею цеха была власть и воля *цеховаго собранія*, собранія всѣхъ его членовъ; органами этой воли являлись избранные имъ изъ своей среды представители, должностныя лица цеха. Цеховое собраніе собиралось обыкновенно еженедѣльно или, въ большинствѣ цеховъ, по три раза въ годъ [5]). Участвовать въ собраніи могли *всѣ члены цеха* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. всѣ, пользующіеся правомъ самостоятельно заниматься ремесломъ, всѣ мастера [6]). Собранія эти носили оригинальныя названія—Colloquia fratrum, Brudersprachen; иногда же Jahrestag [7]). На нихъ обсуждались всѣ важнѣйшія дѣла цеха; старыя, отслужившія должностныя лица давали здѣсь отчетъ обществу; въ этихъ же собраніяхъ избиралась новая администрація

---

[1]) Ot. Gierke. I, 376 пр. 81. Wilda, 322.

[2]) Ot. Gierke, 377.

[3]) Когда цеховой судъ *не могъ* или не хотѣлъ разобрать дѣла, тяжущіеся могли перенести его въ городской судъ. Maurer. II, 390 и 391. См. Gierke. I, 397.

[4]) Причемъ символъ корпоративной самостоятельности цеха — его печать, разбивалась. Gierke, I, 375—376.

[5]) Brentano, 47; Maurer (II, 382) говоритъ, что они обыкновенно собирались разъ въ годъ или *три*.

[6]) Brentano, ib.; Gierke. I, 398. Только въ Кельнѣ этимъ правомъ пользовались лишь такъ называемые die verdienten Brüder — fratres deserviti; всѣ же остальные, хотя и пользовавшіеся правомъ самостоятельнаго производства, не имѣли никакого участія въ общихъ дѣлахъ цеха. Maurer II, 381.

[7]) Maurer II, 382.

цеха [1]).—Органами этого собранія, такъ сказать представителями исполнительной власти, были отдѣльные представители цеха, избранные всѣмъ собраніемъ изъ собственной среды [2]). Эти органы, въ средѣ, предоставленной имъ цеховымъ собраніемъ, какъ законодательнымъ учрежденіемъ, являлись совершенно самостоятельными органами [3]). Какъ число ихъ, такъ и время продолженія службы не было одинаковымъ во всѣхъ цехахъ всѣхъ городовъ. Въ этомъ отношеніи общимъ явленіемъ въ первый періодъ существованія цеховъ былъ лишь тотъ фактъ, что ни одна изъ должностей еще не была пожизненною [4]). Избраніе производилось простымъ большинствомъ голосовъ [5]). Облеченіе должностію совершалось часто торжественно съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ символическихъ обрядовъ [6]). Названіе представителей цеха заимствовалось отъ самаго слова цехъ или гильдія; поэтому мы встрѣчаемъ въ документахъ *гильдмейстеровъ* или *цунфтмейстеровъ, цехмейстеровъ* или же хандверкмейстеровъ и ханземейстеровъ, если цехъ назывался Hanse oder Handwerke. Иногда, впрочемъ, они заимствовали свое названіе отъ числа, въ которомъ ихъ избирали— Vierer, Sechser, Achter и т. д. [7]).—Первое время эти представители цеховъ играли, подобно владѣльческимъ или общиннымъ судьямъ прежняго времени, только судебную роль и лишь постепенно обратились въ исполнительныхъ органовъ общества съ постепеннымъ развитіемъ и усложненіемъ общественной жизни; съ этого времени на нихъ уже лежала обязанность заботиться о *всѣхъ* дѣлахъ общества. Они сзывали цеховыя собранія и предсѣдательствовали на нихъ. Они управляли цеховымъ имуществомъ; они были судьями; они были предводителями цеховыхъ отрядовъ на войнѣ; короче, они являлись верховною исполнительною властію цеха [8]).

Изъ представленнаго коротенькаго очерка цеховаго устройства видно, что каждый отдѣльный цехъ представлялъ собою съ самаго момента своего возникновенія то, что на современномъ юридическомъ языкѣ называютъ интеллектуальнымъ или *юридическимъ* лицомъ; или, какъ выражается Гирке, каждый цехъ какъ во внутреннемъ, такъ и во внѣшнемъ отношеніи, какъ въ частно, такъ и въ общественно-правовомъ смыслѣ, представлялъ собою *сборную, коллективную* личность — Gesammtpersoenlichkeit [9]). Эта коллективная личность, это юридическое лицо овеществлялось въ цеховомъ собраніи и его органахъ — представителяхъ цеха, служившихъ органами общей воли. Символичс-

---

[1]) Мѣстомъ собранія цеха былъ такъ называемый *цеховой домъ* — Zunfthaus. — Maurer. II, 384 и сл. Открытіе собранія сопровождалось религіозными обрядами. Brentano, 47.

[2]) Не запрещалось, впрочемъ, и изъ непринадлежащихъ къ цеху; иногда избирались представители *родовъ*, наиболѣе богатые. Maurer. II, 374.

[3]) Въ XIII ст. часто встрѣчается рядомъ съ цунфтмейстеромъ—*цеховой совѣтъ* — Zunftrath. Maurer II, 376.

[4]) Ot. Gierke, I, 399 и пр. 192 и 193. Maurer II, 370 — 372 и 374.

[5]) Ibid. 372.

[6]) Напр., трирскіе рыбаки передавали вновь избранному цунфтмейстеру букетъ цвѣтовъ, который онъ отдавалъ, слагая съ себя должность. Maurer, II, 375.

[7]) Ibid. 375 — 376. Во Франціи ихъ называли: bailes, consuls, prud'hommes, maitres du métier. Levasseur I, 210.

[8]) Maurer II, 369 — 378.

[9]) I. 404.

скимъ выраженіемъ юридической личности цеха служили цеховая печать и цеховое знамя [1]).

Какъ лицо, имѣвшее различныя потребности, каждый цехъ имѣлъ свою *общественную* собственность, совершенно отдѣльную и независимую отъ частной собственности каждаго отдѣльнаго члена его. Въ этомъ фактѣ лежитъ глубокое отличіе цеха отъ древне-русской артели, экономическая подкладка которой, какъ будетъ указано въ послѣдствіи, была совершенно иная. Общественный капиталъ цеха или, лучше, его общественная собственность, была собственностью фиктивнаго лица, но несовокупности всѣхъ членовъ цеха, которые, каждый въ отдѣльности, не имѣли на эту собственность никакого права; точно также, какъ и наоборотъ, фиктивное лицо, цехъ, не имѣлъ никакого отношенія къ собственности его отдѣльнаго члена, кромѣ случаевъ, точно опредѣленныхъ цеховыми статутами. Каждый членъ цеха работалъ совершенно независимо отъ всѣхъ остальныхъ членовъ; его заработокъ вполнѣ зависѣлъ отъ количества времени и труда, положеннаго на работу. Вся солидарность членовъ цеха по отношенію собственно къ ремеслу состояла лишь въ томъ, что всѣ члены одинаково должны были подчиняться всѣмъ опредѣленіямъ статутовъ; всѣ получали опредѣленное вознагражденіе за одну и туже работу, вознагражденіе, устанавливаемое тѣми же статутами [2]). Наибольшее проявленіе этой солидарности представляетъ собой слѣдующій фактъ: многіе цеховые статуты опредѣляютъ, что сырыя произведенія, матеріалы [3]) необходимые для ремесленныхъ работъ, должны пріобрѣтаться не каждымъ членомъ цеха въ отдѣльности, а всѣми вмѣстѣ; для чего избиралась особая коммиссія или представители; купленный матеріалъ дѣлился между отдѣльными членами уже по жребію [4]). Дальше этого экономическая общность между членами цеха уже не шла. Взаимная помощь другъ другу между отдѣльными членами или вспомоществованіе въ извѣстныхъ случаяхъ отдѣльному члену со стороны цеха изъ общественныхъ средствъ, основывались уже не на началахъ равенства, а на началахъ филантропическихъ, началахъ христіанской добродѣтели. Составляя одно цѣлое въ общественно-политическомъ смыслѣ, цехъ, слѣдовательно, не составлялъ этого цѣлаго въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи. Потребитель имѣлъ дѣло не съ цехомъ, а съ отдѣльнымъ членомъ его, который одинъ и отвѣчалъ за свою работу; въ случаѣ неисполненія принятыхъ имъ на себя условій по отношенію къ потребителю, всѣ невыгоды ложились на него одного. Вмѣшательство цеха ограничивалось лишь требованіемъ исполнить работу согласно полицейскимъ опредѣленіямъ цеховыхъ статутовъ и наказаніемъ въ случаѣ неисполненія этого требованія [5]). Каждый членъ цеха пользовался полной самостоятельностью въ

---

[1]) Maurer, II, 409—412.

[2]) Ot. Gierke. I, 395.

[3]) Въ большинствѣ случаевъ не всѣ, а лишь нѣкоторые.

[4]) Ibid. 392. Brentano—53; каждый, купившн то или иное количество сыраго матеріала, долженъ былъ подѣлиться имъ съ другими членами цеха, которые хотѣли также пріобрѣсти этого матеріала. См. также Ot. Gierke. I, 392.

[5]) Brentano (прим. 192) приводитъ фактъ поручительства товарищей за исполненіе принятыхъ имъ на себя обязанностей изъ статута каменьщиковъ. Этотъ фактъ какъ будто противорѣчитъ высказанному въ текстѣ мнѣнію. Въ опредѣленіи говорится: „желающій принять на себя работу по контракту“ долженъ представить *четырехъ* поручителей изъ наи-

своемъ частномъ, экономическо-хозяйственномъ быту, хотя, какъ мы видѣли, въ предѣлахъ такъ или иначе опредѣленныхъ статутными постановленіями цеха.

Иначе и быть не могло: цѣлью цеховъ при ихъ основаніи вовсе не было составить общество совмѣстнаго труда или даже капитала. Эта цѣль, какъ мы видѣли, состояла исключительно въ организованіи изъ всѣхъ занимающихся въ данномъ мѣстѣ однимъ и тѣмъ же ремесломъ *общества самозащиты;* общества, которое не замедлило перейти въ *общество борьбы,* если можно такъ выразиться. Здѣсь слагались не трудъ или капиталъ отдѣльныхъ членовъ, а лишь ихъ *сила,* общественно-политическое значеніе, для того, чтобы получить такую *коллективную силу,* которой стало бы на то, чтобы обезпечить каждому отдѣльному индивиду личную и имущественную безопасность, судъ и расправу. Понятно, что объ экономическомъ равенствѣ членовъ такого общества не могло быть рѣчи. De facto, въ періодъ основанія цеховъ, это равенство болѣе или менѣе существовало, пока каждое ремесло или производство стояло еще на степени *рукомесла;* когда для занятія ремесломъ не было нужно ничего болѣе, какъ здоровыя и дѣльныя руки, когда каждый занимался ремесломъ только *самъ.* Но объ этомъ равенствѣ не можетъ быть рѣчи съ того момента, какъ ремесленная промышленность нѣсколько усложнилась: каждому ремеслу небходимо было учиться уже довольно долгое время — появились ученики, которые играли гораздо большую роль въ исторіи цеховъ, чѣмъ можно подумать съ перваго взгляда. Ученикъ не все время ученія оставался непроизводительнымъ членомъ семьи мастера: годъ - два спустя по вступленіи въ обученіе, онъ уже оказывалъ значительную помощь хозяину въ ремесленной работѣ. Имѣть, поэтому, то или другое число учениковъ - работниковъ для мастера значило очень много: при большемъ числѣ ихъ мастеръ могъ несравненно больше производить; оборотный капиталъ его увеличивался. Цехъ задался мыслью поддержать экономическое равенство между своими отдѣльными членами; но онъ видѣлъ средства къ этому вовсе не тамъ, гдѣ его нужно было искать: полагались исключительно на полицейскія мѣры. Прежде всего обратили вниманіе на учениковъ и, понявъ ихъ значеніе въ хозяйствѣ, мастера-ремесленники постарались ограничить ихъ число; опредѣленъ былъ въ каждомъ цехѣ тотъ или иной максимумъ учениковъ, которыхъ могъ имѣть каждый хозяинъ [1]). Мѣра эта, разумѣется, не достигала имѣвшейся, при ея установленіи, въ виду цѣли: при опредѣленіи максимума различіе въ количествѣ, какъ бы максимумъ ни былъ малъ, все таки допускается. Благодаря такой организаціи цеховъ, какъ ремесленныхъ обществъ, а вмѣстѣ подъ вліяніемъ развитія и усложненія ремеслъ, которыя начинаютъ требовать болѣе или менѣе сложныхъ и дорогихъ инструментовъ и вообще затраты извѣстнаго капитала, не замедлилъ образоваться особый классъ ремесленниковъ, которые въ силу своей экономической несостоя-

болѣе уважаемыхъ людей, которые въ случаѣ его неисправности исполняютъ работу сами. Но здѣсь поручителями является не весь цехъ, какъ юридическое лицо, а лишь нѣсколько человѣкъ по выбору подрядчика и по доброму согласію ихъ самихъ. Это не болѣе, какъ одна изъ полицейскихъ мѣръ для обезпеченія добросовѣстности со стороны членовъ цеха при исполненіи принятыхъ ими на себя работъ.

[1]) Levasseur I, 225 и пр. 1 и 2.

тельности, не могли, кончивъ свой ученическій терминъ, стать самостоятельными ремесленниками хозяевами. Такимъ людямъ оставался двоякій исходъ: или составить товарищество, артель, или идти въ работники къ ремесленникамъ мастерамъ и такимъ образомъ если не навсегда, то навремя отрѣзать себѣ путь сдѣлаться полноправнымъ членомъ цеховаго общества. Образовать изъ себя общества они не могли иначе, какъ на *тѣхъ же самыхъ началахъ, на какихъ основывались существующіе уже ремесленные цехи*, т.-е. всетаки не на началахъ совмѣстнаго труда или даже капитала, началахъ чисто экономическихъ, а на началахъ исключительно общественно-политическихъ: они могли составить лишь общество, которое обладало бы силами, достаточными для того, чтобы быть признаннымъ въ качествѣ самостоятельнаго общественно-политическаго органа; а какъ могли они составить такую силу? Да, наконецъ, прежде чѣмъ успѣла выработаться мысль въ ихъ средѣ о союзѣ, цехъ успѣлъ обратиться въ почти замкнутое общество, доступъ въ составъ котораго сдѣлался очень и очень труднымъ и которое зорко слѣдило за своими промышленно-ремесленными правами, которыя не замедлили обратиться въ монопольныя. Съ этого времени съ цехомъ уже не приходилось тягаться окончившимъ ученическій терминъ, если бы они даже и дозрѣли до мысли составить корпорацію людей труда: эта корпорація не была бы признана за законное проявленіе общественно-промышленной жизни. Оставался одинъ исходъ—поступать, въ качествѣ неполноправныхъ членовъ, въ тотъ же цехъ, въ работники - подмастерья къ отдѣльнымъ членамъ его, обратиться такимъ образомъ въ несамостоятельныхъ членовъ цеха, не пользующихся никакими правами, кромѣ права быть защищенными въ личномъ и имущественномъ отношеніи, откуда и названіе ихъ—Schutzgenossen. [1]) Если я говорилъ, что въ первое время существованія цеховъ переходнаго *состоянія* между учениками и мастерами, какъ полноправными членами цеха, не было, то я не хотѣлъ этимъ сказать, что самаго понятія о *работникѣ*-ремесленникѣ, какъ помощникѣ мастера, не существовало и что такое состояніе было совершенно чуждо самой идеѣ цеховыхъ учрежденій; я хотѣлъ только сказать, что этого состоянія не существовало еще de facto, какъ не выработаннаго еще жизнью. Въ зародышѣ оно существовало съ самаго начала существованія цеховъ: хотя о немъ и очень мало говорится въ статутахъ цеховъ до конца XIII ст., но все-таки говорится: оно необходимо должно было современемъ выработаться и, притомъ, разростись до солидныхъ размѣровъ съ того времени, какъ Zunftzwang совершенно измѣнило свой первоначальный характеръ, обратившись изъ права цеха требовать, чтобы всякій, занимающійся ремесломъ, входилъ въ составъ его, въ право не допускать никого заниматься ремесломъ, если онъ не принадлежитъ къ цеху, сдѣлавшись однимъ изъ могущественныхъ средствъ цеховой монополіи.

---

[1]) Ot. Gierke, I, 401—404.

III.

Цехи въ періодъ ихъ полнаго развитія.

Время самаго блестящаго состоянія цеховъ, начиная со второй половины XIV столѣтія, время, когда въ занятіи ремесломъ цехъ сталъ видѣть не общественную должность, въ которой понятіе объ обязанности сливалось съ понятіемъ о правѣ, причемъ первая, пожалуй, преобладала надъ вторымъ, а свое *частное* право, и когда въ ремеслѣ стали видѣть исключительно только право или, лучше, привилегію, не соединяемую ни съ какимъ понятіемъ объ обязанности; это состояніе цеховъ многіе называютъ временемъ *вырожденія* цеховъ, временемъ обращенія ихъ во что-то такое, что не имѣетъ *ничего общаго* съ тѣмъ, чѣмъ были они въ первое время ихъ существованія. Съ этимъ мнѣніемъ едвали можно согласиться. Это ихъ состояніе было состояніемъ *полнаго развитія* того начала, на которомъ цехи покоились при самомъ ихъ основаніи; это было время самаго всесторонняго, самаго послѣдовательнаго развитія того, что въ первый періодъ ихъ существованія лежало въ нихъ лишь въ зародышѣ; словомъ, это была послѣдняя стадія развитія этого явленія средневѣковаго феодальнаго міра. Совершенно справедлива, наоборотъ, мысль Маурера, что моментъ наибольшаго развитія цеховъ былъ въ тоже время моментомъ паденія ихъ, также какъ моментъ крайняго развитія феодальнаго землевладѣнія былъ моментомъ его паденія. Это совершенно понятно: учрежденіе, порожденное извѣстнымъ состояніемъ общественнаго строя, постоянно развивается все въ одномъ направленіи, именно въ томъ, какое лежало въ немъ въ моментъ его возникновенія; оно развивается въ этомъ направленіи, *не смотря* на появленіе новыхъ условій и требованій общественной жизни, оно вступаетъ въ борьбу съ этими требованіями, напрягая всѣ свои силы все *въ томъ же* направленіи, развивая его, такимъ образомъ, до самыхъ крайнихъ предѣловъ возможнаго; но параллельно съ этимъ развиваются и новыя общественныя явленія, которыя, наконецъ, одерживаютъ побѣду надъ вполнѣ разцвѣтшими старыми.

Разъ существованіе несамостоятельныхъ членовъ цеха, ремесленниковъ-подмастерьевъ, допущено — оно постепенно и быстро развивается, достигая въ концѣ концовъ значенія цѣлаго сословія. Разъ при основаніи цеховъ допущено преобладаніе капитала надъ личнымъ трудомъ, это преобладаніе должно было все рости и рости, что необходимо должно было кончиться исключительнымъ господствомъ его и полнымъ порабощеніемъ труда. Всѣ полицейскія мѣры, подъ вліяніемъ такого направленія въ исторіи развитія цеховъ, должны были обратиться изъ средствъ къ охраненію общественныхъ интересовъ въ средства къ развитію и усиленію монополіи.

Цехи обращаются мало по малу въ монопольную организацію капиталистовъ, войти въ составъ которой становится въ высшей степени трудно. Эта организація строится на тѣхъ же началахъ, на какихъ организовались и всѣ остальные элементы феодальнаго строя, и обращается въ замкнутое учрежденіе, принадлежность къ которому съ одной стороны дѣлается наслѣдственнымъ пра-

вомъ, съ другой въ высшей степени затрудняется. Постоянно увеличивавшійся контингентъ ремесленниковъ, кончившихъ свой ученическій искусъ, стало быть, могущихъ вступить въ цехъ по своей опытности въ ремеслѣ, но не имѣвшихъ этой возможности по своему экономическому положенію, представлялъ собою самаго опаснаго конкуррента для старыхъ, состоящихъ въ цехѣ ремесленниковъ. Постоянно развивающіяся потребности и нужды европейскаго общества въ состояніи дать работу все возрастающему и возрастающему количеству рабочихъ рукъ. Цехи торопятся объявить *право* занятія ремесломъ и промысломъ вообще своимъ исключительнымъ правомъ, *частнымъ* правомъ, которое переходитъ отъ отца къ сыну, даже къ дочери. Всякій сынъ ремесленника уже eo ipso принадлежалъ къ составу цеха; всѣ условія пріема въ цехъ, сдѣлавшіяся едва выполнимыми, какъ увидимъ, для постороннихъ, желающихъ вступить въ цехъ, были почти одной формальностью для дѣтей, зятьевъ и мужей вдовъ ремесленниковъ мастеровъ [1]), до того эти условія стушевывались передъ ихъ, такъ сказать, наслѣдственнымъ правомъ. Иногда дѣти ремесленниковъ *совершенно* освобождались отъ одного изъ какихъ либо условій пріема въ цехъ, напр. [2]), отъ взноса опредѣленной суммы денегъ. Многіе цехи даже прямо не допускали въ свой составъ всѣхъ, кто не состоялъ въ родственныхъ или свойственныхъ связяхъ съ отдѣльными членами этого состава, принимая въ свою среду лишь сыновей и зятьевъ полноправныхъ членовъ цеха и отказывая всѣмъ остальнымъ даже въ правѣ пребыванія въ городѣ [3]). Это уже крайнее выраженіе *частно-правоваго* взгляда на занятіе ремесломъ. Большинство цеховъ этого состоянія не достигло.

Но исключая изъ состава своего людей постороннихъ, не стоящихъ въ родственныхъ связяхъ съ членами цеха, *всѣ* цехи тѣмъ не менѣе постепенно сдѣлали вступленіе въ свою среду почти невозможнымъ.

Срокъ пребыванія въ обученіи сильно увеличивается, достигая 12-лѣтняго періода [4]); по отбытіи этого срока молодой ремесленникъ не могъ прямо претендовать на право вступленія въ цехъ, хотя бы и удовлетворялъ всѣмъ необходимымъ для этого условіямъ. Онъ прежде всего долженъ былъ пробыть извѣстный срокъ въ работникахъ - подмастерьяхъ [5]). Вступленіе въ это состояніе затруднялось въ свою очередь многими постановленіями; одного свидѣтельства объ окончаніи ученическаго искуса было недостаточно; претендующій на званіе подмастерья у даннаго хозяина — мастера даннаго цеха долженъ былъ доказать, клятвой или свидѣтелями, что онъ учился именно въ томъ городѣ, въ которомъ онъ хочетъ устроиться [6]); онъ долженъ былъ имѣть опредѣленное

---

[1]) Brentano, 59. Levasseur I, 464—465. Maurer, II, 459—462.

[2]) Maurer II, 461.

[3]) Levasseur II, 465. Нѣкоторымъ цехамъ удалось добиться того, что въ теченіи 30 или 40 лѣтъ не принимали вовсе въ свою среду ни учениковъ, ни новыхъ мастеровъ. Ibid. 350.

[4]) Ibid. 225.

[5]) Ibid. 233—234; Maurer. II, 367—448: ученикъ, окончившій свой срокъ, получалъ такъ называемый Lehrbrief, который и давалъ ему право на вступленіе въ подмастерья; послѣднее происходило торжественно, въ присутствіи мастеровъ и подмастерій, при соблюденіи различныхъ обрядностей и символическихъ дѣйствій. 449.

[6]) Levasseur. I, 234.

количество платья и бѣлья [1]). Работа *на себя*, а не на хозяина, во время пребыванія въ работникахъ-подмастерьяхъ строго запрещалась [2]), чѣмъ пресѣкалась для нихъ почти всякая возможность къ скопленію необходимой для вступленія въ цехъ суммы; если гдѣ подмастерья могли быть женатыми, то ихъ женамъ точно также запрещалось работать [3]). Въ континентальной Европѣ мало по малу сдѣлалось необходимымъ условіемъ для вступленія въ цехъ обязательное странствованіе подмастерья по различнымъ городамъ съ цѣлью ремесленнаго образованія, усовершенствованія [4]). Лишь по окончаніи этого долгаго искуса ремесленникъ могъ претендовать на право вступленія въ цехъ въ качествѣ самостоятельнаго члена его; но и теперь, какъ я сказалъ, онъ получалъ лишь *право претендовать на вступленіе*, а не право вступить; чтобъ получить послѣднее, претендующій на него долженъ былъ *во-первыхъ*, представить образецъ своей работы, *во-вторыхъ*, внести опредѣленную сумму въ цеховую кассу, и *въ-третьихъ*, сдѣлать угощеніе нѣкоторымъ членамъ цеха. Исполненіе этихъ условій соединялось почти всегда и вездѣ съ громадными затратами, едва возможными для очень небольшаго числа претендовавшихъ на званіе мастера. Обычай требовать отъ вступающаго въ цехъ образчика его работы развился въ XIV столѣтіи [5]); только въ это время онъ сдѣлался закономъ, какъ выражается Levasseur. Основною мыслью этого обычая въ первое время было, разумѣется, желаніе испытать искусство претендующаго на званіе мастера [6]), но современемъ этотъ обычай получилъ совершенно иной характеръ, сдѣлавшись однимъ изъ средствъ къ поддержанію монополіи: стали стараться сдѣлать испытаніе наивозможно болѣе труднымъ для исполненія съ цѣлью затормозить доступъ въ цехъ. Обыкновенно испытываемому задавали, въ теченіи опредѣленнаго срока, совершить опредѣленную работу, безъ всякой посторонней помощи, причемъ работа давалась по возможности самая непроизводительная, не могущая получить никакого сбыта и притомъ требующая затраты огромныхъ средствъ, силъ, времени [7]). Назначалась особая коммиссія присяжныхъ (jures), которые назначали самую работу и судили объ ея удовлетворительности. Испытываемый совершенно изолировался на все время испытанія, для чего онъ помѣщался въ домѣ одного изъ присяжныхъ или же вообще въ помѣщеніи, избранномъ этими послѣд-

---

[1]) Ibid. 235; нѣкоторые цехи требовали отъ подмастерья *пять* паръ платья.

[2]) Brentano, 62.

[3]) Ibid. Въ большинствѣ цеховъ подмастерьямъ запрещалось жениться; между тѣмъ какъ мастеръ *долженъ* былъ быть женатымъ и притомъ на дѣвушкѣ, принадлежащей къ ремесленному сословію. Ibid. 72.

[4]) Срокъ этаго странствованія иногда до 5 лѣтъ. Brentano, 71. Оно сдѣлалось необходимымъ условіемъ лишь въ XVII ст. Ot. Gierke I, 404; Maurer. II, 451.

[5]) Maurer II, 451. Levasseur I, 456. Впрочемъ, этотъ обычай упоминается въ статутахъ одного изъ цеховъ Парижа отъ XII ст.; но этотъ фактъ *Левассеръ* принимаетъ *за единичный*. Levasseur I, 204 и 456.

[6]) Levasseur I, 457: въ 1408 году въ статутѣ одного изъ амьенскихъ цеховъ мы встрѣчаемся еще съ фразой, изъ которой видно, что цехъ оправдываетъ новый обычай требовать отъ вступающаго въ цехъ исполненіе chef d'oeuvre pour le bien et prouffit commun.

[7]) Иногда ремесленникъ за работой надъ „образцомъ“ проводилъ болѣе года. Levasseur II, 95. Предметомъ работы была вещь неупотребляемая въ общежитейскомъ обиходѣ и притомъ очень дорогая. Ibid. 96 и т. I, 469.

ними [1]); причемъ помѣщеніе это должно было оплачиваться экзаменующимся. Понятно, что все дѣло было въ рукахъ нѣсколькихъ мастеровъ, назначенныхъ въ присяжные судьи, которые рѣшали вопросъ о свойствѣ работы исключительно подъ вліяніемъ личныхъ соображеній; о безпристрастномъ рѣшеніи вопроса не могло быть и рѣчи; случалось, что образцовыя работы самой тонкой и совершенной отдѣлки отвергались, какъ неудовлетворительныя [2]); имѣли мѣсто разумѣется и явленія обратныя. При этомъ сыновья мастеровъ пользовались всякими послабленіями: ихъ chef-d'oeuvre (Miesterstueck) отличался уже несравненно меньшей трудностью и чаще всего требовалъ просто только обыкновенной опытности [3]). Тѣже, въ комъ присяжные видѣли опасныхъ конкуррентовъ, раззорялись совершенно на выполненіе заданнаго имъ chef-d'oeuvre [4]). Если результаты испытанія признавались коммиссіей присяжныхъ удовлетворительными, испытываемый получалъ, наконецъ, право на вступленіе въ цехъ въ качествѣ самостоятельнаго мастера; но для осуществленія этого права оставалось сдѣлать еще очень и очень много; получившій его долженъ былъ внести опредѣленную сумму въ цехъ «на свѣчи» въ церкви (pour l'entretien du cierge); сумма эта въ сравненіи съ первоначальной возрасла до очень солидныхъ размѣровъ; онъ долженъ былъ оплатить потерянное на его испытаніе время присяжными судьями; внести извѣстную сумму за вписку его въ цехъ; мало того, во многихъ цехахъ поступающій долженъ былъ отдать свою образцовую работу въ пользу цеха или, если хотѣлъ сохранить — выкупить ее по очень высокой оцѣнкѣ; всего этого было еще недостаточно; вновь посвященный долженъ былъ задать пиръ присяжнымъ, которые обыкновенно не разъ угощались во время производства работы [5]); само собою понятно, что этотъ пиръ XVI или XVII столѣтія далеко не былъ такъ простъ и скроменъ, какъ пирушка цеховыхъ при вступленіи въ ихъ среду новаго члена въ XII или XIII столѣтіяхъ [6]).

IV.

Внутреннее разложеніе цеховъ.

Можно себѣ представить, какую круглую сумму составляли всѣ эти расходы въ ихъ общей сложности! Многимъ ли, послѣ этого, доступно было право вступленія въ цехъ. Что же оставалось дѣлать большинству работниковъ-подмастерій, экономическое положеніе которыхъ лишало ихъ всякой надежды стать когда либо самостоятельными мастерами? Примириться съ своей участью и озаботиться лишь о посильномъ ея облегченіи. *О борьбѣ* съ могущественными цехами пока не приходилось и думать. Все, чего могли достигнуть подмастерья — организоваться въ правильныя общины, чтобы быть въ состояніи представить

[1]) Ibid. I, 459.
[2]) Ibid. 463.
[3]) Ibid. 464.
[4]) Ibid. II, 95—97.
[5]) Ibid. I, 461—62.
[6]) Maurer II, 457.

хоть какой нибудь отпоръ силѣ цеха, хоть сколько нибудь пріобрѣсти въ его глазахъ значенія. Образуются общества ремесленниковъ - работниковъ, подмастерьевъ, Gesellenbruederschaften, compagnonnages, которыя появились уже въ концѣ XIV столѣтія, а въ XV и XVI вѣкахъ уже покрывали собою всю Германію [1]). Само собою понятно, что эти общества распространились въ средѣ подмастерьевъ именно въ то время, когда монопольный духъ цеховъ достигъ наибольшей степени развитія, когда между мастеромъ и подмастерьемъ не могло быть рѣчи ни о какихъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ открыто-враждебныхъ, замѣнившихъ собою первоначальныя, полусемейныя; когда между мастеромъ и подмастерьемъ не существовало другаго различія, кромѣ различія, выражаясь словами Гирке, «возраста и техническаго развитія». Понятно, что въ это первое время образованія состоянія подмастерьевъ, ихъ организація общинная необходимо отличалась отъ такой организаціи, выработавшейся впослѣдствіи. Общины подмастерьевъ этого времени представляли собою не болѣе, какъ общины съ благочестивою цѣлью, которыя, какъ и религіозныя общины мастеровъ, стояли въ извѣстной зависимости отъ цеховыхъ собраній [2]). Но съ постепеннымъ развитіемъ частно-правоваго монопольнаго духа въ цехахъ эти общины совершенно измѣняютъ свой характеръ: классъ подмастерьевъ вырабатывается въ особое сословіе, интересы котораго діаметрально противоположны интересамъ цеховъ; организація этого сословія крѣпнетъ постепенно, не смотря на враждебныя отношенія къ нему городскихъ властей, которыми въ это время стали уже власти цеховыя. Подмастерья организуются въ болѣе или менѣе самостоятельныя общины, но совершенно по образцу цеховыхъ [3]). Эти общества представляли самостоятельныя юридическія лица, обладавшія собственностію, какъ движимой, такъ и недвижимой [4]). Во главѣ ихъ стояли представители подмастерьевъ, органы общей воли, выражавшейся въ общихъ собраніяхъ всѣхъ подмастерьевъ [5]) (Landtag; Friedenstag въ Германіи); представители юридическаго лица, избираемые ими въ своихъ общихъ собраніяхъ изъ собственной среды Altgesell—судья и предсѣдатель въ общихъ собраніяхъ и другія общественныя должностныя лица [6]). Эти общины пользуются автономіей въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, подобно цеховымъ обществамъ [7]).

Цѣли этихъ общинъ, подобно цеховымъ, въ высшей степени разнообразны: и въ нихъ мы встрѣчаемся и съ религіозной, и филантропической, и съ нравственной, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, сторонами [8]). Но понятно само собою, что главная основная цѣль ихъ лежала во взаимной поддержкѣ другъ друга противъ произвола мастеровъ [9]); въ этомъ отношеніи въ нихъ выступали на первый планъ интересы чисто-экономическіе. Въ Германіи эти общества, не

---

[1]) Ibid. 368.
[2]) Ot. Gierke. I, 404.
[3]) Ibid. 405.
[4]) Ibid. Maurer II: они имѣли свои Rathaeuser и трактиры, 440, и капиталы. Ibid. 443.
[5]) Maurer II, 436.
[6]) Ibid. 438; Ot. Gierke I, 405.
[7]) Ot. Gierke Ibid.—Maurer. II, 439.
[8]) Maurer. II, 443—444. Ot. Gierke. Ib. Они, какъ и цехи, имѣли своего патрона между святыми.
[9]) Levasseur. I, 468. Ot. Gierke, ib.

смотря на враждебныя отношенія къ нимъ, были все таки санкціонированы и существовали, какъ законное явленіе общественно-промышленной жизни. Во Франціи же эти общества приняли совершенно иное направленіе; они не остановились здѣсь только на мѣстныхъ, въ данномъ только городѣ существующихъ братствахъ, признанныхъ закономъ; сильное развитіе обычая странствованія вызвало нѣсколько болѣе сложную организацію рабочихъ союзовъ, организацію, которая, благодаря враждебному отношенію къ ней властей цеховыхъ и общегосударственной, не замедлила вылиться въ формы тайныхъ союзовъ, внѣшность которыхъ представляла собою много таинственнаго, маловяжущагося съ дѣломъ; сущность ихъ состояла во взаимной помощи путешествующихъ ремесленниковъ подмастерьевъ [1]).

Замѣчанія Levasseur'а, что compagnonages представляютъ собою форму чисто рабочей организаціи [2]), вѣрно; но эти ассоціаціи все таки отличаются отъ цеховыхъ вовсе не въ принципѣ, не по началу, на которомъ основывались, а лишь по составу: въ послѣднихъ соединяются представители исключительно капитала въ послѣднее время ихъ существованія, а въ первыхъ—представители труда. Основное же начало этихъ *рабочихъ* союзовъ, союзовъ представителей труда, ничѣмъ не отличалось отъ начала, на которомъ строились цехи. На другомъ началѣ, на началѣ совмѣстнаго труда, они и не могли построиться, такъ какъ никто изъ нихъ не имѣлъ права на самостоятельный трудъ. Но и эта организація ремесленниковъ-подмастерьевъ все таки представляла собою нѣкоторую силу, съ которой цехамъ приходилось вѣдаться. Обладая нѣкоторымъ, хотя и скромнымъ, капиталомъ, имѣя возможность оказывать помощь изъ этого капитала отдѣльнымъ членамъ общества, подмастерья рабочіе уже не представляли собою по отношенію къ мастерамъ-хозяевамъ ту безпомощную рабочую силу, оплата и содержаніе которой было совершенно въ рукахъ этихъ хозяевъ. До организованія подмастерьевъ въ отдѣльныя общества единственной защитой ихъ противъ притѣсненій отдѣльныхъ хозяевъ являлась вся совокупность этихъ хозяевъ—цехъ; но на безпристрастіе этой защиты можно было сколько нибудь полагаться лишь до тѣхъ поръ, пока цехъ не обратился еще въ замкнутое общество монополистовъ, пока городское управленіе не было еще исключительно цеховымъ. Но съ того момента, какъ цеховое устройство стало въ тоже время и городскимъ, когда управленіе города перешло въ руки нѣсколькихъ, наиболѣе богатыхъ членовъ цеховъ; когда, такимъ образомъ, исчезла всякая возможность обжалованія рѣшенія цеховыхъ властей по вопросу объ отношеніи рабочихъ-подмастерьевъ къ мастерамъ-хозяевамъ, первымъ осталось единственное средство обратиться къ собственнымъ силамъ. Союзы рабочихъ пускаютъ въ ходъ, для измѣненія своихъ отношеній къ хозяевамъ, для своей выгоды тѣже средства, которыя практикуются ихъ потомками еще и до настоящаго времени. Общинная организація давала имъ возможность устраивать стачки съ цѣлью добиться того или инаго измѣненія своего положенія. Настаетъ время постоянной, упорной борьбы труда съ капиталомъ. Третейскимъ судьей въ этой борьбѣ является верховная власть, разумѣется тамъ, гдѣ она настолько сильна, чтобы быть въ состояніи

[1]) Levasseur. I, 501.
[2]) Ibid. 503.

привести въ исполненіе свое рѣшеніе. Во второй половинѣ XVI ст. частыя стачки парижскихъ рабочихъ-булочниковъ, желавшихъ измѣнить условія найма по отношенію къ сроку и вознагражденію, стачки, лишавшія совершенно мастеровъ рабочихъ рукъ и угрожавшія иногда ихъ личной безопасности, вызвали со стороны цеховыхъ жалобу королевскому прокурору. Королевская власть стала на сторону цеховъ [1]). Въ началѣ того же столѣтія наборщики ліонскихъ типографій стакнулись съ цѣлью увеличить заработную плату, улучшить содержаніе, выдаваемое имъ хозяевами. Дѣло, пройдя чрезъ инстанцію парламентскаго суда, дошло до короля, который издалъ по этому поводу въ 1541 году спеціальный ордоннансъ, которымъ уничтожались союзы этихъ рабочихъ, и всякія собранія ихъ, свыше пяти человѣкъ, безъ разрѣшенія судебной власти, строго запрещались. За нарушенія отдѣльныхъ постановленій этого ордоннанса угрожали суровыми штрафами, тюремнымъ заключеніемъ и даже изгнаніемъ [2]). Однако подобнаго рода ордоннансы не достигали своей цѣли: королевская власть, даже во Франціи, не была еще на столько сильна, чтобы заставить исполнять ихъ. Борьба продолжалась; цехи и союзы рабочихъ затрачивали на нее не малыя силы.

Эта борьба кипитъ не внутри только отдѣльныхъ цеховъ; она идетъ и между этими цехами. Съ развитіемъ промышленности, съ постепеннымъ возникновеніемъ новыхъ видовъ ея, съ быстрымъ развитіемъ начала раздѣленія труда—установить границы между отдѣльными цехами становится все труднѣе и труднѣе. Старые цехи во всѣхъ вновь возникающихъ, стоящихъ, по характеру ремесла, въ тѣсной связи съ ними, видятъ нарушеніе своихъ привилегій; возникаетъ борьба, тянутся безконечные процессы, непрерывающіеся въ теченіи цѣлыхъ столѣтій [3]). Понятно, какъ должно было это вліять на развитіе промышленности вообще. Каждая новая отрасль должна была завоевывать, такъ сказать, съ бою право на самостоятельное существованіе; а между тѣмъ, вмѣстѣ съ усложненіемъ и развитіемъ общественной жизни, усложнялись и развивались потребности этой жизни, вызывавшія на свѣтъ новые виды ремеслъ и промышленности.

V.

Отношеніе къ цехамъ государственной власти.

Усиливающаяся верховная власть не могла относиться пассивно къ цеховой организаціи съ ея привилегіями и монопольной замкнутостью. Мы видѣли, какъ

[1]) Levasseur. II, 89.

[2]) Ibid. 91—92.

[3]) Ibid. 83. Такъ процессъ между портными и старьевщиками *тянулся* цѣлыхъ *три столѣтія:* портные доказывали, что старьевщики не могутъ *чинить* скупаемаго ими для перепродажи стараго платья, такъ какъ это составляетъ исключительное право ихъ, портныхъ; старьевщики же доказывали на оборотъ, что право портныхъ ограничивается лишь *монополіей* производить *новое платье*. Подобнаго же рода процессъ тянется *въ теченіи столѣтія* между торговцами *жареной дичью и мясомъ* и торговцами *живой дичью*. Цехъ мелочныхъ торговцевъ ведетъ процессъ о нарушеніи своихъ привиллегій чуть не со всѣми цехами... Ibid. 83—88.

эта верховная власть относилась къ цехамъ. Она вездѣ лишаетъ цехи ихъ политическаго значенія, обращаетъ ихъ исключительно въ ремесленныя корпораціи, которыхъ если и не уничтожаетъ, то потому только, что убѣждена въ ихъ пользѣ для развитія промышленности подъ надзоромъ и регламентаціей ея правительственныхъ органовъ, т. е. при условіи уничтоженія даже и промышленной автономіи, если можно такъ выразиться, права самостоятельнаго регулированія своихъ внутреннихъ, исключительно ремесленныхъ отношеній.

Вотъ почему въ XVIII столѣтіи, въ періодъ перенесенія цеховой организаціи промышленности въ Россію, эта организація далеко уже не представляла собою того, чѣмъ она была въ XV столѣтіи и даже въ XVI. Теперь это не самостоятельныя, независимыя корпораціи, какими онѣ были до паденія городскаго устройства, теперь онѣ вмѣстѣ съ автономіей лишаются въ извѣстной степени своихъ *исключительно* монопольныхъ тенденцій, хотя свободы промышленности еще и не существуетъ [1]).

Теперь цехъ могъ возникнуть не иначе, какъ съ разрѣшенія верховной власти [2]). Онъ представлялъ, такимъ образомъ, закономъ признанную корпорацію или общество, обладающее всѣми свойствами юридическаго лица [3]); т.-е. ему принадлежало право общихъ собраній всѣхъ членовъ, какъ средство выраженія воли цеха, право имѣть своихъ представителей, какъ органовъ воли, право имѣть движимую и недвижимую собственность и распоряжаться ею. Но это юридическое лицо не обладаетъ уже никакими политическими правами, не составляетъ государства въ государствѣ, а является не болѣе, какъ корпораціей, строго регулируемой общегосударственной властью въ видахъ охраненія государственныхъ интересовъ. Цеховыя собранія, имѣющія мѣсто два или четыре раза въ годъ, смотря по разстоянію, на которомъ разбросаны отдѣльные члены цеха, происходили подъ надзоромъ агента верховной власти, на нихъ присутствующаго; всѣ постановленія собранія имѣли силу лишь по утвержденіи ихъ этимъ агентомъ [4]). Представители цеха, его административныя власти, избирались на этихъ собраніяхъ изъ членовъ цеха и вступали въ отправленіе своей должности лишь по утвержденіи ихъ въ ней верховной властью [5]). Эти власти—обермейстеры, гильдмейстеры, альтмейстеры или альтменнеры—избирались въ большинствѣ цеховъ лишь *на одинъ годъ*. Для завѣдыванія спеціальными дѣлами избирались особыя *коммиссіи*. Этими единоличными и коллегіальными учрежденіями и исчерпывались всѣ *общецеховыя* должности. Власть цеховъ носитъ двоякій характеръ—судебный и административный. Судебная автономія цеховъ точно также ограничена надзоромъ агента верховной власти [6]). Судъ отправлялся выборными отъ цеха подъ предсѣдательствомъ обермейстера; дѣла, подлежащія его вѣденію, состояли исключительно только изъ проступковъ членовъ

---

[1]) Я говорю здѣсь о цеховомъ устройствѣ XVIII вѣка исключительно въ Германіи, такъ какъ наша цеховая организація заимствована изъ этой страны.

[2]) Mascher. 392.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid. 393.

[5]) Ibid. 392. Иногда они даже прямо назначались верховной властью изъ членовъ городскаго совѣта (Rathsglieder).

[6]) Ibid. 396.

цеха противъ нарушенія цеховыхъ статутовъ. Наказанія ограничивались лишь денежнымъ штрафомъ—не свыше двухъ гульденовъ, взносомъ въ цехъ опредѣленнаго количества пива или вина и изгнаніемъ изъ цеха, какъ самой высшей мѣры наказанія [1]). На рѣшеніе цеховыхъ судовъ можно было апеллировать *въ обыкновенный судъ*.

Что касается власти законодательно-административной, то ея объемъ, какъ выраженіе автономіи цеховъ, былъ ограниченъ до nec plus ultra; цеховое собраніе не могло собственной властью ни установить вновь, ни подтвердить уже существующую привилегію цеха; оно не могло ни распространить, ни ограничить ни одной статьи цеховаго статута; то есть оно не могло ни соединить нѣсколько цеховъ въ одинъ, ни раздѣлить одинъ на нѣсколько; не могло такъ или иначе измѣнить число членовъ цеха; не могло сдѣлать по собственному усмотрѣнію тѣ или иныя послабленія или затрудненія для желающихъ поступить въ цехъ; цеховое собраніе не могло исключительно по собственному желанію прекратить существованіе цеха, какъ юридическаго лица; оно не пользовалось правомъ избирать такъ называемыхъ шаумейстеровъ — надзирателей за продажей ремесленныхъ произведеній; оно, наконецъ, не могло по собственному усмотрѣнію установлять рыночныя цѣны для этихъ произведеній. Всѣ эти права принадлежали исключительно государственной власти [2]). Такимъ образомъ, цеховыя власти могли самостоятельно дѣйствовать лишь въ строго опредѣленныхъ предѣлахъ, установленныхъ цеховыми статутами и опредѣленіями, изданными верховной властью въ теченіи XVI и XVII столѣтій; старинные цеховые обычаи имѣли силу лишь по стольку, по скольку они были признаны этой властью. Распоряженіе общественною цеховою собственностью не принадлежало безгранично цеховымъ властямъ: всякаго рода пріобрѣтенія и отчужденія этой собственности могли состояться лишь съ согласія верховной власти [3]). Оно было необходимо и для установленія всякаго рода новыхъ сборовъ съ членовъ цеха [4]). Въ этомъ ограниченіи автономіи цеховъ и состояла сущность цеховъ Германіи въ XVIII столѣтіи; въ нихъ причина того, что если цехи, вопреки мнѣнію государственной власти, и не содѣйствовали развитію торговли и промышленности; если они, на оборотъ, и тормозятъ это развитіе, то во всякомъ случаѣ не такъ сильно, какъ прежде; прежнія злоупотребленія значительно смягчены; проявленіе исключительно монопольнаго духа стало невозможнымъ: цеховое право изъ *частнаго* права опредѣленной группы обратилось въ *привилегію*, дарованную этой группѣ государствомъ.

Въ силу такого измѣненія цеховой автономіи и отношенія между мастерами-хозяевами и ремесленниками-подмастерьями и учениками значительно измѣнились къ выгодѣ послѣднихъ; хотя, разумѣется, не въ самомъ принципѣ, а лишь въ его проявленіяхъ.

Цехъ представляетъ собою въ сущности *цѣлое*, въ составъ котораго вхо-

---

1) Ibid.
2) Ibid. 395—396.
3) Ibid. 394.
4) Ibid.

дятъ не только мастера-хозяева, но и ремесленники-подмастерья съ учениками [1]). Положеніе въ немъ тѣхъ, другихъ и третьихъ, само собою понятно, было далеко не одинаково. Положеніе первыхъ было положеніемъ активныхъ членовъ общества, принимавшихъ непосредственное участіе въ управленіи дѣлами цеха; положеніе вторыхъ было положеніемъ пассивныхъ членовъ общества, не принимавшихъ никакого участія въ дѣлахъ общества. Законодательство, съ цѣлью устранить злоупотребленія мастеровъ, подробно регулируетъ отношенія къ мастерамъ-хозяевамъ, какъ учениковъ, такъ и работниковъ-подмастерьевъ.

При вступленіи мальчика въ обученіе какому либо ремеслу къ данному члену цеха, всѣ условія, на которыхъ онъ поступалъ въ домъ мастера, подробно вносились въ особую шнуровую книгу [2]). Плата за обученіе установлялась по добровольному соглашенію мастера съ родителями или родственниками ученика; maximum времени, на которое поступалъ ученикъ, опредѣлялся въ *шесть* лѣтъ — срокъ обученія очень не многимъ ремесламъ [3]); наиболѣе обыкновеннымъ срокомъ былъ трехъ-четырехъ лѣтній срокъ; отъ усмотрѣнія мастера зависѣло лишь сокращеніе условнаго срока, максимумъ на полгода, если ученикъ оказывалъ особенно быстрые успѣхи. Законъ не забылъ опредѣлить случаи нарушенія заключенныхъ условій по винѣ той или другой стороны; опредѣляется положеніе ученика въ случаѣ смерти хозяина и, наоборотъ, права родственниковъ ученика въ случаѣ его смерти на внесенную ими плату за обученіе. Хотя и въ общихъ, слишкомъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, законъ регулируетъ отношенія хозяина къ ученику, обязывая послѣдняго «повиноваться» первому, запрещая хозяину обременять своего ученика излишней работой и уполномочивая его и старшаго подмастерья наказывать его, «смотря по обстоятельствамъ» [4]).

По окончаніи срока обученія, бывшій ученикъ вступалъ въ сословіе подмастерьевъ - ремесленниковъ, имя которыхъ присвоивается ремесленникамъ, кончившимъ ученическій искусъ, пока они не получили права на самостоятельное занятіе ремесломъ, и записаннымъ въ особую книгу (Gesellen — oder Brüderschaftsbuch) [5]). Поступивши къ извѣстному мастеру, подмастерье долженъ былъ повиноваться ему [6]) и работать исключительно только на него или, по смерти его, на вдову - ремесленницу [7]). Законъ обязываетъ подмастерья не покидать хозяина до конца срока, если онъ нанялся на опредѣленный срокъ или до окончанія опредѣленной вещи, если онъ работаетъ поштучно; причемъ за нарушеніе этого постановленія подмастерью угрожаетъ опредѣленный денежный штрафъ. Законъ регулируетъ даже нравственную жизнь подмастерья, наказывая его за такіе проступки, какъ позднее возвращеніе домой или заночеваніе безъ разрѣшенія мастера внѣ дома; онъ вмѣшивался даже въ такія, чисто личныя дѣла, какъ бракъ, которому старался ставить всевозможныя препятствія [8]). Фак-

---

1) Ibid. 392.
2) Ibid. 398.
3) Ibid. 399.
4) Ibid. 399—400.
5) Ibid. 401.
6) Ibid. 403.
7) Ibid. 404.
8) Ibid.

тически допускалось существованіе *общинъ* или *братствъ* подмастерьевъ подъ ближайшимъ надзоромъ правительственной власти; цѣлью этихъ братствъ могла быть лишь взаимная помощь членовъ въ случаѣ нужды [1]). Собраніе всѣхъ членовъ братства подмастерьевъ регулировалось аналогично съ собраніями цеховыми; въ нихъ избирались власти общества — Altgesell, Ladengesell и Inngesell.— На нихъ присутствовалъ особенно назначенный для этого мастеръ, членъ цеха, безъ присутствія котораго собраніе не могло состояться. Распоряженіе общественными суммами находилось подъ непосредственнымъ надзоромъ особаго *мастера*, предсѣдателя, которому Altgesell долженъ былъ давать отчеты о приходахъ и расходахъ [2]). Главною цѣлью этихъ братствъ была въ сущности поддержка подмастерьями другъ друга во время ихъ странствованій по различнымъ городамъ, что, какъ мы видѣли, сдѣлалось повсемѣстнымъ обычаемъ въ Германіи въ теченіи XVII столѣтія. Вести борьбу съ мастерами за заработную плату эти общества теперь уже не могли, такъ какъ стояли подъ сильнымъ надзоромъ верховной власти, которая зорко слѣдила, чтобы они не преступали закономъ опредѣленныхъ границъ.

Какъ въ періодъ неограниченнаго господства цеховъ ихъ монополія поддерживалась затрудненіемъ вступать въ составъ ихъ всѣхъ и обращеніемъ права заниматься ремесломъ въ частную наслѣдственную собственность; такъ теперь лишеніе ихъ замкнутаго монопольнаго характера совершается обратнымъ путемъ: облегченіемъ и упрощеніемъ условій вступленія въ цехъ для всѣхъ желающихъ и путемъ постепеннаго обращенія права на занятіе какимъ либо ремесломъ изъ частнаго въ общественное, что необходимо влекло за собою устраненіе принципа наслѣдственности этого права.

Уже первая ступень по дорогѣ къ самостоятельному занятію даннымъ ремесломъ нѣсколько облегчалась и упрощалась; отъ вступающаго въ ученики требуется лишь законность происхожденія и принадлежность къ одному изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Дѣти крѣпостныхъ и крестьянъ могутъ поступить въ ученье съ тѣмъ условіемъ, однако, что они представятъ, выражаясь юридическимъ языкомъ, свидѣтельство объ увольненіи, письменное согласіе на вступленіе ихъ въ обученье ремеслу; первые—отъ господина, вторые отъ мѣстной судебной власти (въ Гессенѣ) [3]). Сроки ученія, какъ мы видѣли, значительно сокращены.

Чтобы вступить въ данный цехъ въ качествѣ его самостоятельнаго члена, необходимо прежде всего быть гражданиномъ того города, въ которомъ находится этотъ цехъ [4]); далѣе, пройти искусъ ученичества и состоянія кочующаго подмастерья и, наконецъ, представить образцовую работу. Стало-быть условія все тѣже по своей сущности, но сильно смягченныя въ своихъ формахъ. Время кочеванія нѣсколько сокращено; въ тѣхъ случаяхъ, когда подмастерье по какимъ либо очень уважительнымъ причинамъ не могъ вовсе посвятить времени на путешествіе, ему не отрѣзывался путь въ цехъ, онъ освобождался прави-

---

[1]) Ibid. 401. Съ этою цѣлью на общественный счетъ содержались особые дома, для помѣщенія герберговъ, въ которые принимали подмастерьевъ и содержали ихъ въ теченіи опредѣленнаго срока.

[2]) Ibid. 402.

[3]) Ibid. 397—398.

[4]) Ibid. 405.

тельственными органами отъ этой обязанности, если взамѣнъ вносилъ опредѣленную сумму денегъ [1]). Приготовленіе образца дѣлается возможнымъ дѣломъ для многихъ подмастерьевъ, если не для всѣхъ. Выборъ и назначеніе работы не зависитъ уже отъ усмотрѣнія и произвола присяжныхъ, а опредѣляется до мелочей цеховымъ уставомъ. Запрещается заставлять и дѣлать такую вещь, въ качествѣ «образца», которая требовала бы громадныхъ денежныхъ затратъ, затраты неимовѣрной силы и времени, и притомъ представляла бы собою вещь безполезную, никому ненужную и потому немогущую найти сбыта [2]). Вопросъ о достоинствѣ «образца» рѣшается особой коммиссіей мастеровъ подъ предсѣдательствомъ обермейстера и *въ присутствіи правительственнаго чиновника*. «Образецъ» оставался собственностью испытываемаго. Угощенія запрещались [3]). Слѣдовательно, денежные расходы по вступленію въ цехъ значительно сокращались, по крайней мѣрѣ de jure. Все это вмѣстѣ значительно должно было облегчать доступъ подмастерьямъ къ самостоятельному занятію ремесломъ, если только имѣло мѣсто и de facto.

Съ другой стороны преимущества и привилегіи родственниковъ и свойственниковъ мастеровъ-хозяевъ нѣсколько сократились. Мастерамъ во многихъ городахъ удавалось для своихъ сыновей не только сокращать время обученія, но даже прямо записывать ихъ въ подмастерья [4]); однимъ словомъ, этотъ періодъ представлялся усмотрѣнію отца; но состоянія подмастерья дѣти мастеровъ не могли обойти ни въ какомъ случаѣ и прямо стать мастерами. Относительно ихъ до 1731 года позволялось сокращать время путешествія по чужимъ городамъ до одного года; но съ 1731 года этотъ обычай уничтоженъ и почти вездѣ дѣти мастеровъ должны были путешествовать, прежде чѣмъ получить званіе мастера, въ теченіи того же времени, какъ и всѣ остальные [5]). А если въ Берлинѣ, Потсдамѣ, Франкфуртѣ на О., Штетинѣ, Магдебургѣ и Кенигсбергѣ путешествіе для сыновей мастеровъ было вовсе необязательно, то они обязаны были въ теченіи всего времени, которое должно бы было уйти на путешествіе, оставаться въ подмастерьяхъ [6]). При производствѣ же «образца» всѣ условія для дѣтей и родственниковъ мастеровъ значительно еще облегчались, если не опускались вовсе.

Слѣдовательно, хотя и неособенно значительныя измѣненія къ лучшему, въ смыслѣ ограниченія произвола мастеровъ, были сдѣланы въ цеховыхъ статутахъ XVIII ст.; въ смыслѣ же облегченія доступа въ цехъ для постороннихъ измѣненія, сдѣланныя въ этихъ статутахъ, уже довольно значительны.

Самый Zunftzwang въ XVIII столѣтіи значительно измѣняется: исключительное право цеховъ на производство данныхъ предметовъ ограничивается; хотя ограниченіе совершается не путемъ ограниченія, суживанія самаго понятія

---

[1]) Ibid. 406.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid и 407. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кромѣ того требовалось отъ желающихъ получить право на самостоятельное занятіе ремесломъ еще слѣдующее: a) принадлежность къ опредѣленному вѣроисповѣданію; b) извѣстная собственность; c) женитьба на вдовѣ или дочери мастера; d) опредѣленный возрастъ. Ibid. 405.

[4]) Ibid. 400.

[5]) Только въ Вюртембергѣ, въ нѣкоторыхъ цехахъ, этотъ срокъ былъ *нѣсколько* короче обыкновеннаго. Ibid. 406.

[6]) Ibid.

Zunftzwang'а вообще, но путемъ привилегій, исключеній, путемъ изъятія нѣкоторыхъ ремесленниковъ отъ обязанности входить въ составъ цеха, путемъ дарованія этимъ ремесленникамъ права самостоятельно заниматься даннымъ ремесломъ, не принадлежа къ составу цеха этого ремесла и, стало быть, не подчиняясь цеховымъ законамъ и опредѣленіямъ. Эти привилегіи даровались, въ качествѣ особаго благоволенія, милости (откуда и самое названіе такихъ ремесленниковъ—Gnadenmeister) отдѣльнымъ лицамъ *верховною властью*; причемъ привилегія выдавалась или на вполнѣ свободное производство, на правахъ совершенно одинаковыхъ съ правами цеховыхъ мастеровъ; или же эти права были нѣсколько ограничены въ сравненіи съ послѣдними [1]). Полной свободой производства пользовались, на основаніи выданной верховной властью привилегіи, лишь очень немногіе; всѣ ихъ права обыкновенно точно выяснялись и опредѣлялись въ выданномъ имъ патентѣ; они стояли *внѣ всякой* связи съ цехами и пользовались правомъ свободнаго сбыта своихъ произведеній кому угодно, правомъ работать на всякаго. Они носили названіе *свободныхъ мастеровъ*—Freimeister [2]). Большинство же привилегированныхъ, не цеховыхъ ремесленниковъ, не пользовались такой неограниченной свободой по отношенію *къ сбыту* своихъ произведеній, по отношенію къ кругу лицъ, на которыхъ могли работать. Къ этому послѣднему роду *нецеховыхъ* ремесленниковъ принадлежали почти исключительно *придворные ремесленники*, поставщики двора. Во Франціи, гдѣ королевская власть усилилась и развилась въ верховную государственную власть гораздо раньше, чѣмъ въ Германіи, гдѣ король еще въ XIV вѣкѣ продавалъ «право названія мастера»—(la maîtrise), устраняя тѣмъ для покупавшаго это право необходимость исполнять условія, требуемыя для поступленія въ цехъ; гдѣ уже въ XV столѣтіи королевская власть регулируетъ цеховые статуты, посылаетъ своихъ представителей на цеховыя собранія, въ качествѣ предсѣдателей; во Франціи, говорю я, эти привилегированные, не подчиненные цеховымъ постановленіямъ ремесленники, въ силу королевскаго пожалованья, появляются несравненно раньше, чѣмъ въ Германіи. Уже въ XV столѣтіи королевская власть Франціи, выражаясь языкомъ Levasseur'а, разрушаетъ въ пользу своихъ поставщиковъ тѣ преграды, необходимости разрушенія которыхъ въ виду интересовъ всѣхъ ремесленниковъ, въ виду развитія промышленности вообще, она еще не сознавала. Массы придворныхъ поставщиковъ перекочевывали вмѣстѣ съ дворомъ во время его передвиженій; пользовались во всякомъ городѣ, гдѣ останавливался дворъ, правомъ совершенно свободнаго занятія ремесломъ не только на короля и дворъ вообще, но и для всего городскаго населенія, при-

---

[1]) Ibid. 440.

[2]) Къ этимъ свободнымъ мастерамъ можно отнести и слѣдующихъ не вполнѣ свободныхъ—по отношенію къ сбыту своихъ произведеній—ремесленниковъ: вполнѣ освобождались отъ всякой зависимости отъ цеха *ремесленники, работавшіе* спеціально на университеты, но они могли работать лишь на профессоровъ и студентовъ; сюда принадлежали *французскіе бѣглецы* съ ихъ потомствомъ; *солдаты*, которые пользовались правомъ работать для себя; *евреи*—могли сами убивать скотъ для собственнаго потребленія и продавать тѣ части убитой скотины, которыхъ они согласно правиламъ своей религіи не могли употреблять въ пищу. Mascher. 441. Сюда же можно отнести и тѣхъ ремесленниковъ, которые, благодаря ихъ небольшому числу, *не могли* составить цеха, или миновать цеховыхъ привилегій, получили однако право заниматься ремесломъ при извѣстныхъ ограниченіяхъ. Ibid. 410.

чемъ не несли никакихъ налоговъ въ пользу цеховъ, права которыхъ они такимъ образомъ нарушали [1]). Такимъ образомъ, хотя и путемъ привилегій, безусловная монополія цеховъ подрывалась. Въ Германіи эти Gnadenmeister не пользовались, какъ я уже замѣтилъ, такой широкой свободой; они не могли работать на всѣхъ желающихъ, а только на государя и членовъ его фамиліи, вообще только для двора [2]).

Не смотря на всю свою пальятивность, такъ сказать, частность своего характера, всѣ эти мѣры все-таки, въ концѣ концовъ, глубоко подтачиваютъ корень цеховой организаціи и носятъ въ себѣ зародышъ будущей свободы ремеслъ, полагаютъ основаніе новой организаціи ремесленной промышленности.

Такое отношеніе верховной власти и ея правительственныхъ органовъ въ XVIII ст. идетъ все crescendo. Тюрго въ 1776 году, исходя изъ исповѣдуемаго имъ начала свободы по отношенію къ торговлѣ и промышленности, особымъ эдиктомъ уничтожаетъ по всей Франціи цехи, исключая четырехъ (типографщиковъ и книгопродавцевъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, цирюльниковъ, аптекарей). Объявлялась полная свобода ремесленнаго производства [3]). Однако этого удара было недостаточно, чтобы устранить съ арены общественнаго строя отжившее явленіе; оно еще разъ какъ бы ожило въ предсмертной агоніи. Лишь только Тюрго сошелъ съ политической сцены, какъ цехи были, въ томъ же 1776 году, возстановлены и протянули свое существованіе до великой революціи 1789 года. Эта страшная гроза, которою разразилась страшная туча политическаго горизонта Франціи XVIII ст., смыла, вмѣстѣ съ многими другими уродливыми явленіями общественной жизни, и цехи.

Крѣпче засѣла цеховая организація въ Германіи, благодаря большему политическому значенію цеховъ въ этой странѣ. Ни одно изъ германскихъ правительствъ не рѣшилось въ теченіи прошлаго столѣтія на уничтоженіе цеховой организаціи ремесленной промышленности. Они пустили въ ходъ, чтобы не убить окончательно возможность всякаго развитія промышленности, систему такъ называемыхъ концессій, т.-е. систему ограниченій цеховыхъ статутовъ путемъ выдачи спеціальныхъ патентовъ, разрѣшеній на занятіе тѣмъ или инымъ ремесломъ внѣ цеха. Создавая подобную систему, правительства категорически высказываются противъ цеховъ, признавая ихъ вредное значеніе относительно развитія промышленности.

Представители мысли ратовали противъ цеховъ еще въ XVII ст. Голландскій публицистъ XVII ст. Pieter de-la-Court высказался противъ нихъ, еще въ 1659. Школа Кэне возстала противъ нихъ, какъ тормаза торговаго и промышленнаго развитія общественной жизни. Пресловутый Mercier-Larivière, этотъ *вульгаризаторъ*, по мѣткому выраженію Blanqui идей Кэне, категорически заявлялъ (въ своемъ сочиненіи Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques), что отсутствіе свободы въ занятіяхъ ремеслами неизбѣжно должно повести къ разрушенію го-

---

[1]) Levasseur. I, 524. Количество такихъ ремесленниковъ достигало солидныхъ размѣровъ. Одинъ король имѣлъ по *три* человѣка на каждое ремесло; своихъ отдѣльныхъ ремесленниковъ имѣла королева и дѣти.

[2]) Mascher. 410.

[3]) Levasseur. II 387—396. Englaender. I, 31.

сударства. Одна изъ французскихъ академій (въ Амьенѣ) увѣнчала въ 1757 году преміей сочиненіе, основной мыслью котораго было доказать, что главнѣйшая причина царившей въ то время во Франціи нищеты—цеховая организація ремесленной промышленности [1]). Такого рода взглядъ на значеніе цеховъ высказываетъ въ 1780 году и итальянецъ Филанджьери въ своей извѣстной «Наукѣ о законодательствѣ». Съ господствомъ политико-экономической школы Ад. Смита этотъ взглядъ дѣлается еще въ концѣ XVIII ст. господствующимъ.

Изъ предложеннаго краткаго очерка нельзя не заключить, мнѣ кажется, что цехъ даже и на родной своей почвѣ, начиная съ XV ст., періода господства цеховъ въ городскомъ строѣ Германіи, никакъ не содѣйствовалъ ни развитію ремесленной промышленности, ни устраненію антагонизма между представителями труда и капитала. Онъ не могъ содѣйствовать ни тому, ни другому не въ силу какихъ либо прившедшихъ въ него впослѣдствіи особыхъ причинъ, а по самой своей *сущности*, въ силу того начала, на которомъ онъ покоился при самомъ своемъ возникновеніи.

Его цѣлью, даже въ первый періодъ его историческаго существованія, не были собственно промышленно-экономическіе интересы: онъ не былъ обществомъ, имѣвшимъ въ виду общее, союзное занятіе тѣмъ или инымъ промысломъ, какъ мы видимъ это въ нашей промысловой артели; его главною, преобладающею цѣлью было — организовать промышляющихъ тѣмъ или другимъ промысломъ въ такое общеніе, которое, среди феодальной безурядицы, было бы въ состояніи охранить каждаго члена общенія отъ послѣдствій этой безурядицы, доставило бы ему большую или меньшую возможность спокойно заниматься своимъ ремесломъ. Отсюда — политическая роль цеховъ. Разъ добившись — въ XV ст. — важнаго политическаго значенія, разъ войдя въ составъ феодальнаго строя въ качествѣ самостоятельной политической силы, цехъ eo ipso долженъ былъ стать на дорогѣ промышленнаго развитія, вооружиться противъ новыхъ требованій общественной жизни. Немногіе разбогатѣвшіе члены цеховъ необходимо должны были отстаивать замкнутость своего цеха: дѣйствовать иначе, значило бы потерять политическую власть, покоившуюся на ихъ богатствѣ. Отсюда — безпощадное преслѣдованіе свободнаго занятія промысломъ.

Этимъ же характеромъ цеха объясняется и то обстоятельство, что онъ не только не противодѣйствовалъ, но даже прямо содѣйствовалъ образованію пролетаріата, антагонизму между трудомъ и капиталомъ. Въ цеховой организаціи, при самомъ зарожденіи ея, лежали всѣ условія къ развитію этого антагонизма. Цехъ не былъ, еще разъ говорю, союзомъ отдѣльныхъ производителей, равноправныхъ de jure и de facto, союзомъ, имѣющимъ цѣлью занятіе даннымъ ремесломъ сообща. Въ немъ со дня его появленія представлялось широкое поле къ борьбѣ личныхъ интересовъ. Онъ — средство дать торгово-промышленному сословію, въ лицѣ экономически состоятельныхъ членовъ его, занять въ общественномъ строѣ положеніе, аналогическое съ положеніемъ другихъ полноправныхъ членовъ феодальнаго государства. Онъ и далъ это, предоставивъ будущимъ столѣтіямъ разрѣшеніе вопроса о пролетаріатѣ, отношеніи труда къ капиталу.

---

[1]) Levasseur II, liv. VII., ch. III. Englaender. I, 31.

Екатерининская коммиссія 1767 года „О сочиненіи проэкта новаго уложенія“ [1].

Почти сто двѣнадцать лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ происходило нѣчто изъ ряда вонъ выходящее. Тридцатаго іюля 1767 года вся Бѣлокаменная была на ногахъ съ ранняго утра. Ее подняло такъ необычно рано имѣющее совершиться въ этотъ день событіе; событіе, о которомъ давно ходили толки и въ «обществѣ», и въ народѣ, которое давно подготовлялось державной поклонницей Вольтера. Это былъ день представленія императрицѣ собранныхъ ею со всѣхъ концовъ Руси депутатовъ, будущихъ законодателей.

Все стремилось быть свидѣтелемъ этого необычнаго дѣла. Массы всякаго люда чуть не съ восхода солнца заполняли Кремль, особенно тѣснясь у Чудова монастыря и Успенскаго собора. Сюда попали лишь наиболѣе счастливые и усердные; остальные любопытные цѣлымъ моремъ головъ заливали весь длинный путь отъ стѣнъ Кремля до Головинскаго дворца, гдѣ остановилась, за недѣлю передъ этимъ, вернувшаяся изъ далекаго путешествія на юго-восточныя окраины своего обширнаго государства, великая императрица. Часу въ шестомъ, въ исходѣ, густая толпа, тѣснившаяся ближе къ дверямъ Чудова монастыря, раздалась, чтобъ очистить дорогу участникамъ сегодняшняго торжества, ѣхавшимъ и шедшимъ въ монастырь, назначенный сборнымъ мѣстомъ для нихъ.

Чуть-ли не первымъ пріѣхалъ новый генералъ-прокуроръ князь Вяземскій; за нимъ потянулась разношерстная толпа участниковъ празднества: блестящіе петербургскіе сановники смѣнялись невзрачными фигурами «черносошныхъ пашенныхъ крестьянъ»; за этими послѣдними сановито выступала могучая фигура сына Сѣчи запорожской; гордо проходили родовитые дворяне; наивно смѣло всходили на крыльцо монастыря, забавлявшіе толпу своимъ чуднымъ видомъ, дикари далекаго сѣвера и Сибири, проѣхавшіе чуть не безконечный путь свой, въ сущности, лишь съ одной цѣлью, — увидѣть «*бѣлую* царицу»; а ихъ смѣняли надутые бароны Остзейскаго края... Къ семи часамъ утра уже всѣ были

[1] Эта статья составлена изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ Ярославлѣ, въ мартѣ 1878 года.

въ сборѣ. Два часа спустя почти на другомъ концѣ Москвы толпа неистово восторженно встрѣчала «матушку-императрицу», двинувшуюся торжественнымъ и пышнымъ кортежомъ въ тотъ же Кремль, чтобы тамъ, въ Успенскомъ соборѣ, помолиться объ успѣхѣ великаго дѣла, ею затѣяннаго, помолиться о немъ въ средѣ тѣхъ, на кого она возлагала это дѣло. Могучей волной переливались восторженные клики москвичей по всему пути императорскаго поѣзда. А поѣздъ обставленъ былъ поразительно пышно. Онъ состоялъ почти изъ двухъ десятковъ парадныхъ экипажей, занятыхъ высшими придворными чинами и сопровождаемыхъ лакеями, гайдуками, арапами, скороходами, одѣтыми въ роскошныя ливреи. Сама императрица ѣхала въ каретѣ, запряженной осьмеркой лошадей и окруженной нѣкоторыми изъ высшихъ придворныхъ чиновъ верхами; весь поѣздъ эскортировался отрядомъ гвардіи подъ командой гр. Григорія Орлова. На императрицѣ была пурпурная мантія и малая корона. Въ поѣздѣ участвовалъ и будущій императоръ.

Едва императрица вошла въ Успенскій соборъ, какъ изъ Чудова монастыря, съ блестящимъ Вяземскимъ во главѣ, длинной вереницей потянулись въ тотъ же соборъ всѣ собравшіеся тамъ; это уже было не безпорядочное движеніе, какъ три часа тому назадъ, а церемоніальное шествіе.

Торжественность божественной службы соотвѣтствовала торжеству событія. Служба кончилась. Императрица съ сыномъ и всей свитой удалилась въ Кремлевскій дворецъ. А пятисотенная толпа представителей свободнаго населенія имперіи, тутъ же, въ соборѣ, стала приносить присягу въ томъ, что приложитъ «чистосердечное стараніе въ *великомъ* дѣлѣ», что приложитъ его «къ сохраненію блаженства и спокойствія рода человѣческаго», какъ говорилось въ присягѣ. По принесеніи присяги всѣ депутаты тѣмъ же порядкомъ направились въ Кремлевскій дворецъ предстать предъ свѣтлыя очи императрицы. Тамъ, передъ трономъ, собравшіеся выслушали изъ устъ вице-канцлера, отъ имени императрицы, торжественную рѣчь, напутствовавшую ихъ на ихъ великое и многотрудное дѣло...

Только далеко за-полдень толпа потоками потекла изъ всѣхъ воротъ Кремля, постепенно разливаясь по всѣмъ направленіямъ города. Говоръ и толки еще долго въ этотъ день не умолкали въ Первопрестольной. Да и было о чемъ толковать: совершилось нѣчто небывалое, сродное развѣ земскимъ соборамъ московскихъ царей, исчезнувшимъ съ лица земли уже столѣтіе тому назадъ и едва-ли оставившимъ хоть какое-либо воспоминаніе о себѣ; въ ея стѣнахъ сегодня положено начало великому дѣлу единенія владычицы имперіи съ ея многомилльоннымъ населеніемъ въ лицѣ его представителей, которые вдругъ, послѣ вѣковаго смиренія, призываются дѣйствительно къ «великому дѣлу»... законодательства.

Всѣ представлявшіеся, въ только что описанный нами день 30 іюля 1767 года, императрицѣ представители и составили въ ихъ совокупности то характерное представительное учрежденіе, которое императрица такъ своеобразно назвала *коммиссіей о сочиненіи проэкта новаго уложенія* и созваніе котораго, по справедливому замѣчанію проф. Сергѣевича, составляетъ «величайшее событіе екатерининскаго царствованія». Это — событіе, о которомъ сенаторъ Бибиковъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія писалъ, обращаясь къ тѣни блестящей

императрицы: «память пышности двора твоего и великолѣпіе праздниковъ твоихъ, великая, временемъ исчезнетъ; геройскіе подвиги храбрыхъ твоихъ войскъ новыми и неимовѣрными нашего вѣка побѣдами затмятся, но дѣла... *законодательницы* россіянъ пребудутъ въ сердцахъ ихъ въ роды родовъ неизгладимыми» [1]). Такой взглядъ сенатора на дѣло болѣе, чѣмъ справедливъ. Но въ достаточной-ли степени мы знакомы съ этимъ величайшимъ событіемъ; справедливъ-ли сенаторъ, говоря о неизгладимости событія въ сердцахъ россіянъ? Не ближе-ли мы будемъ къ истинѣ, если перефразируемъ возгласъ Бибикова и скажемъ, обратясь къ тѣни Екатерины II: «память пышности двора твоего и великолѣпіе праздниковъ твоихъ, великая, не исчезнетъ въ насъ долго и долго; геройскіе подвиги, если не войскъ твоихъ, то орловъ, ими предводительствовавшихъ... въ памяти нашей долго и долго пребудутъ; но дѣла... *законодательницы*, прости, о великая, намъ... мало знакомы». Пиши Бибиковъ біографію отца своего полстолѣтіемъ позже, онъ сказалъ бы, думаемъ, нѣчто похожее на только что приведенное. И въ самомъ дѣлѣ, что мы знаемъ о такомъ законодательномъ актѣ Екатерины II, какъ созваніе пресловутой коммиссіи? Что знаемъ мы объ устройствѣ этой коммиссіи, ея дѣятельности? До самаго послѣдняго времени — почти ничего или очень и очень немного. Меньше десяти лѣтъ тому назадъ стали появляться на свѣтъ божій изъ-подъ спуда архивной пыли драгоцѣнныя свѣдѣнія о самомъ ходѣ дѣлъ въ названной коммиссіи; меньше десяти лѣтъ тому назадъ мы получили возможность нѣсколько познакомиться съ содержаніемъ тѣхъ скорбныхъ листовъ, которые привезли съ собою представители въ коммиссію. Понятно само собою, что лишь съ этого времени и стало возможно знакомство съ коммиссіей *по существу* [2]). Но тѣмъ не менѣе изданіе этихъ матеріаловъ вызвало нѣкоторый интересъ лишь лѣтъ десять спустя послѣ появленія первой части ихъ. До самаго послѣдняго времени вся литература по данному предмету ограничивалась одной, двумя журнальными статьями, появившимися въ началѣ *шестидесятыхъ* годовъ [3]). Годъ тому назадъ появилась хорошая статья проф. Сергѣевича по данному предмету въ «Вѣстникѣ Европы».

Мы пользуемся первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ познакомить читателя съ «великимъ дѣломъ» Екатерины, какъ сама она его называетъ.

I.

Выборы. — Организація Коммиссіи; ея качественный и количественный составъ. — Частныя коммиссіи.

Вернемся нѣсколько назадъ отъ описаннаго нами дня. Мѣсяцевъ за восемь до него — 14 декабря 1766 года — Екатерина II издала на имя Правит. Се-

---

[1]) „Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова". СПБ. 1817 г., стр. 71.

[2]) Съ внѣшней организаціей коммиссіи можно было ознакомиться по Полному Собр. Законовъ, въ которомъ наказъ коммиссіи, обряды избранія членовъ ея, и т. п. были напечатаны почти полстолѣтія назадъ. Не говоримъ объ отдѣльныхъ изданіяхъ этого наказа со всѣми дополненіями еще въ прошломъ столѣтіи.

[3]) *С. М. Соловьевъ*, „Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка". 1767 г. *Русск. Вѣстн.* 1861 г., № 10. — *А. Щаповъ*, „Земскій соборъ 1648—1649 и собраніе депутатовъ 1767 годовъ". *Отеч. Зап.* 1862 г. № 11.

ната указъ, поразившій своимъ содержаніемъ всѣхъ ея подданныхъ. Указомъ повелѣвалось на будущій 1767 годъ прислать въ Москву *депутатовъ* отъ Сената, Синода, Коллегій и всѣхъ канцелярій, кромѣ губернскихъ и воеводскихъ, *«также изо всѣхъ уѣздовъ и городовъ имперіи»*, причемъ *всѣ* эти депутаты должны быть снабжены особыми *наказами* отъ своихъ *избирателей*.—«Сихъ депутатовъ, говорилось въ указѣ, мы созываемъ *не только* для того, *чтобъ* отъ нихъ *выслушать* нужды и недостатки каждаго мѣста, *но и допущены они имѣютъ* быть въ *коммиссію... для заготовленія* проэкта *новаго Уложенія»*. «Симъ учрежденіемъ, говорилось въ томъ же указѣ, нашему народу *опытъ* даемъ нашего *чистосердечія*, великія *довѣренности къ оному* и прямыя материнскія любви»....

Вотъ эти-то депутаты и собрались въ Москву къ 30-му іюля 1767 года.

Мы познакомимъ читателя съ даннымъ предметовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: прежде всего мы остановимся на самой *организаціи* созваннаго Екатериной учрежденія, на его составѣ *качественномъ и количественномъ;* на томъ, какъ регулировался ходъ работы, преній въ этомъ учрежденіи и т. п. Затѣмъ перейдемъ къ вопросу о томъ, что́ заставило императрицу обратиться къ содѣйствію подобнаго учрежденія; и наконецъ, остановимся на томъ, что́ это учрежденіе *дѣлало* за все время своего существованія, что оно *сдѣлало* за это время и почему оно дѣлало и сдѣлало именно то, а не другое.

Мы уже видѣли, что въ Коммиссію призывались депутаты «изъ всѣхъ уѣздовъ и городовъ имперіи». Эти-то депутаты и составляли въ ней громадное большинство сравнительно съ тѣми, которые явились въ нее представителями государственныхъ учрежденій и канцелярій. Черезъ нихъ, этихъ представителей уѣздовъ и городовъ, императрица и надѣялась узнать «умоначертаніе народа» своего. Въ виду этого мы и остановимся прежде всего именно на категоріи этихъ представителей и посмотримъ, *кто* выбиралъ ихъ, *изъ кого* и *какъ* они избирались.

При манифестѣ, изданномъ 14-го декабря 1766 года о созваніи Коммиссіи въ Москвѣ, приложены и правила о томъ, какъ вообще слѣдовало производить выборы депутатовъ. Эти правила содержали въ себѣ: вопервыхъ, «положеніе», *откуда* депутатовъ прислать; вовторыхъ, «обряды» выбора депутатовъ отъ каждой группы избирателей.—Изъ этихъ правилъ мы прежде всего должны заключить, что основаніемъ избранія депутатовъ въ городахъ и уѣздахъ служили различныя начала. Города, какъ мы увидимъ дальше, посылали ихъ въ Коммиссію какъ представителей *цѣлаго* города, въ смыслѣ территоріальной единицы; притомъ — по *одному* отъ каждаго города. Не то въ уѣздахъ: каждый уѣздъ посылалъ въ Коммиссію по *нѣскольку* человѣкъ депутатовъ; именно по одному *отъ каждаго сословія* или каждой группы избирателей, живущей въ данномъ избирательномъ округѣ; но такимъ избирательнымъ округомъ не всегда былъ, какъ можно заключить изъ словъ манифеста, *уѣздъ:* только дворяне каждаго *уѣзда* посылали по одному депутату именно отъ уѣзда; всѣ остальныя сословія посылали по депутату отъ болѣе крупной единицы — *провинціи*, которая, какъ извѣстно, подраздѣлялась на уѣзды. Въ средѣ уѣзднаго населенія, правомъ избранія пользовалось не одно дворянство, а и слѣдующія группы:

«однодворцы», такъ называемые «пахатные солдаты» и вообще всѣ несшіе военную повинность и занимавшіеся въ то же время земледѣліемъ; *государственные* крестьяне, «некочующіе», т. е. осѣдлые инородцы; и наконецъ — казаки и существовавшая еще тогда Сѣчь запорожская. Такимъ образомъ, если оставить въ сторонѣ города, посылавшіе депутатовъ отъ всего населенія, безъ различія сословій, и составлявшіе, очевидно, исключеніе изъ общаго правила, то придется признать въ качествѣ послѣдняго, что основаніемъ избирательной системы послужило *сословное* дѣленіе населенія. Обращаясь къ этому дѣленію, мы находимъ, что Екатерина лишь воспользовалась тѣмъ, что существовало, выработавшись всѣмъ историческимъ прошлымъ тогдашней Россіи. Исключеніе городовъ объясняется особымъ отношеніемъ Екатерины къ городскому населенію, обусловливавшимся ея стремленіемъ создать изъ городскаго населенія tiers-état, изъ каждаго города — юридическое лицо, какъ совокупность *всего* городскаго населенія [1]). Теперь взглянемъ, кто же именно въ каждомъ сословіи, каждомъ городѣ могъ участвовать въ избраніи депутата или, говоря юридическимъ языкомъ, пользовался *активнымъ* правомъ избранія? Посмотримъ, устанавливались-ли законодателемъ какія-либо условія пользованія этимъ правомъ. Эти условія были установлены и состояли въ слѣдующемъ: *во-первыхъ*, установленъ былъ опредѣленный возрастъ; избиратели — дворяне и горожане должны были обладать 25-лѣтнимъ возрастомъ, а отъ избирателей всѣхъ остальныхъ группъ требовался 30-лѣтній возрастъ; *во-вторыхъ*, каждый избиратель долженъ былъ обладать имущественнымъ цензомъ, *размѣръ* котораго однако вовсе не опредѣлялся сколько-нибудь точно; дворянинъ могъ быть избирателемъ лишь въ томъ случаѣ, если «*дѣйствительно* владѣлъ *своимъ* имѣніемъ въ томъ (гдѣ избиралъ) уѣздѣ»; горожанинъ участвовалъ въ избраніи лишь въ томъ случаѣ, если былъ *хозяиномъ*, владѣвшимъ *домомъ* въ городѣ; членъ каждой изъ остальныхъ сословныхъ группъ выбиралъ, если «дѣйствительно домъ и *землю* въ томъ погостѣ (избирательный округъ) имѣлъ» [2]). Такими условіями обставлено было активное право избранія. Что касается *пассивнаго* права избранія, т. е. права *быть избраннымъ* въ депутаты, то оно обставлялось нѣсколько болѣе высокими требованіями: въ депутаты могъ быть избранъ всякій избиратель, т. е. всякій участвовавшій въ избраніи, если онъ былъ, во-первыхъ, не моложе 30-ти лѣтъ отъ роду, и, во-вторыхъ, если можно такъ выразиться, удовлетворялъ извѣстному *семейному цензу*; а именно,— если онъ былъ *женатъ* или вдовъ, но имѣлъ дѣтей и, втретьихъ, наконецъ, если онъ удовлетворялъ

---

[1]) Въ числѣ сословій, получившихъ право избранія, мы не находимъ *крѣпостныхъ* крестьянъ и *духовенства*. Причина лишенія этого права первыхъ — понятна сама собою: они не пользовались правами лица; въ государствѣ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ представляли ихъ владѣльцы — помѣщики. Другое дѣло — духовенство; основаніе исключенія его отыскать трудно. Мы присоединяемся въ этомъ отношеніи къ мнѣнію проф. Сергѣевича, который по этому поводу говоритъ, что такое отношеніе къ духовенству — „черта понятная въ государынѣ“, которая такъ дорожила „добрымъ мнѣніемъ Вольтера“.

[2]) Къ активному участію въ *дворянскихъ* выборахъ допускались и женщины, которыхъ законодательница, въ видѣ уступки ихъ полу, освобождала отъ личнаго присутствія на выборахъ; онѣ участвовали въ выборахъ *непосредственно*, присылая свой голосъ въ письмѣ. Относительно городскаго населенія такое участіе женщинъ прямо запрещается.

также извѣстнымъ нравственнымъ требованіямъ—«былъ честнаго и незазорнаго поведенія», никогда не былъ банкротомъ, не подпадалъ суду и т. п. [1]).

Самая процедура депутатскихъ выборовъ различалась, смотря по различію избирательныхъ группъ. Прежде всего они были или *одно*, или *двухъ* или даже *трехстепенные*. Одностепенные выборы, т. е. выборы депутата *непосредственно* избирателями изъ своей среды, имѣли мѣсто лишь относительно дворянъ и *небольшихъ* городовъ [2]). Во всѣхъ же остальныхъ сословныхъ группахъ и большихъ городахъ, избиратели выбирали изъ своей среды не депутатовъ прямо, а выборщиковъ или такъ-называемыхъ «повѣренныхъ», которые уже и выбирали изъ себя депутатовъ. Съ цѣлью выбора такихъ повѣренныхъ все населеніе большаго города, пользующееся правомъ активнаго избранія, дѣлится на нѣсколько избирательныхъ собраній, изъ которыхъ каждое выбираетъ изъ своей среды по *нѣскольку* человѣкъ повѣренныхъ, которые уже и собираются, для выбора депутата, въ особое собраніе. Избиратели остальныхъ пяти сословій распредѣлялись въ особыя избирательныя собранія по «погостамъ» и выбирали по одному повѣренному отъ каждаго погоста; но эти повѣренные отъ погостовъ, на которые дѣлился уѣздъ, избирали въ своемъ уѣздномъ собраніи не депутата Коммиссіи, а лишь новаго повѣреннаго, повѣреннаго отъ уѣзда, повѣреннаго, такъ сказать, второй степени; уже собраніе этихъ-то уѣздныхъ повѣренныхъ и выбирало изъ своей среды депутата въ Коммиссію, какъ депутата отъ извѣстнаго слоя населенія этой территоріальной единицы. Другими словами, во всѣхъ этихъ слояхъ избраніе депутата — *трехстепенное*. При этомъ самые выборщики или повѣренные должны были, подобно депутатамъ отъ ихъ сословій и остальныхъ группъ, быть не менѣе 30 лѣтъ отъ роду, находиться въ бракѣ или во вдовствѣ, но не бездѣтномъ. Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, условія пользованія правомъ активнаго и пассивнаго избранія. Цѣль установленія такихъ требованій отъ избирателей и депутатовъ — понятна: законодательница старалась обезпечить, такъ сказать, *солидность* будущихъ членовъ законодательнаго собранія: устранить изъ его среды людей, которымъ, какъ говорится, нечего дорожить. Что, думается, ею и было достигнуто: въ Коммиссію могли войти и дѣйствительно вошли исключительно собственники и люди семейные; но едва ли этимъ путемъ императрица достигла того, чтобы всѣ депутаты были настолько солидными собственниками, чтобы самое существованіе всѣхъ ихъ было совершенно обезпечено. По крайней мѣрѣ по отношенію если не къ депутатамъ, то къ избирателямъ городскаго населенія, это ни въ какомъ случаѣ не было достигнуто: всякій владѣвшій въ городѣ домомъ еще не былъ eo ipso достаточно обезпеченнымъ собственникомъ: масса городскихъ домовладѣльцевъ не только въ XVIII ст., но и въ настоящее время—въ большинствѣ городовъ губернскихъ и уѣздныхъ — просто полунищіе, едва могущіе удовлетворять своимъ первѣйшимъ потребностямъ. Да едва-ли поставленная цѣль была достигнута и

[1]) Въ „обрядахъ“, мы не встрѣчаемся съ этими послѣдними условіями относительно пассивнаго права избранія. Хотя, быть можетъ, это зависѣло отъ недостатковъ редакціи.

[2]) При этомъ, если въ уѣздѣ дворянъ, удовлетворявшихъ избирательнымъ условіямъ, было не болѣе 15 человѣкъ, они могли *не* посылать въ коммиссію депутата. То же могли дѣлать и малонаселенные города.

по отношенію къ избирателямъ и депутатамъ и остальныхъ избирательныхъ группъ, кромѣ развѣ дворянской. Поэтому, если конечная цѣль поставленныхъ императрицею по данному предмету условій и была достигнута, то, думаемъ, никакъ не благодаря самому существу этихъ условій, а скорѣе въ силу жизненныхъ условій самаго строя тогдашняго общества, его, вѣками сложившихся, сословныхъ группъ.

Теперь посмотримъ, какъ должны были производиться по закону и производились на дѣлѣ выборы депутатовъ.

Всѣми подготовительными дѣйствіями относительно избирательныхъ собраній поручено было завѣдывать мѣстнымъ правительственнымъ органамъ, губернаторамъ, воеводамъ и др. Такъ, они созывали избирательныя собранія всѣхъ избирательныхъ группъ; они, по собственному усмотрѣнію, распредѣляли самихъ избирателей по отдѣльнымъ избирательнымъ собраніямъ, т. е. опредѣляли число этихъ послѣднихъ въ городахъ; они распоряжались выборами вообще какъ «повѣренныхъ», такъ и депутатовъ во всѣхъ избирательныхъ группахъ, кромѣ дворянской и городской; отъ ихъ усмотрѣнія зависѣло даже, напр., опредѣленіе числа «повѣренныхъ», отъ нѣкоторыхъ сословныхъ избирательныхъ собраній. *Непосредственное* вмѣшательство мѣстныхъ правительственныхъ органовъ въ избраніе депутатовъ дворянами и городскимъ населеніемъ ограничивалось, по крайней мѣрѣ по закону, лишь созваніемъ избирателей и президированіемъ въ ихъ собраніяхъ до момента избранія послѣдними изъ своей среды особыхъ предсѣдателей, которые уже и руководили избраніемъ депутатовъ. Этими предсѣдателями въ дворянскихъ избирательныхъ собраніяхъ были «*предводители* дворянства», а въ городскихъ «*градскіе головы*» [1]). Вслѣдъ за избраніемъ, въ подробности самой процедуры котораго мы не будемъ здѣсь пускаться, эти— предводитель и голова — получали отъ своихъ избирателей такъ-наз. «полномочіе», которое давалось имъ «не только при нынѣшнемъ выборѣ депутата», какъ выражался «обрядъ» выборовъ, «но и при случаяхъ, если даны будутъ отъ верховной власти какія особыя повелѣнія, принадлежащія до общаго разсужденія» группы сословія или населенія, представителями которыхъ они были избраны.

Лишь только предсѣдатель собранія — предводитель или голова — избранъ, получилъ полномочіе и представился губернатору, избиратели, съ нимъ во главѣ, въ полномъ ихъ составѣ, *торжественно* — «по два въ рядъ» шли съ мѣста собранія въ городской соборъ, чтобы тамъ принести присягу въ томъ, что на предстоящихъ выборахъ будутъ поступать «*по чистой совѣсти и чести, безъ пристрастія и собственныя корысти, еще меньше по дружбѣ и враждѣ*» и притомъ выберутъ человѣка, который «*окажетъ себя вѣрнымъ рабомъ Ея Императорскаго Величества, усерднымъ сыномъ отечества и согражданиномъ, ревнительнымъ о общемъ благѣ*». Самое принесеніе присяги, какъ и все вообще относящееся до открытія Коммиссіи, обставлено было необыкновенно торжественно. Вслѣдъ за принесеніемъ присяги избиратели при-

[1]) Этимъ положено начало названнымъ выборнымъ должностямъ, какъ учрежденію постоянному. Эти должности съ этого времени существовали безпрерывно, будучи занимаемы по выборамъ сначала черезъ два, а потомъ черезъ три года, вплоть до настоящаго времени.

ступали къ выборамъ депутата, которые производились путемъ подачи голосовъ шарами; причемъ баллотировались не кандидаты, а всѣ участвовавшіе въ выборахъ и удовлетворявшіе условіямъ пассивнаго избранія въ извѣстномъ порядкѣ. Избравъ, простымъ большинствомъ голосовъ, депутата, собраніе избирателей должно было прежде всего снабдить его особымъ «полномочіемъ», вооружавшимъ его всѣми правами представительства, какъ ихъ понималъ законодатель; а потомъ составить такъ-наз. «*наказъ*» въ руководство предстоящей дѣятельности депутата въ Коммиссіи. Въ наказъ этотъ императрица предписывала внести «всѣ нужды.... какія хотятъ (избиратели) представить»; нужды, разумѣется, сословныя, общественныя, а никакъ не «партикулярныя», какъ она выражается [1]). Для составленія наказа своему депутату каждое избирательное сословіе избирало изъ своей среды особую коммиссію изъ нѣсколькихъ человѣкъ (не больше *пяти*). Подписывался же выработанный ею наказъ всѣми, участвовавшими въ избирательномъ собраніи.

Снабженный такими полномочіемъ и наказомъ, депутатъ отправлялся на мѣсто собранія Коммиссіи, гдѣ онъ могъ, во всякое время, съ разрѣшенія ея, передать свое полномочіе и свой наказъ тому изъ среды того же сословія, представителемъ котораго онъ служитъ, «кого къ тому представитъ и на кого онъ положится» [2]).

Теперь слѣдовало бы перейти уже къ организаціи самой Коммиссіи о сочиненіи уложенія, къ ходу преній въ ней, къ организаціи тѣхъ «частныхъ» коммиссій, которыя, какъ увидимъ, устраивались Екатериной, такъ сказать, въ помощь главной или большой, для разработки проэктовъ законовъ, имѣющихъ быть внесенными въ эту послѣднюю. Но прежде чѣмъ сдѣлать это, мы остановимся еще нѣсколько на только-что разсказанномъ; взглянемъ, какъ выборы практиковались въ дѣйствительности, въ самой жизни; какъ отнеслись сословія, получившія право представительства въ дѣлѣ законодательства, къ этому своему праву.

Прежде всего мы встрѣчаемся съ фактомъ, что изъ многихъ уѣздовъ вовсе не явились въ Коммиссію депутаты, даже отъ дворянъ; не явились они и изъ многихъ городовъ. Очень вѣроятно, что фактъ этотъ объясняется уже указаннымъ выше правомъ малонаселенныхъ городовъ, съ одной стороны, и дворянъ даннаго уѣзда, въ случаѣ ихъ немногочисленности съ другой, — не присылать депутатовъ отъ себя. Но во всякомъ случаѣ въ этомъ фактѣ, думаемъ, нельзя не видѣть проявленія опредѣленнаго отношенія подданныхъ законодательницы къ октроированному ею *праву:* вѣдь указанное право малолюдныхъ городовъ и уѣздовъ составляло лишь право, отъ котораго, въ виду высшаго права на представительство вообще, эти города и уѣзды, цѣни они это послѣднее, относись къ нему сознательно, пойми свои интересы, могли бы съ успѣхомъ и отказаться [3]).

По отношенію къ самимъ депутатамъ отъ такихъ слоевъ, какъ дворянство

---

[1]) На самомъ дѣлѣ въ наказы вносились, какъ увидимъ дальше, не однѣ непартикулярныя нужды, а и самыя средства исправленія и устраненія этихъ нуждъ.

[2]) Дворянскіе депутаты могли воспользоваться этимъ правомъ между прочимъ и въ томъ случаѣ, когда были выбраны въ нѣсколькихъ уѣздахъ.

[3]) Правда, мы встрѣчаемся и съ такимъ фактомъ: отъ Астрахани въ Коммиссію явился не одинъ, а *пять* человѣкъ депутатовъ. Но этотъ фактъ обусловливался, несомнѣнно, тѣмъ, что, благодаря распаденію населенія этого города на нѣсколько группъ по вѣроисповѣданію, оно не могло остановиться на одномъ лицѣ, которое оно обязано было выслать.

и горожане, нельзя не замѣтить, что они избирались чуть не исключительно изъ среды людей, состоявшихъ на государственной службѣ: это все были или военные или гражданскіе чиновники [1]). Правда, это явленіе въ значительной степени объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ, въ это время еще почти все дворянство поголовно состояло на службѣ; но этимъ далеко еще не объясняется все. Если этимъ обстоятельствомъ объясняется въ значительной степени характеръ депутатовъ отъ дворянъ, то имъ ужъ вовсе нельзя объяснить, почему города, по крайней мѣрѣ столицы, о выборахъ которыхъ мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія, избирали своими представителями тоже лицъ, состоявшихъ на службѣ. Любовь, напр., Петербурга къ чиновному люду, притомъ знатному, доходила до того, что онъ избралъ изъ этой среды не только своего голову и своего депутата, но даже огромное большинство выборщиковъ или повѣренныхъ. Такъ, изъ *ста пяти* повѣренныхъ, избранныхъ пятью избирательными собраніями города, *девяносто* принадлежали исключительно къ лицамъ, какъ выразился тогдашній оберъ-полицiймейстеръ, «знатнаго происхожденія» и даже къ составу «высшихъ государственныхъ сановниковъ». Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и всѣ повѣренные Петербурга оказались бы принадлежащими къ указанному разряду, еслибъ оберъ-полицiймейстеръ, очевидно смущенный результатомъ выборовъ перваго избирательнаго участка, избравшаго въ повѣренные исключительно «сановниковъ», не рѣшился посовѣтывать — «не въ указъ», какъ онъ выразился, — остальнымъ собраніямъ выбирать своихъ повѣренныхъ «изъ *всякаго* званія жителей, способныхъ и знающихъ городскія нужды». Нѣтъ ничего, послѣ этого, страннаго, что головой Петербурга оказался петербургскій *оберъ-комендантъ*, генералъ-маіоръ Зиновьевъ, а депутатомъ въ Коммиссію—графъ Алексѣй Орловъ, одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ дѣлѣ возведенія императрицы на престолъ. Совершенно то же имѣло мѣсто и въ Москвѣ; и тамъ изъ *ста-трехъ* повѣренныхъ лицъ не «знатнаго происхожденія» и вообще не чиновнаго міра, оказалось всего *тридцать шесть* человѣкъ. И тамъ въ «градскіе головы» былъ избранъ *генералъ-квартирмейстеръ*, правившій должность *генералъ-прокурора*, князь Вяземскій, а въ депутаты Коммиссіи—генералъ-аншефъ, князь Голицынъ.

Чѣмъ объяснить это явленіе? Ужъ, разумѣется, повторяемъ, не тѣмъ, что обязательная служба государству снята съ *дворянъ* всего какихъ нибудь четыре года до этого, что «манифестъ о выборѣ депутатовъ», какъ выражается г. Сергѣевичъ, «нашелъ *ихъ* (т.-е. дворянъ) еще всѣхъ на службѣ». Вѣдь въ данномъ случаѣ мы вели рѣчь о городскомъ населеніи, которое, если и несло государственное тягло, то совсѣмъ иного рода, и которое съ успѣхомъ могло бы избирать изъ своей среды какъ голову съ депутатомъ, такъ тѣмъ болѣе своихъ выборщиковъ, повѣренныхъ. Несомнѣнно, что городскимъ населеніемъ руководили въ данномъ случаѣ какія либо совсѣмъ особыя соображенія, заставлявшія ихъ отказываться отъ высокой чести депутатства, которое, быть можетъ, въ ихъ глазахъ являлось лишь новою повинностью, притомъ очень и очень сложною, настолько новою и хитрою, что за отправленіе ея почти страшно

[1]) Въ Казани дворяне, напр., выбрали мѣстнаго *прокурора*.

взяться; а люди «знатнаго происхожденія» и «сановники» «съ дѣломъ болѣе знакомые — имъ и книги въ руки». Намъ скажутъ, какъ это хочетъ сказать г. Сергѣевичъ относительно вопроса о всесословности городскихъ выборовъ [1]), что мы обобщаемъ явленіе, имѣвшее мѣсто лишь въ Петербургѣ и Москвѣ. Но оно, это явленіе, именно потому-то и важно, потому-то мы и обобщаемъ его, что оно имѣетъ мѣсто въ столицахъ, населеніе которыхъ, разумѣется, должно нѣсколько сознательнѣе относиться къ дѣлу, чѣмъ населеніе остальныхъ городовъ; да кто знаетъ, быть можетъ, со временемъ, когда будетъ издано бо̀льшее количество матеріаловъ относительно Коммиссіи 1767 года, мы ознакомимся и по отношенію къ остальнымъ городамъ Руси съ явленіемъ однороднымъ съ только-что описаннымъ.

Во всякомъ случаѣ, тотъ или иной характеръ отношеній избирателей *коренной* Россіи къ дѣлу избранія представителей обусловливался ихъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, какъ результатомъ долгаго прошлаго. Какъ бы глубоко мы ни вникали въ эти отношенія, мы, во всякомъ случаѣ, главнымъ образомъ встрѣчаемся съ ихъ, если можно такъ выразиться, *отрицательнымъ* характеромъ: насъ будетъ поражать прежде всего *пассивное* отношеніе къ дѣлу. Совсѣмъ съ инымъ характеромъ отношенія къ самому факту созванія законодательной Коммиссіи встрѣчаемся мы въ такихъ частяхъ имперіи, какъ Малороссія или Остзейскій край. Здѣсь этотъ *иной* характеръ обусловливался, разумѣется, своими спеціальными причинами: особымъ характеромъ административно-политическаго положенія этихъ частей, совсѣмъ инымъ прошлымъ ихъ населенія, а въ силу этого и совершенно другимъ строемъ, иной организаціей этого населенія. Здѣсь къ выборамъ отнеслись вполнѣ сознательно и *активно*; къ нимъ отнеслись притомъ *враждебно*. Такое отношеніе къ дѣлу обусловливалось уже политическими взглядами и убѣжденіями высшихъ слоевъ «правящихъ классовъ» Малороссіи и Остзейскаго края. По свидѣтельству, напр., Румянцева, тогдашняго генералъ-губернатора Малороссіи, манифестъ о выборѣ депутатовъ въ Коммиссію не встрѣтилъ въ этихъ слояхъ желательнаго сочувствія, «не перемѣнилъ во многихъ наклонности ихъ, ни разсужденія», каковыя, какъ извѣстно, были далеко не дружелюбны относительно Россіи; эти «многіе», по словамъ того же Румянцева, видѣли въ желаніи императрицы имѣть въ Коммиссіи депутатовъ и изъ Малороссіи «нарушеніе ихъ правъ и вольностей»; они если и согласились на участіе въ этомъ представительствѣ, то лишь желая этимъ путемъ «искать *старыхъ* правъ и привиллегій подтвержденія». Въ силу этого понятно враждебное отношеніе къ Коммиссіи малороссійскаго, не народа, а шляхетства, которое возмущалось между прочимъ и тѣмъ, что ему приходилось участвовать въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ совмѣстно съ «подлымъ» мѣщанствомъ. Не менѣе враждебно и съ той же точки зрѣнія политическихъ интересовъ отнеслись къ призыву императрицы и остзейцы, которые рѣшительно не хотѣли подчиняться «обряду» о выборахъ де-

---

[1]) Г. Сергѣевичъ возстаетъ противъ мысли о всесословности городскихъ выборовъ, утверждая за ними *по закону* исключительно характеръ сословный и видя въ примѣрахъ Петербурга и Москвы лишь *исключеніе*, на которое, замѣтимъ, въ „обрядѣ“ о выборѣ депутата городскимъ населеніемъ, однако, нигдѣ и ничего не указано.

путата, видя въ немъ, подобно малороссійской шляхтѣ, нарушеніе ихъ стародавнихъ привиллегій. Нѣкоторые остзейскіе города даже прямо отказывались отъ права послать въ Коммиссію депутата, ссылаясь на свою яко-бы экономическую несостоятельность.

Если все это имѣло мѣсто въ средѣ слоевъ населенія, получившихъ право представительства; если, стало быть, они — оставляемъ въ сторонѣ Малороссію и Остзейскій край — не всегда и не всѣ понимали цѣли законодательницы и не вездѣ отнеслись къ дѣлу выбора депутатовъ такъ, какъ бы желала того императрица; то и въ средѣ своихъ правительственныхъ органовъ, органовъ, нѣкоторымъ изъ коихъ она поручила самое руководительство выборами и наблюденіе за ихъ производствомъ, императрица далеко не всегда встрѣчала надлежащее пониманіе своихъ цѣлей и намѣреній. Многіе изъ этихъ органовъ отнеслись слишкомъ рьяно, слишкомъ не по разуму къ возложенному на нихъ дѣлу. Само собою разумѣется, что въ данномъ случаѣ странно было бы говорить о вліяніи административныхъ органовъ на выборы въ смыслѣ давленія на нихъ, съ цѣлью добиться выборовъ того или иного лица, желательнаго въ виду какихъ-либо политическихъ соображеній высшаго правительства: оно, это правительство, въ лицѣ самой императрицы, желало совершенно искренно, по крайней мѣрѣ въ моментъ созванія Коммиссіи, узнать *дѣйствительное* «умоначертаніе» народа; а при такомъ желаніи административное давленіе на выборы въ смыслѣ, нами указанномъ, въ томъ видѣ, какъ оно практикуется въ современной Западной Европѣ, было просто немыслимо при выборахъ въ Коммиссію нигдѣ, пожалуй даже и въ Малороссіи съ Остзейскимъ краемъ, о враждебномъ настроеніи дворянскаго сословія которыхъ императрица отзывалась не особенно сурово, и по отношенію къ которымъ она рекомендовала (Румянцеву, напр.), не употреблять «нѣкоторое *принужденіе* или *усильныя увѣщанія*», смотря на эти «препятствія» своему дѣлу, какъ на «весьма маловажныя», означающія лишь «умоначертанія прежнихъ временъ, кои несомнѣнно исчезнутъ». Поэтому рьяность вмѣшательства администраціи въ выборы могла носить и дѣйствительно носила характеръ простаго, чисто личными соображеніями и цѣлями ея мѣстныхъ органовъ обусловливаемаго произвола. Органы эти, прежде всего, далеко не относились къ личности депутата такъ, какъ относилась къ нимъ сама законодательница; они не видѣли въ немъ того, облеченнаго народными полномочіями, человѣка, въ которомъ, какъ таковомъ, императрица видѣла какого-то особаго человѣка, стоящаго въ совсѣмъ особенномъ положеніи и находящагося «подъ собственнымъ» ея, императрицы, «охраненіемъ». Профессоръ Сергѣевичъ приводитъ въ своей статьѣ о Коммиссіи, на основаніи архивныхъ данныхъ, два факта, прекрасно иллюстрирующіе только-что высказанное. Такъ, генералъ-губернаторъ Малороссіи, графъ Румянцевъ, такъ пылко порицавшій малороссовъ за непониманіе идей Екатерины и противодѣйствіе имъ, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, принимается за преслѣдованіе какого-то неблагонамѣреннаго представителя лубенскихъ казаковъ Мищенко, осмѣлившагося уѣхать въ Москву, въ Коммиссію, не явившись къ нему, генералъ-губернатору. Онъ проситъ Сенатъ вернуть этого депутата къ нему, графу Румянцеву, изъ Москвы въ Малороссію «за карауломъ», какъ

какого-то, чуть не государственнаго преступника, должно быть только для того, чтобъ представиться ему. А вотъ и еще иллюстрація, рисовальщикомъ которой является на этотъ разъ уже самъ Сенатъ, этотъ хранитель законовъ. Борисоглѣбская слобода (нынѣшней Ярославской губ.) выбрала своимъ депутатомъ нѣкоего купца, давно уже въ самой слободѣ не жившаго и обрѣтавшагося въ Выборгѣ, гдѣ онъ имѣлъ постоянное мѣстожительство. Борисоглѣбцы, несомнѣнно, исходя изъ взгляда на право представительства въ Коммиссіи, какъ на новую государственную повинность, отправлять которую очень ужъ не легко, рѣшили насолить своему отщепенцу-купцу. Тотъ жалуется въ Сенатъ, прося о кассаціи такихъ, по меньшей мѣрѣ, странныхъ выборовъ. Чѣмъ же отвѣчаетъ Сенатъ на эту жалобу? Признаніемъ выборовъ дѣйствительными, и такимъ образомъ въ сущности содѣйствуетъ распространенію въ городскомъ населеніи взгляда на званіе и значеніе депутата, какъ на званіе и значеніе всякаго выборнаго человѣка, — званіе, такъ опозоренное, такъ ненавистное въ глазахъ городскаго населенія XVIII столѣтія.

Приведенные факты, думается, служатъ лучшимъ доказательствомъ полнаго непониманія «великаго дѣла», къ которому призывались представители какъ со стороны самаго населенія, такъ и органовъ правительственныхъ, этихъ исполнителей державной воли ученицы Монтескье [1]). Но во всякомъ случаѣ я далекъ отъ обобщенія этихъ фактовъ, возведенія ихъ на степень всеобщаго, повсемѣстнаго явленія. Такое обобщеніе ихъ было бы такъ же несправедливо, какъ отрицаніе или игнорированіе самаго существованія ихъ.

Ко дню открытія Коммиссіи въ Москву собралось *четыреста шестьдесятъ* человѣкъ представителей всѣхъ слоевъ населенія, получившихъ право представительства; а за нѣсколько мѣсяцевъ до закрытія этой Коммиссіи ихъ количество достигало цифры 531. Посмотримъ, какъ эта цифра депутатовъ распредѣлялась по сословіямъ, другими словами, посмотримъ, какъ представлялись въ Коммиссіи интересы этихъ сословій.

Наибольшій процентъ общаго числа депутатовъ составляли депутаты отъ городовъ, именно, 39 процентовъ; за ними слѣдовали депутаты отъ дворянства, составлявшіе 30 процентовъ общаго числа. Депутаты же отъ земледѣльческаго слоя тогдашней Россіи входили въ составъ Коммиссіи въ количествѣ 14 процентовъ, т.-е. въ количествѣ, почти втрое меньшемъ, чѣмъ депутаты отъ городовъ, вдвое меньшемъ, чѣмъ отъ дворянъ. Такимъ образомъ выходитъ, что искони земледѣльческое государство въ Коммиссіи обращается какимъ-то чудомъ въ торгово-промышленное. Чудо это, однако, вовсе не имѣетъ въ себѣ ничего чудеснаго. Число городовъ при Екатеринѣ II доходило до 250 и каждый изъ нихъ получилъ право послать своего депутата въ Коммиссію, несмотря на то, что многіе и многіе изъ нихъ едва-ли чѣмъ отличались отъ деревень, такъ какъ жители многихъ изъ нихъ занимались (какъ часто занимаются и до сихъ поръ еще) земледѣліемъ. Между тѣмъ земледѣльческое населеніе ни въ какомъ случаѣ

[1]) Къ характеристикѣ взгляда на депутата самого населенія приведемъ еще одинъ фактъ, сообщаемый также проф. Сергѣевичемъ. Одинъ изъ крестьянскихъ депутатовъ далекаго сѣвера, какъ на грѣхъ одинъ изъ выдающихся членовъ Коммиссіи, былъ избитъ ямщиками, знавшими его званіе, и избитъ за его нежеланіе заплатить двойные прогоны.

(развѣ лишь въ очень малонаселенныхъ провинціяхъ) не получило права посылать депутата отъ такого небольшаго числа избирателей, какимъ обладало огромное большинство городовъ. Это—во-первыхъ; а, во-вторыхъ, не слѣдуетъ забывать, что лишь *свободное* земледѣльческое населеніе получило право представительства. Что касается дворянъ, то число депутатовъ, присланныхъ ими въ Коммиссію, объясняется тѣмъ же, чѣмъ и число депутатовъ отъ городовъ.

Такимъ образомъ представительство было распредѣлено въ высшей степени неравномѣрно, во-первыхъ, между отдѣльными сословными группами избирателей; а, во-вторыхъ,—въ средѣ каждой группы. На неравномѣрность перваго рода мы только-что указали; что касается неравномѣрности распредѣленія представительства въ средѣ каждой группы въ особенности,—въ особенности въ средѣ городскаго населенія и дворянъ, то это видно изъ слѣдующаго: *каждый городъ одинаково* посылалъ одного депутата—Петербургъ съ Москвой и какой-либо только-что основанный уѣздный городишка, едва насчитывавшій въ своемъ районѣ нѣсколько десятковъ домовъ [1]); то же можно сказать и о дворянствѣ, въ средѣ котораго одинаково посылали депутата и уѣзды съ сравнительно большимъ числомъ дворянъ и уѣзды, въ которыхъ число ихъ не достигало *пятнадцати* человѣкъ.

Таковъ былъ составъ коммиссіи 1767 года по отношенію къ представителямъ по избранію. Нѣтъ, думается, сомнѣнія, что этотъ составъ ихъ, ихъ распредѣленіе, если можно такъ выразиться, по *интересамъ*, не могло не отразиться на ходѣ дѣлъ Коммиссіи, на тѣхъ результатахъ, къ которымъ пришла бы она, еслибъ не умерла преждевременно.

Но въ составъ Коммиссіи, какъ мы видѣли, входили и депутаты отъ административныхъ учрежденій, а также и губернаторы во время ихъ пребыванія въ мѣстѣ собранія Коммиссіи. Эти депутаты, разумѣется, къ «умоначертанію народа», этой завѣтной для императрицы области, не имѣли никакого отношенія и появленіе ихъ въ Коммиссіи трудно объяснить чѣмъ-либо инымъ, кромѣ желанія императрицы ввести въ составъ Коммиссіи элементъ, практически знакомый съ существующими порядками въ администраціи, судѣ, даже законодательствѣ. Этотъ элементъ, при иныхъ бытовыхъ условіяхъ, могъ бы имѣть огромное значеніе въ Коммиссіи; но на самомъ дѣлѣ едва-ли онъ имѣлъ вообще хоть какое нибудь значеніе. Не говоря уже о томъ, что онъ входилъ въ составъ Коммиссіи лишь въ очень скромномъ количествѣ (человѣкъ *тридцать* всего); онъ *политическаго* значенія въ западно-европейскомъ смыслѣ слова имѣть не могъ по тѣмъ же причинамъ, по какимъ, мы видѣли, не имѣли политическаго вліянія на выборы правительственные мѣстные органы; того же значенія, которое придавала или желала придать имъ сама императрица, они не могли имѣть по той простой причинѣ, что нѣсколько дней всего спустя по открытіи Коммиссіи предписано было императрицей, въ виду возникшихъ затрудненій въ Сенатѣ и коллегіяхъ, депутатамъ отъ этихъ учрежденій засѣдать въ Коммиссіи всего два дня въ недѣлю; а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда засѣданія Коммиссіи перенесены были въ Петербургъ, всѣ депутаты отъ московскихъ адми-

[1]) Посылать депутата въ Коммиссію *могъ*, хотя и не былъ обязанъ, городъ, число зданій котораго было меньше пятидесяти (были и такіе города).

нистративныхъ учрежденій должны были остаться въ Москвѣ. Нужно-ли говорить, что появленіе губернатора въ Коммиссіи было совершеннымъ исключеніемъ. Такимъ образомъ, очень скоро по открытіи Коммиссіи, число ея административныхъ депутатовъ, если можно употребить такое выраженіе, сокращалось до ничтожной цифры, а стало быть, и значеніе ихъ въ ней сокращалось до нуля.

Таковъ составъ Коммиссіи *количественный* и *качественный*.

Я уже упомянулъ вскользь, что Екатерина смотрѣла на депутата, какъ таковаго, какъ на нѣчто очень высокое, нѣчто такое, въ чемъ проявляется духъ народа, его «умоначертаніе». Дѣйствительно, она такъ и смотрѣла на него. Она видѣла въ немъ, въ силу этого, какое-то особое «достоинство», ставившее его въ особое привиллегированное положеніе. Въ силу такого своего положенія, депутатъ прежде всего избавлялся «*во всю жизнь*, въ какое ни впалъ бы прегрѣшеніе», отъ смертной казни, пытокъ и тѣлеснаго наказанія; вмѣстѣ съ этимъ правомъ на тѣлесную неприкосновенность каждый депутатъ пользовался въ извѣстной степени и правомъ на имущественную неприкосновенность: «имѣнія всякаго депутата освобождаются отъ конфискаціи во всѣхъ случаяхъ, кромѣ за долги». Рельефнѣе всего взглядъ Екатерины на депутата выразился въ постановленіи, что за всѣ преступленія, совершенныя противъ личности депутата, его жизни, преступникъ карался *вдвое* сильнѣе, чѣмъ за преступленіе противъ всѣхъ остальныхъ.

Внѣшнимъ выраженіемъ достоинства депутата служилъ особый «знакъ», который депутатъ долженъ былъ носить на шеѣ, и на которомъ была надпись, гласившая: «*блаженство каждаго и всѣхъ*». Думая, что избранные въ депутаты Коммиссіи дворяне будутъ гордиться этимъ своимъ «званіемъ», императрица разрѣшила имъ вносить эти депутатскіе знаки въ свои дворянскіе гербы [1]). Всѣми этими привиллегіями депутатъ пользовался какъ членъ общества и государства [2]). Въ самой Коммиссіи онъ, само собою разумѣется, пользовался правомъ полной свободы рѣчи.

На другой день послѣ описаннаго мною въ началѣ этой статьи торжества присяги и представленія депутатовъ императрицѣ, 31 іюля 1767 года, они съ ранняго утра собирались въ Грановитой палатѣ того же Кремлевскаго дворца на первое засѣданіе. Въ ихъ ушахъ еще раздавались слова напутственной рѣчи императрицы, произнесенной наканунѣ, отъ ея имени, вице-канцлеромъ имперіи, княземъ Голицынымъ. Никто изъ нихъ не забылъ еще словъ напутствія: «начинайте сіе *великое* дѣло и помните при каждой строкѣ онаго, что вы имѣете случай *себѣ, ближнему вашему* и вашимъ *потомкамъ показать*, сколь велико было ваше *радѣніе объ общемъ добрѣ и блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи* въ сердце людское *добронравія* и *человѣколюбія*, о тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго и *блаженствѣ всѣхъ* любезныхъ *согражданъ вашихъ*»... «Вы имѣете случай прославить себя и вѣкъ вашъ, и

---

[1]) Любопытно бы было прослѣдить по гербовнику, встрѣчается-ли этотъ знакъ хоть въ чьемъ-либо гербѣ.

[2]) Депутаты получали содержаніе за все время отправленія своихъ обязанностей: дворяне—400 р.; „городовые"—122 р.; а всѣ остальные—37 р. въ годъ.

пріобрѣсть себѣ *почтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ»*... «Отъ васъ ожидаютъ примѣра всея подсолнечныя народы... очи ихъ на васъ обращены»!

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этой торжественной рѣчи не менѣе торжественно настроенные депутаты ждали перваго засѣданія, которое и открылось около десяти часовъ утра. Подъ этимъ впечатлѣніемъ депутаты приступили къ избранію предсѣдателя или, какъ его называла Екатерина,—*маршала* Коммиссіи. Коммиссія не получила права избирать своего предсѣдателя изъ среды своей непосредственно. Она избирала лишь нѣсколько человѣкъ кандидатовъ, изъ числа которыхъ предсѣдатель назначался уже самой императрицей.

Депутаты баллотировали *десять* человѣкъ въ кандидаты и выбаллотировали изъ нихъ почти единогласно двухъ братьевъ *Орловыхъ*, одинъ изъ которыхъ немедленно отъ кандидатуры отказался. Генералъ-прокуроръ Вяземскій по праву, которымъ былъ вооруженъ «обрядомъ» управленія Коммиссіей, указалъ съ своей стороны, какъ на кандидата въ маршалы, на нѣкоего генерала Бибикова, который и баллотировался вслѣдъ за Орловыми. Эти два кандидата—Орловъ и Бибиковъ—и были представлены на утвержденіе императрицы. Нужно замѣтить при этомъ, что въ то время, какъ Орловъ былъ избранъ, какъ замѣчено выше, почти единогласно, второй—Бибиковъ изъ 428 голосовъ получилъ избирательныхъ только 165. А между тѣмъ, именно этотъ послѣдній кандидатъ, представленный Коммиссіи генералъ-прокуроромъ, и былъ императрицей утвержденъ маршаломъ Коммиссіи. Такъ получила Коммиссія своего предсѣдателя.

Этимъ, однако, не кончилось все, что предстояло Коммиссіи сдѣлать, прежде чѣмъ приступить къ преніямъ. Екатерина, несомнѣнно, знакомая съ парламентскими порядками Англіи, какъ увидимъ далѣе, понимала, что Коммиссія, состоявшая изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, и призванная ею не для выслушанія только о «нуждахъ и недостаткахъ каждаго мѣста», а и для непосредственнаго участія въ законодательствѣ—«чтобъ быть участницей *при изданіи* проэкта новаго уложенія»—не могла бы исполнить своей задачи, достигнуть поставленной ею цѣли, еслибъ приступила къ дѣлу прямо, въ полномъ составѣ своемъ. Она могла лишь, выражаясь языкомъ манифеста, слушать законы вновь изданные, находить въ оныхъ недостатки, дать свои мнѣнія и замѣчанія. Но гдѣ, или лучше, кому слѣдуетъ составлять эти «новые законы»? Эту задачу можно было предоставить или правительственнымъ органамъ, или отдѣльнымъ членамъ Коммиссіи; или тѣмъ и другимъ. Но и этого мало: такіе законопроэкты, внесенные или правительствомъ, или членомъ Коммиссіи, требуютъ еще провѣрки, изученія, разработки, что опять не по силамъ самому представительному учрежденію. Опять-таки, несомнѣнно, по примѣру англійскаго парламента, Екатерина возложила эту задачу на особыя, такъ-называемыя «частныя коммиссіи», спеціально для этой цѣли избираемыя большой коммиссіей изъ своей среды.

Вотъ почему первымъ дѣломъ Коммиссіи, вслѣдъ за избраніемъ маршала, было организовать эти частныя коммиссіи. Несмотря на все знакомство Екатерины съ подобнаго рода коммиссіями въ Англіи, несмотря на все уваженіе ея къ учрежденіямъ послѣдней, она, однако, организовала свои отечественныя коммиссіи совершенно своеобразно; при этомъ поставила ихъ въ очень своеоб-

разныя отношенія какъ къ правительственнымъ учрежденіямъ, такъ и къ большой или общей коммиссіи, что, разумѣется, должно было сильно отразиться опять-таки на тѣхъ же результатахъ работы этой послѣдней. Поэтому я и остановлюсь здѣсь на этихъ частныхъ коммиссіяхъ нѣсколько дольше, быть можетъ, нѣсколько дольше, чѣмъ это кажется, по первому взгляду, нужнымъ.

Прежде всего обратимся къ выборамъ членовъ частныхъ коммиссій.

Число членовъ каждой изъ этихъ коммиссій не должно было превышать цифру *пять*. Прежде всѣхъ организуется составъ такъ сказать главной изъ коммиссій—такъ-называемой *дирекціонной*, которая уже значительно вліяетъ на организацію остальныхъ коммиссій, которыхъ было образовано *девятнадцать*. Члены дирекціонной, какъ и всѣхъ остальныхъ коммиссій, избираются не прямо общей или большой Коммиссіей; она избираетъ изъ своей среды лишь «*кандидатовъ на пять* мѣстъ.... такимъ же образомъ, какъ выбирала своего предводителя», т.-е. предсѣдателя или маршала. При этомъ, какъ опять-таки и при избраніи маршала, этотъ послѣдній и генералъ-прокуроръ, «согласясь вмѣстѣ или всякій изъ нихъ особо», могутъ также представить своего кандидата, который все-таки баллотируется коммиссіей; для «каждаго мѣста» въ дирекціонной коммиссіи избирается «два или три» кандидата, которые и вносятся «въ докладъ» императрицѣ, которая уже и даетъ «конфирмацію» пятерымъ изъ нихъ. Такъ же въ сущности выбираются члены и во всѣ остальныя частныя коммиссіи, съ тою лишь разницею, что онѣ организуются большой коммиссіей уже по предложенію или даже *требованію* дирекціонной коммиссіи. Предсѣдатели во всѣ эти коммиссіи не избирались вовсе; таковыми считались ео ipso маршалъ большой коммиссіи или генералъ-прокуроръ. При этомъ тотъ и другой, въ качествѣ предсѣдателей частныхъ коммиссій, могутъ имѣть по четыре человѣка изъ депутатовъ (большой коммиссіи) *себѣ въ помощь*; такихъ помощниковъ «пригласить себѣ дается воля» и каждому изъ членовъ частной коммиссіи, но безъ права рѣшающаго голоса, а лишь съ цѣлью «служить нѣкоторымъ *совѣтомъ*». Въ случаѣ надобности дирекціонная коммиссія можетъ потребовать увеличенія числа членовъ той или иной частной коммиссіи свыше пяти. Составъ канцеляріи каждой изъ коммиссій опредѣляется исключительно генералъ-прокуроромъ или маршаломъ.

Уже изъ этого видно, что отношенія частныхъ коммиссій къ общей—далеко не нормальны: онѣ, созданныя, если можно такъ выразиться, *въ помощь* Коммиссіи, стоятъ отъ нея въ совершенно независимомъ положеніи, будучи подчинены, такъ сказать, *старшей* изъ нихъ—дирекціонной коммиссіи, или въ сущности — маршалу съ генералъ-прокуроромъ, какъ ея предсѣдателямъ. Изъ всѣхъ коммиссій частныхъ устроено было что-то въ родѣ іерархіи, въ которой младшій подчиненъ старшему. Старшимъ являлась уже не разъ названная нами дирекціонная коммиссія, задачей которой было наблюдать за ходомъ работъ во всѣхъ тѣхъ частныхъ коммиссіяхъ, которымъ поручено было разсматривать спеціальныя части. Она должна была эти, частными коммиссіями «оконченныя, части смотрѣть, сходственны-ли оныя съ большимъ наказомъ (даннымъ въ руководство большой коммиссіи) и нѣтъ-ли несходства въ одной части противъ другія»; словомъ, задача этой коммиссіи—редактированіе составленныхъ част-

ными коммиссіями проэктовъ *по существу*. Другая коммиссія, тоже подобно первой выдѣлявшаяся изъ всѣхъ остальныхъ коммиссій, исполняла тоже роль редактора относительно законопроэктовъ, но уже съ чисто-внѣшней стороны: она смотрѣла, чтобы законопроэктъ былъ записанъ «по правиламъ языка и слога». Наконецъ и еще одна коммиссія, подобно первымъ двумъ, рѣзко отличалась по своимъ функціямъ отъ всѣхъ остальныхъ. Это — коммиссія, задача которой — «изъ присланныхъ съ депутатами наказовъ, разобравъ по матеріямъ, сдѣлать выписку». Всѣ остальныя коммиссіи уже занимаются составленіемъ законопроэктовъ по даннымъ, опредѣленнымъ отраслямъ государственнаго управленія: «юстицкимъ, вотчиннымъ, суднымъ, до торговли касающимся» и т. п.

Все сдѣланное въ частной коммиссіи идетъ въ дирекціонную, что и понятно въ виду самой задачи этой коммиссіи; но этимъ отношеніе частныхъ коммиссій къ дирекціонной не ограничивается: каждая изъ первыхъ еженедѣльно подаетъ въ послѣднюю «краткую меморію», ради того, чтобъ дирекціонная коммиссія знала, «что... въ которой коммиссіи сдѣлано». Такимъ образомъ частныя коммиссіи становятся прямо въ *подчиненныя* отношенія къ дирекціонной, которая становится какимъ-то начальствомъ по отношенію къ частнымъ коммиссіямъ. Черезъ нее и только черезъ нее можетъ сноситься большая коммиссія съ своими частными коммиссіями. Отсюда несомнѣнно, что между частными коммиссіями и большой, въ сущности, всякая связь порвана: первыя обратились въ какія-то канцеляріи, зависящія отъ главной изъ нихъ — дирекціонной. Нужно замѣтить еще, что каждая коммиссія, прежде чѣмъ отослать выработанный ею законопроэктъ въ дирекціонную коммиссію, представляетъ его на разсмотрѣніе тѣхъ коллегій и канцелярій, отъ которыхъ сидятъ въ большой коммиссіи депутаты; мнѣніе этихъ послѣднихъ разсматривается въ коммиссіи и принимается ею или «оставляется такъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что такая разобщенность частныхъ коммиссій съ большою должна была отразиться, и сильно, на дѣятельности послѣдней, еслибъ она просуществовала долѣе и дала какіе-либо результаты.

Выбравъ кандидатовъ въ члены частныхъ коммиссій, депутаты избрали изъ своей среды секретаря или, какъ назвала его Екатерина, «директора дневныхъ записокъ или журналовъ»; такимъ директоромъ былъ избранъ нѣкто гр. Шуваловъ [1]).

Вслѣдъ за окончаніемъ всякихъ выборовъ коммиссія, согласно «обряду», приступила къ чтенію большаго наказа, сочиненнаго Екатериною ей въ руководство. Это произведеніе императрицы привело депутатовъ въ такой восторгъ, что, по выраженію біографа маршала Бибикова, «преисполненные къ ней (императрицѣ) душевной благодарности, единодушно возжелали поднести ей титулъ *великой, премудрой* и *матери отечества*»! Это постановленіе свое восторженное собраніе депутатовъ мотивировало такъ: «изъявленія нашея благодарности украсятъ насъ и вѣкъ нашъ: скажутъ будущія времена, что обладала нами императрица, *не въ обширности* пространнаго *государства*, *не въ са-*

---

[1]) По поводу этого выбора нельзя не замѣтить, что во всѣ должности были избраны все сановники; но въ этомъ едва-ли можно особенно винить коммиссію: Екатерина другихъ выборовъ не утверждала.

модержавной власти величество свое полагающая, *но* въ одномъ томъ, *чтобъ сдѣлать* безчисленный *народъ* свой... сколь можно... добродѣтельнѣйшимъ и *благополучнѣйшимъ въ свѣтѣ;* императрица, необыкновенно сказавшая, что *не народъ для нея, но она для своего народа сотворена*».

Во всемъ этомъ прошло время до половины августа; только съ этого времени Коммиссія приступила, наконецъ, къ собственно законодательнымъ работамъ. Прежде чѣмъ познакомиться съ ходомъ этихъ послѣднихъ, я остановлюсь еще нѣсколько на «обрядѣ управленія» Коммиссіи [1]), который ознакомляетъ насъ съ тѣмъ, какъ опредѣленъ былъ императрицей порядокъ преній въ коммиссіи.

Опредѣленіе самыхъ предметовъ и порядка преній предоставлено было общему соглашенію маршала съ генералъ-прокуроромъ. Обсужденіе предмета начиналось съ чтенія даннаго предложенія; послѣ перваго чтенія никакихъ дебатовъ не допускалось: оно шло «отъ начала до конца *безмолвно*». Пренія имѣли мѣсто, такимъ образомъ, лишь послѣ *втораго* чтенія, которое однако не было обязательнымъ: «если дѣло не важно *и никто не требуетъ*», говоритъ обрядъ, «чтобъ въ другой разъ читано было, то прочтутъ только *одиножды*». Рѣчи во время преній произносились непремѣнно устно, не по тетради, и произносились не съ депутатскаго мѣста, а у особаго стола, кафедры. Всѣ желавшие говорить предварительно записывались у «ближняго дневной записки держателя», т. е. у лица, ведшаго протоколъ засѣданія, который передавалъ это желаніе маршалу. Перебиваніе рѣчей не допускалось; самая рѣчь могла длиться не болѣе получаса. Нарушившій эти постановленія подвергался въ первый разъ напоминанію; во второй — подтвержденію этого напоминанія; въ третій—штрафу въ размѣрѣ двухъ рублей; а въ четвертый—запрещенію говорить. Претерпѣвшій послѣднее наказаніе могъ свои мнѣнія и возраженія лишь вносить письменно. Если послѣ втораго чтенія законопроэкта желающихъ возражать не находилось и если маршалъ съ генералъ-прокуроромъ не находили нужнымъ «предложить свои мнѣнія и оборотить въ вопросъ», то «дѣло» подписываетъ маршалъ, а съ нимъ вмѣстѣ «и три депутата *по очереди* одинъ послѣ другихъ». Въ случаѣ, если завязались бы пренія и во время ихъ найдено бы было необходимымъ внесенный законопроэктъ измѣнить, пополнить и т. п., то послѣдній направляется черезъ дирекціонную коммиссію въ подлежащую частную, по возвращеніи изъ которой произносится, такъ сказать, защитительная рѣчь законопроэкту членомъ той частной коммиссіи, въ которой онъ разрабатывался. Пренія заключаются. Приступаютъ къ вотированью (шарами), результаты котораго опредѣляются простымъ большинствомъ. Маршалъ и генералъ-прокуроръ «въ случаѣ равенства (голосовъ) имѣютъ по два голоса, изъ которыхъ одинъ голосъ положатъ, на которой сторонѣ имъ заблагоразсудится».

Но въ коммиссіи пренія могли возникать не по поводу только внесенныхъ въ нее законопроэктовъ: въ ней читались «старые законы» съ цѣлью измѣненія или дополненія ихъ. Въ этомъ случаѣ долженъ былъ практиковаться нѣсколько

[1]) Этотъ обрядъ былъ изданъ вмѣстѣ съ наказомъ 30 іюля 1767 г.; но 13 августа 1768 г. издано было къ нему дополненіе. Послѣдующее изложеніе въ текстѣ сдѣлано на основаніи того и другаго.

иной порядокъ. Въ данномъ случаѣ при различіи или «несогласіи» мнѣній предсѣдатель «оборачиваетъ оное несогласіе *въ вопросъ*, на который бы *да* или *нѣтъ* отвѣтствовать было можно». Оба вотированныя мнѣнія отсылаются въ дирекціонную коммиссію, которая, «*приложа свое разсужденіе*», отсылаетъ ихъ въ частную коммиссію. По возвращеніи изъ частной коммиссіи производится обычнымъ порядкомъ баллотировка.

Надзоръ за порядкомъ въ собраніи Коммиссіи — на ея маршалѣ, который въ случаѣ шума, не прекращающагося послѣ двукратнаго удара жезломъ (вмѣсто колокольчика), долженъ былъ закрыть засѣданіе [1]). Онъ же, маршалъ, долженъ былъ слѣдить за исправнымъ посѣщеніемъ депутатами собраній коммиссіи; пропуски засѣданій депутатами записывались, какъ и уходъ ихъ изъ засѣданія раньше времени. Если депутатъ не посѣщаетъ засѣданія цѣлую недѣлю, то подвергается штрафу «по разсмотрѣнію депутатовъ».

Изъ послѣдняго, несомнѣнно, слѣдуетъ заключить, что императрица плохо надѣялась на усердіе созванныхъ ею представителей земли русской.

Вотъ въ нѣскольких словахъ внѣшняя организація созваннаго Екатериной II представительнаго учрежденія—«Коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія».

Открытая, какъ мы видѣли, въ «Первопрестольной», Коммиссія засѣдала въ ней лишь нѣсколько мѣсяцевъ и кончила свое существованіе, меньше *полутора лѣтъ* спустя послѣ созванія,—въ Петербургѣ, куда она переведена была изъ Москвы въ декабрѣ—18-го 1767 г., и гдѣ открыла свои засѣданія—въ Зимнемъ дворцѣ—лишь черезъ два мѣсяца, а 18-го декабря 1768 г. она была распущена, чтобъ никогда болѣе не быть созванной. Въ этотъ день маршалъ, открывъ засѣданіе, объявилъ отъ имени императрицы, что собраніе распускается «до тѣхъ поръ пока *вновь будетъ* созвано»; распускается потому, что «по случаю нарушенія мира (война съ Турціей) многіе депутаты, принадлежащіе къ военному званію, должны отправиться къ занимаемымъ ими по службѣ мѣстамъ». — Частныя же коммиссіи, въ которыхъ члены военнаго званія были замѣнены другими, оставались и кое-какъ просуществовали нѣкоторое время, пока не были забыты, какъ «забыта была», выражаясь языкомъ проф. Сергѣевича, породившая ихъ большая Коммиссія, когда-то созванная съ такими великими надеждами на нее.

Еслибъ я кончилъ этимъ настоящую статью, я бы въ сущности не далъ «о великомъ дѣлѣ» Екатерины надлежащаго понятія; я познакомилъ бы читателя, какъ уже было замѣчено, лишь съ внѣшней стороной дѣла, я познакомилъ бы его въ концѣ концовъ лишь съ тѣмъ, что́ *хотѣла* императрица сдѣлать изъ задуманнаго ею учрежденія, что́ хотѣла она видѣть въ немъ и только. Поэтому-то я на сдѣланномъ очеркѣ и не останавливаюсь. Я постараюсь познакомить читателя съ тѣми причинами, которыя заставили Екатерину II чуть не съ первыхъ дней своего царствованія съ такой энергіей обратиться къ законодательнымъ работамъ; я остановлюсь на вопросѣ о томъ, почему императрица, разъ обратившись къ этимъ работамъ, не прибѣгаетъ къ тѣмъ средствамъ для

[1]) На другой день собраніе дѣлало постановленіе о нарушителяхъ порядка, которые наказывались: пеней, временнымъ или навсегда исключеніемъ изъ собранія.

совершенія ихъ, къ которымъ обыкновенно обращались ея предшественники въ подобныхъ случаяхъ; почему она обращается для этого къ такому средству, какъ Коммиссія, — представительное, народное учрежденіе? Мнѣ кажется, что только отвѣтивъ на эти вопросы, мы и можемъ, по мѣрѣ силъ, надлежаще познакомить съ учрежденіемъ, о которомъ идетъ рѣчь. Только отвѣтивъ на нихъ, мы узнаемъ, почему именно императрица ставила Коммиссіи тѣ, а не иныя цѣли; мало того, только тогда, мнѣ кажется, мы будемъ въ состояніи рѣшить вопросъ и о томъ, почему именно самыя пренія въ Коммиссіи приняли тотъ, а не иной характеръ; а, быть можетъ, —и вопросъ, почему Коммиссія пришла къ тѣмъ, а не инымъ — во всякомъ случаѣ очень сомнительнымъ — результатамъ; наконецъ — вопросъ, почему она «была забыта» не только преемниками Екатерины II, но и ею самою.

Только, повторяю, отвѣтивъ на поставленные вопросы, мы надлежаще уяснимъ себѣ «величайшій фактъ» царствованія Екатерины II, ознакомимся съ нимъ всесторонне.

II.

Причины, вызвавшія законодательную дѣятельность Екатерины II. — Почему она обращается къ содѣйствію Коммиссіи. — Задачи Коммиссіи.

Со смерти великаго царя-преобразователя до вступленія на престолъ блестящей Екатерины прошло слишкомъ тридцать семь лѣтъ, больше четверти столѣтія — періодъ времени, думаемъ, достаточный, чтобы реформы царя, при сколько нибудь благопріятныхъ условіяхъ, болѣе или менѣе прочно пустили корни даже и въ не совсѣмъ благопріятную почву; періодъ времени, думаемъ, наоборотъ уже слишкомъ достаточный для того, чтобы при условіяхъ совершенно для нихъ, этихъ реформъ, неблагопріятныхъ создать въ государственномъ строѣ, а пожалуй и въ средѣ самаго общества, нѣчто, совсѣмъ близкое къ хаосу. А кто изъ насъ не знаетъ, до чего при преемникахъ Петра условія для водворенія и развитія въ жизни всего, сдѣланнаго имъ, были неблагопріятны; кто не знаетъ изъ насъ, что́ почти исключительно поглощало вниманіе правительствъ этихъ преемниковъ. Только дочь Петра какъ будто повернула на дорогу, проложенную ея энергичнымъ отцомъ. Но ея силъ и талантовъ стало лишь на то, чтобы «объявить себя» за дѣло отца своего; только.

Въ руки Петра Великаго государственная машина перешла въ такомъ состояніи, которое сами цари московскіе, завѣщавшіе ее своему геніальному преемнику, считали изъ рукъ вонъ расшатанной и искалѣченной, едва тянувшей свою тяжелую лямку. Всѣ эти воеводы и всякіе старосты, всѣ эти приказы и избы всякіе, что называется, изжились вовсе. Немного нужно было силъ и энергіи, чтобы все это свалить. Едва царь взялся за свое государское дѣло, какъ вся эта гниль и рушилась съ трескомъ подъ его желѣзной рукой. Но это разрушенное, эти развалины не были снесены вовсе, прибраны съ дороги; царю, за его лихорадочной дѣятельностью, не стало времени сдѣлать это. И вотъ на нихъ-то, этихъ развалинахъ, строится новое зданіе, ставится новый механизмъ

государственной администраціи, въ которомъ такимъ образомъ старо-московское смѣшивается съ ново-петербургскимъ. Получается нѣчто по истинѣ странное, что-то напоминающее костюмъ арлекина. Тамъ орудуетъ еще *воевода съ товарищи*, а при нихъ — *изба*, здѣсь — *губернаторъ* съ губернской *канцеляріей* и *ландратами*; тамъ — *приказъ* со своими *дьяками* и подъячими, а здѣсь *коллегія* со своими *секретарями* и шрейберами изъ чеховъ и русскихъ; обокъ другъ съ другомъ вѣдаютъ всякія челобитныя и расправныя дѣла старый выборный посадскій человѣкъ, хотя и окрещенный заморскимъ именемъ бурмистра, съ новымъ, еще не бывалымъ чиномъ на Руси, въ родѣ коммиссара или камерира. Все это совершенно перепутывалось въ своей дѣятельности, сплошь и къ ряду вѣдая одно и то же. И старое и новое учрежденіе и старый и новый человѣкъ стремились стать одинъ выше другаго. Ни самыя функціи всѣхъ этихъ учрежденій и органовъ, ни тѣ пути, коими эти функціи должны были отправляться — ничего не было сколько-нибудь точно опредѣлено. Все предоставлялось жизни. Еще при Петрѣ, подъ гнетомъ его желѣзной энергіи, вся эта разношерстная смѣсь такъ или иначе правила свое дѣло, преслѣдуемая зоркимъ окомъ царя, направляемая его могучей рукой. Но что же должно было получиться, когда царя не стало, когда московское гнилье поставлено было снова на ноги, когда эта помѣсь отживавшаго стараго съ едва зарождавшимся новымъ была предоставлена уже исключительно самой себѣ и волѣ божіей? Прибавимъ къ этому, что каждое изъ безчисленныхъ учрежденій, каждый изъ отдѣльныхъ, единоличныхъ органовъ вѣдалъ вмѣстѣ, въ одно и то же время, судъ и администрацію: эти двѣ правительственныя функціи въ тѣ времена еще вполнѣ смѣшивались. Примемъ во вниманіе еще одно, въ высокой степени важное обстоятельство: это *состояніе*, если можно такъ выразиться, *самихъ законовъ*, тѣхъ правилъ или нормъ, которыми, съ одной стороны, опредѣлялась организація учрежденій, ихъ функціи, и которыя, съ другой, — играли роль того *матеріальнаго* права, тѣхъ законодательныхъ постановленій, которыми опредѣлялись взаимныя отношенія подданныхъ другъ къ другу и, опираясь на которыя, чинили, какъ тогда выражались, судъ и расправу всѣ эти московско-нѣмецкіе учрежденія и органы. Совокупность всѣхъ этихъ законовъ представляла собою нѣчто еще болѣе хаотическое, чѣмъ сами правительственные органы и учрежденія: въ этой сферѣ одинаково дѣйствуютъ и старое московское Уложеніе царя Алексѣя, изданное еще въ первой половинѣ XVII столѣтія, и безчисленные новые указы, такъ называемыя новоуказныя статьи, являвшіяся на свѣтъ божій, какъ дополненія и развитіе того же Уложенія, и выросшія на той же аренѣ борьбы московскихъ интересовъ, составлявшія порожденія этой борьбы, (предѣлявшія общественно-государственные порядки московскаго домостроя; и такіе законодательные акты, какъ различнаго рода петровскіе регламенты и уставы, отдѣльные постановленія и указы, занесенные къ намъ совсѣмъ съ иной почвы, порожденные тамъ, на этой почвѣ, совсѣмъ иными интересами. Понятно, послѣ этого, полное несогласіе, порой полное противорѣчіе другъ другу всѣхъ этихъ отдѣльныхъ актовъ (верховной власти). Прибавимъ къ этому, что всѣ эти безчисленные статьи и указы, болѣе, чѣмъ часто, не только противорѣчившіе другъ другу, но и отмѣнявшіе одинъ другой, не были собраны даже воедино;

поэтому, самое знаніе ихъ доступно было даже въ средѣ правительственныхъ органовъ лишь немногимъ закоренѣлымъ дьякамъ и подъячимъ, легшимъ костьми на примѣненіи къ жизни всѣхъ этихъ «законовъ». И каково было это примѣненіе?! Простымъ смертнымъ, которымъ приходилось вѣдаться или, лучше, которыхъ вѣдали по этимъ законамъ, они были вовсе неизвѣстны. Намъ вполнѣ станетъ понятно положеніе вещей, вытекавшее изъ всего этого, когда обратимъ еще наше вниманіе на уровень умственнаго и нравственнаго состоянія общества того времени, т. е. первой половины XVIII столѣтія. И здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ же хаотическимъ состояніемъ: «обиходъ» московскаго домостроя попа Сильвестра, домашняя и общественная «порядня», этимъ домостроемъ регулируемая, преисправно дѣйствовала обокъ съ новой нѣмецко-французской порядней,— съ тѣмъ, при томъ, отличіемъ отъ послѣдней, что домостроевскій режимъ проникалъ въ плоть и кровь русскаго человѣка первой половины XVIII ст., даже того человѣка, который всю *внѣшнюю* сторону своего домашняго и общественнаго обихода строилъ уже на иноземныхъ, заморскихъ началахъ, изъ которыхъ онъ, именно благодаря такому внутреннему господству въ немъ московскихъ началъ, и съумѣлъ позаимствовать одну внѣшность. Что же послѣ этого мудренаго, если мы встрѣчаемся въ обществѣ того времени съ полной умственной и нравственной неопредѣленностью, неустойчивостью, которыя всегда являются результатомъ того порядка вещей, при которомъ старые начала и элементы не изжили еще, корни ихъ далеко еще не подгнили окончательно, а новые не привились еще, не пустили корней своихъ настолько прочно, чтобъ могли рости и развиваться во всю ширь, со всею присущею имъ мощью.

Все сейчасъ сказанное, разумѣется, касается лишь такъ-называемыхъ высшихъ, правящихъ слоевъ общества того времени. Въ массахъ никакого противорѣчія, никакой неустойчивости не существовало: тамъ московская порядня попа Сильвестра царила еще въ первобытной неприкосновенности и полномъ единеніи, если можно такъ выразиться.

Изъ этихъ-то, умственно и нравственно неопредѣленныхъ, неустойчивыхъ классовъ и вербуется при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ, въ особенности при послѣднихъ, весь административный персоналъ. Есть-ли надобность пускаться въ какія-либо объясненія того, что это обстоятельство могло, да и должно было, въ значительной степени содѣйствовать той страшной административной безурядицѣ, которая царила въ первой половинѣ XVIII столѣтія, которую застала Екатерина II, настоятельная необходимость устраненія которой сознавалась не только этой императрицей, не только Петромъ Великимъ, но даже и его ближайшими преемниками. Да и странно бы было, еслибъ эта безурядица не сознавалась какимъ бы то ни было правительствомъ, разъ она достигла такихъ широкихъ размѣровъ!

Петръ Великій, разъ его зоркій глазъ, оторвавшись отъ такъ занимавшаго его дѣла военнаго и морскаго, обращался къ внутреннимъ распорядкамъ, приходилъ къ печальному заключенію: господство закона, о которомъ царь такъ старательно, неутомимо радѣлъ, еще въ сущности не наставало; закона почти не признавалъ самъ сенатъ, это хранилище законовъ, это высокое учрежденіе, на которое царь возлагалъ высокія надежды: «имѣть о монаршеской

и *государственной* пользѣ неусыпное попеченіе,—доброе простирать, а все, что вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать»! Это учрежденіе, по свидѣтельству самого царя, вовсе не гарантировало «крѣпкаго храненія правъ гражданскихъ», какъ онъ выражался, и тамъ въ этомъ-то учрежденіи, по словамъ опять самого же царя, «играютъ (законами), какъ въ карты, прибирая масть къ масти», и тамъ, въ Правительствующемъ Сенатѣ, учрежденномъ «для всегдашнихъ его (царя) въ сихъ войнахъ отлучкахъ», въ этомъ Сенатѣ создатель его, къ великому своему горю, увидѣлъ, что члены его «зѣло тщатся всякія *мины* чинить подъ фортецію правды».

Въ какихъ же изумительныхъ размѣрахъ пускалась въ ходъ правильная минная осада противъ беззащитной «фортеціи правды» въ низшихъ, подчиненныхъ Сенату учрежденіяхъ? Тамъ отъ фортеціи уже ничего не оставалось: она рушилась, благодаря безпощадному натиску на нее дьяка съ подъячимъ, въ рукахъ которыхъ исключительно хранились всѣ карты, всѣхъ разношерстныхъ мастей. Не буду утомлять читателя фактами, оправдывающими только-что высказанное, фактами, въ изобиліи встрѣчавшимися не только при преемникахъ Петра Великаго, но и при немъ самомъ. Перебирая эти факты, я не зналъ бы, на которыхъ изъ нихъ остановиться и когда остановиться: такое ихъ множество и такъ всѣ они одинаково характерны и важны. Я здѣсь попробую остановить вниманіе читателя лишь ради посильной характеристики администраціи и суда въ томъ ихъ состояніи, въ какомъ застала ихъ Екатерина II въ самомъ началѣ своего царствованія.

Императрица оставила намъ собственное описаніе положенія дѣлъ въ государственномъ управленіи, какъ она застала его при вступленіи на престолъ. Имъ мы въ данномъ случаѣ и воспользуемся.

Блюститель законовъ, хранитель ихъ—Сенатъ «часто», говоритъ Екатерина, «выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни—однимъ словомъ—почти все, и *утѣснялъ прочія судебныя мѣста* въ ихъ законахъ и преимуществахъ... Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ, они пришли въ столь великій упадокъ, что и *регламентъ вовсе позабыли,* которымъ повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, если оные не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ... *Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное,* и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется». Императрицв нашла въ Сенатѣ дѣла, притомъ цѣлыми тысячами, неразсмотрѣннѣнныя чуть не со смерти его учредителя. Какъ особенно курьезный образчикъ хода дѣлъ въ Сенатѣ, императрица указываетъ на дѣло о выгонѣ одного изъ уѣздныхъ городовъ, дѣло, тянувшееся, *когда* до него наконецъ *добрались*, цѣлыя *шесть недѣль* въ засѣданіяхъ Правительствующаго Сената. Указы Сената не исполнялись въ губерніи или исполнялись «такъ худо», говоритъ императрица, «что въ пословицу вошло говорить—ждутъ третьяго указа, понеже по первому и второму не исполняли». Назначая по городамъ воеводъ, Сенатъ не зналъ ни числа, ни мѣстоположенія городовъ, въ которые назначалъ ихъ. Онъ не зналъ размѣра государственныхъ доходовъ, вѣдая ихъ.

Еще въ горшемъ, пожалуй, положеніи обрѣтались дѣла въ подчиненныхъ Сенату коллегіяхъ. Учрежденія эти занимались лишь одними «приказными об-

рядами», да «партикулярными неудовольствіями и персональными протестами».... а дѣла все скоплялись и скоплялись: въ донесеніи Сенату отъ 1766 года юстицъ-коллегія говоритъ, что въ ней накопилось болѣе *шести тысячъ* дѣлъ, нерѣшенныхъ еще съ 1712 года, т.-е. ожидающихъ рѣшенія болѣе чѣмъ полстолѣтіе. Съ какого же рода фактами въ этомъ родѣ можно бы было познакомить читателя изъ жизни мѣстной, изъ практики губернской, провинціальной и уѣздной администраціи, еслибъ предѣлы журнальной статьи не стѣсняли меня!

Позволю себѣ указать здѣсь еще на одно явленіе, имѣвшее мѣсто, какъ результатъ хаотическаго состоянія общественно-государственнаго строя, съ одной стороны; а съ другой — значительно содѣйствовавшее дальнѣйшему развитію этого состоянія; явленіе, въ которомъ нашъ маститый историкъ С. Соловьевъ видитъ одну изъ капитальнѣйшихъ причинъ разстройства «государственной машины». Я говорю о страшномъ злѣ, страшной язвѣ, разъѣдавшей весь общественно-государственный строй того времени — о взяточничествѣ и взяточникахъ, этихъ «кожедирателяхъ», какъ называетъ ихъ Екатерина, «подлыхъ и ненавистнымъ сребролюбіемъ помраченныхъ душахъ». Эта язва XVIII ст., будучи унаслѣдована имъ отъ XVII, петербургско-императорскимъ строемъ отъ московско-царскаго, не только не уменьшалась, но какъ будто еще разрасталась въ ширь и глубь. Она заразила собою всѣ слои администраціи, начиная съ самаго низменнаго, подъячаго, кончая самымъ высшимъ государственнымъ сановникомъ. Могучая энергія Петра не въ состояніи была сломить, искоренить это зло, — энергія, не останавливавшаяся ни передъ батогами нещадными, ни передъ смертною казнью, не останавливавшаяся въ приложеніи того и другаго къ лицамъ самаго высокаго общественно-административнаго положенія. Язва поражала лучшихъ, ближайшихъ къ царю дѣятелей: историческій «Алексаша» былъ отъявленнымъ казнокрадомъ и взяточникомъ, о которомъ самъ Петръ говаривалъ: «въ беззаконіи зачатъ, во грѣсѣхъ роди мать его и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой и, если не исправится, то быть ему безъ головы». Понятно, что по смерти Петра зло не исчезло. Екатеринѣ II не разъ приходилось убѣждаться во очію, что, напр., коллегіи на дѣла о взяточничествѣ смотрѣли, какъ на дѣла, вовсе «неважныя», будучи сами заражены этимъ грѣхомъ. За первые два-три года царствованія Екатерины мы встрѣчаемся съ нѣсколькими случаями отдачи подъ судъ и лишенія чиновъ губернаторовъ и воеводъ за всякаго рода административныя злоупотребленія и главнымъ образомъ за взятки и всякаго рода беззаконные поборы. Каждая ревизія какого-либо учрежденія или губерніи вела къ открытію такихъ фактовъ въ этомъ родѣ, что съ трудомъ вѣрится имъ. Въ наказахъ, съ которыми пріѣхали въ Москву депутаты Коммиссіи, жалобы на взяточничество были общимъ явленіемъ. Дворяне одного изъ уѣздовъ, видимо выведенные изъ терпѣнія грабительствомъ мѣстной администраціи, проэктируютъ въ наказѣ своему депутату слѣдующую мѣру противъ этого зла: «о богоненавистномъ по дѣламъ лихоимствѣ и проклятомъ лакомствѣ» — такъ величаютъ они зло это — «не позволено-ли будетъ, во всѣхъ мѣстахъ присутствующихъ, секретарей и приказныхъ служителей обязать присягою, чтобъ они ко взяткамъ не касались; виновныхъ же во взяточничествѣ, какъ бы мала взятка ни была, подвергать «*натуральной смертной казни*».

Какими же, спрашивается, «фортеціями» могла, при такомъ положеніи вещей, защищаться злосчастная «правда»?

Но не одни только явленія этой категоріи въ общественно-государственномъ строѣ обратили на себя вниманіе только-что воцарившейся императрицы. Ее не могло не поразить положеніе народа, положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, ихъ экономическое благосостояніе, ихъ отношеніе къ своимъ господамъ, къ государству. Она не могла не знать того, что происходило въ средѣ этого несвободнаго населенія имперіи. Въ этой средѣ происходило нѣчто такое, что должно было рѣзать глаза не одной Екатеринѣ II.

Вся первая половина XVIII столѣтія представляла собою сплошной рядъ такъ-называемыхъ крестьянскихъ «волненій», вызывавшихся тяжелымъ, безъисходнымъ положеніемъ крѣпостныхъ; волненій, противъ которыхъ уже и предшественники Екатерины подумывали принять какія-либо мѣры, кромѣ военныхъ экзекуцій; мѣры, которыя проникали бы болѣе глубоко, чѣмъ такія пальятивы, какъ штыкъ и пушка, оказавшіеся совершенно несостоятельными къ достиженію поставляемой имъ цѣли. — Черезъ нѣсколько недѣль по восшествіи на престолъ императрицѣ уже пришлось ознакомиться съ этимъ печальнымъ явленіемъ нашего недалекаго прошлаго: на всей восточной окраинѣ «волновались» крестьяне, приписанные къ заводамъ: «со многихъ заводовъ отъ работъ насильно ушли... ни въ какія работы нейдутъ», доносила въ Сенатъ канцелярія главнаго правленія заводовъ. Масса монастырскихъ крестьянъ отказалась повиноваться своимъ духовнаго чина властямъ. По свѣдѣніямъ самой императрицы въ 1762 году — годъ восшествія ея на престолъ — «въ *явномъ* возмущеніи» крестьянъ считалось: *тысячъ пятьдесятъ* заводскихъ и *тысячъ полтораста* монастырскихъ и помѣщичьихъ. При томъ эти волненія *были* такого рода, что Вяземскій и Бибиковъ, посланные на восточную окраину для умиротворенія, доносили, что «не одиножды принуждены были употребить оружіе... и даже до пушекъ».... Въ 1767 году — въ годъ созванія Коммиссіи — въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ снова всплываетъ вопросъ о волненіяхъ крестьянъ, которыхъ приходилось «приводить въ чувство» плетьми, кнутомъ, ссылкой на нерчинскіе заводы и опять... «даже и до пушекъ».

Во время путешествія своего по Волгѣ, императрица получила болѣе *шестисотъ* челобитень отъ различныхъ крестьянскихъ обществъ на ихъ горькое положеніе.

Пуская въ ходъ, подобно своимъ предшественникамъ, энергическія средства, въ родѣ указанныхъ, императрица, несомнѣнно, сознавала однако ихъ пальятивный характеръ и понимала настоятельную необходимость болѣе коренныхъ мѣръ: она и ея правительство хорошо знали *причины* этого рода явленій и понимали, какія въ сущности средства необходимы противъ него.

Не могла быть довольна Екатерина и положеніемъ всѣхъ другихъ слоевъ своихъ подданныхъ — дворянъ, городскаго населенія, духовенства, въ средѣ каждаго изъ которыхъ она точно такъ же неизбѣжно знакомилась съ явленіями, по истинѣ вопіющими, явленіями, совершенно несовмѣстимыми со сколько-нибудь нормальнымъ строемъ общественно-государственной жизни.

Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, то положеніе въ первой половинѣ XVIII столѣтія, которое заставило Екатерину II обратиться къ законодательной дѣятель-

ности, которое заставляло задумываться надъ собою и ея предшественниковъ— Екатерину I, Петра II, Елисавету Петровну, — которые и обращались, хотя и безъ успѣха, къ извѣстнымъ мѣрамъ къ улучшенію этого положенія.

Та энергія, съ которою Екатерина взялась за это дѣло, обусловливалась не однимъ только суровымъ характеромъ указанныхъ нами явленій и фактовъ; она обусловливалась также, и въ очень значительной степени, *личными взглядами и симпатіями* самой *императрицы*. Въ самомъ дѣлѣ, могла-ли относиться равнодушно ко всему указанному, по крайней мѣрѣ, въ медовые годы своего царствованія, блестящая поклонница французскихъ мыслителей, чуть не боготворившая Вольтера, стремившаяся добыть въ учителя своему сыну одного изъ энциклопедистовъ, заботливо поддерживавшая своими средствами другаго. Могла-ли императрица не взяться съ особой страстностью, особымъ увлеченіемъ за дѣло законодательныхъ преобразованій, будучи политически воспитана на произведеніяхъ Монтескье, считая книгу послѣдняго—l'Esprit des lois—своимъ «*молитвенникомъ*», какъ она выражалась? Могла-ли она, благодаря такому воспитанію, такъ высоко цѣнившая политическую свободу, которая, по ея мнѣнію, высказанному въ письмѣ къ француженкѣ, m-me Geoffrin, одна «*даетъ душу всему*», безъ которой «все мертво»; могла-ли она спокойно относиться къ отечественнымъ порядкамъ; могла-ли она не желать всѣми силами своей души, напр., хоть измѣненія положенія крѣпостныхъ, будучи убѣждена, что «противно христіанской религіи и правосудію обращать людей въ рабство»?

Вотъ причины, побудившія императрицу, по нашему мнѣнію, такъ энергично обратиться къ преобразованіямъ. Теперь взглянемъ, почему, разъ убѣдившись въ настоятельной необходимости реформъ, Екатерина обратилась именно къ такому средству достиженія цѣли, какъ призваніе къ участію въ дѣлѣ народнаго представительнаго учрежденія?

Почему Екатерина обратилась къ представителямъ народа, почему стремилась она по занимавшему ее дѣлу узнать «умоначертаніе народа», какъ выражалась она?

Нѣкоторые думаютъ, что въ данномъ случаѣ она лишь послѣдовала примѣру своихъ предшественниковъ, и указываютъ на земскіе соборы московскихъ царей и разнаго рода палаты и коммиссіи ея ближайшихъ предшественниковъ, какъ на то, чему она только какъ бы подражала своей Коммиссіей. Думаемъ — едва-ли это такъ: о земскихъ соборахъ Екатерина могла имѣть лишь очень и очень смутныя представленія; палаты же и коммиссіи Петра и его преемниковъ не могли дать Екатеринѣ ничего ей нужнаго, такъ какъ вовсе не были учрежденіями представительными, а просто канцеляріями, состоящими главнымъ образомъ изъ правительственныхъ чиновниковъ; въ помощь которымъ придавалось нѣсколько человѣкъ выборныхъ «изъ шляхетства, добрыхъ и знающихъ людей», которыхъ выбирали губернаторы, какъ это имѣло мѣсто при Петрѣ II.

Если зародыши идеи о созваніи представителей и заимствованы, допустимъ, Екатериной у земскихъ соборовъ московскаго государства, то, во всякомъ случаѣ, ея полное развитіе и приложеніе совершались подъ вліяніемъ идей, заимствованныхъ Екатериной все оттуда же, откуда она вообще такъ много заимствовала — изъ западно-европейской жизни и литературы: изъ «мо-

литвенника»; оттуда, откуда заимствована ею идея, что власть безъ довѣрія народнаго ничего не значитъ для того, кто хочетъ быть любимымъ и славнымъ», и, все оттуда же, откуда она почерпнула убѣжденіе, что любимымъ и славнымъ можно быть, лишь имѣя въ виду одно *«благо народное»*.

Разъ убѣдившись въ послѣдней мысли, все равно откуда пришедшей, Екатерина совершенно логически пришла къ заключенію, что узнать, въ чемъ это *благо*, можно, лишь ознакомившись съ «умоначертаніемъ» народа, а достичь этого послѣдняго можно лишь однимъ путемъ — путемъ ознакомленія съ нимъ чрезъ представителей самого этого народа, который императрица хотѣла «видѣть столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольство можетъ на сей землѣ простираться». Причинами, побудившими Екатерину созвать Коммиссію, обусловливаются въ данномъ случаѣ и тѣ цѣли, которыя поставлены были ею этой послѣдней. Эти цѣли въ общихъ словахъ императрица очертила уже въ декабрскомъ манифестѣ 1766 года; по словамъ послѣдняго, цѣли Коммиссіи — въ томъ, чтобы *«укрѣпить и защитить отечество*... соблюсти законы... узаконить такія государственныя учрежденія, кои вели бы къ соблюденію добраго во всемъ порядка». Въ подробностяхъ же эти цѣли разработаны Екатериной въ ея извѣстномъ трудѣ, пресловутомъ «Наказѣ», который она написала въ руководство созванной ею Коммиссіи и надъ сочиненіемъ котораго она работала больше двухъ лѣтъ.

Отсюда понятно, что только нѣкоторое знакомство съ этимъ наказомъ и даетъ намъ возможность сколько-нибудь ясно себѣ представить, въ чемъ состояли «спасеніе и защита отечества», которыя возлагала Екатерина на Коммиссію, что̀ понимала она подъ такими учрежденіями, которыя водворили бы «добрый во всемъ порядокъ». Поэтому я и остановлю здѣсь вниманіе читателя на нѣкоторое, впрочемъ, очень короткое время на содержаніи знаменитаго произведенія императрицы. Въ виду размѣровъ журнальной статьи я долженъ ограничиться почти голымъ перечисленіемъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ трактуетъ Наказъ и которые предоставлялись, стало быть, на обсужденіе Коммиссіи.

Широта задачи, возложенной на Коммиссію, выясняется довольно рельефно уже изъ простаго перечня нѣкоторыхъ предметовъ, о которыхъ Наказъ и дополненія къ нему даютъ намъ цѣлыя главы. Вотъ эти предметы: «о законахъ вообще и подробно», «о хранилищѣ законовъ», «о производствѣ суда вообще», «о расходахъ и доходахъ и о государственномъ оныхъ управленіи», «о торговлѣ и промышленности», «объ управленіи воинскомъ»; а вмѣстѣ съ этимъ — и «о подданныхъ вообще» и о каждомъ сословіи ихъ въ отдѣльности; «о управленіи нравовъ», «о воспитаніи» и т. п. Но нѣкоторыя, хотя бы и краткія, выдержки изъ Наказа, характеризующія взглядъ автора его на тѣ или другіе изъ сейчасъ перечисленныхъ вопросовъ, ознакомятъ насъ, такъ сказать, съ широтою постановки вопросовъ по этимъ предметамъ; дадутъ возможность судить, во-первыхъ, о томъ, на сколько глубоко могли идти сужденія Коммиссіи по каждому изъ нихъ, а во-вторыхъ, и о томъ *направленіи*, какое желательно было Екатеринѣ придать самому обсужденію Коммиссіей того или инаго вопроса.

Ознакомимся прежде всего со взглядами автора на «законъ». «Ничего не должно запрещать законами», говорится въ VI главѣ Наказа, «кромѣ того,

что можетъ быть *вредно* или *каждому особенному, или всему обществу*»; они устанавливаются «не съ инымъ намѣреніемъ, какъ только, чтобы сдѣлать самое большое *спокойствіе и пользу людямъ, подъ сими законами живущимъ*»; отсюда, они, по своему существу, должны быть таковыми, «чтобы всякъ несомнѣнно былъ увѣренъ, что онъ *ради собственныя своея пользы* стараться долженъ сохранить нерушимыми» ихъ; такой характеръ законовъ, по мнѣнію императрицы, есть «самый высочайшій степень совершенства, котораго достигнути стараться должно».

Говоря о судѣ, наказаніи, Екатерина высказываетъ мысль, что «въ самодержавномъ государствѣ отправленіе правосудія... многотрудныхъ требуетъ испытаній»; а потому посвящаетъ этому предмету особенно много вниманія. Высказавъ общее положеніе, что «власть судейская состоитъ въ одномъ *исполненіи* законовъ, и то для того, чтобы *сомнѣнія не было въ свободѣ и безопасности гражданъ*», авторъ пускается въ обсужденіе различныхъ формъ судопроизводства и судоустройства и здѣсь, по пути, высказывается по поводу, напр., такихъ средствъ сознанія, какъ пытка, называя употребленіе ея «противнымъ здравому и естественному разсужденію». Разсуждая о мѣрахъ отнять у обвиняемаго средство избѣжать суда, авторъ Наказа говоритъ, что арестъ или, какъ онъ выражается, «брать подъ стражу», по существу своему, есть «наказаніе», которое «предшествуетъ судебному объявленію преступленія»; а потому законъ и долженъ стараться «точно опредѣлить тѣ знаки преступленія, по которымъ можно взять подъ стражу обвиняемаго». При этомъ, продолжаетъ авторъ, самое «заключеніе должно длиться сколь возможно меньше и быть толь снисходительно, коль можно»; а такъ какъ продолжительность предварительнаго заключенія обусловливается рѣшеніемъ вопроса о преданіи арестованнаго суду, то вопросъ этотъ, говорится въ Наказѣ, «рѣшить надлежитъ такъ скоро, коль возможно».

По отношенію къ самому *составу* суда высказывается желаніе, чтобъ онъ обусловливался волей судимаго: «надлежитъ, чтобы судимые... выбирали себѣ судей или, по крайней мѣрѣ, могли бы отрѣшить изъ нихъ толикое число, чтобъ оставшіеся казались быти въ судѣ по выбору судимыхъ преступниковъ».

Переходя къ вопросу о наказаніи, авторъ возстаетъ противъ смертной казни, о которой, по его мнѣнію, «опыты свидѣтельствуютъ, что ея частое употребленіе никогда людей не сдѣлало лучшими», и которая «въ государствѣ, гдѣ вся власть въ рукахъ самодержца» — совершенно не нужна. Екатерина возстаетъ противъ всѣхъ наказаній, «которыми тѣло человѣческое изуродывать можно». Она вообще — за кротость наказаній, будучи убѣждена, что «въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими». Въ сущности, она и ко всякаго рода наказаніямъ относится недружелюбно; она не вѣритъ въ ихъ могущество, видитъ въ нихъ лишь пальятивъ противъ зла: «гораздо лучше предупреждать преступленія», говорится въ Наказѣ, «нежели наказывать».... «приложить должно болѣе старанія къ тому, чтобы *вселить* узаконеніями *добрые нравы* во гражданъ, нежели «привести духъ ихъ въ уныніе казнями». «Хотите-ли предупредить преступленія», спрашиваетъ императрица въ одномъ мѣстѣ своего Наказа, «сдѣлайте, чтобъ просвѣщеніе распространилось между людьми». Только этимъ путемъ, пу-

темъ воспитанія, по мнѣнію Екатерины, и можно сдѣлать «людей лучшими». Вотъ почему она вопросу о воспитаніи и посвящаетъ въ своемъ трудѣ цѣлую главу, въ которой даетъ «нѣсколько общихъ правилъ, могущихъ служить вмѣсто совѣта всѣмъ родителямъ». Въ числѣ этихъ правилъ содержится и совѣтъ «вперяти въ дѣтяхъ любовь къ отечеству» и почтеніе къ установленнымъ гражданскимъ законамъ... возбуждать въ нихъ *охоту къ трудолюбію*; и вообще— «научать ихъ всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ, которыми въ свое время *могутъ* они *быть прямыми гражданами*, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ».

Самое же это «общество» должно находиться, по мысли автора, въ такомъ состояніи, чтобы всѣ граждане были равны, въ томъ смыслѣ, «чтобы *всѣ* подвержены были *тѣмъ же законамъ*». А осуществить этотъ желаемый порядокъ можно лишь устройствомъ такого «установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньше ихъ стяжанія имѣющихъ». Свобода всѣхъ и каждаго возможна лишь при такомъ законѣ, при которомъ одинъ гражданинъ не боится другаго, а «боятся всѣ *однихъ законовъ*». Этою мыслью Екатерина заканчиваетъ главу «о состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ». Но она не останавливается на этомъ опредѣленіи свободы; «въ разныхъ статьяхъ, требующихъ изъясненій», составляющихъ послѣднюю — двадцатую — главу Наказа, императрица трактуетъ о различныхъ, если можно такъ выразиться, видахъ свободы. Здѣсь идетъ рѣчь о свободѣ слова, печати, вѣроисповѣданія. По поводу печати ею высказывается слѣдующее положеніе: «весьма беречься надобно изысканія о сочиненіяхъ *язвительныхъ* далече распространять, *представляя* себѣ ту *опасность*, что *умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе; а сіе* ничего инаго не *произведетъ*, какъ *невѣжество*, опровергнетъ дарованіе разума человѣческаго и *охоту писать отниметъ*». Эта мысль высказывается Екатериной въ главѣ: «преступленія въ оскорбленіи величества» путемъ письма или печати. Вѣротерпимость авторъ Наказа считаетъ единственно возможнымъ способомъ дѣйствій правительства въ такомъ государствѣ, какъ Россія, государствѣ, «распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами». — «Гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ».

Исходя изъ исторически выработавшагося сословнаго дѣленія своихъ подданныхъ, Екатерина старается установить общія начала, на которыхъ, по ея мнѣнію, должно покоиться каждое изъ двухъ свободныхъ сословій—дворянство и «средній родъ людей», т.-е. городское населеніе [1]).

Основа всѣхъ дворянскихъ преимуществъ покоится на «добродѣтеляхъ и и заслугахъ», которыя выражаются въ любви къ отечеству, ревности къ службѣ и «недѣланіи ничего безчестнаго»; не обладай дворянинъ одной изъ этихъ добродѣтелей, онъ дѣлается «званія своего недостойнымъ». Всѣ не-дворяне, не-духовные и не-земледѣльцы, «кои въ городахъ обитаютъ, живущіе въ добронравіи и трудолюбіи», занимаясь тѣмъ или другимъ видомъ промысла,— «средняго рода люди, отъ котораго государство много добра ожидаетъ». Изъ этого рода людей, основная «добродѣтель» которыхъ—«добронравіе и трудолюбіе», Екатерина стремится создать нѣчто подобное европейскому tiers-état.

[1]) Духовенство и въ Наказѣ игнорируется Екатериной.

Главы «о хлѣбопашцахъ» мы въ Наказѣ уже не встрѣчаемъ. По отношенію къ этому слою населенія Екатерина ограничивается лишь отдѣльными замѣчаніями, разбросанными по Наказу. Такъ, по отношенію къ нему она, напр., рекомендуетъ «*избѣгати* случаевъ... *приводить людей въ неволю*, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ... для пользы государственной» («однако и то», добавляетъ Наказъ, «*едва не весьма-ли рѣдко бываетъ*»). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что «законы гражданскіе злоупотребленіе рабства должны отвращать». Но вмѣстѣ съ этимъ мы встрѣчаемся въ Наказѣ съ такою, напр., мыслью: «не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ». Такая отрывочность замѣчаній о крестьянствѣ, самый характеръ послѣднихъ—въ высшей степени странны, въ виду уже знакомаго намъ взгляда императрицы на свободу вообще и на рабство въ особенности; странно еще и потому, что въ письмахъ къ уже названной M-me Geoffrin Екатерина не только категорически высказывалась за необходимость освободить крестьянъ, но даже излагала и самый проэктъ освобожденія: «постановивъ», пишетъ императрица, «чтобъ впредь *при продажѣ имѣнія крестьяне освобождались; въ теченіи ста лѣтъ* всѣ или по крайней мѣрѣ большая часть земель мѣняетъ своихъ господъ—и вотъ—*народъ свободный*»! Молчаніе Наказа о крѣпостныхъ странно еще и потому, что императрица поощряла тогда только-что открытое вольно-экономическое общество заняться крестьянскимъ вопросомъ, сама награждала сочиненія, разрѣшавшія его въ смыслѣ необходимости освобожденія крестьянъ. Странно наконецъ и потому, что сначала вопросъ этотъ *несомнѣнно* входилъ въ Наказъ, просматривался въ немъ подробно и разрѣшался, очевидно, въ пользу крѣпостныхъ. Что Наказъ былъ значительно сокращенъ передъ его напечатаніемъ, по разсмотрѣніи его, передъ самымъ открытіемъ Коммиссіи, «разными персонами, вельми разномыслящими», по словамъ Екатерины, это видно изъ письма ея къ Даламберу, гдѣ прямо говорится, что она «зачеркнула, разорвала и сожгла больше половины» Наказа; а изъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ первоначальной редакціи прямо видно, что выкинутое касалось главнымъ образомъ крѣпостныхъ крестьянъ; что тамъ высказывалось намѣреніе автора облегчить положеніе послѣднихъ наиболѣе дѣйствительными мѣрами. Почему же все это исчезло изъ книги? Почтенный историкъ Соловьевъ винитъ въ этомъ тѣхъ «разномыслящихъ персонъ», на разсмотрѣніе которыхъ, мы видѣли, отдавался Наказъ. Отрицательное отношеніе къ освобожденію крестьянъ, даже и «не раздражая помѣщиковъ, исполненныхъ упорства и предразсудковъ», со стороны этихъ персонъ—болѣе чѣмъ вѣроятно и совершенно понятно; особенно если сообразить, что даже такіе «передовики» своего времени, какъ Сумароковъ, категорически высказывались противъ освобожденія крестьянъ. Но непонятно вотъ что: почему Екатерина уступила доводамъ «разномыслящихъ персонъ» по данному вопросу, послѣ того, какъ посмѣялась надъ доводами въ пользу того же дѣла такого «хорошаго поэта», какъ она его называла, какъ Сумароковъ. А онъ приводилъ *сильные* доводы; онъ увѣрялъ, что въ случаѣ освобожденія крестьянъ «скудные люди ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ» и... «будетъ *ужасное* несогласіе между помѣщиковъ и крестьянъ, ради усмиренія которыхъ потребны будутъ многіе полки». Поэтъ

указывалъ даже, какъ на примѣръ, на «малороссійскій подлый народъ», который сталъ «отъ сей воли почти несносенъ». Онъ увѣрялъ, будто «примѣчено, что помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ *очень любятъ*; а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ». Почему же на эти доводы авторъ Наказа отвѣчалъ, что «г. Сумароковъ хорошій поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ, чтобъ быть хорошимъ законодавцемъ». А развѣ «персоны» думали дольше? Намъ скажетъ, что «персоны» эти были люди дѣла и, вѣроятно, указали на такіе практическіе доводы, передъ которыми нельзя было не остановиться. Въ отвѣтъ на это мы спросимъ, а почему Екатерина не сдалась на доводы противъ отмѣны пытки такого человѣка дѣла, такого дѣльца того времени, такого практика - юриста, какъ извѣстный Баскаковъ, пустившій въ ходъ въ своихъ возраженіяхъ всю свою практическую опытность? Почему она все-таки высказалась въ своемъ Наказѣ, какъ мы видѣли, противъ пытки? Отсюда, несомнѣнно, намъ думается, что причина урѣзки Наказа именно по занимающему насъ дѣлу—не въ мнѣніи «разномыслящихъ персонъ», а въ чемъ-то иномъ. И это иное будетъ, думаю, понятно, если принять во вниманіе, что въ то самое время, когда Наказъ еще только писался, когда, стало быть, мнѣніе персонъ было непричемъ, Екатерина *запрещала* крестьянамъ жаловаться на своихъ помѣщиковъ *во всякомъ случаѣ*. Такъ же поступала она во время путешествія своего лѣтомъ 1767 года по Волгѣ; въ это же время сенатъ, въ отвѣтъ на волненія заводскихъ крестьянъ, вмѣсто всякаго разслѣдованія, постановилъ, что «работники подлежатъ наижесточайшей смертной казни», каковая и была учинена; а неказненнымъ приказано «войти въ *безмолственное* повиновеніе подъ страхомъ жестокаго наказанія». Къ такой мѣрѣ, какъ «безмолственное повиновеніе», Екатерина прибѣгаетъ подъ вліяніемъ соображенія, «чтобъ оказующееся отъ крестьянства на владѣльцевъ своихъ неудовольствіе не разошлось». Простымъ запрещеніемъ жаловаться, разумѣется, не ограничились: наказаніе за нарушеніе запрещенія—логическій результатъ послѣдняго. А наказаніе за это было придумано вотъ какое: дерзнувшихъ жаловаться «допрашивать *подъ пристрастіемъ* (пыткой), кто имъ челобитныя писалъ и сочинялъ»; а затѣмъ однихъ—«драть въ Москвѣ на разныхъ площадяхъ въ торговый день плетьми съ барабаннымъ боемъ публично»; а другимъ учинить то же въ ихъ жилищахъ (деревняхъ) при собраніи «прочихъ крестьянъ».

Повторяемъ, всѣ эти указы были изданы наканунѣ созванія Коммиссіи.

Куда исчезли мысли о пыткѣ, смертной казни, вообще о суровости наказаній, такъ красиво изложенныя въ Наказѣ?!

Въ виду этого намъ кажется, что мысль объ освобожденіи крестьянъ улетучилась изъ Наказа просто подъ напоромъ *дѣйствительности*, жизненной практики, въ которой Екатерина и осталась практикомъ - администраторомъ, отрясши прахъ отъ ногъ своихъ, какъ теоретика, при выходѣ за порогъ своего кабинета, гдѣ съ такимъ увлеченіемъ она зачитывалась своимъ «молитвенникомъ». А крестьянскій вопросъ въ жизни принималъ слишкомъ *страшныя* формы въ глазахъ тогдашнихъ администраторовъ, чтобъ примѣнять къ нему «кабинетныя теоріи»[1]).

[1]) Я остановился на данномъ вопросѣ нѣсколько дольше между прочимъ и въ виду того, что это важно для рѣшенія вопроса о результатахъ дѣятельности Коммиссіи.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго о содержанiи Наказа, несомнѣнно, слѣдуетъ, что на разсмотрѣнiе законодательной Коммиссiи отдавалось императрицей многое такое, чѣмъ затрогивалась самая сущность общественно-государственнаго строя того времени. А что все это несомнѣнно отдавалось на полное и свободное обсужденiе Коммиссiи, это видно изъ статьи 522 Наказа, которая говоритъ: «остается нынѣ Коммиссiи, *подробности* каждыя части *законовъ сравнять со правилами сего Наказа*».

Лишь одинъ вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь въ Наказѣ, безусловно исключался изъ сферы обсужденiя Коммиссiи. Это вопросъ о формѣ правленiя. Этотъ вопросъ разъ навсегда *рѣшался* Наказомъ и рѣшался, понятно, въ пользу неограниченно-самодержавной монархiи: ее «*пространное* государство *предполагаетъ*»; она вытекаетъ и изъ правила, что «лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ»; неограниченная самодержавная монархiя «естественную вольность меньше другихъ ограничиваетъ»; эта форма правленiя приводитъ къ *славѣ* «гражданъ, государства и государя»; а *отъ* сея *славы* происходитъ *разумъ* вольности, «который въ концѣ концовъ приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и *самая вольность*».

Повторяемъ, изъ всего указаннаго, какъ логическое послѣдствiе, вытекаетъ заключенiе, что законодательная Коммиссiя не только могла, но и должна была, по самой волѣ державнаго автора Наказа, проникнуть въ своихъ работахъ, такъ сказать, во всѣ фибры общественно-государственной жизни своего времени. Задача необычайно сложная и трудная; задача, разрѣшенiе которой требовало отъ работавшихъ надъ нею и знанiя жизни, и ума, и значительнаго образованiя, и развитiя и, въ концѣ концовъ,—не малаго времени. Само собою разумѣется, что Екатерина II, возлагая такое «великое дѣло» на Коммиссiю, ждала, что члены послѣдней не будутъ лишены всѣхъ указанныхъ качествъ и что, если не всѣ они, то многiе изъ нихъ будутъ стоять на высотѣ своего призванiя. А возлагая такiя надежды на Коммиссiю, поставивъ ей такiя широкiя цѣли, императрица, разумѣется, не имѣла намѣренiя отказать ей во времени. Смѣемъ думать, что императрица едва-ли имѣла причины, по открытiи Коммиссiи, разочароваться въ своихъ надеждахъ. Коммиссiя, какъ увидимъ дальше, дѣйствительно, проявляла, въ лицѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ членовъ своихъ, хотя быть можетъ и не такъ многихъ, какъ то было желательно императрицѣ, и умъ, и знанiе и извѣстную степень даже политическаго смысла; во всякомъ случаѣ она обладала всѣми этими качествами никакъ не въ меньшей степени, чѣмъ обладали ими многiя государственныя учрежденiя того времени и всякаго рода «канцелярiи». Отсюда, Коммиссiя 1767 года, при надлежаще благопрiятныхъ условiяхъ, а главное, при *полномъ, постоянномъ довѣрiи*, при тепломъ сочувствiи *къ ней* прежде всего *самой виновницы* созванiя ея, императрицы, мы глубоко убѣждены, съ достаточнымъ для своего времени успѣхомъ исполнила бы возложенную на нее дѣйствительно «великую» задачу...

А между тѣмъ она, въ сущности, не пришла ни къ чему, *непосредственно* по крайней мѣрѣ. Гдѣ же причина этого? Объ этомъ дальше.

III.

Занятія Коммиссіи; депутатскіе наказы; пренія по нѣкоторымъ изъ вопросовъ. — Гдѣ причины неудачнаго исхода Коммиссіи.

На самомъ дѣлѣ Коммиссія, какъ мы знаемъ, не пришла ни къ чему; на самомъ дѣлѣ она, такъ горячо на первыхъ порахъ взявшись за дѣло, какъ-то вдругъ остыла, замерла и исчезла съ лица земли ни для кого не замѣтно, всѣми забытая. Сейчасъ поставленный вопросъ о причинахъ такого явленія не можетъ не интересовать всякаго, кто способенъ интересоваться не только историческимъ прошлымъ своего отечества въ частности, но и судьбами его вообще. Попытка разрѣшить этотъ вопросъ, кажется намъ, возможна лишь при ближайшемъ ознакомленіи, вопервыхъ, съ тѣмъ, что́ происходило въ дѣйствительности въ засѣданіяхъ Коммиссіи, *что́* и *какъ* она дѣлала въ этихъ засѣданіяхъ; вовторыхъ, при какихъ условіяхъ и обстоятельствахъ она занималась своимъ дѣломъ, на сколько эти условія благопріятствовали этимъ занятіямъ или тормозили ихъ.

Прежде чѣмъ приступить къ непосредственному знакомству съ ходомъ дѣлъ въ самой Коммиссіи, я остановлюсь, хоть мелькомъ, на содержаніи тѣхъ наказовъ, съ которыми явились въ Коммиссію депутаты, въ которыхъ излагались, какъ мы видѣли, «пользы и нужды» избирателей послѣднихъ, а вмѣстѣ и тѣ мѣры, которыя предлагались этими избирателями къ удовлетворенію «нуждъ» и достиженію «пользы». Въ силу именно такого ихъ содержанія наказы давали обильный матеріалъ для обсужденія и преній Коммиссіи; а потому и стояли въ самой тѣсной связи съ характеромъ послѣднихъ. Но знакомство съ ихъ содержаніемъ имѣетъ большое значеніе въ нашихъ глазахъ еще и потому, что характеризуетъ отношеніе къ дѣлу тѣхъ слоевъ населенія, которые получили право представительства въ Коммиссіи.

Къ сожалѣнію въ матеріалахъ о Коммиссіи, до сихъ поръ напечатанныхъ, помѣщены лишь наказы отъ дворянъ, да и то далеко не всѣхъ уѣздовъ; но во всякомъ случаѣ и содержимаго этихъ наказовъ вполнѣ достаточно для того, чтобы составить болѣе или менѣе правильное представленіе объ отношеніи къ дѣлу того сословія, которое прислало эти наказы въ Коммиссію со своими депутатами.

Уже поверхностное знакомство съ содержаніемъ названныхъ наказовъ указываетъ, что многіе изъ нихъ обращаютъ вниманіе Коммиссіи не только на общественныя нужды, «общія всего россійскаго *дворянства* и особливыя дворянъ даннаго уѣзда», какъ выражалось въ своемъ наказѣ московское дворянство, но и на нужды другихъ сословій, нужды, одинаково касавшіяся всѣхъ слоевъ населенія, въ родѣ, напр., «нуждъ», вытекавшихъ изъ ненормальнаго состоянія правосудія того времени, управленія вообще. Само собою понятно, что и по отношенію къ этого рода нуждамъ дворяне главнымъ образомъ стремились охранить свои собственные интересы; но иначе и быть не могло уже въ силу самаго строя общества, въ силу самаго характера представительства,

какъ сословнаго. Но въ данномъ случаѣ для насъ важны не мотивы, а самый характеръ «нуждъ», на которыя эти наказы указываютъ.

Выше я указалъ уже на подобнаго рода *всесословную* «нужду», если можно такъ выразиться, указанную въ одномъ изъ дворянскихъ наказовъ: я говорю о взяточничествѣ; я указалъ на самую мѣру противъ этого зла, рекомендованную дворянами-избирателями. Съ указаніемъ и жалобами на эту нужду мы встрѣчаемся въ очень многихъ дворянскихъ наказахъ; въ тѣхъ именно частяхъ ихъ, гдѣ идетъ рѣчь объ администраціи вообще и правосудіи въ частности.

Съ жалобами на судебныя учрежденія, начиная съ высшаго изъ нихъ, юстицъ-коллегіи, и кончая самымъ низшимъ, мы опять-таки встрѣчаемся почти въ каждомъ изъ дворянскихъ наказовъ. При этомъ, какъ это было уже замѣчено вообще о наказахъ, дворянство не ограничивается одними жалобами «на нужды», предоставляя дѣло исключительно на усмотрѣніе самой законодательной Коммиссіи. Нѣтъ, оно предлагало своему депутату проводить и поддерживать въ Коммиссіи и тѣ или иныя мѣры, средства противъ указанныхъ золъ. Такъ, напр., относительно неустройствъ въ судопроизводствѣ, одни предлагали, какъ радикальную мѣру противъ судебныхъ проволочекъ, установить опредѣленный срокъ, въ теченіи котораго дѣло должно быть рѣшено; другіе, какъ на такое средство, указывали на сокращеніе числа самыхъ судебныхъ инстанцій, учрежденій; третьи наконецъ, какъ, напр., дворяне ростовскаго уѣзда, предлагали сократить самую процедуру судебнаго производства. Нѣкоторые изъ наказовъ, все ради достиженія той же цѣли, рекомендовали прежде всего устранить изъ судовъ «ябедниковъ», которые «проволакиваютъ время, приводятъ челобитчиковъ въ изнеможеніе и въ крайнее раззореніе»; а для этого, какъ на средство, указывали на введеніе при всѣхъ судебныхъ мѣстахъ института присяжной адвокатуры, который организовался бы изъ людей, вполнѣ честныхъ и знающихъ законы, обучавшихся этимъ законамъ въ академіи наукъ.

Не ограничивались наказы одними указаніями и по отношенію къ мѣстной администраціи; и противъ злоупотребленій этой послѣдней, вообще противъ ея несостоятельности предлагались мѣры, въ которыхъ высказывалось стремленіе хоть нѣсколько ограничить произволъ органовъ мѣстной власти путемъ введенія въ административный организмъ элемента выборнаго. Предлагалось, напр., возложить извѣстныя отрасли мѣстнаго управленія на предводителей дворянства; указывалось на такія средства, какъ избраніе воеводъ и ихъ товарищей изъ среды мѣстнаго уѣзднаго дворянства; — на избраніе изъ этой же среды, какъ это было нѣкогда установлено еще Петромъ Великимъ, такъ называемыхъ ландратовъ для совмѣстнаго съ губернаторомъ, въ качествѣ его совѣтниковъ и товарищей, завѣдыванія всею вообще мѣстной администраціей и т. п.

Встрѣчаемъ мы въ этихъ наказахъ указанія на необходимость учрежденія въ губерніяхъ банковъ, школъ, разумѣется, для дворянскаго юношества.

Не буду утомлять читателя перечисленіемъ тѣхъ мѣръ и указаній, которыя предлагались дворянскими наказами, въ качествѣ исправленія и дополненія существовавшихъ законныхъ опредѣленій, касавшихся гражданскихъ правоотношеній вообще и дворянскихъ въ особенности, а также законовъ уголовныхъ. Это завело бы насъ слишкомъ далеко.

Укажу лишь въ заключеніе на многія мѣры этихъ наказовъ, касавшіяся положенія крѣпостнаго крестьянства; мѣры въ сущности, понятно, вызванныя интересами самого дворянства, но тѣмъ не менѣе все-таки направленныя къ улучшенію, хотя бы и въ очень скромныхъ размѣрахъ, тяжелаго положенія крестьянъ. Это были мѣры въ родѣ, напр., дарованія крестьянамъ права торговать въ розницу предметами ихъ производства; или такая мѣра, какъ освобожденіе ихъ отъ уплаты нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей. Дворяне одного уѣзда указывали даже на настоятельную необходимость *сложить* съ крестьянъ *подушныя* подати, какъ съ людей, «по земледѣльству ихъ первое благополучіе государству доставляющихъ»; при этомъ доходъ, получаемый государствомъ отъ подушнаго сбора, предлагалось замѣнить косвенными налогами на предметы комфорта и роскоши. Псковскіе дворяне въ своемъ наказѣ необычайно яркими красками описывали печальное положеніе крестьянъ своей мѣстности, указывая на насущную необходимость облегчить это положеніе. «*Во всемъ* находимъ земледѣльцевъ», писали псковичи, «и бѣднѣйшихъ всегдашнихъ трудниковъ раззореніе и тягость». Въ качествѣ иллюстраціи этого «раззоренія» наказъ приводитъ слѣдующіе факты, какъ немногіе изъ безчисленныхъ подобнаго рода: «всякаго званія люди по надобности и ненадобности во всякое время ѣздятъ на подводахъ крестьянъ, а въ случаѣ у которыхъ бѣдныхъ нѣтъ (подводъ) или замучены въ гоньбахъ, то нещадно ихъ же наказываютъ... Солдатъ, стоящій у крестьянина на квартирѣ, есть его хозяинъ». Дворяне петербургской губерніи, копорскаго уѣзда, настаивали въ своемъ наказѣ на необходимости открыть повсемѣстно для крестьянъ училища.

Все до сихъ поръ указанное, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не исчерпываетъ всего содержанія дворянскихъ наказовъ до сихъ поръ напечатанныхъ. Много и очень много въ этихъ наказахъ такого, чему лучше бы не быть тамъ; но на этомъ мы не будемъ останавливаться; мы не имѣемъ вовсе цѣлью доказывать, что *всѣ* наказы и во *всѣхъ* своихъ частяхъ стояли на высотѣ вполнѣ безкорыстнаго, безпристрастнаго съ сословной точки зрѣнія отношенія къ дѣлу; мы хотѣли лишь указать, что въ *нѣкоторыхъ* изъ нихъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ многихъ изъ нихъ, это отношеніе, несомнѣнно, проглядываетъ; а для этой цѣли для насъ достаточно и того, на что мы до сихъ поръ указывали. Уже изъ этого видно, что многіе изъ дворянъ относились къ дѣлу не безучастно, не формально только, а съ пониманіемъ дѣла, съ полнымъ сочувствіемъ къ нему; изъ этого немногаго видно, что въ наказахъ порой предлагались мѣры — въ родѣ, напр., уничтоженія подушныхъ податей — осуществленіе которыхъ и въ настоящее время составляетъ не болѣе, какъ pia desideria.

Не менѣе, чѣмъ въ дворянскихъ, находимъ мы и въ наказахъ избирателей остальныхъ сословій указаній на толковое, сознательно-разумное отношеніе къ дѣлу, зачастую даже вовсе не съ узко-сословной точки зрѣнія. Я сказалъ уже, что наказы этихъ сословій еще не напечатаны въ изданныхъ матеріалахъ о Коммиссіи; но объ этихъ наказахъ, ихъ содержаніи, даетъ намъ нѣкоторое понятіе нашъ историкъ Соловьевъ въ указанной нами статьѣ своей, перечисляя въ ней тѣ предметы, о которыхъ идетъ рѣчь въ наказахъ этихъ сословій. Изъ этого перечня видно, что и всѣ остальныя сословія

указывали все на тѣ же невзгоды по правосудію и администраціи; что и они предлагали приблизительно тѣ же, что и дворяне, мѣры къ устраненію злоупотребленій въ этихъ сферахъ мѣстной общественной жизни. Въ наказахъ горожанъ, напр., съ указаніемъ на необходимость открытія въ городахъ «академій, университетовъ и школъ и обученія въ оныхъ разнымъ языкамъ купеческихъ и разночинческихъ дѣтей и сиротъ», въ этихъ наказахъ встрѣчаемся съ желаніемъ городскаго населенія имѣть въ городахъ «больницы, сиропитательные домы, аптеки, докторовъ, лекарей, повивальныхъ бабокъ»...

Повторяемъ, несмотря на многое, едва-ли ладящее съ общими государственными интересами, несмотря на то, что въ наказахъ дворянъ, купцовъ, однодворцевъ, съ общимъ почти требованіемъ права владѣть крестьянами, въ нихъ все-таки проявляется, какъ уже, думаемъ, это видно и изъ приведеннаго нами, много такого, изъ чего нельзя не заключить, что народъ русскій не сплошь отнесся къ дѣлу индифферентно, спустя рукава, что, наоборотъ, нашлись въ средѣ его извѣстныя группы, которыя отнеслись къ дѣлу, возложенному на свой народъ державнымъ авторомъ Наказа, вполнѣ сознательно и разумно. Во всякомъ случаѣ, мы встрѣчаемся въ средѣ этого народа съ отношеніемъ къ дѣлу никакъ не менѣе разумнымъ и толковымъ, чѣмъ съ какимъ можно было встрѣтиться въ государственныхъ учрежденіяхъ того времени и канцеляріяхъ, отъ которыхъ, мы видѣли, тоже засѣдали депутаты въ Коммиссіи. И эти депутаты привезли съ собой наказы, сочиненные тѣми учрежденіями, представителями которыхъ они явились въ коммиссіи. О содержаніи этихъ наказовъ даетъ нѣкоторое понятіе почтенный историкъ Соловьевъ.

Судя по даннымъ, сообщаемымъ нашимъ историкомъ, приходится заключить, что въ наказахъ правительственныхъ учрежденій своимъ депутатамъ предлагались мѣры, въ качествѣ средствъ къ устраненію различныхъ золъ и неустройствъ общественныхъ, носящія несравненно болѣе пальятивный характеръ, чѣмъ тѣ, съ которыми мы знакомимся въ наказахъ сословно-выборныхъ представителей. Въ наказахъ чиновниковъ все почти ограничивается всякаго рода «запрещеніями», «истребленіями», устраненіемъ и удаленіемъ. Одна какая-то канцелярія впрочемъ отличилась *положительнаго* характера предложеніемъ. Она предлагала «учредить въ городахъ публичныя мѣста для увеселенія обывателей».

Если *такъ* отнеслись къ возложенному на нихъ дѣлу многіе избиратели въ своихъ наказахъ, то нѣтъ ни малѣйшихъ основаній сомнѣваться и въ томъ, чтобы они иначе отнеслись къ нему при избраніи тѣхъ, кого они снабжали своими наказами, кто долженъ былъ поддерживать и развивать въ Коммиссіи содержащееся въ этихъ наказахъ. Они и не отнеслись иначе; если мы въ своемъ мѣстѣ привели нѣсколько примѣровъ совсѣмъ иного отношенія къ дѣлу избирателей, отношенія, что называется спустя рукава, то это были лишь отдѣльные примѣры, на основаніи которыхъ мы тогда же отказались давать обобщенія; примѣры, приведенные нами лишь для болѣе всесторонней и полной характеристики изучаемаго предмета, и только. Въ средѣ Коммиссіи мы встрѣчаемъ, разумѣется, не большинство, но и не такъ уже мало, чтобы на это можно было не обратить серьезнаго вниманія, депутатовъ, проявившихъ въ преніяхъ Ком-

миссіи солидную степень знаній, особенно практическихъ, образованія, ума и горячаго, серьзнаго отношенія къ возложенному на нихъ избирателями дѣлу. Къ такому заключенію, мнѣ кажется, нельзя не придти при самомъ даже легкомъ, поверхностномъ знакомствѣ съ тѣми преніями, которыя имѣли мѣсто въ теченіи *ста одного* засѣданія Коммиссіи, протоколы которыхъ до сихъ поръ напечатаны. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что такого рода людей въ средѣ Коммиссіи было на столько достаточно, чтобы дѣятельность этого представительнаго собранія не прошла, *при извѣстныхъ условіяхъ*, разумѣется, безслѣдно.

Уже было указано, что собственно законодательныя работы Коммиссіи начались въ ней со второй половины августа 1767 года. Первыя четырнадцать засѣданій посвящены были Коммиссіею чтенію (и дебатамъ по поводу ихъ) наказовъ отъ черносошныхъ крестьянъ и пахотныхъ солдатъ. Наказы эти вызвали пренія по очень различнымъ отдѣльнымъ вопросамъ, касающимся, разумѣется, по преимуществу крестьянъ. Во время этихъ преній высказывалась между прочимъ мысль о дозволеніи *государственнымъ* крестьянамъ «селиться во всякомъ мѣстѣ», мысль, высказанная почти три четверти столѣтія спустя покойнымъ Н. И. Тургеневымъ въ его извѣстномъ сочиненіи *La Russie et les Russes*. Предлагалось, какъ мѣра къ возвышенію благосостоянія государственныхъ крестьянъ, или, лучше, къ охраненію ихъ въ недальнемъ будущемъ отъ совершеннаго обнищанія, запретить имъ продавать свои земельные участки. Не разъ высказывалась мысль, что крестьянамъ для облегченія отъ тѣхъ золъ, которыя вытекали изъ судебныхъ волокитъ, необходимо дать право судиться по извѣстнаго рода дѣламъ своимъ собственнымъ, выборнымъ и притомъ «словеснымъ судомъ». Не мало толковалось о мѣрахъ, направленныхъ къ охраненію страны отъ обезлѣсенья.

Не мало, разумѣется, высказывалось во время этихъ преній и такого, въ чемъ проглядывало стремленіе со стороны дебатировавшихъ оградить не столько интересы крестьянъ, сколько совершенно противоположные имъ. При этомъ нужно замѣтить, что въ дебатахъ по данному вопросу принимали участіе чуть не исключительно депутаты отъ дворянъ.

Въ двадцать первомъ засѣданіи крестьянскіе наказы почему-то были отложены въ сторону и приступлено было къ дебатамъ «о правахъ благородныхъ»; при этомъ стали держаться въ преніяхъ другаго порядка: начинали не съ чтенія депутатскихъ дворянскихъ наказовъ, а съ чтенія существовавшихъ законодательныхъ опредѣленій этихъ «правъ благородныхъ». Пренія возникали по поводу этихъ опредѣленій.

На этихъ дебатахъ мы остановимся нѣсколько подробнѣе, такъ какъ въ нихъ наиболѣе рельефно вырисовывается характеръ взглядовъ и убѣжденій членовъ Коммиссіи; по этимъ дебатамъ съ наибольшимъ, мнѣ кажется, успѣхомъ можно судить о способностяхъ членовъ Коммиссіи, ихъ отношеніи къ цѣлямъ и задачамъ этого собранія. По нимъ, какъ и по преніямъ «о купеческомъ состояніи», можно составить себѣ наиболѣе вѣрное представленіе объ уровнѣ, такъ сказать, политическаго развитія депутатовъ Коммиссіи. При этомъ нужно замѣтить, что въ преніяхъ принимали участіе, очевидно, всѣ лучшія силы собранія, если, разумѣется, смотрѣть на участвовавшихъ независимо отъ тѣхъ взглядовъ и симпатій, которые высказывались во время преній.

Дебаты открылъ по данному вопросу одинъ изъ самыхъ выдающихся депутатовъ, какъ умомъ, такъ въ особенности образованіемъ и «необычайной», по свидѣтельству его сотоварищей-депутатовъ, силой ораторскаго дарованія. Это былъ депутатъ ярославскаго дворянства, нашъ извѣстный историкъ прошлаго столѣтія, князь Щербатовъ. Онъ, въ своихъ письменныхъ замѣчаніяхъ на читанные въ Комиссіи законы о дворянствѣ, вооружился исключительно противъ петровскихъ законовъ по данному вопросу; законовъ, которые, по его мнѣнію, будучи вызваны при Петрѣ Великомъ «обстоятельствами времени и разными случаями», теперь «отъ измѣненія нравовъ не только не полезны, но скорѣе могутъ быть вредны». Князя необычайно волновало и шокировало главнымъ образомъ то основное начало изданной Петромъ Великимъ табели о рангахъ, что дворянство можно пріобрѣсти путемъ полученія, за заслуги по государственной службѣ, чина; что именно оберъ-офицерскій чинъ всякаго «подлаго» человѣка возводилъ въ дворянское званіе и притомъ потомственное. По мнѣнію ярославскаго депутата возвести въ такое званіе можетъ лишь одинъ императоръ того, кто окажется достойнымъ и «тѣмъ его изъ ничтожества и праха въ вѣчную честь обратить». Однако это свое положеніе Щербатовъ доказываетъ уже исходя не изъ точки зрѣнія объ измѣненіи нравовъ, а, если можно такъ выразиться, изъ абсолютной точки зрѣнія на дворянство, какъ на сословіе, ведущее свое начало отъ «добродѣтельныхъ предковъ» и уже eo ipso пользующееся «вѣчною честью». Эту истину депутатъ подкрѣпляетъ историческими примѣрами, ссылаясь на римлянъ, которые, по его словамъ, «приписывали начало знатныхъ родовъ своимъ героямъ (богамъ)». Эту теорію происхожденія дворянства князь старается подкрѣпить еще и тѣмъ соображеніемъ, что «памятованіе» о таковомъ происхожденіи своемъ отъ героевъ-боговъ или добродѣтельныхъ людей вообще побуждаетъ дворянъ «предпринимать, покончивать величайшія дѣла», между тѣмъ какъ дѣти дворянъ, получившихъ свое дворянское достоинство по чину, «не видятъ ничего такого, что могло бы ихъ склонить къ славнымъ дѣламъ». — Вслѣдъ за краснорѣчивымъ историкомъ-депутатомъ выступилъ со своею рѣчью, въ томъ же самомъ направленіи, и нѣкто Чаадаевъ— депутатъ отъ муромскаго дворянства. И этотъ ораторъ также стремился доказать негодность петровскаго закона, вызваннаго, по его мнѣнію, въ началѣ XVIII столѣтія «необходимою надобностью» и «желаніемъ побудить дворянъ ко вступленію въ службу»; онъ доказываетъ это тѣмъ, что въ его время, т. е. во второй половинѣ XVIII столѣтія, «дворяне не только не требуютъ побужденія къ службѣ, но и сами почитаютъ презрѣнія достойными тѣхъ, кои не употребляютъ себя на службу своему отечеству». Муромскій депутатъ нѣсколько развиваетъ возраженія Щербатова, поясняя разницу между полученіемъ дворянства въ силу монаршаго пожалованія и вслѣдствіе полученія опредѣленнаго чина, въ результатѣ каковаго дворянство получается уже само собою: «чтобы достигнуть *перваго*» (т. е. монаршаго пожалованія), говоритъ депутатъ, «надлежитъ имѣть отмѣнныя къ тому достоинства, какъ-то — быть *совершенно* добродѣтельнымъ, въ *воинскихъ* дѣлахъ искуснымъ, въ *статскихъ* — правосуднымъ и некорыстолюбивымъ; а чтобы быть пожалованнымъ чиномъ, надобно *иногда* только быть *исправнымъ* въ своей должности.... снискать благоволеніе

начальства, по аттестатамъ коего таковыя лица обыкновенно и производятся въ чины». Отсюда, по мнѣнію оратора, получается странный родъ дворянства, дворянства, которое не въ состояніи поддержать своего достоинства и чести на надлежащей высотѣ просто благодаря своей экономической несостоятельности: такіе дворяне, «не имѣя никакихъ способовъ получить соотвѣтствующее воспитаніе и потому лишаясь надежды достичь высшихъ степеней.... находятся принужденными разными *неправильными и недозволенными способами* пріобрѣтать иждивеніе для содержанія себя въ старости».... между тѣмъ какъ «получаемое дворянами воспитаніе въ учрежденныхъ для нихъ училищахъ (кадетскомъ корпусѣ) и пріобрѣтаемыя познанія въ наукахъ, возводя добродѣтельныхъ на высокія степени, составляютъ изъ нихъ государственныя правительства».

Этими доводами Щербатова и Чаадаева, въ сущности, исчерпаны были всѣ возраженія противъ законодательства Петра о пріобрѣтеніи дворянскаго званія путемъ полученія чина. Остальные ораторы, выступившіе противъ этого закона, или просто присоединялись къ высказанному Щербатовымъ и Чаадаевымъ, или пускались въ вялое повтореніе высказаннаго этими депутатами или въ еще болѣе вялое и безцвѣтное развитіе и распространеніе его. Рѣчь одного изъ этихъ ораторовъ чуть не черезъ слово испещрена именами «мудрѣйшихъ философовъ Аристотеля и Платона» или ссылкой на такіе народы, какъ египтяне, аѳиняне, самосцы.... и все это—чтобы опровергнуть законъ Петра Великаго! Нѣкоторые изъ сторонниковъ Щербатова и Чаадаева зашли въ своемъ усердіи такъ далеко, что, сами того не подозрѣвая, въ сущности-то опровергали доводы этихъ депутатовъ. Такъ, мы видѣли, что основнымъ признакомъ родоваго дворянства Чаадаевъ считалъ воспитаніе, получаемое имъ въ дворянскихъ школахъ, воспитаніе, такъ рѣзко отличавшее его отъ оберъ-офицеровъ и ихъ дѣтей; а между тѣмъ одинъ изъ депутатовъ, его сторонниковъ, пренаивно въ своей рѣчи указываетъ на тотъ, намъ отлично извѣстный фактъ, что школъ-то въ сущности не было, а стало-быть и воспитанія-то дворянскаго, возводящаго «на высокія степени», получать было негдѣ. Это былъ депутатъ кашинскаго дворянства Осипъ Кожинъ; онъ прямо заявлялъ, что «по множеству въ государствѣ дворянства *одного* шляхетнаго корпуса въ С.-Петербургѣ недостаточно»; что само дворянство, пренаивно продолжаетъ онъ, само, собственными средствами, не въ состояніи содержать школы для воспитанія своихъ собственныхъ дѣтей; а поэтому правительство должно отыскать на это средства. А средства эти оно, правительство, по проэкту сего депутата, можетъ добыть, установивъ спеціально для этой цѣли *сборъ со всѣхъ слоевъ населенія* имперіи, не выключая солдатъ и даже дворовыхъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Сборъ этотъ долженъ былъ взиматься со всѣхъ при вступленіи въ бракъ. Такимъ образомъ, дворянство проэктируется воспитывать на средства, добываемыя путемъ сбора съ солдатъ и дворовыхъ!

Оказались въ средѣ депутатовъ люди, которые нашли что̀ возразить Щербатову и его сторонникамъ, которые не могли согласиться, что родовое дворянство, воспитывающее въ своихъ дѣтяхъ «высокія добродѣтели» на счетъ солдатъ, дворовыхъ и крестьянъ, имѣетъ какое-либо преимущество передъ дворян-

ствомъ, получившимъ свое званіе чрезъ пріобрѣтеніе оберъ-офицерскаго чина. Мнѣніе Щербатова нашло себѣ отпоръ въ лицѣ этихъ депутатовъ; отпоръ, построенный, правда, не на цитатахъ изъ Платона и Аристотеля или Тертульяна и Пуффендорфа, а просто на началахъ здраваго смысла; отпоръ, сильный не краснорѣчіемъ ораторскимъ, а вѣскостью и силою самыхъ доводовъ.

Первымъ оппонентомъ Щербатову и его сторонникамъ выступилъ нѣкто малороссійскій депутатъ *Мотонисъ*. Онъ силится доказать, что законъ Петра Великаго, противъ котораго такъ возстаютъ, «какъ кажется, не сдѣлалъ чего-либо новаго, но только утвердилъ давнее въ Россіи обыкновеніе». Онъ доказывалъ, что источникомъ дворянскаго достоинства можетъ быть не одна только «воинская», «но гражданская служба»; что получить это достоинство путемъ полученія чина значитъ то же, что получить его чрезъ пожалованіе верховной властью. Онъ говорилъ, что у государя всѣ равны, что онъ *всѣхъ* равно любитъ; что у отечества «*подлаго нѣтъ никого*»: земледѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ — «*всякій* честенъ и *знатенъ трудами своими* и благонравіемъ»; что «во всякомъ родѣ *первые* получившіе достоинство дворянское *были* или *мѣщане*, или земледѣльцы — люди не подлые». Мотонисъ отказывался понять, «какимъ образомъ чрезъ возведеніе разночинцевъ въ дворянское достоинство дворяне дѣлаются убогими» и какъ бы теряютъ или умаляютъ свое достоинство. За этимъ депутатомъ поднялись и другіе; и эти другіе не повторяли или не пережевывали сказаннаго своимъ предшественникомъ; они приводили все новыя и новыя доказательства, доводы и доказательства въ пользу своего взгляда на дѣло, черпая эти доказательства обильною рукою отовсюду, гдѣ только могли найти ихъ. Одни доказывали совершенное тожество основнаго начала петровскаго закона съ основными мыслями Екатерины, высказанными ею по данному предмету въ Наказѣ Коммиссіи; другіе прямо обращались къ существу дѣла и доказывали, что такое средство полученія оберъ-офицерскаго чина, а, стало быть, и потомственнаго дворянства, какъ служба «трудная во флотѣ и въ сухопутной арміи, нужная, полезная и не безтрудная статская», достойна всякой похвалы; что злоупотребленія въ этомъ отношеніи еще ничего не значатъ, не измѣняя самого существа дѣла; и что стремленіе унизить этотъ путь къ дворянскому достоинству со стороны Щербатова и его сторонниковъ есть лишь стремленіе, «чтобы имъ однимъ и имъ подобнымъ пользоваться дворянствомъ; а прочихъ, какого бы они достоинства, честности и вѣрности монарху и отечеству ни были и какихъ бы заслугъ ни оказали, лишить этого преимущества навсегда». Наиболѣе убѣдительными и вѣскими въ этомъ направленіи доводами являются, намъ кажется, доводы депутата Козельскаго. Онъ доказывалъ, что дворянство получило свое начало «отъ самыхъ незнатныхъ фамилій», но когда-то *отличившихся* «добродѣтелью и *превосходствомъ службы*» и что въ виду этого «потомки ихъ не должны бы умалять и презирать офицерскіе чины». Будь дворянами исключительно только одни старые дворяне, говорилъ онъ, «можно будетъ подумать, что служба, которую несло *все общество*, была для прославленія дворянъ». Относительно того довода противниковъ, что новое дворянство почти всегда бѣдно и по бѣдности стремится увеличить свои помѣстья, Козельскій говорилъ, что «убожество при добронравіи не противно ни чести,

ни достоинству»; да и наконецъ, продолжалъ онъ, «тотъ приноситъ болѣе пользы, который сохраняетъ и умножаетъ, чѣмъ тотъ, который расточаетъ».

Открылъ пренія по настоящему вопросу князь Щербатовъ; онъ же, въ сущности, ихъ и закончилъ: онъ, выступившій со своей теоріей происхожденія дворянства въ Римѣ, а, стало быть, и у насъ, въ Россіи, отъ героевъ, полубоговъ, понятно, не могъ спокойно слушать рѣчи депутатовъ противоположнаго мнѣнія, а особенно такую, какъ рѣчь Козельскаго, приглашавшаго, какъ мы видѣли, въ силу того, что родоначальники дворянъ простые смертные, относиться съ уваженіемъ къ этимъ смертнымъ, если они того заслуживаютъ, и не отказывать имъ въ пріемѣ въ свою среду при извѣстныхъ условіяхъ.

Какъ и надо было ожидать, Щербатовъ ополчился на вольнодумца во всеоружіи своего краснорѣчія. «Съ крайнимъ движеніемъ духа», какъ говоритъ дневная записка Коммиссіи, вошелъ онъ на ораторское мѣсто. «Весьма удивляюсь», воскликнулъ онъ, «что господинъ депутатъ *укоряетъ подлымъ началомъ* древнѣйшія россійскія фамиліи, тогда какъ... вся *вселенная* можетъ быть свидѣтелемъ противнаго», и именно того, что однѣ изъ этихъ «древнѣйшихъ фамилій» вели свое начало «отъ великаго князя Рюрика и потомъ отъ великаго князя Владиміра; а многія фамиліи отъ весьма знатныхъ людей». Глубоко оскорбленный въ своемъ дворянскомъ достоинствѣ, почтенный историкъ съ паѳосомъ восклицалъ: *какъ можетъ собранная нынѣ въ лицѣ своихъ депутатовъ Россія слышать нареканіе подлости* на такіе роды, которые въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ оказали ей свои услуги! Какъ не вспомнитъ она пролитую кровь сихъ достойнѣйшихъ мужей! «Будь мнѣ свидѣтелемъ», изступленно-патетически восклицалъ князь, «дражайшее отечество, въ услугахъ, тебѣ оказанныхъ вѣрными твоими сынами-дворянами древнихъ фамилій! Вы будьте мнѣ свидѣтели, самыя тѣ мѣста, гдѣ мы по волѣ нашей монархини для нашего благополучія собраны! Не вы-ли были во власти хищныхъ рукъ? Вы, божественные храмы, не были-ли посрамлены отъ иновѣрцевъ? Кто же въ гибели твоей, Россія, подалъ тебѣ руку помощи? То *вѣрныя твои чада, древніе* россійскіе *дворяне! Они*, оставя все и жертвуя своею жизнью, *они* тебя *освободили отъ* чуждаго *ига*, *они пріобрѣли* тебѣ прежнюю *вольность*»!!

Высокій паѳосъ рѣчи, «крайнее движеніе духа» оратора, его краснорѣчіе заставили многихъ въ собраніи забыть исторію своего отечества. Многіе изъ депутатовъ повѣрили въ роль «древнихъ россійскихъ дворянъ», забыли тяжелое «смутное время», когда эти «дворяне» порой вели себя далеко не какъ «вѣрныя чада» отечества; забыли, что во всѣ тяжелыя годины прошлаго этого отечества рѣкою лилась кровь... не однихъ «дворянъ древнихъ фамилій».

Пренія «о правахъ благородныхъ» этимъ потокомъ краснорѣчія почтеннаго историка почти и закончились: послѣ ея произнесенія въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ Коммиссіи еще шла рѣчь о различныхъ «законахъ», такъ или иначе касавшихся дворянства; но уже все дѣло ограничивалось въ данномъ случаѣ простымъ заявленіемъ со стороны нѣкоторыхъ депутатовъ своего согласія съ тѣмъ или инымъ мнѣніемъ или порой повтореніемъ уже приведенныхъ доводовъ.

Въ засѣданіи Коммиссіи отъ 25 сентября маршаломъ ея было объявлено, несмотря на то, что пренія «о правахъ благородныхъ» далеко еще не были

кончены, судя по ходу дѣлъ, что Коммиссія переходитъ къ чтенію законовъ о купечествѣ, каковое и началось въ этомъ же засѣданіи и тянулось, вмѣстѣ съ преніями, которыя начались на четвертый день, цѣлыхъ *тридцать три* засѣданія. Дебатамъ подвергались вопросы: о *сословной* купеческой *администраціи*, о сословномъ *судѣ*, о тяглой государственной службѣ торгово-промышленнаго населенія городовъ, о налогахъ, торгахъ, вексельномъ уставѣ и т. п. Мы не будемъ, разумѣется, останавливаться на преніяхъ по каждому изъ приведенныхъ предметовъ и ограничимся лишь нѣкоторыми изъ нихъ. Пренія достигали иногда значительной напряженности, что имѣло мѣсто въ особенности по одному вопросу, видимо, наиболѣе интересовавшему депутатовъ отъ городовъ,—по вопросу о претензіяхъ торгово-промышленнаго городского населенія на исключительное право торговли, а вмѣстѣ заводскаго и фабричнаго промысла. Относительно первой претензіи, т.-е. права торговли, купцы вооружились главнымъ образомъ противъ крестьянства, желая лишить послѣднее даже права продавать продукты земледѣлія и вообще личнаго труда на базарахъ прямо потребителямъ. По поводу фабричной и заводской промышленности депутаты отъ городовъ главнымъ образомъ нападали на дворянъ въ силу того, что нѣкоторые изъ послѣднихъ владѣли фабриками и заводами. При этомъ купцы въ ихъ требованіяхъ исключительнаго права торговли и промышленности вели дѣло, надо отдать имъ справедливость, въ достаточной степени ловко, выставляя на первый планъ никакъ не свои собственные интересы, а хитро прикрываясь обще-государственными. Такъ, относительно необходимости лишенія крестьянъ права сбывать на базарахъ свои сельскіе продукты, депутаты отъ городовъ очень ловко доказывали, что занятіе крестьянскаго населенія торговлей, а тѣмъ болѣе ремеслами, отнимаетъ ихъ отъ ихъ главнаго труда, главной цѣли чуть-ли не ихъ существованія, т.-е. отъ земледѣлія, и тѣмъ, разумѣется, наноситъ явный ущербъ государству. По отношенію къ занятію дворянъ заводскимъ и фабричнымъ промысломъ депутаты эти не менѣе хитро и ловко указывали на несовмѣстимость этого рода занятій съ дворянскимъ *достоинствомъ*. Они доказывали, что эти занятія, такъ сказать, не къ лицу дворянамъ, да и не по ихъ знаніямъ, не по ихъ умѣнью, очевидно, — такъ какъ дѣло въ ихъ рукахъ только разстраивается, а *купечество* и *государство* отъ того терпятъ ущербъ. Понятно само собою, что ни депутаты отъ крестьянъ, а тѣмъ болѣе отъ дворянъ, не оставили безъ возраженій такъ ловко мотивированныхъ мнѣній городскихъ депутатовъ. При этомъ нужно замѣтить, что депутаты отъ государственныхъ крестьянъ не только стойко выдержали сильный огонь нападающихъ, но порой открывали и со своей стороны огонь не менѣе сильный, заставляя отступать нападающихъ. Главнѣйшимъ-то образомъ борьба и велась именно между городскими депутатами и крестьянскими, причемъ на сторону послѣднихъ иногда становились депутаты отъ казаковъ и дворянъ.

Несмотря на весь интересъ хода преній по данному вопросу, мы однако не будемъ на нихъ останавливаться, ограничившись лишь только что сдѣланнымъ общимъ замѣчаніемъ. Но мы остановимся нѣсколько далѣе на вопросѣ, который какъ-то вдругъ всплываетъ наружу во время преній по предметамъ, спеціально касавшимся торговли и промышленности, и который, въ нашихъ

глазахъ, въ виду нашей цѣли, имѣетъ наибольшую важность. Рѣчь идетъ о требованіи купечествомъ права владѣть крѣпостными.

Депутаты торгово-промышленнаго городскаго населенія, домогаясь исключительнаго права на занятіе торговлей и всякаго рода промыслами, съ азартомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, не только стремились лишить крестьянъ права сбывать непосредственно продукты ихъ личнаго труда, но еще и заставить трудиться непосредственно на нихъ, купцовъ. Они вздумали добиться права владѣть, подобно дворянамъ, крѣпостными. Сначала требованіе выражено было купцами въ Коммиссіи какъ будто между прочимъ, вскользь; но на него было скоро обращено серьезное вниманіе и дебаты, очень горячіе и оживленные, завязались. За крестьянъ и на этотъ разъ вступились депутаты отъ дворянъ и другихъ сословій; одни изъ личныхъ интересовъ, другіе совершенно безкорыстно. Претензіи купцовъ шли совершенно въ разрѣзъ съ существовавшимъ законодательствомъ, которое удерживало право владѣнія такою одушевленною собственностью, какъ крѣпостные, исключительно за дворянствомъ и притомъ лишь потомственнымъ. Отсюда, понятно, что это послѣднее въ претензіяхъ купцовъ должно было увидѣть прежде всего нарушеніе его сословныхъ привиллегій.

Въ тридцать шестомъ засѣданіи Коммиссіи нѣкто, депутатъ отъ города Яранска, первый выступилъ съ заявленіемъ такого рода: «купцамъ настоитъ *крайняя надобность* имѣть крѣпостныхъ дворовыхъ людей и владѣть оными.... ибо купечество *принуждено нанимать крестьянъ* изъ разныхъ вѣдомствъ и *платить* имъ большую цѣну»; причемъ эти нанятые и оплачиваемые люди, «зная, что они не крѣпостные, и потому, не имѣя никакого страха, дѣлаютъ всякія произвольства и причиняютъ хозяевамъ *много хлопотъ*». И вотъ, чтобы избавить злосчастное купечество, одолѣваемое «всякими произвольствами» своихъ рабочихъ отъ хлопотъ нанимать крестьянъ и платить имъ за работу, сердобольный яранецъ предлагаетъ сжалиться надъ несчастнымъ купечествомъ и даровать ему право владѣть «крѣпостными дворовыми людьми». Къ этимъ удивительнымъ доводамъ яранскаго депутата присоединяется еще болѣе убѣдительный: отъ такого права купцовъ владѣть крѣпостными, по мнѣнію какого-то депутата-однодворца, «вреда *никому* не предусматривается». Съ легкой руки яранскаго депутата, поднявшаго вопросъ, депутаты отъ городовъ одинъ за другимъ пустились ораторствовать въ томъ же смыслѣ, т.-е. въ пользу права купцовъ владѣть крѣпостными. А нѣкій депутатъ отъ одного изъ государственныхъ учрежденій, исходя, вѣроятно, изъ указанной мысли, что раздача государственныхъ крестьянъ въ крѣпостные «вреда никому» не приноситъ, предлагаетъ и духовенство, тоже нуждающееся, какъ извѣстно, въ рабочихъ рукахъ, вооружить правомъ владѣть крѣпостными.

Такимъ образомъ, депутатами всѣхъ сословій въ Коммиссіи, и дворянами, и купцами, и однодворцами, издается, по совершенно справедливому замѣчанію нашего почтеннаго историка Соловьева, «дружный и страшно-печальный крикъ: *рабовъ*»! Крикъ, раздававшійся чуть не въ каждомъ засѣданіи Коммиссіи съ упорствомъ и настойчивостью, достойными лучшаго дѣла.

Но какъ ни страшенъ, какъ ни печаленъ былъ этотъ крикъ, онъ все-таки не былъ въ состояніи покрыть собою тѣхъ, правда, очень и очень немногихъ

голосовъ, которые раздались въ Коммиссіи въ пользу беззащитныхъ, такъ скромно представленныхъ въ ней, крестьянъ. Онъ, этотъ крикъ большинства, не заглушилъ голоса тѣхъ немногихъ депутатовъ Коммиссіи, которые, говоря языкомъ Сергѣевича, «имѣли достаточно мужества для борьбы съ такой старой язвой, какъ крѣпостничество». Правда, борьба эта велась не особенно упорно, не особенно храбро; но она все-таки велась и, думать надо, при иныхъ условіяхъ, вѣроятно, привела бы къ благимъ результатамъ.

Если не въ качествѣ защитника крестьянъ, то во всякомъ случаѣ противникомъ требованій городскихъ депутатовъ выступилъ со своимъ краснорѣчіемъ уже извѣстный намъ князь Щербатовъ и выступилъ, разумѣется, опять въ защиту правъ родоваго дворянства. Исходя изъ этихъ правъ, онъ громилъ своимъ краснорѣчіемъ депутатовъ отъ городовъ, возставая противъ ихъ требованій владѣть крѣпостными. Онъ обосновывалъ всѣ свои доводы на томъ, что только дворяне *ради ихъ службы* «отечеству и государю... пріобрѣтаютъ, между прочимъ, право имѣть деревни и рабовъ, *дабы*, научаясь съ младенчества управлять своими деревнями (и рабами), *они были тѣмъ способнѣе къ управленію частями имперіи*». Это былъ единственный доводъ Щербатова *положительный*. Дальше онъ пустился доказывать выставленное имъ положеніе путемъ *отрицательнымъ*, говоря между прочимъ, что *позорно* допускать, чтобы купцы владѣли крестьянами: это значило бы допустить владѣніе *равнаго равнымъ* (въ глазахъ князя, городское населеніе, а стало быть и купцы, такой же *подлый* народъ, какъ и крестьяне). Далѣе онъ, напримѣръ, доказывалъ, что и отъ крѣпостныхъ купцы не могутъ ждать особаго радѣнія къ ихъ дѣлу, стало быть, получивъ право владѣть послѣдними, они въ этомъ отношеніи ничего не выиграютъ. Наконецъ въ требованіи купцовъ онъ видѣлъ вредъ для самого государства: и теперь, высчитывалъ онъ, «каждый пахарь долженъ приготовить хлѣба *слишкомъ на пять* человѣкъ»; а, владѣй купцы крестьянами, ему пришлось бы кормить еще бо̀льшее количество душъ. Вглядѣвшись въ доводы князя, нельзя не замѣтить, что онъ опирается въ нихъ на *всякіе* интересы, не выключая государственныхъ, но только не на интересъ тѣхъ, на владѣніе которыми напрашивался еще цѣлый слой населенія, о которыхъ шли самые дебаты. Доводы этого же рода приводились въ возраженіяхъ противъ претензій купцовъ и другими депутатами: указывалось, напримѣръ, на то, что купцы, накупивъ деревень, бросятъ торговлю; говорилось о томъ, что земледѣліе изсякнетъ на Руси, что «отъ несноснаго отягощенія и бѣдственной жизни крестьянъ» начнутся въ средѣ ихъ побѣги, разбойничество и т. п.

Нашлись однако, какъ выражается проф. Сергѣевичъ, «среди представителей земли XVIII столѣтія люди», которые не остановились на указанныхъ до сихъ поръ доводахъ и пошли гораздо дальше въ данномъ вопросѣ; нашлись люди, которые возстали противъ закабаленія крестьянъ въ *принципѣ;* нашлись люди, которые возставали, напримѣръ, противъ *продажи* крестьянъ не въ силу уже хотя бы и государственныхъ интересовъ, а просто въ силу того, «что *горько* это родителямъ» (продаваемыхъ), что «много *проливается* отъ этого *слезъ*». Эти люди предлагали уничтожить торговлю человѣческими душами, потому что она «не только въ Европѣ, но и въ *азіатскихъ* странахъ нигдѣ

не ведется». Нашлись депутаты, которые возстаютъ противъ *количественнаго* расширенія крѣпостнаго состоянія, опираясь на такіе доводы, какъ *христіанская любовь къ своему ближнему*, какъ идея *общаго* добра и *блага*. «Какъ предосудительно», восклицаетъ одинъ изъ депутатовъ, «продавать и покупать крестьянъ какъ скотину, да еще такихъ же христіанъ, какъ мы сами». Этотъ же депутатъ храбро заявляетъ: «мы видимъ цѣлую Европу, которая *въ крѣпостныхъ крестьянахъ нужды не имѣетъ*».

Можно ли было высказаться болѣе категорически, можно-ли болѣе ясно высказаться за освобожденіе крестьянъ во второй половинѣ XVIII столѣтія? При этомъ я долженъ замѣтить здѣсь, что подобнаго рода мысли высказывались не одними представителями самого сельскаго, земледѣльческаго населенія, на свободу котораго покушалось купечество, въ родѣ депутата отъ сѣверныхъ *государственныхъ* крестьянъ, крестьянина Чупрова; эти мысли высказывались и депутатами отъ дворянъ, въ родѣ депутата Коробьина, напримѣръ.

Пренія о «законахъ о купечествѣ» были такъ же неожиданно и такъ же безъ объясненія причинъ, какъ и чтеніе крестьянскихъ наказовъ или пренія «о правахъ благородныхъ», прерваны для того, чтобы перейти къ законамъ «юстиціи».

Я не буду пускаться въ глубь дебатовъ по этому предмету и ограничусь лишь нѣсколькими замѣчаніями. И по этому предмету было высказано, хотя, опять оговорюсь, и очень немногими много такого, что, не обинуясь можно сказать, опережало свое время и осуществлено только въ настоящую пору, хотя въ иной формѣ, чѣмъ предлагалось тогда. Такъ, напр., одинъ изъ депутатовъ указывалъ на необходимость ввести въ Россіи институтъ мировыхъ судей по примѣру Англіи. Я указываю лишь на нѣчто, совсѣмъ изъ ряду вонъ выдающееся. Но и въ массѣ всевозможныхъ мнѣній и замѣчаній по данному предмету можно найти не мало въ высокой степени практическихъ и дѣльныхъ замѣчаній.

Кажется, уже изъ приведенныхъ нами образчиковъ преній въ Коммиссіи можно заключить, что въ общемъ это собраніе понимало свое дѣло правильно, относилось къ нему разумно, порой не безъ увлеченія; что въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ оно даже значительно опережало свой вѣкъ.

На этомъ основаніи мы еще разъ повторяемъ, можно смѣло предполагать, не рискуя впасть въ преувеличеніе, что екатерининская Коммиссія при иныхъ, болѣе благопріятныхъ для нея условіяхъ, непремѣнно пришла бы къ благимъ, непосредственнымъ результатамъ. Что это—такъ, на это указываетъ отзывъ о ней самой императрицы, заявившей послѣ ея распущенія: «Коммиссія уложенія... *подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи*, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о *комъ пещись должно*. Она *всѣ части закона* собрала и разобрала по *матеріямъ* и *болѣе того бы сдѣлала*, ежели бы турецкая война не началась». Что это—такъ, что императрица въ только что приведенныхъ словахъ не преувеличивала и была совершенно откровенна, на это указываетъ между прочимъ то обстоятельство, что, долго спустя послѣ распущенія Коммиссіи, многое, высказанное депутатами въ ея засѣданіяхъ и внесенное въ тѣ наказы, съ которыми явились въ эту Коммиссію депутаты, и съ которыми мы нѣсколько

знакамы, вошло въ такіе законодательные акты Екатерины II, какъ «Учрежденіе о губерніяхъ», «Жалованная грамота россійскому дворянству», «Жалованная грамота городамъ». Не забудемъ еще и то, что, какъ уже было замѣчено вскользь, кое-что изъ заявленнаго въ Коммиссіи осуществилось въ наши дни.

А тѣмъ не менѣе *непосредственныхъ* результатовъ Коммиссія, въ смыслѣ законодательнаго учрежденія, все-таки не дала. Все ограничилось лишь только-что указанными результатами, и только. Гдѣ же причины такого колоссальнаго фіаско? Почему же надежды Екатерины, на это учрежденіе возлагавшіяся, не оправдались?

Причины этого фіаско—гдѣ угодно, только едва-ли въ самой Коммиссіи, въ ея личномъ составѣ; тѣмъ менѣе въ сущности самого начала. того принципа, на которомъ эта Коммиссія была построена. Причинъ этихъ нужно искать во всякомъ случаѣ *внѣ* самой Коммиссіи.

Разрѣшеніе вопроса о неудачахъ Коммиссіи занимало и занимаетъ теперь еще многихъ, интересующихся дѣломъ. Имъ интересовались еще въ царствованіе самой Екатерины. Этотъ вопросъ былъ между прочимъ разрѣшенъ еще тогда англійскимъ посломъ при нашемъ дворѣ. Его лордство въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Англію просто обозвалъ Коммиссію «комедіей», устроенной Екатериной II для собственной забавы. Это странное, чтобы не сказать болѣе, рѣшеніе,—рѣшеніе во всякомъ случаѣ не похожее на разсѣченіе гордіева узла Александромъ Македонскимъ, повторено было въ прошломъ съ надлежащимъ апломбомъ однимъ изъ ученыхъ профессоровъ петербургскаго университета въ фельетонѣ одной изъ наиболѣе распространенныхъ газетъ. Этому можно только удивляться: такое объясненіе понятно, пожалуй, въ устахъ англійскаго лорда, но оно по меньшей мѣрѣ *удивительно*, высказываемое профессоромъ университета. Екатерина II—не Анна Ивановна; созванные ею депутаты призывались не для того, для чего со всѣхъ концовъ Россіи созывала Анна Ивановна представителей «подлаго» населенія по парѣ отъ всѣхъ губерній, инородцевъ и др. Да и чѣмъ объяснить желаніе со стороны Екатерины II играть комедію? Не желаніемъ же удивить его лордство. Та серьзность, съ которой относилась Екатерина II къ своему дѣтищу, то увлеченіе, съ которымъ она отдавалась, по свидѣтельству того же англійскаго посла, этому «великому» и такъ, въ первое время, дорогому для нея дѣлу, устраняютъ всякую мысль о «комедіи» въ данномъ случаѣ.

Вообще это мнѣніе, въ сущности, вовсе не заслуживаетъ опроверженія.

Въ послѣднее время, именно въ январѣ прошлаго 1878 года, появилась въ «Вѣстникѣ Европы» серьезная попытка серьезнаго изслѣдователя исторіи русскаго права объяснить неудачи Коммиссіи. Эта попытка принадлежитъ профессору петербургскаго университета, В. Сергѣевичу. Статья профессора написана не только на основаніи тѣхъ матеріаловъ, которые содержатся въ трехъ томахъ, изданныхъ Полѣновымъ, но и тѣхъ, которые лежатъ еще нетронутыми въ архивѣ II-го отдѣленія собств. Е. И. В. канцеляріи. Авторъ въ результатѣ своего изслѣдованія приходитъ къ заключенію, что причина неудачнаго исхода работъ Коммиссіи, причина того, что она, будучи разъ распущена, «была забыта», по его собственному выраженію, лежитъ не больше, не меньше, какъ... «*въ полномъ неумѣньѣ руководящихъ людей воспользоваться народнымъ голо-*

сомъ и свести его къ *опредѣленнымъ положеніямъ*». А такъ какъ главнѣйшимъ дѣятелемъ въ числѣ этихъ «руководящихъ» людей былъ предсѣдатель собранія, маршалъ Коммисіи, А. И. Бибиковъ, то стало быть причина неудачъ и кроется въ личныхъ способностяхъ Бибикова, въ его симпатіяхъ и антипатіяхъ къ дѣлу, въ его взглядахъ на него; другими словами—*именно въ самомъ Бибиковѣ*. Намъ кажется, съ этимъ мнѣніемъ можно согласиться лишь *отчасти*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣйствія «руководящихъ» людей въ значительной степени отражались на ходѣ дѣлъ въ учрежденіи, во главѣ котораго они были поставлены; но допустить, чтобы *исключительно* ихъ отношеніе, способности, взгляды, даже симпатіи погубили дѣло, мы рѣшительно не можемъ. А между тѣмъ почтенный профессоръ настаиваетъ на такомъ именно вліяніи этого отношенія, повторяя свою мысль въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей статьи, стараясь при этомъ, какъ уже было замѣчено, чуть не всю вину этихъ руководителей взвалить почти исключительно на маршала Коммиссіи.

Съ этою цѣлью авторъ пускается въ біографію Бибикова, «бросаетъ взглядъ на предшествующую жизнь его, *чтобы разъяснить, въ какой мѣрѣ она могла подготовить* его къ той высокой роли, которая выпала на его долю».

Изъ очерка, представленнаго съ этою цѣлью, видно, что образованіе Бибиковъ получилъ крайне незавидное—у своихъ родственницъ въ женскомъ монастырѣ, по выходѣ изъ котораго Бибиковъ прямо пустился въ свѣтскую петербургскую жизнь «съ обыкновенными для его возраста и состоянія удовольствіями». Служилъ онъ въ артиллеріи; служба состояла исключительно почти въ исполненіи «разныхъ порученій», за каковое и получилъ чинъ подполковника. Въ семилѣтнюю войну онъ отличается «удачными распоряженіями и подвигами личной храбрости». При Екатеринѣ II онъ исполняетъ «важныя и *деликатныя*» порученія въ родѣ поѣздки въ Холмогоры для ознакомленія съ положеніемъ бывшаго императора Ивана Антоновича, усмиренія горнозаводскихъ крестьянъ или объѣзда пограничной линіи съ Польшей ради военныхъ и *политическихъ* соображеній; послѣднее порученіе впрочемъ Бибиковъ исполнялъ съ нѣкіимъ Веймарномъ.

Опираясь на эти, имъ самимъ выбранные и освѣщенные факты изъ прошлаго Бибикова, авторъ заключаетъ, что въ этомъ своемъ прошломъ Бибиковъ проявилъ лишь «*благонамѣренность*, честность, мужество, *усердіе* и *исполнительность*», и что, приступая къ дѣятельности въ Коммиссіи, онъ не только не имѣлъ никакой склонности къ этому или «необходимыхъ знаній», но и «*не любилъ* новаго порученнаго ему дѣла и даже *боялся* его».

Каждый, пробѣжавъ этотъ очеркъ, разумѣется, прежде всего согласится съ авторомъ, что *такой* человѣкъ какъ Бибиковъ, такой бурбонъ, отличавшійся лишь благонамѣренностью и исполнительностью, ничего путнаго изъ «великаго дѣла» Екатерины сдѣлать не могъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ головѣ каждаго невольно въ тотъ же моментъ возникнетъ мысль — что же сталось на этотъ разъ съ императрицей, умной, высокопросвѣщенной женщиной, умѣвшей узнавать людей и выбирать ихъ; что сталось съ ней, когда она къ дѣлу, которое сама называла «великимъ», приставила невѣжественнаго, неумѣлаго, бездарнаго человѣка? Какимъ образомъ въ руки такого человѣка, разумѣется, неспособнаго

даже понять ея великихъ плановъ и цѣлей, императрица отдаетъ свое «*любимое* дѣтище». По истинѣ странно. Вѣдь это было-бы понятно лишь при предположеніи, что она дѣйствительно съ Коммиссіей играла для кого-то комедію: выработала «обряды», написала Наказъ, созвала, открыла ее, такимъ образомъ проявила свои просвѣщенныя и высоко-либеральныя стремленія, а потомъ, отдавъ учрежденіе въ руки какого-то исполнительнаго бурбона, спокойно ждала *желаемой* смерти этого учрежденія. Такой выводъ изъ доводовъ автора смѣло можно сдѣлать, но, несомнѣнно, самъ авторъ ни въ какомъ случаѣ его не дѣлаетъ. Онъ, видимо, назначеніе Бибикова объясняетъ *ошибкой* со стороны Екатерины, по его мнѣнію, хотя и умѣвшей «находить достойныхъ людей», но не всегда одинаково удачно выбиравшей ихъ. Авторъ и въ этомъ винитъ самого Бибикова, сѣтуя на него за то, что, очевидно, «изъ желанія подвигаться далѣе по столь легкой для него служебной дорогѣ», онъ счелъ неудобнымъ отказаться отъ этого новаго «порученія» и не послѣдовалъ благородному примѣру братьевъ Орловыхъ, благоразумно отказавшихся отъ кандидатуры на маршальство [1]). Такимъ образомъ, кругомъ виноватъ Бибиковъ.

Допустимъ пока это и заглянемъ *сами* въ біографію маршала, составленную въ началѣ нынѣшняго столѣтія сыномъ его, сенаторомъ Бибиковымъ, біографію, которой исключительно пользовался и профессоръ Сергѣевичъ.

На основаніи такого *непосредственнаго* знакомства намъ придется прежде всего сказать, что черты, извлеченныя изъ біографіи маршала, не совсѣмъ точны или, лучше, онѣ — неполны. Будь его очеркъ полнѣй, мы узнали бы, что Бибиковъ былъ прежде всего человѣкъ, несомнѣнно, образованный, человѣкъ, знавшій языки, читавшій (повторямъ, мы заимствуемъ наши свѣдѣнія изъ той же біографіи, что и г. Сергѣевичъ); человѣкъ, съ которымъ императрица находилась въ *личной* перепискѣ, котораго она, очевидно, цѣнила и уважала, каковое свое уваженіе и выразила между прочимъ въ томъ, что во время своего путешествія по Волгѣ заѣзжала въ имѣніе Бибикова, лежавшее на берегу этой рѣки. Это было почти наканунѣ созванія Коммиссіи. Трудно допустить, чтобы Екатерина вступала въ переписку съ какимъ-то исполнительнымъ бурбономъ, хотя бы и очень благонамѣреннымъ. Въ числѣ «порученій», возлагаемыхъ на Бибикова, были и такія, которыя требовали не одних «благонамѣренности, честности, усердія и исполнительности», но и по крайней мѣрѣ нѣкотораго ума; къ числу такихъ порученій нельзя, напр., не отнести и того, о которомъ упоминаетъ и г. Сергѣевичъ — изслѣдованія границъ нашихъ съ Польшей съ *политической* точки зрѣнія — и исполненіе котораго онъ, какъ мы видѣли, почему-то хочетъ приписать исключительно сотоварищу Бибикова по порученію, генералъ-поручику Веймарну. Бибикову Екатерина не только поручила усмирить волновавшихся горнозаводскихъ крестьянъ, но и *изслѣдовать* причины возстанія. Въ 1756 году Бибиковъ былъ посланъ въ Пруссію съ цѣлями чисто-политическаго характера: ему было поручено секретно развѣдать «о магазейнахъ (военныхъ запасахъ) и состояніи тамъ войскъ». Примемъ наконецъ къ свѣдѣнію, что Бибиковъ не всегда даже былъ и «благонамѣренъ»: два раза онъ заслужи-

[1]) Поправимъ неточность автора: отказался лишь *одинъ* Орловъ — Григорій, а другаго, Ивана, устранила сама императрица.

валъ нерасположеніе, хотя, правда, и не особенно суровое, императрицы именно за не совсѣмъ благонамѣренное исполненіе возложенныхъ на него порученій.

Изъ приведенныхъ нами *дополнительныхъ* фактовъ біографіи Бибикова видно, что Екатерина, несомнѣнно, *близко* знала это лицо и относилась къ нему съ полнымъ довѣріемъ; и, если поручала ему свое «любимое дѣтище», то, разумѣется, будучи убѣждена, что къ нему, этому дѣтищу, и маршалъ будетъ относиться такъ же тепло, какъ и она сама [1]. Сергѣевичъ, мы видѣли, этому не вѣритъ, утверждая, что маршалъ *не любилъ* Коммиссіи и *боялся* ея. Это свое мнѣніе авторъ статьи основываетъ на перепискѣ маршала со своимъ другомъ, русскимъ посломъ при датскомъ дворѣ, Философовымъ; да при этомъ не на собственномъ письмѣ къ послѣднему Бибикова, а на одномъ изъ отвѣтовъ Философова къ нему, въ которомъ посланникъ писалъ: «подлинно правду говоришь, что ты по своему дѣлу *въ пучинахъ* и *пропастяхъ океана* обращаешься». Намъ кажется, что изъ этихъ словъ нельзя вывести ничего иного кромѣ того, что Бибиковъ относился добросовѣстно къ принятому на себя дѣлу, видѣлъ и понималъ его трудности, волновался въ душѣ, и эти волненія позволилъ себѣ высказать болѣе или менѣе цвѣтистымъ языкомъ своего времени въ интимной перепискѣ съ своимъ близкимъ другомъ. Что Бибиковъ дѣйствительно такъ смотрѣлъ на дѣло, что онъ заботился о наиболѣе лучшемъ веденіи и исполненіи его, и какъ добросовѣстный человѣкъ, а не карьеристъ, сомнѣвался въ своихъ способностяхъ и силахъ къ достиженію этого — видно изъ другаго письма къ нему все того же Философова: «я увѣренъ», писалъ послѣдній, «что не можетъ достигать *ни самая величайшая степень человѣческаго разума* проникать во всю связь обстоятельствъ къ доставленію прямо благоденственнаго правленія государству». Очевидно, авторъ письма утѣшаетъ своего друга въ его сомнѣніяхъ, сомнѣніяхъ человѣка, повторяемъ, совершенно добросовѣстно и искренно относящагося къ своему дѣлу.

Изъ всего этого, думается, нельзя не придти къ заключенію, что взглядъ проф. Сергѣевича на личность маршала Коммиссіи по меньшей мѣрѣ ни на чемъ не основанъ.

Не больше, кажется намъ, имѣетъ авторъ основаній винить лично Бибикова и въ томъ, что онъ «водрался», выражаясь языкомъ Петра, «въ чинъ» маршала: мы знаемъ, что его предложилъ генералъ-прокуроръ — смѣло можно предположить, съ одобренія императрицы — и императрица утвердила его, несмотря, какъ мы видѣли, на то, что въ Коммиссіи онъ получилъ меньше всѣхъ баллотировавшихся избирательныхъ голосовъ. Намъ возразятъ, быть можетъ, что именно это-то послѣднее обстоятельство и говоритъ не въ пользу Бибикова, оно-то и указываетъ на то, что онъ стремился стать маршаломъ, во что бы то ни стало. На это можно отвѣтить слѣдующее: а что было въ состояніи заставить Бибикова только на основаніи меньшинства голосовъ имъ полученныхъ въ Коммиссіи упорно отказываться отъ предложенія императрицы? Вѣдь Коммиссія выбаллотировала чуть не единогласно... братьевъ Орловыхъ, за которыми ни мы, ни онъ, разумѣется, со спокойною совѣстью не признавалъ никакихъ

[1] Есть извѣстіе, что А. Г. Бибиковъ участвовалъ въ сочиненіи „Обряда" управленія Коммиссіей, чему впрочемъ г. Сергѣевичъ не вѣритъ.

особыхъ талантовъ и способностей, которые давали бы имъ особенное право на такую важную роль.

А наконецъ, согласимся съ авторомъ, допустимъ, что Екатерина ошибалась, назначивъ Бибикова маршаломъ Коммиссіи, что она приняла за годнаго къ дѣлу человѣка просто «храбраго *военачальника* и *усмирителя* крестьянъ», стремящагося лишь *къ движенію* по служебной карьерѣ. Допустимъ все это, и... будемъ винить Екатерину II въ ошибкѣ, будемъ винить ее въ томъ, что къ великому дѣлу «законодательства», она, такъ заботившаяся о томъ, чтобы «умы (даже умы) не чувствовали притѣсненія и угнетенія», приставляетъ храбраго солдата и «усмирителя». А винить есть почему: императрица не могла не знать «военачальническаго таланта» Бибикова, а крестьянъ усмирять посылала его она же сама. Но этого мало; положимъ, Екатерина забыла все это и по ошибкѣ видѣла въ Бибиковѣ человѣка умнаго, способнаго, образованнаго; положимъ, ее обошли и Бибиковъ «водрался въ чинъ», благодаря этимъ проискамъ. Что же отсюда слѣдуетъ? Что этотъ карьеристъ забралъ въ руки все дѣло, да своею неумѣлостью, неспособностью, а, быть можетъ, и антипатіей къ нему, погубилъ его въ сообществѣ съ Вяземскимъ, такой же бездарностью, какъ и онъ самъ [1]). Положимъ это такъ; но въ такомъ случаѣ вотъ, что странно: отчего же императрица не удалила эту бездарность отъ дѣла, узнавъ во время засѣданій Коммиссіи объ его неспособности вести это дѣло, объ его не-любви къ нему? Мы не знаемъ, что отвѣтилъ бы на это почтенный профессоръ. Но онъ во всякомъ случаѣ не обвинилъ бы Екатерину II въ невнимательности къ Коммиссіи или въ невозможности для императрицы узнать излюбленнаго ею маршала хотя бы только за время засѣданій Коммиссіи въ Москвѣ. Вѣдь императрица не отдала Коммиссію въ безотчетное завѣдываніе маршала съ генералъ-прокуроромъ; вѣдь она, какъ мы знаемъ, зорко и рьяно слѣдила сама, или по протоколамъ, или непосредственно, бывая сама въ ея засѣданіяхъ, за ходомъ всего совершавшагося въ Коммиссіи, по крайней мѣрѣ въ теченіи извѣстнаго времени. Не даромъ же самъ профессоръ называетъ Коммиссію любимымъ дѣтищемъ Екатерины; не даромъ англійскій посолъ писалъ въ Англію, что «собраніе депутатовъ сдѣлалось любимѣйшимъ занятіемъ императрицы и, повидимому, *исключаетъ изъ ея кабинета всѣ прочія дѣла*». Когда депутаты по открытіи Коммиссіи пустились въ разсужденія о поднесеніи титула императрицѣ — она выражаетъ свое недовольство: «я имъ велѣла дѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ». *Она*, замѣтивъ стремленіе маршала разъ начатое дѣло обсудить всесторонне и не переходить къ другому, не кончивъ одного, *совѣтуетъ* ему не дѣлать этого, не настаивать непремѣнно на обсужденіи одного дѣла, «ибо скажутъ», говорила она по этому поводу, «что вы ихъ приневоливаете». Ея зоркое отношеніе къ Коммиссіи, отношеніе непосредственное, высказывается, напр., и въ томъ, что она, напримѣръ, очевидно, убѣжденная въ несовсѣмъ желательномъ ходѣ дѣлъ въ Коммиссіи, посылаетъ маршалу *протоколы англійскаго парламента* для прочтенія ихъ въ видѣ руководства. Она заставляетъ читать въ Коммиссіи преслову-

[1]) Таковою авторъ признаетъ и генералъ-прокурора на основаніи „удивленія“ его карьерѣ Н. И. Панина.

тую *Великую Хартію* англичанъ. Она — въ постоянной и самой дѣятельной перепискѣ съ маршаломъ Коммиссіи. Неужели при всемъ этомъ Екатерина все-таки не могла убѣдиться въ полной негодности Бибикова? А если бы она убѣдилась, думается, не задумалась бы устранить его отъ дѣла и замѣнить другимъ, болѣе способнымъ къ нему; она слишкомъ ревниво относилась къ своему дѣтищу, чтобы, *не извѣрившись* въ него самого, *въ это дѣтище*, отдать его на пагубу завѣдомо неспособному человѣку.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, намъ кажется совершенно несправедливымъ взваливать всю вину неудачъ Коммиссіи на плечи «руководившихъ» ею людей, если только въ числѣ ихъ не подразумѣвать и императрицу; тѣмъ менѣе справедливо взваливать вину на одного маршала Бибикова.

Повторяемъ, обвинять Бибикова и вообще руководившихъ Коммиссіей людей въ ея неудачахъ можно только *отчасти*. *Коренныхъ* причинъ во всякомъ случаѣ приходится искать *не здѣсь*.

Мы не имѣемъ здѣсь возможности пускаться въ обстоятельное розысканіе этихъ коренныхъ причинъ и ограничимся лишь нѣсколькими указаніями или замѣчаніями по этому вопросу.

Прежде всего намъ кажется страннымъ, почему профессоръ Сергѣевичъ не искалъ, напр., этихъ причинъ въ организаціи частныхъ коммиссій, въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу, къ большой Коммиссіи, къ генералъ-прокурору; въ отношеніяхъ, на ненормальность которыхъ мы отчасти указывали и на которыхъ профессоръ не мало останавливается именно съ этой точки зрѣнія. Почему не ищетъ онъ этихъ причинъ тамъ, гдѣ искала ихъ вначалѣ и сама Екатерина,— въ отсутствіи «общаго плана законодательныхъ работъ»; на каковое отсутствіе, какъ фактъ, онъ и самъ указываетъ и каковое императрица думала восполнить изданіемъ своего «начертанія о приведеніи *къ окончанію* Коммиссіи проэкта новаго уложенія». Почему авторъ минуетъ вопросъ о томъ, что *сама императрица*, созвавшая Коммиссію, поставившая ей цѣли, — единственное лицо, могущее распустить ее временно или навсегда, такъ странно, чтобы не сказать болѣе, смотритъ на Коммиссію, какъ на что-то такое, что чуть-ли не въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій, если не можетъ, то *должно* разрѣшить поставленную ей многотрудную задачу: едва прошло *полгода*, проведенные Коммиссіей въ дѣйствительной работѣ, притомъ работѣ безсистемной, неудачной, какъ Екатерина уже пишетъ свое «Начертаніе», дабы привести «*къ окончанію*», въ сущности-то, едва начавшіяся работы. Почему вообще авторъ совершенно обходитъ вопросъ объ отношеніи матери къ своему... дѣтищу? Почему наконецъ авторъ не пошелъ глубже въ своихъ изысканіяхъ причинъ; почему онъ совершенно игнорировалъ вопросъ о вліяніи па данный предметъ «состоянія нашей *образованности* и *литературы* того времени», какъ онъ выражается, или, какъ выразились бы мы, — состоянія умственнаго и нравственно-политическаго общества того времени? А онъ самъ указываетъ на это «состояніе образованности и литературы того времени», какъ на причину того «печальнаго факта», что императрица «среди членовъ Коммиссіи, приближенныхъ къ ней», не могла найдти людей, «способныхъ быть исполнителями либеральныхъ предначертаній начала ея царствованія».

По нашему крайнему разумѣнію, попытайся почтенный профессоръ отвѣтить серьезно на всѣ эти «почему» — онъ, вѣроятно, отказался бы отъ своего обвиненія исключительно руководившихъ Коммиссіей людей вообще и Бибикова въ частности. Тогда онъ узналъ бы дѣйствительно, почему Коммиссія, разъ распущенная, никогда не созывалась, «была забыта» [1]).

Въ послѣдней главѣ своей статьи проф. Сергѣевичъ, указавъ, что Екатерина «во все свое царствованіе не распустила» Коммиссіи, говоритъ, что она не сдѣлала этого потому, что «ей больно было отказаться отъ замысла, на который она возлагала такія блестящія надежды». Странное объясненіе, опять наводящее на мысль о томъ, что императрица все еще надѣялась найти болѣе умѣлыхъ, «способныхъ быть исполнителями либеральныхъ предначертаній» людей со временемъ, хоть въ концѣ царствованія [2]). Мы рѣшительно не допускаемъ мысли, чтобы уже въ семидесятыхъ даже годахъ императрица *жалѣла* о неудачѣ Коммиссіи, чтобы она жалѣла о ней и только въ силу жалости не издала указа объ ея окончательномъ распущеніи. Въ указѣ такомъ просто не настояло надобности: Коммиссіи нѣтъ; маршалъ ея усмиряетъ пугачевское возстаніе, которое мѣшаетъ императрицѣ помнить о Коммиссіи и жалѣть о ней. Еще меньше возможности утверждать, что императрица жалѣла о неудачахъ своего предпріятія въ восьмидесятыхъ годахъ, вообще во второй половинѣ своего царствованія. Скорѣе можно думать, что она жалѣла, что нѣкогда затѣяла его, какъ, быть можетъ, жалѣла вообще о всякихъ «либеральныхъ предначертаніяхъ» первой половины своего царствованія.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ по поводу того, по выраженію пр. Сергѣевича, «*недовѣрія*» къ Коммиссіи, «которое и до сихъ поръ еще примѣшивается къ воспоминанію» о ней; недовѣрія, основаніемъ которому послужило предположеніе, что Коммиссія зашла за предѣлы данныхъ ей полномочій, что члены ея, какъ выражается сенаторъ Бибиковъ въ біографіи своего отца, маршала коммиссіи, «увлекались *вольнодуміемъ*, *ухищрялись предписывать законы верховной власти*».

Фактическихъ основаній къ этому недовѣрію рѣшительно нѣтъ *никакихъ*, если по крайней мѣрѣ судить по *изданнымъ* матеріаламъ о Коммиссіи. Смѣло можно утверждать, что данныхъ этихъ не окажется и въ матеріалахъ, имѣющихъ появиться въ будущемъ; не окажется потому, что ихъ не было въ дѣйствительности: существуй они, они, несомнѣнно, были бы извѣстны давно, какъ извѣстно, напр., вольнодуміе, проявившееся въ концѣ царствованія Екатерины II въ литературѣ. Утвержденіе Бибикова основывается, очевидно, на неумѣніи отыскать причины охлажденія къ дѣлу, забвенія его императрицей.

Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться вполнѣ съ пр. Сергѣевичемъ,

---

[1]) Авторъ строго различаетъ понятія *распустить* и „отсрочить", каковое различіе теоретически и практически въ *парламентскомъ* строѣ совершенно понятно и очень важно. Но по отношенію къ Коммиссіи едва ли оно имѣетъ особенное значеніе: распущенная Коммиссія, положимъ, послѣ 18 декабря 1768 года нѣсколько разъ отсрочивалась; но постепенно и отсрочивать забыли и Коммиссія исчезла съ лица земли. Нельзя же утверждать, что, такъ сказать, въ *отсроченномъ* состояніи существуетъ она и до сихъ поръ.

[2]) На слѣдующей страницѣ авторъ прямо говоритъ, что императрица „потеряла вѣру" въ Коммиссію благодаря неумѣнью маршала.

что Коммиссія «питала *строгое* чувство *законности* и *умѣренности* желаній», до того строгое, что дѣйствительно «исторія едва-ли представляетъ примѣръ собранія представителей народа, *болѣе проникнутыхъ уваженіемъ къ закону и предержащимъ властямъ»* [1]). Поэтому, не вина Коммиссіи, что къ ней потеряли довѣріе; не ея вина, что ее забыли; не по ея винѣ она не повела «къ новымъ, болѣе удачнымъ опытамъ», какъ выражается пр. Сергѣевичъ.

---

[1]) То же самое и съ тою же основательностью говоритъ профессоръ и объ избирателяхъ депутатовъ, составителяхъ наказовъ. „Они такъ мало проникнуты духомъ *опаснаго* новаторства, что администраціи, при всемъ ея усердіи, и повода не представлялось ударить въ набатъ и всполошить мирныхъ жителей“.

Изъ исторіи мѣстнаго управленія.

„Сосредоточеніе почти всѣхъ судебныхъ дѣлъ въ столицѣ въ XVII в. отразилось самымъ растлѣвающимъ образомъ на правосудіи того времени и надолго оставило пагубные слѣды *въ нашей общественной жизни*“...

„Нравственная болѣзнь, пережитая русскимъ народомъ въ началѣ XVII в., *сломила многое въ юридической жизни русскаго народа, отчего можно было ожидать въ будущемъ благопріятнаго роста и благотворной силы*“ [1]).

Николай Ланге: „Древне-русское уголовное судопроизводство“, стр. 71—73.

Что разумѣетъ почтенный изслѣдователь подъ «многимъ, сломленнымъ» болѣзнью XVII вѣка въ жизни русскаго народа, «многимъ», что, по его мнѣнію, обѣщало и въ будущемъ, при благопріятномъ ростѣ, тоже «многое» — великую, «благотворную силу»?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, не нужно особенно далеко ходить: отвѣтъ на него самого автора лежитъ на ближайшихъ къ тому мѣсту, которое мы цитировали, страницахъ. На этихъ страницахъ то и дѣло авторъ говоритъ о «*выборныхъ* судьяхъ», «*излюбленныхъ* людяхъ», о «*выборномъ*» началѣ вообще. Съ горечью замѣчаетъ онъ порою, что «выборное начало въ означенное время сильно поколебалось»; что «*оберегатели судебной правды, выборные* лучшіе люди» совсѣмъ исчезаютъ; притомъ, исчезаютъ даже помимо закона, т.-е. не отмѣненные имъ, а просто сходятъ со сцены подъ вліяніемъ приказныхъ, правительственныхъ органовъ, устранявшихъ постепенно выборныхъ людей, не смотря на постоянныя челобитныя общинъ, ихъ избиравшихъ, самому царю; дѣйствительно, памятники испещрены заявленіями общинъ, что московскіе

[1]) Бесѣдовать собираемся о древнемъ *управленіи*, а эпиграфъ толкуетъ о древнемъ *судѣ*. Противорѣчія здѣсь вовсе нѣтъ: судъ и управленіе сливались въ древней Руси въ лицѣ однихъ и тѣхъ же органовъ и учрежденій; что могло имѣть мѣсто по отношенію къ первому, то могло имѣть мѣсто и по отношенію ко второму.

судьи судятъ «не по суду: лучшимъ людямъ на судѣ у себя быти не велятъ»; въ отвѣтъ на это со стороны царя постоянно получалось обращеніе къ приказнымъ людямъ — «безъ добрыхъ мужей и цѣловальниковъ суда не судити никакого». Борьба была неравная: «мужи» и «цѣловальники» на всей линіи уступаютъ приказнымъ людямъ; но они не сходятъ со сцены навсегда, снова и снова появляясь на ней.

Въ этихъ-то всякаго рода выборныхъ, въ принципѣ, представителями котораго эти выборные служили, т.-е. въ началѣ народной автономіи, маститый изслѣдователь и видитъ то «многое», что чуть не сломила болѣзнь XVII в. и что обѣщало въ будущемъ дать столько благотворнаго.

А начало это — начало древнее, народное.

Борьба съ этимъ началомъ другаго, приказнаго — явленіе тоже не новое: она проходитъ, можно сказать, не преувеличивая, чрезъ всю нашу исторію.

Вопросомъ объ управленіи «уѣзда», на основаніи того или другаго изъ указанныхъ началъ — земскаго или приказнаго, болѣлъ XVIII вѣкъ, болѣло московское государство. Выражаясь точнѣе, «издревле» болѣли этимъ вопросомъ и власть, и народъ.

Не звонкія фразы бросаемъ мы читателю, ради красоты слога. Стоя много лѣтъ у всякаго рода вопросовъ, подобныхъ настоящему, въ силу обычныхъ своихъ занятій, мы пришли къ высказанному заключенію путемъ болѣе или менѣе непосредственнаго знакомства съ историческимъ ходомъ развитія ихъ. Пробѣгая мысленно цѣлыя столѣтія по отношенію къ развитію мѣстнаго, уѣзднаго управленія, мы какъ бы перестаемъ различать историческіе планы; они какъ-то сливаются передъ нашими глазами; выпуклыя стороны общественной государственной жизни стоятъ какъ бы на одной линіи. Сколько заботъ и трудовъ полагается въ наши дни на разрѣшеніе вопросовъ мѣстнаго управленія, сколько уложено на нихъ того и другаго въ XVIII вѣкѣ? А сколько потратило на него своего практическаго ума, ловкости и сноровки правительство московскаго государства? А раньше него? Развѣ мы не встрѣчаемся съ заботами все о томъ же еще удѣльныхъ князей.

Какія бы великія государственныя цѣли и задачи ни поглощали то или иное время, какъ бы онѣ не захватывали умъ и чувство народа и правительства даннаго времени, болячка внутренняго управленія никогда не давала себя забыть, по крайней мѣрѣ, надолго. А часто она разбаливалась до того, что поглощала вниманіе и дѣятельность правительствъ даже при такихъ условіяхъ, при которыхъ вовсе, казалось бы, не до нея, будь хоть какая-нибудь возможность перенести причиняемыя ею боли.

Иванъ Грозный, этотъ «художникъ», увлеченный «ужасами» со стороны ихъ картинности, по характеристикѣ К. Аксакова, «неистовый кровопійца», какъ характеризуетъ его Карамзинъ, никакими «художественно-кровавыми» увлеченіями и наслажденіями не могъ быть отвлеченъ отъ народной болячки — внутренняго управленія; при немъ триста слишкомъ лѣтъ тому назадъ надъ болячкой сдѣлана была, можно сказать, радикальная операція.

Петръ Великій, быть можетъ, какъ никто изъ монарховъ XVII—XVIII столѣтій, вѣчно занятый «великими» вопросами созданія европейскаго государ-

ства и вытекавшими отсюда безконечными, тяжкими войнами, посвятилъ массу труда на устройство внутренняго управленія, организацію уѣзда, губерніи. А сколько положено такого труда на разрѣшеніе этого вопроса такими его преемниками, какъ Екатерина II, Александръ I, императоръ Николай, Александръ II?

Въ концѣ-концовъ, мы встрѣчаемся съ явленіемъ по истинѣ страннымъ, съ перваго взгляда, какъ будто даже и непонятнымъ. Вернитесь ко времени за триста лѣтъ назадъ, ознакомьтесь съ картиной состоянія мѣстнаго, уѣзднаго управленія того времени, нарисованной хотя бы самимъ царемъ въ любой изъ его жалованныхъ грамотъ; сопоставьте эту картину съ любою картинкой нашего времени,—все равно, нарисована ли она какимъ-нибудь публицистомъ, правительственнымъ органомъ, или учрежденіемъ,—и вы будете поражены сходствомъ почти тожественнымъ. Какъ будто трехъ вѣковъ и не было, какъ будто мы ихъ не переживали. Разница будетъ лишь въ именахъ, названіяхъ вещей и явленій, но сущность останется та же.

Если взглянуть повнимательнѣе на ходъ развитія внутренняго управленія въ его историческомъ прошломъ, то нельзя не придти еще и къ слѣдующему заключенію: на всемъ громадномъ пространствѣ этого прошлаго мѣры или средства, пускаемыя въ ходъ съ цѣлью упорядоченія областнаго управленія, *по существу* своему всегда однѣ и тѣ же. Правительство, какое бы оно ни было,—вѣчевое ли, княжеское ли, царское, или императорское,—всегда знало два начала, на которыхъ всегда и строилось мѣстное управленіе: начало *выборное*, представительное, и начало *правительственное*, приказное, чиновничье; на основаніи перваго управленіе передавалось въ руки общинъ, которыя вѣдали его чрезъ своихъ «выборныхъ», «излюбленныхъ людей»; въ силу втораго оно вѣдалось исключительно вѣчевыми или княжескими органами, царскими «приказными» людьми, императорскими чиновниками. Оказывалось несостоятельнымъ одно—обращались къ другому. При этомъ, съ того времени, какъ выработалось начало государственности, мы не знаемъ эпохи, когда бы одна изъ названныхъ основъ управленія вполнѣ устраняла другую. Онѣ всегда существовали совмѣстно, преобладая одна надъ другою. Это послѣднее положеніе вѣрно именно по отношенію къ каждому моменту историческаго прошлаго вплоть до послѣдняго времени.

Когда мы говорили о борьбѣ этихъ двухъ началъ, мы, само собою разумѣется, понимали подъ этимъ выраженіемъ никакъ не активную борьбу, въ смыслѣ борьбы двухъ живыхъ факторовъ общественно-государственной жизни, какъ выраженіе этой жизни, а лишь простую смѣну одного начала другимъ, въ смыслѣ преобладанія одного надъ другимъ, благодаря законодательной дѣятельности власти. Несомнѣнно, что такая дѣятельность обусловливалась такъ или иначе *условіями* той же жизни, ея дѣятелями, хотя бы въ смыслѣ пассивнаго ихъ вліянія; но мы не будемъ въ предстоящемъ очеркѣ пускаться въ опредѣленіе этихъ условій и ихъ роли. Для нашей цѣли достаточно лишь указать на взаимное соотношеніе въ тотъ или иной моментъ исторіи двухъ указанныхъ нами началъ и на тѣ поводы, которые служили власти основаніемъ того, чтобы дать перевѣсъ въ мѣстномъ управленіи тому или иному началу.

Въ заключеніе этой общей замѣтки скажемъ, что съ момента образованія

московскаго государства и почти до нашихъ дней, по крайней мѣрѣ, до конца XVIII столѣтія, верховная власть никогда не относилась *теоретически*, если можно такъ выразиться, *враждебно* къ началу автономному въ мѣстномъ управленіи, къ участію въ послѣднемъ земскихъ силъ; она никогда за этотъ періодъ времени не видѣла въ этихъ силахъ себѣ что-нибудь враждебное или опасное, и если часто отступалась отъ него, то только потому, что не находила въ немъ практическаго дѣятеля, могущаго дать съ быстротою, отъ него ожидавшеюся, тѣ результаты, на которые власть разсчитывала. Власть такъ же относилась къ этому началу, какъ и къ приказному, только какъ къ орудію управленія, обращалась къ содѣйствію того и другаго только какъ къ таковому.

Вплоть до XVII вѣка власть, можно сказать, ничего не создавала въ этой области въ особенности по отношенію къ выборной системѣ; послѣдняя, какъ увидимъ, древнее, исконное начало, зародышъ котораго въ древнѣйшемъ народномъ строѣ, еще до-княжескомъ; оно не исчезло при князьяхъ, хотя и видоизмѣнялось, дошло до московскаго государства, не только не умерло въ немъ, но даже временно возрождалось, и если захирѣло къ концу періода московскаго государства, то, все-же таки, не исчезло до тла, а теплится даже и въ XVIII столѣтіи, вспыхивая то тамъ, то здѣсь въ извѣстной формѣ, призываемое къ жизни самимъ правительствомъ.

Начало приказное появилось вмѣстѣ съ княжескою властью и постепенно разрасталось вмѣстѣ съ развитіемъ этой власти. Княжеская дружина давала изъ себя административныхъ органовъ области въ нашей древней Руси, она же, преобразившись и разросшись въ служилыхъ людей московскаго государства, давала ихъ и для уѣздовъ этого послѣдняго.

I.

„Das alte Gemeindeleben machte in politischer Beziehung der Regierung durch den König und seine Beamten Platz; *für die Gemeinde blieb die volle Freiheit in reine gemeindlichen Angelegenheiten*“.

Schulte: «Lehrb. der Reichs und Rechtsgeschichte“. S. 77.

Только что приведенное положеніе нѣмецкаго ученаго историка права, высказанное имъ по отношенію къ древней Германіи, мы рѣшаемся принять и по отношенію къ древнему строю каждаго изъ княжествъ древней Руси.

Князь явился уже при наличности извѣстнаго развитія внутренняго строя въ общинѣ-государствѣ, который вовсе не исчезъ немедленно съ появленіемъ княжеской власти съ ея органами. Князь, какъ и король Германіи, первоначально обладалъ, выражаясь языкомъ Шульте, только *политическою* властью во вновь слагавшемся государствѣ; всѣ внутреннія дѣла, во всемъ ихъ объемѣ, вѣдались въ теченіе сравнительно долгаго времени по появленіи князя *самою общиной* или, лучше, самими общинами, въ составъ княжества входившими.

Нѣмецкій ученый пришелъ къ своему заключенію на основаніи изученія историческихъ данныхъ. Принять его обобщеніе относительно нашей глубокой старины мы не рѣшились бы, не имѣя возможности опереться на такія же данныя и въ этой старинѣ.

Прежде чѣмъ обратиться къ историческимъ фактамъ, считаемъ не лишнимъ сослаться предварительно на такое авторитетное мнѣніе, какъ мнѣніе покойнаго Калачова, всегда опиравшагося во всѣхъ своихъ выводахъ и положеніяхъ объ историческомъ прошломъ нашего общественно-государственнаго строя на строго обслѣдованные факты. Въ своей статьѣ *О волостныхъ и сельскихъ судахъ въ древней и нынѣшней Россіи* [1]) онъ говоритъ, что «съ древнѣйшихъ, незапамятныхъ временъ... народный судъ и исполнители его—*народные выборные*... и самые судебные разборы и рѣшенія не только проявлялись случайно и самоуправно, *не только терпѣлись правительствомъ*, но имѣютъ *значеніе никогда не сходившихъ со сцены народныхъ* представителей; болѣе: *земскіе судейки* древней Руси, носившіе оффиціально такое названіе, были *настоящіе народные дѣятели, направлявшіе народную жизнь, регулировавшіе ея проявленія* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствительно отвѣчавшіе передъ правительствомъ за проступки подвластныхъ имъ членовъ общинъ» [2]).

Подъ благословеніемъ такого авторитета обратимся къ самымъ фактамъ.

Необходимыхъ намъ фактовъ, отъ времени, начиная съ XV столѣтія и кончая нашимъ XIX вѣкомъ, слишкомъ достаточно, по нашему разумѣнію, чтобы разрѣшить поставленную нами себѣ задачу по отношенію къ только что указанному періоду времени. Но намъ нужно доказать выставленное Шульте и нами признанное положеніе по отношенію къ древнѣйшему періоду нашей исторіи, по отношенію къ тѣмъ «незапамятнымъ» временамъ, относительно которыхъ принимаетъ несомнѣнно это положеніе и Калачовъ, хотя и не приводитъ фактовъ.

Эти факты есть, но они не отличаются необходимою полнотой, а, быть можетъ, и количествомъ, такъ что требуютъ тщательныхъ разъясненій, сопоставленій ихъ между собою и съ такого же рода фактами, дошедшими до насъ изъ далекаго прошлаго намъ родственныхъ западныхъ славянъ, а въ виду господствующаго взгляда о сходствѣ явленій общественнаго строя у различныхъ народовъ на одинаковой степени ихъ развитія, и съ такими же фактами народной жизни древнихъ германцевъ временъ Цезаря и Тацита.

Ставъ на сторону тѣхъ нашихъ ученыхъ изслѣдователей древней исторіи вообще и исторіи древняго права въ частности, которые общественный строй древней исторической Руси признаютъ не родовымъ, а общинно-территоріальнымъ, мы приведемъ одинъ-два факта съ цѣлью указать на внутреннюю организацію этого строя въ до-княжескій періодъ времени; намъ это нужно потому, что организація, *сложившаяся* въ этотъ періодъ, долгое время существовала и при князьяхъ почти неприкосновенно, а въ томъ или другомъ измѣненномъ видѣ проходитъ и черезъ всю нашу исторію.

Извѣстно, что византійскіе писатели *шестаго* вѣка нашей эры, упоминая о нѣкоторыхъ народцахъ славянскаго племени, констатируютъ фактъ, что у

---

[1]) *Сборникъ госуд. знаній*, т. VIII.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 130.

нихъ *издревле* «не повинуются одному... а живутъ при *народномъ* правленіи», что у нихъ *нѣтъ правительства*, хотя и *много царьковъ*. То же самое почти говоритъ о славянахъ и нѣмецкій, напр., лѣтописецъ XI вѣка Титмаръ Мерзебургскій; по его словамъ, у славянскаго народа лютичей нѣтъ никакого особеннаго властителя. Что же это за состояніе народа? Полная анархія? Изъ словъ византійца, пожалуй, это и можно заключить, особенно если имѣть въ виду свидѣтельство нашего лѣтописца о состояніи «славянъ» передъ появленіемъ князей Рюриковичей. Но дѣло въ томъ, что византіецъ смотрѣлъ на вещи, исходя изъ византійскихъ порядковъ своего времени: нѣтъ царя, нѣтъ правительственнаго организма въ смыслѣ совокупности различнаго рода органовъ и учрежденій, подчиненныхъ единоличной верховной власти, — значитъ, нѣтъ правительства, нѣтъ управленія. «Царьковъ» онъ не признаетъ верховною властью, каковой они, несомнѣнно, въ его время и не пользовались. Другой византіецъ, однако, говоритъ о *народномъ правленіи*, но, все-таки, не признаетъ его за правительство, и не признаетъ потому, что народъ не повинуется одному. А, между тѣмъ, это-то народное правленіе и было тѣмъ, что они называютъ правительствомъ и что таковымъ, противуполагая его «властителю», признаетъ нѣмецкій лѣтописецъ XI вѣка.

У одного изъ тѣхъ же византійскихъ писателей указывается и *форма* народнаго правленія; это *сходка*, въ которой участвовали всѣ члены общины и рѣшали дѣло единогласіемъ [1]). На такія сходки у балтійскихъ славянъ указываетъ и біографъ извѣстнаго проповѣдника христіанства среди этихъ славянъ Оттона Бамбергскаго [2]), который говоритъ, что у одного изъ народовъ этого племени вопросъ о принятіи христіанства рѣшенъ былъ на такомъ сходѣ, который собирался черезъ каждыя двѣ недѣли.

Еще Мацеёвскій въ своей *Historya prawodawstw słowianskich*, указавъ на свидѣтельство Цезаря о томъ, что свевы обыкновенно, по обычаю, въ его время собирались на *общественныя* совѣщанія, говоритъ, что то же самое имѣло мѣсто и у славянъ [3]). Гильфердингъ точно также указываетъ на сходство славянскаго строя съ таковымъ «древнихъ германцевъ, какъ ихъ описываетъ Тацитъ» [4]). Нашъ лѣтописецъ, хотя и не въ столь ясной формѣ, указываетъ на такой же строй у славянъ, населявшихъ нынѣшнюю Европейскую Россію. Припомнимъ, прежде всего, его сказаніе о призваніи Рюриковичей: онъ сообщаетъ, что, по изгнаніи варяговъ за море, славяне (Чудь, Меря и Весь) *почаша сами въ собѣ володѣти*, т.-е. стали *сами собой управляться;* но они такъ управлялись несомнѣнно и до нашествія варяговъ-завоевателей изъ-за моря, т.-е. управлялись, подобно балтійскимъ и другимъ западнымъ славянамъ, *народными сходками;* на такихъ сходкахъ рѣшенъ былъ, по свидѣтельству того же лѣтописца, и вопросъ о призваніи князей: и рѣша *сами въ собѣ*, — говоритъ лѣтописецъ, — поищемъ собѣ князя» [5]). Еще раньше о полянахъ

[1]) *Гильфердингъ:* „Исторія балтійскихъ славянъ“, стр. 69, пр. 250, въ которомъ цитата изъ *Прокопія*.
[2]) *Котляревскій:* „Право балтійскихъ славянъ“, стр. 85.
[3]) Назв. соч., т. I, стр. 446.
[4]) Назв. соч., стр. 70.
[5]) *Лавр. лѣт.*, изд. арх. ком., стр. 18.

лѣтописецъ разсказываетъ, что они до князей «живяху каждо съ *родомъ* (семьей) своимъ... володѣюще родомъ своимъ» [1]); а сообщая о томъ, какъ хозары напали на полянъ и потребовали отъ нихъ даней, онъ говоритъ, что эти послѣдніе «*сдумавше*, вдаша отъ дыма мечь» [2]).

Такихъ указаній на народныя собранія до князей Рюриковичей, правда, мы встрѣчаемъ у лѣтописца, кромѣ уже приведенныхъ, очень немного [3]). Но и приведеннаго достаточно, чтобы, сопоставляя его съ параллельными явленіями у другихъ славянъ и у германцевъ, признать существованіе «собраній», какъ формы, въ которую выливалась до князей верховная власть.

Общность этого явленія для древней Руси, — Руси до-княжеской, несомнѣнно подтверждается еще и тѣмъ, что, по призваніи князей и ихъ размноженіи, вѣчевой строй еще долго существуетъ повсюду въ древней Руси, а въ Новгородѣ и Псковѣ, какъ извѣстно, и до конца XV, даже до начала XVI столѣтія [4]).

Всѣ факты, до сихъ поръ нами приведенные, говорятъ, очевидно, о народныхъ собраніяхъ или вѣчахъ характера, говоря нашимъ языкомъ, *политическаго*; это были собранія, представлявшія собой олицетвореніе народной *верховной власти;* эта власть позже создала князя, короля, съ которыми подѣлилась своимъ значеніемъ.

А насъ интересуетъ другая сторона дѣла: отправленіе этою властью функціи внутренняго управленія.

Пока общины были не велики, пока не сложились общины втораго порядка, общины сложныя, во главѣ которыхъ стояли города, до тѣхъ поръ сходка общины была какъ политическимъ, такъ и административно-судебнымъ органомъ. Когда же подъ вліяніемъ различныхъ условій вродѣ, напр., военныхъ столкновеній и развитія городской жизни получились общины болѣе сложныя, то власть верховная перешла въ руки или особаго собранія всѣхъ общинъ, или въ руки собранія одной, подчинившей себѣ другія—городской. «Городъ-вѣче»— здѣсь верховная власть обще-законодательная, судебная, военная. Все внутреннее управленіе каждой отдѣльной общины остается въ ея рукахъ, въ рукахъ ея *схода*.

На берегахъ Адріатическаго моря, въ теперешней Далмаціи, издавна существовало странное государство, которое изслѣдователи называютъ «свободною общиной». Эта община долго жила по изстариннымъ обычаямъ и уставамъ «замѣчательной древности», какъ выражается изслѣдователь одного изъ такихъ уставовъ ея, проф. Леонтовичъ [5]); а эти «обычаи и уставы», а, стало быть, и весь строй общины-государства, покоились, по выраженію того же изслѣдователя, «на самыхъ широкихъ началахъ народоправства». По ея «уставамъ и обычаямъ», дойди они до насъ, мы можемъ ознакомиться съ древнѣйшимъ славянскимъ какъ политическимъ, такъ и административнымъ строемъ вообще, если начала этого строя найдутъ себѣ подтвержденіе въ историческихъ фактахъ дру-

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 9.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 16.
[3]) *Сергѣевичъ*: „Вѣче и князь", стр. 1 и 2.
[4]) Доказательства въ изобиліи приведены въ цитированномъ сочиненіи проф. Сергѣевича, стр. 1—22, а также въ его *Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ*, стр. 204—214.
[5]) *Древнее хорвато-далматское законодательство*, II, стр. 62.

гихъ славянскихъ народовъ, а въ томъ числѣ и русскихъ славянъ, нашихъ предковъ.

На наше счастье, изъ прошлаго Полицкой общины, — такъ называется указанная нами община, — дошелъ отъ конца XV столѣтія сборникъ обычныхъ и законодательныхъ постановленій: *Статутъ:* «овои *полица купно* и *договорно* учинише и узаконише», т.-е. который община установила въ общемъ собраніи. Статутъ — современникъ нашей *Псковской судной грамотѣ*, также составленной изъ княжихъ грамотъ «и изъ всѣхъ *приписковъ* псковскихъ *пошлинъ*... всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ». Прибавимъ къ этому, что въ содержаніи полицкаго статута видятъ много сходства съ содержаніемъ нашей древнѣйшей *Русской Правды* [1]).

Статутъ знакомитъ насъ именно съ состояніемъ «внутренняго быта славянской общины (волости)», жупы, какъ она называлась у полицкихъ славянъ, и, притомъ, общины сельской, а не городской, такъ какъ послѣдняя, благодаря особымъ условіямъ исторической жизни и географическаго положенія Полицы, не развилась въ ней почти вовсе [2]).

Въ немъ знакомимся мы съ организаціей союза нѣсколькихъ отдѣльныхъ сельскихъ общинъ, «жупой», и каждой изъ нихъ въ частности.

Жупа полицкая, какъ государство, состояло изъ отдѣльныхъ общинъ, во главѣ каждой изъ которыхъ стоятъ общинныя собранія — *вѣча* (зборь, виче) и единоличные выборные органы — *старшины*. Въ лицѣ этихъ своихъ органовъ община пользовалась полною автономіей, какъ судебною, такъ административною и даже законодательною, по отношенію къ собственнымъ интересамъ, въ смыслѣ общихъ интересовъ всѣхъ членовъ, ее составляющихъ [3]).

Дѣла, касающіяся всѣхъ общинъ въ ихъ совокупности, т.-е. всего государства, въ Полицѣ вѣдались такъ называемымъ *большимъ вѣчемъ*, составлявшимся изъ всего свободнаго населенія — *всихъ поличанъ* [4]).

До появленія князя власть верховная безраздѣльно принадлежитъ этому большому вѣчу, при которомъ организовалась и народная администрація, такъ называемая «господа» и «поглавица». Эта послѣдняя состояла, во-первыхъ, изъ *совѣта* или «малаго вѣча» — совокупности выборныхъ отъ отдѣльныхъ общинъ, *главарей* [5]). Въ этомъ совѣтѣ сосредоточивалось все полицкое управленіе. Во главѣ совѣта стоялъ выборный «жупанъ», который избирался народомъ же и главное назначеніе котораго «походити три крать по Полици, правде питаючи (чинечи) по законихъ поличкихъ», т.-е. объѣзжать три раза, вѣроятно, въ годъ Полицу и «править» по закону полицкому. Онъ дѣлалъ объѣздъ съ цѣлымъ дворомъ и со своими судьями и судилъ въ общинахъ такія дѣла, по которымъ, очевидно, не могли дать судъ собственные общинные органы; онъ рѣшалъ, разумѣется, столкновенія между отдѣльными общинами. Дѣла разби-

---

1) *Леонтовичъ*, назв. соч., стр. 65 и 62.

2) Статутъ запрещаетъ учрежденіе „градовъ", какъ „новщину, чаби проти опчини", т.-е. какъ новизну, которая грозитъ интересамъ общины-государства. *Тамъ-же*, стр. 68.

3) *Тамъ-же*, стр. 70 и 82.

4) *Тамъ-же*, стр. 77.

5) *Тамъ-же*, стр. 76—78 и 82.

рались имъ на *общинныхъ сходкахъ*. Судьи, съ которыми онъ разъѣзжалъ, были выборные же [1]).

Все остальное въ отдѣльныхъ общинахъ, какъ было уже сказано, вѣдается самыми этими общинами, старшины которыхъ въ предѣлахъ каждой изъ нихъ соотвѣтствуютъ по своему значенію обще-полицкому *жупану* или старшинѣ [2]).

Въ общемъ подобнаго рода устройство встрѣчаемъ мы и у всѣхъ славянъ западныхъ въ до-княжескій періодъ.

Такъ, Гильфердингъ говоритъ, что «все *общественное* управленіе у балтійскихъ славянъ существовало въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы находимъ его въ древнѣйшую эпоху славянской жизни (вообще), предшествовавшую образованію государствъ»; они распадались на «отдѣльные союзы деревень — жупы, составлявшія каждая отдѣльное общество» [3]). Но здѣсь уже во главѣ каждаго такого «общества» — *городъ*, укрѣпленное мѣсто, съ которымъ отдѣльныя мелкія общины составляли одно цѣлое, олицетворяясь въ немъ, какъ у насъ волость, земля олицетворялась въ городѣ, стоявшемъ во главѣ ихъ. И здѣсь общій совѣтъ — вѣче — во главѣ всѣхъ отдѣльныхъ общинъ въ городѣ. А каждая отдѣльная община вѣдалась сама, «рѣшая дѣла на сходкѣ народа» [4]).

Такого же рода общественный строй имѣлъ мѣсто и у насъ въ древней Руси въ до-княжескій періодъ. Указанія на существованіе народныхъ сходокъ въ смыслѣ политическомъ, представлявшихъ собою верховную власть вродѣ вѣча Полицы и балтійскихъ славянъ, мы уже привели. Что касается сходокъ общинныхъ въ смыслѣ автономныхъ общинъ, входившихъ въ составъ общинъ-государствъ или земель, то и на нихъ мы имѣемъ, хотя и очень неполныя, указанія, и имѣемъ ихъ, главнымъ образомъ, по отношенію къ древнимъ Новгороду и Пскову.

Общинно-государственный бытъ и у насъ, несомнѣнно, въ общихъ чертахъ слагался тѣмъ же путемъ, что и у западныхъ славянъ [5]).

Пришедшіе съ запада въ нынѣшнюю Европейскую Россію славяне «селились» на новыхъ мѣстахъ, въ разброску, одинокими, другъ отъ друга удаленными дворами, среди которыхъ съ теченіемъ времени, «подъ вліяніемъ промысла и торга», развились особые центры, изъ которыхъ постепенно слагались *города* [6]); къ этимъ послѣднимъ окружающіе ихъ поселки «тянули» сначала въ силу экономическихъ связей, а позже и политическихъ. Эти поселки, въ ихъ совокупности, составляли *волость*, землю, во главѣ которой стоялъ городъ. Древнѣйшее свидѣтельство о такомъ строѣ — показанія лѣтописца о «деревьской землѣ» (древлянской), въ которой «лучшіе мужи», избранники народа, «иже держаху деревьску землю». Очевидно, эти мужи стояли во главѣ отдѣль-

---

[1]) Во все время пребыванія въ общинѣ жупанъ получалъ отъ послѣдней содержаніе натурой — по 30 овецъ на каждый пріѣздъ. Кстати замѣтимъ, что старшина общины, выбранный въ жупаны, оставался, попрежнему, старшиной своей общины. *Тамъ-же*, стр. 83.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 88.

[3]) *Исторія балт. славянъ*, стр. 100—101 и слѣд., на которыхъ масса фактовъ.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 120 и 122.

[5]) Не забудемъ, что славяне, населившіе древнюю Русь, пришли съ Дуная въ VII—VIII столѣтіяхъ.

[6]) *Ключевскій*: „Боярская дума древней Руси“, изд. 2, стр. 23.

ныхъ общинъ, избиравшихъ ихъ, были ихъ старѣйшинами и, быть можетъ, подобно совѣту Полицы, правили какъ отдѣльными общинами, такъ и всею землей [1]). Такихъ городовъ-волостей лѣтописецъ констатируетъ нѣсколько [2]); очевидно, каждый изъ нихъ стоитъ во главѣ «своей земли». Что землею управляли, въ качествѣ верховной власти, не старѣйшины, а народное собраніе—вѣче, видно изъ словъ лѣтописца, свидѣтельствующаго, что при нападеніи Игоря «*древляне, сдумавше* со княземъ своимъ Маломъ», т.-е. обсудивши дѣло на собраніи вмѣстѣ съ княземъ, рѣшили убить Игоря [3]). «Грады», разумѣется, вѣдали всею землей въ лицѣ своихъ собраній и князей; но составлявшія землю отдѣльныя общины, въ которыя разраслись или соединились отдѣльные первоначальные поселки на подобіе полицкихъ селъ, составляли самостоятельныя единицы въ отношеніи къ своему внутреннему управленію.

Основаніемъ послѣднему выводу въ значительной степени можетъ служить строй Новгорода и Пскова, какъ городовъ-государствъ, сохранившихъ древній общинно-вѣчевой строй до самаго почти ихъ паденія.

Къ нимъ мы и обратимся.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на политическомъ строѣ этихъ городовъ; скажемъ нѣсколько словъ лишь о мѣстномъ управленіи.

Новгородъ, какъ государство, въ историческое время представляетъ собою уже нѣчто болѣе сложное, чѣмъ городъ, стоящій во главѣ земли, волости, какъ совокупности сельскихъ общинъ; ему подвластно долгое время еще нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ и самъ Псковъ. Онъ объединялъ нѣсколько когда-то независимыхъ волостей съ городами во главѣ. Эти области, потерявъ политическую самостоятельность, остались, однако, подъ властью господина Великаго Новгорода, его всенароднаго схода — вѣча, вполнѣ автономными по отношенію къ своимъ внутреннимъ дѣламъ [4]). Эти дѣла завѣдываются пригородами черезъ посредство своихъ собраній и своихъ особыхъ выборныхъ. Проф. Сергѣевичъ по этому предмету прямо высказываетъ слѣдующее положеніе: «порядки пригороднаго вѣча и предметы его вѣдомства ничѣмъ не отличаются отъ порядковъ и предмета вѣдомства главнаго города» [5]). Но всѣ постановленія пригороднаго вѣча нуждаются «въ согласіи городскаго вѣча». Таковы же отношенія городскихъ вѣчъ вообще къ вѣчамъ сельскимъ, волостнымъ.

Самъ Новгородъ, какъ *городъ*, какъ автономная единица, по отношенію къ внутреннему управленію распадался на отдѣльныя общины — концы, улицы съ ихъ кончанскими и уличанскими (вѣчами) сходками, съ ихъ выборными, которые

---

[1]) *Лавр. лѣт.*, изд. арх. ком., стр. 54, 55, 58.

[2]) При нападеніи Ольги на „Деревену землю", „деревляне побѣгоша и затворишася *въ градѣхъ своихъ*". Осаждая одинъ изъ этихъ городовъ, Искоростень, Ольга предлагала его жителямъ сдаться, указывая на то, что другіе „*грады* предашася" ей „и дѣлаютъ нивы своя и земли своя".

[3]) *Тамъ-же*, стр. 53.

[4]) Мы готовы принять и теорію проф. Сергѣевича по вопросу объ образованіи пригородовъ; онъ предполагаетъ, кромѣ завоеванія, еще и выселенія изъ старыхъ городовъ, которыя вели къ образованію новыхъ пригородовъ. Результатъ съ нашей точки зрѣнія получался одинъ и тотъ-же. *Вѣче и князь*, стр. 28—29.

[5]) *Лекціи и изслѣд.*, стр. 242.

называются *кончанскими* и *уличанскими старостами*, *сотскими* [1]). Съ такими же старостами встрѣчаемся мы и во Псковѣ.

Никитскій въ своей *Исторіи Пскова* утверждаетъ, что старосты и сотскіе псковскіе вѣдали всю «домашнюю кончанскую дѣятельность» [2]), а о новгородскихъ выборныхъ этого названія Костомаровъ говоритъ, что они «по общему вездѣ русскимъ понятію были хозяйственными начальниками» [3]).

Общины городскія, какъ мы видѣли, болѣе поздняго образованія; онѣ сложились или организовались по образцу исконныхъ сельскихъ общинъ съ ихъ сходками и выборными, которыя не исчезли и войдя въ составъ городовъ-государствъ.

Въ первыхъ годахъ одиннадцатаго вѣка мы встрѣчаемъ у лѣтописца указанія на *сельскихъ* старостъ [4]) въ Новгородской области; мы встрѣчаемъ ихъ тамъ и гораздо позже. Но они также исконны, какъ и городскіе, а, въ сущности, несомнѣнно, какъ мы уже замѣтили, и древнѣе послѣднихъ, а если о нихъ упоминается позже, то просто потому, это замѣтимъ разъ навсегда, что менѣе городскихъ попадали на глаза лѣтописцу: невидная сельская общинная жизнь съ ея мѣстными интересами никоимъ образомъ не могла обратить на себя вниманія лѣтописца, занятаго только явленіями, почему-либо выдающимися, и явленіями политической жизни [5]). На каждомъ шагу въ нашихъ памятникахъ, касающихся жизни Новгорода и Пскова, мы встрѣчаемся и съ такими выборными должностями, какъ *сотскіе*, *десятскіе*, и опять-таки какъ въ качествѣ выборныхъ органовъ *городскихъ общинъ*, такъ и *сельскихъ* [6]).

Общее мнѣніе нашихъ изслѣдователей, останавливавшихся на данномъ предметѣ, по вопросу о значеніи указанныхъ выборныхъ должностныхъ лицъ то, что они вѣдали всю хозяйственную и полицейскую дѣятельность, развивавшуюся въ то время среди общинъ.

Но этимъ ихъ значеніе не исчерпывалось: они несомнѣнно были и органами суда, который принадлежалъ въ древнее время, какъ мы видѣли то у западныхъ славянъ, именно самой общинѣ по отношенію къ отдѣльнымъ ея членамъ. А если принять во вниманіе, что на той степени развитія общественно-культурной жизни, съ которою мы имѣемъ дѣло, «судъ и расправа» были, если не единственною, то главною стороной этой жизни, то придется признать, что эта-то сторона и составляла едва ли не исключительное содержаніе дѣятельности общинныхъ сходокъ и ихъ выборныхъ органовъ.

Прежде чѣмъ обратимся къ функціямъ общиннаго самоуправленія, приве-

---

[1]) *Костомаровъ:* „Сѣверно-рус. народопр.“, т. II, стр. 53 и 51. См. уставъ вел. кн. Всеволода о церк. судахъ отъ 1125—1126 г: „князь совѣтуется съ *сотскими* новгородскими и *старостами*“. *Христ. Вл.-Буданова*, вып. I, стр. 227.

[2]) Стр. 159.

[3]) Назв. соч., стр. 53.

[4]) Подъ 1016 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о наградѣ, сдѣланной Ярославомъ новгородскимъ „воямъ“ — *смердамъ* (сельское населеніе) и *старостамъ*. *Костомаровъ*, назв. соч., т. II, 52.

[5]) А городскіе старосты, особенно въ Новгородѣ, въ политической жизни участвовали, какъ это мы видѣли, напр., изъ цитаты грамоты кн. Всеволода отъ XII в.

[6]) *Тамъ-же* и *Никитскій*, назв. сочин.; старосты *волостные* и *губскіе*.

демъ нѣсколько указаній на существованіе выборныхъ органовъ и въ другихъ волостяхъ древней Руси, кромѣ Новгорода и Пскова.

О старостахъ «градскихъ» или старѣйшинахъ городскихъ мы имѣемъ свидѣтельство лѣтописца по отношенію къ Кіеву отъ X столѣтія: они засѣдаютъ съ княземъ Владиміромъ въ его княжемъ совѣтѣ [1]). Это несомнѣнно нѣчто совершенно соотвѣтствующее кончанскимъ и уличанскимъ старостамъ Новгорода.

Правда, этого рода выборные городскихъ общинъ позже XI столѣтія уже не упоминаются какъ участники въ княжескихъ совѣтахъ, гдѣ остались одни дружинники и духовные [2]); но это не значитъ, что они перестали существовать въ качествѣ выборныхъ органовъ общинъ, вѣдающихъ интересы этихъ послѣднихъ только: они потеряли лишь политическое значеніе, которое оставалось, однако, у однородныхъ имъ представителей общинной власти городовъ Новгорода и Пскова [3]). Что касается того же рода органовъ въ сельскихъ общинахъ, то съ упоминаніемъ ихъ, въ различныхъ памятникахъ древней Руси, различныхъ волостей ея мы встрѣчаемся слишкомъ часто, чтобы усомниться въ ихъ существованіи [4]).

Всѣ эти органы избирались общинами какъ «гражданскими», такъ и сельскими на ихъ сходахъ, организованныхъ на тѣхъ самыхъ началахъ, на какихъ они организованы въ лицѣ крестьянскаго «міра» и до нашихъ дней. Какъ назывались эти сходы, можно лишь догадываться. Городскіе, вѣроятно, вѣчами же, какъ и «вѣче-Новгородъ»; относительно сельскихъ мы имѣемъ основанія на возможность названія ихъ «міромъ», такъ какъ еще въ древнѣйшемъ спискѣ нашего древнѣйшаго юридическаго памятника—*Русской Правды* употребляется выраженіе *свой міръ*, въ смыслѣ своей общины [5]).

Разумѣется, всѣ свои функціи эти выборныя должностныя лица вѣдали въ присутствіи «міра», его сходовъ, подъ ихъ наблюденіемъ и, вѣроятно, подъ условіемъ «отвѣтственности передъ ними» [6]).

Мы видѣли уже, что вѣдали древнія общины западныхъ славянъ на своихъ сходкахъ и черезъ выборныхъ органовъ до появленія и усиленія княжеской власти; вскользь замѣчено было кое-что и о функціяхъ выборныхъ нашей древней общины. Теперь мы остановимся на дѣятельности послѣдней и ея органахъ по отношенію къ ихъ функціямъ поподробнѣе.

---

[1]) Подъ 983 г. лѣтописецъ разсказываетъ, что Владиміръ, послѣ побѣды надъ ятвягами, вопросъ о жертвѣ богамъ рѣшилъ съ своими боярами и *старцами*, которыхъ подъ 987 г. онъ прямо называетъ *градьскими;* наконецъ, подъ 996 годомъ онъ называетъ „старцевъ" *старѣйшинами градовъ. Лавр. лѣт.*, изд. арх. ком., стр. 80, 104 и 122, и *Соф. Врем.*, I, 57, 76, 91; въ третьемъ, послѣднемъ мѣстѣ *Соф. Врем.*, вмѣсто „старѣйшинъ", пишетъ *сотскіе и десятскіе.*

[2]) *Ключевскій*, назв. соч., стр. 32—40.

[3]) Въ Новгородѣ, мы уже видѣли, старосты участвуютъ въ совѣтѣ князя и въ XII стол., а также и въ Псковѣ они участвуютъ все время въ вѣчевыхъ совѣтахъ, посольствахъ.

[4]) Въ особенности часто встрѣчаются они въ такъ называемыхъ *уставныхъ грамотахъ*, которыми именно опредѣлялась организація мѣстнаго управленія. См. *Загоскинъ:* „Уставныя грамоты", вып. II, стр. 128, подъ словомъ *старосты*, стр. 127 — „сотскій" и 104 — „десятскій". Напомнимъ, что всѣ эти выборныя должности съ тѣми же самыми названіями встрѣчаются и у западныхъ славянъ.

[5]) Акад. списокъ, стр. 12: „познаетъ (кто краденую у него вещь) въ *своемъ миру*... то"...

[6]) Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло стояло, напр., въ полицкихъ общинахъ. *Леонтовичъ*, назв. соч., ст. 88.

Было уже упомянуто, что главною функціей древне-общинныхъ сходокъ и единоличныхъ органовъ были «судъ и расправа» въ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Къ этому заключенію мы приходимъ какъ на основаніи опять-таки того же сходства нашихъ общинъ съ древне-славянскими западными, такъ и на основаніи слѣдующихъ данныхъ, дошедшихъ до насъ изъ нашего далекаго прошлаго.

У насъ имѣются, кромѣ кое-какихъ указаній, разбросанныхъ по различнымъ памятникамъ сравнительно уже довольно поздняго времени перваго періода нашей исторіи (до XVI ст.), показанія такого древняго памятника, какъ уже упомянутая *Русская Правда*. Въ этомъ памятникѣ мы находимъ слѣды древнѣйшей дѣятельности общины — судебной въ особенности, отчасти и хозяйственно-административной.

Въ высшей степени сжато и кратко въ нѣкоторыхъ статьяхъ этого памятника древнѣйшей редакціи (XI в.) говорится о разрѣшеніи, напр., споровъ по долговымъ обязательствамъ «*на изводъ* предъ 12 человѣка»; о возвращеніи украденной вещи ея «хозяину въ своемъ міру»; объ отысканіи вора хозяиномъ вещи и ея пріобрѣтателемъ посредствомъ «свода» среди общины [1]); о томъ, что уголовную пеню за убійство, при извѣстныхъ условіяхъ, платила община (вервь) [2]). Съ тѣмъ же самымъ, хотя и не въ особенно болѣе подробномъ видѣ, встрѣчаемся мы и въ спискахъ *Правды* болѣе позднихъ — XIII ст. На основаніи всѣхъ этихъ постановленій *Правды*, въ сжатой формѣ и, притомъ, въ видѣ образныхъ примѣровъ, какъ это дѣлаетъ и сама *Правда*, мы постараемся дать очеркъ дѣятельности общинъ въ области суда и расправы [3]).

Теряетъ членъ общины, — городской или сельской, — въ своей общинѣ, «своемъ міру», «своемъ градѣ» скотину, раба, какую-нибудь вещь, или у него крадутъ ихъ; онъ, прежде всего, объявляетъ объ этомъ, если хочетъ обезпечить себѣ средство возвратить утраченное, всему своему «міру» путемъ простаго заявленія о случившемся *на торгу* [4]), а дальше самъ ищетъ въ этомъ міру утраченное и, если находитъ его у кого-нибудь по истеченіи трехъ дней послѣ объявленія (заклички), можетъ просто взять свое; судъ ограничивался лишь взиманіемъ назначенной въ пользу общественной власти пени [5]); въ томъ же случаѣ, когда утраченное отыскано у кого-либо еще до заклички или до истеченія трехъ дней послѣ нея, или, наконецъ, не въ «своемъ міру» или «градѣ», а въ чужихъ, то въ такомъ случаѣ дѣло не кончалось отобраніемъ найденнаго: потерпѣвшій долженъ былъ съ человѣкомъ, у котораго нашелъ свое, идти *на сводъ;* послѣдній долженъ указать, гдѣ онъ взялъ находящуюся у него вещь; если онъ купилъ ее и указывалъ на продавца, послѣдній долженъ объяснить, гдѣ онъ, въ свою очередь, взялъ проданное имъ; если окажется, что и онъ

[1]) Акад. спис., ст. 14, 12, 13 и 15.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 19 и 18.

[3]) Мы категорически говоримъ объ *общинной* дѣятельности потому, что считаемъ излишнимъ здѣсь останавливаться на опредѣленіи понятій „міръ“, „вервь“, прямо принимая общепринятое многими изслѣдователями мнѣніе, что всѣ тѣ явленія, на которыхъ мы останавливаемся въ текстѣ, — явленія общиннаго, автономнаго строя.

[4]) Карамз. спис. „Рус. Пр.“, ст. 29 и 27.

[5]) Пени этого рода первоначально, до появленія княжеской власти, судя по постановленіямъ полицкаго статута, уплачивались общинѣ, а впослѣдствіи князю.

самъ купилъ, то долженъ *вести* къ тому, у кого купилъ; такимъ образомъ идутъ по *своей* общинѣ до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до человѣка, который не съумѣетъ объяснить, откуда онъ добылъ проданное имъ: онъ «будетъ виноватъ; на него татьба (кража) снидетъ», потерпѣвшій все свое получаетъ, а воръ подвергается пенѣ [1]); но можетъ случиться, что въ своей общинѣ, своемъ міру, воръ не отыщется; украденное, очевидно, перешло въ чужую общину и уже оттуда продано было въ общину потерпѣвшаго; тогда послѣдній продолжаетъ «сводъ» въ этой общинѣ, но только до третьяго лица, т.-е. истецъ, если по первой, второй и третьей ссылкѣ воръ не нашелся, дальше самъ не идетъ; онъ получаетъ съ этого третьяго стоимость украденнаго, а сводъ ведетъ «до конца» уже этотъ третій [2]).

Мы видимъ, что длинная процедура отысканія вора вся ведется исключительно сторонами на глазахъ цѣлой общины, которая принимаетъ дѣятельное участіе въ процедурѣ.

Но въ указанной процедурѣ правильное теченіе ея могло оборваться: кто-либо изъ пріобрѣтателей вещи, не желая впутываться въ дѣло, могъ прямо заявить, что онъ вещи, къ нему предъявляемой, никогда у себя въ рукахъ не имѣлъ, а, стало быть, и не могъ никому ее продать; въ такомъ случаѣ дѣло рѣшали члены общины, бывшіе при сдѣлкѣ, своимъ свидѣтельствомъ; если же онъ не отрицаетъ факта покупки, но утверждаетъ, что купилъ у неизвѣстнаго ему лица, на котораго, стало быть, не можетъ и сослаться для продолженія свода, то долженъ, въ подтвержденіе этого, указать «двухъ мужей», опять-таки изъ сочленовъ общины, которые бы подтвердили его показаніе *своею присягой* [3]).

Ограничимся пока разсказаннымъ. Изъ него, какъ уже было замѣчено, видно лишь, что весь процессъ ведутъ стороны, вѣрнѣе, потерпѣвшій; мы не видимъ никакого вмѣшательства, повидимому, суда. Но это только повидимому: судъ, несомнѣнно, постановляетъ приговоръ о взысканіи пени, во-первыхъ, какъ уголовнаго штрафа за совершонное преступленіе; онъ же, во-вторыхъ, несомнѣнно, вмѣшивается въ дѣло въ тѣхъ, напр., случаяхъ, когда шла рѣчь о вознагражденіи потерпѣвшаго за порчу украденнаго у него во время перехода изъ рукъ въ руки [4]).

Но что же это былъ за судъ? Изъ кого онъ, какъ учрежденіе, состоялъ? Прямаго отвѣта на этотъ вопросъ, въ смыслѣ описанія судебныхъ учрежденій и органовъ, мы въ нашемъ памятникѣ не найдемъ, но можемъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія изъ косвенныхъ указаній его.

Такъ, мы видѣли, что первая стадія процесса — закличь — производится *на торгу;* на торгу же приносится присяга [5]). Уже отсюда несомнѣнно можно заключить, что и самое постановленіе суда дѣлалось здѣсь же на торгу, на

---

[1]) Карамз. спис., ст. 29 и 30, и акад., ст. 13.

[2]) Карамз. спис., ст. 32.

[3]) *Тамъ-же*, ст. 33. Дѣло тѣмъ и кончается, но если впослѣдствіи онъ встрѣтится съ тѣмъ, у кого купилъ, — взыскиваніемъ съ него уплаченной ему суммы, такъ какъ купленное-то имъ у него, все-таки, было отобрано.

[4]) *Тамъ-же*, ст. 32, 33 и др.

[5]) Несостоятельнаго должника ведутъ *на торгъ*, чтобъ „продати“ его. *Тамъ-же*, ст. 69.

площади. Въ подтвержденіе этого положенія можно привести свидѣтельства обычнаго права западныхъ славянъ и древняго литовско-русскаго права [1]).

Такъ, у чеховъ, напр., *торгъ*—trh—«былъ изстари мѣстомъ *общиннаго суда*» [2]). Тѣмъ же былъ онъ вплоть до XVI ст. въ Литвѣ, гдѣ отмѣненъ судъ *на торгу* лишь первымъ статутомъ—1529 года [3]).

Судъ составлялся или изъ всѣхъ членовъ общины, т.-е. имъ являлся общій «сходъ», сама община, или же нѣсколько ея выборныхъ. У насъ нѣтъ прямаго указанія на общинную сходку, какъ на судилище; но у насъ есть уже знакомое намъ постановленіе старѣйшей *Русской Правды* о томъ, что дѣло о долгахъ разбиралось «передъ 12 человѣка». Очевидно, остальныя всѣ разбирались всѣмъ сходомъ, а настоящее потребовало по какимъ-то особымъ условіямъ спеціальнаго суда. Эти двѣнадцать человѣкъ, надо думать, были выборными отъ общины, передъ которыми заключались самыя сдѣлки и которые разрѣшали возникавшіе по нимъ споры [4]). На такое значеніе этихъ 12 мужей есть указаніе и еще въ одномъ памятникѣ отъ конца XII вѣка [5]). Наконецъ, кажется, на этихъ же 12 человѣкъ указываютъ и договоры смоленскаго князя Мстислава съ нѣмцами отъ начала XIII столѣтія, 1229—1230 годовъ, когда они постановляютъ, что «тяжа» между смоленцами и нѣмцами можетъ быть разрѣшаема «добриими мужами» или «передъ добрыми людьми», и именно «тяжа» о долгахъ [6]).

Что на торгу собирались и сходки, на это есть указанія опять-таки въ сборникахъ и уставахъ западныхъ славянъ; на это указываютъ наши современныя крестьянскія сходки, собирающіяся лѣтомъ, часто на воздухѣ, у общественной избы, волостной или сельской, которыя всегда почти на площадяхъ, гдѣ и ярмарки; на это есть, наконецъ, указанія и въ нашихъ древнихъ памятникахъ [7]).

Что здѣсь, на сходахъ, и именно самими сходами производились первоначально судъ и расправа, видно изъ того, что по *Русской Правдѣ* многія дѣйствія суда производились на торгу, но не передъ 12 мужами, какъ, напр., различные виды суда Божія вродѣ испытанія желѣзомъ, водой или торжественной

---

1) *Литовскаго статута*, связи котораго съ *Рус. Правдой* и вообще древне-русскимъ правомъ уже давно у насъ прочно установлены. *Леонтовичъ:* „Рус. Пр." и „Литов. статутъ", стр. 1 и 2.

2) *Леонтовичъ:* „Рус. Правда" и „Литовскій статутъ", ст. 43. Тоже въ Полицѣ, гдѣ судъ отправлялъ „столь полички", подъ которымъ Леонтовичъ разумѣетъ торгъ. *Др. хорв.-далмат. законод.*, стр. 95.

3) *Временникъ Импер. моск. общ.*, кн. XVIII. *Лит. стат.*, разд. XII, ст. 11: запрещается „заповѣдати въ месте, на торгу" дѣла о долгахъ и предписывается „доходити *врадники* (урядниковъ) панскіе", которые „и маютъ справедливость чинити", т.-е. судить вмѣсто общиннаго суда на торгу.

4) *Владимірскій-Будановъ:* „Хрест. по исторіи рус. права», вып. I, прим. къ ст. 14 акад. списка.

5) *Мирная грамота новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г.*, ст. 10. *Тамъ-же*, стр. 95.

6) *Утинъ и Лазаревскій:* „Собр. важн. памятниковъ", стр. 31. Эти судьи напоминаютъ чешскихъ *поротцевъ* (porotci) — отъ „рота", присяга, которые были выборными отъ обѣихъ сторонъ и рѣшали дѣла по присягѣ. *Леонтовичъ:* „Литовск. статутъ" и „Рус. Пр.", стр. 43.

7) Есть, напр., указанія, что въ Новгородской землѣ сходы собирались на площадяхъ у церквей, гдѣ на зимнее время построены были общественныя избы, а на этихъ же площадяхъ — и торги. *Костомаровъ*, цитир. соч., стр. 74.

присяги; разумѣется, все это производилось среди всей общины, всѣхъ ихъ членовъ, на ихъ сходѣ [1]).

Да и какъ не признать такого непосредственнаго суда общинъ, когда еще по *Русской Правдѣ*, въ силу круговой поруки членовъ общины, на нее возлагалась уплата, при извѣстныхъ условіяхъ, уголовной пени князю за убійство, совершонное въ ея средѣ ея сочленомъ? [2]). Въ XI и XIII в. еще, стало быть, общинѣ предоставлялось самой расправляться съ своимъ преступникомъ по уплатѣ за него пени: на ея волѣ лежало выдать преступника князю или нѣтъ; и мы видимъ, что князьямъ выдавались лишь такіе преступники, отъ которыхъ община совсѣмъ отказывалась [3]) и которыхъ она обыкновенно, какъ это видно изъ обычнаго права западныхъ славянъ и *Литовскаго статута*, до появленія княжеской власти изгоняла изъ своей среды, предварительно разоряя его; такой изгнанный лишался всякаго покровительства законовъ [4]).

Въ періодъ господства мести община играетъ огромную роль въ вопросѣ урегулированія ея и въ особенности при замѣнѣ мести денежнымъ вознагражденіемъ. Это послѣднее опредѣлялось при содѣйствіи общиннаго суда. Такъ, наприм., у нашихъ кавказскихъ инородцевъ, по ихъ обычному праву, въ случаѣ согласія потерпѣвшаго на замѣну мести вознагражденіемъ, это послѣднее опредѣляется выборными отъ общинъ. Это имѣло мѣсто и у славянъ: въ Черногоріи, наприм., примиреніе, т.-е. замѣна мести денежнымъ или инымъ вознагражденіемъ, «совершается въ *общемъ собраніи* народа, въ присутствіи суда, составленнаго изъ двадцати четырехъ старѣйшинъ, избранныхъ по двѣнадцати каждою изъ сторонъ [5]). Въ различныхъ статутахъ западныхъ славянъ мы встрѣчаемся съ описаніемъ обрядовъ примиренія преступника съ родственниками убитаго; во всѣхъ нихъ община и ея выборные играютъ очень большую активную роль [6]).

Казалось бы, всего приведеннаго достаточно вполнѣ, чтобы установить положеніе, что и древне-русская община первоначально пользовалась по отношенію къ суду полною автономіей; но, ради бо́льшей убѣдительности, мы воспользуемся, въ заключеніе, еще однимъ историческимъ фактомъ или, вѣрнѣе,

---

[1]) Въ чешскомъ обычномъ правѣ прямо есть указанія что сходки спеціально собирались для объявленія какого-нибудь преступленія, для рѣшенія вопроса о вызовѣ кого-либо къ суду, для производства *свода* и т. п.; *Леонтовичъ:* „Рус Пр.“ и „Лит. стат.“, стр. 43, ссылка на *Ирѣчка.*

[2]) Ак. спис., ст. 18 и 19; карамз. спис., ст. 3 и 4.

[3]) Къ такимъ относились убійцы, совершавшіе свое преступленіе какъ разбойники, безъ всякаго повода со стороны убитаго, конокрады, поджигатели. Карамз. спис., ст. 5.

[4]) *Поличане* подвергали изгнанію (*изреценю, прогнаню*) всякихъ явныхъ злодѣевъ, какъ „ослуховъ“ обычаевъ своей общины. *Леонтовичъ:* „Полиц. стат.“, стр. 137. У балтійскихъ славянъ община отдавала своего члена на *потокъ* и разграбленіе — неисполнителя постановленій вѣчевыхъ. *Котляревскій:* „Сказ. объ Оттонѣ Бамбергскомъ“, стр. 121. По *Литовскому статуту* еще въ XVI ст. *злочинцы*, разбойники *явные*, подвергались *выволанью,* т.-е. изгнанію, причемъ „головщызна и шкода“ уплачивались „зъ имѣней его“. За такого „выволаньца“, изгнанника „битье (убійство) никто головщызны платити не будетъ повиненъ“. *Лит. статутъ* 1566 г., разд. XI, арт. 4. *Временникъ*, XXIII, стр. 152. Болѣе ранней редакціи статутъ яснѣе опредѣляетъ это наказаніе: „убійца маетъ *выволанъ* быти *изъ земли вонъ*“. *Тамъ-же*, кн. XVIII, стр. 57. Можетъ быть, на то же указываютъ въ Новогородѣ частыя разграбленія вѣчниковъ.

[5]) Эверсъ заимствовалъ у одного путешественника. Цитировано у *Шпилевскаго:* „Союзъ родствен. защиты“, стр. 88.

[6]) *Шпилевскій*, назв. соч., стр. 75 и сл.

цѣлымъ рядомъ ихъ. Факты эти нѣсколько иного рода, чѣмъ тѣ, на которые мы опирались до сихъ поръ.

Нѣкоторымъ изъ нашихъ изслѣдователей удалось въ различныхъ архивахъ, по преимуществу Западной Россіи, наткнуться на «нѣсколько судебныхъ дѣлъ, въ которыхъ изображаются народныя *собранія сельскихъ общинъ»* [1]), какъ суды, имѣвшіе мѣсто въ Западной Руси въ XVI, XVII и даже XVIII столѣтіяхъ, хотя въ послѣднемъ уже запрещенные закономъ [2]). Дѣла эти въ настоящее время разработаны и дали любопытные результаты по вопросу о судебной автономіи древнихъ русскихъ общинъ. Мы познакомимъ читателя съ этими результатами по извѣстному изслѣдованію профессора Иванишева: *О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-западной Россіи.*

Найденные акты представляютъ собою изложеніе всего хода судебнаго процесса по такимъ дѣламъ, какъ о кражахъ скота, меду изъ бортей, поджогахъ, убійствахъ и правѣ собственности. Судомъ, на которомъ всѣ эти дѣла разбираются, является *община,* такъ называемая *копа,* въ лицѣ ея схода — *копнаго суда;* потерпѣвшій [3]), «водлугъ обычая» (слѣдуя обычаю), собравши *копу все село*... опытъ (разспросъ) чинилъ *обычаемъ* копнымъ». Дѣло шло о покражѣ вола. Копа, произведя разслѣдованіе, нашла вора. Потерпѣвшій «просилъ *копы»,* чтобъ она присудила данное лицо къ уплатѣ ему за вола. «*Копа,* то слышачи... *всказали* уплатить за того вола... што давано... двѣ копе грошей и рокъ (срокъ) заплате положили за чотыры недели».

И такъ, *копа,* въ настоящемъ случаѣ — «все село», собравшееся на сходъ, по стародавнему обычаю, изслѣдуетъ все дѣло и постановляетъ приговоръ. Такую роль она играетъ во всѣхъ дѣлахъ, изслѣдованныхъ проф. Иванишевымъ [4]).

Остановимся на самомъ процессѣ общиннаго суда, его составѣ и древности.

«*Главная* цѣль соединенія селеній въ общины» состоитъ, — говоритъ изслѣдователь даннаго вопроса, — въ предупрежденіи преступленій, открытіи и преслѣдованіи преступниковъ, судѣ и наказаніи ихъ. Община отвѣчала за преступленія своихъ членовъ передъ правительствомъ; она ручалась, въ своихъ предѣлахъ, «за безопасность жизни и имущества какъ своихъ собственныхъ членовъ, такъ и пришельцевъ» [5]).

«Копа», — въ XVII ст. «громада», — собиралась на открытомъ мѣстѣ въ центрѣ общины — на «коповищѣ» или, по уголовнымъ дѣламъ, на мѣстѣ самаго совершенія преступленія [6]).

Въ случаѣ нарушенія правъ частнаго лица, оно разыскивало, какъ и по *Русской Правдѣ,* само своего обидчика, нарушителя своихъ правъ, «шкод-

---

[1]) *Иванишевъ:* „Собр. сочин.", стр. 231.

[2]) Такіе памятники найдены были покойнымъ кіевскимъ профессоромъ Иванишевымъ, проф. кіевскаго университета Антоновичемъ въ Юго-западномъ краѣ, по правую сторону Днѣпра, а Филаретомъ, митрополитомъ черниговскимъ, и г. Ефименко — по лѣвому берегу Днѣпра.

[3]) Дѣло отъ 1570 года. *Иванишевъ,* назван. соч. „Пол. собр. соч.", стр. 266 и сл.

[4]) А ихъ цѣлыхъ *двадцать,* и, притомъ, вписанныхъ въ такъ называемыя „градскія книги" на разстояніи почти цѣлаго столѣтія: отъ 1564 до 1622 года.

[5]) *Иванишевъ,* назв. соч., стр. 236—237.

[6]) *Тамъ-же,* стр. 241.

ника»; не найдя таковаго и подозрѣвая, что онъ находится среди членовъ общины, потерпѣвшій требовалъ созванія «копы», на которую помѣщики и должны были высылать своихъ крестьянъ.

На собраніи, которое, замѣтимъ кстати, въ XVI ст. называется еще вѣчемъ, истецъ излагаетъ свою жалобу, а вмѣстѣ и результаты своего предварительнаго розыска, и проситъ собравшихся изслѣдовать дѣло. Приступая къ разслѣдованію, копа обращалась, прежде всего, къ «чиненью или выслуханью опыта» — къ разспросу «сходатаевъ», т.-е. самихъ собравшихся; если кто-нибудь или проговаривался, или прямо говорилъ, что знаетъ преступника, онъ долженъ былъ назвать его, а если онъ отказывался указать разыскиваемаго, то копа приговаривала его къ вознагражденію истца, не лишая его права самому разыскивать преступника и впослѣдствіи предать его суду.

Если такой «опытъ» не достигалъ цѣли, тогда истецъ указывалъ на подозрѣваемое лицо самъ, представивъ при этомъ тѣ или иныя доказательства. Подозрѣваемый долженъ былъ «дать выводъ», т.-е. опровергнуть подозрѣніе, представивъ достаточныя для этого доказательства или выдержавъ пытку, если доказательства найдены были недостаточными и если истецъ подтверждалъ свое подозрѣніе присягою [1]).

Истецъ имѣлъ право, въ случаѣ неудачи «опыта», собирать копу до трехъ разъ черезъ каждые три дня; если и троекратный «опытъ» общинныхъ сходокъ ни къ чему не приводилъ, истецъ выбиралъ по нѣсколько «мужей» отъ каждаго изъ селеній, присутствовавшихъ на сходѣ, и заставлялъ ихъ на немъ принести присягу въ томъ, что имъ ничего неизвѣстно ни о преступленіи, ни о преступникѣ [2]).

Разъ весь такой длинный «опытъ» ни къ чему не приводилъ, обращались къ *знакамъ*, т.-е. ко всякаго рода *слѣдамъ*, оставленнымъ преступникомъ. Если истецъ нашелъ такіе слѣды, онъ звалъ всю копу «гнать слѣдъ» съ нимъ «до конца» по всѣмъ селеніямъ, составлявшимъ копу, къ которымъ слѣдъ приводилъ; каждое такое селеніе обязано было «отвести слѣдъ» отъ себя; если оно этого не дѣлало, *копа* ночевала на слѣду и на другой день постановляла приговоръ, по которому селеніе должно было удовлетворить истца и отыскивать, если желало, преступника уже само.

Если преступникъ тѣмъ или другимъ путемъ отыскивался, онъ *приговаривался къ наказанію самою же копой;* она постановляла приговоръ: «копное знайденье, усказанье» [3]). Разъ она судила за такія преступленія, какъ убійство и поджогъ, то, разумѣется, могла приговаривать и къ такимъ наказаніямъ, какъ «лишеніе живота», т.-е. къ смертной казни. Самый приговоръ приводился въ исполненіе общиной же; если преступника приговаривали къ смертной казни, его казнили тутъ же, на сходѣ, черезъ своего палача, если, впрочемъ,

---

[1]) Пытка производилась на самомъ собраніи, по приговору этого послѣдняго, и состояла изъ сѣченья прутьями и жженья огнемъ. Если пытка ни къ чему не приводила, истецъ долженъ былъ заплатить пытанному „за муку" въ размѣрахъ, опредѣленныхъ копою.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 243—246. Если они отказывались дать таковую, отвѣчали за преступника.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 246—249.

истецъ не «еднался» съ преступникомъ, что случалось нерѣдко. Приговоръ постановлялся по *Литовскому статуту* [1]).

Въ *Русской Правдѣ* пространныхъ редакцій есть статья, постановляющая, что когда не «будетъ татя», т.-е. не отыщутъ вора, «то *по слѣду женуть*» [2]). Слѣдъ женуть — слѣдъ гнать, по слѣду идти, искать преступника. Эта статья только описываетъ процессъ розыска «по слѣду», «по знакамъ» юго-западныхъ актовъ. И замѣчательно: описаніе почти совпадаетъ съ изложеннымъ нами разсказомъ этой процедуры въ Юго-западной Руси въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ [3]). Въ статьѣ, однако, ни однимъ словомъ не говорится, кто производилъ процедуру веденья слѣда. Очевидно, община; когда слѣдъ приводилъ къ селу, то ему предоставлялось гнать его дальше.

Такая автономная по отношенію къ суду община Юго-западной Руси въ XVI и XVII столѣтіяхъ составлялась изъ одного села, если оно было многолюдно, или изъ нѣсколькихъ; перваго состава копы встрѣчались очень рѣдко [4]). Сказавъ, что общины составлялись изъ селеній, мы не хотѣли сказать, что самыя собранія въ XVI—XVII столѣтіяхъ составлялись исключительно изъ крестьянъ или земледѣльцевъ. Во-первыхъ, въ составъ самыхъ общинъ-копъ входили и города, если они не пользовались такъ называемымъ магдебургскимъ правомъ, создававшимъ изъ нихъ особую привилегированную автономную общину [5]); во-вторыхъ, въ составъ общинъ входили и «земяне» королевскіе — безземельные *шляхтичи*, получившіе отъ короля изъ его земель участки за несеніе военной службы [6]).

Изъ всѣхъ этихъ трехъ слоевъ населенія участвовать въ сходахъ могли только тѣ изъ членовъ каждаго изъ нихъ, которые были *домохозяевами*. Только они носили названіе «мужей обчихъ», т.-е. общинныхъ мужей, «сходатаєвъ», «судей копныхъ» [7]).

По вопросу о составѣ такихъ общинъ древней Руси, какъ, напр., *вервь*, которую нѣкоторые изъ изслѣдователей прямо сопоставляютъ какъ съ русскою юго-западною «копой», такъ и съ «жупой» западныхъ славянъ [8]), мы не имѣемъ такихъ точныхъ и ясныхъ свидѣтельствъ, которыя имѣются у насъ о тѣхъ и другихъ изъ названныхъ; но на основаніи нѣкоторыхъ косвенныхъ указаній мы

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 248—250. Вотъ постановленіе о смертной казни коневаго вора, сдѣланное копой и занесенное въ 1622 году, на польскомъ языкѣ, въ володимірскую градскую книгу: „dekret swoj ferowali, *aby bil, tak jako zasluzil, y prawo uczy*, na garle karany. I za takowym dekretem oddany iest do ronk... mistrza (палача) execution...“ *Тамъ-же*, стр. 294.

[2]) Карамз. сп., ст. 88, и троицкій, ст. 70.

[3]) ... „Аже будетъ слѣдъ *къ селу* или товару (обозу?), а не отсочатъ (не отведутъ) отъ себя слѣду и не идутъ на слѣдъ... то тѣмъ (селу или товару) платити и татьба и продажа и слѣдъ гонить“.

[4]) Общины, о которыхъ рѣчь идетъ въ изслѣдованіи Иванишева, почти всѣ состоятъ изъ *девяти*, восьми, семи, шести селеній. Стр. 233, прим. 2.

[5]) *Тамъ-же*, стр. 233—234. Села, входившія въ составъ одной „копы“, назывались селами *околичными*.

[6]) *Тамъ-же*, стр. 236.

[7]) На сходы приглашались и такъ называемые „*сторонніе* люди“ изъ сосѣднихъ деревень; участвовали на собраніяхъ и помѣщики или ихъ управляющіе, не участвуя, однако, ни въ совѣщаніяхъ, ни въ постановленіи приговоровъ. *Тамъ-же*, стр. 239.

[8]) *Леонтовичъ*, въ цитированныхъ нами сочиненіяхъ.

позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній о немъ. Въ *Русской Правдѣ*, мы видѣли, рѣчь часто идетъ о своемъ «мірѣ»; но въ ней же, въ пространныхъ спискахъ, говорится и о «своемъ градѣ» [1]) въ томъ же смыслѣ, — въ смыслѣ отдѣльной автономной общины. Кажется, можно думать, что «градъ» и «міръ», какъ сельское поселеніе, могли, въ періодъ *Русской Правды*, составлять изъ себя еще новый видъ союза, новую, болѣе крупную общину, родъ «копы», «ящны» и для тѣхъ же цѣлей — главнымъ образомъ, суда и расправы: статья 33 карамзинскаго списка говоритъ о сводѣ, который переходитъ «изъ града» на «земли»; подъ послѣдними разумѣть надо прилежащія городу и къ нему тянущія именно въ смыслѣ составляющихъ съ нимъ одинъ округъ, можетъ быть, именно «вервь», которая по *Русской Правдѣ*, подобно «копѣ», судитъ своихъ сочленовъ за убійство, какъ мы уже видѣли, отвѣчаетъ за нихъ передъ властью впослѣдствіи и выдаетъ ихъ по своему приговору князю, на «потокъ и разграбленіе».

Сліяніе городскаго населенія съ сельскимъ въ одно общеніе относительно отправленія различныхъ обязанностей, тяголъ правительственныхъ, мы встрѣчаемъ въ древней Россіи въ очень позднее сравнительно время, именно до полнаго разъединенія городскаго и земскаго населенія, не ранѣе конца XVII вѣка.

Но, разумѣется, такой составъ общинъ — явленіе сравнительно позднее, явленіе эпохи развитія городовъ, какъ торгово-промышленныхъ пунктовъ въ извѣстной степени.

Тѣ сближенія и заключенія, которыя мы позволяли себѣ и еще не разъ позволимъ, о жизнедѣятельности юго-западныхъ общинъ съ таковою же древнихъ общинъ *Русской Правды*, разумѣется, возможны лишь при наличности сродства ихъ между собою, а потому два слова объ этомъ сродствѣ.

Устанавливать сродство ихъ по сродству племени вовсе нѣтъ необходимости: крестьянство и вообще населеніе юго-западнаго края XVI и XVII ст. тоже русское, когда-то жившее общею историческою жизнью со всѣмъ русскимъ народомъ; это — поляне, древляне, волыняне, уличи и тиверцы нашего лѣтописца, вошедшіе въ составъ древней Юго-западной Руси, которая лишь въ XIV столѣтіи, въ началѣ его, начинаетъ входить въ составъ княжества литовскаго, а черезъ посредство его, позже, и королевства польскаго. О сильномъ стороннемъ вліяніи на этотъ русскій народъ можно говорить лишь со времени присоединенія его къ Польшѣ, т.-е. съ половины XV вѣка [2]).

Вліяніе, путемъ изданія различныхъ «привилей», создавало новый юридическій строй высшаго сословія и городскаго; сельское населеніе закрѣплено было окончательно за своими владѣльцами, но его общинный, бытовой строй оставался мало измѣненнымъ: автономная община, оставаясь таковою при литовскихъ князьяхъ, не пала и при польскихъ окончательно, а лишь потерпѣла

---

[1]) Карамз. спис., ст. 29 и 32.

[2]) Проф. Антоновичъ, указывая на причины внутренняго разлада, и, вмѣстѣ, паденія литовскаго княжества, видитъ ихъ „въ племенной разновидности двухъ этнографическихъ типовъ, двухъ національныхъ“ началъ (литовскаго и *русскаго*), которыя соединялись лишь *внѣшнимъ образомъ*, политически; *отличительныя*, бытовыя черты не сглаживаются. *Очеркъ исторіи вел. княж. Литов.* Монографіи, т. I, стр. 4.

нѣкоторыя ограниченія [1]). Эти послѣднія сводятся къ вмѣшательству извѣстныхъ правительственныхъ элементовъ въ общинную жизнь.

Въ виду приведенныхъ соображеній и фактовъ, нельзя не признать, что черты общиннаго строя Юго-западной Руси XVI — XVII ст., съ которыми мы познакомили читателя, несомнѣнно черты обще-русскія, дошедшія до указаннаго времени изъ далекаго прошлаго всего славянства вообще, черты, родственныя, какъ мы видѣли, съ тѣми, на которыя даютъ указанія наши *Русскія Правды*, черты, выработанныя славянствомъ въ первоначальныя времена, въ до-княжескій періодъ его общественной жизни, путемъ обычая. Это стародавній обычный строй славянства вообще, русскаго въ частности [2]).

Такъ смотрѣла въ болѣе позднія времена на общинный автономный строй сама верховная законодательная власть государствъ, на которыя распалась древняя Русь,—московскаго и литовскаго. Мы не разъ уже видѣли, что въ документахъ, изучаемыхъ Иванишевымъ, то и дѣло при обращеніи къ общинному суду заявляется, что это дѣлается въ силу *стараго обычая*. Обращаться къ *старому обычаю* рекомендуетъ и первый *Литовскій статутъ* (1529 года) въ тѣхъ случаяхъ, когда по данному вопросу не окажется «артыкуловъ», данныхъ королевскою властью своимъ подданнымъ [3]). А писанныхъ «артыкуловъ» ни въ отдѣльныхъ «привилеяхъ», ни въ первомъ статутѣ по отношенію къ общинной автономіи не находилось [4]); между тѣмъ, какъ мы видѣли, они дѣйствуютъ во время статутовъ даже позднѣйшихъ редакцій, которые копные суды признаютъ, причемъ многое для урегулированія ихъ заимствуютъ изъ того же обычнаго права [5]).

Тотъ же законодатель называетъ «древній обычай», на который онъ такъ часто ссылается въ своихъ «привилеяхъ» и «статутахъ», всегда *русскимъ*. О *русскомъ* правѣ и *русскомъ* обычаѣ въ Литвѣ говорится не только въ законодательныхъ актахъ, изданныхъ вслѣдъ за присоединеніемъ Юго-западной Руси къ Литвѣ, но и по присоединеніи ея, вмѣстѣ съ послѣднею, къ Польшѣ: въ договорной грамотѣ Ольгерда съ польскимъ королемъ отъ 1366 года постановляется, что поляки должны судиться по польскому, а *русины* (жители Литвы и Руси)—*по русскому* праву [6]); въ договорѣ, заключенномъ Литвой въ первой половинѣ XV ст. съ Псковомъ и Новгородомъ, постановляется, что жители Литвы и всѣхъ русскихъ земель судятся по *псковской* и *княжой* или великаго князя *правдѣ;* во всѣхъ «привилеяхъ», которыми даровалось городамъ такъ называемое магдебургское право, всегда говорилось отъ имени короля, что городъ «*съ права* литовскаго и *русскаго*» премѣняется «въ право нѣмецкое майдеборское» [7]).

---

[1]) Въ наслѣдство отъ Руси Литва получила... *вѣчевое* устройство городовъ, *единство города и земли*... Въ началѣ XVI ст. крестьяне „собирались на сходки". *Бестужевъ-Рюминъ:* „Русская исторія", т. II, вып. I, стр. 53 и 91. *Иванишевъ*, цитиров. соч., стр. 235.

[2]) *Иванишевъ, тамъ-же*, стр. 251.

[3]) *Временникъ*, раздѣлъ VI, арт. I, кн. XVIII, стр. 41.

[4]) *Статутъ 1566 г.*, разд. XI, арт. 31; разд. XIII, арт. 2. Здѣсь нѣтъ описанія процедуры общиннаго суда; просто говорится, что нѣмецъ, „собравши людей добрыхъ, *водле давняго обычая* гонилъ слѣдомъ". *Временникъ*, кн. XXIII, стр. 181.

[5]) *Статутъ 1588 г.*, разд. XI, арт. 26; разд. XIV, арт. 2 и 9.

[6]) *Леонтовичъ*: „Рус. Пр." и „Литовск. стат.", стр. 3, пр. 3.

[7]) *Тамъ-же*, стр. 4.

Даже статутъ послѣдней редакціи, 1588 года, еще вѣдается съ *русскимъ* правомъ; такъ, однимъ изъ «артыкуловъ» его «уставуется», чтобъ воеводы и «старостове судовые» избирали себѣ намѣстниковъ и подстаростъ съ писарями изъ людей, «годныхъ въ *правѣ и письма русскаго* умеестныхъ» [1]).

И такъ, общинный строй, съ которымъ мы ознакомились въ Юго-западной Руси, есть строй давній, общеславянскій и не только поэтому родственный съ древне-русскимъ Восточной Руси, но и *тожественный* съ нимъ.

Выводъ для нашей цѣли крайне важный; недаромъ мы такъ долго утомляли читателя ради него: если мы и не идемъ такъ далеко, какъ нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей, увѣряющіе, что наша *Русская Правда* дѣйствовала въ Юго-западной Руси не только до присоединенія ея къ Литвѣ, но и гораздо позже, и что то русское право, тѣ русскіе обычаи, на которые ссылаются литовскіе и польскіе законодательные акты позднѣйшаго времени, какъ дѣйствующіе въ Литвѣ, есть *именно* законы и обычаи нашей правды [2]), то, во всякомъ случаѣ, мы стремились къ тому, чтобы, опираясь на только что установленное положеніе, придти къ слѣдующему: въ силу всѣхъ приведенныхъ соображеній и сопоставленій, *порядки общиннаго строя Юго-западной* Руси, поскольку они исконны и не искажены вліяніями польскаго строя, *могутъ быть приняты, въ общихъ чертахъ, за порядки обще-русскіе, свойственные древней русской жизни.*

А если такъ, то мы можемъ заключить все, до сихъ поръ нами изложенное, тѣмъ, чѣмъ начали, — обращеніемъ къ мысли нѣмецкаго историка, юриста Шульте, который, если припомнитъ читатель, говоритъ, что королевская власть въ моментъ ея появленія и первоначальнаго развитія взяла у *общины* лишь *политическую* власть, а *ей оставила свободу внутренняго управленія.* Не дала, а *оставила;* не создала, а освятила своимъ авторитетомъ; значитъ, эта власть нашла въ общинахъ нѣчто готовое, сложившееся въ нихъ задолго до ея появленія, сложившееся подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій внутренней жизни этихъ общинъ, бывшихъ порожденіемъ этой самой жизни.

Вотъ это-то мы и хотѣли доказать нашимъ предшествующимъ изложеніемъ. Мы хотѣли доказать, что описанный нами строй есть строй нашихъ «древнѣйшихъ, незапамятныхъ временъ», что этотъ строй застали на Руси князья Рюриковичи готовымъ.

Теперь мы постараемся доказать, что князья въ началѣ этого строя не тронули вовсе, а впослѣдствіи, съ развитіемъ своей власти, его не уничтожали, но пользовались имъ для цѣлей государственныхъ, такъ или иначе, приспособляя его къ новымъ потребностямъ и условіямъ новаго государственнаго строя.

Рюриковичи приглашены были, по сказанію лѣтописца, — десять слиш-

---

[1]) Раздѣлъ IV, ст. 37: стародавній обычай, къ которому отсылаетъ *Статутъ*, именно право русское.

[2]) *Леонтовичъ* и *Бѣляевъ:* первый въ своемъ трудѣ, не разъ нами цитированномъ, — *Русская Прав. и Литов. стат.*, стр. 6—7; второй — въ сочиненіи *О наслѣдствѣ безъ завѣщанія;* см. цитату у того же Леонтовича. Хотя несомнѣнно, однако, поразительное сходство многихъ постановленій, напр., извѣстнаго *Судебника* 1468 г. короля Казиміра. См. *Хрестоматію Владимірскаго-Буданова*, вып. II, изд. 2, стр. 45, пр. 38 и др.

комъ вѣковъ тому назадъ,—«володѣти и правити» призвавшими ихъ «*по праву*, т.-е. по обычаямъ, существовавшимъ уже и у призвавшихъ,—обычаямъ, соблюдать которые князь и обѣщаетъ. Это «право», обязательное для князей, только и могло состоять въ совокупности всѣхъ тѣхъ явленій общинной жизни, съ которыми мы выше ознакомились.

Князь становился *во главѣ всего управленія*, какъ выражается проф. Сергѣевичъ, созданнаго, прибавимъ отъ себя, жизнью еще до его приглашенія. Имѣя въ виду, что князь занимаетъ столъ по приглашенію вѣча, какъ верховной народной власти, нельзя не согласиться съ въ высшей степени вѣрною мыслью того же почтеннаго профессора, что князь «съ этой точки зрѣнія можетъ быть разсматриваемъ *какъ* органъ самоуправленія»[1]). Таковымъ и только таковымъ и былъ, напр., первоначальный князь въ полицкой общинѣ; онъ избирался только на время и только для высшаго управленія: «основной характеръ суда князя»,—говоритъ Леонтовичъ о Полицѣ,—обусловливался, прежде всего, «вліяніемъ общаго положенія его, *не выдѣлявшагося изъ состава общинныхъ учрежденій*. Судъ передъ княземъ считается такою же общинною (жупскою) правдой, какъ и судъ передъ *сборомъ* или судцами (народными)[2])». «Судъ и управленіе князя полицкаго есть его «обязанность», какъ старшаго главаря Полицы, судившаго и правившаго *отъ имени* и въ интересѣ общины». Такой характеръ княжеской власти въ Полицѣ сохранялся все время, и сохранялся потому, что князь не былъ, въ то же время, и предводителемъ народа въ смыслѣ *военачальника*. Для этой цѣли Полица избирала особаго *воеводу*, который былъ не только военачальникомъ, но и являлся на помощь исполнителю судебныхъ приговоровъ въ томъ случаѣ, если обвиненные сопротивлялись исполненію ихъ[3]).

Понятно, что такой князь, являвшійся однимъ изъ звеньевъ общиннаго строя, не могъ нарушать этого послѣдняго; не могъ этого сдѣлать и воевода, стоявшій, во время своего воеводства, совсѣмъ въ сторонѣ отъ дѣлъ внутренняго управленія.

Не въ томъ положеніи являются наши князья, по крайней мѣрѣ, съ IX вѣка, когда они уже князья-завоеватели.

Мы ничего не знаемъ о князьяхъ, имѣвшихъ мѣсто, какъ извѣстно, среди русскихъ славянъ до IX вѣка, до появленія Рюриковичей[4]); можетъ быть, они и были чѣмъ-либо вродѣ князей полицкихъ; но князья Рюриковичи таковыми уже не были, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ вѣче оказывалось слабѣе князя. Предположеніе о такомъ значеніи князей не-Рюриковичей, имѣвшихъ мѣсто до этихъ послѣднихъ и долгое, сравнительно, время при нихъ, мы, кромѣ возможнаго сходства ихъ съ полицкими, рѣшаемся опереть еще на слѣдующее соображеніе. Мы видѣли, что у полицкаго князя военной власти въ рукахъ не было;

---

1) *Лекціи и изслѣд.*, стр. 369.
2) *Полицкій стат.*, стр. 96.
3) *Тамъ-же*, стр. 85.
4) Такими князьями являются: древлянской земли Малъ, полоцкой — Рогволодъ и то „все княжье", отъ котораго вмѣстѣ съ послами Олега и Игоря были послы при заключеніи договоровъ съ греками въ X вѣкѣ. Договоры въ *Хрест. Влад.-Буданова*, вып. I, изд. 3, стр. 2—11.

для этого существовалъ особый воевода. Намъ кажется, что на существованіе такихъ воеводъ при князьяхъ до-Рюриковичахъ есть указанія и въ нашихъ памятникахъ. Наши лѣтописи и *Русская Правда* говорятъ о *тысяцкихъ*, о происхожденіи и значеніи которыхъ изслѣдователи имѣютъ очень смутное представленіе, хотя тысяцкіе и существуютъ въ Новгородѣ до самаго момента паденія этого государства, а въ другихъ земляхъ-княженіяхъ древней Руси до XV столѣтія. Всѣ, однако, согласны съ тѣмъ, что это названіе присвоивалось лицу, предводительствовавшему войскомъ, что видно уже изъ того, что самъ лѣтописецъ отожествлялъ *тысячничество* съ *воеводствомъ* [1]). Въ роли несомнѣнно предводителя, прежде всего, встрѣчаемъ мы его за все время существованія этого званія въ древней Руси. Дальше всѣ историки наши признаютъ за тысяцкимъ *земское* значеніе: «тысяцкій былъ воеводою *земскихъ* гражданскихъ *полковъ*», говоритъ Соловьевъ [2]); но историкъ утверждаетъ, что тысяцкаго назначалъ князь изъ числа своихъ дружинниковъ, ничѣмъ, въ сущности, не доказывая этого. Правда, по развитіи княжеской власти, это, вѣроятно, и имѣло мѣсто; но не забудемъ, во-первыхъ, что въ Новгородѣ тысяцкій былъ всегда выборнымъ, а, во-вторыхъ, припомнимъ борьбу *тысяцкихъ* съ князьями рязанскими, московскими въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ, — борьбу, кончившуюся уничтоженіемъ самаго званія [3]). При первыхъ же князьяхъ *тысяцкій*, думать надо, былъ выборнымъ; по крайней мѣрѣ, это можно заключить изъ того, что тысяцкіе существовали до князей: мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ, чтобы ихъ ввели впервые князья, и они не могли быть отмѣнены послѣдними немедленно; дальше, мы имѣемъ такіе факты, какъ, напр., тотъ, что еще въ XII вѣкѣ въ одной землѣ-княженіи мы встрѣчаемъ одновременно двухъ тысяцкихъ — княжаго и «земскаго»; первый по имени князя называется «тысяцкій Володимерь», а второй «кіевскимъ просто» [4]). До самаго послѣдняго времени тысяцкіе стояли во главѣ особыхъ округовъ, *тысящъ*, откуда и ихъ названіе, какъ названіе сотскихъ и десятскихъ. Такого рода численныя дѣленія и у насъ, какъ вездѣ въ Европѣ, въ свое время имѣли мѣсто въ древнѣйшій періодъ исторіи съ цѣлями, думать надо, чисто-военными [5]).

Всѣ это приводитъ насъ къ заключенію нѣсколько выше высказанному:

---

[1]) ... „*воеводьство* держащю кыевскыя *тысяща Яневи*“. *Лавр. лѣт.*, изд. археол. эксп., подъ 1089 г., стр. 201. Указанное значеніе за тысяцкими признаютъ Бестужевъ-Рюминъ, Соловьевъ, Сергѣевичъ и др.

[2]) *Исторія Россіи*, т. I, изд. 3, стр. 249.

[3]) *Иловайскій*: „Исторія Рязанскаго княжества“, стр. 120. Изсл., приведя нѣсколько фактовъ убійства тысяцкихъ князьями, авторъ заключаетъ мыслью, что эти факты указываютъ „на глухую борьбу между усиливающеюся княжескою властью и такими *земскими начальниками, какими были тысяцкіе*“, стр. 121. Его-же: *Исторія Россіи*, т. II, стр. 51.

Въ послѣднее время въ московскомъ княжествѣ должность тысяцкаго занимали приближеннѣйшіе изъ бояръ князя, даже его родственниковъ: при Димитріѣ Ивановичѣ Донскомъ тысяцкій — его дядя. *Доп. къ акт. истор.*, т. I, № 8.

[4]) *Бестужевъ-Рюминъ*, назв. соч., т. I, стр. 210, прим. 20.

[5]) *Ключевскій*: „Боярская дума“, изд. 2, стр. 29—30; онъ дѣлитъ на сотни и десятки лишь населеніе городовъ, общее число жителей которыхъ принималось за тысячу. Въ подтвержденіе мысли объ избираемости тысяцкихъ, авторъ ссылается на избраніе ихъ въ Новгородѣ и позднѣе въ козачествѣ. *Тамъ-же*, стр. 30—31.

князья до-Рюриковичи были князьями, правителями и судьями, какъ избранники общинъ; *тысяцкіе* были такими же избранниками, но воеводами [1]).

Пока князья Рюриковичи соблюдали «право», на которомъ они были приглашены, пока они были предводителями только своихъ дружинъ, пока они были если не только, то главнымъ образомъ завоевателями, они не имѣли ни права, ни возможности нарушать тотъ порядокъ, тотъ обычай, охранять который они были призваны. Но это недолго продолжалось: князья явились съ дружинами, которыя съ постепеннымъ развитіемъ завоеваній разрастались и усиливались; усиливалась и росла власть князя; усиливалось его вмѣшательство во внутренній распорядокъ, строемъ котораго обусловливались, между прочимъ, и доходы княжаго двора и дружины.

Князь постепенно вмѣшивается въ управленіе и расправу уже не какъ «органъ самоуправленія», а какъ глава его, какъ носитель верховной власти; онъ является во время «полюдья»,— разъѣзда по волостямъ,— пока послѣднее практикуется, уже не какъ судья только, но и какъ собиратель дани, установленной фактомъ завоеванія. «Земли», во главѣ которыхъ стоятъ князья, все расширяются: князь не въ силахъ все вѣдать самъ, онъ создаетъ особые органы въ помощь себѣ, которые и сажаетъ по различнымъ пунктамъ сначала по городамъ, а потомъ и по областямъ. Рюрикъ, по сказанію лѣтописца, сажаетъ по городамъ «мужей», которые и замѣняютъ его. Позже появляются «посадники» и «волостели», а еще позже — намѣстники и тѣ же волостели съ ихъ «тіунами», и немалое количество всякаго рода чиновъ какъ для отправленія различнаго рода функцій въ отдѣльныхъ областяхъ, такъ и въ цѣломъ княженіи, какъ государствѣ. Всѣ эти лица назначались самимъ княземъ или старшими изъ его органовъ вродѣ намѣстниковъ. Этого мало: съ постепеннымъ развитіемъ частнаго землевладѣнія въ лицѣ самихъ князей, монастырей, частныхъ лицъ, съ развитіемъ помѣстнаго землевладѣнія, въ качествѣ управителей и судей являются частныя лица—землевладѣльцы, церкви, монастыри, вотчинники, помѣщики, въ силу княжескаго же назначенія, по жалованнымъ грамотамъ.

Къ концу перваго періода исторіи, началу XVI вѣка, вся эта система княжескаго управленія, въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова, развилась до такого многочленнаго персонала, что не будетъ, пожалуй, удивительнымъ придти къ заключенію, что она охватила все и вся, проникла во всѣ фибры тогдашней общественной жизни и тѣмъ устранила весь старообщинный строй съ его сходками и выборными органами.

Развитіе правительственной княжеской организаціи совершалось чуть не *восемь* вѣковъ, поэтому и измѣненіе и вырожденіе исконнаго общиннаго строя шло тоже не особенно быстрыми шагами и къ концу періода вовсе не умерло. Исторія *роста* княжеской администраціи есть исторія только видоизмѣненія общины и ея автономіи.

За весь этотъ періодъ времени община *жила*, жила жизнью активною, хотя и далеко не такою, какъ до призванія князей и при нихъ до паденія вѣча.

[1]) Если принять соловьевское толкованіе *полюдья*, какъ разъѣзда, первоначально князей по волостямъ съ цѣлью исполненія своей обязанности — править и судить, то это еще болѣе сблизитъ ихъ съ полицкими князьями, разъѣзжавшими, какъ мы видѣли, три раза въ годъ по Полицѣ. *Соловьевъ*: „Ист. Рос.“, т. I, стр. 132.

Мы уже замѣтили, что главною, если не исключительною, дѣятельностью нашихъ первыхъ князей была война: завоеванія и набѣги безъ конца занимаютъ чуть не все время князей до XI столѣтія. Ихъ дѣятельность по отношенію къ внутреннему строю ограничивалась «сборомъ даней» какъ непосредственно, такъ и чрезъ разсаженныхъ по городамъ «мужей». Внутренніе порядки, существовавшіе въ той или другой изъ завоеванныхъ земель, поэтому, оставались прежними, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить засвидѣтельствованное лѣтописью отношеніе одного изъ этихъ князей, Игоря, къ завоеваннымъ еще Олегомъ древлянамъ. Завоевавъ этотъ сосѣдній народецъ, Олегъ только обложилъ его «данью». Его преемникъ, Игорь, ограничиваетъ свои отношенія къ нему тѣмъ же самымъ, притомъ въ такой формѣ, какъ и его предшественникъ, непосредственный завоеватель народца. При сборѣ дани князь и голову сложилъ. Изъ разсказа лѣтописца о мести Ольги древлянамъ за смерть ея мужа мы узнаемъ, что у древлянъ и при ней ихъ старый общественный строй существуетъ во всей своей неприкосновенности. Въ такой неприкосновенности существуетъ онъ, несомнѣнно, въ самой кіевской землѣ, смоленской и тѣмъ болѣе новгородской и во всѣхъ тѣхъ, которыя лежали вообще по Днѣпру и его притокамъ съ востока и запада, такъ какъ о нихъ лѣтописецъ прямо только и говоритъ, что завоеватель на всѣхъ ихъ «взложе дань» или «легку», или съ «примученьемъ», смотря, вѣроятно, по силѣ народца; а вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ: «и тѣ обладаетъ Олегъ поляны, деревляны, сѣверяны» и т. д.

Новгородъ, какъ извѣстно, тоже былъ обложенъ данью, которую и платилъ «до смерти Ярослава». Въ немъ сидѣли тоже «мужи» въ качествѣ намѣстниковъ князей, которые на внутренній общественный строй едва ли какое-либо вліяніе могли имѣть. Покойный Костомаровъ правъ не относительно только древлянъ, когда говоритъ, что князья-завоеватели оставили имъ ихъ вѣче, ихъ князей.

Некогда было первымъ князьямъ сдѣлать что-нибудь по внутреннему управленію и въ той волости-землѣ, гдѣ поставлена была «матерь» городовъ русскихъ: ихъ тянуло дальше на югъ, на Черное море, — въ богатую Грецію, Болгарію. Святославъ даже чуть не покинулъ обѣихъ матерей, Кіевъ и Ольгу, ради богатаго болгарскаго Переяславля. Въ такой постоянной борьбѣ и «мужи», по крайней мѣрѣ, лучшіе, князьямъ не нужны; разсаживать ихъ по всѣмъ волостямъ едва ли приходилось въ достаточномъ изобиліи. Лѣтописецъ какъ бы подтверждаетъ эту догадку, говоря о посаженіи «мужей» лишь въ городахъ нѣкоторыхъ завоеванныхъ земель, объ остальныхъ же просто ограничивается заявленіемъ о наложеніи дани. Правда, тотъ же лѣтописецъ показываетъ на общій фактъ постройки, напр., Олегомъ, городовъ въ завоеванныхъ земляхъ, но онъ этотъ фактъ ставитъ въ прямую связь съ установленіемъ дани: «нача городы ставити, и устави дани»; цѣль городовъ и мужей, въ нихъ посаженныхъ, только эти дани и есть [1]).

---

[1]) *Лавр. лѣт.*, изд. арх. эксп., стр. 23. „Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани словеномъ, кривичемъ и мери и устави варягамъ дань даяти отъ Нова-города.... Поча Олегъ воевати деревляны, имаше на нихъ дань... и побѣди сѣверяны, и взложи нань дань“.

Задача «мужей», кромѣ сбора даней, принужденія къ ихъ уплатѣ, состояла въ военной охранѣ завоеванной земли, въ которой городъ поставленъ былъ для «сидѣнья» его съ дружиною.

Кто же судилъ и правилъ, кто велъ весь внутренній распорядокъ земли? Какъ бы онъ простъ и не сложенъ ни былъ, все-таки, онъ требовалъ бо́льшаго, чѣмъ княжій мужъ съ его гарнизонами.

Не даромъ же нашъ первый сборникъ правъ—нашу *Русскую Правду* относятъ лишь къ XI столѣтію, —сборникъ, въ которомъ мы уже встрѣчаемся съ кое-какими княжескими постановленіями, съ княжескими органами и указаніями на дѣятельность послѣднихъ; на ихъ отношенія къ общинѣ, къ той общинѣ, съ которой мы уже имѣли дѣло, которая дошла до *Русской Правды*, какъ дошла до литовскихъ статутовъ въ Западной Руси.

Община съ ея внутреннимъ строемъ не только дошла до *Русской Правды*, но и констатирована ею какъ существовавшая въ жизни до XI вѣка и призванная существовать дальше. Начала *Русской Правды* вообще и общинной жизни въ частности жили не только на разстояніи XI—XIII столѣтій, ко времени которыхъ обыкновенно пріурочиваютъ ея составленіе, но и гораздо раньше, и гораздо позже; раньше потому, что въ нее вошло не что-либо новое, князьями или кѣмъ-либо proprie motu составленное, а въ большинствѣ старое, издавна существовавшее, самою жизнью, ея дѣятельными факторами созданное; составитель взялъ это готовое, облекъ его въ письменную форму; во-вторыхъ, эти начала жили позже потому, что, въ сущности, никогда закономъ не были отмѣнены, а, наоборотъ, иногда, какъ увидимъ, были даже подтверждаемы.

Выше мы, на основаніи *Правдъ*, пытались установить существованіе общиннаго строя до князей, видя въ нихъ факты, дошедшіе изъ того времени; теперь мы настаиваемъ на томъ, что тѣ же постановленія, намъ уже знакомыя, должны служить основаніемъ для утвержденія существованія общинной организаціи при князьяхъ и, притомъ, въ періодъ уже значительнаго развитія власти послѣднихъ и ея непосредственнаго вмѣшательства во внутреннее управленіе земли.

Фактъ существованія общинъ съ извѣстною организаціей ихъ внутренняго управленія въ періодъ *Русской Правды*, т. е., по крайней мѣрѣ, до XIV столѣтія, несомнѣненъ; несомнѣненъ онъ и въ XIV и XV столѣтіяхъ. Весь вопросъ въ значеніи этого факта параллельно съ развитіемъ княжеской власти, паденіемъ вѣчевой и развитіемъ княжеской правительственной администраціи.

II.

Всѣ ученые изслѣдователи нашей исторіи вообще и исторіи права въ частности, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время, не отрицаютъ въ нашей древней исторіи, именно до XVI вѣка, существованія «рядомъ съ княжескимъ управленіемъ *самоуправленія общинъ*», хотя, впрочемъ, лишь въ нѣкоторой долѣ [1]). Признавъ фактъ, они стараются опредѣлить его значеніе, — эту признаваемую ими *долю* самоуправленія.

---

[1]) *Сергѣевичъ*: „Лекціи и изслѣд.“, стр. 369 — 397 и сл. Въ первомъ своемъ трудѣ — *Вѣче и князь* — почтенный профессоръ еще нигдѣ не высказывался по данному вопросу

Постараемся и мы теперь, въ солидномъ обществѣ указанныхъ ученыхъ, опредѣлить эту долю.

Прежде всего, еще и еще разъ замѣтимъ, для устраненія всяческихъ недоразумѣній, что мы отказываемся признать эту «долю» общиннаго самоуправленія одинаково малою или великою на пространствѣ всего періода нашей исторіи до XVI вѣка, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ изслѣдователей [1]). Даже съ XI столѣтія, когда начинается, какъ мы указали, особенно развиваться дѣятельность княжескаго управленія, общинное самоуправленіе не находилось въ одинаковомъ состояніи въ теченіе цѣлыхъ пяти послѣдующихъ вѣковъ, потому что въ теченіе всего этого времени не находилась въ одинаковомъ состояніи верховная государственная власть вообще, взаимныя отношенія такихъ двухъ факторовъ ея, какъ вѣче и князь, и, наконецъ, власть послѣдняго по одолѣніи ею власти перваго.

Что въ періодъ преобладанія вѣча надъ княземъ вообще власть послѣдняго не могла особенно развиться, черезъ посредство его личныхъ органовъ, въ дѣлѣ внутренняго управленія, это можно видѣть на исторіи Новгорода и Пскова, гдѣ въ силу договоровъ вѣча съ князьями послѣдніе не могли вовсе управлять областями новгородскими «чрезъ своихъ мужей», т.-е. дружинниковъ или, позже, служилыхъ людей [2]).

Правда, князь судилъ въ Новгородѣ, но судилъ вмѣстѣ съ посадникомъ, выборнымъ великаго Новгорода. Поэтому тотъ общинный строй, старый славянскій, указаніе на который, — его сходки выборныхъ людей, — мы привели выше, и существовалъ до паденія этихъ городовъ - государствъ. Несомнѣнно, однако, новгородское и псковское вѣча, все - таки, посылали, въ качествѣ представителей верховной государственной власти, своихъ «мужей» въ волости, но эти мужи должны были стоять къ земскому строю, на которомъ покоился весь государственный строй, все могущество его, иначе, чѣмъ могли относиться къ нему «мужи» и «дворяне» княжескіе, интересы которыхъ были совершенно чужды интересамъ народа новгородскаго.

«Мужи» и «посадники» новгородскіе и псковскіе, сидящіе по пригородамъ, а, можетъ быть, и волостямъ, отправляли тамъ и функцію судебную [3]).

такъ категорически. Въ главѣ объ органахъ управленія въ этомъ сочиненіи авторъ, напротивъ, прямо заявлялъ, что „князь, призванный судить и управлять... вѣдалъ непосредственно своею особой военныя дѣла, судъ, финансы и всѣ другіе предметы малоразвитаго управленія"; онъ „сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ *всѣ вѣтви немногосложной администраціи*" (стр. 348); о сотскихъ и старостахъ онъ говорилъ лишь какъ *о выборныхъ* органахъ той же княжеской власти (стр. 374 и сл.).

[1]) Профессоръ Сергѣевичъ, напр., несомнѣнно, именно съ отрицаемой нами точки зрѣнія смотритъ на дѣло, посвятивъ въ своихъ *Лекціяхъ* общинному самоуправленію *дѣѣ* странички — 397 — 399.

[2]) ...„Что волости новгородскыхъ, княже, тѣхъ ти волости не держати своими мужи, но держати мужи новгородскими, а *даръ* имати тобѣ отъ тѣхъ волостей". Договоръ 1265 года съ тверскимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ. То же самое повторяется еще и въ договорѣ съ княземъ Иваномъ III, въ 1471 г. *Собраніе важн. памятн.* Утина и Лазаревскаго, стр. 124—125; 136—137.

[3]) Въ новгородской судной грамотѣ въ одной статьѣ говорится о *волостелѣ* владычнемъ на владычнихъ земляхъ; отсюда надо предположить и существованіе волостелей новгородскихъ.

Но какъ, въ какой мѣрѣ они ограничивали судебную автономію общинъ, сказать трудно. Все опредѣлялось обычаемъ. Во всякомъ случаѣ, едва ли можно предположить, чтобы здѣсь общинная автономія особенно сильно была ограничена, въ виду, во-первыхъ, указанныхъ условій, а во-вторыхъ, въ виду того, что по новгородской, напр., грамотѣ судъ даже высшей инстанціи, производившійся по такъ называемому *докладу* въ палатѣ владыки, чинился не одними только государственными вѣчевыми или княжескими органами, а и спеціальными выборными отъ такихъ общинъ новгородскихъ, какъ «концы», отъ каждаго изъ которыхъ выбиралось по два человѣка: по одному боярину да по одному «житьему человѣку» [1]).

О самыхъ «общинахъ», какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, ни псковская, ни новгородская грамота не говорятъ какъ о судебныхъ органахъ спеціально, объ ихъ устройствѣ; но онѣ не говорятъ, собственно, и объ устройствѣ судовъ: спеціально княжескаго, посадничьяго, владычнаго, ограничиваясь только названіемъ ихъ и, притомъ, главнымъ образомъ, по поводу ихъ взаимнаго отношенія другъ къ другу, вызывавшаго въ жизни столкновенія чисто-политическаго и финансоваго свойства — по поводу пошлинъ, шедшихъ со всякаго рода судебныхъ дѣйствій въ пользу судей. Общинные суды такихъ опредѣленій по отношенію къ себѣ вызвать не могли. Отношенія же къ нимъ вѣчевыхъ или княжескихъ чиновниковъ опредѣлялись исключительно со стороны всякаго рода судебныхъ сборовъ, шедшихъ въ ихъ пользу за содѣйствіе суду общинъ. Все остальное предоставлено обычаю. При этомъ нужно имѣть еще въ виду, что процессуальная сторона суда опредѣляется въ этихъ грамотахъ, главнымъ образомъ, если не исключительно, по отношенію къ *господѣ* новгородской и псковской, т.-е. по отношенію къ судамъ опять-таки князя, посадника и ихъ органовъ, обрѣтающихся въ самыхъ городахъ — Новгородѣ и Псковѣ. О мѣстныхъ судахъ, если подъ «посадникомъ» грамотъ не разумѣть посадниковъ и «мужей», вообще сидѣвшихъ по пригородамъ и волостямъ, въ грамотахъ—ничего. А что они существовали—это несомнѣнно. На общинный судъ указываетъ псковская судная грамота, когда говоритъ, напр., о такой стадіи процесса, какъ «закличь», которая практикуется, какъ мы видѣли, по *Русской Правдѣ* и именно въ общинномъ судѣ, въ которомъ она только и возможна: это — заявленіе о преступленіи ли, о совершеніи ли сдѣлки въ «своемъ міру», на торгу [2]).

Другое дѣло въ тѣхъ земляхъ-княжествахъ древней Руси, гдѣ князья правили чрезъ *своихъ* «мужей» — посадниковъ, волостелей и намѣстниковъ. Отношенія органовъ княжеской власти должны были быть иными къ общинной автономіи; они опредѣлялись спеціальными княжескими постановленіями, но, вмѣстѣ, и народными, исконными обычаями. Прежде всего, скажемъ разъ навсегда: *Русская Правда* дѣйствуетъ въ теченіе всего періода древней Руси; ея постановленія объ общинномъ строѣ не отмѣняются княжескими грамотами,

---

[1]) Ст. 26. *Хрестоматія Влад.-Буданова*, вып. I, изд. 8; стр. 192 и сл.

[2]) Ст. 39. *Хрестоматія Влад.-Буданова*, тамъ же, стр. 147. По закличи, напр., разрѣшались, по псковской грамотѣ, споры между нанимателями и рабочими.

но, скорѣе, какъ старина, какъ обычай, подтверждаются. Грамоты князей *дополняютъ* этотъ обычай.

Попробуемъ обратиться къ одной изъ такихъ грамотъ, спеціально опредѣляющихъ «порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія». Это будетъ древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ грамотъ этого рода отъ конца XIV столѣтія [1]). Грамота имѣетъ цѣлью установить такія опредѣленія, по которымъ должны были «ходити», т.-е. править въ завоеванной московскимъ княземъ волости его намѣстники.

Остановимся хотя на первой же статьѣ, и что же? Она ничто иное, какъ повтореніе одной изъ статей *Русской Правды*, трактующей именно о судебной дѣятельности общины: если (въ общинѣ) «утенутъ кого» и «душегубца не ищутъ», т.-е. община не станетъ его искать въ своей средѣ, то она должна уплатить «намѣстникомъ десять рублей» — по *Русской Правдѣ* 40 гривенъ, т.-е. новаго здѣсь, сравнительно съ *Русскою Правдой*, только замѣна одной денежной единицы другою, а князя — его намѣстникомъ. Тамъ виру получалъ князь, здѣсь его получаютъ его намѣстники. А кто производитъ самые судъ и расправу? Потерпѣвшій и община. Утверждать это можно не только изъ сходства цитированной статьи съ соотвѣтствующею статьей *Русской Правды* (Карамз. сп., ст. 4), но и изъ наличности такой статьи въ *Уставной грамотѣ*, какъ статья о сводѣ, томъ самомъ, который, мы видѣли, практикуется по *Русской Правдѣ*, и практикуется самими сторонами и самою общиной; о немъ въ *Уставной грамотѣ* говорится, что въ случаѣ татьбы сводъ ведется «до десятаго». Самая процедура считается излишней, и совершенно основательно: она указана въ *Русской Правдѣ* и существуетъ въ жизни общинъ, какъ явленіе обычное. Въ какое же отношеніе ставитъ грамота къ этому явленію намѣстниковъ? «И отъ того», т.-е. отъ всей этой процедуры, въ случаѣ отысканія вора, «намѣстникамъ и дворянамъ *не* взяти ничего». Отношеніе, какъ видно, чисто-отрицательное; ни онъ, ни дворяне въ дѣлѣ не участвуютъ, а потому и ничего не получаютъ. Община же взыскиваетъ съ вора «стоимость украденнаго», если онъ проворовался въ первый разъ, лишаетъ его всего имущества — если во второй; вора вѣшаютъ, если онъ попался въ третій разъ; въ первыхъ двухъ случаяхъ вора «пятнали». При исполненіи рѣшенія, вѣроятно, присутствовали дворяне намѣстниковъ [2]).

Во всѣхъ другихъ статьяхъ, гдѣ идетъ рѣчь о судѣ, по отношенію къ самому суду употребляется форма безличная обыкновенно: «утяжутъ кого въ рублѣ», «уличатъ, продадутъ»; по отношенію же къ намѣстникамъ: «а намѣстникомъ *отъ того*»... «и *намѣстникомъ* вины полтина», — «отъ печати намѣстникомъ» такая-то плата и т. д. [3]).

---

[1]) Такъ наз. *Уставная двинская грамота 1397 года*, изданная княземъ московскимъ Васильемъ, сыномъ Димитрія Донскаго, *на имя всего населенія* только что завоеванной тогда у Великаго Новгорода Двинской волости.

[2]) *Тамъ-же*, ст. 5. „Дворяне — *дворовые слуги* намѣстника, исполнявшіе порученія суда. *Хрест. Влад.-Буданова*, вып. I, изд. 3, стр. 126, примѣч. къ указанной статьѣ.

[3]) Есть еще одна любопытная статья: „учинится *бой въ пиру* (драка) и возьмутъ прощеніе, не выйдя изъ пиру, и намѣстникомъ и дворянамъ не взяти ничего“ (ст. 3); „а если помирятся, выйдя съ пиру, то намѣстникомъ „куница шерстью“. А кто миритъ, разбираетъ

Есть, впрочемъ, въ грамотѣ прямыя указанія на *судъ* намѣстниковъ: «а кто кого *боярина* излаетъ или до крови ударитъ, а *намѣстницы судятъ* ему» [1]). На *судъ* къ намѣстнику приводятъ его дворяне и подвойскіе; намѣстники выдаютъ «правыя и безсудныя грамоты» [2]). Но кого они судятъ? Въ первомъ случаѣ рѣчь шла о боярахъ, а здѣсь? Не знаемъ. Но, во всякомъ случаѣ, навѣрное, не членовъ общины. Почтенный изслѣдователь судебнаго строя древней Руси, бывшій профессоръ Ѳ. Дмитріевъ, въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи говоритъ по поводу суда князей и намѣстниковъ слѣдующее: «Какъ праву, которое стояло *подлѣ дани* и было однимъ изъ важныхъ источниковъ дохода, княжескому суду равно подлежали всѣ, но въ *практическомъ* своемъ *примѣненіи это правило должно было измѣняться... врядъ ли члены одной и той же общины могли часто имѣть нужду въ княжеской расправѣ.* По всей вѣроятности, во взаимныхъ своихъ столкновеніяхъ они расправлялись *по домашнему*, своими *собственными старшинами и начальниками и только по дѣламъ съ членами другихъ общинъ обращались къ своему* князю» [3]), и, прибавимъ, къ его намѣстникамъ или волостелямъ. Нѣсколько дальше, говоря о намѣстникахъ собственно, авторъ повторяетъ высказанное имъ уже и по отношенію къ нимъ, причемъ замѣчаетъ, что намѣстники «собственно не управляли, но получали кормъ и *судили*». Кого? Авторъ отвѣчаетъ: боярство и вообще служилыхъ людей, духовенство, разумѣется, въ ихъ гражданскихъ дѣлахъ или общихъ преступленіяхъ [4]); и опять-таки не членовъ общины, а лишь эти послѣднія между собою или съ частными землевладѣльцами — духовными или свѣтскими.

Такое заключеніе можно вывести уже и изъ одного любопытнаго факта, указаннаго тѣмъ же г. Дмитріевымъ. Ни одна изъ напечатанныхъ правыхъ грамотъ судебныхъ постановленій, выданныхъ судомъ намѣстниковъ, не говоритъ о тяжбѣ *между крестьянами одной и той же волости* [5]).

Присоединимъ сюда еще свидѣтельство одного памятника первой половины XIII столѣтія — договоръ новгородцевъ съ нѣмцами: въ немъ «обчій судъ» или судъ «добрыхъ мужей» прямо противуполагается суду князя и его органа — тіуна. Подъ этимъ «обчимъ судомъ», судомъ «добрыхъ мужей» наши изслѣдователи именно и разумѣютъ судъ *общинный*, противуположный суду князя и его чиновниковъ. И мы присоединяемся къ этому взгляду [6]).

подравшихся? Едва ли намѣстникъ или его дворяне: мирятъ и судятъ члены общины, въ данномъ случаѣ спеціальной — „братчины", которая во время пира имѣла своего „государя", старостъ. *Пск. суд. гр.*, стр. 34.

[1]) *Двин. грам.*, стр. 2.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 9.

[3]) *Исторія судебн. инстанцій*, стр. 6.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 15 и 14.

[5]) *Тамъ-же*, стр. 7. Фактъ очень важный. Авторъ говоритъ, впрочемъ, что есть одно исключеніе: это „правая грамота", напечатанная въ *Актахъ юридическихъ*, № 2; она будто бы говоритъ о тяжбѣ членовъ одной и той же общины. Но это совсѣмъ не такъ: въ ней „тяжутся" не члены одной общины, а монастырь съ другимъ монастыремъ *и его крестьянами* и сябрами (совладѣльцами). Другими словами, тягаются *частные* землевладѣльцы, а не члены одной общины.

[6]) Упоминается въ договорѣ „обчій судъ" по тому поводу, что на этотъ судъ русскій могъ звать нѣмца лишь съ согласія этого послѣдняго. Это наводитъ насъ на мысль, что и

Таковы указанія на общинный судъ и судъ намѣстничій и ихъ взаимныя отношенія до XV вѣка. Можетъ быть, указанія эти смутны и неопредѣленны. Такое замѣчаніе дѣлаютъ обыкновенно, и намъ, разумѣется, могутъ сдѣлать его по отношенію къ общиннымъ судамъ въ особенности; но мы рѣшаемся утверждать, что бо́льшія опредѣленія относительно къ этимъ судамъ едва ли для того времени и требовались, въ виду силы *народнаго* обычая, не только правительственными грамотами не отмѣнявшагося, а, наоборотъ, ими признававшагося и рекомендованнаго въ руководство намѣстнику: «а онъ вѣдаетъ васъ и судитъ *по старой пошлинѣ* (обычаю), какъ было прежъ сего»,—обычный припѣвъ княжескихъ грамотъ и уставовъ.

Крѣпокъ и стоекъ могъ быть обычай въ самомъ народѣ; но и онъ едва ли могъ устоять противъ натиска силъ, одолѣвавшихъ стойкость этого послѣдняго. А такія силы развивались быстро, особенно въ концѣ XIV столѣтія, когда такъ пышно развивается власть князя московскаго, переходившая постепенно во власть князя «всея Руси». «Чѣмъ сильнѣе, — говоритъ г. Дмитріевъ,—власть княжеская, тѣмъ чаще старая пошлина (обычай) могла быть нарушаема» [1]). Совсѣмъ иначе пошли дѣла общинъ,—говоритъ другой изслѣдователь даннаго вопроса, Бѣляевъ, — «по мѣрѣ осѣданія княжеской власти въ своихъ княжествахъ» [2]). Почему? Усиливается въ смыслѣ размноженія и интенсивности княжескій административный персоналъ, который съ момента появленія своего кормится «съ суда и управы». И какъ это ни странно, тѣмъ не менѣе, сама верховная власть «всячески и заботливо», какъ выражается одинъ изъ цитированныхъ нами изслѣдователей, «устраняетъ вмѣшательство» своего намѣстника, волостеля и ихъ органовъ вродѣ тіуновъ, доводниковъ и т. п. «въ дѣла общинъ» [3]). И противорѣчія въ такомъ явленіи мы не видимъ: иначе невозможно было примирить два начала — государственное и частное, водвореніе суда и порядка въ волости и кормленіе съ нихъ княжескихъ чиновниковъ.

Заботливость объ охранѣ суда и порядка и, главнѣйшимъ образомъ, государственныхъ доходовъ выражалась со стороны княжескаго правительства дѣйствительно «всячески». Оно не останавливалось, можно сказать, ни передъ чѣмъ, даже ни передъ тѣмъ, чтобъ отдавать функціи мѣстнаго управленія въ руки частныхъ лицъ.

Причины, вызывавшія къ такимъ мѣрамъ князей, очевидно, въ глазахъ ихъ были слишкомъ серьезны и настоятельны. Эти причины — разореніе народа и казны мѣстными органами власти. Мы не будемъ здѣсь приводить факты въ доказательство высказаннаго во всемъ ихъ изобиліи и укажемъ на одинъ-два общественныхъ: начиная съ XII ст., мы то и дѣло встрѣчаемъ у лѣтописца разсказы вродѣ того, что, наприм., въ Кіевѣ, при князѣ Игорѣ Ольговичѣ, народъ возстаетъ противъ княжескихъ чиновниковъ, волостелей и тіуновъ, выве-

---

изъ русскихъ не члены общины могли, можетъ быть, если хотѣли этого сами, судиться на общинномъ судѣ, какъ это имѣло мѣсто въ Юго-западной Россіи. Договоръ, о которомъ мы говорили, — въ двухъ редакціяхъ; въ другой его редакціи, вмѣсто „обчаго" суда, суду князя противуполагается „судъ иной". Какой? *Хрестоматія Влад-Буданова,* вып. I. стр. 106.

[1]) Назв. соч., стр. 8.

[2]) *Круговая порука,* стр. 21.

[3]) *Дмитріевъ,* назв. соч., стр. 15.

денный изъ терпѣнія ихъ поборами, или, какъ, наприм., нѣсколько позже, въ другомъ концѣ Руси, въ Суздальской землѣ, князья Ростиславичи теряютъ свои столы, благодаря тому, что ихъ посадники «*многу тяготу* людемъ створиша продажами и вирами», т.-е. незаконнымъ взиманіемъ уголовныхъ штрафовъ, которые они собирали въ видѣ кормовъ въ свою пользу. Факты крупные: въ одномъ случаѣ дѣло кончилось смертью князя, въ другомъ—изгнаніемъ [1]). Ихъ совершенно достаточно, чтобъ обратить серьезное вниманіе княжеской власти на дѣло, тѣмъ болѣе, что съ усиленіемъ ея, съ паденіемъ вѣча, съ расширеніемъ государственной территоріи положеніе вещей ухудшалось. Выходовъ только и оставалось, что указанные, т.-е. съ развитіемъ крупной поземельной собственности и помѣстнаго владѣнія обратиться къ помощи собственниковъ и владѣльцевъ, да вооружить общины бо́льшею самостоятельностью передачей въ ихъ собственныя руки функцій намѣстниковъ и волостелей. Къ нимъ князья и обращаются. Ограниченіе совершалось очень постепенно. Сначала князья обращаются къ попыткамъ опредѣлить отношенія мѣстныхъ представителей своей власти къ завѣдываемымъ ими областямъ путемъ законодательныхъ мѣръ; одной изъ такихъ попытокъ и была, по вѣрному замѣчанію г. Дмитріева, «выдача уставныхъ грамотъ». Главною задачей этихъ грамотъ было опредѣлить «кормы» въ пользу властей, какъ въ видѣ спеціальныхъ взносовъ, такъ и пошлинъ съ различныхъ судебныхъ дѣйствій. То и другое, если не имѣть въ виду нѣкоторыхъ опредѣленій *Русскихъ Правдъ*, долго оставалось не опредѣленнымъ со стороны закона, опираясь исключительно на обычай, «на пошлину», которая оказалась безсильною противустоять натиску «потребностей» княжескихъ органовъ. Вносится въ двинскую уставную грамоту и такое постановленіе: «а надъ кѣмъ учинятъ (намѣстники) продажу (сборы) сильно (сверхъ опредѣленнаго) *и ударятъ они* (князю) *на нихъ челомъ, и мнѣ*, князю великому, *велѣти намѣстнику стати предъ собою* на срокъ; а не станетъ, ино на того грамота безсудная и приставъ мой доправитъ» [2]), т.-е. населеніе получаетъ право жалобы на намѣстниковъ непосредственно князю, который и судитъ ихъ самъ, даже заочно. Право, казалось бы, важное, могшее гарантировать, повидимому, неприкосновенность мѣстнаго строя и правъ свободнаго населенія; но это только повидимому. Примемъ во вниманіе тогдашнія условія общественно-государственной жизни и изъ нихъ въ особенности такое, какъ дальность разстояній въ новослагавшемся московскомъ государствѣ, или такое, какъ неопредѣленность самыхъ отношеній между намѣстниками и самимъ княземъ,—неопредѣленность, вызвавшая только что приведенное постановленіе двинской грамоты на случай, если обвиняемый намѣстникъ «не станетъ къ Москвѣ». Стало быть, мѣстный органъ московской власти могъ «силенъ чиниться» и не поѣхать на княжескій судъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ жалобы населенія, челобитныя едва ли могли достигать цѣли. Обычай оказывался беззащитнымъ передъ княжескими чиновниками; онъ оказывался таковымъ, несмотря на охраненіе его закономъ.

---

[1]) *Ипатьевск. лѣтоп.*, изд. арх. коммиссіи, подъ 1143 г. Кіевляне говорили князю, что его „тіуны“ *погуби*, одинъ — Кіевъ, а другой — Вышегородъ, стр. 229. *Лаврент.*, 297, подъ 1176 г., стр. 355 и сл.

[2]) Статья 13.

Это видно уже и изъ того, что во всѣхъ позднѣйшихъ грамотахъ право челобитій на намѣстниковъ не только постоянно вновь утверждается за населеніемъ, но и точнѣе опредѣляется; такъ наприм., въ уставной грамотѣ, данной столѣтіемъ почти позже двинской на имя одной изъ сѣверныхъ же областей, точно перечисляются всѣ слои населенія, могущіе бить челомъ на княжескихъ чиновниковъ въ случаѣ нанесенія имъ обидъ этими послѣдними; поименовываются и отдѣльные чиновники; категорически говорится, что жалобщики могутъ сами «наметывать на намѣстниковъ, волостелей и на ихъ людей сроки», т. е. назначать время суда въ Москвѣ. Наконецъ, въ *Судебникѣ* Ивана III 1497 года опредѣлено въ видѣ общей мѣры, чтобы намѣстники и другія мѣстныя власти, въ случаѣ жалобы на нихъ, ѣхали «къ *сроку* (постановленному челобитчикомъ) отвѣчивати»; если бы сами не могли пріѣхать, то должны были «въ свое мѣсто къ сроку... къ отвѣту послати» [1]). Право гораздо болѣе важное, чѣмъ можетъ показаться намъ съ перваго взгляда: это большое облегченіе для мѣстнаго населенія: можно было выбирать для поѣздки въ Москву время безрабочее, время хорошихъ дорогъ и т. д. Обидчикамъ угрожалось «*быти* отъ великаго князя *въ казнѣ*» [2]).

Установленіе болѣе опредѣленныхъ нормъ для взиманія кормовъ продолжается на разстояніи цѣлыхъ столѣтій; но этого мало: правительство прибѣгаетъ къ новому средству ограниченія; въ грамотахъ XV столѣтія мы встрѣчаемся съ постановленіями вродѣ слѣдующаго: «а кормы намѣстничьи и тіуновы и доводчиковы поборы берутъ (т.-е. сбираютъ) въ *станѣхъ соцкіе*, да платятъ намѣстникамъ, и тіунамъ, и доводчикамъ въ *городѣ*» [3]). Въ этомъ случаѣ власть чиновниковъ или, лучше, ихъ произволъ претерпѣваетъ значительное ограниченіе: община въ лицѣ своихъ выборныхъ совсѣмъ устраняетъ ихъ отъ сбора кормовъ, производитъ ихъ сама, руководясь «пошлиной» и уставными грамотами.

Что это за «соцкіе»? Они упоминаются не только въ только что приведенномъ мѣстѣ, взятомъ изъ памятника конца XV ст., но и въ двинской грамотѣ, стало быть, столѣтіемъ раньше; ихъ встрѣчаемъ мы и раньше, и позже. Это наши старые знакомые древне-славянскіе сотскіе, выборные общинъ, которыхъ мы видѣли еще въ X вѣкѣ. Стало быть, они не умерли при князьяхъ, дожили до конца XV ст. и, мы увидимъ, переживутъ и это столѣтіе.

Но «кормы» княжаго чиновничества въ волостяхъ не состояли только изъ спеціально назначаемыхъ на это поборовъ; мы знаемъ, посадники и намѣстники съ ихъ тіунами «тяготу многу чинили» народу «*вирами и продажами*», а это—*пошлины судебныя*, которыя достигали постепенно огромнаго разнообразія. Отсюда новое ограниченіе власти намѣстниковъ, и опять, между прочимъ, чрезъ посредство общины, ея выборныхъ: «а намѣстникомъ нашимъ

---

[1]) *Бѣлозерская уставная грамота* отъ 1488 г. *Хрестоматія Влад.-Буданова*, вып. II, изд. 2, стр. 80.

[2]) Ст. 45. *Хрест. Влад.-Буданова*, вып. II, изд. 2, стр. 99.

[3]) Тоже *Бѣлозерская грамота*, ст. 6. Всѣ эти сборы производятся выборными общинъ (соцкіе) два раза въ годъ: „о Рождествѣ Христовѣ... и о Петровѣ дни", и отвозятся самими въ городъ.

и ихъ тіунамъ *безъ соцкихъ, и безъ добрыхъ людей не судити* судъ», — говоритъ бѣлозерская уставная грамота.

Мы знаемъ, что такое «соцкіе». Но кто такіе «добрые» люди? Откуда они, въ какомъ отношеніи стоятъ къ общинѣ, къ соцкимъ? Когда и гдѣ они появились? Впервые ли они введены только что цитированною уставною грамотой или существовали раньше? Еслибъ даже они впервые введены были княземъ московскимъ лишь теперь, въ концѣ XV вѣка, то и въ такомъ случаѣ для нашей цѣли — установить участіе общины въ судѣ и управленіи древней Руси — вообще фактъ былъ бы очень важенъ, но дѣло въ томъ, что и добрые мужи упоминаются въ исторіи и столѣтіемъ раньше [1]); но и въ XIV вѣкѣ, какъ и въ XV, ничего не говорится о времени ихъ появленія. Остается думать, что и они изстаринное явленіе общинной жизни, быть можетъ, стоящее въ прямой связи съ извѣстными намъ двѣнадцатью мужами древнѣйшаго списка *Русской Правды* [2]). Да это вытекаетъ и изъ взгляда самого законодателя, выразившагося, намъ думается, въ только что приведенномъ постановленіи грамоты: «намѣстникомъ... безъ соцкихъ и добрыхъ людей *не судити*»; изъ этого оборота рѣчи прямо слѣдуетъ, что соцкіе и добрые люди существуютъ давно, но, благодаря *фактическому* положенію, до сихъ поръ опиравшемуся лишь на обычай, а не на законъ, постепенно устранялись отъ участія въ судѣ княжескими чиновниками произвольно, насиліемъ. Теперь законодатель хватается за это исконное начало, старается постепенно водворить его снова, укрѣпить его путемъ отдѣльныхъ актовъ въ отдѣльныхъ областяхъ, а въ концѣ XV вѣка первымъ законодательнымъ сборникомъ во всемъ московскомъ государствѣ: *Судебникъ* Ивана III постановляетъ, чтобъ *на судѣ* у мѣстныхъ правительственныхъ органовъ повсюду «быти *дворскому и старостѣ, и лутчимъ людемъ;* а безъ дворскаго, и безъ старосты, и *безъ лутчихъ людей суда намѣстникомъ и волостелямъ не судити*» [3]).

Таково положеніе дѣлъ къ началу XVI вѣка, — времени окончательнаго сложенія московскаго государства, времени полнаго исчезновенія стараго вѣчеваго строя, времени превращенія московскаго князя въ московскаго царя. Община, какъ мы видимъ, не исчезла. Несомнѣнно, она многое потеряла. Она перестала быть *вполнѣ* автономной: по многимъ дѣламъ, перешедшимъ въ вѣдомство правительственныхъ мѣстныхъ органовъ, она вовсе перестала быть *судьей непосредственнымъ*. Но она не потеряла права на судъ, на участіе въ немъ вовсе. Она въ лицѣ своихъ представителей участвуетъ въ немъ совмѣстно съ княжескими органами. И участвуетъ во всѣхъ дѣлахъ, подлежащихъ суду намѣстниковъ, волостелей и т. д.

Можетъ возникнуть вопросъ, — онъ и возникъ, — о томъ, въ какомъ значеніи представители общины участвовали въ судѣ намѣстниковъ? Въ качествѣ ли, какъ утверждаютъ одни, простыхъ свидѣтелей всего въ судѣ происходящаго,

---

[1]) Дмитріевъ (назв. соч., стр. 41) указываетъ, что о нихъ говорится въ одномъ судномъ дѣлѣ еще до временъ Димитрія.

[2]) Дмитріевъ категорически говоритъ: „Народное происхожденіе судныхъ мужей неподлежитъ сомнѣнію". *Тамъ-же.*

[3]) Ст. 88. *Хрест. Влад.-Буданова,* вып. II, стр. 95—96.

или въ качествѣ элемента, ограничивающаго власть правительственныхъ судей, участвуютъ они во всемъ ходѣ процесса, не исключая и самаго постановленія приговора?

Прежде всего, несомнѣнно, задачей лучшихъ людей, «судныхъ мужей», было засвидѣтельствованіе всего происходящаго на судѣ. Въ этой своей роли судные мужи, по выраженію г. Дмитріева, вышли «изъ гласности древняго судопроизводства и... изъ древнѣйшаго способа укрѣпленія правъ». Но этой только ролью едва ли исчерпывалось все ихъ значеніе. Въ отдѣльныхъ грамотахъ, которыми подтверждается участіе мужей въ судѣ, часто по отношенію къ нимъ употребляется выраженіе: «беречи правду... безъ всякія хитрости». Этими словами опредѣляется ихъ задача. А что же могутъ значить эти слова? Ланге думаетъ, что ими возлагается на судныхъ мужей «обязанность удостовѣрять своею подписью правильность судебнаго протокола, подтверждать его достовѣрность» [1]). Иначе смотритъ на дѣло г. Дмитріевъ; онъ подъ выраженіемъ «правду стеречи» разумѣетъ нѣчто большее и именно участіе въ самомъ судѣ; такое толкованіе даннаго выраженія нашъ изслѣдователь дѣлаетъ на томъ основаніи, что обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда жаловались на устраненіе отъ суда княжескими чиновниками земскихъ людей, говорили, что, благодаря этому, судьи «судили *не по суду и чинили продажи великія*» [2]); отсюда уже ясно, въ чемъ дѣло: земскіе люди охраняютъ «судъ по *суду*», т.-е. по праву, слѣдятъ за нарушеніемъ послѣдняго и, разумѣется, прежде всего, того права, которое содержалось и выражалось въ формѣ обычая. А какимъ образомъ можно достигнуть такой охраны, какъ не путемъ непосредственнаго участія въ самомъ судѣ и постановленіи рѣшенія? Въ такъ называемыхъ правыхъ грамотахъ судные мужи подписывались вмѣстѣ съ судьями княжескими. Что касается спеціально соцкихъ, то на характеръ ихъ участія въ дѣлѣ есть и прямыя указанія— именно въ одной изъ правыхъ грамотъ отъ 1483 года, въ которой излагается «судъ передъ господиномъ псковскимъ Ярославомъ Васильевичемъ и передъ посадники степенными *и передъ соцкими*». Дѣло шло о землѣ между монастыремъ и крестьянами. Изъ изложенія дѣла видно, что каждая сторона обращается къ суду въ такихъ словахъ: «Господинъ князь, и посадники, *и соцкіе*»; и о судѣ, въ свою очередь, говорится: и «господинъ князь, и посадники, *и соцкіе вспросили*», «и господинъ князь, и посадскіе, *и соцкіе грамоты* (юридическіе акты) *прочетъ*» [3]). Правда, это грамота не московская собственно, а псковская; и въ Псковѣ въ эти годы еще существовали въ извѣстной степени вѣчевые порядки — дѣло происходило лѣтъ за 25 до окончательнаго паденія Пскова; но мы рѣшаемся привести этотъ фактъ, такъ какъ онъ только разъясняетъ указанія болѣе общаго рода грамотъ собственно московско-княжескихъ и такъ какъ онъ, наконецъ, тѣмъ-то и важенъ, что характеризуетъ тѣ именно порядки, которые существовали и въ другихъ земляхъ древней Руси, но только были

---

[1]) *Древнее русск. угол. судопроизводство*, стр. 41.
[2]) Назв. соч., стр. 44.
[3]) *Акты юридич.*, № 2, стр. 3.

искалѣчены практикой мѣстныхъ княжескихъ людей и теперь, мы видѣли, возстановлялись князьями [1]).

До сихъ поръ мы говорили, главнымъ образомъ, если не исключительно, объ участіи земства древней Руси въ отправленіи мѣстнаго суда; лишь вскользь было иногда указано на другія функціи общинъ и ихъ выборныхъ. Это оправдывается отчасти тѣмъ, что древнее управленіе долгое время и выражалось почти исключительно въ судѣ, а отчасти и тѣмъ, что, въ силу указаннаго характера древняго управленія, самыхъ слѣдовъ дѣятельности, указаній на эту послѣднюю дѣятельность земства въ лѣтописяхъ, сборникахъ правъ, отдѣльныхъ законодательныхъ актахъ и т. п. мы встрѣчаемъ гораздо больше. Но кое-какія указанія, однако, на другія стороны административной дѣятельности земства, въ лицѣ его общинъ, мы, все-таки, имѣемъ.

Такія указанія встрѣчаются еще въ *Русской Правдѣ*. Припомнимъ, что община уплачивала такъ называемыя «дикія виры», уголовные штрафы за причинявшіяся ея членами убійства. Уплату этихъ виръ князья, благодаря ихъ крупнымъ размѣрамъ, разсрочивали общинамъ и посылали въ опредѣленное время года для сбора ихъ особыхъ чиновниковъ-вирниковъ. Вирникъ только получалъ изъ рукъ выборныхъ общины эти виры; распредѣляли же ихъ между отдѣльными членами общины и собирали съ нихъ сами общины черезъ своихъ выборныхъ [2]). Вирникъ все время пребыванія въ общинѣ содержался на ея счетъ, получая кормъ натурой и деньгами какъ на себя, такъ на спровождавшихъ его чиновниковъ и на своихъ лошадей [3]). Всѣ эти «кормы» опять таки распредѣлялись общиной по отдѣльнымъ ея членамъ и собирались выборными старостами и сотниками съ десятскими. Но поборы и повинности общины не ограничивались одними судебными сборами и кормами. Въ той же *Русской Правдѣ*, если отнести къ ней, какъ обыкновенно и относятъ, статьи объ уронахъ мостниковъ и городниковъ, говорится о такихъ сборахъ, какъ сборы на постройку «городовъ» — кремлей въ городахъ и мостовыхъ; въ этихъ статьяхъ о починкѣ и постройкѣ въ городскихъ общинахъ мостовыхъ на улицахъ (досками) и городскихъ стѣнъ идетъ рѣчь, въ сущности, о сборахъ за это въ пользу какихъ-то «мостниковъ» и «городниковъ» [4]). Сборы возлагались на общину въ общей суммѣ, которая и распредѣлялась ею между своими членами. Если эти статьи *Правды*, какъ предполагаютъ, касаются спеціально Новгорода, то за поясненіемъ ихъ мы можемъ обратиться къ такъ называемому *Уставу о мостовыхъ* того же Новгорода, относимому къ началу XI вѣка. Въ этомъ коротенькомъ уставѣ повинность мостить улицы и содержать мостовыя распредѣляется только по

---

[1]) Еще чуть не полстолѣтія назадъ Морошкинъ въ своей пресловутой рѣчи „Объ уложеніи и послѣдующемъ его развитіи" говорилъ о времени судебниковъ, т.-е. о времени со второй половины XV до половины XVI ст., что „*право* живетъ *въ народныхъ обычаяхъ* и вѣщатели его суть цѣловальники, *люди добрые*, люди лучшіе... Они-то *наполняютъ формы* суда *матеріальнымъ содержиніемъ*". Рѣчь на актѣ Моск. университета, произнесенная въ 1839 году, стр. 16.

[2]) Карамз. сп., ст. 4. Самъ убійца участвуетъ при извѣстныхъ условіяхъ въ уплатѣ виры „*по верхинѣ*, еже ся *прикладываютъ* виру".

[3]) Акад. сп., ст. 42, и Карамз. сп., ст. 7.

[4]) *Владимірскій-Будановъ* называетъ ихъ чиновниками, наблюдавшими за стройкой. *Хрестоматія*, вып. I, изд. 3, стр. 72, прим. 139.

«концамъ» города и ихъ «улицамъ», какъ общинамъ, которыя уже обязаны были эту повинность распредѣлять по домамъ или хозяйствамъ [1]).

Общины же, въ качествѣ таковыхъ, какъ самостоятельныя единицы, уплачивали князьямъ, «кромѣ продажъ и кромѣ виръ», еще различнаго рода сборы натурой и денежные; въ пользу князей облагались такими сборами общины именно, а не индивидуальные плательщики; такъ, напр., въ XII столѣтіи смоленскому князю со смоленской земли шли такъ называемыя «дани» и «передмѣръ», какъ это видно изъ одной грамоты, съ каждой отдѣльной городской или сельской общины въ опредѣленной цифрѣ [2]), которая уже и распредѣлялась между отдѣльными платежными единицами самими общинами на сходахъ и собиралась старостами, соцкими. Съ указаніями на такіе факты мы встрѣчаемся и въ памятникахъ XIII, XIV столѣтія, а отъ XV вѣка у насъ уже приведено было также указаніе изъ бѣлозерской уставной грамоты, которая, какъ мы видѣли, даровала право общинѣ, именно *даровала* его, и отсылать самой сборы, черезъ своихъ выборныхъ, въ городъ, съ цѣлью устранить со стороны княжескихъ чиновниковъ какое бы то ни было вмѣшательство въ это дѣло. Ко всему этому надо прибавить еще поземельныя отношенія общины, которая изстари владѣла землею, обрабатываемою отдѣльными членами ея, физическими или юридическими (семьи), или лежащею подъ лѣсами, лугами и пустошами, которыми пользовались всѣ сообща; она заботилась о заселеніи дворовъ, опредѣленіи и распредѣленіи обрабатываемыхъ участковъ, когда въ этомъ настояла нужда; она защищала эти свои земли отъ захватовъ въ судахъ, въ которыхъ всегда являлись защитниками староста или соцкій и нѣсколько человѣкъ «во всѣхъ крестьянъ мѣсто» [3]).

Но въ общинѣ, помимо только что указанныхъ интересовъ, жили и развивались съиздавна и интересы нравственные, поскольку они сознавались въ то или иное время; такая сторона жизни съиздавна, напримѣръ, проявлялась въ извѣстныхъ общинныхъ «пирахъ», такъ называемыхъ *братчинахъ*, которыя могли составляться какъ изъ нѣсколькихъ членовъ общины, такъ и изъ цѣлой общины; послѣднее въ небольшихъ общинахъ должно было имѣть мѣсто чаще. Братчины вовсе не такое малое значеніе имѣли въ древней Руси, какъ можно думать въ настоящее время. Важное значеніе ихъ вытекаетъ уже изъ того, что онѣ очень часто упоминаются въ памятникахъ того времени. Мы уже замѣтили мимоходомъ о братчинахъ, упоминаемыхъ въ псковской судной грамотѣ: въ этомъ сборникѣ сочли нужнымъ говорить о пирахъ братчинъ, о «государѣ», о пировомъ старостѣ (распорядителѣ) ихъ, сочли нужнымъ вооружить ихъ правомъ суда: *а братчина судитъ какъ судьи* [4]). Бѣлозерская уставная грамота находитъ необходимымъ постановить: «а тіуномъ и намѣсничимъ людемъ *на пиръ и на братчину* незванымъ не ходити; а кто пріѣдетъ къ нимъ на

---

[1]) *Утинъ* и *Лазаревскій:* „Собраніе важн. памятн.“, стр. 37 и 38.

[2]) Въ грамотѣ говорится, что „*у Вержавлянѣхъ у Великихъ Девять погостъ, ...и въ тыхъ погостахъ*, во всѣхъ сходится дани 800 гривенъ, а передмѣра сто гривенъ... а въ *Торопчи*... дани 400 гривенъ, а въ Касили — 100 гривенъ... а въ Жидчичехъ 10 гривенъ“ и т. д., и т. д. Всѣ собственныя имена здѣсь — названія общинъ, городовъ и погостовъ.

[3]) *Бѣляевъ:* „Крестьяне на Руси“, стр. 45—46.

[4]) *Псковск. суд. гр.*, ст. 34 и 113. *Хрестоматія Влад.-Буданова*, вып. I, стр. 145 и 174.

пиръ и на братчину незванъ, и они *того* вышлютъ вонъ безпенно (безнаказанно); а кто у нихъ иметъ пити сильно, а учинится какова гибель, а отъ меня отъ великаго князя быть въ казнѣ».

Припомнимъ, что въ древней Руси чины бѣлаго приходскаго духовенства избирались приходами-общинами [1]), что представляло немалый мѣстный интересъ; есть указанія, правда, отъ болѣе поздняго времени, на проявленіе общинами, напримѣръ, такой дѣятельности: «се азъ староста Тавренской волости... да и всѣ крестьяне тавренскіе волости ильинскаго прихода обговорились есмя промежъ собою... и учинили заповѣдь на три годы... что намъ въ праздникъ, въ Воскресеніе Христово, дѣла не дѣлати, никакого черннаго... а въ *Пятницу* ни толчи, ни молоти, ни каменія ни жечи, проводити съ чистотою и съ любовью; ни женамъ въ Воскресеніе Христово ни шити, ни брати... И кто сю заповѣдь нарушаетъ... и доведутъ его людьми добрыми, и на томъ заповѣди доправити по мірскому уложенью соцкому» [2]).

Все это такія стороны общинной жизни, которыя при благопріятныхъ условіяхъ могли бы развиться въ нѣчто здоровое, могшее въ высшей степени благотворно повліять на умственный и нравственный складъ русскаго народа.

Этимъ мы могли бы заключить нашъ очеркъ общиннаго строя древней Руси, еслибъ не упомянули выше, что князья, въ видахъ ограниченія власти намѣстниковъ и волостелей, передавали функціи мѣстнаго управленія въ руки частныхъ землевладѣльцевъ. Къ концу перваго періода нашей исторіи землевладѣніе въ формахъ *вотчиннаго*—частныя лица и монастыри (даже и церкви)—и *помѣстнаго* развилось въ широкихъ размѣрахъ; параллельно съ нимъ развивалось и безземельное крестьянство, сидѣвшее на этихъ земляхъ срочно, на извѣстныхъ условіяхъ съ землевладѣльцами.

Эти-то землевладѣльцы очень рано начинаютъ получать отъ князей, въ силу особыхъ, такъ называемыхъ *жалованныхъ грамотъ*, право суда и расправы по отношенію къ населенію, сидѣвшему на ихъ земляхъ. Они замѣняли собою намѣстниковъ и волостелей. Еще въ XII столѣтіи появляются жалованныя грамоты на право суда по всѣмъ дѣламъ гражданскаго и уголовнаго характера, исключая, впрочемъ, такихъ наиболѣе тяжкихъ по тогдашнему воззрѣнію преступленій, какъ «разбой съ поличнымъ и душегубство». «Судити, — говорится въ одной изъ грамотъ начала XV ст., данной на имя митрополитовъ,— митрополиту съ волостелемъ (своимъ митрополичьимъ). А судьѣ моему, великаго князя, не быти» [3]); «а нынѣчь та деревня *потянется судомъ и всѣми пошлинами* къ отцу моему Фотію»,—говорится въ другой грамотѣ; «ни намѣстници мои, ни ихъ тіуни, — распространяется третья, — не всылаютъ къ тѣмъ людемъ (въ данномъ случаѣ живущимъ на монастырской землѣ) своихъ побо-

---

[1]) „Избраніе кандидатовъ *на всѣ священно и церковно-служительскія должности* къ приходскимъ церквамъ *въ древней России принадлежало самимъ прихожанамъ*, причемъ выборъ падалъ не на однихъ только людей духовнаго происхожденія, но на всякаго вообще грамотнаго человѣка". *П. Знаменскій:* „Приходское духовенство въ Россіи", стр. 1. См. также его „Руководство къ исторіи русской церкви", стр. 26

[2]) А „уложенье" состояло въ опредѣленіи штрафа въ 10 алтынъ, изъ которыхъ 8 шло на „церковное строеніе", а два — соцкому. *Ак. юр.*, № 358.

[3]) *Ак. арх. эксп.*, т. I, № 9, стр. 4.

ровъ брати, ни судятъ ихъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ» [1]. Совершенно такого же содержанія жалованныя грамоты выдавались и на имя свѣтскихъ землевладѣльцевъ [2].

Грамотами весь судъ и вся расправа возлагаются на землевладѣльцевъ, которые и вѣдаютъ ихъ чрезъ своихъ намѣстниковъ и волостелей (митрополиты), доводчиковъ, прикащиковъ или «кому прикажутъ». Другими словами, эти, если можно такъ выразиться, частные представители государственной власти замѣняли по отношенію къ отданнымъ въ ихъ завѣдываніе «людемъ» княжескихъ чиновниковъ. Понятно, что они становились, *по закону*, къ этимъ людямъ въ такія же отношенія, въ какихъ къ нимъ стояли намѣстники и волостели, а по самой дѣйствительности, въ жизни, предполагалось, даже и въ лучшія. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что правительство надѣялось на таковыя. А отсюда уже само собою вытекаетъ, что общины къ такимъ новымъ властямъ должны были стоять въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ и къ прежнимъ, и общинный строй долженъ былъ оставаться тѣмъ же, что и въ области, подчиненной намѣстникамъ. Если бы эти отношенія измѣнялись, то въ жалованныхъ грамотахъ были бы по этому поводу оговорки, какъ это дѣлалось по поводу подсудности душегубства и разбоя. Такихъ оговорокъ нѣтъ.

Старшины и соцкіе въ общинахъ на земляхъ такихъ «ограмоченныхъ» землевладѣльцевъ остаются; «добрые люди» и «судные мужи при ихъ или ихъ прикащиковъ судахъ сидятъ» [3].

Таково было положеніе дѣлъ по занимающему насъ вопросу къ началу XVI вѣка, положеніе *по закону*. Мы видѣли, что власть княжеская въ теченіе всего долгаго періода времени нашей древней исторіи никогда не вступала въ борьбу съ исконнымъ общиннымъ началомъ, по скольку оно не проявлялось въ жизни политической; она даже противупоставляетъ это начало началу чиновничьему, старается послѣднее ограничить первымъ — путемъ охраненія обычнаго общиннаго строя закономъ, путемъ возведенія его на степень законнаго, по крайней мѣрѣ, наиболѣе важной стороны его — судебной.

При этомъ нельзя не замѣтить, что княжеская власть въ своемъ отношеніи къ общинамъ руководится всегда интересами казенными: въ нихъ видятъ средство охранить общину, какъ платежную единицу, отъ расхищенія намѣстниковъ и волостелей съ ихъ тіунами, а, вмѣстѣ, охранить и княжескіе сборы. Хотя этотъ взглядъ и не проявляется такъ рѣзко, какъ позже, но, все-таки, достаточно для того, чтобы могъ остановить на себѣ вниманіе.

Но посильное изображеніе нами участія общинъ въ мѣстномъ управленіи *по закону* или обычаю, разумѣется, не можетъ дать намъ вѣрнаго представленія о немъ въ дѣйствительности, о значеніи ея въ жизни по обычаю. Жизненное значеніе ея, думать надо, далеко было не то, что по закону. Самыя

---

[1]) *Тамъ-же*, № 20, стр. 15, и № 21. Иногда поборы подробно перечислялись.

[2]) Напр., жалов. грамота 1450 г. великаго князя Василья Васильевича, выданная нѣкоему Ивану Путелину, получившему землю въ помѣстье: „а волостели мои и ихъ тіуны,— говоритъ князь, — доводчиковъ своихъ не высылаютъ къ Ивану и ко всѣмъ его людемъ ни по что". *Утинъ и Лазаревскій:* „Собр. важн. гр. и дог.", стр. 163.

[3]) *Н. С.*: „О церковномъ судоустройствѣ", стр. 60 и 61. О крестьянскихъ общинахъ на владѣльческихъ земляхъ см. у *Бѣляева*: „Крестьяне на Руси", стр. 44 и 46.

стремленія власти охранить общину, заставить свои органы относиться къ ея исконнымъ правамъ съ уваженіемъ уже указываютъ на сильное неблагополучіе въ положеніи общинъ.

Мы видѣли, что еще въ XII столѣтіи она уже безсильна защититься отъ тяготъ и разореній княжихъ людей иначе, какъ путемъ открытаго возстанія. Никакой исконной «пошлины» недостаточно было, чтобъ оградиться отъ «великихъ продажъ» чиновниковъ, бродячихъ князей удѣльныхъ, сидѣвшихъ съ этими чиновниками сегодня здѣсь, а завтра тамъ, и стремившихся, главнымъ образомъ, къ скопленію богатствъ, къ добыванію возможно сытыхъ кормовъ. Спасеніе «общины» лежало только въ вѣчевомъ строѣ: туго пришлось володимірцамъ отъ тяготъ, причинявшихся «землѣ» ихъ отъ посадниковъ Ростиславичей— «и *почаша володимерци молвити*, мы есми вольная князя пріяли къ собѣ *и крестъ цѣловали на всемъ*, а си яко не свою волость твориша, яко не творящися сѣдѣти у нас грабиша... *промышляйте* братья» [1]). Промышленіе состояло въ томъ, что на вѣче рѣшено было призвать новыхъ князей.

Князья постепенно осѣдаютъ, перестаютъ кочевать изъ конца въ конецъ Руси и постепенно превращаются въ хозяевъ-вотчинниковъ; съ ними осѣдаютъ и дружинники, интересы которыхъ связываются съ интересами мѣстнаго населенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вѣчевой строй исчезаетъ, между общиной и княземъ съ его служилыми людьми нѣтъ больше посредника, а, вмѣстѣ, и защитника, общины становятся лицомъ къ лицу съ княжескими намѣстниками, волостелями, тіунами и прикащиками.

А татарское иго, которому такъ мало обыкновенно придаютъ значенія по отношенію къ внутреннему строю земли русской на томъ только основаніи, что оно не тронуло этого строя *непосредственно?* Но отраженіе этого ярма едва ли можно преувеличить въ смыслѣ физическаго и нравственнаго гнета, глубоко развращавшаго всякаго рода «власти», въ смыслѣ, если такъ можно выразиться, вырожденія народа въ тѣхъ областяхъ, на которыя легла татарщина всѣми бѣдствіями своего перваго набѣга: «дорожившіе свободою предпочли рабству смерть», — разсказываетъ намъ покойный художникъ-историкъ; «лучше быть потяту, чѣмъ полонену», — говорилъ не даромъ древній пѣвецъ, и завѣщаніе Святослава — «мертвые срама не имутъ» — глубоко лежало въ русскомъ сердцѣ. Меньшинство, оставшееся въ живыхъ, уже не въ силахъ было помышлять о возстаніи, приходилось дрожать за жалкую жизнь, приходилось сживаться съ новыми условіями. Поколѣнія, смѣняя одно другое, возрастали и старились въ этихъ условіяхъ. Измѣнялись понятія, измѣнялся строй общественной жизни и самый народный характеръ. Старыя начала не разъ высказывались, но всегда были подавляемы и послѣ каждаго подавленія слабѣли и таяли. Вѣча умолкли [2]). Едва ли историкъ особенно преувеличивалъ, когда говорилъ, что ореолъ ханской власти отразился на характерѣ власти великихъ князей по сверженіи ига. Изъ него, этого ореола, окружавшаго ордынскаго владыку, черпали свою власть, получая изъ орды ярлыки на нее, всѣ князья Руси «подъ татарами», а въ такомъ состояніи она обрѣталась почти два столѣтія. Было время закалиться въ

---

[1]) *Лавр. лѣт.*, подъ 1176 годомъ.

[2]) *Костомаровъ*: „Начало единодержавія въ древней Руси". *Монографіи*, т. XII, стр. 68.

«идеалахъ» [1]). Не могла не отразиться татарщина и на внутреннихъ административныхъ порядкахъ чрезъ посредство зараженныхъ ею правительственныхъ органовъ. Быть можетъ, не совсѣмъ не правъ одинъ изъ нашихъ изслѣдователей, высказывая мысль, что «административные порядки древней Руси, послѣ завоеванія ея монголами, сложились *подъ сильнымъ* вліяніемъ ихъ административныхъ обычаевъ и порядковъ» [2]). Обыкновеннаго, неизбѣжнаго вліянія никто почти изъ изслѣдователей и не отрицаетъ [3]).

Мы опять повторимъ: это вліяніе отразилось не столько непосредственно на внутренній общинный строй, сколько путемъ вліянія на приказный чиновничій строй и, притомъ, главнымъ образомъ, нравственно — въ смыслѣ развитія восточно-административныхъ идеаловъ.

Круто пришлось общинѣ съ ея жизненнымъ самоуправленіемъ. «Старая вѣчевая жизнь народнаго *міра*, — говоритъ профес. Леонтовичъ, — что называется, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ сразу оборвалась подъ напоромъ внѣшней силы, неотразимо повліявшей на созданіе и упроченіе иного порядка жизни. Приближаясь къ московской эпохѣ, историкъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу лишь обломки старой вѣчевой жизни русскаго *міра*». И, все-таки, онъ ихъ встрѣчаетъ. И мы съ ними ознакомились.

Такова жизненность исконнаго начала русскаго народнаго строя.

Такова сила его, что даже татарскія вліянія не сломили его; татарскія «вліянія» и идеалы не заслонили его значенія въ общественно-государственной жизни отъ глазъ вновь сложившейся единой и неограниченной власти. «Обломки *старой* общинной жизни» возведены въ законъ новой жизни. *Судебникъ* Ивана III освящаетъ общимъ, для всей Руси обязательнымъ закономъ участіе земскихъ «добрыхъ людей» въ судахъ княжескихъ судей.

---

[1]) *Иловайскій*: „Исторія Россіи", т. II, стр. 357 и сл. И *Бестужевъ-Рюминъ* въ своей исторіи говоритъ о важнѣйшихъ косвенныхъ вліяніяхъ татаръ: „остановкѣ просвѣщенія, огрубеніи нравовъ", т. I, стр. 278.

[2]) *Леонтовичъ*: „Къ исторіи права русскихъ инородцевъ", стр. 251.

[3]) *Бѣляевъ*: „Элементъ монгольскій или татарскій *много дѣйствовалъ въ административномъ значеніи*. Монголы настолько дѣйствовали своимъ вліяніемъ на общественную жизнь и законодательство, что въ томъ и другомъ отношеніи время монгольскаго владычестваноситъ на себѣ особый характеръ; оно внесло въ русское общество новый элементъ, измѣнившій отношенія прежнихъ элементовъ общества". *Лекціи по исторіи русск. закон.*, стр. 4 и 268. „Московское государство пользовалось услугами татаръ, *въ администрацію вошло много восточнаго*", — говоритъ г. *Бестужевъ-Рюминъ* въ своей *Исторіи Россіи*, т. I, стр. 278.

III.

„И вниде въ слухъ... царю, что многіе *грады и волости пусты учинили намѣстники и волостели, изо многихъ лѣтъ презрѣвъ* страхъ Божій и *государскіе уставы*, и много злокозненныхъ дѣлъ на нихъ учиниша... И какъ сойдутъ съ кормленья, и мужики многими иски отыскивають... И повелѣ государь во градѣхъ и волостѣхъ розчинити старосты и соцкіе, пятидесяцкіе и десяцкіе... чтобъ имъ разсуждати промежъ разбои и татьбы и всякія дѣла".

Татищевъ: „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", кн. V, стр. 439 и 441.

„...Временная замѣна приказныхъ земскими людьми была у московскихъ царей *единственнымъ дѣйствительнымъ* средствомъ сдержать приказное самовластіе и прекратить притѣсненія, чинимыя народу недостойными царскими слугами".

Русь 1886 г., № 27, стр. 11 и 12.

Первые годы XVI столѣтія. Только что изданъ новый сборникъ законовъ московскаго государства. А въ немъ повторено дословно постановленіе стараго *Судебника* о бытіи на судѣ у намѣстниковъ и волостелей «старостѣ и лучшимъ людемъ, цѣловальникомъ» [1]). И такія страшныя «вѣсти» доходятъ до ушей только что очнувшагося молодаго царя, такъ рьяно взявшагося за дѣла внутренняго управленія.

«Государскіе уставы» царскими слугами «презрѣны», города и волости разорены. Мы привели эпиграфъ изъ грамоты, составленной, по мнѣнію нашихъ изслѣдователей, самимъ царемъ [2]). Свидѣтельство авторитета безукоризненнаго и, прибавимъ, на безукоризненныхъ данныхъ основывавшагося.

Данныя эти царь почерпалъ изъ такого непосредственнаго и вѣрнаго источника, какъ показанія самого народа, въ лицѣ его представителей, ходоковъ, шедшихъ со всѣхъ концовъ московскаго государства предъ ясныя очи царя и великаго государя, бить челомъ ему, батюшкѣ, и разсказать свои горя и тяготы и разоренія великія отъ «его государевыхъ намѣстниковъ и отъ ихъ тіуновъ, и отъ доводчиковъ, и отъ обыскныхъ грамотъ, и отъ лихихъ людей— отъ татей и разбойниковъ» [3]).

«Пастыри и учители» оказались «яко волци, гонители и разорители» [4]). А царь, простирая любовь свою «по Бозѣ ко всѣмъ подъ рукою его: и къ вельможамъ, и къ середнимъ, и ко младымъ, и ко всѣмъ равно, по достоянію всѣхъ «любя», и ни единаго же забвенна видѣти отъ своего жалованья, такоже никого ни отъ кого обидѣша видѣти хотя [5]), собираетъ совѣтъ бояръ, на ко-

---

[1]) *Судебникъ* 1550 г., ст. 62 — по *Хрестоматіи Вл.-Буданова,* вып. II, изд. 2, стр. 152 и 153.

[2]) *Владимірскій-Будановъ*, назв. изданіе, стр. 185.

[3]) *Уставная важская грамота* отъ 1552. *Тамъ-же.*

[4]) *Татищевъ,* тамъ-же, стр. 439.

[5]) *Тамъ-же*, стр. 440—441.

торомъ рѣшается произвести нѣчто». Многіе и теперь этотъ актъ назвали бы неслыханнымъ, страшнымъ, пагубнымъ.

Царь повелѣлъ «пастырей волковъ» устранить и овецъ, ими пасомыхъ, предоставить самимъ себѣ. Приказное начало изъ области устранено; его смѣнило начало *земское*.

И, что многимъ изъ насъ покажется особенно небывалымъ и чуть не сверхъестественнымъ, такая общественная пертурбація совершена, по выраженію одного изслѣдователя, «по иниціативѣ... самого населенія, а не правительства»[1],— по иниціативѣ всяческихъ «важанъ, шенкурцевъ... посадскихъ людей, и всего уѣзда... становыхъ и волостныхъ крестьянъ», какихъ-то Ивашекъ съ Максимками, да Ѳедекъ съ Кирилками, Потапокъ съ Олешками, какъ смиренно величаютъ себя иниціаторы-ходоки въ своихъ челобитныхъ царю-батюшкѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ жалобами, излагаютъ они и свои немудрые домыслы о лучшемъ строѣ для ихъ овечьихъ стадъ.

На такую радикальную операцію царь былъ вынужденъ непосредственно результатами дѣятельности областныхъ правителей въ теченіе первыхъ лѣтъ его царствованія, времени разнобоярщины, которое одинъ изъ современниковъ называетъ временемъ «нещаднаго пустошенія отечества воюющими въ немъ человѣкоугодниками со царемъ младымъ»[2]. Современники же оставили намъ описаніе этого «пустошенія». Такъ, напр., псковскій лѣтописецъ того времени, описывая ужасы управленія въ Псковѣ, въ періодъ перваго господства Шуйскихъ, намѣстниковъ московскихъ князей, Андрея Шуйскаго и Василія Репнина-Оболенскаго, говоритъ, что, благодаря дѣятельности этихъ царскихъ слугъ, «свирѣпыхъ аки львы», добрые люди разбѣжались по инымъ городамъ и весямъ, чтобы спастись отъ поборовъ и тяготъ всяческихъ[3].

Челобитныя разоряемаго и разгоняемаго населенія рѣкой лились въ Москву; но слышать ихъ было некому; разгулявшійся царь принималъ челобитчиковъ, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, истязаніями и пытками[4], а боярамъ было не до того. Но положеніе дѣлъ, очевидно, было невыносимо, такъ какъ и бояре вынуждены были такъ или иначе откликнуться на всеобщіе стоны земскихъ людей подъ гнетомъ московскихъ правителей. Изрѣдка бояре и отвѣчали на нихъ, какъ это мы видимъ въ первое правленіе Шуйскихъ и въ правленіе Бѣльскихъ.

И чѣмъ же отвѣчали? Опять-таки тѣмъ же, чѣмъ отвѣчали на жалобы земскихъ людей при князьяхъ, чѣмъ отвѣтилъ нѣсколько позже самъ царь Иванъ,— призывомъ къ дѣлу управленія и суда самихъ же этихъ земскихъ людей. Такъ, въ 1539 году въ отвѣтъ на челобитье «вотчинниковъ и помѣщиковъ... и старостъ, и соцкихъ, и десяцкихъ, и *всѣхъ крестьянъ:* митрополичихъ, владычнихъ, княжихъ и боярскихъ, и помѣщиковыхъ, и монастыр-

---

1) *Хрестоматія Влад.-Буданова*, вып. II, стр. 182. *Ѳ. Дмитріевъ*, назв. соч., стр. 61.
2) *Сказанія кн. Курбскаго*, стр. 8.
3) *Соловьевъ:* „Исторія Россіи", т. VI, изд. 2, стр. 78.
4) *Тамъ-же*, стр. 80: пріѣхали въ Москву псковичи-челобитчики... царь поступилъ съ ними такъ: обливалъ ихъ горячимъ виномъ, зажигалъ волосы, палилъ бороды, клалъ ихъ зачѣмъ-то голыми грудой на землю. Отъ смерти псковичи спаслись, лишь благодаря случайности: царя перепугало паденіе большаго колокола, гдѣ-то въ Москвѣ, съ колокольни. Истязатель бросилъ мучениковъ и пустился въ Москву.

скихъ, и черныхъ, и псарей, и осочниковъ, и перевѣтниковъ, и бортниковъ, и рыболововъ, и бодровниковъ, и всѣхъ безъ омѣны, чей кто ни буди» Бѣлозерскаго уѣзда, дана такъ называемая *губная грамота.* Ею всѣмъ перечисленнымъ слоямъ уѣзднаго населенія предоставляется право «*межъ собя свѣстясь*, всѣмъ за одинъ, въ тѣхъ своихъ волостяхъ... *учинить собѣ* въ *головахъ* дѣтей боярскихъ, въ волости человѣка три или четыре» [1]). Населенію предлагается самому выбрать по волостямъ изъ младшаго слоя служилыхъ людей своего уѣзда *головъ*, «которые бы *грамотѣ умѣли* и были пригожи» (къ дѣлу). А къ головамъ въ придачу рекомендовалось выбрать «старостъ и десяцкихъ и лучшихъ людей хрестіянъ человѣкъ пять или шесть» [2]).

Что же за функція возлагалась на этихъ волостныхъ выборныхъ по мѣстному управленію? Ни больше, ни меньше, какъ «сыскъ и казнь» всякаго рода «лихихъ» людей и разбойниковъ по уѣзду; «да промежъ собя въ станѣхъ и волостѣхъ лихихъ людей, разбойниковъ сами-бъ *обыскивали* и доведчи на нихъ, пытали накрѣпко и допытався у нихъ, что они разбиваютъ, *да тѣхъ бы* естя *разбойниковъ бивъ кнутьемъ да казнили смертью*». Отъ имени царя говорится, что все это дѣло положено «на душахъ» земскихъ людей, которые тѣмъ избавляются «отъ продажи» намѣстниковъ и волостелей.

Чаще съ такими грамотами мы встрѣчаемся въ правленіе Бѣльскихъ.

Грамоты эти сначала, какъ въ правленіе бояръ, такъ и при непосредственномъ управленіи царя, выдавались въ видѣ особой привилегіи нѣсколькимъ отдѣльнымъ общинамъ, но царь Иванъ Грозный скоро распространилъ такой порядокъ вещей на все государство московское [3]).

Въ первое время, до распространенія этой привилегіи на всѣ уѣзды московскаго государства, выборное начало по данной функціи мѣстнаго управленія, какъ мы видѣли, вводилось по такимъ общинамъ, какъ *волости*, на которыя подраздѣлялся уѣздъ; позже, во второй половинѣ XVI стол., выборные головы и старосты становятся уже не волостными, а *уѣздными*, т.-е. на весь уѣздъ вообще избирается нѣсколько человѣкъ старостъ или головъ, которые и начинаютъ называться уже *губными* старостами и головами [4]), отъ «губы» — стариннаго названія уголовнаго округа, который состоялъ позже изъ одного, двухъ уѣздовъ.

Съ этого времени начинается постепенный переходъ выборныхъ губныхъ головъ и старостъ въ чисто-приказныхъ людей, вѣдавшихъ уже всѣ приказныя дѣла его великаго государя въ уѣздѣ. Но объ этомъ послѣ.

Изъ грамоты 1539 года мы видѣли, что московское правительство, передавая уголовныя дѣла общинѣ, постановляетъ, что «въ томъ» ей «отъ волостелей и намѣстниковъ продажи нѣту», т.-е. намѣстники и волостели перестаютъ получать отъ этихъ дѣлъ «продажи» (пени). Десять лѣтъ спустя, появляется грамота на имя крестьянъ одного монастыря, значитъ, крестьянъ владѣльче-

---

[1]) *Хрестоматія Буданова,* вып. II, стр. 109 и 110.

[2]) *Тамъ-же,* стр. 111.

[3]) *Дмитріевъ,* назв. соч., стр. 51 и 53. *Влад.-Будановъ* — „Хрест.", в. II, стр. 112 — думаетъ даже, что это можно предположить еще и въ первой половинѣ XVI ст.

[4]) *Дмитріевъ,* тамъ-же, стр. 52 и 53. *Влад.-Будановъ,* тамъ-же, стр. 110 и 111.

скихъ, въ которой уже говорится, что на татѣ намѣстники и волостели съ ихъ тіунами берутъ сначала «продажу свою», а уже потомъ губные старосты велятъ его бить кнутомъ и т. д. [1]). Впослѣдствіи этотъ вопросъ рѣшенъ былъ Грознымъ общимъ постановленіемъ объ уничтоженіи кормовъ.

Мы сейчасъ уже упомянули о владѣльческихъ крестьянахъ, — въ данномъ случаѣ монастырскихъ,—какъ тоже пользовавшихся выборнымъ губнымъ судомъ. Имъ пользовались крестьянскія общины всѣхъ видовъ владѣльцевъ, съ тою лишь разницей, сравнительно съ крестьянствомъ, сидѣвшимъ на «черныхъ государевыхъ земляхъ», что, вмѣсто головъ выборныхъ, мы встрѣчаемъ въ ихъ званіи лицъ, «кого велитъ выбрать» землевладѣлецъ, или «прикащиковъ». Но и здѣсь соцкіе, пятидесяцкіе и десяцкіе, все-таки, оставались выборными изъ крестьянства [2]). Съ тѣхъ поръ какъ губные головы и старосты становятся учрежденіемъ всеуѣзднымъ, они всегда избираются населеніемъ изъ дѣтей боярскихъ.

Случалось, въ первый, такъ сказать, періодъ существованія выборныхъ губныхъ судовъ, что для нихъ не учинялось новыхъ головъ и старостъ, а возлагали просто судебную функцію на издавна уже въ общинѣ существовавшихъ старостъ, соцкихъ и десятскихъ [3]). Иванъ Грозный пошелъ дальше передачи губнаго дѣла земскимъ людямъ. Это послѣднее, мы видѣли, передано было въ руки всѣхъ слоевъ уѣзднаго населенія и касалось только уголовной дѣятельности, по крайней мѣрѣ, въ началѣ. Царь передаетъ *всю внутреннюю расправу* общинамъ, но общинамъ только крестьянскимъ и посадскимъ, совершенно устраняя пожалованныя такими привилегіями общины отъ всякаго соприкосновенія съ намѣстниками и волостелями съ ихъ тіунами. Это были общины, пользовававшіяся полною автономіей по отношенію ко всѣмъ внутреннимъ дѣламъ своимъ и потребностямъ.

Выше мы уже замѣтили, что жалованныя грамоты такого характера были отвѣтомъ царя на челобитья сельскаго населенія и что это послѣднее въ своихъ челобитьяхъ указывало обыкновенно и на тѣ мѣры, которыя оно считало вѣрнымъ средствомъ къ обезпеченію внутренняго порядка.

Въ указанномъ выше случаѣ, въ 1552 году, Грозный отвѣчалъ изданіемъ уставной грамоты именно на такую челобитную, въ которой челобитчиками изложенъ былъ и самый проэктъ, если можно такъ выразиться, того порядка вещей, котораго они желали и которымъ предлагали замѣнить намѣстническое управленіе.

Какъ челобитныя, такъ и проэкты общиннаго устройства не дошли до насъ въ ихъ подлинномъ видѣ, но сохранились почти цѣликомъ, благодаря характеру московской законодательной практики. До насъ дошли нѣсколько самыхъ уставныхъ грамотъ; а въ нихъ обыкновенно излагаются: мотивы изданія акта, въ качествѣ каковыхъ приводится почти дословно самая челобитная; дальше то, что просятъ челобитчики, то-есть ихъ предложеніе, и наконецъ, самый законъ, который, въ данномъ случаѣ, представляетъ простую санкцію

---

[1]) *Соловьевъ*, тамъ-же, стр. 83.
[2]) *Влад.-Будановъ*, тамъ-же, стр. 111. *Соловьевъ*, тамъ-же, стр. 82.
[3]) *Влад.-Будановъ*, тамъ-же.

просимаго. Отсюда мы и знакомимся съ результатами законодательной дѣятельности нашихъ древнихъ общинъ.

Въ Москву прибыли «бить челомъ» государю больше двадцати человѣкъ выборныхъ людей всего Важскаго уѣзда. Это все были представители «становыхъ и волостныхъ крестьянъ» да посадскихъ людей того уѣзда. Послѣ, вѣроятно, немалыхъ мытарствъ и долгихъ ожиданій добивались они царской грамоты — отвѣта на ихъ «мірскую челобитную», въ которой они жаловались отъ имени пославшаго ихъ міра. А въ мірской челобитной писалось, что «на посадахъ многіе дворы, а въ станѣхъ и въ волостѣхъ многія деревни запустѣли отъ прежнихъ *важескихъ намѣстниковъ*, и отъ ихъ тіуновъ, и отъ доводчиковъ, и отъ лихихъ людей, отъ татей, отъ разбойниковъ»; писалось въ ней, что «важскаго намѣстника и пошлинныхъ людей» крестьянамъ и посадскимъ «впредь прокормити немочно», такъ какъ у нихъ «въ станѣхъ и въ волостѣхъ... отъ того насильства и продажъ, и татебъ крестьяне съ посадовъ разошлись по инымъ городамъ, а изъ católicos и изъ волостей—въ монастыри безсрочно и безъ отказу» (т.-е. ушли на монастырскія земли съ общинныхъ или владѣльческихъ, не высидѣвъ сроковъ и не произведя разсчета съ тѣми, на земляхъ кого они сидѣли); благодаря такому бѣгству, пишется въ челобитной, общинамъ «всякихъ податей сполна тянуть» уже «немочно», а, между тѣмъ, намѣстники, волостели и ихъ тіуны «кормъ свой, а праветчики и доводчики поборъ свой емлютъ на нихъ сполна».

Живописавъ свои невзгоды, указавъ откровенно на ихъ причины, челобитная тутъ же указываетъ и на самое средство, которое, по мнѣнію челобитчиковъ, только и можетъ сколько-нибудь поправить изображенное ими положеніе вещей. Это средство, по крайней мѣрѣ, въ изложеніи царской грамоты, въ высшей степени просто и кратко указывается въ слѣдующемъ: «*намѣстника у нихъ* на Вагѣ, въ Шенкурскомъ стану на посадѣ, и въ Вельскомъ стану на посадѣ *тіуна отстави, а велѣти... учинити, по ихъ челобитью,* изъ ихъ посадскихъ людей *выборныхъ лутчихъ людей*», которымъ и поручить «у нихъ межъ посадскими людьми и становыми и волостными въ душегубствѣ и въ татьбѣ и въ разбоѣ съ поличнымъ... *и о всякихъ дѣлѣхъ земскихъ управа чинити*».

«Посыльщики» земскіе явились не только съ готовымъ проэктомъ, но и съ готовыми уже выборными. Въ челобитной было указано, что волостными, становыми и посадскими людьми и выборы такихъ «лутчихъ людей», на всякій случай, произведены: «они *излюбили всѣ* важане, шенкурцы *посадскіе* люди и становые *и волостные крестьяне*» двадцать человѣкъ, которыхъ тутъ же и имена перечисляются.

Но челобитчики въ достаточной степени были знакомы съ современными имъ государственными порядками и приказными интересами. Приведенная часть проэкта должна была удовлетворить, понимали они, лишь ихъ земскіе, общинные интересы; а этого мало: должны быть удовлетворены еще и интересы казенные; по крайней мѣрѣ, они не должны потерпѣть отъ преобразованія. Непосредственнымъ результатомъ преобразованія было бы лишеніе царскихъ приказныхъ людей ихъ кормовъ и пошлинъ. А это такой результатъ, налич-

ность котораго могла погубить все дѣло. Челобитчики, предвидя такое послѣдствіе своего проэкта, прибѣгли къ старому, исконному способу устраненія его—откупу отъ кормовъ и пошлинъ. Они не забыли этотъ способъ освобожденія отъ «въѣзда» въ общину княжескихъ чиновниковъ: «*а судъ*, княже, *отдалъ* Димитріи (князь), съ ноугородци *бѣжичаномъ и обонежаномъ на три лѣта, судьѣ не слаши*», говорится въ одномъ изъ договоровъ XIII столѣтія новгородцевъ съ княземъ [1]. Вычисливъ по какимъ-то имъ доступнымъ даннымъ количество всѣхъ кормовъ и поборовъ, они предлагаютъ московскому правительству соотвѣтствующую сумму ежегодныхъ взносовъ взамѣнъ этихъ послѣднихъ: «а за намѣстничъ и за тіуновъ кормъ и за присудъ, и за корчму, и за праветчиковъ, и за доводчиковъ поборъ и за пятно и за всѣ намѣстничьи и за тіуновы пошлины, и за праветчиковы, и за доводчиковы за всѣ поборы, и за всякіе доходы, *опричь оброковъ*, за бѣлку, за горностяли, и ямскихъ, и пищальныхъ денегъ и посошныя службы, и городоваго дѣла и полоняничныхъ денегъ и иныхъ пошлинъ *положити на нихъ оброкомъ деньгами* полторы тысячи рублевъ... а давати имъ оброкъ единова въ годъ... на одинъ срокъ въ году—за недѣлю до масленаго заговѣйня» [2].

Царь отвѣчалъ на челобитную тѣмъ, что *пожаловалъ* челобитчиковъ: «на Вагѣ, въ Шенкурьѣ на посадѣ и въ Вельску на посадѣ *важскому намѣстнику и*... важскаго намѣстника *тіуну и его пошлиннымъ людемъ и въ станѣ, и въ волостѣхъ впередъ быти не велѣлъ... а велѣлъ* есми *у нихъ быти... излюбленнымъ головамъ, которыхъ* людей шенкурцы, посадскіе *люди* и становые и волостные *себѣ излюбили*»; вслѣдъ за этимъ «велѣніемъ» идетъ перечисленіе по именамъ именно тѣхъ двадцати «излюбленныхъ», на которыхъ челобитчики сами уже и указали въ своей челобитной, какъ на таковыхъ. И имъ, этимъ излюбленнымъ, повелѣлъ царь «на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ... *межъ собя управа чинити во всѣхъ земскихъ дѣлѣхъ*». Что касается взятаго на себя важанами «оброка» въ качествѣ выкупа всяческихъ кормовъ, пошлинъ и поборовъ, то царь постановляетъ взимать его именно въ объемѣ полутора тысячъ рублей въ годъ, и именно въ срокъ, предложенный важанами въ челобитной [3].

На излюбленныхъ людей возлагаются какъ сборъ оброка, такъ и привозъ его въ Москву, въ назначенный срокъ, «въ цареву и великаго князя казну», прямо царскимъ казначеямъ и ихъ дьяку. Доставлять оброкъ должны выборные люди, «не дожидаясь по собя пристава», т.-е. въ указанное время, не ожидая напоминанія изъ Москвы черезъ спеціальнаго посланнаго; въ противномъ случаѣ съ нихъ грозили «тѣ оброки доправливати вдвое съѣздомъ».

Грамота этимъ не ограничивается; она, въ заключеніе, даетъ еще нѣсколько и, притомъ, достаточно подробныхъ постановленій, совершенно совпадающихъ по своему существу съ постановленіемъ знакомыхъ уже намъ губныхъ грамотъ. Постановленія эти опредѣляютъ ходъ процесса по уголовнымъ дѣламъ.

---

[1]) Договоръ 1265 г. Новгорода съ кн. Александромъ Тверскимъ. Собраніе важн. памятниковъ *Утина* и *Лазаревскаго*, стр. 128.

[2]) *Уст. важск. грамота* 1552 г. *Хрестоматія Вл.-Буданова*, вып. II, стр 185—188.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 188—191.

На нихъ мы останавливаться не будемъ. Замѣтимъ лишь, что право уголовной расправы дано важскою грамотой излюбленнымъ земскимъ властямъ въ томъ самомъ объемѣ, въ какомъ оно губными грамотами возлагалось на губныхъ старость и головъ. Но объемъ власти земскихъ людей, какъ замѣняющихъ намѣстниковъ и волостелей царскихъ, обнимаетъ собою всѣ функціи этихъ послѣднихъ, а потому имъ должно принадлежать и право суда по гражданскимъ дѣламъ. Оно имъ и принадлежитъ: въ грамотѣ прямо говорится, напр., *о взысканіи* посадскими людьми и волостными крестьянами «*передъ излюбленными головами денегъ заемныхъ* въ росты или заемнаго хлѣба въ наспы, по кабаламъ»[1]).

При отправленіи судебной функціи земскіе выборные должны были руководиться «новымъ царскимъ судебникомъ» [2]) и, разумѣется, обычаемъ.

Что касается внутренняго распредѣленія по отдѣльнымъ мелкимъ общинамъ полутоватысячнаго оброка и оброка царскаго, который, какъ мы видѣли, въ выкупную сумму не входилъ, то это вполнѣ предоставлялось земскимъ властямъ; распредѣленіемъ же ихъ внутри самыхъ общинъ, между отдѣльными ея членами, предоставлялось сходу и выборнымъ соцкимъ, пятидесяцкимъ. Съ вопросомъ о податяхъ и повинностяхъ тѣсно связанъ вопросъ о заселенности отдѣльныхъ общинъ, обработкѣ ихъ земель, съ которыхъ уплачивались эти повинности. Недаромъ въ челобитныхъ указывалось, какъ на самое тяжелое обстоятельство, на то, что крестьяне разбѣгались съ селъ и деревень. Въ виду этого, на земскихъ же выборныхъ людей возлагались и заботы «на пустыя мѣста... на пустоши и на пустыя деревни хрестьянъ называти» [3]).

Выборнымъ земскимъ людямъ принадлежала и полиція, какъ тогда ее понимали: на нихъ возлагается охраненіе уѣзда отъ воровства, разбоя, всякихъ лихихъ людей и гулящихъ ябедниковъ и подписчиковъ, «которые руки начнутъ подписывати», преслѣдованіе воровства, азартныхъ игръ (въ кости) и т. п. На нихъ же возлагается преслѣдованіе корчемства (продажа питей, нужно думать, составляла право городскихъ общинъ по откупу въ данномъ случаѣ): «излюбленные головы берегутъ корчемъ накрѣпко... и у тѣхъ корчемниковъ питья выймаютъ и заповѣди (штрафы) на нихъ емлютъ на царя... и посадскимъ людемъ»; отъ нихъ же зависитъ разрѣшеніе «варки питья» жителямъ на себя въ праздники, крестины, родины, въ теченіе нѣсколькихъ урочныхъ дней. Наконецъ, на выборныхъ возлагалось вообще попеченіе о томъ, чтобъ «отъ кого ни буди» мѣстному населенію «силъ (насилій) и обидъ и продажъ безлѣпичныхъ не было и посуловъ бы и поминковъ ни въ какихъ дѣлѣхъ на посадскихъ и на становыхъ крестьянѣхъ никто неималъ никоторыми дѣлы» [4]).

Разсматриваемая нами грамота, мы видѣли, устанавливаетъ на цѣлый уѣздъ, распадающійся на двѣ половины,—шенкурскую и вельскую,—двадцать человѣкъ излюбленныхъ головъ, по десяти на каждую. Напрашивается вопросъ: какъ управлялись эти половины — каждая своими десятью головами или весь

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 202 и 203.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 193 и 194: „а вѣдаютъ и судятъ важанъ... ихъ излюбленные головы... *во всякихъ дѣлахъ* и по кабаламъ управу чинятъ по нашему судебнику".

[3]) *Тамъ-же*, стр. 188 и 202.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 196, 200 и 201.

уѣздъ всѣми вмѣстѣ? Судя по отдѣльному перечисленію, по именамъ, каждыхъ десяти головъ для каждой изъ двухъ половинъ уѣзда, можно думать, что первое предположеніе вѣрнѣе. Но изъ той же грамоты оказывается, что оброки возятъ въ Москву излюбленные люди не отъ каждой половины уѣзда, а отъ всего уѣзда въ цѣлости всѣ 1,500 р. и всѣ царскіе оброки, только они чередуются въ этомъ дѣлѣ: одинъ годъ везутъ люди одной половины уѣзда, другой годъ— другой [1]). Отсюда уже слѣдуетъ заключить, что всѣ двадцать человѣкъ головъ составляютъ нѣчто цѣлое. Но совсѣмъ какъ будто на другое указываетъ то обстоятельство, что такъ называемые земскіе «дьяки», т.-е. секретари,—наши волостные писаря,—*избираются* каждою половиной уѣзда отдѣльно: «да прибрати... всѣми посадскими людьми и становыми и волостными въ Шенкурьѣ— дьяка земскаго... да въ Вельску — *потому-жъ*... дьяка же земскаго, кому излюбленныхъ головъ всякія дѣла писати» [2]).

Во всякомъ случаѣ, въ данномъ уѣздѣ мы имѣемъ дѣло съ коллегіальнымъ выборнымъ судомъ въ каждой изъ его половинъ.

Мы думаемъ въ такомъ учрежденіи видѣть проявленіе того же начала, которое проявлялось позже, напр., въ земскихъ соборахъ, т.-е. начала *совѣта* [3]). Это тѣмъ болѣе вѣрно, что излюбленные головы, какъ и намѣстники, которыхъ они замѣнили, должны были судить и править въ присутствіи судныхъ мужей, лучшихъ людей: «а на судѣ и въ обыску, и во всякихъ дѣлѣхъ, — говорится въ важской грамотѣ, — у излюбленныхъ головъ... быти посадскимъ людемъ и становымъ и волостнымъ... лучшимъ людемъ, коликимъ будетъ пригоже, чтобы отъ нихъ никому ни въ чемъ силы и обиды, и продажи безлѣпичные не было» [4]).

Такъ организовано было земское самоуправленіе въ Важскомъ уѣздѣ. Прибавимъ въ заключеніе, что отдѣльныя общины въ уѣздѣ этимъ новымъ строемъ призваны были къ особенно живой дѣятельности, такъ какъ земскіе излюбленные головы были только высшею мѣстною земскою властью. Непосредственная полицейская дѣятельность, самые розыски по уголовнымъ дѣламъ [5]), раскладка податей и повинностей, какъ это уже было замѣчено, — все это было дѣломъ самой общины и ея выборныхъ, которые упоминаются часто въ лицѣ старостъ, соцкихъ, десяцкихъ. Внутренняя организація общинъ по грамотѣ описана быть не можетъ, такъ какъ она ничего не говоритъ ни о составѣ ихъ, ни о выборахъ; но она ничего не говоритъ и о производствѣ выборовъ излюбленныхъ головъ и находившихся при нихъ лучшихъ людей, судныхъ мужей. А ничего

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 192.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 194 и 201: „А судные и обыскные и всякія дѣла у излюбленныхъ головъ записывати земскому дьяку, котораго, излюбя, выберутъ себѣ шенкурцы... а другаго дьяка выберутъ вельскаго стану посадскіе люди и становые и волостные“.

[3]) *Г. Дмитріевъ*, въ назв. соч., видитъ источникъ „многочисленности судей“ не „въ сознаніи о необходимости соборнаго правленія“, а просто въ томъ, что „коль скоро управленіе сдѣлалось земскимъ, то каждая община должна была ввести въ него своихъ волостныхъ начальниковъ“. Стр. 65.

[4]) *Хрест. Вл.-Буданова*, вып. II, стр. 199.

[5]) Грамота прямо говоритъ, что розыскивать и ловить всякаго рода лихихъ людей должны сами посадскіе, становые и волостные люди, черезъ своихъ старостъ, соцкихъ и пятидесяцкихъ и десяцкихъ и приводить къ излюбленнымъ головамъ. *Тамъ-же*, стр. 196.

въ ней не говорится по той простой причинѣ, что все это опредѣлялось въ общинахъ, благодаря ихъ исконному существованію, ихъ изстаринными обычаями.

Говоря о земствѣ, какъ инициаторѣ, въ данномъ случаѣ въ Важскомъ уѣздѣ, учрежденій, смѣнившихъ намѣстническо-волостельское управленіе, мы указали, что оно даже заранѣе выбрало само будущихъ судей. Могло ли бы все это имѣть мѣсто, еслибъ земство не имѣло уже опытности въ этомъ дѣлѣ, еслибъ оно не было дѣломъ ему издавна знакомымъ, роднымъ?

Обычаемъ же общинной земской жизни опредѣлялись и отношенія отдѣльныхъ общинъ другъ къ другу, къ ихъ выборнымъ и этихъ послѣднихъ къ излюбленнымъ головамъ. Только отношеніе излюбленныхъ головъ, какъ смѣнившихъ намѣстниковъ, къ московскимъ центральнымъ учрежденіямъ требовало опредѣленій, какъ новая сторона дѣла. Такія опредѣленія въ грамотѣ и были даны.

Понятно само собою, что земскіе судьи поставлены были внѣ всякой зависимости отъ намѣстниковъ и волостелей; они сносились съ Москвой непосредственно, какъ мы видѣли, по дѣламъ финансовой своей дѣятельности; туда же должны были они обращаться и по дѣламъ судебнымъ: «а которыхъ дѣлъ, — говоритъ грамота, — излюбленнымъ головамъ безъ нашего (царскаго) вѣдома кончать не мочно, и излюбленные головы... съ товарищи... въ тѣхъ дѣлѣхъ суда своего списки и обыски во всякихъ дѣлѣхъ *присылаютъ на Москву*, къ казначеямъ нашимъ... да ко дьяку нашему... кому язъ царь и великій князь Вагу прикажу; и казначеи наши да дьякъ нашъ о тѣхъ дѣлѣхъ докладываютъ меня царя, а язъ велю тому указъ учинити» [1]).

Земскіе судьи важской грамоты уже въ силу того, что вполнѣ замѣняютъ собою царскихъ приказныхъ людей, въ силу того, что они были судьями по уголовнымъ дѣламъ, влекшимъ за собою такія наказанія, какъ смертная казнь, носятъ въ извѣстной степени и характеръ приказный, характеръ слугъ его великаго государя, какъ тогда выражались, почему и являются отвѣтственными передъ этимъ послѣднимъ; грамота постановляетъ, что въ случаѣ, если «излюбленные головы сами начнутъ посадскимъ людямъ или становымъ или волостнымъ крестьянамъ, кому-нибудь силы и обиды и продажи безлѣпичные чинити, посулы и поминки имати, *и тѣмъ отъ меня, царя* и великаго князя, *быти казненнымъ смертною казнію;* а животы ихъ и статки велѣть имати, да отдавать тѣмъ людемъ, кому отъ нихъ продажи и убытки чинятся». Такою же великою «казнію» грозитъ царь тѣмъ же излюбленнымъ головамъ и земскимъ дьякамъ, если они «учнутъ» орудовать безъ выборныхъ «лутчихъ людей посадскихъ и крестьянъ» — «судныхъ мужей» [2]).

Наконецъ, всѣ излюбленные головы и земскіе дьяки «на всемъ на томъ къ крестному цѣлованью приводятся по (крестоцѣловальной) записи», которая присылалась изъ Москвы [3]).

Уставныхъ грамотъ, подобныхъ важской, съ которой мы такъ подробно

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 199.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 201 и 202: „а учнетъ земской дьякъ судные и обыскные и всякія дѣла записывати одинъ... или которыя дѣла... учнетъ держати у себя, а кто ихъ въ томъ уличитъ“—та же казнь; но при этомъ имущество казненныхъ идетъ доличителю.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 194.

ознакомили читателя, до насъ дошло очень немного и, притомъ, почти всѣ изъ дошедшихъ относятся ко времени Ивана Грознаго. Отсюда можно было бы заключить, что и самое существованіе земскаго управленія ограничивалось временемъ царствованія этого государя. Но въ дѣйствительности это было не такъ. Тѣ немногія грамоты этого рода, которыя дошли до насъ, носятъ на себѣ слѣды ихъ подтвержденія преемниками Грознаго; и такія подтвержденія въ теченіе всего періода времени московскаго государства до Петра Великаго [1]). Отсюда уже можно и должно принять, что земское самоуправленіе, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ уѣздахъ и отдѣльныхъ волостяхъ и общинахъ существуетъ въ теченіе всего XVI — XVII столѣтій. Но этого мало. У насъ есть основаніе утверждать, что это управленіе, по крайней мѣрѣ, при Иванѣ Грозномъ, было всеобщимъ. Такимъ основаніемъ должно служить, по нашему мнѣнію, во-первыхъ, показаніе одной изъ жалованныхъ уставныхъ грамотъ, изданной на имя переславскихъ рыболововъ, три года спустя послѣ важской. Въ этой грамотѣ, въ видѣ какъ бы введенія въ нее или объясненія ея постановленія, отъ имени царя говорится, что «раньше вообще города и волости царь, жалуя бояръ своихъ, давалъ имъ въ кормленье»; но что послѣ того какъ въ результатѣ таковаго кормленья отъ крестьянъ къ царю пошли «челобитья великія и докука безпрестанная на злоупотребленія бояръ, царь, жалуючи крестьянство, намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ *отъ городовъ* (т.-е. вообще отъ городовъ) отставилъ...» а для того, чтобы крестьянству продажъ и убытковъ не было, а царю — челобитья и докуки... велѣно было «во *всѣхъ городѣхъ* и волостѣхъ учинити старостъ излюбленныхъ» [2]).

Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь о введеніи земскаго управленія повсюду. Дальше, въ томъ указѣ, изъ котораго мы выписали нашъ эпиграфъ и который напечатанъ у Татищева и въ сборникѣ Буданова, о земскомъ управленіи говорится, въ 1556 году, какъ объ общей реформѣ, введенной Иваномъ Грознымъ по совѣту «со своею братіею и съ бояры», т.-е. съ боярскою думой. Въ этомъ указѣ, по изложеніи тѣхъ золъ, которыя отъ намѣстниковъ и волостелей причинились, прямо говорится: «повелѣ царь и государь *въ городахъ и въ волостяхъ* розчинить старосты и соцкіе и пятидесяцкіе и десяцкіе, чтобъ разсуждати въ разбояхъ и татьбахъ всякія дѣла» [3]).

Въ этомъ же указѣ говорится, что царь бояръ (устраненныхъ отъ мѣстнаго управленія), дѣтей боярскихъ и всѣхъ воиновъ устроилъ кормленіями, *уроки праведными*, ему же достоитъ по отечеству и по дородству... *денежнымъ жалованьемъ* [4]). Другими словами, приняты и мѣры къ устройству тѣхъ, кто лишился «кормовъ», благодаря устраненію отъ дѣлъ мѣстнаго управленія [5]).

Но заключить изъ вышеприведеннаго, что земское самоуправленіе, въ томъ самомъ видѣ, какъ оно организовано было при Грозномъ, существуетъ и послѣ

---

1) *Ѳ. Дмитріевъ*, назв. соч., стр. 68.
2) *Ак. Арх. Эксп.*, т. I, № 242, стр. 262.
3) *Хрест. Влад.-Буданова*, вып. II, стр. 184.
4) *Тамъ-же*, стр. 185.
5) *Г. Дмитріевъ*, на основаніи приведенныхъ въ текстѣ свидѣтельствъ, выводитъ заключеніе лишь о „намѣреніи“ Грознаго „ввести вездѣ“ это управленіе. Назван. соч., стр. 68, 21 и 22.

него, несмотря даже на указанный нами фактъ подтвержденія уставныхъ грамотъ его преемниками, было бы очень рискованно. Правда, мы не знаемъ никакого распоряженія правительственной власти московскаго государства или даже XVIII столѣтія, которое отмѣняло бы введенный Грознымъ строй; но мы знаемъ, что самыми подтвердительными надписями московскихъ царей прежнія грамоты по данному предмету подтверждались не цѣликомъ, а съ непремѣнными оговорками насчетъ «тѣхъ статей, которыя, — какъ пишетъ, напр., царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, подтверждая грамоту 1555 года, т.-е. времени Грознаго, — по указу отца нашего (Алексѣя Михайловича) и по соборному уложенію, и по уставнымъ грамотамъ, и по боярскимъ приговорамъ перемѣнены».

Мы можемъ сказать, какія измѣненія въ земское управленіе внесло уложеніе царя Алексѣя; но ничего почти не можемъ сказать о перемѣнахъ, внесенныхъ новыми уставными грамотами и боярскими приговорами: ни то, ни другое не дошло до насъ. Но мы можемъ догадываться объ этихъ измѣненіяхъ на основаніи другихъ данныхъ какъ самой жизни, такъ и московскаго законодательства.

Во второй половинѣ XVI столѣтія намѣстники и волостели отживали свой вѣкъ во всякомъ случаѣ, если даже Иванъ Грозный и не успѣлъ повсюду ввести земское управленіе. Мы уже указывали въ своемъ мѣстѣ на постепенное ограниченіе власти намѣстниковъ гораздо раньше Грознаго и не путемъ только привнесенія въ дѣло земскаго элемента. Ихъ отдѣльныя функціи издавна распредѣлялись по рукамъ разныхъ спеціальныхъ приказныхъ людей, появлявшихся въ городахъ и уѣздахъ. Въ концѣ-концовъ, въ теченіе именно второй половины XVI столѣтія намѣстники и волостели съ ихъ тіунами какъ-то растаяли, медленно исчезли; момента ихъ исчезновенія въ настоящее время мы выслѣдить рѣшительно не въ силахъ [1]).

Судя по стремленіямъ Грознаго къ земскому управленію въ уѣздѣ, судя по тому, съ чѣмъ мы только что ознакомились, казалось бы, было совершенно вѣрнымъ заключеніе, что власть намѣстниковъ растаяла во власти земскихъ излюбленныхъ головъ, которые и должны бы были ихъ замѣнить повсюду и если не на всегда, то хотя очень надолго.

Случилось не то.

Какъ незамѣтно для глазъ исторіи сошли со сцены мѣстнаго управленія намѣстники съ волостелями, такъ незамѣтно вступили на нее... *воеводы* московскаго государства и замѣнявшіе ихъ *губные головы*, выродившіеся изъ земскихъ людей въ приказныхъ слугъ.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на крайне любопытномъ вопросѣ о причинахъ возникновенія воеводской власти и отошлемъ интересующихся этимъ вопросомъ къ трудамъ такихъ спеціалистовъ, какъ бывшіе профессора Ѳ. Дмитріевъ, Б. Чичеринъ и настоящій А. Д. Градовскій [2]).

Мы укажемъ лишь на фактъ появленія воеводъ по областямъ, сначала по

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 25 и 32: „волостели исчезаютъ въ одно время съ намѣстниками, но когда именно, нельзя сказать съ точностью".

[2]) *Дмитріевъ*, назв. соч., стр. 71 и сл.; *Чичеринъ*: „Областныя учрежденія XVII ст.", стр. 52 и сл.; *А. Градовскій*: „Уѣздъ моск. государства", стр. 168 и сл.

преимуществу въ качествѣ военныхъ предводителей, на что говоритъ и старинное названіе этой новой власти въ области — «воевода». Сначала они появляются по такимъ областямъ, какъ бывшее царство казанское, Сибирь и др., гдѣ, вѣроятно, съ самаго начала были вмѣстѣ и администраторами всѣхъ сторонъ тогдашняго управленія [1]). Воеводы, въ смыслѣ, главнымъ образомъ, полковыхъ воеводъ, еще въ XVI столѣтіи часто назначаются въ періоды, главнымъ образомъ, военнаго времени по различнымъ городамъ, съ какимъ-то несомнѣнно отличнымъ отъ значенія собственно полковыхъ воеводъ значеніемъ и назывались *городовыми* или мѣстными воеводами въ отличіе отъ полковыхъ [2]).

Вотъ эти-то воеводы, постепенно перемѣшиваясь сначала съ намѣстниками, заступаютъ мѣсто послѣднихъ.

Какъ бы тамъ ни было, но въ началѣ XVII столѣтія воеводы сидятъ уже несомнѣнно по всѣмъ городамъ московскаго государства.

Каково же ихъ отношеніе къ земскому строю, организованному на началахъ самоуправленія? Оказывается, что, напр., въ Двинской землѣ, по сказанію ея лѣтописца, выборные головы и земскіе судьи судили *до воеводскаго пріѣзду*. А таковой пріѣздъ совершился еще въ 1581 году [3]). Лѣтописецъ ясенъ, его показаніе сомнѣній не допускаетъ: воеводы смѣнили земцевъ, воеводское, единоличное, приказное начало смѣнило собою въ данной области начало земскаго самоуправленія. Но они смѣнили ихъ въ началѣ лишь какъ самостоятельныхъ органовъ земскаго управленія, не устранивъ ихъ со сцены послѣдняго сразу, однимъ взмахомъ; думать надо, что земскіе судьи оставались нѣкоторое время при воеводахъ, участвуя въ ихъ судѣ [4]).

«Земскіе судьи, — говоритъ г. Дмитріевъ, — вообще начинаютъ исчезать въ эпоху смутнаго времени, когда военное управленіе было особенно необходимо». Въ это время они, очевидно, исчезли и въ качествѣ «товарищей» воеводъ. И, можетъ быть, проф. Градовскій правъ, утверждая, что «съ 1613 года воеводское управленіе исключаетъ всякое другое».

Однако, исключительность воеводской власти далеко не была постоянною въ теченіе всего XVII столѣтія.

Дѣло въ томъ, что хотя власть воеводы и представляла собою нѣчто отличное отъ власти прежнихъ намѣстниковъ и волостелей, хотя она и связана «съ новымъ, основаннымъ на государственныхъ соображеніяхъ, раздѣленіемъ земли, какъ выражается г. Дмитріевъ; хотя эта власть, въ отличіе отъ намѣстнической, которая только ограничивалась, опредѣляется спеціальными, на имя каждаго изъ ея носителей, наказами; хотя кормленье «вовсе не было въ виду» при назначеніи воеводъ, хотя на воеводѣ судъ лежитъ не какъ право, а какъ обязанность, хотя, «наконецъ, самыя *опредѣленія закона* о судѣ и расправѣ

---

1) *Градовскій*, назв. соч., стр. 286.
2) *Тамъ-же* и *Чичеринъ*, назв. соч., стр. 32 и сл.
3) *Градовскій*, назв. соч., стр. 289.
4) Тотъ-же лѣтописецъ, говоря о присылкѣ на Двину воеводы Пушкина въ 1613 году, говоритъ, что онъ „съ собою въ *товарищахъ*“ земскимъ судьямъ быть не велѣлъ. Значитъ, съ 1581 по 1613 годъ земскіе судьи, все-таки, существовали въ качествѣ участвующихъ въ воеводскомъ судѣ. *Тамъ-же*.

увеличиваются въ своемъ количествѣ» [1]), — и, все-таки, новая власть оказалась, къ тому же, очень скоро, въ глазахъ правительства, совершенно несостоятельной. А отсюда—постепенное ограниченіе исключительности этой власти и въ смыслѣ ограниченія ея *сущности*, и въ смыслѣ территоріальнаго примѣненія ея.

«Воевода явился,—говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ-юристовъ,— высшимъ исполнителемъ требованій центральнаго правительства и властью, понуждающею всѣ сословія къ исправному отбыванію повинностей» [2]). Въ качествѣ такого органа онъ является въ порученной ему области единственнымъ, ничѣмъ на мѣстѣ неограниченнымъ представителемъ «царской администраціи», во всемъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Назначались они на службу по городамъ самимъ царемъ изъ числа челобитчиковъ, обращавшихся со своими челобитными на его имя. Воевода получалъ въ руководство такъ называемый *наказъ*, которымъ опредѣлялись его функціи, широта и объемъ его власти. Такой наказъ и знакомитъ насъ съ сущностью воеводской должности, на которой мы и остановимся здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ, характеризуя ее по возможности языкомъ самихъ наказовъ.

Въ 1617 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ посылаетъ въ Новгородъ воеводами двухъ князей—Хованскаго и Елецкаго — «для своихъ *государевыхъ и земскихъ дѣлъ*... и промышляти *о всемъ и расправу межъ всякихъ людей чинити, какъ ихъ Богъ вразумитъ*... какъ бы нашему царскому величеству къ чести и къ повышенью и новгородскаго государства (!) къ прибавленью и къ разширенью и нашему земскому дѣлу къ расправѣ и къ покою и нашимъ людямъ къ тишинѣ и во благоденственному житію» [3]).

Правда, кромѣ этихъ общихъ опредѣленій и наставленій, мы находимъ въ наказѣ цѣлый рядъ подробностей, порой крайне мелочныхъ, относящихся къ дѣятельности и поведенію воеводъ; но эти подробности касаются, главнымъ образомъ, такихъ предметовъ, какъ, напримѣръ, произнесеніе рѣчи къ населенію, причемъ самая рѣчь излагается въ наказѣ [4]); принятіе должности отъ прежняго воеводы, состоявшее въ сдачѣ города и дѣлъ; подробныя наставленія давались по отношенію къ разнаго рода военнымъ дѣламъ; подробно описывались, пожалуй, и всѣ другія функціи воеводъ; но во всѣхъ этихъ подробностяхъ царила, въ концѣ-концовъ, полная неопредѣленность, дававшая широкій просторъ неограниченному произволу, особенно если имѣть въ виду, что всѣ эти подробности заключались обыкновенно такими уполномочіями: «*о сборѣ* великаго государя радѣніе чинить по сему наказу и смотря по тамошнему дѣлу и *по своему разсмотрѣнію*, какъ бы великаго государя казнѣ было прибыльнѣе», или «*во всемъ* государеву дѣлу прибыли искати, какъ бы государеву дѣлу было лучше и прибыльнѣе» [5]).

---

[1]) *Дмитріевъ*, назв. соч., стр. 71—74.

[2]) *Градовскій*, назв. соч., стр. 285.

[3]) *Русскій Историческій Сборникъ* (Погодина), т. I, кн. 2, стр. 78—81.

[4]) *Тамъ-же*. Правда, это не во всѣхъ наказахъ. Въ данномъ случаѣ это обусловливалось положеніемъ Новгорода, бывшаго, какъ извѣстно, незадолго передъ этимъ въ обладаніи шведовъ. Такія рѣчи, въ видѣ „государева жалованнаго слова", говорились обыкновенно въ сибирскихъ городахъ, по поводу злоупотребленій старыхъ воеводъ.

[5]) *Чичеринъ*, назв. соч., стр. 255 и 256.

Власть сильная, почти неограниченная, власть, въ рукахъ которой находились всѣ мѣстныя военныя силы, власть, которая по отношенію къ центральной власти — московскимъ приказамъ — стояла въ отношеніяхъ очень самостоятельныхъ, если можно такъ выразиться: воеводамъ въ наказахъ рекомендовалось писать въ Москву «обо всемъ почасту», или «писать о *великихъ* дѣлахъ», или, наконецъ, о такихъ, «которыхъ зачѣмъ *вершить будетъ немочно*». Но что это за дѣла «великія» или для рѣшенія воеводы невозможныя, объ этомъ ничего не говорилось; воевода самъ опредѣлялъ важность дѣлъ и ихъ недоступность *его собственному* рѣшенію.

Очевидно, верховная власть въ принципѣ относилась къ новымъ представителямъ ея въ области съ полнымъ довѣріемъ и надѣялась на великіе и благіе результаты ихъ дѣятельности.

Такія ожиданія тѣмъ болѣе могли имѣть мѣсто, что воеводы были уже не тѣмъ, что намѣстники, эти «кормленьщики», дѣятельность которыхъ по суду и управленію была скорѣе ихъ правомъ, чѣмъ обязанностью; воевода — царскій чиновникъ, несущій государственную службу, за которую онъ, опять-таки по принципу, получаетъ вознагражденіе отъ самого государства. Какъ таковой, т.-е. какъ агентъ правительства, воевода обладаетъ, по выраженію проф. Градовскаго, «непомѣрною властью» [1]).

И, однако, ожиданія оказались, и, повидимому, очень скоро, тщетными: мѣстные административные органы — «приказные люди» его великаго государя не оправдали возлагаемыхъ на нихъ надеждъ, несмотря на всю непомѣрность возложенной на нихъ власти, устранившей всякое вмѣшательство въ дѣло земскаго управленія представителей земства.

Изъ того, что выше сказано о воеводской власти, прямо слѣдуетъ, что ея задачи исключительно государственныя, какъ онѣ понимались въ то время: доставленіе мѣстному населенію суда и расправы, охраненіе отъ насилій и, главное, обезпеченіе «государевыхъ доходовъ», увеличеніе ихъ, но, притомъ, такъ, чтобы при этомъ не разорялось населеніе, причемъ подъ послѣднимъ нужно разумѣть не заботы воеводъ о соразмѣрности взиманій съ платежною состоятельностью населенія, а лишь воздержаніе его отъ злоупотребленій, т.-е. отъ незаконныхъ сборовъ въ свою пользу. Словомъ, воевода долженъ былъ быть въ этомъ случаѣ безкорыстнымъ слугою. На этомъ всѣ наказы особенно настаиваютъ, въ виду этого ими устанавливается извѣстная отчетность воеводъ и ихъ отвѣтственность. Эта послѣдняя именно и сводилась почти вся къ отвѣтственности «за всякіе убытки, причиненные казнѣ», за взятки и вымогательства — «продажи и убытки, городскимъ и уѣзднымъ всякихъ чиновъ людемъ чинимые», какъ выражается еще по-старинному *Уложеніе* царя Алексѣя [2]).

Оказалось, этихъ-то цѣлей меньше всего могло достигнуть московское государство чрезъ своихъ воеводъ.

Съ одной стороны, не помогало никакое усердіе царскихъ вѣрныхъ слугъ, а съ другой — не особенно часто и вѣрные-то между ними встрѣчались. Уже отъ первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳедоровича до насъ дошли, напримѣръ,

[1]) *Дмитріевъ*, назв. соч., стр. 72.
[2]) Глава X, стр. 150.

такіе факты: въ 1618 году одинъ изъ царскихъ слугъ пишетъ царю съ Бѣла-озера, въ отвѣтъ на полученный выговоръ за медленность высылки доходовъ въ Москву: «Я, государь, посадскимъ людямъ не норовилъ и сроковъ (отсрочки) не даю, я правилъ на нихъ твои государевы всякіе доходы нещадно, *побивалъ на смерть*, а теперь, государь, на посадскихъ людехъ твоихъ денегъ правити нельзя»—города осаждаютъ «литовскіе люди». Здѣсь слуга ревностный, поноровки плательщикамъ не дающій, побивавшій ихъ на смерть ради полученія доходовъ государевыхъ. И усердіе его не окупается. Такіе слуги, будь они хотя сколько-нибудь безкорыстны, все-таки, доставляли въ московскую казну больше, чѣмъ тѣ, которые, хотя-бы и при описанномъ усердіи, давали волю своимъ алчнымъ инстинктамъ. Отъ двадцатыхъ годовъ того же столѣтія до насъ дошли указанія царскихъ грамотъ на то, что, какъ выражается Соловьевъ, «однимъ изъ главныхъ препятствій къ устроенію городовъ, къ благосостоянію ихъ жителей *были насилія воеводъ*». Въ грамотѣ, разосланной по всему московскому государству, говорилось, что «*воеводы* и приказные люди *наши всякія дѣла дѣлаютъ не по нашему указу, всякимъ людямъ чинятъ насильство, убытки и продажи, великія посулы, поминки и кормы берутъ многіе*». Грамота знакомитъ насъ и съ разными видами этихъ насилій и убытковъ: оказывается, что воеводы *берутъ* не только съѣстнымъ, что не запрещается имъ и настоящею грамотой, а и товарами и лошадьми; на нихъ всякаго рода работы работаютъ не только во дворѣ всякіе служилые люди, начиная съ дѣтей боярскихъ, посадскіе люди и слобожане, но и всѣ полевыя работы правятъ — «пашни пашутъ, сѣна косятъ» всякіе городскіе и уѣздные люди. И противъ такого зла царь ничего не находитъ лучшаго, какъ обратиться къ самому мѣстному населенію съ просьбой посуловъ, поминковъ и кормовъ воеводамъ не давать и угрозой за неуваженіе этой просьбы такимъ наказаніемъ, какъ царская опала и взысканіе денежныхъ пеней. Воеводъ не просятъ, имъ только грозятъ тою же царскою опалой, тѣми же пенями [1]).

Челобитья уѣзднаго населенія на разоренія отъ «бояръ и всякихъ чиновъ людей» посыпались къ царю, видимо, также обильно, какъ сыпались они и три четверти вѣка назадъ [2]).

Изъ только что цитированнаго мѣста царской грамоты мы видимъ, что воеводы практикуютъ старые «кормы», отмѣненные, повидимому, еще Іоанномъ Грознымъ. И изъ той же грамоты видно, что воеводамъ они запрещаются не вообще, а лишь въ формѣ «великихъ».

Да и какъ могло правительство запрещать ихъ, когда, не смотря на указанный выше принципъ вознагражденія царскихъ слугъ, оно, въ сущности, назначало воеводъ, между прочимъ, и съ цѣлью покормиться? [3]). Извѣстно, что воеводы назначались изъ челобитчиковъ на основаніи ихъ челобитныхъ, а вотъ

---

[1]) *Соловьевъ*, „Истор. Рос.“, т. IX, стр. 391, 393 и 394.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 392.

[3]) „Съ одной стороны, воеводство представляется государственною службой, — говоритъ г. Дмитріевъ,—а съ другой—*наградою за службу*, иногда даже средствомъ поправить плохія обстоятельства“. Назв. соч., стр. 79.

какъ писались эти челобитныя [1]): «бьетъ челомъ бѣдной и безпомощной холопъ твой Лукашко Ивановъ сынъ Плещеевъ. Скитаюся я, холопъ твой, межъ дворъ, голодною смертью помираю, а помѣстейца, государь, отца моего въ Ржевскомъ уѣздѣ 500 четей, а въ немъ восьмъ бобылей, и съ таво, государь, помѣстейца мнѣ, холопу твоему, твоей государевой службѣ служити не чѣмъ, *прокормитца не съ чего*. Милосердый государь, царь, пожалуй меня бѣднова, безпомощнова холопа своего, для Спаса и Пресвятой Богородицы и для своего государева многолѣтняго здоровья; не дай, государь, мнѣ бѣдному умереть голодною смертью. Вели, государь, меня *отпустить къ своему государеву дѣлу*, на Бѣлоозеро, на Микитино мѣсто Ласкирево». Въ отвѣтъ на такую челобитную слѣдовала резолюція: «наказъ дать и отпустить». Здѣсь цѣли просителя и характеръ службы ясны. А развѣ не на тѣ же цѣли и характеръ указываетъ, напр., слѣдующій казусъ, имѣвшій мѣсто въ концѣ XVII уже столѣтія? Въ Нерчинскѣ умеръ воевода, «собравшій въ казну всякую прибыль и въ тамошней дальной странѣ государю зѣло надобный». Жители по смерти воеводы били челомъ сыну его «Гришкѣ», малому еще «несовершенныхъ лѣтъ», чтобы онъ принялъ «городъ, печать и всякую казну». Гришка, очевидно, и принялъ, но просилъ въ Москвѣ, чтобъ его за малолѣтствомъ «перемѣнили и отпустили къ Москвѣ». Но оттуда отвѣчали «пожалованьемъ» мальчика: *за службы отца* его, *не взирая на его несовершенныя лѣта*, велѣть ему быть воеводою, а для младыхъ его лѣтъ быть съ нимъ подъячему». Подъячимъ, впрочемъ, не ограничились: къ мальчику-воеводѣ приставили опекуномъ его дядю, воеводу же, сидѣвшаго въ *Иркутскѣ*, которому предписали, чтобъ онъ училъ своего племянника-воеводу «по вся дни о себѣ внимать и страхъ Божій памятовать, во всѣхъ дѣлахъ радѣніе показывать, о всемъ чинить *по наказнымъ статьямъ* и тѣ статьи прочитывать почасту» [2]). А на что указываетъ извѣстный, хотя и анекдотическій разсказъ о добродѣтельномъ воеводѣ, который получилъ отъ царя Алексѣя воеводство на условіи, что *наживетъ* въ урочные годы своей службы не больше пяти, шести сотъ рублей? Онъ нажилъ меньше, о чемъ и донесъ царю. Царь пришелъ въ такое умиленіе отъ добродѣтелей воеводы, что велѣлъ дать ему болѣе богатый городъ. Наконецъ, правительство высказало, во второй половинѣ XVII столѣтія, тотъ же взглядъ уже въ общей мѣрѣ, принятой имъ по отношенію къ воеводской службѣ. Въ 1661 году изданъ былъ указъ, по которому воеводами по городамъ приказано отпускать лишь «раненыхъ и полоненниковъ за полонное терпѣнье, а которые отпущены въ воеводы и приказные люди не раненые и тѣхъ перемѣнить ранеными жъ» [3]). Указъ этотъ въ дѣйствительности ничего, очевидно, новаго въ практику воеводскихъ назначеній не вводилъ, а лишь освятилъ нѣчто давно практиковавшееся: намъ попался въ одномъ изъ московскихъ архивовъ листокъ съ челобитной о воеводствѣ отъ 1635 года, въ которой челобитчикъ, прося воеводства, исключительно опирался

---

[1]) У насъ въ рукахъ перебывало такихъ челобитныхъ немало, да и теперь есть, въ копіяхъ, снятыхъ въ архивѣ министерства юстиціи.

[2]) *Акты истор.*, т. V, № 283.

[3]) *1 Полное Собраніе Законовъ*, т. I, № 295. Нераненымъ воеводамъ велѣно ѣхать къ Москвѣ *на военную* службу.

на свои раны. Мы приведемъ этотъ маленькій документъ, ради его курьезности, почти цѣликомъ: челомъ бьетъ нѣкто Гришка Варнавинъ; указывая на свои «зимнія и лѣтнія службы» и на полученныя имъ при исполненіи этихъ службъ «боевыя раны», онъ перечисляетъ послѣднія: «нога переломлена съ пищали, рука пробита съ пищали же, сабельныхъ и лучныхъ (изъ лука) *пять* ранъ». По перечисленіи всѣхъ своихъ увѣчій Варнавинъ наивно заключаетъ, что онъ «*увѣченъ* и полковой службы служить немоченъ», а потому и проситъ назначить его воеводой.

Боясь утомить читателя фактами, которыми переполнены не только архивные или уже изданные памятники нашей старины, но даже и немногія сочиненія по этому предмету, мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что несостоятельность воеводскаго управленія, разумѣется, росла, а не уменьшалась въ теченіе второй половины XVII столѣтія; злоупотребленія и распущенность приказныхъ царскихъ людей къ концу названнаго столѣтія дошли до того, что московское правительство вынуждено было прибѣгнуть къ мѣрѣ неслыханной для насъ, людей XIX столѣтія, ни съ какой точки зрѣнія непонятной.

Мы имѣемъ въ виду одинъ царскій указъ, изданный въ 1695 году, по поводу злоупотребленій сибирскихъ воеводъ, приведшихъ ко «многому умаленію государевыхъ воеводскихъ доходовъ», благодаря презрѣнію воеводами «жестокихъ указовъ, каковые въ наказахъ написаны».

«Чтобъ воеводъ отъ такихъ ихъ великихъ государей казнѣ и людямъ разорительныхъ поступокъ унять», рѣшено, какъ говоритъ указъ, «написать имъ изъ указовъ и изъ наказовъ по городамъ... статьи и тѣ статьи, *закрѣпя думныхъ людей рукою* и приложа ихъ великихъ государей (Ивана и Петра Алексѣевичей) печать, послать и въ съѣзжей избѣ впредь для иныхъ воеводъ положить», т.-е. рѣшено было составить сборникъ изъ всяческихъ наказовъ и отдѣльныхъ распоряженій по воеводскому управленію въ назиданіе и руководство воеводамъ. Вотъ эти-то *статьи*, очевидно, и велѣно было нерчинскому малолѣтнему воеводѣ усвоивать себѣ посредствомъ чтенія ихъ «почасту». Мѣра не новая: статьи эти давно были всѣ извѣстны и сибирскимъ воеводамъ, наказы которыхъ писались подробнѣе и грознѣе. Очевидно, и правительство московское понимало, что мѣра дѣйствительно не нова, а, стало быть, и ждать отъ нея чего-либо новаго не приходится. А потому указъ 1695 года прибѣгъ еще къ слѣдующей мѣрѣ: приказано было съ «тѣхъ статей въ городѣхъ *въ земскую избу* дать за дьячьею приписью списки *и земскимъ всякаго чина жителямъ* ихъ великихъ государей грамоты *съ прочтомъ, что ихъ воеводъ слушать, какъ въ тѣхъ статьяхъ написано*». Говоря нашимъ языкомъ, правительство разсылаетъ наказныя статьи, на основаніи которыхъ должны были править воеводы по земскимъ сборнымъ избамъ для того, чтобы всѣ и каждый зналъ объемъ и предѣлы власти воеводъ; при этомъ въ тѣхъ же избахъ долженъ былъ быть прочтеннымъ и указъ, гласящій, что повиноваться воеводамъ обязаны «люди» лишь въ томъ случаѣ, когда они не отступаютъ отъ обнародованныхъ статей.

Ну, а если воевода превыситъ свою власть, поступитъ не по «статьямъ»? «А буде который воевода учнетъ что дѣлать чрезъ тѣ ему данныя статьи *и*

имъ — земскимъ всякаго чина жителямъ — *его въ томъ не слушать*, а посылать на того воеводу за своими руками челобитныя»[1]).

Прибавимъ, что изъ того же указа видно, что воеводъ «для челобитья къ Москвѣ не пускаютъ».

Тысячу разъ правъ профессоръ Градовскій, замѣтившій по поводу приведеннаго рѣшенія, что «это уже не указъ, а крикъ отчаянія, вырвавшійся отъ сознанія полнаго своего безсилія»[2]).

Но неужели же до примѣненія этой радикальной мѣры и тѣхъ, съ которыми мы знакомимся изъ наказовъ, — вродѣ требованія отчетности и угрозъ отвѣтственностью, — московское правительство, въ теченіе цѣлаго столѣтія, не прибѣгало ни къ какимъ инымъ, чтобы поставить мѣстное управленіе въ сколько-нибудь возможныя условія для достиженія хотя тѣхъ цѣлей, которыя оно ему исключительно, какъ мы видѣли, ставило — обезпеченія доходовъ государственныхъ и неразоренія населенія?

Мѣръ для достиженія этого было пущено въ ходъ много, такъ много, что въ нихъ даже разобраться едва возможно. Всѣ эти мѣры можно разбить на двѣ категоріи, смотря по тому, къ кому или, правильнѣе говоря, къ какому началу обращалось правительство: прибѣгало ли оно къ помощи того же *приказнаго* начала, представителемъ котораго были и сами воеводы, или оно обращалось къ началу *земскому*.

Мы не будемъ останавливаться на мѣрахъ первой категоріи, вообще на всѣхъ этихъ попыткахъ упорядочить воеводскую власть путемъ изданія наказовъ, памятей и всяческаго рода отдѣльныхъ указовъ, издававшихся обыкновенно на имя отдѣльныхъ воеводъ, путемъ увеличенія или сокращенія юрисдикціи того или другаго изъ нихъ посредствомъ выдачи всякаго рода жалованныхъ грамотъ въ пользу частныхъ лицъ.

Но мы остановимся нѣсколько на тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ, съ перваго взгляда, какъ будто смѣшиваются оба указанныя нами начала — приказное и земское; мы говоримъ *о выборныхъ приказныхъ людяхъ*, къ которымъ прибѣгало московское правительство, замѣняя ими воеводъ и приказныхъ людей вообще, назначаемыхъ къ дѣлу самимъ правительствомъ. Это явленіе — порожденіе московской административной жизни, — явленіе, вытекавшее изъ несостоятельности приказнаго начала вообще и, во всякомъ случаѣ, изъ нѣкотораго довѣрія московскаго правительства къ исконному земскому началу.

Къ такого рода мѣрамъ мы, прежде всего, относимъ обращеніе правительства къ такъ называемымъ *таможеннымъ и кабацкимъ головамъ и цѣловальникамъ*. Изъ самаго названія этихъ должностей можно заключить объ ихъ функціи: она — во взиманіи таможенныхъ сборовъ и кабацкихъ доходовъ[3]), но въ дѣйствительности гораздо шире: эти головы не только собирали царскія таможенныя разнаго рода пошлины, торговали питьями въ царскихъ кабакахъ, но и производили эти питья и преслѣдовали всякіе виды корчемства. Дѣло денежное,

[1]) *Тамъ-же*, т. III, № 1511.

[2]) *Начала русскаго государственнаго права*, т. III, стр. 80.

[3]) Подробности въ нашей статьѣ: *Царскій кабакъ московскаго государства* (*Русская Мысль* 1883 г., кн. IV).

большое, лакомое: не во всякія руки отдать его можно; тутъ, пожалуй, больше чѣмъ гдѣ-либо можно царскую казну изубыточить, да и народъ разорить. А потому, должно быть, дѣло это и миновало во всемъ его объемѣ испытанныхъ рукъ воеводскихъ [1]).

Нашли лучшимъ обратиться къ силамъ земскимъ. И обратились къ нимъ въ такой формѣ: или, случалось, царь самъ назначалъ, по своему выбору, къ таможенному и кабацкому дѣлу головъ, или, что гораздо чаще, ихъ поставляло къ дѣлу мѣстное населеніе, которое именно *поставляло* ихъ, въ видѣ тяжелой для нихъ повинности, изъ своей среды «лучшихъ и пожиточныхъ людей», къ *царскому* дѣлу, никакъ мѣстнаго населенія, его интересовъ непосредственно не касавшемуся. Но это было выгодно казнѣ. Отдавать таможенное дѣло на руки такихъ выборныхъ называлось отдать ихъ *на вѣру:* выборные люди приносили присягу, что возложенная на нихъ обязанность будетъ исполнена такъ добросовѣстно, что будетъ собрано не только то, что предписано, но даже и съ избыткомъ. И правительство считало себя обезпеченнымъ. Не потому, впрочемъ, что надѣялось на присягу выборныхъ, а потому, что оно было обезпечено не только имуществомъ выборныхъ, людей пожиточныхъ, но и имуществомъ избирателей—общинъ: потому не выбирай «худыхъ», маломочныхъ воровъ.

Такая система появилась еще въ XVI вѣкѣ; по крайней мѣрѣ, она примѣнялась при Грозномъ въ Новгородѣ и Псковѣ [2]); въ XVII столѣтіи она сильно распространяется; развивается она сначала тѣмъ же способомъ, какъ и все въ московскомъ государствѣ: чисто-эмпирически, путемъ отдѣльныхъ указовъ, грамотъ какъ на имя самихъ головъ, такъ и на имя воеводъ, которымъ нѣкоторое время поручается надзоръ за выборами старостъ съ цѣловальниками и за ихъ дѣятельностью, чтобы сбирали «неоплошно, съ великимъ раденіемъ»; часто воевода даже получалъ отъ выборныхъ «сборы» для отсылки ихъ въ Москву; въ случаѣ недочетовъ, даже «правили» ихъ съ старостъ и цѣловальниковъ; но такими правами пользовались воеводы, во-первыхъ, не всѣ, а, во-вторыхъ, и не всегда. Московское правительство колебалось, не зная, кому больше вѣрить [3]).

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ положеніе и значеніе выборныхъ и кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ болѣе урегулировано. Постоянною тенденціей правительства является совершенное устраненіе приказныхъ людей отъ таможеннаго и кабацкаго дѣла, полное возложеніе его на общины посадскихъ и дворцовыхъ крестьянъ. Воеводы обойдены выборными головами въ ихъ сношеніяхъ съ Москвой: они сносятся съ ней прямо. Община всегда, въ случаѣ несостоятельности своихъ выборныхъ уплатить недоборъ или вознаградить всякіе «продажи и убытки», отвѣчаетъ и за нихъ.

И опять, стало быть, прибѣгаютъ, спасаясь отъ золъ приказной администраціи, къ той же *общинѣ*, къ тѣмъ же истощеннымъ земскимъ силамъ; но прибѣгаютъ къ ней уже исключительно какъ къ тяглецу, вѣками испытанному въ отбываніи всякаго рода тяголъ.

[1]) Въ началѣ XVII столѣтія были попытки поручить это дѣло всецѣло воеводамъ, но Москва сплошь и къ ряду почти ничего не получала „для ихъ бездѣльныя корысти". *Градовскій*, назв. соч., стр. 170 и 171.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 174 и 175.

[3]) *Чичеринъ*, назв. соч., стр. 223 и сл.

Таможенные головы и цѣловальники — тяжелая повинность земства. Они тѣ же *приказные*, его великаго государя и царя доходы вѣдающіе люди, лишь поставленные къ этому дѣлу общинами. Они люди, сплошь и къ ряду даже вовсе чуждые той области, въ которой вѣдали порученное имъ дѣло: московская политика такъ далеко пошла, что выбранныхъ, напр., въ Перми засылала въ Архангельскъ и наоборотъ. Но головы, пожалуй, и не ложились на общину вообще такою тягостью, какъ цѣловальники: головы, какъ «начальные люди... назначались изъ московскихъ чиновъ — гостей, гостиной и суконной сотни» — или изъ другихъ городовъ, людей все богатыхъ; на посадскихъ людей тяжело давила повинность поставлять къ головамъ цѣловальниковъ; какъ на повинность смотрѣло на такую поставку ему вѣрныхъ слугъ и само правительство, ограничивая ихъ службы годичнымъ срокомъ [1]).

Такъ выходило въ жизни, въ дѣйствительности, хотя правительство если не видѣло, то, по крайней мѣрѣ, хотѣло видѣть во всѣхъ этихъ мѣрахъ и интересы земства, хотя бы въ лицѣ одного изъ слоевъ его — городскаго, торгово промышленнаго населенія, на которое со второй половины XVII ст. таможенная и кабацкая повинности и ложатся главнымъ образомъ. Этотъ взглядъ его выразился хотя бы въ томъ же *Новоторговомъ уставѣ* царя Алексѣя Михайловича, который видѣлъ одно изъ средствъ къ улучшенію положенія торгово-промышленнаго сословія именно въ передачѣ въ его руки таможенныхъ сборовъ, съ абсолютнымъ устраненіемъ отъ нихъ воеводъ и приказныхъ людей вообще.

Какъ бы то ни было, но, въ концѣ-концовъ, спеціально по данной области управленія московское правительство хотѣло организовать дѣло исключительно на *земскихъ* началахъ и силахъ. «Таможенное дѣло», — говоритъ проф. Градовскій, — «разсматривается какъ земское управленіе, въ которое воеводы не должны вступаться». Оно стремилось къ этому потому, что вѣрило въ настоящемъ дѣлѣ болѣе земскимъ силамъ, чѣмъ собственнымъ, приказнымъ, или, по крайней мѣрѣ, надѣялось этими силами болѣе вѣрно обезпечить свои доходы.

Не остановилось московское правительство въ дѣлѣ примѣненія земскихъ силъ къ областному управленію на только что указанномъ. Развитіе приказнаго начала, въ формѣ воеводской власти, не помѣшало существовать о-бокъ съ послѣднею и власти *земской* въ такихъ сторонахъ областной администраціи, какъ судъ и расправа.

Читатель помнитъ появившихся еще въ первой половинѣ XVI столѣтія губныхъ головъ. Они не исчезли и въ XVII стол.; хотя и въ сильно измѣненномъ видѣ, они существуютъ до начала прошлаго столѣтія, оставаясь по своему назначенію къ дѣлу должностью выборною, земскою, все время.

Въ *Уложеніи* царя Алексѣя Михайловича, въ главѣ, трактующей *о разбойныхъ и татяныхъ дѣлѣхъ*, говорится, что «въ городѣхъ *разбойныя и убійственныя и татиныя дѣла* вѣдати *губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ*, а воеводамъ въ городѣхъ такихъ», т.-е. въ которыхъ сидятъ губные старосты съ цѣловальниками, «тѣхъ дѣлъ не вѣдати» [2]). Кто же эти ста-

[1]) *Градовскій*, назв. соч., стр. 178—180.
[2]) Глава XXI, ст. 3.

росты? Въ слѣдующей же статьѣ *Уложеніе* отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: «а *быти губнымъ старостамъ* въ городѣхъ *по выбору* дворянъ и дѣтей боярскихъ и посадскихъ *и всякихъ чиновъ жилецкихъ и уѣздныхъ сошныхъ людей»;* а выбирать губныхъ старостъ предписывалось изъ *грамотныхъ* «дворянъ *добрыхъ* и *прожиточныхъ* (т.-е. состоятельныхъ), которые за старость или за раны отъ службы (военной) отставлены или за которыхъ служатъ дѣти ихъ и племянники»; если въ городѣ служилыхъ дворянъ не найдется, то допускается выбирать старостъ изъ болѣе низшаго слоя служилыхъ людей — дѣтей боярскихъ, но также грамотныхъ, добрыхъ и прожиточныхъ.

При губныхъ старостахъ состояли цѣловальники, дьячки. И тѣ, и другіе, вмѣстѣ съ тюремными сторожами, назначались къ своему дѣлу «по выбору сошныхъ людей», т.-е. крестьянъ только и уже изъ ихъ среды [1]).

Ясно, что эти старосты и цѣловальники второй половины XVII столѣтія — тѣ самые, съ которыми мы встрѣчались въ первой половинѣ XVI в., при Иванѣ Грозномъ.

Г. Чичеринъ губныхъ старостъ прямо называетъ *земскою властью* [2]). Таковою они, какъ мы видѣли, въ началѣ и были. Губное управленіе, если читатель припомнитъ, было *правомъ* земства, его привилегіей, ограничивавшей власть царскихъ намѣстниковъ. Въ XVII столѣтіи сущность дѣла измѣняется: губное дѣло превращается въ *повинность* общины, которую послѣдняя несетъ въ пользу государства и которая является по существу такимъ же *приказнымъ*, правительственнымъ дѣломъ, какъ и всякое дѣло правительственное, исполняемое и органами правительственными, приказными; вся разница лишь въ томъ, что старосты исполняютъ свою обязанность по *выбору* и безвозмездно, а приказные люди — по назначенію отъ правительства. По существу же, по своимъ функціямъ теперь тѣ и другіе — люди приказные.

Губные старосты къ обществу, ихъ избравшему, не стоятъ ни въ какихъ обязательныхъ отношеніяхъ: ихъ вѣдаетъ то московское центральное учрежденіе, которое вѣдаетъ уголовный судъ во всемъ государствѣ, такъ называемый Разбойный приказъ: сюда присылаются выбранные къ губной службѣ старосты со своими «выборами»; здѣсь они приводятся «ко кресту»; отсюда получаютъ они «наказныя памяти, почему имъ разбойныя, и убійственныя, и татиныя дѣла вѣдати». Въ Разбойномъ приказѣ, на Москвѣ, судятъ и старостъ, и цѣловальниковъ, и даже дьячковъ «въ истцовыхъ искѣхъ» [3]). Но за то общество за своихъ выборныхъ отвѣчаетъ передъ правительствомъ [4]). Вмѣстѣ съ превращеніемъ губныхъ старостъ изъ общинныхъ земскихъ людей въ выборныхъ приказныхъ постепенно расширяется ихъ функція: къ уголовнымъ дѣламъ присоединяются гражданскія [5]); мало-по-малу они начинаютъ вѣдать иныя, воеводскія, въ сущности, дѣла, а, въ концѣ-концовъ, сплошь и къ ряду прямо замѣняютъ воеводъ, становятся на одну съ ними доску; иногда даже, въ случаѣ столкно-

---

1) *Тамъ-же*, ст. 4.
2) Назв. соч., стр. 451.
3) *Уложеніе*, гл. XXI, ст. 1, 4 и 5.
4) *Тамъ-же*, ст. 101.
5) *Дмитріевъ*, назв. соч., стр. 321.

венія другъ съ другомъ двухъ сосѣднихъ воеводъ или воеводъ-товарищей, губные старосты, по порученію изъ Москвы, производятъ слѣдствія надъ такими воеводами, штрафуютъ ихъ[1]). Извѣстны города, въ которыхъ попеременно то сидѣли воеводы, то губные старосты. Часто это происходило по челобитью самого городскаго населенія, т.-е., стало быть, старосты вполнѣ замѣняли воеводъ [2]), — лучшее доказательство, что губные старосты превратились вполнѣ въ приказныхъ. Но по способу ихъ назначенія, повторяемъ, они, все-таки, остаются *земскими* людьми и, притомъ, обще-земскими, если можно такъ выразиться, а не сословными, хотя и избирались, какъ было сказано, изъ одного сословія: избирало ихъ *все земство*. Земскими же людьми, и даже гораздо больше, оставались цѣловальники, сторожа тюремные, дьячки. Общины, избиравшія губныхъ чиновниковъ на государскія службы, этимъ не кончали своихъ отношеній къ губному дѣлу: они «отвѣчали государству за всѣхъ живущихъ въ нихъ людей, на нихъ лежитъ обязанность указывать преступниковъ, объявлять о нихъ, преслѣдовать и ловить ихъ... они исправляли, по данному предмету, множество натуральныхъ и денежныхъ повинностей» [3]), какъ, наприм., содержаніе тюремъ: «а тюрьмы строити,—говоритъ *Уложеніе*,—съ посадовъ, и съ уѣздовъ, съ сохъ, съ дворцовыхъ селъ, и съ черныхъ волостей, и со всякихъ сошныхъ людей», или «подмогу цѣловальникомъ и сторожемъ и *въ губныя избы*»,—которыя строились тѣми же сошными людьми, — «на всякіе расходы сбирати деньги съ тѣхъ же съ посадскихъ и съ сошныхъ людей» [4]).

И такъ, земская служба по губному дѣлу выродилась въ приказную службу, а земскіе выборы — въ земскую общинную повинность.

Какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно, однако, что правительство московскаго государства земскому началу, хотя бы и въ этой только формѣ, придавало огромное значеніе, ни въ какомъ случаѣ не меньшее, чѣмъ началу приказному, возлагая, какъ мы видѣли, на то и другое однѣ и тѣ же задачи.

Оно не останавливалось въ XVII вѣкѣ и на указанныхъ только до сихъ поръ формахъ участія земскаго начала вообще и общиннаго въ частности въ областномъ управленіи.

Мы имѣемъ свидѣтельство современника, извѣстнаго Котошихина, автора сочиненія *О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича*, о слѣдующемъ фактѣ, относящемся ко второй половинѣ XVII вѣка: «а въ иныхъ царскихъ черныхъ волостяхъ, — говоритъ авторъ, — учинены *судейки*, человѣкъ съ десять, *выборные люди*, тѣхъ же волостей крестьяне: и *судятца межъ себя* по царскимъ грамотамъ и безъ грамотъ, кромѣ уголовныхъ и разбойныхъ дѣлъ. А доходы денежные и иные собираютъ они межъ себя, сколко съ кого доведетца, смотря по ихъ промысламъ и животамъ, и по землѣ, сколько подъ кѣмъ лежитъ земли и сѣетца хлѣба, и коситца сѣнныхъ покосовъ» [5]). Т.-е. мы

---

[1]) Въ 1651 г. губнымъ старостамъ велѣно было взыскать съ воеводъ и приказныхъ людей нѣкоторыхъ городовъ съ каждаго по 50 р. за невысылку въ Москву „нѣтчиковъ" (укрывавшихся отъ службъ служилыхъ людей). *Градовскій*, назв. соч., стр. 341.

[2]) *Чичеринъ*, назв. соч., стр. 482 и сл.; *Градовскій*, тамъ-же; *Дмитріевъ*, тамъ-же.

[3]) *Чичеринъ*, назв. соч., стр. 502 и 503.

[4]) *Уложеніе*, тамъ-же, ст. 97.

[5]) Назв. соч., глава XI, стр. 117, § 1.

имѣемъ указанія на существованіе самоуправляющихся общинъ крестьянскихъ, въ данномъ случаѣ, въ черныхъ волостяхъ. Котошихинъ не говоритъ объ этомъ фактѣ, какъ о явленіи, идущемъ въ разрѣзъ съ общимъ строемъ московской администраціи, — явленіи исключительномъ.

Что общинное самоуправленіе указаннаго Котошихинымъ характера не могло быть явленіемъ общимъ, это мы знаемъ уже, но что оно не было и рѣдкимъ исключеніемъ, это тоже несомнѣнно: кромѣ указанія Котошихина, мы имѣемъ по этому вопросу и другія указанія памятниковъ того времени. Припомнимъ, что въ теченіе всего московскаго періода жалованныя грамоты Ивана Грознаго на самоуправленіе подтверждались, хотя и съ ограниченіями. Можно смѣло принять замѣчаніе г. Дмитріева по поводу замѣны земскаго самоуправленія воеводскимъ, что «выборное управленіе по преимуществу было устранено тамъ, гдѣ оно, какъ, напримѣръ, на Двинѣ, завѣдывало цѣлою провинціей. Сохранилось же оно тамъ, гдѣ волость (т.-е. самоуправляющаяся община) равнялась стану» (подраздѣленіе уѣзда) [1]), т.-е., можетъ быть, и въ большинствѣ общинъ черныхъ волостей. Другой изслѣдователь областнаго управленія московскаго государства, г. Чичеринъ, говоритъ въ одномъ мѣстѣ не разъ уже цитированнаго нами сочиненія, что многія дворцовыя и черныя общины, «можетъ быть, и безъ утвердительныхъ грамотъ сохраняли (въ XVII в.) прежнія (земскія) учрежденія, которыя оставлялись безъ отмѣны, *потому что московскіе государи не искали единообразія и общности* государственныхъ учрежденій» [2]).

Еще отъ 1617 года, т.-е. времени повсемѣстнаго введенія воеводскаго управленія, до насъ дошла грамота, которою одинъ погостъ на далекомъ сѣверо-востокѣ выдѣляется въ особую административную единицу съ правомъ самоуправленія, съ выборнымъ судейкою во главѣ: «а *въ судьи для ихъ волостного дѣла* Зюздинскаго погоста крестьяномъ... выбрати у себя на погостѣ, — говоритъ царская грамота, — человѣка добра, котораго они межъ себя излюбятъ, и выборъ за выборныхъ людей руками дадутъ». Грамота дана на имя пермскаго воеводы, которому и предписывается ввести въ погостѣ новое управленіе и привести выбраннаго въ новой общинѣ судью «къ крестному цѣлованью, какъ *иныхъ судеекъ*» [3]). Изъ этой грамоты слѣдуетъ, мы думаемъ, заключить, на основаніи послѣдняго выраженія, — «какъ иныхъ судеекъ», — что зюздинцамъ не дается, сравнительно съ кайгородцами, изъ среды которыхъ ихъ выдѣляютъ въ особую самостоятельную общину, *ничего новаго:* кайгородцы тоже составляли самоуправляющуюся общину со своими судейками («иные судейки»). Это видно и изъ другаго выраженія грамоты: «а судей выбирати *у*

---

[1]) Назв. соч., стр. 70.
[2]) Назв. соч., стр. 551.
[3]) *Акты Арх. Эксп.*, т. I, № 69. Жители Зюздинскаго погоста жаловались, что имъ тяжело тянуть тягло вмѣстѣ съ кайгородцами, отъ которыхъ они верстъ 200 и больше, и которые, пріѣзжая, съ нихъ, живущихъ „на дикомъ, на черномъ лѣсу, править тягло, насильничаютъ...“ Царь пожаловалъ: погостъ получилъ, мы видѣли въ текстѣ, право самоуправленія, но обязался за „всякіе государевы денежные доходы... платить въ казну оброкъ опричь,—т.-е. помимо кайгородцевъ,—прямо въ Москву, разъ въ годъ“.

себя въ волости, а кайгородцомъ»... т.-е., очевидно, *какъ городскимъ судьямъ, «въѣзжати къ нимъ въ волость ни почто не велѣти»*.

Такимъ образомъ, настоящею грамотой не вводится что-либо новое, а лишь просто раздѣляется одна автономическая община на двѣ или, вѣрнѣе, изъ одной большой общины выдѣляется малая. Несомнѣнно также, что кайгородцы издавна пользуются своею автономіей, судя по тому, что они платили уже въ Москвѣ «выкупъ», съ которымъ мы встрѣчались почти три четверти столѣтія тому назадъ въ важской грамотѣ.

Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что судейка новой общины не судья только, а выборный, вѣдающій «все волостное дѣло».

Въ 1622 году издана была такая же грамота на имя такъ называемыхъ *устьянскихъ волостей;* ею устанавливаются въ устьянскихъ общинахъ судейки и цѣловальники [1]). Несомнѣнно, и въ данномъ случаѣ возстановлялся лишь старый, исконный порядокъ въ названныхъ волостяхъ, прерванный, съ введеніемъ воеводскаго управленія, на очень недолгое время: опираясь на встрѣченные нами факты въ архивныхъ памятникахъ, можно предположить, что въ устьянскихъ волостяхъ воеводы появились никакъ не раньше 1617—1618 года, причемъ смѣнялись ежегодно. А грамотой 1622 года воеводское управленіе уже отмѣнено. Возстановленное въ 1622 году земское управленіе въ названныхъ волостяхъ существуетъ въ теченіе остальныхъ трехъ четвертей XVII столѣтія почти безъ перерыва, судя по тѣмъ даннымъ, съ которыми мы имѣли случай нѣсколько лѣтъ тому назадъ встрѣтиться по отношенію къ этимъ волостямъ въ московскихъ архивахъ министерства юстиціи и иностранныхъ дѣлъ и которыя у насъ подъ руками въ настоящую минуту.

По крайней мѣрѣ, мы встрѣчали указанія на судеекъ въ послѣдней четверти XVII вѣка.

По отношенію къ послѣднимъ годамъ первой половины этого вѣка у насъ имѣется даже такое общее указаніе, какъ перечисленіе земскихъ судеекъ въ общемъ спискѣ воеводъ, какъ органовъ, замѣняющихъ въ устьянскихъ волостяхъ этихъ послѣднихъ. Въ одной изъ такъ называемыхъ «записныхъ книгъ», хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи, содержится списокъ сидящихъ по городамъ воеводъ и замѣняющихъ ихъ губныхъ старостъ; списокъ заканчивается перечисленіемъ воеводъ, сидящихъ въ городахъ, вѣдавшихся въ *устюжской чети* (московскій приказъ); вслѣдъ за городами этой чети названы устьянскія волости: *а ихъ вѣдаютъ судейки устьянскихъ волостей*. Списокъ относится къ 1648 году [2]).

Изъ этого сопоставленія судеекъ съ воеводами прямо слѣдуетъ, что первые замѣняли вторыхъ въ своихъ волостяхъ и обладали совершенно воеводскою властью. Это были, можно сказать, *земскіе* выборные *воеводы*.

Такое заключеніе мы можемъ подтвердить и непосредственными указаніями имѣющихся въ нашихъ рукахъ актовъ архивныхъ. Изъ этихъ актовъ видно, что судейки земскіе вѣдали все то, что вѣдалось по городамъ воево-

---

[1]) *Чичеринъ*, назв. соч., стр. 553.

[2]) Записная книга Моск. стола, № 6. То же самое встрѣчаемъ, черезъ три года, въ записной книгѣ за 7158 годъ.

дами, не исключая и губныхъ дѣлъ, о которыхъ авторъ *Областныхъ учрежденій XVII в.* думаетъ, что они вѣдались земскими судьями лишь въ XVI вѣкѣ [1]). У насъ въ рукахъ есть выборная грамота отъ 1659 г. Въ ней говорится, что «въ *выборные земскіе судьи*» избранъ нѣкто крестьянинъ Кононъ Павловъ на годъ для того, чтобы, — говорятъ выборщики, — «насъ хрестьянъ *судити* и управа надъ нами чинити въ правду по государеву крестному цѣлованью и по соборному *Уложенью* (ц. Алексѣя) и всѣ дѣла *татиныя и разбойныя и душегубныя вѣдати*» [2]). О томъ же говорятъ и другіе «выборы за руками» — выборныя цѣлыхъ трехъ волостей отъ того же года [3]).

Есть указанія на такихъ земскихъ судеекъ въ сѣверныхъ уѣздахъ московскаго государства и кромѣ устьянскихъ волостей, указанія прямыя. Такія указанія есть относительно существованія, въ первой половинѣ XVII вѣка, земскихъ судеекъ въ Соль-Вычегодскомъ уѣздѣ и на Устюгѣ Великомъ. Въ первомъ, можно думать, они существовали до тридцатыхъ годовъ XVII вѣка, такъ какъ отъ этихъ именно годовъ мы имѣемъ два любопытныхъ архивныхъ документа, въ которыхъ говорится о земскихъ судейкахъ. Въ 7138 году сольвычегодскій воевода, «кн. Гагаринъ съ товарищемъ», бьетъ челомъ въ Москву, что крестьяне нѣсколькихъ волостей Усольскаго уѣзда «у собя въ волости *выбираютъ по вся годы земскихъ судеекъ*» и судейки эти «у собя въ волостѣхъ по челобитнымъ и по кабаламъ крестьянъ *во всякихъ во многихъ искахъ судятъ*». При этомъ оказывается, что судейки «въ казну» воеводамъ пошлинъ съ судныхъ дѣлъ не платятъ, ссылаясь «на жалованныя грамоты, что съ нихъ государевыхъ пошлинъ имать не велѣно»; грамоты эти у волостныхъ крестьянъ оказались. Онѣ даны были отъ имени царя Василья Ивановича (Шуйскаго) и подписаны, т.-е. подтверждены царемъ Михаиломъ въ 1615 году [4]). Мы не знаемъ изъ дѣла, чѣмъ кончилось столкновеніе воеводъ съ судейками. Думать надо, оно разрѣшено было въ пользу земскихъ властей. Но воеводы помириться, очевидно, съ этимъ не могли: прошло какихъ-нибудь шесть лѣтъ, и мы снова встрѣчаемся съ тѣмъ же дѣломъ, которое началось на этотъ разъ съ жалобы самого воеводы на то, что къ нему пришли какіе-то «многіе люди съ великимъ шумомъ», прося выпустить изъ тюрьмы какого-то «разбойника»; когда онъ не согласился, выпустили сами не только этого «одного разбойника», но и еще шестерыхъ съ нимъ; «да и перевѣшали (ихъ), — плачется воевода, — а мнѣ холопу твоему угрожаютъ, *и ни въ какихъ твоихъ государевыхъ дѣлѣхъ не слушаютъ*». По такому серьезному дѣлу донесеніе царь выслушалъ у себя «въ комнатѣ». Скоро подоспѣли въ Москву и «мірскіе посыльщики» со своею челобитной на воеводу. Рѣшено было послать для разслѣдованія «дворянина» изъ Москвы съ двадцатью стрѣльцами. Дворянинъ везъ съ собою отъ царя грамоту

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 554. Авторъ говоритъ, что эти дѣла вѣдались губными старостами, а гдѣ ихъ не было—воеводами. Въ устьянскихъ волостяхъ не было ни того, ни другаго.

[2]) *Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ*: „Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ", связка 301. Это выборы Пеженскаго стану.

[3]) *Тамъ-же*, выборы *Шангальской* волости, *Чарондской* и *Соденской*.

[4]) *Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Тамъ-же*, 7138 годъ. Въ 1626 году *земскіе судейки* въ этомъ уѣздѣ судятъ дѣло о сбѣгѣ холопа у московскаго боярина, ѣхавшаго въ Сибирь на воеводство. *Тамъ-же*, св. 18.

«къ *земскимъ судейкамъ* и старостамъ и цѣловальникамъ и *всѣмъ посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ*», чтобъ они слушались его, дворянина.

Опять земскіе судейки, къ которымъ посылается царская грамота. Дѣло дошло до насъ почти цѣликомъ; на жалованную грамоту ссылокъ нѣтъ. Земскіе люди добились своего: воеводу царь приказалъ «перемѣнить», а «розыскъ» продолжать. Документъ кончается новыми разспросными рѣчами.

Изъ всего наличнаго матеріала по этому дѣлу выясняется одно: воевода бралъ насильствомъ какіе-то поборы, грамоты на которые земцамъ не показалъ. На повѣшеніе разбойниковъ едва ли даромъ указываетъ воевода: здѣсь, вѣроятно, шелъ споръ о правѣ суда между земскими судьями и воеводой.

Вообще, мы видимъ въ этомъ дѣлѣ борьбу началъ земскаго и приказнаго. И земское если не одерживаетъ верхъ, то, по крайней мѣрѣ, и не уступаетъ приказному.

Мы не будемъ останавливаться на подробномъ перечисленіи отдѣльныхъ предметовъ вѣдомства земскихъ судей, хотя матеріала для этого имѣемъ въ рукахъ болѣе чѣмъ достаточно. Для нашей цѣли по этому вопросу мы ограничимся лишь установленіемъ положенія, что по существу дѣла земскіе судейки устьянскихъ волостей совершенно соотвѣтствовали воеводамъ, когда послѣдніе не были ограничены губными старостами въ ихъ функціяхъ.

Съ такою обширною властью земскіе судьи имѣли мѣсто до конца XVII вѣка лишь въ устьянскихъ волостяхъ; въ другихъ уѣздахъ они, какъ, напримѣръ, въ Сольвычегодскомъ, уже потеряли ее въ первой половинѣ этого столѣтія; но они не исчезаютъ съ этого времени совсѣмъ съ лица земли, такъ какъ упоминаются въ актахъ и позже, и, вѣроятно, судятъ совмѣстно съ воеводами или губными старостами по такимъ дѣламъ, какъ убійственныя, разбойныя, татиныя [1]).

Выбирались земскіе судейки всѣми крестьянами стана или волости съ прежними судьей и земскими цѣловальниками, а также приходскими церковными старостами во главѣ [2]), изъ людей добрыхъ и душою прямыхъ, животомъ прожиточныхъ. Вслѣдъ за производствомъ выборовъ составлялся земскимъ выборнымъ дьячкомъ актъ — «выборъ», который подписывался всѣми избирателями, большею частью отцомъ ихъ духовнымъ, за ихъ безграмотствомъ. Получался актъ, который назывался «выборъ за руками» и отсылался въ Москву въ соотвѣтствующій приказъ.

Въ товарищи «выборнымъ и земскимъ судейкамъ», какъ называютъ ихъ архивные памятники, избирались такъ называемые цѣловальники, которые всегда въ тѣхъ же памятникахъ называются и «товарищами» судеекъ [3]), хотя иногда подъ товарищами приходится разумѣть и земскихъ же судеекъ; это въ томъ случаѣ, когда въ волости, какъ свидѣтельствуетъ Котошихинъ, было по нѣсколько человѣкъ выборныхъ судей.

---

[1]) *Чичеринъ*, назв. соч., стр. 554.

[2]) *Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Тамъ-же*, св. 301.

[3]) „А судить ему судьѣ *съ товарищи*". Въ одномъ дѣлѣ въ качествѣ товарищей,— „а у суда съ судьею сидѣли",—перечисляются земскій цѣловальникъ, земскій сотскій и даже пятидесятскій.

Избирались, какъ это мы видѣли уже изъ одной цитаты, судьи, какъ и цѣловальники, только на *одинъ годъ*.

Какъ утверждались выборы земскихъ судей на Москвѣ, такъ на Москвѣ же передъ московскимъ правительствомъ и отвѣтственны были земскіе воеводы-судейки. Туда же въ Москву «челомъ бьютъ» на рѣшеніе земскихъ судеекъ. И сами они, въ томъ случаѣ, когда дѣла «вершить не умѣли, *указу не догонули*», — какъ выражается одна челобитная, — переносили его въ Москву же.

Не въ однѣхъ волостяхъ черныхъ крестьянъ встрѣчаемся мы въ XVII вѣкѣ съ земскими выборными судейками. Есть два печатныхъ акта отъ этого времени, говорящіе о выборныхъ земскихъ судейкахъ города Шуи [1]). Одна изъ этихъ грамотъ издана въ 1606 году царемъ Шуйскимъ и представляетъ собою, въ сущности, подтвержденіе давняго строя шуянъ, утвержденнаго еще жалованною грамотой Ивана Грознаго, впослѣдствіи «переписанною на Ростригино (Лжедимитрія I) имя». Шуйскій выдалъ эту грамоту въ отвѣтъ на челобитную «отъ всѣхъ шуянъ», просившихъ «велѣти имъ тое уставную грамоту переписати на его царское имя». Въ «новой» грамотѣ царь говоритъ, что онъ жалуетъ всѣхъ посадскихъ людей Шуи: «*судити и управу межъ имю чинити* и наши (царскіе) доходы собирати сполна» излюбленнымъ земскимъ людямъ, коихъ «выбираютъ межъ собя... по годомъ, посадскихъ же лучшихъ и середнихъ людей добрыхъ и *просужихъ*, которые были бъ душою прямы *и всѣмъ имъ посадскимъ* людемъ любы». Но функціи этихъ судеекъ ограничены сравнительно съ судейками устьянскихъ и другихъ волостей: разбойныя, убійственныя и татиныя дѣла судили не они, а губные старосты. Въ городѣ въ это время, очевидно, воеводы не было; вмѣсто него сидѣлъ губной староста. По крайней мѣрѣ, восемь лѣтъ спустя, уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, шуяне бьютъ челомъ царю, что ихъ, сиротъ, присланный по государеву указу въ Шую воевода князь Гундоровъ тѣснитъ и мучаетъ поборами. Несомнѣнно, воевода въ эпоху повсемѣстнаго введенія воеводства смѣнилъ въ Шуѣ губнаго старосту. А грамота «жаловальная» шуянъ не была еще переписана на имя царя Михаила; въ приказѣ она забыта. Воевода пріѣхалъ и знать ее не хотѣлъ и вошелъ во всѣ свои права по наказу. Шуяне признали воеводу и, повидимому, помирились съ его появленіемъ, едва ли нарушавшимъ ихъ привилегіи: онъ замѣнилъ губнаго старосту, а, стало быть, и могъ по отношенію къ шуянамъ практиковать лишь право суда по убійственнымъ, разбойнымъ и татинымъ дѣламъ. Но онъ пошелъ дальше: сталъ сбирать съ нихъ всякіе сборы и судить по всѣмъ дѣламъ. Шуяне съ этимъ не хотятъ мириться, ссылаются въ челобитной царю на свои «жалованныя» грамоты и просятъ ихъ подтвердить: «а своей, государевы царскія, уставныя грамоты не вели у насъ порушити». Въ томъ же 1614 году грамота царя Василья была переписана на имя царя Михаила.

Мы не указали бы на всѣ проявленія земскаго начала въ мѣстномъ управленіи московскаго государства, если бы забыли сказать хотя нѣсколько словъ

[1]) Они напечатаны въ книгѣ *Борисова:* „Описаніе города Шуи" и въ *Ак. Арх. Эксп.* т. II, № 52.

о такихъ выборныхъ земскихъ органахъ, какъ *земскіе старосты*, цѣловальники, сотскіе и десятскіе [1]). Эти выборныя должностныя лица общинъ московскаго государства — потомки ихъ исконныхъ предковъ, еще *до-княжескихъ* старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ. Они дошли до московскаго государства, а изъ него черезъ все XVIII столѣтіе — и до нашихъ дней. Они всегда были выборными, всегда земскими, общинными «властями», хотя предметомъ ихъ вѣдомства рано стали казенныя повинности почти исключительно. Это потомки тѣхъ старостъ и цѣловальниковъ, которые когда-то сидѣли еще на судѣ у намѣстниковъ и волостелей, собирали ихъ кормы, какъ мы указывали въ своемъ мѣстѣ. Они не исчезли въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ введены были излюбленные судейки, смѣнившіе намѣстниковъ съ волостелями и воеводъ. Ни воеводское, ни губное управленіе не устранило ихъ нигдѣ: ни на черныхъ, ни на дворцовыхъ, ни на владѣльческихъ земляхъ въ крестьянствѣ они не исчезли, какъ не исчезла на этихъ земляхъ среди населявшихъ ихъ крестьянъ и община-міръ.

«Земскіе старосты и цѣловальники находились въ посадахъ и городахъ, — говоритъ г. Чичеринъ, — въ станахъ, волостяхъ и погостахъ. Они были въ Москвѣ; въ Новгородѣ и Псковѣ оставались исконные пятиконецкіе, уличные, всегородные старосты. Подобно «всегороднымъ» старостамъ Новгорода и Пскова, встрѣчаются въ печатныхъ и архивныхъ памятникахъ XVII столѣтія *старосты всеуѣздные*. Такъ, на Тотьмѣ, по смерти воеводы, до пріѣзда новаго, правилъ «земскій староста съ товарищи», на имя котораго изъ Пскова и была послана грамота о сдачѣ новому воеводѣ города. Почти сорокъ лѣтъ спустя послѣ такого воеводствованія земскаго старосты въ Тотьмѣ, на сидящаго въ этомъ городѣ воеводу жалуется *земскій же староста* «во всѣхъ мѣсто посадскихъ и волостныхъ людей *Тотемскаго уѣзда*»; жалуется на злоупотребленія его по отправленію уѣзднымъ населеніемъ ямской царской гоньбы. Самъ воевода называетъ въ своемъ отвѣтѣ царю челобитчика, — земскаго старосту, — «старостою *всеуѣзднымъ*» [2]). Къ сожалѣнію, изъ имѣющихся указаній на земскаго всеуѣзднаго старосту нельзя почти никакихъ сдѣлать выводовъ о его функціяхъ [3]), если не имѣть въ виду только что указанной замѣны старостою воеводы, правда, замѣны временной.

Разумѣется, такой *всеуѣздный* староста избирался всѣми посадскими, становыми и волостными людьми всего уѣзда.

Земскіе же старосты и цѣловальники, сотскіе и десятскіе отдѣльныхъ мелкихъ общинъ выбирались сходами этихъ послѣднихъ изъ своей среды. Выбирать было велѣно обыкновенно «всѣмъ крестьянамъ лутчимъ, и середнимъ и молодшимъ людемъ» и «изъ лутчихъ, которые бы были душами прямы и животы прожиточны и прежъ сего въ старостѣхъ и въ цѣловальникѣхъ бывали...

---

[1]) Въ печатныхъ актахъ *пятидесятскіе* очень рѣдко встрѣчаются.

[2]) *Дополн. къ ак. ист.*, т. V., № 53, стр. 313.

[3]) *Тамъ-же*, № 93, I: *всеуѣздный* земскій староста, о которомъ говорится, что онъ съ посадскими и уѣздными людьми выбиралъ таможеннаго уѣзднаго голову, называется почему-то *ружнымъ*.

которые бъ государевыми денежными доходами не корыстовались и съ крестьянъ лишнихъ денегъ не сбирали» [1]).

Изъ послѣднихъ условій пассивнаго избранія видно уже и то, къ отправленію какихъ функцій назначались эти земскіе выборные люди: къ раскладкѣ между отдѣльными членами тяглой общины всякаго рода «государевыхъ» податей и повинностей и собиранію ихъ.

Но этимъ не исчерпывалась, однако, ихъ дѣятельность. На нихъ лежала мѣстная полиція, производство выборовъ, иногда даже участіе въ судѣ, напр., царскаго прикащика въ дворцовыхъ или черныхъ общинахъ; на нихъ же лежало и завѣдываньe общинными землями, а наконецъ, церковными, если можно такъ выразиться, дѣлами общинными, какъ, напримѣръ, выборомъ священниковъ. стройкой церквей и т. п. По этимъ послѣднимъ дѣламъ, впрочемъ, игралъ большую роль выборный же общины, такъ называемый приходскій или церковный староста, съ которымъ намъ приходится очень часто встрѣчаться въ имѣющихся у насъ подъ руками архивныхъ актахъ, касающихся общиннаго земскаго управленія; онъ часто въ нихъ называется вмѣстѣ съ остальными выборными властями, напримѣръ, при производствѣ общественныхъ выборовъ, составленіи челобитенъ и т. п. Въ названныхъ памятникахъ часто говорится «о церковномъ и монастырскомъ строеньи» *общинномъ*, откуда слѣдуетъ, что крестьянскія общины, иногда по нѣсколько вмѣстѣ, собственнымъ коштомъ и собственными заботами строили не только церкви, но и монастыри. Одинъ изъ актовъ говоритъ по этому поводу, напримѣръ, слѣдующее: «а впредь церковное строенье старостамъ церковнымъ строить *мірскими сборными* деньгами, сбирая межъ себя, *какъ у нихъ изстари повелось*»; въ расходахъ старосту учитывали «по годамъ земскіе люди»; сбирались деньги церковнымъ старостою «съ мірскаго совѣта, а не собою» [2]).

Для отправленія дѣлопроизводства выбирался общинный же *земскій дьякъ*.

Думать надо, что перечисленные земскіе выборные были отвѣтственны въ злоупотребленіяхъ и упущеніяхъ передъ своими избирателями; если судить по приведенному выше свидѣтельству объ отчетности церковнаго старосты, то это несомнѣнно такъ.

Все, до сихъ поръ сказанное, касается въ сущности, по преимуществу внѣшней стороны дѣла, внѣшней организаціи выборнаго земскаго управленія въ московскомъ государствѣ; о его внутреннемъ значеніи говорилось лишь вскользь, но, все-таки, говорилось. Было указано, что земское общинное управленіе постепенно превращается въ государственное, тяглое; что многіе *земскіе* органы оставались таковыми только по способу назначенія ихъ и той средѣ, изъ которой они выбирались; дѣло же они вѣдали «государево», казенное, къ мѣстному населенію, ихъ избравшему, порой не имѣвшее никакого отношенія.

---

[1]) *Чичеринъ*, назв. соч., стр. 510—511.

[2]) Относительно выбора священниковъ общинами-приходами у насъ есть такъ называемыя „порядныя“, заключавшіяся выбранными священниками и старостами „со всѣмъ православьемъ“ отъ конца XVI ст. *Акты Юрид.*, № 185. Избраніе священниковъ общинами-приходами имѣло мѣсто до конца XVII ст., даже позже. *Знаменскій:* „Приходское духовенство“.

Уже изъ всего указаннаго можно заключить, что *мѣстные* интересы общественные, интересы самихъ общинъ, самого земства, въ смыслѣ самостоятельной единицы, едва ли могли существовать и развиваться. Громадное, едва сплоченное государство, строясь и охраняясь отъ всяческихъ внѣшнихъ враговъ, требовало напряженія всѣхъ силъ, физическихъ и нравственныхъ. Все шло на службу ему, всѣ несли ему въ жертву все, что могли изъ своихъ «животовъ», личныхъ, физическихъ и нравственныхъ силъ. Все *должно* было нести. Поэтому мѣстные интересы и не могли идти дальше заботъ объ отбытіи «государева тягла», «заботъ объ охраненіи общины отъ татей и разбойниковъ»,—объ охраненіи ея *цѣлости, числа,* если можно такъ выразиться, заботъ о томъ, чтобы не умалялось, а, наоборотъ, увеличивалось число членовъ-тяглецовъ общины; чѣмъ меньше членовъ, чѣмъ больше въ общинѣ дворовъ, тѣмъ тяжелѣе наличнымъ членамъ ея нести государевы подати и повинности, которыя возлагаются на общину огуломъ, независимо отъ численнаго состава ея въ данный моментъ.

За этими заботами у общинниковъ оставались заботы прокормиться, быть сытыми, обутыми, одѣтыми. Откуда и какъ могли въ то время зародиться другіе интересы въ общинѣ?

Если съ такою убѣдительностью доказывается нашими изслѣдователями, что московское служилое сословіе не могло сложиться въ корпорацію съ собственными интересами въ силу того, что его насущные экономическіе интересы поглощали каждаго служилаго человѣка вполнѣ, направляли его дѣятельность, вліяли на его политическое міросозерцаніе, создали изъ класса конгломератъ отдѣльныхъ единицъ, ничѣмъ общимъ не связанныхъ, даже службой, тягломъ государевымъ, которое они несли всѣ врозь, — что же можно предъявить къ общинѣ? Организовать ее, сплочивать воедино ея отдѣльныхъ членовъ только и могло то, что служилое сословіе скорѣе разъединяло — государево тягло. Объединеніе, въ концѣ-концовъ, разъединяющее, не дающее такихъ корней, началъ, на которыхъ однихъ могло бы создаться единство интересовъ внутреннихъ. Если община не рушилась, если она не исчезла съ лица земли окончательно въ періодъ московскаго государства, то только потому, что была исконнымъ, почти врожденнымъ факторомъ не только русской, но общеславянской, общечеловѣческой исторической жизни. Надо прибавить, что не исчезла она только въ волостяхъ среди сельскаго населенія, которое объединялось однородностью занятія, въ которомъ это исконное явленіе поддерживалось самымъ родомъ занятій, вѣрнѣе, объектомъ ихъ—*землей*. Земля, къ которой вѣчно крестьянинъ привязанъ, привязывала его, какъ привязываетъ и до сихъ поръ, къ сосѣдямъ, вводила его въ общеніе съ ними, создавала изъ нихъ общину, которой разрушить никакія тяглыя службы уже не могли.

Не то въ городахъ, — въ тѣхъ городахъ, гдѣ земледѣліе исчезло почти вовсе; тамъ тяглую общину ничего уже не могло связывать, кромѣ тягла.

Не развита была община московскаго государства съ точки зрѣнія собственныхъ внутреннихъ интересовъ; мало, въ сущности, состоятельна была она съ точки зрѣнія тяглой единицы и, все-таки, московское правительство всегда считало ее болѣе состоятельнымъ факторомъ въ смыслѣ административномъ, въ смыслѣ не только плательщика, тяглеца, но и органа, заботящагося о болѣе

исправномъ несеніи, отправленіи этого тягла ея собственными членами, ею самою, такъ сказать, чѣмъ элементъ приказный. Несомнѣнно, правительство имѣло основанія, и основанія серьезныя, передать общинѣ, ея выборнымъ людямъ многія, какъ мы видѣли, административно-судебныя функціи въ областномъ управленіи, если оно не останавливалось передъ такою передачей, даже не смотря на то, что и выборные органы, земскіе приказные люди, часто не менѣе воеводъ съ товарищами и вообще приказныхъ людей злоупотребляли своею властью, причиняя немало дурнаго и государству, и обществу. Хотя бы эти основанія лежали только въ томъ, что земскіе люди, земскій строй болѣе обезпечивали казну въ ея доходахъ, менѣе разоряли населеніе; хотя бы, наконецъ, къ нему обращались только потому, что у правительства не было средствъ, возможности управиться съ внутреннимъ распорядкомъ государства при посредствѣ исключительно служилаго класса, приказныхъ людей, и въ такомъ случаѣ московское государство имѣло полное основаніе, сильныя побудительныя причины обращаться къ самой землѣ, ея элементамъ въ сферѣ внутренняго управленія.

Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что послѣ долгихъ колебаній между двумя началами внутренняго управленія,—земскимъ и приказнымъ,—въ теченіе цѣлаго столѣтія московское правительство, въ концѣ-концовъ, послѣ уложенія царя Алексѣя, въ послѣдніе годы XVII вѣка, несомнѣнно склоняется сильнѣе въ пользу начала земскаго: «казенная администрація,—говоритъ проф. Градовскій,—проникается земскимъ характеромъ»; между выборными приказными должностями, сначала установленными съ цѣлью ограниченія мѣстныхъ приказныхъ властей, и «земскимъ управленіемъ устанавливается связь, долженствовавшая перейти въ полное соединеніе» [1]).

Воеводы совершенно и почти повсемѣстно устраняются отъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ [2]). За прибыль этихъ сборовъ отвѣчаютъ исключительно выборные люди и общины, ихъ избиравшія, какъ, въ свою очередь, передъ общинами отвѣчаютъ выборные люди, давая имъ отчеты въ веденіи дѣла: «а у стараго головы и цѣловальниковъ старостѣ (земскому) и всѣмъ мірскимъ людемъ принять таможеннаго сбору черныя книги *и на совѣтѣ, передъ всѣми мірскими людьми*... старостѣ и лутчимъ людемъ и середнимъ и молодчимъ *голову и цѣловалниковъ счесть вправду*». Если бы оказались недочеты,— «голова и цѣловальники въ сборахъ... уличены будутъ какою хитростью и нерадѣніемъ»,—потомъ въ Москвѣ, при сдачѣ книгъ въ приказѣ,—«а они мірскіе люди того за ними не усмотрятъ или для взятковъ своихъ съ нихъ (головъ и цѣловальниковъ) или по дружбѣ и по свойству умолчатъ, и тѣ недоборы доправлены будутъ на нихъ мірскихъ людехъ, да имъ же учинено будетъ наказанье безъ всякія пощады» [3]).

Очевидно, если мірскіе люди усмотрятъ недоборы или растраты сами — сами и вѣдаются съ своими выборными, причинившими поруху государеву и

---

[1]) *Градовскій*, назв. соч., стр. 182 и 183.

[2]) Въ 1671 году спеціальнымъ указомъ воеводамъ предписывается *только во всякихъ сборѣхъ всякую помочь подавать* выборнымъ головамъ и цѣловальникамъ таможеннымъ и кабацкимъ и строго запрещается „тѣсноты и налоги имъ чинить... для своихъ взятковъ съ какимъ умысломъ на нихъ нападать". *Полное Собраніе Законовъ*, т. II, № 679.

[3]) *Тамъ-же.*

земскому дѣлу. Двадцать лѣтъ спустя, мы находимъ новое подтвержденіе только что сказаннаго въ указѣ, который мотивируетъ отдачу всякихъ государевыхъ сборовъ земскимъ выборнымъ людямъ тѣмъ, что «*мірскіе люди межъ себя знаютца, кто каковъ человѣкъ, а воевода для своей корысти добрыхъ людей*, кто къ нашему великаго государя дѣлу годенъ, *не перемѣнятъ*, и выборы на нихъ имать мірскимъ людемъ, и отцевъ ихъ духовныхъ за руками» [1]).

Фактъ знаменательный, съ одной стороны, говорящій о томъ, что воеводы, несмотря на всѣ мѣры правительства обезпечить свои интересы путемъ земскихъ силъ, этому препятствуютъ всячески, стараясь вліять на выборы и ставить къ дѣлу «для своей корысти» людей недобрыхъ, имъ любыхъ, съ которыми-де можно было вмѣстѣ у государева дѣла корыстоваться. Съ другой стороны, приведенный указъ еще и еще разъ говоритъ о томъ общепризнанномъ положеніи, что московскому правительству «мѣстныя приказныя должности не внушали къ себѣ особеннаго довѣрія» [2]) и что, наоборотъ, земскіе выборные люди, несмотря на многіе ихъ недостатки, правительству хорошо извѣстные, не только не теряли въ глазахъ послѣдняго довѣрія, но скорѣе болѣе и болѣе пріобрѣтали его.

Царскіе указы, постоянно охраняя и оберегая земскихъ выборныхъ отъ воеводскихъ вліяній, тѣмъ самымъ въ значительной степени выдаютъ, намъ думается, и нѣкоторыя причины самыхъ недостатковъ земскаго выборнаго управленія. У насъ есть подъ руками указанія на результаты воеводскаго вліянія на земскихъ выборныхъ, въ случаѣ дружбы послѣднихъ съ воеводами. Такъ, напр., въ 1665 году шуяне подаютъ царю челобитную на своего земскаго выборнаго человѣка, земскаго старосту, который «учинилъ въ земскихъ дѣлахъ многое большое дурно, а въ денежныхъ приходахъ и расходахъ большую чинилъ хитрость, а себѣ корысть»; и вслѣдъ за этимъ, какъ бы въ объясненіе поведенія старосты, челобитчики разсказываютъ, что «онъ, староста, *подговаривался къ воеводѣ* и къ откупщику, пьетъ и ѣстъ съ ними безпрестанно и ночи просиживаетъ; и *воевода стакався* съ откупщикомъ и *имъ, земскимъ старостою*, насъ, сиротъ твоихъ, продаютъ большею продажею и убытками; и мы, сироты твои, отъ такого ихъ озорничества... въ конецъ оскудѣли» [3]).

Также «стакався» съ воротилами Пскова, его «лутчими (богатѣйшими) людьми», погубилъ воевода, кн. Хованскій, и приказные московскіе люди одно изъ лучшихъ дѣлъ и начинаній извѣстнаго Ордина-Нащокина, «любимца царя Алексѣя Михайловича». Мы говоримъ о пресловутомъ самоуправленіи города Пскова, введенномъ тамъ во второй половинѣ XVII столѣтія, въ видѣ мѣры [4]) поднять благосостояніе Пскова, его торгово-промышленнаго населенія, упавшаго до того, что не оказалось никакой возможности собрать съ Пскова новаго на-

---

[1]) *Градовскій*, назв. соч., стр. 188.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 181.

[3]) *Борисовъ*: „Опис. гор. Шуи“, стр. 323, № 38.

[4]) Весь разсказъ о попыткѣ Ордина-Нащокина изложенъ нами по актамъ, касающимся даннаго предмета, напечатаннымъ въ *Дополн. къ акт. истор.*, т. V, № 1, стр. 1—37, и по *Соловьеву*, у котораго,—„Ист. Россіи“, т. XIII, стр. 116—124,—дѣло изложено отчасти по документамъ, еще не напечатаннымъ.

лога,—по поводу войны съ Польшей и Швеціей,—«пятой деньги» (20 процентовъ). За Псковомъ оказались всякіе недоборы уже и до этого. Пустились въ розыски причинъ такого печальнаго положенія дѣлъ въ этомъ когда-то богатомъ городѣ. Онѣ оказались все тѣми же, старыми: кромѣ «ратнаго оскорбленія и ратныхъ полковыхъ подыемовъ»,—«несогласія въ крѣпости гражданскаго постановленія»; выборы къ государеву дѣлу людей «не по достоинству»; насилія «лучшихъ (богатыхъ) людей надъ маломошными». А чуть ли не главною причиной, причиной причинъ, какъ видно изъ донесеній новаго воеводы, Ордина-Нащокина, посланнаго въ Псковъ именно для водворенія въ немъ порядка, были «продажа и разоренія отъ многихъ сыщиковъ» и, — не договариваетъ Нащокинъ, — воеводъ, послѣднимъ изъ которыхъ, сошедшимъ съ воеводства, непосредственно передъ нимъ былъ кн. Хованскій. Ординъ пишетъ царю, что не рѣшался доводить до его свѣдѣнія о настоящихъ причинахъ разоренія, опасаясь «навести гнѣвъ его, великаго государя, *за прошлыя дѣла*» (понятно кого). Указываетъ онъ также и на то, что боится предложить мѣры противъ зла, потому что знаетъ, какъ отнесутся къ этимъ мѣрамъ въ *съѣзжей* (приказной, воеводской) избѣ Пскова: «ненавидимо будетъ во Псковѣ»,—рискнулъ онъ съоткровенничать.

Не смотря на такое положеніе дѣлъ, воевода, не хотѣвшій, по словамъ Соловьева, только *кормиться* на воеводствѣ, и, опираясь, очевидно, на личное къ нему расположеніе царя Алексѣя Михайловича, приступилъ къ преобразованію городскаго управленія на земскихъ началахъ, предложивъ самимъ псковичамъ подъ его руководствомъ организовать его. Предложеніе возбудило волненіе между псковичами немалое: всѣ «молодшіе и середніе» стояли за предложеніе Ордина - Нащокина; «лутчіе», — богатѣйшіе, вмѣстѣ съ съѣзжею избой, ея дьяками—были сильно противъ него. Съ марта по августъ, цѣлыхъ почти полгода бурлили псковичи, не могли сговориться. Только въ половинѣ августа составили они проектъ городскаго управленія, исходя изъ мысли своего воеводы. Сначала посланы были челобитныя къ царю, въ которыхъ указывалось на всѣ бѣдствія и невзгоды; царь отвѣчалъ на нихъ приказомъ, чтобы «земскимъ старостамъ сойтися съ лучшими людьми въ земской избѣ *для общаго всенароднаго совѣта* и о грацкомъ устроеніи со всякимъ усердіемъ говорить». Указаны были въ нѣсколькихъ словахъ и «начала», изъ которыхъ должны были исходить псковичи при обсужденіи «уставовъ грацкихъ». Эти начала выражены такъ: «а для *грацкихъ* дѣлъ въ *земской* избѣ быть лутчимъ посадскимъ людемъ въ годовой службѣ, съ перемѣною разумнымъ и *житьемъ* праведнымъ людемъ... быть выборнымъ *двѣнадцати* человѣкамъ, по четыре человѣка на годъ, и череда будетъ въ третей годъ».

Начала эти несомнѣнно внушены Ординъ-Нащокинымъ.

Во всенародномъ совѣтѣ они были нѣсколько измѣнены. Къ царю были посланы «уставы», по которымъ выборныхъ предполагается всего *пятнадцать* человѣкъ; а изъ нихъ предполагалось «быти въ земской избѣ по пяти человѣкомъ въ годъ, до трехъ лѣтъ перемѣняючи вновь, а послѣ трехъ лѣтъ съ началу начнется». Эти пять человѣкъ должны были «междо посадскими людьми въ торговыхъ и во всякихъ обидныхъ дѣлѣхъ посадскихъ людей судить и рас-

права межъ ними чинить по соборному уложенью; только разбойныя и душегубныя дѣла подлежали суду воеводъ.

Вмѣстѣ съ этимъ введены нѣкоторыя измѣненія въ различныхъ постановленіяхъ о торговлѣ и промышленности вообще, а также въ питейной системѣ. На нихъ мы останавливаться не будемъ. Замѣтимъ только, что еще до этихъ проэктовъ Ординъ-Нащокинъ, «съ примѣру сторонниххъ чужихъ людей», предложилъ псковичамъ ввести «безпошлинный» торгъ съ иноземцами два раза въ годъ, по двѣ недѣли каждый разъ.

Проэктированное для Пскова предлагалось и для его пригородовъ.

Долго пришлось ждать отвѣта изъ Москвы. Тамъ не тѣмъ были заняты: послы изъ Польши пріѣхали, шли пріемы и переговоры о международныхъ дѣлахъ. Хотя, впрочемъ, въ этомъ, пожалуй, былъ лишь приличный поводъ затормазить дѣло. Недаромъ Ординъ-Нащокинъ направилъ и челобитчиковъ, и всѣ свои отписки по этому поводу не въ «четь новгородскую», гдѣ вѣдался Псковъ, а въ тайныхъ дѣлъ приказъ. Четь новгородскую воевода прямо обвинялъ въ разореньи великомъ города Пскова. Обойденная четь, вѣроятно, приложила руку къ дѣлу. Воевода, любимецъ царя, на свой страхъ, не дождавшись отвѣта изъ Москвы, ввелъ излюбленное «всемірнымъ совѣтомъ псковичей» управленіе.

Однако, не долговѣчно оно было. Либерала и западника XVII вѣка отозвали въ Москву «для веденія мирныхъ переговоровъ съ польскими уполномоченными», — говоритъ Соловьевъ. А воеводой въ Псковѣ очутился тотъ же князь Хованскій, «неохотникъ до новизнъ, особенно неохотникъ до новыхъ людей»,—какъ характеризуетъ его названный историкъ. Найдя и въ средѣ псковитянъ лучшихъ, богатѣйшихъ изъ нихъ, недовольныхъ «новшествами», воевода-охранитель не замедлилъ «стакаться» съ ними и начать походъ противъ выборнаго управленія, просуществовавшаго, что называется, безъ году недѣлю. Быстро,—въ одну ночь,—составлена была стакавшимися новая челобитная, тайкомъ отъ «всемірнаго совѣту», *подчерненная*, т.-е. подскобленная, подправленная, почти подложная [1]). Челобитную шлетъ воевода тотчасъ же въ Москву съ докладомъ, что ее составляли «слагательно, кто-то умный человѣкъ, *а мужикамъ* такъ было не сложить». Въ челобитной «умный человѣкъ» пишетъ, что отъ новыхъ порядковъ «дворяне плачутъ», народъ «безвременно пьетъ», а «отъ иноземцевъ новыя проѣзжія» (грамоты, родъ заграничныхъ паспортовъ), выдаваемыя «мужиками незнаючи... въ подивленіе». Быстро и отвѣтъ былъ полученъ изъ Москвы: «*новый* судъ отставить». Воевода возстановленъ во всей своей неприкосновенности.

Но, несмотря на все свое усердіе въ данномъ дѣлѣ, Хованскій почему-то поскоро замѣненъ былъ въ Псковѣ какимъ-то безцвѣтнымъ княземъ. А въ посольскомъ приказѣ въ Москвѣ, въ которомъ теперь вѣдался Псковъ, сидѣлъ въ это время Ординъ-Нащокинъ. Черезъ одного изъ дьяковъ псковской съѣзжей избы, поклонника Нащокина, среди псковичей былъ поднятъ вопросъ объ отмѣненномъ земскомъ управленіи. Снова посыпались въ Москву челобитныя. Первую заслали противъ винныхъ откупщиковъ, а за ней пришла челобитная отъ

[1]) *Соловьевъ*, т. XIII, стр. 110 и сл.

«сиротъ», государевыхъ «середнихъ и мелкихъ людишекъ», докучавшихъ царю о томъ, что съ отмѣной новыхъ порядковъ «прожиточные» люди Пскова, рѣшая всякія городовыя и мірскія дѣла «безъ городскаго и мірскаго вѣдома, чинятъ великое разоренье и всякія подати большія и малыя». Наконецъ, получили въ Москвѣ и челобитную *отъ всѣхъ* псковичей, съ ихъ земскимъ старостой во главѣ, съ земскимъ моленьемъ о возстановленіи всего сдѣланнаго при Ординѣ-Нащокинѣ и разрушеннаго при Хованскомъ. Подъ челобитной не приложили рукъ лишь *девять* человѣкъ «прожиточныхъ», на которыхъ, перечисливъ ихъ поименно, жаловались въ своей челобитной середніе и молодшіе людишки. Это друзья Хованскаго, имѣвшіе и въ посольскомъ приказѣ сильную руку въ лицѣ двухъ дьяковъ его, которыхъ преслѣдовалъ бояринъ Нащокинъ, какъ грязнившихъ, по его словамъ, посольскій приказъ въ глазахъ иностранцевъ, смѣшивая кабацкія дѣла съ дипломатическими. Дьяки устроили такой докладъ, изъ котораго выходило, что съ отмѣной откуповъ и введеніемъ новыхъ городскихъ порядковъ вообще разоренная тяжкою войной казна потерпитъ недоборы чрезвычайные. Царь обратился, однако, за разъясненіемъ дѣла къ тому же Ордину-Нащокину. Бояринъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ защитить свое дѣтище.

Онъ еще разъ напомнилъ царю причины, почему новое управленіе было Хованскимъ отмѣнено: «и для того, государь, — писалъ онъ тогда, — *ненавидимо* то установленное дѣло, что за крѣпкимъ береженіемъ *отъ разоренія людцкого учинено* и къ сбору бы твоего великаго государя казны было къ большему». Потому-то я и получилъ, — говорилъ тогда Нащокинъ, — грамоту, что «такому уставу быть *въ одномъ Псковѣ* не умѣть — *отъ того будетъ смута большая*». Оказывается, Нащокина обвиняли въ возбужденіи «смутъ», мятежей. Теперь обвиненный опять откровенно говоритъ царю, что «устроилъ псковское государство (?) *съ примѣра стороннихъ чужихъ земель*» къ прибыли его великаго государя казны и «псковскому государству къ полнотѣ и расширенію»; что устроилъ его, «ни на что не прельщаясь... только исполняя свой долгъ»; но что это его дѣло «возненавидѣно было *немилосердными людьми, приказною мздой*». Онъ высказываетъ еще и еще разъ, что «безъ такого устава» помочь населенію *нечѣмъ*, и при этомъ сознается царю, что, въ виду такого своего убѣжденія, онъ «наговаривалъ и писалъ въ Псковъ» и теперь «всячески приводя въ согласіе» псковичей; что онъ дѣлалъ это черезъ дьяка, его друга, въ Псковѣ, который усердно радѣетъ, «какъ бы прекратить раздѣленіе между псковичами». Это искреннее и честное разъясненіе дѣла поклонникомъ новшествъ и «примѣровъ стороннихъ чужихъ земель» не привело къ желаннымъ результатамъ [1].

«Противникамъ Нащокина, — говоритъ нашъ историкъ, — легко было намекнуть, что мнимое соединеніе произведено было насильственнымъ образомъ, что

[1]) Нельзя на основаніи ссылокъ самого Ордина-Нащокина на примѣръ „стороннихъ людей“ обвинять его въ перенесеніи въ данномъ случаѣ чего-то чуждаго московскому государству: градскій строй былъ основанъ на исконныхъ русскихъ земскихъ началахъ. Ординъ-Нащокинъ въ своихъ ссылкахъ, очевидно, имѣлъ въ виду лишь идею, суть дѣла, которая „у чужихъ“ въ свойственной имъ формѣ осуществлялась, дѣйствовала, а въ московскомъ государствѣ тормазилась въ своемъ развитіи.

«лутчіе» люди не подписались подъ «всемірною» челобитной, просящей о возстановленіи нащокинскаго «устава».

Но царь, очевидно, не сдавался сразу на эти доводы. Рѣшено было обратиться къ средству, по истинѣ съ нашей современной точки зрѣнія невѣроятному: «спросить *всѣхъ жителей* Пскова и области прямо отъ верховнаго правительства, чего они хотятъ» [1]).

На имя сидѣвшаго въ Псковѣ воеводы послана была грамота, въ которой и поставленъ былъ вопросъ на разрѣшеніе всякихъ чиновъ людей, но не о цѣломъ «уставѣ градцкомъ» Нащокина, а только объ откупахъ: «если въ Псковѣ *питейной прибыли быть* попрежнему *у всѣхъ псковскихъ жителей*, то казнѣ прибыль будетъ ли и псковскимъ и уѣзднымъ людемъ какой тягости въ томъ не будетъ ли»?

Отвѣты въ Москвѣ скоро были получены: «архіепископъ Арсеній, какъ св. панагію носитъ, во всякой правдѣ сказалъ», что городское и уѣздное населеніе разорится окончательно. Не менѣе опытные въ этомъ дѣлѣ архимандриты, игумены и игуменьи, протопопъ собора и попы ружныхъ и приходскихъ церквей и весь освященный чинъ и церковные прикащики,—за церковныхъ крестьянъ,—отвѣчали, что безъ откупщиковъ «отнюдь нельзя, потому что домамъ псковичей и священнаго чина и уѣздныхъ крестьянъ, слабыхъ людей быть въ лишнихъ скудостяхъ и безчестьяхъ за пьянственнымъ невоздержаніемъ и за иными въ пьянствѣ слабостями». Почти то же повторили въ своемъ отвѣтѣ и 238 человѣкъ посадскихъ. Служилые люди — дворяне и дѣти боярскія — 60 человѣкъ изъ 149 (89 не пріѣхали) отвѣтили незнаніемъ; тотъ же отвѣтъ дали и двѣ тысячи слишкомъ человѣкъ козаковъ, стрѣльцовъ, пушкарей и воротниковъ. Любопытно отвѣтили крестьяне Псковскаго уѣзда, 241 человѣкъ: «питейной прибыли можно быть попрежнему *у всѣхъ псковскихъ жителей*, *казнѣ прибыль будетъ*; въ городѣ и въ уѣздахъ *кабакамъ* быть непристойно» (по нащокинскому уставу были «питейные дома оброчные») [2]).

Разумѣется, въ Москвѣ рѣшили въ пользу откупа. Тѣмъ и кончился вопросъ о самоуправленіи Пскова [3]).

Останавливаясь съ такими подробностями на псковскомъ дѣлѣ, мы хотѣли указать хотя въ нѣкоторой степени на одну изъ причинъ, тормозившихъ, по нашему мнѣнію, развитіе земскаго управленія въ уѣздѣ московскаго государства; указать на ту «нравственную болѣзнь», которая разъѣдала приказный міръ XVII вѣка, а съ нимъ, можно думать, и «лутчихъ людей» городскаго и сельскаго населенія. Болѣзнь заражала и земство, разъѣдала и его силы. Но это не указывало на несостоятельность земства вообще, по самому существу его. Такъ не смотрѣло на дѣло и само московское правительство: оно, наоборотъ, вѣрило земству,—вѣрило ему, какъ мы видѣли, до самой послѣдней минуты. Оно обращалось къ нему во всѣ трудные моменты.

За совѣтомъ и содѣйствіемъ къ нимъ, земскимъ людямъ, велитъ царь обращаться

[1]) *Соловьевъ*, назв. соч., т. XIII, стр. 123.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 124.
[3]) Любопытно, что откупщиковъ въ Псковѣ не нашлось. Чѣмъ разрѣшилось это событіе, мы не имѣли времени разслѣдовать.

и своимъ воеводамъ; въ одной изъ царскихъ грамотъ конца XVII вѣка мы встрѣчаемся съ такимъ наставленіемъ воеводамъ: «а буде чего сверхъ тѣхъ статей (наказныхъ) какую прибыль можно учинить не въ тягость русскому и иноземному народу (воевода въ Верхотурьѣ, гдѣ населеніе и инородческое) *и вы бъ томъ посовѣтовавъ съ лутчими и старыми* верхотурскими *старожилы учинили*» [1]). То же самое повторяется, четыре года позже, и въ спеціальномъ наказѣ нерчинскому воеводѣ, которому предписывается «посовѣтовать *гораздо* съ лутчими и старыми нерчинскими старожилы» [2]).

И такія совѣщанія иногда имѣли мѣсто и не въ Сибири или на границахъ ея. Мы имѣемъ доказательство этого мнѣнія; правда, всего только два-три факта, встрѣченные въ сокровищахъ архива министерства юстиціи. Факты эти нашли мы въ одной изъ такъ называемыхъ «записныхъ книгъ» московскаго приказа, въ которой записывались воеводскія «отписки»—донесенія. Въ отвѣтъ на одно изъ такихъ донесеній предписано было воеводѣ изъ Москвы, чтобъ прислалъ свѣдѣнія о размѣрахъ вновь построеннаго города (укрѣпленія), а вмѣстѣ прислалъ бы и «*сказки градцкихъ всякихъ чиновъ людей*, въ которомъ мѣстѣ городъ построенъ и почему». Другой воевода того же края—Орловскаго уѣзда—донося въ Москву о построеніи «новаго города», прилагаетъ и описаніе этого города за своею рукой и *за руками всякихъ чиновъ градскихъ и уѣздныхъ людей*. Къ чему были бы эти подписи подъ дѣломъ, которому градскіе и уѣздные люди ничѣмъ непричинны? Очевидно, съ ихъ совѣта дѣло это вершилось воеводами.

Эта догадка подтверждается двумя отписками воеводъ, изъ Орла и Шацка, въ которыхъ прямо уже *о совѣтѣ* говорится: шацкій воевода, извѣщая о городовомъ дѣлѣ, присылаетъ «и роспись дворянъ и дѣтей боярскихъ», которые «*для совѣту* городоваго дѣла въ Шацкомъ были». А изъ Орла воевода спеціально извѣщаетъ московское правительство, что онъ, согласно приказу «изъ розряду»,—розряднаго приказа,—*сорляны зградцкими и суѣздными всякихъ чиновъ лутчими людьми о городовомъ строеньи совѣтовалъ, а они де приговорили*, что городу де... и т. д., а нынѣ де имъ города строить за службою не въ мочь». Присланы и самыя «сказки» всякихъ чиновъ людей «за руками» [3]).

Къ сожалѣнію, эти сказки не приложены къ дѣлу.

Какъ онѣ ни малочисленны и какъ онѣ, если можно такъ выразиться, ни малосодержательны, но онѣ, все-таки, думается намъ, въ высшей степени краснорѣчивы: въ очень важныхъ случаяхъ и дѣлахъ управленія воеводамъ предписывается обращаться къ земству, и они обращались. Поскольку часто примѣнялось въ жизни это средство—вопросъ другой. Очень вѣроятно, что оно примѣнялось и не часто, и далеко не всѣми воеводами: вѣдь, многое, если не все, зависѣло отъ нихъ самихъ, сплошь и кряду игнорировавшихъ предписанія царскихъ указовъ; но это уже вопросъ о злоупотребленіяхъ или, лучше, объ отношеніи воеводъ къ московскому правительству. Для насъ важенъ принципъ, установляе-

---

[1]) Царская грамота отъ 1697 г. верхотурскому воеводѣ. *Акты истор.*, т. V, № 262, II, стр. 476.

[2]) *Полное Собраніе Законовъ*, т. IV, № 1835. *У Чичерина*, назв. соч., стр. 256.

[3]) Всѣ эти дѣла относятся къ 1677—8 годамъ.

мый правительствомъ въ данномъ случаѣ: оно опять-таки, плохо надѣясь на состоятельность приказной администраціи, обращается за помощью къ земству. Слѣдовательно, оно считаетъ это послѣднее все еще силой, и силой, изъ которой можно черпать, на которую можно и должно опираться въ дѣлахъ внутренняго мѣстнаго управленія. Оно не доросло лишь до сознанія, что сила эта для того, чтобы не истощиться окончательно, не превратиться въ силу также мало надежную, какъ и приказная, должна имѣть возможность самопитаться, если можно такъ выразиться, не должна отрываться отъ той почвы, изъ которой она родится, элементами которой она питается, живетъ. Самая почва — среда, ее создающая и питающая, должна, какъ и всякая плодородящая почва, чтобъ не истощиться и не зарасти бурьяномъ, разрабатываться и удобряться, воспринимая въ себя новые жизненные элементы. Какую же почву земство того времени представляло собою для развитія какихъ-либо силъ? Кто о немъ заботился,—о немъ, распавшемся на свои составные элементы, почти ничѣмъ жизненнымъ не связанные, — элементы, которые соединялись чисто механически, силою внѣшней, направленной, въ сущности, цѣлые вѣка на истощеніе каждаго изъ нихъ въ отдѣльности и всѣхъ въ совокупности? Что̀ само могло земство создать при такихъ условіяхъ, создать изъ себя самого, изъ этихъ расплывающихся, разбѣгающихся элементовъ? Какія громадныя силы оно должно было разработать лишь для того, чтобъ подъ гнетомъ разъединяющихъ силъ создать хоть только сознаніе въ отдѣльныхъ элементахъ своихъ объ общихъ цѣляхъ, интересахъ, общихъ для всѣхъ ихъ,—интересахъ *своихъ*, мѣстныхъ, на сознаніи, разработкѣ и защитѣ которыхъ только и могло бы оно созидать свою силу, которая привнесла бы и въ государство живаго, плодотворящаго дѣятеля.

Для такого развитія такого живаго дѣятеля не было благопріятныхъ условій среди условій культурной и государственной жизни московскаго государства.

Не было ихъ и въ XVIII вѣкѣ. Но и XVIII вѣкъ не отнесся къ искалѣченному земству индифферентно въ томъ смыслѣ, чтобъ игнорировать его вовсе, махнуть, что называется, рукой на него.

Въ XVIII столѣтіи не только не забывали земскихъ силъ, но въ извѣстной формѣ, отличной отъ формъ предшествовавшаго вѣка, обращались къ нимъ все за тою же помощью въ борьбѣ съ зломъ чиновничьей системы управленія не менѣе часто и въ не менѣе сильной степени, чѣмъ и въ періодъ московскаго государства.

Этого мало: «зерно горушично», брошенное Ординымъ-Нащокинымъ въ «терніе» московскихъ порядковъ, не было, однако, въ конецъ «подавлено» этимъ терніемъ; не подавлено оно было и терніемъ XVIII столѣтія и, хотя было менѣе всѣхъ сѣмянъ, развивавшихся на почвѣ общественно-государственной жизни этого столѣтія, и плохо развивалось какъ въ этомъ столѣтіи, такъ и въ первой половинѣ нашего вѣка, но, все-таки, развивалось и, въ концѣ-концовъ, возрасло «въ зеліе», которое если и не есть «болѣе всѣхъ зелій», если и не творитъ такихъ «великихъ вѣтвей», подъ сѣнію которыхъ могли бы спокойно «витать» ищущіе подъ нимъ сѣни и общаго благополучія, то, во всякомъ случаѣ, разраслось въ «зеліе», уже достаточно большое, твердое, прочно пустив-

шее въ почву свои здоровые корни, обѣщающіе разрастись въ будущемъ, при надлежащемъ разумномъ отношеніи къ нему, въ могучую и полезную силу въ общественно-государственномъ строѣ.

Идея Ордина-Нащокина о земскомъ строѣ мѣстнаго городскаго управленія, какъ будто похороненная подъ развалинами его «земскаго устава» въ Псковѣ, воскресаетъ, какихъ-нибудь тридцать лѣтъ спустя, въ устройствѣ торгово-промышленнаго населенія городовъ московскаго государства. Въ 1699 году велѣно сказать всѣхъ чиновъ посадскимъ людямъ, что они во всѣхъ своихъ «дѣлѣхъ» будутъ вѣдаться сами, черезъ своихъ выборныхъ — «бурмистровъ»; а велѣно это потому, что посадскіе и торгово-промышленные люди терпятъ убытки и разореніе отъ недостатковъ приказной системы управленія; а это разореніе ведетъ къ «доимкамъ и недоборамъ» въ государственныхъ доходахъ. Устраненія того и другаго законодатель думаетъ, по отношенію къ данному слою населенія, достигнуть призваніемъ къ участію въ управленіи самаго этого класса черезъ своихъ выборныхъ. Чудное слово «бурмистры» во вновь созданномъ управленіи по городамъ только и было новымъ; сами же эти бурмистры, ихъ назначеніе и роль были совсѣмъ старыми: «*мірскимъ* выборнымъ людемъ (это и есть бурмистры) въ *земскихъ* избахъ вѣдать всякихъ чиновъ торговыхъ и промышленныхъ людей во всякихъ мірскихъ *расправныхъ и челобитныхъ дѣлѣхъ*». *Земскія* избы должны были смѣнить собою по отношенію къ городскому торгово-промышленному населенію приказныя избы съ ихъ воеводами. Отношенія бурмистровъ къ избиравшимъ ихъ общинамъ и къ правительству тоже старыя: «а буде они, бурмистры, его великаго государя доходовъ не выберутъ... или какихъ сборовъ чего не доберутъ, и то все *взять на тѣхъ людехъ на всѣхъ, которые ихъ въ бурмистры выберутъ*, вдвое»[1]).

Изъявъ изъ области вѣдѣнія воеводъ городское населеніе, Петръ Великій ограничиваетъ власть воеводъ по отношенію къ остальному ихъ вѣдомству *земскимъ же* элементомъ, совѣтомъ изъ представителей мѣстныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, слѣдуя, кажется, и тутъ старымъ московскимъ традиціямъ: припомнимъ указанные выше совѣты воеводъ XVII столѣтія съ «старожилами» и «всякихъ чиновъ людьми». Петръ возводитъ въ общее правило отдѣльные обычные случаи: «вѣдать всякія дѣла, — говорилъ указъ, — съ воеводы дворяномъ тѣхъ городовъ, помѣщикамъ и вотчинникамъ»[2]).

Старыя мѣры ни къ чему новому и привести не могли. Царь-реформаторъ на этомъ успокоиться не могъ. Онъ идетъ дальше: воеводъ смѣнили губернаторы, земскія избы — ратуши, а потомъ магистраты. По чужеземнымъ названіямъ можно думать, что все перевернуто вверхъ дномъ, что и думали многіе и думаютъ до сихъ поръ и такъ сурово относятся къ виновнику всѣхъ этихъ новшествъ, а въ дѣйствительности-то оставалось *по существу* все то же: «величайшій изъ русскихъ государей, отрѣшившійся, повидимому, отъ всякой исторіи, — справедливо говоритъ проф. Градовскій, — принужденъ былъ вра-

---

[1]) *Полное Собраніе Законовъ*, №№ 1674, 1675, 1697, 1699, 1715 и др.

[2]) Указъ отъ 2 марта 1702 г. *Сергѣевичъ:* „Лекціи и изслѣдованія", стр. 862. *Бѣляевъ:* „Лекціи по ист. рус. законод.", стр. 623.

щаться въ кругу исторических элементовъ, завѣщанныхъ ему прошлымъ» [1]). Названія вовсе не измѣняли существа дѣла.

Ландратскіе совѣты при губернаторахъ — то же, что и «дворяне добрые и знатные по выбору» при воеводахъ, а магистраты — что и земскія избы, — разница лишь въ деталяхъ. Цѣли новыхъ учрежденій прежнія: ограничить власть губернаторовъ, обезпечить градское населеніе отъ разореній, а государство отъ убытковъ. Правда, на магистраты законодатель возлагаетъ заботы о распространеніи въ городѣ просвѣщенія, благотворительности, о водвореніи благообразія и т. д.; но это все, какъ извѣстно, оставалось на бумагѣ, не переходило вовсе въ самую жизнь, особенно если принять во вниманіе, что самые магистраты-то далеко не были введены повсюду.

Приведенные факты мы отмѣчаемъ лишь съ цѣлью констатировать, что и при Петрѣ, прибавимъ, какъ и при его преемникахъ, въ мѣстной администраціи примѣнялись опять-таки оба начала, земское и приказное.

Укажемъ при этомъ, что первое теперь примѣняется исключительно въ формѣ представителей, какъ это видно на ландратахъ и магистратахъ, *отъ отдѣльныхъ классовъ, пожалуй, сословій.* Выборныхъ «отъ всѣхъ чиновъ посадскихъ и уѣздныхъ людей» вмѣстѣ мы ни въ какихъ должностяхъ и учрежденіяхъ XVIII вѣка не встрѣтимъ. И это потому, что теперь уже, въ результатѣ историческаго развитія тяглыхъ отношеній московскаго государства, сложились сословія; крестьянство окончательно превратилось въ крѣпостное холопье населеніе, за исключеніемъ немногихъ свободныхъ, жившихъ не на владѣльческихъ, помѣщичьихъ земляхъ; торгово-промышленное населеніе собрано «въ едину храмину», шляхетство или дворянство постепенно превращается въ привилегированное сословіе.

При Екатеринѣ II дворянство и городское населеніе призывается къ участію въ мѣстномъ управленіи въ той формѣ и въ томъ объемѣ, въ какихъ они просуществовали до нашихъ дней, смѣненные новымъ строемъ земскаго и городскаго самоуправленія уже на нашихъ глазахъ.

Земское и городское самоуправленіе нашего времени не есть что-то чуждое жизни нашего народа. Оно лишь послѣднее звено въ цѣпи историческаго развитія участія земскаго, народнаго элемента въ мѣстномъ управленіи и вызвано несомнѣнно такими же историческими и жизненными условіями своего времени, какими вызывались всѣ исторически предшествовавшія ему формы въ свое.

Какъ закрѣпленіе всѣхъ слоевъ населенія тяглу частному — крестьянства, государственному — служилыхъ людей, дворянства и посадскаго населенія вліяло на развитіе централизаціи и разрушеніе земства, какъ общественной силы, такъ уничтоженіе тягла государственнаго и частнаго, закончившагося освобожденіемъ крестьянъ, неизбѣжно должно было повести къ образованію земства, какъ мѣстнаго жизненнаго организма, съ сознаніемъ единства интересовъ. Такое сознаніе не появляется мгновенно, вдругъ; оно подготовляется долго и постепенно, не скоро вырабатывается и вполнѣ усвоивается всѣми элементами имѣющаго получиться цѣлаго.

---

[1]) *Начала русскаго государственнаго права,* т. III, ч. 1, стр. 83.

Царскій кабакъ Московскаго государства.

„... излишне доказывать ужасный вредъ, нанесенный народной жизни безграничнымъ увеличеніемъ кабаковъ... *Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ* болѣе двухъ милліоновъ крестьянъ пропили всѣ принадлежности своего хозяйства".
(Москов. Вѣдомости 1883 г., № 98).

Должно быть, мы еще разъ наканунѣ приготовленій къ величайшимъ реформамъ нашего времени, къ реформамъ... кабака. Не даромъ же столпъ всяческихъ основъ и краса нашей печати вдругъ снова поднялъ вопросъ о реформахъ этого учрежденія. Въ трехъ апрѣльскихъ нумерахъ подрядъ газета возилась съ кабакомъ, трактуя о его значеніи и въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, и въ сельскомъ крестьянскомъ быту, притомъ какъ съ точки зрѣнія экономической, такъ и нравственной. Она забила въ набатъ и въ своихъ передовыхъ статьяхъ, и въ корреспонденціяхъ, и въ статьяхъ съ заглавіемъ; она снова требуетъ «реформы кабака» и устами самой маститой редакціи, и устами служителя алтаря, ведущаго съ народомъ религіозныя бесѣды, протоіерея Д. Богоявленскаго: «Отъ народа о кабакахъ», — и, наконецъ, устами «бывшаго откупныхъ дѣлъ мастера» В. А. Кокорева. Весь этотъ походъ открылся въ газетѣ замѣткой — «Проэктируемыя мѣры противъ пьянства». Изъ послѣдней замѣтки видно, что правительственная коммиссія, состоящая при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и имѣющая цѣлью «всестороннюю разработку мѣръ по взысканіямъ за такія нарушенія питейнаго устава, которыя не сопряжены съ интересами казны», кончила свои занятія, выработавъ проэктъ наказаній за указанные проступки противъ питейнаго устава.

Очевидно, что эта коммиссія, подобно другимъ, смѣнила собою по отношенію къ вопросамъ кабацкой реформы, вѣроятно, всѣмъ еще памятныхъ «свѣдущихъ людей», въ дѣятельности которыхъ сначала извѣстную роль, а потомъ и исключительную, игралъ кабацкій вопросъ. Свѣдущимъ людямъ была поставлена нелегкая задача возведенія кабака въ такое учрежденіе, которое въ одно и то же время служило бы по возможности обильнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ и чуть ли не источникомъ народной нравственности. Съ этой точки

зрѣнія обсуждался кабацкій вопросъ и въ извѣстной части нашей печати; нѣкоторые органы ея пошли такъ далеко въ этомъ направленіи, что въ реформѣ кабака видѣли все и вся; заботы о ней они ставили на первый планъ въ ходѣ всей внутренней жизни государства: преобразуйте кабакъ и вы спасете отъ всѣхъ золъ и народъ, и государство. Ничего другаго не нужно: преобразованъ кабакъ, — преобразуется весь строй народной и государственной жизни... И закипѣла работа перьевъ охраняющихъ публицистовъ и мозговъ свѣдущихъ людей, изъ коихъ нѣкоторые стояли еще ближе «къ питейному дѣлу», чѣмъ теперь выступившій публицистъ г. Кокоревъ, «не имѣющій къ нему, — по увѣренію *Московскихъ Вѣдомостей*, — никакого прикосновенія». Много было наговорено и много написано по этому поводу. Но какъ неожиданно вопросъ всплылъ и поставленъ былъ *на такую* точку зрѣнія, такъ неожиданно, если не еще неожиданнѣе, онъ исчезъ... вмѣстѣ съ печальной памяти «свѣдущими людьми». Прошло полтора года. Министерская коммиссія «тихо и благородно» разрѣшила многосложный вопросъ, низведя его въ предѣлы очень неширокіе. Все дѣло ограничилось, какъ видно изъ *Московскихъ Вѣдомостей*, тѣмъ, что коммиссія проэктировала мѣры къ обезпеченію извѣстнаго уровня нравственности въ лицѣ кабацкихъ сидѣльцевъ и ихъ хозяевъ — Колупаевыхъ съ Разуваевыми; ради этой цѣли имѣется въ виду не ограничиваться одними «одобрительными свидѣтельствами», но и требовать — какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ — залоговъ; устанавливается скàла наказаній сидѣльцевъ и хозяевъ за нарушеніе постановленій питейнаго устава; далѣе — предполагается привлечь къ надзору за кабацкими дѣятелями, «независимо отъ акцизныхъ чиновниковъ и полиціи... также лицъ по общественному выбору» — гласныхъ въ городахъ, или особо выбранныхъ для этого лицъ. Наконецъ, въ довершеніе всего, имѣется въ виду «предоставить мѣстнымъ жителямъ городовъ и селеній изыскивать *наиболѣе дѣйствительныя* мѣры къ уменьшенію пьянства», которыя впрочемъ заранѣе заботливо сводятся къ двумъ «мѣрамъ»: учрежденію «обществъ» (вѣроятно, трезвости) и составленію приговоровъ о желаніи вовсе закрывать питейныя заведенія, — разумѣется, съ одобренія и разрѣшенія «начальства»[1]).

Вѣроятно, проэктъ этотъ, пройдя надлежащія инстанціи, превратится въ законъ и кабацкій вопросъ разрѣшится если не «на вѣки нерушимо», то впредь... до образованія новой коммиссіи, если старая будетъ упразднена.

Значитъ, какъ и слѣдовало ожидать, все кончилось вполнѣ благополучно и всякіе охранители должны бы, казалось, отнынѣ мирно сидѣть «подъ смоковницами своими». Но это только казалось бы, — на то они и охранители. Вѣроятно, инстинктивно, нюхомъ чуя, что не все еще *прочно* установилось, что не сегодня-завтра опять могутъ на поверхность общественной жизни всплыть всякіе проклятые вопросы переустройства ея, этой жизни, — вопросы, такъ ненавистные охранителямъ, любящимъ миръ и тишину... гніенія, — они, эти

[1]) Представители медицинскаго департамента предлагали, между прочимъ, запретить кабаки вблизи центровъ скопленія рабочаго люда и „ограничить торговлю спиртными напитками въ мѣстахъ общественныхъ народныхъ гуляній“. Но коммиссія не приняла ни того, ни другого, ибо это повело бы „*къ существеннымъ измѣненіямъ* въ дѣйствующихъ законоположеніяхъ: устройство распивочныхъ заведеній близь фабрикъ не воспрещается“!! Убѣдительно, потому что ясно.

охранители, уцѣпившись за проэктъ коммиссіи, снова поднимаютъ вопли о гибели отечества, благодаря кабаку, «подъ повсемѣстнымъ, непрестаннымъ, растлѣвающимъ дѣйствіемъ котораго не могли не расшататься и общественный строй, и семейный бытъ, и все хозяйство нашего крестьянина». Кабакъ — корень всѣхъ золъ; онъ пошатнулъ «три главные устоя» экономической жизни нашего злополучнаго отечества: «народный кредитъ, сельское хозяйство и денежный курсъ». Смущаетесь?... Напрасно, — дѣло простое: «*исправленіе курсовъ* достигается только посредствомъ благоустройства сельскаго хозяйства»; а послѣднее «немыслимо безъ согласованія винокуренія съ интересами земли и безъ уничтоженія кабака»; съ послѣднимъ фактомъ — въ тѣсной связи и польза для крестьянскихъ «кредитовъ».

Трудно яснѣе поставить вопросъ: кабакъ — вотъ фокусъ, въ которомъ соединяются всѣ нити общественно-государственной жизни; реформируй, замѣни «лавочкой» или «казенной винной лавкой» — и все, моргнуть не успѣешь, измѣнится и переродится: «семейный и общественный бытъ крестьянъ» окрѣпнетъ и очистится, «народный кредитъ» создастъ изъ ничего все; «сельское хозяйство» (помѣщиковъ) зацвѣтетъ аки кринъ; а желтенькая бумажка будетъ стоить... даже больше рубля! И не нужны будутъ никакія ненавистныя реформы, всѣ эти «либеральныя» учрежденія, порядки: «казенныя винныя лавки» и «мелкія винокурни» — дадутъ отечеству искомое благополучіе.

Торопитесь же созданіемъ того и другого и тѣмъ удовлетворите «общее желаніе всей Руси» узрѣть, наконецъ, «картину, на которой видны обновленныя усадьбы, сооруженія мелкихъ *винокуренъ*, стада коровъ, пьющихъ *винокуренную* барду, поля съ массой удобренія, дѣтей съ горшкомъ молока и съ кускомъ хлѣба безъ примѣси шелухи и мякины, мясное варево на крестьянскомъ столѣ... *у всѣхъ* веселыя лица, кромѣ огорченныхъ кабачниковъ»! А веселѣе всѣхъ, разумѣется, у хозяевъ «винокурень» и хозяевъ «лавокъ»... Вотъ какова могучая сила реформы кабака! Какіе порядки, включая и «правовый», гдѣ нибудь и когда нибудь дали что либо подобное [1])?

Впрочемъ, сердобольныхъ охранителей можно заподозрить, по ихъ писанью о кабацкой реформѣ, и въ стремленіи къ реформѣ,—вѣроятно, въ видѣ добавочной къ кабацкой, хотя нѣсколько иного свойства,—въ стремленіи слишкомъ ужъ прозрачно выглядывающемъ изъ подъ сентиментальнаго соуса писаній о дѣлахъ кабацкихъ.

«Въ теченіе *послѣднихъ двадцати лѣтъ*, — вопіетъ лишившійся, «вслѣдствіе превратностей фортуны», своихъ откупщицкихъ «стяжаній» [2]) г. Кокоревъ,—разорились два миліона крестьянъ». «Удивляются,—восклицаетъ редакція, пріютившая на страницахъ своей газеты проэктъ обновленія Руси обездоленнаго фортуной откупщика, — что снятіе крѣпостного ига не повело къ ожиданному улучшенію быта крестьянъ; но какое улучшеніе возможно, когда все доброе, что было въ освобожденіи, парализовано наложеннымъ на народъ болѣе тяжкимъ и общимъ, чѣмъ крѣпостное, губительнымъ кабацкимъ игомъ»? Велика, мы видѣли, сила кабака преобразованнаго, велика она и въ кабакѣ настоящемъ; зло, при-

[1]) Статья г. Кокорева: „Нужды и потребности". *Моск. Вѣд. 1883 г., № 98.*
[2]) *Тамъ-же,* передовая статья.

чиняемое имъ, даже и... не вѣроподобно можно сказать,—зло, причиняемое въ теченіе *послѣднихъ двадцати лѣтъ*. Что же такое произошло приблизительно двадцать лѣтъ назадъ?—Освобожденіе крестьянъ и уничтоженіе откуповъ. Благодаря-жь какому изъ этихъ двухъ событій два милліона спились? Сказать, что благодаря отмѣнѣ откуповъ,—такъ нѣтъ: въ статьѣ г. Кокорева мы встрѣчаемъ такія авторитетныя слова: «неоспоримая польза акцизной системы состоитъ въ томъ, что она освободила *продажу вина отъ монополіи откупа*». Ужь не въ отмѣнѣ ли менѣе тяжкаго, чѣмъ кабацкое, «крѣпостного ига»?... Но это ужь слишкомъ.

Бывшій откупщикъ предлагаетъ ввести полную свободу торговли спиртными напитками въ лавкахъ наравнѣ со всякими товарами и тѣмъ двинуть дѣло дальше по тому пути, на который оно поставлено отмѣной откуповъ и введеніемъ акцизной системы. Маститая же редакція снова приглашаетъ отечество вернуться хоть въ кабацкомъ дѣлѣ «домой» —къ «казенной питейной монополіи», къ системѣ «казенныхъ лавокъ съ ведерной и раздробительною продажей питей, расположенныхъ на значительномъ одна отъ другой разстояніи» и завѣдуемыхъ людьми выбранными и рекомендованными «при участіи лучшихъ земскихъ силъ».

Что-жь, насъ давно уже зовутъ «домой» изъ бѣговъ, да мы и ѣдемъ туда, если еще не пріѣхали, такъ сказать, во многихъ отношеніяхъ,—отчего-жь не вернуться туда же и съ нашимъ кабакомъ и не построить его на старый ладъ,—патріархальный ладъ, — если этотъ ладъ обезпечивалъ когда-нибудь «и общественный строй, и семейный бытъ, и все хозяйство нашего крестьянства». А когда мы жили «дома», ни мало не зараженные чумнымъ сосѣдомъ съ Запада; когда мы всецѣло были «самобытны», насколько это было возможно, пройдя «баню бытія» татарскаго; когда, слѣдовательно, все и вся творили мы, въ лицѣ нашихъ предковъ, изъ себя самихъ и ради насъ самихъ; когда, притомъ, всѣ мы были едины тѣломъ и духомъ; когда власть была едина и сильна; когда между нею и народомъ никакихъ средостѣній не было: тогда «казенная питейная монополія» царила въ лицѣ «кабака его великаго государя и царя московскаго». А обокъ съ казенною монополіей имѣло мѣсто, какъ увидимъ, нѣчто въ родѣ кокоревскихъ мелкихъ винокурень. А разъ и то и другое изъ основныхъ началъ предлагаемой системы уже существовало и притомъ въ тѣ времена древляго благочестія и исконнаго русскаго велелѣпія, къ которымъ такъ настойчиво стремятся возвратить наше безбожное и растлѣнное время,—было бы, думается намъ, грѣхомъ не ознакомиться съ кабацкимъ дѣломъ этого времени. Вѣдь если такъ полезно обращаться къ исторіи прошлаго, въ видахъ возвращенія въ нѣдра онаго, по всяческимъ другимъ вопросамъ, то почему-жь не заглянуть въ него и по данному, имѣющему надъ всѣми остальными вопросами нашей внутренней жизни, по увѣренію «охранителей», такое доминирующее значеніе?

Это полезно и необходимо тѣмъ болѣе, что и тогда, два слишкомъ столѣтія назадъ, какъ теперь, заботились, и никакъ не менѣе энергично, и о томъ, чтобы «кабакъ царскій» или «продажное питье» доставляли возможно большій доходъ государству и наносили возможно меньше зла населенію вообще, волостному же сельскому въ частности.

I.

„Учинить заказъ всякимъ людемъ накрѣпко чтобъ опричь *государевыхъ кабаковъ* на посадахъ и въ уѣздахъ... продажнаго питья ни у кого не было".

(Изъ наказа воеводамъ 1649 года).

„... Къ царскаго кабака денежному сбору въ вѣрные головы и въ цѣловальники выбрать людей добрыхъ и пожиточныхъ".

(Оттуда же).

Рано на Руси «питіе», этотъ источникъ ея «веселія», обратилось и въ источникъ казенныхъ доходовъ — сначала въ формѣ особаго сбора съ «питей» и продуктовъ, изъ которыхъ приготовлялись эти послѣднія, а потомъ въ формѣ того, что теперь называютъ «казенной питейной монополіей», а тогда называли «царскимъ кабакомъ», или, нѣсколько позже, «кружечнымъ дворомъ».

Мы займемся лишь послѣднею формой и познакомимъ читателя съ царскимъ кабакомъ и кружечнымъ дворомъ за время ихъ процвѣтанія въ періодъ московскаго государства отъ второй половины XVI столѣтія, когда кабаки только-что появляютея на Руси въ видѣ казеннаго государственнаго учрежденія, и до конца XVII столѣтія.

Питейная монополія государства, какъ и всякіе другіе доходы его, устанавливалась и развивалась вмѣстѣ съ увеличеніемъ государственныхъ потребностей съ одной стороны и распространеніемъ «питья» съ другой. «Царскій кабакъ», какъ государственное учрежденіе въ смыслѣ финансоваго источника, появляется вмѣстѣ съ возникновеніемъ московскаго государства и развивается и усложняется вмѣстѣ съ развитіемъ и усложненіемъ послѣдняго. Не нужно указывать на то, что если еще Владиміръ — «Красное Солнышко» — утверждалъ, что «Руси есть веселіе пити», то его потомки, цари московскіе, съ гораздо большимъ основаніемъ могли утверждать относительно своихъ «христіанъ православныхъ», что и имъ, хотя быть-можетъ не всегда, «веселіе» пити, но «зѣло за обычай» пити и пити много. А если и веселый князь Красное Солнышко извлекалъ изъ питія не одно веселье, но и кое-какіе доходы, то мрачные цари московскіе искали въ немъ «великія и богатыя прибыли», забравъ постепенно въ свои руки «питіе» во всѣхъ отношеніяхъ—и производство его, и продажу. Самый мрачный и благочестивый изъ нихъ — Иванъ Грозный — начинаетъ ставить по городамъ «корчемные дворы», которыми завѣдывали приказные царскіе люди. Кажется, послѣ покоренія Казани на Руси появляется первый *«кабакъ»* [1]), построенный въ Москвѣ, на Балчугѣ, исключительно для опричниковъ. Отсюда съ московской грязи (Балчугъ—по татарски—грязь) кабакъ

[1]) Татарское слово, означающее постоялый дворъ.

очень быстро распространяется, подъ именемъ «*царскаго* кабака», по всѣмъ селамъ и градамъ московскаго государства, замѣнивъ собою корчмы [1]).

Всякое хмѣльное питье можно получать лишь въ царскомъ кабакѣ, т. е. въ государственномъ, такъ какъ производство этого питья и торговля имъ — исключительное право царя московскаго, какъ главы государства.

Завѣдываніе царскимъ кабакомъ по городамъ и уѣздамъ поручалось *царскимъ намѣстникамъ*, а потомъ — смѣнившимъ ихъ *царскимъ воеводамъ*. «Держати *намѣстнику кабакъ*, а на кабакѣ медъ, вино и пиво», говорится въ царскихъ грамотахъ послѣдней четверти XVI вѣка, данныхъ на имя намѣстниковъ царскихъ въ сѣверныхъ городахъ. Съ подробностями организаціи царскаго кабака въ широкомъ словѣ смысла мы знакомимся по памятникамъ, дошедшимъ до насъ отъ XVII столѣтія, времени воеводскаго управленія городами и уѣздами московскаго государства. Почти въ каждомъ «наказѣ», который получалъ воевода въ Москвѣ изъ царскаго приказа, отъѣзжая на мѣсто своего назначенія, мы встрѣчаемся съ цѣлыми страницами, трактующими о томъ, какъ радѣть ему, воеводѣ, о «прибыли его великаго государя и царя», т. е. о государственныхъ доходахъ, причитающихся съ отданной въ завѣдываніе воеводы области. Вотъ на этихъ страницахъ и можно найти почти все, что касается «казенной питейной монополіи», или, говоря языкомъ того времени, царскаго кабака. Великая заботливость московскаго правительства выражалась въ отношеніи кабака на этихъ страницахъ воеводскаго наказа. Оно и понятно: «прибыли» съ царскаго кабака составляли чуть ли не важнѣйшую статью, важнѣйшій источникъ прибылей государства московскаго вообще. Объ этомъ можно безошибочно заключить уже изъ одной указанной нами заботливости о правильномъ, бездоимочномъ и своевременномъ полученіи этихъ прибылей. На это указываетъ и масса статистическаго матеріала, въ видѣ всякаго рода книгъ и выписокъ изъ нихъ кабацкихъ сборовъ и всякихъ вообще государственныхъ доходовъ, дошедшаго до насъ отъ второй половины XVI и всего XVII столѣтія и хранящагося въ архивахъ [2]). Благодаря именно этому послѣднему обстоятельству, московское правительство и выработало ту организацію царскаго кабака, которая была, повторяемъ, ни чѣмъ инымъ какъ именно «казенною питейною монополіей», къ коей такъ вожделѣетъ глава литературныхъ охранителей и съ которой мы сейчасъ познакомимся.

Воевода царскій, представлявшій собою во ввѣренной ему области власть царя московскаго, вѣдать посадскіе и волостные кабаки непосредственно не могъ, а приказнымъ служилымъ людямъ, говоря нашимъ языкомъ—своимъ чиновникамъ, находившимся въ подчиненіи воеводы, московское правительство

---

[1]) *Прыжовъ*: „Исторія кабаковъ въ Россіи“, стр. 49 и 50.

[2]) Въ XIII томѣ „Исторіи Россіи“ *Соловьева* приведена, въ видѣ иллюстраціи той же мысли, небольшая выпись изъ книгъ таможеннаго и кабацкаго и всякаго рода сборовъ города Устюга Великаго за 1670 годъ. Изъ этой выписи видно, что изъ всей суммы сборовъ съ этого города — около 10.000 руб. — кабацкіе составляютъ почти *половину*, а бо́льшую половину — таможенные сборы, кои не взимались въ московскомъ государствѣ развѣ только съ воды да воздуха. А Устюгъ, по выраженію историка, „средній по богатству городъ“!

Въ 1620 году Михаилъ Ѳеодоровичъ и патріархъ Филаретъ объявили торговымъ людямъ, что „по грѣхамъ въ Московскомъ государствѣ во всемъ скудость... Кромѣ таможенныхъ пошлинъ *и кабацкихъ денегъ* государевымъ деньгамъ сбору нѣтъ“. *Прыжовъ*, стр. 127.

скоро перестало вѣрить. Оно обратилось и въ управленіи кабака къ излюбленному имъ началу,— началу, выработанному вѣковою общинно-мірскою жизнью русскаго народа: оно, какъ во многихъ другихъ отрасляхъ мѣстнаго, областного управленія, обратилось къ *началу выборному*. Оно заставило посадско-городскія и уѣздно-волостныя общины поставлять «къ его великаго государя кабацкому сбору» служилыхъ людей изъ собственной среды по выбору. Эти избранники общества, составляя цѣлую лѣстницу іерархическую, завѣдывали не только сборами, а и всѣмъ «питейнымъ дѣломъ» въ самомъ широкомъ смыслѣ, вѣдая производство хмѣльныхъ питей, продажу ихъ въ кабакахъ, постройку этихъ послѣднихъ, какъ и самыхъ винокурень, медоварень и пивоварень, и, наконецъ, преслѣдованіе корчемства, т. е. тайной продажи «питья» помимо царскаго кабака. Эта іерархія выборныхъ служилыхъ людей царскаго кабака состояла изъ такъ называемаго «кабацкаго [1]) головы съ товарищи» и подчиненныхъ ему «цѣловальниковъ». Головы стояли въ извѣстныхъ подчиненныхъ отношеніяхъ — не всегда, впрочемъ, и не вездѣ — къ мѣстному воеводѣ или такъ-называемому «губному старостѣ», если этотъ послѣдній замѣнялъ собою перваго [2]).

Таможенный и кабацкій голова даннаго города выбирался обыкновенно изъ среды посадскаго населенія другого города; въ особенно важные по таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ города, вродѣ, наприм., Архангельскаго городка съ Холмогорами, кабацкихъ головъ поставляло торгово-промышленное населеніе самой Москвы. Несомнѣнно, такой порядокъ выработался только впослѣдствіи, а сначала каждый посадъ поставлялъ голову къ царскому кабаку изъ собственной среды; къ нему правительство обратилось, очевидно, ради вѣрнѣйшаго обезпеченія «государевыхъ прибылей».

Въ 1646 году въ наказѣ мезенскому воеводѣ уже въ видѣ общаго правила приказывается «къ таможенному и къ *кабацкому сбору* головъ выбирать *изъ иныхъ городовъ*»; а изъ товарищей и цѣловальниковъ вездѣ выбирало изъ своей среды посадское или волостное населеніе той мѣстности, въ которой находился кабакъ: «велѣно быти *въ Чердыни* у нашего кабацкаго сбору головѣ *Усольцу* (т. е. жителю Соли Камскія), а съ нимъ *цѣловальникамъ чердынцамъ* выборнымъ людемъ», говорится въ царской грамотѣ 1637 года; а изъ такой же грамоты 1635 года видно, что у *Соли* Камскія «кабацкаго сбору въ головахъ» былъ чердынецъ, котораго въ этомъ году смѣнилъ присланный изъ Перми выборный голова.

Обыкновенно воеводѣ, въ томъ общемъ наказѣ, который онъ получалъ передъ отъѣздомъ изъ Москвы, или въ спеціальномъ, изданномъ ad hoc, предписывалось выбирать «къ таможенному и кабацкому сбору *головъ изъ посадскихъ лучшихъ людей*, а *цѣловальниковъ* къ тѣмъ головамъ — изъ посадскихъ и уѣздныхъ людей». Выборы головъ производились всѣми посадскими людьми

[1]) Кабацкіе головы были всегда вмѣстѣ и *таможенными*; то же надо замѣтить и относительно цѣловальниковъ. Мы вездѣ будемъ называть, для краткости, и тѣхъ и другихъ кабацкими.

[2]) *Губной староста* — выборный человѣкъ, которому поручались уголовныя дѣла извѣстной категоріи и который иногда заступалъ мѣсто воеводы.

и ихъ старостами, а цѣловальниковъ—и посадскими, и уѣздными вмѣстѣ, и ихъ старостами и земскими судейками, гдѣ таковые еще существовали. Въ такъ-называемыхъ дворцовыхъ селахъ, принадлежавшихъ лично царю и выдѣленныхъ относительно управленія изъ уѣзда въ особую административную единицу, и головы и цѣловальники избирались исключительно крестьянами и изъ собственной среды: такъ къ грамотѣ 1659 года на имя *прикащика*, вѣдавшаго дворцовое село Дужмово въ Суздальскомъ уѣздѣ, предписывается «къ таможенному и кружечнаго двора сбору выбрать въ вѣрные головы и цѣловальники *изъ крестьянъ*». Какъ производились самые выборы, насколько вмѣшивался въ нихъ воевода, губной староста или какой-нибудь городовой прикащикъ, въ случаѣ если послѣдніе замѣняли въ данной области перваго, мы не знаемъ; да процедура подобныхъ выборовъ никогда и не опредѣлялась закономъ или правительственнымъ распоряженіемъ, — въ этихъ распоряженіяхъ предписывалось лишь избирать къ кабацкому дѣлу «людей добрыхъ и *прожиточныхъ*», т. е. по возможности наиболѣе экономически состоятельныхъ,—такихъ, «которые бы *были вѣрны*, которымъ бы въ государевомъ кабацкомъ сборѣ *мочно вѣрить*, а не воровъ и не бражниковъ»,—и притомъ стараться выбрать такихъ, которымъ бы это государево дѣло «было за обычай», то-есть людей болѣе или менѣе опытныхъ. Когда выборы произведены, воевода долженъ потребовать отъ посадскихъ и уѣздныхъ людей выборныя записи на имя каждаго избраннаго: «а какъ голову посадскіе и уѣздные люди цѣловальниковъ выберутъ,—говорится въ одномъ изъ царскихъ наказовъ воеводѣ 1646 года, — и ты-бъ на тѣхъ людей у посадскихъ... взялъ *выборы крѣпкіе*, мірскихъ людей и отцовъ ихъ духовныхъ *за руками* (то-есть за подписями); а въ выборѣхъ (записяхъ) велѣлъ писаться посадскимъ и уѣзднымъ лутчимъ людемъ». Такимъ способомъ правительство московское гарантировало *вѣрность* головъ и цѣловальниковъ, ихъ благонадежность; а «будетъ выберутъ,—прибавлялось въ наказахъ,—воровъ и худыхъ людей, и въ государевой казнѣ ихъ сбору учинитца недоборъ и тотъ недоборъ велимъ доправить вдвое на нихъ на посадскихъ и на уѣздныхъ людехъ, да имъ же отъ насъ (государя) быти въ великой опалѣ». Получивъ «выборы за руками», воевода долженъ былъ «тѣхъ голову и цѣловальниковъ велѣть въ церквѣ попу по *чиновной книгѣ* привести къ *крестному цѣлованью* (отсюда—цѣловальникъ), *къ вѣрѣ* (отсюда—*вѣрный* голова) на томъ, что имъ сбирати на насъ (великаго государя) кабацкую прибыль съ великимъ раденьемъ, *въ правду*». И головы и цѣловальники кабацкіе выбирались «погодно», то-есть стало-быть на одинъ годъ, что имѣло цѣлью съ одной стороны не дать слишкомъ нажиться людямъ не добросовѣстнымъ, а съ другой,—что, какъ увидимъ, имѣло мѣсто гораздо рѣже,—не разорить долгою службой дѣйствительно «вѣрныхъ» чиновъ и цѣловальниковъ, несшихъ государеву службу дѣйствительно «въ правду». Дѣло въ томъ, что всѣ эти выборные люди несли свою службу безвозмездно; для чего, между прочимъ, такъ и настаивала Москва, чтобы выбирались къ кабацкому сбору «животами прожиточные» люди.

При вступленіи въ отправленіе своихъ обязанностей новые головы и цѣловальники принимали отъ старыхъ весь кабацкій инвентарь —«питье и всякіе

запасы», зданія, чаны, кубы, кади и т. п. по росписи и по оцѣнкѣ посадскихъ незазорныхъ людей, произведенной «въ правду, по крестному цѣлованью, что чего стоитъ»; при этомъ за оставшіеся отъ предшествовавшаго года «запасы кабацкіе, за вино и за пиво, и за мѣдъ прѣсной и за кислой, и за хмѣль, и за солодъ»—новые головы и цѣловальники должны уплатить старымъ по указанной оцѣнкѣ «изъ своего сбору, изъ перваго мѣсяца».

Всѣмъ доходамъ (съ продажи питей) и расходамъ (по винокуренію и вообще по содержанію кабака) головы и цѣловальники должны были вести особыя книги—«имянно, порознь (то-есть по статьямъ), помѣсячно». Вотъ для веденія этихъ-то книгъ головы и цѣловальники, въ огромномъ большинствѣ случаевъ безграмотные, и должны были имѣть при кабакахъ особый штатъ людей — «дьячковъ и подъячихъ», которые тоже должны были быть выборными: въ одной царской грамотѣ конца XVII вѣка на имя вятскихъ посадскихъ людей— «*дьячковъ* велѣно и впредь выбирать *изъ мірскихъ людей*, по очередѣ добрыхъ»; въ другой грамотѣ того же времени на имя вятскаго воеводы велѣно на Вяткѣ и во всѣхъ пяти городахъ и въ волостяхъ... «у кружечныхъ дворовъ у денежныхъ сборовъ... быть *подъячимъ* по мірскимъ выборамъ, а безъ мірскихъ выборовъ въ подъячихъ никому быть не велѣно»; и на этихъ излюбленныхъ людей выборы подавались воеводѣ тоже «за руками».

Въ какихъ же отношеніяхъ ко всѣмъ этимъ выборнымъ людямъ царскаго кабака стоялъ мѣстный представитель московскаго центральнаго правительства? Вотъ чѣмъ отвѣчаютъ намъ на этотъ вопросъ воеводскіе наказы: «и во всемъ надъ головою и цѣловальники и надъ дьячки *смотрѣлъ бы еси* (ты, воевода) *накрѣпко*, чтобъ они ни въ чемъ не воровали... кабацкими деньгами не корыстовались и хитрости ни которые не чинили... во всемъ бы государю искали прибыли»; другими словами, воеводѣ поручался за кабацкими дѣятелями надзоръ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Ему, воеводѣ, головы и цѣловальники обязаны были отчетностью не только по документамъ, но и реальною: сборныя кабацкія деньги и тѣмъ деньгамъ «книги» кабацкіе служилые люди должны были «приносить воеводѣ въ съѣзжую избу, за ихъ руками, *по четверти* года»; здѣсь, въ съѣзжей избѣ, передъ воеводой учитывались головы и цѣловальники; воевода смотрѣлъ, «чтобъ въ расходъ лишняго не приписывали, а покупали-бъ кабацкіе запасы прямою цѣною, а въ винныхъ бы и въ пивныхъ варяхъ хитрости ихъ не было». Иногда всѣ кабацкіе сборы предписывалось приносить въ съѣзжую же избу. Воевода получалъ даже право, замѣтивъ, что головы и цѣловальники государевой казной корыстуются, «чинить имъ наказанье, сыскавъ про то допряма», а наказавъ, онъ могъ ихъ и «отставить»; одинъ наказъ первой половины XVII столѣтія уполномочиваетъ даже воеводу вообще, если онъ замѣтитъ, что «люди худы и къ сбору не годятся», прогнать ихъ, предварительно «сосчитавъ», и требовать новыхъ выборовъ. Деньги, получаемыя въ кабакахъ за «питье», цѣловальники должны были опускать въ особые ящики, запечатанные печатью кабацкаго головы, который вынималъ ихъ оттуда каждую недѣлю или каждый мѣсяцъ [1]).

[1]) Отсюда — требованіе платить за питье *мелкими* деньгами; вѣроятно, даже такъ, чтобы не было необходимости давать сдачи.

Но не въ этомъ только выражались отношенія воеводы къ выборному кабацкому персоналу. Онъ долженъ былъ оказывать послѣднему всякое содѣйствіе при отправленіи имъ своей высокой государственной важности функціи: «и ты бы,—пишется въ одной грамотѣ конца XVII вѣка къ воеводѣ,—по сей нашей грамотѣ непремѣнно... въ кабацкомъ сборѣ чинилъ ему (кабацкому головѣ) *всякое вспоможенье»*, которое, какъ видно изъ той же грамоты, выражалось главнымъ образомъ въ томъ, чтобы «на ослушниковъ и для выемки... корчемныхъ питей и иныхъ... кабацкихъ дѣлъ давать... стрѣльцовъ и пушкарей и разсыльщиковъ». Какъ это «вспоможенье» было важно для кабацкихъ головъ, видно изъ одной ихъ челобитной, въ которой они бьютъ царю челомъ на воеводу въ томъ, что онъ не даетъ имъ стрѣльцовъ и приставовъ, отъ чего «его государевой казнѣ чинитца недоборъ великій»: стрѣльцы эти и пристава нужны были кабаку для взысканія такъ-называемыхъ «напойныхъ» денегъ, то-есть долговъ. А эта нужда головъ и цѣловальниковъ, какъ увидимъ дальше, была больше чѣмъ настоятельною.

Дѣло не кончалось, однако, отчетностью только передъ воеводой,—головы кабацкіе должны были въ опредѣленные сроки пріѣзжать со своими книгами и сборами въ Москву; сроки эти—отъ мѣсячнаго до годичнаго, «какъ пригоже», устанавливались, несомнѣнно, смотря по разстоянію отъ Москвы тѣхъ городовъ, изъ которыхъ ѣхали головы. При этомъ, сплошь и къ ряду, Москва требовала, чтобы вмѣстѣ съ головой къ московскому отчету ѣхали не только цѣловальники, но и дьячки съ сборными записными тетрадями [1]).

Такъ было организовано кабацкое дѣло въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ продажа казенныхъ хмѣльныхъ питей. Но эти «питья» не только продавались, но и производились казной же, и производились, какъ уже было вскользь замѣчено, тѣми же кабацкими головами и цѣловальниками, которые и имѣли при каждомъ почти кабакѣ винокурню, пивоварню и проч.

Если царскіе кабаки и кружечные дворы XVII вѣка представляли собою ни что иное, какъ «казенныя лавки» нашихъ охранителей, то такъ-называемые погреба и пивоварни, состоявшіе при кабакахъ, были ни чѣмъ инымъ, какъ тѣми маленькими, мелкими винокурнями, къ коимъ такъ вожделѣетъ бывшій откупщикъ.

Голова при каждомъ кабакѣ курилъ вино и заготовлялъ пиво и медъ самъ или сдавалъ все это производство, какъ видно изъ различныхъ актовъ XVII столѣтія, особымъ «подрядчикамъ», которые обязывались выкурить и поставить въ кабакъ къ опредѣленному сроку опредѣленное количество вина.

Разъ на-лицо и «казенныя лавки», и «мелкія винокурни», должны быть на-лицо и тѣ явленія, которыя приписываются питейному строю, на этихъ двухъ началахъ основанному, т.-е. 1) отсутствіе корчемства (благодаря одинаковымъ цѣнамъ вина); 2) потребленіе вина «въ мѣру средствъ и дѣйствительной надобности» [2]) и 3) наконецъ—та идиллія, которая такъ заманчиво нарисована г. Кокоревымъ и въ которой фигурируютъ и «обновленныя усадьбы», и херувимо-подобные ребятешки, уписывающіе вкусный хлѣбъ, и тучныя коровы, и т. д.

[1]) *Прыжовъ*, стр. 78.
[2]) *Моск. Вѣдомости*, № 98, передовая статья.

Это непремѣнно должно было быть въ московскомъ государствѣ, разъ все и вся зависитъ отъ извѣстной организаціи кабацкаго дѣла. Вѣдь это дѣло, мы видѣли, организовано на началахъ, кои, будучи положены въ основу кабака намъ современнаго, по увѣренію ихъ пропагандистовъ, переродятъ наше отечество. И какъ просто, стройно, почти изящно это дѣло организовали московскіе администраторы, если смотрѣть на него изъ прекраснаго далека и исключительно сквозь призму тѣхъ правительственныхъ грамотъ, наказовъ, памятей, съ коими мы ознакомили читателя. Лучшаго трудно и желать, — тутъ все: и «казенная монополія», и «лучшія земскія силы», коихъ современные сторонники монополіи еще только стремятся привлечь къ дѣлу.

И, несмотря на всю эту стройность и красоту организаціи, сочетанія правительственнаго начала съ земскимъ, дѣйствительная, жизненная сторона кабацкаго дѣла московскаго государства ни сама по себѣ не представляла ничего заманчиваго, привлекательнаго, о возстановленіи чего слѣдовало бы ратовать въ наше время, ни тѣмъ болѣе не создавала вокругъ себя ничего подобнаго кокоревской картинкѣ.

Прежде чѣмъ обратиться къ этой жизненной сторонѣ дѣла, мы остановимся еще нѣсколько на самой организаціи кабака. Дѣло въ томъ, что московское правительство, очевидно вынужденное къ тому, очень скоро стало само то тамъ, то здѣсь разрушать стройность «кабацкаго дѣла», отступая отъ системы намъ уже знакомой: въ перемежку «съ вѣрной» системой выборныхъ головъ и цѣловальниковъ мы встрѣчаемся съ *откупами* и, если можно такъ выразиться, *жалованными кабаками*.

Едва ли не съ самаго появленія «царскаго кабака» въ московскомъ государствѣ, параллельно съ кабацкими выборными головами, имѣютъ мѣсто и *откупщики*. Нѣкоторыми наказами и грамотами воеводамъ прямо предоставляется отдавать царскіе кабаки на вѣру выборнымъ людямъ или на откупъ, «какъ пригоже» и *какъ государевой казнѣ прибыльнѣе*. Мы не можемъ, за неимѣніемъ статистическихъ данныхъ, сказать категорически, въ *какой мѣрѣ* одна система преобладала надъ другой, но можно смѣло утверждать, что вѣрная система до половины XVII столѣтія преобладала; съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича преобладаетъ откупная, но въ концѣ столѣтія она уничтожается. Всѣ полтора столѣтія, нами взятыя, московское правительство колебалось между двумя системами. Откупная — куда выгоднѣе; получилъ деньги, даже впередъ, и спокоенъ; а тамъ откупщикъ выбирай ихъ съ кабака, какъ знаешь. Но было что-то, что заставляло Москву отказываться отъ этой системы: думать надо, что въ этомъ случаѣ она руководилась опасеніемъ, какъ бы, согласно съ указаніемъ челобитной посадскихъ города Дмитрова (1632 года), *населеніе* «для откупщиковъ продажъ и великаго ихъ насильства *въ конецъ не погибло*». Сплошь и къ ряду мы встрѣчаемся съ такими фактами, что одинъ годъ кабакъ на откупу, а другой—*на вѣрѣ* у выборныхъ людей. До насъ дошли кое-какія указанія о томъ, какъ сдавались царскіе кабаки на откупъ. Самая отдача на откупъ, вѣроятно съ торговъ, производилась въ Москвѣ, въ ея центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, приказахъ. Любой состоятельный человѣкъ могъ взять тотъ или другой областной кабакъ на откупъ. Но мы имѣемъ акты,

изъ которыхъ видно, что правительство иногда стремилось привлечь къ откупу людей той мѣстности, въ которой лежалъ сдававшійся на откупъ кабакъ. Такъ, напримѣръ, во второй половинѣ XVII вѣка въ Суздалѣ сдавались кабаки на откупъ такимъ образомъ: воеводѣ велѣно было прокликать черезъ такъ-называемыхъ «бирючей» по улицамъ и базарамъ въ торговые дни приглашеніе желающихъ—посадскихъ и крестьянъ—взять кабаки на откупъ; если находились желающіе, то они должны были, записавшись въ мѣстной съѣзжей избѣ у воеводы и взявъ поручныя записи,—вѣроятно, въ ихъ «прожиточности»,—ѣхать къ Москвѣ [1]). Если же не находилось желающихъ, то воевода долженъ былъ велѣть земскимъ людямъ выбрать изъ своей среды правдиваго и пожиточнаго человѣка и поставить его къ сборамъ на кружечныхъ дворахъ.

Иногда кабаки сдавались на откупъ цѣлой общинѣ. Такъ въ первой половинѣ XVII столѣтія «староста и посадскіе во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто» города Дмитрова бьютъ челомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу велѣть отдать имъ, дмитровцамъ, «тотъ дмитровскій кабакъ въ откупъ не для прибыли», а чтобъ отъ грабежей откупщиковъ «въ конецъ не погибнуть». Они предлагали откупную сумму больше той, какую платилъ откупщикъ; когда въ Москвѣ откупщики «наддавать» отказались, царь, по докладу приказнаго дьяка, велѣлъ отдать кабакъ челобитчикамъ.

Есть много указаній на откупы крестьянскіе: кабакъ вмѣстѣ съ мѣстнымъ торгомъ, мельницей и тому под. брала на откупъ крестьянская община: *кабакъ* и торжокъ (т. е. пошлины съ продаваемаго на торгу) того же села *за крестьяны*», или «кабакъ на откупу тое-жъ *волости* за всѣми крестьяны», т. е. кабакъ откупала цѣлая волость. Вѣроятно, и во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьянскія общины откупали кабаки, какъ и дмитровцы, не ради прибыли, а чтобы въ конецъ не погибнуть отъ грабителей-откупщиковъ. Откупщики общины, разумѣется, вѣдали кабакъ черезъ своихъ выборныхъ.

Къ хищничеству откупщиковъ прибавились «недоборы»; корчемство приняло огромные размѣры; откупщики, какъ и вѣрные кабацкіе головы, стали оказываться въ доимкахъ и московское правительство ничего не выигрывало. Въ 1681 году по всему государству московскому откупа кабацкіе были запрещены: кабаки повсюду велѣно отдавать «на вѣру» выборнымъ людямъ [2]). Но откупъ исчезъ лишь не надолго и какъ будто лишь ради того, чтобы болѣе полнымъ цвѣтомъ распуститься по градамъ и весямъ Россіи XVIII вѣка.

Не мало нарушалъ общій строй кабацкой системы московскаго государства и еще одинъ видъ кабаковъ, кабаковъ *частныхъ лицъ*, кабаковъ жалованныхъ, какъ мы ихъ назвали. Еще въ XVI вѣкѣ, т. е. вмѣстѣ съ появленіемъ царскаго кабака, въ составъ боярскаго «кормленья» — вознагражденья за царскую службу — сталъ входить и этотъ кабакъ: царь жаловалъ своихъ бояръ, слугъ царскихъ, вмѣстѣ съ доходами съ суда, доходами таможенными и *кабацкими*. Городъ отдавался боярину съ тамгою (таможенныя пошлины) и «кабакомъ». Во второй половинѣ XVII вѣка оказались частные кабаки, принадлежавшіе не только

---

[1]) *Прыжовъ*, стр. 73.
[2]) *Соловьевъ*: „Исторія Россіи", т. XIII, стр. 317.

боярамъ, но и дѣтямъ боярскимъ, дворянамъ, вообще лицамъ низшихъ разрядовъ служилыхъ людей.

Но *въ сущности* ни откупные, ни жалованные въ кормленье кабаки отъ *основнаго начала* кабацкаго дѣла въ московскомъ государствѣ не представляли ни малѣйшаго уклоненія; ни тѣ, ни другіе ни на йоту не уклонялись отъ начала казенной монополіи: и тѣ, и другіе были кабаками *царскими;* измѣнялась лишь нѣсколько система завѣдыванія, управленія ими—вотъ и все.

Исключеніе изъ этого основнаго начала составляла привилегія извѣстныхъ классовъ населенія курить вино, варить пива и меды «про себя», т.-е. на собственную потребу. Этимъ правомъ издавна пользовались монастыри, служилый классъ и высшій слой торгово-промышленнаго населенія. Въ нѣкоторыхъ воеводскихъ наказахъ въ видѣ общаго правила предписывалось «*лутчимъ людемъ* давать пиво варить и медъ ставить» для собственнаго потребленія на большіе церковные праздники и особенно семейные—крестины, свадьбы, именины; при этомъ иногда дозволялось «вино горячее» имъ курить «не отъ велика», т.-е. понемногу, также дозволялось, а иногда приказывалось «вина горячаго и лутчимъ людямъ курить не давать» [1]). О выкуренномъ винѣ, пивѣ и медѣ «лучшіе люди» должны были заявлять воеводѣ и съ явки платить установленную пошлину. «А *середнимъ* и *молодчимъ* людемъ, — говорится въ одномъ наказѣ первой половины XVII вѣка,—пива варить и меда ставить (а тѣмъ болѣе вина курить) *отнюдь никому не давать*» [2]). Такъ-называемые «гости», этотъ высшій слой московскаго торгово-промышленнаго населенія, всегда, вмѣстѣ съ другими привилегіями своего званія, получали право винокуренія. Въ концѣ XVII столѣтія помѣщикамъ и вотчинникамъ и всякихъ чиновъ людямъ служилымъ дозволялось курить вино у себя въ помѣстьяхъ, вотчинахъ, на своихъ дворахъ. Позволялось съ запасами вина своего куренія пріѣзжать на службу въ Москву,— разумѣется, съ условіемъ «явить» его и оплатить небольшимъ сборомъ. Иногда дозволялось какъ служилымъ людямъ, такъ и торговымъ курить вино и держать его «про себя», даже не оплачивая его никакими пошлинами.

Монастырямъ и соборнымъ попамъ и лицамъ духовнаго званія вообще запрещалось только кабаки держать и вообще продавать вино или другія хмѣльныя питья. Можно было бы привести массу указаній на то, какъ широко монастыри пользовались правомъ производства хмѣльнаго питья; но мы ограничимся лишь указаніемъ, что только въ концѣ XVII столѣтія патріаршею грамотой ко всему духовенству издается «крѣпкій заказъ» курить вино протопопамъ, попамъ, дьяконамъ и церковнымъ причетникамъ. Случалось, что монастыри имѣли и собственные кабаки, для продажи питей своего куренья, и не въ видѣ корчемства, о чемъ поведемъ рѣчь дальше, а съ разрѣшенія самого царя, даже того самаго Алексѣя Михайловича, который предписывалъ, напримѣръ, новгородскому воеводѣ «по сыску чинить наказаніе, буде монастыри учнутъ торговать виномъ». Такъ, знаменитый въ то время своею ярмаркой (теперь Ниже-

[1]) Пиво и медъ курить лучшимъ людямъ по наказу 1646 года воеводѣ мезенскому дозволяется „не по велику, по чети или по двѣ“.

[2]) Въ наказѣ, приблизительно того же времени, *псковскому* воеводѣ позволяется „для ихъ нужи“ и *крестьянамъ* пиво варить и медъ ставить; это дозволяютъ имъ и въ другихъ уѣздахъ.

городская) Макарьевскій монастырь ставилъ во время этой ярмарки свои кабаки у волжскаго перевоза, которые конкурировали съ кабаками поволжскаго села Лыскова. Монахи жаловались царю на этихъ конкурентовъ, и царь велѣлъ лысковскіе кабаки снести, а монастырскіе оставить [1]).

Разумѣется, такого рода кабаки и право частнаго куренья вина и пива съ медомъ — уже нарушеніе «казенной питейной монополіи»; но за то развѣ такое право частныхъ лицъ не содѣйствовало, съ точки зрѣнія г. Кокорева, развитію «сельскаго хозяйства», новенькихъ усадебъ, сытости крестьянина и его скота? Вѣдь каждое помѣстье, каждая вотчина, каждый монастырь имѣютъ свою винокурню: отсюда — масса барды, ergo скотъ сытъ; а отсюда — обиліе молока и удобренія, ergo крестьяне (т.-е., вѣроятно, *и крестьяне;* г. Кокоревъ въ сущности не объясняетъ, какимъ образомъ *дворянскія* винокурни будутъ утучнять *крестьянскій* скотъ) сыты, и въ концѣ концевъ — всеобщее благоденствіе, какъ и подобаетъ тому быть въ московскомъ государствѣ, гдѣ, по увѣренію ненавистниковъ нашего злосчастнаго времени, все и вся благоденствовало.

Теперь взглянемъ на это кабацкое благоденствіе.

II.

„... вамъ бы воеводамъ о томъ *порадѣти, чтобъ кабацкій сборъ былъ больше прежнихъ годовъ,* чтобъ нашей казнѣ была прибыль“.

(Изъ наказа воеводѣ начала XVII столѣтія).

„... а пашенные *крестьяне отъ* того *кабака* многіе одолжали и *обнищали*“.

(Изъ воеводской челобитной того же времени).

Еще въ началѣ XV столѣтія святитель православной церкви Кириллъ Бѣлозерскій писалъ можайскому удѣльному князю, умоляя его не заводить въ своей вотчинѣ корчмы, «занеже, господине,—говоритъ святитель, — то велика пагуба душамъ, крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ». Проходитъ почти полтораста лѣтъ—и другой пастырь церкви, митрополитъ новгородскій Ѳеодосій, по поводу открытыхъ въ Новгородѣ царскихъ кабаковъ, вопіетъ къ царю Іоанну Грозному: «Бога ради, государь, потщися и помысли о твоей вотчинѣ, о Великомъ Новгородѣ, что ся нынѣ въ ней чинитъ? Въ корчмахъ безпрестани души погибаютъ... въ домехъ, и на путехъ, и торжищехъ убійства и грабленія великія... прохода и проѣзда нѣтъ». Кабацкая казенная монополія вполнѣ развивается съ привлеченіемъ земскихъ силъ къ питейному дѣлу и... жалобы пастырей церкви на пьянство растутъ.

Могутъ возразить, что этимъ жалобамъ не слѣдуетъ особенно довѣрять: быть-можетъ онѣ порой представляли собой простыя риторическія преувеличенія. Не будемъ имъ особенно много вѣрить, хотя, напримѣръ, Грозный, должно-быть, новгородскому митрополиту повѣрилъ,—въ Новгородѣ кабаки царскіе

---

[1]) *Прыжовъ,* стр. 59.

исчезли (на время, разумѣется),—а обратимся къ показаніямъ болѣе достовѣрнымъ, ко всякаго рода царскимъ грамотамъ, достовѣрнымъ актамъ верховной власти московскаго государства. И мы получимъ то же печальное свидѣтельство, что получили и отъ святителей церкви. Выписанный нами эпиграфъ, взятый именно изъ такого непреложнаго источника, уже заставляетъ предчувствовать характеръ показаній вообще.

Въ 1652 году имѣла мѣсто съ теперешней точки зрѣнія важная реформа кабака. Ознакомьтесь съ ея характеромъ—и вы увидите, что она вызвана тѣми явленіями, на которыя указывали вышеназванные святители и на которыя мы слышимъ всеобщія жалобы въ настоящее время, исходя изъ которыхъ ратуютъ наши современные кабацкіе реформаторы, — огромными размѣрами народнаго пьянства и обнищаніемъ народа, которое и тогда, какъ теперь, тоже выводили чуть ли не изъ одного кабака. Чѣмъ же, какъ не этими явленіями, вызваны были такія, наприм., мѣры кабацкой реформы 1652 года: въ *кружечныхъ* дворахъ, смѣнившихъ отнынѣ кабаки, *не продавать вина больше чарки одному человѣку*; на самомъ дворѣ (кабакѣ) пить не позволять, т. е. продажа допускалась только *на выносъ* (хлопочатъ теперь и объ этомъ); всѣ посты: Петровъ, Успенскій, Рождественскій и Великій — вино запрещается, «для постнаго времени», продавать вовсе, а также «и о Свѣтлой недѣлѣ»; запрещалось продавать его по постнымъ днямъ, средамъ и пятницамъ, и по воскресеньямъ даже; не допускалась продажа вина на кружечныхъ дворахъ лицамъ духовнаго званія; отнынѣ на этихъ дворахъ-кабакахъ предполагалось продавать лишь одно вино [1]). Всѣ эти мѣры изобрѣтены царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ по совѣту «съ отцомъ своимъ святѣйшимъ патріархомъ Никономъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ окольничи, и со всѣми нашими думными людьми о *кабакахъ*». Такъ важенъ былъ этотъ вопросъ «о кабакахъ» въ глазахъ московскаго правительства.

Въ данномъ случаѣ правительство московское заботится о «кабакахъ», какъ разсадникахъ пьянства, безнравственности и всякихъ золъ въ этомъ родѣ. И оно имѣло повидимому всѣ основанія къ заботамъ, — со всѣхъ сторонъ неслись къ нему вопли о пьянствѣ: пьютъ служилые люди, пьетъ духовенство, пьютъ посадскіе, пьютъ уѣздные, волостные, крестьяне.

Въ 1623 году писали царю верхотурскіе воеводы, что «*служилые люди, стрѣльцы* и козаки на верхотурскомъ кабакѣ *многіе пропились*» и отъ государевой службы «многіе отбыли». Московское войско православное трудно было согнать съ кабака: «солдаты по вся дни собираются, — билъ челомъ въ Москву коломенскій кабацкій голова, — на государевомъ коломенскомъ кружечномъ дворѣ... и играютъ зернью и карты... и какъ де онъ, голова, учнетъ ихъ съ государева кружечнаго двора разбивать... и они де его съ товарищи бранятъ и хотятъ бить, и съ кружечнаго двора нейдутъ, чинятся сильны». Дошло дѣло до того, что однажды въ Николинъ день, 6-го декабря, когда кружечный дворъ, въ силу указаннаго нами закона 1652 года, былъ запертъ, тѣ же «солдаты» той же Коломны до того «чинились сильны», что, «собрався на государевъ кружечный

[1]) *Соловьевъ:* „Исторія Россіи", т. XIII, стр. 108; *Прыжовъ*, стр. 130; „Акты Истор.", т. IV, № 74.

дворъ человѣкъ съ двѣстѣ и больши, учали... ломать подставы и питье кабацкое лить и цѣловальниковъ, волоча изъ избы, бить кольемъ и дубинами до смерти». Получилось что-то въ родѣ цѣлаго бунта кабацкаго: голова ударилъ въ набатъ; двое были убиты, имъ «пробили головы до мозгу, и руки и ноги переломали». Кабацкіе выборные люди «едва государеву казну отстояли»; кабакомъ въ концѣ концовъ солдаты вовсе завладѣли [1]). Воинству не уступали въ пьянствѣ и безобразіяхъ и мирные служилые люди, тоже часто чинившіеся сильны. Такъ, наприм., управляющій одного села помѣщика князя Репнина, появившись въ сосѣднемъ городкѣ Лухѣ съ невиннымъ намѣреніемъ поколотить тамошняго воеводу, ради чего его сопровождала толпа вооруженныхъ дубинами и ослопами людей, и исполнивъ это свое благое намѣреніе, направился наградить себя и своихъ помощниковъ во царевъ кабакъ, который и разнесъ немедленно въ дребезги, разогнавъ стойщиковъ и цѣловальниковъ [2]). Но такимъ путемъ удовлетворять винную жажду могли служилые люди только тогда, когда «чинились сильны», а при обыкновенномъ порядкѣ вещей для этой цѣли приходилось и имъ прибѣгать къ обыкновеннымъ средствамъ — деньгамъ, а нѣтъ ихъ — къ животамъ, сирѣчь движимому имуществу, которое часто и пропивалось, что называется, до послѣдней нитки. Доходило дѣло до того, что въ кабакѣ не только оставляли зипуны, шапки, сапоги, рубахи, но даже *шейные кресты*, разъ они представляли какую-нибудь цѣнность. Такъ, отъ конца XVII столѣтія сохранился любопытный въ данномъ отношеніи актъ. Уфимскій воевода шлетъ къ игумену одного монастыря подъячаго съѣзжей избы и при немъ «память», въ которой предписываетъ этого подъячаго «держать до государева указу въ монастырѣ въ смиреньи на цѣпи и дать ему... епитимью и покамѣстъ онъ правильную заповѣдь не исправитъ, съ цѣпи не освобождать и велѣть повседневно быть у всякой божественной службы... во всякой кротости и цѣломудріи». За что же царскій служилый человѣкъ претерпѣваетъ это суровое «цѣпное» наказаніе?... Объ этомъ сообщаетъ намъ та же воеводская «память», изъ коей видно, что подъячій претерпѣваетъ «за его дуровство и *за поруганіе православныя христіанскія вѣры*», а поруганіе это онъ совершилъ «на кружечномъ дворѣ, снялъ съ себя *крестъ да закладывалъ въ пропой, на вино!»* А за такого рода «поруганіе православной вѣры», не покайся подъячій чистосердечно въ своемъ преступленіи, ему предстояла «по указу великаго государя» и по Уложенію, — какъ сообщаетъ тотъ же воевода игумену, — смертная казнь, такъ какъ «таковымъ ругателемъ», именно, «довелось чинить смертную казнь», заключаетъ благочестивый воевода. Увы, оказывается, ни православная христіанская вѣра не могла бороться съ соблазнами «казенной питейной монополіи», ни самая смертная казнь не могла удержать отъ прелестей царскаго кабака.

Не могли отъ нихъ воздержаться и люди, началами православной вѣры, казалось бы, наиболѣе всѣхъ другихъ проникнутые—служители алтаря, проповѣдники началъ этой вѣры. Обратитесь къ постановленіямъ Стоглаваго собора половины XVI столѣтія, загляните въ «поученія», перелистуйте записки ино-

[1]) „Ак. Истор.“, т. IV, № 74. Указанія на подобнаго рода казусы сплошь и къ ряду встрѣчаются въ памятникахъ.

[2]) *Прыжовъ*, стр. 135.

странныхъ путешественниковъ, ознакомьтесь съ правительственными актами и грамотами,— и васъ поразятъ тѣ опустошенія и раны, кои причиняли царскій кабакъ и кружечный дворъ московскаго государства среди духовнаго воинства. Мы не будемъ здѣсь останавливаться подробно на явленіяхъ этого рода; ограничимся однимъ, двумя. Желающихъ отошлемъ къ книгѣ нѣкоего Борисова: «Описаніе города Шуи»,— въ концѣ коей приложены подлинные акты; среди ихъ не мало свидѣтельствъ о самыхъ возмутительныхъ формахъ господства мѣстнаго кабака среди духовенства посадскаго. Въ 1666 году царь запрещаетъ являться кабацкимъ головамъ и цѣловальникамъ съ продажнымъ кабацкимъ питьемъ во время сборища богомольцевъ, въ дни большихъ праздниковъ, подъ стѣны знаменитаго хранителя древляго благочестія — Бѣлозерскаго монастыря, ибо соблазны кабака губятъ не только стекающихся на поклоненіе святынямъ богомольцевъ, но и самихъ обитателей монастыря: «и отъ того кабака бываетъ братьѣ безчинье и смута великая»,— говоритъ царская грамота. Нѣсколько позже новгородскій «преосвященный Корнилій», смущенный пьяною слабостью подчиненнаго ему низшаго духовенства, рѣшается принять такія мѣры противъ соблазновъ кабака: онъ приказываетъ своимъ «подъячимъ» ловить «въ Великомъ Новгородѣ *на кружечныхъ дворахъ* священниковъ и дьяконовъ и іеромонаховъ, и монаховъ и старицъ» и приводить ихъ «въ митрополичъ розрядъ»; туда же рекомендуется приводить и тѣхъ, «которые изъ тѣхъ чиновъ (только-что перечисленныхъ) явятся въ рядѣхъ и по улицамъ пьяни». При этомъ преосвященный считаетъ нужнымъ угрожать исполнителямъ этого указа пеней въ случаѣ оплошнаго исполненія его, чтобы «на то смотря инымъ неповадно было отпущать и потакать» пьяницамъ тѣхъ чиновъ»[1]). Вспомнимъ, наконецъ, и общее постановленіе собора о кабакахъ, запрещающее лицамъ духовнаго званія ходить въ кабаки и кружечные дворы[2]).

Если такъ бушевалъ кабакъ среди охранителей и пастырей, каковы же должны были быть результаты его дѣятельности среди охраняемыхъ и пасомыхъ.

Въ тѣхъ же, упомянутыхъ нами, актахъ «Описанія г. Шуи» не мало указаній, даже прямо жалобъ, челобитій на то, какъ тотъ или другой посадскій человѣкъ «пьетъ на кабакѣ безобразно... и зернью и карты играетъ *и жену и дѣтей своихъ бьетъ и мучитъ не по закону*». Поборола, стало-быть, питейное начало «казенная питейная монополія». И это имѣетъ мѣсто, разумѣется, не въ одной Шуѣ, отъ которой случайно сохранились памятники. Со всѣхъ градовъ Руси несутся жалобы этого рода. Со всѣхъ же весей ея стономъ идутъ жалобы и заявленія, что «крестьяне многіе пашенные отъ того кабака пропилися, одолжали и обнищали», «въ конецъ погибли», «въ рознь разбрелися».

Массы пьютъ въ московскомъ государствѣ много и неправильно, пьютъ именно такъ, какъ теперь онѣ пьютъ: набѣгомъ, рѣдко, но мѣтко; пьютъ по большимъ праздникамъ, пьютъ на ярмаркахъ, богомольяхъ, престольныхъ праздникахъ.

Мы уже видѣли, правительство запрещаетъ кабацкіе наѣзды подъ Бѣлозерскій монастырь; тамъ за смутой великой среди братіи монастыря «у *питу-*

[1]) „Акты историч.", т. V, № 203.
[2]) Всѣ приведенные казусы—послѣ этого постановленія собора.

ховъ (изъ богомольцевъ) *брани и бои* многіе отъ того кабака». Изъ-подъ Макарья съ ярмарки одна другую погоняютъ жалобы, что «отъ того кабацкаго питья, отъ пьяныхъ людей... большая обида», что «у кабака», подъ самымъ монастыремъ, «скоморохи съ медвѣди, пляски и всякія бѣсовскіе игры чинятца». По свидѣтельству царской грамоты на имя владимірскаго воеводы, въ воеводство послѣдняго «въ Боголюбовѣ монастырѣ... въ день празднества Пресвятой Богородицы Боголюбивой... съѣзжаютца *всякихъ чиновъ* многіе люди по обѣщанію своему молиться, и изъ Володимера пріѣзжаютъ же къ тому монастырю кабацкіе головы и цѣловальники съ виномъ и со всякою питейною продажей, и *многіе отъ того пьяные* люди... во время святаго пѣнія чинятъ драки и бои великіе... и смертныя убивства чинятъ и *тою питейною продажей* кабацкіе *головы многихъ богомольцевъ* приводятъ въ безчинство *и отъ Божія церкви и отъ святаго пѣнія отлучаютъ*». На то же самое указываетъ въ своей грамотѣ на имя настоятеля Боголюбскаго монастыря и святѣйшій московскій и вся Руси патріархъ.

Кабакъ «отлучаетъ отъ Божія церкви»! Онъ запустошаетъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, святыя «чудотворныя мѣста». Земскіе старосты и крестьяне Устюжскаго уѣзда бьютъ челомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу о такой великой напасти, причиненной имъ «его великаго государя» кабакомъ: есть у нихъ, на селѣ Приводинѣ, церковь «во имя Николы Угодника», а въ церкви этой стоитъ чудотворная икона того же Угодника. «На два Николина дня» — 9 мая и 6 декабря — и «на Благовѣщеньевъ день» издавна въ сельскій храмъ этотъ, къ чудотворной иконѣ, пріѣзжаютъ «помолитися многіе молебщики и тѣмъ молебщикамъ отъ чудотворнаго Николина образа милость и прощенье живетъ великое», что, понятно, привлекаетъ все больше и больше «молебщиковъ» благочестивыхъ. Но должно-быть врагъ рода человѣческаго не могъ примириться съ такимъ проявленіемъ московскаго благочестія и вздумалъ одолѣть его, избравъ для этого такое вѣрное средство, какъ все тотъ же «царевъ кабакъ». «Многіе молебщики» видимо собирались въ такомъ великомъ количествѣ, что радѣтели царскихъ кабацкихъ доходовъ, зная слабости къ прелестямъ питій даже и «молебщиковъ», не упускали случая появляться съ этими питьями на «чудотворное мѣсто», какъ выражаются челобитчики; въ результатѣ получилось слишкомъ знакомое явленіе: кабакъ, къ великой радости исконнаго врага человѣчества вообще, московскаго православнаго христіанства въ частности, побѣдилъ. Цѣловальники «ставились съ тѣмъ питьемъ *близко церкви*» и притомъ со всѣми спутниками кабака, со всей его *казенной* обстановкой — съ зернью, картами, скоморохами и всяческими сатанинскими играми», съ стрѣльцами, приставами, ярыгами. И пошелъ, на соблазнъ благочестивыхъ христіанъ, дымъ коромысломъ: «многіе пьяные люди приходятъ въ церковъ съ шумомъ и крикомъ, и въ томъ ихъ крику пѣнья Божія не слышать. Царь государь, — вопіютъ православные челобитчики, — смилуйся, пожалуй, не вели цѣловальникамъ съ продажнымъ питьемъ пріѣзжать... *Чудотворное мѣсто пустѣетъ!*» [1]).

Царь смиловался, запретилъ пріѣзжать на чудотворное мѣсто съ кабакомъ.

[1]) Изъ „Приказныхъ дѣлъ старыхъ лѣтъ“ архива мин. иностр. дѣлъ.

Другого отвѣта отъ царя въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ подобныхъ, ждать было нельзя: могъ ли иначе поступить благочестивый царь московскій? Съ этой точки зрѣнія онъ не могъ, охраняя православіе земли московской отъ всяческой порухи, не предпринимать и общихъ мѣръ. Онѣ, мы видѣли, и предпринимались, вродѣ, напримѣръ, мѣръ 1652 года. Принимала съ своей стороны мѣры и сама церковь въ лицѣ ея патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ, обращавшихся къ народу съ увѣщаніями и поученіями о грѣховности пьянственнаго житія.

Но царскій кабакъ былъ силенъ не однѣми прелестями «питія», а и тѣмъ своимъ качествомъ, благодаря коему, изъ него въ настоящее время стремятся сдѣлать «казенную монополію», а въ періодъ московскаго государства онъ былъ царскимъ: онъ силенъ былъ тѣмъ, что былъ, какъ мы уже видѣли, главнѣйшимъ источникомъ доходовъ «его великаго государя». А какъ таковой, его немыслимо было повсюду преслѣдовать, закрывать; приходилось какъ разъ наоборотъ, всюду поощрять его, развивать и тѣмъ «чинить прибыль государевой казнѣ». Вотъ почему и тогда, какъ теперь, Москва, преслѣдуя одною рукой кабаки, реформируя ихъ съ цѣлью сокращенія пьянства и разоренія народа, другою всячески, въ сущности, охраняла и лелѣяла ихъ. И реформировали-то ихъ въ то время ради одной только цѣли, чтобъ «чудотворныя мѣста не пустѣли», да «ругательныя дѣла» не очень бы ужь плодились по лицу земли московскаго государства. Разореніе народа не особенно смущало и безпокоило православную Москву.

Докладываютъ въ Москву воеводы, видимо въ отвѣтъ на требованіе, откуда «чинить прибыль государевымъ кабацкимъ доходамъ», что на ихъ кабакѣ всѣ пропились, одолжали, обнищали; доходамъ кабацкимъ грозитъ огромный «недоборъ»; что, по ихъ мнѣнію, кабакъ нужно бы закрыть, чтобы вдосталь все не разорить; по крайней мѣрѣ, нужно бы «отъ кабацкаго питья унимать», но что безъ царскаго указу они «унимать не смѣютъ». Ждутъ этого указа. Онъ не замедлилъ получиться, но съ отвѣтомъ для челобитчиковъ совсѣмъ неожиданнымъ: «и вы пишете къ намъ, — говорится отъ имени царя, — *не радѣя о нашемъ дѣлѣ*, что кабакъ хотите отставить... Прежъ васъ многіе на Верхотурьѣ воеводы бывали, а о томъ кабакѣ къ намъ не писывали... и вы, дѣлая лѣностію своею и не хотя намъ служити, пишете къ намъ не дѣломъ». За этимъ выговоромъ слѣдуетъ такое предписаніе: «и вы-бъ велѣли учинить заказъ крѣпкій, *чтобъ на кабакѣ... не пропивалися...* и сами бы есте къ тому призирали почасту, *чтобъ... кабацкихъ денежныхъ доходовъ передъ прежними годы собрати съ прибылью...* чтобъ кабацкій сборъ былъ больше прежнихъ годовъ, *чтобъ нашей казнѣ была прибыль*». Разрѣшить трудную дилемму, чтобъ въ одно и то же время на кабакѣ не пропивались и его доходы увеличивались, предоставлено было воеводамъ привлеченіемъ къ кабаку какихъ-то людей, кромѣ мѣстныхъ: «а *опричь тутошнихъ* служилыхъ людей и пашенныхъ крестьянъ *пить на кабакѣ будетъ кому*» [1]). Другого отношенія къ дѣлу Москва знать не хотѣла. Она всегда нуждалась въ деньгахъ, кабакъ—

---

[1]) „Акты историч.“, т. III, № 122.

одинъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ ихъ, значитъ—изъ него и приходилось черпать, и черпать возможно обильнѣе и энергичнѣе. Въ виду этого она иначе къ кабаку и не могла относиться, какъ съ постояннымъ требованіемъ присылать на Москву кабацкіе сборы безъ всякаго недобора, собирать ихъ *съ большимъ радѣніемъ*, собирать ихъ каждый годъ не только безъ недобора, но и по возможности *съ прибылью*. Объ этомъ, мы уже видѣли, должны были заботиться воеводы; въ этомъ, и только въ этомъ, должны были состоять всѣ заботы радѣтелей доходовъ царскаго кабака —кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ, которымъ за нерадѣніе и недоборы кромѣ очень рѣдкихъ и очень уважительныхъ причинъ грозило лишеніе животовъ и наказаніе нещадное.

Съ Устюга Великаго пишетъ въ Москву кабацкій голова, что «его государевѣ казнѣ чинится недоборъ великій», потому что въ кабакѣ городскомъ и кабакахъ волостныхъ «передъ прошлымъ годомъ не изошло твоего государева вина въ полы (т. е. половины); *питуховъ не стало:* многіе люди оскудѣли и въ напойныхъ деньгахъ отъ прошлаго головы стоятъ на правежѣ». Этому челобитчику отвѣчали еще проще и въ извѣстной степени короче, безъ поученій: «пишешь воровски, хочешь воровать: велимъ доправить вдвое» т. е. взыскать изъ личнаго имущества сумму вдвое больше недобранной [1]). И обыкновенно угроза не оставалась пустою фразой,—доправляли. Если нельзя было взыскать недостающее изъ личнаго имущества головъ и цѣловальниковъ, обращались къ *общественному*, доправляли изъ собственности «міра» посадскаго или крестьянскаго: «и тѣ недоборы доправить *на мірскихъ людехъ*». А чтобъ, какъ говорится въ одномъ изъ царскихъ указовъ, «на то смотря инымъ неповадно было такихъ воровъ къ такимъ государевымъ дѣламъ выбирать», то, «порастрясши мірскіе животишки», Москва тѣмъ же мірскимъ людямъ грозила еще «учинить наказаніе безо всякой пощады» [2]).

Московское правительство, однако, не требовало отъ кабацкихъ головъ, обращаясь къ нимъ съ такими предписаніями, невозможнаго, оно не ставило ихъ въ совсѣмъ безвыходное положеніе; оно давало имъ всѣ *средства* къ исполненію своихъ требованій: разрѣшало дѣйствовать въ своей сферѣ «*безстрашно*», по выраженію одной грамоты, и совѣтовало «никакого себѣ *опасенія не держать*», собирая кабацкія государевы деньги; оно разрѣшало имъ отпускать въ долгъ вино «питухамъ» [3]); оно, мы уже видѣли, предписывало своимъ воеводамъ всячески содѣйствовать кабацкимъ головамъ во всемъ и главнымъ образомъ въ сборѣ долговъ «напойныхъ денегъ».

---

[1]) „Приказныя дѣла стар. лѣтъ“ въ арх. мин. иностр. дѣлъ.

[2]) Если голова съ цѣловальниками или мірскіе люди оказывались несостоятельными или не хотѣли добровольно платиться своими „животами“, правительство пускало въ ходъ *правежъ*, средство тогда въ московскомъ государствѣ примѣнявшееся къ дѣлу при взысканіяхъ. Правежъ состоялъ въ слѣдующемъ: должника ставили у приказа (въ Москвѣ) или у съѣзжей избы въ городахъ и били батогами по голымъ ногамъ по часу въ день; правежъ производился, пока продолжалось засѣданіе, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, а по другимъ—отъ восхода солнца до 10 или 11 час. утра. Такимъ образомъ „правили“, пока деньги не уплачивались самими должниками или кѣмъ-либо за нихъ. Предполагаютъ, что сначала несостоятельныхъ должниковъ „заправляли“ до смерти. Позже правежъ продолжался, кажется, не дольше мѣсяца. За помѣщиковъ стояли на правежѣ крестьяне (сначала холопи).

Изъ одной грамоты, встрѣченной нами въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, видно, что „на кабакахъ въ долги давать больше гривны не велѣно“.

Наконецъ московское правительство, въ видѣ особаго царскаго пожалованія, поощряло къ неупустительной кабацкой дѣятельности воеводъ и головъ похвалою въ примѣръ прочимъ и наградами: головамъ и цѣловальникамъ, въ случаѣ учиненія ими прибыли противъ прошлыхъ лѣтъ, «дарили какую-нибудь вещь, сукно и т. п., смотря по человѣку» и, разумѣется, по прибыли, имъ учиненной [1]).

Съ одной стороны угрожаемые, а съ другой поощряемые, служилые выборные люди по «казенной питейной монополіи» московскаго государства и пускали въ ходъ, ради «государевой» и, разумѣется, своей прибыли, всяческія средства. Усердію ихъ не было предѣловъ. «Я, государь, — доносилъ царю Михаилу Ѳеодоровичу одинъ изъ радѣтелей,—правилъ твои государевы доходы нещадно, *побивалъ на смертъ»* (на правежѣ). Средство энергическое, но не всегда, разумѣется, вѣрное: вѣдь можно побить людей на смерть много, а получить мало,—все зависитъ отъ состоятельности побитыхъ.

Головы и цѣловальники обращались къ другимъ, менѣе трагическимъ, но болѣе вѣрнымъ средствамъ не только добрать, но и перебрать. Они старались обставить царскій кабакъ, во-первыхъ, по возможности соблазнительнѣе, увеличивая его, и такъ довольно могучую для московскаго человѣка, притягательную силу всяческими прелестями въ глазахъ питуховъ, начиная съ различныхъ невинныхъ забавъ, вродѣ гуслей, скомороховъ и т. п. игръ сатанинскихъ, переходя къ картамъ, зерни и заканчивая «непотребными женками»; во-вторыхъ, норовили кабацкими сѣтями опутать возможно большій районъ. Число кабаковъ на каждый городъ и уѣздъ опредѣлялось въ Москвѣ, и головы кабацкіе по своему усмотрѣнію открывать новыхъ, понятно, не могли; но такъ было по опредѣленію правительства и совсѣмъ иначе—въ дѣйствительности. Мы уже видѣли, какъ головы и цѣловальники старались не пропустить ни одного людного мѣста, ни одного сборища: они, памятуя вѣроятно совѣтъ царскихъ грамотъ—«*питуховъ отъ кабаковъ не отгонять*» [2]), усердно уловляли ихъ, привлекали, поспѣвая за ними съ своими «продажными питьями» на ярмаркахъ, богомольяхъ, чудотворныхъ мѣстахъ; мало того, по свидѣтельству одной челобитной, посадскихъ людей и крестьянъ, головы раздавали вино и пиво на руки сторожамъ и рабочимъ, служащимъ при кабакахъ, а тѣ «то вино и пиво съ кабака по домамъ, корорые коло кабака живутъ, разносятъ» [3]). Но и этихъ средствъ было мало,—пускались въ ходъ иныя, совсѣмъ уже другого порядка. Позволялось имъ въ кредитъ отпускать на гривну,—они отпускали на рубли, разсчитывая потомъ получить ихъ съ питуховъ «правежемъ великимъ» съ по-

---

[1]) У Прыжова (стр. 82 и 83) приведены интересные случаи такихъ наградъ. Такъ, наприм., ярославскій кабацкій голова Кучумовъ за прибыль въ 1,500 р., доставленную имъ въ теченіе года, получилъ серебряный вызолоченный ковшъ, украшенный орломъ и фигурами, изъ коихъ одна держитъ въ рукѣ книгу (кабацкихъ доходовъ?) съ надписью: *„тако вѣрую"*. Почти въ то же время получилъ чайный ковшъ и другой посадскій человѣкъ съ надписью: „за приборъ кружечнаго двора" и съ изображеніемъ *пеликана, терзающаго грудь и кормящаго дѣтей своихъ*.

[2]) „Акты историч.", т. IV, № 12.

[3]) Изъ дѣлъ архива мин. иностр. дѣлъ. Въ одной челобитной головъ, объясняющей недоборъ сравнительно съ прошлогодними головами, прямо говорится, что тѣ „питье продавали и въ уѣздахъ: на праздники и на ярмарки съ питьемъ ѣздили". *Прыжовъ*, стр. 81.

мощью воеводскихъ стрѣльцовъ и приставовъ; недовольствуясь такъ или иначе разрѣшеннымъ кредитомъ, они пускали въ ходъ и *закладъ:* «и въ долгъ *и подъ закладъ* въ томъ году *питье давали*», пишетъ одинъ кружечный голова, объясняя, почему тогда сборъ былъ больше [1]). Въ одной челобитной посадскихъ и уѣздныхъ людей Усольскаго уѣзда разсказываются такія вещи о дѣятельности кабацкихъ головъ, присланныхъ съ Москвы: «на должниковъ приклепываетъ на многихъ многія деньги и кабацкимъ цѣловальникамъ на питуховъ многія деньги приписывать велитъ»; мало того, изощрялся получать «по застойнымъ записямъ» съ должниковъ два раза однѣ и тѣ же деньги, а замѣтивъ деньги у пришедшаго въ кабакъ, какъ наивно разсказываютъ челобитчики, «*для прокладу не пить,* велитъ тѣхъ питуховъ ковать въ желѣзо... въ тюрьму сажать... на правежѣ бить на смерть», чтобъ вынудить ихъ оставить эти деньги въ кабакѣ. Такъ дѣйствовалъ «прошлый» голова, а «нынѣшній» перещеголялъ и прошлаго: этотъ уже прямо деретъ деньги «*великимъ грабежемъ* въ полтора и больше раза»; «онъ написываетъ многія лишныя деньги» даже на тѣхъ, которые «въ кабакахъ мало и бывали»; а кто туда заглядываетъ, по слабости своей, почаще, выходитъ оттуда, что называется, голъ какъ соколъ: кто придетъ, — повѣствуютъ челобитчики, — «грошовую чарку выпить и того съ кабака не спущаютъ, а смѣчаютъ засколько его животовъ есть» и уже «спущаютъ» тогда, когда всѣ эти «животы» заберутъ. Вся эта дѣятельность царскаго кабака привела челобитчиковъ, по ихъ заявленію, въ такое положеніе: «отъ кабацкихъ великихъ наклеповъ одолжали и осиротали» они «и головы своя въ кабалишка поработили и женщина и дѣтишка скитаютца промежъ дворы... а промыслишка у насъ, сиротъ твоихъ, не стало: день стоишь на правежѣ, а къ ночи въ тюрьму сажаютъ, а искупитися намъ, сиротамъ твоимъ, нечѣмъ» [2]).

Мы видѣли, что воеводамъ порученъ былъ надзоръ за дѣятельностью кабацкихъ головъ, между прочимъ и за тѣмъ, чтобъ тѣ «на питуховъ напойныхъ денегъ не приписывали». Но эти слуги его великаго государя, пріѣзжавшіе въ города покормиться за свои «службишки», надзирали больше въ интересахъ этого кормленья. Покойный Соловьевъ приводитъ по этому поводу слѣдующее показаніе одного цѣловальника, заимствуя его изъ архивныхъ дѣлъ: «будучи у сбору на кружечномъ дворѣ воеводамъ въ почесть для *царскаго величества* и для высылки съ казною къ Москвѣ и для долговой выборки... харчемъ и деньгами носили не по одно время»; и носили, разсказываетъ добродушно цѣловальникъ, «по волѣ, а не отъ какихъ нападковъ» [3]). Ради полученія харчей пожирнѣе да побильнѣе и денегъ побольше, воевода готовъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на всякія продѣлки головъ и цѣловальниковъ, съ которыхъ, порой, не прочь былъ содрать лишнее и всяческими «нападками», какъ свидѣтельствуютъ и тѣ царскія грамоты, кои, выражаясь мягко, рекомен-

---

[1]) Намъ часто въ „Приказныхъ дѣлахъ" архива мин. иностр. дѣлъ попадались такъ-называемыя судныя дѣла, возникавшія по поводу этихъ кабацкихъ закладовъ, и замѣчательно, что приказы разбирали ихъ, нисколько не смущаясь тѣмъ, что заклады никогда не разрѣшались.

[2]) Изъ „Приказныхъ дѣлъ стар. лѣтъ" архива мин. иностр. дѣлъ.

[3]) „Исторія Россіи", т. XIII, стр. 110.

дуютъ «великаго государя казною (кабацкою) не корыстоваться», и тѣ челобитныя головъ и цѣловальниковъ, въ коихъ доказывается, что «учинились у нихъ тѣ недоборы отъ воеводскихъ налогъ и приметовъ» [1]), и, наконецъ, тѣ указы, коими «воеводамъ и приказнымъ людямъ кружечныхъ дворовъ головъ и цѣловальниковъ» повелѣвалось «въ сборахъ ни въ чемъ не вѣдать» [2]).

Въ виду всего этого можно повѣрить свидѣтельству терпѣвшихъ и вообще современниковъ, что кабакъ царскій дѣйствительно былъ бичомъ московскаго государства, но онъ былъ и источникомъ доходовъ для него.

Что жалобы челобитчиковъ посадскихъ и крестьянъ и заявленія воеводъ, кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ о разореніяхъ, если не производимыхъ, то развиваемыхъ кабакомъ, не были иллюзіей, изображеніемъ преувеличивающей фантазіи первыхъ и изобрѣтательной хитрости вторыхъ, лучшимъ доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что московское правительство иногда должно было сдаваться передъ обстоятельствами и отступаться отъ своего руководящаго принципа кабацкой финансовой пошлины — «а недоборъ доправить вдвое». Доводы челобитчиковъ въ доказательство невозможности не только перебрать, но даже и добрать порой, были такъ вопіюще убѣдительны, что Москва сдавалась на эту убѣдительность и издавала рѣшеніе — съ такихъ головъ и цѣловальниковъ «недоборовъ не править». Но что же это были за случаи?

Всѣ, какіе намъ попадались въ архивныхъ дѣлахъ и печатныхъ памятникахъ, почти исключительно сводятся къ одному — «мірской скудости», которая происходила «отъ хлѣбныя дороговли» или «хлѣбнаго недороду», съ чѣмъ въ связи часто указывается и на «торжишка малые» у населенія, которое поставляло питуховъ царскому кабаку. Московское правительство и въ этихъ случаяхъ туго сдавалось, неохотно отказывалось отъ своихъ доходовъ, не скоро рѣшалось ихъ «изъ докладу выложить»; оно обыкновенно на особенно убѣдительныя и настойчивыя челобитныя головъ отвѣчало постановленіемъ произвести о челобитчикахъ «сыскъ», да и этимъ постановленіемъ не всегда отвѣчало на первую челобитную, на каковую обыкновенно отвѣчало, какъ мы видѣли, рѣшеніемъ: «недоборъ править на немъ головѣ» или на выборныхъ людяхъ — вдвое. Исчерпавъ только всѣ средства [3]), оно обращалось, какъ бы для очищенія совѣсти, къ сыску «про кабацкій недоборъ», не совершился ли онъ нерадѣньемъ головы съ цѣловальниками: «Не пили-ль они и не бражничали-ль... кабацкими деньгами не корыстовались ли?» Поставивъ рядъ такихъ и подобныхъ вопросовъ, правительство приглашало отвѣтить на нихъ «весь посадъ и уѣздъ, архимандритовъ и игуменовъ, и протопоповъ и дьяконовъ по священству, а посадскихъ и уѣздныхъ всякихъ людей по государеву крестному цѣлованью»; и въ томъ случаѣ, когда такой повальный обыскъ давалъ въ результатѣ одинъ общій отвѣтъ, что за головой и цѣловальниками духовенство,

---

[1]) „Акты историч.“, т. V, № 10.

[2]) *Тамъ-же.*

[3]) Мы наткнулись въ архивныхъ дѣлахъ на такой казусъ: Двинскій воевода доноситъ, что цѣловальникъ съ одного кабака сбѣжалъ, не внесши 40 слишкомъ рублей кабацкихъ денегъ, а получить ихъ съ крестьянъ, его выбравшихъ, нельзя, ибо „розбрелися въ рознь“. Изъ Москвы велятъ доправить деньги — „на женѣ и на дѣтяхъ“ цѣловальника, „а будетъ не можно — *на выборныхъ*“, которые „розбрелися“ уже!

посадскіе и крестьяне не знаютъ «никакого дурна», слѣдовалъ, по докладѣ всего дѣла царю, уже указанный нами отвѣтъ: недоборъ не доправлять [1]).

Головы иногда добивались отпущенія имъ недобора въ посадскихъ (городскихъ) кабакахъ, ссылаясь на общее «оскуданіе» населенія указаніемъ на очень любопытное обстоятельство: главными «питухами» въ посадскихъ кабакахъ были служилые люди, числомъ которыхъ обусловливались и кабацкіе государевы доходы. Намъ встрѣтилось нѣсколько кабацкихъ дѣлъ, въ коихъ недоборы объясняются, въ связи съ оскуданіемъ всего населенія, именно этимъ обстоятельствомъ. Такъ, вяземскій кабацкій голова доноситъ въ 1637 году, что у него въ этомъ году оказался, сравнительно съ прошлымъ, недоборъ по городскому кабаку потому, что въ прошломъ году «было въ Вязьмѣ многимъ всякимъ людямъ *осадное сидѣнье* и *потеря у нихъ въ тѣ поры была великая;* а въ нынѣшнемъ году изъ Вязьмы многіе люди посланы на государеву службу въ Одоевъ и *тѣ люди въ Вязьмѣ на кабаки и питухи были*». Въ томъ же году и въ Можайскѣ былъ недоборъ—потому, что никакихъ «прибылыхъ» людей въ городѣ не было, а «*служилыхъ* людей убыло»: посланы на государеву службу въ другіе города; «а которые въ Можайску люди небольшіе и тѣ отъ хлѣбные дорожали оскудали, и на кабакѣ было пить некому» [2]).

Чѣмъ ближе къ концу семнадцатаго столѣтія, тѣмъ случаи, такъ сказать, *прощаемаго* недобора кабацкаго чаще и чаще, хотя всякій разъ сопровождались длинною процедурой сыска, и кончилось тѣмъ, что издано было, какъ общее правило, постановленіе, что если «за вѣрными» кабацкими людьми «никакого дурна» не окажется,—недоборовъ съ нихъ не править уже въ силу того обстоятельства, что они стоятъ у дѣла *на вѣрѣ*, за крестнымъ цѣлованіемъ. Несомнѣнно, другого исхода и быть не могло: всѣ сыски вели къ одному концу — «дурна» никакого никогда за кабацкими дѣятелями не оказывалось; взыскивать недоборы на «выборныхъ», т. е. избирателяхъ, очевидно, стало рѣдко возможнымъ за ихъ оскуданіемъ. Приходилось *вѣрить* этимъ дѣятелямъ, которые чинили недоборъ дѣйствительно лишь въ томъ случаѣ, когда никакія уже средства ни къ чему не вели: взять было или не съ кого, или нечего. Мы видѣли, къ какимъ средствамъ прибѣгали головы и цѣловальники. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ эти выборныя *земскія* должности избирались люди съ самой беззастѣнчивою совѣстью, способные на все. Не даромъ же «цѣловальникъ» до нашего времени — времени уничтоженія откуповъ — былъ синонимомъ продувной шельмы. Это значеніе цѣловальникъ получилъ чуть не съ момента возникновенія царскаго кабака. Въ послѣдней четверти XVII вѣка въ средѣ московскихъ властей явилась даже мысль не приводить выборныхъ кабац-

---

[1]) Все дѣлопроизводство по такимъ сыскамъ достигало обыкновенно очень почтенныхъ размѣровъ еще прежде, чѣмъ попадало въ Москву; здѣсь, для доклада царю, въ приказахъ подбиралась къ каждому дѣлу куча дѣлъ *примѣрныхъ*, въ коихъ при таковыхъ же условіяхъ послѣдовало въ свое время отпущеніе недоборовъ цѣловальникамъ. Вотъ въ этихъ-то *примѣрныхъ* дѣлахъ и фигурируетъ вездѣ „хлѣбная дороговля“ и разоренье.

[2]) Изъ „Приказныхъ дѣлъ“ архива мин. иностр. дѣлъ. Въ 1639 году кабацкій голова г. Устюга билъ челомъ, что у него недоборъ учинился потому, что „стрѣльцы и всякіе люди... держатъ у себя табакъ продажной безпрестани и *многіе люди кабацкаго питья не купятъ, а покупаютъ табакъ и напиваются имъ*“.

кихъ дѣятелей къ крестному цѣлованью — въ видахъ охраненія святости этого послѣдняго: до того «изворовались» цѣловавшіе крестъ въ *вѣрной* службѣ. На соборѣ 1679 года московскій патріархъ предлагалъ съ выборныхъ головъ и цѣловальниковъ на кабакахъ и кружечныхъ дворахъ не брать крестнаго цѣлованья, «къ вѣрѣ не приводить»; патріархъ всероссійской православной церкви, блюститель религіи и нравовъ московскаго государства, до того извѣрился въ доброкачественность послѣднихъ, что въ этомъ частомъ цѣлованіи креста видѣлъ однѣ ложныя клятвы и великое «душевредство». Онъ предлагалъ ограничиться одной денежною пеней и угрозой добирать все недобранное ворами — головами и цѣловальниками — съ избирателей. На два года крестное цѣлованіе и было отмѣнено, но «воровство многое» ни на волосъ не уменьшилось, и присяга снова была возстановлена [1]): бояре не убѣдились доводами патріарха и думали, что «*безъ подкрѣпленія вѣры опасно*»; въ этомъ подкрѣпленіи они все-таки видѣли нѣкую узду на православныхъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ московскаго государства.

Къ такому положенію вещей привела «казенная питейная монополія» московскаго государства съ ея земскими представителями. Иначе и быть не могло: ея исключительною цѣлью была государственная «прибыль», ради обезпеченія коей только и привлекались земскіе органы. Что оставалось дѣлать этимъ послѣднимъ при всеобщемъ оскуданіи?—Или разоряться самимъ, или разорять другихъ. Люди съ совѣстью, знавшіе цѣну клятвамъ передъ крестомъ, всячески старались избѣжать лестнаго довѣрія «міра» и московскаго государства; его съ легкимъ сердцемъ принимали на себя люди, не обремененные тяжкимъ грузомъ совѣсти. Результатъ—какой-то бѣшеный кабацкій грабежъ.

Въ заключеніе укажемъ еще на одну сторону кабацкаго строя московскаго государства — развитіе *корчемства*.

Прожектеры современной «казенной питейной монополіи», какъ одинъ изъ солидныхъ доводовъ въ пользу своего «прожекта», выдвигаютъ положеніе, что «казенная монополія устраняетъ корчемство» Можетъ-быть это и такъ, можетъ-быть *они* и изобрѣли какія-либо усовершенствованія и махинаціи въ своей системѣ, имѣющія повести къ такому благому результату; но *московское государство*, потратившее на изобрѣтеніе средствъ къ достиженію таковой цѣли не мало изобрѣтательности, силъ, денегъ и батоговъ, потратило все это напрасно: корчемство царило обокъ съ кабакомъ, нанося огромный ущербъ «прибылямъ» московскаго государства, развращая и разоряя народъ. Другого результата и получиться не могло: ради «прибылей» въ царскомъ кабакѣ вино продавалось по такимъ высокимъ цѣнамъ, сравнительно съ его стоимостью, что соблазнъ корчемства былъ болѣе чѣмъ великъ [2]).

Москва выбивалась изъ силъ въ борьбѣ съ корчемствомъ. Прежде всего при организаціи самого кабака были приняты мѣры противъ корчемства: во-первыхъ, на кабакахъ должны были вестись «книги», въ которыхъ точно

---

[1]) *Прыжовъ*, стр. 74.

[2]) „Какую выгоду получала казна отъ вина,—говоритъ покойный Соловьевъ, — видно изъ того, что ведро вина въ 1674 году стоило 20 алтынъ, а продавалось по рублю“, въ раздробь же доходило *до двухъ* рублей. „Исторія Россіи“, т. XIII, стр. 109.

записывалось, кому и для чего продано вино въ количествѣ ведра и больше, причемъ покупщику выдавалось удостовѣреніе («память») «на то вино... къ которому дни или на свадьбу или на крестины и на сколько дней... *для того, чтобы сверхъ того не купилъ кто корчемнаго питья*»; во вторыхъ, головы и цѣловальники сами должны были слѣдить за корчемствомъ, для «выимки» котораго (захвата съ поличнымъ), мы видѣли, они имѣли право требовать отъ воеводъ вооруженную силу. Дальше, правительство изобрѣтало всевозможныя наказанія для корчемниковъ, начиная съ пени и кончая смертною казнью, притомъ наказаніямъ этимъ иногда подвергались какъ производители и продавцы корчемнаго вина, такъ и его потребители—«питухи». И тѣхъ и другихъ били рублемъ, били и дубьемъ. Кромѣ пени, «торговой казни» или ссылкѣ въ Сибирь предшествовало отобраніе имущества у корчемниковъ. У тайныхъ винокуровъ вино, запасы и вся посуда отбирались на государя; у служилыхъ людей, привозившихъ изъ уѣздовъ (изъ своихъ имѣній) вино въ Москву тайно, для продажи, отбирались «за ту вину» вотчины и помѣстья, которыя приказано было «роздавать въ роздачу челобитчикамъ», т. е. доносчикамъ. Если въ корчемствѣ попадались крестьяне, имъ предписывалось «сѣчь руки», а потомъ «ссылать въ Сибирь»; если корчемниками оказывались дворцовые крестьяне, торговые люди, у нихъ «дворы и животы» отбирались «на государя», а ихъ самихъ, послѣ «торговой казни», отправляли въ Сибирь. Даже «и тѣмъ людемъ быть въ наказаньѣ и въ ссылкѣ» полагалось, «кто съ неявленнымъ виномъ (къ себѣ) во дворъ пуститъ» [1]). И все-таки ничего не помогало. Корчемствомъ, чуть ли не главнымъ образомъ, занимались именно тѣ, кому было поручено наблюдать за нимъ. Какъ это ни странно, имъ часто промышляли тѣ самые кабацкіе головы и цѣловальники, коимъ поручены были царскіе кабаки. Мы не говоримъ уже о такомъ корчемномъ воровствѣ, какъ подмѣшиваніе воды въ вино или продажа его въ не указанное время [2]),—часто головы продавали вино помимо завѣдываемаго ими царскаго кабака; тѣ стрѣльцы и солдаты, съ вооруженною помощью которыхъ головы должны были производить корчемныя выимки, сплошь и къ ряду не только этимъ выимкамъ не содѣйствовали, а прямо противодѣйствовали имъ, защищая корчемниковъ и сами обращаясь въ нихъ. Мы уже видѣли, что они разносили кабаки и били цѣловальниковъ, когда эти кабаки были закрыты по закону 1652 года. Въ той же жалобѣ головы кабацкаго указывается, что «солдатскаго строя служилые люди приходятъ на кружечный дворъ и продаютъ вино изъ флягъ въ чарки явно», когда эти дворы заперты «въ запрещенные дни». Въ 1614 году бѣлозерскій кабацкій голова доносилъ въ Москву, что стрѣльцы занимаются корчемствомъ: «какъ пріѣхалъ на Бѣло-озеро стрѣлецкій голова Иванъ Ушаковъ и онъ далъ стрѣльцамъ волю въ городѣ держать продажное питье, и ему (кабацкому головѣ) *тѣ стрѣльцы*

---

[1]) „Доп. къ Акт. Истор.", т. IV, № 62; т. V, № 40; т. III, № 18. Отъ 1645 года до 1666 года.

[2]) Въ одномъ изъ указовъ царя Алексѣя Михайловича мы встрѣчаемся съ угрозой головамъ и цѣловальникамъ за торговлю виномъ въ дни запрещенные закономъ 1652 года отбирать дворы и животы и ссылать въ Сибирь; Сибирью же и отобраніемъ помѣстій грозятъ и воеводамъ, не усмотрѣвшимъ такого корчемства.

чинятца сильны, вынимать у себя того продажняго *питья не дають»* [1]). У Соловьева разсказанъ случай столкновенія—въ концѣ XVII ст.—изъ-за корчемства стрѣльцовъ съ солдатами въ самой Москвѣ, — столкновенія, перешедшаго почти въ правильный вооруженный бой, въ которомъ на одной сторонѣ было 800 человѣкъ, на другой — 1,300; стрѣльцы явились съ приказнымъ подъячимъ сдѣлать выимку корчемнаго питья у солдатъ Нѣмецкой слободы, и тѣ защищались вооруженно [2]). Въ центрѣ Москвы, обокъ съ царскимъ дворцомъ, въ самомъ Кремлѣ, въ томъ самомъ приказѣ земскомъ, который вѣдалъ главнымъ образомъ тогдашнюю полицію, корчемство было организовано на самыхъ широкихъ началахъ. Въ подметномъ письмѣ на имя царя разсказывалось, что въ земскомъ дворѣ собрались многіе воры изъ ссылокъ, бѣглые солдаты [3])... *«торгуютъ виномъ* и табакомъ... вино продаютъ въ чарки, въ ковши и въ скляницы и подъ заклады даютъ, а заклады принимаютъ таишные и розбойные и сами пьяныхъ грабятъ». Эти корчемники организовались въ правильныя артели, между членами коихъ и дѣлилась корчемная прибыль, которая съ вина и табаку, по словамъ автора письма, «сходитца на мѣсяцъ рублевъ по тысячѣ и больши». А земскаго приказа «*начальные люди* про то ихъ воровство право вѣдаютъ, да покрываютъ, потому что они и *съ ними во всемъ дѣлятца»* [4]). Начальные люди не одного земскаго приказа прикрывали корчемниковъ,—изъ того же самаго дѣянія извлекали выгоды начальные люди и другихъ приказовъ, какъ оказалось въ концѣ XVII вѣка. Если у правительства не было силъ бороться съ корчемствомъ въ самой Москвѣ, въ средоточіи всяческихъ властей, то что же происходило «въ городахъ», гдѣ все вѣдали, въ качествѣ представителей высшаго надзора, воеводы, получавшіе, какъ мы видѣли, солидные кормы съ кабаковъ и заботившіеся по преимуществу объ этихъ «кормахъ»? О происходившемъ можно догадываться уже изъ того факта, что сплошь и къ ряду воеводы устранялись отъ завѣдыванья кабаковъ царскихъ и для этого изъ Москвы высылались особые люди, или, напримѣръ, изъ того, что правительство само заявляло о покровительствѣ воеводами корчемниковъ и грозило имъ въ случаѣ такого ихъ «для своей бездѣльной корысти» поведенія всякими карами. Воеводы шли даже и дальше простого покровительства корчемству: *они занимались имъ и сами*; на это есть указанія относительно сибирскихъ воеводъ, которые, имѣя право везти съ собою изъ Москвы опредѣленное количество питій на свой обиходъ, «возятъ съ собою, — какъ говоритъ царская грамота 1680 года, — многіе вина и меды... *для торговли»* [5]). Для производства этой торговли воеводы, подъ надзоромъ своихъ родственниковъ, устраивали

---

[1]) „Акты Историч.“, т. III, № 44.

[2]) „Исторія Россіи“, т. XIII, стр. 222.

[3]) Эти бѣглые всякаго рода состояли главнымъ образомъ въ *метельщикахъ*, счищавшихъ улицы во время царскихъ выходовъ.

[4]) *Прыжовъ*, стр. 91 и 92.

[5]) „Акты Историч.“, т. V, № 51, II. Грамота предписываетъ верхотурскимъ воеводѣ и кабацкому головѣ отбирать у проѣзжающихъ въ Сибирь воеводъ такое *лишнее* вино и за упущенія въ этомъ случаѣ грозитъ воеводѣ опалой, а кабацкому головѣ „раззореніемъ и казнью безо всякой пощады“. По этому уже можно судить, какъ развито было *воеводское корчемство*.

открыто кабаки, на которыхъ торговля производилась, какъ и на царскихъ, съ закладомъ, боемъ, грабежомъ и т. д. [1]).

А какая масса труда и денегъ затрачивалась на борьбу съ корчемствомъ!

Итакъ, разоренный войнами и всякими поборами, народъ московскаго государства еще пуще разорялся царскимъ кабакомъ. Само московское государство, въ значительной степени жившее доходами съ питей, теряло солидную долю этихъ доходовъ благодаря такому разоренію народному и корчемству, которое опять-таки разоряло нашъ же народъ. Гдѣ же причина такого положенія?—Мы не беремся отвѣчать сами на этотъ вопросъ; ограничимся тѣмъ отвѣтомъ на него, который дали въ XVII столѣтіи лучшіе люди московскаго государства, хотя, правда, и зараженные обаяніями уже и тогда, по мнѣнію москвичей, погибшаго Запада. Извѣстный Юрій Крыжаничъ, будучи уже въ Сибири, писалъ о пьянствѣ на Руси. По его словамъ, можно обойти весь свѣтъ широкій «и нигдѣ не найти такого мерзкаго, гнуснаго и страшнаго пьянства, яко на Руси». И причину этого страшнаго зла московскаго государства, такъ поразившаго ученаго серба, онъ видитъ главнымъ образомъ въ «самоторжіи», царскомъ кабакѣ: «а тому причина есть корчемное самоторжіе или кабаки». И объясняетъ онъ это такъ: кромѣ царскаго кабака, вина нигдѣ достать нельзя и выпить его негдѣ, кромѣ того же кабака, который хуже свиного хлѣва и питье на которомъ, продаваемое по бѣсовски-дорогой цѣнѣ, хуже помой; да и эти *адскіе кабаки* не подъ руками у народа, почему люди, дорвавшись до питья, дѣлаются «жадны, безстыдны и почти бѣшены»: какую посудину ни подай, «они считаютъ за заповѣдь божію и государеву выпить ее въ одинъ духъ». Если,— говоритъ онъ,—иногда и варилось вино съ приказнаго позволенія дома, то въ этомъ позволеніи предписывалось выпить свареное «въ три или четыре дня», отсюда — и упиваются черезъ силу. «Всія злости и неподобія,— восклицаетъ Крыжаничъ въ заключеніе,—и грѣхоты, и тщеты постуды всего народа исходятъ изъ проклятаго корчемнаго самоторжія!» [2]). Ту же самую мысль поддерживалъ и знаменитый любимецъ царя Алексѣя Михайловича — Ординъ-Нащокинъ. Онъ также все зло видѣлъ въ царскомъ кабакѣ, въ замѣнъ котораго предлагалъ вольную продажу вина съ уплатой въ пользу казны извѣстнаго процента съ вырученной отъ продажи суммы. Онъ даже, будучи воеводой во Псковѣ, добился введенія своей системы въ этомъ городѣ, гдѣ она и примѣнялась въ теченіе... *двухъ лѣтъ*. Смѣнившій его Хованскій, великій радѣтель московскихъ порядковъ, истребилъ это «новшество», возстановивъ царскій кабакъ на откупу.

Оригинально объяснялъ авторъ неудавшейся реформы питейнаго дѣла привязанность Москвы къ царскому кабаку въ одномъ изъ своихъ писемъ къ царю: «На Москвѣ нерадятъ о государевыхъ дѣлахъ эй дурно. Царь, *думные дьяки* занимаются хитростями и *кружечными* дѣлами».

---

[1]) *Соловьевъ:* „Истор. Россіи“, т. IX, стр. 401.

[2]) Мы цитировали Крыжанича по Прыжову, стр. 115 и 116.

Предоставляемъ читателю рѣшить, взводилъ ли въ данномъ случаѣ пылкій новаторъ напраслину на царскихъ совѣтныхъ людей, или говорилъ правду.

Прошло больше двухъ сотъ лѣтъ, а кабацкій вопросъ остается все тѣмъ же вопросомъ, и рѣшить его норовятъ все такъ же. Неужели теорія итальянца Вико о круговращеніи въ исторіи примѣнима и къ россійскому кабаку? Прошло болѣе двухъ сотъ лѣтъ, и снова хотятъ вернуться вспять къ кабацкому «самоторжію», проклятому лучшими людьми московскаго государства.

И теперь, какъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, хотятъ изъ кабака извлекать возможно больше на нужды государства, и теперь, какъ тогда, *только въ немъ самомъ*, въ его организаціи хотятъ видѣть альфу и омегу зла и добра народнаго.

Правда, недавно какія-то губернскія коммиссіи, большинство, указали, какъ на причину пьянства, на невѣжество народа и его экономическое положеніе. Но это, очевидно, зараженные «вѣяніями», плохіе «патріоты своего отечества»,— настоящіе же думаютъ чуть не обновить отечество возстановленіемъ чего-то вродѣ царскаго кабака московскаго государства.

Когда и почему возникла рознь въ Россіи между „командующими классами“ и „народомъ“ [1].

L'âge d'or du genre humain n'est point derrière nous, il est au devant; il est dans la perfection de l'ordre social...

Въ концѣ мая нынѣшняго года съ каѳедры старѣйшаго изъ нашихъ университетовъ, чествуемый всею просвѣщенною Россіей, маститый хирургъ нашъ Н. И. Пироговъ говорилъ, обращаясь къ своимъ многочисленнымъ слушателямъ, между прочимъ слѣдующее: «Относясь болѣе объективно къ прошлому и къ настоящему, я не могу не отдать предпочтенія послѣднему... Вы видите передъ собой человѣка *прошлаго* времени, стоящаго въ дверяхъ вѣчности, который смѣло воодушевляетъ васъ надеждою и провозглашаетъ благоденствіе будущему, въ твердомъ упованіи, что Россія... пойдетъ по тому великому пути, который открытъ для нея безсмертными дѣлами Царя-Освободителя». Это говорилъ человѣкъ науки и вмѣстѣ практической дѣятельности въ истинномъ смыслѣ этихъ словъ, — человѣкъ, посвящавшій себя тому и другому въ теченіе періода времени большаго чѣмъ полстолѣтіе. Періодъ времени, думаемъ, достаточный для того, чтобы человѣкъ, одаренный недюжиннымъ умомъ, вооруженный научными знаніями, могъ, наблюдая ходъ общественно-государственной жизни, въ которой онъ притомъ принималъ живое участіе, придти къ болѣе или менѣе вѣрному воззрѣнію на развитіе, теченіе этой жизни. Такой человѣкъ пришелъ, какъ мы видимъ, къ взгляду совершенно тожественному съ тѣмъ, который высказывается въ выписанномъ нами эпиграфѣ однимъ изъ западно-европейскихъ мыслителей.

Мы выбрали данный эпиграфъ и привели мѣсто изъ рѣчи Пирогова никакъ, разумѣется, не потому, чтобы въ нихъ заключалось что-либо новое, доселѣ неизвѣстное: мысль въ нихъ высказанная — мысль давно извѣстная, ставшая давно азбучною истиной. Мы остановились на ней въ данномъ случаѣ потому,

[1] Выраженія газеты *Русь*.

что она высказана была при такой, не совсѣмъ обыкновенной на Руси, обстановкѣ и такимъ далеко незауряднымъ въ нашемъ отечествѣ человѣкомъ; этого объясненія, разумѣется, мало для того, чтобы занимать вниманіе читателя истинами въ родѣ той, что дважды два — четыре. Маститый юбиляръ, смѣемъ думать, занималъ высказанною имъ мыслью вниманіе своихъ слушателей, разумѣется, не потому только, что онъ долженъ былъ сказать этимъ слушателямъ что бы то ни было; это въ особенности нужно сказать о заключительныхъ словахъ его рѣчи. И мы приводимъ эти слова человѣка, жизнь котораго, какъ мы уже сказали, цѣлое полстолѣтіе посвящена была наукѣ и практической общественной дѣятельности, не потому только, что имѣемъ возможность занять нѣсколько страницъ печатнаго журнала.

Дѣло въ томъ, что уже не мало лѣтъ въ средѣ нашей, такъ не обильной органами печати, нѣкоторыми изъ ея представителей высказываются и развиваются мысли діаметрально-противоположныя той, на которую мы только-что указали. Вооружившись храбростью, достойною лучшаго дѣла, эти представители печати, съ легкимъ сердцемъ, «ничтоже сумняшеся», проповѣдують необходимость возвращенія нашего отечества вспять, — возвращенія его къ тому строю общественно-государственной жизни, который имѣлъ въ немъ мѣсто два столѣтія назадъ. Въ томъ далекомъ прошломъ, въ основныхъ началахъ, на которыхъ покоилось это прошлое, они видятъ единственное условіе, средство исцѣленія всѣхъ золъ и недуговъ настоящаго и его развитія въ блестящее будущее. Эти просвѣщенные публицисты стараются убѣдить своихъ читателей, что l'âge d'or если не всего человѣчества, — на это пока они еще не рискуютъ, — по крайней мѣрѣ той составной части его, которая олицетворяется нашимъ обширнымъ отечествомъ, лежитъ не впереди насъ, а сзади; что этотъ золотой вѣкъ — не «въ *усовершенствованіи* общественнаго строя», а въ такой его передѣлкѣ, которая двинула бы этотъ строй на нѣсколько вѣковъ назадъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одинъ изъ этихъ представителей печати, проповѣдуя одинъ изъ своихъ проэктовъ исцѣленія русскаго государства отъ постигшихъ его несчастій — перенесеніе столицы изъ Петербурга въ Москву, торжественно восклицалъ: «пора *домой!* Пора покончить съ *петербургскимъ періодомъ нашей исторіи*, со всѣми кровавыми преданіями переворотовъ, измѣнъ, крамолъ XVIII и XIX вѣка» [1]). Другими словами, если не весь русскій народъ, то та часть его, которая обыкновенно называется обществомъ, вотъ уже почти два столѣтія какъ сбѣжала *изъ дому*, находится въ бѣгахъ, отрѣшившись отъ всѣхъ началъ этого *дома*. А подъ домомъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть никакъ не Москву только, какъ опредѣленный географическій пунктъ, а всю совокупность того строя, который олицетворялся этимъ городомъ до XVIII столѣтія. «Кровавые перевороты, измѣны и крамолы» періода времени, начиная съ конца XVII столѣтія—только результатъ этого нахожденія въ бѣгахъ русскаго общества и правительства, или, по выраженію публициста, «коман-

---

[1]) Настоящая цитата и всѣ дальнѣйшія, приводимыя нами съ цѣлью характеризовать взглядъ названныхъ публицистовъ, взяты изъ первыхъ *двадцати* нумеровъ газеты *Русь*. Мы ограничились этимъ количествомъ нумеровъ газеты потому, что въ дальнѣйшихъ только повторяются высказанныя въ первыхъ нумерахъ мысли.

дующихъ классовъ» вообще, отрѣшившихся отъ цѣлебныхъ спасительныхъ началъ своего «дома»,—началъ, олицетворявшихся всею внутреннею «порядней» такъ-называемаго московскаго государства. Весь этотъ періодъ времени, благодаря такой измѣнѣ этимъ спасительнымъ началамъ, — періодъ однихъ «кровавыхъ переворотовъ, измѣнъ и крамолъ», періодъ пагубной «розни» между этими «командующими» классами и *народомъ*, періодъ раздѣленія Россіи «на мужика и на барина, на бритыхъ и небритыхъ, битыхъ и бьющихъ». Это періодъ такого раздѣленія нашего злосчастнаго отечества на двѣ половины, въ которомъ «на одной сторонѣ—теорія, абстракція, сочинительство, публика, чиновники-либералы, интеллигенція (та, которая сама себя величаетъ такою кличкою); все это и всѣ они вмѣстѣ состоятъ въ господахъ, въ привилегированныхъ, власть имѣющихъ. На другой сторонѣ — народъ и *та часть общества, которая съ нимъ едина сердцемъ и духомъ»* (т. е. публицистъ и его читатели-сторонники). Страшный періодъ, очевидно, незнакомый Руси до XVIII столѣтія,— періодъ тяжелаго, безпощаднаго угнетенія народа теоріей, сочинительствомъ, интеллигенціей, — періодъ «искаженія всѣхъ отправленій нашего государственнаго организма», — періодъ «ослабленія живаго творчества духовныхъ началъ, таящихся въ глубинѣ народнаго духа». Спасеніе, избавленіе отъ всѣхъ язвъ этого страшнаго періода — въ одномъ: въ уничтоженіи «розни» между командующими классами и народомъ, въ сліяніи съ этимъ послѣднимъ, въ усвоеніи этими классами того «живаго творчества духовныхъ началъ», которое таится въ глубинѣ народнаго «духа». Здѣсь, въ этомъ сліяніи съ народомъ, въ этомъ проникновеніи «духомъ» послѣдняго всѣхъ командующихъ классовъ, спасеніе нашего отечества лежитъ потому, что въ этомъ народѣ, и только въ немъ одномъ, не исчезли «отеческія преданія», благодаря коимъ такъ прочно, незыблемо, такъ заманчиво-стройно стоялъ весь общественно-государственный порядокъ Руси до XVIII столѣтія вообще и ея «правительственный организмъ» въ частности: «народъ пребылъ и пребываетъ этимъ преданіямъ вѣренъ». Слѣдовательно, спасеніе, въ концѣ концовъ, таится *въ возвращеніи къ тѣмъ временамъ, когда эти преданія были достояніемъ* не одного народа, но и *командующихъ* имъ *классовъ,* т. е. ко временамъ до XVIII столѣтія, къ его «идеаламъ», къ тѣмъ началамъ, на которыхъ покоился строй тогдашней общественной порядни, не страдавшей, въ противоположность XVIII и нашему столѣтіямъ, ни «рознью земли и государства», ни крамолами, ни кровавыми измѣнами. Золотой вѣкъ не впереди насъ, а за нами!

Этотъ по-истинѣ великій абсурдъ утверждается храбрыми публицистами на основаніи той, несомнѣнной въ ихъ глазахъ, *истины,* что *теперь* хуже, чѣмъ *тогда.* Эту несомнѣнную истину они не считаютъ нужнымъ и доказывать, — они принимаютъ ее за аксіому, не требующую никакихъ доказательствъ. Они останавливаются лишь на томъ, чтобы доказать, *почему* это такъ, *почему теперь хуже, чѣмъ тогда.* На этотъ пунктъ они направляютъ всѣ свои силы, по той причинѣ, что въ отвѣтѣ на свое *почему* не сомнѣваются видѣть указаніе на тѣ условія общественно-государственной жизни, въ *устраненіи*, или, лучше, *истребленіи* коихъ лежитъ исцѣленіе этой жизни отъ всѣхъ разъѣдающихъ ее язвъ, отъ всѣхъ угнетающихъ ее недуговъ.

Докажи они, что указываемыя ими явленія жизни послѣднихъ двухъ столѣтій — дѣйствительно причина язвъ и недуговъ общественной жизни этихъ двухъ столѣтій, они тѣмъ самымъ докажутъ необходимость истребленія этихъ явленій, изгнанія ихъ изъ жизни. А они къ этому только и стремятся. На бѣду ихъ, они ограничиваются простымъ отвѣтомъ на поставленный ими вопросъ, простымъ утвержденіемъ, что причина золъ — въ такихъ-то факторахъ, явленіяхъ жизни, и только. Доказательству же, почему именно *эти* факторы, *эти* явленія, а не какіе-либо другіе, причиняютъ зло, ведутъ государство и общество по пути погибели, наши публицисты-патріоты не считаютъ нужнымъ посвятить какую-либо часть своихъ силъ, своихъ знаній, талантовъ, своего времени, такъ дорогихъ любимому ими отечеству.

Гдѣ же, въ чемъ таятся эти грозныя явленія? Всякій усердный читатель многошумящихъ и широковѣщательныхъ, хотя и очень туманныхъ, писаній этихъ публицистовъ могъ бы видѣть отвѣтъ на поставленный вопросъ уже въ одномъ, съ необычнымъ упорствомъ къ дѣлу и не къ дѣлу повторяемомъ, заявленіи публицистовъ, что зло началось около *двухъ вѣковъ* назадъ, что оно — «порожденіе *петербургскаго* періода нашей исторіи», «реформъ Петра». Но публицисты-нелибералы боятся предоставить читателя самому себѣ въ разрѣшеніи такого важнаго вопроса, какъ вопросъ о томъ, почему такой царь, какъ Петръ, долженъ считаться виновникомъ бѣгства московской Руси изъ своего «дома», виновникомъ забвенія ею всѣхъ благъ и удобствъ, доставленныхъ ей этимъ домомъ, такъ долго, цѣлыми вѣками, созидаемымъ и устраиваемымъ. Они, вооружившись всею властностью своего привилегированнаго положенія, мудро и категорически отвѣчаютъ на этотъ вопросъ сами.

Причину гибельнаго вступленія Россіи на страшный путь «кровавыхъ измѣнъ и крамолы» публицисты, «единые сердцемъ и духомъ» съ народомъ, видятъ не въ чемъ иномъ, какъ въ тѣхъ дѣяніяхъ царя-революціонера, которыя направлены къ тому, чтобы прорубить изъ душнаго «дома» московской Руси пресловутое окно въ Европу. Они видятъ эту причину именно въ томъ, что, быть-можетъ, одно и составляетъ величайшую изъ заслугъ Петра: они видятъ ее въ тѣхъ лучахъ свѣта, которымъ энергическій царь, посредствомъ прорубленнаго имъ окна, далъ доступъ въ мрачную среду московской жизни, — они видятъ причину золъ въ тѣхъ знаніяхъ, въ тѣхъ научныхъ истинахъ тогдашней Европы, которыя, указаннымъ путемъ, при сильномъ содѣйствіи царя, начали проникать въ извѣстную среду общества XVIII ст. и, хотя медленно и туго, развиваться въ этой средѣ. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Аксаковъ, въ своей извѣстной рѣчи, за которую понесли кару, напечатавши ее, *Московскія Вѣдомости*, высказывалъ, — правда, въ достаточной степени туманно, — этотъ взглядъ на дѣло; уже въ этой рѣчи высказывалось, что русскій народъ «*болѣе вѣка* подвергался мучительной пыткѣ обезличенья на всѣ возможные лады *иностранные*», что «предательство истинныхъ интересовъ Россіи» всегда имѣло и *будетъ имѣть* мѣсто, благодаря «*умственному и нравственному раболѣпству передъ западною Европой*» и что это «предательство *на всѣхъ путяхъ* исторической жизни Россіи» лишь тогда перестанетъ имѣть мѣсто, когда исчезнетъ указанное раболѣпство, когда высшіе классы, «интеллигенція»,

исключительно имъ зараженные, будутъ захвачены «волною народнаго самосознанія» и переродятся подъ вліяніемъ «сущности *русской* народности, сохранившейся въ низшихъ слояхъ». Говоря просто, спасеніе настанетъ тогда, когда извѣстная часть общества, зараженная западно-европейскими началами науки и нравственности, очистится отъ этой заразы путемъ обращенія къ «духовной сущности *низшихъ* слоевъ», — сущности, бывшей общей характеристическою чертой *всѣхъ* слоевъ населенія московской Руси; иными словами — Россія обновится и преобразится, избавившись отъ «предательствъ и измѣнъ», только по возвращеніи къ умственнымъ и нравственнымъ началамъ попа Сильвестра. Тотъ же г. Аксаковъ выразилъ ту же мысль въ своей рѣчи, произнесенной 22 марта настоящаго года въ Славянскомъ благотворительномъ обществѣ, сказавъ, что «горсть злодѣевъ, одержимыхъ демономъ разрушенія», есть «продуктъ той *духовной измѣны*, того отступничества отъ народности, въ которомъ повинны болѣе или менѣе мы всѣ, *такъ называемая интеллигенція*. Есть ли они что иное, какъ логическое, крайнее выраженіе того самаго западничества, которымъ уже *со временъ Петра* снѣдаемо, какъ недугомъ, и наше правительство, и наше общество». Въ одной изъ статей *Руси* эта мысль высказывается уже такъ ясно и беззастѣнчиво: «переходъ отъ народнаго *непосредственнаго* бытія (то-есть отъ началъ общественно-государственнаго строя московскаго государства) *на чреду образаванности* пріобрѣтается у насъ *большею частью* (къ чему это ограниченіе?) *цѣною нравственнаго паденія*». Трудно выразиться яснѣе: въ *образованности*, и только въ ней, занесенной къ намъ губителемъ Петромъ, занесенной изъ Европы, — причина всѣхъ золъ; только въ ней, въ этой образованности, лежитъ причина того гнета, коему подвержены «массы народа», который, по выраженію публициста-патріота, не зараженнаго «образованностью», безпощадно «*угнетается* его (народа) *интеллигенціею духовно*». Только благодаря этой страшной заразѣ свѣтомъ знанія, науки, — всѣ мы, наше отечество, обрекаемся на печальную будущность застоя, а быть можетъ и скорой гибели. «Можно ли, — восклицаетъ публицистъ, — ожидать правильнаго плодотворнаго развитія страны тамъ, гдѣ массы народа угнетены ея интеллигенціею *духовно?*» «Можно ли ждать этого развитія тамъ, гдѣ эти «массы» и «интеллигенція, — говоритъ тотъ же патріотъ, — не одному Богу молятся, не одному нравственному идеалу служатъ?» — Разумѣется, нѣтъ. Не очнись эта злосчастная «интеллигенція», не «облекись» она въ «духовную сущность» массъ, она... погибла: «онъ молчитъ, народъ великій, молчитъ и думаетъ свою думу»...

«Это не угроза, а предостереженіе» — такъ заключаетъ публицистъ одну изъ своихъ статей.

Ясно ли? Нужно ли еще останавливаться на утвержденіи, что, по увѣренію привилегированныхъ публицистовъ, *все*—и всякія «хищенія» и неправды «правящихъ», въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и всякія раззоренія и опустошенія, причиняемыя «массамъ» разными Колупаевыми, Разуваевыми, Деруновыми и Фишерами,—*все*, повторяемъ, въ томъ, что злополучная интеллигенція, т. е. ученые, писатели, публицисты, а за ними и чиновники-либералы кошмаромъ висятъ надъ массами, вѣроятно, мѣшая имъ познать, уразумѣть этихъ дѣятелей. Отрекись эта интеллигенція отъ своего «нравственнаго идеала», отъ своей

«духовной личности»,—отдайся она вся, по выраженію сатирика, «установленнымъ тѣлеснымъ упражненіямъ, насыщенію, перевариванью», и на отечественномъ горизонтѣ появится заря если не обновленія, то по крайней мѣрѣ сохраненія statu quo. Войди эта интеллигенція «въ единеніе съ народомъ», говоря языкомъ того же сатирика, «выбери проказу, лягь въ навозъ, ѣшь хлѣбъ, сдобренный лебедой, надѣнь рваный понитокъ и сожги книгу»—и всѣ «предательства, крамолы и измѣны» исчезнутъ передъ этимъ, не совращаемымъ «книгой», исчадіемъ Запада, и мирно питающимся своимъ хлѣбомъ съ лебедой народомъ, «яко исчезаетъ дымъ», и настанетъ царство «народной правды», охраняемой и питаемой Колупаевыми и Разуваевыми подъ эгидой той, «единой съ народомъ, сердцемъ и духомъ, части общества», едва ли не лучшимъ представителемъ которой служитъ современный урядникъ.

Если взглянуть на это «политическое ученіе» безотносительно, изъявъ его изъ условій времени, мѣста и т. д., то, несомнѣнно, оно покажется по меньшей мѣрѣ страннымъ и никоимъ образомъ не заслуживающимъ настолько вниманія, чтобъ имъ серьезно заниматься. Но если взглянуть на него съ относительной, *условной*, точки зрѣнія, если принять во вниманіе условія переживаемаго нами времени, то на дѣло придется взглянуть совсѣмъ иными глазами: то, что казалось незаслуживающимъ вниманія, сразу покажется болѣе чѣмъ серьезнымъ—страшнымъ—и прикуетъ къ себѣ сильное вниманіе. Не даромъ же нашъ талантливый сатирикъ такъ страстно подвергаетъ эту «теорію» бичамъ и скорпіонамъ своей безпощадной сатиры. Не даромъ же сатирикъ констатируетъ такой фактъ дерзости патріота-нелиберала, какъ стремленіе заставить самое солнце «свѣтить умѣреннѣе».

Дѣло въ томъ, что публицисты, проповѣдующіе изложенную теорію, занимаютъ сравнительно съ остальными собратьями своими по перу *особое привилегированное* положеніе, которое даетъ имъ возможность многое изъ своей теоріи обратить въ дѣйствительность и такимъ образомъ если не истребить, вырвать съ корнемъ ненавистные имъ плоды «раболѣпства» передъ Западомъ, то въ значительной степени содѣйствовать установленію тѣхъ препятствій или созданію тѣхъ мѣръ, которыя въ извѣстной степени тормозятъ ростъ и развитіе ихъ. Благодаря этому положенію, они если и не заставятъ солнце свѣтить умѣреннѣе, выражаясь языкомъ сатирика, то, боимся, заслонятъ своей «пожарною кишкой» другіе источники свѣта.

Не мало храбрости, думается намъ, придаетъ публицистамъ-патріотамъ и то обстоятельство, что знакомство съ исторіей родной страны вовсе не имѣетъ желательнаго распространенія среди нашего общества. Намъ кажется, именно это обстоятельство даетъ возможность храбрымъ публицистамъ съ апломбомъ самой высокой пробы ссылаться, въ своихъ высокаго стиля писаніяхъ, яко-бы на исторію, на нѣчто, имѣющее очень мало общаго съ этою послѣдней.

Въ нашей статьѣ мы будемъ имѣть въ виду главныя, основныя положенія изложенной «теоріи» нашихъ публицистовъ. Эти основныя положенія, мы видѣли, сводятся къ двумъ: 1) причина всѣхъ золъ переживаемаго нами времени — въ *духовной розни* «командующихъ» классовъ съ народомъ, во взаимномъ непониманіи этихъ двухъ «сторонъ» другъ другомъ; 2) причина же самой «розни»,

какъ это уже само собою вытекаетъ изъ того, что она окрещена эпитетомъ «духовной», лежитъ въ міровоззрѣніи командующихъ классовъ, заимствованномъ ими съ Запада. Отказавшись отъ всякихъ полемическихъ пріемовъ, мы будемъ держаться, насколько это возможно, пресловутой объективности въ нашемъ, чисто-историческомъ, изложеніи. Мы заглянемъ въ наше прошлое съ очень простою, незамысловатою цѣлью: разбираясь въ жизненныхъ явленіяхъ этого прошлаго, мы постараемся взглянуть на нихъ простымъ глазомъ, — глазомъ, невооруженнымъ никакими, измѣняющими наблюдаемыя явленія, орудіями. Мы посмотримъ, дѣйствительно ли въ нашемъ прошломъ — до XVIII вѣка — не существовало, какъ хотятъ увѣрить насъ, ни «розни духовной», ни крамолъ, ни измѣнъ, ни кровавыхъ переворотовъ: это — съ одной стороны; а съ другой — посмотримъ, кстати, дѣйствительно ли въ XVIII и нашемъ столѣтіяхъ между «командующими» классами и народомъ установилось такая рознь *духовная*, которая привела наше отечество къ его настоящему, печальному положенію. Нѣкоторыя соображенія о результатахъ такого безхитростнаго ознакомленія съ прошлымъ, или, лучше, простое сопоставленіе этихъ результатовъ, мы надѣемся, приведетъ насъ къ «подлинной» мысли, къ *настоящему* объясненію *той розни*, которая дѣйствительно существуетъ въ наше время, какъ существовала въ XVIII столѣтіи и гораздо раньше его, съ того момента, какъ появился, по сѣверно-русскому народному преданію, Юрикъ-Новоселъ съ его *дружиною*. Мы надѣемся придти къ заключенію, не имѣющему ничего общаго съ «политическою теоріей» публицистовъ-патріотовъ относительно *причинъ* розни и самаго характера, *сущности* ея, *обусловливаемой* этими *причинами*.

Нашъ очеркъ распадается на двѣ главы. Въ одной мы остановимся, такъ сказать, на сравненіи нашего времени, или лучше — *новаго* времени, какъ его приняли называть, начиная съ XVIII столѣтія, съ исконною стариной и ея порядковъ съ нашими по отношенію ко всѣмъ этимъ вопросамъ о розни, измѣнахъ и т. п. При этомъ мы главнымъ образомъ остановимся на излюбленныхъ нашими охранителями *московскихъ* порядкахъ, то-есть порядкахъ періода времени отъ XV до XVIII столѣтія. Во второй главѣ мы исключительно обратимъ вниманіе на вопросъ о *причинахъ* розни и ея *сущности*, и эта, вторая, глава никоимъ образомъ не будетъ носить характера измышленій, или размышленій на данную тему, а будетъ имѣть тотъ же историческій характеръ, какъ и первая.

Мы будемъ опираться на общеизвѣстные факты исторіи, хотя, разумѣется, не вошедшіе въ учебники, одобренные ученымъ комитетомъ.

I.

„Мы впали во всѣ злыя дѣла, въ лихвы и неправды... Всякъ отъ своего чину выше начаша восходити... Царемъ же играху яко дѣтищемъ и всякъ выше мѣры своея жалованія хотяша“ (*Авраамій Палицынъ*. Сказ. объ осадѣ Троицко-Сергіевскаго монастыря).

„Тогда княземъ и бояромъ, и вельможамъ, и судіямъ градскимъ, самоволіемъ объятымъ... не право судящимъ, но по мздѣ, и насильствующимъ людемъ... Тогда же во градѣхъ и селахъ неправда умножися, и восхищенія и обиды, татьбы и разбои умножишася, и буйства, и грабленія многа“ (*Никон. лѣтопись*).

Если читатель припомнитъ все то, что говорилось и говорится въ настоящее время *оффиціально*, въ разнаго рода правительственныхъ актахъ и распоряженіяхъ, и *неоффиціально*, въ различныхъ органахъ нашей ежедневной прессы — о всяческихъ «хищеніяхъ» и «неправдахъ», царящихъ въ средѣ современнаго общества и административныхъ сферъ, онъ, надѣемся, въ тирадахъ того и другаго происхожденія найдетъ не мало сходства, почти тожества, съ тѣмъ, что высказывается въ выписанныхъ нами. Тамъ и здѣсь идетъ рѣчь объ одномъ и томъ же, — тамъ и здѣсь констатируются тожественныя явленія извѣстнаго порядка общественно-государственной жизни, — тожественныя явленія на двухъ противоположныхъ полюсахъ эпохи, обнимающей собою цѣлыхъ *триста съ половиною лѣтъ:* свидѣтельство Никоновской лѣтописи относится ко времени малолѣтства Ивана Грознаго, то-есть къ тридцатымъ и началу сороковыхъ годовъ XVI столѣтія; Авраамій Палицынъ говоритъ о положеніи вещей въ самомъ началѣ XVII вѣка.

Еслибы, по «неисповѣдимымъ судьбамъ» исторіи-утѣшительницы, до насъ дошли отъ указаннаго времени только два приведенныя свидѣтельства, то и тогда, разумѣется, пришлось бы усомниться въ правдивости тѣхъ заманчивыхъ красокъ, коими расписываются порядки такъ-называемаго московскаго государства. Но могутъ замѣтить, что оба свидѣтельства относятся къ наиболѣе тяжелымъ, такъ-сказать, безгосударнымъ, временамъ. Это—правда; но безгосударное время, возразимъ мы, не съ неба же въ тѣ тяжкія времена падало, — были причины его появленія. Въ жизни народа, какъ и отдѣльнаго человѣка, настоящее чревато прошедшимъ и будущимъ. Истина банальная, но все-таки истина.

Это—во-первыхъ; а во-вторыхъ, приведенныя въ эпиграфѣ свидѣтельства лѣтописи и Авраамія Палицына—только первыя попавшіяся подъ руку. Такими свидѣтельствами кишатъ наши памятники, откуда ихъ можно, не стѣсняясь, черпать полною рукою, была бы охота.

Прежде чѣмъ приступить къ очерку XVI и XVII столѣтій, мы сдѣлаемъ попытку бѣгло заглянуть въ «глубь вѣковъ» болѣе далекихъ.

Если подъ «духовною рознью» разумѣть не вѣру только въ разныхъ бо-

говъ, а рознь всяческихъ интересовъ, включая и политическіе, — если къ характеризующимъ эту рознь фактамъ и явленіямъ отнести и всѣ тѣ, которые касаются отношеній отдѣльныхъ лицъ или группъ ихъ другъ къ другу, то эту рознь мы найдемъ куда раньше московской эпохи нашей исторіи. Мы найдемъ ее и въ предшествующій этой эпохѣ періодъ ея, мы найдемъ ее на первыхъ страничкахъ исторіи.

Рюрикъ нашей лѣтописи — «Юрикъ-Новоселъ» народнаго сказанія — со своею дружиной, состоявшею, согласно изслѣдованіямъ нашихъ авторитетнѣйшихъ историковъ, «изъ сброда» разношерстной вольницы, группировавшейся около князя, своего главы и предводителя, лишь съ цѣлью «грабежа и войнъ», явился въ средѣ славянскихъ племенъ не объединителемъ только, — его дружина-вольница внесла въ жизнь нашихъ предковъ, по утвержденію тѣхъ же авторитетовъ, въ значительной долѣ и элементъ розни въ указанномъ смыслѣ. Бродячій дружинникъ и осѣдлый земледѣлецъ не могли проникаться особенно прочно чувствомъ братскаго единства. А дружинникъ долго былъ представителемъ бродячаго элемента древней Руси, дольше даже, пожалуй, чѣмъ ея князь. Нашъ историкъ, С. М. Соловьевъ, совершенно справедливо говоритъ о дружинѣ за время XI — XIII столѣтій, что при неосѣдлости ей «трудно было вступить въ прочныя непосредственныя отношенія къ волостямъ»; члены ея, «бояре, *оставались боярами князей*, а не боярами княжествъ, *дѣйствовали изъ личныхъ выгодъ*, тѣсно связанныхъ съ выгодами того или инаго князя» [1]). Князь—правитель земли-волости, а дружинники—его органы, непосредственно завѣдующіе всѣми отраслями тогдашняго управленія. Если даже «*личныя* выгоды» князя и дружинниковъ въ теченіе до-московскаго періода нашей исторіи не господствовали исключительно, а только *преобладали*, то и въ такомъ случаѣ допустить полное единство между земледѣльческимъ населеніемъ и дружинниками— по меньшей мѣрѣ рисковано. Несмотря на всю скудость лѣтописныхъ и другихъ извѣстій о внутреннемъ народномъ бытѣ за этотъ періодъ времени, мы все-таки имѣемъ совершенно достаточно фактовъ исторически достовѣрныхъ, указывающихъ на преобладаніе началъ розни между этими двумя «сторонами», а никакъ не единства. Одинъ-два факта мы приведемъ здѣсь. Въ первой половинѣ XII столѣтія, по свидѣтельству лѣтописца, княжескіе посадники, наравнѣ съ пришлыми половцами, грабятъ населеніе: «и бысть пагуба посельцамъ ова отъ половецъ, ова же отъ своихъ посадникъ», говоритъ лѣтописецъ. Въ то же время кіевляне жалуются своему князю, одному изъ Ольговичей, на его дружинниковъ, изъ которыхъ одинъ «*погубилъ*», по ихъ выраженію, Кіевъ, а другой — Вышгородъ; они требуютъ съ князя клятвы въ томъ, что онъ въ случаѣ обидъ будетъ разбирать дѣла самъ, и будетъ разбирать ихъ *справедливо*. Стало-быть народъ не вѣритъ ни дружинникамъ, ни главѣ ихъ—самому князю. Въ лѣтописномъ разсказѣ о событіяхъ на сѣверо-восточной Руси во второй половинѣ того же столѣтія мы встрѣчаемся съ указаніемъ на такого рода дѣятельность дружинниковъ князей Ростиславичей, внуковъ знаменитаго Юрія Долгорукаго, которая никакъ не говоритъ о единствѣ дружинниковъ-адми-

[1]) „Исторія Россіи“, т. III, изд. 4-е, стр. 15.

нистраторовъ, этого «командующаго класса» того времени, и «народныхъ массъ». Лѣтописецъ съ грустью сообщаетъ, что дружинники названныхъ князей, пріѣхавшихъ изъ тогдашней южной Руси въ сѣверную, Ростовскую землю, по приглашенію ея населенія, «многу *тяготу* створиша людемъ продажами и вирами», или, какъ переводитъ это мѣсто покойный Соловьевъ, «стали очень тяжки для народа судебными взысками и взятками». Далѣе тотъ же лѣтописецъ повѣствуетъ, что новые князья, по своей молодости и неопытности, слушались во всемъ своихъ дружинниковъ, которые научали ихъ лишь одному—«какъ можно больше брать».

Такое отношеніе князя и его дружинниковъ къ населенію «земли» преобладало и раньше XII столѣтія и позже него, и до татарскаго господства и во время этого послѣдняго. Весь періодъ древней исторіи нашей — періодъ почти безконечной борьбы князей между собою за столы, — борьбы, двигающимъ стимуломъ которой было одно начало — добыть лучшій столъ, т.-е. сѣсть въ болѣе доходной землѣ. Интересы населенія въ этой борьбѣ, разумѣется, не играли никакой роли, хотя оно и принимало участіе въ этой борьбѣ такъ или иначе, стремясь посадить на столъ наиболѣе, такъ сказать, удобнаго, сильнаго князя, который былъ бы наиболѣе состоятеленъ защитить столъ отъ посягательствъ и насилій другихъ князей. Единство между княземъ и населеніемъ только и выражалось въ этомъ стремленіи охранить столъ, только до тѣхъ поръ и имѣло мѣсто, пока *обѣ стороны* находили выгоднымъ для себя дѣйствовать за-одно. Можно привести массу указаній на то, какъ часто земля изгоняла князя, указывала ему «путь чистъ», и какъ еще чаще, пожалуй, князья уходили со столовъ сами, едва возъимѣвъ малѣйшую надежду заполучить лучшій столъ. Въ этой безконечной борьбѣ князья не останавливались и передъ тѣмъ, чтобы вовлечь въ борьбу, «на пагубу» народу, иноплеменныя силы, наприм. варяговъ, къ помощи которыхъ обращаются еще Владиміръ, Ярославъ, или касоговъ, казаръ, печенѣговъ, впослѣдствіи половцевъ, а позже татаръ. Полчища всѣхъ этихъ иноплеменниковъ обращали русскую землю того времени «изъ жива въ пусто», являясь союзниками и пособниками князей русскихъ. Не можемъ воздержаться, чтобы не привести здѣсь нѣсколькихъ словъ г. Забѣлина изъ его послѣдней статьи, написанной въ защиту московскаго единодержавія. Онъ говоритъ, по поводу борьбы московскаго князя съ тверскимъ (въ XIV столѣтіи): «татаринъ торжествовалъ, а русскій *крестьянинъ долженъ былъ своимъ пóтомъ и кровью выкупать княжескія смуты и крамолу и борьбу ихъ честолюбія и властолюбія*». Эти слова съ великимъ успѣхомъ могутъ служить характеристикой, и притомъ очень и очень мѣткой, и всего того времени, о которомъ мы здѣсь говоримъ: раньше татарина «торжествовалъ», разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ или другимъ княземъ, половецъ, печенѣгъ и др. Тотъ же Забѣлинъ, въ той же статьѣ своей, такъ характеризуетъ, по отношенію къ данному вопросу, весь періодъ нашей древней исторіи: «Господствующею силой за этотъ періодъ времени, — говоритъ онъ, — была дружина съ ея вождями-князьями. Цѣль этой «силы» состояла въ добываніи княжескихъ столовъ и волостей; такое «добываніе» было своего рода «промысломъ», на которомъ, какъ на основѣ, утверждалась *вся постановка тогдашней* княжеской

и боярской жизни. *Эта жизнь...* своею силою *заглушала,* и успѣла совсѣмъ заглушить, *поросли собственно земскаго или посадскаго крестьянскаго развитія».*

Тѣ земли-государства, которыя, какъ напр. Новгородъ Великій, могли противопоставить «господствующей силѣ» силу же, ставили первую въ извѣстныя границы, заключая съ нею *договоры.* Содержаніе этихъ договоровъ, дошедшихъ до насъ въ достаточномъ количествѣ, лучшее доказательство именно тѣхъ отношеній между княземъ и его дружинниками съ одной и «землею» съ другой стороны, на которыя мы указываемъ. Въ каждой статьѣ договора выражаются недовѣріе и подозрительность: во всемъ и вездѣ, въ чемъ и гдѣ «земля», въ лицѣ ея представителя — вѣча, можетъ поставить «господствующей силѣ» ограниченіе, предѣлъ, она ставитъ ихъ; князь же и дружина, съ своей стороны, пускаютъ въ ходъ все, что можно, чтобъ обойдти или нарушить то или иное, невыгодное для нихъ, условіе договора. Разъ вынужденное единство нарушено; все порвалось: «или князю просто указываютъ «путь чистъ», и онъ не пытается уже сѣсть въ Великомъ Новгородѣ, или же онъ ищетъ помощи какъ въ стѣнахъ самого Новгорода, такъ и внѣ ихъ, и если находитъ ее, снова заставляетъ «землю» принять его.

Таковы отношенія въ древней, до-московской Руси, — отношенія непосредственно правящей силы къ управляемымъ. Интересъ первой — весь, всецѣло, въ томъ, ради чего она добивалась «столовъ и волостей» — въ доходахъ. Этими интересами вызывались борьба и «крамола», — говоря языкомъ г. Забѣлина, — не только между князьями, но и между ими и ихъ слугами-дружинниками, и въ средѣ этихъ послѣднихъ. Здѣсь имѣло мѣсто все — и «крамолы, и измѣны, и кровавые перевороты», употребляя излюбленное выраженіе нашихъ патріотовъ. Стоитъ припомнить подробности княжескихъ усобицъ, стоитъ указать на такіе факты, какъ, напр., смерть Андрея Боголюбскаго, котораго, по словамъ лѣтописца, «промыслили» его дружинники, или какъ факты, съ которыми мы встрѣчаемся въ изобиліи въ періодъ борьбы московскихъ князей съ остальными: здѣсь что ни шагъ — то «крамола, измѣна, кровавый переворотъ».

Не было единства, царила рознь и въ той средѣ, которую обыкновенно называютъ, въ противоположность князю съ его дружиной, «землею или земщиной». Эта среда давно распалась на «рабъ и свободь» — на свободныхъ и рабовъ; первые раскололись на «лучшихъ, середнихъ и молодшихъ», или худшихъ.

Лѣтописецъ, говоря о внутреннихъ усобицахъ и неурядицахъ въ тверскомъ княжествѣ въ XIV вѣкѣ, восклицаетъ: «всѣ бо единъ родъ и племя Адамова», а между тѣмъ «и князи, и бояре... и гости, и купцы, и ремественници и работніи людіе... забывшеся, другъ на друга враждуютъ, и ненавидятъ, и грызуть, и кусаютъ, отстоящи отъ заповѣдей Божьихъ» [1]). Нѣсколько лѣтъ позже, по поводу появленія кометы (1402 годъ), лѣтописецъ разражается такою тирадой: «приходятъ послѣдніи времена... встаетъ князь на князя... мы не токмо не полагаемъ своей души за ближняго, *но изъ ближняго орудіемъ изнимаемъ ее»* [2]).

[1]) Приводимъ это мѣсто въ цитатѣ *Соловьева,* т. IV, изд. 4, стр. 369.
[2]) *Забѣлинъ:* упоминаемая въ текстѣ статья.

Вотъ какими словами характеризуетъ благочестивый лѣтописецъ взаимныя отношенія отдѣльныхъ слоевъ населенія въ до-московской Руси; мы говоримъ «въ до-московской Руси», потому, что приведенныя мѣста изъ лѣтописи можно обобщить, не рискуя впасть ни въ малѣйшее преувеличеніе. Эти отношенія дѣйствительно были таковы во всей древней Руси. Въ подтвержденіе можно привести не мало доказательствъ какъ изъ лѣтописей, такъ и изъ другихъ памятниковъ нашего далекаго прошлаго.

Изъ общей массы населенія, противоположной князю и его дружинѣ, выдѣляется промышленное городское населеніе, посадскіе люди; сельское населеніе, эти «черные люди, смерды, мужики, естественно, — говоритъ покойный Соловьевъ, — ослабѣли, потерявъ лучшія свои силы (въ лицѣ удалившихся въ дружину, въ города), ушли на самый задній планъ, объ нихъ не слышно.... лѣтописецъ молчитъ о сельчанахъ, — *здѣсь* тихо, *нѣтъ движенія*» [1]). Онъ говоритъ лишь «о тѣхъ, кто движется, этимъ движеніемъ обращаетъ на себя вниманіе, заставляетъ двигаться другихъ, производитъ перемѣны». Къ этимъ движущимся элементамъ или слоямъ, кромѣ дружинниковъ и городскаго населенія, съ X вѣка присоединяется еще одинъ новый — духовенство, которое тоже тянуло къ городу, т.-е. къ названнымъ уже элементамъ, и въ общей совокупности съ ними составляло то, что называютъ «правящими или командующими» классами.

Рознь «царитъ между этими классами съ одной стороны и мужиками» съ другой; она царитъ между отдѣльными правящими классами и въ средѣ каждаго изъ нихъ; въ каждомъ изъ нихъ есть лучшіе, середніе и молодшіе.

Съ самаго момента его появленія, духовенство представляло собою такой слой, который, по своимъ нравственнымъ и политическимъ воззрѣніямъ, стоялъ въ полной розни духовной съ массами тогдашняго населенія. Этотъ новый элементъ былъ элементомъ несравненно болѣе пришлымъ, чѣмъ самая дружина (въ первое время по крайней мѣрѣ). Кто не знаетъ, что первоначально *все духовенство* — низшее и высшее — состояло изъ грековъ, воспитанныхъ совершенно на иныхъ началахъ нравственно-религіозныхъ и политическихъ. Въ другомъ мѣстѣ мы указывали на политическое міровоззрѣніе духовенства [2]), шедшее совершенно въ разрѣзъ съ народнымъ. Здѣсь въ двухъ словахъ укажемъ на рознь «духовную» въ самомъ тѣсномъ значеніи этого слова. Съ того времени, отъ котораго до насъ дошли памятники религіозной проповѣди, мы встрѣчаемъ яркія указанія на эту рознь. Массы долго оставались при своемъ языческомъ міросозерцаніи и первобытномъ умственномъ развитіи. Весь періодъ нашей древней исторіи можно назвать періодомъ борьбы представителей новаго, чуждаго массамъ, міровоззрѣнія съ убѣжденіями этихъ массъ. О періодѣ времени до второй половины XI столѣтія Соловьевъ говоритъ какъ объ эпохѣ «господства» на Руси язычества, — эпохѣ, въ которую масса до того не понимала и враждебно относилась къ пришлымъ съ юго-запада проповѣдникамъ новой религіи, что этимъ проповѣдникамъ, даже въ лицѣ наиболѣе высокопоставленныхъ, «приходилось

---

[1]) „Исторія Россіи“, т. XIII, изд. 2, стр. 11.
[2]) Наша статья: „Верховная власть въ Россіи XVIII ст.“.

бѣжать отъ ярости массъ» [1]). А между тѣмъ проповѣдники новаго міровоззрѣнія жили «десятиною» и всякими поборами съ просвѣщаемыхъ массъ. Проповѣдники не понимали просвѣщаемыхъ, послѣдніе не понимали ихъ. Вѣдь даже говорили они на разныхъ языкахъ не малое время. Стоитъ обратиться, напр., къ поученіямъ знаменитаго русскаго Златоуста XII столѣтія, чтобы понять, что содержаніе ихъ совершенно недоступно пониманію массъ. Само собою разумѣется, что всѣ усилія такого византійскаго витійства не вели ни къ чему: массы долгое время оставались инертными массами въ духовномъ отношеніи. Святители церкви XI, XII и слѣдующихъ столѣтій ведутъ упорную борьбу словомъ, а порой и дѣломъ, опираясь на авторитетъ власти князя, съ языческими суевѣріями, обрядами, вообще съ языческимъ міровоззрѣніемъ; доказательства цѣлыми ворохами могутъ быть приведены изъ поученій этихъ святителей за названный періодъ времени. Мы не будемъ здѣсь приводить этихъ доказательствъ, въ виду того, что на этомъ предметѣ придется останавливаться болѣе или менѣе подробно во второй главѣ настоящей статьи.

Видя полную неудачу въ борьбѣ съ началами язычества въ средѣ «взрослаго поколѣнія», первые святители церкви обратили свою дѣятельность на подрастающее поколѣніе, на дѣтей, но на этомъ поприщѣ долго терпѣли неудачи: святой Леонтій, преемникъ одного изъ выгнанныхъ изъ Ростовской земли епископовъ, направившій свою дѣятельность именно въ эту сторону, замученъ былъ взрослыми [2]). Нужно ли указывать на нелюбовь населенія къ школамъ, заводимымъ духовенствомъ и князьями, поднявшимися до уровня его развитія? Это извѣстно даже изъ учебниковъ. Правда, «рознь» духовная, съ постепенною замѣной духовныхъ иноземцевъ соотечественниками, постепенно исчезала; но это достигалось цѣною пониженія развитія духовенства до уровня развитія массъ, какъ увидимъ дальше, и не устранило розни иного рода.

Торгово-промышленное, посадское населеніе, рано, какъ мы сказали, выдѣлившееся изъ общей народной массы, не представляло и само по себѣ даже въ каждомъ изъ городовъ единаго цѣлаго уже во времена раннихъ извѣстій. «Лучшіе» люди изъ этой среды вмѣстѣ съ городскимъ духовенствомъ, особенно стояли ближе всѣхъ къ интересамъ князя и его высшими его представителями, дружины. Долгое время «городъ» противополагался всей «землѣ», какъ власть всему ей подчиненному. Лучшій, наиболѣе полный, матеріалъ для характеристики взаимныхъ отношеній городскаго населенія къ сельскому и отдѣльныхъ слоевъ другъ къ другу даетъ намъ исторія Новгорода, гдѣ древній вѣчевой строй успѣлъ сложиться полнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой «землѣ».

А въ Новгородѣ за весь періодъ его самостоятельнаго существованія, по словамъ одного изъ изслѣдователей его быта, «безпрестанно происходили раздоры, и *молодшіе или черные враждовали со старѣйшими и богатыми*» [3]). Лѣтописное преданіе самое призваніе князей изъ-за моря мотивируетъ тѣмъ, что «возста родъ на родъ и не бѣ управы». Раздоры и вражда молодшихъ, или худшихъ, съ лучшими составляютъ такую характеристическую черту всего

---

[1]) *Соловьевъ*, „Ист. Рос.", т. I, стр. 258, и III, 56.
[2]) *Тамъ-же.*
[3]) *Костомаровъ*, „Сѣверно-русскія народоправства", II, гл. VII.

новгородскаго строя, которая рельефно выразилась съ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ-былинахъ, изъ коихъ, напр., такая, какъ извѣстная былина о Васькѣ Буслаевѣ, вся построена на противоположности лучшаго, богатѣйшаго человѣка, представителя лучшихъ людей вообще, съ худшими, молодшими, простою «чадью» мужицкою, мужиками. Народный умъ, пораженный этимъ явленіемъ, нашелъ ему поясненіе, создавъ извѣстное преданіе о томъ, что когда, во время крещенія Новгорода огнемъ и мечомъ, стародавній богъ славянскій Перунъ былъ сброшенъ съ моста въ Волховъ, онъ бросилъ на мостъ палку съ такими словами: «поминайте меня этимъ»; по народному воззрѣнію, эта палка разжалованнаго бога и внесла вѣчныя смуты въ среду новгородскаго населенія. Богъ отомстилъ этимъ за себя.

Одного такого преданія уже достаточно было бы, чтобы воздержаться отъ утвержденія, что въ древней жизни царили миръ и единство. Но на подмогу преданію о перуновой палкѣ можно привести и историческіе факты, которыми пестрятся изрѣдка страницы лѣтописи, вообще не особенно обильной указаніями на внутреннюю, бытовую сторону жизни нашихъ предковъ.

Отсутствіе единства въ новгородскомъ населеніи проявлялось ярче и ярче всего въ исторіи князей, если можно такъ выразиться: въ ихъ призваніи, въ ихъ изгнаніи,—въ тѣхъ партіяхъ, которыя составлялись и боролись въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ призванія или изгнанія князя, который, въ сущности, всегда одерживалъ верхъ, сидѣлъ на столѣ господина Великаго Новгорода или же лишался этого стола, уходя изъ Новгорода, смотря по тому, одерживала верхъ или терпѣла пораженіе его партія, его «пріятели», какъ выражался лѣтописецъ. Въ первой половинѣ XII столѣтія (въ 1136 году) новгородцы вмѣстѣ съ псковичами и ладожанами по вѣчевому приговору изгнали изъ города своего князя Всеволода за неблюденіе смерда, какъ выражается лѣтопись. Не прошло и года, какъ къ изгнанному князю изъ Новгорода убѣгаетъ посадникъ, а съ нимъ «добрыхъ мужъ нѣсколько», и вслѣдъ за этимъ Всеволодъ является въ стѣнахъ Пскова, «хотя сѣсти опять на столѣ своемъ Новгородѣ». Связь этихъ фактовъ несомнѣнна: князь опирается на кружокъ бѣжавшихъ къ нему «добрыхъ» людей и съ ними думаетъ противъ воли населенія снова засѣсть въ Новгородѣ. Лѣтописецъ прямо дальше разсказываетъ, что князь явился въ Псковъ, будучи «позванъ отаи новгородскими и псковскими мужи, *пріятели* его». Но «людіе», то-есть всѣ эти «середніе и худшіе» новгородцы, за годъ передъ тѣмъ изгнавшіе нелюбимаго князя, не исполнявшаго договора съ вѣчемъ, «не всхотѣша» князя и «бысть мятежъ великъ Новгородѣ». «Пріятели» князя,— а это все были «бояре», остававшіеся въ Новгородѣ,—бѣжали; народъ разграбилъ ихъ домы и имущество; изгнанный князь умеръ въ Псковѣ.

Такого рода фактовъ можно найти не мало въ исторіи Новгорода, Пскова и иныхъ земель государства до-московскаго періода нашей исторіи. Мы привели лишь наиболѣе характерный. Въ лѣтописномъ разсказѣ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ не о боярахъ-дружинникахъ князя, а о боярахъ *земскихъ*, высшемъ слоѣ земскомъ Великаго Новгорода. Между массами населенія Новгорода и въ особенности его волостей и этими боярами слишкомъ часто проявлялась рознь въ такихъ высокой важности государственныхъ вопросахъ, какъ приглашеніе

князей и заключеніе съ ними договоровъ,—другими словами, установленіе политическаго строя. Проявлялась эта рознь въ средѣ городскаго населенія и по поводу выборовъ намѣстника, которые сплошь и къ ряду кончались кровопролитною свалкой разбушевавшагося народа, новгородской «простой чади», подъ предводительствомъ боярскихъ партій. Здѣсь было мѣсто всему: и крамоламъ, и измѣнамъ, и кровавымъ переворотамъ.

Отношеніе земскихъ бояръ, крупныхъ землевладѣльцевъ того времени, къ земледѣльческому населенію новгородскихъ волостей никоимъ образомъ не покоилось на началахъ только единства, все равно, вытекали ли эти отношенія изъ положенія бояръ въ волости, какъ представителей власти господина Великаго Новгорода, или изъ положенія ихъ только какъ землевладѣльцевъ. Бѣляевъ совершенно справедливо говоритъ въ своей «Исторіи Новгорода Великаго» («Разсказы изъ русской исторіи», т. II), что «въ позднѣйшее время новгородской исторіи боярскія фамиліи рѣзче и рѣзче *отдѣляли свои интересы отъ интересовъ народа*», благодаря чему дѣло дошло до того, что «новгородскіе *бояре, продавая свое отечество* князьямъ (припомнимъ только-что приведенное мѣсто изъ лѣтописи), *совершенно разошлись съ народомъ*», который именно благодаря такому положенію вещей, отношенію къ нему «командующихъ» классовъ Великаго Новгорода, съ такою отчаянною готовностью бросился изъ огня въ полымя, отдавшись подъ властную руку уже сильныхъ князей московскихъ, такъ ловко воспользовавшихся новгородскою рознью.

Съ явленіями тожественнаго порядка встрѣчаемся мы и во всѣхъ остальныхъ земляхъ-государствахъ до-московскаго періода нашей исторіи. Вездѣ «лучшіе» люди идутъ въ рознь съ молодшими, худшими, т.-е. высшіе слои населенія съ массами. Пока князья со своими дружинниками бродили изъ конца въ конецъ Руси, земское городское населеніе въ своемъ цѣломъ все-таки противополагалось такъ или иначе дружинѣ съ ея главою, входя съ послѣднимъ въ договоры чисто-политическаго характера, — договоры, которые скоро стали облекаться въ письменную форму и содержали въ себѣ условія, на которыхъ князь долженъ былъ вѣдать землю [1]). Но когда, со времени завоеванія Руси татарами, князь, исключая Новгорода и Пскова, садился на столѣ въ силу ханскаго ярлыка, ханской воли, когда княжескіе роды осѣли въ извѣстныхъ областяхъ, стали такъ-сказать осѣдлыми, — всѣ правящіе классы слились во-едино, постепенно обращаясь въ слугъ, холопей князя, и, въ качествѣ таковыхъ, почти всю свою дѣятельность направляли на охраненіе своихъ личныхъ интересовъ. Если въ періодъ господства вѣчевыхъ порядковъ между правящими классами и молодшими людьми далеко не царило единство, то съ паденіемъ его господство розни стало проявляться еще рѣзче и интенсивнѣе: до сихъ поръ высшіе классы все-таки нуждались въ молодшихъ людяхъ, какъ въ *политической* силѣ, на которую они опирались въ борьбѣ между собой или съ княземъ-дружинникомъ. Съ развитіемъ новыхъ порядковъ политическая *открытая* борьба не имѣетъ болѣе мѣста. Дружинники, постепенно обращаясь въ «холопей» князя, слива-

[1]) Такихъ договоровъ дошло до насъ нѣсколько изъ прошлаго Новгорода. Они изданы въ извѣстномъ „Собраніи госуд. грам. и договоровъ“ въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія гр. Румянцевымъ.

ются съ земскими боярами, попадающими въ то же положеніе, и ведутъ борьбу другъ съ другомъ не открытую, а подпольную, захаживая передъ княземъ, теперь источникомъ всякихъ великихъ и богатыхъ милостей, и подставляя ногу другъ другу. Съ этого момента живая, непосредственная связь правящихъ классовъ съ массами исчезаетъ; послѣднія становятся исключительно объектомъ управленія, а первые — полными хозяевами. Реальное выраженіе взаимныхъ отношеній этихъ двухъ группъ населенія въ слагающемся къ концу перваго періода нашей исторіи новомъ государствѣ мы не будемъ пытаться изображать здѣсь со всѣхъ сторонъ, а остановимся, согласно цѣли настоящей статьи, лишь на одной изъ нихъ — на той, которая указываетъ, что рознь, и рознь притомъ рѣзко проявляющаяся, разъѣдала въ то время народъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, во всей его совокупности.

Та «народная правда», съ которой такъ много носятся въ наше время публицисты и патріоты извѣстнаго закала, несомнѣнно уже была чужда, за рѣдкими исключеніями, правящимъ, командующимъ классамъ наканунѣ водворенія московскихъ порядковъ. Эта «правда» замѣняется въ названной средѣ всяческими «грамотами» княжескими: князья, блюдя свои, «государевы», доходы, стараются всякими «уставными» и «жалованными» грамотами установить предѣлы «правды», долженствующей, по ихъ воззрѣнію, имѣть мѣсто въ отношеніяхъ между ихъ «черными людьми», православными «крестьянами и посадскими» съ одной стороны и органами командующихъ классовъ съ другой. «И мои намѣстници ходятъ по сей моей грамотѣ великаго князя», — говоритъ московскій князь Василій Дмитріевичъ, обращаясь къ населенію только-что завоеванной имъ у Новгорода Двинской земли, въ отношеніяхъ коего къ своимъ намѣстникамъ онъ стремится водворить «правду». Не надѣется князь, что и «грамота» заставитъ его слугъ ходить по правдѣ, и вооружаетъ мѣстное населеніе правомъ «бить на нихъ челомъ» ему, князю, а тѣмъ изъ слугъ, «кто не иметъ ходити по грамотѣ, — говоритъ князь, — быти тому отъ мене отъ великаго князя въ казни».

Ни право населенія «бить челомъ» князю на его слугъ, ни угроза князя послѣднимъ «казнью» — ничто не помогало. Слуги князя, тогдашніе администраторы, смотрѣли на населеніе исключительно какъ на источникъ «кормленья», какъ на дойную корову, говоря вульгарнымъ языкомъ. Пришлось по возможности точнѣе опредѣлять тѣ сборы съ населенія въ пользу княжескихъ слугъ, которые составляли кормы послѣднихъ и которые сначала никакими грамотами и уставами не опредѣлялись, будучи устанавливаемы просто обычаемъ и всѣ опредѣленія которыхъ исчерпывались, какъ, наприм., въ Русской Правдѣ, замѣчаніемъ «...имъ (лошадямъ княжескихъ чиновниковъ) на ротъ колько могуть зобати» (съѣсть), или: «а корму имъ имати собѣ и конемъ довольно». Плохо достигали цѣли и эти опредѣленія, такъ-сказать такса поборовъ въ пользу администраторовъ, которые продолжали ихъ «чинить сильно». Всѣ административныя функціи того времени исчерпывались въ сущности двумя — отправленіемъ суда и сборомъ всякаго рода налоговъ. Первая обратилась почти исключительно въ непосильный для народа сборъ всякихъ «виръ», «продажъ»; вторая представляла еще болѣе, пожалуй, широкое поле для злоупотребленій. На князя

посыпались со всѣхъ сторонъ жалобы и челобитныя, какъ только исчезло вѣче, которое само расправлялось со своими и княжескими слугами, какъ и съ самими князьями, въ случаѣ неблюденія ими интересовъ народныхъ. Въ концѣ концовъ князь не находилъ иныхъ способовъ заставить своихъ слугъ «ходить по правдѣ», какъ по возможности ограничивъ, съузивъ предѣлы самаго хожденія: ограничивалась функція ихъ судебной дѣятельности въ пользу выборныхъ народныхъ судей; съуживались самыя области въ территоріальномъ смыслѣ ихъ дѣйствій вообще: цѣлыя части округовъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, князья находили нужнымъ изъять изъ этого послѣдняго, отдавая ихъ, на основаніи такъ-называемыхъ жалованныхъ грамотъ, въ вѣдѣніе землевладѣльцевъ этихъ округовъ, свѣтскихъ или духовныхъ. Этимъ путемъ частныя лица обращались въ административные органы князя, а вмѣстѣ и въ тѣхъ хищниковъ, нарушителей какъ княжескаго, такъ и народнаго «прибытка». Судъ сдѣлался средствомъ «хищеній» и угнетенія богатаго надъ неимущимъ. Онъ сталъ предметомъ ѣдкой народной сатиры. Если не спасеніе, то хоть временное облегченіе давало народу такое палліативное средство, какъ переселеніе изъ области одного княжества-государства въ область другаго или съ территоріи одного землевладѣльца на территорію другаго. Но это давало, какъ я сказалъ, лишь временный отдыхъ: переселявшіеся слегка отдыхали, откармливались, лишь съ тѣмъ, чтобы приготовить себя къ новому обирательству. Кончилось дѣло тѣмъ, что въ исходѣ періода, къ XVI столѣтію, правящіе классы, въ смыслѣ *командующихъ*, «многіе грады и волости *пусты учинили*, — по словамъ лѣтописца, — *сотворишася гонители и раззорители*».

Итакъ, въ до-московскій еще періодъ народъ распадается на «битыхъ и бьющихъ». Но цѣнители московскихъ порядковъ несомнѣнно возразятъ, что указанный здѣсь порядокъ вещей сложился въ результатѣ княжеско-вѣчеваго строя, его порядковъ, терзавшихъ «древнюю Россію»,—строя, благодаря которому, выражаясь напыщеннымъ языкомъ нашего исторіографа, «россіяне притупляли мечи въ гибельномъ междоусобіи» и «Россія была ѳеатромъ раздора» князей. Къ этому періоду нашей исторіи, очевидно, у нашихъ публицистовъ-патріотовъ и ихъ почитателей сердце не лежитъ—потому ли, что истерзанная Россія не была въ дѣйствительности Россіей въ смыслѣ единаго «цѣлокупнаго» государства, или потому, что въ разныхъ земляхъ ея даже и послѣ татарскаго погрома еще не совсѣмъ сложило голову вѣче, смѣвшее устанавливать отношенія «земель» къ князю не на одномъ сердечномъ согласіи, а и на «рядѣ», увы, *писанномъ* и крестнымъ цѣлованіемъ сторонъ скрѣпленномъ. Мы рѣшать этого вопроса не беремся. Несомнѣнно, что «цѣлокупности» московскаго государства, установившейся съ XVI столѣтія, придается огромное значеніе. Съ момента паденія послѣдняго могикана вѣчевыхъ порядковъ, Пскова, съ момента обращенія послѣдняго удѣльнаго князя въ вѣрнаго холопа его великаго князя и царя московскаго, по такой теоріи, Русь внутреннимъ терзаніямъ подвергаться уже не можетъ; не можетъ не измѣниться и положеніе вещей.

Оно и измѣнилось до рѣзкой противоположности, почти полной неузнаваемости въ отношеніи политическаго строя сравнительно съ тѣмъ, что имѣло мѣсто въ княжеско-вѣчевой періодъ. Все буйное, все безпокойное сломлено.

Многочисленныхъ князей Рюриковичей смѣнилъ одинъ царь-Рюриковичъ, потомъ Романовъ; вольные дружинники князей смѣнились служилыми людьми царя, свободное крестьянское населеніе обратилось въ крѣпкихъ сначала землѣ, а потомъ и лицу людей. «Всѣ народные интересы сосредоточиваются, — говоритъ Н. И. Костомаровъ, — въ одномъ лицѣ, которое становится апоѳеозомъ страны и народа... Исчезаетъ бытіе отдѣльныхъ частей, уничтожается народоправленіе, — все стремится къ единообразію; преобразованіе обычая въ постановленіе, сознанія — въ букву закона, перевѣсъ повинности надъ личною свободой, старѣйшинства — надъ общинностью, стремленія къ осѣдлости, установкѣ, покою». Въ результатѣ такого стремленія «образовалось государство, — замѣчаетъ тотъ же Костомаровъ въ другомъ мѣстѣ, — съ единодержавнымъ главой, состоявшее *изъ холоповъ, сиротъ и богомольцевъ*».

Пробудился Потокъ на Москвѣ на рѣкѣ,
. . . .
. . . .
. . . .
Вдругъ гремятъ тулумбасы, идетъ караулъ,
Гонятъ палками встрѣчныхъ съ дороги...
Ѣдетъ царь на конѣ, въ зипунѣ изъ парчи,
А кругомъ съ топорами идутъ палачи.
Его милость собираются тѣшить:
Тамъ кого-то рубить, или вѣшать.
И во гнѣвѣ за мечъ ухватился Потокъ:
Что за ханъ на Руси своеволитъ?
Но вдругъ слышитъ слова: то земной ѣдетъ богъ!
То отецъ нашъ казнить насъ изволитъ!
И на улицѣ, сколько тамъ было толпы:
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи—
Всѣ передъ нимъ повалились на брюхи.

Въ такой картинкѣ Потокъ-богатырь покойнаго графа Толстаго живописуетъ чуждый ему, богатырю княжеско-вѣчеваго строя, порядокъ московскаго времени.

И въ самомъ дѣлѣ, казалось бы, теперь уже не можетъ быть ни розни, ни крамолъ, ни кровавыхъ переворотовъ, — теперь, когда «всѣ народные интересы сосредоточиваются въ одномъ лицѣ», когда передъ этимъ лицомъ лежащее у ногъ его населеніе представляетъ собой сплошную массу холопей этого лица. Но въ холопяхъ-то этихъ и бѣда. Впрочемъ, не будемъ забѣгать впередъ. Обратимся къ дѣйствительности, къ самой жизни московскаго государства, и предоставимъ ей самой утверждать или отрицать благочестивый идеалъ нашихъ публицистовъ-патріотовъ.

Мы не будемъ останавливаться на первыхъ тридцати слишкомъ годахъ шестнадцатаго столѣтія, на времени княженія Ивана III (послѣднія пять лѣтъ его княженія приходятся на XVI ст.) и его сына Василія. Мы дѣлаемъ это

въ виду возможности возразить, что въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVI столѣтія нельзя искать прочно установившихся порядковъ новаго общественно-государственнаго строя: Новгородъ палъ въ концѣ XV, а Псковъ даже въ началѣ XVI столѣтія. Могутъ сказать, что по крайней мѣрѣ первая четверть XVI столѣтія должна была уйти на установленіе, закрѣпленіе новыхъ порядковъ, устанавливаемыхъ въ сущности уже съ очень и очень давняго времени.

Мы начнемъ со смерти Василья, окончательно сломившаго, въ лицѣ Пскова, Рязани и такъ-называемой Сѣверской земли, старые, княжеско-вѣчевые порядки. Сломивъ старые порядки, онъ, можно смѣло сказать, прочно установилъ новые. Недаромъ же посолъ императора Максимиліана, года полтора прожившій въ Москвѣ при этомъ князѣ и отлично знакомый со всѣмъ происходившимъ вокругъ него, изображаетъ намъ Василья какъ властелина, властью своею превосходящаго *«едва ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра*, свободно, по своему произволу распоряжающагося жизнью и имуществомъ всѣхъ». Этотъ властелинъ, умирая, благословилъ на великое княженіе старшаго изъ двухъ остававшихся сыновей, Ивана, которому было всего три года отъ роду. Правительницей государства и опекуншей малолѣтняго князя была мать послѣдняго, княгиня Елена, урожденная Глинская.

Едва тѣло умершаго князя было предано землѣ, какъ княгинѣ-правительницѣ пришлось узнать о томъ, что, какъ мы видѣли, наши публицисты извѣстнаго пошиба считаютъ порожденіемъ XVIII вѣка: «тотчасъ послѣ похоронъ Василія, — говоритъ Соловьевъ, — вдовѣ его донесли уже *о крамолѣ*» [1]). Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ этой «крамолы»: цѣлыя пятнадцать лѣтъ царствованія Грознаго, все его малолѣтство — ни что иное какъ сплошной рядъ крамолъ, убійствъ, дворцовыхъ переворотовъ, если за таковые принимать смѣну одной боярской клики другою въ дѣлахъ управленія государствомъ; а не принять этого нельзя, — каждая такая клика, управляя именемъ царя, замѣняла его. По ихъ кровавости, эти перевороты едва ли уступаютъ дворцовымъ переворотамъ XVIII столѣтія: Овчина Телепневъ-Оболенскій, по сверженіи его, умираетъ въ тюрьмѣ отъ голода и тяжести оковъ; Бѣльскій, сломленный Иваномъ Шуйскимъ, умерщвленъ въ тюрьмѣ сторонниками послѣдняго; соправитель Бѣльскаго, митрополитъ московскій Іоасафъ едва спасся отъ такой же участи и былъ сосланъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь; показавшійся опаснымъ Шуйскимъ, любимецъ царя-юноши, Ѳедоръ Воронцовъ на глазахъ у послѣдняго былъ если не убитъ, то избитъ и опозоренъ и потомъ сосланъ. Два послѣдніе переворота своею кровавостью превзошли всѣ предыдущіе. Шуйскіе пали при участіи уже самого тринадцатилѣтняго царя, который, по выраженію Соловьева, рѣшился *напасть* на Андрея Шуйскаго, стоявшаго тогда во главѣ государства. 29 декабря 1543 года царскіе псари убили этого боярина-сановника, волоча его какъ пса по землѣ. Четыре года спустя, временщики Глинскіе пали еще ужаснѣе и на этотъ разъ въ расправѣ уже принялъ участіе народъ московскій: послѣ извѣстнаго пожара, истребившаго Москву, по «крамолѣ» бояръ, враговъ Глинскихъ, послѣдніе были обвинены въ сожженіи Москвы, и разъяренный

---

[1]) „Ист. Росс.“, *Соловьева*, т. VI, стр. 3.

народъ не остановился передъ оскорбленіемъ святыни, чтобы добыть одного изъ заподозрѣнныхъ—Юрія Глинскаго, который скрылся въ Успенскомъ соборѣ, но былъ схваченъ тамъ толпой и убитъ... «Крамола» стало-быть изъ предѣловъ царскаго дворца перешла на площадь, изъ переворота—въ возстаніе, которое и было усмирено казнями.

Въ этомъ прошли первыя пятнадцать лѣтъ царствованія Грознаго. Это время съ полнымъ основаніемъ можно назвать временемъ безгосударнымъ. Одинъ изъ иноземцевъ, прожившій въ Россіи одиннадцать лѣтъ, итальянецъ Петръ, архитекторъ, бѣжалъ въ 1539 году въ Ливонію и тамъ на вопросъ дерптскаго епископа о причинѣ бѣгства отвѣчалъ слѣдующее: «и нынѣча какъ великаго князя Василья не стало и великой княгини, а государь нынѣшній малъ остался, а бояре живутъ по своей волѣ, а *отъ нихъ великое насиліе*, а управы въ земли никому нѣтъ, а промежь бояръ *великая рознь*, того деля есма мыслилъ отъѣхати прочь, что *въ земли русской* великая мятежь *и безгосударство*».

Народъ окрестилъ это страшное для него время именемъ разнобоярщины. Царь одумался и рѣшилъ, какъ объ этомъ всенародно заявилъ на Лобномъ мѣстѣ съ благословенія митрополита, возстановить порядокъ и впредь «неправды раззорять и похищенное возвращать»; а «неправды и похищенное» достигали такихъ размѣровъ, благодаря «корысти, хищеніямъ и обидамъ», въ коихъ, по словамъ того же царя, «упражнялись» его «бояре и вельможи», что на истребленіе первыхъ и возмѣщеніе втораго едва ли у молодаго царя могло стать силъ и характера. У него и не стало ни того и ни другаго. Прошло какихъ-нибудь двѣнадцать лѣтъ и въ Москвѣ совершается что-то небывалое, даже и непонятное: «сыскавъ *измѣны* собаки Алексѣя Адашева со всѣми его совѣтники», какъ выражается Грозный въ одномъ изъ писемъ къ Курбскому, онъ прогналъ отъ себя эту «собаку», кроваво расправившись съ ея «совѣтниками». Попъ Сильвестръ очутился въ Соловецкомъ монастырѣ. А самъ царь, немного спустя, бросилъ Москву, пропитанную, по его мнѣнію, всякими измѣнами и крамолами бояръ, воеводъ и всякихъ приказныхъ людей. Царь учинилъ себѣ на своемъ государствѣ опричнину, что-то въ родѣ государства въ государствѣ. Все стоявшее внѣ опричнины заподозрѣно. Начались страшныя, кровавыя казни. Настало снова безгосударное время. Поставленные во главѣ управленія «земщиной», бояре не пользовались довѣріемъ обезумѣвшаго царя. Настало время какого-то необузданнаго разгула царской воли. Вспомнимъ страшную, нечеловѣческую расправу съ Тверскою областью, особенно съ Новгородомъ. Это была какая-то кровавая оргія, въ которой не было пощады никому и ничему; кровь лилась рѣкою; умирали подъ пыткою, подъ топоромъ, въ Волховѣ, въ огнѣ. Смерть и грабежъ царили надъ Новгородомъ и его окрестностями цѣлыхъ полтора мѣсяца. Нашествіе царя на его волость произвело на населеніе ея такое впечатлѣніе, какое триста слишкомъ лѣтъ тому назадъ произвело на него нашествіе Батыя [1]). Въ 1574 году, учинивъ на одной изъ площадей московскихъ одну изъ наиболѣе кровавыхъ расправъ своихъ надъ боярами, духовенствомъ и «всякихъ чиновъ людьми», царь «произволилъ и посадилъ царемъ на Москвѣ Симеона Бекбулатовича (та-

---

[1]) *Тамъ-же*, т. VI, стр. 231—234.

тарскаго хана выкреста) и *царскимъ вѣнцомъ его вѣнчалъ»*. Себя самого съ этого времени Грозный величаетъ лишь «государемъ княземъ московскимъ», или даже просто «княземъ», и къ татарину-царю относится со всѣмъ внѣшнимъ униженіемъ, пародируя отношенія московскихъ бояръ къ царю вообще. Соловьевъ въ шестомъ томѣ своей Исторіи приводитъ цѣликомъ челобитную царя къ Симеону Бекбулатовичу, которая начинается такъ: «Государю великому князю Симіону Бекбулатовичу всеа Русіи Иванецъ Васильевъ съ своими дѣтишками съ Иванцомъ да съ Ѳедорцомъ челомъ бьютъ», а оканчиваетъ слѣдующими словами: «да покажи государь милость, укажи свой государскій указъ... и о всемъ тебѣ государю челомъ бьемъ, государь смилуйся, пожалуй» [1]. И эта позорная комедія тянулась цѣлыхъ два года и закончилась ссылкой кукольнаго царя-татарина.

Сказанія о послѣднихъ годахъ царствованія царя уже не пестрятся извѣстіями о казняхъ. За два года до смерти царь убилъ своего старшаго сына.

Покойный Соловьевъ начинаетъ описаніе царствованія преемника Грознаго, его втораго сына, Ѳедора, такъ: «...и по смерти Грознаго государство находилось въ такомъ же положеніи, какъ и по смерти отца его» [2]; другими словами, оно находилось въ такомъ же состояніи безгосударности, какъ и тогда. Новый царь если былъ не малолѣтенъ, то «скорбенъ главою», что для государства горше и самаго малолѣтства: все время царствованія — время постоянныхъ крамолъ, измѣнъ, интригъ. Претендентовъ на захватъ управленія, сильныхъ происхожденіемъ, положеніемъ или умомъ, такъ много.

Самый актъ вступленія новаго царя на престолъ сопровождается смутами и крамолами: въ первую ночь по смерти Грознаго захватившіе власть бояре чинятъ цѣлый рядъ арестовъ, ссылокъ; населеніе Москвы волнуется; всѣ ея улицы заполнены войсками, на площадяхъ — пушки. Однако и такой порядокъ длился не долго. «Крамолы» перешли въ народное возстаніе, которымъ руководили бояре, противники Бѣльскаго, ставшаго во главѣ всего. Осажденъ былъ Кремль народомъ и «ратными» людьми, которые, по сказанію лѣтописца, пришли къ городу «съ великою силой и оружіемъ», въ числѣ котораго были пушки. Только заявленіе отъ имени царя, что Бѣльскаго велѣно сослать въ Нижній-Новгородъ, успокоили осаждавшихъ, и осада Кремля была снята [3].

Два года спустя по восшествіи Ѳедора на престолъ, снова начинаются крамолы при дворѣ. Умеръ бояринъ Никита Романовичъ, правившій за царя. Власть захватываетъ знаменитый Годуновъ. Противъ него составляется цѣлою партіей бояръ заговоръ съ цѣлью убить его. Опять «крамола». Только сломивъ ее, Годуновъ могъ спокойно обладать властью. Но это сдѣлать было не совсѣмъ то легко. Отправивъ въ ссылку Мстиславскаго съ его партіей, Годуновъ еще долженъ былъ справиться съ Шуйскими, которые уже опирались на «торговыхъ» людей Москвы; пришлось расправляться съ тѣми и другими. Годуновъ все-таки справился: двоихъ Шуйскихъ удавили, семерымъ изъ торговыхъ людей отсѣкли головы, а остальныхъ разослали по разнымъ городамъ въ ссылку. «Лилась

---

[1]) Прим. 94.
[2]) „Ист. Рос.“, *Соловьева*, т. VII, стр. 262.
[3]) *Тамъ-же*, стр. 264 и слѣд.

кровь, — говоритъ Соловьевъ, — на пыткахъ, на плахѣ; лилась кровь въ усобицѣ боярской». Попробовалъ митрополитъ московскій вмѣстѣ съ однимъ архіереемъ «попечаловаться» передъ скудоумнымъ царемъ о казнимыхъ и пытаемыхъ и... поплатился за это саномъ и ссылкой. Годуновъ не останавливался не передъ чѣмъ. Такими путями онъ очистилъ себѣ путь къ власти. Предоставляемъ назвать ихъ какъ угодно: крамолой, измѣной, переворотомъ. Припомнимъ извѣстное убійство Димитрія въ Угличѣ. Черезъ шесть лѣтъ послѣ послѣдняго событія царь Ѳедоръ умеръ.

Не будемъ разсказывать о всѣмъ извѣстномъ вступленіи на престолъ Годунова. Ограничимся лишь указаніемъ, что по частнымъ извѣстіямъ, достовѣрность которыхъ никто не заподозрилъ, соборное избраніе Бориса далеко не было дѣломъ вполнѣ чистымъ: сестра претендента «деньгами и льстивыми обѣщаніями» склоняла стрѣлецкихъ начальныхъ людей повліять на москвичей и войско въ пользу Бориса; самъ Борисъ вездѣ искалъ сторонниковъ чрезъ посредство монаховъ, по всѣмъ концамъ Руси разосланныхъ и дѣйствовавшихъ подкупами и обѣщаніями, передъ которыми будущій царь не останавливался и самъ, вліяя на знатныхъ людей [1]). На престолѣ московскаго государства сѣлъ простой бояринъ *изъ новыхъ*, — бояринъ, попавшій въ боярство *лично*, всего нѣсколько лѣтъ назадъ, бояринъ татарскаго происхожденія.

Новый царь сидѣлъ непрочно: ни соборное избраніе, ни оффиціальное утвержденіе, что онъ, такъ сказать, былъ предъизбранъ на царскій престолъ еще Грознымъ и назначенъ его сыномъ Ѳедоромъ, ни страшная клятва подданныхъ новаго царя въ томъ, чтобы «мимо... государя своего царя Бориса Ѳедоровича... и его царицы, и его дѣтей, иного никого на московское государство не хотѣли видѣти, ни думати, ни мыслити...», ничто не помогло, — Годуновъ сидѣлъ «непрочно» на царствѣ. «Годуновъ палъ, — говоритъ нашъ историкъ, ссылаясь на свидѣтельства современниковъ, — *вслѣдствіе негодованія чиноначальниковъ* русской земли» [2]). И погубили его эти «чиноначальники», несмотря на то, что царь, *по наущенію дьявола*, какъ выражается лѣтописецъ, установилъ цѣлую систему всеобщаго доносничества, въ которой холопи боярскіе играли первенствующую роль. Доносчиковъ поощряли жалованными грамотами, помѣстьями, званіемъ служилыхъ людей; объ ихъ заслугахъ читали всенародно на площадяхъ. Доносы приняли страшные размѣры; и получилась, по выраженію лѣтописца, «великая смута» въ царствѣ; доносили другъ на друга попы и монахи; доносили жены на мужей, дѣти на родителей; мужи именитые доносили другъ на друга; много крови пролилось неповинной отъ казней и пытокъ; тюрьмы были переполнены; ничто не помогало, и царь видимо чувствовалъ это. Начались опалы, ссылки, казни, и все по доносамъ: пали Романовы, одному изъ рода которыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ суждено было взойти на престолъ московскій, и почти всѣ они умерли въ далекой ссылкѣ; Ѳедоръ Никитичъ, впослѣдствіи патріархъ московскій и соправитель сына своего, царя Михаила, не разъ подвергнутъ былъ до ссылки пыткамъ, постриженъ подъ именемъ Фила-

---

[1]) *Тамъ-же*, т. VIII, стр. 5.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 61.

рета и сосланъ съ своимъ пятилѣтнимъ сыномъ Михаиломъ, впослѣдствіи царемъ, на Бѣлоозеро. Пытаны и сосланы были всѣ сколько-нибудь выдающіеся и заподозрѣнные бояре. Ничто не помогало, ни даже спеціальное моленіе, которое обязательно должно было произноситься при «заздравной чашѣ». Разнеслась вѣсть о появленіи истиннаго царя, спасшагося отъ руки убійцы Годунова. Начинается то страшное десятилѣтіе на московской Руси, которому въ исторіи трудно найти что-либо подобное.

Началось время самозванщины, время междуцарствія, время смутъ и бѣдствій въ народѣ страшныхъ, казалось, безъисходныхъ; это—въ народѣ, а въ правящихъ, командующихъ классахъ—время крамолъ и *измѣнъ*, достигавшихъ размѣровъ еще небывалыхъ.

Мы остановимся на этой эпохѣ «московскаго раззоренія» лишь съ цѣлью указать на нѣкоторые историческіе факты, важные для нашей цѣли.

Съ октября 1604 года на Руси *два* царя: одинъ — въ Москвѣ, соборомъ избранный, патріархомъ вѣнчанный; другой—на окраинѣ Руси. Темная личность самозванца вступила въ предѣлы московскаго государства, предшествуемая письмомъ къ царю Борису и грамотами къ представителямъ его власти въ городахъ—воеводамъ, дьякамъ и къ самому населенію. Грамоты писались отъ имени царевича Димитрія, шедшаго «съ Божіею помощію на прародителей его на московское государство и на всѣ государства россійскаго царствія».

Если не съ Божьей помощью, то съ помощью вооруженной силы, постоянно возраставшей благодаря измѣнѣ вѣнчанному царю цѣлаго ряда городовъ, сдававшихся безъ боя, и многихъ бояръ, измѣнявшихъ Борису, выдававшій себя за царевича Димитрія, черезъ восемь мѣсяцевъ по вступленіи въ предѣлы московскаго государства, торжественно вступилъ въ Москву при восторженныхъ кликахъ ликующаго народа. Москва ликовала на свѣжей могилѣ за девять дней передъ тѣмъ убитаго Ѳедора, сына Бориса, которому она присягала за два мѣсяца до этого, какъ своему царю.

Поведеніе боярства и вообще служилаго сословія московскаго государства за эти восемь мѣсяцевъ составляетъ любопытнѣйшую страницу изъ исторіи этого сословія.

Лишь только появились слухи о самозванцѣ, царь Борисъ, его «богомолецъ» патріархъ Іовъ и бояре принимаютъ всѣ мѣры, чтобъ убѣдить москвичей и все населеніе московскаго государства, въ самозванствѣ и «воровствѣ» появившагося претендента. Василій Шуйскій, будущій царь московскій, распинается въ томъ, что настоящій царевичъ дѣйствительно умеръ отъ ножа въ Угличѣ; а патріархъ Іовъ разсылаетъ, для прочтенія во всѣхъ церквахъ, грамоту, въ которой самозванецъ величался «разстригой, вѣдомымъ воромъ»; въ которой говорилось, что всѣхъ ставшихъ на сторону этого вора «соборно и всенародно прокляли и впредь проклинать велѣли». А вслѣдъ за этимъ воеводы войска, высланнаго противъ самозванца, Петръ Шереметевъ и Михайла Салтыковъ, въ разговорѣ съ своимъ сподвижникомъ Хрущовымъ, ѣхавшимъ по назначенію царя на Донъ поднимать противъ «вора» казаковъ, — заявляютъ, что «трудно противъ *природнаго* государя воевать». Хрущовъ, потерпѣвъ неудачу у казаковъ, былъ выданъ ими самозванцу и немедленно призналъ послѣдняго прирожденнымъ

московскимъ государемъ. Въ Москвѣ служилые люди пьютъ здоровье самозванца [1]). Бояре, если вѣрить одному современному извѣстію, пошли даже дальше: разсылая вмѣстѣ съ патріархомъ по всей Руси московской грамоты, позорящія самозванца, въ то же время слали тайно посла къ польскому королю, котораго просили помочь самозванцу [2]). Борисъ умеръ. Сынъ его Ѳедоръ немедленно отправилъ къ войску, что только-что одержало побѣду надъ самозванцемъ, новаго воеводу Ѳедора Басманова, изъ стариннаго рода боярскаго; новый воевода отличился защитой отъ самозванца Новгорода-Сѣверскаго, за что и былъ осыпанъ покойнымъ Борисомъ всякими милостями. Отправляясь въ путь, Басмановъ клялся въ вѣрности юному царю и его матери, обѣщалъ имъ, по выраженію лѣтописца, «правду дѣлати». А едва пріѣхалъ въ лагерь, какъ «палъ къ ногамъ разстриги, въ видѣ гнуснаго предателя», выражаясь языкомъ нашего исторіографа [3]). Любимецъ покойнаго Бориса, Басмановъ, не особенно колеблясь, измѣнилъ сыну его, Ѳедору, которому незадолго передъ тѣмъ клялся въ вѣрности и, вмѣстѣ съ другими воеводами, двумя Голицыными и Салтыковымъ, перешелъ на сторону самозванца. Войско перешло вмѣстѣ съ нимъ.

Москва взволновалась. Ея «лучшіе» люди не нашли ничего лучшаго, какъ послать идущему въ Москву самозванцу съ повинною головой грамоту отъ всей Москвы: отъ патріарха Іова, митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и всего духовенства, отъ бояръ, окольничихъ и всѣхъ служилыхъ людей, отъ гостей и торговыхъ всякихъ людей всего россійскаго государства. Везли грамоту князья Воротынскій и Теляшевскій. Это было 3-го іюня. А меньше двухъ мѣсяцевъ передъ этимъ тѣ же патріархъ и духовенство, тѣ же бояре и окольничіе клялись и крестъ цѣловали Борису Ѳедоровичу въ томъ, чтобы «къ вору, который называется княземъ Дмитріемъ Углицкимъ, не приставати и съ нимъ, и съ его совѣтники, ни съ кѣмъ не ссылатись... и того вора... на московскомъ государствѣ видѣти не хотѣти» [4]).

Недѣлю спустя послѣ отправленія повинной, тѣ же бояре, клявшіеся въ апрѣлѣ между прочимъ и въ томъ, чтобы «надъ государемъ царемъ... Ѳедоромъ Борисовичемъ всея Руси и надъ великою княжною Ксеньею Борисовною... ни въ чемъ лиха никакого не учинити и не испортити и зелья лихаго, и коренья не давати» [5]), — учинили кровавую расправу надъ царскимъ семействомъ: мать царя-юноши удавили, а съ самимъ царемъ расправились еще гнуснѣе.

Самозванецъ просидѣлъ въ Бѣлокаменной всего одиннадцать мѣсяцевъ. Московское боярство въ присягахъ напрактиковалось, въ измѣнахъ и заговорахъ набило руку. Шуйскій, два раза клявшійся въ смерти царевича Димитрія и разъ въ томъ, что онъ живъ въ лицѣ самозванца, и тѣмъ нарушившій первыя двѣ присяги, не задумался нарушить и послѣднюю. Онъ составилъ заговоръ «для спасенія православной вѣры», по его увѣренію. Самозванецъ палъ 17 мая, а 19 глава заговора, «смѣлѣйшій обличитель самозванца, — какъ его характери-

---

[1]) *Тамъ-же*, т. VIII, стр. 101 и слѣд.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 96.
[3]) *Карамзинъ*, т. XI, гл. III.
[4]) Собр. госуд. грам. и дог., II, 85, стр. 192.
[5]) *Тамъ-же*, стр. 191.

зуетъ Карамзинъ, — виновникъ, *герой*, глава народнаго возстанія, князь отъ племени Рюрика, Св. Владиміра, Мономаха, Александра Невскаго, вторый бояринъ мѣстомъ въ думѣ, первый любовію москвитянъ и *достоинствами личными*, Василій Шуйскій»... [1]) сталъ царемъ московскимъ. Это тотъ Шуйскій, который приносилъ столько присягъ, чтобъ измѣнить всѣмъ имъ.

Всего четыре года удалось просидѣть на столѣ московскаго государства «герою народнаго возстанія и князю отъ племени Рюрика». Героемъ народнаго возстанія во вкусѣ Шуйскаго могъ встать любой изъ бояръ того времени, не лишенный «царя въ головѣ», а происхожденіемъ «отъ племени Рюрика» могли похвалиться многіе и кромѣ его; ко всему этому, со смертью самозванца въ Москвѣ, не исчезъ самозванецъ въ московской Руси; ихъ даже появилось нѣсколько, какъ будто возродившихся изъ пепла перваго самозванца, развѣяннаго по воздуху.

Все это вмѣстѣ давало возможность многимъ изъ бояръ разсчитывать сыграть роль если не царя Шуйскаго, то по крайней мѣрѣ такую, изъ которой можно извлечь кудà больше, чѣмъ изъ боярина-холопа его великаго государя, царя Василія Ивановича. Смѣемъ думать, въ указанномъ лежитъ въ значительной степени причина тѣхъ шестилѣтнихъ слишкомъ смутъ, того «страшнаго» раззоренія, которое пришлось пережить народу московскаго государства во все время царствованія Василія Шуйскаго, и въ тѣ два съ половиною года, которые прошли послѣ его постриженія до выборовъ Михаила Романова.

Мы не будемъ утомлять вниманіе читателя разсказомъ объ «измѣнахъ» московскаго боярства и служилыхъ людей вообще въ теченіе указаннаго періода во всѣхъ подробностяхъ. Мы остановимся лишь на двухъ-трехъ историческихъ фактахъ этой категоріи, чтобы не быть голословными.

Уже нѣсколько дней спустя по вступленіи на престолъ Шуйскаго Москва принималась бунтовать два раза и оба раза,— по справедливому предположенію царя,—по проискамъ и крамолѣ боярской. Едва стихло въ Москвѣ, какъ два князя, Шаховской и Теляшевскій, посланные Шуйскимъ одинъ въ Путивль, а другой въ Черниговъ, вмѣстѣ съ какимъ-то дворяниномъ Молчановымъ, сочинили новаго самозванца, и смута закипѣла еще въ горшей степени на землѣ русской. Меньше двухъ лѣтъ спустя по воцареніи Шуйскаго новый самозванецъ—не въ изданіи однако Шаховскаго—стоялъ уже подъ Москвой, на Волоколамской дорогѣ, въ селѣ Тушинѣ. Снова на Руси московской оказались два царя: одинъ—племени Рюриковичей, другой «воръ». И воръ сломилъ вѣнчаннаго потомка Рюриковичей, опираясь на Польшу и *русскихъ служилыхъ людей* съ казаками. Служилые люди находили возможнымъ служить лишь тому изъ двухъ царей, принося каждому присягу, которому было выгоднѣе въ данную минуту. Въ Москвѣ «царемъ играху яко дѣтищемъ», говоритъ Авраамій Палицынъ объ этомъ времени. «Требованіе службы и вѣрности съ двухъ сторонъ,— говоритъ Соловьевъ,—отъ двухъ покупщиковъ, необходимо возвысило ея цѣну, и вотъ нашлось много людей, которымъ показалось выгодно удовлетворять требованіямъ обѣихъ сторонъ и получать двойную плату». Сегодня клялись въ

---

[1]) *Карамзинъ*, т. XI, гл. III.

вѣрности и цѣловали крестъ Шуйскому, завтра же дѣлали то же самое въ лагерѣ самозванца; не повезло у послѣдняго, снова возвращались въ Москву, приносили покаянную и отчаявающійся Шуйскій съ радостью принималъ ихъ. Но это только поднимало значеніе служилаго человѣка въ глазахъ тушинскаго царя, къ которому онъ и отправлялся и который покупалъ его за болѣе дорогую цѣну на этотъ разъ. Народъ окрестилъ такихъ циническихъ слугъ двумъ царямъ кличкой «перелетовъ». Не меньшими перелетами были и торговые люди Москвы, которые сбывали все по дорогимъ цѣнамъ въ Тушино, и «Тушино было въ изобиліи,—говоритъ историкъ Смутнаго времени,—а Москва день ото дня терпѣла недостатокъ. Понятія о долгѣ, объ отечествѣ и т. п. будто исчезли навсегда» [1]). Даже *духовенство* не отставало отъ служилыхъ людей и промышленниковъ. Такъ во время осады знаменитой святыни русской — Троицкаго монастыря—въ ея стѣнахъ нашлись люди, не задумавшіеся стать на сторону «вора». Казначея монастыря обвиняютъ въ измѣнѣ. Еслибъ оказалось, что въ данномъ случаѣ «измѣна» и не вполнѣ констатирована, то во всякомъ случаѣ уже самое подозрѣніе, обвиненіе такого лица—фактъ въ высокой степени характерный. Приведемъ и еще одинъ фактъ не менѣе характерный. Напавъ на Ростовъ и взявъ его, тушинцы нашли въ соборѣ этого города массу народа съ митрополитомъ Филаретомъ, впослѣдствіи патріархомъ, который встрѣтилъ ихъ *съ хлѣбомъ-солью*. Будучи привезенъ въ Тушино, митрополитъ былъ нареченъ, въ качествѣ родственника царя, патріархомъ и, какъ таковой, разсылалъ грамоты по московской Руси. Предоставимъ разсказать объ этомъ нашему историку: «Самозванецъ изъ уваженія къ его (Филарета) родству съ мнимымъ братомъ своимъ, царемъ Ѳедоромъ, объявилъ его московскимъ патріархомъ и Филаретъ *долженъ былъ* (?) разсылать изъ Тушина грамоты по своему патріаршеству, то-есть по областямъ, признававшимъ самозванца. Такъ дошла до насъ его грамота къ Сапѣгѣ объ освященіи церкви; она начинается: «Благоволеніе великаго господина, преосвященнаго Филарета, митрополита ростовскаго и ярославскаго, *нареченнаго патріарха московскаго и всея Руси*» [2]). Тотъ же историкъ, приводя свидѣтельство одного изъ современниковъ о страшномъ нравственномъ состояніи общества того времени, между прочимъ, говоритъ: «Нашлись люди *и даже въ санѣ духовномъ*, которые воспользовались бѣдствіями общества для своихъ корыстныхъ цѣлей, *покупая у враговъ общества духовныя должности* цѣною денегъ и клеветы на людей, вѣрныхъ своимъ обязанностямъ. Но такіе покупщики не долго могли пользоваться купленнымъ, потому что примѣръ ихъ возбуждалъ другихъ, которые наддавали цѣну на этомъ безнравственномъ аукціонѣ... Къ анархіи политической присоединилась анархія церковная» [3]).

Что же было за положеніе Шуйскаго царя? Лѣтописецъ такъ описываетъ это положеніе: «аще бо и желая отсюду помощи и отнюду, но ни откуду-жъ обрѣтая, царь бо, не имый сокровища многа и друговъ храбрыхъ, подобенъ есть орлу безперу и неимущу клева и ногтей» [4]).

---

[1]) *Соловьёвъ*, т. VIII, стр. 264 и 265, и „Смутное время Моск. госуд.“, Н. И. Костомарова, т. II, стр. 156 и слѣд.

[2]) *Соловьевъ*, „Истор. Рос.“, т. VIII. стр. 245 и 246.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 254.

[4]) „Иное сказаніе о самозванцахъ“.

Если Шуйскій представлялъ собой ощипаннаго орла, то тушинскій царь—едва ли не ощипанную ворону. Въ 1609 году Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ; городъ не сдавался [1]). Предпріятіе короля вызвало въ тушинскомъ таборѣ смуты: «воръ» покинулъ его, уѣхавъ въ Калугу, а находившіеся при немъ московскіе «перелеты», разумѣется, не нашли нужнымъ слѣдовать за нимъ; да едва ли и выгодно было ѣхать въ Москву: на горизонтѣ появлялась новая сила, король польскій,—сила, на которую можно было разсчитывать, что она сломитъ остальныя и захватитъ въ свои руки такъ дорогое «перелетамъ» отечество ихъ, московское государство. Понятно, куда должно было тянуть «перелетовъ»; они и потянули. Въ таборѣ явился посолъ королевскій и говорилъ такія сладкія рѣчи, что «русскіе тушинцы», какъ называетъ ихъ Соловьевъ, съ своимъ патріархомъ Филаретомъ, пришли въ умиленіе и постановили бить челомъ королю о принятіи въ свои руки «православнаго московскаго государства». Отвѣтная грамота королю, извѣщавшая объ этомъ рѣшеніи, начиналась такъ: «Мы, Филаретъ патріархъ московскій и всея Руси, и архіепископы и епископы и весь освященный соборъ... И мы бояре, окольничьи» и т. д. [2]). Грамота просила, впрочемъ, короля повременить нѣсколько, дабы успѣть посовѣтоваться съ паномъ-гетманомъ и людьми изъ городовъ московскаго государства. Къ королю отправилось посольство, въ число которыхъ входили два боярина-князя.

А въ Москвѣ еще сидитъ Шуйскій и просидѣлъ еще послѣ этого посольства тушинцевъ къ польскому королю цѣлые полгода. А дѣйствительный «герой» если не народнаго возстанія, то цѣлаго ряда побѣдъ надъ врагами Московской земли — палъ и, по убѣжденію народа, палъ жертвою гнусной «крамолы». Въ іюнѣ 1610 года на Москву съ одной стороны шли поляки, а съ другой—вновь поднявшій голову самозванецъ. 17 іюля «бояре и всякіе люди» били челомъ царю Василью оставить престолъ московскаго государства «для того, что кровь многая льется... что онъ несчастливъ и города украинскіе... его не хотятъ же»; а 19-го того же мѣсяца низложенный царь долженъ былъ постричься.

Вся Москва присягала до избранія новаго царя «слушать бояръ» — князя Мстиславскаго «съ товарищи» и «судъ ихъ любить»; царя же новаго «выбрать боярамъ и всякимъ людямъ *всею землею*». Снова открывается служилымъ людямъ московскаго государства широкое поле дѣятельности для достиженія всяческихъ цѣлей,— поле, едва ли еще не болѣе широкое, чѣмъ какое представлялось имъ до сихъ поръ. Царя надо было выбрать во что бы то ни стало, его надо было выбрать «*всею землею*», какъ и клялись въ томъ люди этой «земли» и сами бояре. Но такіе выборы состоялись лишь черезъ два съ половиною года: только въ началѣ 1613 года «земля» выбрала царя, выбрала его изъ рода бояръ Романовыхъ. Но прежде, чѣмъ выбрать царя, «земля» или,

[1]) Увы, и геройская защита Смоленска объясняется нашимъ историкомъ Соловьевымъ, на основаніи историческихъ данныхъ, между прочимъ такими причинами: 1) пребываніемъ въ Смоленскѣ семей служилыхъ людей, находившихся въ войскѣ Скопина, и 2) боязнью смоленскихъ купцовъ потерять свои деньги, которыми они снабдили въ долгъ царя Шуйскаго и которыя пропали бы въ случаѣ взятія города Сигизмундомъ. „Истор. Рос.“, т. VIII, стр. 295 и сл.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 302.

говоря нынѣшнимъ языкомъ, *народъ* московскаго государства очистилъ Москву отъ поляковъ и всего, разводившаго въ ней смуту и «крамолу». А «крамола» въ теченіи этихъ двухъ съ половиной лѣтъ царила повсюду, какъ никогда. Мстилавскій съ товарищи не нашелъ другаго исхода, какъ спастись отъ одного врага московскаго государства, отдавшись въ руки другаго: 27 августа вся Бѣлокаменная еще разъ (который—долго считать) присягала новому царю, королевичу Владиславу, сыну польскаго короля Сигизмунда, войска котораго стояли въ Можайскѣ. Этимъ путемъ бояре надѣялись сразу убить двухъ зайцевъ: истребить вора и... соблюсти свои «прибытки». Начались переговоры, вести которые отправились — митрополитъ Филаретъ, теперь уже не патріархъ втораго «вора», и Василій Васильевичъ Голицынъ, когда-то измѣнившій Годунову, а теперь самъ претендентъ въ цари. Сигизмундъ самъ хотѣлъ сѣсть на московское царство,— въ этомъ смыслѣ велись переговоры съ московскимъ посольствомъ. Въ ходъ былъ пущенъ подкупъ, на который и пошли многіе изъ членовъ его, правда, второстепенныхъ. Одинъ думный дворянинъ, одинъ дьякъ, да двое духовныхъ — спасскій архимандритъ, да троицкій келарь Авраамій — и «*многіе* другіе дворяне и разныхъ чиновъ люди», не спросясь Филарета и Голицына, покинули посольство, отправившись въ Москву поднимать ея населеніе, присягнувшее Владиславу, въ пользу отца его Сигизмунда, за что и «*получили отъ короля* грамоты на помѣстья и другія пожалованія» [1]). Кромѣ этихъ добровольцевъ пропаганды короля Сигизмунда въ Москвѣ работали ему въ руку и другіе. Бояринъ Салтыковъ ретиво работалъ въ пользу Сигизмунда. По всѣмъ почти приказамъ, вѣдавшимъ московское государство, посажены были перебѣжчики отъ тушинскаго вора къ королю Сигизмунду. Въ одномъ изданіи памятниковъ, продолжающемся еще и въ настоящее время, мы встрѣчаемъ нѣсколько челобитныхъ дворянъ (напр., Валуевыхъ) и дьяковъ къ королю Жигимонту и королевичу Владиславу о «пожалованіи» ихъ, челобитчиковъ, за «ихъ службу» названнымъ лицамъ; какой-то Горихвостовъ проситъ пожаловать его — «быть у своего государева дѣла въ дьяцѣхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ», при чемъ указываетъ и на свои заслуги: «говорилъ я подданнымъ вашіе милости *на Москвѣ съ дворяны* и многіе люди, *вмѣщалъ и наговаривалъ* всякимъ людемъ *про вашу государскую милость*, чтобы били челомъ тебѣ государю о твоемъ сынѣ, чтобъ ему быти, государю нашему, на московскомъ государствѣ». Этотъ сынъ отечества, патріотъ московскаго государства, усердствовалъ въ указываемомъ имъ самимъ направленіи еще при жизни Шуйскаго, который и засадилъ его «съ женишкомъ и съ дѣтишками въ Ерославль, въ тюрьму» [2]). Такими челобитными, по свидѣтельству Соловьева, осаждали Сигизмунда московскіе служилые люди въ періодъ междуцарствія; челобитчики получили просимое отъ имени Сигизмунда, который въ своихъ жалованныхъ грамотахъ величалъ ихъ своими боярами [3]). Пожалованья отъ короля Сигизмунда получалъ самъ бояринъ Өедоръ Ивановичъ Мстиславскій и его товарищи.

---

[1]) Тамъ же, стр. 380.— Измѣнниковъ Филаретъ съ Голицынымъ пытались уговорить, но напрасно; келарь Палицынъ даже не явился къ нимъ (стр. 383).

[2]) „Рус. истор. Библ.“, т. II, № 172.

[3]) „Истор. Рос.“, т. VIII, стр. 385. Царица Марөа, мать убитаго царевича Дмитрія, была одной изъ челобитчицъ этого рода.

Можно ли было надѣяться московскому государству на Москву и ея служилыхъ людей послѣ этого?

Поднялись силы народныя и спасли московское государство. Онѣ спасли его, очистивъ Москву отъ враговъ до избранія царя, очистивъ отъ нихъ всю Русь по избраніи его.

Первый царь изъ дома Романовыхъ былъ избранъ *не Москвою*, а всею землей, совѣтомъ всей земли, и въ этомъ его прочность на престолѣ, въ этомъ его сила, несмотря на личную слабость характера. Боярскимъ измѣнамъ и крамоламъ пришлось отодвинуться на задній планъ. Въ самомъ актѣ избранія царя всею землею въ лицѣ ея «лучшихъ и разумныхъ людей», посланныхъ этою землею въ Москву, въ качествѣ ея представителей, выражается то «единеніе» отдѣльныхъ слоевъ народа между собою и всего его съ царемъ, котораго недоставало предшествовавшимъ царствованіямъ. Ни Борисъ Годуновъ, ни тѣмъ менѣе сынъ его Ѳедоръ или Василій Шуйскій не были избраны совѣтомъ всей земли московскаго государства, не опирались на него, и въ этомъ — причина ихъ гибели. Они были «выкликнуты» Москвой или лучше извѣстною частью ея, извѣстною партіей. Они и опирались только на нее, на эту партію; отсюда они являлись не представителями всего государства московскаго во всей его совокупности, а лишь частицы его; они были олицетворителями «розни», а не единства. Опять-таки, повторяемъ, въ этомъ причина ихъ паденія.

Это отлично понимало боярство московское, когда возведеніе на престолъ названныхъ царей старалось облекать въ глазахъ народа въ формы соборнаго народнаго избранія, на самомъ дѣлѣ не имѣвшаго мѣста. Это понимали и всѣ лучшіе люди своего времени, когда добивались избранія царя дѣйствительно *всею землею*, когда добивались управленія этой земли съ совѣта ея самой, ея выборныхъ, «лучшихъ и разумныхъ людей». Это понимали цари Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, когда въ трудныя минуты государственной жизни обращались за совѣтомъ и слѣдовали ему.

Одинъ изъ нашихъ ученыхъ называетъ царствованіе Михаила Ѳедоровича «въ полномъ смыслѣ слова золотымъ вѣкомъ земскихъ соборовъ». Дѣйствительно, первыя восемь лѣтъ этого царствованія были временемъ, можно сказать, соборнаго управленія московскаго государства, временемъ управленія его царемъ «съ совѣта» представителей всей земли — всего освященнаго собора (духовенства), бояръ, окольничихъ, думныхъ людей, жильцовъ и дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ, гостей и всякихъ служилыхъ *и посадскихъ и уѣздныхъ людей всякихъ чиновъ*. Съ совѣта собора царь устанавливалъ новые соборы: «по нашему указу и *по земскому приговору*... посланы по городамъ для денежныхъ сборовъ ратнымъ людемъ на жалованье» сборщики; съ его совѣта рѣшались всякіе вопросы внѣшняго и внутренняго управленія [1]).

Но вотъ по смерти царя Михаила остался шестнадцатилѣтній сынъ Алексѣй. московское государство окрѣпло. Царь Михаилъ, опираясь на совѣтъ земли, спокойно просидѣлъ на своемъ престолѣ тридцать два года,—попытки къ самозванству (Луба) не вели ни къ чему, внѣшнія отношенія государства упорядо-

[1]) Нѣсколько большія подробности см. выше, въ статьѣ: „Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Московскаго государства“.

чены. Боярство московское снова поднимаетъ голову и выступаетъ при новомъ царѣ на первый планъ; совѣтъ земли оттирается на послѣдній.

Лица, такъ сказать, опекавшія царя-юношу,—лица, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось все управленіе едва вздохнувшимъ московскимъ государствомъ,—оказались, по отзыву нашего историка, не отличавшимися безкорыстіемъ, «не умѣвшими возвыситься до того, чтобы не пользоваться временемъ для своихъ частныхъ цѣлей» [1]). Правители, благодаря этому, забыли все предшествовавшее,—забыли, что царя Алексѣя, по выраженію Котошихина, все-таки «на царство обрали», что онъ вѣнчанъ, по свидѣтельству Олеарія, «единодушнымъ согласіемъ всѣхъ бояръ, знатныхъ господъ и всего народа», и что этотъ послѣдній не сомнѣвался, что «обранный» царь и его правители пойдутъ вмѣстѣ съ нимъ, народомъ. Забывъ все это, Морозовы и Чистые не нашли нужнымъ обращаться къ совѣту земли, блюсти интересы этой послѣдней и по возможности подавлять свои «частныя цѣли». Въ результатѣ снова получаются смуты, крамолы и всеобщая безурядица, которая—кто знаетъ—къ чему бы привела, еслибы не желѣзная рука царя-революціонера, одинаково сломившая и служилое сословіе, и совѣтъ земли.

Воспитатель царя забралъ его современниковъ въ руки, онъ женилъ его на дочери нѣкоего Милославскаго, на второй дочери котораго, девять дней спустя послѣ царской свадьбы, женился самъ. Составилась клика Морозовыхъ-Милославскихъ и ихъ друзей-пріятелей. Разнузданность «хищенія» дошла до цинизма, перейдя всякіе предѣлы осторожности. Народу стало не въ терпежъ, что называется, и прежде всего въ самой Москвѣ. Царя начали осаждать челобитными, но это средство не достигало цѣли,—не даромъ между народомъ и царемъ, въ качествѣ «средостѣнія», стоялъ не соборъ, совѣтъ земли, какъ при Михаилѣ, а плотная масса служилаго и приказнаго люда съ тѣми же Морозовымъ и Милославскимъ во главѣ: «окружавшіе царя,—говоритъ Соловьевъ,—брали просьбы у народа и всякій разъ представляли дѣло въ иномъ видѣ» [2]). Случилось то, что случается всегда, когда мѣра народнаго терпѣнія исчерпывается, когда тяжесть положенія переходитъ за предѣлы всякой выносливости. Не прошло трехъ лѣтъ, со смерти царя Михаила, какъ въ Москвѣ, а за ней и въ цѣлой сѣверной окраинѣ, «народъ чинится силенъ», говоря просто—народъ возстаетъ противъ хищниковъ-администраторовъ.

Въ концѣ мая 1648 года толпы московскаго населенія, встрѣчая царя на пути его отъ «Троицы-Сергія», вмѣсто криковъ радости и ликованія, обращаются къ нему съ просьбами, жалобами, сопровождая ихъ почти насиліемъ: ему загородили путь, его лошадь удерживали за узды, его заставили дать обѣщаніе устранить изъ земскаго приказа судью его Леонтія Плещеева изъ шайки Милославскихъ. Этимъ дѣло не кончилось. Прихлебатели хищниковъ вздумали, по удаленіи царя, отплатить толпѣ осыпая ее ударами нагаекъ, топча ее своими лошадьми. «Народъ разсвирѣпѣлъ», говоритъ Соловьевъ. Онъ превратился въ страшную стихійную силу, которая грозила смыть съ лица земли все ей ненавистное. Толпа не остановилась передъ тѣмъ, чтобы ворваться въ царскій дво-

[1]) *Соловьевъ*, „Ист. Рос.“, т. X, стр. 122.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 154.

рецъ, куда скрылись избитые оскорбители. Остановленная въ своемъ покушеніи, толпа неистовствовала передъ царскими хоромами, требуя Плещеева. Вышелъ Морозовъ, но и на него набросились. Принялись за грабежъ и разрушеніе въ самомъ Кремлѣ; отъ дома Морозова не осталось ничего. Въ своей мести народъ дошелъ до того, что срывалъ, въ домѣ Морозова, даже драгоцѣнныя украшенія съ иконъ, предавая ихъ разрушенію, какъ нажитыя «хищеніемъ». Разрушеніе рѣкой разлилось за стѣны Кремля, по всей Москвѣ; раззоряли все принадлежавшее ненавистной кликѣ. Пролилась кровь. Чисто́й, одинъ изъ Морозовыхъ, былъ выброшенъ изъ дома во дворъ, гдѣ забитъ до смерти; трупъ его бросили въ навозъ. Москва бушевала весь день. Бунтъ продолжался и на другой день. Раннимъ утромъ масса бунтовавшихъ устремилась къ Кремлю. Его охраняла *нѣмецкая* стража, окружавшая и самый дворецъ. Ближайшія къ Кремлю улицы загорѣлись.

Увы, какъ должно оскорбиться чувство патріотизма нашихъ патріотовъ: нѣмецкіе наемные солдаты охраняютъ царя отъ народа и этотъ народъ не трогаетъ ихъ, отступаетъ передъ ними, и отступаетъ, по разсказу историка, не только какъ передъ вооруженною силой, но и какъ передъ людьми, которыхъ уважаетъ за то, что они «люди честные, обмановъ и притѣсненій боярскихъ не хвалятъ» [1]). Если не оскорбиться, то задуматься есть надъ чѣмъ. Народъ успокоился лишь послѣ объясненія съ популярнымъ бояриномъ Романовымъ, къ защитѣ котораго теперь прибѣгнула клика. Онъ ждалъ выдачи ему хищниковъ. Царь выдалъ Плещеева, приказавъ казнить его передъ народомъ, который немедленно привелъ палача; но, не дождавшись конца обряда надъ выведеннымъ Плещеевымъ, толпа схватила его, размозжила голову и всячески позорила обезглавленный трупъ. Этой жертвы было мало. Черезъ два дня поймали еще одного хищника — Траханіотова, которому и повелѣно было царемъ, проведя его на позоръ по всѣмъ главнымъ улицамъ Москвы съ колодкой на шеѣ, отрубить голову. Морозовъ спасся только личнымъ заступничествомъ за него самого царя передъ народомъ [2]). Онъ на время былъ скрытъ въ Кирилловскомъ монастырѣ, гдѣ его всячески охраняли отъ мести народной.

Едва стихла Москва, какъ возстали Сольвычегодскъ, Устюгъ и другіе сѣверные города, а потомъ — Псковъ и Новгородъ. Поводы къ возстанію вездѣ были одни и тѣ же — хищенія служилыхъ людей. Возстанія на сѣверѣ сопровождались не менѣе страшными и кровавыми явленіями. Мы не будемъ на нихъ останавливаться, а желающихъ ознакомиться съ ними поподробнѣе отошлемъ къ «Исторіи» того же Соловьева, который описываетъ ихъ чуть не прямо языкомъ памятниковъ того времени [3]). Мы ограничимся лишь однимъ указаніемъ на то, что въ провинціи, вдали отъ самого царя, возстаніе принимало порой такой характеръ, что высказывалось недовольство самимъ царемъ. Такъ, наприм., въ Новгородѣ, подъ звонъ набата, на площадяхъ кричали, что «царь объ насъ нерадѣетъ». Дѣло зашло слишкомъ далеко. Останавливаться только на пыткахъ, казняхъ и т. п. было нельзя. Это поняли въ Москвѣ, лишь стихъ мятежъ

[1]) *Тамъ-же*, т. X, стр. 155.
[2]) *Тамъ-же.*
[3]) *Тамъ-же*, стр. 161—167, 169—204.

московскій. Выходъ оставался одинъ—обратиться къ «совѣту земли», который такъ часто выручалъ московское государство изъ многихъ и лихихъ бѣдъ.

Къ этому средству и обратились, едва стихло въ Москвѣ, а на сѣверѣ только разгоралось. Царскими грамотами созывались со всѣхъ концовъ государства «люди добрые и смышленые, кому бы государевы и земскія дѣла за обычай». Ихъ призывали въ Москву для того, чтобы принять участіе въ выработкѣ знаменитаго «Уложенія царя Алексѣя», которымъ, можно сказать, опредѣлялся весь строй московскій—государственный и земскій.

Едва кончился и былъ распущенъ соборъ объ Уложеніи, какъ царь созываетъ снова представителей земли русской — на этотъ разъ уже спеціально по поводу мятежа, который не только нарушалъ внутренній покой московскаго государства, но и усложнялъ внѣшнія отношенія его къ сосѣднимъ государствамъ, по поводу которыхъ собственно вспыхнулъ и самый мятежъ. Псковичи не признавали законнымъ и не хотѣли исполнять договора Москвы съ Швеціей, по которому они, псковичи, должны были послѣдней отпустить нѣсколько тысячъ четвертей хлѣба. Псковичи пытали шведскаго политическаго агента; то же происходило вслѣдъ за этимъ въ Новгородѣ, гдѣ избили датскаго посланника. Волненія шли въ обоихъ городахъ параллельно, и шли бурно, кроваво, не встрѣчая на пути никакихъ преградъ, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, ни даже передъ авторитетомъ духовной власти митрополита: Никонъ (будущій патріархъ), митрополитъ новгородскій, по его собственнымъ словамъ въ письмѣ къ царю, былъ схваченъ у себя на сѣняхъ «со всякимъ безчиніемъ», его «ослопомъ въ грудь ударили и грудь разшибли, по бокамъ били кулаками и камнями»; и нынѣ, заключалъ свое письмо святитель церкви, «лежу въ концѣ живота, кашляю кровью и животъ весь запухъ...» [1]). Въ Псковѣ архіепископа Макарія съ позоромъ водили по улицамъ и въ концѣ концовъ посадили въ какой-то богадѣльнѣ на цѣпь, на которой онъ просидѣлъ болѣе часу, пока не далъ обѣщаніе удовлетворить требованіе возставшихъ. Псковичи требовали у новаго воеводы, присланнаго имъ изъ Москвы на смѣну того, при которомъ произошло возстаніе, пороху и свинцу въ виду дошедшаго до нихъ слуха, что «идутъ съ Москвы во Псковъ многіе служилые люди», въ которыхъ они прямо видятъ нѣчто хуже нѣмцевъ, нападающихъ на нихъ изъ-за рубежа [2]). Псковъ совсѣмъ отложился отъ московскаго государства.

Да и въ самомъ сердцѣ государства — Москвѣ — снова было непокойно. Морозовъ въ изгнаніи пробылъ недолго. Недовольные уцѣпились за это, какъ за предлогъ. Въ народѣ ходили зловѣщіе толки. Всѣ невзгоды народная масса приписывала тому, что «государь молодой и глядитъ изо рта у бояръ Морозова и Милославскаго, они всѣмъ владѣютъ, и самъ государь все это знаетъ да молчитъ». Шли слухи, что популярный бояринъ Романовъ выйдетъ на Лобное мѣсто, чтобы говорить къ народу, что «за него всѣмъ міромъ станутъ, Морозова и другихъ станутъ побивать и грабить...» [3]). Въ возставшихъ городахъ—Новгородѣ и Псковѣ—ходили странные слухи, что царя уже нѣтъ въ Москвѣ,

[1]) *Тамъ-же*, стр. 176.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 190.
[3]) *Тамъ-же*, стр. 146 и сл.

что онъ бѣжалъ за границу, спасаясь отъ готовившагося на его жизнь покушенія со стороны московскихъ бояръ.

Еще прежде, чѣмъ обратиться къ содѣйствію «совѣта земли», царь отправилъ въ Псковъ цѣлое посольство изъ духовенства и выборныхъ отъ служилыхъ людей, а также и отъ высшихъ слоевъ московскаго торгово-промышленнаго населенія. Въ началѣ іюля 1650 года отправилось посольство въ Псковъ, правильно осаждаемый въ это время царскимъ воеводой, а въ концѣ того же мѣсяца въ Москвѣ собрался земскій соборъ для разсужденія «о псковскомъ воровскомъ заводѣ». У совѣта земли царь дѣйствительно спрашивалъ совѣта, какъ поступить съ возставшимъ краемъ. По увѣренію Соловьева, въ архивѣ, на основаніи данныхъ котораго онъ излагаетъ ходъ дѣла, нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ о происходившемъ на этомъ интересномъ соборѣ, какъ не сохранилось и самаго отвѣта на поставленный ему правительствомъ вопросъ, но о характерѣ преній и отвѣта можно заключить по характеру тѣхъ мѣръ, которыя предприняло московское правительство, посовѣтовавшись съ соборомъ, особенно если сравнить ихъ съ тѣми, къ которымъ оно намѣрено было прибѣгнуть до собора.

Отправленному въ Псковъ посольству велѣно было требовать выдачи зачинщиковъ и грозить, въ случаѣ отказа, походомъ на возставшихъ на самого царя и раззореніемъ «до конца» города. Послѣ собора посольству послано было повелѣніе *не требовать выдачи зачинщиковъ,* обѣщать снятіе осады и уходъ изъ-подъ стѣнъ города осаждавшаго его воеводы (сначала посламъ указывалось требовать впуска его въ городъ); о раззореніи уже нѣтъ и помину. Правительству не пришлось сожалѣть о томъ, что оно послѣдовало совѣту представителей земли: такъ долго и упорно бунтовавшій городъ смирился. Въ концѣ того же 1650 года государь объявилъ собору, что «псковичи вины свои принесли, присягу дали», и онъ ихъ прощаетъ [1]).

Соловьевъ ставитъ вопросъ, говоря о псковскомъ мятежѣ, почему московское правительство отступало передъ рѣшительными мѣрами. Отвѣтомъ на это, несомнѣнно, могло бы служить постановленіе собора, еслибъ оно дошло до насъ. Но историкъ, не желая отвѣчать на поставленный имъ вопросъ «догадками», вмѣсто этого указываетъ на одинъ историческій фактъ, «на одно опасеніе», какъ онъ выражается, которое состояло въ слѣдующемъ: «тотчасъ послѣ собора призваны были черныхъ сотенъ сотскіе въ посольскій приказъ и говорено имъ, *чтобъ извѣщали государю про всякихъ людей, которые станутъ воровскія рѣчи говорить или въ народъ вмѣщать*» [2]). Историкъ ограничивается только однимъ указаніемъ на этотъ фактъ, не дѣлая никакихъ съ своей стороны замѣчаній; да въ нихъ нѣтъ и необходимости.

Прошло двѣнадцать лѣтъ: «моровое повѣтріе», сильно опустошившее московское государство, безконечныя, казалось, войны и безъ «хищеній» служилыхъ и приказныхъ людей могли раззорить государство и болѣе экономически состоятельное, чѣмъ московское. Оно и было на пути къ раззоренію уже во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ XVII столѣтія. Пришлось прибѣгать къ необычайнымъ мѣрамъ; правительство рѣшилось на это безъ совѣта съ

[1]) *Тамъ-же,* стр. 204.
[2]) *Тамъ-же,* стр. 200.

землею, къ которой въ полномъ составѣ ея въ послѣдній разъ оно обращалось въ 1653 году, по поводу присоединенія Малороссіи. Пущены были въ ходъ мѣдныя деньги съ нарицательною цѣной серебряныхъ. Дѣло только ухудшилось. Весной 1662 года Москва переполнена всякими тревожными слухами, а лѣтомъ она снова вся охвачена пожаромъ мятежа народнаго.

Царскіе близкіе люди переполнили чашу народнаго терпѣнія. Они не остановились передъ чудовищнымъ дѣломъ извлечь пользу изъ народнаго бѣдствія: тесть царя и его друзья прямо содѣйствовали распространенію *фальшивыхъ* мѣдныхъ денегъ.

Въ концѣ іюля москвичи собрались на Срѣтенкѣ обсудить вопросъ о сборѣ «пятой деньги» (пятой части дохода), вновь наложенной на народъ правительствомъ въ виду войны съ Польшей. Собраніе было возбуждено. Въ разгаръ его съ Лубянской площади занесена была искра: тамъ, на столбѣ, было приклеено «письмо», объявлявшее царскаго тестя съ его кликой измѣнниками. Пожаръ вспыхнулъ. Масса народа широкою рѣкой полила въ село Коломенское, гдѣ жилъ въ это время царь. Тамъ ему вручили «письмо» и требовали «измѣнниковъ» привесть передъ себя. Царю удалось вернуть толпу въ Москву лишь клятвой Богомъ и тѣмъ, что онъ «ударилъ по рукамъ» передъ ней съ однимъ изъ ея среды въ томъ, что «учинитъ сыскъ и указъ». Пока въ Коломенскомъ шли переговоры, въ Москвѣ грабили дома ненавистныхъ правителей. На дорогѣ въ Москву возвращавшаяся толпа встрѣтилась съ другой, идущей изъ Москвы къ царю же. Обѣ соединились и направились въ Коломенское. Царь садился на коня съ цѣлью ѣхать въ взволновавшуюся столицу. Его осадили, требуя выдачи «измѣнниковъ». Царь снова клялся «сыскать и наказанье учинить», выставляя въ томъ «жену и дѣтей своихъ поруками» [1]). Все напрасно, — толпа ревѣла, требуя измѣнниковъ и грозя добыть ихъ силою. Царю пришлось нарушить только-что данную клятву. Въ безоружную толпу ударили стрѣльцы. Перебито и перехватано больше семи тысячъ человѣкъ. Началась кровавая расправа, — страшная, московская расправа: «*того-жъ дни*, — разсказываетъ Котошихинъ, — около того села повѣсили со сто пятьдесятъ человѣкъ, а достальнымъ всѣмъ былъ указъ, пытали и жгли, отсѣкали руки и ноги и у рукъ и у ногъ пальцы, *а инымъ* того-жь дни учиненъ указъ, завязавъ руки назадъ, *посадя въ большіе суды*, потопили въ Москвѣ рѣкѣ». Остальныхъ, «бивъ кнутьемъ» и заклеймя на правой щекѣ раскаленнымъ желѣзомъ буквою «б» (бунтовщикъ), «разослали въ дальніе городы... и въ Сибирь» [2]). На другой день царь былъ въ Москвѣ «и тѣхъ воровъ, которые грабили домы, велѣлъ повѣсить по всей Москвѣ у воротъ по пяти и по четыре» [3]).

Но цѣною пролитой крови цѣлыхъ тысячъ москвичей московское государство купило хоть нѣчто: мѣдныя деньги были отмѣнены.

А что же бояре-«измѣнники», какъ величалъ ихъ народъ? — Они остались цѣлы и невредимы, даже царской опалы не потерпѣли. Правда, на Милославскаго царь, какъ выражается Соловьевъ, «долго сердился, а его и царскій

[1]) *Тамъ-же*, стр. 27.
[2]) „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, стр. 85.
[3]) *Тамъ-же*, стр. 86.

свойственникъ Матюшкинъ былъ отставленъ отъ приказа, которымъ завѣдывалъ. И только. Да и то это было еще до возстанія, когда были доказаны злоупотребленія этихъ администраторовъ. За то едва ли не другъ и сообщникъ ихъ, купецъ-гость Шоринъ, «деньги дѣлавшій» и потерпѣвшій во время бунта, — его домъ былъ разграбленъ, сына таскали въ Коломенское, — былъ пожалованъ: «царь не велѣлъ съ него, — говоритъ Котошихинъ, — имѣть пятыя деньги (т.-е. налогъ, пятую часть съ доходовъ), а довелось было съ него взять болши 15,000 рублевъ», заключаетъ Котошихинъ [1]).

А какія жестокія казни учинены были надъ разной мелкотой, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ! «Дьякамъ и подъячимъ и головамъ и цѣловальникамъ и денежнымъ ворамъ учинили казни», т.-е. по обыкновенію рѣзали руки, ноги, пальцы на нихъ и ссылали въ «дальніе городы» [2]).

Такою страшною расправой московское правительство достигло того, что «Москва утихла». Но она «утихла» какъ будто лишь для того, чтобы дать разгуляться стихійнымъ силамъ цѣлаго государства. Немного лѣтъ спустя послѣ описаннаго бунта московскаго государству приходится пережить нѣчто горькое: на далекомъ сѣверѣ, пріютившееся среди холоднаго Бѣлаго моря, не хочетъ покориться тишайшему и благочестивѣйшему изъ московскихъ царей его богомольческое населеніе; оно «чинилось сильно» и упорно сопротивлялось царской волѣ, отстрѣливаясь отъ царскихъ служилыхъ людей. Пока смиряли соловецкихъ «богомольцевъ», «страшный бунтъ кипѣлъ на концѣ противоположномъ», говоря языкомъ историка; тамъ подняли голову «сироты» его великаго государя и царя московскаго.

Голутынный [3]) казакъ съ Дона, Стенька Разинъ, или, какъ величаютъ его народныя пѣсни, «добрый молодецъ Степанъ Тимоѳеевичъ», поднялъ все Поволжье отъ Астрахани до Симбирска включительно, и не будь разбитъ подъ послѣднимъ городомъ царскими войсками, онъ, чего добраго, осуществилъ бы похвальбу свою — побывать *въ Москвѣ* и тамъ «въ верху», у царя, во дворцѣ пожечь всѣ бумаги. Его агенты-казаки заполонили своими «прелестными листами» цѣлыя палестины вверхъ по Волгѣ и на западъ отъ нея. Они охватили нынѣшнія Симбирскую, Пензенскую, Тамбовскую и Нижегородскую губерніи. Здѣсь не ждали батюшку Степана Тимоѳеевича, чтобъ учинить расправу съ ненавистными слугами царскими, этими измѣнниками, по тогдашнему народному воззрѣнію, царю и землѣ русской, — возставшее населеніе, сельское и городское, чинило расправу съ ними само, подъ руководствомъ или казаковъ разинскихъ или своихъ облюбованныхъ предводителей. «Бунтъ пылалъ, — по выраженію Соловьева — на всемъ пространствѣ между Окой и Волгой». Возставало коренное русское населеніе, возставали инородцы — татары, мордва, чуваши и черемисы.

Въ исторіи возстанія Разина «рознь» между народомъ съ одной стороны

---

1) *Тамъ-же.*

2) *Тамъ-же.* За все про все, „за тѣ деньги", по свидѣтельству Котошихина, „казнено въ тѣ годы смертною казнью болши 7,000 человѣкъ", да изувѣчено и сослано и лишено имущества „болши 15,000 человѣкъ" (стр. 86).

3) Изъ голытьбы, голый, неимущій.

и служилыми людьми московскаго государства—съ другой, выразилась наиболѣе рельефно и рѣзко, чѣмъ во всѣхъ тѣхъ явленіяхъ, на которыя мы до сихъ поръ указывали.

Это возстаніе было возстаніемъ народа противъ *служилыхъ* людей всякаго рода. Первое, за что принимались обыкновенно возставшіе, было безпощадное истребленіе воеводъ, боярскихъ дѣтей, дворянъ и всякихъ приказныхъ людей и всѣхъ дѣлъ ихъ. Самъ вожакъ возстанія, Разинъ, главною, исключительною цѣлью своихъ дѣяній ставилъ, какъ онъ объявилъ объ этомъ на казацкомъ кругу (собраніи) въ Царицынѣ, передъ нападеніемъ на Астрахань, «*вывести воеводъ на Руси и бояръ на Москвѣ*». И дѣйствительно, лишь только гдѣ-либо появлялся Разинъ или его шайки, лишь только какой-либо городъ сдавался на сторону казаковъ, какъ первымъ дѣломъ его населенія было истребленіе воеводы и всѣхъ присныхъ ему и всякихъ служилыхъ людей города. Имъ не было пощады, разъ они были «облихованы» міромъ, то-есть разъ всѣмъ были извѣстны за «лихихъ» людей, измѣнниковъ. Это была жестокая месть раззоряемаго и оскорбляемаго народа ихъ раззорителямъ и притѣснителямъ,—не щадили ни женщинъ, ни дѣтей, какъ будто задались цѣлью истребить съ корнемъ всѣхъ служилыхъ людей. Съ людей ненависть переносилась и на самое дѣло рукъ ихъ: какъ казаки, такъ и возстававшее подъ ихъ охраной населеніе съ остервененіемъ рвали и жгли тѣ бумаги—«дѣла», говоря современнымъ языкомъ, которыя находили въ воеводскихъ канцеляріяхъ. Эта ненависть къ писанью служилыхъ людей была такъ велика, что самъ Разинъ въ своемъ кровавомъ дѣлѣ не забывалъ расправляться съ дѣлами воеводскихъ избъ и, грозя добраться до Москвы, до ея бояръ, тѣшилъ «сиротъ» великаго государя и царя московскаго, обѣщалъ, какъ мы видѣли, пожечь и побрать всѣ бумаги даже у самаго царя на верху.

И на устьяхъ Волги мы встрѣчаемся съ явленіемъ родственнымъ, которое поразило насъ въ Москвѣ во время бунта 1662 года. И тамъ, какъ здѣсь, разъ всколыхался могучею волной народъ, не нашли болѣе надежнаго оплота противъ этой волны, какъ чужеземство, наемныхъ служилыхъ людей—нѣмцевъ и англичанъ. Какъ въ Москвѣ охраняли царя нѣмецкіе солдаты, такъ въ Астрахани воевода ея, князь Прозоровскій, старается «приласкать иноземцевъ», задобрить ихъ подарками и обѣдами. И его труды не пропадаютъ даромъ: изъ начальныхъ людей только нѣмецъ Бутлеръ да какой-то англичанинъ противостояли Разину до послѣдней возможности, только они требовали отъ подчиненныхъ *вѣрной* службы. Все измѣняло; клялось въ вѣрности—и измѣняло, измѣняло безъ малѣйшей попытки сопротивляться. Измѣняли стрѣльцы поголовно, измѣняли ихъ начальные люди. Находившіеся, такъ сказать, въ рядахъ, подъ ружьемъ, измѣняли царю и шли на сторону Стеньки Разина, а не застигнутые возстаніемъ въ этихъ рядахъ не спѣшили въ нихъ. Воевода князь Барятинскій, шедшій изъ Казани подъ Симбирскъ спасать этотъ городъ отъ Разина, писалъ царю съ дороги: «со мною пришло ратныхъ людей немного; *начальные люди* Зыковскаго и Чубаровскаго полковъ взяли на Москвѣ жалованье, а въ полки не бывали, живутъ по деревнямъ своимъ, а полковъ держать не кому». Воевода жаловался, что присланы списки «рейтарскихъ полковъ», въ коихъ «ради

корысти» написаны многіе мертвые, «одно имя—дважды и трижды» [1]. Это ли не измѣнники?

Послѣ страшнаго напряженія всѣхъ своихъ силъ московскому правительству удалось, наконецъ, въ 1671 году подавить возстаніе Поволжья. Оно затихло, но только затихло,—ровно черезъ сто лѣтъ его населеніе еще разъ подняло голову, и подняло ее при еще болѣе страшной обстановкѣ. Причины и цѣли возстанія были тѣ же.

Мы уже въ послѣдней четверти XVII столѣтія. Остается какихъ-нибудь два съ небольшимъ десятка лѣтъ до столь ненавистнаго нашимъ патріотамъ XVIII вѣка, а мы до сихъ поръ видѣли только крамолы, измѣны, кровавые перевороты и возстанія. Ихъ же увидимъ мы не мало и въ эти послѣдніе годы XVII столѣтія. Смирился далекій югъ, затихло Поволжье. Но еще не смирилась на крайнемъ сѣверѣ, на островахъ холоднаго Бѣлаго моря, горсть царскихъ богомольцевъ — монахи Соловецкаго монастыря. Ихъ смиряли царскія войска до начала 1676 года, въ концѣ января котораго соловецкія твердыни пали, признавъ доселѣ отрицаемыхъ ими царя и церковь.

Не насталъ золотой вѣкъ мира и благосостоянія въ московскомъ государствѣ и по смерти царя Алексѣя. Его старшій сынъ Ѳедоръ, къ которому власть царская переходитъ по благословенію отца, лежалъ, тяжело больной, въ постели въ моментъ смерти отца. Онъ былъ боленъ и во все свое недолгое царствованіе. Боярскимъ крамоламъ еще разъ открывалась широкая арена. Но все-таки при жизни больного царя они не достигали особенно широкихъ размѣровъ. За то съ тѣмъ большею силой развернулись по смерти его, когда московское государство оказалось въ положеніи хотя и «цѣлокупнаго», но охраняемаго сразу тремя царями, изъ коихъ двое сидѣли на престолѣ de jure, по праву, а третій, и притомъ женскаго пола, правилъ государствомъ de facto. Этими двоими былъ слабоумный Иванъ и бойкій, талантливый, десятилѣтній мальчикъ Петръ, а третьимъ—сестра ихъ, умная, энергичная Софья.

На дворцовой аренѣ сражались двѣ партіи, на которыя распадалось по смерти царя Ѳедора все боярство и вся челядь дворцовая, эти низкопоклонные холопы его великаго государя и царя московскаго. Одни стояли на сторонѣ будущаго царя-гиганта, теперь ребенка, и его матери; другіе — на сторонѣ скорбнаго духомъ и тѣломъ царя Ивана и его сестры Софьи. Боже, какое позорище представляетъ собою эта борьба! Это какое-то гнусное, циническое истребленіе врага,—истребленіе его не въ открытомъ бою, а путемъ гнусныхъ клеветъ, посредствомъ чужихъ рукъ, вовлекаемыхъ въ дѣло безсовѣстнымъ обманомъ. Это какая-то кровавая бойня, подобіе которой, по ея кровавому характеру, по ея звѣрству, ничѣмъ не оправдываемому, нелегко пожалуй отыскать и въ XVIII столѣтіи, такъ расписываемомъ нашими публицистами-патріотами.

Мы не въ состояніи воздержаться да и не имѣемъ права, въ виду только-что сказаннаго, отъ того, чтобы не остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ этой кровавой страницы, которою завершается хваленое XVII столѣтіе.

Уже въ самый моментъ смерти царя Ѳедора, въ виду его едва охладѣв-

---

[1]) *Соловьевъ*, „Исторія Россіи“, т. XI, стр. 437 и сл.

шаго тѣла, московское боярство, собравшееся на поклоненіе этому тѣлу, представляетъ собою сборище людей, приготовившихся въ каждую минуту вступить въ кровавую схватку: многіе изъ нихъ явились во дворецъ одѣтые въ панцыри подъ платьемъ. Но спокойствіе однако кое-какъ поддерживалось, пока тѣло царя не было предано землѣ. За то, едва эта церемонія совершилась, хищническимъ страстямъ уже не было удержу ни въ чемъ. Крамольники не остановились передъ тѣмъ, чтобы ввести въ дѣло такой общественный элементъ, какъ стрѣльцы—этотъ характерный видъ постояннаго войска, созданный московскимъ государствомъ. Старая московская партія боярская, партія Софьи, какъ бы предчувствуя конецъ своему царству, напрягла всѣ силы, пустила въ ходъ всѣ средства, выработанныя вѣковою московско-византійскою практикою двора московскихъ царей. Она рѣшила погибнуть, если ужь это неизбѣжно, вмѣстѣ съ тѣмъ невеличественнымъ храмомъ, въ созданіи котораго она и ея предки принимали такое участіе, въ которомъ она составляла одну изъ капитальныхъ основъ, одинъ изъ великихъ устоевъ.

Уже въ концѣ царствованія Ѳеодора стрѣльцы представляли собою сильно-горючій матеріалъ, для воспламененія котораго недоставало одной искры. Сторонники Софьи, чтобы погубить партію юнаго царя Петра или лучше его матери-правительницы, рѣшились поджечь этотъ матеріалъ, а вмѣстѣ науськать на своихъ враговъ вообще московскіе «ужасы». Еще въ день похоронъ царя царевна Софья, возвращаясь площадью Кремля изъ собора во дворецъ, обратилась, по свидѣтельству одного современника, къ народу, наполнявшему площадь, съ жалостными словами, перемѣшанными со слезами, прося его о милосердіи и защитѣ и въ то же время намекая на отравленіе только-что похороненнаго царя его зложелателями и на свою личную небезопасность отъ этихъ зложелателей, т.-е. людей, окружавшихъ царя Петра и его мать. Эта ламентація, произведшая на народъ сильное впечатлѣніе, указываетъ на планъ дѣйствія партіи и ея средства. Жалоба царевны была лозунгомъ. Когда на третій день послѣ смерти Ѳеодора стрѣльцы явились во дворецъ съ жалобой на грабежъ и притѣсненія со стороны своихъ полковниковъ, когда они получили удовлетвореніе въ желанной формѣ отъ растерявшейся правительницы; когда, превратившись въ разнузданную массу, стали расправляться съ нелюбимыми начальниками уже своимъ собственнымъ судомъ,—сторонники Софьи, ликовавшей по поводу такого положенія вещей, и начали эту буйную, вооруженную толпу разжигать, притомъ же при усердномъ и непосредственномъ участіи самой Софьи. Съ одной стороны ихъ одаривали и ласкали, а съ другой — напѣвали (наприм., Хованскій), что ярмо боярское несомнѣнно усилится въ правленье царицы-матери, что стрѣльцы будутъ закабалены вовсе, Москва будетъ сгублена, вѣра православная искоренена. Не остановившись передъ оскверненіемъ «вѣры православной», сдѣлавъ изъ нея орудіе своихъ низменныхъ стремленій, благочестивые московскіе бояре уже, разумѣется, считали за ничто такое средство, какъ возведеніе на своихъ противниковъ намѣренія отравить царя Ивана. 15-го мая 1682 года двое изъ нихъ, Милославскій и Толстой, лично разнесли по стрѣлецкимъ полкамъ зловѣщую новость объ этомъ намѣреніи партіи матери Петра. Пожаръ вспыхнулъ и страшнымъ моремъ огня разлился по всей Москвѣ. Москва опять возстала,—

возстала, непосредственно возбужденная партіей *бояръ*. И дала-жь она себя знать!... Подъ мрачные звуки набата и бой барабановъ, стрѣльцы со знаменами, вооруженные, даже съ нарядомъ (артиллеріей), двинулись въ Кремль и быстро наводнили его вмѣстѣ съ массами народа. Давно уже разжигаемый, звѣрь былъ не только разнузданъ, но и постоянно, ловко натравляемъ. Онъ быстро отвѣдалъ крови, расправившись съ нелюбимымъ начальникомъ своимъ, княземъ Долгоруковымъ. Началась безпощадная, звѣрская расправа. За растерзаннымъ Долгоруковымъ палъ знаменитый бояринъ Матвѣевъ, популярный изъ бояръ даже въ средѣ самихъ стрѣльцовъ: его сбросили съ дворцоваго крыльца «и съ такимъ своимъ тиранствомъ,— разсказываетъ сынъ его, — варварскимъ, въ бердыши все его тѣло разсѣкли и разрубили такъ, что ни одинъ членъ цѣлымъ не нашелся». Ничто не могло укрыть отъ мстителей ихъ жертвъ — ни царскія палаты, ни алтари храмовъ. Бояръ вытаскивали отовсюду. «А многочисленные царедворцы и вмѣстѣ воины,— какъ выражается Соловьевъ, — ежедневно толкавшіеся на крыльцѣ и въ передней, неизвѣстно куда попрятались и оставили Кремль и Москву»... Звѣрь бушевалъ, не давая ничему пощады. За Долгорукимъ и Матвѣевымъ та же участь постигла и многихъ другихъ изъ родовитыхъ, сановныхъ бояръ московскихъ. Надъ всѣми стрѣльцы практиковали свой излюбленный, мученическій способъ: заколовъ, рубили трупъ на части, разбрасывая ихъ по площади. Три дня шла расправа, закончившись казнью иноземнаго доктора фонъ-Гадена, обвиненнаго въ отравленіи покойнаго царя. Послѣ этой казни стрѣльцы объявили себя удовлетворенными, предоставивъ съ остальными «измѣнниками» самимъ «царскимъ *величествамъ чинить что угодно*». Получили стрѣльцы за свою расправу и другое удовлетвореніе: правительница Софья одарила ихъ деньгами и возвела въ званіе «*надворной пѣхоты*».

Довольны и удовлетворены были стрѣльцы пролитою кровью, но не удовлетворены были ею бояре, и смута не кончилась; она заполняетъ собою всѣ остальные годы XVII вѣка и передается даже XVIII-му. Да и удовлетвореніе стрѣльцовъ лишь раззадорило ихъ аппетитъ. Въ качествѣ «надворной пѣхоты», да еще съ такимъ начальникомъ, какъ Хованскій, они претендовали не на послѣднюю роль. Они уже ставятъ требованія, являются съ угрозами. И ихъ удовлетворяютъ. «И тщахуся,—говоритъ одинъ изъ современниковъ [1]),—безумные и глупые *государствомъ управляти* невѣдуще». Дошло дѣло до того, что, по требованію стрѣльцовъ, правительница Софья и ея партія открыто признали свое соучастіе въ кровавой расправѣ ихъ, освятивъ своею властью эту расправу, признавъ ее только справедливою карою, достойнымъ наказаніемъ растерзаннымъ боярамъ за «ихъ налоги, обиды, неправды». И эта санкція стрѣлецкой расправы произведена была, по ихъ настоянію, самымъ торжественнымъ образомъ, передъ глазами всей Москвы. «Великіе государи указали среди своего московскаго государства учинить въ Китаѣ-городѣ, на Красной площади, *столпъ* и тѣхъ побитыхъ злодѣевъ и мятелевъ (т.-е. бояръ), кто за что побиты, на томъ столпѣ имяны подписать, чтобъ впредь иные, помня наше государское крестное цѣло-

---

[1]) Медвѣдевъ, авторъ записокъ о первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ и участникъ во второмъ. „Строптель и настоятель“ московскаго Заиконоспасскаго монастыря казненъ вмѣстѣ съ Шакловитымъ.

ваніе, чинили правду». Кромѣ этого во всѣ стрѣлецкіе и солдатскіе полки были посланы жалованныя грамоты, въ коихъ запрещалось называть жалуемыхъ за учиненное ими «побитіе» бунтовщиками и измѣнниками. Очевидно, что правительство было совершенно въ рукахъ той силы, за которою оно такъ ухаживаетъ, которая его, по выраженію нашего историка, «налѣпила, устроила». Этой политики ухаживанья приходилось держаться и впредь. Малѣйшее отступленіе отъ нея повело бы къ катастрофѣ. Это — съ одной стороны; а съ другой, опираясь на стрѣльцовъ, подняли голову московскіе посадскіе и всякихъ чиновъ люди.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ стрѣльцы предъявили «налѣпленному» ими правительству новое требованіе. Они явились съ челобитной объ истребленіи «ересей» изъ священныхъ книгъ, занесенныхъ туда при патріархѣ Никонѣ. Они добиваются публичнаго состязанія о вѣрѣ въ Грановитой палатѣ. Здѣсь, на состязаніи, оскорбляется кѣмъ-то изъ ихъ среды правительница Софья, такъ имъ мирволившая, ими «налѣпленная». Оскорбленная поведеніемъ знаменитаго попа Никиты, царевна грозитъ уйти «изъ царства вонъ» и получаетъ въ отвѣтъ изъ толпы стрѣльцовъ: «Пора, государыня, въ монастырь... Полно царствомъ-то мутить. Намъ бы здоровы были цари-государи, а безъ васъ пусто не будетъ». И это вслѣдъ за тѣмъ, какъ бояре, съ Хованскимъ во главѣ, тутъ же, на глазахъ всѣхъ, съ плачемъ просили правительницу не идти изъ царства вонъ, обѣщая за нее «головы свои положить». Споры кончились, но кончились благодаря буйному насилію тѣхъ же стрѣльцовъ, напоенныхъ изъ царскихъ погребовъ: они убили «отцовъ», защищавшихъ старую вѣру, и отказались отъ защиты послѣдней. Надворная пѣхота не останавливается на этомъ. Нѣсколько дней спустя она требуетъ у царей выдачи ей *всѣхъ* бояръ, которые будто хотятъ перевести ее, пѣхоту, всю. Они требуютъ увеличенія окладовъ. Хованскій ихъ во всемъ поощряетъ.

Въ августѣ по Москвѣ разнесся страшный слухъ, будто стрѣльцы во время крестнаго хода, въ память избавленія Москвы отъ нашествія крымцевъ въ царствованіе Ѳедора Ивановича, затѣяли лишить жизни обоихъ царей. Слухъ настолько былъ вѣроятенъ, что цари не приняли участія въ крестномъ ходѣ и на другой день покинули Москву, укрывшись въ село Коломенское.

Считаемъ излишнимъ всякіе комментаріи. А Хованскій, начальникъ стрѣльцовъ, продолжаетъ запугивать Софью, заявляя, что изъ Новгорода въ Москву идутъ служилые тамошніе люди съ намѣреньемъ «сѣчь на Москвѣ всѣхъ безъ выбора и безъ остатка». Цари не пріѣхали, вопреки исконному обычаю, въ Москву и для празднованія новаго года 1 сентября. Вся Москва была въ необычномъ состояніи, состояніи сильно возбужденномъ: цари ея не находились въ ея стѣнахъ въ безопасности. Такъ дѣло идти не могло, а должно было чѣмъ-нибудь разрѣшиться. Оно и разрѣшилось,—разрѣшилось еще въ томъ же все XVII столѣтіи, — опять кровавымъ путемъ.

Хованскаго съ сыномъ обвиняютъ въ подметныхъ письмахъ, въ намѣреніи весь «царскій корень известь», царевенъ постричь, бояръ перебить, «а какъ государство замутится», сѣсть на царство. Съ ними расправились быстро, быстрѣе всякаго военнаго суда: 17-го сентября — день именинъ правитель-

ницы—читано было, въ присутствіи царей въ селѣ Воздвиженскомъ, подметное письмо, 17-го же арестованы Хованскіе, 17-го-жъ читаны имъ «вины» ихъ, еще до предъявленія имъ коихъ состоялся приговоръ «казнить смертью», и того же 17-го сентября стрѣлецъ, за неимѣніемъ на мѣстѣ палача, «*вершилъ* Хованскихъ на площади у большой Московской дороги».

Этимъ дѣло не могло кончиться. Стрѣльцы не могли спокойно отнестись къ казни ихъ любимаго, такъ мирволившаго имъ, начальника. Въ Москву въ ночь, слѣдовавшую за казнью, явился другой сынъ Хованскаго и взволновалъ стрѣльцовъ. «Надворная пѣхота» быстро привела Москву въ осадное положеніе. Столица московскихъ царей отдѣлилась отъ нихъ, составила государство въ государствѣ, готовилась идти противъ бояръ, собравшихся въ Воздвиженскомъ. Стрѣльцы грозили смертью патріарху, не успѣвшему выбраться изъ Москвы. Властямъ, собравшимся въ Воздвиженскомъ, пришлось осаждать столицу. Стягивались отовсюду служилые люди, какъ бы на войну противъ непріятеля.

Стрѣльцы должны были уступить передъ грозившей имъ силой, и уступили. Тѣмъ устранилось безобразное явленіе — осада Москвы московскимъ правительствомъ. Въ началѣ октября между правительствомъ и стрѣльцами, сдавшимися на условіяхъ, предъявленныхъ правительницей Софьей, былъ заключенъ миръ. Сдавшіеся приносили въ Успенскомъ соборѣ, передъ патріархомъ, клятву въ вѣрной службѣ царямъ московскимъ. Но дворъ, перебравшійся въ Троицкій монастырь подъ защиту святыни и войска изъ служилыхъ людей, все еще въ Москву не переселялся и вернулся въ нее черезъ мѣсяцъ по заключеніи мира, лишь послѣ того, какъ стрѣльцы снесли съ Красной площади столпъ, о которомъ говорилось нѣсколько выше и которымъ ихъ расправа 15—17 мая возводилась въ государственную заслугу. Отъ заслуженнаго и пожалованнаго имени «надворной пѣхоты» стрѣльцы тоже должны были отказаться. Начальникомъ стрѣлецкаго приказа назначенъ былъ извѣстный Шакловитый. Пришлось принимать крутыя мѣры и послѣ этого, тѣмъ болѣе, что не только смирившіеся на словахъ стрѣльцы не легко смирялись на дѣлѣ, но «смутное время», какъ называло этотъ періодъ времени само московское правительство, отразилось и во всемъ московскомъ государствѣ, во всѣхъ его областяхъ и уѣздахъ. Это констатируется оффиціальными актами того времени. Въ «памяти» изъ стрѣлецкаго приказа въ разрядный отъ 21 мая 1683 года, предписывающей «всякихъ чиновъ людямъ» во всѣхъ городахъ доносить воеводамъ о всякихъ подозрительныхъ въ политическомъ отношеніи людяхъ, говорится, что до свѣдѣнія царей дошло, что «въ городахъ тамошніе жители и прохожіе люди про мимошедшее *смутное время* говорятъ похвальныя и иныя многія непристойныя слова, на смуту, и на страхованье, и на соблазнъ людемъ». Очевидно, что «непристойныя слова» раздавались повсюду и слишкомъ смѣло. Иначе нельзя объяснить такихъ необычайныхъ мѣръ, какъ уполномочіе воеводъ «бить кнутомъ и батоги нещадно» за «малыя вины» въ данномъ родѣ, или какъ угроза «смертною казнью безо всякія пощады», если кто второй разъ объявится въ этихъ «малыхъ винахъ». Жители приглашались, мы видѣли, къ доносамъ, за каковые обѣщались всякія «ихъ великихъ государей милости»; въ случаѣ же не только «поноровки» со стороны жителей городовъ «непристойнымъ словамъ и дѣламъ и

причиннымъ къ тому письмамъ», *но простаго недонесенія* имъ грозятъ «смертною казнью безо всякія пощады» [1]).

Несомнѣнно, положеніе вещей въ московскомъ государствѣ было болѣе чѣмъ ненормально. «Прелестныя» письма и «непристойныя» слова и рѣчи появлялись повсюду и производили свое дѣйствіе. Ихъ дѣйствіе особенно сильно проявлялось на южныхъ окраинахъ московскаго государства, а въ особенности на Дону, куда толпами бѣжали изъ украинскихъ городовъ сосланные туда изъ Москвы стрѣльцы и раскольники, битые кнутомъ и батогами, съ урѣзанными ушами и носами. «На Дону снова стало сильно пахнуть,—говоритъ Соловьевъ,—разинскимъ духомъ». А въ Москвѣ не исчезъ и духъ «надворной пѣхоты»: здѣсь все еще казни и четвертованья. Въ концѣ декабря 1683 года принята «впредь для опасенія отъ шатостей стрѣлецкихъ и отъ иного своевольства, чтобы впредь была постоянная и безопасная крѣпость», такая мѣра, какъ удаленіе изъ столицы стрѣльцовъ, отъ которыхъ можно «впредь чаять дурна», какъ отъ «пьяницъ, зернщиковъ, всякому злому дѣлу пущихъ заводчиковъ... раскольниковъ... и грабителей». Ту же мѣру приняли и относительно стрѣльцовъ, стоявшихъ по другимъ городамъ [2]).

Всѣ эти мѣры не привели къ полному успокоенію Москвы и вообще московскаго государства; да и не могли привести уже хотя бы по той простой причинѣ, что «надворная пѣхота» въ сущности смирялась и приводилась въ покорность лишь для того, чтобы, опираясь на нее же, извѣстная партія могла сломить другую. Софья стрѣльцовъ сломила лишь для того, чтобы сдѣлать ихъ *своимъ* послушнымъ орудіемъ. Хованскій казненъ потому, что не былъ этимъ орудіемъ. Словомъ, стрѣльцы подготовлялись къ тому, чтобы сыграть, въ случаѣ нужды, еще разъ кровавую роль. Они ее и сыграли.

Дѣло въ томъ, что правительница Софья, сломивъ своихъ личныхъ враговъ, не могла еще быть покойна: ребенокъ Петръ превращался въ юношу и грозилъ замѣнить сестру въ дѣлахъ государственныхъ. Были друзья и сторонники у Софьи, интересы которыхъ связывались съ ея интересами; были и тѣ и другіе у юнаго царя и его матери; послѣдняя хвалилась, что у ней «есть люди и *того дѣла* не покинутъ». Поэтому московское правительство представляетъ собою въ сущности два враждебныхъ лагеря, выжидающихъ только удобнаго момента, чтобы схватиться, сразиться на-смерть. Каждый изъ нихъ въ тайнѣ готовится къ бою. У Софьи въ рукахъ одно средство—стрѣльцы съ ихъ начальникомъ Шакловитымъ, какъ физическая сила, и партія старыхъ бояръ и духовенства, какъ нравственный авторитетъ. Эти силы и были пущены въ ходъ еще разъ.

Въ 1687 году Шакловитый прямо науськиваетъ стрѣльцовъ на возстаніе, чтобъ этимъ путемъ добиться вѣнчанія на царство и правительницы Софьи. Онъ совѣтуетъ, чтобы вынудить согласіе царя Петра, перехватать бояръ, это «зяблое» дерево, и «перемѣнить» патріарха, если онъ откажетъ въ согласіи. Начальные стрѣлецкіе люди одаряются деньгами. Сама Софья возстанавливаетъ

[1]) Собр. грам. и дог., т. IV, № 160.
[2]) Акт. Арх. Эксп., IV, № 280.

стрѣльцовъ личною бесѣдой съ ними по ночамъ противъ Петра, его матери и патріарха, обвиняя ихъ въ намѣреніи учинить бунтъ на Москвѣ.

Стрѣльцы, наученные опытомъ, туго поддавались и требовали *указа*—кого бить, какъ измѣнника.

Въ ночь съ 7 на 8 августа 1689 года Шакловитый дѣлаетъ распоряженія, направленныя къ прямому возстанію противъ царя Петра, который бѣжитъ, а съ нимъ его мать и ихъ сторонники, изъ Москвы въ Троицко-Сергіевскій монастырь. Правительство московскаго государства раздвоилось. Патріархъ перебрался къ Петру.

Стрѣльцы въ массѣ оставались въ Москвѣ и, очевидно, выжидали, на чьей сторонѣ будетъ сила, не поддаваясь на всѣ ласки и угрозы Софьи. Наконецъ, они ударили въ набатъ и всполошились, но ставъ не на сторону Софьи, а на сторону сидѣвшаго у Троицы Петра. Они, какъ семь лѣтъ тому назадъ, требовали выдачи враговъ Софьи, теперь вопили, подкрѣпляя вопль угрозами, о выдачѣ ея сторонника, своего начальника Шакловитаго, коего и получили; они повезли его къ молодому царю Петру.

Начались пытки и казни, ссылки, постриженья. Троицкое правительство одолѣваетъ московское,—Софью заключили въ монастырь.

Послѣ этого больше шести лѣтъ Москва пользовалась наружнымъ спокойствіемъ. Но въ 1697 году, наканунѣ перваго отъѣзда Петра за границу, открывается заговоръ на его жизнь. Начали всходить старыя дрожжи. Стрѣлецъ изъ иноземцевъ, Циклеръ, бывшій сторонникъ Софьи, измѣнившій ей и не получившій отъ Петра желанной награды, вмѣстѣ съ родовитыми боярами, Соковнинымъ и Пушкинымъ, составляютъ заговоръ убить Петра и возбуждаютъ стрѣльцовъ, но, къ счастью, дѣло раскрывается до отъѣзда царя.

Лѣтомъ 1698 года еще разъ, и послѣдній, взбунтовались стрѣльцы, привыкшіе въ послѣдніе годы не столько нести военную службу, сколько распоряжаться у царей «на верху». Долго стоявшіе въ Азовѣ, передвинутые оттуда на литовскую границу, стрѣльцы рѣшились самовольно уйти въ Москву, гдѣ имъ такъ привольно жилось, гдѣ они составляли силу, за которою ухаживало правительство.

Въ войскѣ Ромодановскаго, стоявшемъ на западной границѣ, произошло открытое возстаніе: рѣшено идти на Москву, нѣмцевъ и бояръ перебить, да и царя, если вернется въ Москву, тоже,—посадить снова Софью правительницей, а вмѣстѣ и ея друга, боярина Вас. Вас. Голицына, вернуть изъ заточенія: «*онъ къ стрѣльцамъ милосердъ былъ*». На встрѣчу возставшимъ изъ Москвы было выслано четырехтысячное войско. Два залпа изъ артиллеріи заставили разбѣжаться стрѣльцовъ, которыхъ встрѣтили подъ Воскресенскимъ монастыремъ на Истрѣ. Начались, еще до пріѣзда Петра, пытки, казни...

Вернулся царь. Начались пытки и казни, невѣроятныя по своимъ жестокости и размѣрамъ...

Кровью, потоками крови залиты послѣдніе годы XVII столѣтія. Рѣкою льется она въ теченіе всего этого столѣтія. Много пролито ея на защиту «государства московскаго» и много же, слишкомъ много, пролито ея благодаря кра-

моламъ и измѣнамъ служилыхъ людей и представителей власти этого государства, особенно въ послѣдніе дни его...

Можно ли, положа руку на сердце, сказать, имѣя въ виду все только-что разсказанное о дѣятельности служилаго слоя московскаго государства, что это сословіе представляло собою такое «средостѣніе» между царемъ и народомъ, которое служило цѣлямъ перваго, какъ главы государства, выразителя всѣхъ интересовъ его и было охранителемъ послѣдняго? Можно ли сказать объ этомъ сословіи, какъ о такомъ, которое имѣло, что называется, свое будущее, что оно способно къ возрожденію въ его совокупности, что оно составляло единое цѣлое съ тѣми «массами», тѣмъ народомъ, охранителемъ котораго оно было поставлено?

Мы до сихъ поръ останавливались на дѣятельности служилыхъ людей московскаго государства въ исключительно, такъ сказать, *политическомъ* отношеніи, на дѣятельности его при дворѣ царей, въ роли ихъ совѣтниковъ, порой замѣняющихъ ихъ, руководящихъ ими. Смѣемъ думать, что, имѣя въ виду дѣятельность служилыхъ людей только въ этой области, имѣя въ виду приведенные нами общеизвѣстные факты, придется отвѣчать отрицательно на только-что поставленные вопросы, а вмѣстѣ придется придти къ заключенію, что между этимъ «средостѣніемъ» и народомъ, имъ замѣняемымъ, не могло быть, какъ мы уже вскользь указали, да и не было единства, притомъ *никакого*, и всего меньше *нравственнаго*. Въ подтвержденіе этого положенія мы обратимся теперь къ той области дѣятельности служилаго сословія, этого «командующаго класса» московскаго государства, въ которой оно становилось въ непосредственныя отношенія къ «народу», къ объекту командованья. Мы приведемъ нѣсколько, по нашему мнѣнію, характерныхъ фактовъ изъ области административной дѣятельности этого сословія, а вмѣстѣ и изъ той области, которую мы назвали бы областью отношеній землевладѣльческихъ, изъ области отношеній ихъ, какъ землевладѣльцевъ, къ земледѣльческому населенію.

Намъ придется въ данномъ случаѣ останавливаться на томъ порядкѣ явленій общественно-государственнаго строя, которыя принято называть злоупотребленіями и на которыя часто смотрятъ какъ на явленія исключительныя, по которымъ, будто бы, никоимъ образомъ нельзя судить объ общемъ положеніи дѣлъ [1]). Мы, разумѣется, не рискнули бы забираться для нашей цѣли въ эту область явленій московской жизни, еслибы вся она сводилась къ двумъ-тремъ или вообще нѣсколькимъ отдѣльнымъ фактамъ. Но дѣло въ томъ, что явленія этого порядка были прямо-таки не исключеніями, а общимъ правиломъ. Онѣ были тоже страшною язвой, которая разъѣдала весь организмъ государства, покрывая его сплошною массой, истощая его почти до полнаго изнеможенія, грозившаго вмѣстѣ съ другими сторонами государственнаго строя разрушеніемъ послѣдняго.

Такъ-называемыя злоупотребленія въ указанныхъ нами областяхъ доходили въ періодъ московскаго государства до размѣровъ, заставлявшихъ прибѣгать

---

[1]) Помнится, гдѣ-то въ газетѣ *Русь* мы встрѣтили такой взглядъ, высказанный въ формѣ обвиненія противниковъ газеты въ обосновании своего взгляда на московское время на какихъ-то ничего незначащихъ злоупотребленіяхъ.

правительство къ такимъ мѣрамъ, которыя указывали, что они приняли именно тотъ характеръ, который мы придаемъ имъ. Они приняли такіе размѣры, которые указывали, что «командующіе» и командуемые классы—классы воюющіе, хотя и съ неравнымъ орудіемъ, что эти классы стоятъ въ полной «розни», что первые смотрятъ на вторыхъ какъ на свою личную добычу, что рельефно выражается даже въ самомъ принципѣ, на которомъ строятся ихъ взаимныя отношенія *оффиціально.* Этимъ принципомъ было, какъ мы уже видѣли, такъ-называемое «кормленье». И въ XVI столѣтіи, какъ и раньше, представителями великокняжеской власти были назначаемые ею намѣстники, волостели съ ихъ тіунами; всѣ эти органы великокняжеской власти ѣхали въ области на свои административные посты «ради корма», чтобы «быть сытымъ»; они просились на свои должности, «чтобы покормиться». И это начало — начало «корма» — прямо преобладало надъ началомъ государственнымъ, началомъ княжеской службы. Первое совсѣмъ заслоняло собою послѣднее. Такъ легко было забыть все ради «кормовъ», которые и въ московскомъ государствѣ долгое время еще опредѣлялись однимъ аппетитомъ кормящихся. «Кормы» собирались княжескими агентами такъ, какъ теперь сельское духовенство собираетъ ихъ въ извѣстное время года, объѣзжая свой приходъ. Аппетиты администраціи очень рано, задолго до XVI столѣтія, какъ мы видѣли, получили сильное развитіе и достигли такихъ размѣровъ, благодаря которымъ удовлетвореніе ихъ стало не по силамъ кормящимъ. Начинаются жалобы князю, а потомъ царю, чинится ему «докука великая» со стороны массъ. Докучаютъ царямъ московскаго государства посадскіе и сельскіе всякихъ чиновъ люди о всякихъ безчинствахъ ихъ служилыхъ людей. Благодаря этимъ «докукамъ», путемъ челобитныхъ на имя царя, еще Ивану Грозному «вниде въ слухъ, что *многи грады и волости пусты учинили* намѣстники и волостели», что эти царскіе слуги, въ которыхъ хотѣли видѣть тогда «пастырей и учителей» народа, «сотворишася ему гонители и разорители» [1]). Это дошедшее до слуха царя положеніе дѣлъ такъ характеризовалось самими челобитчиками, бывшими объектомъ управленія намѣстниковъ и волостелей: «на посадахъ,— пишутъ посадскіе люди и волостные крестьяне одного изъ сѣверныхъ уѣздовъ московскаго государства,— *многіе дворы*, а въ станахъ и волостѣхъ *многія деревни запустѣли* отъ прежнихъ важескихъ намѣстниковъ и отъ ихъ тіуновъ». Челобитчики прямо сравниваютъ запустѣніе отъ этихъ царскихъ слугъ съ тѣмъ, которое иногда настаетъ «отъ лихихъ людей, отъ татей и отъ разбойниковъ». Дѣло приняло такой оборотъ, что населеніе названнаго уѣзда прямо заявляетъ, «что де имъ намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормити немочно...». Года три спустя послѣ этой челобитной московское правительство прямо сознается, что его «бояре, князья и дѣти боярскіе, получившіе города и волости «въ кормленье», повсюду причиняютъ продажи и убытки великіе», и притомъ какъ казнѣ, такъ и населенію. Грабили намѣстники съ волостелями, грабили ихъ слуги, «люди», грабили и насильничали всячески. Такъ, въ одной изъ царскихъ грамотъ первой половины XVII столѣтія говорится, что волостельскій «доводчикъ» [2]) въ одной слободкѣ

[1]) *Татищевъ*, „Ист. Росс.", т. IV, стр. 439—440.
[2]) Особый чиновникъ, вызывавшій стороны на судъ.

«корчму держалъ сильно», т.-е. кабакъ возлѣ становой избы, а «на корчму приходятъ всякіе люди, тати и разбойники... и тѣхъ слободскихъ людей бьютъ и грабятъ... и впредь отъ того двора имъ жити немочно». Изъ другой грамоты того же XVII столѣтія, второй половины его, видно, что намѣстники и волостельскіе люди «на пиры и на братчины» крестьянскія «ходятъ не званы» и «пьютъ сильно» (насильно). Можно ли послѣ этого что-либо возразить противъ слѣдующей характеристики отношенія народа къ администраціи XVII вѣка: «суда намѣстника избѣгали какъ заразы; ихъ людей встрѣчали какъ непріятелей» [1]).

Извѣстно, что Грозный съ цѣлью спасти царскую казну отъ убытковъ, а населеніе отъ окончательнаго раззоренія, во многихъ областяхъ намѣстниковъ и волостелей отставлялъ и замѣнялъ ихъ выборными волостными и посадскими людьми. Волость въ этихъ случаяхъ становилась самостоятельнымъ цѣлымъ въ административномъ отношеніи съ выборнымъ человѣкомъ во главѣ. Но съ конца XVI, особенно въ началѣ XVII столѣтія на смѣну намѣстникамъ и волостелямъ является новый мѣстный, областной органъ московскаго правительства—*воевода*, въ котораго область и находится въ теченіе всего XVII столѣтія и даже въ началѣ XVIII. Власть воеводъ правительство стремится опредѣлить путемъ такъ-называемыхъ наказовъ, которыми они снабжались при отправленіи на мѣсто назначенія. Начало кормленія смѣняется началомъ вознагражденія изъ казны. Власть ихъ охватываетъ уже весь уѣздъ по общему правилу. Но всѣ эти измѣненія не принесли областному населенію ни малѣйшаго облегченія. Отмѣненные, даже запрещенные кормы царятъ. Воевода и жалованье получаетъ, и кормится. Онъ, какъ и намѣстникъ, смотритъ на воеводство какъ на средство «покормиться». Не могу удержаться, чтобы не выписать странички изъ тринадцатаго тома «Исторіи» Соловьева по этому предмету: «Радъ дворянинъ собираться въ городъ на воеводство,—и честь большая, и кормъ сытный. Радуется жена,—ей тоже будутъ приносы; радуются дѣти и племянники,—послѣ батюшки и матушки, дядюшки и тетушки, земскій староста на праздникахъ зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ; радуется вся дворня, ключники, подклѣтные,—будутъ сыты; прыгаютъ малые ребята,—и ихъ не забудутъ; пуще прежняго отъ радости несетъ вздорныя рѣчи юродовый, живущій во дворѣ,—ему также будутъ подачки. Все поднимается, *ѣдетъ на вѣрную добычу*».

Земскій выборный человѣкъ ведетъ счетъ этой «добычѣ»; онъ каждый день записываетъ, что изъ мірскаго издержано на воеводу и подъячихъ (и они—на кормахъ); и чего-чего въ этой записи нѣтъ: и пироги, и налимы, и щуки, и говядина, и рѣпа, и вино съ пивомъ. Зоветъ воевода на обѣдъ—значитъ новый поборъ тѣми же пирогами и налимами, а чаще алтынами «въ бумажкѣ»; и несутъ все это и женѣ его, и матери, и дочерямъ.

Пришли изъ волости мірскіе выборные люди, принесли его великаго государя всякіе поборы,—платятъ и они за столь лестное для нихъ дѣло, какъ взносъ податей, и воеводамъ, и подъячимъ, ихъ родичамъ и людямъ. Въ росписяхъ этихъ расходовъ встрѣчаемъ кромѣ подарковъ воеводѣ или дьяку такія

---

[1]) Эта характеристика сдѣлана г. Дмитріевымъ, бывшимъ профессоромъ Московскаго университета (нынѣ попечитель Петербургскаго учебнаго округа) въ его извѣстномъ сочиненіи „Исторія судебныхъ инстанцій", стр. 60 и 61.

статьи: «людямъ его далъ двѣ деньги, малымъ ребятамъ два алтына» и т. д. Все это вносилось «командуемыми» по чести, безропотно, чуть не съ удовольствіемъ. Но большинство царскихъ слугъ не хотѣли мириться на этомъ, и ихъ кормы прямо обращались въ грабежъ.

«Грабительство и лихоимство» воеводъ г. Чичеринъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «Областныя учрежденія въ XVII столѣтіи»—ставитъ во главѣ о злоупотребленіяхъ на первое мѣсто. Они дѣйствительно и занимаютъ его съ честью. «Грабительство» одинаково охватывало и достояніе казны, въ видѣ покровительства контрабандѣ всякаго рода, даже занятія ею черезъ своихъ агентовъ, въ видѣ удержанія въ собственныхъ карманахъ всякихъ царскихъ доходовъ и т. п., — и достояніе населенія управленію боярина ввѣреннаго. Послѣднее подвергалось грабежу, пожалуй, въ большихъ размѣрахъ и съ большимъ нахальствомъ, чѣмъ царскіе доходы. «Кормы и посулы всякіе» взимались и воеводами и ихъ приказными при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и притомъ въ размѣрахъ сплошь и къ ряду превосходившихъ и лошадиную силу командуемыхъ. Въ различныхъ изданіяхъ памятниковъ того времени всякій можетъ найдти массу жалобъ населенія на то, что «воевода чинитъ тѣсноту и налогу большую... и приметывается къ выборнымъ и ко всякимъ посадскимъ людямъ для своей бездѣльной корысти».

Администраторъ — вмѣстѣ и судья и не даетъ онъ спуску подчиненнымъ ему и въ этой послѣдней роли. Суда не было, а была продажа его. На это указываютъ уже тѣ страшныя наказанія, которымъ грозило правительство взяточникамъ; объ этомъ единогласно говорятъ иностранцы, жившіе въ Россіи; объ этомъ свидѣтельствуютъ челобитныя на соборахъ или, напр., показаніе Котошихина, который говоритъ, что бояре, окольничіе и дьяки, и «наказанія не страшатся.... и руки свои ко взятію скоро допущаютъ, хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ черезъ жену или дочерь или черезъ сына и брата и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто просто и не вѣдаютъ». Соловьевъ приводитъ отрывокъ изъ наказа одного боярина своему слугѣ, въ которомъ лихоимство судей того времени изображается особенно живо и образно; вотъ этотъ отрывокъ: «...идти тебѣ къ дьяку Василію Сычину. Пришедши къ дьяку, въ хоромы не входи, прежде развѣдай, веселъ ли дьякъ, и тогда войди, побей челомъ крѣпко и грамотку отдай. Приметъ дьякъ грамотку прилежно, то дай ему три рубля, да и обѣщай еще, а куръ, пива и ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухѣ... Сходи къ подъячему Степкѣ... понеси ему три алтына денегъ, рыбы сушеной, да вина (а онъ Степка жадущая рожа и пьяная» [1]). Наконецъ и объ этой же язвѣ свидѣтельствуютъ пастыри и учители церкви, бичуя ее въ своихъ проповѣдяхъ.

Публицисты-патріоты, мы видѣли, дѣленіе народа «на битыхъ и бьющихъ» находятъ лишь въ XVIII ст., съ того момента, какъ этотъ народъ сталъ дѣлиться «на бритыхъ и небритыхъ». Хорошо, если они находятъ это по невѣдѣнію дѣла, а не съ умышленною цѣлью раскрасить болѣе мрачными красками XVIII вѣкъ и всячески убѣлить излюбленное ими московское государство.

---

[1]) *Соловьевъ*, „Ист. Рос.", т. IX, стр. 455 и сл.

Боже, какъ били и мучили царскіе слуги,—а за ними, какъ увидимъ, и всякій сильный человѣкъ,—слабаго въ московскомъ государствѣ! Болѣе рельефнаго и рѣзкаго раздѣленія на битыхъ и бьющихъ трудно и найти гдѣ-либо, хотя начало этого дѣленія лежитъ далеко за предѣлами начала этого государства.

Въ каждой челобитной, поданной царю населеніемъ, напр., на воеводу, непремѣнно челобитчики указываютъ, что онъ «бьетъ ихъ сиротъ... и продаетъ напрасно», — бьетъ «безъ сыску и безъ вины, сажаетъ въ тюрьму для своей корысти и, выгоняя изъ тюрьмы, бьетъ батогами до полусмерти, безъ дѣла и безъ вины». Воеводы били не только до полусмерти, но и прямо до смерти. Если изувѣчить на всю жизнь, лишить самой жизни не особенно много значило въ глазахъ воеводъ и всякихъ служилыхъ людей, то лишить свободы — ужь ровно ничего не значило. Въ тюрьмы засаживали прямо лишь ради того, чтобы взять деньги за освобожденіе изъ нея. Такъ, одинъ «прикащикъ» царскій, открыто грабившій подчиненное ему населеніе, ходя по дворамъ и клѣтямъ, сажалъ осмѣлившихся жаловаться на него «въ тюрьму и держалъ въ тюрьмѣ день по пяти и по шести и по недѣлѣ, и они изъ тюрьмы *выкупались*»; а другой разъ тотъ же изобрѣтательный и храбрый прикащикъ, зазвавъ къ себѣ крестьянъ на пиръ и взявъ съ нихъ «поклонное», «сажалъ ихъ въ тюрьму (это прямо съ пира-то) и они у него изъ тюрьмы *выкупалися*». Старосту ихъ прикащикъ «билъ ослопомъ до полусмерти и въ тюрьмѣ держалъ и морилъ голодомъ и доправилъ съ него десять рублей»...

Въ результатѣ такой энергичной административной дѣятельности царскихъ слугъ наставало положеніе вещей, при которомъ, выражаясь языкомъ грамотъ, «крестьяне въ конецъ погибаютъ и совсѣмъ до основанія раззорены, бредутъ въ розно и у многихъ у нихъ пашня залегла»... «Бѣгутъ въ розно», — это наиболѣе распространенный способъ протеста противъ грабительства и всякихъ притѣсненій администраціи, но мы уже знаемъ, что встрѣчается, и не рѣдко, и другой видъ протеста противъ нихъ — возстаніе, бунтъ. Въ 1608 году двиняне, выведенные изъ терпѣнія своимъ воеводой и его дьякомъ, схватили ихъ, какъ разсказываетъ двинскій лѣтописецъ, засадили въ тюрьму и потомъ «дьякъ былъ посаженъ въ воду генваря въ десятый день», гдѣ и померъ, и «воеводу хотяще двиняне осудить на смерть», но тотъ спасся намѣреніемъ постричься въ монахи. Цѣлый рядъ подобныхъ возстаній имѣетъ мѣсто при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Вспомнимъ страшныя возстанія въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ Москвѣ, Сольвычегодскѣ, Новгородѣ и Псковѣ. Они имѣли мѣсто, хотя и не въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ, и въ концѣ царствованія этого царя. Такъ, наприм., въ 1673 г. населеніе Новгорода встало гилемъ (бунтомъ) на своего воеводу; ему «отъ воеводства отказали» и рѣшили убить его. Только присланная правительствомъ сотня стрѣльцовъ избавила воеводу отъ всенародной расправы; только пытки и висѣлицы смирили горожанъ [1]). А бунтъ Разина?

Всѣ указанныя нами до сихъ поръ явленія изъ административной сферы московскаго государства далеко не были единичными явленіями. Цѣлыя массы ихъ читатель можетъ встрѣтить на страницахъ всевозможныхъ памятниковъ того

---

[1]) *Тамъ-же,* т. XIII, стр. 114.

времени, была бы охота порыться въ нихъ. Такіе изслѣдователи-спеціалисты, какъ гг. Дмитріевъ и Чичеринъ, считаютъ ихъ явленіемъ общимъ, повсюду въ московскомъ государствѣ существовавшимъ. Такой историкъ, какъ покойный Соловьевъ, видитъ въ нихъ обычное, заурядное явленіе московскаго строя.

Протестовать бѣгствомъ въ рознь и возстаніями приходилось народу не только противъ административной дѣятельности служилыхъ людей, но и противъ дѣятельности ихъ въ другой ихъ роли. Служилые люди были въ то же время и землевладѣльцами-вотчинниками, и помѣщиками, и въ качествѣ таковыхъ имѣли непосредственное отношеніе къ земледѣльческому населенію — крестьянству.

Обезземеленное очень рано крестьянство долгое время пользовалось по закону, во всемъ его объемѣ, правомъ перехода съ земли одного владѣльца на землю другаго, разумѣется, по удовлетвореніи или, лучше, исполненіи тѣхъ условій, которыми каждый отдѣльный земледѣлецъ связывался съ землевладѣльцемъ. Въ концѣ XVI столѣтія это право крестьянъ отнимается у нихъ общимъ закономъ. Отдѣльные случаи лишенія этого права встрѣчаются гораздо раньше. А въ дѣйствительности, въ самой жизни, этого права своего безземельное крестьянство лишилось, думаемъ, въ массѣ гораздо раньше конца XVI вѣка. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ владѣльца ея было вторымъ шагомъ къ обезличенію крестьянина, низведенію его въ положеніе раба.

Строй московскаго государства мало сказать — подготовилъ крѣпостное право, онъ его создалъ. Крѣпкій землѣ крестьянинъ въ дѣйствительности очень быстро обратился въ крѣпкаго лицу, владѣльцу этой земли. Съ момента прикрѣпленія крестьянина къ землѣ даннаго владѣльца онъ болѣе оказался въ рукахъ послѣдняго, чѣмъ былъ до сихъ поръ. До прикрѣпленія онъ снималъ, бралъ землю и дворъ на извѣстныхъ условіяхъ, которыя какъ бы тяжелы для него ни были, все-таки кое-какъ могли быть исполнены, хотя бы путемъ перехода на еще болѣе тяжелыхъ условіяхъ къ другому землевладѣльцу. Теперь же ни о какихъ условіяхъ рѣчи быть не можетъ. Ихъ ставитъ землевладѣлецъ, а земледѣлецъ не имѣетъ никакой возможности не принять ихъ,—онъ весь въ рукахъ своего землевладѣльца. Только правительство и можетъ наложить какую-либо узду на хищническія стремленія землевладѣльцевъ; но оно этого или не умѣло, или не желало дѣлать. Поэтому уже въ XVII столѣтіи въ положеніи крестьянства мы встрѣчаемъ массу характеристическихъ чертъ крѣпостнаго состоянія.

Взглянемъ же, каковы были дѣйствительныя, а не по закону только, отношенія служилаго сословія московскаго государства въ качествѣ вотчинниковъ и помѣщиковъ къ крестьянамъ, жившимъ на ихъ земляхъ. Мы и здѣсь укажемъ на факты общеизвѣстные, приведенные у Соловьева, въ сочиненіяхъ Бѣляева, Побѣдоносцева. Мы начнемъ со свидѣтельства извѣстнаго московскаго приказнаго человѣка Котошихина, который въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ, объ отношеніяхъ многихъ землевладѣльцевъ къ сидѣвшимъ на ихъ земляхъ крестьянамъ, даетъ намъ очень важное показаніе: онъ говоритъ, напримѣръ, что въ жалованныхъ грамотахъ, которыми даруются служилымъ людямъ вотчины и помѣстья, имъ предписывается беречь

крестьянъ и «подати съ нихъ имати по силѣ, а не черезъ силу, чтобъ тѣмъ мужиковъ не разогнать... въ нищіе не привесть, и насильствомъ у нихъ скота и животины никакой и хлѣба всякаго и животовъ не имати... А буде которой помѣщикъ и вотчинникъ», желая продать, «напередъ учнетъ съ нихъ имати поборы всякіе, не противъ силы, чѣмъ бы привести къ нуждѣ и къ бѣдности», а себя обогатить, и если о такомъ землевладѣльцѣ дойдетъ до царя, то у него отнимаются вотчины и помѣстья. Разумѣется, такое правительственное распоряженіе, такіе наказы вызваны дѣйствительностью, въ которой встрѣчались сплошь и къ ряду случаи прямо хищническаго, грабительскаго отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянству, которое почти не принималось иногда за человѣческую породу.

Крестьянинъ уже по закону начинаетъ считаться какимъ-то получеловѣкомъ, вещью. Уже по закону, напримѣръ, землевладѣлецъ, убившій крестьянина другаго землевладѣльца, отдавалъ послѣднему своего крестьянина. Задолжалъ помѣщикъ, правежу [1]) подвергаются его крестьяне. Крестьянинъ уже въ XVII столѣтіи не можетъ ни жениться, ни выдать дочери замужъ безъ согласія землевладѣльца [2]). Крестьянинъ, словомъ, полная уже почти собственность землевладѣльца, а къ концу XVII столѣтія даже и прямо полная собственность, могшая быть объектомъ всякихъ юридическихъ сдѣлокъ. И благочестивые и сердобольные люди московскаго государства, должно-быть въ силу особенно сознаваемаго ими единства всѣхъ холопей его великаго государя и царя московскаго, обращались съ этою собственностью, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, именно какъ съ неодушевленною собственностью, вещами. Скорбный листъ крестьянскихъ страданій былъ бы безполезенъ, еслибы кто вздумалъ внести въ него всѣ факты нечеловѣческаго обращенія собственниковъ съ этою собственностью за время московскаго государства. На одномъ-двухъ изъ нихъ, наиболѣе рельефныхъ, мы остановимся.

Вотъ, напримѣръ, челобитная крестьянъ Ярославскаго уѣзда на своего помѣщика, приведенная Бѣляевымъ въ его сочиненіи «Крестьяне на Руси». Челобитная была подана царю Михаилу Ѳедоровичу. Въ ней жалуются крестьяне, что когда они пришли къ пріѣхавшему помѣщику ихъ «на поклонъ» съ хлѣбомъ-солью, то онъ прямо набросился на нихъ ни съ того, ни съ другаго и «началъ ихъ бить, мучить, на ледникъ сажать». Послѣ такой встрѣчи онъ принялся за сборъ оброка, росписокъ въ полученіи котораго давать не счелъ нужнымъ, должно-быть по нелюбви русскаго человѣка, какъ увѣряютъ насъ патріоты, ко всякаго рода юридическимъ формальностямъ. За все время пребыванія въ помѣстьѣ землевладѣлецъ забавлялся гаремомъ, который онъ составилъ изъ татарокъ, женъ своихъ крестьянъ-татаръ. Собравъ оброкъ, онъ удалился вмѣстѣ съ гаремомъ въ Ярославль, гдѣ и спустилъ весь крестьянскій оброкъ. Прокутившись весь, помѣщикъ снова возвращается въ помѣстье и принимается сбирать оброкъ второй разъ (нелюбовь къ бумажнымъ формальностямъ пригодилась). Этотъ второй оброкъ собирался такимъ образомъ: помѣщикъ натопилъ

[1]) Битью палками впредь до уплаты.

[2]) Нѣсколько такъ-называемыхъ „рядныхъ" записей по поводу заключенія брака, помѣщенныхъ въ „Акт. Юрид.", указываютъ между прочимъ на это.

баню, гдѣ и «гулялъ», вѣроятно, съ своими татарками, «а насъ,—говорятъ крестьяне,—сталъ мучить смертнымъ правежомъ въ другихъ оброчныхъ деньгахъ». У кого были, продолжаютъ челобитчики, «*нарочитыя* лошади, взялъ ихъ на себя; нарочитыхъ (богатыхъ) крестьянъ держалъ скованныхъ и правилъ съ нихъ»... Картинка хоть куда!..

Землевладѣльческій классъ состоялъ не изъ однихъ служилыхъ людей великаго государя царя московскаго, а и изъ его «богомольцевъ», т. е. духовенства. И это послѣднее не отставало отъ первыхъ въ ихъ хищническихъ стремленіяхъ относительно крестьянства, — стремленіяхъ, осуществлявшихся самыми варварскими, порой, способами. Такъ, крестьяне одного монастыря во второй половинѣ XVII столѣтія били челомъ на монастырскаго «строителя», ими управлявшаго, какого-то отца-Іоиля, въ томъ, что онъ «имлъ съ нихъ своею рукою хлѣбъ и ходилъ по клѣтямъ самъ... вымучилъ напрасно мученьемъ, безъ вины», очень почтенную для того времени сумму въ нѣсколько рублей, какого-то крестьянина Семку «мучилъ въ одной рубахѣ на морозѣ, связавъ... всю семью Семкину изъ избы выгналъ». Когда по челобитной произведенъ былъ розыскъ, то оказалось, что картина вымогательствъ и мучительствъ отца-Іоиля, нарисованная челобитчиками, была далеко блѣднѣе дѣйствительности [1]. Въ одной царской грамотѣ XVII ст. въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь о распущенности въ монастыряхъ между прочимъ говорится, что «монастырскія власти... съ монастырскихъ вотчинныхъ крестьянъ отъ дѣлъ и не отъ дѣлъ посулы и поминки имаютъ и тѣмъ крестьяномъ напрасные убытки чинятъ» [2]. Эта грамота издана не по поводу отдѣльнаго случая, а имѣетъ общій характеръ.

Въ каждой челобитной крестьянъ, въ каждой грамотѣ, изданной по поводу ихъ положенія, вездѣ мы встрѣчаемся съ фразой, сдѣлавшейся какимъ-то всеобщимъ крикомъ отчаянія изможденнаго крестьянства: «бѣжимъ розно», «разбѣжались въ рознь», «гибнемъ въ конецъ». Они бѣгутъ отъ царскихъ слугъ, бѣгутъ отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, бѣгутъ отъ страшныхъ тяготъ жизни, возложенныхъ на нихъ тѣми и другими. Они бѣгутъ на Донъ къ казакамъ, бѣгутъ на далекій Сѣверъ, бѣгутъ въ Сибирь. Бѣгутъ, должно-быть, не понимая всей прелести пребыванія въ объятіяхъ единства подъ сѣнію московскаго государства.

А за ними бѣгутъ, «побрели розно», какъ пластически выражаются памятники того времени, и жители городовъ и посадовъ—посадскіе. И эти бѣгутъ какъ «отъ великихъ налогъ» и утѣсненій московской администраціи, такъ и отъ притѣсненій и «налогъ» своихъ же посадскихъ «лучшихъ, богатыхъ людей», которые «загнели» ихъ «не по силамъ окладомъ и тягломъ». И отъ этихъ тяготъ одно изъ средствъ спасенія — бѣгство, куда глаза глядятъ, или, еще болѣе отчаянное, обращеніе къ *гилю*, какъ выражались, напримѣръ, т. е. къ мятежу, возстанію. Къ нимъ и обращались. Вспышками возстанія, не говоримъ о такомъ, какъ возстаніе подъ руководствомъ Разина, такъ сказать, испещрены всѣ страницы исторіи XVI и XVII столѣтій.

[1]) „Рус. Истор. Библіот.“, т. V, № 427, стр. 148 и 153.
[2]) Акты Арх. Эксп., т. IV, стр. 328.

Все бѣжало и шло въ рознь. Все распадалось на отдѣльныя единицы, не связанныя никакимъ цементомъ, исключая единой власти царя московскаго. Крестьянство бѣжало отъ волостеля, приказнаго и помѣщика, т. е. служилаго человѣка и землевладѣльца, все равно — былъ ли онъ служилый человѣкъ или служитель-алтаря. Посадскій бѣжалъ отъ администраторовъ-лихоимцевъ и всякихъ тяготъ. И всѣ вмѣстѣ кряхтѣли подъ тяжестью тягла государственнаго. Итакъ, рознь царитъ между всѣми отдѣльными слоями населенія московскаго государства. Этого мало — она разъѣдаетъ и каждый слой въ отдѣльности. Служилые люди высшихъ чиновъ, мы видѣли, ѣли другъ друга, подкапывались другъ подъ друга. Высшее служилое сословіе заѣдало низшее, раззоряя его помѣстья всякими способами: «дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ... на бояръ и на окольничихъ, и на стольниковъ... и на дворянъ московскихъ» бьютъ челомъ «во всякихъ обидахъ»; обиды эти въ томъ, что «въ боярскія помѣстья и вотчины бѣгаютъ ихъ, челобитчиковъ, крестьяне и тамъ поселяются на льготахъ, а ихъ помѣстья и вотчины отъ того ставятся пусты». Такія же жалобы раздаются со стороны служилыхъ мелкихъ людей и на духовенство. Въ средѣ духовенства то же самое: черное вызываетъ постоянныя жалобы на него со стороны бѣлаго. Въ средѣ самого чернаго «духовныя власти» гнетутъ рядовое монашество. «Многіе священники, дьяконы и причетники *бѣжали* изъ православной церкви въ расколъ отъ того, что въ приходахъ имъ *было*, — говоритъ Щаповъ, въ своемъ сочиненіи о расколѣ, — *весьма тяжко жить*». Ихъ раззоряли *архіерейскіе* чиновники, со стороны которыхъ, по свидѣтельству собора 1675 года, «ко освященному чину часто объявлялось всякое безчиніе, налоги, обругательство и убытки». Архіерей, архимандриты, игумены и сами часто не по-человѣчески обращались съ подчиненнымъ имъ низшимъ духовенствомъ. Такъ, напримѣръ, коломенскій епископъ Іосифъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, угодилъ за свое поведеніе, главнымъ образомъ относительно подчиненныхъ изъ низшаго духовенства, подъ судъ. Его судилъ соборъ и долженъ былъ осудить. Соловьевъ говоритъ, что этотъ святитель церкви «превосходилъ жестокостями самаго дурнаго воеводу. Онъ билъ провинившихся чѣмъ-либо въ его глазахъ шелепами и плетьми, морилъ голодомъ, сажалъ на цѣпь, мучилъ холодною водой, снѣгомъ, билъ собственноручно по лицу и притомъ въ храмѣ, во время службы. А когда講 дралъ плетьми поповъ, то приговаривалъ: «бей гораздо, — *мертвые наши*» [1]). Вотъ начала, на которыхъ покоятся отношенія даже въ средѣ духовенства. На нихъ покоились и взаимныя отношенія всѣхъ слоевъ населенія московскаго государства, какъ мы видѣли.

Понятно, само собою, уже изъ всего сказаннаго, какую картину долженъ былъ представлять собою нравственный строй московскаго государства. Мы могли бы и воздержаться отъ дальнѣйшаго изображенія его, но, для пущей убѣдительности, для избѣжанія упрековъ въ преувеличеніи, излишнихъ обобщеніяхъ, мы считаемъ нужнымъ привести еще нѣкоторыя указанія, въ заключеніе этой главы нашего очерка, на это состояніе нашихъ авторитетнѣйшихъ изслѣдователей этого періода, изслѣдователей, коихъ, думается, даже и у самыхъ отчаян-

[1]) *Соловьевъ*, „Исторія Россіи“, т. XIII, стр. 154.

ныхъ «патріотовъ» не станетъ смѣлости изобличать въ подтасовываньи фактовъ, поддѣлкѣ ихъ ради какихъ-либо цѣлей.

Еще Карамзинъ, говоря о всевозможныхъ бѣдствіяхъ царствованія Годунова, восклицаетъ: «Такъ готовилась Россія къ ужаснѣйшему изъ явленій (рѣчь идетъ, разумѣется, о смутномъ времени) въ своей исторіи, готовилась долго: неистовымъ тиранствомъ двадцати-четырехъ лѣтъ Іоанновыхъ, адскою игрою Борисова властолюбія, бѣдствіями свирѣпаго голода и всемѣстнымъ разбоемъ, *ожесточеніемъ сердецъ, развратомъ народа*, всѣмъ, что предшествуетъ ниспроверженію государствъ... [1]). Нужны ли иныя чудесныя знаменія для устрашенія,— продолжаетъ исторіографъ,— если *не было ни правды, ни чести въ людяхъ*, если голодъ... еще умножилъ пороки между ними: распутство, *корыстолюбіе, лихоимство, безчувствіе, къ страданію ближнихъ;* если и самое лучшее *дворянство и самое духовенство заражалось общею язвою разврата, слабѣя въ усердіи къ отечеству»...* Высокопреосвященный Макарій, митрополитъ московскій, въ послѣднемъ, десятомъ, томѣ своей «Исторіи русской церкви», такими же мрачными красками изображаетъ нравственное состояніе русскаго народа и общества московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія. «Нравственность,—по его словамъ,—проявила себя въ періодъ смутнаго времени во всемъ безобразіи». Высокопреосвященный характеризуетъ ее далѣе, не обинуясь словами современниковъ — Авраамія Палицына и иностранца Буссова, который говоритъ: «*во всѣхъ сословіяхъ воцарились раздоры и несогласія;* никто не довѣрялъ своему ближнему... богачи брали росты болѣе жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли... Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышавшій занятую сумму, и сверхъ того бралъ по четыре процента еженедѣльно... Не буду говорить о нестерпимомъ, глупомъ высокомѣріи, о презрѣніи къ ближнимъ... Все это, какъ навожденіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ. Всевышній не могъ болѣе терпѣть, казнь была необходима и Онъ послалъ мечъ и пламя» [2]).

Таково состояніе московской Россіи до смутнаго времени. Еслибы мы не знали ея состоянія во время смутъ, то могли бы о немъ догадываться. Носителями «меча и пламени» были *враги* внутренніе и внѣшніе, и первые были страшнѣе вторыхъ,— ихъ сломить труднѣе. Смутное время было слишкомъ благопріятнымъ временемъ для развитія всѣхъ тѣхъ золъ и язвъ, которыя разъѣдали народъ до этого времени, чтобъ эти язвы могли быть излѣчены въ послѣднія три четверти XVII столѣтія. Онѣ и не излѣчились за это время. На нихъ накладывались повязки, которыя направляли язву внутрь организма.

И дѣйствительно, всѣ современники, русскіе и иностранные, сохранили свидѣтельства о страшной, не всегда удобопередаваемой запущенности московскаго общества второй половины XVII столѣтія. Уже и у насъ приведены примѣры этой распущенности; но они касаются, такъ сказать, политическаго строя того времени. Обратитесь къ современнымъ пастырскимъ посланіямъ, соборнымъ постановленіямъ, царскимъ указамъ, запискамъ, лѣтописямъ по вопросу о нравственности, напр., семейной—и вы придете въ ужасъ отъ той разнузданности,

---

[1]) Томъ XI, глава II.

[2]) „Сказ. о самозванцѣ“, т. I, стр. 38.

которая царила въ этой сферѣ. И въ какихъ формахъ! Мы не рѣшаемся говорить о нихъ. Остановитесь на вопросѣ о пьянствѣ — и вы увидите, что имъ заражены всѣ слои общества, и высшіе чуть ли не больше остальныхъ; имъ заражено черное духовенство, высшіе представители котораго часто указанныя нами неистовства учиняли именно «въ прохладѣ» (на веселѣ).

Словомъ, въ этой эпохѣ, такъ прославляемой нашими публицистами извѣстнаго лагеря, мы по меньшей мѣрѣ находимъ всѣ тѣ язвы, которыя разъѣдаютъ, по утвержденію ихъ, современное намъ общество, только въ болѣе грубой, омерзительной до ужаса формѣ. Обратитесь къ правительственнымъ распоряженіямъ— указамъ и посланіямъ того времени — и вы найдете въ нихъ болѣе мрачныя краски, болѣе страшную картину состоянія общества, чѣмъ какую дастъ намъ, наприм., извѣстное посланіе святѣйшаго синода, изданное въ настоящій тяжелый годъ.

Гдѣ же причины? — Въ наше время онѣ найдены въ существованіи... интеллигенціи, зараженной гибельными идеями Запада. Ну, а тогда?... Вѣдь этой злосчастной интеллигенціи не существовало; вѣдь все покоилось на исконныхъ русскихъ стародавнихъ обычаяхъ; сермяга голоднаго бобыля была одного покроя съ золотымъ зипуномъ царскаго боярина; кабачная голь и царская «служня» одинаково забавлялись шутами, юродивыми. Всѣ вѣровали въ одного Бога несомнѣнно...

И все-таки все «бѣжитъ розно». И все-таки общество разлагалось; слышенъ былъ трупный запахъ...

Гдѣ же причины?

На этомъ вопросѣ мы остановимся во второй половинѣ нашей статьи.

„...Старая Европа влачитъ за собою тысячелѣтнюю исторію. Стараніе отрубить этотъ хвостъ ни къ чему не поведетъ: онъ все-таки будетъ вліять на настоящее“.

Константинъ Францъ.

Въ первой половинѣ нашего очерка мы, если припомнитъ читатель, старались установить, — и, смѣемъ думать, сдѣлали это — тотъ несомнѣнный фактъ, что рознь между такъ-называемыми «командующими» классами и народомъ есть исконное историческое явленіе нашего — да, прибавимъ, и всякаго другаго—общественно-историческаго строя. Къ такому заключенію мы пришли, отвѣчая на вопросъ: «когда возникла» указанная рознь въ Россіи. Въ настоящей статьѣ мы обратимся къ посильному разрѣшенію другаго вопроса: «почему возникла» эта рознь, — другими словами, постараемся указать, оставаясь на той же исторической почвѣ, гдѣ, въ чемъ лежатъ *причины* этой розни или, лучше сказать, *лежали* въ нашемъ прошломъ.

Публицисты-патріоты говорятъ намъ, что съ XVIII столѣтія причины эти лежатъ въ существованіи интеллигенціи или, лучше, того яда, который эта послѣдняя вынесла изъ отравленной уже имъ Европы и, отравившись сама,

отравила имъ все и вся вокругъ себя. Эта отрава одурманила отравившіеся ею цѣлые классы, которые, въ силу этого, перестали понимать интересы народа, интересы отечества и, закусивъ удила, понеслись по скользкому пути, пройденному гораздо ранѣе отравленною Европой,— понеслись, оставивъ за собою народъ, какъ оставляетъ за собой экипажъ рьяный форейторъ, оборвавшій постромки, говоря картиннымъ языкомъ покойнаго Достоевскаго. Такимъ отравленнымъ отравителемъ-форейторомъ вначалѣ былъ Петръ съ его подвижниками, вообще правительство, а потомъ, главнымъ образомъ, литература опредѣленнаго пошиба. Допустимъ, что это такъ; но въ такомъ случаѣ мы получимъ объясненіе розни и такихъ ея послѣдствій, какъ «крамолы, измѣны и хищенія», лишь за XVIII и нашъ вѣкъ. А чѣмъ же мы объяснимъ эти же самыя явленія въ предшествовавшія времена, когда указанной отравы *несомнѣнно*, какъ увидимъ, не существовало?

Да нечего грѣха таить, «патріоты своего отечества» никогда и нигдѣ не дали объясненія, почему форейторъ оборвалъ постромки, именно лизнувъ европейскаго яда, а не россійско-колупаевской сивухи или другой какой-либо отравы отечественнаго производства. Это — во-первыхъ. А во-вторыхъ, почему Колупаевъ съ Разуваевымъ, коихъ никакой «патріотъ» не заподозритъ въ знакомствѣ съ западно-европейской отравой и сосудомъ ея, книгой,— почему сіи столпы, превосходно знающіе и понимающіе народъ своего отечества и такъ прочно, такими солидными постромками связанные съ тѣмъ и другимъ, такъ плохо блюдутъ интересы отечества, «смѣшивая его съ начальствомъ», и интересы народа, отожествляя его съ дойною коровой или нагуливающею шерсть овцой? Далѣе, въ-третьихъ, не объясняютъ намъ патріоты и того, почему урядникъ и становой, люди вполнѣ благонадежные, какъ совершенно свободные отъ всякаго общенія съ интеллигенціей и присными ей, свою задачу охраненія и водворенія добрыхъ нравовъ, спокойствія и порядка въ большинствѣ случаевъ свели на раззореніе и искорененіе сихъ послѣднихъ? Почему всякій волостной старшина, сельскій староста и иные, изъ народа вышедшіе администраторы, лишь только «оболокутся» властью своей малою и придутъ въ ближайшее соприкосновеніе съ только-что упомянутыми стражами нравовъ и порядка, ни мало не медля, превращаются въ хищниковъ? Наконецъ, гдѣ и когда дали намъ патріоты-публицисты хоть какое-нибудь объясненіе, почему народъ, и доселѣ отожествляющій Европу съ Бѣлой Арапіей и, стало-быть, неповинный въ знакомствѣ ни съ какими ея произведеніями «умственнаго» свойства,—почему, спрашиваемъ, народъ этотъ, по утвержденію тѣхъ же «патріотовъ своего отечества», съ-кругу спился?. . Намъ, пожалуй, скажутъ, что онъ спился лишь *въ наше время*,— ergo, благодаря опять-таки тому, что одурѣвшій форейторъ умчался за тридевять земель, оставивъ его, этотъ народъ, топтаться на одномъ мѣстѣ — у кабака. Мы дерзаемъ не повѣрить ни утвержденіямъ о *нашемъ* времени, ибо, знакомы будучи съ исторіей, знаемъ, что кабакъ царилъ и въ періодъ пресловутаго московскаго государства (и какъ царилъ!), — ни заключенію, изъ сего утвержденія выведенному, ибо знаемъ, что никто, ни даже свѣдущіе люди, о водвореніи умчавшагося форейтора на мѣстѣ, болѣе его обязанностямъ соотвѣтствующемъ, путемъ хотя бы починки постромокъ, не заботится: все сводится

къ реформѣ самого кабака, можетъ-быть и дѣйствительно къ реформамъ воспріимчиваго.

Мы обращаемся къ исторіи, руководясь азбучною истиной, высказанной прусскимъ ученымъ публицистомъ и приведенной въ эпиграфѣ. Кто знаетъ, быть-можетъ, опираясь на эту истину, получится нѣкоторая возможность перенести кое-что, по занимающему насъ вопросу, изъ прошлаго въ настоящее. Мы тѣмъ болѣе питаемъ эту надежду, что никто никогда и не стремился отрубить это прошлое отъ настоящаго. Обвиняемый въ этомъ грѣшномъ дѣяніи, Петръ Великій, въ сущности, вовсе въ немъ неповиненъ.

II.

„Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села: тіунъ бо его яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устрещися жженія портъ".

„Слово о Даніилѣ Заточникѣ".

„.... А нищимъ такожде, и въ милость и во благодареніе; а *себѣ отъ Бога мзда, а отъ людей добрая слава*".

„Домострой", гл. XI.

Несмотря на всю ту страшную рознь, которая, какъ мы видѣли, разъѣдала древнюю Русь, *духовной* розни въ томъ смыслѣ, какой придаютъ ей въ наше время публицисты указаннаго лагеря, *не существовало* въ этой Руси. «Командующіе» классы не были оторваны *духовно* отъ «почвы» народной и ихъ «корни» въ этомъ отношеніи нисколько не нуждались въ «оздоровленіи», ибо питались соками, одинаковыми съ тѣми, которыми утучнялась и самая «почва». И «почва», и «корни» питались изъ одного источника—«церковно-лѣтописной литературы» и духовныхъ проповѣдей. Всѣ слои населенія, имѣвшіе возможность *устроить* свою жизнь, устроивали ее на однихъ и тѣхъ же нравственно-религіозныхъ началахъ: и царь московскій, и зажиточный посадскій, и не нищій крестьянинъ, и холопъ не звѣря боярина—всѣ строили свой обиходъ, свою «порядню» по одному и тому же образцу—«Домострою». Единство полное: всѣ молятся одному Богу, хоть и молятся ему не одинаково, какъ увидимъ, всѣ—рабы однихъ и тѣхъ же суевѣрій, однихъ и тѣхъ же развлеченій, однихъ и тѣхъ же пороковъ и грѣховъ. Это—полное *единство* крайняго, безпросвѣтнаго *невѣжества*. Не будемъ забѣгать впередъ.

На этотъ разъ, по данному вопросу, мы не поведемъ за собою читателя слишкомъ далеко, «въ глубь вѣковъ». Мы не поведемъ его дальше второй половины XV столѣтія, такъ какъ нѣтъ нужды доказывать, что чѣмъ дальше мы будемъ забираться въ глубь историческую, тѣмъ меньше рискуемъ встрѣтиться съ тою духовною рознью, которую имѣемъ здѣсь въ виду. Съ указаннаго времени мы начинаемъ, какъ со времени перехода отъ княжеско-вѣчеваго періода нашей исторіи къ московско-царскому. Это—время, въ которое остатки прошлаго, уже искаженные новыми началами, доживаютъ свой вѣкъ въ лицѣ Нов-

города, Пскова, на которыхъ уже затягивается мертвая петля силами этихъ новыхъ началъ. Такимъ образомъ, устанавливая фактъ духовнаго единства, мы будемъ имѣть въ виду періодъ времени въ два съ половиною столѣтія, въ теченіе которыхъ была сколочена и успѣла начать развиваться великая «храмина» московскаго государства.

Чтобъ установить по возможности прочнѣе только-что высказанное положеніе о духовномъ единствѣ, обратимся къ обыденной, домашней «поряднѣ» различныхъ слоевъ населенія московскаго государства. Начнемъ съ главы его— царя и великаго государя.

«Государь вставалъ обыкновенно часа въ четыре утра [1]). Умывшись, онъ тотчасъ же выходилъ въ *крестовую*, въ которой молебный иконостасъ давно уже освѣщался множествомъ лампадъ и восковыхъ свѣчей». Помолившись съ четверть часа, царь прикладывался къ иконѣ того святаго, память котораго праздновалась въ тотъ день. Вслѣдъ за этимъ онъ выслушивалъ «духовное *слово*»—поученіе кого-либо изъ отцовъ церкви. По окончаніи чтенія, царь вмѣстѣ съ царицей «слушали заутреню, а иногда и раннюю обѣдню». Послѣ этой службы царь, «поздоровавшись съ боярами», давно ждавшими его выхода, «поговоривъ о дѣлахъ», шелъ уже въ сопровожденіи всѣхъ ихъ «къ поздней обѣднѣ въ одну изъ придворныхъ церквей». Обѣдня продолжалась часа два и царь всю ее выстаивалъ. Занявшись послѣ этого съ часъ дѣлами, царь шелъ, иногда съ нѣкоторыми изъ бояръ, къ «столовому кушанью». Это было въ двѣнадцать часовъ утра. Послѣ обѣда царь спалъ «до вечеренъ», часа три. Отстоявъ «вечерни», онъ или занимался нѣсколько времени еще дѣлами, или, что чаще, все время, вплоть до ужина, предавался различнаго рода развлеченіямъ, а послѣ ужина, помолившись еще разъ съ четверть часа въ крестовой, шелъ почивать.

Такъ проходилъ *обыкновенный* царскій день. Какая солидная часть его посвящалась исполненію религіозныхъ обрядовъ! Въ посты имъ посвящалось еще больше времени. Одинъ англичанинъ, жившій въ Россіи, разсказываетъ, что царь Алексѣй постомъ проводилъ въ церкви по пяти-шести часовъ сряду и клалъ иногда по тысячѣ и больше земныхъ поклоновъ. А сколько времени проводилъ въ церкви царь Ѳедоръ Ивановичъ? А какая масса времени и съ какимъ благочестіемъ посвящалась царями московскими торжественнымъ «богомольнымъ выходамъ» въ дни различныхъ церковныхъ праздествъ, путешествіямъ по различнымъ монастырямъ на поклоненіе мѣстнымъ святынямъ!

Благочестіе и религіозное настроеніе московскихъ царей выражались не въ однѣхъ молитвахъ всякаго рода. Они необычайно строго блюли посты и постные дни недѣли — среду, пятницу, часто даже и понедѣльникъ. «А готовятся про царскій обиходъ,—разсказываетъ Котошихинъ,—мясныя ѣствы въ недѣлю (воскресенье), во вторникъ, въ четвергъ, въ субботу. А въ постные дни: въ понедѣльникъ, и въ среду, и въ пятокъ, и въ посты—ѣствы рыбныя и пирожныя.... а въ Великій и въ Успеньевъ посты—капуста сырая и грѣтая», грибы всякаго рода и все это—«*безъ масла*». Притомъ «ѣстъ царь въ тѣ посты — въ недѣлю, во вторникъ, въ четвергъ, въ субботу *по одинождыі на день*, а

---

[1]) Весь „обрядъ комнатной“ царской жизни мы разсказываемъ по извѣстному сочиненію *И. Забѣлина*—„Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII ст.“.

пьетъ квасъ, а въ понедѣльникъ, и въ середу, и въ пятницу во всѣ посты *не ѣстъ и не пьетъ ничего*... Такимъ же обычаемъ и про царицу, и про царевичей, и про царевенъ болшихъ, въ посты и въ постные дни, ѣствы готовятъ противъ тогожъ, что и царю». Тотъ же, упомянутый выше, англичанинъ, подтверждая все это относительно Алексѣя Михайловича, прибавляетъ, что этотъ царь «постился восемь мѣсяцевъ въ годъ» и что «ни одинъ монахъ не превзойдетъ его въ строгости постничества».

Жизнь царицы, царевенъ и вообще женской половины московскаго двора текла, пожалуй, еще благочестивѣе. Здѣсь всякія богомолья и всякія дѣла благочестія вообще должны были заполнять всю жизнь. «*Молитва и милостыня*—исключительная, единственная стихія монастырской жизни», — говоритъ г. Забѣлинъ,—наполняли почти всю жизнь на половинѣ царицы и царевенъ.

Такъ жилъ благочестивый дворъ московскій, такъ жилъ и каждый бояринъ, всякій служилый человѣкъ, такъ жилъ богатый купецъ и сколько-нибудь состоятельный посадскій. Такъ жили «командующіе» классы московскаго государства, такъ жили они въ Москвѣ и во всей Великой, Бѣлой и Малой Россіи. Такая жизнь была *идеальною* жизнью, къ которой стремился каждый. Это была жизнь, построенная на началахъ жизни монастырской.

«*По вся дни* [1]), — поучаетъ пресловутый «Домострой», эта настольная книга каждаго зажиточнаго человѣка московскаго государства,—мужъ съ женою и съ дѣтьми и съ домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти вечерня, павечерница, полунощница». Послѣ этой службы до отхода ко сну рекомендуется «отнюдь ни пити, ни ѣсти». А въ полночь по крайней мѣрѣ глава дома долженъ, «тайно вставъ, со слезами, прилежно Богу молитися... а утре, возставая, такоже... отпѣти заутреня и часы, а въ недѣлю (воскресенье) и въ праздникъ молебенъ съ молитвою и молчаніемъ и съ кротко-стояніемъ единогласно пѣти и со вниманіемъ слушати и святымъ каженіе. А гдѣ некому пѣти — ино молитися довольно вечере и утре». Мужчинамъ указывается на необходимость «*по вся дни*» неупустительно посѣщать «вечерни, заутрени, обѣдни». Женщины и домочадцы обязываются къ этому лишь «въ недѣлю, и въ праздники, и во святые дни». По нѣкоторымъ праздникамъ «Домострой», не удовлетворяясь соблюденіемъ всѣхъ моленій и службъ, указанныхъ до сихъ поръ, совѣтуетъ приглашать на домъ «священническій чинъ» и «молебная совершать о всякомъ прошеніи: и молить за царя... за его царицу, за ихъ благородныя чада и за братью его, и за бояре»... Всякій человѣкъ—«государь или государыня» (господинъ или госпожа), сынъ или дочь, слуга, всякій старый и малый—«въ домовнемъ обиходѣ», приступая къ какому бы то ни было дѣлу, «устроивъ себя, очистивъ отъ всякія скверны и руки умывъ чисто», долженъ, по «Домострою», «прежде святымъ поклонятися трижды въ землю, а по нужи—до пояса». Дѣлать же самое дѣло предписывается «съ молитвою и съ доброю бесѣдою или съ молчаніемъ» [2]).

---

[1]) Мы пользуемся для цитатъ „Домостроемъ" въ изданіи г. Голохвастова, напечатанномъ въ „Чт. Общ. ист. и древн. росс." за 1849 годъ.

[2]) „... Крестятся русскіе при начинаніи ими всякаго дѣла, какъ мірскаго, такъ и духовнаго; безъ креста они не станутъ ни пить, ни ѣсть и не приступятъ ни къ какой работѣ", говоритъ *Олеарій* („Путешествіе", русск. пер. 1870 года, стр. 330).

Вся эта монастырская «порядня» въ каждомъ домѣ сколько-нибудь достаточномъ строго наблюдалась. Богатые люди строили у себя въ домахъ церкви, содержали священниковъ, цѣлые причты, для отправленія въ семьѣ всѣхъ требуемыхъ «Домостроемъ» службъ и молитвъ. Они строили церкви и на общую, такъ сказать, потребу изъ религіознаго рвенія угодить Богу, заслужить Его милости. Москва, это средоточіе всего «служилаго» класса и богатаго купечества, переполнялась храмами, поражая ими всѣхъ иностранцевъ, бывавшихъ въ Россіи въ XVI—XVII столѣтіяхъ. Извѣстный секретарь голштинскаго посольства, жившій въ Россіи въ первой половинѣ XVII столѣтія, увѣряетъ, что въ Москвѣ того времени было до *двухъ тысячъ* церквей, монастырей и часовень. Объясненіе этого явленія Олеарій видитъ «отчасти въ томъ, что каждый вельможа, хотя и съ небольшимъ состояніемъ, устраиваетъ себѣ собственную свою часовню». Двое другихъ иностранцевъ того же времени утверждаютъ, что высочайшимъ богоугоднымъ дѣломъ считалось выстроить церковь; этимъ измѣрялось самое благочестіе человѣка [1]). Еще одинъ чужеземецъ, сиріецъ Павелъ дьяконъ, авторъ извѣстнаго путешествія антіохійскаго патріарха въ Россію, пораженный благочестіемъ Москвы, насчиталъ въ ней, во второй половинѣ XVII ст., болѣе *четырехъ тысячъ* церквей! Отъ Москвы не отставали и другіе города. По свидѣтельству того же Павла дьякона, въ Кіевѣ было около ста церквей и монастырей, много ихъ было и во всѣхъ городахъ русскихъ того времени: стоитъ вспомнить, что во всѣхъ нашихъ городахъ настоящаго времени,—городахъ старыхъ, въ родѣ Нижняго, Ярославля, Костромы, Владиміра и т. д.,—огромное большинство церквей—старыя, по крайней мѣрѣ XVII столѣтія, и какое количество ихъ! Однихъ монастырей въ Россіи второй половины XVII столѣтія, притомъ исключая только что присоединенной Малороссіи, по увѣренію самого патріарха Никона, было болѣе *трехъ тысячъ* [2]).

«Усердію русскихъ, — говоритъ Рущинскій, авторъ только что цитированнаго сочиненія о русскихъ въ сущности правящихъ классахъ XVI и XVII столѣтій, —къ *постройкѣ храмовъ* равнялась ихъ *любовь къ украшенію* этихъ храмовъ». Въ томъ и другомъ названный авторъ видитъ «несомнѣнное доказательство набожности и искренняго религіознаго чувства» русскихъ того времени. Доказательство наличности тѣхъ же качествъ въ русскомъ человѣкѣ московскаго государства видятъ въ обиліи церквей и монастырей по градамъ и весямъ и тѣ «иностранные писатели», на свѣдѣнія которыхъ опирается Рущинскій. Они поражены обиліемъ храмовъ, богатствомъ и великолѣпіемъ многихъ изъ нихъ.

Не меньше, чѣмъ обиліе церквей, поражало иностранцевъ, посѣщавшихъ въ то время Россію, также и такое проявленіе «набожности и религіозности», какъ необычайное почитаніе иконъ, обиліе ихъ въ домахъ москвичей. По единогласному ихъ увѣренію, въ каждомъ домѣ можно было найти много иконъ, болѣе или менѣе богато, смотря по состоянію хозяина, украшенныхъ; обиліемъ и богатствомъ ихъ измѣрялась самая религіозность хозяевъ. Ставились иконы и снаружи домовъ и иныхъ построекъ — надъ каждою дверью, надъ каждыми

[1]) *Рущинскій*: „Религіозный бытъ русскихъ XVI и XVII ст.“, стр. 61.

[2]) „Павелъ дьяконъ“. *У Рущинскаго* стр. 65.

воротами; въ путешествіяхъ, походахъ—вездѣ русскаго человѣка того времени сопровождала икона, передъ которою онъ молился по нѣскольку разъ въ день [1]). Учительная книга московскаго человѣка, «Домострой», предписываетъ «всякому христіанину», т. е. православному, «въ дому своемъ, *во всякой храминѣ*» образа ставить на стѣнахъ, «устроивъ благолѣпно, со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильники». Входя къ кому либо въ домъ, православный москвичъ прежде всего обращался въ тотъ уголъ, гдѣ, по обычаю, стояла икона, крестился нѣсколько разъ и только послѣ этого привѣтствовалъ присутствующихъ въ комнатѣ [2]). Онъ и домомъ не считалъ того дома, въ которомъ не было иконы, не хотѣлъ имѣть никакихъ дѣлъ съ иноземцемъ въ его домѣ, если въ этомъ домѣ не было иконы. Кончилось тѣмъ, что, по свидѣтельству одного иностранца, нѣмцы, жившіе въ Москвѣ, чтобы угодить благочестивымъ москвичамъ, съ которыми они имѣли дѣловыя сношенія, держали у себя въ домахъ образа [3]).

Повторяемъ, всѣ эти виды проявленія благочестія и набожности одинаково свойственны людямъ всѣхъ слоевъ, классовъ, положеній московскаго народа, начиная съ главы его — царя и кончая послѣднимъ изъ черныхъ людей [4]). Здѣсь — отсутствіе всякой розни, полное единство. И въ палатахъ кремлевскаго дворца, и въ курной избѣ убогой деревни, заброшенной гдѣ-нибудь въ лѣсныхъ чащахъ, весь религіозный культъ совершается съ одинаковыми чувствами, съ одними и тѣми же убѣжденіями и взглядами. И тамъ, и здѣсь одинаково вся набожность, все благочестіе сводятся къ числе *внѣшнимъ* формамъ, къ простой, рутинной обрядности, совершеніе и исполненіе которой отъ «младыхъ лѣтъ» внѣдряется въ человѣка путемъ чисто-механическимъ, безъ всякаго участія сознанія или мысли съ его стороны. Олеарій съ удивленіемъ разсказываетъ намъ, когда, проѣздомъ черезъ Ладогу, ему пришлось видѣть, какъ хозяйка дома, гдѣ онъ остановился, «не давала ѣсть своему ребенку, едва еще говорившему и ходившему, пока онъ девять разъ» не перекрестится и не поклонится передъ иконами [5]). Этому удивлялся Олеарій, но не удивлялись православные московскаго государства, усвояя себѣ такимъ путемъ не только обычай креститься на каждомъ шагу, но и читать молитвы, которыхъ смысла и содержанія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, они не понимали. Какъ механически, безсознательно *усвоивался* весь религіозный культъ, такъ онъ и *отправлялся всю жизнь* каждымъ благочестивымъ человѣкомъ того времени, за крайне рѣдкимъ исключеніемъ. Всякій, истинно-православный, строго исполняя все описанное выше, требуемое «Домостроемъ», исполнялъ его только, если можно такъ выразиться, тѣломъ, ни мало не участвуя духомъ. Цари во время обѣдни, за которой они, какъ мы видѣли, присутствовали ежедневно и которая продолжалась часа два, «принимали отъ думныхъ людей доклады, разговаривали

---

[1]) *Рущинскій*, стр. 72 и 73.

[2]) *Олеарій*, стр. 333.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 332. Только патріархъ Никонъ запретилъ это, находя иновѣрцевъ недостойными имѣть иконы въ ихъ квартирахъ.

[4]) *Рущинскій*: „Благочестіе русскихъ *вездѣ* сохраняло одинаковый духъ и свойство, и то, что мы находимъ замѣчательнаго въ этомъ *отношеніи* въ Москвѣ, то же самое... и вездѣ“ (стр. 63).

[5]) *Олеарій*, стр. 335.

о дѣлахъ съ боярами, отдавали приказанія; бояре тоже разсуждали между собою, какъ будто бы они находились въ думѣ» [1]). По свидѣтельству иностранцевъ, присутствовавшіе на богослуженіи въ приходскихъ церквахъ Москвы шутили и разговаривали во время той по крайней мѣрѣ части богослуженія, которая состояла изъ чтенія [2]). Подтвержденіе этого наблюденія иноземцевъ мы находимъ въ постановленіяхъ такъ-называемаго Стоглаваго духовнаго собора, имѣвшаго мѣсто въ половинѣ XVI столѣтія [3]). Иванъ Грозный, самъ такъ грѣшившій въ этомъ отношеніи, заявилъ на соборѣ, что «въ церквахъ божіихъ *соборныхъ* и приходныхъ стоятъ... якоже на торжищи или на позорищи, или на пиру, или яко въ корчемницы: и говоръ, и ропотъ... и бесѣды срамныя словеса» [4]). Не смотря на соборныя постановленія, съ тѣмъ же самымъ встрѣчаемся мы и гораздо позже, въ XVII столѣтіи. Такъ, патріархъ Гермогенъ, въ своемъ извѣстномъ посланіи «ко всемъ людемъ», говоритъ: «вѣмъ многихъ, собирающихся (въ церковь) не Бога ради, ниже послушанія ради глаголъ; овѣхъ убо зрю дремлющихъ, овѣхъ сюду и обоюду озирающихъ, иныхъ другъ ко другу глаголющихъ» [5]). Отъ лицъ отправляющихъ богослуженіе требовалась такая манера чтенія и пѣнія, которая устраняла всякую возможность пониманія, сознательнаго отношенія какъ со стороны священнодѣйствующаго, такъ и со стороны молящагося. Иностранцы изумлялись той небрежности, съ которой, по ихъ мнѣнію, отправлялось богослуженіе. Они были поражены, узнавъ, что эта небрежность есть дѣло какъ бы особаго вкуса, требованія благочестиваго москвича, который считалъ особенно эффектнымъ и, должно-быть, богоугоднымъ, когда «священникъ прочитывалъ нѣсколько молитвъ не переводя духа», когда онъ читалъ эти молитвы возможно быстрѣе и громогласнѣе [6]).

Нужно ли приводить лучшія доказательства, что вся набожность и религіозность сводились къ соблюденію, притомъ въ большинствѣ случаевъ небрежному, обрядности. Сошлемся, въ подтвержденіе нашего положенія, на авторитетъ неоспоримый, особенно убѣдительный по своему положенію. Высокопреосвященный Макарій, на капитальный трудъ котораго намъ приходилось ссылаться уже не разъ, говоритъ: «малознакомые... съ возвышенными догматами православной вѣры, русскіе знали ее *преимущественно въ обрядахъ*, во всемъ томъ, что составляетъ ея *внѣшнюю*, видимую *сторону*... и на этой-то сторонѣ вѣры и сосредоточивали... горячую къ ней привязанность». Въ этой «слѣпой» привязанности къ обряду высокопреосвященный видитъ причину «гибельныхъ послѣдствій въ области нравственности» [7]). То же всеобщее недомысліе, непониманіе существа дѣла, лежало и въ поклоненіи русскихъ иконамъ, во взглядѣ на значеніе ихъ, а вмѣстѣ и во взглядѣ на значеніе постовъ, которые, какъ мы видѣли, составляли

---

[1]) *И. Забѣлинъ*: „Домашній быть русскихъ царей", гл. IV. — Особенно странно велъ себя въ церкви Иванъ Грозный. *Макарій*: „Ист. церкви", т. VIII, стр. 318.

[2]) *Рущинскій*, стр. 42.

[3]) Глава 38 „Стоглава" предписываетъ „поучать" христіанъ, „чтобы они присутствовали при богослуженіи со страхомъ и трепетомъ", а „*шептанія*... и непотребнаго *разсужденія*... неподобныхъ рѣчей и словесъ... никогда же бы не именовалося".

[4]) „Стоглавъ", гл. 5, вопр. 22.

[5]) *Макарій*: „Ист. церкви", т. X, стр. 230.

[6]) *Рущинскій*, стр. 41 и слѣд.

[7]) „Исторія церкви", т. VIII, стр. 317 и 331.

чуть не большую часть года. Иконамъ всѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ изъ образованныхъ представителей духовенства, поклонялись какъ таковымъ, видя въ нихъ объектъ поклоненія, забывая о томъ, что онѣ собою изображали. Понятіе поста сведено было исключительно къ понятію о воздержаніи отъ извѣстныхъ родовъ пищи.

Формы, въ которыхъ выражалось почитаніе иконъ, были таковы, что дали возможность иностранцамъ, особенно усердно наблюдавшимъ эту сторону жизни, увѣрять, что русскіе дошли по отношенію къ иконамъ до убѣжденія, будто онѣ «живутъ и чувствуютъ» [1]). Иностранцы приводятъ нѣсколько случаевъ такого грубо-реальнаго отношенія къ иконамъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: въ началѣ XVII ст., во время пребыванія въ Новгородѣ шведовъ съ Делагарди во главѣ, городъ былъ преданъ огню. Одинъ изъ новгородцевъ возложилъ надежду спасенія своего жилища на икону Николая Угодника [2]), которую держалъ противъ огня, умоляя Чудотворца о спасеніи его дома; но когда мольба его не была услышана и огонь началъ охватывать и его домъ, молящійся «вышелъ изъ терпѣнія и бросилъ образъ въ огонь со словами: «если ты насъ не хочешь спасти, такъ спасай самъ себя и погаси огонь». И однако, одновременно съ этимъ случаемъ, тѣ же новгородцы, видя, что шведы тащутъ изъ домовъ, ими разграбленныхъ, образа, умоляли ихъ возвратить имъ святыню, предлагая за это высокую цѣну [3]). Въ данномъ случаѣ новгородцы руководились, несомнѣнно, тою мыслью, что Господь или тѣ святые, которые изображались на иконахъ, накажутъ ихъ за непочтеніе къ послѣднимъ. Другой иностранецъ (Сам. Мацѣевичъ, бывшій въ Россіи съ первымъ Лжедимитріемъ) разсказываетъ, что когда, во время осады Сигизмундомъ Смоленска, окрестные жители города разбѣжались по лѣсу и были тамъ настигнуты поляками, то, «разгнѣвавшись на свои образа (на помощь которыхъ они надѣялись), повѣсили ихъ для позора на деревьяхъ вверхъ ногами, приговаривая: «мы вамъ молимся, а вы отъ литвы насъ не оборонили» [4]). Подобное же отношеніе къ дѣлу авторъ констатируетъ и со стороны Ивана Грознаго, приводя разсказъ, — очевидно, нѣсколько преувеличенный,—о томъ, какъ этотъ царь, разгнѣвавшись «на церковь» Михаила Архангела въ Смоленскѣ, которому онъ молился о побѣдѣ надъ Баторіемъ и который не даровалъ этой побѣды, «велѣлъ ободрать всѣ украшенія церкви и богатства, а куполъ сбить изъ пушекъ, и наложилъ на нее опалу» [5]).

Правда, случаи, здѣсь приведенные — рѣзкіе и исключительные; но во всякомъ разѣ характеризующіе общій, преобладающій, взглядъ того времени [6]),—

---

[1]) *Рущинскій*, стр. 78.

[2]) Убѣжденіе и теперь существующее въ народѣ. Выносятъ обыкновенно образъ „Неопалимыя Купины".

[3]) *Олеарій*, стр. 334.

[4]) *Устряловъ*: „Сказанія соврем. о Димитріи Самозванцѣ", ч. II, стр. 27 и 28. Тутъ же разсказанъ и еще случай: у одного крестьянина украли вола; обворованный сорвалъ образъ со стѣны и выбросилъ его въ окно со словами: „я тебѣ молился, а ты меня отъ воровъ не охраняешь".

[5]) *Тамъ-же*, стр. 27.

[6]) Устряловъ считаетъ (*тамъ-же*, прим. 22 и 23) эти случаи „сказками" и „нелѣпыми толками", ничѣмъ этого не доказывая, кромѣ ссылки на другаго иностранца, который „отдавалъ полную справедливость набожности и благочестію русскихъ того времени". Относительно поступка Грознаго Устряловъ замѣчаетъ, что этотъ царь „до того былъ набоженъ... что смиренно слушалъ укоризны юродивыхъ".

взглядъ, который затиралъ собой всякій другой. Еще разъ обратимся къ непреложному авторитету, чтобы защитить приводимые иностранцами того времени факты по занимающему насъ предмету, а вмѣстѣ и сдѣланное нами, на основаніи ихъ, заключеніе. Митрополитъ Макарій, согласившись съ мнѣніемъ иностранцевъ о томъ, что русскіе «приписывали обрядамъ слишкомъ большую важность»... и въ нихъ какъ бы полагали самую сущность своей вѣры, заявляетъ: «къ сожалѣнію, изучая исторію этого періода, мы не разъ встрѣчались съ разительными фактами, подтверждающими это». Затѣмъ высокопреосвященный приводитъ этого рода факты, притомъ изъ жизни высшихъ представителей одного изъ «командующихъ» классовъ—духовенства [1]). Такъ относясь къ авторитетности показаній иностранцевъ по данному вопросу, высокопреосвященный, превосходно знакомый съ ихъ сочиненіями, не считаетъ нужнымъ опровергать вышеприведенные нами факты, очевидно, не находя ихъ ни «сказками», ни «нелѣпыми толками», какъ это дѣлаетъ Устряловъ, яко бы идущими въ разрѣзъ съ общимъ міровоззрѣніемъ русскихъ того времени.

Относительно постовъ иностранцы, хорошо знакомые съ бытовою стороной московской жизни, пришли къ заключенію, что «постъ былъ какъ бы составною частью самой религіозной жизни русскаго народа» [2]). Мы видѣли, какъ постился царь; такъ же постились и всѣ «командующіе классы», такъ постился и весь «народъ». Многіе несомнѣнно видѣли въ постѣ средство «умертвить плоть»; но огромное большинство относилось къ постамъ вполнѣ безсознательно и полагало суть поста въ воздержаніи отъ спеціальныхъ яствъ, которыя въ дни постовъ считались чѣмъ-то такимъ, что *поганило* человѣка, почему этихъ яствъ въ такъ-называемые «постные» дни и не должны были принимать ни малолѣтнія дѣти, ни больные. Но при этомъ огромное большинство смотрѣло на дѣло такъ, что, воздерживаясь отъ извѣстныхъ родовъ пищи, постящійся нисколько не стѣсненъ никакими требованіями умѣренности относительно дозволенныхъ видовъ пищи. Такъ Олеарій и Петрей Эрлезундъ разсказываютъ, что на масляницѣ, которую они справедливо считаютъ началомъ поста на томъ основаніи, что всю эту недѣлю русскіе вполнѣ воздерживались отъ всего мяснаго, царятъ обжорство и пьянство [3]) Петрей разсказываетъ, что въ праздничные дни, случающіеся въ посты, когда ни одинъ русскій «не осквернитъ себя мясомъ», учиняются «*рыбныя* пирушки», на которыхъ напиваются до-пьяна... Духовные и міряне, мужчины и женщины, часто напиваются до того, что падаютъ и валяются на улицѣ [4]). Вотъ въ немногихъ словахъ религіозныя міровоззрѣнія царя, правящихъ классовъ и всего народа московскаго государства.

Но не всю же жизнь русскій человѣкъ проводилъ въ постѣ и молитвахъ, въ исполненіи вообще религіознаго культа,—не всю ее посвящалъ онъ этому культу и своимъ дѣламъ, хотя это и составляло идеалъ того времени; въ свободное время онъ развлекался, веселился. И въ развлеченіяхъ, и весельи мы встрѣчаемся съ тѣмъ же *единствомъ*, относительно ихъ сущности, во всѣхъ

---

[1]) „Исторія церкви", т. VIII, стр. 328 и слѣд.
[2]) *Рущинскій*, стр. 85.
[3]) *Олеарій*, стр. 356.—*Петрей*, стр. 437.
[4]) *Петрей*, стр. 438.

слояхъ народа и «правящихъ классовъ» съ царемъ во главѣ, съ какимъ встрѣтились относительно религіознаго культа.

Опять познакомимся прежде всего съ этою стороной московской жизни въ царскихъ палатахъ и боярскихъ хоромахъ, а потомъ на улицахъ и площадяхъ.

Мы уже видѣли, что время «послѣ вечерни до ужина» царь проводилъ почти всегда въ семьѣ или въ обществѣ самыхъ близкихъ людей; онъ проводилъ это время въ отдыхѣ, посвящалъ его, по выраженію Забѣлина, автора «Домашняго быта царей и царицъ» московскаго государства, «домашнимъ развлеченіямъ и увеселеніямъ, свойственнымъ вѣку и вкусамъ тогдашняго общежитія».

Среди развлеченій нѣкоторую роль у царей играло чтеніе. Предметомъ чтенія были книги «духовно-назидательнаго и церковно-историческаго» содержанія. Это были книги, содержавшія въ себѣ «духовно-назидательныя слова или поученія отцовъ церкви, житія святыхъ, разныя историческія и полемическія церковныя сочиненія». Только со времени царствованія Алексѣя Михайловича къ этой литературѣ присоединились «куранты» — европейскіе журналы, которые переводились спеціально для царя [1]). Но книга была, думать надо, очень рѣдкимъ гостемъ въ царской семьѣ, обрѣтаясь больше на покоѣ въ царскомъ книгохранилищѣ. Она замѣнялась «живою бесѣдою... бывалыхъ людей о далекихъ земляхъ, объ иноземныхъ обычаяхъ и особенно о старинѣ». Эти бывалые люди, подъ именемъ «*верховыхъ* (придворныхъ) *богомольцевъ*», жили въ самомъ дворцѣ на полномъ иждивеніи царскомъ; ихъ же называли и «*верховыми нищими*». Это были старики, имѣвшіе лѣтъ по сту отъ роду. Они-то и забавляли царя съ его семействомъ, въ длинные зимніе вечера, разсказами о всемъ ими видѣнномъ и слышанномъ на бѣломъ свѣтѣ за ихъ долгую жизнь. Среди ихъ были и *юродивые*. Не одною «былью» потѣшали и развлекали они царя-батюшку. «Они же» пѣли ему *Лазаря* и всѣ тѣ *духовные стихи*, которые можно еще слышать и теперь отъ странствующихъ нищихъ-слѣпцовъ. Жили во дворцѣ и «слѣпцы-домрачеи» съ «бахарями»: они пѣли (съ акомпаниментомъ *домры)* и разсказывали царю пѣсни и сказки съ былинами. Царь не могъ засыпать безъ *бахарей*. Такъ, Грозный засыпалъ всегда подъ разсказы сказокъ и небылицъ троихъ слѣпцовъ-бахарей, смѣнявшихъ одинъ другаго. Во дворцѣ была даже спеціальная палата — *Потѣшная*, въ которой цѣлая серія особаго рода людей—потѣшниковъ—забавляли царя и дворъ пѣснями, музыкой и всякими «дѣйствами» [2]). Среди всей толпы «потѣшниковъ» чуть ли не наиболѣе выдающуюся роль играли *шутъ* и *дуракъ*, эти «глумотворцы» и «сквернословы», по выраженію всяческихъ поученій и проповѣдей. Они забавляли царя и царицу или своимъ умственнымъ и физическимъ уродствомъ, или притворными шутовствомъ и дурачествами, въ которыхъ иногда проскакивали умныя и порой очень ѣдкія остроты. Характеръ шутовъ и дураковъ обусловливался характеромъ царя: при Иванѣ Грозномъ преобладали умные и злые шуты, а главное—хитрые, умѣвшіе и съострить, и уязвить кого-либо, и развеселить царя-батюшку въ минуты его мрачнаго настроенія передъ какой-либо кровавою расправой или послѣ нея. Сына его, пресловутаго звонаря-Өедора, забавляли

---

[1]) „Домашній бытъ русск. царей“, гл. IV.

[2]) *Тамъ-же.*

всякіе карлики и карлицы, дураки и дурки — главнымъ образомъ тѣмъ, что кувыркались и кружились, дрались и безобразничали передъ его свѣтлыми очами. Шуты и дураки Михаила Ѳедоровича принадлежали къ разряду идіотовъ [1]). Такіе дураки и дурки особенно важное значеніе имѣли въ теремахъ царицъ и царевенъ.

Въ Потѣшную палату или потѣшныя хоромы собирался дворъ слушать орга̀нъ и цымбалы, смотрѣть всякое «скомрашное дѣло», въ родѣ кукольныхъ комедій, гимнастическихъ представленій, арлекинадъ и, въ концѣ XVII ст., театральныхъ представленій, которыя, какъ и куранты, увы, пришли съ Запада, и тогда уже гнилаго [2]).

Помимо Потѣшной палаты не малую роль въ увеселеніяхъ и развлеченіяхъ царскихъ игралъ и «Псаренный дворъ», на которомъ вмѣстѣ съ собаками содержались и всякіе ученые звѣри, въ родѣ, напримѣръ, медвѣдей. Эти ученые обитатели московскихъ лѣсовъ, а потомъ Псареннаго двора, служили одной изъ любимѣйшихъ забавъ нашихъ царскихъ палатъ; ихъ обитатели забавлялись медвѣжьей травлей и медвѣжьими представленіями, лицедѣйствами.

Почти всѣ эти немудрые виды забавы царской были и забавами всего народа русскаго, всѣхъ отдѣльныхъ слоевъ его, начиная съ большаго боярина и кончая гулящимъ, бездомнымъ человѣкомъ.

Каждый достаточный бояринъ окружалъ себя дураками, шутами и бахарями. Народъ, масса, увеселялся тѣми же лицедѣями, только не на частномъ иждивеніи живущими, а такъ-сказать на общественномъ. *Сущность* этихъ увеселеній и въ царскихъ теремахъ, и боярскихъ хоромахъ, и въ кабакахъ, и на площадяхъ, какъ мы уже сказали, одна и та же.

Съ народными увеселеніями мы знакомимся главнымъ образомъ изъ всякаго рода поученій и посланій представителей церкви и изъ царскихъ указовъ, которыми воспрещались и преслѣдовались эти увеселенія [3]). Обратимся ли мы къ «Домострою», проповѣдямъ, или царскимъ указамъ, мы встрѣтимся съ одними и тѣми же родами увеселеній, почти тожественными съ тѣми, съ которыми мы только-что познакомились. «Домострой» преслѣдуетъ, какъ «скаредіе и богомерзскія дѣла», всякія «пѣсни бѣсовскія, плясаніе, скаканіе, гудѣніе, бубны, трубы, сопѣли», также «медвѣди и птицы и собаки ловчія, всяко бѣсовское угодіе и всякое безчиніе и безстрашіе... и скоморохи и ихъ дѣла, — плясаніе и сопѣли, пѣсни бѣсовскія, зернь, шахматы и тавлеи». За все это авторъ грозитъ за гробомъ адомъ, а здѣсь — проклятіемъ. «Стоглавъ» вопіетъ противъ такихъ увеселеній на свадьбахъ, какъ «органники, гусельники и смѣхотворцы», а также и всякія «бѣсовскія пѣсни»; онъ громитъ «пляски и скаканіе, бубны и всякія скоморошества». Царскіе указы подъ страхомъ битья «батогами», а

---

[1]) *Забѣлинъ*: „Домашній бытъ рус. царицъ“, ст. 414.

[2]) *Нѣмецкія* потѣхи, въ видѣ гимнастическихъ упражненій и т. п., имѣютъ мѣсто и въ началѣ XVII ст., при Михаилѣ Ѳедоровичѣ.—*Забѣлинъ*, тамъ-же, стр. 436 и 438.

[3]) Всѣ увеселенія съ точки зрѣнія монастырской жизни, бывшей, какъ мы видѣли, идеаломъ жизни вообще были, разумѣется, великимъ грѣховнымъ дѣломъ; отсюда—преслѣдованіе ихъ со стороны церкви, а подъ ея вліяніемъ и государства. Но „такое преслѣдованіе,—говоритъ Забѣлинъ,—осталось въ русской землѣ безъ послѣдствій; ибо совсѣмъ уже разрушало нашъ старый бытовой строй, вынимало самую душу народныхъ обычаевъ“.

митрополичьи грамоты подъ страхомъ отлученія отъ церкви—запрещаютъ «скомороховъ съ домрами (домрачеи въ царскихъ палатахъ) и съ гуслями и съ волынками и со всякими играми»,—требуютъ, чтобы «зернью и карты, и шахматы, и лодыгами не играли, и медвѣдей не водили и съ сучками не плясали и никакихъ бѣсовскихъ дѣлъ не творили... и кулачныхъ боевъ межъ себя не дѣлали, и всякихъ бѣсовскихъ игръ не слушали, и на качеляхъ ни на какихъ не качалися [1]), и на доскахъ мужской и женской полъ не скакали, и личинъ на себя не накладывали, и кобылокъ бѣсовскихъ не наряжали, и на свадьбахъ безчинства и сквернословія не дѣлали». Церковь — а за ней и правительство—запрещала всѣ эти «скоморошества» не только потому, что они ведутъ за собою, по ея мнѣнію, «забвеніе Бога и православныя христіанскія вѣры, отъ правовѣрія православныхъ хрестьянъ отлучаютъ», но и потому, что всѣ эти бубны, гусли и другія невинныя орудія увеселенія, по самому существу своему, суть орудія «сатанинскія», и самыя игры на нихъ, какъ бы онѣ невинны ни были, — игры «бѣсовскія»; отсюда преслѣдуются даже неодушевленные предметы, служащіе орудіями увеселеній. «А гдѣ объявятся,—говоритъ цитированный выше царскій указъ, — домры и сурны, и гудки, и гусли и хари, и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды... то все велѣть вынимать и, изломавъ, тѣ бѣсовскія игры велѣть сжечь». Въ этомъ случаѣ церковь опирается на то же начало, исходя изъ котораго, она запрещала въ посты мясо, какъ нѣчто по самому существу своему скверное и поганое въ данное время. Посланія и царскіе указы зашли слишкомъ далеко: всѣ эти забавы и утѣхи, составлявшія, по выраженію Забѣлина, «обычный репертуаръ *царскаго* и *народнаго* увеселенія», *сами по себѣ* не носили ничего зловреднаго; онѣ были, пожалуй, и не безполезными даже, по скольку вызывали собою добродушное, мирное настроеніе веселости въ забавлявшихся, по скольку не развращали человѣка, ожесточая его, какъ всякаго рода травли, бой звѣрей или людей. Но *въ дѣйствительности, подъ вліяніемъ условій времени*, онѣ обратились въ нѣчто очень неприглядное, прямо содѣйствовавшее дальнѣйшему нравственному огрубѣнію народа. Подъ вліяніемъ этихъ «условій времени» (о нихъ потомъ) народныя увеселенія и забавы получили въ большинствѣ случаевъ характеръ «дѣйствительнаго разврата», по выраженію того же автора «Домашняго быта русскихъ царей и царицъ» [2]). Пѣсни стали, пожалуй, дѣйствительно бѣсовскими, сатанинскими, проникаясь грязнымъ и грубымъ цинизмомъ, и дѣйствительно могли вести вмѣстѣ съ «плясаніемъ и скаканіемъ», уснащенными самыми недвусмысленными тѣлодвиженіями и мимикой, къ «оскверненію и растлѣнію», говоря языкомъ «Стоглава». Полякъ Мацѣевичъ, на котораго мы уже ссылались, разсказывая о русскихъ свадьбахъ, говоритъ, что европейскіе танцы [3]) у нихъ замѣняются шутами и забавниками, «которые тѣшатъ ихъ плясками и пѣснями, большею частію *весьма безстыдными*»; женщинъ на этихъ свадьбахъ забав-

---

[1]) Качели—любимое развлеченіе и на царскомъ дворѣ.

[2]) *Забѣлинъ:* „Домашній бытъ русскихъ царицъ", стр. 399.

[3]) „О танцахъ они (русскіе) говорятъ: что за охота ходить по избѣ и скакать скоморохомъ? Человѣкъ честный долженъ сидѣть на своемъ мѣстѣ и забавляться шутомъ". — *Устряловъ:* „Сказ. соврем. о самозванцахъ", т. II, стр. 52.

ляютъ женщины же — служанки — пѣніемъ пѣсенъ «такихъ срамныхъ и безстыдныхъ, что уши вянутъ» [1]). Другой иностранецъ, англичанинъ Коллинсъ, сообщаетъ о характерѣ свадебныхъ увеселеній то же самое, говоря, что отъ пѣсенъ, которыя здѣсь поются женщинами, покраснѣлъ бы самъ Аретино. Олеарій говоритъ, что у русскихъ на пирахъ вообще «разсказываютъ всякаго рода срамныя сказки, и тотъ, кто наиболѣе сквернословитъ и отпускаетъ самыя неприличныя шутки, сопровождаетъ ихъ непристойными тѣлодвиженіями, считается у нихъ лучшимъ и пріятнѣйшимъ въ обществѣ; къ тому же направлены и ихъ пляски», достигающія, по его словамъ, цинизма невѣроятнаго [2]).

Все это говорится объ увеселеніяхъ «командующихъ» классовъ; то̀ же самое разсказываютъ иностранцы и о характерѣ чисто народныхъ увеселеній. Тотъ же, напримѣръ, Олеарій пишетъ, что всякія «срамныя дѣла» разсказываются и воспѣваются «всенародно на улицахъ» бродячими скоморохами, которые «даже показываютъ ихъ въ своихъ кукольныхъ представленіяхъ» и «дѣйствахъ», устраиваемыхъ учеными медвѣдями. Одинъ изъ иностранцевъ, посѣтившій Россію въ XVII столѣтіи, разсказывая о забавахъ народныхъ до-петровскаго времени, замѣчаетъ, что «русскіе веселятся съ какимъ-то звѣрскимъ довольствомъ зрѣлищемъ людей умалишенныхъ и разныхъ калѣкъ и уродовъ, особенно когда оные находятся въ опьянѣломъ положеніи» [3]). Эти печальные отзывы иностранцевъ о характерѣ забавъ и увеселеній нашихъ предковъ признаются, мы видѣли, всѣми нашими авторитетнѣйшими изслѣдователями и знатоками старины, въ родѣ Соловьева или Забѣлина, которые лишь стараются отыскать въ условіяхъ времени объясненіе такого характера ихъ. Среди этихъ условій они придаютъ не малое значеніе такому, какъ развитіе пьянства въ народѣ, во *всѣхъ* слояхъ его,—пьянства, которымъ сопровождались у всѣхъ и у каждаго всякія развлеченія и увеселенія и которое само по себѣ составляло самостоятельное и едва ли не главное увеселеніе народное.

Учительный и благочестивый «Домострой», преслѣдующій съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, всякія, какъ мы видѣли, формы веселья, какъ бы онѣ по существу своему невинны ни были, уже потому только, что «онѣ удовлетворяли человѣческой потребности веселиться послѣ работы», выражаясь языкомъ г. Забѣлина, потому только, что онѣ давали человѣку возможность нѣсколько отрѣшиться отъ суровой жизненной обстановки, забыть ея мрачный, монастырскій колоритъ,—этотъ самый «Домострой» ничего не имѣетъ противъ «дара Божія»—вина, ничего не имѣетъ противъ того «веселія», которое достигается посредствомъ него. Церковь, а съ нею и правительство, считавшіе разные бубны, сурны, гусли и домры дьявольскими предметами, *какъ таковые*, и требовавшіе, какъ мы видѣли, ихъ истребленія путемъ сожженія, вмѣстѣ съ «Домостроемъ» вина «не похуляли» только въ силу того, что оно—вино. Они преслѣдовали только излишества относительно употребленія этого напитка. Они укоряли лишь тѣхъ, «которые пьютъ безъ воздержанія»,—словомъ, они возста-

[1]) *Тамъ-же*, стр. 51 и 52.
[2]) *Олеарій*, стр. 178.
[3]) *Забѣлинъ*, стр. 409.

вали не противъ самаго явленія вообще, а противъ извѣстныхъ формъ его. Вооружаясь противъ пьянства, «Домострой» говоритъ: «не реку не пити, не буди то; но реку не упиватися въ пьянство злое. Сказано: *пейте* мало *веселія ради,* а не пьянства ради, ибо піяницы царствія Божія не наслѣдятъ». Знаменитый проповѣдникъ первой половины XVI столѣтія, митрополитъ Даніилъ, бичуя пьянство, «нисколько не думалъ,—говоритъ г. Жмакинъ, авторъ новѣйшаго сочиненія о митрополитѣ [1]),—изгонять вино изъ употребленія... Умѣренное употребленіе его даже полезно» [2]). «Питіе твое да будетъ *мѣрно и разумно*». «Митрополитъ очень снисходительно,—продолжаетъ авторъ,—относится къ употребленію вина. Онъ, какъ видно, хорошо зналъ характеръ и недостатки русскаго народа для того, чтобы требовать отъ него больше, чѣмъ онъ могъ выполнить» [3]). Авторъ даже увѣряетъ, что снисходительность этого учителя церкви къ «питію» доходила до того, что онъ допускалъ его въ случаяхъ «скорби» и радости. Но тотъ же самый проповѣдникъ «вполнѣ и *безусловно отрицаетъ всякія* мірскія удовольствія», въ родѣ музыки, плясокъ, сказокъ и всякихъ дѣйствъ, являясь здѣсь полнымъ аскетомъ [4]), утверждая, что «скоморахи и плясцы, и шахматы отрѣкоша святіи апостоли и святіи отцы», и что въ силу этого они суть слуги и проводники темной дьявольской силы [5]).

Несомнѣнно, г. Забѣлинъ въ значительной степени правъ, утверждая, что въ значительной степени въ силу такого отношенія «учительной философіи», какъ онъ выражается, къ «питію» и забавамъ, первое приняло тѣ размѣры, въ которыхъ мы встрѣчаемся съ нимъ въ московскомъ государствѣ. «Отвергая всѣ формы мірской веселости, — говоритъ названный авторъ, — пѣсню, музыку, пляску, учительная философія должна была особенно *помогать* распространенію въ обществѣ именно одной только пьянственной напасти... Если человѣческое удовольствіе, — продолжаетъ г. Забѣлинъ,—и слѣдовательно въ обширномъ понятіи вся область поэзіи находились подъ осужденіемъ и проклятіемъ, человѣку ничего другаго не оставалось, какъ предаваться веселью пьянства», которое «по необходимости становилось единственнымъ, исключительнымъ удовольствіемъ и весельемъ». Все это привело общество «къ еще большему огрубѣнію, низвело его до степени прямого животнаго...» [6]). Подъ вліяніемъ этой и другихъ, болѣе сильныхъ, причинъ, «питіе», эта единственная утѣха, допускаемая, хотя и въ извѣстныхъ размѣрахъ, самими представителями церкви, вошло въ плоть и кровь нашихъ предковъ, сдѣлавшись утѣхой всѣхъ безъ различія классовъ, пола и чуть ли даже не всякаго возраста. «Пили всѣ почти одинаково,—говоритъ Жмакинъ,—князья и бояре... представители церкви... Низшее духовенство даже перещеголяло другія сословія въ этомъ отношеніи... Женщины мало отставали отъ мужчинъ въ пьянствѣ;

---

[1]) „Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія" въ „Чтеніяхъ Общ. исторіи и древн. росс.", книги I и II за 1881 годъ.

[2]) „Чт. Общ. ист. и древн. росс." за 1881 г., кн. II, стр. 552.

[3]) *Тамъ-же,* стр. 553.

[4]) *Тамъ-же,* стр. 560.

[5]) *Тамъ-же,* стр. 562 и 565.

[6]) „Домаш. бытъ русс. царицъ", стр. 404 и слѣд.

даже малолѣтнія дѣти—и тѣ рано пріучались къ вину» [1]). «Пьянство господствовало въ древней Руси», — говоритъ покойный историкъ Соловьевъ [2]),—и господствовало въ значительной мѣрѣ потому, что «для человѣка, замкнутаго постоянно среди немногихъ явленій бѣдной жизни, обыкновенно является стремленіе искусственными средствами... производить веселое, праздничное настроеніе духа... *забываться*». Виномъ забывались всѣ. «Самъ благочестивый и нравственный Алексѣй Михайловичъ любилъ иногда забываться такимъ образомъ», говоритъ историкъ и приводитъ объ одномъ такомъ случаѣ разсказъ, заимствуя его изъ оффиціальныхъ актовъ московскаго государства, такъ называемыхъ «Разрядныхъ книгъ». Въ 1674 году 21 октября было у государя вечернее кушанье въ Потѣшныхъ хоромахъ; ѣли бояре всѣ, думные дьяки и духовникъ». Послѣ ужина общество тѣшилось «всякими играми: игралъ въ органы нѣмчинъ и въ сурну и въ трубы трубили... жаловалъ царь духовника, бояръ и дьяковъ думныхъ—*напоилъ ихъ всѣхъ пьяныхъ;* поѣхали въ двѣнадцатомъ часу ночи» [3]).

Въ семьѣ каждаго достаточнаго человѣка «питіе служило,—говоря языкомъ Забѣлина,—лучшимъ украшеніемъ всякой трапезы, особенно праздничной»... Начинаясь степеннымъ питіемъ, трапеза эта «кончалась всегда неистовымъ пьянствомъ» [4]). Всѣ иностранцы, жившіе въ Россіи, единогласно подтверждаютъ, приводя рядъ фактовъ, это положеніе нашего ученаго историка. Такъ, напримѣръ, Петрей въ нѣсколькихъ мѣстахъ той главы своего сочиненія, въ которой знакомитъ читателя съ нравами и обычаями русскихъ, говоритъ о такъ-называемомъ высшемъ обществѣ и о командующихъ классахъ, что «какъ женщины, такъ и мужчины пьютъ до неумѣренности и излишества, такъ что не въ состояніи ни ходить, ни стоять...» [5]). Олеарій, заявивъ, что «порокъ пьянства распространенъ въ русскомъ народѣ *во всѣхъ состояніяхъ одинаково*, между духовными и свѣтскими, высшими и низшими сословіями, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми», приводитъ нѣсколько фактовъ изъ жизни высшаго общества и духовенства въ подтвержденіе своего общаго положенія. Отзывы иностранцевъ въ изобиліи подтверждаются въ этомъ отношеніи свидѣтельствами чисто-національныхъ источниковъ, показаніями представителей церкви, правительственной власти и т. п. Сто́итъ обратиться къ проповѣднической литературѣ, къ «Стоглаву», «Домострою», пастырскимъ посланіямъ и т. д., чтобъ убѣдиться въ этомъ. Духовенство, какъ черное, такъ и бѣлое, страдало порокомъ, о которомъ идетъ рѣчь, чуть ли не больше, чѣмъ остальные слои его православнаго стада. Грозный въ своихъ вопросахъ Стоглавому собору ставитъ вопросъ такого рода: «во всѣхъ монастыряхъ игуменомъ и чернецомъ и мірскимъ попомъ о пьянственномъ питіи безмѣрномъ»... «Бога ради о семъ раз-

---

[1]) „Чт. Общ. ист. и древн. росс." 1881 г., кн. II, стр. 548. Въ Императ. Публ. библіотекѣ есть рукопись, озаглавленная такъ: „Поученіе къ царемъ, князем, епископомъ и попомъ, и всѣмъ христіаномъ, еже не упиватися".

[2]) „Ист. Россіи", т. XIII, стр. 160.

[3]) *Тамъ-же*, стр. 161.

[4]) „Дом. бытъ русскихъ царицъ", стр. 404.

[5]) „Исторія о велик. княжествѣ Московскомъ", стр. 388 и слѣд. Онъ разсказываетъ тамъ же случай смерти русскаго посланника въ Стокгольмѣ, наканунѣ представленія королю, отъ того, что онъ цѣлую ночь „пилъ по-скотски", напустившись на иностранныя вина.

судите довольно, *чтобы во пьянствѣ пастыри не погибли*, а мы на нихъ зря такоже». Опираясь на всѣ такого рода свидѣтельства, высокопреосвященный Макарій, авторъ «Исторіи русской церкви», съ болью въ сердцѣ заявляетъ, что главнѣйшимъ изъ пороковъ духовенства «слѣдуетъ назвать пьянство, упиваніе безмѣрное, которому предавались какъ причетники, такъ дьяконы и священники; въ пьяномъ видѣ они являлись повсюду — на приходы и даже въ церкви» [1]).

«Каковы духовные пастыри, такова и паства!» — восклицаетъ тотъ же авторъ. «Паства» предавалась «неумѣренному питію» не меньше своихъ пастырей и управителей, предавалась ему въ «*общественныхъ* кружалахъ и кабакахъ», содержимыхъ правительствомъ «во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и большихъ деревняхъ» [2]). Въ этихъ кабакахъ, продолжаетъ Петрей, «видно бываетъ *такъ много пьянства* и ликованья, *что нельзя и повѣрить*... Пропивъ деньги, закладываютъ кафтаны, даже шапки, сапоги, рубахи,—все что ни есть за душой,—да и бѣгутъ нагишомъ домой». Такого рода картины, заключаетъ разсказчикъ, «ни для кого не диво» [3]).

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго нельзя не заключить объ отсутствіи всякой духовной розни въ опредѣленномъ смыслѣ между народомъ съ одной стороны, и правящими классами, съ царемъ во главѣ,—съ другой. Ужь одного этого достаточно вполнѣ, думается намъ, чтобы рѣшить, что въ обоихъ лагеряхъ должны господствовать одни и тѣ же нравственныя воззрѣнія, убѣжденія, взгляды на все окружающее. Какъ *всѣ* одному Богу молились, какъ всѣ въ однѣхъ формахъ молились Ему, какъ всѣ одинаково грѣшили передъ Нимъ, уклоняясь отъ общаго монастырскаго идеала, такъ *всѣ* исходили изъ однихъ и тѣхъ же началъ въ житейскихъ отношеніяхъ другъ къ другу, къ обществу, къ государству. Отщепенцы встрѣчались лишь среди аскетовъ, отрицавшихся отъ земной жизни, игнорировавшихъ ее, призывавшихъ и другихъ къ тому же [4]). Всѣ одинаково не знали ни человѣка, ни общества, ни государства. И первый, и второе, и третье одинаково въ глазахъ всѣхъ поглощались «домовладыкой», главой семьи, земнымъ богомъ—главой московскаго государства. «Мужъ, господарь дома, оставался единымъ лицомъ, самостоятельность котораго была несомнѣнна и ничѣмъ не пререкаема. *Въ этой одной только* формѣ личность признавалась самостоятельною» [5]). По общему взгляду, государство—большая семья—построено по образцу ея; отецъ ея — царь, этотъ земной Богъ — высшая и въ сущности единственная въ концѣ концовъ форма проявленія самостоятельной личности, по скольку эта послѣдняя могла быть самостоятельной при полномъ

---

[1]) Томъ VIII, стр. 338 и слѣд.

[2]) *Петрей*, назван. сочин., стр. 389. Замѣтимъ, что въ этихъ царскихъ кабакахъ у сборовъ стояли выборные земскіе люди—цѣловальники.

[3]) Гораздо подробнѣе, пожалуй и картиннѣе, этого рода сцены разсказаны у Олеарія, стр. 180—183.

[4]) Аскеты — отщепенцы лишь въ томъ смыслѣ, что *уходили* изъ жизни, *отрицались ея;* но они не отрицали началъ, на которыхъ она покоилась,—наоборотъ, своими ученіями укрѣпляли ихъ. Отщепенцы самыхъ началъ этихъ—*гулящіе* люди или бѣжавшіе „за рубежъ" московской жизни, или разъѣдавшіе ее, сами того не сознавая, пренебрегаемые и преслѣдуемые ею.

[5]) *Забѣлинъ*: „Домашній бытъ русскихъ царицъ", стр. 48.

господствѣ во всемъ церковнаго міровоззрѣнія. *Никто*, кромѣ «гулящаго» человѣка, не дерзалъ отрицать такого порядка вещей, такого всеобщаго подчиненія той исключительной личности, на которую только-что указано. Ея опека надъ всѣмъ и всѣми—теоретически-твердое начало, на которомъ покоится весь строй и изъ котораго вытекаетъ всеобщее подчиненіе, всеобщія покорность и смиреніе. Все низшее подчинялось высшему, чтило его, било ему челомъ. Били челомъ родителю, смирялись передъ нимъ; били челомъ передъ всякою властью: властью помѣщика, властью воеводы, волостеля и всякаго служилаго человѣка; а всѣ эти «властные» люди, въ свою очередь, били челомъ передъ властью царя, намѣстника Бога, всеобщаго отца.

И все-таки рознь, рознь глубокая, рознь все разъѣдающая, проникаетъ народъ московскаго государства, разъѣдаетъ его въ самыхъ глубокихъ фибрахъ его, разъѣдаетъ его, какъ мы видѣли, куда даже раньше, чѣмъ онъ сложился въ это государство.

Гдѣ же причины?

До сихъ поръ мы лишь установили, гдѣ не было и не могло быть этихъ причинъ, а теперь приходится отъ этого отрицательнаго пути обратиться къ положительному. Намъ хотѣлось бы отвѣтить на этотъ вопросъ серіей такихъ жизненныхъ явленій, изъ ознакомленія и сопоставленія которыхъ читатель могъ бы самъ уже сдѣлать выводъ, заключенія, могущія служить категорическимъ отвѣтомъ на поставленный вопросъ. Если намъ не удастся этого достигнуть, если читатель не сможетъ сдѣлать этого вывода, то причиной тому, по нашему искреннему убѣжденію, будетъ не избранный нами способъ доказательства, ни тѣмъ менѣе самыя тѣ явленія, на которыхъ здѣсь указывается, а исключительно только наша собственная несостоятельность въ данномъ случаѣ, все равно, чѣмъ бы она ни обусловливалась.

Въ началѣ настоящей главы мимоходомъ было замѣчено, что наши предки хотя и всѣ молились одному Богу, но молились *не одинаково*. Эта вскользь брошенная мысль, смѣемъ думать, богата содержаніемъ и имѣетъ непосредственное отношеніе къ вопросу, на который мы силимся отвѣчать. Пояснимъ ее замѣчаніемъ митрополита Макарія по поводу посѣщенія церквей нашими предками: «*люди простые*, бѣдные,—говоритъ онъ,—*постоянно занятые работами*, рѣдко посѣщали церкви, *но люди достаточные*... свободно располагавшіе своимъ временемъ, никогда не упускали церковныхъ службъ» [1]). Да развѣ такъ разнились эти двѣ половины населенія только относительно посѣщенія церквей? Развѣ «простой, занятый работой», человѣкъ могъ ежедневно практиковать всѣ требованія относительно религіознаго культа, которыя предъявляются къ православнымъ христіанамъ «Домостроемъ»? Развѣ могъ онъ, этотъ «занятый работой» человѣкъ, посвящать ежедневно столько времени домашнимъ молитвамъ, пѣнію и чтенію, сколько посвящалъ его человѣкъ «достаточный»? Идемъ дальше. Развѣ могъ «простой», худой, человѣкъ посвятить дѣлу спасенія столько «отъ имѣнія» своего, «животишекъ» своихъ, сколько посвящалъ отъ него «человѣкъ достаточный»? Развѣ могъ онъ свои «святыя и честныя образы» украсити

---

[1]) „Исторія русск. церкви“, т. VIII, стр. 317.

«благолѣпно... свѣчи вжигати, кадити благовоннымъ ладономъ и ѳиміамомъ»? Какъ могъ удовлетворить онъ требованію насыщать заключенныхъ въ монастыряхъ, больницахъ и темницахъ и подавать имъ «*елико требуютъ*»? Развѣ могъ онъ «устроить душу» свою такъ, какъ устраивалъ ее человѣкъ достаточный: гдѣ взялъ бы онъ тѣ «вотчины, села и купли», которыя давались «святымъ церквамъ и монастырямъ на память своимъ душамъ» и за которыя эти церкви и монастыри должны были «уставити кормы, пѣти панихиды, обѣдни служити, братію кормити»? Мало того, сплошь и къ ряду «простому» сельскому человѣку и помолиться было негдѣ: существовали въ московскомъ государствѣ мѣста, «гдѣ *церквей* было весьма мало и даже *и вовсе не было*», гдѣ церкви стояли «безъ пѣнья», т.-е. безъ службы, за неимѣніемъ священниковъ, «скудости ради іереевъ». И это имѣло мѣсто не на однѣхъ только сѣверныхъ окраинахъ, напр., но и въ мѣстахъ болѣе населенныхъ, на помѣщичьихъ земляхъ. И объясняется все это опять-таки тою же скудостью сельскаго населенія, земледѣльческаго, и индифферентностью къ нему класса землевладѣльческаго, «заботившагося,— по выраженію автора «Исторіи раскола»,— больше объ оброкѣ и объ умноженіи народонаселенія» [1]). Разъ недоступно все это простому человѣку, его путь ко спасенію иной, чѣмъ путь того, кто все это въ силахъ исполнить,— его спасеніе менѣе обезпечено. Не забудемъ, что вѣдь все въ дѣлѣ религіи сводилось «почти исключительно къ обрядамъ, а благочестіе — къ исполненію ихъ» (Макарій). А если такъ, мы поймемъ, какое огромное значеніе должна имѣть въ глазахъ и тѣхъ и другихъ — и «простыхъ», и «достаточныхъ» людей — эта *разница* въ способѣ исполненія обрядовъ, къ какой «розни» она должна была повести между этими двумя категоріями одинаково вѣрующихъ христіанъ: одни ближе къ Богу, другіе дальше отъ Него — совершенно независимо отъ нихъ, въ силу самаго ихъ положенія. Эта рознь въ данной области доходила до того, что «многимъ изъ низшаго класса русскаго общества представлялось, что вѣнчаніе обязательно только для князей и бояръ, а не для простыхъ людей» [2]). Въ нашихъ памятникахъ встрѣчается масса митрополичьихъ посланій, изъ коихъ видно, что, особенно на далекихъ окраинахъ, крестьяне, какъ выражается г. Жмакинъ, «женились безъ вѣнчанія»: фактъ, объясняющійся экономическою несостоятельностью крестьянъ.

Такая рознь — во всемъ, въ чемъ только можетъ проявиться между имущимъ и неимущимъ, занятымъ и свободнымъ. Мы видѣли, увеселенія и забавы правящихъ классовъ и народа по своему существу, характеру — одни и тѣ же; и тѣмъ не менѣе въ ихъ примѣненіи, проявленіи, пользованіи — рознь, и рознь глубокая. Нужно ли это доказывать? Въ правящихъ классахъ на увеселенія, пиры и «питіе хмѣльное» уходила большая часть времени и самыя увеселенія и питіе носили иную внѣшность, чѣмъ то и другое «человѣка простаго». Тотъ же митрополитъ Даніилъ въ своихъ проповѣдяхъ о праздности и лѣни, обращенныхъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Жмакинъ, «только къ высшему и богатому классу», укоряетъ эти классы въ томъ, что они «всуе дни своя ижди-

---

[1]) *Щаповъ:* „Русскій расколъ", стр. 373. О неимѣніи церквей и причтовъ — *тамъ-же*, стр. 365—381.

[2]) *Жмакинъ:* „Митропол. Даніилъ и его сочиненія", стр. 355.

вали», что у нихъ «всегда наслаженія и упитѣнія... всегда праздность и безумная тасканія...» [1]). Митрополитъ, преслѣдуя за это высшіе классы, говоритъ, что отсюда ихъ обжорство, пьянство «*многое и сладостное...* ястіе и питіе выше мѣры». «Колико тщаніе и подвиги, — восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ Даніилъ, — имать пища и питіе, *колико же сребра и злата на сіе изчезаетъ*, и колики подвиги и поты и труды, и болѣзни пріемлютъ чреворабо(та)ющи...» [2]). Такіе «всуе дни своя иждивающіе» и отъ другихъ «червленіемъ ланитъ и многоплотіемъ» отличающіеся и тѣмъ производящіе на этихъ другихъ, по словамъ Жмакина, «подавляющее впечатлѣніе», съ великимъ презрѣніемъ смотрѣли на всѣхъ, вокругъ нихъ копошащихся и въ потѣ лица свой скудный хлѣбъ добывающихъ. Отучнѣвъ отъ питій и яствъ, они гордились своею тучностью и неподвижностью, гордились тѣмъ, что не должны были трудиться. Тотъ же митрополитъ Даніилъ съ горечью укоряетъ ихъ въ томъ, что «всякъ лѣнится учитися художеству, вси бѣгаютъ рукодѣлія... вси *поношаютъ земледѣлателемъ*» [3]). Такое отношеніе одного слоя населенія къ другому ничего кромѣ розни поселить между ними не можетъ. Большинство представителей «командующихъ» классовъ долгое время было безграмотно и почти до конца XVII столѣтія поголовно такъ же невѣжественно, какъ и «масса», народъ. Но эти идеально-невѣжественные «командиры» обставляли себя византійско-азіятской помпой. Они не претыкали ноги своея о ту грѣшную землю, которую попирали грязные лапти народа. Прямо съ крыльца своего дома, долго не отличавшагося по виду и устройству отъ приличной избы, представитель командующаго класса садился на коня, увѣшаннаго попонами и всяческими украшеніями; его сопровождала челядь; встрѣчавшіеся людишки должны были сторониться передъ этимъ кортежемъ, низенько, если не въ землю, кланяясь. Онъ одѣвался въ одежды почти тожественныя по покрою съ тѣми, которыми укрывалъ свое грѣшное тѣло уничижавшійся передъ нимъ «простой» человѣкъ; но эти одежды ничего общаго съ «ризами» послѣдняго не имѣли по тому матеріалу, изъ котораго строились, и по тѣмъ украшеніямъ, коими унизывались. «Какая нужда есть, — восклицаетъ все тотъ же митрополитъ Даніилъ, — по вся дни свѣтлыми ризами украшатися, инѣмъ же и въ господскіе дни ниже обычныхъ имущимъ довлѣтися»? Пастырь церкви громитъ роскошь и щегольство «правящихъ» классовъ, преслѣдуя «свѣтлыя ризы», «красоту сапожную», выражавшуюся въ атласѣ, бархатѣ, изъ которыхъ сапоги шились, въ золотѣ и жемчугѣ, которыми они украшались. Въ чемъ же различіе? — Въ томъ несомнѣнно, что одинъ — простой, постоянно занятъ работами, а другой — свободенъ, имѣетъ достатокъ. Говоря языкомъ высокопреосвященнаго Макарія, различіе или «рознь» — въ томъ, что одинъ имѣетъ возможность носить «свѣтлыя ризы», а у другаго нѣтъ и обыкновеннаго платья.

Словомъ, полное *духовное тожество* во всемъ при полной *розни матеріальной*, если можно такъ выразиться. *Эта* рознь проникаетъ жизнь московскаго государства во всѣхъ ея изгибахъ и отражается во всѣхъ житейскихъ

---

[1]) *Тамъ-же*, стр. 543.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 547.
[3]) *Тамъ-же*, стр. 543.

отношеніяхъ. Она ведетъ, какъ мы видѣли, къ розни передъ Богомъ, одного удаляя отъ Него, другаго приближая къ Нему.

Такой порядокъ вещей сложился не вдругъ и не въ періодъ только московскаго государства, въ коемъ онъ, быть-можетъ, лишь отлился въ болѣе прочныя, несокрушимыя формы. Онъ слагался вѣками, принимая лишь въ тотъ или иной моментъ исторической жизни тѣ или иныя формы, благодаря вліянію тѣхъ или иныхъ происходящихъ явленій. Чѣмъ дальше пойдемъ мы въ глубь исторіи, тѣмъ большимъ и большимъ становится вліяніе матеріальной состоятельности, какъ основы всяческой розни.

На матеріальной, экономической розни покоится рознь людей глубочайшей древности, раздѣленіе ихъ на двѣ половины — на свободныхъ и рабовъ, на людей и полу-людей, полуживотныхъ. Первичнымъ источникомъ рабства обыкновенно считаютъ войну, завоеваніе. Это такъ, но лишь въ извѣстной мѣрѣ: если завоевателю не нужны рабочія руки, если взятый имъ въ плѣнъ ни на что вообще не нуженъ, если онъ не представляетъ никакой цѣнности ни на внутреннемъ, ни на внѣшнемъ рынкѣ и будетъ лишь ртомъ, пожирающимъ скудные запасы завоевателя, — онъ убивается, или пожирается, если завоеватель — антропофагъ. Если же рабочія руки нужны или самому завоевателю дома или болѣе ушедшему впередъ сосѣду его, который готовъ купить ихъ или обмѣнять на что-либо,—взятые въ плѣнъ обращаются въ рабовъ завоевателя, въ его движимую собственность. Такъ что въ концѣ концовъ завоеваніе является лишь средствомъ пріобрѣсти эту движимую собственность. Это—живое орудіе, а самымъ стимуломъ, источникомъ института рабства, какъ выразился бы юристъ, будетъ извѣстная экономическая потребность,—потребность одного, болѣе сильнаго, жить трудомъ другаго. Эта экономическая основа рабства рельефнѣе выступаетъ въ тѣ времена исторической жизни народа, когда средствомъ обращенія свободнаго человѣка въ раба становится не одно завоеваніе орудіемъ, а прямо экономическая или, какъ выражается извѣстный нѣмецкій политико-экономъ Рошеръ, «хозяйственная зависимость» одного человѣка отъ другаго. А эта зависимость обусловливается, говоря языкомъ этого же авторитета, «вслѣдствіе бѣдности, чрезмѣрныхъ долговъ»[1]) и т. п. однихъ и—прибавимъ — богатства другихъ.

Мы, понятно, не будемъ забираться въ дебри объясненій происхожденія первыхъ экономически-сильныхъ людей, поставившихъ отъ себя въ рабскую зависимость слабыхъ, — намъ это вовсе не нужно. Для нашей цѣли будетъ вполнѣ достаточно установить путемъ указанія историческихъ фактовъ ту истину, что *полная* зависимость одного человѣка отъ другаго сначала обусловливалась только экономическою зависимостью. Изъ нея—рабство, изъ нея—наше «закупничество», эта переходная ступень къ рабству, изъ нея — крѣпостное право. Отъ распредѣленія экономическихъ благъ зависятъ всѣ отношенія отдѣльныхъ лицъ, классовъ, сословій другъ къ другу.

Обратимся къ фактамъ.

Въ X вѣкѣ Русь торговала рабами, продавая ихъ на Востокъ и Западъ,

---

[1]) „Начала народнаго хозяйства", перев. *Бабста*, т. I, ч. I, стр. 142 и сл.

и нуждалась уже въ нихъ дома въ лицѣ богатыхъ людей. Святославъ, князь-дружинникъ, плѣнившись, по словамъ лѣтописца, Переяславлемъ дунайскимъ, ставилъ въ заслугу ему то, что, какъ «въ середу земли» его, туда сходились всякіе товары отовсюду, а изъ Руси спеціально «окора и воскъ, медъ *и челядъ*». Въ пресловутыхъ договорахъ (Олега и Игоря) русскихъ съ греками, написанныхъ въ началѣ этого столѣтія, встрѣчаются категорическія указанія на рабство у Руси дома. А въ нашемъ первомъ сборникѣ юридическихъ нормъ — «Русской Правдѣ», составленномъ въ XI столѣтіи, мы уже встрѣчаемся и съ ясными указаніями *на пути развитія* несвободнаго состоянія—рабства и полусвободнаго — закупничества. Средствами пріобрѣтенія раба «Русская Правда» прежде всего считаетъ, разумѣется, рожденіе отъ рабовъ. На этомъ мы останавливаться не будемъ, какъ не будемъ останавливаться и на такомъ средствѣ, какъ покупка его у другаго рабовладѣльца; мы остановимся лишь на тѣхъ, посредствомъ которыхъ *свободный человѣкъ* обращается въ раба. Эти послѣднія средства слѣдующія: 1) если *свободный* человѣкъ «*поиметъ рабу*» чью-либо за себя замужъ, то самъ обращается въ раба того, кто владѣетъ его женой, если не заключилъ съ нимъ спеціальнаго по этому предмету договора; 2) если свободный человѣкъ «тіуньство безъ ряда или ключь къ себѣ привяжетъ», т. е. если безъ всякаго договора приметъ на себя обязанности чьего-либо *тіуна* (ключника, дворецкаго), повѣситъ ключъ на себя, какъ эмблему тіунскаго званія, то обращается въ раба этого лица. Эти средства обращенія свободнаго человѣка въ раба прямо указываютъ на истинный источникъ рабства—экономическую несостоятельность опредѣленнаго слоя людей. Если жениться на рабѣ «безъ ряду», который можетъ состоять въ данномъ случаѣ въ одномъ выкупѣ жены, значитъ — ему не къ чему рядиться, ему нечѣмъ выкупить жену, значитъ — ему и самому-то нечѣмъ существовать: онъ этимъ путемъ обезпечиваетъ свое существованіе. Если *свободный человѣкъ* знаетъ, что тіунъ всегда изъ рабовъ и что не договорившись объ условіяхъ принять эту должность значитъ обратиться въ раба, и тѣмъ не менѣе вѣшаетъ ключъ, ему нѣтъ спасенія, ему одинъ, стало-быть, исходъ, чтобъ остаться живу, именно рабство. Если эти постановленія вошли въ «Русскую Правду», значитъ такія средства обращенія въ рабство—обычное явленіе въ жизни; къ нему прибѣгаютъ люди слабые, беззащитные, во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельные. Эти два средства вмѣстѣ съ двумя другими, только-что названными нами, сама «Правда» прямо перечисляетъ какъ источникъ рабства.

Но среди юридическихъ опредѣленій, содержащихся въ «Русской Правдѣ», мы наталкиваемся и на другія средства, коими свободный обращался въ раба, и притомъ на такія, которыя рѣзко, категорически, прямо указываютъ на настоящую причину происхожденія такой розни между людьми, какъ рознь, устанавливаемая рабствомъ. Это—*неоплатный долгъ:* задолжавшій и не могущій уплатить своего долга обращается въ раба своего кредитора. «Русская Правда» приводитъ такіе примѣры: если кто-либо «многимъ долженъ будетъ и не въ силахъ уплатить имъ, то вести я (его) на торгъ и продати», а изъ вырученнаго уплатить кредиторамъ; или если купецъ, забравшій у другихъ товары или деньги, «пропіется или пробьется» (проиграется) или вообще «въ безуміи потра-

витъ» (растратитъ) занятые товаръ или деньги, то кредиторы могутъ продать его. Экономическая несостоятельность могла повести и не такъ внезапно къ обращенію человѣка въ вещь или скота: какъ постепенно могъ бѣднѣть человѣкъ, такъ постепенно могъ обращаться и въ раба. Недостаточный занималъ у богатаго человѣка деньгами, товаромъ, земледѣльческими орудіями и, не будучи въ состояніи уплатить долга тѣмъ же, чѣмъ взялъ его, берется сначала *отработать* его личнымъ трудомъ, обращается въ «закупа», — человѣка, который самого себя отдаетъ въ закладъ: это—вѣрный шагъ къ рабству; самыя условія закупничества — въ сущности въ рукахъ кредитора: въ его исключительно волѣ, благодаря положенію занимающаго, опредѣленіе тяжести этихъ условій, которыя всѣ сводятся къ оцѣнкѣ въ данномъ случаѣ своего капитала и чужаго труда. «Законныя ограниченія были — говоритъ Чичеринъ [1]), — слишкомъ недостаточны для обезпеченія свободы закупа. Ими не опредѣлялись ни время, которое онъ долженъ употребить на господскую работу, ни цѣна трудовъ его, ни проценты долга, а такая *неопредѣленность*, разумѣется, *всегда обращается въ пользу сильнаго*». Всѣ опредѣленія «Русской Правды», напр., по этому предмету сводятся къ слѣдующему: если закупъ испортилъ хозяйскую соху или борону или, по его оплошности, украдутъ у хозяина скотину, то его долгъ кредитору увеличивается въ объемѣ стоимости попорченнаго или украденнаго, — въ объемѣ, который, понятно, опредѣляется самимъ кредиторомъ. Долгъ можетъ быть доведенъ этимъ путемъ до неоплатнаго. Разъ закупъ, увидя свое трудное положеніе, вздумалъ бѣжать, онъ, будучи пойманъ, уже eo ipso обращался въ раба. А проценты? — Они достигали въ древней Руси гигантскихъ размѣровъ, что и отдавало должника въ руки кредитора. Первые проповѣдники нашей церкви уже поднимаютъ свой голосъ противъ «рѣзоиманія» и «прикладовъ» (Препод. *Ѳеодосій* [2]). И съ того времени этотъ «голосъ» постоянно раздается изъ устъ того или другаго изъ пастырей-идеалистовъ. Уже въ XII вѣкѣ вмѣшивается въ дѣло власть: такъ велика «рознь» между «неимущими» и «имущими», такъ безъисходно было положеніе первыхъ, такъ страшно тѣснили ихъ послѣдніе. Въ «Русской Правдѣ» появляются княжескія постановленія «о рѣзѣ» (о процентахъ): Владиміръ Мономахъ съ совѣта дружины и представителей городовъ постановилъ, что такъ-называемые *третные* (по третямъ года устанавливаемые) проценты могутъ быть взысканы кредиторомъ лишь *два раза*; если же они будутъ взысканы три раза, то кредиторъ теряетъ право на полученіе самаго долга [3]). Очевидно, третные проценты были такъ велики, что, трижды уплаченные, значительно превышали занятую сумму. Въ «Русской Правдѣ» встрѣчается попытка опредѣлить величину процента: установляется такое правило— «аже кто емлетъ по 10 кунь отъ лѣта (на годъ) на гривну, то того не отметати» (т. е. не запрещать). Этимъ постановленіемъ опредѣляется minimum

---

[1]) „Опыты по исторіи русск. права“, стр. 155.

[2]) *Макарій:* „Исторія церкви“, т. II, стр. 114.

[3]) „...и уставили и до третьяго рѣзу, аже (если) емлетъ куны (деньги) въ рѣзъ въ треть: аже кто взметь *два рѣзу*, то тоему взяти *истое* (долговую сумму, капиталъ); паки ли взметъ третій рѣзъ, то *истаго* ему не взяти“.

годовыхъ процентовъ—отъ 11 до 20 [1]), смотря по тому, какъ велика гривна. Проценты третные и мѣсячные, самые высокіе, не опредѣлялись вовсе и достигали необычайныхъ размѣровъ. При этомъ нужно принять къ свѣдѣнію, что въ ростъ отдавались не деньги только, а и хлѣбъ («въ присопъ»), медъ, сѣно, всякаго рода домашнія животныя, а какъ таковыя и рабы.

Разумѣется, въ закупы и рабы, благодаря такому положенію, попадало меньшинство изъ массы, но за то вся масса въ концѣ концовъ обрѣталась въ полной зависимости отъ меньшинства имущихъ. И рознь между этою массой и меньшинствомъ была великая. Рознь эта достигла такихъ размѣровъ, что вела уже «на зарѣ нашей исторіи», говоря штилемъ высокимъ, къ кровавымъ расправамъ. Вспомнимъ извѣстный лѣтописный разсказъ, какъ по смерти Святополка въ 1113 году «кыяне, разграбиша дворъ тысячьского, *идоша на жиды* и разграбиша я», и грозили разграбить самые монастыри, куда вдова-княгиня отдала многое изъ богатствъ покойнаго князя, скопленныхъ именно путями родственными съ ростовщичествомъ [2]). И это не единичный фактъ, — много можно указать однородныхъ съ нимъ, была бы охота [3]).

Генри Мэнъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи—«Древнѣйшая исторія учрежденій» — высказываетъ, въ видѣ несомнѣнной истины, слѣдующее положеніе: «въ древнѣйшія эпохи, о которыхъ до насъ дошли какія-либо свѣдѣнія, мы постоянно застаемъ низшіе классы въ неоплатномъ долгу у высшаго сословія». Въ подтвержденіе этого положенія англійскій ученый ссылается на исторію Аѳинъ и Рима [4]); подтвержденіемъ ему можетъ служить несомнѣнно и наша первоначальная исторія. Авторъ объясняетъ это общее явленіе тѣмъ, что въ древній періодъ исторіи каждаго народа «относительное значеніе земли и капитала» было совершенно инымъ, чѣмъ въ настоящее время: тогда земля «не имѣла цѣнности, а капиталъ возрасталъ съ величайшимъ трудомъ и помѣщался въ рукахъ только немногихъ лицъ»; отсюда въ древнѣйшихъ земледѣльческихъ общинахъ огромное значеніе должно было имѣть «обладаніе орудіями для обработки земли». А такъ какъ въ началѣ капиталъ, — продолжаетъ авторъ, — «свыше обыкновеннаго уровня» добывался, по всей вѣроятности, «посредствомъ грабежа», то понятно, что онъ долженъ былъ въ то время «сосредоточиваться въ рукахъ высшаго сословія, главнымъ занятіемъ котораго была война». Непосредственнымъ результатомъ «такого экономическаго состоянія было *увеличеніе капитала посредствомъ взиманія лихвенныхъ процентовъ* и крайне безпомощное положеніе заемщиковъ» [5]). Въ такомъ безпомощномъ положеніи должно было прежде всего оказаться земледѣльческое населеніе, а поэтому у насъ очень

---

1) *Владимірскій-Будановъ:* „Христом. по исторіи русск. права“, вып. I (изд. 2) стр. 56, пр. 86.

2) *Карамзинъ*, т. II, гл. VI.—*Соловьевъ*, т. II, изд. 2, стр. 81 и слѣд.

3) Въ каждомъ грошовомъ учебникѣ *всеобщей* исторіи останавливается вниманіе ученика на состояніи греческаго общества въ эпоху Солонова законодательства, на мѣрахъ этого законодателя именно по вопросу, о которомъ идетъ рѣчь въ текстѣ. И странно, ни одинъ даже изъ лучшихъ учебниковъ отечественной исторіи не заикается о родственныхъ мѣрахъ „Рус. Правды“ и положеніи вещей, ихъ вызвавшихъ.

4) *Генри Мэнъ:* „Древнѣйшая исторія учрежденій“, стр. 133 русск. перев.

5) *Тамъ-же*, стр. 134. Въ сущности эту же самую мысль, гораздо раньше, развивалъ покойный *Бѣляевъ* въ своемъ сочиненіи—„Крестьяне на Руси“ (стр. 19—23, изд. 1).

рано появляются обезземеленные крестьяне, жившіе на чужихъ земляхъ на извѣстныхъ условіяхъ. Ролейные (земледѣльческіе) закупы «Русской Правды»— такіе земледѣльцы, «безпомощные заемщики», говоря языкомъ Мэна. Во весь періодъ нашей исторіи до московскаго государства огромная масса безземельнаго крестьянства, обработывая чужія, владѣльческія, земли, *юридически* пользовалась полною свободой перехода съ земель одного владѣльца — физическаго или юридическаго лица—на земли другаго; но фактически эта свобода значительно затруднялась, и затруднялась прежде всего именно экономическою зависимостью крестьянина-земледѣльца, который почти всегда, садясь на владѣльческую землю, получалъ отъ ея владѣльца подмогу, такъ-назыв. «покруту», деньгами, земледѣльческими орудіями и т. п. Самымъ правымъ перехода крестьянинъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ могъ воспользоваться лишь съ помощью землевладѣльца же: забравъ у владѣльца «покруту», крестьянинъ могъ покинуть его землю — лишь отбывъ условія, на которыхъ занималъ землю, уплативъ все, что взялъ въ видѣ покруты. Сдѣлать это онъ не всегда былъ въ силахъ, а потому, задумавъ покинуть землю одного владѣльца, онъ обращался за помощью къ другому, который, такъ-сказать, выкупалъ его изъ кабалы бывшаго владѣльца и закабаливалъ себѣ. Чаще крестьянинъ *былъ передаваемъ* съ земли одного владѣльца на землю другаго, чѣмъ переходилъ самъ: его «перезывали», заманивая болѣе выгоднымъ положеніемъ. Но и такой порядокъ вещей могъ держаться лишь до тѣхъ поръ, пока Русь представляла собою конгломератъ многихъ, независимыхъ другъ отъ друга, княжествъ и пока князья съ своими дружинниками бродили изъ конца въ конецъ Руси, переходя съ одного «стола» на другой, постоянно ища лучшаго. Но когда князья, а съ ними и дружинники, осѣли въ своихъ княжествахъ-вотчинахъ, такое положеніе вещей стало невыгодно прежде всего имъ и крестьяне начинаютъ постепенно лишаться своего права перехода уже и *юридически*, обращаясь, благодаря этому, постепенно въ такую же почти собственность владѣльцевъ, какою была и земля, къ которой они, лишившись права перехода, становятся крѣпкими, прикрѣпляются.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на постепенномъ развитіи этого закрѣпленія крестьянъ землевладѣльцу, а потомъ и лицу его, т. е., другими словами, на развитіи *земельнаго*, если можно такъ выразиться, и *личнаго* крѣпостнаго права. Мы ограничимся лишь указаніемъ, что масса свободнаго населенія обращается въ пресловутое крѣпостное подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя создали въ древней Руси рабство, холопство, и которыя и есть, еще разъ повторяемъ, истинныя причины всяческой «розни».

Разъ «обладаніе богатствомъ сообщало привилегированнымъ лицамъ,—какъ выражается тотъ же Мэнъ,—власть надъ остальными членами общества»; разъ «каковъ бы ни былъ начальникъ въ другомъ отношеніи, онъ прежде всего является человѣкомъ богатымъ» [1]), — понятно стремленіе каждаго стать таковымъ; понятно, что каждый «имѣлъ своею цѣлью нажить себѣ какъ можно болѣе добычи, пріобрѣсти собственность... и тѣмъ пріобрѣсти въ обществѣ зна-

[1]) *Генри Мэнъ*, стр. 107 и 133.

ченіе и могущество, расширить свою власть... Чѣмъ больше у отдѣльнаго лица было зависящихъ отъ него людей, тѣмъ онъ становился могущественнѣе...» [1]). А это послѣднее достигалось, какъ говорено, путемъ достиженія перваго. «Этотъ характеръ (стремленіе къ богатству) сообщился всему гражданскому быту того времени», говоритъ Чичеринъ [2]).

И дѣйствительно, все сколько нибудь сильное, все выдѣляющееся изъ массы стремится къ большему усиленію и выдѣленію изъ этой послѣдней. Все борется ради «стяжанія», все къ нему стремится, такъ какъ въ немъ—власть, и стремится всякими путями. Князья борятся *другъ съ другомъ* за *лучшіе столы*, какъ дающіе болѣе доходовъ, слѣдовательно—силы, а стало быть и власти. Мы знаемъ, что этою борьбой заполненъ весь первый періодъ нашей исторіи,—борьбой, которая, какъ мы видѣли, «выкупалась потомъ и кровью» крестьянскаго населенія, какъ выражается одинъ изъ нашихъ изслѣдователей. Если международная такъ-сказать борьба или междоусобная, какъ ее обыкновенно называютъ, отзывалась на благосостояніи сельскаго населенія, то на немъ же отзывалась и борьба внутренняя, имѣвшая мѣсто въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго княжества-государства, и если, выражаясь языкомъ Соловьева, въ средѣ этого населенія нѣтъ «движенія», царитъ тишина, то это тишина—раззореннаго, ослабѣвшаго, безпомощнаго, — раззореннаго движеніемъ господствующихъ классовъ, движеніемъ къ одной опредѣленной, уже указанной выше, цѣли. Все движеніе самой исторіи въ первый періодъ есть, въ сущности, движеніе именно этихъ классовъ, вызываемое борьбою ихъ интересовъ, въ ущербъ интересамъ сельскаго населенія, которое захватывается движеніемъ, какъ движеніемъ посторонняго тѣла, хотя съ нимъ и плотно связаннаго, но движущагося независимо отъ него и тѣмъ мучительно раздражающаго его.

Съ интересами массъ не сообразуются движущіеся классы; они даже и не подозрѣваютъ, что можно или должно сообразоваться съ ними. На нихъ, пожалуй, даже смотрятъ какъ на нѣчто существующее ради движущихся, ради удовлетворенія ихъ потребностей. Князь, стоящій во главѣ движенія и движущихся, тѣсно съ ними связанный въ собственномъ движеніи, главное вниманіе, если не все, сосредоточиваетъ только на нихъ. Не даромъ Мономахъ, шедшій нѣсколько дальше этихъ предѣловъ, окружается въ народномъ представленіи ореоломъ *идеальнаго* князя.

Одинъ изъ святителей церкви XIII столѣтія, котораго лѣтописецъ характеризуетъ такъ: «бяше учителенъ и силенъ книгами, *князя* не стыдяшеся пряся, ни вельможъ... нищая же и сироты жаловаше», слѣдующимъ образомъ изображаетъ отношеніе князя къ движущимся, т.-е. правящимъ, классамъ и массамъ. Епископу какой-то князь задаетъ вопросъ: гдѣ «быти тіуномъ нашимъ на ономъ (томъ) свѣтѣ?»—Епископъ отвѣчаетъ: «Гдѣ и князь». Смущенный князь указываетъ не «стыдящемуся» его епископу, что «тіунъ неправо судитъ, мзду емлетъ, зло дѣетъ», а онъ, князь, ни въ чемъ подобномъ невиновенъ. На это епископъ отвѣчаетъ, что если князь «жалуетъ люди», то всегда будетъ выбирать хорошаго тіуна, и оба будутъ въ раю; а если онъ «безъ страха божіа,

[1]) *Чичеринъ:* „Опыты по исторіи русск. права“, стр. 163.
[2]) *Тамъ-же.*

и христіанъ не имать жаловати», то онъ и властелина будетъ назначать такого же, напуститъ его «аки гладна пса на стерво, люди губити», за что оба и будутъ въ аду. Давъ такой отвѣтъ, епископъ вслѣдъ за этимъ обращается, въ лицѣ спросившаго его, ко всѣмъ князьямъ съ поученіемъ такого рода: «глаголю вамъ... утѣшайте скорбящихъ, избавляйте многихъ отъ рукъ сильныхъ: *сіи бо отъ богатыхъ обидими суть* и притекаютъ къ вамъ яко защитникомъ благымъ; *но вы*, цари и князи и намѣстницы, *подобни есте тучи дождевнѣй, иже истечетъ надъ моремъ* во время ведра, а не надъ землею жаждующею воды: *вы тѣмъ болѣ даете и помогаете, у нихъ же много злата и сребра,* а не тѣмъ, иже не имутъ ни пенязя; *бѣдныхъ порабощаете, а богатымъ даете»* [1]).

Еще въ періодъ княжеско-вѣчевой юридическая свобода крестьянскихъ переходовъ ограничивается въ договорахъ князей между собою,—ограничивается въ ихъ княжескихъ интересахъ: «ограниченія того времени,—говоритъ Чичеринъ,—возникли *изъ поземельнаго значенія князей*; «крестьяне» платили князю-вотчиннику подати, оброки, *несли повинности за владѣніе землей, а въ этомъ состояла его сила»*; въ силу этого «князья старались ограничить свободу перехода, обязывая другихъ князей и землевладѣльцевъ не принимать уходящихъ съ земель ихъ крестьянъ»; эти условія договоровъ въ особенности касались «людей тяглыхъ... поселенныхъ на земляхъ, принадлежавшихъ князю, и несшихъ разныя подати и повинности въ его пользу» [2]). Такого же рода ограниченія имѣли мѣсто и между частными землевладѣльцами [3]). Въ XV столѣтіи уже появляются ограниченія *общаго* характера, въ видѣ опредѣленія сроковъ, въ которые могутъ крестьяне переходить съ земель одного владѣльца на земли другаго; причемъ опять въ виду имѣются исключительно интересы землевладѣльца, который вооружается правомъ *не выпускать* крестьянъ съ своей земли, хотя бы они выполнили всѣ тѣ условія, на коихъ они занимали землю. Мало того, встрѣчаются княжескія грамоты, которыми землевладѣльцы вооружаются правомъ возвращать перешедшихъ «назадъ, хотя бы они перешли въ законный срокъ и исполнили всѣ условія, необходимыя для перехода» [4]). Перешедшихъ съ земель такихъ привилегированныхъ владѣльцевъ возвращали силою, съ помощью княжескихъ «приставовъ». Сплошь и къ ряду князья такимъ же своимъ вмѣшательствомъ содѣйствовали лишенію крестьянъ ихъ общинныхъ земель; мы знаемъ, напр., такіе случаи, въ которыхъ общинныя пустыя земли занимались частными лицами и когда крестьяне хотѣли согнать такихъ претендентовъ на ихъ земли, князь посылалъ кого-либо изъ своихъ служилыхъ людей, который смирялъ крестьянъ, вздумавшихъ отстаивать свои владѣнія, и

---

¹) *Карамзинъ*, т. IV, гл. V, прим. 178.

²) „Опыты по исторіи русск. права", стр. 176.

³) Чичеринъ говоритъ, что такого рода ограниченія были „дѣломъ совершенно частнымъ" нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ и „свобода крестьянина черезъ это не нарушалась". (стр. 182). Это такъ, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія чисто юридической: прямаго запрещенія крестьянамъ перехода здѣсь нѣтъ; но каковы слѣдствія этихъ частныхъ договоровъ? Крестьяне *не могли* переселяться на земли договорившихся; чѣмъ больше послѣднихъ, тѣмъ права перехода въ дѣйствительности уже. Не согласенъ съ г. Чичеринымъ Бѣляевъ—„Крестьяне на Руси", стр. 53.

⁴) *Бѣляевъ:* „Крестьяне на Руси", стр. 53.

водворялъ въ этихъ послѣднихъ пришлыхъ владѣльцевъ [1]). Крестьянство теряло свои общественныя земли какъ благодаря тому, что князья награждали ими своихъ служилыхъ людей, такъ и благодаря заботамъ ихъ *о своей душѣ*,— эти земли жаловались въ монастыри «по душахъ» [2]).

Мы видѣли, по мнѣнію авторитетныхъ изслѣдователей нашей старины, «безпомощное» положеніе крестьянства. Самое холопство получилось въ первый періодъ нашей исторіи въ силу всеобщаго стремленія богатыхъ и сильныхъ къ большему богатству и усиленію на счетъ слабыхъ и беззащитныхъ. Этому стремленію въ названный періодъ, по мнѣнію тѣхъ же авторитетовъ, не было никакихъ преградъ по той простой причинѣ, что въ этотъ періодъ не существовало «никакой другой общественной связи, кромѣ той, которая основывалась *на договорѣ* свободныхъ лицъ», — другими словами, на началахъ частнаго права [3]). Иначе, все дѣло въ томъ, что не было «рядомъ съ гражданскимъ обществомъ, въ которомъ господствовало анархическое броженіе буйныхъ силъ, произволъ *личности*» (?),—силы государственной, не было самого государства, которое наложило бы узду на эти «силы», на эту «личность» [4]).

Но вотъ создалось это «государство», государство московское, явилась «сила», способная наложить узду на «анархическое броженіе», получилось государство, созидавшееся «вслѣдствіе новыхъ понятій объ общественной жизни, объ общественномъ порядкѣ и о верховной власти»; получилось государство, гдѣ все созидалось правительствомъ, все установлялось сверху [5]). Наступило, стало-быть, время инаго, новаго строя,—строя, въ которомъ невозможно положеніе вещей, нами указанное,—невозможна, стало-быть, та «рознь» экономическая, которая, какъ мы не разъ говорили, корень всякой иной розни, — невозможно положеніе, при которомъ, говоря языкомъ того же г. Чичерина, «все стремилось къ пріобрѣтенію», при которомъ неопредѣленность отношеній «всегда обращалась въ пользу сильнаго». Настало время установленія «опредѣленности» отношеній, устраненія господства сильнаго, а стало-быть и всяческой розни или лучше—корня ея.

Посмотримъ.

«... Изъ потребности обезпечить отбываніе государственныхъ податей и повинностей съ одной стороны и службы съ другой возникло въ концѣ XVI вѣка явленіе, извѣстное въ нашей исторіи подъ именемъ *крѣпостнаго права*», говоритъ авторъ «Исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи» [6]). А это «явленіе»—прямой результатъ *прикрѣпленія* крестьянъ къ землѣ, т.-е. окончательнаго лишенія ихъ «права перехода»,—прикрѣпленія, состоявшагося подъ вліяніемъ тѣхъ же *государственныхъ* потребностей: московскій служилый человѣкъ несъ свою службу *съ земли;* земля могла прокормить его лишь тогда, «когда при-

---

[1]) *Павловъ:* „Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи", стр. 20 и слѣд.

[2]) *Тамъ-же.*

[3]) *Чичеринъ:* „Опыты по исторіи русск. права", стр. 163 и 16. *Его же:* „Областн. учрежд.", стр. 21.

[4]) *Тамъ-же,* стр. 68 и слѣд.

[5]) *Чичеринъ:* „Областн. учр.", стр. 589.

[6]) Стр. 136.

носила доходъ, а доходъ она могла приносить только тогда, *когда не была пуста*» (курсивъ у автора), то-есть когда заселена была крестьянами. «Для того, чтобы дворянамъ, боярамъ и дѣтямъ боярскимъ было съ чего служить государеву службу, необходимо было поддержать доходность ихъ помѣстій и вотчинъ, а *для этого необходимо было обезпечить за ними трудъ крестьянства*» [1]). А достичь этой цѣли можно было однимъ путемъ—лишить крестьянство права перехода, прикрѣпить его къ землѣ или лучше закрѣпить отдѣльныхъ членовъ его въ тѣхъ пунктахъ земли, въ которыхъ ихъ захватитъ правительственное распоряженіе. Что же получилось для крестьянства? — Во времена «анархическаго броженія буйныхъ силъ», во времена господства «личности» крестьянство лишалось земли и постепенно, какъ мы видѣли, лишалось права перехода; во времена господства «государственныхъ началъ», оно, лишенное уже своей земли, окончательно прикрѣплено къ владѣльческой, т. е. лишено *юридически* уже, по закону, того, чего лишено было въ извѣстной степени въ дѣйствительности раньше. Другими словами, московское государство додѣлало то, чего не успѣла сдѣлать «средневѣковая анархія», что она лишь подготовила. Крестьянство, уже состоявшее въ кабалѣ экономической, попадаетъ теперь и въ кабалу юридическую. Обыкновенно принято смотрѣть на дѣло, что прикрѣпленные къ землѣ крестьяне «не утратили вполнѣ не только своей человѣческой личности, но даже своихъ гражданскихъ правъ, ибо связь ихъ съ государствомъ не была порвана... они знали одного общаго господина всей русской земли—царя» [2]), а поэтому «власть ихъ владѣльцевъ не была безусловною властью господина надъ вещью». Теоретически оно такъ. Но есть и инаго нѣсколько рода теоретическія положенія, отчасти уже приведенныя нами нѣсколько выше и высказанныя на основаніи изученія исторіи другой страны. Уже не разъ цитированный нами Мэнъ говоритъ по данному вопросу слѣдующее: «*Какъ только земли были обращаемы въ домены землевладѣльца или начальника, поселяне подпадали подъ его личную власть въ силу естественнаго хода событій*» [3]). Сами «поселяне», само наше крестьянство превосходно понимало эту непреложную истину и, разумѣется, уже не теоретически, а непосредственнымъ жизненнымъ опытомъ, вынесеннымъ имъ, если позволено будетъ такъ выразиться, на «собственной шкурѣ». Чтобы не быть обвиненными въ голословности, приведемъ историческіе факты. Профессоръ Павловъ, въ названномъ уже нами сочиненіи, приводитъ, изъ рукописей бывшей Соловецкой библіотеки, любопытнѣйшія для насъ данныя по настоящему вопросу. Профессоръ дѣлаетъ выписки изъ нѣсколькихъ «житій» святыхъ, въ коихъ разсказывается, какъ святые, полагавшіе основанія монастырямъ на незаселенныхъ общинныхъ земляхъ, встрѣчали своему дѣлу препятствіе со стороны крестьянъ и почему: оказывается, едва пустынникъ успѣвалъ замѣнить «хижицу малу» кельями монастырскими, какъ, по словамъ автора «житій», «ненавидяй добра роду человѣчю діаволъ подстрекаетъ люди... отъ прилежащія тамо веси» противъ

---

[1]) *Градовскій*: „Исторія мѣстн. упр. въ Россіи", стр. 134 и слѣд. — *То-же* самое у *Чичерина*: „Опыты по исторіи русск. права", стр. 227 и слѣд.

[2]) *Тамъ-же*, стр. 138.

[3]) „Древнѣйшая исторія учрежденій", стр. 133.

«велія старца», котораго они и начинаютъ изгонять, «смертію претяще» ему. Тотъ же благочестивый авторъ объясняетъ намъ этотъ, по-истинѣ съ перваго взгляда непонятный, фактъ: онъ приводитъ намъ мотивы, руководившіе — несомнѣнно уже помимо діавола — поведеніемъ крестьянъ. Въ данномъ случаѣ мотивы эти выражаются въ слѣдующихъ словахъ, съ которыми обращаются крестьяне къ изгоняемому основателю монастыря: «почто на нашей землѣ построилъ еси монастырь, или хощеши... *нами и селитвы нашими обладати*» [1]). Ясно, что въ головѣ крестьянина обладанія его землею и имъ самимъ совершенно сливаются,—они нераздѣльны. Онъ убѣдился въ этомъ горькимъ опытомъ. Самъ авторъ житій, приведя только-что указанный мотивъ поведенія крестьянъ въ данномъ случаѣ, тутъ же сообщаетъ, что опасенія ихъ, послѣ того, какъ попытка ихъ не удалась и пустынникъ съ монастыремъ остались на мѣстѣ, оправдались: «еже (овладѣніе землею и людьми) и сбыстся послѣди», заключаетъ онъ разсказъ о столкновеніи [2]).

При такомъ взглядѣ на дѣло, крестьянство, очевидно, не понимало тѣхъ *государственныхъ* интересовъ, ради которыхъ ихъ превращали въ собственность владѣльца земли, какъ не понимало оно и тѣхъ, по ученію каноническаго права, высоко-христіанскихъ интересовъ, коими оправдывалось владѣніе монастырями— ихъ, крестьянскими, «семействами» и ими самими. Трудно было понять имъ, да и жизнь не давала объясненій, почему, ради исполненія *служилымъ* человѣкомъ *его* государственныхъ обязанностей, они, крестьяне, должны работать на него, принадлежать ему и въ то же время нести свою тяжкую службу тому же государству, ради исправнаго отправленія службы которому слугою царскимъ они, крестьяне, обращаются въ собственность послѣдняго. Если несомнѣнно, что крестьяне знали, кромѣ своего владѣльца, еще господина всей земли, господина «*общаго*» имъ съ ихъ владѣльцами; если несомнѣнно, что это сознаніе объединяло всѣхъ въ московскомъ государствѣ, владѣльцевъ и владѣемыхъ,— то несомнѣнно также и то, что «обезземеленіе крестьянства», этотъ, по выраженію профессора Градовскаго [3]), «печальный, но всеобщій фактъ» періода московскаго государства, и необходимость со стороны этого крестьянства признавать своимъ владѣльцемъ еще другаго, *кромѣ общаго*, владѣльца *частнаго*,— несомнѣнно, говоримъ, что эти два обстоятельства не могли установить между *земледѣльческимъ* и *землевладѣльческимъ* классами или, другими словами, народомъ и командующими классами «единенія»,— единенія, на которомъ, какъ на господствующемъ явленіи московскаго государства, его характеристической чертѣ, настаиваютъ наши «публицисты-патріоты» и котораго въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, и не было. Этого «единенія» между ними не могло быть потому же, почему его не можетъ быть между сытымъ и голоднымъ, притомъ такими, изъ которыхъ первый сытъ не только въ ущербъ, но и на счетъ другаго; его не могло быть между ними потому же, почему не можетъ быть его между силь-

---

[1]) „Историч. очеркъ секуляризаціи церк. земель", стр. 20, прим. 1.

[2]) На царское пожалованье населенныхъ земель монастырю крестьяне также смотрѣли какъ на необходимость *„покориться монастырю"* и возставали противъ настоятеля послѣдняго (*тамъ-же*, стр. 21).

[3]) „Исторія мѣстн. упр. въ Россіи", стр. 137.

нымъ и слабымъ, беззащитнымъ и насильникомъ; его не могло быть, наконецъ, какъ не можетъ быть его между двоими, изъ которыхъ одинъ не признаетъ за другимъ самыхъ правъ на человѣческое достоинство, или лучше — на званіе человѣка, такъ какъ говорить о человѣческомъ достоинствѣ даже и самихъ «сильныхъ» за данное время едва ли возможно.

Нужно ли останавливаться на доказательствахъ, что въ періодъ московскаго государства положеніе массы и командующихъ классовъ можно назвать положеніемъ голодныхъ и сытыхъ? Мы въ нѣсколькихъ словахъ указали на такое положеніе этихъ двухъ сторонъ до московскаго государства. Послѣднее не измѣнило положенія дѣлъ: «созданіе единаго государства» стоило страшныхъ усилій «массамъ». Поддержаніе его стоило имъ чуть ли еще не большихъ: на нихъ лежала обуза содержанія своимъ трудомъ, какъ мы видѣли, служилаго класса; на нихъ лежала вся тягость государственнаго тягла — всякаго рода податей и повинностей; на нихъ же—и тяжесть административнаго «кормленья», отъ котораго крестьянство «бѣжало въ рознь».

«Если мы возьмемъ въ разсчетъ всю совокупность податей и повинностей, — говоритъ г. Чичеринъ, —какъ *владѣльческихъ*, такъ и *княжескихъ (государственныхъ)* и то безчисленное множество пошлинъ и поборовъ, которые взимались всякими властями, то мы убѣдимся, что положеніе земледѣльца было весьма неотрадно. Чтобы нѣсколько пособить ему, онъ долженъ былъ *прибѣгать къ постояннымъ займамъ*, но это ставило его еще въ большую зависимость отъ помѣщика» [1]).

Теперь «закупа» смѣнилъ «кабальный» или «закладникъ»; различіе только въ именахъ, — «закладывались», «шли въ кабалу» въ видѣ уплаты процентовъ: «кабалы за росты служити»,—выражается «Судебникъ» Ивана Грознаго. Всеобщая кабала недостаточнаго люда — результатъ тѣхъ страшныхъ процентовъ, которые берутъ и теперь—въ XVI и XVII столѣтіяхъ [2]). Мы видѣли въ первой главѣ настоящей статьи указаніе одного изъ иностранцевъ на то, что проценты въ началѣ XVII столѣтія русскими взимались хуже (выше) «жидовскихъ». Ихъ взимали достаточные люди всѣхъ сословій и землевладѣльцы даже духовнаго званія. Еще въ началѣ XVI столѣтія знаменитый Вассіанъ укоряетъ духовенство (монастырское) въ томъ, что оно обижаетъ крестьянъ поборами, налагаетъ на нихъ «лихву на лихву», лишаетъ ихъ имущества, доводитъ «до конечнаго раззоренія... если они не имѣютъ силъ «отдать лихвы» [3]). «Стоглавъ» нашелъ нужнымъ посвятить особую главу, которая «всему священническому чину и иноческому *возбраняетъ*», а «простымъ людемъ *не повелѣваетъ* дерзати рѣзы и лихоимства истязати», предписывая «святителемъ, архимандритомъ и игуменомъ деньги давати по своимъ селамъ, своимъ крестьяномъ безъ росту... токмо съ поруками...», чтобы села не были пусты [4]). Въ «Судебникѣ» XVI ст., цѣлымъ рядомъ дополнительныхъ къ нему указовъ, въ «Уложеніи» царя Алексѣя и въ массѣ отдѣльныхъ указовъ мы встрѣчаемся съ попытками такъ или иначе

---

[1]) „Опыты по исторіи русск. права", стр. 220.
[2]) Закономъ признаются 20% годовыхъ.
[3]) *Павловъ*, „Историч. очеркъ секуляриз. церковн. земель", стр. 68.
[4]) Гл. 36, изд. *Кожанчикова*, стр. 233.

урегулировать «ростъ», «кабалу»,—съ попытками, изъ которыхъ ясно какъ день тяжкое положеніе неимущихъ. Мы отказываемся, опасаясь утомить читателя, приводить указанія по данному вопросу изъ всякаго рода поученій, посланій, словъ и т. п. пастырей церкви.

Въ первой половинѣ настоящей статьи мы привели, думается, достаточное количество, хотя и съ иными цѣлями, фактовъ, чтобы не приводить здѣсь другихъ, въ доказательство того, что и землевладѣлецъ, и администраторъ, и вообще всякій власть имущій относился къ неимущему или малоимущему и вообще отъ него въ томъ или иномъ отношеніи зависящему—именно какъ насильникъ къ беззащитному.

Было бы удивительно, еслибы въ такомъ общественно-государственномъ строѣ создалось представленіе о человѣческой личности. Его и не создалось за неимѣніемъ путей и средствъ къ этому. А только, по нашему глубокому убѣжденію, развитіе въ обществѣ понятія о человѣческой личности, ея достоинствѣ и правахъ ведетъ обыкновенно къ созданію иныхъ, сравнительно съ указанными выше, порядковъ въ обществѣ и государствѣ. Откуда же было выйти въ московскомъ государствѣ тѣмъ токамъ, которые могли внести въ общество «душу живу», искру Божію, которая создала бы изъ всѣхъ этихъ холопей, людишекъ — человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова, человѣка, который сознавалъ бы въ *себѣ и другихъ* «образъ и подобіе Божіе» и относился бы къ себѣ и этимъ другимъ именно какъ къ такому «подобію», а не какъ къ какой-то силѣ, мошнѣ, для которой законъ не писанъ и относительно которой все, ее окружающее, есть нѣчто или должно быть чѣмъ-то, ей поклоняющимся, ей подчиненнымъ, ея вожделѣніямъ удовлетворять обязаннымъ, своихъ цѣлей и интересовъ имѣть не могущимъ? Единственнымъ источникомъ свѣта, могшаго освѣтить темныя стороны того времени и создать изъ человѣка-животнаго, ничего, кромѣ «мамоны», не признающаго, человѣка-лицо, способнаго ставить въ себѣ и другихъ это «лицо» выше всего остальнаго, уважать его,—могла и должна была быть церковь, а проводниками — ея служители. Мы сказали: «могла и должна была». Въ томъ, что церковь должна была пролить этотъ свѣтъ, сомнѣнія быть не можетъ; но въ томъ, что она «могла» пролить его, мы позволимъ себѣ сомнѣваться, опираясь на тѣ же данныя жизни, на которыхъ мы такъ долго останавливались.

Мы въ извѣстной степени познакомили читателя съ характеромъ религіозныхъ воззрѣній московскаго государства и думаемъ, что этого достаточно, чтобы придти къ заключенію, что это міровоззрѣніе, выражающееся въ рутинной обрядности, пролить свѣта, о которомъ мы говоримъ, не могло. Высокій авторитетъ, на который мы такъ часто ссылались, не только думаетъ то же самое, но даже, какъ это было нами уже указано, полагаетъ, что эта «слѣпая привязанность къ обряду сопровождалась... *гибельными послѣдствіями въ области нравственности*»; другими словами, это міровоззрѣніе вносило, по его мнѣнію, еще большую темноту туда, гдѣ ея и такъ было слишкомъ много. А такой характеръ міросозерцанія — въ сильной зависимости отъ церкви и ея служителей: они должны вносить свѣтъ въ эту сферу человѣческой жизни. Должны!... Но *могли* ли?—Опять-таки нѣтъ и нѣтъ: они не могли этого сдѣ-

лать,—не могли изъ мертвой, леденящей душу обрядности создать оживотворяющее ученіе, и не могли потому, что не имѣли, въ массѣ, средствъ къ тому, не могли потому, что сами не понимали, не сознавали необходимости въ такомъ превращеніи, и не сознавали ея потому, что составляли «*едину душу* и едино тѣло» въ слишкомъ уже буквальномъ, тѣсномъ смыслѣ этихъ словъ со своею паствою, потому что между ними и паствою, куда нужно было пролить свѣтъ, *слишкомъ мало было «духовной розни»*, слишкомъ много «единенія», потому что если теперь и возставала порой паства противъ пастыря, то, какъ мы видѣли, потому, что этотъ пастырь грозилъ *завладѣть* своею паствою, а не потому, что, какъ въ первое время [1]), хотѣлъ просвѣтить ее. Что могли сдѣлать пастыри, заслужившіе такую укоризну, какая звучитъ въ слѣдующихъ словахъ митрополита Даніила: «худіи и лѣнивіи пастыріе... себе упасоша и разшириша чрева своя брашны и піанствы, *заблудьшихъ не возведоша*, погибшихъ не взыскаша, *прельщенныхъ не обратиша*, сокрушенныхъ не врачеваша... и *вся дѣла пастырская презрѣша*, но точію на славу и честь, и на упокоеніе сже ясти и пити сладостная... и на тщеславіе, и презорство и на воспріятіе мзды уклонишася» [2]). Мы видѣли, что пастыри сами страдали тѣми же грѣхами, что и пасомые; и жаждой «стяжанія», ради удовлетворенія которой не останавливались ни передъ «рѣзоиманіемъ», ни передъ лихоимствомъ, ни передъ раззореніемъ крестьянъ какъ въ качествѣ землевладѣльцевъ, такъ и въ качествѣ духовныхъ, какъ таковыхъ,—и жаждой къ «питію», каковымъ отличались едва ли даже не больше своей паствы; вообще, они, за немногими исключеніями, не стояли ни на йоту выше тѣхъ, учить которыхъ были призваны. Не стояли они выше ихъ, говоря вообще, и по знанію, образованію, по пониманію тѣхъ религіозныхъ истинъ, проповѣдываніе которыхъ было ихъ задачей.

На Стоглавомъ соборѣ отцы церкви заявили торжественно о почти всеобщемъ невѣжествѣ бѣлаго духовенства, констатировавъ слѣдующій фактъ: претендующіе на санъ діакона и священника не могутъ быть посвящены въ него, ибо «грамотѣ мало умѣютъ» и постригать имъ было бы «сопротивно священнымъ правиломъ», а избѣгать такихъ претендентовъ, не постригать ихъ, тогда «святыя церкви безъ пѣнія будутъ, а православные христіаны безъ покаянія учнутъ умирати и безъ причастія» [3]). Положеніе безвыходное въ сущности, и если изъ него «святители» выходили, то вовсе не къ славѣ церкви и не къ спасенію погибающихъ овецъ: они ставили въ діаконы и священники этихъ мало умѣющихъ грамотѣ и требовали отъ нихъ лишь, «чтобъ могли церковь Божію держати и дѣтей своихъ духовныхъ *управити* по священнымъ правиломъ» [4]). Взгляните на требованія того же собора, предъявляемыя имъ такъ-сказать къ идеальному, относительно, образованію священника, и вы поймете уровень этого образованія въ средѣ бѣлаго духовенства вообще: въ шко-

---

[1]) См. первую главу настоящей статьи.
[2]) *Жмакинъ*, назв. сочин., стр. 619.
[3]) „Стоглавъ", гл. 25.
[4]) *Тамъ-же*.

лахъ, учреждать которыя отцы «соборнѣ уложили» въ Москвѣ и другихъ городахъ для приготовленія дѣтей духовныхъ въ духовное званіе, отъ самихъ учителей требовалась лишь «горазливость въ грамотѣ и письмѣ»; что-жь мудренаго, что и обучать они должны были будущихъ пастырей и учителей церкви только «грамотѣ, книжному письму и церковному пѣнію, и чтенію налойному» [1]). При этомъ не слѣдуетъ забывать, что и эти школы оставались въ сущности въ области благихъ пожеланій, какъ это видно изъ свидѣтельства нашихъ памятниковъ старины и показаній иностранцевъ. Что же послѣ этого удивительнаго, что образованнѣйшій изъ священниковъ своего времени, знаменитый попъ Сильвестръ, все христіанское ученіе въ своемъ «Домостроѣ» почти исключительно свелъ на мертвящую обрядность. Что удивительнаго, если его преемникъ, попъ Семенъ, священникъ Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, нашелъ, что извѣстный «еретикъ» Матвѣй Башкинъ, ставя такія задачи духовенству, какъ напр., «положити душу свою за други своя» — заботиться о душахъ овецъ своихъ, поучать ихъ дѣломъ и словомъ, — *толковалъ «развратно»* и «необычайно»! Что мудренаго и удивительнаго, что этотъ соборный пастырь на такія «развратныя» рѣчи съ легкимъ сердцемъ отвѣчалъ: «и язъ того не знаю, не коли тебѣ вѣдати: *въ суетѣ мірской ни въ день, ни въ нощи покоя не знаешь*» [2]). Таково богословское образованіе соборныхъ московскихъ священниковъ. Каково же оно въ средѣ духовенства другихъ городовъ и въ особенности сельскаго?!... Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, что ни высшее московское общество, ни массы народныя не слыхали ничего въ церкви кромѣ того чтенія и пѣнія, которое, какъ мы видѣли, такъ удивляло своимъ неблагообразіемъ иностранцевъ. Нечего удивляться, что церковная каѳедра молчала, проповѣдничество не имѣло мѣста. Кому было проповѣдывать и что?... «Всѣ наши пастыри, не только сельскіе, но и городскіе, — говоритъ высокопреосвященный Макарій, — были едва грамотные, мало образованные или вовсе необразованные и круглые невѣжды; *они не понимали*, какъ слѣдуетъ, *ни той вѣры*, которой должны были учить народъ, *ни священнодѣйствій*, которыя должны были совершать... *ни самой* важности своего пастырскаго служенія» [3]).

Черное, монастырское, духовенство не стояло выше бѣлаго, церковнаго, по образованію [4]). Если среди высшихъ представителей этого духовенства и встрѣчались свѣтлые умы и образованные люди, то они были рѣзкимъ исключеніемъ и ихъ учительная дѣятельность лишь возбуждала противъ себя прежде всего ту среду, представителями которой они являлись. Вспомнимъ Вассіана Косаго, вздумавшаго проповѣдывать евангельскія истины въ XVI столѣтіи; вспомнимъ его учителя, великаго подвижника и идеалиста своего времени, Нила Сорскаго, отрицавшаго право монастырей на владѣніе вотчинами и крестьянами. Послѣдній обвинялся преподобнымъ Іосифомъ Волоцкимъ «въ хулахъ на рус-

---

[1]) *Тамъ-же*, гл. 26.

[2]) Дѣло о Матвѣѣ Башкинѣ—Ак. Арх. Эксп., т. I, № 238, стр. 249.

[3]) „Исторія церкви“, т. VIII, стр. 337.

[4]) По словамъ нѣкоего старца, Арсенія Глухаго, между архимандритами въ XVII ст. было много такихъ, „кои едва азбуцѣ умѣли и ничимъ же разнствовали отъ невѣжды и поселянина“. *Щаповъ*: „Русскій расколъ“, стр. 68.

скихъ чудотворцевъ» [1]); первый «умеръ въ заточеніи», которое раздѣлялъ съ нимъ и другой представитель чернаго духовенства—извѣстный Максимъ Грекъ, не мало раздражавшій темную среду русскаго духовенства своими писаніями. Оба эти монаха-писателя не мало поработали для развитія истинъ евангельскихъ; но труды ихъ едва ли оставили въ свое время какіе-либо слѣды, кромѣ тѣхъ, на которые мы указали—раздраженіе и озлобленіе въ монастырскомъ мірѣ.

Можетъ-быть, семья, которую обыкновенно кладутъ въ основаніе государства, считаютъ краеугольнымъ камнемъ его,—можетъ-быть она въ московскомъ государствѣ могла помочь созданію человѣка-лица? Можетъ-быть, она полагала или могла положить хоть какое-нибудь основаніе для развитія изъ ея членовъ людей?

На этотъ вопросъ смѣло можно и должно отвѣчать отрицательно уже на основаніи того, что мы знаемъ объ обществѣ московскаго государства. Но мы не рѣшаемся остановиться на такомъ рѣшеніи вопроса путемъ логическаго только заключенія; мы еще разъ обратимся къ терпѣнію читателя и попробуемъ отвѣтить на поставленный вопросъ опять-таки фактами и ссылками на мнѣнія и мысли по этому поводу нашихъ авторитетныхъ изслѣдователей старины.

Припомнимъ, какъ проводится въ семьѣ день по «Домострою», какую роль въ ней играетъ элементъ религіозно-монастырскій; припомнимъ вообще значеніе религіозной *обрядности* въ жизни русскаго человѣка того времени—и мы будемъ въ состояніи, такъ-сказать, предугадать, что могла семья дать своимъ младшимъ членамъ, будущимъ членамъ общества, государства. «Домострой», впрочемъ, даетъ намъ самыя ясныя указанія не только на тѣ начала, на которыхъ покоилась семья вообще, но и на тѣ, на которыхъ строилось *воспитаніе* молодаго поколѣнія. Мы остановимся нѣсколько на тѣхъ и другихъ, такъ какъ первыя въ дѣлѣ воспитанія играли не меньшую роль, чѣмъ и вторыя, и такъ какъ и тѣ, и другія по существу своему одинаковы.

Семья—монастырь въ миніатюрѣ; ея глава—настоятель его: «Домострой» обращается къ нему какъ къ «государю, *игумену* дома». *Воля* этого игумена — законъ для *всѣхъ* членовъ семьи, поглощающій вполнѣ волю этихъ послѣднихъ, устраняющій всякое проявленіе ихъ самостоятельности. Повиновеніе волѣ этого игумена-мужа и отца возведено на степень повиновенія заповѣдямъ Бога: «*Со страхомъ, раболѣпно* служите имъ (родителямъ), да и сами отъ Бога мзду пріимите и жизнь вѣчную наслѣдите, *яко совершители Его заповѣди*», говоритъ «Домострой», обращаясь къ дѣтямъ. Существо этой воли «Домострой» не опредѣляетъ, предѣловъ ей никакихъ не полагаетъ; «*она сама себѣ образецъ*, — какъ выражается г. Забѣлинъ, — и сама себѣ наука»; для членовъ семьи она, по вѣрной характеристикѣ того же ученаго, «не могла имѣть никакого другаго смысла, какъ *смыслъ произвола*, смыслъ простой *грубой силы или насилія*... стихіи» [2]). А поддерживался такой характеръ власти родительской, ея авторитета—*страхомъ* передъ битьемъ по преимуществу [3]). *На страхѣ* въ концѣ концовъ держалась вся семья: жена мужу во всемъ,

---

[1]) *Павловъ*: „Историч. очеркъ секуляр. церк. земель", стр. 64.
[2]) „Домашній бытъ русскихъ царицъ", стр. 47 и 56.
[3]) *Тамъ-же.*

по выраженію самого «Домостроя», «*со страхомъ* внимала»,—съ тѣмъ страхомъ, который внѣдрялся въ нее классической учебною плеткой... На такомъ же страхѣ покоились и отношенія, какъ мы видѣли изъ вышеприведенной цитаты о раболѣпномъ повиновеніи дѣтей, и этихъ послѣднихъ. И страхъ этотъ вкоренялся въ юныя души тѣмъ же *битьемъ*, на которомъ покоились отношенія жены къ мужу, т. е. матери къ отцу.

Уже однихъ этихъ отношеній матери къ отцу было совершенно достаточно, чтобы растлить въ дѣтяхъ человѣка, истребить въ нихъ все нравственное; но мы должны прибавить сюда и безнравственность отношеній родителя къ нимъ самимъ и, наконецъ, самую систему ихъ воспитанія, которое все сводилось, опять-таки говоря словами Забѣлина, «къ битью по преимуществу». Задача *нравственнаго* воспитанія — «учити *страху* Божію, и вѣжеству, и всякому *благочинію*»; а средства достиженія этой задачи—«*страхомъ спасати*, *раны возлагати: наказуй* дѣти во юности, покоятъ тя на старость твою... не ослабляй, *бія* младенца: аще бо жезломъ (лозою, переводитъ Забѣлинъ) біеши... здравіе будетъ; ты бо бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти... Не дажъ ему власти... Сокруши ему ребра» [1]). Воздерживаемся отъ всякихъ комментаріевъ.

Что же могъ внести *такъ* воспитанный человѣкъ въ общество, въ государство, куда онъ вступаетъ непосредственно изъ такой школы? Предоставимъ отвѣтить знатокамъ нашего стараго быта. «Воспитанный въ родительскомъ произволѣ, въ произволѣ старшихъ вообще, крѣпко убѣжденный, что этотъ произволъ, иначе родительская... опека, есть священная воля самой нравственности, непоколебимая основа нравственной жизни; что этою только одною волей держится не только связь семьи... но и связь всего общества, всей земли,— старый *предокъ нашъ, вступая въ жизнь* уже возрастнымъ, болѣе или менѣе сознательнымъ ея дѣятелемъ, *ничего не могъ принести въ нее другаго, какъ тѣ же самыя понятія и убѣжденія*, какъ тотъ же основной смыслъ воли вообще и своей въ особенности, *тотъ же произволъ*, который представлялъ для него единственную и исключительную норму дѣйствій» [2]).

Воспитавшись на томъ, что воля есть только у *старшаго* — родителя и вообще у всякаго власть имущаго, «предокъ нашъ, — продолжаетъ тотъ же г. Забѣлинъ, — *не могъ* въ собственномъ сознаніи *отдѣлить законное отъ беззаконнаго* въ этомъ отношеніи»; для него ясенъ былъ только одинъ законъ— «произволъ старшаго... стало-быть, *своя воля*, когда онъ *самъ* сдѣлался старшимъ, *властнымъ*, т. е. свободнымъ и самостоятельнымъ, по его понятіямъ и представленіямъ» [3]).

Предоставляемъ самому читателю рѣшить, что могло внести въ темную жизнь московскаго государства семейное воспитаніе, насколько оно могло содѣйствовать развитію въ ней представленія о человѣческой личности, ея достоинства. Въ помощь ему, пожалуй, приведемъ здѣсь слѣдующія слова все того же авторитета: «истинныхъ понятій о *нравственной свободѣ* лица не *могло су-*

---

[1]) „Домострой“, изд. *Голохвастова*, гл. XV и XVII.
[2]) *Забѣлинъ*: „Домашній бытъ русскихъ царицъ“, стр. 57.
[3]) *Тамъ-же*.

ществовать въ обществѣ, гдѣ родовой (семейный) *духъ* съ такою силою *пригнеталъ, давилъ личность*, т. е. всякую человѣческую индивидуальность». Другой нашъ историкъ, покойный Соловьевъ, не меньшій, если не большій авторитетъ, категорически заявляетъ, что «плеть и палка не могли устроить и направить дѣятельности воспитаннаго ими въ семьѣ человѣка»; онъ этого человѣка прямо называетъ «нравственнымъ недоноскомъ», который, долго находясь подъ гнетомъ чужой силы, по общему правилу, дастъ особенно сильно почувствовать *свою* силу, выйдя изъ-подъ опеки чужой [1]).

Гдѣ же искать еще, наконецъ, свѣта въ московской жизни, такъ необходимаго для ея обновленія? Въ *образованіи?*—Но его не было. Соловьевъ корень зла именно въ томъ и полагаетъ, что человѣкъ того времени, какъ онъ выражается, «вступалъ въ общество прямо изъ дѣтской», что его «развитіе физическое нисколько не соотвѣтствовало духовному... Онъ являлся передъ обществомъ преимущественно физическимъ существомъ» [2]). И являлся таковымъ потому, что для него не было, какъ выражается историкъ, «того необходимаго переходнаго времени между дѣтскою и обществомъ, которое у насъ теперь наполняется ученіемъ или тѣмъ, что такъ превосходно выражаетъ слово *образованіе»* [3]). А это явленіе не имѣло мѣста въ московской Руси потому, что въ ней не было школы: тѣ училища, которыя предписалъ завести Стоглавый соборъ, остались, какъ мы видѣли, почти исключительно въ области желаній, а если и учреждены были кое-гдѣ, то обучали лишь грамотѣ, какъ ей же только учили и въ тѣхъ школахъ, которыя иногда существовали при томъ или иномъ монастырѣ. Притомъ грамотѣ обучались исключительно по Часослову и Псалтырю, которыхъ содержаніе на половину при этомъ не понималось; иногда, уже въ видѣ роскоши, ученики ознакомлялись съ содержаніемъ такъ-назыв. «Азбуковниковъ», въ которыхъ излагались правила, какъ держать себя въ школѣ, а «также высокопарныя опредѣленія разныхъ наукъ или мудростей»; иногда преподавались грамматика, реторика [4]), которыя опять-таки читались безъ пониманія, выучивались наизусть. Поэтому если на Руси того времени и встрѣчались, какъ крайне рѣдкое исключеніе, люди сколько-нибудь образованные, въ родѣ, напримѣръ, извѣстнаго князя Курбскаго и другихъ, то это были люди *случайно* получившіе образованіе и притомъ, увы, опять-таки при посредствѣ гнилаго Запада, хотя бы въ лицѣ «какого-нибудь западно-русскаго шляхтича». Самая необходимость образованія только и сознавалась этими отдѣльными единицами, по счастливой случайности, въ извѣстной степени получившими его. Масса же, даже грамотѣ обученныхъ, не только къ образованію, но даже къ книгѣ вообще относилась враждебно, если только она не была Псалтырь, Часословъ или «Житіе» какого-либо святаго; въ ней видѣли какое-то страшное зло, отъ котораго у человѣка умъ за разумъ заходилъ или онъ впадалъ въ ересь, и котораго, поэтому, всякому православному христіанину слѣдовало бы бѣжать, какъ и всякаго зла. Мы имѣемъ отъ XVI вѣка два яркія указанія на

---

1) „Исторія Россіи", т. XIII, стр. 161, 163 и 206.
2) *Тамъ-же*, стр. 661.
3) *Тамъ-же*.
4) *Тамъ-же*, стр. 162.

такой взглядъ на книгу и образованіе со стороны ревнителей благочестія и охранителей основъ того времени. Одно такое свидѣтельство даетъ намъ князь Курбскій. Онъ говоритъ, что въ его время «мнящіеся быти учители» всякими правдами и неправдами стараются удержать отъ книгъ юношей, «тщаливыхъ къ науцѣ», запугивая ихъ тѣмъ, что отъ чтенія «книгъ многихъ», будто бы, кто «ума изступилъ», кто «зашелся», а кто «въ ересь впалъ» [1]). На такое же точно отношеніе къ книгѣ, притомъ такой, какъ Евангеліе, напримѣръ, указываетъ и еще одинъ современникъ — нѣкій старецъ Артемій, жившій въ XVI столѣтіи. Онъ утверждаетъ также, что сумасшествіе грамотнаго человѣка, много читавшаго, прямо приписывали книгамъ: «аще кому прилучится недугъ, отъ него же человѣкъ естественнаго смысла не падетъ, прельщающе глаголютъ: зашелся есть въ книгахъ»; грозили за чтеніе и такимъ результатомъ, какъ впаденіе въ ересь: «не чти много книгъ, да не во ересь впадеши». А заглядывать въ такія книги, какъ Апостолъ или Евангеліе, прямо называли грѣхомъ: «грѣхъ *простымъ* чести Апостолъ и Евангеліе», говорили патріоты того времени. Въ результатѣ, по увѣренію Артемія, получалось, что «мнози отъ ненаказанныхъ (необученныхъ) боятся и въ руки взяти» названныя книги [2]). Старецъ объясняетъ, какъ и Курбскій, это печальное явленіе скудоуміемъ и невѣжествомъ самихъ учителей этихъ: «сицевая глаголющи, сами не наказани,—говоритъ онъ,—*хотятъ да и прочіи по нихъ безъ наказанія* (образованія) *будутъ, да не обличенна будетъ злоба*». Въ послѣднихъ словахъ звучитъ уже нѣчто хуже, чѣмъ просто указаніе на невѣжество: старецъ обличаетъ мнимыхъ учителей уже въ злостномъ желаніи охранить злобу дня отъ обличеній просвѣщеннаго человѣка. Это видно особенно изъ слѣдующихъ словъ старца: «еже, егда благодати божественной поспѣшествующи *отъ прочитанія книжнаго*, уразумѣвъ кто истину, дѣйствовати начнетъ по заповѣди Господня и... *отъ сего бываетъ ему по нужи отлучитися мыслію отъ молвы мірскія*... и о таковыхъ неискусне тоже глаголютъ... рече: многія тѣ книги въ неистовство прелагаютъ».

Итакъ, человѣкъ московскаго государства ни въ чемъ не могъ, еслибы даже и захотѣлъ, найти средствъ къ обновленію: не получая ихъ отъ церкви и семьи, нашъ предокъ не могъ найти ихъ въ жизни, которая не только не могла дать ихъ, но, наоборотъ, вся строилась такъ, что преграждала всякіе пути имъ. И не былъ этотъ человѣкъ въ сущности человѣкомъ: онъ былъ только или холопомъ, вещью другаго человѣка, или кабальнымъ его, или служилымъ человѣкомъ общаго господина всѣхъ и каждаго — царя московскаго, или его богомольцемъ; а всѣ вмѣстѣ: и холопъ, и служилый человѣкъ, и богомолецъ — не людьми, а людишками и холопями царя и великаго государя московскаго. И всѣ виды этихъ «людишекъ» и «холопей», какъ они сами себя величали, были едины *духомъ*... невѣжества, безличности. А сидѣвшій въ нихъ звѣрь «стяжанія» и «властности», не находившій ни въ чемъ узды, поощряемый всеобщимъ царствомъ «произвола и самовластія»,—говоря языкомъ Забѣлина,—

---

[1]) *И. Преображенскій*: „Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI вѣкѣ", стр. 20.

[2]) *Тамъ-же.*

поселялъ въ нихъ такую «рознь», которая сдѣлала, какъ мы старались доказать это въ предыдущей статьѣ, изъ московскаго государства нѣчто такое, чему ни XVIII-му, ни нашему столѣтію завидовать не приходится. Тамъ идеалъ человѣка, незнакомаго даже съ Евангеліемъ, основывался не на любви къ ближнему, не на благѣ его, а на голомъ, страшномъ эгоизмѣ и раззореніи ближняго. Тамъ не было иныхъ заботъ у человѣка, кромѣ заботъ о своемъ личномъ благѣ; тамъ онъ изъ-за «суеты мірской» забывалъ великую обязанность любви къ ближнему, какъ забывалъ ее (см. выше) благовѣщенскій попъ Семенъ, и, забывъ, не останавливался ни передъ чѣмъ, чтобы осилить этого ближняго, овладѣть имъ, кормиться трудами его, убить въ немъ человѣка, хотя бы и убивая его въ себѣ самомъ. Тамъ все дѣлалось ради своего *я* и только его одного: тамъ отецъ долженъ былъ блюсти «тѣлесная и духовная» дѣтей своихъ только потому, что онъ долженъ былъ (по «Домострою») за несоблюденіе ими таковыхъ «отвѣтъ дати въ день страшнаго суда». Тамъ вся нравственность покоилась лишь на страхѣ: здѣсь, на землѣ — передъ наказаніемъ, тамъ, на небѣ— передъ вѣчными муками ада; избавленіе отъ этихъ послѣднихъ, и только оно одно, тамъ, на небѣ—награда за всѣ добрыя дѣла, а здѣсь, на землѣ—слава среди людей. «Домострой» и то, и другое обѣщаетъ за исполненіе всѣхъ его требованій: «*а себѣ отъ Бога мзда, а отъ людей добрая слава*». Тамъ даже эта «мзда» небесная покупалась на счетъ своего ближняго, плодовъ труда его.

И разбрелось тамъ все «розно».

Мы были бы не мало смущены, еслибы читатель, одолѣвшій нашу статью, добросовѣстно пришелъ къ заключенію, что въ ней унижается московское государство съ цѣлью возвеличенія XVIII столѣтія и нашего времени: это значило бы, что намъ не удалось заставить понять себя. Мы въ нашей статьѣ имѣли сказать только то, о чемъ говоритъ ея заглавіе, — ничего больше. Было бы дерзостью и свидѣтельствомъ полнаго незнанія исторіи, еслибы мы вздумали убѣждать читателя, что земля русская съ XVIII столѣтія зацвѣла «аки кринъ», и зацвѣла потому, что ее поставили подъ вліяніе гнилаго Запада. Кто же не знаетъ, что не цвѣла она въ XVIII столѣтіи, не цвѣтетъ, увы, и въ наше время.

Та «рознь», о которой мы до сихъ поръ говорили, существовала, и не въ меньшихъ размѣрахъ чѣмъ раньше, и въ XVIII столѣтіи, существуетъ и теперь; и причины ея тѣ же. Въ этомъ отношеніи XVIII столѣтіе не внесло ничего новаго; оно лишь возвело «въ перлъ созданія», если позволено будетъ такъ выразиться, то, что создано было предшествовавшими вѣками и главнымъ образомъ XVI и XVII. Въ положеніи крестьянъ, уже обезземеленныхъ и крѣпостныхъ, оно не произвело *по существу* никакихъ измѣненій: оно въ этомъ отношеніи лишь развивало дольше то, что завѣщало ему московское государство; и если крѣпостное право, распространяясь *количественно*, охватывало все большій и большій районъ, то и это совершалось подъ вліяніемъ того же рода *государственныхъ* потребностей, которыя вызвали прикрѣпленіе къ землѣ въ XVI столѣтіи. До второй половины XVIII вѣка землевладѣльцы все еще несутъ

обязательную государственную службу и ради нея владѣютъ крестьянами; со второй половины этого вѣка они свободны отъ обязательной, но несутъ добровольную службу и въ награду за нее получаютъ крестьянскія души сотнями, тысячами. Европа съ ея тлетворными ученіями здѣсь не при чемъ; не при чемъ она и относительно того, что положеніе дѣлъ вообще въ государствѣ не улучшилось, а чуть ли не ухудшилось; не при чемъ она въ «кожедирательствѣ», какъ выражалась Екатерина, чиновниковъ и администраторовъ; не при чемъ она и въ ихъ кругломъ невѣжествѣ относительно управляемой ими страны, — невѣжествѣ, констатированномъ самой императрицей [1]).

«Рознь» развивается своимъ порядкомъ; живетъ своимъ чередомъ и пресловутое московское «*духовное единство*», живетъ въ массѣ «командующихъ» классовъ,—живетъ, *несмотря* на гнилой Западъ, вопреки западавшимъ оттуда искрамъ просвѣщенія и гуманизма и зажигавшимъ отдѣльныя, рѣдкія единицы. Напрасно плачутъ и вопіютъ *о духовной* розни наши публицисты-патріоты,— ея слишкомъ мало даже и въ наше время, а XVIII вѣкъ и подавно ею не изобиловалъ. Кто же серьезно будетъ видѣть духовную рознь между даже большимъ бариномъ XVIII вѣка, хотя бы и болтавшимъ по-французски и бывавшимъ за границей, гдѣ на него смотрѣли какъ теперь уже едва ли смотрятъ на китайца или японца, и его крѣпостнымъ? Французскій языкъ, французскій покрой платья также мало вносили розни между «духовно» едиными бариномъ и крѣпостнымъ, какъ quasi - народный языкъ и покрой кафтана могутъ внести *единство* въ среду *жизненно* разрозненныхъ крестьянина и кулака или урядника. О «духовной розни» правящихъ классовъ и народа въ XVIII вѣкѣ также слишкомъ ужь много напѣли, какъ и о всеобщемъ единеніи въ московскомъ государствѣ. Стоитъ порыться *въ бытовой* исторіи этого вѣка, стоитъ поближе ознакомиться со всяческими записками, мемуарами и т. п., чтобъ убѣдиться въ этомъ. Единство невѣжества въ этомъ столѣтіи еще до того преобладало надъ «рознью духовною», что приходится оплакивать не послѣднюю, а первое. Вся эта рознь въ сущности сводилась къ розни кафтановъ. А на міровомъ значеніи *этой* розни можно бы спокойно предоставить настаивать нашимъ патріотамъ, еслибъ ихъ взгляды не грозили реализироваться.

Если гнилой Западъ нельзя винить въ тѣхъ невзгодахъ, которыя переживали наши предки въ XVIII столѣтіи и переживаемъ мы теперь, то его несомнѣнно можно и *должно* обвинить въ томъ, что съ этого Запада сталъ проникать къ намъ, и именно по преимуществу съ XVIII в., тотъ свѣтъ, котораго, какъ мы видѣли, недоставало въ московскомъ государствѣ и который внесъ въ каверны московской жизни нѣчто новое, вступившее въ борьбу съ такими основами ея, какъ «плеть и палка» и внушаемый ими *страхъ;* оттуда пришелъ свѣтъ, заставившій еще въ XVIII столѣтіи заговорить, что рабство— гнуснѣйшее явленіе человѣческой жизни, что рабъ-человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію; оттуда пришелъ свѣтъ, *освѣтившій человѣка*, нашедшій и

---

[1]) Положеніе дѣлъ въ первыя три четверти XVIII столѣтія см. въ нашей статьѣ: „Екатерин. коммиссія 1767 г. и соч. проэкта Нов. Уложенія“.

показавшій его всему міру—*въ холопъ*. Подъ вліяніемъ этого свѣта начинають измѣняться задачи государства.

Постепенное развитіе этого свѣта, усиленіе его яркости, увеличеніе пространства, имъ освѣщаемаго, хотя медленно, быть-можетъ слишкомъ медленно, но все-таки ведетъ и, наконецъ, приводитъ къ 19 февраля 1861 года.

Мы отказываемся отъ *обвиненія* Европы *въ этой бѣдѣ*.

Верховная власть въ Россіи XVIII столѣтія.

„Пространственное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ“.

„Всякое другое правленіе не только было бы въ Россіи вредно, но и въ конецъ раззорительно“.

„Наказъ“ Екатерины II, гл. 2, §§ 10 и 11.

Двумя статьями нашихъ «основныхъ законовъ» точно опредѣляется форма государственнаго строя нашего отечества въ настоящее время. Статья *первая* называетъ власть императора *неограниченной* и *самодержавной*, т.-е. не стѣсненной никакими «юридическими нормами, поставленными выше его власти», какъ выражается профессоръ Градовскій («Начало русск. госуд. права», I, 1), и всецѣло принадлежащей только императору, не раздѣляющему ее «ни съ какимъ установленіемъ или сословіемъ въ государствѣ» (тамъ же, стр. 2). Статья *сорокъ седьмая* опредѣляетъ, что «имперія управляется *на твердомъ основаніи положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ*», т.-е. устанавливаетъ, что воля верховной власти получаетъ обязательную силу лишь при условіи выраженія ея *въ формѣ закона* (тамъ же, стр. 3). Несомнѣнно, что, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же профессоръ Градовскій, первымъ изъ двухъ приведенныхъ положеній «неограниченная монархія отличается отъ конституціонныхъ государствъ»; но несомнѣнно также и то, что вторымъ положеніемъ неограниченная монархія существенно отличается отъ восточныхъ деспотій.

I.

Но это опредѣленіе сущности власти впервые появляется только въ Сводѣ Законовъ, т.-е. въ настоящемъ столѣтіи. Прошлое столѣтіе лишь подготовляло, если можно такъ выразиться, *юридическимъ* путемъ такое опредѣленіе. Самодержавный и неограниченный характеръ верховной власти слагался путемъ есте-

ственно-историческимъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, въ ряду которыхъ XVIII-е было лишь послѣднимъ звѣномъ. XVIII-е столѣтіе точнѣе и яснѣе, такъ сказать, формулировало то, что ему по данному вопросу завѣщалъ XVII вѣкъ, а этотъ вѣкъ, какъ и предшествовавшій ему XVI, зналъ только власть царя, его же «*Богъ* избра на землѣ *себѣ вмѣсто*». Царь—намѣстникъ Бога на землѣ: это—всеобщее воззрѣніе въ XVI и XVII столѣтіяхъ. По этому воззрѣнію единственнымъ исключительнымъ источникомъ власти царя есть — Тотъ, намѣстникомъ кого является царь на земли, т.-е. Богъ, поставившій царя во главѣ отданныхъ ему «въ работу», какъ выражается Иванъ Грозный въ одномъ изъ своихъ писемъ Курбскому, т.-е. подданныхъ. Такъ смотрѣлъ на себя самъ царь, въ глазахъ котораго «люди» московскаго государства «дарованы» ему, — какъ не разъ это высказываетъ тотъ же Грозный,—«божьимъ изволеніемъ» чуть ли не искони вѣковъ; такъ смотритъ на царя народъ; такъ смотритъ на него само и издавна, съ X вѣка, учитъ смотрѣть на него и всѣхъ—духовенство, воспитанное на византійскихъ идеалахъ и проповѣдывавшее эти идеалы еще въ тотъ періодъ нашей исторіи, когда, по мѣткому выраженію профессора Сергѣевича, «народъ и князь» были двумя «одинаково существенными элементами общественнаго быта». Цѣлые вѣка воспитывается въ народѣ идея о божественномъ происхожденіи власти сначала князя, а потомъ царя. Еще во Владимірѣ—Красномъ-Солнышкѣ—представители церкви видятъ сами и учатъ видѣть другихъ—«царя и самодержца, поставленнаго отъ Бога»; еще Владиміра Мономаха, этого «страдальца за землю русскую», *призваннаго кіевскимъ вѣчемъ* на «столъ дѣдинъ и отчень», митрополитъ Никифоръ величалъ княземъ, Богомъ издавна предопредѣленнымъ и «отъ утробы матери» посвященнымъ и помазаннымъ. «Всесильнаго Бога-Отца Вседержителя,—говоритъ митрополитъ, обращаясь къ юному царю Ивану во время вѣнчанія послѣдняго на царство,—изволеніемъ и благоволеніемъ Единороднаго Его Сына и споспѣшеніемъ Святаго и Животворящаго Духа, всемогущія Троицы волею и хотѣніемъ отъ вашихъ прародителей великихъ князей всея Руси старина ваша». Титулъ московскаго князя и потомъ царя начинается словами: «Божіею милостію»...

Разумѣется, такой взглядъ на царя и источникъ его власти сложился въ народѣ тогдашней Руси, знавшемъ нѣкогда времена, когда князя сажало на столъ и указывало ему «путь чистъ» вѣче, не подъ вліяніемъ только проповѣди духовенства: онъ слагался подъ вліяніемъ многихъ и разнообразныхъ причинъ,—причинъ, сломившихъ старый княжеско-вѣчевой строй,—причинъ, среди которыхъ господство татаръ играло чуть ли не первенствующую роль. Но здѣсь не мѣсто на нихъ останавливаться.

Источникомъ власти обусловливается ея *характеръ, ея существо:* царь земной не могъ не носить на себѣ отраженія свойствъ Царя Небеснаго, будучи его представителемъ на землѣ. Власть царя въ XVII ст. не могла быть иною, какъ властью, ничѣмъ и никѣмъ не ограниченнаго самодержца. Она такою и была. «Россійское *самодержавство*,—говорилъ еще Грозный, отвѣчая Курбскому,—изначала *сами владѣютъ* всѣми царствы», а «не какъ повелятъ имъ работные (подданные) ихъ». Московскому самодержцу повинуются его «работные» какъ Богу, въ волѣ котораго—карать и миловать. Онъ потому

«пишетца самодержцемъ», говоритъ Котошихинъ, что «государство правитъ *по своей воли*... Въ его воли что хочетъ, то учинити можетъ». По единогласному свидѣтельству иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ, царь могъ «свободно, *по своему произволу*, распоряжаться жизнью и имуществомъ всѣхъ»,—въ его рукахъ всецѣло находились жизнь и смерть каждаго изъ подданныхъ.

Надъ «массой», по выраженію Кавелина, въ московскомъ государствѣ стоитъ единодержавный глава, царь—«само государство». А эта «масса»—его «работные» люди, его «холопы, сироты и богомольцы».

Такова власть царя въ XVII ст., такова же и власть императора въ XVIII. Первый завѣщалъ ее послѣднему во всей ея неприкосновенности. Но этой сущности власти XVII вѣкъ не опредѣлилъ юридически, да въ этомъ и не было ни малѣйшей потребности. Въ XVIII ст. мы уже встрѣчаемся съ отдѣльными попытками дать такое опредѣленіе и эти попытки подготовили опредѣленіе, данное первою статьей Свода Законовъ.

И въ XVIII ст. источникомъ власти императора является Богъ, по всеобщему убѣжденію, поддерживаемому и развиваемому представителями церкви. По мнѣнію Петра I, онъ «силу и власть имѣетъ *яко христіанскій* государь», которому «*повиноваться самъ Богъ* за совѣсть *повелѣваетъ*». Анна Ивановна, въ своемъ манифестѣ отъ 17 декабря 1731 года о присягѣ избранному ею наслѣднику престола, объявляетъ: «по должности, *отъ Всемогущаго Бога на насъ положенной*, попеченіе и стараніе имѣемъ объ установленіи истиннаго правосудія... и генерально обо всемъ томъ, что къ пользѣ и благополучному, спокойному жительству всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ служитъ... но,—продолжаетъ императрица,—мы по особливой нашей должности къ Богу, *отъ Котораго самодержавное правительство государства нашего намъ поручено*... быть разсуждаемъ, дабы... благополучное состояніе государства нашего... и на предбудущіе вѣки... сохранено осталось» и т. д.

Одинъ изъ птенцовъ Петра, знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ своей «Правдѣ воли монаршей» учитъ, что «всякій государь, наслѣдіемъ ли или избраніемъ скипетръ получившій, *отъ Бога оное пріемлетъ:* Богомъ бо царіе царствуютъ... отъ Господа дается имъ держава... *владѣетъ Вышній царствомъ человѣчимъ и ему же восхощетъ даетъ его*».

Отсюда будетъ слѣдующій логическій выводъ, что получившій власть отъ Бога Богу только и отвѣчаетъ, властью Бога только и ограничивается,—что его подданные должны чтить и бояться его какъ земнаго Бога. Страхъ и любовь—по скольку они не уничтожаютъ другъ друга—вотъ начала, на которыхъ покоится отношеніе верховной власти къ подданнымъ и наоборотъ. «Духъ Святый,—говоритъ Ѳеофанъ,—научая подданныхъ совершеннаго царемъ своимъ повиновенія, показуетъ, что власть *царя весьма въ повелѣніяхъ и дѣяніяхъ* своихъ *свободна* есть и *ни чіему истязанію о дѣлахъ своихъ не подлежитъ*», или въ другомъ мѣстѣ: «никто же не имѣетъ власти истязати царя о дѣлѣхъ его и вопрошати его, что твориши».

Другая знаменитость петровскаго времени, крестьянинъ Посошковъ, оставилъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ не мало самыхъ несомнѣнныхъ доказательствъ того, что человѣкъ его времени смотрѣлъ на власть царя какъ на происходя-

щую отъ Бога и на самого царя — какъ на Бога. Онъ съ презрѣніемъ отзывается, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ» (гл. IX, изд. Погодина), объ иноземцахъ, «у которыхъ короли такой власти не имѣютъ, яко народъ», и съ величайшею гордостью говоритъ, что «мы (русскіе) своего монарха почитаемъ *яко Бога* и.... волю его всеусердно исполняемъ» (тамъ-же),— что «онъ, нашъ *государь*, *подобенъ Богу*», а потому онъ—«*всесовершенный самодержецъ*» и, какъ таковой, «можетъ сотворити» все, «еже восхощетъ» (тамъ же). Въ качествѣ таковаго «всесовершеннаго самодержца», царь, по мнѣнію автора-крестьянина, можетъ «въ своей державѣ, яко Богъ», все установить и опредѣлить разъ навсегда «неизмѣнно и ни мало ни направо, ни налѣво неподвижно». Въ «уставахъ мужичьихъ», опредѣляющихъ рыночныя цѣны, ревностный чтитель Петра видитъ нѣчто «весьма противное царскаго величества самовластію», въ рукахъ котораго—«и смерть, и животъ» его подданныхъ.

Но величайшій изъ представителей такого «царя-бога» не даромъ потрудился надъ устройствомъ «храмины» своего государства, не даромъ прорубилъ изъ нея окно въ сосѣднюю храмину, не даромъ ѣздилъ онъ самъ въ заморскіе края, не даромъ посылалъ туда «шляхетскихъ» и всякихъ людей, не даромъ старался просвѣтить своихъ подданныхъ, знакомя ихъ съ такими произведеніями западно-европейской учености, какъ, напр., сочиненіе Пуффендорфа «О правленіи гражданскомъ, о его истинномъ началѣ и его власти и ради чего» и т. п. Въ Россіи XVIII ст., еще въ началѣ его, находились люди, которые могли построить обоснованіе неограниченнаго самодержавія не «отъ Священнаго Писанія» только, но и «отъ естественнаго разума» и такихъ «изряднѣйшихъ законоучителей», какъ Гугонъ Гроцій. Притомъ люди эти, въ данномъ случаѣ Ѳеофанъ Прокоповичъ, обращались къ естественному разуму и философіи Гугона Гроція, очевидно, не потому только, что они могли орудовать, опираясь на свое образованіе и свои знанія, но и потому, что «въ народѣ обрѣтаются такъ непокойныя головы и страстію прекословія свербящая сердца, что никаковаго уставленія отъ державной власти произносимаго похвалити не хотятъ». Дабы этимъ «безумнымъ и упрямымъ прекословцамъ уста заградить, простосердечныхъ же, но невѣжливыхъ, отъ вреднаго оныхъ блазнословія сохранить невредимыхъ», ученый епископъ и пишетъ свою «Правду воли монаршей», цѣль которой — именно обосновать неограниченное самодержавіе императора, опираясь на всѣ данныя Священнаго Писанія и *тогдашней науки*. На данныхъ послѣдней, приводимыхъ Ѳеофаномъ, мы нѣсколько остановимся, прежде чѣмъ перейдти къ ознакомленію съ тѣми юридическими нормами, которыми въ XVIII ст. старались опредѣлить сущность верховной власти. Не забудемъ, что «Правда воли монаршей» написана по порученію самого Петра, написана въ видѣ поясненія и дополненія къ извѣстному указу 1722 г. о лишеніи, зараженнаго «авессаломскою злостью», царевича Алексѣя правъ наслѣдства. Эта «Правда» вошла въ Полное Собраніе Законовъ.

Установивъ, какъ мы уже видѣли, понятіе о самодержавной и неограниченной власти монарха, исходя изъ понятія о происхожденіи ея отъ Бога, Прокоповичъ обращается къ доказательству той же, какъ онъ выражается, «вольности и должности царей» изъ «*всенароднаго намѣренія*, которымъ монар-

хія введена и содержима быти разумѣется» [1]). Установивъ, *по Гоббесу*, три формы правленія: народодержавство, аристократію и монархію или самодержавство,—Прокоповичъ останавливается на послѣдней, которая, по его выраженію, «двойственнаго вида есть: въ иной монархіи не наслѣдный скипетръ содержится»—избирательная, «иная же монархія наслѣдная есть». Подъ понятіе о послѣдней онъ подводитъ и «сію преславно нынѣ процвѣтщую монархію россійскую». Наслѣдная монархія, какъ и «всякій образъ правленія, имѣетъ начало *отъ перваго* въ семъ или ономъ *народѣ согласія*», исключая тѣхъ монархій, «которыя начало приняли отъ нѣкоего превозмогающаго въ народѣ человѣка, народъ себѣ покорившаго». Другими словами, Прокоповичъ, вмѣстѣ съ Гоббесомъ, самое государство и всѣ формы государственнаго правленія производитъ *изъ договора*, въ которомъ выражается первоначальная «воля народная», а характеръ этой воли Прокоповичъ опредѣляетъ «отъ самаго вида и образа монархіи: какова бо гдѣ монархія есть, таковую и волю народную, въ началѣ тоя монархіи бывшую, разумѣти подобаетъ». Эту волю народа «въ началѣ монархіи какъ *избирательной,* такъ и *наслѣдственной*»—авторъ образно опредѣляетъ такъ: онъ представляетъ себѣ первое народное собраніе, на которомъ народъ, избравъ себѣ монарха, обращается къ нему со словами: «Согласно вси хощемъ, да ты владѣеши нами къ общей пользѣ нашей, и мы вси *совлекаемся воли нашей* и тебѣ повинуемся, *не оставляюще намъ себѣ самимъ никакой свободности*». При этомъ если имѣется въ виду установить монархію избирательную, то народъ говоритъ, что онъ отказывается отъ своей воли только до смерти монарха, т. е. «доколе живъ пребываеши», послѣ же смерти, говоритъ народъ, обращаясь къ избранному, «будетъ паки при насъ воля наша, кому высочайшую надъ нами власть отдати, по усмотрѣніи достоинства и по нашемъ согласіи». Если же идетъ рѣчь о монархіи наслѣдственной, то къ общему отреченію отъ воли прибавляется: «владѣеши надъ нами вѣчно, то-есть понеже смертенъ еси, то да по тебѣ ты же самъ впредь да оставляеши намъ *наслѣднаго* владѣтеля, мы же, единожды воли нашей совлекшеся, никогда же оной впредь.... употребляти не будемъ, но какъ тебѣ, такъ и наслѣдникамъ твоимъ по тебѣ повиноватися клятвеннымъ обѣщаніемъ одолжаемся *и нашихъ по насъ наслѣдниковъ тымжде долженствомъ обязуемъ*». Разъ признано, что такой договоръ состоялся, что народъ-избиратель, если можно такъ выразиться, отказался навсегда не только за себя, но и за свое потомство отъ всякой «воли»,—результаты такого договора понятны сами собой: избранникъ и его преемники получаютъ высшую, *абсолютную*, власть относительно всѣхъ и каждаго, отнынѣ отказавшихся отъ всякаго проявленія своей «воли» въ дѣлахъ общественныхъ и обязавшихся только повиноваться. Между подданнымъ и рабомъ, по ученію Гоббеса, въ такомъ случаѣ есть та разница, что первый подчиненъ государству, а второй—частному лицу. Только Прокоповичъ такъ опредѣляетъ «долженства», какъ онъ выражается, «народа подданнаго» и въ наслѣдственной монархіи своей: прежде всего этотъ народъ долженъ «безъ прекословія и *роптанія* вся отъ самодержца повелѣваемая творити»; дальше, въ результатѣ

[1]) Мы пользуемся изданіемъ „Правды воли монаршей" 1726 года.

такого повиновенія, онъ «не можетъ судити дѣла государя своего», такъ какъ въ противномъ случаѣ «имѣлъ бы еще при себѣ волю общаго правленія, которую весьма отложилъ»; тѣмъ менѣе, наконецъ, можно признать за такимъ народомъ, отдавшимъ «волю свою» избранному, право «повелѣвати монарху своему». Ни одного изъ этихъ правъ за такимъ народомъ нельзя признать даже и въ такомъ случаѣ, когда избранный монархъ «не таковъ, какова его надѣялся (народъ) покажется» или «перемѣнится въ злаго»; нельзя признать этого по той простой, по мнѣнію Прокоповича, причинѣ, что народъ «воли своей и власти лишился». Итакъ, монархъ въ такой наслѣдной монархіи — вполнѣ неограниченный властелинъ, никакими законами не связанный, — властелинъ, воля котораго—законъ. Россія, мы видѣли, отнесена Прокоповичемъ къ категоріи такихъ монархій. Авторъ «Правды воли монаршей» считаетъ свои доводы и доказательства на столько сильными и доказательными, что противъ нихъ, по его мнѣнію, никакой противникъ такой власти монарха «и устами зѣнути отнюдь не можетъ».

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ изданія «Правды воли монаршей» явился человѣкъ, который нашелъ возможность если не «зѣнути» что-либо противъ доводовъ ученаго епископа, то въ значительной степени дополнить ихъ, и дополнить соображеніями совсѣмъ *инаго порядка*. Это былъ извѣстный Татищевъ, авторъ «Исторіи Россіи», человѣкъ едва ли менѣе ученый и образованный, чѣмъ Ѳеофанъ. Исходя изъ основной мысли, что всѣ формы правленія «не каждое всюду годны или полезны, *смотря по мѣсту, пространству и состоянію людей* въ государствѣ», Татищевъ говоритъ, что *«въ великихъ и пространныхъ государствахъ*, окруженныхъ многими сосѣдями, особенно гдѣ народъ не довольно ученіемъ просвѣщенъ и за страхъ, и изъ благонравія или познанія пользы и вреда законъ хранитъ, тамъ *необходимо само-или-единодержавіе»*. Въ Россіи—какъ по этимъ соображеніямъ, такъ и въ силу «всѣхъ *историческихъ преданій»* — возможна только монархія именно «само-и-единодержавная».

Нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, эти же самые доводы въ пользу неограниченной монархіи повторены были царственною поклонницей Вольтера, Екатериной II, въ ея знаменитомъ «Наказѣ». Но императрица не ограничилась одними этими доводами, а присоединила къ нимъ и другіе: «Всякое другое правленіе не только было бы въ Россіи вредно, но въ конецъ разорительно», такъ какъ «лучше повиноваться законамъ *подъ однимъ господиномъ*, нежели угождать многимъ». Эта мысль уже указываетъ, что императрица высказывается за неограниченную монархію вообще, безотносительно къ какимъ-либо условіямъ, существующимъ спеціально въ ея отечествѣ. По ея мнѣнію, «намѣреніе и конецъ самодержавныхъ правленій есть слава гражданъ, государства и государя», а уже «отъ сія славы происходитъ въ народѣ, единоначаліемъ управляемомъ, *разумъ вольности»*.

XVIII вѣкъ, какъ уже замѣчено, не остановился на одномъ обоснованіи неограниченной власти императора *теоретически*, а пошелъ дальше: онъ далъ нѣсколько опредѣленій такого характера этой власти въ самомъ *законѣ*. Правда, эти опредѣленія не носятъ характера законовъ, изданныхъ, такъ сказать, ad

һос, со спеціальною цѣлью точно опредѣлить характеръ власти, — они проскальзываютъ въ видѣ отдѣльныхъ положеній, постановленій, высказанныхъ *между прочимъ*, по поводу спеціальныхъ вопросовъ; но, тѣмъ не менѣе, въ нихъ слѣдуетъ видѣть первое точное опредѣленіе существа верховной власти въ Россіи XVIII столѣтія. Къ такимъ опредѣленіямъ приходится отнести прежде всего сдѣланныя въ извѣстномъ «Артикулѣ Воинскомъ» Петра I, входящемъ въ составъ Воинскаго Устава, изданнаго въ 1716 году. Въ 18 статьѣ этого Артикула постановляется, «чтобы всѣ воинскаго чина люди» всѣ свои силы полагали въ службѣ императору, «яко *самовластному* монарху». Въ толковании къ 20-й статьѣ того же «Артикула» прямо говорится, что «его величество есть *самовластный* монархъ», причемъ опредѣляется и самое понятіе самовластія, которое полагается въ томъ, что монархъ «никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли... по своей волѣ и благомнѣнію управлять». Четыре года спустя, Петръ это же опредѣленіе повторяетъ буквально въ «Уставѣ *Морскомъ*», а въ «Регламентѣ духовной коллегіи» (синоду) мы встрѣчаемся еще разъ съ опредѣленіемъ верховной власти, совсѣмъ уже «мимоходомъ высказаннымъ: монарховъ власть есть самодержавная», говорится въ началѣ Регламента. Въ екатерининскомъ Наказѣ, вошедшемъ, какъ извѣстно, въ Полное Собраніе Законовъ, мы еще разъ встрѣчаемся (гл. 2, ст. 9) съ категорическимъ постановленіемъ, что «государь есть *самодержавный*». Въ концѣ XVIII столѣтія, послѣ попытокъ ограничить верховную власть, о чемъ рѣчь впереди, въ «Учрежденіи объ императорской фамиліи», изданномъ, въ 1797 году 5 апрѣля, императоромъ Павломъ, употребляется уже выраженіе «неограниченный»: императоръ трактуется параграфомъ 71-мъ этого учрежденія «яко *неограниченный самодержецъ*». Это послѣднее опредѣленіе существа верховной власти императора уже и вошло въ Сводъ Законовъ.

Итакъ, въ концѣ XVIII столѣтія вылилось, наконецъ, въ форму закона то, что создавалось цѣлые вѣка, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, самою жизнью. Но та же самая жизнь породила и такія условія, которыя необходимо шли въ разрѣзъ съ преобладающимъ направленіемъ относительно взгляда на представителей верховной власти и наталкивали извѣстныхъ людей на мысль о необходимости измѣнить характеръ власти императора. Еще въ XVII столѣтіи мы встрѣчаемся, въ исторіи московскаго государства, съ фактами, идущими въ разрѣзъ съ общимъ строемъ его, противорѣчащими понятію о власти великаго государя и царя—какъ власти, исходящей отъ Бога и никѣмъ, кромѣ Его, не связанной. Мы имѣемъ въ виду тотъ общеизвѣстный фактъ, что Василій Шуйскій, вступая на престолъ, «цѣловалъ крестъ всѣмъ православнымъ христіаномъ» на томъ, что ему, «великому государю, всякаго человѣка, *не осудя* истиннымъ судомъ *съ боярами своими*, смерти не предать, вотчинъ, дворовъ и животовъ у братьи его, у жены и дѣтей не отнимать, если они съ нимъ въ мысли не были...», что «ихъ (христіанъ) жалуя (ему великому государю) судить истиннымъ и праведнымъ судомъ и безъ вины ни на кого опалы своей не класть...». Мы имѣемъ въ виду здѣсь также и то, что королевичу Владиславу, выбранному, какъ извѣстно, въ періодъ междуцарствія на москов-

скій престолъ, предложены были московскими боярами, между прочимъ, слѣдующія, ограничивавшія его власть, условія: «быти всему по-прежнему… и прежнихъ обычаевъ и чиновъ, которые были на московскомъ государствѣ, не перемѣняти… *совѣтоваться съ боярами и съ думными людьми*» по важнымъ вопросамъ управленія, «*а будетъ похотятъ въ чемъ пополнити для укрѣпленія судовъ—и государю на то поволити съ думою* боярскою и *всей земли…* А *доходы государскіе…* собирати по-прежнему, *а сверхъ прежнихъ обычаевъ, не поговоря съ бояры, ни* въ чемъ *не прибавливати…* А не сыскавъ вины и *не осудивши судомъ…* никого не казнити, и *чести ни у кого не отымати, и въ заточеніе не засылати*»… Шуйскій слишкомъ не долго просидѣлъ на престолѣ. Королевичъ Владиславъ и вовсе на немъ не сидѣлъ. Мы видѣли, XVII столѣтіе передало XVIII-му верховную власть въ ея полной неприкосновенности, но въ первой половинѣ XVIII столѣтія мы снова встрѣчаемся съ попытками посягнуть на эту неприкосновенность. Говоря о верховной власти въ XVIII вѣкѣ, нельзя пройти молчаніемъ этихъ попытокъ. Онѣ имѣли мѣсто при воцареніи Екатерины I и императрицы Анны Ивановны.

Въ ночь на 28 января 1725 года, наканунѣ смерти царя-преобразователя, въ одной изъ комнатъ того дворца, гдѣ лежалъ умиравшій императоръ, «родословные» и «новые русскіе люди» вели горячій споръ — кому быть по смерти Петра на престолѣ. Выбирать предстояло между малолѣтнимъ внукомъ умиравшаго, Петромъ, и его женой. Интересы Екатерины представляли Меньшиковъ и Толстой. Къ четыремъ часамъ утра *была выбрана (?)* Екатерина, а въ шесть скончался императоръ. Во время дебатовъ предлагалось возвести на престолъ Петра Алексѣевича, а за малолѣтствомъ «поручить правленіе императрицѣ Екатеринѣ *вмѣстѣ съ сенатомъ*» (Соловьевъ, «Ист. Россіи», XVIII, стр. 267); но въ концѣ концовъ всѣ присоединились къ мнѣнію Толстаго, что «надобно возвести на престолъ императрицу Екатерину *безъ всякаго ограниченія*,— пусть властвуетъ, какъ властвовалъ супругъ ея» (тамъ же, 268). Несомнѣнно, стало-быть, что стремленіе ограничить власть новой императрицы было. Эта мысль зародилась въ головахъ сильныхъ міра того времени какъ благодаря ихъ личному положенію, такъ, вѣроятно, и личнымъ качествамъ императрицы, а также и благодаря тому, что императрица обязана была своимъ вступленіемъ на престолъ этимъ людямъ. Императрица вступила на престолъ — не ограниченная въ своей власти никакимъ закономъ. Но, въ дѣйствительности, она едва ли пользовалась властью самодержавной и неограниченной: годъ спустя былъ учрежденъ верховный тайный совѣтъ, который хотя и имѣлъ, по словамъ его членовъ, своею цѣлью «только служить къ облегченію ея величества въ тяжкомъ бремени правленія», на самомъ же дѣлѣ почти совсѣмъ устранялъ ее отъ этого «бремени»: «никакимъ указамъ, — говорятъ верховники въ своемъ «мнѣніи о новомъ учрежденномъ тайномъ совѣтѣ», — прежде не выходить, *пока они* въ тайномъ совѣтѣ совершенно не состоялись»; никакой указъ, не подписанный или императрицею, *или членами совѣта*, не долженъ былъ исполняться. Не даромъ представители иностранныхъ дворовъ въ Россіи смотрѣли на учрежденіе совѣта какъ на первый шагъ къ «быстрой перемѣнѣ», къ тому, чтобы «пересилить верховную власть» и ввести форму правленія «*подобную англійской*» (!).

Не даромъ члены тайнаго совѣта присягали лишь исполнять свои обязанности «по регламентамъ и инструкціямъ верховнаго тайнаго совѣта», при чемъ въ формулѣ присяги императрица не называется самодержицей, какъ не называется она этимъ титуломъ и въ указахъ, исходящихъ изъ верховнаго совѣта [1]). По завѣщанію Екатерины, передававшему престолъ по ея смерти Петру Алексѣевичу, верховный совѣтъ получаетъ, въ качествѣ регента, «*полную власть правительствующаго самодержавнаго государя*», каковою онъ и пользовался все кратковременное царствованіе императора-ребенка. Это послѣднее обстоятельство, помимо многихъ другихъ, играло не послѣднюю роль въ дѣлѣ ограниченія власти императрицы Анны Ивановны.

Въ ночь съ 18 на 19 января 1730 года скончался четырнадцатилѣтній императоръ Петръ II. Планъ Алексѣя Долгорукаго, отца невѣсты покойнаго императора, возвести на престолъ свою дочь, Екатерину Долгорукую, не удался, несмотря на «нѣкое письмо, якобы Петра II завѣтъ», какъ выражается Прокоповичъ. Этотъ «завѣтъ» былъ подложенъ. Въ самую ночь смерти Петра члены верховнаго совѣта, нѣкоторые изъ сенаторовъ и генералитета рѣшили призвать на всероссійскій престолъ герцогиню курляндскую Анну Ивановну, племянницу Петра В., дочь нѣкогда соцарствовавшаго ему брата его, Ивана Алексѣевича. Приглашеніе состоялось по иниціативѣ князя Дмитрія Михайловича Голицына, который вмѣстѣ съ тѣмъ «придумалъ», выражаясь языкомъ нашего покойнаго историка Соловьева, «лѣкарство отъ болѣзней власти—ея ограниченіе». Въ своей рѣчи, въ которой доказывалась необходимость призвать на престолъ Анну Курляндскую, Д. М. Голицынъ указалъ на это «лѣкарство» въ такой характерной формѣ: «воля ваша,—заключилъ онъ свою рѣчь, обращаясь къ окружавшимъ,—только *надобно себѣ полегчить*». Подъ этимъ «себѣ полегчить» онъ разумѣлъ не что иное, какъ «чтобы *себѣ воли прибавить*». А достигнуть этой цѣли онъ предполагалъ такимъ путемъ: «написавъ, послать къ ея величеству *пункты*», т. е. опредѣленныя условія, которыя она должна бы была соблюдать по вступленіи на престолъ. Тою же ночью былъ набросанъ проэктъ этихъ пунктовъ, въ количествѣ семи. Ограничивающимъ учрежденіемъ поставленъ былъ, по проэкту, верховный тайный совѣтъ, безъ согласія котораго императрица «наикрѣпчайше обѣщается»:

«1) ни съ кѣмъ войны не вчинать;

«2) мира не заключать;

«3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ новыми податьми не отягощать;

«4) въ знатные чины, какъ въ стацкіе, такъ и въ военные, выше полковничья ранга — не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять;

«5) у шляхетства (дворянства) живота, *чести* и имѣнія *безъ суда не отнимать;*

«6) вотчины и деревни не жаловати;

«7) *государственные доходы въ расходы не употреблять* и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать».

Верховники ограничились этими пунктами, несомнѣнно, лишь въ виду

[1]) *Корсаковъ:* „Воцареніе Анны Ивановны". 1880 г. Этимъ интереснымъ сочиненіемъ мы пользуемся, говоря и объ ограниченіи власти Анны Ивановны.

спѣшности дѣла. Выработка новыхъ правительственныхъ формъ, учрежденій, которыя должны были вѣдать вмѣстѣ съ императрицей государственное управленіе на началахъ положенныхъ въ приведенныхъ здѣсь пунктахъ, — отложена была до перваго удобнаго момента, хотя несомнѣнно, что въ головѣ Д. М. Голицына, автора пунктовъ, вмѣстѣ съ этими послѣдними, сложился и весь «политическій планъ», какъ выражается пр. Корсаковъ, будущаго управленія. Это видно изъ того, что черезъ четыре дня послѣ смерти императора, 23 января, уже появились слухи о существованіи такого плана. Планъ этотъ, намъ кажется, слишкомъ интересенъ уже самъ по себѣ независимо отъ его связи съ «пунктами», какъ произведенія автора этихъ послѣднихъ и какъ дальнѣйшаго, пожалуй, развитія ихъ [1]).

По этому плану въ безконтрольномъ завѣдываніи императрицы состоялъ лишь дворъ, на содержаніе котораго проэктировалось отпускать ежегодно пятьсотъ тысячъ рублей, и въ ея же распоряженіе отдавался отрядъ гвардіи, имѣвшій охранять дворецъ. Все высшее управленіе переходитъ въ руки верховнаго тайнаго совѣта. Maximum числа членовъ этого совѣта опредѣлялся въ двѣнадцать человѣкъ, въ составъ котораго входятъ лишь лица изъ знатнѣйшихъ русскихъ семействъ [2]) и императрица *съ двумя голосами*. При верховномъ совѣтѣ имѣло состоять еще три собранія: 1) Сенатъ изъ тридцати шести членовъ. Его роль — роль подчиненнаго совѣту учрежденія — разсматривать, подготовлять дѣла, поступающія въ верховный совѣтъ. 2) Камера низшаго шляхетства (Маньянъ называетъ ее просто une chambre de noblesse)—изъ *двухъ сотъ* представителей. Цѣль этой палаты—охраненіе правъ представляемаго ею сословія въ случаѣ посягательства на нихъ верховнаго совѣта. Наконецъ, 3) палата представителей отъ городовъ, по два отъ каждаго, по Маньяну, который говоритъ объ этой палатѣ, что она est composé de deux députés de chaque ville. Назначеніе этой послѣдней палаты — завѣдываніе торговлей и охраненіе интересовъ «простаго народа». Какъ должны были составляться эти три палаты, мы не знаемъ. Въ видѣ какъ бы дополненія къ этому плану, Голицынъ проэктировалъ, судя по указаніямъ тѣхъ же авторитетовъ, рядъ реформъ, касавшихся такихъ капитальныхъ вопросовъ, какъ, напр., вопросы о государственномъ бюджетѣ, о положеніи духовенства, шляхетства, купечества и крестьянства, о состояніи войска и др.

Повторяемъ, по неимѣнію времени этотъ планъ не былъ внесенъ въ верховный совѣтъ на обсужденіе его авторомъ. Совѣтъ спѣшилъ представить будущей императрицѣ «пункты» возможно скорѣе и получить отъ нея обѣщаніе исполнять ихъ.

Съ очень незначительными измѣненіями, притомъ касавшимися лишь внѣшней стороны ихъ редакціи, «пункты» эти, названные «кондиціями», были представлены въ Митавѣ Аннѣ Ивановнѣ депутатами отъ верховнаго тайнаго совѣта,

---

[1]) Мы излагаемъ этотъ планъ по сочиненію г. Корсакова, который знакомитъ съ нимъ читателя по свидѣтельству пословъ того времени: французскаго — Маньяна и англійскаго — Рондо.

[2]) Исключая Остермана, который вводится въ совѣтъ за особыя заслуги его.

сената и генералитета [1]) и подписаны ею 25 января, а перваго февраля уже были привезены въ Москву, украшенные слѣдующею собственноручною подписью императрицы: «*по сему обещаю все без всякаго изъятия содержать. Анна*» [2]). Вмѣстѣ съ «кондиціями» въ Москвѣ получено было на имя верховнаго тайн. совѣта и письмо императрицы, въ которомъ, «изъявляя согласіе принять державу и.... правительствовать.... такъ, чтобы всѣ подданные.... могли быть довольны», Анна Ивановна пишетъ: «понеже къ тому моему намѣренію (т. е. такъ править, чтобы всѣ подданные были довольны) потребны *благіе совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того для*, предъ вступленіемъ моимъ на россійскій престолъ, по здравомъ разсужденіи, *изобрѣли мы за потребно* для пользы Россійскаго государства и *къ удовольствованію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ*, дабы всякъ могъ ясно видѣть горячесть и правое наше намѣреніе, которое мы имѣемъ ко отечествію нашему и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, *а для того*, елико время насъ допустило, *написавъ, какими способы мы то правленіе вести хощемъ*, и подписавъ нашею рукою (рѣчь идетъ о «кондиціяхъ»), послали въ тайный верховный совѣтъ» [3]).

Судьба этихъ «кондицій» извѣстна: ровно черезъ мѣсяцъ послѣ подписанія ихъ, двадцать пятаго февраля, въ четвертомъ часу дня, какъ свидѣтельствуется черновымъ журналомъ верховнаго тайнаго совѣта, «кондиціи» или пункты.... «ея величеству отъ господъ министровъ (то-есть членовъ верховнаго тайнаго совѣта) поднесены. И тѣ *пункты ея величество* при всемъ народѣ *изволили принявъ изодрать*». Вмѣстѣ съ ними разодрано было только-что цитированное нами письмо императрицы [4]). Въ тотъ же день вечеромъ «всѣ иностранные министры были извѣщены... что Анна Ивановна приняла самодержавіе» (Корсаковъ). На слѣдующій день составлена новая присяга и «ея величество тое присягу опробовать соизволила и господа министры (члены верх. тайн. совѣта), тое присягу подписавъ, вручили ея величеству». А перваго марта по всей Москвѣ приглашены всѣ «паки къ присягѣ въ соборы и церкви» [5]). «Для нужной безопасности противу злонамѣренныхъ предпріятій, — говоритъ Манштейнъ въ своихъ «Запискахъ», — поставлены были по всѣмъ улицамъ караулы» [6]). Повелѣно было праздновать это освобожденіе отъ «кондицій» трехдневною иллюминаціей, которая въ первый день, 25 февраля, по свидѣтельству того же Манштейна, сопровождалась такимъ яркимъ сѣвернымъ сіяніемъ, что «сіе воздушное явленіе въ народѣ столь сильное произвело впечатлѣніе, что всякъ пораженъ былъ великимъ страхомъ». Торжество значительно омрачилось. Народъ долго помнилъ этотъ день. «Впослѣдствіи, — говоритъ Манштейнъ, — россіяне почитали сіе предзнаменованіе весьма справедливымъ по причинѣ пролитія Бирономъ въ государствѣ крови текучими ручьями». Черезъ

---

[1]) Этими депутатами были: кн. Вас. Лук. Долгорукій, кн. Мих. Мих. Голицынъ и ген. Леонтьевъ.

[2]) Мы сохраняемъ орѳографію подлинника.

[3]) *Корсаковъ*: „Воцареніе Анны Ивановны", стр. 118.

[4]) *Тамъ-же*, стр. 277. Эти разодранные рукою императрицы „пункты" и письмо сохранились въ государ. архивѣ.

[5]) *Соловьевъ*: „Ист. Россіи", т. XIX, стр. 268.

[6]) Русскій переводъ „Записокъ", изд. 1823 г., ч. I, стр. 53.

посредство этого только «воздушнаго явленія» народъ связывалъ торжество разодранія «кондицій» съ злыми временами бироновщины.

Эпизодъ въ исторіи XVIII ст. во всякомъ случаѣ любопытный. Его значеніе, несомнѣнно, зависитъ отъ того, какъ взглянуть на него: видѣть ли въ немъ только «попытку верховниковъ», какъ выражаются наши «учебники русской исторіи», ихъ «коварство», «затѣйку», выражаясь языкомъ Ѳеофана Прокоповича,—или нѣчто большее. Въ первомъ случаѣ, пожалуй, можно было бы согласиться съ замѣчаніемъ того же Прокоповича, что это событіе лишь «подало въ народъ довольную смѣха матерію». Во второмъ же случаѣ дѣло получаетъ совсѣмъ иной оборотъ: изъ «довольной смѣха матеріи» обращается въ матерію достойную глубокаго изученія. Иностранцы-современники именно такъ и смотрѣли на дѣло. Нѣкто французъ Bussy, разсказавъ объ отказѣ Анны Ивановны отъ ея обѣщаній и разодраніи «кондицій», прибавляетъ, что вмѣстѣ съ этимъ рушились широкіе планы тѣхъ «qu'un enthousiasme de république avait saisis». Другой иностранецъ, жившій въ то время въ Россіи въ качествѣ испанскаго посла, герцогъ де-Лиріа, въ своихъ запискахъ называетъ этотъ эпизодъ нашей исторіи «великимъ событіемъ». Манштейнъ въ попыткѣ къ ограниченію власти Анны Ивановны видитъ стремленіе «къ утвержденію республиканской системы правленія», хотя и смотритъ, вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, на дѣло какъ исключительно на затѣи верховниковъ, — затѣи, противъ которыхъ былъ весь народъ, все шляхетство, войско, духовенство,—словомъ, все, кромѣ *восьми* человѣкъ, членовъ верх. тайнаго совѣта. Но, странно, противъ этихъ *восьми* человѣкъ, по разсказу того же Манштейна, принимаются по-истинѣ удивительныя мѣры, — можно сказать, ведется противъ нихъ цѣлый заговоръ, во главѣ котораго стоитъ императрица. Заявивъ о томъ, что императрица «притворялась, будто съ удовольствіемъ подвергаетъ себя всѣмъ условіямъ», Манштейнъ продолжаетъ: «но тайное ея поведеніе совсѣмъ различествовало отъ того, которое она наружно показывала.... Она всячески старалась прибирать себѣ согласниковъ, а особливо *великими щедротами привлекать гвардію*.... Не оставила и того, чтобы посѣять несогласіе и вражду между членами верховнаго совѣта. Военнымъ *внушаемо было*, что Долгоруковы и ихъ родственники одни не менѣе пользуются могуществомъ, какъ и сама императрица, — что они съ тѣмъ только намѣреніемъ и ограничили власть ея, чтобы самимъ утвердиться въ силѣ.... Не упущено было, — продолжаетъ Манштейнъ, — наипаче *вперять неудовольствіе* въ мелкое дворянство, внушая оному, что никто изъ нихъ не можетъ ласкаться когда-либо достигнуть и самыхъ малозначущихъ чиновъ и мѣстъ, пока верх. совѣтъ будетъ имѣть власть въ своихъ рукахъ, что весь народъ будетъ рабами верховнаго совѣта». И все это лишь ради разрушенія «затѣекъ» восьми человѣкъ! Тутъ что-то не такъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ послѣдовательнѣе: онъ обо всемъ этомъ умалчиваетъ, просто заявляя, что «нахальная оныхъ господъ (верховниковъ) бодрость всѣмъ была съ досадой» и что «бѣдное самой государыни состояніе.... на гнѣвъ и ярость позывало»; что, наконецъ, «сшедшись во едино собраніе, многіе изъ шляхетства написали къ государынѣ челобитную», въ которой просили «договорное курляндское письмо (т.-е. «кондиціи», подписанныя императрицей въ Митавѣ) отвергнуть и уни-

чтожить яко нѣкій незаконный извергъ и уродъ, на гибель отечеству, отъ немногихъ затѣйщиковъ изданный» [1]). Недоумѣніе, пожалуй, еще увеличивается разсказомъ герцога де-Лиріа о *трехъ* «мнѣніяхъ», поданныхъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ еще до пріѣзда въ Москву Анны Ивановны. Онъ сообщаетъ [2]), что одно мнѣніе было подано кн. Черкасскимъ за подписью 390 человѣкъ — «для того только, чтобы, пока оно будетъ разсматриваться, выиграть время и приготовить все то, что онъ замыслилъ въ *пользу царицы*». Второе мнѣніе, генерала Матюшкина, за подписью двадцати пяти лицъ, состояло уже, по словамъ де-Лиріа, «въ томъ, чтобы всю власть вручить верховному совѣту». Итакъ, оказывается у верховниковъ двадцать шесть человѣкъ союзниковъ съ генераломъ во главѣ. Третье мнѣніе, составленное, по слухамъ, кн. Куракинымъ, было подписано пятнадцатью человѣками; о его содержаніи герцогъ де-Лиріа не говоритъ ни слова. Это свидѣтельство де-Лиріа, по крайней мѣрѣ относительно «мнѣнія» кн. Черкасскаго, разъясняется появившимися, въ 1859 году, въ Погодинскомъ «Утрѣ» двумя «Записками» извѣстнаго Татищева, разъ уже въ нашей статьѣ упомянутаго. Въ одной изъ этихъ «Записокъ» оказывается, что такъ называемое «мнѣніе» князя Черкасскаго составлено Татищевымъ и, по его свидѣтельству, «по два раза *въ немалыхъ собраніяхъ шляхетства*» (дворянства) читано въ домѣ Новосильцева. Содержаніе этого мнѣнія, — на немъ мы остановимся нѣсколько дольше, — не даромъ изложено было такимъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени и не даромъ нѣсколько разъ обсуждалось въ многочисленныхъ собраніяхъ тогдашняго дворянства: возставая противъ верховниковъ, этотъ проэктъ писался вовсе не для того только, чтобъ оттянуть время, и не для того, чтобы возвратить Аннѣ Ивановнѣ неограниченное самодержавіе, отъ котораго она добровольно отказалась, какъ мы видѣли. Вопросъ все усложнялся. Дѣло, очевидно, не было такъ просто, какъ разсказываютъ Ѳеофанъ Прокоповичъ или Манштейнъ.

Въ 1869 году появился XIX-й томъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» нашего историка Соловьева. Это былъ первый томъ «Исторіи Россіи въ царствованіе императора Петра II и императрицы Анны Ивановны». Въ немъ интересующее насъ событіе разсказано на основаніи не только всѣхъ тѣхъ матеріаловъ, которые изданы были у насъ или за-границей до 1869 года, но и тѣхъ, которые покоятся въ нашемъ государственномъ архивѣ главнымъ образомъ въ видѣ протоколовъ верховнаго тайнаго совѣта. По разсказу нашего историка, замыслы верховнаго тайнаго совѣта вызвали «сильное волненіе и неудовольствіе *въ высшихъ слояхъ общества*»; но «неудовольствіе»... это главнымъ образомъ выражалось въ томъ, что «вмѣсто одного государя будетъ восемь». Далеко не всѣ недовольные желаютъ оставить «прежнюю форму правленія», — *многіе* готовы и «перемѣнить», но думаютъ, что этого «нельзя скрывать», и «сердятся на верховниковъ только за то, зачѣмъ они взяли все себѣ,

---

[1]) Мы пользуемся сказаніемъ Ѳ. Прокоповича о „кончинѣ Петра II и о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны“, изданнымъ Языковымъ въ 1845 г., въ видѣ приложенія къ „Запискамъ дюка Лирійскаго“.

[2]) Мы цитируемъ переводъ „Записокъ“ съ французскаго яз., изданный Языковымъ въ 1845 году.

съ другими не подѣлились». Эти неудовольствія повели къ частымъ сборищамъ недовольныхъ, въ результатѣ каковыхъ сборищъ, очевидно, и получились тѣ мнѣнія, которыя «начали подаваться въ верховный тайный совѣтъ» и которыя «*всѣ требовали увеличенія числа членовъ верховнаго тайнаго совѣта вообще* и уменьшенія числа членовъ его изъ одной фамиліи», то-есть дѣло ограничивалось, какъ выражается историкъ, лишь тѣмъ, что «*всѣ посягали на настоящій составъ совѣта*». Объ остальныхъ пунктахъ кондицій, въ которыхъ, смѣемъ думать, вся суть дѣла, «мнѣнія» стало-быть ничего не говорили. Историкъ знакомитъ насъ вкратцѣ съ содержаніемъ *трехъ* мнѣній. Когда пріѣхала императрица и совершены были похороны умершаго императора, началась борьба между авторами «кондицій» и сторонниками «мнѣній». Подписавшіе «мнѣнія» собирались въ разныхъ домахъ, по словамъ Соловьева, «для совѣщаній о рѣшительныхъ мѣрахъ, для подписанія просьбы императрицѣ *о пересмотрѣ подписанныхъ ею въ Митавѣ пунктовъ*». И дѣйствительно, въ поданной императрицѣ, отъ имени человѣкъ 800 и съ одобренія, по увѣренію челобитчиковъ, *всего шляхетства*, челобитной ее прежде всего челобитчики «за себя и за потомковъ своихъ» благословляли за то, что она «по своей неизреченной милости *изволила* подписать условія», и только уже потомъ говорили о необходимости того, «*чтобы по большинству голосовъ установлена была правильная и хорошая форма правленія*». Жалуясь на то, что верх. тайный совѣтъ отказалъ имъ въ разсмотрѣніи ихъ мнѣній, челобитчики просили императрицу «приказать *разсмотрѣть* различные *проэкты*, предложенные имп, *призвавши одну или двухъ персонъ изъ каждой фамиліи для установленія такой правительственной формы, которая бы угодна была всему народу*». Слѣдовательно, суть челобитной—въ замѣнѣ верховнаго совѣта, какъ учрежденія, ограничивающаго власть императрицы, такимъ, которое *было бы* «угодно всему народу»; на кондиціи же челобитчики не только не жалуются, но даже благодарятъ. Послѣ чтенія этой челобитной раздались голоса *гвардейскихъ офицеровъ* и другихъ (?) изъ шляхетства: «Не хотимъ, чтобы государынѣ предписывались законы! Она должна быть такою же самодержицею, какъ были всѣ прежніе государи». Подъ вліяніемъ этого обстоятельства, говоритъ историкъ, челобитчики перемѣнили свое мнѣніе и «положили просить императрицу о принятіи самодержавія». Пока шелъ высочайшій столъ, къ которому приглашены были всѣ верховники, шляхетство написало новую челобитную, въ которой оно благодаритъ императрицу за принятіе, нѣсколько часовъ тому назадъ, ихъ первой челобитной и, не желая показаться за сіе неблагодарными, проситъ ее «принять самодержавство таково, каково ея славные и достохвальные предки имѣли», а «пункты» верховнаго тайнаго совѣта, уже ею подписанные, уничтожить. Въ заключеніе просители выражаютъ убѣжденіе, что «въ благоразсудномъ правленіи государства, въ правосудіи и въ облегченіи податей» они, «всепокорнѣйшіе раби» ея, «по благоутробію ея величества, презрѣнны не будутъ, но во всякомъ благополучіи и довольствѣ, тихо и безопасно житіе свое препровождать имѣютъ». Подъ этою челобитной сто пятьдесятъ подписей. Послѣдовало разодраніе пунктовъ. Историкъ заключаетъ свой разсказъ любопытными соображеніями, бросающими, намъ кажется, извѣстный свѣтъ на

занимающее насъ дѣло. Онъ высказываетъ эти соображенія мимоходомъ, по поводу характера царствованія Анны Ивановны: «Надобно смотрѣть зорко и жить въ постоянномъ страхѣ; а подозрительность и страхъ—это такія чувства, которыя не умягчаютъ душу. Русское *знатное шляхетство подозрительно.* Правда, оно было противъ верховниковъ, но *оно сочиняло разные проэкты государственнаго устройства*... Только *энергическое движеніе гвардіи заставило поспѣшить возстановленіемъ самодержавія.* Надобно привязать къ себѣ эту гвардію, увеличить ея число». Несомнѣнно, стало-быть, что историкъ на попытку ограниченія власти Анны Ивановны не смотритъ какъ на «затѣйку» лишь восьми человѣкъ верховниковъ. Это было дѣло, по меньшей мѣрѣ, всего «знатнаго шляхетства», распадавшагося на отдѣльные кружки и партіи лишь по вопросу о *формахъ* этого ограниченія или, пожалуй, о тѣхъ учрежденіяхъ, каковыми должна была ограничиваться власть императрицы.

Осенью прошлаго года появилось въ высшей степени интересное сочиненіе по данному вопросу г. Корсакова, первоначально печатавшееся въ малораспространенныхъ ученыхъ «Запискахъ Казанскаго университета». Сочиненіе это — «Воцареніе императрицы Анны Іоанновны» (объемомъ въ двадцать пять печатныхъ листовъ)—трактуетъ только о времени отъ 19 января 1730 года, дня кончины Петра II, до 25 февраля включительно, дня разодранія кондицій. Это дало автору возможность изучить эпизодъ 1730 года съ надлежащею подробностью и освѣтить его, сравнительно съ разсказомъ Соловьева, если не съ новыхъ сторонъ, то болѣе яркимъ свѣтомъ тѣ стороны, на которыя нашимъ покойнымъ историкомъ едва брошенъ слабый лучъ свѣта. Здѣсь не мѣсто останавливаться подробно на этой любопытной книгѣ, о которой, къ сожалѣнію, въ нашей литературѣ едва появилось нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ; но мы считаемъ необходимымъ привести двѣ-три подробности изъ этого сочиненія по данному вопросу, прежде чѣмъ разстаться съ нимъ.

Мы видѣли, что Соловьевъ, какъ и герцогъ де-Лиріа, говоритъ лишь о трехъ «мнѣніяхъ» шляхетства, внесенныхъ въ верховный тайный совѣтъ этимъ послѣднимъ. Но изъ журналовъ совѣта оказывается, что 5 и 7 февраля въ верховный тайный совѣтъ поступило не три, а *восемь* коллективныхъ мнѣній и заявленій, поданныхъ отдѣльными лицами по уполномочію ихъ «согласниковъ» [1]), да кромѣ того до насъ дошли еще *четыре* проэкта, не попавшіе въ верховный тайный совѣтъ; итого, стало-быть, всего было составлено *двѣнадцать* проэктовъ, кромѣ проэкта самихъ верховниковъ. При этомъ всѣхъ подписей подъ двѣнадцатью шляхетскими проэктами насчитывается, по вычисленію профес. Корсакова, болѣе *тысячи ста.*

Мы, разумѣется, не будемъ останавливаться на подробностяхъ всѣхъ этихъ проэктовъ или какого-либо одного, но, отсылая интересующихся дѣломъ къ сочиненію г. Корсакова, ограничимся лишь нѣсколькими общими замѣчаніями по поводу ихъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что ни одинъ изъ двѣнад-

[1]) Эти мнѣнія слѣдующія: 1) кн. Черкасскаго, составленное Татищевымъ, поданное отъ имени сената и генералитета, 2) Н. П. Дмитріева-Мамонова, 3) С. Секіотова, 4) Алабердеева, 5) М. Грекова, 6) гр. И. А. Мусина-Пушкина, 7) С. А. Колычева, 8) М. А. Матюшкина. Всѣ они—отъ лица извѣстныхъ кружковъ.

цати проэктовъ не возстаетъ противъ самаго намѣренія ограничить власть будущей императрицы и ни одинъ изъ нихъ ничего не говоритъ противъ «пунктовъ» верховниковъ, исключая одного, того именно, который роль ограничивающаго учрежденія передаетъ верховному совѣту, т. е. пункта перваго. Составитель одного изъ нихъ, поданнаго въ верховный совѣтъ отъ лица кн. Черкасскаго, извѣстный, какъ мы видѣли, историкъ Татищевъ, въ своемъ вступленіи къ проэкту прямо говоритъ, что «хотя ея (императрицы) мудростію, благонравіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены, однакожъ *какъ есть персона женская*, къ такъ многимъ трудамъ не удобна, паче-жъ *ей знанія законовъ не достаетъ, для того* на время, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, *потребно нѣчто для помощи ея величеству вновь учредить*». А это «нѣчто» выражалось по самому проэкту въ двухъ «правительствахъ»: въ «вышнемъ» сенатѣ, изъ двадцати одного члена, и другомъ, нижнемъ, «во стѣ персонахъ», изъ коихъ только «третья часть въ правленіи оставаться» должна постоянно, а полное собраніе всѣхъ «ста» имѣетъ мѣсто лишь три раза въ годъ—«для разсмотрѣнія важныхъ дѣлъ», или «когда чрезвычайное что случится, яко война, кончина государя или другое такъ великое дѣло». За императрицей признается лишь право на иниціативу и «утвержденіе» закона. Подготовляется проэктъ закона въ коллегіяхъ, которыя остаются, откуда поступаетъ въ «вышнее правительство», т. е. сенатъ, а оттуда уже «ея величеству къ утвержденію» представляется. По существу различіе почти между всѣми проэктами сводится лишь къ различной организаціи «вышняго и нижняго правительствъ», причемъ существенною чертой этого различія является положительное или отрицательное отношеніе къ верховному тайному совѣту: одни оставляютъ его, въ той или иной мѣрѣ измѣняя его составъ, а другіе совершенно уничтожаютъ. Всѣ проэкты требуютъ введенія выборнаго начала относительно назначенія на высшія государственныя должности какъ гражданскія, такъ и военныя.

Если остановиться на этой, если можно такъ выразиться, организаціонной сторонѣ всѣхъ проэктовъ шляхетства, то нельзя не поразиться ихъ какою-то скомканностью, неопредѣленностью, краткостью, доходящею до полной неясности. Разумѣется, все это объясняется спѣшностью работы, несомнѣнною надеждой на то, что, допущенные верховнымъ совѣтомъ къ разсмотрѣнію въ особомъ представительномъ отъ шляхетства собраніи, они, эти проэкты, выльются въ нѣчто цѣлое, стройное. Не даромъ же въ челобитной кн. Черкасскаго испрашивалось, чтобы «того-жь дня или назавтра чрезъ герольдмейстера шляхетству о собраніи объявить и покой для того назначить». А на собраніи этомъ шляхетство должно было «къ разсмотрѣнію сего» (т. е. всѣхъ проэктовъ, внесенныхъ въ совѣтъ) выбрать «людей достойныхъ, не меньше ста человѣкъ». Такимъ образомъ шляхетство отлично понимало, что своими проэктами оно давало лишь программу будущему учредительному собранію, — другими словами, оно понимало само несостоятельность своихъ проэктовъ въ томъ смыслѣ, чтобъ ихъ можно было прямо примѣнить къ жизни. Оно настолько ясно понимало это, что нѣкоторая часть его даже совсѣмъ отказалась отъ составленія какого-либо проэкта управленія, а ограничилась предложеніемъ «способовъ, которыми, какъ ви-

дитца, порядочнѣе, основательнѣе и тверже можно сочинить и утвердить извѣстное, толь важное и полезное всему народу дѣло». А подъ этими «способами» разумѣлось *созваніе всего шляхетства* для выборовъ изъ своей среды представителей, въ количествѣ человѣкъ тридцати, которые образовали бы изъ себя учредительное собраніе и выработали бы въ немъ планъ новаго государственнаго устройства и управленія. Вотъ этотъ-то планъ, выработанный спокойно, съ знаніемъ дѣла, не спѣша, и долженъ былъ, по выраженію составителей «способовъ», какъ выработанный «къ пользѣ отечества», быть «вѣчнымъ, твердымъ и ненарушимымъ».

Въ «способахъ» болѣе или менѣе подробно указывается организація этого немноголюднаго учредительнаго собранія, члены котораго должны явиться съ письменными полномочіями отъ своихъ избирателей. Собраніе должно имѣть двухъ президентовъ, которыхъ избираетъ шляхетство въ своемъ общемъ собраніи. При обсужденіи такихъ спеціальныхъ вопросовъ, какъ касающіеся церкви, войска или торговли, собраніе должно приглашать «выборныхъ», т. е. депутатовъ, отъ синода, военныхъ и купечества; число этихъ выборныхъ должно быть не меньше четырехъ и не больше шести отъ каждаго изъ сословій въ отдѣльности. По извѣстнаго рода дѣламъ собраніе могло приглашать президентовъ и членовъ коллегій. Проэктъ, выработанный собраніемъ депутатовъ отъ шляхетства, обсуждается этимъ послѣднимъ еще разъ совмѣстно съ сенатомъ; далѣе проэктъ переходитъ въ верховный тайный совѣтъ (нужно не забывать, что «собраніе» созывается при statu quo: петровскіе сенатъ и синодъ вмѣстѣ съ екатерининскимъ верховнымъ совѣтомъ существуютъ), гдѣ онъ разсматривается еще разъ въ соединенномъ засѣданіи съ депутатскимъ собраніемъ и сенатомъ. «А какъ выборные, сенатъ и верховный совѣтъ.... всѣ согласятся, тогда послать нѣсколько особъ къ ея императорскому величеству и просить, чтобы конфирмовала».

Надо думать, «способы» эти составлялись съ полною вѣрой въ успѣхъ дѣла,—съ вѣрой, что императрица не откажетъ въ своемъ согласіи на такія капитальныя реформы въ государственномъ строѣ Россіи, сама приметъ въ нихъ участіе и терпѣливо будетъ ждать того момента, когда «выборные, сенатъ и верховный совѣтъ» торжественно поднесутъ ей на конфирмацію проэктъ новаго государственнаго устройства.

Не малое должно было происходить въ средѣ московскаго общества движеніе по поводу разработки всѣхъ этихъ мнѣній, проэктовъ, «способовъ». Оно и было не малое. О немъ не могли не знать какъ дворъ съ императрицей во главѣ, такъ и виновники всего этого, необычнаго для старой Москвы, движенія. Мы уже знаемъ, со словъ Манштейна, какія мѣры противъ нихъ принималъ дворъ или, вѣрнѣе, близкіе императрицы. Долженъ былъ принять свои мѣры и верховный совѣтъ, чтобы не погубить всего дѣла. Совѣтъ понималъ это и принялъ мѣры, направленныя къ достиженію примиренія плановъ—своего со всѣми этими проэктами и мнѣніями отдѣльныхъ слоевъ московскаго шляхетства. Мѣры эти носятъ странный характеръ. По мысли все того же кн. Голицына рѣшено было устроить примиреніе такимъ страннымъ путемъ, какъ составленіе *присяги*, которую должны были принести Аннѣ Ивановнѣ верховный

совѣтъ, сенатъ, синодъ, генералитетъ и «весь россійскій народъ, духовнаго и свѣцкаго всякаго чина люди», и въ которой изложенъ былъ, въ сжатой формѣ, весь планъ будущаго государственнаго устройства,—планъ, объединявшій собой въ извѣстной степени всѣ двѣнадцать проэктовъ шляхетства съ проэктомъ самого Голицына и «пунктами».

Первая часть этой оригинальной присяги излагала во-первыхъ весь ходъ составленія «пунктовъ» и подписанія ихъ императрицей, затѣмъ — самые пункты или кондиціи и наконецъ — клятву въ томъ, чтобы «правленіе во всемъ содержать по *сему*». Вторая часть содержитъ въ себѣ шестнадцать пунктовъ, въ которыхъ и излагается планъ государственнаго устройства. Здѣсь составъ верховнаго совѣта расширяется,—въ его собраніе допускаются сенатъ, генералитетъ, члены коллегій и знатное шляхетство, когда въ немъ обсуждается «новое и важное государственное дѣло», а по дѣламъ спеціально-духовнымъ приглашаются члены синода и архіереи вообще. Проэктируется здѣсь цѣлый рядъ мѣръ и по внутреннему управленію. Все это заканчивается новою клятвой, которая сопровождается страшными угрозами ея нарушителямъ, въ томъ, «чтобы *сіи пункты* (т. е. восемь пунктовъ кондицій и шестнадцать вновь прибавленныхъ) не нарушить».

Соглашеніе однако не состоялось этимъ путемъ. Протестовавшіе противъ верховниковъ рѣшили, какъ мы видѣли, идти инымъ путемъ, обратившись къ императрицѣ, какъ къ третейскому судьѣ, въ безпристрастіе котораго они вѣрили. Въ дѣйствительности споръ двухъ сторонъ о подробностяхъ дѣла, въ основаніи существа котораго обѣ онѣ были согласны, рѣшили.... *гвардія* и высшее духовенство. Вѣрноподданническій крикъ гвардейскихъ офицеровъ: «мы — вѣрные рабы вашего величества и готовы пожертвовать жизнью на службѣ вашему величеству, *но мы не потерпимъ вашихъ злодѣевъ!*»—положилъ конецъ всему.

Отъ «кондицій», пунктовъ, плановъ, проэктовъ—остается лишь архивная бумага въ назиданіе потомству, которое получило возможность назидаться ею лишь полтора столѣтія спустя послѣ самаго событія. Знакомство съ ними, храненіе у себя копій съ нихъ послѣ 25 февраля 1730 года считается... *государственнымъ* преступленіемъ. За *такое* государственное преступленіе ссылаются—одинъ въ Сибирь, а другой въ деревню—такія административныя лица, какъ вице-президентъ коллегіи Фикъ и адмиралъ Сиверсъ. Это — легчайшія наказанія. «Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярія» наполнена стонами и криками истязуемыхъ страшными пытками по подозрѣнію въ этомъ новомъ государственномъ преступленіи.

Полгода спустя, по «разодраніи» пунктовъ, учрежденъ новый *гвардейскій* полкъ—измайловскій, а въ концѣ 1730 года — лейбъ-гвардіи конный полкъ. Командиромъ перваго назначенъ Густавъ фонъ-Лёвенвольде, а втораго—Ягужинскій, оба отличившіеся тѣмъ, что первые извѣстили Анну Ивановну, еще герцогиню Курляндскую, о подготовлявшихся «пунктахъ». А авторы этихъ послѣднихъ и всякихъ проэктовъ и мнѣній—наиболѣе выдающіеся, вожаки—разосланы, въ качествѣ различныхъ администраторовъ, по различнымъ окраинамъ и тогда уже обширной Руси. Что сталось съ тысячью подписавшихся подъ этими проэктами, можно только догадываться.

Остальныя семьдесятъ лѣтъ прошлаго столѣтія не представляютъ намъ ровно ничего подобнаго эпизоду нами только-что разсказанному, если не видѣть чего-либо подобнаго въ созваніи Екатериной II пресловутой коммиссіи 1767 года объ Уложеніи. Нужно слишкомъ много смѣлости, чтобы сближать эти два историческихъ явленія, хотя быть-можетъ со временемъ мы и найдемъ въ архивной пыли какія-либо указанія на то, что *идея*, служившая исходною точкой эпизода 1730 года и преслѣдовавшаяся въ теченіе болѣе чѣмъ четверти столѣтія самыми суровыми карами, пробилась въ дебатахъ представительнаго собранія 1767 года. Но.... только идея.

Мы уже видѣли, что московское шляхетство въ своей челобитной императрицѣ о принятіи ею «самодержавства» выражало надежду на «благоразсудное правленіе государства», правосудіе и «облегченіе податей». Въ этихъ надеждахъ шляхетства проявилась ничтожная крупица тѣхъ желаній, которыя оно, а вмѣстѣ съ нимъ и верховники, въ своихъ проэктахъ и мнѣніяхъ, высказывали вмѣстѣ съ желаніемъ политическихъ преобразованій,—желаній, категорически высказанныхъ и въ большинствѣ тѣхъ шестнадцати пунктовъ присяги, которыми Д. Голицынъ думалъ примирить всѣ требованія шляхетства. Эти желанія или, пожалуй, указанія на необходимость разнаго рода внутреннихъ реформъ въ высшей степени любопытны и заслуживаютъ полнаго вниманія историка. Г. Корсаковъ остановился и на нихъ съ достаточнымъ вниманіемъ. Вообще, мы не находимъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы рекомендовать читателю это глубоко-интересное сочиненіе. Въ немъ онъ найдетъ, кромѣ подробнаго изложенія «эпизода» день за днемъ, шагъ за шагомъ, указанія на причины, вызвавшія эпизодъ и положившія ему конецъ, т. е. и на причины неудачи попытки шляхетства. Къ сочиненію приложено не мало и матеріаловъ по данному предмету, бывшихъ до сихъ поръ недоступными для публики. Взглянувъ на дѣло съ извѣстной точки зрѣнія, на эти pia desideria шляхетскихъ проэктовъ, можно придти къ заключенію, что всѣ они могли перейдти въ область дѣйствительности даже и при режимѣ неограниченнаго самодержавія. Въ числѣ этихъ pia desideria встрѣчаемся, напр., съ такими: 1) Необходимость «лучшихъ способовъ для произвожденія въ войскѣ и гражданствѣ». Къ такимъ «способамъ» относятся—устройство во всѣхъ городахъ училищъ для дѣтей дворянскихъ и урегулированіе службы дворянъ. 2) Необходимость «подать способъ къ размноженію мануфактуръ и торговъ». При этомъ одинъ изъ проэктовъ видитъ такой «способъ» въ установленіи «вольной торговли», въ разслѣдованіи тарифовъ и всякаго рода запретительныхъ мѣръ относительно торговли. 3) Обращено также вниманіе и на положеніе крестьянства: «отягощенное земледѣльство, — говоритъ одно изъ мнѣній, — какимъ-нибудь образомъ облегчить податьми». 4) Выражается необходимость улучшить положеніе бѣлаго духовенства, сельскаго въ особенности, въ нравственномъ и матеріальномъ положеніи.— По изодраніи кондицій, самодержавная императрица въ своемъ «милостивомъ словѣ», съ которымъ она обратилась къ шляхетству, принявъ отъ него челобитную о самодержавіи, обѣщала быть матерью своихъ подданныхъ и даровать имъ всевозможныя облегченія и милости. Другими словами, царица обѣщала осуществить надежды дворянства на тѣ внутреннія реформы управленія, на

необходимость которыхъ оно указывало въ своихъ проэктахъ. Но этимъ надеждамъ, къ несчастію, суждено было осуществиться не въ царствованіе Анны Ивановны, а при ея преемникахъ, и то лишь въ самой ничтожной дозѣ. Мы знаемъ со словъ нашего покойнаго историка, чѣмъ должна была императрица заняться прежде всего по разодраніи пунктовъ. Среди *этихъ* занятій ей некогда было заботиться объ остальномъ. «Чаша униженія, — говоритъ тотъ же историкъ, — была выпита до дна» Анной Ивановной въ бытность ея герцогиней курляндской, а натура этой женщины была «жесткая, гордая, властолюбивая, чувствительная къ униженію.... Наконецъ, тюрьма отпирается, Анна—самодержавная императрица: наконецъ-то можно пожить». И вдругъ—борьба съ «затѣйками», а тамъ—заботы, чтобъ удержать свою власть, своихъ ближнихъ около себя. А «молодость уже прошла.... Чтобъ успокоиться, забыться.... для натуры, не приготовленной образованіемъ къ высшимъ средствамъ укрѣпленія падающихъ силъ духа, оставалось одно средство — внѣшнее развлеченіе, празднества»... («Исторія Россіи», т. XIX, стр. 269—270) Императрица и предавалась имъ, предавалась съ увлеченіемъ....

II.

„Уставы и всякіе законы, отъ самодержцевъ въ народъ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ аки бы свободнаго, но истязуютъ яко должнаго“.

Правда воли монаршей.

„Играютъ (законами) какъ въ карты, прибирая масть къ масти“.

Изъ указа Петра Великаго.

«*Не персоны управляютъ законами, а законъ—персонами*», выразился одинъ изъ шляхетскихъ проэктовъ. Эти золотыя слова слѣдовало бы шляхетству XVIII столѣтія поставить во главѣ всѣхъ своихъ проэктовъ. Смыслъ этихъ словъ, идея, въ нихъ заключающаяся, содержится и въ той статьѣ нашихъ «основныхъ законовъ», указаніемъ на которую начали мы настоящую статью и которая объявляетъ, что наше отечество «управляется на *твердомъ* основаніи положительныхъ законовъ». А этотъ смыслъ, эта идея, выраженная какъ словами шляхетства XVIII столѣтія, такъ и только-что указанною статьей основныхъ законовъ, одна изъ плодотворнѣйшихъ и могучихъ идей въ общественно-государственной жизни; но въ то же время и одна изъ такихъ, которыя наиболѣе медленно, туго, вырабатываются этою жизнью, сознательно осуществляются ею или, лучше, примѣняются въ ней.

Въ нашемъ Сводѣ Законовъ, подъ только-что цитированною нами статьей, мы находимъ двѣ ссылки на постановленія верховной власти XVIII и первыхъ годовъ нашего столѣтія, трактующія объ этомъ же предметѣ, что̀ и статья, о которой идетъ рѣчь, т. е. о необходимости управленія имперіей на «твердомъ основаніи законовъ». Не справившись, по этимъ ссылкамъ, съ самыми поста-

новленіями, можно подумать, что ст. 47 основныхъ законовъ, такъ сказать, составлена изъ нихъ, что мысль о «твердомъ основаніи законовъ», какъ базисѣ, на которомъ должно строиться все государственное зданіе, такъ же категорически ясна, какъ въ этой статьѣ была высказана уже во второй половинѣ прошлаго столѣтія въ формѣ спеціальнаго, «основнаго» закона. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Первое постановленіе, на которое ссылаются составители Свода Законовъ, издано было Екатериной II-й въ 1766 году, 14 декабря, по поводу извѣстной коммиссіи объ Уложеніи, созванной въ 1767 году. Оно представляетъ собою не что иное, какъ *манифестъ*, объявляющій вѣрноподданнымъ о предстоящемъ, небываломъ на Руси, событіи и объясняющій имъ мотивы созванія коммиссіи и цѣли ея; при этомъ одною изъ послѣднихъ императрица ставила «*видѣть законы въ своей силѣ и почтеніи, а правосудіе—въ дѣйствіи*». Очевидно, составители 47 статьи, ссылаясь на этотъ манифестъ, имѣли въ виду общій смыслъ, духъ его, о которомъ они заключили изъ сопоставленія указанной цѣли, поставленной императрицей коммиссіи съ такими, напр., мотивами созванія послѣдней, какъ «великое помѣшательство въ судѣ и расправѣ... несовершенное различеніе между непремѣнными и временными законами»,—и по которому можно судить лишь о *стремленіи* императрицы водворить начало законности въ будущемъ, въ управленіи своимъ государствомъ. То же самое нужно сказать и о постановленіи 1810 года. Это—тоже манифестъ, изданный по поводу учрежденія государственнаго совѣта, которое въ этомъ манифестѣ и объясняется стремленіемъ законодателя — «по мѣрѣ просвѣщенія и расширенія общественныхъ дѣлъ учреждать постепенно образъ управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона».

Разъ къ *такой* цѣли стремились въ началѣ текущаго столѣтія, значитъ— въ прошломъ такихъ стремленій со стороны верховной власти или вовсе не было, или эти стремленія ни къ чему не повели. Изъ только-что приведенныхъ словъ манифеста Екатерины мы видѣли, что идея о необходимости управленія на основаніи законовъ сознавалась представителями верховной власти въ XVIII столѣтіи и что объ осуществленіи этой идеи, о примѣненіи ея къ жизни, повидимому, не мало заботились. Та же Екатерина, воспитанная на Монтескьё и энциклопедистахъ, *теоретически* не мало поработала надъ развитіемъ этой идеи въ своемъ пресловутомъ Наказѣ, однимъ изъ основныхъ положеній котораго является положеніе, что «повиноваться» слѣдуетъ лишь «законамъ» подъ властью самодержавнаго монарха, что «законы основаніе державы составляютъ» и дѣлаютъ «*твердымъ и неподвижнымъ установленіе всякаго государства*». Какъ послѣдствіе изъ этихъ основныхъ положеній, царственный авторъ Наказа устанавляетъ, что задача законодателя должна состоять въ томъ, «*чтобы всѣ* (граждане) *подвержены были тѣмъ же законамъ*»; что «законы» должны, «поелику возможно, предохранять безопасность каждаго особо гражданина»; что закону вообще «надлежитъ быть такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а *боялися* бы всѣ *однихъ законовъ*»; что, наконецъ, только законы, по мнѣнію императрицы, водворяютъ «*вольность*», которая, по ея опредѣленію, «*есть право все то дѣлати, что законы дозволяютъ*», а эти послѣдніе, т.-е. законы, ничего не должны запрещать «кромѣ того, что можетъ

быти вредно или каждому особенному или всему обществу». Разъ дѣянія гражданина ничего подобнаго въ себѣ не содержатъ, они «не подлежатъ законамъ, которые не съ инымъ намѣреніемъ установлены, какъ только чтобы сдѣлать самое большое спокойствіе и пользу людямъ, подъ сими законами живущимъ». Все это высказывалось въ Наказѣ, составленномъ въ руководство извѣстной коммиссіи, образовавшейся въ 1767 году изъ представителей всей земли русской и призванной къ выработкѣ и созданію именно *такихъ* законовъ, имѣющихъ своею цѣлью *такія* цѣли, о какихъ говоритъ императрица. Мы знаемъ исходъ собранія представителей. Не даромъ же великій итальянецъ увѣряетъ, что благими намѣреніями весь адъ устланъ. Благія намѣренія поклонницы Вольтера, по данному вопросу, только намѣреніями и остались, какъ и многое другое изъ ея гуманныхъ намѣреній и стремленій. Въ ея законодательствѣ, послѣдовавшемъ за изданіемъ Наказа, можно, и безъ особаго труда, найти массу постановленій не только игнорирующихъ, но прямо противорѣчащихъ всѣмъ тѣмъ гуманнымъ идеямъ, красивымъ фразамъ о законѣ и его значеніи для всѣхъ и каждаго, съ которыми мы только-что познакомили читателя. Дѣйствительность и въ моментъ изданія Наказа, и послѣ него была совершенно чужда всѣмъ этимъ высокимъ идеямъ. Идеи оставались идеями. Онѣ остались бы таковыми даже и въ томъ случаѣ, еслибы выражены были не только въ Наказѣ — произведеніи въ сущности чисто-литературнаго характера, но даже и въ какихъ-либо указахъ. Этого мало. Скажемъ больше. Идея о необходимости созданія и построенія администраціи на законѣ, несомнѣнно, сознавалась въ правительственныхъ сферахъ гораздо раньше XVIII столѣтія Она сознавалась и высказывалась, и притомъ высказывалась не въ литературныхъ произведеніяхъ, а въ законодательныхъ актахъ—сборникахъ и указахъ. Эта идея не разъ высказана была тишайшимъ и благочестивѣйшимъ царемъ XVII вѣка, Алексѣемъ Михайловичемъ, по поводу составленія Уложенія. Она высказывалась и «неистовымъ кровопійцей», какъ называетъ Грознаго царя Карамзинъ: даже этотъ царь московскій, несомнѣнно, стремился водворить въ своемъ государствѣ начало законности,—само собою разумѣется, какъ онъ его, это начало, понималъ. Онъ, мы знаемъ, издалъ Судебникъ, по примѣру дѣда своего, великаго князя московскаго Ивана III, чтобъ опредѣлить, «какъ судити бояромъ и окольничимъ, и дворецкимъ, и казначеемъ, и дьякомъ, и всякимъ приказнымъ людемъ, и по городамъ намѣстникомъ, и по волостемъ, и ихъ тіуномъ и всякимъ судіямъ». Всѣмъ этимъ лицамъ царь, не знавшій никакихъ предѣловъ своему дикому произволу, грозитъ своей опалой за нарушеніе постановленій Судебника; ради той же цѣли болѣе чѣмъ полустолѣтіемъ раньше издается такой же сборникъ постановленій еще Иваномъ III.

Стремленіе къ законности управленія съ извѣстной точки зрѣнія высказывалось не одними Судебниками, и притомъ гораздо раньше ихъ; это стремленіе съ успѣхомъ можно искать во всѣхъ этихъ уставныхъ, губныхъ, даже жалованныхъ грамотахъ, въ наказахъ воеводамъ и т. д. и т. д. Смотря на дѣло исключительно съ точки зрѣнія этихъ законодательныхъ актовъ московскаго государства, отрѣшившись отъ дѣйствительной жизни его, можно пойдти очень далеко и, пожалуй, придти къ заключенію, что идея законности въ этотъ тяжкій

періодъ нашего прошлаго не только сознавалась, но и практиковалась въ жизни. Но къ такому курьезному заключенію можно придти именно только отрѣшившись отъ дѣйствительной жизни общества, государства, ограничившись однимъ ознакомленіемъ со всѣми этими судебниками, грамотами, наказами, какъ формами, въ которыя вылились отдѣльныя постановленія законодательной власти. А по справедливому замѣчанію такого юриста, какъ Іерингъ, «ни одно уложеніе, ни одинъ теоретическій сборникъ права, какого бы то ни было времени и какого бы то ни было народа, не могутъ быть поняты безъ знанія *реальнаго* состоянія этого народа и этого времени» — и, прибавимъ отъ себя, безъ такого знанія народа и времени немыслимо давать какія-либо положительныя заключенія на основаніи этихъ уложеній, постановленій, и такъ далѣе, о спеціально интересующемъ насъ предметѣ — господствѣ въ жизни идеи, начала законности. Я говорю — *положительныя* заключенія, а не отрицательныя. Дѣло въ томъ, что внимательное ознакомленіе съ этими памятниками законодательства московскаго государства непремѣнно поведетъ—безъ всякаго покушенія заглянуть за кулисы, приподнять занавѣсъ, заслоняющій отъ насъ самую дѣйствительность—къ заключенію, относительно значенія начала законности въ эту эпоху, чисто *отрицательному*. Вникните въ эти памятники — и вы увидите, что каждый изъ нихъ, въ ихъ хронологической послѣдовательности, *борется* съ началомъ противоположнымъ началу законности — съ произволомъ, беззаконіемъ въ дѣятельности тѣхъ правительственныхъ органовъ, въ назиданіе и руководство которымъ они издаются. Они только стремятся водворить начало законности въ средѣ этихъ органовъ, направить ихъ дѣятельность на путь закона, заставитъ ихъ «ходить» («и они, намѣстники, *ходятъ* по сей нашей грамотѣ») по этому пути. Если сопоставить законодательные памятники начала московскаго государства съ памятниками конца его и, мало того, если тѣ и другіе сравнить съ законодательными мѣрами XVIII столѣтія, то невольно придешь къ печальному заключенію: въ продолженіе четырехъ столѣтій обнаруживается одно и то же стремленіе, одна и та же борьба законодателя,—стремленіе водворить законность въ управленіи, борьба съ началомъ противоположнымъ этой послѣдней. Въ самомъ дѣлѣ, въ XV столѣтіи великій князь московскій охраняетъ «горожанъ и становыхъ людей, и волостныхъ» отъ всякихъ «обидъ» со стороны намѣстниковъ, волостелей и другихъ исполнителей своей великокняжеской воли, запрещаетъ «отъ суда посулы имати, судомъ мстити, дружити». Отъ того же хочетъ, какъ мы видѣли, охранить въ слѣдующемъ столѣтіи грозный внукъ великаго князя «въ *работу*» ему данныхъ людей его. А какія мѣры принимались противъ этихъ «обидъ»!... И однако въ XVII столѣтіи — то же самое: тѣ же «обиды», тѣ же, повидимому неослабныя, мѣры противъ нихъ. Уложеніе царя Алексѣя имѣло цѣлью — «государево царственное и земское дѣло» поставить твердо, незыблемо. И, увы, XVIII столѣтіе наслѣдовало это «дѣло», какъ увидимъ далѣе, въ самомъ отчаянномъ, самомъ безнадежномъ положеніи. За него принимается, и принимается съ необычною, порой страшною, энергіей такой гигантъ власти, какъ Петръ, и, смѣло утверждаемъ, не достигаетъ даже сотой доли того, чего можно было бы ожидать и чего онъ, несомнѣнно, самъ ожидалъ отъ этой дѣятельности. Если взглянуть на законодательную дѣятельность этого гиганта, необходимо при-

дешь къ заключенію, что работа предшествовавщихъ столѣтій прошла почти безслѣдно.

Повторяю, къ этимъ заключеніямъ приходишь, когда сопоставишь законодательныя распоряженія на пространствѣ четырехъ вѣковъ, — на основаніи того, что всѣ эти распоряженія преслѣдуютъ одно и то же, стремятся водворить одно и то же, причемъ каждое, послѣдующее указываетъ на несостоятельность предыдущихъ. А отрѣшитесь отъ юридической сферы, перейдите отъ памятниковъ законодательства къ памятникамъ самой жизни — и у васъ не останется и тѣни сомнѣнія въ томъ, что въ этой *жизни*, на всемъ протяженіи этихъ четырехъ вѣковъ, начало законности «въ *государевомъ* царственномъ *и земскомъ* дѣлѣ» вполнѣ отсутствовало. Оно ни въ чемъ неповинно относительно этого «дѣла». Откройте любое сочиненіе любаго изъ нашихъ авторитетнѣйшихъ изслѣдователей общественно-государственнаго строя за періодъ времени отъ XIV до XIX вѣка, прочтите внимательно тѣ страницы ихъ, гдѣ идетъ рѣчь спеціально объ управленіи, его органахъ, ихъ злоупотребленіяхъ, — и вы неизбѣжно согласитесь съ только-что высказанною мыслью. Обратитесь къ непосредственному свидѣтельству памятниковъ — и вамъ придется быть-можетъ даже изумляться тому, что *идея законности* могла зародиться въ нѣкоторыхъ головахъ и даже высказаться въ актахъ законодательства. Я ограничусь лишь тѣмъ, что приведу два-три факта въ подтвержденіе всего сейчасъ сказаннаго. Возьмемъ XVII и XVIII столѣтія. Посмотримъ на дѣятельность любаго административнаго органа правительства московскаго государства въ XVII вѣкѣ, — все равно, будетъ ли это должностное лицо изъ «приказныхъ», т. е. поставленныхъ къ своей должности изъ Москвы, правительствомъ, или — изъ выборныхъ, поставленныхъ къ ней «міромъ». Въ общей массѣ эти служилые люди обѣихъ категорій поражаютъ своею дѣятельностью. Для нихъ, несмотря на всѣ эти уставы, наказы, грамоты, судебники, по-истинѣ законъ не писанъ. По свидѣтельству самихъ царей московскихъ (въ данномъ случаѣ — Михаила Θеодоровича), «въ городахъ воеводы и приказные люди... всякія дѣла дѣлаютъ *не по... указу* (царскому, т. е. не по закону) и... всякимъ людямъ *чинятъ насильства и убытки* и продажи *великія*, и посулы, и поминки, и кормы имѣютъ многіе».

Выборныя должностныя лица, напр. всякіе головы, старосты, не уступали приказнымъ — воеводамъ, волостелямъ: «отъ *насильства* и отъ налога (ихъ) жити невозможно», жалуются посадскіе люди; «многіе посадскіе людишки побрели розвь, да и остальные... людишки хотятъ разбрестись»; эти администраторы, «забывъ страхъ Божій, чинятъ *многое* дурно». Стоитъ взглянуть, въ чемъ выражались эти насильства, это многое дурно. Прежде всего оговоримся, въ видѣ общаго замѣчанія, что разнообразіе «насильствъ» и «дурна» обусловливалось разнообразіемъ и количествомъ тѣхъ функцій, завѣдываніе которыми поручалось этимъ органамъ. А эти функціи дѣйствительно были разнообразны въ высшей степени. Сѣтями мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, можно сказать, уловлялись всѣ фибры общественной и даже частной жизни московскаго человѣка. Ничто не ускользало отъ ихъ зоркаго глаза. Широкое, безграничное поле для хищническихъ инстинктовъ! Разумѣется, «корысть» царила надо всѣмъ. Ради нея всякіе служилые люди на однихъ людяхъ преступленій «не сыски-

ваютъ», на другихъ ихъ взводятъ; однихъ заставляютъ тянуть государево тягло не по силамъ, другимъ мирволятъ; врываются въ области управленія, ихъ вѣдѣнію не подлежащія; не только поощряютъ всякіе виды корчемства, контрабанды, преслѣдовать которые составляетъ ихъ обязанность, но и сами ими занимаются; при взиманіи всякихъ податей и пошлинъ царилъ полный произволъ; «для своего воровскаго умыслу и бездѣльной корысти», помимо установленныхъ правительствомъ таможенъ и заставъ, ставятъ свои, на которыхъ и чинятъ «поборы великіе» съ торговыхъ и промышленныхъ людей. Кормамъ, посуламъ и всякимъ «поминкамъ», взимаемымъ съ уѣзднаго населенія лишь по праву «властнаго», конца края нѣтъ. Насилію, насилію грубому, животному, надъ личностью человѣка нѣтъ удержу: «*бьетъ* насъ, сиротъ, твоихъ посадскихъ людей,—жалуются царю шуяне на своего воеводу, — безъ сыску и безъ вины сажаетъ въ тюрьму для своей корысти и, выимая изъ тюрьмы, бьетъ батогами до полусмерти безъ дѣла и безъ вины». Крестьяне одной волости бьютъ челомъ на приказнаго человѣка, ими завѣдующаго, что онъ посылаетъ по волости «по нихъ, крестьянъ», людей своихъ, которые «ихъ, крестьянъ, *грабятъ*, ходятъ во дворѣхъ ихъ по клѣтямъ и емлютъ насильствомъ... что попадетъ». За жалобы крестьянъ на этотъ грабежъ ему, приказному человѣку, онъ сажалъ ихъ въ тюрьму и «держалъ въ тюрьмѣ денъ по пяти и по шти и по недѣлѣ, и они изъ тюрьмы выкупались». Случалось, что царскій слуга устраивалъ объѣзды по деревнямъ собственной особой. Тутъ ужь никому и ничему спуску не было: «и ихъ, крестьянъ, билъ и мучилъ и по дворамъ, и по лѣсамъ за ними гонялся и вымучилъ на нихъ непомѣрною мукою на человѣкѣ рублевъ по пяти, и по шти, и болши». Эти «рубли» онъ вымучивалъ тюрьмой и голодомъ.

Кажется, можно ограничиться и этимъ. Замѣтимъ, что все это — далеко не исключенія, а почти заурядныя явленія, что видно изъ борьбы съ ними правительства московскаго государства и изъ того поощренія и одобренія, съ которыми относилось это правительство къ рѣдкой, исключительной, честной дѣятельности какого-нибудь воеводы или приказнаго человѣка вообще.

Таково было положеніе дѣлъ въ XVII ст., несмотря на всѣ мѣры московскихъ царей водворить силу закона. Это положеніе вещей, завѣщанное XVIII вѣку, измѣнилось въ теченіе этого послѣдняго ни въ какомъ случаѣ не къ лучшему.

Въ могучія руки царя-революціонера административная машина московскаго государства перешла въ такомъ состояніи, которое сами цари этого государства считали никуда негоднымъ. Если не основы ея, то отдѣльныя части, винты и колеса расшатались и измололись вовсе. Вся она расползалась по спайкамъ. Не болѣе годными оказались въ рукахъ перваго царя XVIII вѣка и тѣ правила и нормы, сообразно которымъ должна была дѣйствовать эта расшатанная, дребезжащая машина. Уложенія Алексѣя и новоуказныхъ статей, въ дополненіе его постановленій изданныхъ, стало недостаточно. Начинается ломка машины, а вмѣстѣ и тѣхъ руководящихъ правилъ и нормъ, сообразно которымъ она должна была функціонировать. Съ 1700 года начинаются заботы о составленіи новаго законодательнаго сборника, новаго уложенія; годомъ раньше создаются уже новыя учрежденія, съ иноземными названіями для управленія,

по городамъ, торгово-промышленнымъ поселеніямъ. Съ этого момента пересозданіе машины идетъ шагъ за шагомъ: пересоздаются, повидимому, и мѣстное, и центральное управленія; создаются, какъ будто, и новыя учрежденія, должности, Все это созидается на развалинахъ старой «храмины», притомъ въ значительной степени изъ самыхъ этихъ развалинъ, изъ тѣхъ камней и кирпичей, тѣхъ отдѣльныхъ флигелей и корпусовъ, которыхъ основы уцѣлѣли отъ разрушенія храмины. И разрушеніе, и созиданіе идутъ необычайно энергично. Рука и глазъ царя всюду видны. Каждое учрежденіе, каждое новое должностное лицо получаетъ регламентъ, инструкцію, наставленіе въ руководство своей дѣятельности. *Законъ* стремился опредѣлить все и вся въ ихъ дѣятельности. Но, увы, силъ и энергіи гиганта оказалось недостаточно. Авгіевы стойла не поддавались усиліямъ даже Геркулеса. Время господства закона все-таки еще не наставало. Не будемъ голословны. Сенатъ, учрежденный въ 1711 году съ цѣлью «имѣть о монаршеской и государственной пользѣ неусыпное попеченіе, *доброе бы простирать, а все, что вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать»,* былъ поставленъ во главѣ всего управленія имперіи съ самыми широкими уполномочіями. Этотъ сенатъ, по свидѣтельству царя, виновника появленія его на свѣтъ Божій, видѣвшаго въ своемъ новомъ дѣтищѣ органъ закона, правды и справедливости, — этотъ сенатъ, чуть не съ первыхъ дней своего существованія, оказался ниже поставленной ему задачи. Тамъ, въ этомъ новомъ оплотѣ закона, по словамъ самого государя, вмѣсто «крѣпкаго храненія правъ гражданскихъ.... *играютъ (законами) какъ въ карты, прибирая масть къ масти»;* члены этого охранителя, по желанію царя, правъ гражданскихъ и всякой вообще «правды» въ государственномъ управленіи «*зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды*». Охранители закона разрушаютъ его, ругаются надъ нимъ. «Фортеція правды» страдала, благодаря все тому же старому злу общества, благодаря язвѣ, разъѣдавшей его еще въ московскомъ государствѣ и перешедшей въ петербургское; въ этомъ послѣднемъ она не только поджнвала, но какъ будто еще разрасталась въ ширь и глубь, грозя обратиться въ злокачественную гангрену, могущую заразить весь организмъ. Эта язва — беззастѣнчивая *корысть* чиновника, его незнающее предѣловъ казнокрадство, грабительство всѣхъ и каждаго, кого могла достать его властная рука. Этой язвой поражены были почти поголовно всѣ «птенцы» Петра, ближайшіе исполнители его плановъ. Любимѣйшій птенецъ его, историческій Алексаша, былъ отъявленнѣйшій казнокрадъ и лихоимецъ. Никакіе указы и регламенты для него не существовали; никакая «фортеція» правды, закона, не могла устоять противъ его хищническихъ набѣговъ. Всякій, пробившій брешь въ этой фортеціи, всякій, обошедшій ее или только собирающійся обойдти, всегда находилъ въ Данилычѣ и опору, и защиту, разъ имѣлъ чѣмъ купить его. «Ты мнѣ представляешь плутовъ какъ честныхъ людей, а честныхъ людей выставляешь плутами», говорилъ разъ Петръ «дитятѣ сердца своего» (Herzens Kind), какъ онъ часто звалъ Меньшикова. Припомнимъ грабительскую дѣятельность Меньшикова въ Малороссіи и массу всяческихъ свидѣтельствъ объ его лихоимствѣ въ самой Россіи, при отправленіи всякаго дѣла, и мы поймемъ изреченіе о немъ Петра: «въ беззаконіи зачатъ, во грѣсѣхъ его роди мать его и въ плутовствѣ скон-

чаетъ животъ свой, и если не исправится, то быть ему безъ головы». Этимъ чадомъ сердца царева былъ, по выраженію покойнаго Соловьева, «самый видный изъ господъ сената». Меньшиковъ не составлялъ исключенія,—зломъ заражено было все вокругъ царя. Шафировъ былъ приговоренъ къ смертной казни за тѣ же дѣянія. Этого, думаемъ, достаточно для характеристики отношенія учрежденій и лицъ высшаго государственнаго управленія къ закону.

Что же должно было дѣлаться въ сферахъ мѣстнаго управленія, вдали отъ зоркаго глаза царя?—Тамъ о «фортеціи правды», думать надо, едва ли могла быть и рѣчь. Тамъ всѣ эти губернаторы, коменданты, коммиссары, камергеры, ландрихтеры, бурмистры и всѣ царскіе слуги, имъ же имя легіонъ, предавались необузданному разгулу. Ихъ воля—законъ и другаго закона они знать не хотятъ. Сибирскаго губернатора, князя Гагарина, пришлось казнить за его разнузданное грабительство и безшабашный произволъ. Астраханскій оберъ-комендантъ продаетъ въ Персію казенный свинецъ, шедшій на пули. Ревельскій коммиссаръ, Яковъ Лопухинъ, казненъ смертью «за грабежъ казны». Нѣкій коммиссаръ Акишевъ, завѣдывавшій Устюгомъ, Сольвычегодскомъ и Тотьмою съ ихъ уѣздами въ 1713 году, съ цѣлью вымогательства, «бьетъ, увѣчитъ, убиваетъ до смерти, насилуетъ женщинъ», позоритъ ихъ, водя нагими по улицамъ, «даже самыя паперти церковныя оскверняетъ своими неистовствами», говоритъ авторъ сочиненія, изъ котораго мы заимствуемъ этотъ фактъ [1]). Казанскій ландрихтеръ, ради того, чтобъ оттягать у крестьянской общины облюбованную имъ землю, засадилъ многихъ изъ ея собственниковъ въ тюрьму и тѣмъ вымучилъ у нихъ письменное обѣщаніе не искать отнятой у нихъ земли ни подъ нимъ, ни подъ его потомствомъ. Авторъ только-что названнаго сочиненія увѣряетъ, ссылаясь на цѣлый рядъ архивныхъ дѣлъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, что подобнаго рода дѣянія правительственныхъ органовъ въ первую четверть XVIII в. были «нерѣдкимъ» явленіемъ, что «по правилу: кто силенъ, тотъ и правъ,—лица, власть имѣющія, часто прибѣгали къ этому удачному способу грабежа».

Чтобы не показалось, что мы привели лишь отдѣльные случаи и стремимся обобщить ихъ, мы укажемъ на нѣкоторыя спеціальныя мѣры Петра, направленныя именно противъ этого зла, этой язвы, разъѣдавшей созидаемое имъ государство. Мы не будемъ говорить о лихорадочномъ перебѣганіи царя отъ однихъ учрежденій и лицъ къ другимъ, о частой замѣнѣ или смѣнѣ ихъ однихъ другими, хотя и въ этомъ трудно не видѣть доказательства несостоятельности всей системы управленія,—мы, повторяю, остановимся на спеціальныхъ мѣрахъ.

Уже учреждая сенатъ, Петръ видимо плохо надѣялся на него: вѣдь зналъ же онъ, изъ *какихъ* «персонъ» придется составить его. Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ, сенатъ, при всемъ своемъ желаніи достичь поставленной ему цѣли, едва ли бы могъ это сдѣлать собственными средствами. Въ виду этого учреждается цѣлый институтъ *фискальства*. При сенатѣ, въ годъ его учрежденія, установлена была должность оберъ-фискала [2]), задачей котораго было

[1]) *Мрочекъ-Дроздовскій:* „Областное управленіе Россіи XVIII вѣка“.
[2]) Оберъ-фискалъ скоро замѣненъ былъ генералъ-фискаломъ.

«надъ всѣми дѣлами *тайно надсматривать* и *провѣдывать* про неправый судъ, такожъ въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, то долженъ фискалъ позвать его предъ сенатъ («какой высокой степени ни есть» то лицо провинившееся) и тамо его уличать, и буде уличитъ кого, то половина штрафа въ казну, а другая ему, фискалу». Подъ вѣдомствомъ оберъ-фискала—цѣлый рядъ провинціалъ-фискаловъ, «у каждаго дѣла по одному», т.-е. за каждой отраслью *мѣстнаго* управленія наблюдаетъ особый фискалъ, который «еще подъ собою нѣсколько нижнихъ имѣетъ». Первымъ оберъ-фискаломъ назначенъ былъ одинъ изъ дьяковъ знаменитаго преображенскаго приказа.

Рьяно началась фискальная дѣятельность. Нашлись фискалы по призванію, въ родѣ знаменитыхъ Нестерова или Курбатова. Первый «даже сына своего обучалъ фискальству», какъ говоритъ Соловьевъ. Рвенію его не было предѣловъ. Вотъ теперь-то, казалось бы, началось царство закона. Не будемъ спѣшить заключеніями. Не прошло и двухъ лѣтъ со времени введенія фискальства, какъ мы встрѣчаемся съ рядомъ указовъ, изъ которыхъ нельзя не заключить, что плохо помогало и фискальство, что и оно не могло, говоря языкомъ указа 1713 года, «искоренить *неправедныя*, бѣдственныя, всенародныя тягости и *похищенія* лукавыя *государственной казны*». «Великія неправды и грабительства, лукавыя корысти и грабленія» царятъ, ни на что не взирая. Царь прибѣгаетъ къ такой страшной мѣрѣ, какъ всеобщій доносъ, какъ приглашеніе всѣхъ и каждаго доносить на правительственныхъ органовъ и частныхъ лицъ, нарушавшихъ законъ. «Ежели кто,—говоритъ царь,—такихъ преступниковъ и повредителей интересовъ государственныхъ и грабителей выдастъ, и тѣ-бъ люди безо всякаго опасенія пріѣзжали и объявляли о томъ самому его царскому величеству... а кто на такого злодѣя подлинно донесетъ, тому за такую его службу богатство того преступника, движимое и недвижимое, отдано будетъ, а буде достоинъ будетъ, дастся и чинъ его». Къ этой мѣрѣ Петръ, правда, рѣшился прибѣгнуть лишь какъ къ временной. Онъ дѣлалъ опытъ всего на пять мѣсяцевъ. А вслѣдъ за этимъ, какъ бы въ видѣ дальнѣйшаго развитія приведенныхъ указовъ, въ концѣ 1714 г. изданъ новый. Ни передъ чѣмъ не останавливающійся царь всѣмъ, «которые ни во что иное тщатся, точію мины подъ всякое добро дѣлать и несытость свою исполнять», грозитъ лишеніемъ имущества, «весьма жестокимъ наказаніемъ на тѣлѣ», шельмованіемъ, «изъ числа добрыхъ людей изверженіемъ» и, наконецъ, смертною казнью. Всѣ эти мѣры царю очень скоро пришлось примѣнять. Такъ, напримѣръ, князю Гагарину пришлось умереть на висѣлицѣ. Сенаторъ Шафировъ (въ 1722 г.) едва не сложилъ голову на плахѣ. Эти мѣры пришлось прилагать даже и къ тѣмъ, которые были поставлены законодателемъ «надъ всѣмъ надсматривать тайно». Такіе «прибыльщики» государева дѣла, какъ Нестеровъ и Курбатовъ, оказалось, не клали и сами охулки на руку. Перваго въ 1722 году «по дѣламъ... *въ преступленіи указовъ* и во взяткахъ» пытаютъ въ застѣнкѣ и онъ поплатился головой. Одинъ изъ подчиненныхъ ему провинціалъ-фискаловъ, по дѣлу котораго открылись и злоупотребленія Нестерова, былъ «казненъ смертію» еще раньше своего начальника. Курбатовъ долгое время состоялъ подъ судомъ и даже умеръ подъ судомъ.

Что же оставалось дѣлать? Какъ водворить законность? — Неутомимый царь не покладалъ рукъ: онъ пыталъ, казнилъ, лишалъ имущества, шельмовалъ,—не помогало. Онъ безъ устали, безъ перерыва мѣнялъ лицъ, занимавшихъ ту или другую должность, чуть не каждый день мѣнялъ самыя должности, разрушалъ и создавалъ учрежденія, — и все напрасно. Никакой энергіи царя, очевидно, не хватало.

Таково положеніе дѣлъ при Петрѣ Великомъ. Чего же можно ждать отъ его преемниковъ?.. Мы не будемъ останавливаться на дѣятельности по данному предмету ближайшихъ преемниковъ Петра, а перейдемъ прямо ко второй половинѣ XVIII вѣка, къ царствованію Екатерины II, которая собственными словами характеризуетъ намъ состояніе государственнаго управленія въ началѣ ея царствованія. Вотъ что говоритъ императрица о дѣятельности сената, въ которомъ она хотѣла видѣть «хранилище законовъ въ Россіи», въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ новому генералъ-прокурору, князю А. Вяземскому (Наказъ, § 26): онъ «выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни,— однимъ словомъ, почти все, и *утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ...* Черезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ, они пришли въ столь великій упадокъ, что и *регламентъ вовсе позабыли*, которымъ повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, если оные не въ силѣ законовъ, представлять въ сенатъ... *Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное*, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется». А онъ въ теченіе всего столѣтія не пресѣкался и не пресѣкся. Самъ генералъ-прокуроръ (Глѣбовъ), назначеніемъ котораго было смотрѣть, «чтобы въ сенатѣ дѣла вершились не на столѣ только, но самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись», по собственному усмотрѣнію императрицы, «мало имѣлъ старанія о правильномъ производствѣ дѣлъ и о казенномъ интересѣ», за что и долженъ былъ, по мнѣнію императрицы, подлежать «не только лишенію всѣхъ чиновъ, но и большому наказанію». Если такъ беззаконно дѣйствовало «хранилище законовъ», что же сказать объ учрежденіяхъ ему подчиненныхъ и вообще о нижнемъ управленіи какъ центральномъ, такъ и мѣстномъ? «Раболѣпствующія персоны», засѣдавшія, напр., въ коллегіяхъ, обратили, повидимому, эти учрежденія во что-то такое, надъ чѣмъ они просто хозяева, распоряжающіеся государственными дѣлами какъ своими собственными. На «кожедирателей,—какъ выражалась императрица, — подлыя и ненавистнымъ сребролюбіемъ помраченныя души», или, лучше, ихъ дѣянія, коллегіи смотрѣли какъ на нѣчто очень обыкновенное, недостойное вовсе ихъ серьезнаго вниманія. Императрицѣ оказалось необходимымъ—вразумлять коллегіи спеціальнымъ указомъ, что онѣ не должны «выступать изъ предѣловъ своего званія»,—должны заботиться о томъ, чтобъ указы, изъ нихъ посылаемые, «самымъ дѣломъ (т.-е. въ дѣйствительности) исполнены были», — «лихоимственныя дѣла не неважными, а разрушающими правосудіе и повреждающими государственное положеніе почитать». Какой длинный списокъ коллегіальныхъ дѣяній, «повреждающихъ государственное положеніе», можно было бы представить читателю, еслибы мы ограничились только тѣми матеріалами, которые даетъ намъ въ послѣднихъ томахъ своей «Исторіи Россіи» покойный Соловьевъ! Но мы боимся утомить

читателя, а потому перейдемъ, въ заключеніе, къ мѣстному управленію и взглянемъ, насколько тамъ царило начало законности.

Читатель, разумѣется, уже изъ сообщеннаго о центральномъ управленіи сдѣлаетъ, навѣрное, заключеніе о мѣстномъ. И это заключеніе его не будетъ ошибочнымъ. Мы приведемъ нѣсколько фактовъ изъ мѣстной жизни, чтобы только иллюстрировать это его заключеніе. Князь А. Вяземскій, ѣздившій на восточную окраину Россіи усмирять, въ началѣ царствованія Екатерины, горнозаводскихъ крестьянъ, доносилъ государынѣ, что лихоимство разъѣдало весь организмъ мѣстной администраціи. «Лихоимство *нижнихъ* губернскихъ *чиновъ не менѣе прочихъ*»; бывшій симбирскій воевода, князь Назаровъ, «по воровскимъ и разбойническимъ дѣламъ приметывался и разорялъ до самой крайности съ мучительствомъ». Нѣсколько губернаторовъ и воеводъ за эти «лихоимства» и «мучительства» отдано было подъ судъ и разжаловано. Читаешь о похожденіяхъ этихъ мѣстныхъ «хозяевъ» цѣлыхъ округовъ и глазамъ не вѣришь. Это—маленькіе царьки въ своихъ губерніяхъ, не стѣснявшіеся никѣмъ и ничѣмъ въ своихъ «хозяйствахъ» ни въ роли частныхъ лицъ, ни въ роли «хозяевъ-администраторовъ». Изъ Коломны (что подъ Москвой) епископъ пишетъ двумъ сенаторамъ, что мѣстный воевода «дни и ночи проводитъ въ пьянствѣ, въ канцеляріи мало бываетъ, да и то приходитъ пьяный же»; дѣлъ накопилось масса; колодниковъ, ждущихъ по тюрьмамъ своей участи отъ суда воеводскаго, дѣвать некуда,—мѣста не стало. Въ одинъ прекрасный день, наскучивъ «пьянственнымъ житіемъ» въ своемъ городкѣ, безшабашный воевода, по свидѣтельству того же епископа, «оставя канцелярію и городъ никому не приказавъ, самовластно уѣхалъ въ Москву на маскарадъ». Въ семидесятыхъ годахъ мы встрѣчаемся съ любопытнымъ донесеніемъ одного прокурора изъ только-что присоединеннаго къ Россіи края—Бѣлоруссіи. Блюститель закона, по-истинѣ щедринскимъ языкомъ, доноситъ о дѣятельности мѣстнаго воеводы. Этотъ царскій слуга вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ совсѣмъ забылъ свои обязанности, канцелярію свою вовсе забросилъ «и производитъ нѣкоторыя дѣла на дому, но о нихъ въ канцеляріи неизвѣстно». Въ результатѣ, по словамъ прокурора, получилось слѣдующее: «не только между обывателями и между канцелярскими служителями, но и штатною командою, явилась распущенность, все пришло въ разстройство, между обывателями безпрестанно происходятъ ссоры и драки... помѣщица Парцевская изъ провинціальной канцеляріи повелѣній не принимаетъ»... Какъ же не согласиться съ словами императрицы (указъ 1762 года), что «многіе судящіе освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ нашимъ (императрицы) должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ... званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дома своего». Императрица права. Вся административная «храмина», выражаясь языкомъ Петра, въ XVIII столѣтіи представляла какое-то чудовищное торжище, на которомъ продавалось и покупалось *все*. На немъ продавался *законъ*. На немъ перелагались въ деньги, оплачивались ими такія дѣйствія, которыхъ, казалось бы, никакая фантазія, никакой изобрѣтательный умъ не можетъ перевести на мѣдь или серебро. Нашелся, однако, такой умъ. Его владѣльцемъ оказался регистраторъ Яковъ Ренберъ. Онъ бралъ деньги съ

крестьянъ и вообще мелкаго люда *за принесеніе вѣрноподданнической присяги только-что вступившей на престолъ императрицѣ*. Въ томъ же самомъ указѣ императрица говоритъ: «*наше сердце содрогнулось*, когда мы услышали отъ князя Михаила Дашкова, что новгородской губернской канцеляріи регистраторъ *Яковъ Ренберъ, приводя нынѣ къ присягѣ намъ въ вѣрности* бѣдныхъ людей, *бралъ и за то съ каждаго себѣ деньги, кто присягалъ*». Есть отъ чего содрогнуться сердцу.

Императрица боролась не менѣе, пожалуй, энергично, чѣмъ и Петръ Великій, съ указаннымъ зломъ, которому не можемъ найти другаго, болѣе подходящаго, названія, какъ *царство произвола*. И она, какъ ея предшественники и преемники, боролась съ нимъ двумя средствами — указами и угрозой наказывать страшно, безпощадно. Она, какъ и Петръ, не только угрожала, но и не останавливалась ни передъ какими наказаніями, и, однако, произволъ царилъ, а законъ, или, лучше, законы хранились въ канцеляріяхъ. Императрица не разъ сама въ этомъ сознается: «*многократно* въ народѣ печатными указами было повторяемо,—говоритъ она въ одномъ изъ своихъ указовъ по данному вопросу, — что взятки и мздоимство развращаютъ правосудіе и утѣсняютъ бѣдствующихъ... но къ чрезмѣрному нашему сожалѣнію открылось, что и послѣ того нашего увѣщанія нашлися еще такіе, которые мздопріимствовали въ утѣсненіи многимъ и въ поврежденіе нашего интереса». При этомъ императрица сѣтуетъ особенно на то, что «сами *начальствующіе*, одолженные собою представлять образъ храненія законовъ подчиненнымъ своимъ, тѣ самые *преступниками учинилися* и ихъ въ то же зло завели».

Вмѣстѣ съ этимъ положеніемъ вещей правительства XVIII столѣтія завѣщали XIX и самое стремленіе измѣнить его, водворить въ управленіи имперіей начало законности. Императоръ Александръ I принялъ на себя задачу, ему завѣщанную его предшественниками, и въ началѣ своего царствованія взялся за ея разрѣшеніе съ необычною энергіей, обратившись, притомъ, съ этою цѣлью къ *инымъ* методамъ, *инымъ* путямъ.

Итакъ, несмотря на всѣ стремленія правительствъ какъ московскаго государства, такъ и XVIII столѣтія, начало законности проявлялось только *въ идеѣ*, если можно такъ выразиться, въ жизни же оно не имѣло, относительно *управленія* государствомъ, почти никакого мѣста. Гдѣ же причины этого явленія?

Было бы смѣлостью, доходящею до дерзости, претендовать — указать на эти причины здѣсь, на нѣсколькихъ страницахъ журнальной статьи. Мы на это и не претендуемъ; но мы рѣшаемся сдѣлать на этихъ страницахъ нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній по данному вопросу.

Прежде всего необходимо сдѣлать оговорку. Говоря о началѣ законности, мы разумѣли и будемъ разумѣть это начало въ примѣненіи его къ устройству и управленію государства, т. е. къ организаціи верховной власти и ея органовъ и къ ихъ дѣятельности.

Въ упомянутомъ уже нами манифестѣ императора Александра отъ 1810 года объ учрежденіи государственнаго совѣта, говорится между прочимъ, что, учреж-

дая этотъ совѣтъ, императоръ стремится «къ *утвержденію* и распространенію *единообразія* и *порядка въ государственномъ управленіи*». Отсюда само собою вытекаетъ заключеніе, что этихъ «единообразія и порядка» до сихъ поръ не существовало. Къ этому заключенію необходимо приходишь и послѣ сколько-нибудь близкаго знакомства съ положеніемъ государственнаго устройства и управленія нашего отечества въ XVIII столѣтіи.

Въ этой сферѣ царила полная *неопредѣленность*, отсутствіе всякаго единообразія и порядка во всѣхъ ея отдѣльныхъ сторонахъ, начиная съ организаціи, если можно такъ выразиться, самой верховной власти и кончая послѣднимъ административнымъ органомъ. Начнемъ съ верховной власти. Мы уже видѣли въ первой части настоящей статьи, что самое *существо* верховной власти, ея характеръ, въ теченіе всего столѣтія *юридически*, путемъ закона, въ сущности вовсе не было опредѣлено. О функціяхъ этой власти *по закону*, на основаніи закона, нигдѣ нѣтъ рѣчи въ смыслѣ *положительнаго твердаго* закона. Даже такой предметъ, какъ переходъ этой власти изъ рукъ одного ея носителя въ руки другаго (или, иными словами, преемство престола) вовсе не былъ установленъ на твердыхъ началахъ, разъ навсегда опредѣленныхъ.

Время московскаго государства, путемъ обычая, болѣе или менѣе выработало опредѣленное начало по данному вопросу, хотя и не облекло его въ опредѣленную форму закона. Это начало — начало единонаслѣдія въ нисходящей линіи: престолъ переходилъ по смерти царя къ старшему изъ оставшихся въ живыхъ сыновей его. Начало это болѣе или менѣе прочно установилось къ концу XVI столѣтія. Но въ 1598 году, со смертію послѣдняго сына Грознаго, родъ Рюриковичей прекратился. Въ теченіи четырнадцати слишкомъ лѣтъ выработанное начало преемства стола не могло быть примѣнено. Представители верховной власти *избираются*. Родоначальникъ дома Романовыхъ вступилъ на престолъ *по всенародному*, на земскомъ соборѣ, избранію. Съ этого момента начало, сложившееся къ концу XVI столѣтія, снова беретъ свое: за Михаиломъ Ѳеодоровичемъ престолъ московскаго государства занимаетъ сынъ его, царь Алексѣй, а за этимъ — его сынъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, со дня смерти котораго, 27 апрѣля 1682 года, и до дня смерти брата его, Ивана Алексѣевича, 29 января 1696 года, на Руси имѣло мѣсто нѣчто небывалое ни до, ни послѣ этого: на престолъ *избирается* царевичъ Петръ Алексѣевичъ, но съ нимъ *соправительствуетъ* старшій братъ его, Иванъ, въ качествѣ царя же, а до 1689 г., хотя и не въ качествѣ царицы, вмѣстѣ съ ними государствомъ правитъ сестра ихъ, Софья Алексѣевна. Этого факта не подвести ни подъ какое начало. Недаромъ, по донесенію русскаго посла въ Венеціи, Волкова, дожъ и сенатъ этой республики удивлялись, «*какъ служатъ* ихъ царскому величеству *подданные ихъ* такимъ превысокимъ и славнымъ *тремъ персонамъ государскимъ*». Удивляться по-истинѣ было чему.

Петръ понималъ все неудобство, всю опасность во всѣхъ отношеніяхъ такой неопредѣленности относительно столь важнаго вопроса въ монархическомъ государствѣ, какъ вопросъ о преемствѣ престола, и потому озаботился имъ. Онъ рѣшилъ установить точный и опредѣленный законъ по данному предмету. Такой законъ, въ видѣ знаменитаго указа отъ 5 февраля 1722 г., и былъ

изданъ,—законъ въ высокой степени любопытный и важный, смѣемъ думать, въ дѣлѣ развитія начала законности въ государственномъ строѣ. Этимъ указомъ Петръ вводитъ относительно преемства престола начало завѣщанія царствующаго монарха,—другими словами, систему преемства престола царь хочетъ построить исключительно *на волѣ* царствующаго императора, *завѣщателя*. Она, эта *воля, возводится* по данному предмету *на степень закона*. Непосредственною причиной, заставившей царя-революціонера обратиться къ этому началу, были характеръ и поведеніе сына его, извѣстнаго своей печальною участью царевича Алексѣя. Царь не сомнѣвался, что сынъ его, сѣвъ на престолъ, своротитъ съ пути, съ такимъ страшнымъ трудомъ проложеннаго отцомъ его. Петръ могъ бы издать спеціальный, на этотъ случай, законъ, но онъ этого не сдѣлалъ, во-первыхъ, въ виду сознанія необходимости «твердыхъ» законовъ, законовъ постоянныхъ; во-вторыхъ, въ виду несостоятельности, по его мнѣнію, начала, выработаннаго московскимъ государствомъ, — несостоятельности, въ которой онъ убѣдился на такихъ примѣрахъ, какъ царствованіе Ѳедора Ивановича, послѣдняго изъ Рюриковичей, своего старшаго брата Ивана, и, наконецъ, на сынѣ своемъ Алексѣѣ, «авессаломскою злостью» и «нераскаяніемъ» зараженномъ. Въ указѣ 5 февраля царь прямо выражается: «За благо разсудили мы *сей* уставъ учинить, *дабы* сіе было *всегда въ волѣ правительствующаго государя: кому оной хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство*; и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнитъ, *дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость,* какъ выше писано, *имѣя сію узду на себѣ*». Любопытное явленіе—какъ не считалъ себя царь въ правѣ поступить въ данномъ случаѣ согласно только собственной волѣ. Хотя выраженіе этой послѣдней онъ и возводилъ на степень закона, тѣмъ не менѣе, онъ нашелъ необходимымъ оправдать, объяснить, мотивировать свой указъ. Дѣло въ томъ, что царю въ данномъ случаѣ приходилось идти въ разрѣзъ съ *обычнымъ взглядомъ* массы своихъ подданныхъ—этой «уздой», полагающею нѣкоторые предѣлы всякой волѣ. Уже въ самомъ указѣ царь пускается въ объясненія своего постановленія и дѣлаетъ ссылки на историческіе примѣры. Но этимъ царь не ограничился и поручилъ Ѳеофану Прокоповичу написать сочиненіе, въ которомъ бы «яснѣе нѣчто и пространнѣе» показывалося то, что изложено въ указѣ 5 февраля. Написана была и издана уже извѣстная намъ «Правда *воли* монаршей». Въ ней, въ оправданіе «воли» царя по данному вопросу, излагаются «резоны или доводы», во-первыхъ, «отъ разсужденія власти всѣхъ обще родителей», гдѣ доказывается, что «за нераскаянное злонравіе сыновнее могутъ родители отвергать отъ себе сыновъ своихъ»,—не только могутъ, но и «должни суть злонравныхъ дѣтей отчуждати». Во-вторыхъ, авторъ приводитъ «доводы отъ разсужденія власти родителей-государей», которые «содержатъ подъ собою» сыновей своихъ «сугубою властью»—родителей и монарховъ. Здѣсь доказывается уже право отца-монарха отказать въ наслѣдствѣ престола своему сыну, въ силу его *самодержавной и неограниченной*, отъ Бога и народа полученной, какъ мы видѣли, *власти*. «Правда воли монаршей» пошла дальше указа 5 февраля: въ ней предусмотрѣнъ и разрѣшенъ тотъ случай, если императоръ умретъ безъ завѣщанія, т. е. не оставитъ себѣ преемника. Въ этомъ случаѣ народъ, въ дан-

помъ вопросѣ, «долженъ есть его—государя своего—*волею* управлятися»: народъ долженъ «всякими правильными догадками испытывать, какова была или быти могла воля государева». Тутъ же рекомендуются и самыя средства «испытанія воли» монарха: характеръ умершаго и его отношенія къ дѣтямъ. Если осталось нѣсколько сыновей, которыхъ «равно любилъ» умершій императоръ, то народъ *выбираетъ* старшаго. Если остался одинъ сынъ, то, независимо отъ характера его, отъ отношенія къ нему умершаго отца его, «долженъ народъ имѣти его за наслѣднаго государя». То же самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ дочерямъ умершаго монарха, въ случаѣ отсутствія сыновей. «Когда же оскудѣетъ вся ближайшая фамилія, а послѣдній въ ней государь никого въ наслѣдники не опредѣлилъ и безъ завѣта преставился, тогда воля бывшымъ монархомъ отданная возвращается къ народу», который уже и избираетъ себѣ новаго государя.

Вотъ *законъ*, изданный Петромъ Великимъ по предмету преемства престола. Законъ этотъ остался мертвымъ, — онъ никогда не примѣнялся.

Самъ Петръ, какъ извѣстно, умеръ, не назначивъ себѣ преемника, хотя, несомнѣнно, онъ, еслибъ успѣлъ, поступилъ бы согласно указу 5 февраля. До насъ дошло письмо его въ сенатъ съ театра турецкой войны, въ которомъ онъ, на случай его смерти безъ назначенія себѣ наслѣдника, рекомендовалъ выбрать «достойнѣйшаго». Вступленіе на престолъ Екатерины I вполнѣ нарушало указъ 5 февраля: во первыхъ, у Петра оставались дочери и внукъ, изъ коихъ и слѣдовало, согласно «Правдѣ воли монаршей», избрать монарха; во-вторыхъ, если разъ пришлось избирать монарха, то, по той же «Правдѣ», избирать его долженъ былъ *народъ*. Екатерина возведена на престолъ «синодомъ, сенатомъ и генералитетомъ», какъ сказано въ манифестѣ о вступленіи на престолъ императрицы, въ дѣйствительности же—извѣстной придворною партіею съ Меньшиковымъ во главѣ.

Черезъ полтора года по вступленіи на престолъ такимъ порядкомъ Екатерина еще разъ обнародовала указъ Петра о престолонаслѣдіи, называя его притомъ «*вѣчнымъ* уставомъ». При этомъ императрица ссылается и на то, что уставъ этотъ «отъ всѣхъ подданныхъ генеральною присягою утвержденъ», каковою присягою «*всѣ* обязались, что ежели тому.... уставу явятся кто противны.... то за измѣнниковъ почтены и смертной казни и церковной клятвѣ подлежать будутъ».

Новое изданіе указа и «Правды воли монаршей» мотивируется тѣмъ, что «явились нѣкоторые воры и клятвопреступники, которые оное... установленіе дерзаютъ толковать противнымъ образомъ, какъ явилось въ одномъ подкинутомъ письмѣ». Такого факта новаго изданія, кажется, было достаточно для того, чтобъ убѣдить подданныхъ, что императрица, нарушивъ указъ 5 февраля при вступленіи на престолъ, впредь утверждаетъ его въ полной неприкосновенности и назначитъ себѣ преемника согласно установленному имъ началу. Дѣйствительно, Екатерина умерла, оставивъ *завѣщаніе*, которымъ назначала себѣ преемника. Но содержаніе завѣщанія прямо нарушаетъ смыслъ петровскаго «устава». Императрица не только назначаетъ себѣ преемника, но и старается установить *систему* престолонаслѣдія: въ случаѣ смерти Петра II бездѣтнымъ, завѣщаніе

призываетъ на престолъ дочерей Петра Великаго — Анну, а потомъ Елизавету, а за ними—внуку его, Наталью Алексѣевну. Другими словами, съ момента опубликованія завѣщанія, превращенія его въ законъ, «вѣчный уставъ» Петра Великаго отмѣняется: ни Петръ II и никто изъ его преемниковъ уже не имѣютъ права выбирать себѣ преемниковъ, — въ силу вступаетъ старое начало преемства престола въ нисходящей линіи. Итакъ, на разстояніи пяти лѣтъ (завѣщаніе вскрыто въ маѣ 1727 года)—два, одно другому противорѣчащихъ, закона и фактъ вступленія на престолъ, несогласный ни съ однимъ изъ этихъ законовъ.

Петръ II умеръ бездѣтнымъ и, согласно распоряженію Екатерины, на престолъ должна вступить дочь Петра Великаго, Анна Голштинская. Въ дѣйствительности, мы знаемъ, на него вступаетъ Анна Курляндская, *племянница* Петра Великаго, притомъ *младшая*, въ обходъ старшей — Екатерины Мекленбургской. Анна вступаетъ, какъ мы видѣли, на престолъ *по выбору* нѣсколькихъ человѣкъ изъ придворной знати. Итакъ, законъ Екатерины I остался безъ примѣненія. Анна Ивановна возвращается, повидимому, къ началу указа 5 февраля: назначаетъ себѣ преемникомъ двоюроднаго внука своего, младенца Ивана Антоновича. Но этимъ, какъ и ея предшественница — Екатерина, Анна Ивановна не ограничивается: она опредѣляетъ порядокъ престолонаслѣдія и послѣ смерти избраннаго ею императора, лишая его самого такимъ образомъ права выбора и завѣщанія. Иванъ Антоновичъ и вступилъ на престолъ. Извѣстна судьба этого младенца-императора. Все время его царствованія, съ точки зрѣнія завѣщанія императрицы Анны совершенно законнаго, признается несуществовавшимъ. Этотъ годъ *со днями* — такъ недолго царствовалъ императоръ, — оффиціально, въ «Полномъ Собраніи Законовъ», напр., до сихъ поръ называется временемъ правленія герцога Курляндскаго и принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской.

Елизавета Петровна вступила на престолъ, въ нарушеніе завѣщанія императрицы Анны Ивановны, лишь соглашаясь, по ея собственному заявленію въ манифестѣ по поводу восшествія ея на престолъ, на единогласную просьбу «всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина, *а особливо лейбъ-гвардіи полковъ*». Въ томъ же манифестѣ, впрочемъ, императрица ссылается, какъ на *законное* право свое на престолъ, на *близость по крови*, «къ самодержавнымъ вседражайшимъ родителямъ». Дочь Петра, воспользовавшись «уставомъ» своего отца, въ 1742 году объявляетъ своимъ преемникомъ племянника своего, внука Петра Великаго, герцога голштинскаго, Петра, но назначаетъ его въ силу его кровныхъ отношеній къ ней и Петру Великому, «яко *по крови ближайшаго* къ императрицѣ».

Въ концѣ концовъ, въ первой половинѣ XVIII ст., несмотря на отсутствіе «вѣчнаго устава» о преемствѣ престола, «близость по крови» всякій разъ, исключая вступленія на престолъ Екатерины I, играла такъ или иначе роль въ вопросѣ о преемствѣ престола, видимо *стремясь* обратиться въ законное начало. Но вступленіе на престолъ Екатерины II, состоявшееся благодаря насильственному перевороту, въ которомъ опять такую сильную роль играла гвардія, еще разъ нарушаетъ начало «близости по крови», которое возводится оконча-

тельно въ принципъ лишь въ концѣ XVIII ст. Правда, въ присягѣ на вѣрноподданство императрицѣ Екатеринѣ клятва въ вѣрности приносилась вмѣстѣ и ея сыну, великому князю Павлу Петровичу, *законному* всероссійскаго престола наслѣднику, но впослѣдствіи Екатерина, въ силу личнаго нерасположенія къ своему единственному сыну, снова обратилась было къ началу петровскаго указа отъ 5 февраля 1722 года и составила *завѣщаніе* въ пользу своего внука, Александра. Завѣщаніе это не было, однако, обнародовано.

Подъ вліяніемъ этой полной неопредѣленности, отсутствія начала *законности* по такому существенному вопросу въ организаціи верховной власти, Павелъ Петровичъ, еще будучи наслѣдникомъ престола, опредѣлилъ порядокъ престолонаслѣдія въ своемъ нисходящемъ поколѣніи. Порядокъ этотъ установлялся въ *завѣщаніи* будущаго императора. По вступленіи сына Екатерины на престолъ его завѣщаніе получило уже характеръ закона, притомъ *основнаго* государственнаго закона. Это совершилось 5 апрѣля 1797 года. Въ завѣщаніи прямо говорилось, что оно составляется съ тою цѣлью, «*дабы наслѣдникъ* былъ всегда назначенъ *закономъ самимъ*». Каждый изъ будущихъ монарховъ приглашался, «при вступленіи на престолъ и помазаніи», обязаться свято соблюдать *сей законъ* о наслѣдствѣ.

Несомнѣнно, стало-быть, что въ теченіе всего XVIII ст. ни одинъ носитель верховной власти не назначался на престолъ «*закономъ* самимъ», — онъ вступалъ на него или *по волѣ* прежде царствовавшаго императора, или въ силу *переворота*.

Самый характеръ законодательной дѣятельности верховной власти въ теченіе XVIII ст. никоимъ образомъ не могъ содѣйствовать развитію начала законности какъ въ народѣ, такъ и въ административномъ персоналѣ. Указы, уставы, регламенты, какъ изъ рога изобилія, сыпались одинъ за другимъ, одинъ другой измѣняя, замѣняя или отмѣняя. Особенно въ первую четверть столѣтія, въ царствованіе Петра Великаго, учрежденія и должности появлялись на свѣтъ Божій чуть не каждый день. Иныя изъ нихъ жили, какъ говорится, безъ году недѣлю. Ихъ функціи переплетались, спутывались: одно въѣзжало въ область другаго. Правительство, что называется, не могло разобраться въ нихъ. Нѣтъ никакой возможности на основаніи всей этой массы узаконеній опредѣлить, напр., область вѣдѣнія того или другаго должностнаго лица, того или другаго учрежденія, и отношенія этихъ лицъ и учрежденій другъ къ другу — низшихъ къ высшимъ, равныхъ къ равнымъ. Почти каждый изъ органовъ администраціи вѣдаетъ и судъ, и управленіе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Прибавимъ къ этому, что самая форма обнародованія закона носитъ еще слишкомъ первобытный характеръ: кодексы или сборники законовъ отсутствуютъ; существуетъ старое Уложеніе царя Алексѣя XVII вѣка и съ нимъ вмѣстѣ необъятная масса отдѣльныхъ постановленій и регламентовъ, которые иногда, совершенно случайно, безъ всякаго плана, въ хронологическомъ порядкѣ, съ огромными пробѣлами и пропусками собираются въ одну книгу и издаются за нѣсколько лѣтъ. Все это вмѣстѣ даетъ необычайно-широкое поприще къ подбору «законовъ» — масть къ масти, выражаясь языкомъ Петра. Смѣлость, беззастѣнчивость дѣйствій на

этомъ пестромъ полѣ обусловливается въ значительной степени еще и тѣмъ, что *надзора* за игроками почти не существовало, какъ мы видѣли, въ дѣйствительности, хотя къ установленію его, повидимому, и принимались мѣры. Нѣтъ *надзора*, нѣтъ и *отвѣтственности*. Ея и не было, несмотря на то, что мы привели выше цѣлый рядъ казней и всякаго рода наказаній администраторовъ за злоупотребленія. Объяснимся. Мы видѣли, что начало надзора за правительственными органами установляется еще при Петрѣ въ видѣ фискальства, впослѣдствіи замѣненнаго прокурорскимъ надзоромъ; но функціи какъ фискаловъ, такъ потомъ прокуроровъ точно не были опредѣлены: ихъ дѣятельность мало чѣмъ стѣснялась или, лучше сказать, опредѣлялась, — все зависѣло, въ сущности, отъ личныхъ качествъ того или другаго органа этого надзора. Стоитъ познакомиться съ инструкціями верховной власти, даваемыми этимъ правительственнымъ агентамъ, чтобъ убѣдиться, что это такъ. Эти органы надзора—не представители закона: нѣтъ, это—органы *личной воли монарха*. Прокуроръ— «око царево», а не закона.

Назначивъ въ 1764 году новаго генералъ-прокурора, кн. Вяземскаго, взамѣнъ Глѣбова, Екатерина написала ему, *въ видѣ инструкціи*, собственноручное письмо (секретно). Въ письмѣ этомъ императрица, въ руководство генералъ-прокурору, высказываетъ слѣдующія, напр. начала: «вреднѣе для общества ничего быть не можетъ, какъ генералъ-прокуроръ — такой, *который къ своему государю совершеннаго чистосердечія и откровенности не имѣетъ*; такъ какъ *и для него хуже всего не имѣть отъ государя совершенной довѣренности,* понеже онъ, по должности своей, обязывается сопротивляться наисильнѣйшимъ людямъ, и слѣдовательно *власть государская одна его опора*». Императрица говоритъ, что если новый генералъ-прокуроръ проявитъ въ своихъ дѣйствіяхъ «вѣрность, прилежаніе и откровенное чистосердечіе», то онъ можетъ, въ такомъ случаѣ, разсчитывать на «повѣренность безпредѣльную» со стороны ея, императрицы. «Въ чемъ же вы будете сумнительными,—продолжаетъ императрица, — *спроситесь со мной и совершенно надѣйтеся на Бога и на меня,* а я, видя такое ваше *угодное мнѣ* поведеніе, васъ *не выдамъ*».

Вотъ начала, которыми долженъ былъ руководиться въ своей государственной дѣятельности глава прокурорскаго надзора во второй половинѣ XVIII столѣтія. Нужны ли комментаріи? Воля Екатерины II должна была для генералъ-прокурора, кн. А. Вяземскаго, замѣнять законъ.

Она, эта воля императрицы, только она, и притомъ различно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, опредѣляетъ и степень *отвѣтственности* того или инаго должностнаго лица, въ случаѣ изобличенія его въ нарушеніи закона. Закона, опредѣляющаго отвѣтственность, въ такихъ случаяхъ, мѣру наказанія, въ XVIII ст. не существуетъ, но есть масса указовъ, изданныхъ ad hoc, на каждый отдѣльный случай,—указовъ, въ которыхъ воля верховной власти опредѣляетъ то или иное наказаніе своему преступному органу за то или иное преступленіе. Можно привести не мало случаевъ, когда за одно и то же преступленіе по должности одно лицо приговаривается къ смертной казни, другое—къ лишенію орденовъ, чиновъ и т. п., а третье—къ заключенію въ монастырь.

———

Упомянутое письмо Екатерины къ кн. А. Вяземскому можетъ дать и, дѣйствительно, даетъ, по нашему мнѣнію, матеріалъ для болѣе широкаго обобщенія, чѣмъ по вопросу только объ отношеніи верховной власти къ такимъ ея органамъ, какъ органы *надзора*. Сопоставляя содержаніе этого письма съ массою показаній, даваемыхъ намъ какъ разнаго рода правительственными распоряженіями того времени, такъ и самою жизнью, нельзя не придти къ заключенію, что «*личное* начало», какъ выражается профессоръ Градовскій, «проникавшее всѣ общественныя отношенія» въ первый періодъ нашей исторіи, періодъ княжеско-вѣчевой, далеко не сошло со сцены и играло очень и очень значительную роль еще и въ прошломъ столѣтіи.

Какъ тогда это начало выражалось относительно *управленія* государствомъ въ томъ, что оно, это управленіе, въ тѣхъ княжествахъ, волостяхъ, гдѣ вѣче уже лишилось своихъ верховныхъ правъ, составляло *личное* дѣло князя и его органовъ, а благодаря этому и прямо *частное его* дѣло,—такъ теперь, нѣсколько столѣтій спустя, монархъ XVIII столѣтія смотритъ на управленіе своимъ обширнымъ государствомъ еще въ значительной степени такъ же, какъ князь на управленіе своего, сравнительно микроскопическаго, княжества. Какъ тогда всѣ должностныя лица князя были въ сущности его *личными* слугами, такъ теперь всѣ правительственные органы, несмотря на ихъ сложныя функціи и хитрыя иноземныя названія, въ сильной степени еще носятъ такой характеръ личныхъ слугъ своего государя. Развѣ такого именно заключенія нельзя вывести изъ тѣхъ мѣстъ письма Екатерины къ Вяземскому, которыя мы привели? Развѣ нельзя его вывести изъ того мѣста этого письма, котораго мы не привели еще и въ которомъ Екатерина высказываетъ мысль, что самодержавная и неограниченная форма правленія потому исключительно возможна и полезна Россійской имперіи, что «все прочее... многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣетъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели *одного государя*, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и *почитая общее добро своимъ собственнымъ*» [1]. Императрица отличаетъ, видимо, свое добро отъ общаго, но она почитаетъ и послѣднее своимъ въ томъ смыслѣ, что вѣдаетъ его, правитъ имъ такъ же ревностно, какъ и своимъ.

Императрица—*мать* своему народу. Она обращается къ нему въ манифестахъ и указахъ съ своимъ «императорскимъ и *матернимъ* словомъ». Интересы *государственные* сплошь и къ ряду смѣшиваются съ *государевыми* въ оффиціальныхъ правительственныхъ актахъ, въ законахъ.

Всѣ правительственные органы несутъ свою службу, ожидая какъ милостей и наградъ, такъ и каръ отъ лица носителя верховной власти. Его рука милуетъ и караетъ независимо отъ закона. Мы видѣли, что, напр., кары за злоупотребленія—въ волѣ носителя верховной власти почти исключительно. Въ одномъ изъ указовъ начала своего царствованія Екатерина II объявляетъ, что «никто, обвиненный въ лихоимствѣ, яко прогнѣвающій Бога, не избѣжитъ *и нашего гнѣва*, такъ какъ мы милость и судъ Богу и народу обѣщали».

Отсюда «узды», сдерживавшею незаконные порывы администраторовъ XVIII

---

[1]) Все письмо цитировано по *Соловьеву*: „Ист. Россіи", т. XXVI, 18 и сл.

столѣтія, и притомъ *единственной* уздой, былъ страхъ передъ лицомъ монарха, его монаршею волей, какъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ — страхъ передъ «опалой» или «гнѣвомъ» его великаго государя, царя и великаго князя московскаго. Та же Екатерина, въ одномъ изъ указовъ, не разъ нами въ этой статьѣ цитированномъ, прямо говоритъ, что въ ея государствѣ «торжище» на мѣстѣ правосудія «вкоренилося *отъ единаго безстрашія*» передъ ея и Бога гнѣвомъ.

Взгляните на дѣятельность Петра Великаго: его гнѣвъ, благодаря его неусыпной зоркости и страшной энергіи, грозилъ всѣмъ и каждому и постигалъ очень и очень многихъ.

Но начало страха—начало очень ненадежное. Покойный Милль въ своихъ «Размышленіяхъ о представительномъ правленіи» говорилъ о рабѣ, котораго отношенія къ господину обусловливаются только страхомъ: «когда человѣкъ, внушающій ему страхъ, стоитъ надъ нимъ и грозитъ, онъ повинуется; но едва тотъ отвернулся, работа останавливается». Эта мысль, думаемъ, вѣрна и относительно той сферы, о которой мы говоримъ въ данномъ случаѣ. Въ такомъ сложномъ, громадномъ дѣлѣ, какъ управленіе государствомъ, есть полная возможность не только «остановить работу», но и направить ее въ обратную сторону, дать ей, вмѣсто созидательнаго и охранительнаго направленія, разрушительное, даже въ томъ случаѣ, когда во главѣ государства стоитъ такой зоркій и энергическій человѣкъ, какъ Петръ Великій. Развѣ все нами сообщенное о состояніи управленія при Петрѣ не служитъ этому достаточнымъ доказательствомъ? Если только вѣрна мысль, что учрежденія страны, не создавая нравовъ, однако способствуютъ въ значительной степени воспитанію, развитію ихъ въ извѣстномъ направленіи, которое будетъ обусловливаться характеромъ учрежденій,—то не трудно сдѣлать выводъ о степени и характерѣ вліянія государственныхъ учрежденій XVIII столѣтія на нравы того времени, а вмѣстѣ и на развитіе идеи о законности и на примѣненіе начала ея къ жизни.

Несомнѣнно, благодаря такому *личному* взгляду верховной власти на государственное управленіе, самое *законодательство* въ теченіе XVIII столѣтія составляетъ *личное* дѣло, личную функцію субъекта этой власти. Мы уже не разъ замѣчали, что *воля* императора или императрицы была закономъ. Здѣсь мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ должна была проявляться и проявлялась эта воля въ теченіе прошлаго столѣтія, чтобы стать закономъ,— другими словами, скажемъ нѣсколько словъ о формѣ закона, его появленіи, что, разумѣется, имѣетъ огромное вліяніе на развитіе начала законности.

И здѣсь мы опять наталкиваемся на ту же неопредѣленность, съ которою встрѣчаемся и по другимъ важнѣйшимъ вопросамъ государственнаго устройства. Противорѣчія ни малѣйшаго не существуетъ лишь относительно общаго положенія, что воля носителя верховной власти есть законъ. Что же касается формы ея выраженія, то Петръ Великій опредѣлилъ, что воля императора считается закономъ лишь въ томъ случаѣ, когда она выражена *письменно* и когда письменный актъ «заручень», т. е. подписанъ императоромъ; но послѣ его смерти,

до второй половины XVIII столѣтія, это постановленіе царя вовсе не было *твердымъ* закономъ до самаго 1762 года. Во весь этотъ періодъ времени *закономъ считалось* даже и простое словесное, *устное распоряженіе* императора или императрицы. Указомъ 1762 года у словесныхъ распоряженій не отнимается значеніе закона вообще, но лишь постановляется, что устное распоряженіе можетъ имѣть силу закона только тогда, когда оно объявлено будетъ чрезъ сенаторовъ, генералъ-прокурора и первыхъ трехъ коллегіи-президентовъ. Такіе «словесные высочайшіе указы» исполняются «*по всякимъ* матеріямъ, кромѣ лишенія живота, чести и имѣнія и раздачи денежныхъ знатныхъ суммъ, свыше 10.000 рублей, а также награжденія деревнями и чинами свыше полковника». Но такіе словесные указы не могутъ отмѣнять «собственною ея императорскаго величества рукою подписанныхъ... указовъ».

Сперанскій въ своемъ знаменитомъ проэктѣ плана государственнаго преобразованія въ большую заслугу ставитъ Петру Великому, что «онъ *открылъ входъ наукамъ* и торговлѣ». Этимъ путемъ, по мнѣнію одного изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ государственныхъ людей первыхъ годовъ настоящаго столѣтія, царь-реформаторъ «отверзъ двери политической свободѣ», хотя «во внѣшнихъ формахъ правленія ничего рѣшительнаго не установилъ въ пользу ея» [1]). Сперанскій говорилъ въ данномъ случаѣ неоспоримую истину. Онъ только высказывалъ ее, быть-можетъ, нѣсколько оптимистически. Двери были «отверзты» едва-едва замѣтно, и въ теченіе всего столѣтія онѣ отверзались постоянно, хотя опять-таки слишкомъ скромно. И отверзались, неоспоримо, подъ вліяніемъ именно той силы, на которую указалъ Сперанскій, плюсъ—непосредственное знакомство русскихъ людей извѣстнаго слоя съ западно-европейскимъ политическимъ строемъ. Разсказывали въ свое время анекдотъ о Сперанскомъ, что будто, во время пребыванія императора Александра I въ Эрфуртѣ, на вопросъ государя, «какъ нравится тебѣ за границей», онъ отвѣчалъ: «у насъ люди лучше, но *здѣсь лучше установленія*» [2]). Такихъ людей, бывшихъ за границей и умѣвшихъ оцѣнить преимущества тамошняго строя и по собственнымъ наблюденіямъ, и по знакомству съ нимъ путемъ литературнымъ, не мало было и въ прошломъ столѣтіи. Они встрѣчались даже и въ XVII вѣкѣ, особенно въ концѣ его. Вотъ эти-то люди и вносили въ наше общество прошлаго столѣтія тѣ идеи и знанія, которыя и скромно, и, быть-можетъ, съ нашей точки зрѣнія, слишкомъ медленно пріотворяли двери «политической свободѣ», выражаясь языкомъ Сперанскаго. Подъ вліяніемъ тѣхъ же, несомнѣнно, причинъ пріотворялись двери для этой дорогой гостьи и такими монархами, какъ императрица Екатерина II. Созывая пресловутую коммиссію [3]) въ началѣ своего царствованія, императрица отворила дверь даже неожиданно широко. Широко мечтало и проэктировало отворить ее, тридцать семь лѣтъ передъ этимъ, какъ мы видѣли, и московское шляхетство. Но въ обоихъ случаяхъ дверь была быстро и крѣпко захлопнута подъ напоромъ тѣхъ жизненныхъ условій, которыя вырабатывались вѣками и съ которыми такъ быстро и

[1]) См. статью профессора *В. И. Сергѣевича*: „Государство и право въ исторіи“, *Сборн. Гос. З.*, т. VII, стр. 91, прим. 1.

[2]) *Бар. Корфъ*: „Жизнь гр. Сперанскаго“, т. I., стр. 109.

[3]) См. о ней статьи—*В. И. Сергѣевича* въ *Вѣстн. Евр.* 1878 г., № 1, и нашу.

рѣшительно разсчитаться, какъ предполагалось, очевидно, было немыслимо. Но двери пріотворились не даромъ: рядъ идей, бывшихъ достояніемъ единицъ, сдѣлались достояніемъ десятковъ; а въ ряду идей, занесенныхъ этимъ путемъ, *идея законности* была главною. Тѣмъ же путемъ, надъ расчищеніемъ котораго не мало поработалъ Петръ Великій, внесена была, еще въ концѣ XVII ст., идея о *человѣческой личности*, ея свободѣ. Эта идея, «какъ необходимый элементъ всякой благоустроенной государственной жизни», выражаясь языкомъ профессора Сергѣевича, «не вымерла и въ петербургскомъ періодѣ (XVIII в.) нашей исторіи». Она не вымерла въ немъ, несмотря на то, что представители шляхетства, во второй половинѣ этого XVIII вѣка, просили даровать «дворянамъ *безпредѣльную власть надъ крестьянами*»; она не вымерла, несмотря даже на то, что дворянство и получило эту «вольность», выражаясь языкомъ того времени. Она не только не вымерла, она жила, и дѣятельно жила, подтачивая сгнивающія основы общественно-государственнаго строя. Правда, она жила и развивалась страшно медленно, но не безрезультатно. Двадцать лѣтъ тому назадъ она величественно всплыла на поверхность нашего общественнаго строя въ формѣ *Положенія 19 февраля*. Она, эта идея, проявляется и во многихъ реформахъ второй половины нашего столѣтія. Ею же «отверзутся двери» и дальнѣйшимъ реформамъ, которыя въ концѣ концовъ «создадутъ твердое и на законахъ основанное положеніе», къ достиженію котораго стремился Сперанскій въ своемъ планѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

